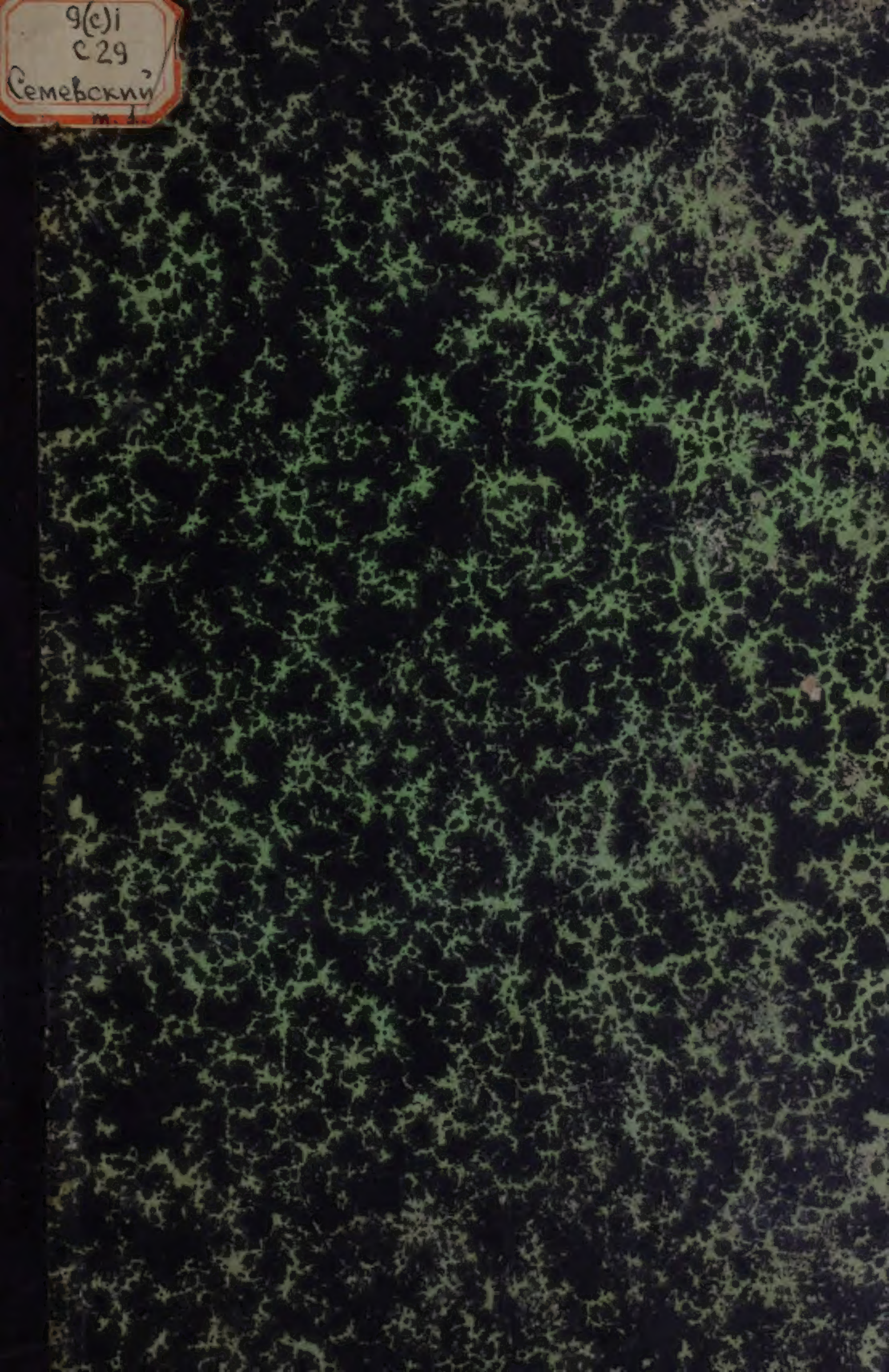

9(c)i
С 29
Семевский
т. 1.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

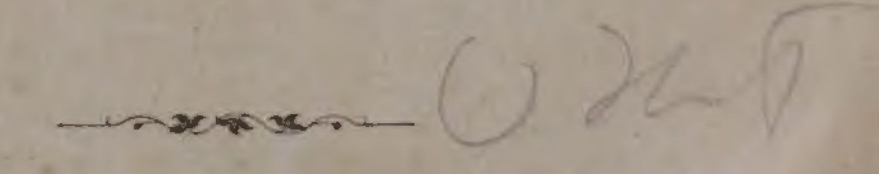
ВЪ РОССІИ

ВЪ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX ВѢКА.

В. И. Семевскаго.

Томъ I.

Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., д. № 39.
1888.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

*) Въ нумераціи главъ—VIII глава по ошибкѣ пропущена.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящій трудъ посвященъ общему обзору исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка и представляетъ собою сжатую характеристику отношенія законодательства, литературы, общества и народа къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права. По терминологіи Свода Законовъ „къ крѣпостному состоянію принадлежатъ: 1) крестьяне помѣщичьи; 2) дворовые люди“ *). Въ пору наивысшаго развитія этого „крѣпостнаго состоянія“ во второй половинѣ XVIII-го вѣка, въ царствованіе императрицы Екатерины II, оно характеризуется слѣдующими чертами: крѣпостные люди обязаны были безпрекословнымъ повиновеніемъ своему владѣльцу во всемъ, что не противно общимъ государственнымъ законамъ; они не имѣли права самовольно переходить отъ одного владѣльца къ другому или поступать въ другое состояніе, а также и переселяться на другія земли безъ воли помѣщика; они не могли вступать въ бракъ съ кѣмъ-бы то ни было безъ дозволенія владѣльца (но послѣдній по закону не могъ принуждать ихъ къ браку). Владѣлецъ могъ налагать на крѣпостныхъ людей всякія работы, взимать оброкъ и требовать исправленія личныхъ повинностей съ тѣмъ только, чтобы они не претерпѣвали чрезъ это разоренія; помѣщикъ могъ переводить крестьянъ своихъ во дворъ или дворовыхъ людей на пашню. Помѣщикъ имѣлъ право переселять своихъ крестьянъ, а также продавать ихъ съ землею и безъ

*) Сводъ Законовъ т. IX, изд. 1833 г., ст. 513; изд. 1842 г., ст. 914; изд. 1857 г., ст. 995.

земли, цѣлыми деревнями и по одиночкѣ. Взаимные споры и иски крѣпостныхъ людей между собою разбирались и судились владѣльцемъ окончательно. Для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи помѣщикъ могъ наказывать ихъ по своему усмотрѣнію, но безъ увѣчья и безъ опасности для ихъ жизни; однако, въ уголовныхъ преступленіяхъ крѣпостные были подсудны общимъ государственнымъ учрежденіямъ. Помѣщику предоставлялось право отдавать крѣпостныхъ по своему усмотрѣнію въ рекруты, ссылать на поселеніе въ Сибирь и отдавать въ каторжную работу, а со времени изданія учрежденія о губерніяхъ и въ смирительные дома. Подавать жалобу на помѣщика крѣпостнымъ воспрещалось, но въ случаѣ разоренія крестьянъ или непомѣрно жестокаго обращенія съ крѣпостными имѣніе могло быть взято въ опеку. Крѣпостные не имѣли права пріобрѣтать въ собственность недвижимаго имущества; ихъ движимое имущество не было обезпечено отъ посягательствъ помѣщика. Крѣпостное состояніе сообщалось и дѣтямъ. Крѣпостные должны были платить подушную подать, отбывать рекрутскую и иныя повинности. Что касается обязанностей владѣльцевъ, то они должны были заботиться о продовольствіи своихъ крѣпостныхъ и отвѣчать за исправное отбываніе ими государственныхъ податей и повинностей *).

По терминологіи Свода Законовъ „люди, приписанные по прежнимъ узаконеніямъ къ поссессіоннымъ фабрикамъ и заводамъ“, отнесены къ „особенному разряду ограниченнаго крѣпостнаго состоянія“ **). Въ другомъ изслѣдованіи мы показали, что поссессіонные крестьяне и мастеровые во второй половинѣ XVIII вѣка рѣзко отличались отъ крѣпостныхъ въ полномъ смыслѣ этого слова. 1) поссессіонныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить ихъ съ одной фабрики на другую; 2) опредѣленъ былъ maximum того, сколько можно покупать крестьянъ къ различнымъ фабрикамъ и заводамъ; 3) установлено

*) О крѣпостныхъ крестьянахъ въ Россіи въ эту эпоху см. мою книгу: «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. I (Спб. 1881 г.).

**) Сводъ Законовъ т. IX, изд. 1832 г., ст. 544; изд. 1842 г., ст. 915 и изд. 1857 г., ст. 996.

было, какую часть изъ поссессіонныхъ крестьянъ можно употреблять на работу; 4) поссессіонные крестьяне могли жаловаться на притѣсненія со стороны фабрикантовъ, и 5) дѣвушки и вдовы могли выходить замужъ за постороннихъ безъ разрѣшенія владѣльца *). Вслѣдствіе этого вопросъ о поссессіонномъ правѣ можетъ быть выдѣленъ изъ исторіи вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права; къ тому же количество поссессіонныхъ крестьянъ было сравнительно незначительно, и вопросъ объ измѣненіи ихъ быта почти вовсе не разсматривался ни въ печати, ни въ запискахъ по крестьянскому дѣлу въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.

Итакъ, мы посвящаемъ настоящій трудъ исключительно исторіи вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи „крѣпостнаго состоянія" въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. будемъ говорить лишь объ измѣненіи быта помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ. Притомъ мы ограничимся собственно Россіею и исключаемъ изъ рамокъ нашего очерка Остзейскій край (для исторіи крестьянскаго вопроса въ этой мѣстности мы не располагаемъ новыми матеріалами) и будемъ касаться его лишь по стольку, по скольку найдемъ это необходимымъ для исторіи крестьянскаго вопроса въ собственной Россіи. Напротивъ, мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Первое предположеніе объ освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ относится къ концу XVII вѣка; хотя оно и было высказано такимъ вліятельнымъ человѣкомъ, какъ князь В. В. Голицынъ, но не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій. Въ царствованіе Петра Великаго крѣпостное право усилилось въ томъ отношеніи, что кабальные холопы, дѣлавшіеся прежде свободными со смертію господина, теперь утратили это право. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій принялъ нѣсколько мѣръ для ограниченія помѣщичьей власти: онъ дозволилъ дворовымъ людямъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина; крестьянамъ, производившимъ торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ и противъ желанія помѣщика; имѣнія помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ крестьянъ велѣно было отдавать въ управленіе родственникамъ вла-

*) См. мою книгу. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. I.

дѣльцевъ; наконецъ, государь обратилъ вниманіе сената на необходимость мѣръ для ограниченія торговли людьми безъ земли. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что тогдашнее законодательство далеко отстало отъ того, что считалъ необходимымъ для блага крѣпостныхъ одинъ изъ выдающихся современниковъ великаго государя, крестьянинъ Посошковъ: онъ желалъ, чтобы былъ точно опредѣленъ размѣръ поборовъ и повинностей въ пользу помѣщика и чтобы совершенно и навсегда крестьянская земля была отдѣлена отъ помѣщичьей. Въ правленіе преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II крѣпостное право и распространяется, и усиливается, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ. Численность крѣпостныхъ увеличивается посредствомъ приписки по ревизіямъ и посредствомъ пожалованія населенныхъ имѣній. Что касается усиленія его по закону, то въ этомъ отношеніи всего важнѣе дозволеніе помѣщикамъ въ царствованіе императрицы Елизаветы отправлять своихъ крѣпостныхъ на поселеніе въ Сибирь. Дворянство, до царствованія Петра III, заботилось всего болѣе о томъ, чтобы добиться прекращенія обязательности для себя службы, собственнаго освобожденія отъ закрѣпощенія за государствомъ, и потому понятно, что, напримѣръ, въ заявленіяхъ шляхетства при восшествіи на престолъ Анны Ивановны мы не находимъ вовсе предложеній объ ограниченіи помѣщичьей власти.

Только достигнувъ при Петрѣ III свободы отъ обязательной службы, представители дворянства начинаютъ высказываться въ пользу облегченія участи крѣпостныхъ. Такъ въ 1763 г. Н. И. Панинъ предлагалъ запретить торговлю рекрутами, дозволить продажу людей только цѣлыми семьями и, наконецъ, составить примѣрное положеніе о крестьянскихъ повинностяхъ. Нашъ посланникъ въ Парижѣ, князь Дм. Ал. Голицынъ, предлагалъ даровать крѣпостнымъ право собственности на движимое имущество и дозволить имъ жаловаться на помѣщиковъ, для чего онъ совѣтовалъ учредить странствующихъ судей или трибуналы въ городахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружался противъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны государства для освобожденія крѣпостныхъ, желая предоставить это дѣло частной инціативѣ дворянъ, и совѣтовалъ только императрицѣ въ дворцовыхъ вотчинахъ подать примѣръ личнаго освобожденія

крестьянъ. И. П. Елагинъ, указывая на необходимость дать крѣпостнымъ крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣръ ихъ денежныхъ взносовъ и работъ, также предлагалъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рекомендовалъ такія противныя нашему народному духу мѣры, какъ насильственное разрушеніе общиннаго землевладѣнія и искусственное устройство дворовъ одинаковой величины, по 4 работника въ каждомъ. Григорій Орловъ готовъ былъ приступить даже на дѣлѣ при помощи пастора Эйзена къ раздачѣ крестьянамъ въ своемъ имѣніи Ропшѣ земель въ наслѣдственную аренду съ опредѣленіемъ размѣра оброка, но его предположенія не осуществились. Взгляды императрицы Екатерины II на крестьянскій вопросъ извѣстны намъ изъ Наказа: въ печатной редакціи этого труда она указывала на необходимость опредѣлить повинности крестьянъ особымъ закономъ, оградить ихъ права на имущество и предоставить имъ свободу вступать въ бракъ по своему желанію; въ неизданныхъ мѣстахъ Наказа императрица предлагала учрежденіе сельскаго суда изъ крестьянъ освобожденіе семейства изнасилованной женщины и опредѣленіе размѣра выкупа на свободу. Дѣло, очевидно, шло не о прекращеніи крѣпостнаго права, а объ его ограниченіи, и эта программа была неизмѣримо удачнѣе позднѣйшей мысли императрицы о личномъ освобожденіи всѣхъ дѣтей, рожденныхъ послѣ извѣстнаго года. Наряду съ этими стремленіями къ ограниченію крѣпостнаго права высказывались и крѣпостническія тенденціи: такъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ настаивалъ, чтобы дворянамъ дана была безпредѣльная власть надъ ихъ крестьянами; Сумароковъ, въ замѣчаніяхъ на Наказъ Екатерины, также высказывался не только противъ освобожденія крѣпостныхъ, но и противъ ограниченія крѣпостнаго права.

Не довольствуясь совѣтами по крестьянскому вопросу ближайшихъ къ ней лицъ, Екатерина, при посредствѣ вольнаго экономическаго общества, предложила вопросъ о правѣ собственности крестьянъ на землю рѣшенію не только всѣхъ русскихъ людей, но и всей западной Европы. Изъ 162 присланныхъ отвѣтовъ на русскомъ языкѣ было написано только 7. Всѣ одобренныя сочиненія были болѣе или менѣе либеральнаго направленія, но большинство

общества высказалось противъ напечатанія труда Беарде-де-Лабея, получившаго первую награду, и это сочиненіе увидѣло свѣтъ только благодаря вліянію членовъ общества, приближенныхъ къ императрицѣ (братьевъ Орловыхъ, гр. Р. Воронцова, гр. Чернышева, Сиверса и Теплова). Писатели-французы признавали въ теоріи важность предоставленія крестьянину права собственности на землю, но обыкновенно совѣтовали при этомъ соблюдать постепенность, на основаніи убѣжденія, что достиженіе извѣстной степени образованія должно предшествовать ихъ освобожденію, а иные были не прочь удовольствоваться и одпимъ личнымъ освобожденіемъ. Такъ Беарде-де-Лабей, послѣ подготовительныхъ мѣръ для развитія крестьянъ, совѣтовалъ даровать крестьянамъ личное освобожденіе и право на движимое имущество, завершеніемъ же этого дѣла считалъ надѣленіе крестьянина маленькимъ клочкомъ земли, не обезпечивающимъ его существованія и при которомъ онъ долженъ былъ бы брать въ аренду землю помѣщика. Вольтеръ предлагалъ предоставить уничтоженіе крѣпостнаго права иниціативѣ самихъ дворянъ и ничего не имѣлъ противъ безземельнаго освобожденія. Мармонтель желалъ освобожденія крестьянъ и предоставленія имъ земли въ безсрочное пользованіе за опредѣленный взносъ деньгами или натурою, но совѣтовалъ не спѣшить съ освобожденіемъ крестьянъ посредствомъ правительственныхъ мѣръ и пока удовольствоваться опредѣленіемъ повинностей, за которыя крестьянинъ будетъ имѣть право пользоваться участкомъ помѣщичьей земли. Всего болѣе замѣчательно сочиненіе француза Граслена, напечатанное вольнымъ экономическимъ обществомъ въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Беарде-де-Лабея: Грасленъ считалъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкою. Авторы нѣмецкихъ отвѣтовъ, обратившихъ на себя вниманіе общества, обыкновенно рекомендуютъ, по крайней мѣрѣ для даннаго времени, не освобожденіе крестьянъ, а предоставленіе имъ земли въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленныя повинности: но нѣкоторые предлагаютъ наиболѣе исправныхъ крестьянъ вскорѣ награждать и дарованіемъ свободы. Мнѣніе русскаго писателя Полѣнова, увѣнчанное

наградой второй степени. осталось вовсе не напечатаннымъ, потому что авторъ подвергъ строгой критикѣ существующія отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Что касается положительныхъ требованій Полѣнова, то онъ настаивалъ на предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе, прекращеніи продажи крестьянъ въ розницу безъ земли, огражденіи отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, точномъ опредѣленіи его повинностей и предоставленіи права выкупаться за опредѣленную сумму, но ставилъ исполненіе этихъ мѣръ въ зависимость отъ желанія самихъ помѣщиковъ, на которыхъ совѣтовалъ дѣйствовать примѣромъ. введеніемъ подобныхъ реформъ въ дворцовыхъ вотчинахъ.

Нѣсколько позднѣе окончательно выяснились и взгляды кн. Д. А. Голицына. Его мечты ограничивались тѣмъ, чтобы крестьянамъ была дана только личная свобода; онъ считалъ весьма выгоднымъ для помѣщиковъ такое безземельное освобожденіе крѣпостныхъ. Вся земля должна остаться въ рукахъ помѣщика; крестьянинъ дѣлается безземельнымъ арендаторомъ. Мысль о надѣленіи крестьянина землею изъ владѣній помѣщика кажется этому либеральному барину просто нелѣпостью: государство должно только уничтожить законъ, запрещавшій крестьянамъ покупать землю. За то съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся онъ къ предложенію кн. Гагарина дозволить крестьянамъ выкупаться на свободу за слишкомъ большой для того времени выкупъ въ 250 р. съ души.

Любопытно появленіе въ это время такихъ предположеній по крестьянскому вопросу, которыя связывались съ политическими реформами. Такъ кн. Е. Р. Дашкова была противъ освобожденія крестьянъ, до того времени, когда они достигнутъ извѣстной степени просвѣщенія, но допускала ограниченіе крѣпостнаго права одновременно съ ограниченіемъ самодержавной власти: такимъ образомъ, она прикрывала свое крѣпостничество въ крестьянскомъ дѣлѣ либерализмомъ въ вопросахъ политическихъ. Проектъ политическихъ реформъ гр. Н. И. Панина, составленный имъ подъ вліяніемъ изученія шведскаго государственнаго устройства, отдавалъ законодательную власть въ руки дворянства, а такъ какъ большинство этого сословія было проникнуто крѣпостническими тенденціями то, слѣдо-

вательно. упоминаемое его авторомъ постепенное освобожденіе крѣпостныхъ или осталось бы при новомъ государственномъ строѣ неисполнимымъ, или осуществилось бы на началахъ, для народа вредныхъ. Но какъ бы ни были ошибочны или несимпатичны взгляды на крестьянскій вопросъ нѣкоторыхъ лицъ, увлекавшихся примѣрами запада (Англіи или Швеціи) относительно политическихъ реформъ, западнымъ вліяніямъ мы обязаны и появленіемъ такихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу какъ Полѣновъ и Радищевъ.

Еще прежде, чѣмъ вольное экономическое общество рѣшило, печатать или нѣтъ русскій переводъ сочиненія, заслужившаго премію, въ коммиссіи для составленія новаго уложенія начались оживленныя пренія относительно крѣпостнаго права. Нужно замѣтить, что здѣсь представителями разныхъ сословій были заявлены просьбы о дозволеніи владѣть крѣпостными и не дворянамъ, а именно купцамъ, приказнымъ служителямъ, сибирскимъ служилымъ людямъ, носившимъ названіе сибирскихъ дворянъ, сибирскимъ, донскимъ и другимъ казакамъ; однодворцы также желали получить право покупать крестьянъ у помѣщиковъ. Но эти притязанія встрѣтили энергическій отпоръ со стороны дворянства. Раздались и вообще протесты противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, но депутаты отъ дворянства довольно сочувственно отнеслись лишь къ одному предложенію относительно ограниченія помѣщичьей власти, а именно къ требованію запретить продажу людей по одиночкѣ. Продолжительныя пренія возбудило мнѣніе депутата отъ козловскаго дворянства, Коробьина, который предлагалъ: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на имѣніе. Изъ 20-ти депутатовъ, говорившихъ по этому поводу, 8 было за улучшеніе быта крѣпостныхъ и 12 противъ (въ числѣ этихъ 12-ти былъ только одинъ однодворецъ, а всѣ остальные — депутаты отъ дворянъ *). Противники мнѣнія Коробьина указывали на невоз-

* Во время этихъ преній однодворецъ Масловъ предложилъ поручить [illegible] сборовъ съ крестьянъ въ пользу помѣщика особымъ правительственнымъ учрежденіямъ, а депутатъ отъ шляхетства екатерининской провинціи, Козельскій, совѣтовалъ [illegible] помѣщика [illegible] барщину и [illegible] крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ.

можность опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи; были сдѣланы также вѣскія указанія на тотъ вредъ, который можетъ произойти для крестьянъ отъ предоставленія имъ полной собственности на землю, съ правомъ ея отчужденія, причемъ, въ подтвержденіе этого мнѣнія, ссылались на положеніе однодворцевъ, а также и черносошныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, если депутаты, проникнутые либеральными взглядами на крестьянскій вопросъ, содѣйствовали своими рѣчами распространенію мысли о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права, то консерваторы были полезны тѣмъ, что въ своихъ возраженіяхъ указывали на слабыя стороны освободительныхъ проектовъ, на пагубность для крестьянъ беземельнаго освобожденія, а также на вредныя стороны личнаго землевладѣнія и разрушенія общины, которую игнорировали наши либералы.

Въ проектѣ правъ благородныхъ, выработанномъ въ частной коммиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, состоявшей при большой законодательной коммиссіи, была статья, предоставлявшая помѣщикамъ право обращать деревни, которыми они владѣютъ на крѣпостномъ правѣ, въ деревни свободныя, т. е. даровать крестьянамъ личную свободу безъ земли. При первоначальномъ обсужденіи проекта правъ благородныхъ, всѣ ораторы изъ дворянства высказались противъ этого предложенія, и оно не нашло защитниковъ. При вторичномъ обсужденіи проекта, въ пользу этого предложенія говорили Коробьинъ и Татищевъ, при чемъ послѣдній ссылался на примѣръ Англіи. Но во всякомъ случаѣ эти пренія показали, что огромное большинство дворянъ не раздѣляло въ то время мысли о полезности для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, которую уже вполнѣ усвоилъ себѣ, подъ вліяніемъ западнаго примѣра, кн. Д. А. Голицынъ.

Въ той же частной коммиссіи—коммиссіи для разбора родовъ государственныхъ жителей—вырабатывался и проектъ крестьянскихъ правъ. Члены ея Вольфъ и Унгернъ-Штернбергъ въ своихъ проектахъ сдѣлали нѣкоторыя предложенія относительно ограниченія крѣпостнаго права, но въ проектѣ, выработанномъ этою частною

коммиссіею, все улучшеніе быта крѣпостныхъ сводилось на запрещеніе разлучать при продажѣ мужа съ женой и родителей съ малолѣтними дѣтьми моложе 7 лѣтъ; оно допущено, очевидно потому, что противъ запрещенія продажи людей въ розницу высказались почти всѣ ораторы въ большой законодательной коммиссіи. Требованіе императрицы (въ начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи проекта новаго уложенія) относительно того, что нужно ограничить злоупотребленія помѣщиковъ, осталось невыполненнымъ; не были предложены и тѣ мѣры, полезность которыхъ признавала Екатерина въ печатной редакціи Наказа. Проектъ крестьянскихъ правъ вовсе не обсуждался въ большой законодательной коммиссіи.

Въ то время, какъ стали все чаще раздаваться голоса о необходимости ограниченія крѣпостнаго права въ Великороссіи, въ Малороссіи совершался обратный процессъ: юридически свободные крестьяне, имѣвшіе право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, постепенно все болѣе и болѣе подвергались закрѣпощенію. Еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія малороссійская старшина начинаетъ ходатайствовать о воспрещеніи переходовъ, и въ 1739 году генеральная войсковая канцелярія исполняетъ эту просьбу; но императрица Елизавета, при вступленіи на престолъ, возстановляетъ свободу перехода крестьянъ въ Малороссіи. Правленіе гетмана К. Г. Разумовскаго тяжело отозвалось на малороссійскомъ посполъствѣ, такъ какъ онъ сталъ раздавать въ Малороссіи имѣнія „въ вѣчное потомственное владѣніе“, вопреки закону, требовавшему для этого утвержденія со стороны верховной власти. Въ прошеніи шляхетства и старшинъ, составленномъ на собраніи малороссійскихъ чиновъ въ Глуховѣ въ исходѣ 1763 года, встрѣчаемъ вновь прошеніе о прекращеніи свободнаго перехода крестьянъ, и вслѣдъ за тѣмъ правительство, хотя и не исполняетъ еще этого желанія, но издаетъ указъ, которымъ воспрещается принимать посполитыхъ безъ письменнаго отпуска отъ прежнихъ владѣльцевъ, хотя отпуски эти должны были выдаваться безпрепятственно. Противъ вольнаго перехода крестьянъ въ Малороссіи высказывается Тепловъ въ своей запискѣ, составленной около этого времени, а затѣмъ желаніе прекратить его заявляетъ и императрица Екатерина въ секретномъ

наставленіи Румянцову, при назначеніи его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, но при этомъ она имѣла въ виду не закрѣпощеніе крестьянъ, а лишь прикрѣпленіе къ землѣ. Понятно, что вслѣдъ затѣмъ противъ вольнаго перехода высказывались и Румянцовъ, и малороссійская коллегія (во главѣ которой онъ стоялъ) въ наказѣ своему депутату въ коммиссію новаго уложенія; просьбу о прекращеніи переходовъ находимъ и въ малороссійскихъ шляхетскихъ наказахъ *). Частная коммиссія о разборѣ государственныхъ родовъ при составленіи проекта крестьянскихъ правъ также имѣла въ виду прекращеніе вольнаго перехода. Все это заставляло ожидать въ близкомъ будущемъ правительственныхъ мѣръ въ этомъ направленіи.

Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ вольномъ экономическомъ обществѣ и законодательной коммиссіи не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ, но и то, и другое имѣло несомнѣнно плодотворное воспитательное значеніе для современниковъ: крестьянскій вопросъ былъ поставленъ, и поставленъ очень громко. Есть указаніе, что въ столичномъ обществѣ онъ сдѣлался весьма нерѣдкимъ предметомъ разговора, а депутаты, возвратившіеся изъ законодательной коммиссіи, должны были занести и въ провинціальныя захолустья толки объ этомъ важномъ дѣлѣ. Но до поры до времени отъ всѣхъ этихъ разсужденій крѣпостнымъ крестьянамъ было не легче, и тяжесть крѣпостнаго права мѣстами вызывала съ ихъ стороны болѣе или менѣе серьезныя волненія. Впрочемъ, нельзя не признать, что волненія въ помѣщичьихъ вотчинахъ были въ то время не особенно частымъ явленіемъ, гораздо болѣе рѣдкимъ, чѣмъ въ первую четверть XIX вѣка и въ эпоху, предшествующую паденію крѣпостнаго права. Но во время Пугачевщины крѣпостные приняли весьма дѣятельное участіе въ волненіи и при посредствѣ пугачевскихъ манифестовъ заявили на всю Россію, что имъ нужна свобода отъ помѣщичьей власти и притомъ не иначе, какъ съ землею. Въ ученіи нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, напримѣръ, молоканъ, также

*) Наказъ малороссійской коллегіи вызвалъ, однако, въ законодательной коммиссіи возраженіе со стороны одного изъ депутатовъ отъ малороссійскаго шляхетства Григорія Полетики.

сказывается отрицательное отношеніе народа къ крѣпостному праву. Къ сожалѣнію Пугачевщина не надоумила ни правительство, ни дворянство, что необходимо принять дѣйствительныя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Это поняли, однако, нѣкоторые наиболѣе образованные люди, какъ, напримѣръ, новгородскій генералъ-губернаторъ Сиверсъ, совѣтывавшій императрицѣ ограничить право помѣщиковъ наказывать крестьянъ и лишить ихъ права ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь, установить размѣръ выкупа на свободу, предоставить крѣпостнымъ полную свободу въ дѣлѣ женитьбы; онъ предлагалъ также дозволить купцамъ 1 и 2 гильдіи покупать людей въ ограниченномъ количествѣ къ фабрикѣ или ремеслу съ тѣмъ, чтобы дѣти такихъ людей были свободны. Въ 1780 году 16 ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ по взаимному соглашенію составили правила, опредѣляющія размѣръ повинностей ихъ крестьянъ, но при этомъ они, повидимому, руководствовались болѣе собственною выгодою, чѣмъ интересами крестьянъ, — мы не знаемъ, впрочемъ, примѣнялись ли эти правила на дѣлѣ. Къ 1785 году относится составленіе одного изъ самыхъ умныхъ консервативныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу. Авторъ прежде всего разсматриваетъ вопросъ о личномъ, безземельномъ освобожденіи крестьянъ, при которомъ имъ было бы только дозволено переходить съ мѣста на мѣсто, и доказываетъ, что свобода перехода была бы для нихъ вредна. Затѣмъ онъ возражаетъ противъ предоставленія крестьянамъ земли въ собственность съ правомъ для каждаго отчуждать свой участокъ, такъ какъ результатомъ этого будетъ современемъ обезземеленіе многихъ въ пользу болѣе богатыхъ членовъ крестьянскаго общества, сильное развитіе имущественнаго неравенства. Однако вся аргументація автора могла бы быть разбита предложеніемъ освободить крестьянъ не только съ землею, но и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія.

Литература и журналистика въ царствованіе императрицы Екатерины по мѣрѣ возможности содѣйствовала распространенію въ обществѣ освободительныхъ стремленій обличеніями мерзостей крѣпостнаго права. Тутъ слѣдуетъ назвать сатирическіе журналы, комедіи императрицы Екатерины II, Фонъ-Визина и Княжнина, стихотворенія и прозаическія статьи Сумарокова, статьи въ различныхъ

журналахъ второй половины екатерининскаго царствованія и особенно въ „Почтѣ духовъ“ и „Зрителѣ“ Крылова. Къ сожалѣнію при этомъ приходилось бороться съ серьезными препятствіями, и, напримѣръ, замѣчательная ода Капниста „На рабство“ въ свое время не была напечатана. Кромѣ того общественная реакція сказалась въ томъ, что нѣкоторые писатели стали идеализировать положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ серьезныхъ сочиненій того времени наиболѣе замѣчательны произведенія Болтина и Радищева. Болтинъ къ сожалѣнію держится мнѣнія Руссо, что просвѣщеніе должно предшествовать освобожденію, что „прежде должно освободить души рабовъ, а потомъ уже тѣла“, но въ то-же время онъ считаетъ необходимымъ ограничить крѣпостное право, а своими указаніями на дурныя стороны жизни крестьянъ въ западной Европѣ онъ предостерегалъ русское общество и правительство отъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ. За нимъ остается и та заслуга, что онъ первый весьма ясно описалъ наши общинные порядки пользованія землею. Но выше всѣхъ трудовъ, касавшихся крестьянскаго вопроса въ эпоху императрицы Екатерины II, несомнѣнно стоитъ сочиненіе Радищева, погубившее его при жизни и обезсмертившее въ потомствѣ. Обличая злоупотребленія помѣщичьей власти, онъ въ то-же время представляетъ цѣлую программу улучшенія быта, а въ концѣ концовъ и освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. „Удѣлъ въ землѣ ими обработываемой“, говоритъ Радищевъ, „должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать“.

Такимъ образомъ въ царствованіе императрицы Екатерины II мы встрѣчаемъ не мало указаній на то, что слѣдуетъ сдѣлать для ограниченія крѣпостнаго права. Однако, съ этою цѣлью было принято правительствомъ лишь нѣсколько ничтожныхъ частныхъ мѣръ (продажа людей безъ земли запрещена была только при продажѣ имѣній съ аукціона; запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя, запрещено считать незаконнорожденныхъ крѣпостными ихъ воспитателей, если эти воспитатели не имѣли права владѣть крѣпостными, прекращено закрѣпощеніе безмѣстныхъ церковниковъ и военноплѣнныхъ и нѣк. друг.), но рядомъ съ этимъ шли указы, еще болѣе ухудшавшіе положеніе крѣпостныхъ, какъ, напримѣръ, дозво-

левіе помѣщикамъ отдавать своихъ людей въ каторжную работу съ правомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію. Въ то-же царствованіе крѣпостное право было распространено на Малороссію и Слободскую Украйну. Наконецъ, нельзя помянуть добрымъ словомъ неумѣренную раздачу населенныхъ имѣній въ полную собственность. Но если необходимо признать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія, то нельзя не считать ея большою заслугою, что она громко поставила вопросъ о необходимости улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Императоръ Павелъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, къ несчастію, задался мыслью, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ казенныхъ, и потому уже тогда выражалъ желаніе всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Онъ не успѣлъ вполнѣ осуществить свою злополучную идею, однако въ его четырехлѣтнее царствованіе было роздано 600,000 душъ крестьянъ обоего пола, половину которыхъ составляли дворцовыя вотчины въ Великороссіи. Такимъ образомъ императоръ Павелъ далеко превзошелъ свою мать въ неумѣренной раздачѣ населенныхъ имѣній, такъ какъ она, хотя и раздала крестьянъ на 200,000 душъ болѣе чѣмъ императоръ Павелъ, но, во-первыхъ, сдѣлала это не въ 4 года, а въ 35 лѣтъ, а во-вторыхъ, въ числѣ пожалованныхъ ею имѣній было не мало конфискованныхъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, при чемъ крестьянамъ приходилось только смѣнить одного владѣльца на другаго, между тѣмъ какъ ея преемникъ закрѣпостилъ 300,000 душъ дворцовыхъ крестьянъ, положеніе которыхъ въ то время было одинаково съ казенными. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла были прикрѣплены къ землѣ крестьяне на Дону и въ губерніяхъ: екатеринославской, вознесенской, кавказской и таврической. Ни литература, ни общество не имѣли въ то время возможности высказываться по крестьянскому вопросу, сами же крѣпостные крестьяне волновались одновременно во многихъ губерніяхъ, но были энергично усмирены. Однако, это тяжелое время можно помянуть нѣкоторыми мѣрами правительства въ пользу крѣпостныхъ: въ Малороссіи было запрещено продавать ихъ безъ земли

а затѣмъ вообще опредѣленъ размѣръ барщины, въ количествѣ трехъ дней въ недѣлю. Но послѣдній указъ былъ, вопервыхъ, написанъ такимъ образомъ, что, по вѣрному замѣчанію Радищева, походилъ скорѣе на увѣщаніе соблюдать установившійся обычай чѣмъ на положительный законъ; во вторыхъ, онъ былъ слишкомъ краток и не разрѣшалъ многихъ вопросовъ, вызываемыхъ барщиннымъ трудомъ, въ третьихъ, наконецъ, правительство, само того не зная, для всей Малороссіи повышало такимъ образомъ размѣръ повинностей, такъ какъ тамъ въ теченіе XVIII вѣка была въ обычаѣ двухдневная барщина.

Извѣстно, съ какимъ восторгомъ привѣтствовало общество восшествіе на престолъ императора Александра I; отъ новаго царствованія можно было ожидать всего лучшаго и для крѣпостныхъ крестьянъ. Въ неоффиціальномъ комитетѣ, окружавшемъ государя, раздавались горячія рѣчи противъ крѣпостнаго права. Государь далъ себѣ слово прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность помѣщиковъ и сдержалъ его. Въ комитетѣ шла рѣчь о прекращеніи продажи крестьянъ безъ земли, императоръ даже отдалъ приказаніе приготовить объ этомъ указъ, но дѣло осталось нерѣшеннымъ. Точно также не имѣло практическихъ послѣдствій обсужденіе въ государственномъ совѣтѣ вопроса о непродажѣ людей безъ земли (въ 1801 и 1802 гг.).

Тогда на помощь правительству явилась частная инціатива въ лицѣ гр. С. П. Румянцова. Онъ предложилъ дозволить помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю вмѣстѣ съ землею, и такъ какъ государь весьма сочувственно отнесся къ его мысли, то въ 1803 г. появился указъ о такъ называемыхъ „свободныхъ хлѣбопашцахъ“ по которому помѣщикамъ дозволено было заключать съ крестьянами трoякаго рода условія: 1) когда крестьяне получали свободу съ землею, внеся господину при самомъ освобожденіи извѣстную сумму; 2) когда при увольненіи плата разсрочивалась на извѣстное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, обязывались на извѣстное число лѣтъ, до смерти помѣщика или навсегда, исполнять извѣстныя повинности

или платить оброкъ деньгами или продуктами. Стѣснительнымъ условіемъ было то, что помѣщикъ при переходѣ крестьянъ въ новое положеніе. обязывался раздѣлить всю дачу на участки, и каждый крестьянинъ долженъ былъ получить опредѣленный земельный надѣлъ съ планомъ на него, — другими словами, общинное землевладѣніе обязательно превращалось въ подворное. Впрочемъ, условіе это обыкновенно не соблюдалось, и въ царствованіе импер. Николая производить раздѣлъ предоставлено было самимъ крестьянамъ и не одновременно съ освобожденіемъ, а въ опредѣленный по условію срокъ. Впослѣдствіи оказалось, что въ большинствѣ такихъ имѣній крестьяне не пожелали отказаться отъ общиннаго землевладѣнія. Число крестьянъ, получившихъ свободу на основаніи закона 1803 г. было не велико (въ царствованіе имп. Александра I—47,153 д. м. п.), но въ высшей степени важное значеніе этого закона заключалось въ томъ, что онъ преграждалъ помѣщикамъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами. Нужно замѣтить, что 17 помѣщиковъ отпустили на волю крестьянъ своихъ вотчинъ безъ всякой платы. Въ четырехъ случаяхъ казна помогла крестьянамъ выкупиться на свободу (этимъ содѣйствіемъ воспользовались 14 607 д. м. п.).

Дѣятельность представителей литературы, науки и журналистики въ царствованіе Александра I имѣла также весьма плодотворное значеніе для правильнаго развитія крестьянскаго вопроса, но къ сожалѣнію ихъ полезное вліяніе уменьшалось постоянными препятствіями со стороны цензуры. Такъ книга Пнина, въ которой авторъ требовалъ ограниченія помѣщичьей власти и доказывалъ, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать распространенію среди нихъ просвѣщенія, была не дозволена ко второму изданію и оставшіеся экземпляры перваго были отобраны изъ лавокъ, несмотря на то, что къ этому труду благосклонно относился самъ государь. Вышедшая въ свѣтъ, на латинскомъ языкѣ въ Геттингенѣ диссертація Кайсарова въ защиту необходимости освобожденія крестьянъ—по-русски не была напечатана Переводъ сочиненія графа Стройновскаго „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами" лишь черезъ два года по его напечатаніи сдѣлался доступнымъ публикѣ и даже, въ виду криковъ крѣпост-

никовъ противъ этой книги. Сперанскій предложилъ было служившему подъ его начальствомъ переводчику подать прошеніе объ отставкѣ. А между тѣмъ подобнаго негодованія консерваторовъ, казалось бы, вовсе не должно было возбуждать сочиненіе гр. Стройновскаго, который, хотя и рекомендуетъ личное безземельное освобожденіе крестьянъ, но предоставляетъ заключеніе арендныхъ договоровъ на землю добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ: онъ думаетъ, будто собственный разсчетъ побудитъ помѣщиковъ предложить крестьянамъ справедливыя требованія. Такимъ образомъ, уже въ самомъ своемъ основаніи, проектъ Стройновскаго не былъ бы правильнымъ и полезнымъ для нашихъ крѣпостныхъ рѣшеніемъ вопроса, а затѣмъ неблагопріятно для крестьянъ и то предпочтеніе, какое онъ оказываетъ арендѣ на условіяхъ барщины. Нужно замѣтить, впрочемъ, что гр. Стройновскій высказывается противъ краткосрочной аренды и всего болѣе сочувствуетъ превращенію крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ. Нѣкоторые крѣпостники въ негодованіи на книгу Стройновскаго не отступали и предъ инсинуаціями на нее самому государю, но встрѣтили энергическій отпоръ съ его стороны.

Большое значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Александра I имѣетъ то, что вольное экономическое общество обнародовало на 1812 г. задачу о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда; задача эта, которою въ нашемъ обществѣ была возбуждена новая для огромнаго большинства мысль, не будетъ ли выгодно для самихъ помѣщиковъ уничтоженіе крѣпостнаго права, была, очевидно, навѣяна классическимъ сочиненіемъ Адама Смита, появившимся въ русскомъ переводѣ въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Въ отвѣтъ на эту задачу было прислано 14 сочиненій, изъ нихъ 11 на русскомъ языкѣ. Первую награду получилъ бывшій профессоръ харьковскаго университета Якобъ, еще ранѣе, въ своемъ сочиненіи на нѣмецкомъ языкѣ по полицейскому праву, предложившій цѣлую программу мѣръ, необходимыхъ для ограниченія крѣпостнаго права. Въ своемъ премированномъ отвѣтѣ на задачу экономическаго общества Якобъ доказываетъ невыгодность крѣпостнаго труда для самихъ владѣльцевъ и такимъ образомъ подрываетъ сознаніе необходимости для помѣщиковъ крѣ-

постнаго права, но его освободительные планы связаны съ обезземеленіемъ крестьянъ и эта пропаганда мысли объ обезземеленіи крѣпостныхъ при освобожденіи могла быть тѣмъ опаснѣе, что сочиненіе Якоба было увѣнчано медалью въ сто червонцевъ и изготовленною на средства государя. Но нужно замѣтить, что награда второй степени была назначена за сочиненіе автора, русскаго по происхожденію, который предпочиталъ крѣпостной трудъ и который вовсе не соблазняетъ обезземеленіе крестьянъ (онъ считаетъ экономическое положеніе нашихъ крѣпостныхъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ безземельныхъ работниковъ въ западной Европѣ); такимъ образомъ вольное экономическое общество, наградивъ медалью и напечатавъ это сочиненіе, какъ бы внесло нѣкоторую поправку къ одностороннему мнѣнію проф. Якоба [1].

Крѣпостное право затрогивалось и въ другихъ серьезныхъ сочиненіяхъ, какъ напр., въ изданномъ по-французски обширномъ курсѣ политической экономіи академика Шторха, представлявшемъ обработку его лекцій великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ (русскій переводъ этого сочиненія не былъ дозволенъ цензурой). Авторъ этого труда допускаетъ безземельное освобожденіе крестьянъ, но въ то же время онъ, какъ извѣстно и изъ другаго его сочиненія, ничего не имѣетъ противъ освобожденія крестьянъ со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ; онъ выражаетъ, впрочемъ, сочувствіе и ограниченію крѣпостнаго права въ Лифляндіи закономъ 1804 г. Такіе извѣстные ученые и профессора, какъ статистики Арсеньевъ и Германъ, задѣвали крѣпостное право и въ своихъ университетскихъ лекціяхъ, что содѣйствовало ихъ удаленію изъ университета; нѣсколько сильныхъ вылазокъ противъ рабства проскользнуло также въ одномъ посмертномъ трудѣ Радищева и въ книгѣ Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ“.

---

[1]) Работа Якоба о крѣпостномъ и вольнонаемномъ трудѣ была обнародована [illegible] въ нѣмецкихъ [illegible] земледѣльцевъ отъ фабричныхъ ра[illegible] трудами [illegible] которое была также назначена награда въ сто червонцевъ, [illegible] государя. Но [illegible] не заслужили одобренія, [illegible] крѣпостныхъ крестьянъ, [illegible] по смыслу задачи предлагалось обра[illegible] занимающихся фабричнымъ трудомъ, а съ этимъ было бы, разумѣется, связано ихъ обезземеленіе.

Въ произведеніяхъ изящной словесности было еще труднѣе бичевать крѣпостное право, чѣмъ въ научныхъ сочиненіяхъ. Прекрасное стихотвореніе Пушкина „Уединеніе", несмотря на то, что государь благодарилъ за него автора, въ царствованіе импер. Александра вовсе не было напечатано, не были тогда напечатаны и стихотворенія кн. Вяземскаго, гдѣ онъ задѣвалъ крѣпостное право, и „Горе отъ ума" Грибоѣдова. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ цензурныя строгости, въ печатныхъ произведеніяхъ изящной словесности удавалось обличать нѣкоторыя безобразія крѣпостнаго права, какъ, напр., въ сочиненіяхъ Нарѣжнаго и одной комедіи кн. Шаховскаго. Гораздо рѣже, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Державина, звучала консервативная струнка относительно крестьянскаго вопроса.

Цензурными препятствіями объясняется и то, что въ журналистикѣ Александровской эпохи мы находимъ гораздо менѣе статей по этому предмету, чѣмъ можно было бы ожидать въ виду того вниманія, которое возбуждала участь крѣпостныхъ въ правительствѣ и обществѣ. Статьи по этому вопросу, проникшія въ печать, были написаны одни съ либеральной, другія съ консервативной точки зрѣнія, и слѣдуетъ замѣтить, что отнюдь нельзя считать вредными всѣ статьи консервативнаго направленія: въ нихъ очень часто мы встрѣчаемъ совершенно справедливую мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а частое повтореніе этой мысли было весьма необходимо во второй половинѣ десятыхъ годовъ, въ эпоху безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Такія статьи должны были предостерегать русское общество отъ сочувствія принципамъ крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ и до нѣкоторой степени препятствовать произведенію подобныхъ опасныхъ опытовъ и въ самой Россіи. Однако, и консервативныя статьи по крестьянскому вопросу были не избавлены отъ цензурныхъ гоненій, и министръ народнаго просвѣщенія въ 1818 г. предписалъ обратить вниманіе цензуры на то, чтобы въ журналахъ и отдѣльныхъ сочиненіяхъ ничего не печаталось ни въ защиту, ни въ опроверженіе „вольности или рабства крестьянъ", какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ 1820 г. малороссійскій военный губернаторъ приписалъ даже одно волненіе крѣ-

постныхъ крестьянъ возбуждающему дѣйствію самой невинной статьи, авторъ которой къ тому же съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ мѣрамъ правительства по крестьянскому вопросу. Въ слѣдующемъ году, по повелѣнію государя, „печатаніе отдѣльныхъ помѣщичьихъ уставовъ, непосредственно до управленія крестьянъ относящихся", было запрещено. Общій цензурный терроръ относительно книгъ и статей по крестьянскому вопросу отразился и на такихъ учрежденіяхъ, которыя имѣли возможность печатать свои изданія подъ собственною цензурою: примѣромъ можетъ служить весьма постыдная для вольнаго экономическаго общества исторія, вызванная одною, напечатанною въ его „Трудахъ", замѣткой о предоставленіи крѣпостнымъ крестьянамъ земли въ „собственность" или, лучше сказать, въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей.

Цензурныя препятствія мѣшали гласному и подробному обсужденію крестьянскаго вопроса въ печати; за то онъ былъ предметомъ многихъ записокъ и проектовъ, распространяемыхъ въ обществѣ или представляемыхъ государю въ рукописи. При этомъ нерѣдко разсмотрѣніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ, такъ или иначе связывалось съ вопросомъ о свободѣ политической. Отдѣльные случаи такой постановки дѣла мы видѣли еще въ царствованіи имп. Екатерины (гр. Н. И. Панинъ, кн. Е. Р. Дашкова). Съ тѣхъ поръ Россія пережила четырехлѣтнее суровое правленіе Павла, и слѣдствіемъ его было то, что и наше общество, и самъ императоръ Александръ стали, прежде всего, мечтать о созданіи прочныхъ гарантій отъ подобнаго безпримѣрнаго произвола; для правильнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса въ этомъ направленіи умовъ была та вредная сторона, что такимъ образомъ мысль лучшихъ людей въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ направилась на обсужденіе политическихъ реформъ въ то время, когда Россія настоятельно нуждалась въ соціальныхъ преобразованіяхъ. Среди лицъ, окружавшихъ имп. Александра въ первую половину его царствованія, самымъ виднымъ и талантливымъ представителемъ идеи о необходимости политическихъ реформъ былъ, несомнѣнно, Сперанскій: по его мнѣнію, эти реформы должны были предшествовать освобожденію

крестьянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Сперанскій хорошо понималъ, что ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ рабство существовать не можетъ, и признавалъ необходимость постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права. Ограниченіе помѣщичьей власти, по его мнѣнію, должно было состоять въ лишеніи права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и сдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, въ учрежденіи крестьянскихъ судовъ и въ опредѣленіи повинностей крестьянъ особымъ закономъ. Очень важно было также то, что Сперанскій протестовалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ безъ длиннаго ряда переходныхъ мѣръ въ смыслѣ ограниченія крѣпостнаго права. Такимъ образомъ, по мысли Сперанскаго, крестьянская реформа должна представлять два періода: въ первый – крестьяне, посредствомъ опредѣленія ихъ повинностей и учрежденія судебной власти для разбора споровъ между крестьянами и помѣщиками, превращаются изъ крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, и только во второй періодъ крестьянамъ возвращается ихъ древнее право свободнаго перехода. Нельзя не пожалѣть однако, о томъ, что и ограниченіе крѣпостнаго права было для Сперанскаго дѣломъ не столь настоятельнымъ, какъ реформы политическія, и что желаніе отодвинуть часъ освобожденія крестьянъ основывалось у него не только на соображеніяхъ государственныхъ, но и на чисто эгоистическихъ разсчетахъ землевладѣльца. Гораздо несимпатичнѣе были взгляды по крестьянскому вопросу другого представителя политическаго либерализма, адмирала Мордвинова: онъ желалъ раздачи всѣхъ казенныхъ земель знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ для созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи, которая должна была, по его мнѣнію, положить предѣлы самодержавной власти; онъ протестовалъ противъ всякаго ограниченія крѣпостнаго права, допуская лишь назначеніе размѣра выкупа за освобожденіе крестьянъ по одиночкѣ, но и то на крайне тяжелыхъ условіяхъ. По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ концѣ втораго десятилѣтія XIX вѣка было довольно распространено мнѣніе, обусловливавшее освобожденіе крестьянъ дарованіемъ конституціи.

Однако, рядомъ съ подобными мнѣніями мы наблюдаемъ консервативное теченіе и въ политическомъ, и въ соціальномъ отно-

шенія. Еще въ самые первые годы царствованія имп. Александра, Лагарпъ указывалъ своему прежнему ученику на разумное самодержавіе, какъ на величайшее благо, и вмѣстѣ съ тѣмъ отговаривалъ государя дѣйствовать слишкомъ рѣшительно въ крестьянскомъ дѣлѣ, совѣтовалъ избѣгать даже слова „освобожденіе“, замѣняя его выраженіемъ „улучшеніе въ экономическомъ бытѣ“. Карамзинъ, противникъ взглядовъ Сперанскаго, въ запискѣ „О древней и новой Россіи“ обнаружилъ самые крѣпостническіе взгляды и протестовалъ даже противъ запрещенія торговли рекрутами, соглашаясь лишь на то, чтобы „подъ рукою“ были приняты мѣры для обузданія жестокихъ помѣщиковъ. Масоны являлись также консерваторами и въ вопросѣ о политическихъ реформахъ, и въ крестьянскомъ дѣлѣ: Поздѣевъ высказывается и противъ „конституціевъ“, и противъ малѣйшаго ослабленія помѣщичьей власти. Лопухинъ считалъ крѣпостное право необходимымъ при данномъ нравственномъ состояніи народа, который „требуетъ обузданія для собственной его пользы“, и находилъ вреднымъ и опаснымъ даже указъ имп. Павла о трехдневной барщинѣ. Но были и такія лица, которыя, высказываясь противъ политической свободы, желали не освобожденія крестьянъ, но ограниченія крѣпостнаго права: къ ихъ числу принадлежалъ Каразинъ. Указывая на выгоды наслѣдственной монархіи, онъ въ то же время выражаетъ желаніе, чтобы общественное мнѣніе получило возможность свободно выражаться въ печати и въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ. Помѣщикъ, по его мнѣнію, такъ же необходимъ для крестьянъ, какъ монархъ для всего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желаетъ уничтоженія барщины, точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ и неотъемлемаго владѣнія землею, подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей, уничтоженія наказаній безъ суда и продажи людей безъ земли. Бѣда только въ томъ, что всѣ эти мѣры онъ предоставляетъ усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ и вооружается противъ ограниченія закономъ крѣпостнаго права. Но люди, высказывавшіе консервативные взгляды въ политическомъ отношеніи, были не всегда такъ мало требовательными въ крестьянскомъ дѣлѣ. Такъ, одинъ украинскій помѣщикъ, считая „репрезентацію народа“ дѣломъ безсмысленнымъ, желая, какъ и

Каразинъ, чтобы помѣщики были для крестьянъ своего рода „государственными чиновниками“, въ то же время требуетъ общихъ правительственныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ, а именно назначенія размѣра выкупа на свободу, прекращенія продажи людей, дозволенія крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ украинскій помѣщикъ, энергически протестуя противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи, утверждалъ, что „земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками“, что „помѣщики были всегда только распорядителями земли“.

Въ разсматриваемую эпоху мы встрѣчаемъ, наконецъ, и такихъ лицъ, которыя желали и политическихъ преобразованій, и освобожденія крестьянъ, но отводили первое мѣсто крестьянской реформѣ, полагая, что самодержавная власть можетъ сослужить полезную службу народу въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостнаго права и что „непозволительно думать о политической свободѣ“ тамъ, гдѣ несчастные крестьяне „не знаютъ простой человѣческой свободы“. Самымъ виднымъ и талантливымъ представителемъ этого направленія былъ Н. И. Тургеневъ. Въ своей запискѣ, представленной государю Милорадовичемъ въ 1819 году, онъ предложилъ рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права, но онъ желалъ и совершеннаго его упраздненія, допуская къ сожалѣнію и безземельное освобожденіе крестьянъ. Онъ выдвинулъ на первый планъ крестьянскій вопросъ и въ обществѣ декабристовъ. Пушкинъ также ожидалъ отъ самодержавной власти уничтоженія крѣпостнаго права и высказывался противъ ограниченія самодержавія раньше освобожденія крестьянъ.

Однако до поры до времени самодержавная власть мало пользовалась въ крестьянскомъ дѣлѣ своими прерогативами и не только отступала предъ рѣшительными мѣрами въ этомъ отношеніи, не только не допускала свободнаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати, но даже препятствовала членамъ дворянскаго сословія коллективно содѣйствовать улучшенію быта и освобожденію крѣпостныхъ. Желаніе 65 помѣщиковъ петербургской губерніи обратить въ 1816 году своихъ крестьянъ въ „обязанныхъ поселянъ“ встрѣтило рѣзкое неодобреніе со стороны государя; попытка нѣсколь-

кихъ высшихъ представителей дворянства устроить въ 1820 году общество съ цѣлью постепеннаго освобожденія ихъ крестьянъ также была отвергнута императоромъ Александромъ, который допускалъ въ собственной Россіи лишь единоличное представленіе проектовъ, а не коллективную работу надъ крестьянскимъ дѣломъ, точно также какъ и въ началѣ царствованія на предложеніе Державина созвать предводителей дворянства для болѣе точнаго опредѣленія отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, государь отвѣчалъ, что „многолюдный вызовъ" считаетъ небезопаснымъ. Впрочемъ, въ 1819 году, дворянству Динабургскаго уѣзда дозволено было выработать планъ освобожденія крестьянъ по примѣру Остзейскаго края, но изъ этого ничего не вышло.

Крестьяне, въ царствованіе императора Александра I-го, лишь отдѣльными, разрозненными волненіями заявляли свой протестъ противъ крѣпостнаго права. Любопытно, что въ 1812 г. крестьяне сильно волновались, ожидая освобожденія за ихъ борьбу съ непріятелемъ и за всѣ перенесенныя лишенія; въ концѣ этого года произошелъ даже бунтъ ополченія въ пензенской губерніи: ратники хотѣли, истребивъ офицеровъ-дворянъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи, явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля и разбить его, а потомъ принести государю повинную и, въ награду за службу, выпросить себѣ вѣчную свободу отъ помѣщиковъ.

Въ цѣломъ рядѣ записокъ и проектовъ по крестьянскому вопросу дѣло обыкновенно шло или объ ограниченіи крѣпостнаго права, или о безземельномъ освобожденіи крестьянъ; вообще послѣдніе годы царствованія императора Александра I-го представляютъ весьма опасный моментъ для русскаго крѣпостнаго крестьянства: ему сталъ грозить призракъ обезземеленія. Впрочемъ, изъ ряда этихъ проектовъ, кромѣ сказаннаго выше, слѣдуетъ выдѣлить проектъ Канкрина, который явился горячимъ противникомъ безземельнаго освобожденія и представилъ планъ постепеннаго ограниченія крѣпостнаго права, завершающійся предоставленіемъ земли въ наслѣдственное владѣніе крестьянъ подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей и, наконецъ, дарованіемъ права перехода, а также и выкупа личныхъ

повинностей. Несмотря на нѣкоторыя вредныя для крестьянъ мѣры въ проектѣ Канкрина, въ немъ было и много полезныхъ предложеній. Необходимо упомянуть также о запискѣ декабриста Якушкина, въ которой онъ самъ выражаетъ готовность и совѣтуетъ другимъ безвозмездно освободить крестьянъ и уступить имъ усадьбы съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Остальная земля должна остаться собственностью помѣщика, и отпускаемые на волю крестьяне могли обработывать ее по добровольнымъ условіямъ. Однако крестьяне Якушкина не пожелали угольненія съ одною усадебною землею.

Несмотря на то, что императоръ Александръ I самъ желалъ освобожденія крестьянъ,—въ его царствованіе, если не считать неудачной крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ, было очень мало сдѣлано для ослабленія крѣпостнаго права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила „по холопу раба“, запрещеніи запродавать трудъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніи торга крѣпостными на ярмаркахъ (обсужденіе въ 1820 году въ государственномъ совѣтѣ вопроса о совершенномъ прекращеніи продажи людей безъ земли опять не имѣло никакихъ результатовъ) и объ уничтоженіи права помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу.

Крайняя медлительность правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ была одною изъ главныхъ причинъ того недовольства молодаго, интеллигентнаго поколѣнія, которое выразилось въ составленіи тайнаго общества. Уставъ Союза Благоденствія ставилъ членамъ общества въ обязанность борьбу съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ; въ конституціи, найденной въ бумагахъ кн. Трубецкаго, упоминалось объ уничтоженіи крѣпостнаго права, а въ „Русской Правдѣ“ Пестеля мы встрѣчаемъ уже мысль и объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ; Рылѣевъ также стоялъ за надѣленіе крестьянъ въ собственность не только огородною, но и полевою землею. Предполагалось, что временное правительство, со-

стоящее изъ Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, выработаетъ основныя начала освобожденія крестьянъ [1]).

Новый императоръ унаслѣдовалъ послѣ своего брата въ высшей степени трудную задачу. Въ царствованіе Александра I мы видимъ два преобладающихъ теченія: съ одной стороны стремленіе къ политическимъ реформамъ, съ другой желаніе освободить крѣпостныхъ крестьянъ. Представители перваго направленія потерпѣли рѣшительное пораженіе 14-го декабря 1825 г.; самодержавіе побѣдило, но вмѣстѣ съ тѣмъ самодержецъ долженъ былъ не только взять на себя рѣшеніе той задачи, которую декабристы собирались возложить на временное правительство, т. е. выработать основныя начала освобожденія крестьянъ, но и примѣнить эти начала къ дѣлу. Каковы же были взгляды императора Николая на крестьянскій вопросъ?

Онъ полагалъ, что не настало еще время для освобожденія крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ убѣжденъ, что долженъ передать это дѣло сыну „съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи", т. е. серьезно подготовить его окончательное рѣшеніе; однако же несмотря на постоянное вниманіе къ крестьянскому вопросу, онъ обнаружилъ очень мало энергіи въ этомъ направленіи. Такъ, онъ считалъ невозможнымъ опредѣлить повинности крестьянъ во всей Россіи положительнымъ закономъ и желалъ, чтобы такому закону предшествовалъ рядъ добровольныхъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами; онъ считалъ необходимымъ „избѣгать до послѣдней крайности прямаго воспрещенія помѣщикамъ брать изъ крестьянъ въ дворовые"; онъ полагалъ, что никакимъ образомъ нельзя прикоснуться къ праву собственности помѣщиковъ на землю. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность девяти „секретныхъ", „[illegible]" и „особыхъ" комитетовъ не привела ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ. Но очень благопріятнымъ для крестьянъ во взглядахъ императора Николая было рѣшительное осужденіе имъ остзейской системы освобожденія крестьянъ безъ земли. Нѣ-

[1]) [illegible] слухи [illegible] членовъ тайнаго общества въ 1827 г. [illegible] крестьянъ [illegible] губерніи сказать по поводу декабриста [illegible] [illegible] хотѣли [illegible] свободы [illegible] крестьянъ". „Русская Старина" 1888 г., № 3, стр. 596

которую энергію государь проявилъ лишь въ вопросѣ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ западной Россіи: онъ настоятельно потребовалъ введенія обязательныхъ инвентарей въ тамошнихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Этимъ объясняется, что дѣятельность десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергическаго генералъ губернатора юго-западнаго края, Д. Г. Бибикова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ.

Нерѣшительность императора Николая въ крестьянскомъ дѣлѣ въ значительной степени объясняется консервативнымъ настроеніемъ въ этомъ отношеніи весьма многихъ окружающихъ его лицъ. Въ 1834 г. государь жаловался Киселеву, что онъ говорилъ со многими изъ своихъ сотрудниковъ о „преобразованіи крѣпостнаго права", и ни въ одномъ не нашелъ прямаго сочувствія, великіе князья Константинъ и Михаилъ Павловичи были совершенно противъ измѣненія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Заявленіе это слѣдуетъ, впрочемъ, принимать лишь съ извѣстными ограниченіями, такъ какъ самый выдающійся изъ членовъ перваго секретнаго комитета, учрежденнаго государемъ 6-го декабря 1826 г., М. М. Сперанскій вовсе не былъ противникомъ освобожденія крестьянъ, а проектъ, выработанный этимъ и „особымъ" комитетами, прошелъ въ 1830 г. и въ государственномъ совѣтѣ. Въ запискѣ, написанной имъ для комитета 1826 г., Сперанскій предложилъ раздѣлить мѣры для улучшенія состоянія крѣпостныхъ крестьянъ на первоначальныя, или основныя, и на постепенныя. Въ качествѣ первоначальныхъ мѣръ онъ предложилъ совершенно воспретить продажу крестьянъ безъ земли и нѣкоторыя другія узаконенія, направленныя къ тому, чтобы крестьяне не были лишены достаточнаго земельнаго обезпеченія. Въ видѣ переходной мѣры онъ рекомендуетъ измѣненіе порядка увольненія крестьянъ, при чемъ, къ сожалѣнію, предлагаетъ дозволить освобожденіе крестьянъ цѣлыми деревнями безъ земли. Рѣшительнымъ средствомъ улучшить положеніе крестьянъ онъ считалъ опредѣленіе ихъ повинностей на помѣщика свободнымъ договоромъ, при чемъ не предлагалъ никакихъ гарантій, чтобы эти договоры заключались на условіяхъ, дѣйствительно благопріятныхъ для крестьянъ, не указывалъ на необходимость регулированія такихъ

договоровъ извѣстными обязательными постановленіями. Въ проектахъ, составленныхъ подъ вліяніемъ записки Сперанскаго, мы встрѣчаемъ предложеніе запретить: 1) отчужденіе крестьянъ безъ земли и продажу ихъ на своз, 2) обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, 3) продажу и закладываніе дворовыхъ отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они приписаны, а также и всѣхъ тѣхъ, которые принадлежатъ владѣльцамъ, не имѣющимъ деревень; но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно съ мнѣніемъ Сперанскаго, въ проектъ комитета было включено крайне неблагопріятное для будущности крестьянъ разрѣшеніе освобождать ихъ цѣлыми деревнями безъ земли, но впрочемъ, не иначе, какъ съ ихъ согласія. Проекты эти были приняты государственнымъ совѣтомъ, съ нѣкоторыми частными измѣненіями, единогласно, за исключеніемъ запрещенія продавать крестьянъ на своз, но, какъ извѣстно, они осуществлены не были.

Во взглядахъ Сперанскаго былъ одинъ весьма важный, существенный недостатокъ: допущеніе безземельнаго освобожденія крестьянъ; Киселевъ, самый выдающійся дѣятель по крестьянскому дѣлу въ эпоху императора Николая, былъ, напротивъ, самымъ энергическимъ противникомъ такого освобожденія. Онъ стремился не къ совершенному уничтоженію крѣпостнаго права, а только къ обращенію его въ регулированное точными постановленіями закона прикрѣпленіе къ землѣ. Въ 1840 г. онъ представилъ императору Николаю слѣдующую программу мѣръ для улучшенія положенія крѣпостныхъ: 1) устройство быта дворовыхъ людей; 2) назначеніе для крестьянъ опредѣленныхъ земельныхъ надѣловъ и предоставленіе имъ права на движимую собственность; 3) взиманіе рекрутъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ по общимъ правиламъ, установленнымъ относительно отбыванія очередей для всѣхъ прочихъ сословій; 4) ограниченіе права помѣщиковъ наказывать крестьянъ; 5) устройство между крѣпостными крестьянами сельскаго управленія, съ сохраненіемъ вліянія помѣщиковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ предоставленіемъ крестьянамъ права обращаться въ судебныя мѣста, наравнѣ съ свободными хлѣбопашцами. Государь написалъ, что эти начала „справедливы и основательны“, однако, большинство этихъ предположеній въ его царствованіе исполнены не были, а постановленія

уголовнаго уложенія 1845 г., относительно права помѣщиковъ наказывать крестьянъ, были болѣе, чѣмъ неудовлетворительны. Нужно замѣтить, впрочемъ, что проектъ, представленный Киселевымъ въ комитетъ объ обязанныхъ крестьянахъ, не заключалъ въ себѣ разработки всѣхъ указанныхъ мѣръ: въ немъ Киселевъ стремился лишь къ тому, чтобы помѣщики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, предоставили крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользовались за то соразмѣрными повинностями или оброкомъ, „положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ“. Онъ желалъ достигнуть этого путемъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами, съ тѣмъ однако, чтобы размѣры надѣловъ были не ниже указанныхъ въ его проектѣ, а повинности, возлагаемыя на крестьянъ, не выше имъ опредѣленныхъ. Киселевъ, однако, долженъ былъ уступить, въ виду возраженій остальныхъ членовъ комитета и согласился не опредѣлять неизмѣнной нормы для надѣленія обязанныхъ крестьянъ землею, а слѣдовательно и соотвѣтственныхъ имъ повинностей. Понятно, что законъ объ обязанныхъ крестьянахъ, въ которомъ все дѣло свелось на предоставленіе помѣщикамъ права заключать добровольные договоры съ крестьянами объ опредѣленіи повинностей, не имѣлъ никакого вліянія на улучшеніе быта крестьянъ. Въ вопросѣ о дворовыхъ Киселевъ полагалъ, что послѣ различныхъ подготовительныхъ мѣръ должно быть издано рѣшительное запрещеніе брать крестьянъ во дворъ. Слѣдуетъ упомянуть также, что Киселевъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія. Продолжительная и малоуспѣшная борьба съ крайними крѣпостниками до такой степени ослабила энергію Киселева въ крестьянскомъ дѣлѣ, что въ первой половинѣ 50-хъ годовъ онъ находилъ невозможнымъ даже принятіе такой мѣры для ограниченія крѣпостнаго права, какъ уничтоженіе права помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь по своему усмотрѣнію.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій былъ человѣкомъ весьма консервативнаго образа мыслей, но въ виду стремленія государя къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ нашелъ необходимымъ предложить программу мѣръ по крестьянскому вопросу. Онъ энергически

высказался противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, но находилъ необходимымъ ограниченіе крѣпостнаго права. Основною мѣрою въ этомъ направленіи онъ считалъ опредѣленіе повинностей крестьянъ инвентарями, а затѣмъ предложилъ постепенно издать слѣдующія узаконенія: 1) признать право крестьянъ на движимую и недвижимую собственность; 2) постановить, чтобы всѣ крѣпостные были приписаны къ населенной землѣ; 3) запретить всякое отчужденіе людей безъ земли; 4) ограничить обращеніе людей съ пашни во дворъ, а впослѣдствіи вовсе запретить это; 5) запретить отдачу людей въ работу и услуженіе и пр. друг. Въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ мѣръ, онъ соглашался допустить свободный переходъ крестьянъ. Однако, предложенія Перовскаго встрѣтили мало сочувствія въ комитетѣ, на разсмотрѣніе котораго была отдана его записка.

Остальныя лица, приближенныя къ государю, или мало высказывались по крестьянскому вопросу, предлагая лишь ту или другую единичную мѣру, или высказывались въ самомъ консервативномъ смыслѣ. Кн. Васильчиковъ находилъ, что Россія еще „не созрѣла" для освобожденія крестьянъ, и что „власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной"; онъ предлагалъ только признать за крестьянами право собственности и въ вопросѣ о дворовыхъ соглашался запретить въ концѣ концовъ брать крестьянъ во дворъ. Гр. Блудовъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ готовъ былъ допустить установленіе наслѣдственной аренды земли и желалъ предоставленія крѣпостнымъ права собственности на движимое и недвижимое имущество; но въ комитетѣ объ обязанныхъ крестьянахъ высказался противъ точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ. Баронъ Корфъ былъ иниціаторомъ закона относительно распространенія на всю имперію права грузинскихъ крестьянъ выкупаться на свободу при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга. Гр. Левашевъ имѣлъ случай высказаться въ благопріятномъ для крѣпостныхъ крестьянъ смыслѣ. Самымъ вліятельнымъ и самымъ вреднымъ изъ противниковъ ограниченія крѣпостнаго права былъ князь Меншиковъ, который считалъ возможнымъ только остзейскій способъ освобожденія крестьянъ и настоятельно требовалъ при этомъ

уничтоженія общиннаго землевладѣнія. Графъ Чернышевъ былъ вообще противъ ограниченія крѣпостнаго права и допускалъ только одну мѣру въ пользу крѣпостныхъ: онъ совѣтовалъ секретно скупать въ казну мелкопомѣстныя имѣнія, гдѣ особенно дурно положеніе крестьянъ. Гр. Панинъ былъ противъ дарованія крѣпостнымъ крестьянамъ права собственности. Упомянемъ, наконецъ, что наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ высказывался въ это время по крестьянскому вопросу въ консервативномъ смыслѣ. Онъ былъ, вмѣстѣ съ кн. Васильчиковымъ, гр. Орловымъ и Перовскимъ, членомъ комитета 1846 г., назначеннаго для разсмотрѣнія записки Перовскаго, и комитетъ этотъ изо всѣхъ мѣръ, предложенныхъ Перовскимъ, остановился только на дарованіи крѣпостнымъ крестьянамъ права собственности на движимое имущество; въ комитетѣ 1848 г. наслѣдникъ высказался за отмѣну закона, дарующаго крѣпостнымъ крестьянамъ право выкупаться на свободу при продажѣ населенныхъ имѣній съ публичнаго торга; онъ былъ также недоволенъ энергическою дѣятельностію Бибикова относительно введенія инвентарей въ Западномъ краѣ; въ концѣ 1847 г. онъ заявилъ чрезъ своего гофмаршала, что, какъ ему извѣстно, государь не имѣетъ намѣренія измѣнять отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что многія лица, окружающія императора Николая, соглашались на ограниченіе крѣпостнаго права въ томъ или другомъ отношеніи, но были, во-первыхъ, и противники какихъ бы то ни было мѣръ въ этомъ направленіи, а во-вторыхъ, при разногласіи ихъ въ томъ, что считать наиболѣе полезнымъ и своевременнымъ въ данное время, мѣра, предложенная однимъ, обыкновенно встрѣчала противодѣйствіе со стороны другихъ. Въ концѣ концовъ искреннимъ и энергическимъ сторонникомъ ограниченія крѣпостнаго права въ рядахъ высшей администраціи былъ только Киселевъ, но и тотъ, съ началомъ реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ въ 1848 году, потерялъ надежду сдѣлать что либо серьезное въ этомъ направленіи.

Важную услугу для правильнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса и подготовки къ тому общества могла бы сослужить печать, но она была стѣснена въ этомъ отношеніи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ

при Александрѣ I. Цензурный гнетъ отзывался и на произведеніяхъ изящной словесности, и на научныхъ статьяхъ. Въ произведеніяхъ Пушкина, появившихся въ печати въ царствованіе императора Николая, были вытравлены почти всѣ мѣста, гдѣ онъ серьезно затрогивалъ крѣпостное право. Въ ненапечатанныхъ при жизни Лермонтова произведеніяхъ онъ рѣзкими чертами обрисовываетъ тяжелую долю крѣпостныхъ, и если мы не видимъ того же въ его тогдашнихъ печатныхъ произведеніяхъ, то причина этого вполнѣ понятна. Отрывки изъ трагедіи Грибоѣдова „Грузинская ночь" также въ свое время не были опубликованы. Въ одной запискѣ по крестьянскому дѣлу, составленной въ 1841 году, находимъ указаніе, что въ „послѣдніе годы" передъ тѣмъ было запрещено разсуждать въ печати о крѣпостныхъ крестьянахъ. Изданіе закона 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ вызвало нѣсколько статей по крестьянскому вопросу, но затѣмъ было предписано, чтобы всѣ статьи „о сельскихъ условіяхъ" между крестьянами и помѣщиками, прежде пропуска ихъ къ печати, представлялись на разрѣшеніе главнаго управленія цензуры, а это равнялось полному ихъ запрещенію. Въ рѣчи, произнесенной государемъ въ мартѣ 1848 года, при пріемѣ депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, императоръ Николай сказалъ: „нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впредь этого не будетъ". Это вызвало полный цензурный терроръ относительно всѣхъ произведеній, затрогивающихъ крѣпостное право. Въ 1850 году было постановлено, чтобы „сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназнаемыхъ для чтенія простаго народа". Цензоръ, пропустившій въ 1852 г. отдѣльное изданіе „Записокъ охотника" Тургенева, былъ временно устраненъ отъ должности, а послѣдовавшій вскорѣ послѣ того арестъ автора книги и ссылку въ деревню самъ Тургеневъ приписывалъ не столько письму о Гоголѣ, сколько именно изданію „Записокъ охотника".

Написанный имъ въ это время разсказъ „Муму“ появился въ печати лишь черезъ два года, а написанный въ томъ же 1852 г. „Постоялый дворъ“ могъ быть напечатанъ уже только въ царствованіе Александра II. Стихотворенія Некрасова, гдѣ задѣвалось крѣпостное право или вовсе не появлялись въ печати, или по крайней мѣрѣ въ нихъ были исключены всѣ самыя сильныя мѣста, бичующія крѣпостное право. Не было напечатано также ни одно изъ произведеній Шевченка подобнаго же содержанія. Въ 1849 г. было запрещено профессорамъ изъявлять на лекціяхъ „въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ“ или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ была бы полезна для государства; впрочемъ, администрація пошла еще далѣе: въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году, въ защиту крѣпостнаго права приведены были даже тексты изъ священнаго писанія. Тутъ можно вспомнить слова ученаго министра народнаго просвѣщенія Уварова, что „политическая религія имѣетъ свои догматы, неприкосновенные подобно христіанской религіи“; наряду съ самодержавіемъ такимъ догматомъ Уваровъ признавалъ и крѣпостное право.

Что же при такихъ условіяхъ могло увидѣть свѣтъ изъ произведеній, касающихся крестьянскаго вопроса? Упомянемъ прежде о произведеніяхъ изящной словесности. Въ сочиненіяхъ Пушкина и Некрасова уцѣлѣли лишь немногія мѣста, гдѣ наши знаменитые поэты задѣвали крѣпостное право. Сравнительно болѣе посчастливилось Григоровичу и особенно Тургеневу: послѣдній въ цѣломъ рядѣ очерковъ изъ „Записокъ охотника“ затронулъ главнѣйшія стороны быта крѣпостныхъ: тяжесть повинностей, иногда при недостаточномъ количествѣ земли, зависимость отъ барской воли даже въ дѣлѣ женитьбы и лишеніе права на нее иной разъ въ теченіе всей жизни, тѣлесныя наказанія, горемычная доля двороваго, злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и управителей, барскія чудачества и самодурства, все это живо встаетъ подъ перомъ талантливаго молодаго писателя. Но проникновеніе въ печать „Записокъ охотника“ Тургенева, хотя иногда и съ нѣкоторыми цензурными помарками, было лишь счастливымъ исключеніемъ въ ряду либеральныхъ

произведеній по крестьянскому вопросу. За то охотно пропускались такія произведенія, какъ „Переписка съ друзьями“ Гоголя, гдѣ авторъ придаетъ власти помѣщика особенно возвышенное значеніе, смотря на него не какъ на владѣльца только того или другаго числа душъ, а какъ на блюстителя, по велѣнію свыше, за трудолюбіемъ и нравственностью своимъ подданныхъ. Понятно, что во второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ“ Гоголь проводилъ такой взглядъ, что русскому народу не нужна свобода, что она можетъ только развратить его; нужны только энергическіе помѣщики вродѣ Костанжогло, которые заставляли бы своихъ крестьянъ нести нелегкую работу и сами не впадали бы въ праздность. Проникали въ печать и произведенія Даля, идеаломъ котораго былъ также строгій, но справедливый помѣщикъ, подъ ферулою котораго процвѣтаютъ мужики. Печатались, наконецъ, и такія вещи, какъ „Тарантасъ“ графа Соллогуба, которому также казалось, что не нужно освобожденія крестьянъ, а нужны только добрыя, патріархальныя отношенія помѣщика къ его крѣпостнымъ.

Переходя отъ произведеній изящной словесности къ изслѣдованіямъ и разсужденіямъ о крестьянскомъ вопросѣ, слѣдуетъ прежде всего упомянуть о двухъ статьяхъ Хомякова въ „Москвитянинѣ“ 1842 г., вызванныхъ закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ. По вопросу о размѣрѣ повинностей, необременительныхъ для крестьянъ, авторъ частію просто констатируетъ существующія отношенія (трехдневная барщина), частію произвольно переименовываетъ оброчную систему въ половничество трудомъ, а не то предлагаетъ вознаграждать земледѣльца половиною произведеній земли, что было вовсе не въ обычаѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; опредѣленія же повинностей крестьянъ закономъ авторъ вовсе не желалъ. Положительная сторона статей Хомякова заключается въ горячей защитѣ общиннаго землевладѣнія. Статьи Хомякова вызвали строгую критику въ „Отечественныхъ Запискахъ“, авторъ которой доказываетъ, что барщинный трудъ не выгоденъ ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ, и особенно вредно отражается на благосостояніи послѣднихъ. Въ напечатанномъ въ 1846 году переводѣ сочиненія по политической экономіи министра финансовъ Канкрина (безъ имени автора) мы встрѣчаемъ, между

прочимъ, указаніе на вредность безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ 1847 году появилась извѣстная статья Заблоцкаго-Десятовскаго „Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи“, гдѣ разъяснена была зависимость этихъ колебаній отъ возможности для землевладѣльцевъ пользоваться даровымъ крѣпостнымъ трудомъ (по соображеніямъ цензурнымъ авторъ употребляетъ выраженіе: „обязательная рента“). Вотъ почти и все, что заслуживаетъ упоминовенія. Но наряду со статьями, болѣе или менѣе благопріятными для интересовъ крестьянъ, мы встрѣчаемъ труды и крайне вреднаго направленія, таковы, напримѣръ, статьи Вилькинса, напечатанныя въ одномъ изъ спеціальныхъ агрономическихъ журналовъ въ 1843 году, гдѣ авторъ доказываетъ, какъ полезно для благосостоянія крестьянъ составленіе, такъ называемыхъ „сводныхъ семействъ“, въ которыхъ соединялось бы по нѣскольку работниковъ подъ вѣдѣніемъ одного старшаго и отвѣтственнаго хозяина, при чемъ приводились даже примѣры будто бы удачныхъ опытовъ подобной системы, идущей совершенно въ разрѣзъ съ обычнымъ строемъ нашей народной жизни. Печатать подобныя статьи дозволялось, но предлагать дѣйствительныя улучшенія въ бытѣ крѣпостныхъ или тѣмъ паче подвергать критикѣ существующія отношенія между крестьянами и помѣщиками было признано опаснымъ; это, по мнѣнію администраціи, могло возбудить волненіе въ народѣ, какъ будто онъ и безъ того не чувствовалъ всей тягости своего положенія.

Понятно, что, при такомъ отношеніи администраціи къ печатному слову, при недостаткѣ серьезнаго желанія улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ въ большинствѣ лицъ, призываемыхъ государемъ къ совѣщаніямъ по крестьянскому дѣлу и, наконецъ, при нежеланіи самого императора Николая приступить къ серьезнымъ понудительнымъ мѣрамъ, крестьянскій вопросъ не двигался съ мѣста. А чѣмъ же заявляло себя въ это время общество? Его мнѣнія не спрашивали; государь обратился однажды къ содѣйствію смоленскаго дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ, правительство сдѣлало запросъ по этому предмету и кружку тульскихъ помѣщиковъ, но просьбы дворянъ объ учрежденіи губернскихъ или

уѣздныхъ комитетовъ по вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ рѣшительно отклонялись правительствомъ. Бюрократическій авторитетъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы порѣшить всякое дѣло собственною властью, а въ сущности обнаруживалъ по крестьянскому вопросу полное безсиліе. Между тѣмъ въ обществѣ уже въ значительной степени укрѣпился интересъ къ судьбѣ помѣщичьихъ крестьянъ, и потому естественно, что вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права, изгнанный съ общественной арены, тѣмъ усерднѣе продолжалъ обсуждаться въ частныхъ кружкахъ и собраніяхъ.

Въ царствованіе императора Александра I наибольшій интересъ въ обществѣ возбуждалъ вопросъ о необходимости политическихъ реформъ. Мы видѣли, что были люди, умѣвшіе, какъ напримѣръ Мордвиновъ, соединять политическій либерализмъ съ крѣпостничествомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ; но многіе и желавшіе освобожденія крестьянъ ставили это освобожденіе не на первомъ, а на второмъ мѣстѣ, выдвигая на первый планъ реформы политическія. Представители политическаго либерализма были разбиты на голову 14 декабря 1825 года и совершенно теряютъ вліяніе на все время царствованія императора Николая. Единственный вліятельный членъ тайнаго общества, уцѣлѣвшій отъ грозы, которая погубила его товарищей, Н. И. Тургеневъ, могъ только заграницею высказать свои идеи о политическихъ реформахъ, необходимыхъ, по его мнѣнію для Россіи, при чемъ, впрочемъ, онъ посвятилъ много мѣста въ своей извѣстной книгѣ „La Russie et les Russes“ и крестьянскому вопросу. Въ самой Россіи интересъ къ политическимъ реформамъ естественно долженъ былъ, въ силу обстоятельствъ, уступить мѣсто требованію соціальныхъ преобразованій и прежде всего освобожденія крестьянъ, при такихъ условіяхъ въ лучшихъ представителяхъ интеллигенціи естественно возникаетъ интересъ къ западнымъ соціалистическимъ ученіямъ. Уже въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ вліяніе сенъ-симонизма обнаруживалось въ юномъ кружкѣ, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и въ которомъ участвовалъ Огаревъ; но взгляды его членовъ не могли еще отличаться полною опредѣленностью, и, по свидѣтельству самого Гер-

цена. они колебались между соціализмомъ и политическимъ радикализмомъ: они проповѣдывали и декабристовъ, и французскую революцію, и сенъ-симонизмъ, и конституцію, и республику; но проповѣдуя „ненависть ко всякому насилію", они должны были, разумѣется, не иначе, какъ съ ненавистію относиться къ крѣпостному праву. Къ началу 1840-хъ годовъ взгляды Герцена получаютъ окончательно соціалистическую окраску; съ нимъ сближается и Бѣлинскій. Сочиненія Фурье, Кабе и другихъ усердно изучаются, какъ членами кружка, такъ и вообще петербургскою молодежью. Пребываніе Герцена въ Москвѣ и ея окрестностяхъ приводитъ его къ горячимъ спорамъ съ Грановскимъ, относившимся отрицательно къ соціалистическимъ ученіямъ и считавшимъ, по свидѣтельству П. В. Анненкова, соціализмъ вреднымъ потому, что онъ пріучаетъ отыскивать разрѣшенія задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ, по мнѣнію Грановскаго, онъ и себя, и ее подрываетъ. Нѣкоторые члены западническаго кружка считали и теоретически-односторонними, и практически-вредными, несвоевременными горячія филиппики Герцена противъ буржуазнаго политическаго и общественнаго строя въ его „Письмахъ изъ Avenue Marigny", напечатанныхъ въ „Современникѣ" въ концѣ 1847 г. Но какъ бы то ни было, западныя соціалистическія ученія нашли сочувствіе въ двухъ столь вліятельныхъ дѣятеляхъ русской литературы, какъ Герценъ и Бѣлинскій. Въ ряду соціальныхъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію въ Россіи, первое мѣсто для нихъ, разумѣется, занимало крѣпостное право: Герценъ не только часто говоритъ о немъ въ своихъ дневникахъ, но пытается бороться съ нимъ и во время служебной дѣятельности въ Новгородѣ, и въ печатныхъ своихъ произведеніяхъ („Кто виноватъ", „Сорока-воровка"), а затѣмъ, переселившись заграницу, онъ дѣлается полнымъ выразителемъ взглядовъ лучшихъ русскихъ людей на крестьянскій вопросъ. Бѣлинскій, не имѣя возможности откровенно высказывать свои мнѣнія по этому предмету въ печати, отводитъ душу въ перепискѣ съ друзьями, въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю и энергически поддерживаетъ своимъ вѣскимъ словомъ молодыхъ писателей, Григоровича, Тургенева, Некрасова, а также и Герцена, въ

ихъ попыткахъ бороться съ главнымъ зломъ русской жизни. Бѣлинскій долго ожидалъ серьезныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу отъ императора Николая и вліянія на него Киселева, но такъ и не дождался ихъ: нѣкоторымъ утѣшеніемъ для него передъ смертію могло служить лишь то, что литература взяла въ свои руки народное дѣло, и молодые писатели усердно служили ему, насколько это было возможно. Западныя соціалистическія вліянія сказались также въ кружкѣ Петрашевскаго: отрицательное отношеніе кружка къ политическимъ реформамъ выразилось и въ печати (въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ"), и въ откровенныхъ бесѣдахъ между юными пріятелями, весь соціализмъ которыхъ въ примѣненіи къ русской дѣйствительности сводился, впрочемъ, къ требованію гласнаго судопроизводства, уничтоженія крѣпостнаго права и свободы печати; освобожденія народа одни изъ нихъ ждали отъ верховной власти, другіе отъ народнаго возстанія, но во всякомъ случаѣ съ одной стороны труды соціалистовъ, а съ другой книга Гакстгаузена помогли имъ оцѣнить громадную роль въ прошлой жизни русскаго народа, а также и при грядущемъ его освобожденіи — общины, артели и круговой поруки. Нѣкоторые изъ петрашевцевъ имѣли въ виду пропаганду своихъ идей и среди народа и составили статейки, направленныя противъ крѣпостнаго права, для распространенія среди крестьянъ и солдатъ [1]. Почти въ то же время за уничтоженіе не только крѣпостнаго права, но также дворянскихъ и всякихъ иныхъ привилегій высказались члены такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства, въ которомъ принимали участіе Н. И. Костомаровъ, Шевченко и другіе. Въ политическомъ отношеніи члены этого кружка стояли за федеративный строй какъ Россіи, такъ и иныхъ славянскихъ народовъ: совершенно иной политическій символъ вѣры былъ у московскихъ славянофиловъ, но и они желали освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, при томъ не иначе, какъ съ землею и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. И. В. Кирѣевскій,

[1] Знакомство съ соціалистическими ученіями и обсужденіе нѣкоторыхъ изъ ихъ положеній въ примѣненіи къ крестьянскому вопросу мы находимъ иногда въ запискахъ по этому предмету и письмахъ нѣкоторыхъ декабристовъ, находившихся тогда въ Сибири, напр., Н. А. Бестужева и М. А. Фонъ-Визина.

извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ, въ письмѣ къ Кошелеву въ 1847 г. доказываетъ недостаточность сдѣлокъ съ крѣпостными отдѣльныхъ владѣльцевъ и выражаетъ желаніе „полнаго раздѣла помѣщиковъ съ крестьянами", которымъ, по его мнѣнію, „справедливо было бы отдать половину земли". К. Аксаковъ въ своей статьѣ „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности" (1852 г.) называлъ справедливымъ убѣжденіе крестьянъ не только казенныхъ, но и крѣпостныхъ, что земля, которою они владѣютъ, составляетъ собственность общины.

Но кружки Герцена и Бѣлинскаго, М. В. Буташевича-Петрашевскаго и славянофиловъ, а также Кирилло-Меѳодіевское братство представляли высшій цвѣтъ интеллигенціи, историкъ же крестьянскаго вопроса долженъ считаться въ этомъ случаѣ и съ мнѣніями дворянской массы. Послѣдняя въ большинствѣ случаевъ относилась къ дѣлу пассивно, но мѣстами обнаруживалась нѣкоторая дѣятельность или вліятельнаго дворянскаго кружка, или даже дворянства цѣлыхъ уѣздовъ. Когда въ 1847 г. императоръ Николай обратился за содѣйствіемъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ къ смоленскимъ дворянамъ и въ рѣчи къ его депутатамъ выразилъ желаніе, чтобы дворянство помогло осуществленію его намѣреній переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, то смоленскіе дворяне, которыхъ государь просилъ „келейно" потолковать объ этомъ, оказались не на высотѣ данной имъ задачи. Несмотря на то, что, какъ говорятъ, ихъ депутатъ ѣздилъ въ Финляндію, Эстляндію и Курляндію для собранія свѣдѣній о тамошнихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, несмотря на то, что нѣкоторые смоленскіе дворяне и уѣздные предводители собирались для обсужденія вопроса о переводѣ помѣщичьихъ крестьянъ на положеніе обязанныхъ, изъ всего этого ничего не вышло [1]. Дѣло и не могло идти успѣшно потому, что во первыхъ

---

[1] Впрочемъ, нужно замѣтить, что 13 смоленскихъ дворянъ предлагали, переименовавъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные, уничтожить право продавать, завѣщать и дарить людей и отдавать ихъ въ услуженіе, не допускать при продажѣ имѣнія, завѣщаніи или раздѣлѣ ихъ между наслѣдниками раздробленія не только семействъ, но даже селеній; предоставить крѣпостнымъ вдовамъ и дѣвушкамъ право выходить замужъ по ихъ желанію, даже и въ иныя помѣстья, дѣтей дворовыхъ, начиная съ семи лѣтъ

смоленскому дворянству было дано знать оффиціально о желаніи государя, чтобы не производилось „частныхъ подписокъ“, но чтобы каждый руководился указомъ 2 апрѣля 1842 г. „отдѣльно“, а во вторыхъ сдѣлалось извѣстнымъ письмо гофмаршала наслѣдника цесаревича (въ декабрѣ 1847 г.), гдѣ говорилось, что государь „отнюдь не имѣетъ намѣренія измѣнять настоящихъ отношеній крестьянъ помѣщичьихъ къ ихъ владѣльцамъ“. Понятно, что при такихъ условіяхъ обращеніе имп. Николая къ смоленскому дворянству закончилось лишь представленіемъ государю двухъ крѣпостническихъ записокъ мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, кн. Друцкаго-Соколинскаго, съ объясненіемъ, почему никто изъ смоленскихъ помѣщиковъ не воспользовался закономъ объ обязанныхъ крестьянахъ и съ весьма ясными намеками, что освобожденіе крестьянъ можетъ повлечь за собою политическія реформы. Изъ проектовъ же отдѣльныхъ смоленскихъ дворянъ всего замѣчательнѣе записка Вонлярлярскаго, авторъ которой доказываетъ, что нужно не ограниченіе крѣпостнаго права, а совершенное его уничтоженіе, и предлагаетъ освобожденіе крестьянъ при помощи выкупной операціи.

Но если помѣщики сравнительно мало населенной смоленской губерніи крѣпко держались за крѣпостное право, то нѣкоторые дворяне малоземельной тульской губерніи поняли всю выгодность для нихъ освобожденія крестьянъ безъ земли или съ возможно малымъ ея количествомъ, тѣмъ болѣе, что сильнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы развязать обязательныя отношенія съ крестьянами служила большая задолженность помѣщичьихъ имѣній. Еще въ концѣ 1830-хъ годовъ нѣкоторые тульскіе дворяне вздумали составить проектъ освобожденія крестьянъ, но ихъ, по свидѣтельству современника, „въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѳемѣ“. Указъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ далъ новый толчекъ этому дѣлу, и черезъ два года кружокъ тульскихъ дворянъ подалъ мѣстному губернатору заявленіе, что они готовы освободить своихъ крестьянъ съ

в[illegible] рождаемыхъ, объявить совершенно свободными, оставляя прочихъ при имѣніи обязанными, съ запрещеніемъ помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовые, предоставить крѣпостнымъ право пріобрѣтать недвижимыя имущества, кромѣ населенныхъ имѣній и проч. Однако этотъ проектъ былъ признанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ неудовлетворительнымъ.

надѣломъ по одной десятинѣ на ревизскую душу съ тѣмъ, чтобы крестьяне за это освобожденіе платили въ казну, сверхъ подушной подати, по три рубля сер. съ каждой десятины земли, а за то долги помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ были бы сложены съ ихъ имѣній. Правительство совершенно основательно потребовало, чтобы составители проекта исполнили одно условіе — заручились бы согласіемъ крестьянъ, но добиться исполненія этого условія было, разумѣется, мудрено при проектируемомъ ничтожномъ земельномъ надѣлѣ и тяжелыхъ платежахъ. Въ 1847 году губернаторъ обратился по высочайшему повелѣнію къ мѣстнымъ дворянамъ съ запросомъ, отказались ли они отъ своего намѣренія освободить крестьянъ или же приготовляютъ новые проекты. Тульскіе дворяне ходатайствовали объ учрежденіи въ губерніи оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу, но ихъ просьба была отвергнута, и просившимъ о томъ лицамъ была объявлена воля государя, чтобы они ограничились составленіемъ проекта освобожденія крестьянъ въ ихъ собственныхъ имѣніяхъ. Тогда они составили новый проектъ выкупа крестьянъ или дворовыхъ на волю по одиночкѣ по 100 рублей за каждую душу; за землю же полагалась особая плата по 45 рублей съ десятины (авторы проекта между прочимъ рѣзко высказались противъ общиннаго землевладѣнія) Прежде чѣмъ этотъ, весьма неблагопріятный для интересовъ крестьянъ, проектъ былъ представленъ правительству, самый дѣятельный членъ кружка тульскихъ дворянъ, Мясновъ, отправился въ Петербургъ и бесѣдовалъ о крестьянскомъ вопросѣ и съ великой княгиней Еленой Павловной, и съ Киселевымъ, и съ Перовскимъ, причемъ онъ между прочимъ называлъ софизмомъ мысль, что освобожденіе крестьянъ поведетъ къ ограниченію самодержавной власти. Такъ какъ здѣсь Мясновъ узналъ объ извѣстномъ письмѣ гофмаршала наслѣдника цесаревича, Олсуфьева, то тульскіе дворяне уже не посылали своего втораго проекта, а составили новый отвѣтъ на запросъ правительства, въ которомъ заявляли, что желали бы надѣлить своихъ крестьянъ по одной десятинѣ земли въ личную собственность и получить за то денежное вознагражденіе (во время пребыванія въ Петербургѣ Мясновъ предлагалъ, чтобы правительство уплатило имъ по 100 рублей серебромъ за каждую ревизскую душу

и затѣмъ возложило бы на крестьянъ обязанность въ извѣстное число лѣтъ возвратить эти деньги въ казну). Но вмѣстѣ съ тѣмъ тульскіе дворяне предлагали еще болѣе зловредныя вещи, а именно надѣлить также по одной десятинѣ земли и государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, и даже казаковъ (кромѣ той части послѣднихъ, которую необходимо будетъ обратить по общей жеребьевой системѣ въ регулярныя войска); оставшіяся же отъ надѣла земли продать какъ крестьянамъ, такъ и прочимъ сословіямъ. Къ счастію министерство внутреннихъ дѣлъ отвергло проектъ тульскихъ дворянъ.

Динабургское дворянство еще въ 1819 году получило разрѣшеніе обсудить вопросъ о дарованіи свободы своимъ крестьянамъ и занималось этимъ дѣломъ до 1830 года; въ 1846 году ему было дозволено открыть комитетъ для выработки правилъ объ обращеніи ихъ крестьянъ въ обязанные, но проектъ ихъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ, вѣроятно не безъ основанія. Въ концѣ 1847 года А. И. Кошелевъ ходатайствовалъ о дозволеніи открыть въ Рязани комитетъ для выработки проекта мѣръ къ „узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ“, но государь нашелъ это неудобнымъ. Наконецъ въ 1848 году дворяне царскосельскаго, ямбургскаго и петербургскаго уѣздовъ задумали составить положеніе, точно опредѣляющее повинности крестьянъ, и для выработки его выбрали особые комитеты, но министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ избраніе комитетовъ противозаконнымъ и дѣйствія дворянства въ указанномъ направленіи были прекращены.

Такимъ образомъ попытки дворянъ отдѣльныхъ мѣстностей содѣйствовать разрѣшенію вопроса объ освобожденіи или измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ не привели ни къ какому результату, то по винѣ самихъ дворянъ, составлявшихъ проекты, слишкомъ неблагопріятные для интересовъ крестьянъ, то вслѣдствіе нежеланія правительства допускать коллективную иниціативу дворянъ.

Для отдѣльныхъ владѣльцевъ была возможность освобождать крестьянъ на основаніи или закона 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, или указа 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Первымъ закономъ воспользовалось въ царствованіе императора Николая около 250 помѣщиковъ, освободившихъ 67,149 душъ крестьянъ

мужескаго пола, въ томъ числѣ 9 помѣщиковъ дали свободу своимъ крестьянамъ безъ всякой платы (216 душъ мужескаго пола); было также 8 случаевъ освобожденія безъ вознагражденія помѣщику, но съ нѣкоторыми обязательствами взносовъ съ благотворительною и иною цѣлью. На основаніи указа 1842 года перешло въ обязанные крестьяне всего 24,708 душъ мужескаго пола трехъ аристократическихъ фамилій: графа Воронцова, князя Витгенштейна и графовъ Потоцкихъ. Нужно замѣтить, что графъ Мечиславъ Потоцкій желалъ освободить своихъ крѣпостныхъ въ подольской губерніи (15,056 душъ мужскаго пола) съ предоставленіемъ имъ въ собственность безъ всякаго вознагражденія 2/3 помѣщичьей земли; но правительство не разрѣшило этого, какъ потому, что имѣніе было родовое, такъ и потому, что считало такой примѣръ опаснымъ и способнымъ взволновать другихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и Потоцкому было дозволено дать крестьянамъ въ собственность лишь небольшое количество земли (менѣе 1/2 десятины на душу), а остальная земля (вмѣстѣ съ данною въ собственность — около 5 десятинъ на душу) была предоставлена имъ въ пользованіе съ платою оброка (около 1 рубля съ десятины); но нельзя было помѣшать помѣщику жертвовать въ пользу крестьянъ ежегодно изъ своихъ доходовъ по 15,000 рублей, изъ которыхъ составлялась общественная крестьянская касса.

Такимъ образомъ дворянство очень мало воспользовалось закономъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ и указомъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ значительно развился интересъ къ крестьянскому вопросу. По свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ, Перовскаго, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія сдѣлался „однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ сословіяхъ“. Заблоцкій-Десятовскій при изученіи нѣсколькихъ центральныхъ губерній Россіи нашелъ, что необразованные или мало образованные помѣщики видятъ въ крѣпостномъ правѣ необходимое условіе своего существованія и думаютъ, что уничтоженіе его будетъ гибелью для государства и для самихъ крѣпостныхъ, которые безъ помѣщичьей власти всѣ „сопьются и пропадутъ“. Но дворяне болѣе

развитые начинали сознавать небезвыгодность для нихъ безземельнаго освобожденія крестьянъ; по словамъ Перовскаго, „помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ"; желаніе покончить съ крѣпостнымъ правомъ въ значительной степени вызывалось тяжелою обязанностію заботиться о продовольствіи крестьянъ въ неурожайные годы. Въ виду склонности значительной части дворянства къ безземельному освобожденію крестьянъ, которое находило энергическаго защитника и въ такомъ вліятельномъ сановникѣ, какъ князь Меншиковъ, большою заслугою Киселева было утвержденіе въ сознаніи правительства опасности безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ устраненіи этой идеи и состоитъ главнымъ образомъ прогрессивное значеніе второй четверти XIX вѣка въ исторіи крестьянскаго вопроса.

Въ 1830-хъ годахъ еще чувствуется сильное вліяніе мысли, столь распространенной въ царствованіе императора Александра I, о возможности личнаго, безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ проектѣ закона о состояніяхъ 1830 года допускается возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми селеніями. Для секретнаго комитета 1835 года, наиболѣе вліятельными членами котораго были князь Васильчиковъ, Сперанскій и Канкринъ, идеаломъ, послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ вопросѣ являлось безземельное освобожденіе крестьянъ въ той формѣ, какъ оно совершилось въ Остзейскомъ краѣ. А въ комитетѣ 1839 года Киселевъ уже рѣзко высказывается противъ обезземеленія крестьянъ, находя его опаснымъ для общественнаго спокойствія, и предлагаетъ, при переводѣ крестьянъ въ обязанные, предоставлять имъ земли въ вѣчную аренду съ вознагражденіемъ собственника земли барщиною или оброкомъ, опредѣленнымъ по каждому имѣнію инвентаремъ. Вслѣдъ за тѣмъ декабристъ Фонъ-Визинъ предлагалъ обратить большую часть капиталовъ воспитательнаго дома, губернскихъ приказовъ общественнаго призрѣнія и разныхъ богоугодныхъ, человѣколюбивыхъ и учебныхъ заведеній на покупку дворянскихъ вотчинъ съ переводомъ ихъ населенія на положеніе обязанныхъ. Затѣмъ въ сороковыхъ годахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ проектовъ уменьшенія численности крѣпостныхъ крестьянъ или и сокращеннаго управленія крѣпостнаго

права, съ надѣленіемъ крестьянъ землею, иногда впрочемъ въ количествѣ слишкомъ недостаточномъ. Такъ баронъ Боде предлагалъ пріобрѣтать имѣнія въ казну, руководствуясь при оцѣнкѣ размѣромъ оброка, причемъ эта операція значительно облегчалась бы тѣмъ, что большая часть ихъ заложена въ кредитныхъ учрежденіяхъ, за имѣнія же незаложенныя онъ предлагалъ выдавать облигаціи съ уплатою въ 34 года. Кривцовъ въ 1842 году также предлагалъ постепенный выкупъ имѣній при посредствѣ кредитныхъ учрежденій съ усиленіемъ ихъ средствъ чрезвычайными займами или выпускомъ ассигнацій; князь П. Б. Голицынъ предложилъ въ 1848 году для „уменьшенія числа людей крѣпостнаго состоянія“ введеніе системы кредитныхъ билетовъ, размѣнъ которыхъ обезпечивается соразмѣрнымъ запасомъ золота и серебра, при чемъ всѣ доходы съ пріобрѣтаемыхъ такимъ образомъ имѣній должны были обращаться немедленно на погашеніе созданнаго на этотъ случай капитала. Декабристъ Фонъ-Визинъ полагалъ, что можно и совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ выкупа помѣщичьихъ имѣній въ казну, затрачивая ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 30 милл. рублей серебромъ наличными деньгами, кромѣ того, выпуская въ это время ежегодно на 30 милл. облигацій и переведя на счетъ казны долги дворянскихъ имѣній въ сохранной казнѣ воспитательнаго дома, въ заемныхъ банкахъ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія. Желтухинъ, въ 1847 г., предлагалъ совершенное освобожденіе крестьянъ посредствомъ выкупа, основаннаго на кредитной операціи, съ предоставленіемъ крестьянамъ ничтожныхъ надѣловъ, обезпечивающихъ лишь уплату процентовъ въ кредитное учрежденіе.

Въ этомъ же году, кн. Д. Голицынъ предлагалъ выкупную операцію съ надѣломъ крестьянъ по 2 десятины пашни на душу, а по его же проекту, 1852 г., такая операція, давая крестьянамъ личную свободу, должна была устанавливать лишь вѣчно-арендныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ (съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи); въ полную же собственность крестьяне могли выкупать землю лишь по добровольному соглашенію. Наконецъ, смоленскій помѣщикъ Бонапартъ-... предлагалъ

произвести выкупъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи, съ предоставленіемъ имъ всей земли, которою они пользовались, въ потомственное владѣніе, съ уплатою вѣчнаго поземельнаго оброка въ казну по 2 р. 50 к. съ десятины.

Но правительство не хотѣло и думать объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Имп. Николай, въ своей рѣчи въ государственномъ совѣтѣ, въ 1842 г., категорически заявилъ; что „въ настоящую эпоху всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства". Но и для ограниченія крѣпостнаго права было сдѣлано до такой степени мало, что далеко не были выполнены требованія, высказанныя въ этомъ отношеніи лучшими представителями общества еще во вторую половину XVIII вѣка. Несмотря на весьма обстоятельное разсмотрѣніе вопроса о запрещеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли, полнаго ея запрещенія не послѣдовало, и только не позволено было разлучать при этомъ членовъ семейства и запрещено покупать ихъ безъ земли иначе какъ съ приписокою къ населеннымъ имѣніямъ. Повинности крестьянъ были точно опредѣлены лишь въ юго-западномъ краѣ. Для устройства быта дворовыхъ не было принято никакихъ существенныхъ мѣръ, такъ какъ указы 1844 г. о дозволеніи имъ заключать съ помѣщиками договоры относительно своего увольненія не имѣютъ значенія. Относительно предоставленія крестьянамъ права собственности также ничего не было сдѣлано, такъ какъ указъ 3-го марта 1848 г. требовалъ для пріобрѣтенія недвижимой собственности согласія помѣщика и при томъ не допускалъ исковъ относительно прежнихъ пріобрѣтеній на имя господина. Размѣра выкупа, за который можно было бы пріобрѣтать свободу, опредѣлено не было. Распространеніе, въ 1847 г., на всю Россію права выкупаться на свободу при продажѣ имѣнія съ публичнаго торга, было уничтожено менѣе чѣмъ через два года. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, какъ мѣра необязательная, не имѣлъ почти никакихъ результатовъ. Такимъ образомъ, кромѣ частныхъ, неполныхъ мѣръ относительно продажи безъ земли и ограниченія повинностей лишь въ одной мѣстности Россіи, не было сдѣлано ничего серьезнаго, но, повторяемъ еще разъ, очень важно то, что въ николаевскую эпоху

выработалось убѣжденіе въ необходимости надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостнаго права.

При такой инертности правительства въ дѣлѣ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, они, естественно, должны были протестовать противъ помѣщичьей власти и пассивно — самоубійствами и побѣгами, преимущественно въ Новороссію, Бессарабію и на Кавказъ, и активно — поджогами господскихъ усадебъ, нанесеніемъ помѣщикамъ ранъ и побоевъ и даже сѣченіемъ ихъ, покушеніями на убійство и убійствами помѣщиковъ и управляющихъ (убійствъ помѣщиковъ за послѣднія 20 лѣтъ николаевскаго царствованія было, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 144) и, наконецъ, волненіями, которыхъ въ теченіе 29 лѣтъ, съ 1826 по 1854 г., было 556. Наибольшее количество волненій (54, въ 27 губерніяхъ) приходится на 1848 г., при чемъ двѣ трети ихъ были усмирены лишь при помощи военныхъ отрядовъ. Особенно серьезно было обширное волненіе въ витебской губерніи въ 1847 г. и движеніе въ 10 губерніяхъ, начавшееся въ 1854 г., послѣ вызова охотниковъ въ гребную флотилію.

Въ нашей печати, какъ мы видѣли, было совершенно невозможно развить полную программу, на основаніи которой должно было совершиться освобожденіе крестьянъ; поэтому особенное значеніе должны были имѣть труды по крестьянскому вопросу тѣхъ русскихъ интеллигентныхъ людей, которымъ пришлось жить за границей и которые могли здѣсь свободно, безъ всякихъ стѣсненій, высказать свои мысли по этому предмету. Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ извѣстное сочиненіе Н. И. Тургенева („La Russie et les Russes“, 1847 г.) и труды А. И. Герцена. Тургеневъ предъявилъ болѣе чѣмъ умѣренныя требованія въ дѣлѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ готовъ былъ примирится даже съ дарованіемъ имъ одной личной свободы или точнѣе сказать, съ надѣленіемъ ихъ одними усадебными землями. Правда, авторъ допускаетъ и освобожденіе съ землею, но предоставляетъ крестьянину лишь одну десятину на душу, т. е. тотъ нищенскій надѣлъ, который, включенный въ Положеніе 19-го февраля при обсужденіи его въ государственномъ совѣтѣ, привелъ къ такимъ

печальнымъ послѣдствіямъ. Только въ случаѣ появленія особыхъ обстоятельствъ, „настоятельно требующихъ“ быстраго и окончательнаго освобожденія крестьянъ, авторъ готовъ допустить предоставленіе крестьянамъ трети или четверти помѣщичьихъ пахотныхъ земель и луговъ. Заслугу Тургенева, для своего времени, составляетъ то, что онъ доказываетъ невозможность вознагражденія помѣщиковъ ни за усадебныя земли крестьянъ, ни за отводимые имъ небольшіе надѣлы въ случаѣ освобожденія съ землею; но нельзя не пожалѣть о совершенномъ непониманіи имъ полезнаго значенія нашего общиннаго землевладѣнія.

Программа Тургенева не удовлетворяла уже передовыхъ русскихъ людей того времени и, между прочимъ, вызвала суровую критику одного изъ товарищей автора по тайному обществу, Н. А. Бестужева. Послѣднимъ словомъ русской интеллигенціи по крестьянскому вопросу въ разсматриваемую эпоху была программа, развитая А. И. Герценомъ въ его сочиненіяхъ, изданныхъ за границей до 1855 года. Герценъ утверждалъ, что не только освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землею, но что необходимо предоставить имъ всю ту землю, которою они теперь пользуются, и при томъ сохранить общинное землевладѣніе. По его мнѣнію, если иниціативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью. Освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ: возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ. Эта программа, черезъ нѣсколько лѣтъ, если не вполнѣ, то въ значительной степени, сдѣлалась и правительственною программою, разумѣется, уже въ новое царствованіе.

События 1848 г. въ Западной Европѣ послужили поводомъ къ полной реакціи у насъ въ крестьянскомъ дѣлѣ: напротивъ, тамъ они дали толчекъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ Германіи и Австріи, для окончательнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Послѣ этихъ мѣръ явилось болѣе основанія считать крѣпостное право явленіемъ исключительно нашимъ, вполнѣ самобытнымъ (слова гр. Уварова

показываютъ, что такъ и смотрѣла на него мѣстная администрація) и тѣмъ ревностнѣе его охраняла. Высшіе сановники, какъ видно изъ многихъ мнѣній по крестьянскому вопросу, понимали, что крестьянская реформа нераздѣльна съ общею реорганизаціею государства. Для этого нужны были новыя силы, и онѣ нашлись, какъ только на нихъ предъявленъ былъ запросъ. Но партизаны стараго порядка не сдались безъ боя, несмотря на поддержку дѣлу освобожденія со стороны имп. Александра II, и съумѣли оставить по себѣ память кое въ чемъ существенномъ и въ самой великой реформѣ.

Мы представили этотъ сжатый очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, подробно изложенной въ настоящемъ двухтомномъ трудѣ, для того, чтобы дать читателямъ руководящую нить при ознакомленіи со всѣми деталями въ ходѣ этого дѣла.

Сочиненіе наше составлено въ значительной степени на основаніи источниковъ неизданныхъ, хранящихся въ слѣдующихъ архивахъ и древне-хранилищахъ: Архивѣ Вольнаго Экономическаго общества (отвѣты на задачи общества въ XVIII и первой четверти XIX вѣка, журналы и протоколы общества), Архивѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ (преимущественно дѣла бывшаго V отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи), Архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣленія Государственнаго Совѣта (документы Екатерининской законодательной коммиссіи и дѣла бывшаго II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи), Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ (преимущественно переписка кн. А. Д. и А. М. Голицыныхъ и нѣкоторыя рукописи библіотеки Архива), рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, Румянцовскомъ музеѣ и собраніи рукописей редакціи „Русской Старины", а также на основаніи принадлежащихъ мнѣ рукописей (преимущественно копіи съ дѣлопроизводства нѣсколькихъ секретныхъ комитетовъ въ царствованіе императора Николая по крестьянскому вопросу). Точныя указанія на всѣ эти неизданные матеріалы, а также на всѣ печатные источники и пособія сдѣланы въ своемъ мѣстѣ.

Въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ отдѣльнаго труда, обнимающаго исторію крестьянскаго вопроса во всю разсматриваемую нами эпоху. Первую попытку представить очеркъ исторіи вопроса объ ограниченіи и уничтоженіи крѣпостнаго права до вступленія на престолъ имп. Александра II сдѣлалъ проф. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права" (1870 г., см. стр. 345—394). О крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII и XIX вѣкѣ говоритъ между прочимъ и проф. Энгельманъ въ своей книгѣ „Die Leibeigenschaft in Russland" (1884). Нѣкоторые отдѣльные моменты этой исторіи затрогивали слѣдующія лица. Г. Мулловъ, въ статьѣ „Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка" въ „Запискахъ Казанскаго Экономическаго Общества" (1859 г. №№ 3 и 4), обозрѣваетъ статьи по этому предмету, помѣщенныя въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества" съ 1765 по 1800 г. Ходневъ въ „Исторіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества" (1865 г.) сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ обнародованіи извѣстной задачи 1766 г. о правѣ собственности крестьянъ и присужденіи награды за лучшіе отвѣты, а также и о нѣкоторыхъ другихъ задачахъ, но слишкомъ кратко и неполно, не воспользовавшись дѣлами архива общества, а ограничиваясь его протоколами. Проф. Иконниковъ въ сочиненіи „Гр. Н. С. Мордвиновъ" (1873 г.) сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе имп. Александра I (см. стр. 31—35, 209—244). В. И. Вешняковъ въ своей книжкѣ „Крестьяне-собственники въ Россіи" преимущественно остановился на исторіи такъ называемыхъ свободныхъ хлѣбопашцевъ въ юридическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, но къ сожалѣнію не разработалъ данныхъ напечатанной имъ „вѣдомости" въ экономическомъ отношеніи. Въ книгѣ „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II" сдѣланъ былъ впервые краткій очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе императора Николая (стр. 37—97). Въ статьѣ В. Шульгина „Юго-западный край подъ управленіемъ Д. Г. Бибикова" („Древняя и Новая Россія" 1879 г.

т. II) авторъ между прочимъ говоритъ о крестьянскомъ вопросѣ въ юго-западной Россіи въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Но всего важнѣе для исторіи крестьянскаго вопроса въ эпоху имп. Николая почтенный трудъ Заблоцкаго-Десятовскаго „Гр. Киселевъ и его время“ (1882 г.). во II томѣ (стр. 203—330) авторъ преимущественно остановился на исторіи секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу при имп. Николаѣ, но во первыхъ онъ, конечно, разсмотрѣлъ лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ участвовалъ Киселевъ, а во вторыхъ по общей задачѣ своего біографическаго труда авторъ не могъ говорить о дѣятельности этихъ комитетовъ съ достаточною подробностью; въ IV томѣ Заблоцкій-Десятовскій напечаталъ нѣкоторые документы, весьма важные для исторіи крестьянскаго дѣла. Почти относительно всѣхъ комитетовъ, разсмотрѣнныхъ авторомъ этого труда, мы имѣли копіи съ ихъ дѣлопроизводства и потому могли разсмотрѣть ихъ дѣятельность весьма подробно.

Непосредственнымъ продолженіемъ нашего сочиненія могутъ служить труды проф. Иванюкова „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ (1882 г.) и г. Скребицкаго „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II“ (4 тома. 1862—68 гг.) [1].

---

[1]) Литература по исторіи крѣпостныхъ и иныхъ крестьянъ въ Россіи указана во введеніи къ нашему труду „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“ (1881 г.). Для интересующихся исторіей крестьянъ въ XVIII вѣкѣ не лишнимъ будетъ указать на нѣсколько нашихъ статей по этому предмету, которыя не вошли въ только что названный трудъ: „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II“ („Русская Старина“ 1879 г. №№ 1—6); „Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1760—1764 годахъ“ („Вѣстникъ Европы“ 1877 г. №№ 1 и 2); „Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ, въ 1769—1771 гг.“ („Древняя и Новая Россія“ 1877 г. №№ 6 и 7); „Крестьяне дворцоваго вѣдомства въ XVIII в.“ („Вѣстникъ Европы“ 1878 г. №№ 5 и 6); „Крестьяне церковныхъ вотчинъ во второй половинѣ XVIII вѣка“ („Русская Мысль“ 1882 г. №№ 9 и 10); „Сельскій священникъ во второй половинѣ XVIII вѣка“ („Русская Старина“ 1877 г. № 8); „Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка“ (въ журналѣ „Устои“ 1882 г. №№ 1 и 2); „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II“ („Отечеств. Зап.“ 1877 г. № 8); „Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ“ („Русская Мысль“ 1882 г. № 12).

Наши статьи по исторіи крестьянскаго вопроса, вошедшія въ переработанномъ видѣ въ составъ настоящаго двухтомнаго труда, были первоначально напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1879 г., „Русской Мысли“ 1883—1886 гг. и „Русской Старинѣ“ 1882 и 1887—1888 гг.

Важнѣйшія сочиненія и статьи по исторіи крестьянскаго вопроса въ Остзейскомъ краѣ названы въ настоящемъ трудѣ (см. т. I, стр. 16, 20 и 485). Для желающихъ сравнить ходъ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи и въ западной Европѣ, кромѣ трудовъ, указанныхъ нами ниже (см. т. I, стр. 29 и 63), назовемъ еще статьи проф. Лучицкаго „Исторія крестьянской реформы въ западной Европѣ съ 1789 г." („Кіевскія Университетскія Извѣстія" 1878 г. №№ 10—12, 1879 г. № 2, 1880 г. № 11, 1881 г. №№ 2 и 3); статью Loning'a „Die Befreiung des Bauernstandes in Deutschland und in Livland" („Baltische Monatschrift" 1880. XXVII Band. 2 Heft), новѣйшій трудъ проф. Кнаппа („Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den altern Theilen Preussens" von G. F. Knapp., Leipz. 1887. 2 Bd.). Весьма обстоятельный списокъ иностранныхъ сочиненій по исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса на иностранныхъ языкахъ до 1857 года представляетъ слѣдующая брошюра Boesigk'a: „Systematisches Verzeichniss von Buchern, Zeitschriften, zerstreuten Abhandlungen und einzelnen Aufsatzen betreffend die Literatur und Geschichte der Privatunterthansverhaltnisse von der altesten bis auf die neueste Zeit sowie ihrer Aufhebung in den verschiedenen Landern Europa's. Als Manuscript gedruckt. Dresden. 1857.

Въ заключеніе намъ остается принести глубокую благодарность лицамъ, такъ или иначе оказавшимъ содѣйствіе нашему труду. Г. Товарищъ Министра Государственныхъ Имуществъ В. И. Вешняковъ благосклонно разрѣшилъ намъ доступъ въ архивъ министерства; директоръ Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, дозволилъ намъ пересмотрѣть весь архивъ вицеканцлера имп. Екатерины II, кн. А. М. Голицына, тогда еще не разобранный. Затѣмъ способствовали нашему труду указаніями, доставленіемъ книгъ и рукописей или содѣйствіемъ при пользованіи рукописями: директоръ Имп. Публичной Библіотеки академикъ А. Ѳ. Бычковъ, И. А. Бычковъ, В. К. Запорошенко, В. К. Иванкевичъ, академикъ А. А. Куникъ, В. И. Межовъ, начальникъ архива Министерства Государственныхъ Имуществъ В. А. Мулюкинъ, А. Н. Пыпинъ, В. И. Саитовъ, редакторъ журнала „Рус-

ская Старина" М. И. Семевскій, В. И. Сергѣевичъ, П. А. Шафрановъ и В. Е. Якушкинъ. Приносимъ искреннюю признательность всѣмъ этимъ лицамъ, а также гг. библіотекарямъ: Публичной Библіотеки В. И. Ламбину и Н. А. Соколовскому, Академической Библіотеки — Б. Н. Ламбину и П. А. Сырку и университетской Ф. П. Хребтову, которыхъ намъ приходилось постоянно безпокоить.

ГЛАВА I.

Мысль князя В. В. Голицына [illegible] — [illegible] Посошкова. — [illegible] Кантемиръ. — [illegible] Петра В. — [illegible]

Въ первый разъ мысль объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи была высказана еще въ концѣ XVII вѣка выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, игравшимъ первостепенную роль въ правленіе царевны Софіи, княземъ В. В. Голицынымъ. Единственное свидѣтельство объ этомъ принадлежитъ иностранцу, посѣтившему въ то время Россію, и оно могло бы показаться неправдоподобнымъ, если бы князь В. Голицынъ не былъ однимъ изъ немногихъ въ Россіи европейски образованныхъ людей того времени [1]).

Онъ вполнѣ бѣгло говорилъ по латыни, такъ что могъ объясняться съ иностранными посланниками безъ помощи толмача, а это было тогда большою рѣдкостью: по свидѣтельству Невилля, только четверо русскихъ умѣли говорить по латыни. Понятно, что Голицынъ любилъ иностранцевъ и входилъ съ ними въ частыя сношенія. [illegible] Голицына [illegible] время царствованія Өеодора Алексѣевича тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ уничтоженія мѣстничества. [illegible] первенствующее положеніе при царевнѣ Софіи онъ [illegible] обширными проектами. Онъ выстроилъ каменное [illegible] Греціи нѣсколькихъ ученыхъ, приказалъ пріобрѣсти изъ за границы много хорошихъ книгъ; онъ уговаривалъ бояръ учить своихъ дѣтей, посылая ихъ въ латинскія коллегіи въ Польшѣ; совѣтовалъ приглашать польскихъ учителей, дозволилъ иностранцамъ пріѣзжать въ Россію и уѣзжать изъ нея. Онъ желалъ, чтобы дворяне путешествовали и учились за границею военному искусству, [illegible] образованіи регулярной арміи онъ хотѣлъ содержать [illegible] главнѣйшихъ городахъ Европы, наконецъ, ввести въ Россіи [illegible]

[1]) [illegible] Fürst W. W. Golyzin [illegible] Revue", 1878 [illegible]; Соловьевъ, XIV, 9—93.

вѣта. „Если бы я пожелалъ написать все, что узналъ отъ князя“, говоритъ Невилль, „я бы никогда не кончилъ; довольно сказать, что онъ хотѣлъ населить пустыни, обогатить нищихъ, сдѣлать людей изъ дикарей, храбрецовъ изъ трусовъ и превратить пастушьи хижины въ каменные дворцы“ [1]).

Послѣдняя фраза заставляетъ думать, что Голицынъ умѣлъ пустить пыль въ глаза иностранцу. Повидимому, серьезнѣе задумывался онъ надъ мыслію объ освобожденіи крестьянъ. „Цѣлію князя было“, говоритъ Невилль, „поставить Россію на одну доску съ прочими государствами; для этого онъ желалъ собрать свѣдѣнія обо всѣхъ европейскихъ державахъ и ихъ управленіи. Онъ хотѣлъ начать *освобожденіемъ крестьянъ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обрабатываютъ*, съ тѣмъ, чтобы они платили царю ежегодный оброкъ, который, по сдѣланному имъ вычисленію, увеличилъ бы болѣе чѣмъ на половину доходъ этихъ государствъ, равняющійся нынѣ чистыми деньгами не болѣе 7—8 милл. ливровъ на французскую монету. Что касается до случайныхъ [illegible], составляющихъ остальную часть дохода, то очень трудно опредѣлить настоящую ея цѣну“. Онъ „надѣялся такимъ образомъ сдѣлать эти племена трудолюбивыми и промышленными въ надеждѣ обогащенія“. Далѣе Невилль увѣряетъ, что Голицынъ намѣревался, въ [illegible] выгодѣ казны и служилыхъ людей, производить всѣ государственные расходы на деньги, между тѣмъ какъ прежде жалованье выдавалось отчасти мѣхами; для этого онъ хотѣлъ посылать мѣха на продажу въ иностранныя государства. Невилль говоритъ при этомъ, что Голицынъ желалъ замѣнить регулярною арміею „походы крестьянъ, земли которыхъ остаются необработанными, когда ихъ уводятъ на войну, и вмѣсто этой безполезной для государства повинности обложить ихъ умѣренною поголовною податью“ [2]). Нельзя не обратить вниманія на то, что это извѣстіе, весьма важное, извѣстіе о замыслахъ Голицына относительно освобожденія крестьянъ находится въ той части книги Невилля, гдѣ онъ передаетъ свѣдѣнія, собранныя имъ отъ [illegible] Спафарія. Голицынъ могъ изъ простого тщеславія блистать своимъ либерализмомъ предъ заѣзжимъ иностранцемъ, но едва ли онъ сталъ бы говорить неискренно съ призваннымъ къ намъ на постоянную службу ученымъ. Все приведенное мѣсто, если его сопоставить съ взглядами объ учрежденіи регулярныхъ армій, представляетъ довольно стройную систему; выдумать же этого Невилль не могъ, потому что въ то время въ западной Европѣ не было и рѣчи объ освобожденіи крестьянъ [illegible]. Невилль [illegible] свѣдѣнія [illegible] приводимыя, которыя мы можемъ провѣрить, весьма близки къ истинѣ. Онъ говоритъ, что доходъ

[1]) De la Neuville, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1698, p. 175—178.
[2]) De la Neuville, p. 215—216, 218—219, 176.

русскихъ государей равнялся въ то время 7—8 милл. ливровъ; такъ какъ по его собственному указанію, нашъ рубль былъ почти равенъ пяти французскимъ ливрамъ, то, слѣдовательно, 7 милліон. ливровъ составляютъ 1.400,000 руб., а по свидѣтельству Котошихина [1]), денежный доходъ государства, за исключеніемъ цѣнности сибирскихъ мѣховъ, равнялся 1.300,000 рублей; слѣдовательно, эти показанія совершенно совпадаютъ. Возможно ли было бы на средства, доставленныя такимъ образомъ, уплатить жалованье всѣмъ служилымъ людямъ, верстаннымъ помѣстьями,— это другой вопросъ [2]); для введенія же регулярной арміи предполагался общій поголовный налогъ [3]).

Князь Голицынъ не только не осуществилъ своей мысли объ освобожденіи крестьянъ, но даже ничего не сдѣлалъ для улучшенія быта крѣпостныхъ; быть можетъ, это отчасти объясняется тѣмъ, что онъ принужденъ былъ посвятить себя преимущественно военной и дипломатической дѣятельности. Но, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательно, что онъ предавался именно такимъ мечтамъ. Послѣдующимъ государственнымъ дѣятелямъ, въ теченіе всей первой половины XVIII в. не приходило и мысли объ освобожденіи крестьянъ. Особенно важно то, что Голицынъ считалъ необходимымъ освободить крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, слѣдовательно, являлся государственнымъ дѣятелемъ, понимающимъ, въ чемъ состоитъ самая настоятельная потребность русскаго народа. Такимъ образомъ, исторія крестьянскаго вопроса въ Россіи не только оканчивается, но и начинается мыслію о земельномъ надѣлѣ.

Первыя попытки остановить развитіе крѣпостнаго права, наряду, впрочемъ, съ мѣрами, его усиливавшими, относятся къ эпохѣ Петра В. Нельзя отрицать того, что, вслѣдствіе окончательнаго уравненія

---

[1]) Котошихинъ, изд. 2-е, 101, 77.

[2]) Ср. *Гольцевъ*, „Государственное хозяйство во Франціи въ XVII в.“ 1878 г. стр. 141.

[3]) Проф. Ключевскій о проектѣ Голицына говоритъ: „его планъ построенъ былъ на коренномъ положеніи служилаго землевладѣнія, вотчиннаго и помѣстнаго. Издавна установилось въ помѣстьяхъ и вотчинахъ хозяйственное и частью податное раздѣленіе земли на барскую пашню и крестьянскіе участки. Поземельное прикрѣпленіе узаконило это раздѣленіе: по смыслу его, впрочемъ выраженному нерѣшительно въ законодательствѣ XVII вѣка, запрещалось сгонять крестьянина съ участка, къ которому онъ приписанъ, и слѣдовательно брать изъ подъ крестьянина участокъ, который за нимъ записанъ. Какъ средство матеріальнаго обезпеченія служилаго класса, вотчинное и помѣстное землевладѣніе служило замѣной денежнаго жалованья. Оберегая указанное раздѣленіе земель, планъ Голицына возстановлялъ это жалованье, точнѣе говоря увеличивалъ существовавшіе уже оклады, черпая нужныя для того средства изъ казеннаго оброка, которымъ облагались крестьяне за предоставленную имъ землю взамѣнъ платежей и повинностей въ пользу владѣльцевъ. Вотчинныя и помѣстныя земли предполагалось выкупить, какъ въ XVI в. выкуплены были кормленія“ („Боярская Дума“ М. 1882 г., стр. 331—333).

крестьянъ съ холопами въ отбываніи государственныхъ повинностей, вызваннаго финансовыми потребностями государства, крѣпостное право усилилось: кабальные холопы (по указамъ о ревизіи) дѣлались свободными въ случаѣ смерти господина, теперь же они утратили это право. Но рядомъ съ этимъ Петръ В. принялъ нѣсколько мѣръ, ограничивающихъ власть помѣщика надъ крѣпостными: онъ дозволилъ дворовымъ людямъ поступать въ военную службу и безъ согласія господина; крестьянамъ, которые вели торговлю на извѣстную сумму, разрѣшено было приписываться къ городамъ, даже и вопреки желанію помѣщика, причемъ послѣдніе не могли брать съ нихъ оброка болѣе, чѣмъ съ остальныхъ крестьянъ; въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ разорялъ крестьянъ, то имѣніе его велѣно было отдавать близкимъ родственникамъ до исправленія, а самихъ разорителей посылать до исправленія *подъ начало*; уничтожено было право помѣщиковъ ставить за себя на правежъ своихъ крѣпостныхъ; при введеніи единонаслѣдія также отчасти имѣлось въ виду улучшить положеніе крестьянъ; наконецъ, Петръ Великій обратилъ вниманіе сената на необходимость принять мѣры для ограниченія торговли людьми безъ земли [1]. Самое введеніе подушной подати, хотя и усиливало крѣпостное право, имѣло въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезное вліяніе. Изслѣдователи внутренняго быта Россіи въ XVII ст. замѣчаютъ весьма странное явленіе: несмотря на относительное изобиліе въ это время земли, крестьянскія пашни имѣютъ небольшой размѣръ, такъ что пахотный участокъ въ 6 десятинъ *на дворъ* принадлежитъ къ числу крупныхъ. Это объясняютъ тѣмъ, что обложеніе податью обрабатываемой крестьянами земли вредно отзывалось на развитіи земледѣлія [2]. Наблюденіе это подтверждается и извѣстнымъ современникомъ Петра Великаго, Посошковымъ, который выражаетъ желаніе, чтобы крестьянамъ было назначено на каждый дворъ [illegible] десятинъ пахотной земли. Хотя въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ повышаетъ размѣръ желаемаго надѣла до 9-ти десятинъ, но это количество было гораздо менѣе того, сколько распахивали кре-

---

[1]) Однако, не всѣ мѣры Петра В. исполнялись. Такъ запрещеніе помѣщикамъ принуждать крѣпостныхъ къ браку, а также препятствовать имъ крѣпостнымъ [illegible] выходить замужъ, въ случаѣ если женихъ согласится заплатить обычный [illegible] (указъ 1724 г.), осталось мертвою буквою вслѣдствіе того, что правительство не [illegible] за исполненіемъ этихъ правилъ. Точно также не исполнялся [illegible] Петра объ отдачѣ въ опеку имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые разоряли своихъ крестьянъ: объ этомъ находимъ прямое свидѣтельство въ Посошковѣ, и только отъ [illegible] времени [illegible] личности, которыя уже слишкомъ нагло злоупотребляли своими правами.

[2]) *[illegible]*, „Право и участь въ исторіи крестьянскаго вопроса" въ газетѣ „Русь" 1881 г., № 28, стр. 15.

ствіе во вторую половину XVIII в. Тогда размѣръ запашки въ различныхъ губерніяхъ Великороссіи простирался въ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ отъ 3-хъ до 6-ти десятинъ на *ревизскую душу*, а такихъ душъ считалось въ это время среднимъ числомъ отъ 3-хъ до 4-хъ въ каждомъ дворѣ [1]).

Хотя Петръ Великій принялъ кое-какія мѣры для ограниченія крѣпостнаго права, но нѣкоторые его современники желали гораздо большаго въ этомъ направленіи. Такимъ энергическимъ заступникомъ задавленнаго народа явился Посошковъ. Мы не будемъ приводить извѣстнаго мѣста его сочиненія, въ которомъ онъ рисуетъ печальное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ [2]), и остановимся только на его мнѣніяхъ объ измѣненіи ихъ быта. Посошковъ предвидѣлъ возможность освобожденія крестьянъ. „Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы", говоритъ онъ: „того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямый ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное".

Предвидя, что рабству крестьянъ настанетъ когда-нибудь конецъ, Посошковъ не мечталъ, однако, о полномъ ихъ освобожденіи; онъ считалъ, повидимому, несвоевременнымъ прекращеніе личной зависимости и даже полагалъ, что надзоръ помѣщиковъ необходимъ, чтобы крестьяне не предавались праздности; поэтому онъ предоставляетъ владѣльцамъ право наказывать крѣпостныхъ, виновныхъ въ лѣности, пьянствѣ и воровствѣ. Но онъ желалъ точно опредѣлить размѣръ поборовъ и повинностей въ пользу помѣщика. Для этого онъ предлагаетъ предоставить всѣмъ помѣщикамъ посовѣтоваться между собою о томъ, какіе поборы брать съ крестьянъ и какой барщины требовать; опредѣлить по скольку брать съ двора денегъ и столовыхъ запасовъ, какое количество пашни крестьянъ обрабатывать на помѣщика, сколько требовать подводъ во годъ; но онъ не считалъ возможнымъ дать при этомъ владѣльцамъ полную свободу, такъ какъ то соглашеніе, къ которому они пришли бы, должно было быть представлено на утвержденіе государя. Разъ объявленное царскимъ указомъ постановленіе о платежахъ и повинностяхъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщики должны соблюдать самымъ строгимъ образомъ подъ страхомъ лишенія помѣстья за его нарушеніе; тогда „и самый злонравный [illegible] обидѣть себя и крестьянъ разорять не станетъ". Судьба которыхъ бу-

[1]) См. мою книгу: „Крестьяне при Екатеринѣ II", т. I. Спб. 1881.
[2]) См. „Сочиненія Ив. Посошкова", изд. Погодина. М. 1842. I, 182—18[illegible].

детъ оказывать послабленіе владѣльцу и не производить слѣдствія по жалобамъ крестьянъ, слѣдуетъ казнить смертію.

Но что же принять за основаніе при опредѣленіи повинностей? Посошковъ справедливо считаетъ неудобнымъ раскладку налога по душамъ, такъ какъ душа—вещь „цѣны неимущая", а „надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя": „по здравому разсужденію надлежитъ крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по воротамъ, не по дымамъ и избамъ, но по владѣнію земли и по засѣву хлѣба на томъ его владѣніи". Посошковъ указываетъ также, сколько, по его мнѣнію, слѣдуетъ дать крестьянамъ земли. Въ одномъ мѣстѣ онъ полагаетъ, что на цѣлый дворъ слѣдуетъ назначить пахотной земли по двѣ десятины въ каждомъ полѣ, въ другомъ же считаетъ нужнымъ, чтобы крестьянинъ могъ посѣять озимой ржи по четыре четверти, а ярового по 8 четвертей, да сѣна накосить 20 копенъ; это составитъ, по тогдашнему посѣву, около 3-хъ десятинъ пахотной земли въ каждомъ полѣ, да 2 десятины покоса, итого 11 десятинъ, не считая лѣса и разныхъ угодій; но и этого количества было бы недостаточно: мы впослѣдствіи увидимъ, что помѣщики-агрономы въ своихъ проэктахъ находили нужнымъ давать по 3 десятины въ полѣ *на каждую душу* одной пахотной земли.

Весьма замѣчательно, что Посошковъ находилъ необходимымъ окончательно и навсегда отдѣлить крестьянскую землю отъ помѣщичьей, на томъ основаніи, что помѣщичьи земли онъ предлагалъ обложить несравненно меньшимъ налогомъ, чѣмъ крестьянскія: о послѣднихъ онъ говоритъ, что имъ „за помѣщиками и числитъ не надлежитъ" [1]. Такое строгое раздѣленіе земель господскихъ и крестьянскихъ было проведено въ Лифляндіи шведскимъ правительствомъ и также по причинѣ неодинаковаго ихъ обложенія. Но осуществленіе этой мѣры лишь въ такомъ случаѣ было бы выгодно для крестьянъ, если бы въ надѣлъ имъ было дано гораздо больше земли, чѣмъ предлагалъ Посошковъ. Конечно, совершенное отдѣленіе крестьянской земли отъ помѣщичьей гарантировало бы крестьянъ отъ полнаго обезземеленія и превращенія въ батраковъ, какъ это бывало, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVIII в. (см. ниже свидѣтельство Рычкова). Но такіе случаи были несомнѣнно большою рѣдкостью; обыкновенно же крестьяне пользовались большимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое предложилъ дать имъ Посошковъ, особенно въ оброчныхъ вотчинахъ, а такихъ, при общей обязательной службѣ всего дворянства, было вѣроятно болѣе, чѣмъ имѣній, гдѣ крестьяне были на барщинѣ [2]. При условіяхъ, предложенныхъ Посошко-

[1]) Ibid. I, 183—188, 190, 201—202, 206, 207.

[2]) Въ послѣдней четверти XVIII вѣка въ 20 губерніяхъ Великороссіи оброчныхъ крестьянъ было 44%, барщинныхъ 56%. См. мою книгу „Крестьяне при Екатеринѣ II", т. I, 45.

имъ. нельзя было желать, ради блага большинства крестьянъ, осуществленія предложенной имъ мѣры, но во всякомъ случаѣ въ принципѣ нельзя не признать весьма полезною мысль о полномъ отдѣленіи земель крестьянскихъ отъ помѣщичьихъ.

Еще важнѣе требованіе Посошкова объ опредѣленіи крестьянскихъ обязанностей: только черезъ семьдесятъ лѣтъ правительство (при импер. Павлѣ) сдѣлало слабую попытку ограниченія произвола владѣльца относительно количества барщинныхъ дней, тогда какъ сборы оброка, годовыхъ запасовъ и назначеніе подводъ оставлено было по прежнему на усмотрѣніе помѣщика; а между тѣмъ еще Посошковъ указывалъ, что все это необходимо точно опредѣлить.

Послѣ Посошкова наступаетъ полное затишье въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ въ исторіи крестьянскаго вопроса. Смѣлый крестьянинъ поплатился тюрьмою за свое безстрашное слово, а другаго такого крестьянина не нашлось. Тутъ на мысль невольно приходитъ имя Ломоносова: неужели не сказалъ онъ ничего въ защиту порабощенныхъ земледѣльцевъ? Увы! мы находимъ у него только одинъ слабый намекъ въ „Разсужденіи о размноженіи россійскаго народа". „Побѣги", говоритъ онъ тамъ, „бываютъ болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянъ и отъ солдатскихъ наборовъ" [1]. Смѣлые голоса изъ народа о положеніи крестьянъ мы услышимъ только въ екатерининской коммиссіи для составленія Новаго Уложенія.

Что касается образованныхъ людей изъ дворянъ, то въ первой половинѣ XVIII в. они ограничивались тѣмъ, что иногда составляли подробные наказы объ управленіи ихъ имѣніями, въ которыхъ возлагали на намѣстника обязанность заботиться о всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ интересахъ крестьянъ (какъ это сдѣлали Волынскій и Татищевъ), но далѣе не предлагали какихъ нибудь существенныхъ измѣненій въ положеніи крѣпостного населенія. Такъ напримѣръ, Татищеву, человѣку весьма образованному, было очень хорошо извѣстно, что не вездѣ въ Европѣ существуетъ крѣпостное право; онъ долженъ былъ знать это не только изъ книгъ, но и по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, такъ какъ Швеція, которую онъ посѣтилъ по порученію Петра Великаго, освободившись въ XIV столѣтіи отъ существовавшаго въ ней до тѣхъ поръ рабства, вовсе не знала крѣпостного права. И дѣйствительно, въ одномъ изъ примѣчаній къ своему изданію „Судебника" Татищевъ говоритъ: „Вольность крестьянъ и холопей хотя мало не во всѣхъ европейскихъ государствахъ узаконена и многую въ себѣ государству пользу заключаетъ, что можетъ и у насъ тогда (т. е. при Иванѣ Гроз-

---

[1]) „О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа" (см. „Русск. Старина", 1873 г., т. VIII, стр. 579.

и что [illegible] было, „и [illegible] было полезно въ которыхъ, потому что безумные начальники не прилѣжали ихъ и не принуждали рабочихъ разоренныхъ обращаться въ бѣгство, а въ которыхъ не было такихъ глупостей и жестъ въ судахъ о бѣглыхъ людяхъ между помѣщиками и селянами. Подъ волею сію Татищевъ, очевидно, разумѣетъ тутъ личную свободу, свободу перехода и признаетъ ея полезность не только для Европы и прежней Россіи, но указываетъ на одно обстоятельство, которое было бы весьма благопріятно для высшаго сословія и въ его время [1]; тѣмъ не менѣе, однако, онъ считаетъ невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостнаго права: „оное съ нашею формою правленія монархическаго не согласуетъ, и вкоренившійся обычай неволи перемѣнить не безопасно" [2].

Такимъ образомъ мы видимъ, что самые передовые люди первой половины XVIII в. вовсе не думаютъ объ уничтоженіи крѣпостного права: понятно, что въ дворянскихъ проектахъ, составленныхъ въ 1730 г. при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, нѣтъ и рѣчи объ ограниченіи крѣпостнаго права [3].

Кантемиръ въ своихъ сатирахъ очень мало задѣваетъ крѣпостное право. Во второй сатирѣ есть такіе стихи:

„Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою ([illegible] лишь прилично).
Жестокосердъ крайне: плоть въ слугѣ твоей однолична" (т. е. тѣло
у слуги такое же, какъ у тебя [4]).

Въ другой сатирѣ авторъ затрогиваетъ повинности крѣпостныхъ крестьянъ:

„Пахарь, соху ведучі, иль оброкъ считая,
Не однажды привздохнётъ, слезы отирая:
За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
. . . .

---

[1]) „Тогда бы въ добрыхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителяхъ мы такого недостатка не терпѣли-бы", замѣчаетъ онъ.

[2]) „Судебникъ", изд. Татищева, прим. къ § 88.

[3]) *Корсаковъ*. „Воцареніе имп. Анны Іоанновны". Каз., 1880 г.

[4]) Въ объясненіи автора къ этому мѣсту сказано: „За малѣйшую вину, какова есть махнуть одною рукою вмѣсто другой, будто бы виновнаго надлежитъ можно бить до [illegible]. Вмѣстѣ обличается должна также суровость господъ къ служителямъ. [illegible] имъ поступать съ милостію и, сколько можно, отдалять [illegible], а когда и нужда растерть къ наказанію, наказывать безъ злобы и въ одномъ намѣреніи, чтобъ вина смалая исправили, и его примѣромъ другихъ отъ злыхъ [illegible] человѣка, который обороны противъ насъ не имѣетъ".

Для меня бъ свинья мой только поросилась,
Съ коровы мнѣ-бъ молоко, мнѣ-бъ куря носилась:
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ“.

Но эти жалобы смягчаются тѣмъ, что, попавъ въ солдаты, крестьянинъ жалѣетъ о своей прежней долѣ [1]).

Время отъ преемниковъ Петра Великаго до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II представляетъ глухую пору въ исторіи крестьянскаго вопроса и въ сферѣ законодательной. Крѣпостное и посессіонное право въ это время и распространялось, и усиливалось, не встрѣчая никакихъ ограниченій. Численность крѣпостныхъ увеличивалась посредствомъ прикрѣпленія по ревизіямъ и посредствомъ пожалованія населенныхъ имѣній. По ревизіямъ люди, не избравшіе себѣ опредѣленнаго образа жизни, или навсегда отдавались на фабрики, или приписывались къ помѣщикамъ (такъ, по указанію автора, были въ крѣпостные или посессіонные, т.-е. прикрѣпляемые къ фабрикамъ) вольноотпущенники, незаконнорожденные, бродяги, заштатные церковные служители, сироты, незаконнорожденные, пришлые, плѣнные и пр. [2]). Что касается пожалованія населенныхъ имѣній, то въ царствованіе Петра Великаго изъ однихъ дворцовыхъ волостей было пожаловано въ вотчины и помѣстья съ 1682 по 1710 г. болѣе 170-ти тысячъ душъ (43,655 дворовъ); со смерти же Петра до Екатерины II было пожаловано въ населенныхъ имѣніяхъ нѣсколько сотъ тысячъ душъ. Слѣдуетъ, правда, оговориться, что въ эту послѣднюю эпоху пожалованія производились преимущественно изъ конфискованныхъ имѣній и, кромѣ того, изъ выморочныхъ, въ которыхъ, слѣдовательно, крестьяне были и прежде крѣпостными, но жаловались также вотчины дворцовыя и государевы, въ Малороссіи свободныя войсковыя деревни, въ Остзейскомъ краѣ — коронныя мызы. Нѣкоторымъ ничтожнымъ ограниченіемъ распространенія крѣпостнаго права служило то, что въ первую половину XVIII ст. владѣніе населенными имѣніями (кромѣ купленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ) дѣлается исключительнымъ достояніемъ дворянъ, причемъ лица, не имѣвшія права владѣть крѣпостными, должны были продать ихъ въ узаконенный срокъ; въ противномъ же случаѣ, принадлежавшія имъ населенныя имѣнія отбирались въ казну.

Рядомъ съ распространеніемъ крѣпостнаго права, шло и усиленіе его

[1]) Сочиненія Кантемира, изд. подъ редакціею Ефремова, С.-Пб. 1867 г. I, 46, 61, 120. Впервые сатиры Кантемира были изданы въ 1762 г., 18 лѣтъ по смерти автора.

[2]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ касаться посессіоннаго права, см. о немъ нашу книгу: „Крестьяне при Екатеринѣ II“, С.-Пб. 1881 г., т. I.

по закону. Въ 1727 г., въ отмѣну закона Петра Великаго, было запрещено дворовымъ поступать въ военную службу безъ согласія помѣщика; императрица Елизавета не только подтвердила это постановленіе, но и приказала подвергать суровому наказанію крѣпостныхъ, самовольно подавшихъ прошеніе о принятіи ихъ въ военную службу. Еще важнѣе было то, что императрица Елизавета, въ видахъ колонизаціи Сибири, дозволила въ 1760 г. помѣщикамъ отправлять туда своихъ крестьянъ на поселеніе, при чемъ помѣщикъ не только избавлялся отъ неугодившаго ему крестьянина или двороваго, но даже получалъ за него рекрутскую квитанцію, и могъ разлучить дѣтей съ родителями. Упомянемъ, наконецъ, что при Петрѣ III въ 1762 г. велѣно было для причисленія крѣпостныхъ къ городу, въ противуположность закону Петра Великаго, требовать увольнительное письмо отъ помѣщика [1]).

Какъ ни тяжело было положеніе крѣпостныхъ въ первую половину XVIII вѣка, но до тѣхъ поръ, пока были закрѣплены всѣ сословія, пока всѣ они несли государственное тягло, закрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками не казалось особенной аномаліей. Дворянское сословіе, само несшее при Петрѣ I нелегкую службу родинѣ, при его преемникахъ заботилось больше всего о томъ, чтобы добиться ограниченія своей служебной лямки, своего закрѣпощенія за государствомъ. Мѣра Петра III, освободившая дворянъ отъ обязательной службы, заставила крестьянъ встрепенуться отъ надежды на ихъ грядущее освобожденіе и, въ то же время, поставила самую серьезную задачу его талантливой преемницѣ.

---

[1]) Есть извѣстіе, что въ 1761 г. въ коммиссіи для составленія новаго уложенія разсуждали о средствахъ привести въ исполненіе указъ, которымъ Петръ В. въ 1721 г. обращалъ вниманіе сената на необходимость прекратить продажу людей въ розницу и будто бы коммиссія предполагала запретить продажу людей безъ земли вовсе и безусловно. („Журналъ коммиссіи для составленія законовъ 26 нояб. 1820 г." въ „Древней и Новой Россіи" 1876 г. № 9, стр. 70). Но во всякомъ случаѣ это предположеніе не было осуществлено. Въ проектѣ, составленномъ въ елизаветинской коммиссіи для составленія новаго уложенія, не было и рѣчи объ ограниченіи крѣпостнаго права, и права помѣщиковъ были опредѣлены весьма широко: „Дворянство", сказано было тамъ въ главѣ, посвященной крѣпостному праву, „имѣетъ надъ людьми и крестьяны своими мужескаго и женскаго полу и надъ имѣніемъ ихъ полную власть безъ изъятія, кромѣ отнятія живота и наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ. И для того воленъ всякій дворянинъ тѣхъ своихъ людей и крестьянъ продавать и закладывать, въ приданое и въ рекруты отдавать и во всякія крѣпости укрѣплять, на волю вѣчно и для промыслу и для прокормленія на время, а вдовъ и дѣвокъ для замужества за постороннихъ отпускать и съ деревень въ другія свои деревни по изволительному порядку переводить и разнымъ художествамъ и мастерствамъ обучать, мужескому полу женится, а женскому полу замужъ идти позволять и по изволенію своему въ услуженіе, работы и посылки употреблять и всякія, кромѣ вышеписанныхъ, наказанія чинить или для наказанія въ судебныя правительства представлять и по разсужденію своему прощеніе чинить и отъ того наказанія освобождать" (Латкинъ. „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст." С.-П.-Б. 1887 г., т. I, 155—156).

которую литературныя ученія уже привели къ теоретическому осужденію крѣпостнаго права [1]).

При вступленіи на престолъ Екатерины II, пламенной поклонницы Вольтера, знакомой съ послѣднимъ словомъ западной науки и литературы, можно было ожидать, что для нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ настанетъ новая эра, тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшее царствованіе было устранено самое серьезное препятствіе къ уничтоженію крѣпостнаго права—обязательная служба дворянства. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землевладѣльцамъ имѣло нѣкоторый смыслъ, пока эти послѣдніе сами были закрѣпощены государству; теперь же даже среди крестьянъ появляется надежда на измѣненіе ихъ быта, которая и сказалась въ многочисленныхъ волненіяхъ, послѣдовавшихъ за освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы. Императрица Екатерина, повидимому, была самымъ подходящимъ человѣкомъ, чтобы, если не довести до конца, то по крайней мѣрѣ, начать измѣненіе быта крестьянъ. Съ освободительными идеями она познакомилась еще будучи великой княгиней: въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ концѣ царствованія Елизаветы, она писала: „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они всѣ рождаются свободными", и полагала, что можно постепенно уничтожить крѣпостное право, объявляя крестьянъ свободными во всѣхъ имѣніяхъ, переходящихъ въ руки новаго владѣльца; такъ какъ, по ея мнѣнію, во сто лѣтъ, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большая часть имѣній перемѣнитъ господъ, слѣдовательно, въ теченіе этого времени народъ будетъ освобожденъ отъ рабства [2]). Уничтоженіе крѣпостнаго права дѣйствительно совершилось черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Екатерина заносила эти мысли на бумагу, но, къ сожалѣнію, она сама только тѣмъ содѣйствовала ихъ осуществленію, что обратила на крестьянскій вопросъ вниманіе общества и литературы; для практическаго же его рѣшенія она не только ничего не сдѣлала, но еще болѣе ухудшила положеніе крѣпостныхъ.

Впрочемъ, объ этомъ еще впереди; не будемъ пока противопоставлять печальныхъ фактовъ дѣйствительности тѣмъ надеждамъ, которыя могло возбуждать въ людяхъ, сочувствовавшихъ народному горю, вступленіе на русскій престолъ новой даровитой государыни. Направленіе ея дѣятельности по вопросу, насъ занимающему, опредѣлилось съ самаго

---

[1]) Нужно, однако, помнить, что и послѣ прекращенія обязательной службы право собственности дворянъ на ихъ населенныя имѣнія было обусловлено весьма серьезными обязанностями: по закону Петра Великаго, помѣщикъ былъ отвѣтственъ за исправное отбываніе податей и повинностей его крестьянами, другая же важная обязанность дворянъ-землевладѣльцевъ состояла въ прокормленіи своихъ крѣпостныхъ въ неурожайные годы и въ недопущеніи ихъ нищенствовать.

[2]) Сборн. Истор. Общ., VII, 84.

начала высшими обстоятельствами. То, что Екатерина была обязана престоломъ русскому дворянству, и опасенія за прочность своей власти [illegible] рѣшительныя мѣры въ пользу крѣпостнаго населенія Россіи, точно также какъ желаніе задобрить духовенство вызвало первоначальное возвращеніе ему имѣній отнятыхъ Петромъ III; но такъ какъ память воскрешала тѣ идеи, осуществленіе которыхъ ею такъ недавно казалось не только желательнымъ, но и легкимъ, то государыня, всего болѣе [illegible] свое иностранное происхожденіе, стремившаяся быть и казаться русскою, естественно обратила свои взоры на Прибалтійскій край, гдѣ туземное населеніе попало подъ тяжелымъ нѣмецкимъ игомъ.

ГЛАВА II.

[illegible]

Русское правительство въ теченіе первой половины XVIII в., давая возможность нѣмецкому дворянству гораздо болѣе усилить свою власть надъ крѣпостными крестьянами, чѣмъ это было возможно при шведскомъ господствѣ. Шведскіе государи [illegible] принимали энергическія мѣры въ пользу крестьянъ и въ Прибалтійскомъ краѣ; русское правительство, закрѣпощая все болѣе [illegible] населеніе Великороссіи, естественно нисколько не думало объ улучшеніи быта эстовъ и латышей, но не съумѣло даже удержать ихъ въ прежнемъ положеніи. Здѣсь-то, въ этой окраинѣ Россіи, гдѣ землевладѣльцы пользовались многими привилегіями, которыхъ не имѣли русскіе дворяне, и тѣмъ могли возбуждать зависть въ этихъ послѣднихъ, Екатерина могла найти самую удобную почву для осуществленія своихъ освободительныхъ стремленій, безъ ущерба собственнымъ интересамъ, безъ опасенія за прочность собственнаго положенія. Государыня-нѣмка, начинающая свое царствованіе съ того, что обуздываетъ произволъ *нѣмецкихъ* бароновъ, не только не возбуждала этимъ неудовольствія русскихъ дворянъ, но даже могла вызвать сочувствіе къ такой чисто русской политикѣ. И дѣйствительно извѣстно, что даже по увѣреніямъ остзейскихъ [illegible] не безъ [illegible] на родину они горько жаловались, на то, что имъ приходится выдерживать тяжелую борьбу съ представителями русской партіи, торжествующей побѣду надъ нѣмцами, еще недавно столь сильными при дворѣ. Относительно крестьянскаго вопроса Шульцъ фонъ Ашерраденъ, бывшій главою лифляндской депутаціи, свидѣтельствуетъ, что тотчасъ по вступленіи Екатерины на престолъ до нея [illegible] донесено объ ужасномъ положеніи крестьянъ въ Лифляндіи. Хотя, по его мнѣнію, это были „самыя черныя клеветы на лифляндское дворянство"; онъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ „древнихъ [illegible]", къ которымъ онѣ подавали поводъ, и [illegible] боялся, что [illegible]

власти лифляндскихъ дворянъ будетъ отмѣнена указомъ" [1]. Такимъ образомъ люди, окружающіе Екатерину, подсказывали ей, куда должна направиться ея дѣятельность по крестьянскому вопросу.

Два событія должны теперь остановить наше вниманіе: появленіе въ 1764 году въ петербургской печати, хотя и на нѣмецкомъ языкѣ, первой статьи по крестьянскому вопросу, и затѣмъ то, что правительство въ слѣдующемъ году, по личному желанію императрицы, потребовало улучшенія быта лифляндскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ виду указанныхъ выше обстоятельствъ, едва ли можно считать случайностью, что вышеупомянутая статья была посвящена положенію крестьянъ въ Лифляндіи. Намъ неизвѣстно, предшествовало ли ея появленіе отъѣзду Екатерины въ западную окраину Россіи, или статья эта вышла вслѣдъ послѣ, во всякомъ случаѣ, императрица была ранѣе знакома съ нею [2]. Мы передадимъ ея содержаніе, такъ какъ задѣтые въ ней вопросы касались и крѣпостнаго права въ Россіи.

Статья эта подъ заглавіемъ: „Описаніе крѣпостнаго права въ Лифляндіи, составленное однимъ лифляндскимъ патріотомъ", появилась въ сборникѣ, издаваемомъ академикомъ Миллеромъ со слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя, имѣвшимъ цѣлью смягчить впечатлѣніе, которое она должна была произвести: „кто этотъ патріотъ — дѣло не важное; гораздо важнѣе то, заслуживаютъ ли одобреніе его предложенія и желанія, и также ли они легко осуществимы, какъ онъ себѣ представляетъ" [3]. Статья эта принадлежитъ пастору Эйзену-фонъ-Шварценбергу, какъ уже мы знаемъ, давно посвятившему себя изученію положенія крестьянъ и улучшенію [illegible], но Миллеръ сдѣлалъ въ ней такія измѣненія, что авторъ принялъ на себя отвѣтственность только за часть ея содержанія, какъ онъ это заявилъ въ „Vossische Zeitung" 1765 года [4]. Любопытно, что Эйзенъ пріѣзжалъ въ Петербургъ по приглашенію Петра III, которое

---

[1] [illegible] братьями [illegible] въ пользу крестьянъ. *Eckardt*, Livland im achtzehnten Jahrhundert. 1876. I, 325.

[2] Авторъ ея говоритъ объ этомъ: „я уже давно началъ изучать положеніе крѣпостныхъ [illegible] въ Россіи и [illegible], приносимыя существованіемъ крѣпостнаго права, [illegible], каждому сословію и самому дворянству и, напротивъ, [illegible] права собственности крестьянамъ. Я часто говорилъ объ этомъ въ обществѣ, но меня [illegible] считать опаснымъ человѣкомъ, желающимъ [illegible] страны. Я сообщилъ объ этомъ статью Миллеру въ Петербургъ, который [illegible] императрицѣ, и статья была напечатана въ IX т. „Русской Исторіи". [illegible] 1777, Vorrede.

[3] „Sammlung Russischer Geschichte". Bd. IX, Spb. 1764. S. 491—527.

[4] Въ своемъ сочиненіи, [illegible] въ Сборникѣ Миллера. „Послѣдніе параграфы [illegible] принциповъ, которые [illegible]" [illegible] 1777. Mitau. I. Stück. Vorrede.

поручилъ ему составленіе плана о населеніи Лифляндіи нѣмцами; а затѣмъ, того же года, онъ былъ вызванъ канцеляріею опекунства иностранцевъ по повелѣнію императрицы Екатерины. При этомъ онъ былъ представленъ императрицѣ и приподнесъ ей свои проекты, которые, по его словамъ, заслужили ея одобреніе [1]).

Пасторъ Эйзенъ, въ началѣ своей статьи, обращаетъ вниманіе на самое важное зло въ жизни лифляндскаго крестьянина: онъ не имѣетъ права собственности не только на недвижимое, но даже и на движимое имущество. Господинъ можетъ переселить крестьянина съ одного участка на другой и даже вовсе лишить его земли, такъ что крестьянину придется тогда заработывать свой хлѣбъ въ качествѣ батрака. Господинъ можетъ взять все, что ему угодно, изъ пожитковъ своего крѣпостного, и тотъ лишенъ возможности жаловаться на это суду. Землевладѣльцы такъ обременяютъ крестьянъ работою, что они не успѣваютъ во время ни сжать своего хлѣба, ни убрать сѣна. Извѣстно изъ другихъ источниковъ, что при шведскихъ короляхъ повинности крестьянъ послѣ производства кадастра были точно соразмѣрены съ количествомъ земли, находящейся въ ихъ владѣніяхъ, и отмѣчены въ такъ называемыхъ вакенбухахъ. Жалобы крестьянина на обремененіе работами и сборами въ пользу помѣщика было достаточно для того, чтобы вызвать новую, дорого стоившую для землевладѣльца, ревизію. Но, по свидѣтельству Эйзена, вакенбухи сохранили обязательную силу преимущественно для арендаторовъ казенныхъ имѣній, дворяне же, а особенно эстляндскіе, мало съ ними соображались.

Помѣщикъ могъ продавать крестьянъ не только цѣлыми семьями, но и поодиночкѣ; онъ не имѣлъ права жизни и смерти надъ своими крѣпостными (лишившись во время шведскаго владычества уголовной юрисдикціи надъ ними), но могъ подвергать крестьянина тѣлесному наказанію. „Хотя законы“, говоритъ Эйзенъ, „предписываютъ извѣстную мѣру наказанія, однако, землевладѣльцу дано настолько свободы, что, если онъ прикажетъ строго наказать крестьянина хотя бы и въ опредѣленныхъ закономъ границахъ, то наказанный можетъ лишиться жизни. Виновнаго привязываютъ къ столбу и двумя тонкими палками, вродѣ русскихъ батоговъ, около аршина длины, которыя или свѣжія срѣзываются съ дерева, или предварительно размачиваются въ водѣ, бьютъ его по голой спинѣ до тѣхъ поръ, пока палки не расщепятся. Это называется дать пару розогъ. Чѣмъ больше преступленіе или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ важнѣе оно кажется господину, тѣмъ болѣе онъ увеличиваетъ размѣръ наказанія, и оно доходитъ до десяти паръ, вмѣсто мѣры, опредѣленной закономъ. Если господинъ накажетъ сильнѣе, то крестьянинъ можетъ жаловаться на него въ судъ; но примѣровъ этому мало: страхъ подвергнуться въ другой разъ еще болѣе суровому наказанію не дозволяетъ приносить жалобу“.

Зависимость, въ которой находился крестьянинъ относительно пользованія даже своимъ движимымъ имуществомъ, была не одною только фикціею: такъ, напримѣръ, господинъ весьма неохотно позволялъ крестьянину продавать сво...

[1]) „Philanthrop“. Въ неизданныхъ запискахъ Цымманселя (1756 г.), бывшаго знакомымъ съ пасторомъ Эйзеномъ въ Петербургѣ, авторъ говоритъ, что „Эйзенъ хотѣлъ пропустить въ печати сочиненіе о необходимости освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею, что принесло бы существенную пользу и правительству, и помѣщикамъ, и крестьянамъ. Но трудно будетъ, замѣчаетъ Цыммансель, получить [illegible] книгу, потому что въ Россіи не любятъ подобнаго рода нововведеній“. Сообщеніе Я. Берлина. „Русскій Вѣстникъ“, 1859 г., т. XXI, Совр. Лѣт., стр. 31.

хлѣбъ [illegible], а тому [illegible] прусомъ, или ѣсли на продажу въ городъ; обыкновенно крестьянинъ вымѣнивалъ у господина соль, желѣзо и табакъ на свой хлѣбъ, и пропивать его въ кабакѣ, устроенномъ помѣщикомъ (гарнецъ и продажа вина [illegible] составляли монополію помѣщиковъ). Вслѣдствіе такого [illegible] положенія крестьяне отличаются небрежностію въ хозяйствѣ, наклонностію къ пьянству и воровству, прежде даже жизнь помѣщиковъ была не въ безопасности.

Къ сожалѣнію, картина, нарисованная пасторомъ Эйзеномъ, списана съ дѣйствительности безъ всякаго преувеличенія: [illegible] автора подтверждается другими источниками. [1])

Пасторъ Эйзенъ утверждаетъ, что положеніе крестьянъ въ остальной Россіи было гораздо болѣе благопріятно, чѣмъ въ Прибалтійскомъ краѣ [2]. Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса, но [illegible] много правды: онъ справедливо указываетъ на то, что тогда въ Россіи было очень распространено обыкновеніе отпускать крестьянъ на оброкъ, и [illegible] важное преимущество русскаго крестьянина сравнительно съ лифляндскимъ.

[illegible] часть статьи Эйзена, что касается [illegible], [illegible] не требуетъ немедленнаго уничтоженія крѣпостного права [illegible] постепеннымъ путемъ, хотя и показалъ [illegible] мнѣнію многихъ [illegible] XVIII в., что не образованіе должно предшествовать свободѣ, а наоборотъ, [illegible] ограничить крѣпостное право. Онъ указываетъ на [illegible] труда, и на то, что [illegible] уже сто лѣтъ тому назадъ уничтожили крѣпостное право и [illegible] не раскаялись, однакоже [illegible], предлагаетъ [illegible] мѣры. Крестьяне должны получить такое количество земли, сколько они могутъ обработать, въ наслѣдственное пользованіе. Барщина должна быть уничтожена и замѣнена денежнымъ оброкомъ, который дастъ возможность помѣщику нанимать рабочихъ. Эйзенъ ссылается на примѣръ города Риги, который въ принадлежавшихъ ему имѣніяхъ [illegible] замѣненіемъ оброка. Крестьяне должны получать право продавать хлѣбъ на сторону, кому пожелаютъ; помѣщики должны [illegible] монополіи продажи табака, соли и желѣза. Въ заклю-

[1]) [illegible] Гупель, авторъ „Топографическаго описанія" [illegible] [illegible] крестьяне [illegible] [illegible] что крестьяне [illegible] обременены поборами [illegible] [illegible] ся въ 1765 г.

[2]) [illegible] weit sklavischer. Philanthrop. Vorrede.

[3]) [illegible] Baltische Monatsschrift, 1870, Neue Folge I Band, Heft 1, s. 10

ченіе авторъ предлагаетъ, чтобы правительство или помѣщики испробовали эти мѣры въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, и они скоро убѣдятся въ ихъ пользѣ.

Въ предложеніяхъ Эйзена предусмотрѣны не всѣ существенные вопросы (такъ напримѣръ, онъ только въ отрицательной части своего труда указываетъ на вредъ отъ того, что помѣщики произвольно облагаютъ налогами крестьянъ, и не настаиваетъ въ своихъ заключительныхъ предложеніяхъ на соблюденіи ими правилъ вакенбуховъ), но, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что его статья и въ томъ видѣ, какъ она появилась въ печати, — честный и энергическій голосъ въ защиту угнетенныхъ лифляндскихъ крестьянъ [1].

Другимъ важнымъ для насъ событіемъ 1764 г. было то, что во время своего путешествія въ Прибалтійскій край императрица Екатерина, при проѣздѣ чрезъ Лифляндію, обратила вниманіе на нищету тамошнихъ крестьянъ; это послужило поводомъ къ важнымъ предложеніямъ въ слѣдующемъ году лифляндскому ландтагу со стороны русскаго правительства.

Въ половинѣ января 1765 г., открылся лифляндскій ландтагъ, которому предстояло порѣшить весьма серьезные вопросы. Такъ какъ императрица не только устно, но и письменно приказала лифляндскому генералъ-губернатору, гр. Броуну, положить предѣлъ помѣщичьему деспотизму, то онъ сдѣлалъ ландтагу важныя предложенія, въ которыхъ, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ и объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Въ третьемъ предложеніи Броунъ, между прочимъ, писалъ: «Ея и. в. изъ жалобъ, ей принесенныхъ, съ неудовольствіемъ узнала, а при проѣздѣ отчасти и сама замѣтила, въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне, и рѣшилась оказать имъ помощь и особенно положить границы тиранской жестокости и необузданному деспотизму (таковы были собственныя выраженія нашей великой императрицы), тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ наносится ущербъ не только общему благу, но и верховному праву короны". Главное зло, говоритъ далѣе Броунъ, состоитъ въ томъ, что крестьянинъ не имѣетъ никакого права собственности, даже „и относительно того, что онъ пріобрѣлъ своимъ потомъ и кровью"; поэтому необходимо, чтобы было даровано право собственности крестьянъ на движимое имущество; такъ какъ на нихъ постоянно налагаютъ новыя тягости, то повинности должны быть опредѣлены и точно соразмѣрены съ количествомъ земли, находящейся въ ихъ пользованіи. Броунъ обратилъ также вниманіе на то, что крестьянъ подвергаютъ самымъ жестокимъ наказаніямъ, „несогласнымъ ни съ виною, ни съ чувствами христіанина". Поэтому, говоритъ онъ, правительство желаетъ положить должные предѣлы [illegible]ніямъ.

[1] Philanthrop. Vorrede.

[illegible] при которой крестьянъ [illegible] крестьянъ [illegible] продолжительный срокъ въ холодныхъ помѣщеніяхъ. Въ другомъ пунктѣ онъ потребовалъ, чтобы торговля людьми была ограничена: ихъ не слѣдуетъ продавать за границы страны, а также разлучать членовъ одного семейства.

Подъ давленіемъ правительства ландтагъ въ высшей степени неохотно согласился на составленіе нѣкоторыхъ правилъ для ограниченія произвола помѣщичьей власти, и послѣ долгихъ преній [1], по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, формулировалъ постановленія, опубликованныя 12-го апрѣля 1765 г.

[illegible] такимъ образомъ, какъ будто [illegible] крестьянъ были добровольнымъ даромъ со стороны дворянства. Постановленія, [illegible] въ немъ заключались въ слѣдующемъ:

1) Крестьянинъ, если онъ исполнилъ всѣ повинности [illegible] можетъ свободно распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ. [illegible] захочетъ продать [illegible] заявить господину, чтобы вслѣдствіе этого не былъ разоренъ весь дворъ.

2) Помѣщики не будутъ увеличивать взносовъ натурою; перемѣнить одинъ взносъ на другой могутъ только съ согласія крестьянъ.

3) Хотя помѣщикъ вправѣ назначать своихъ крестьянъ на какую хочетъ работу, однако [illegible] впредь установить, сколько крестьянинъ долженъ работать и ставить подводъ, смотря по его имуществу и силамъ. Сверхъ этой опредѣленной работы, они не будутъ ничего требовать иначе, какъ [illegible] или вознаграждать ихъ деньгами.

[illegible] господинъ разъ увеличилъ опредѣленную работу и взносы [illegible], то крестьянинъ [illegible] сдѣлать ему объ этомъ [illegible] представ-

---

[1] При обсужденіи третьяго пункта предложенія Броуна баронъ Шуленъ [illegible] представилъ подробное объясненіе, въ которомъ старался убѣдить дворянъ [illegible] не только [illegible], но и собственная выгода заставляетъ ихъ [illegible] собственности и опредѣлить ихъ повинности. [illegible] императрицѣ [illegible] неограниченная власть надъ крестьянами [illegible]. „Можетъ быть, это уже случилось бы, продолжалъ онъ, [illegible] представитъ императрицѣ, что [illegible]. Къ этому надо прибавить“, сказалъ далѣе баронъ Шуленъ, [illegible] „Sammlung Russischer Geschichte“ [illegible], который [illegible] представляетъ крѣпостное право, [illegible] преувеличиваетъ [illegible]. [illegible] было бы [illegible]. Можетъ быть, [illegible] *[illegible]*. [illegible] между [illegible] и крестьянами [illegible] судъ [illegible] основаніе устранить“.

ини, если они не отмѣнятъ своего новаго распоряженія, то могутъ жаловаться оберъ-ландрату, но только исполнивъ все, что требовалъ господинъ. Каждый крестьянинъ приноситъ свою жалобу словесно, не беря съ собою никакого адвоката; крестьяне не должны также приносить жалобы цѣлою толпою, а каждый отъ себя. Если же у всѣхъ ихъ общая жалоба, то могутъ прислать отъ себя двухъ депутатовъ, которые должны заявить о ней въ присутствіи надсмотрщика, назначеннаго господиномъ, остальные же обязаны оставаться дома.

За ложную жалобу крестьянъ наказываютъ въ первый разъ 10-ю парами розогъ, во второй разъ 20-ю парами около церкви, а въ третій —ихъ отдаютъ на годъ на работу въ крѣпость.

Кромѣ этой публикаціи, спеціально назначенной для крестьянъ, однимъ изо [illegible] была разослана еще другая для владѣльцевъ имѣній, которою предписывалось:

1) Изъ каждаго имѣнія должно быть прислано въ канцелярію губернства къ [illegible] 1-го августа того же года заявленіе о томъ, какія повинности несли въ немъ крестьяне.

2) Опредѣленныя такимъ образомъ повинности помѣщикъ не долженъ былъ повышать.

3) За всякія преступленія можно наказывать только тѣлесно, но за болѣе серьезныя, какъ то: упорное неповиновеніе, побѣгъ, воровство и проч. —розгами, но не болѣе 10 паръ и притомъ не по три удара каждою парою.

4) Крестьянина не должно держать въ заключеніи долѣе 24 часовъ, кромѣ того случая, когда въ преступленіи участвовали многіе и потому нужно немедленно [illegible] для производства слѣдствія; но тогда арестованнаго должно содержать въ тепломъ помѣщеніи и проч.

Кромѣ того, на ландтагѣ былъ сдѣланъ уговоръ, что за продажу людей на рынкѣ будутъ подвергать штрафу въ 200 талеровъ альб., а за разлученіе при этомъ мужа съ женой 100 талеровъ[1]; это послѣднее постановленіе осталось негласнымъ.

Эти правила, составленныя ландтагомъ, совершенно справедливо признаютъ крайне недостаточными не только русскіе изслѣдователи, писавшіе о крестьянскомъ вопросѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ, напримѣръ, Самаринъ, но и нѣмецкіе историки Лифляндіи. Къ тому же правила 1765 г. были совершенно не исполнены и тѣмъ болѣе не улучшили положенія крестьянъ. Но не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что даже эти жалкія постановленія не принесли никакой пользы; для того, чтобы оцѣнить хотя нѣкоторое нравственное ихъ значеніе (юридическаго —они не имѣли никакого), слѣдуетъ вспомнить, что въ сосѣдней Великороссіи не только въ это время, но и въ теченіе всего царствованія Екатерины помѣщичьи права не были ничѣмъ ограничены; напротивъ того, права помѣщиковъ были расширены. Нравственный результатъ этихъ правилъ заключался въ томъ, что, по словамъ Эккардта, ими уже было высказана мысль, лежащую въ основаніи предложенія Броуна и признанную Шпрингеромъ мысль, что лифляндскіе крестьяне — граж-

[1] Альбертовый талеръ равняется 1 р. 26 к.

давнимъ государства и, какъ таковой, имѣетъ право находиться подъ защитою правительства“; но дѣло только въ томъ, что для русскаго крѣпостнаго даже жалкія правила 1765 г. были бы первымъ словомъ закона въ его пользу, между тѣмъ, какъ для крестьянина Прибалтійскаго края они были шагомъ назадъ сравнительно съ шведскимъ законодательствомъ и не только не обуздывали фактически установившагося произвола помѣщиковъ, но даже, не упоминая о вакенбухахъ, только санкціонировали пренебреженіе ими.

Повторяемъ, правила 1765 г. не имѣли полезнаго и практическаго значенія для лифляндскаго крестьянина, но для насъ во всякомъ случаѣ интересно, что русское правительство обнаружило въ этомъ вопросѣ нѣкоторую настойчивость по прямому желанію императрицы, такъ какъ это, повидимому, обѣщало энергическую дѣятельность съ цѣлью улучшенія быта крестьянъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи [1].

Мы остановились на этомъ эпизодѣ царствованія Екатерины II не только потому, что это была первая попытка Екатерины осуществить на дѣлѣ свои освободительныя идеи, но еще болѣе потому, что при дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ среди другихъ лицъ, которыя участвовали въ составленіи проектовъ рѣшенія крестьянскаго вопроса, не мало дѣятелей изъ остзейскаго дворянства: мы будемъ имѣть случай познакомиться съ отвѣтами нѣсколькихъ лифляндцевъ на задачу вольнаго экономическаго общества, съ проектами по крестьянскому вопросу, составленными остзейскими депутатами въ екатерининской законода-

---

[1] О крестьянскомъ вопросѣ въ Остзейскомъ краѣ въ 1764—65 гг., кромѣ указанной статьи Дидрихса, см. Eckardt. Livland im XVIII Jahrhundert, Bd. II, Samson von Himmelstiern Ueber die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen 1838, его „Очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи“: въ „Отеч. Зап.“ 1858 г., 116 и 117. Самаринъ. „Окраины Россіи“ 1876 г., вып. VI, его же „Баронъ Шульцъ и пасторъ Меркель“ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ 1858 г., № 5 и 12, статья „Письма объ освобожденіи крестьянъ Прибалтійскаго края отъ крѣпостной зависимости“ Ibid. №№ 1 и 2. Не говоря о дальнѣйшей исторіи крестьянскаго вопроса въ Остзейскомъ краѣ, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу, упомянемъ только о слѣдующемъ. Когда въ 1769 г. эзельская земская ревизіонная коммиссія представляла о необходимости „опредѣлить власти помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами границы, предохраняющія крестьянъ противу рабства, и чрезъ сіе самое доставить эзельской провинціи время и случаи [illegible] вольности“, на докладѣ была положена резолюція: „обѣ сіи пункта [illegible] по существу своему до первоначальнаго въ государствѣ основанія и составляютъ вопросъ весьма деликатный, не менѣе же того и важный, а потому разрѣшеніе его [illegible] отъ общаго опредѣленія коммиссіи узаконеній“. Генералъ-губернатору Броуну предписано было сообщить объ этомъ [illegible] (П. С. З. т. XVIII, № 13[illegible]). Нужно замѣтить, что въ это время [illegible] было уже [illegible], и крестьянскій вопросъ [illegible] обсуждается [illegible] частныхъ коммиссій.

гельной коммиссіи. Безъ нѣкотораго знакомства съ положеніемъ крѣпостныхъ Прибалтійскаго края и первыхъ попытокъ улучшенія ихъ быта была бы менѣе понятна дѣятельность остзейцевъ и по крестьянскому вопросу въ Россіи вообще; а мы увидимъ, что, при составленіи проектовъ крестьянскихъ правъ, они играли немаловажную роль. Насколько ихъ дѣятельность могла быть для насъ полезна, что мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія.

ГЛАВА III.

[illegible]
И. И. Елагина.—Пасторъ Эйзенъ въ имѣніи Григ. Орлова.

[illegible]

[illegible] весьма [illegible], которые прежде [illegible] [illegible] наложилъ на нихъ личныя [illegible] рабовъ [1].

Необходимость измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ стала настоятельно указываться нашему правительству и кн. Д. А. Голицынымъ, который еще въ половинѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда ему было [illegible] лѣтъ, поселился въ Парижѣ, подружился тамъ со многими литераторами и художниками, а съ 1763 по 1768 г. былъ полномочнымъ [illegible] при французскомъ дворѣ. Основаніемъ [illegible] характеристики мнѣнія кн. Д. А. Голицына по крестьянскому вопросу, который сложился преимущественно подъ вліяніемъ идей физіократовъ, служитъ [illegible] его [illegible] съ вице-канцлеромъ кн. Алекс. Мих. Голицынымъ. Интересъ этой переписки еще болѣе увеличивается тѣмъ, что письма кн. Дмитрія Алексѣевича представлялись на усмотрѣніе имп. Екатерины, которая дѣлала тутъ же свои замѣчанія [illegible] [illegible] этихъ замѣчаній [2].

Познакомившись съ [illegible] корреспонденціею [illegible] кн. мы [illegible] [illegible] характеризовать взгляды [illegible] крестьянскій вопросъ одного изъ образованнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, а также [illegible] опредѣлить участіе, хотя и не [illegible], [illegible] императрицею въ этомъ обмѣнѣ мнѣній [illegible] двумя нашими вельможами.

Кн. Д. А. Голицынъ очень хорошо зналъ, что его письма сообщаются императрицѣ: [illegible] въ первомъ же его письмѣ, [illegible] крестьянскій вопросъ. Упомянувъ о благодарности вице-канцлера за сообщеніе литературныхъ новостей, онъ продолжаетъ: „Употребленіе, которое вы изъ нихъ дѣлаете, обязываетъ меня съ [illegible] удовольствіемъ продолжать ихъ сообщеніе. Я конечно буду очень счастливъ, [illegible]

[1] [illegible] крѣпостныхъ [illegible] [illegible] Екатерина [illegible] А. Д. [illegible] [illegible] крѣпостныя [illegible] XXV, [illegible] 282—284.

[2] [illegible] кн. Голицыныхъ [illegible] 27 [illegible] кн. А. М. Г., сохранившееся [illegible] на французскомъ языкѣ. Письма [illegible] хранятся въ [illegible] архивѣ [illegible] иностранныхъ дѣлъ [illegible] только 5. Первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875 [illegible] № 2 [illegible] и въ „Сборн. истор. общ.“ т. XV; [illegible] „Сборникъ московскаго главн. арх. мин. иностр. дѣлъ“ (М. 1881 [illegible]). [illegible] г. Рачинскаго, что замѣчанія на письмахъ кн. Д. А. Г. сдѣланы рукою не [illegible] императрицы, а также [illegible] А. М. Г. [illegible]

если мнѣ [illegible] занять нѣсколько минутъ досуга нашей августѣйшей государыни".

Литературныя новости и привели къ обсужденію крестьянскаго вопроса. Въ только что упомянутомъ письмѣ [1]) кн. Д. А. Голицынъ сообщилъ о выходѣ въ свѣтъ втораго тома сочиненія Рожера „Письма о Даніи", оконченнаго за смертію автора Ревердилемъ. Излагая его содержаніе, нашъ парижскій посланникъ съ особеннымъ стараніемъ обращаетъ вниманіе на то, что въ Даніи начинаютъ принимать мѣры на пользу крестьянъ [2]). Понятно, что кн. Д. А. Голицынъ, проникшійся въ Парижѣ либеральными взглядами, съ умысломъ не только выписалъ приведенное въ примѣчаніи мѣсто изъ книги Рожера и Ревердиля (подчеркнулъ его), но и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ въ защиту свободы. „Позвольте мнѣ, князь", говоритъ онъ, „обратить ваше вниманіе на то, какое удивительное дѣйствіе неизмѣнно производитъ право собственности на землю: на него должно смотрѣть, какъ на истинное основаніе, какъ на прочный фундаментъ благосостоянія государства; безъ него никогда не будутъ процвѣтать искусства и науки". Эту мысль онъ подтверждаетъ примѣрами изъ исторіи Франціи, Англіи и Италіи и цитатою изъ сочиненія Юма.

---

[1]) 6 сентября 1765 г. Не издано.

[2]) „Нѣкоторые землевладѣльцы до нѣкоторой степени освободили своихъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія", пишетъ кн. Голицынъ, „и получили очень хорошіе результаты. Королева [illegible] подала примѣръ одновременно и въ политикѣ, и въ человѣколюбіи, предоставивъ крестьянамъ своего домена право собственности на обрабатываемыя ими земли и [illegible] ихъ лишь очень умѣренный ежегодный оброкъ, опредѣленную поденную повинность [illegible] и [illegible] работы, необходимыя для общины. Съ этого времени крестьянинъ, сдѣлавшись болѣе зажиточнымъ, безъ труда платитъ свои повинности, [illegible] своемъ имуществѣ, такъ какъ онъ можетъ передать его по наслѣдству своимъ дѣтямъ". Кстати упомянемъ, что и въ запискѣ о положеніи датскихъ [illegible], представленной въ частную коммиссію о разборѣ государственныхъ родовъ, выбранную Большою законодательною коммиссіею (см. ниже), весьма сочувственно говорилось о мѣрахъ [illegible] королевы Софіи-Магдалины на пользу крестьянъ. [illegible] ея оберъ-маршаломъ гр. Штольбергомъ, и приведенъ въ исполненіе [illegible], которымъ она [illegible] пользовалась. Прежде крестьяне [illegible] въ уплатѣ податей, имъ [illegible] приходилось оказывать помощь, и это [illegible] значительную часть доходовъ. Королева простила имъ недоимки, объявила [illegible] и уничтожила барщину (какъ мы видѣли не совсѣмъ). „Результаты [illegible] ожиданія: тамъ, гдѣ прежде господствовало нерадѣніе, водворилось [illegible]. Земля, лучше обрабатываемая, приноситъ богатую жатву; получаемые доходы [illegible] возросли на цѣлую треть; теперь 300 семействъ [illegible] и будутъ вѣчно превозносить свою благодѣтельницу". Арх. Коллег. Ин. Дѣлъ, Госуд. [illegible] 342, дѣло № 5. Срв. Allen. Histoire de Danemark, II, 153—154. [illegible] частныхъ законодательныхъ коммиссій, [illegible] сочувственно [illegible] освобожденія мѣры, принимаемыя на западѣ на пользу крестьянъ.

Вицеканцлеръ вообще одобрилъ разсужденія посланника, прибавивъ, что право собственности составляетъ также средство для внушенія любви къ отечеству, и что солдатъ будетъ храбрѣе сражаться, если будетъ тѣснѣе къ нему привязанъ. Но въ то же время онъ замѣтилъ, что всеобщее и внезапное введеніе новаго порядка вещей въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, можетъ оказаться неудобнымъ, и потому не слѣдуетъ ли предпочесть постепенное измѣненіе.

Кн. Д. А. Голицынъ соглашается съ этимъ въ своемъ новомъ письмѣ[1]; онъ прибавляетъ, что дѣло будетъ прочно лишь въ томъ случаѣ, если оно будетъ принято добровольно, и высказываетъ мысль, очевидно навѣянную мѣрами датской королевы, что было бы всего лучше, если бы первый примѣръ подала сама государыня. „Ея земли находятся въ ея распоряженіи, какъ и все государство“: пусть тамъ она даруетъ право собственности своимъ крестьянамъ, не упоминая о помѣщичьихъ. Многіе послѣдуютъ за нею: одни потому, что понимаютъ свои интересы и одарены патріотическимъ сердцемъ, другіе изъ желанія сдѣлать пріятное государынѣ, третьи просто изъ подражанія остальнымъ. Д. А. Г. указываетъ на то, что оброчныя деревни всегда богаче барщинныхъ и, избавленныя отъ приказчиковъ, во сто разъ счастливѣе управляемыхъ ими. Онъ считаетъ чрезвычайно важнымъ и необходимымъ уничтожить обычай полученія помѣщиками припасовъ натурою и доставки ихъ „обозами“; лучше было бы все перевести на деньги. Это полезно уже тѣмъ, что уменьшитъ громадную дворню, которою переполнены барскіе дома. Чтобы гарантировать право собственности крестьянъ, необходимо ежегодно посылать въ каждую провинцію по два странствующихъ судьи на подобіе существующихъ въ Англіи и называемыхъ тамъ ассизами: они должны будутъ разбирать споры между крестьянами и ихъ жалобы на помѣщиковъ, воеводъ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, познакомившись съ состояніемъ провинціи, они представятъ письменное донесеніе въ сенатъ съ указаніемъ на всѣ необходимыя улучшенія. Кромѣ того, такъ какъ право собственности можетъ быть только воображаемымъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ власти, защищающей крестьянина противъ тираніи помѣщика, то необходимо было бы въ главномъ городѣ каждой провинціи устроить трибуналъ, на подобіе того, что называлось у римлянъ quindecim viri: эти 15 человѣкъ отводили земли ветеранамъ, опредѣляли размѣръ причитающейся за нихъ подати, разбирали всѣ поземельные споры, обезпечивали каждому пользованіе своей земельной собственностью. Въ заключеніе кн. Дм. Алекс. упоминаетъ, что изложенныя имъ мысли о правѣ собствен-

[1] 30 октября 1765; см. „Русск. Вѣстн.“ 1876 г. № 2, перепечатано въ „Сборн. моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ“; вып. II, стр. 100—101.

[illegible]

[illegible] великодушія было весьма не много.

[illegible]

¹) Извѣстный медикъ, прежде служившій при нашемъ дворѣ.

²) 18 ноября 1765 г.; обѣ не изданы.

[illegible]

Письмо это второй редакціи оканчивается благодарностью за сообщенныя соображенія и замѣчаніемъ, что онъ, вице-канцлеръ, не преминетъ представить ихъ императрицѣ. Очевидно государыня желала, чтобы непосредственно этому предмету продолжали заниматься въ то время составленіемъ Наказа, гдѣ она затронула и крестьянскій вопросъ, она желала выслушать всевозможныя мнѣнія объ измѣненіи быта крестьянъ. При посредствѣ князей Голицыныхъ она какъ бы сама полемизировала съ тѣми либеральными французскими кружками, въ которыхъ вращался кн. Дм. Алексѣев., и гдѣ нерѣдко [illegible] были высказаны такія предложенія, мало пригодныя для Россіи. Нельзя не признать, что многія возраженія императрицы въ этой полемикѣ были весьма мѣтки и остроумны.

Замѣчанія, присланныя изъ Петербурга, произвели на кн. Дм. Алек. чрезвычайно сильное впечатлѣніе: очевидно онъ догадывался, откуда они идутъ. „Ваши размышленія“, такъ начинаетъ онъ новое письмо [1], „о невозможности даровать нашимъ крестьянамъ право собственности на [illegible] вѣрны, и я совершенно присоединяюсь къ вашему мнѣнію. Ваши возраженія заставили меня вновь обдумать все, что я сообщилъ [illegible] о семъ предметѣ, и силы разныхъ доводовъ заставили меня сказать, что, по моему мнѣнію, въ дѣлѣ управленія нѣтъ ничего вредоноснѣе и даже гибельнѣе какъ перейти отъ одной крайности въ другую“. Наши крестьяне, доселѣ бывшіе крѣпостными и рабы своихъ господъ, получивъ свободу и право собственности, „сохранятъ ли цѣну ея и не злоупотребятъ ли ею? Конечно, нѣтъ. Можно биться объ закладъ, что, перешедъ такъ быстро отъ рабства къ свободѣ, они не воспользуются ею для упроченія своего благосостоянія, и большая часть изъ нихъ предастся [illegible], какъ [illegible], что каждый крестьянинъ не чувствуетъ [illegible] и любви къ труду. Я хорошо знаю, что [illegible] съ [illegible] состояніемъ и есть его результатъ продолжительнаго рабства, [illegible] наши крестьяне, образовало ихъ истинный характеръ, и въ настоящее время очень немногіе изъ нихъ [illegible] стремятся къ тому роду труда и промышленности, которыя могутъ ихъ

[illegible]
почти буквально словами императрицы.

1) 12 янв. 1766 г., не издано.

обманъ. Но, какъ бы то ни было, лучшее и наиболѣе вѣрное средство состоитъ въ томъ, чтобы постепенно вывести ихъ изъ подобнаго состоянія и теперь же начать подготовлять ихъ къ этому“.

Послѣ приведеннаго вступленія, въ которомъ кн. Д. А. Голицынъ обнаружилъ совершенное незнаніе русскаго народнаго характера, онъ снова возвращается къ мысли, что только императрица своимъ примѣромъ можетъ произвести необходимое измѣненіе въ бытѣ крестьянъ. „Пусть вмѣсто того, чтобы даровать крестьянамъ право собственности на землю въ своихъ доменахъ, она дастъ имъ только *право собственности на движимое имущество*. Тогда можно было бы составить кодексъ законовъ, основанныхъ на этомъ правѣ собственности на движимое имущество съ правомъ завѣщанія, но которое относилось бы только къ крестьянамъ въ доменахъ императрицы“. — Въ предложеніи этомъ еще менѣе знанія русской жизни, чѣмъ въ предшествующихъ разсужденіяхъ о характерѣ нашихъ крестьянъ. Тутъ еще не ясно, что разумѣетъ кн. Голицынъ подъ названіемъ „les domaines de sa Majesté Impériale“: крестьянъ дворцовыхъ или собственно государевыхъ. Но такъ какъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ предполагаетъ, что домены императрицы разсѣяны въ 16 губерніяхъ, то, очевидно, онъ говоритъ объ обширной группѣ дворцовыхъ вотчинъ. У дворцовыхъ крестьянъ, которыхъ было 390 т. душъ м. п., барщинная повинность въ то время повсемѣстно смѣнялась оброкомъ, равнымъ съ тѣмъ, что платили совершенно свободные государственные крестьяне: они пользовались весьма значительными земельными надѣлами (одной пахотной земли въ разныхъ губерніяхъ у нихъ приходилось во время генеральнаго межеванія отъ 2 до 6 дес. на ревизскую душу), и ихъ движимое имущество безпрепятственно переходило къ наслѣдникамъ, а землею они пользовались на общинномъ правѣ. Слѣдовательно они вовсе не нуждались въ мѣрахъ, предложенныхъ нашимъ парижскимъ посланникомъ.

За дарованіемъ права собственности на движимое имущество въ доменахъ, по плану кн. Голицына, должны слѣдовать учрежденіе трибунала 15-ти и назначеніе странствующихъ судей, хотя обѣ эти мѣры мало связаны съ первою. „Обязанности трибунала будутъ состоять единственно въ томъ, чтобы защищать крестьянина отъ тираніи помѣщика. Крестьянинъ, котораго оскорбляютъ, съ которымъ дурно обращаются, котораго унижаютъ, грабятъ, истязуютъ помѣщикъ или приказчикъ, обращается къ этому трибуналу; помѣщикъ сдѣлаетъ тоже относительно провинившихся крестьянъ. Тогда можно также учредить и странствующихъ судей для каждой провинціи..., которые должны будутъ разбирать гражданскія и уголовныя дѣла въ городахъ и значительныхъ деревняхъ, также тамъ, гдѣ находятся воеводы и губернаторы“. Имъ будетъ дана инструкція, которой они должны будутъ слѣдовать буквально, назначено

жалованье и нѣкоторое вспомоществованіе на путевыя издержки". Противъ этого мѣста рукою императрицы написано: „это одно поглотитъ доходъ съ доменовъ",— единственное замѣчаніе, сдѣланное ею на этомъ письмѣ.

Въ отвѣтѣ вицеканцлера [1]) прежде всего буквально воспроизведено замѣчаніе императрицы относительно учрежденія странствующихъ судей, а затѣмъ онъ прибавилъ: и сколько глазъ нужно было бы для наблюденія этихъ судей другъ за другомъ, чтобы народъ не подвергся новымъ притѣсненіямъ. Далѣе вицеканцлеръ сообщаетъ, что недавно былъ представленъ императрицѣ проектъ относительно права собственности на земли дворцовыхъ крестьянъ, подобный проекту гн. Дмитрія Алексѣевича. Въ немъ, „кромѣ права собственности, рекомендовалась также раздача всѣхъ дворцовыхъ земель въ аренду дворянамъ подъ извѣстными условіями... Авторъ проекта мудро предвидитъ всѣ неудобства", которыя указывалъ вицеканцлеръ въ своемъ письмѣ отъ 18-го ноября, „и потому можно предполагать, что дарованіе собственности дворцовымъ крестьянамъ можетъ быть выполнено". Тутъ вицеканцлеръ очевидно упоминаетъ о проектѣ И. П. Елагина, поданномъ императрицѣ именно въ январѣ 1766 г. и касающемся преимущественно дворцовыхъ крестьянъ или, по выраженію автора, „казенныхъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ состоящихъ деревень и земледѣльцевъ".

И. П. Елагинъ въ мнѣніи, поданномъ имъ императрицѣ въ январѣ 1766 г., указывая на необходимость дать крѣпостнымъ крестьянамъ землю въ потомственное пользованіе и опредѣлить размѣры ихъ денежныхъ взносовъ и работъ, предлагаетъ начать этотъ опытъ съ дворцовыхъ имѣній; онъ ссылается при этомъ на примѣры Пруссіи, Даніи, Голштиніи и Мекленбурга, гдѣ вскорѣ послѣ того, какъ правительство роздало казенныя земли въ наслѣдственное пользованіе крестьянъ, и помѣщики нашли для себя выгоднымъ послѣдовать этому примѣру.

Такимъ образомъ мы вновь встрѣчаемся съ требованіемъ, чтобы правительство начало дѣло реформы не на помѣщичьихъ земляхъ, чтобы оно показало примѣръ дворянамъ. Не говоря про то, что ссылка на иностранныя земли не совсѣмъ удачна, такъ какъ тамъ оказывалось весьма немного владѣльцевъ, передававшихъ часть своихъ земель крестьянамъ въ наслѣдственное пользованіе, такъ что имена такихъ людей какъ Ранцау-Ашбергъ въ Шлезвигъ-Голштиніи или Бернсторфы и нѣкоторые другіе въ Даніи, указываются историками, какъ рѣдкія исключенія [2]), намъ не нужно бы ходить такъ далеко, чтобы понять, насколько

[1]) 27 янв. 1766 г.; не изданъ.

[2]) См. *Sugenheim*, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa. Spb. 1861, s. 516, 520, *Hanssen*, Die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Herzogthümern Schleswig u. Holstein, Spb. 1861, s. 333—34. *Allen*, Histoire de Danemark. 1879. v. II, 183—184.

дворяне пожелаютъ добровольно послѣдовать примѣру, поданному правительствомъ, а стоило бы только взглянуть на тотъ самый Прибалтійскій край, поземельныя отношенія котораго несомнѣнно послужили образцомъ для Елагина при составленіи его проекта. Положеніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ было тамъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ крестьянъ дворянскихъ; ваккенбухи сохраняли въ нихъ вполнѣ свою силу, арендаторамъ запрещалось сгонять крестьянъ съ земли и по своему усмотрѣнію подвергать ихъ тѣлесному наказанію. И однакоже этотъ благотворный примѣръ не оказывалъ никакого вліянія на сосѣднія помѣщичьи имѣнія.

Но если даже допустить, что дворяне послѣдовали бы примѣру, поданному верховнымъ вѣдомствомъ относительно измѣненія быта крестьянъ, то еще нужно разсмотрѣть, была ли бы полезна для этихъ послѣднихъ реформа, предлагаемая Елагинымъ. Она заключалась въ насильственномъ разрушеніи общиннаго землевладѣнія, въ искусственномъ устроеніи дворовъ одинаковой величины, по 4 работника въ каждомъ, хотя бы при этомъ приходилось соединять въ одно хозяйство и совершенно постороннихъ людей, въ переходѣ двора и причисленной къ нему земли безъ раздѣла къ старшему въ домѣ, хотя бы онъ и не былъ въ родствѣ съ умершимъ хозяиномъ, въ безпрекословномъ повиновеніи хозяину всѣхъ остальныхъ работниковъ и т. п., наконецъ, въ назначеніи довольно тяжелаго для того времени оброка (по 3 р. съ души сверхъ нѣкоторыхъ барщинныхъ работъ). Отъ такой реформы жутко пришлось бы бывшимъ крестьянамъ[1]. Изъ этого мы видимъ, во-первыхъ, что [illegible] хотя такими прекрасными побужденіями, какъ желаніе дать крестьянамъ землю въ наслѣдственное пользованіе и опредѣлить закономъ ихъ повинности; кромѣ того, мы находимъ здѣсь первый примѣръ плановъ, навѣянныхъ остзейскими порядками, которые, какъ мы увидимъ ниже, еще отразились въ предлагаемыхъ [illegible] образцахъ реформы нѣкоторыхъ отвѣтовъ на тему о собственности крестьянъ, объявленную въ 1766 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

Кн. Д. А. Голицынъ отвѣчалъ на письмо вицеканцлера отъ 27-го мая 1766 г. обширнымъ посланіемъ на нѣсколькихъ листахъ. Онъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія рядомъ историческихъ фактовъ, цитируетъ сочиненія д'Аржансона („Considerations sur l'histoire de France"), абб. Мабли („Observations sur le gouvernement de France"), Юма „Исторію Плантагенетовъ". Императрица также съ большимъ вниманіемъ отнеслась

[1]) [illegible] 1878 г. № 6, стр. [illegible] 1878 г. № 5, стр. [illegible] напечатанъ вполнѣ въ „Журналѣ Землевладѣльцевъ", 1859 г. №№ 21 и 22.

[illegible] замѣчанія, [illegible] пред-[illegible] весьма [illegible] интересъ[1]. Кн. Дм. Алексѣевичъ [illegible] разсужденіе [illegible] на то, что право собственности [illegible] необходимое условіе процвѣтанія наукъ и искусствъ, так[illegible] [illegible] служить [illegible] и [illegible] [illegible] не можетъ развиваться, пока плоды труда не составляютъ собственности крестьянина

„[illegible] времени [illegible] [illegible] Голи-[illegible] [illegible] спутни-[illegible] труда. Такъ въ Россіи [illegible] [illegible] при недостаткѣ большихъ [illegible] и [illegible] хлѣба за границу, совершенно [illegible] [illegible] торговли [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] правда [illegible] [illegible] хлѣбъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] никогда [illegible] кромѣ Китая, [illegible] [illegible] въ Россіи". „Право собственности" [illegible] кн. Д. А. Голицынъ, „необходимо [illegible] [illegible] искусства и науки никогда не могутъ процвѣтать. [illegible] нельзя же [illegible] что онѣ процвѣтаютъ тамъ, [illegible] съ помощію [illegible] [illegible] государя, академіи или университеты [illegible] [illegible] или ученыхъ, и [illegible] — [illegible] [illegible] императрица. Предположимъ, [illegible] ученыя [illegible] [illegible] [illegible] академія и Московскій университетъ [illegible] большіе успѣхи. Что будетъ съ ними? [illegible] Екатерина [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Остальные бу-[illegible] академіи [illegible] справедливо, [illegible] [illegible] При-[illegible] императрица [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] у насъ очень мало людей [illegible] [illegible] очень много" [illegible] Екатерина), и [illegible] успѣхъ, они будутъ имѣть за границей, [illegible] [illegible] „не всегда" замѣтила императрица и [illegible] художниковъ. Къ тому же [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] недостатокъ [illegible] [illegible] [illegible] Екатерина на этотъ разъ [illegible] „И [illegible]", продолжаетъ кн. Д. А., „пока [illegible] и внутренняя торговля [illegible] въ Россіи [illegible] какъ теперь, нельзя [illegible]

[1]) Письмо 16-го марта 1766 г.; не издано.
[2]) Письмо отъ 16-го Марта 1766 г.; не издано.

дѣть въ ней процвѣтаніе искуствъ и наукъ." Кн. Голицынъ фактами изъ исторіи Франціи доказываетъ, что освобожденіе и *пріобрѣтеніе права собственности* имѣли тамъ самое благотворное вліяніе, а потомъ опять возвращается къ Россіи, утверждая, что и въ ней безъ права собственности не могутъ процвѣтать науки и искуства. „Я не хочу этимъ сказать", продолжаетъ онъ, „что нужно даровать теперь это право... Даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ законы свободнаго управленія утверждаются лишь съ крайнею трудностію. Не достаточно приказать народу быть счастливымъ, чтобы онъ имъ сдѣлался, не достаточно издать законы; нужно, чтобы граждане стали иначе смотрѣть, чувствовать и думать, а не то ихъ старинные предразсудки восторжествуютъ надъ мудростью законодателя".—„Для настоящаго времени", опять повторяетъ кн. Голицынъ свою прежнюю мысль, „будетъ достаточно, если е. и. в-во установитъ *право собственности на движимое имущество въ дворцовыхъ вотчинахъ*. Я увѣренъ, что многіе помѣщики не замедлятъ послѣдовать ея примѣру, а остальное устроится само собою подъ вліяніемъ тѣхъ выгодъ и добрыхъ результатовъ, которые каждый отъ этого почувствуетъ».

Затѣмъ кн. Дм. Алексѣев. начинаетъ доказывать, какъ полезны будутъ для Россіи предложенные имъ „странствующіе судьи" и какъ не дорого будетъ стоить ихъ содержаніе. Онъ указываетъ, во первыхъ, аналогичныя учрежденія въ Персіи, Спартѣ, Аѳинахъ, Англіи, имперіи Карла В., Португаліи и даже въ Китаѣ. Чтобы устранить указанное вице-канцлеромъ неудобство, что эти странствующіе судьи могутъ сами притѣснять крестьянъ, кн. Голицынъ предлагаетъ посылать ихъ ежегодно въ разныя провинціи и даже устроивать такъ, чтобы послѣдовательный выборъ падалъ на людей, находящихся между собою не въ ладахъ и которые по этой причинѣ подвергали бы строгому разсмотрѣнію дѣйствія другъ друга. На это императрица замѣтила: „Слѣдовательно нужно было бы освѣдомляться о частныхъ ссорахъ. Гдѣ же найти для этого время? И всѣ эти постоянныя освѣдомленія противорѣчили бы чистосердечію, которое каждое правительство должно вносить въ свое управленіе [1]).

[1]) „Что касается жалованья и путевыхъ издержекъ странствующихъ судей", продолжаетъ кн. Голицынъ, „то я не могу вообразить, чтобы это имѣло какое нибудь значеніе для императрицы" („Русская имперія такъ мала!" замѣчаетъ Екатерина). „Россія раздѣлена на 16 губерній. Предположимъ, что домены императрицы" (дворцовыя вотчины), „расположены въ этихъ 16 губерніяхъ, слѣдовательно нужно будетъ 16 судей и столько же секретарей („И каждый [illegible] по 5000 [illegible]", возражаетъ императрица). Каждый изъ судей будетъ получать свое двойное жалованье, т. е. если онъ камергеръ, то сверхъ жалованья, выдаваемаго отъ двора, онъ получитъ еще столько же за исполненіе обязанности странствующаго судьи. Если онъ гвардейскій офицеръ, ему также выдадутъ двойное жалованье". („Тутъ нѣтъ никакой соразмѣрности", замѣтила Екатерина). На путевыя издержки кн. Голицынъ предлагаетъ назначить по 400 р., а кромѣ того каждому судьѣ дано будетъ право брать извѣстное число лошадей („сколько вздумаетъ, столько разоренныхъ работниковъ", возражаетъ императрица). По разсчету кн. Голицына на жалованье никакъ не потребуется болѣе 30000 р., которые можно разложить на крестьянъ въ дворцовыхъ вотчинахъ, освободивъ ихъ отъ приказчиковъ и управителей, „этихъ истинныхъ піявокъ и мучителей нашихъ крестьянъ". Подушные и другіе сборы въ пользу императрицы будутъ собирать старосты и выборные, а странствующіе судьи всегда защищать ихъ отъ притѣсненій воеводъ и сосѣднихъ помѣщиковъ. („А кто вамъ сказалъ, что они не будутъ притѣснять ихъ сами", замѣтила Екатерина). Упомянемъ, что въ 1771 г. эта мысль кн. Д. А. Голицына была осуществлена: въ дворцовыхъ вотчинахъ управители были уничтожены, и крестьянами стали завѣдывать старосты и выборные.

„Относительно земледѣлія и внутренней торговли", продолжаетъ кн. Голицынъ, „Россія находится въ такомъ же состояніи, въ какомъ другія страны Европы были во времена феодализма. Вилланы были исключительно заняты обрабатываніемъ земель своихъ господъ и уплачивали имъ оброкъ хлѣбомъ, стадами и другими сельскими произведеніями или личною службою въ домѣ барона и на фермахъ, имъ самимъ содержимыхъ. По мѣрѣ усовершенствованія земледѣлія и увеличенія количества денегъ, замѣтили, что эти службы или *барщина*, хотя очень обременительны вилланамъ, были мало выгодны для господина. Разсчитали также, что доходъ съ земли будетъ гораздо болѣе значителенъ, если она будетъ находиться въ рукахъ самого земледѣльца, чѣмъ въ распоряженіи сеньера или его управляющаго. Тогда барщину или личныя службы замѣнили оброкомъ и прежнія натуральныя повинности переложили на деньги. *Такъ какъ затѣмъ увидѣли, что фермы лучше обрабатывались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьянину было гарантировано право владѣнія, то стало входить въ обычай отдавать ему землю въ аренду* вмѣсто поденщика. Вилланы постепенно исчезли въ болѣе цивилизованныхъ странахъ Европы". Итакъ для развитія земледѣлія и торговли во Франціи и Англіи оказалось нужнымъ дать вилланамъ право собственности. „Отсюда слѣдуетъ", продолжаетъ кн. Голицынъ, „что, идя тѣмъ же путемъ, е. и. в-во будетъ дѣйствовать съ увѣренностію въ успѣхѣ и можетъ ожидать удивительныхъ результатовъ такого установленія. Если теперь же право собственности не будетъ даровано крестьянамъ, то лишь изъ боязни, чтобы *они не злоупотребили имъ* („Не этого нужно бояться", замѣтила Екатерина) и потому, что императрица, по добротѣ души, ея достойной, не пожелаетъ возбудить неудовольствіе помѣщиковъ (противъ этого Екатерина не возражала), ибо люди никогда не измѣняютъ своихъ понятій въ одинъ день, и чѣмъ страннѣе и нелѣпѣе наши предразсудки, тѣмъ болѣе они имѣютъ власти надъ нашимъ разсудкомъ. Дѣло здѣсь еще не о томъ, чтобы дать имъ законы, сами по себѣ совершенные, но лучшіе, какіе можно выполнить. Если пожелаютъ внезапно уничтожить старыя привычки и предразсудки, то вмѣсто того, чтобы просвѣтить людей, ихъ только возмутятъ. Итакъ право собственности на движимое имущество — вотъ что необходимо въ настоящее время; ея в—во хорошо пойметъ, когда настанетъ время для дарованія имъ полнаго права собственности". — Противъ всего этого мѣста, начиная со словъ: „если пожелаютъ", императрица написала: „разсуждать о Россіи по Франціи сообразно со вкусами той страны не значитъ представить математическое доказательство".

Познакомившись съ замѣчаніями имп. Екатерины на послѣднее письмо кн. Д. А. Голицына, мы вмѣстѣ съ тѣмъ узнали и содержаніе отвѣта на него вице-канцлера, такъ какъ этотъ отвѣтъ представляетъ или буквальное повтореніе или только развитіе замѣчаній императрицы, и онъ наглядно подтверждаетъ мысль, что на переписку вице-канцлера съ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ можно смотрѣть какъ на полемику съ этимъ послѣднимъ самой государыни [1].

[1] Отвѣтъ вице-канцлера [illegible] апрѣля 176[illegible] [illegible] императрицѣ [illegible] Екатерина [illegible] Черновой [illegible] [illegible]

Не получивъ еще этого отвѣта, кн. Д. А. поспѣшилъ сообщить предложеніе, пришедшее ему въ голову. Мы встрѣчаемъ его и въ проектѣ Глазина [1]). „Какихъ бы добрыхъ результатовъ ни ожидали мы отъ дарованія крестьянамъ доменовъ императрицы права собственности на движимое имущество, прогрессъ во всякомъ случаѣ можетъ быть въ началѣ только очень медленнымъ, и нужно бояться, чтобы эта медленность въ проявленіи благихъ результатовъ не отбила бы охоты съ самаго начала. Поэтому было бы желательно, чтобы е. и. в. приказала выбрать одинъ округъ [2]), одну вотчину изъ своихъ доменовъ и для опыта даровала бы тамъ полное право собственности съ дозволеніемъ выбирать самимъ мэровъ и старшинъ, т. е. по нашему старостъ и выборныхъ, съ тѣмъ, чтобы полицейскій надзоръ былъ установленъ и исполняемъ ими самими. Пусть странствующіе судьи дѣлаютъ тамъ свои объѣзды, какъ и въ другихъ частяхъ доменовъ императрицы, и имъ предписуть только сдѣлать тамъ наблюденія и замѣчанія, если возможно, еще болѣе точныя, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, чтобы ея в—во, не имѣя возможности видѣть этотъ округъ лично, могла бы по ихъ донесеніямъ судить объ тамошнихъ успѣхахъ въ земледѣліи и торговлѣ и о увеличеніи народонаселенія. Нужно только при выборѣ округа обратить вниманіе на то, чтобы онъ находился близь какой нибудь большой рѣки, для того чтобы былъ легкій сбытъ земледѣльческихъ произведеній и удобныя сношенія съ сосѣдними округами или какимъ нибудь большимъ городомъ. Желательно также, чтобы выбранный округъ находился близь Москвы или Петербурга. При соблюденіи этого условія, необходимаго для развитія соревнованія, а слѣдовательно и промышленности, этотъ округъ сдѣлаетъ быстрые успѣхи, и въ 2—3 года императрица будетъ имѣть возможность убѣдиться въ добромъ вліяніи принятыхъ мѣръ".

Письмо это, какъ видно изъ краткаго отвѣта вицеканцлера [3]), было холодно принято императрицею, что видно изъ отсутствія на немъ ея отмѣтки. Вицеканцлеръ пишетъ, что въ новомъ предложеніи кн. Дм. Алексѣев. много осмотрительности: большія предпріятія должны быть подготовляемы подобными мѣрами: „это первый эскизъ картины, которая будетъ усовершенствована не скоро, лишь послѣ многихъ размышленій".

Между тѣмъ кн. Д. А. Голицынъ нашелъ необходимымъ отвѣтить на возраженія, сдѣланныя ему въ письмѣ отъ 1-го апрѣля. Онъ замѣ-

[illegible] Также [illegible] почти неисполнимымъ [illegible]

[1]) Письмо 23-го марта 1766 г., не издано.

[2]) [illegible] 1765 г. [illegible]

[3]) 7-го апрѣля 1766 г., не напечатанъ.

тилъ [1]) было вѣрнымъ, что хотя земледѣліе въ Россіи и не находится въ такомъ печальномъ положеніи, какъ думаютъ за границею, но всетаки, въ виду обширности страны и плодородія почвы слѣдовало бы ожидать болѣе значительныхъ сборовъ хлѣба. Внутренняя торговля не будетъ процвѣтать до тѣхъ поръ, пока постепенно не дарують крестьянамъ права собственности на движимое имущество. Третье сословіе (le tiers-etat) необходимо для процвѣтанія искуствъ и наукъ, а образованію зажиточнаго третьяго сословія препятствуетъ масса крѣпостныхъ работниковъ, которыми переполнены дома русскихъ дворянъ. Странствующіе судьи должны не замедлять судопроизводство, какъ это считаетъ возможнымъ вице-канцлеръ, а напротивъ ускорять его. Контроль надъ своими предшественниками будетъ для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, а не то можно и совсѣмъ освободить ихъ отъ этой обязанности. Предлагая назначить 16 судей, онъ имѣлъ въ виду только дворцовыхъ крестьянъ, для всей же Россіи ихъ конечно нужно больше. Подводная повинность для ихъ путешествій будетъ все легче крестьянамъ, по мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ земледѣлія и внутренней торговли и увеличеніемъ народонаселенія, вездѣ въ Россіи устроятся большія дороги и почты, какъ во Франціи. (Вся Франція, замѣтила императрица, „не составляетъ и половины новгородской губерніи“, въ составъ которой входили въ то время провинціи новгородская, тверская, псковская, бѣлозерская и великолуцкая).

Познакомившись съ содержаніемъ большей части переписки кн. Голицыныхъ относительно крестьянскаго вопроса, сгруппируемъ теперь взгляды на этотъ предметъ кн. Дмитрія Алексѣевича, на сколько они выяснились въ предшествующихъ письмахъ. Вредное вліяніе крѣпостнаго права онъ прежде всего видитъ въ томъ, что несвободный трудъ гораздо менѣе производителенъ, такъ какъ „его естественными спутниками являются лѣность, небрежность и даже обманъ“. Крестьянинъ, подвергающійся оскорбленіямъ и мученіямъ со стороны господина, лишается бодрости духа и предпріимчивости, обширныя мѣстности въ государствѣ остаются необработанными, народъ дѣлается совершенно неспособнымъ къ промышленности. Крѣпостное право вредно и тѣмъ, что уничтожаетъ потребность въ свободномъ трудѣ, такъ какъ обширная дворня даетъ помѣщику возможность удовлетворять всѣмъ своимъ нуждамъ съ помощію домашняго производства; понятно, что не развиваются промышленность и торговля, не можетъ образоваться и среднее сословіе, о созданіи котораго въ Россіи такъ хлопотали въ екатерининскую эпоху.

[1]) 26-го мая 1766 г., напечатано Рашнскимъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1876 г. № 2, перепечатано въ Сборн. Госуд. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, вып. II, стр. 107—112.

считая существованіе его необходимымъ условіемъ для развитія наукъ и искуствъ.

Какимъ же образомъ слѣдуетъ его уничтожить? Тутъ прежде всего кн. Дм. Ал. Голицынъ вооружается противъ всякихъ насильственныхъ мѣръ со стороны государства: все это дѣло должно быть предоставлено частной иниціативѣ дворянъ, а примѣръ должна подать имъ императрица въ дворцовыхъ вотчинахъ. Въ этомъ отношеніи кн. Голицынъ оказывается солидарнымъ съ главою тогдашнихъ французскихъ писателей, Вольтеромъ, который въ мнѣніи, присланномъ въ наше Вольное экономическое общество (не вполнѣ изданномъ), говоритъ: „Что касается сеньоровъ... то, кажется, нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по собственному усмотрѣнію. Это ужъ ихъ дѣло послѣдовать ли примѣру государя... Они должны быть приглашены къ тому, а не обязаны“ (см. ниже). Мечты кн. Дм. Алексѣевича ограничиваются тѣмъ, чтобы крестьянамъ было дано право собственности, но не на землю, которую онъ въ теченіе многихъ поколѣній обливалъ своимъ потомъ и кровью, а только на движимое имущество. Дѣло идетъ исключительно о личномъ освобожденіи, о дарованіи личной свободы, какъ это будетъ намъ еще яснѣе изъ дальнѣйшей переписки кн. Голицыныхъ. Предполагается, что чудодѣйственное право собственности на одно движимое имущество дастъ крестьянину возможность скопить средства, необходимыя для пріобрѣтенія собственнаго клочка земли. Кн. Д. А. Голицынъ увѣрялъ, что стоитъ только императрицѣ подать примѣръ, и очень многіе ему послѣдуютъ: онъ предлагалъ даже сдѣлать опытъ въ одномъ округѣ дворцовыхъ имѣній. Но мы увидимъ ниже, что когда ему самому было предложено произвести подобный же опытъ, то оказалось, что одного примѣра государыни было бы недостаточно и что самъ либералъ поставилъ правительству совершенно невозможныя условія. Кромѣ дарованія права собственности крестьянамъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понималъ, кн. Голицынъ додумался еще только до мысли о дарованіи имъ права жаловаться на помѣщиковъ, для чего и предполагалось учрежденіе странствующихъ судей или трибуналовъ въ городахъ. Но и эта мѣра должна быть принята съ величайшею постепенностью: нужно попробовать ее сначала въ одномъ округѣ дворцовыхъ имѣній, и лишь послѣ испытанія ея тамъ ей можетъ быть дано большее распространеніе.

Императрица Екатерина, въ замѣчаніяхъ на письма кн. Д. А. Голицына, не высказала своихъ положительныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ! Она ограничилась отдѣльными выраженіями, иной разъ весьма противорѣчивыми, какъ напр., что примѣръ государыни не подѣйствуетъ, а то родилось сужденіе о Россіи съ французской точки зрѣнія. Послѣднее

было особенно вѣрно и било не въ бровь, а въ глазъ нашему французоману.

Что касается вицеканцлера А. М. Голицына, то онъ ничѣмъ не обнаруживалъ желанія измѣнить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ; онъ довольно внимательно относился къ нуждамъ своихъ крестьянъ и не обременялъ ихъ чрезмѣрными повинностями, но не колебался энергически пользоваться помѣщичьею властью тамъ, гдѣ считалъ это необходимымъ, какъ напр. относительно крестьянскихъ браковъ [1].

Въ то время, какъ кн. Д. А. Голицынъ пускался въ подробныя разсужденія о необходимости измѣненія быта помѣщичьихъ крестьянъ, у нѣкоторыхъ нашихъ вельможъ являлось желаніе дѣйствительно произвести серьезныя улучшенія въ положеніи своихъ крѣпостныхъ. Такъ напр. извѣстный намъ пасторъ Эйзенъ разсказываетъ, что, послѣ того какъ онъ былъ вызываемъ въ Петербургъ канцеляріею опекунства иностранныхъ, его еще разъ пригласилъ туда, въ 1765 г., [2] Григорій Орловъ, „для того, чтобы въ имѣніяхъ Орловыхъ, лежавшихъ близъ Петербурга, даровать крестьянамъ право собственности на землю... Я прожилъ", разсказываетъ Эйзенъ, „полтора года въ Ропшѣ [3] и принималъ пожалованныя имѣнія отъ различныхъ императорскихъ канцелярій и подготовлялъ великое дѣло: мой планъ былъ одобренъ императрицею и каждый день можно было ожидать раздачи (крестьянамъ) документовъ на наслѣдственную аренду земли съ опредѣленіемъ размѣра оброка (Erbzinsbriefe). Однако до этого дѣло не дошло. Я ли былъ созданъ не для большаго свѣта, или онъ не для меня; я ли не зналъ его, или онъ меня" [4].

[1] Онъ [illegible] 15 [illegible] 15 [illegible] штрафъ [illegible] См. нашу книгу „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II", 1881 г. т. I.

[2] Время второго пріѣзда Эйзена въ Петербургъ опредѣляется [illegible] черезъ годъ [illegible] крестьянъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ.

[3] Она была пожалована гр. Орлову въ 1764 г.

[4] „Philanthrop". Vorrede. Срвн. очеркъ объ Эйзенѣ Шторха, „Сборн. отд. русск. языка и словесности имп. Акад. Наукъ", т. XIII, спб. 1875, стр. 82—83.

ГЛАВА IV.

Отношеніе къ крестьянскому вопросу „Наказа" имп. Екатерины. — Мѣста „Наказа", исключенныя придворной цензурой.—Возраженія Сумарокова.

Въ предъидущей главѣ мы познакомились съ предложеніями относительно измѣненія быта крѣпостныхъ, сдѣланными императрицѣ Н. И. Панинымъ, И. П. Елагинымъ и Д. А. Голицынымъ; было указано и на протестъ А. П. Бестужева-Рюмина противъ какого бы то ни было ограниченія крѣпостнаго права.

Среди такихъ противоположныхъ совѣтовъ Екатерина принялась за составленіе своего „Наказа". „Два года я читала и писала", свидѣтельствуетъ она сама, „не говоря о томъ полтора года ни слова"; писать она начала въ февралѣ 1765 года, какъ положительно видно изъ письма къ г-жѣ Жоффренъ [1]. Еще ранѣе окончанія труда, императрица показывала его кн. Г. Г. Орлову и гр. Н. И. Панину; первый былъ въ восторгѣ отъ этого произведенія, второй замѣтилъ: „Ce sont des axiomes à renverser des murailles" [2]. Духовныя лица, которымъ поручено было разсмотрѣть „Наказъ" (въ числѣ ихъ былъ Гавріилъ, епископъ тверской), хотя и сдѣлали нѣсколько возраженій, однакожъ, сочувственно отнеслись къ „Наказу" [3]. Наказъ подвергался также просмотру поэта Сумарокова, съ замѣчаніями котораго мы познакомимся ниже. За границей ранѣе всѣхъ о составленіи „Наказа" была оповѣщена г-жа Жоффренъ, а затѣмъ и нѣкоторыя литературныя знаменитости Франціи. Въ іюнѣ 1765 года, имп. Екатерина пишетъ Жоффренъ: „Въ этомъ трудѣ я высказалась вполнѣ и не скажу болѣе ни слова въ продолженіе всей жизни. Общее мнѣніе тѣхъ, которые прочли „Наказъ", что онъ *non plus ultra* совершенства, но мнѣ кажется, что можно еще кое-что исправить. Я не хотѣла помощниковъ въ этомъ дѣлѣ, опасаясь, что каждый изъ нихъ сталъ бы тянуть въ различномъ направленіи, а здѣсь надо про-

¹) „Сб. ист. общ.", I, 268.

²) „Сб. Истор. Общ." XXVII, 175—176. [illegible] Н. И. Панинъ [illegible]

³) *Сухомлиновъ*. „Ист. рос. акад.", I, 61—62.

вести одну только нить и крѣпко за нее держаться". Въ письмѣ къ Даламберу, въ половинѣ 1765 г., Екатерина говоритъ: Въ „Наказѣ" я „на пользу моей имперіи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что еслибы онъ съ того свѣта увидалъ меня работающей, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20 милл. людей, которое изъ того послѣдуетъ. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы этимъ обидѣться". Въ началѣ февраля 1767 г., она пишетъ къ Даламберу относительно „Наказа": „Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено, и Богъ вѣдаетъ, что станетъ съ остальнымъ; однако, придется рѣшиться къ назначенному мною сроку" [1].

Черезъ день послѣ составленія этого письма, императрица отправилась въ Москву и пробыла тамъ февраль, мартъ и апрѣль мѣсяцы. Поселившись въ Коломенскомъ дворцѣ, она призвала къ себѣ нѣсколько лицъ различнаго образа мыслей и приказала имъ читать „Наказъ". Тутъ, по ея словамъ, каждая статья возбуждала пренія. Она дала имъ волю измѣнять и вымарывать все, что они захотятъ, и такимъ образомъ, если вѣрить ея свидѣтельству, было исключено болѣе половины написаннаго [2]. На эти-то предстоящія измѣненія очевидно намекала императрица, когда говорила въ письмѣ къ Даламберу, что она не знаетъ, „что станется съ остальнымъ".

Въ этомъ измѣненномъ видѣ „Наказъ" появился въ печати въ концѣ іюля 1767 года [3]; изъ первоначальной его редакціи намъ извѣстны только нѣкоторые отрывки, и мы будемъ имѣть случай познакомиться съ любопытными мѣстами о крестьянскомъ вопросѣ, непропущенными цензурой, которой подвергла императрица свое произведеніе. Теперь же остановимся пока на „Наказѣ" въ томъ видѣ, какъ онъ появился въ печати.

Императрица сама признавалась въ письмѣ къ Даламберу, что она „обобрала президента Монтескье". Точно также въ письмѣ къ Фридриху Великому, вмѣстѣ съ которымъ былъ отправленъ къ нему „Наказъ", она говоритъ: „Вы увидите, что я, какъ ворона въ баснѣ, нарядилась въ павлиньи перья. Въ этомъ сочиненіи мнѣ принадлежитъ только расположеніе матеріала и, кое-гдѣ, тамъ — одна строчка, одно слово; если собрать все, что я прибавила, я не думаю, чтобы вышло болѣе двухъ или трехъ листовъ" [4]. Дѣйствительно оказывается, что изъ 526 статей „Наказа" около ста (отъ 147 до 245) заимствованы изъ извѣстнаго со-

[1]) „Сб. ист. общ.", I, 276. Ср. 283. X, 31, 94—95, 167.

[2]) „Русск. Архивъ" 1865 г., стр. 479—480.

[3]) О томъ, что „Наказъ" не имѣлъ свободнаго распространенія въ публикѣ и что даже въ присутственныхъ мѣстахъ чтеніе его дозволялось [illegible], см. *Соловьевъ*, XXVII, 145.

[4]) *Пекарскій*, „Матеріалы для ист. журн. и литер. дѣят. Екатерины II", Прилож. къ III т. „Зап. акад. наукъ", № 6, 1863 г., стр. 73.

чисел. Беккарія, а болѣе 250 взято у Монтескье. „Заимствованія", говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ юристовъ, спеціально занимавшійся „Наказомъ", — „сдѣланы или въ видѣ буквальнаго перевода съ сохраненіемъ порядка самаго подлинника, каковы заимствованія изъ Беккаріи, или въ видѣ компиляціи, не стѣсняющейся расположенія предметовъ подлинника, каковы заимствованія изъ Монтескье" ¹). Мы ограничимся разсмотрѣніемъ только тѣхъ мѣстъ „Наказа", которыя посвящены крестьянскому вопросу, но и тутъ увидимъ не мало заимствованій.

Нужно избѣгать случаевъ „приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной"; къ этимъ словамъ, которыя встрѣчаются и въ болѣе полной редакціи XI главы, въ печатномъ „Наказѣ" еще прибавлено: „однако и то едва ли не весьма рѣдко бываетъ" (ст. 253). Относительно необходимости ограничить произволъ владѣльцевъ находимъ въ „Наказѣ" слѣдующія замѣчанія. Статья 254 — „какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти" — представляетъ буквальный переводъ изъ Монтескье ²). Вмѣстѣ съ этимъ Екатерина указываетъ на необходимость предупреждать тѣ причины, которыя вызываютъ „непослушаніе рабовъ противъ господъ", такъ какъ иначе законы не могутъ прекращать этого непослушанія и возстановить спокойствіе и тѣмъ, и другимъ (ст. 260). Необходимость наказывать „злоупотребленія рабства" подтверждается примѣромъ афинянъ, которые „строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо" (ст. 259) ³). Еще убѣдительнѣе для русской публики было то, что Петръ Великій велѣлъ отдавать подъ опеку не только безумныхъ, но и мучающихъ своихъ подданныхъ. „Но первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно" (ст. 256), спрашиваетъ Екатерина. Большіе поборы весьма вредно отражаются на земледѣліи и на размноженіи народонаселенія: „весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства" (ст. 269, 270, 275, 276). Авторъ, опровергая мнѣніе, что,

¹) *Кистяковскій.* „Нѣсколько началъ уголовнаго права въ „Наказѣ" императрицы Екатерины II". „Юридическій Вѣстникъ" 1864 г., № 10, стр. 2. Срв. *Городисскій.* „Вліяніе Беккаріи на русское уголовное право". Журн. Мин. Юст., 1864 г., т. 21, № 9, стр. 460—62.

²) De l'esprit des lois, livre XV, ch. 11.

³) Это примѣръ, взятый также у Монтескье: „A Athènes on punissait sévèrement, *quelquefois même de mort,* celui qui avait maltraité l'esclave *d'un autre*" (livre XV, ch. 17).

тѣмъ большія на подданныхъ наложены дани, тѣмъ болѣе приходятъ они въ состояніе платить оныя", замѣчаетъ, что такія „мудрованія" всегда причиняли и будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ (ст. 277). Императрица признаетъ также необходимость огражденія закономъ правъ крестьянина на имущество: „Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества" (ст. 261)[1]; „не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто (по-французски le cultivateur ou laboureur, по-нѣмецки: der Ackersmann) не имѣетъ ничего собственнаго"; это основано на томъ, что каждый болѣе заботится о своемъ собственномъ и небрежетъ о томъ, что другой у него отнимать (ст. 295, 296); но рядомъ съ этимъ императрица помѣщаетъ весьма неопредѣленныя фразы, въ родѣ того, что „правленіе весьма сходственно съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается"; подобныя выраженія служили впослѣдствіи подкрѣпленіемъ мнѣнію тѣхъ феодаловъ, которые говорили, что свобода крестьянъ не свойственна нашимъ нравамъ и образу правленія. Императрица вооружается, наконецъ, противъ того, что помѣщики, по своему произволу, женятъ и выдаютъ замужъ своихъ крѣпостныхъ: „Обыкновенно въ узаконеніяхъ положено", говоритъ она, „отцамъ сочетовать союзомъ брачнымъ дѣтей своихъ. Но что изъ сего выйдетъ, если притѣсненіе и сребролюбіе доведутъ до того, что присвоятъ себѣ неправильнымъ образомъ власть отцовскую? Надлежало бы еще отцовъ поощрять, чтобъ дѣтей своихъ бракомъ сочетовали, а не отнимать у нихъ воли сочетовать дѣтей по ихъ лучшему усмотрѣнію" (ст. 288). Итакъ опредѣленіе повинностей крестьянъ особымъ закономъ, наказаніе помѣщиковъ, мучающихъ своихъ крестьянъ, огражденіе ихъ правъ на имущество и предоставленіе имъ свободы жениться, на комъ они хотятъ, — вотъ тѣ реформы, на необходимость которыхъ прямо или косвенно указывала печатная редакція „Наказа". Дѣло такимъ образомъ шло не объ освобожденіи крестьянъ, а объ улучшеніи ихъ быта; да это и понятно, такъ какъ Екатерина подъ вліяніемъ Монтескье думала, что „не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ" (ст. 260[2]).

Остановимся теперь на тѣхъ мѣстахъ болѣе полной редакціи „Наказа", которыя не попали въ печатное изданіе. Сюда относится во-

---

[1] Въ нѣмецкомъ переводѣ эта фраза гласитъ: „Die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen". По-французски: „Les lois peuvent favoriser le pecule des esclaves". Послѣднее прямо заимствовано изъ Монтескье, у котораго еще прибавлено: *et mettre les esclaves en état d'acheter leur liberté* (XV. 18). Послѣднее было также перенесено въ первоначальную редакцію, но потомъ опущено.

[2] Буквально взято у Монтескье (liv. XV. ch. 18).

первыхъ различіе между servitude réelle и servitude personnelle — или „крестьянствомъ и холопствомъ“, какъ передаетъ эти термины императрица, съ замѣчаніемъ, что „великое злоупотребленіе есть, когда оно (рабство) въ одно время и личное, и существенное“[1]). Затѣмъ въ первоначальной редакціи было гораздо болѣе сказано о мѣрахъ противъ помѣщиковъ, не заботящихся о своихъ крѣпостныхъ, мучающихъ ихъ или подвергающихъ разнымъ насиліямъ. „Законы должны и о томъ имѣть попеченіе, чтобы рабы и въ старости, и въ болѣзняхъ не были оставлены. Одинъ изъ кесарей римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ. Сей законъ утверждалъ рабамъ свободу; *но надлежало бы еще утвердить закономъ и сохраненіе ихъ жизни*. Когда законъ дозволяетъ господину наказывать своего раба жестокимъ образомъ, то сіе право долженъ онъ употреблять какъ судья, а не какъ господинъ. Желательно, чтобъ можно было закономъ предписать въ производствѣ сего порядокъ, по которому бы не оставалось ни малаго подозрѣнія въ учиненномъ рабу насиліи“[2]). Но, разумѣется, крестьянину было бы небольшое утѣшеніе въ томъ, что господинъ продолжалъ бы жестоко наказывать его только въ качествѣ не господина, а судьи. Прививать къ намъ правила сеньеріальной юрисдикціи было бы вовсе не желательно. Поэтому гораздо практичнѣе предложеніе, почерпнутое Екатериною не изъ Монтескье, а изъ самой жизни. „Въ россійской Финляндіи“, говоритъ она: „выбранные семь или осмь крестьянъ во всякомъ погостѣ составляютъ судъ, въ которомъ судятъ во всѣхъ преступленіяхъ. Съ пользою подобный способъ можно бы учредить для уменьшенія домашней суровости помѣщиковъ или слугъ, или посылаемыхъ на управленіе деревень ихъ безпредѣльное, что часто разорительно деревнямъ и народу и вредно государству, когда удрученные отъ нихъ крестьяне принуждены бываютъ поневолѣ бѣжать изъ своего отечества. Есть государства, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ двѣнадцатью особами ему равными; законъ который можетъ воспрепятствовать сильно мучительству господъ, дворянъ, хозяевъ“. Предлагалась мѣра и для огражденія крестьянокъ отъ изнасилованія: „есть положеніе въ ломбардскихъ законахъ, которое во всѣхъ родахъ правленія полезно быть можетъ: „если господинъ насилуетъ жену или дочь своего раба, то вся семья оного будетъ отъ рабства освобождена“: средство къ предупрежденію и укрощенію невоздержности господъ“[3]). Въ печатномъ „Наказѣ“ мы встрѣчаемъ только

---

[1]) Все это мѣсто заимствовано у Монтескье (XV, 10). Часть этого мѣста [illegible] потомъ въ „Наставленіе о правленіи къ [illegible] Нов. улож.“.

[2]) Все это заимствовано у Монтескье (XV, 17).

[3]) Взято у Монтескье (XV, 12).

ссылку на то, что у аѳинянъ наказывали тѣхъ, кто „съ рабомъ поступалъ свирѣпо“, при чемъ опущено окончаніе этой фразы, которое въ первоначальной редакціи вполнѣ приведено изъ Монтескье (XV, 17): „Аѳинскій законъ благоразумно не хотѣлъ присоединить лишенія безопасности къ лишенію вольности“; но, кромѣ того, въ первоначальной редакціи мы находимъ и другія подобныя указанія, заимствованныя изъ той же главы Монтескье, а именно, что у грековъ рабы, съ которыми господа обращаются жестоко, могли требовать, чтобы они были проданы другому; нѣчто подобное существовало и въ Римѣ.—Въ первоначальной редакціи встрѣчается также указаніе на возможность опредѣленія извѣстнаго срока рабства: „Могутъ еще законы опредѣлить урѣченное время службы: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ“; но какъ это можно было бы примѣнить къ нашей жизни, авторъ не указываетъ. Единственная мѣра изо всѣхъ этихъ предложеній, осуществленная впослѣдствіи императрицею, было предложеніе запретить вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя; она также была навѣяна чтеніемъ Монтескье [1]. Гарантировать крѣпостнымъ право на имущество нужно для того, чтобы они могли купить себѣ свободу. Кромѣ того, нужно, чтобы законы гражданскіе опредѣляли точно, сколько рабъ долженъ заплатить за освобожденіе своему господину [2]. Всѣ эти желанія объ учрежденіи сельскаго суда изъ крестьянъ, освобожденіи изъ рабства семейства изнасилованной женщины и, наконецъ, опредѣленіе размѣра выкупа—не вошли въ составъ печатнаго „Наказа“.

Изъ возраженій, какія дѣлались разными лицами, читавшими Наказъ, до насъ дошли весьма немногія, изъ нихъ всего любопытнѣе замѣчанія поэта Сумарокова, противника освобожденія крестьянъ. *По поводу* его словъ: „между крѣпостнымъ и невольникомъ разность: одинъ привязанъ къ землѣ, а другой къ помѣщику“, Екатерина замѣтила: „Какъ это сказать можно, отверзите очи“! По поводу предложенія объ ограниченіи помѣщичьей расправы, Сумароковъ говоритъ: „Господинъ долженъ быть судья по правдѣ... Добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ, и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ“. „Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ качества считать“, возразила Екатерина. По поводу всей XI главы „Наказа“, проникнутой, особенно въ первоначальномъ видѣ, либеральными тенденціями, Сумароковъ замѣтилъ: „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между

---

[1]) Ср. L'esprit des lois, XV, 2.
[2]) „Сб. ист. общ.“ X, 153—156.

помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (*и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ*, мѣтко прибавила императрица) вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища: ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ". Теперь же „помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ". „И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи", замѣтила Екатерина [1].

1) „Сб. ист. общ." X, 84—86.

ГЛАВА V.

Основаніе Вольнаго экономическаго общества. — Объявленная имъ задача по крестьянскому вопросу. — Отвѣты на нее и присужденіе преміи. — Рѣшеніе вопроса о томъ, печатать-ли переводъ сочиненія Беарде-де-Лабея.

Въ 1756 г. по иниціативѣ извѣстнаго физіократа Гурнэ, образовалось земледѣльческое общество въ Бретани; вслѣдъ затѣмъ подобныя общества стали появляться и въ другихъ мѣстахъ, и между прочимъ, въ 1761 г., одно изъ нихъ было основано въ Парижѣ. Король взялъ ихъ подъ свое покровительство, а администрація стала прибѣгать къ нимъ за совѣтами и оказывать имъ содѣйствіе. Примѣръ этотъ нашелъ подражаніе и въ Германіи. Правда, еще ранѣе были основаны земледѣльческія общества въ другихъ мѣстахъ Европы (въ Великобританіи и Швейцаріи), но мода на нихъ появилась только въ концѣ 50-хъ годовъ, когда они начали въ большомъ числѣ нарождаться во Франціи. Тогда и мы не захотѣли отстать отъ Европы.

Въ іюнѣ 1765 г. гр. Р. И. Воронцовъ, гр. Г. Г. Орловъ, А. В. Олсуфьевъ, гр. И. Г. Чернышевъ, бар. А. И. Черкасовъ, Г. Н. Тепловъ, И. И. Таубертъ, Нартовъ и нѣкоторыя другія лица составили „Патріотическое общество для поощренія въ Россіи земледѣльчества и экономіи". Большинство членовъ-основателей принадлежало къ числу высшихъ государственныхъ сановниковъ и приближенныхъ ко двору. Императрица Екатерина утвердила его уставъ и согласилась на то, чтобы оно находилось исключительно подъ ея покровительствомъ, не завися ни отъ какого правительственнаго учрежденія; съ тѣхъ поръ оно стало называться „Вольнымъ экономическимъ обществомъ къ приращенію (или для приращенія) въ Россіи земледѣлія и домостроительства". Вслѣдъ затѣмъ, членами его сдѣлались и многіе другіе сановники, сельскіе хозяева и ученые: въ числѣ первыхъ назовемъ гр. З. Г. Чернышева, А. П. Мельгунова, Вл. Г. Орлова, кн. А. Вяземскаго, новороссійскаго губернатора Я. Сиверса; ко вторымъ принадлежали: Рычковъ, бар. Вульфъ, Олишевъ, [illegible] и позднѣе Болотовъ; изъ ученыхъ назовемъ академиковъ Эйлера отца и сына, Г. Ф. Миллера и Штелина.

Уже съ самаго начала общество, по предложенію своего члена фонъ-

Клингштета, приняло очень важную мѣру: находя прежде всего необходимымъ изучить положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, оно напечатало и разослало 65 вопросовъ о земледѣліи, скотоводствѣ и т. п. Быть можетъ, это обращеніе къ содѣйствію всѣхъ образованныхъ людей въ Россіи увѣнчалось бы незначительнымъ успѣхомъ, если бы въ этомъ дѣлѣ не принялъ участія членъ общества генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій: по приглашенію его, прокуроры различныхъ провинцій собрали много интересныхъ свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства въ Россіи. Изъ этихъ вопросовъ одинъ, и только одинъ, касался положенія крѣпостныхъ крестьянъ [1], всѣ же остальные были посвящены земледѣлію, скотоводству и проч. Такимъ образомъ, легко могло бы случиться, что, по примѣру иностранныхъ обществъ, и наше обратило бы все вниманіе на плохое положеніе земледѣлія, почти совершенно упустивъ изъ виду быть крестьянъ. Опасеніе это подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Императрица Екатерина, обдумывая при составленіи Наказа различные способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, слышала много разнообразныхъ предложеній по этому предмету: таковы были мнѣнія Н. Панина Бестужева-Рюмина, кн. Голицына и Елагина. Среди этихъ несходныхъ совѣтовъ, императрица пожелала узнать мнѣніе объ этомъ вопросѣ только-что составившагося экономическаго общества, въ которомъ она могла услышать голоса и крупныхъ землевладѣльцевъ, и людей, научно изучавшихъ земледѣліе. Она инкогнито обратилась къ обществу въ концѣ 1765 г. съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Многіе разумные авторы поставляютъ и самые опыты доказываютъ, что не можетъ быть тамъ ни искуснаго рукодѣлія, ни твердо основанной торговли, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или нерачительно производится, что земледѣльство не можетъ процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Все сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, чего опасаться можетъ, что другой у него отыметъ“ [2]. Такимъ образомъ, императрица обращала вниманіе на самый главный, коренной вопросъ нашего сельскаго хозяйства. Между тѣмъ какъ общество могло задумывать введеніе у насъ нѣкоторыхъ улучшенныхъ способовъ обработки земли, увлечься исключительно научною разработкою агрономіи, она обращала его вниманіе на самое страшное препятствіе для развитія народнаго благосостоянія, а, слѣдовательно, и для усовершенствованія земле-

[1] А именно, [illegible] сколько [illegible] [illegible] работаютъ и сколько [illegible] работаютъ и [illegible] ходина“.

[2] [illegible] Наказа, обнародованнаго полтора года позднѣе. (См. ст. 295, 296).

дѣльческой культуры. „Поставляя сіи правила за неоспоримыя“, продолжала императрица „осталось мнѣ просить васъ рѣшить: въ чемъ состоитъ или состоять должно для твердаго распространенія землед҄ѣльчества имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашцевъ? Иные полагаютъ, что(бъ) то состояло въ участкѣ земли, принадлежащей отцу, сыну и потомкамъ его съ пріобрѣтеннымъ движимымъ и недвижимымъ, какого бы то званія ни было; другіе, напротивъ того [1], полагаютъ на одинъ участокъ земли 4 и до 8 человѣкъ родовъ разныхъ и поставляютъ старшаго въ томъ обществѣ главнымъ или такъ называемымъ хозяиномъ, изъ чего слѣдуетъ, что сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ, называя собственнымъ только то, что тому обществу принадлежитъ, а не каждой особѣ. Итакъ нахожуся я въ великомъ недоумѣніи, не зная, на точный ли или на спекулятивный разумъ слова „собственное“ полагаться“ [2]. Императрица, очевидно, не знала, какъ просто и хорошо рѣшали этотъ вопросъ русскіе крестьяне съ помощью общиннаго землевладѣнія, хотя они и не имѣли права собственности на землю. Но нельзя не замѣтить, что она очень умно указала на существенное противорѣчіе въ предложеніяхъ, подобныхъ тѣмъ, какія дѣлалъ Елагинъ. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобы дать крестьянину землю въ собственность и въ то же время, при его системѣ, оказывалось, что „сынъ послѣ отца не наслѣдникъ, слѣдовательно, и собственнаго не имѣетъ“.

Экономическому обществу была поставлена въ высшей степени важная задача; но письмо начиналось крайне скромно и подписано было только буквами И. Е., и общество, не догадываясь, что эта подпись означаетъ: „Императрица Екатерина“, не обратило на него никакого вниманія и вспомнило объ немъ только по полученіи втораго письма.

Въ засѣданіи, 1-го ноября 1766 г., секретарь доложилъ письмо къ обществу отъ неизвѣстной особы, вмѣстѣ съ которымъ былъ присланъ ящичекъ съ 1000 червонцами. Въ письмѣ, подписанномъ опять буквами И. Е., было сказано, что въ виду недостатка средствъ у общества, нижайше просятъ принять деньги для раздачи наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, на плату переводчикамъ и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ высказывалось желаніе, чтобы была предложена слѣдующая тема: „въ

[1] Тутъ нельзя не видѣть намека на Елагина, который могъ тогда на собраніяхъ высказывать свое мнѣніе.

[2] Нужно замѣтить, что здѣсь вопросъ вовсе не въ томъ, какъ думаютъ историки Эк. общ. (А. Ходневъ) да вслѣдъ за нимъ и Кавелинъ (въ „Недѣлѣ“ 1876 г. №№ 3—5, стр. 125): „лучше ли общинное владѣніе землею или участковое на правахъ полной личной собственности?“ Тутъ противупоставляются два вида участковаго владѣнія: въ первомъ случаѣ участокъ принадлежитъ естественной семьѣ, во второмъ — искусственно устроенному двору съ опредѣленнымъ числомъ работниковъ, какъ это предлагалъ сдѣлать Елагинъ.

чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ [1]).

Теперь нельзя было уже положить этого письма подъ сукно, такъ какъ для всѣхъ было понятно, откуда шло предложеніе, сопровождаемое такимъ крупнымъ подаркомъ. Общество объявило въ печати задачу, предложенную императрицею, лишь нѣсколько измѣнивъ ея редакцію: обѣщано было награжденіе въ 100 червонцевъ и медаль въ 25 червонцевъ [2]) за лучшее рѣшеніе вопроса: „что полезнѣе для общества,—чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?“ Въ концѣ объявленія было прибавлено, что государыня, узнавъ о патріотическомъ усердіи неизвѣстнаго лица, приславшаго 1000 червонцевъ, приказала дать ему вдвое болѣе, если онъ заявитъ о себѣ. Понятно, что такого заявленія не послѣдовало.

Такимъ образомъ, крестьянскій вопросъ былъ открыто поставленъ на обсужденіе общества, и это не могло не встревожить крѣпостниковъ, какими въ то время было все русское дворянство, за исключеніемъ немногихъ личностей, вкусившихъ послѣднихъ плодовъ западной науки и литературы. Представителемъ партіи, желавшей сохранить крѣпостное право во всей неприкосновенности, явился, однако, не какой-нибудь дикій помѣщикъ—въ глухія мѣста нашей родины слишкомъ рѣдко проникали газеты или „Труды Вольнаго Экономическаго Общества“,—а талантливый писатель, величавшій себя русскимъ Расиномъ,—А. П. Сумароковъ. Не прошло и мѣсяца послѣ объявленія задачи, какъ вольное экономическое общество получило отъ него весьма раздражительное письмо. Указавъ на то, что, прежде чѣмъ говорить о собственности крестьянина, слѣдуетъ рѣшить, будетъ-ли полезно для общества освобожденіе крѣпостныхъ, онъ говоритъ: „Канарейкѣ лучше безъ клѣтки, а собакѣ безъ цѣпи; однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина“. Что же нужнѣе для „общаго блаженства“? Онъ полагаетъ, что даже сами рабы признаютъ, что лучше имъ не имѣть своей земли, да наконецъ, по его мнѣнію, и нельзя можно надѣлить ихъ поземельною собственностью, такъ какъ „земли всѣ собственныя дворянскія“. Для него было несомнѣнно, что „свобода крестьянъ не только обществу вредна, но и пагубна!“—Письмо Сумарокова осталось безъ всякихъ послѣдствій и было только приобщено къ журналамъ общества.

[1]) Письмо [illegible] 1766 г. [illegible] См. *Приложеніе I*.

[2]) Она сдѣлана была впослѣдствіи въ 35 червонцевъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того, начинается представленіе болѣе серьезныхъ отвѣтовъ. Во время засѣданія 20 декабря 1766 г., т. е. всего черезъ полтора мѣсяца послѣ объявленія о преміи, „г. магистръ Б[illegible]ъ“, какъ сказано въ протоколѣ, „представилъ въ общество при письмѣ сочиненное имъ рѣшеніе на заданный въ ноябрѣ мѣсяцѣ вопросъ, которое, по правиламъ оной, не читано въ присутствіи членовъ, запечатано было обоими секретарями и отдано въ сохраненіе до тѣхъ поръ, пока получено будетъ отъ прочихъ рѣшеніе, въ которое время будетъ читано и съ другими сочиненіями о предположенной матеріи въ сравненіе приведено“.

Сочиненіе это сохранилось. Оно представляетъ переплетенную въ папку тетрадь изъ прекрасной золотообрѣзной бумаги, которое начинается письмомъ къ обществу, вмѣсто предисловія; затѣмъ, на особой страницѣ, самымъ искуснымъ образомъ, какъ бы печатными буквами, изображено: „пусть въ каждой благородной душѣ для достойнаго соревнованія будутъ начертаны благодарность и уваженіе къ изобрѣтателю этой задачи, въ сердцѣ котораго нашлось столько великодушія“.—Авторъ [1], очевидно, зналъ, кому онъ воскуряетъ фиміамъ. Не передавая содержанія этого сочиненія, мы упомянемъ только, что оно кончается слѣдующимъ привѣтствіемъ Россіи съ самыми безмѣрными похвалами Екатеринѣ: „Ну, Россія, исполни твою священную присягу, пусть благо твоихъ сыновъ будетъ твоимъ собственнымъ; покажи, что ты, наконецъ, стала столь великою, что будешь выше всѣхъ недостатковъ. Благодари Всемогущаго за то счастіе, что тобою управляетъ [illegible], въ которомъ сердце нѣжнѣйшей матери такъ удачно соединяется съ духомъ величія... Екатерина — не только [illegible] твоя, она твой отецъ, мудрый наставникъ, другъ... Сообразуй свои пути съ ея желаніемъ, ты заслужишь такимъ образомъ славу, что одержала побѣду надъ рабствомъ“.

Но Россіи, одинъ изъ лучшихъ писателей которой чуть не съ пѣной у рта говорилъ объ уничтоженіи крѣпостного права, было еще далеко до этой побѣды. Такимъ образомъ [illegible] русскимъ [illegible] и [illegible] принцемъ, который не одинъ разъ послужилъ выразителемъ чувствъ „молодой Россіи“. Встрѣтивъ такія противуположныя обращенія къ себѣ, экономическое общество готовилось къ исполненію обязанности, которую [illegible] на себя, по желанію императрицы, т. е., оцѣнивать одно за другимъ отвѣтныя сочиненія. Что касается Б[illegible]а (т. е. Б[illegible]а), то онъ напрасно такъ [illegible] его сочиненіе, быть можетъ, потому, что онъ [illegible], вовсе не попало въ конкурсъ: оно было на столько забыто, что [illegible] было включено въ списокъ всѣхъ представленныхъ сочиненій. Но а

[1] Онъ подписался Іоаннъ Готфридъ фонъ-[illegible], [illegible].

[illegible] остается заслуга, что онъ первый привѣтствовалъ доброе дѣло. — [illegible] для общества къ предстоявшему ему труду послужило то, что въ засѣданіи 10-го января 1767 г., И. И. Мелиссино, [illegible] свободомысліемъ въ вопросахъ религіозныхъ, [illegible] книжки „Право [illegible]“ К. Ф. Шульцемъ [illegible] и [illegible] крестьянамъ[1]); общество постановило „имѣть ихъ только для одного свѣдѣнія“; было ли [illegible] чтеніе какія-нибудь разсужденія изъ протокола не видно.

Черезъ недѣлю послѣ того былъ полученъ первый, внесенный въ общій списокъ отвѣтъ на задачу общества, и затѣмъ они стали быстро слѣдовать одинъ за другимъ. Рѣшено было заблаговременно сообщать ихъ на разсмотрѣніе членамъ общества, а изъ предосторожности, чтобы во время пересылки ихъ отъ одного къ другому они не сдѣлались бы достояніемъ постороннихъ, сдѣланъ былъ ящикъ съ замкомъ и съ ключами въ количествѣ столькихъ, сколько было членовъ въ обществѣ. Каждый по прочтеніи рукописи, запиралъ ее въ ящикъ и такимъ образомъ пересылалъ къ другому. Въ этихъ предосторожностяхъ несомнѣнно сказывается опасеніе, чтобы вѣсти объ освободительныхъ планахъ не возбудили толковъ въ народѣ и не увеличили бы еще болѣе волненій среди крѣпостныхъ крестьянъ, которыя именно въ это время приняли довольно значительные размѣры.

Срокомъ представленія сочиненій было назначено 1-е ноября 1767 г., но такъ какъ, по случаю пребыванія двора въ Москвѣ, многие члены общества находились въ отсутствіи, то рѣшили назначить другой срокъ — первое собраніе послѣ дня рожденія императрицы, а именно 22-го апрѣля 1768 г. Отсрочка эта оказалась весьма полезной, такъ какъ до этого времени было представлено всего 45 сочиненій и въ томъ числѣ не было еще двухъ изъ тѣхъ 5 отвѣтовъ, которые впослѣдствіи были признаны самыми лучшими. Вслѣдствіе того, что отвѣты на задачу общества продолжали поступать въ весьма значительномъ количествѣ, въ [illegible] апрѣля 1768 г. рѣшено было для чтенія ихъ назначить экстраординарныя собранія. Однако, въ слѣдующее же засѣданіе общество [illegible] рукописи въ общемъ собраніи невозможно [illegible] избрать комиссіи, которыя указывали бы ему на труды, [illegible] общаго вниманія, а объ остальныхъ представляли бы [illegible]. Такъ и сдѣлали. Выбрали 3 комиссіи: въ первую, [illegible] разсматривать русскія и французскія сочиненія, [illegible] П. І. Чернышевъ, гр. З. Г. Чернышевъ, Тепловъ и [illegible] латинскихъ сочиненій Мелис-

¹) [illegible] *[illegible]*, „Historischer Versuch [illegible] in den Ostseeprovinzen“ S. 172–175.

сы» Тауберъ, Клингштетъ и Нартовъ; въ третью, исключительно для нѣмецкихъ, академики Леонардъ и Альбрехтъ Эйлеры, членъ медицинской коммиссіи Модель и маіоръ фонъ-Вульфъ (или Вольфъ), съ мнѣніемъ котораго по крестьянскому вопросу мы будемъ еще имѣть случай познакомиться. Уже въ слѣдующемъ засѣданіи коммиссіи начали представлять обществу свои отчеты, причемъ болѣе интересныя пьесы тутъ же и прочитывались, но потомъ пришлось ограничить чтеніе въ общемъ собраніи только тѣми трудами, которые были признаны достойными вступить въ конкурсъ.

Въ засѣданіи 19-го марта рѣшено было впредь отвѣтовъ не принимать. Къ этому времени ихъ было уже получено 160 да послѣ того поступило и занесено въ списокъ, хотя и не допущено въ конкурсъ, 4 сочиненія.

Изъ всѣхъ 162 сочиненій (такъ какъ два отвѣта были въ 2 экземплярахъ) огромное большинство, именно 129, было нѣмецкихъ, 21 французскихъ, 7 *русскихъ*, 3 латинскихъ, 1 на голландскомъ языкѣ и 1 на шведскомъ. Въ числѣ нѣмецкихъ было также два печатныхъ: одно доктора Меркеля изъ Эрфурта, другое Гесса, посвященное датской королевѣ. Сочиненія были присланы изо всѣхъ концовъ Европы; такъ, напримѣръ, нѣмецкія изъ Лейпцига, Батена, Нюренберга, Праги, Берлина, Штральзунда, Аугсбурга, Варшавы и т. д. Кромѣ того, извѣстно, что одно сочиненіе было получено съ острова Эзеля, 4 изъ Лифляндіи (изъ нихъ 3 сохранилось) и 1 отъ петербургскаго жителя. Французскія были, между прочимъ, присланы изъ Парижа, Нанта, Ахена, Лимбурга, Маастрихта и Берлина. Одно изъ латинскихъ сочиненій было получено изъ Италіи чрезъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, кн. Голицына, „отъ командующаго въ Мантуанскомъ городкѣ Дервисѣ, что при Торгонѣ, г. Іос. Ант. Аллегреля". Что касается русскихъ отвѣтовъ, то извѣстно, что два изъ нихъ были присланы изъ Москвы и 1 изъ Петербурга (Полѣнова); 2 доставлены были послѣ срока и потому въ конкурсъ не вступили.

Изъ нѣмецкихъ сочиненій одно (по отзыву коммиссіи „жалкое") было составлено въ формѣ разговора между дворяниномъ, патріотомъ и крестьяниномъ, другое, какъ оказалось, было „силлогизмами и доказательствами гипотетическое", а третье даже въ стихахъ съ девизомъ: „pour la bonne bouche".

Многіе девизы уже заранѣе указывали въ общихъ чертахъ на направленіе сочиненія. Такъ напримѣръ, девизы „Fautor optimatum, nec inimicus plebis" (доброжелатель вельможъ, но не врагъ и народа), или „dass der Verstand über die Empfindung herrsche" (пусть разумъ господствуетъ надъ чувствомъ) намекаютъ на то, что авторы ихъ едва ли принадлежали къ числу аболиціонистовъ, но въ большинствѣ случаевъ девизы ставили-

ются совершенно другимъ характеромъ [1]). Изъ русскихъ сочиненій одно было прислано подъ девизомъ: „nec spes libertatis erat, nec cura peculi“ (не было ни надежды на свободу, ни заботы объ имуществѣ). Въ немъ авторъ указывалъ на вредное вліяніе крѣпостнаго права на земледѣліе; другое же имѣло девизъ еще болѣе любопытный: „егда благо живеши, паче воспоминай бурю“.

Нѣсколько сочиненій было прислано совершенно безъ девиза и имени автора, въ томъ числѣ и 2 русскія; за то было нѣсколько иностранныхъ трудовъ съ полнымъ именемъ составителей; такихъ къ конкурсу не допускали.

Содержаніе недошедшихъ сочиненій иногда указывается также краткими отзывами о нихъ въ журналахъ общества, напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ сказано: „весьма сокращенная пьеса, по большей части съ примѣрами изъ Библіи выбранная“, о другомъ: „весьма обстоятельное юридическое сочиненіе“, о третьемъ: „дѣлаетъ дурныя и смѣшныя предложенія“.

Сочиненія, по мѣрѣ ихъ поступленія, прочитывались въ коммиссіяхъ или комитетахъ, затѣмъ, одобренныя ими, выслушивались въ общемъ собраніи и, если ихъ находили того достойными, зачислялись въ число конкурсныхъ. Всѣхъ такихъ конкурсныхъ отвѣтовъ оказалось 15, но заранѣе было видно, что предпочтеніе будетъ отдано французскому сочиненію съ девизомъ „in favorem libertatis omnia jura clamant, sed est modus in rebus“ (въ пользу свободы вопіютъ всѣ права, но есть мѣра всему): его прочли въ то же засѣданіе, какъ только оно было получено (5-го марта 1768 года) и общество единогласно признало эту пьесу „за наилучшую изъ всѣхъ тѣхъ, кои по сіе время читаны были въ общемъ собраніи, почему положена въ конкурсъ и согласились дать ей 7 градусовъ“ (масонское выраженіе). Однако же, автору ея не была немедленно назначена премія, а рѣшено было пересмотрѣть всѣ 15 назначенныхъ къ конкурсу пьесъ [2]) въ особомъ комитетѣ. Членами его были избраны: 1)

---

[1]) Вотъ напримѣръ: „tandem bona causa triumphat“ (наконецъ-то доброе дѣло торжествуетъ), „nach langem Hoffen endlich getroffen“ (наконецъ-то [illegible]), „pro genere humano“ (за человѣческій родъ), „laeti nunc este coloni“ (радуйтесь, земледѣльцы), „salus reipublicae salus coloni juncta“ (благо государства связано съ благомъ крестьянина), „Freyheit und Eigenthum“ (свобода и собственность), „Beatus ille, qui [illegible] paterna rura bobus exercet suis“ (блаженъ, кто отцовскую землю обрабатываетъ своими быками), „Der Bauer [illegible] aller [illegible]“ [illegible] „[illegible] amis de l'humanité sur les bords de la Neva“ [illegible] крѣпостное право. „Philanthrop“, Vorrede.

[2]) Въ томъ числѣ [illegible] 5 французскихъ и 1 русское [illegible] насъ дошло 10 сочиненій.

З. Г. Чернышевъ, гр. Александръ Серг. Строгановъ, гр. Вл. Г. Орловъ, Гаубертъ фонъ-Клингштетъ и Эпинусъ. Сочиненіе, которое будетъ признано достойнымъ награды, единогласно опредѣлено было перевести на русскій языкъ, но напечатать ли его или нѣтъ, предполагалось рѣшить впослѣдствіи. Авторовъ пьесъ, которыя признаны будутъ наиболѣе подходящими по достоинству къ премированному сочиненію (о такихъ говорили, что они получили *accessit*), рѣшено было пригласить сдѣлаться членами вольнаго экономическаго общества, медали же имъ не давать [1].

Въ засѣданіи 9-го апрѣля члены комитета, на которыхъ была возложена обязанность вновь пересмотрѣть всѣ конкурсныя пьесы, заявили, что награды достойно сочиненіе, уже прежде признанное лучшимъ, авторомъ котораго оказался Беарде-де-Лабей (Beardé de L'Abaye), докторъ правъ въ Ахенѣ. Рѣшено было, переведя его статью, поднести ея величеству государынѣ императрицѣ и ожидать ея рѣшенія, печатать ли это сочиненіе такъ, какъ оно написано, или съ нѣкоторыми перемѣнами. Вслѣдъ затѣмъ было объявлено и въ газетахъ о назначеніи преміи Беарде-де-Лабею.

Что касается остальныхъ 14-ти конкурсныхъ сочиненій, то единственное изъ нихъ написанное по-русски, возбудило пренія въ комитетѣ. „Россійская піеса подъ № 148 съ девизомъ: „plus boni mores valent, quam bonae leges (добрые нравы имѣютъ болѣе силы, чѣмъ хорошіе законы)“, сказано было въ представленіи комитета общему собранію, „хотя отъ нѣкоторыхъ членовъ нашего комитета и признана за лучшую и основательнѣйшую послѣ № 154 [2], почему слѣдовало бы ей дать *accessit*, но другіе, рассмотря сверхъ матеріи и самый слогъ, находятъ въ оной *многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія*, и потому за нужное признаютъ, что если кому въ собраніи знаемъ авторъ, то прежде него велѣть ему немедленно оное переправить и тогда его пьесу также включить во второй классъ и удостоить опредѣленныхъ тому классу преимуществъ, *кромѣ печатанія*“ [3]. Относительно этого сочиненія, авторомъ котораго оказался академическій переводчикъ Полѣновъ, общее собраніе, гдѣ не присутствовали многіе либеральные члены, настоявшіе потомъ на напечатаніи по-русски сочиненія Беарде-де-Лабея (именно гр. Г. Г. Орловъ, Р. Воронцовъ, Тепловъ, гр. И. Чернышевъ, Сиверсъ и Мельгуновъ), — рѣшило „пріобщить къ прочимъ пьесамъ, вступившимъ во второй классъ, однако оныя не печатать“. Относительно остальныхъ конкурсныхъ пьесъ, собраніе утвердило мнѣніе комитета.

---

[1] Это было измѣнено: изъ 4 авторовъ, сочиненіямъ которыхъ дано было accessit, двое получили медали.

[2] Въ печатномъ спискѣ сочиненій Беарде-де-Лабея значится подъ № 153.

[3] См. „Русск. Архивъ“ 1865 г., ст. „А. Я. Полѣновъ, русскій законовѣдъ XVIII вѣка“. Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. № 90, л. 114—116.

по которому тремъ сочиненіямъ сверхъ труда Поленова дано было accessit, а именно нѣмецкимъ Веллнера, впослѣдствіи бывшаго въ Пруссіи министромъ, и нѣмецкаго Мека, и французскому Граслена изъ Нанта. Кромѣ того, 5 пьесъ заслужили похвальный отзывъ общества, остальныя же были забракованы. Послѣ этого, записки съ именами авторовъ въ 6-ти неодобренныхъ пьесъ были сожжены. Сочиненія Беарде-де-Лабея и 3 другія иностранныя пьесы велѣно было печатать въ подлинникѣ, а первое, кромѣ того, было переведено. Когда переводъ сочиненія Беарде-де-Лабея былъ представленъ императрицѣ, она отвѣтила, что не находитъ въ этомъ трудѣ ничего такого, чего нельзя было бы напечатать, однако оставляетъ на усмотрѣніе общества, печатать его или нѣтъ.

Такъ какъ въ засѣданіи 9-го іюля явилось всего 6 членовъ, то они не отважились взять на свою отвѣтственность рѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ то, печатать или нѣтъ переводъ пьесы Беарде-де-Лабея, и постановили созвать съ этою цѣлью, черезъ 10 дней, полное собраніе, причемъ неявившіеся члены обязаны были письменно извѣстить о своемъ мнѣніи. Несмотря на то, и 16-го іюля собрались не всѣ члены, и притомъ опять-таки отсутствовали тѣ, которыхъ не было при рѣшеніи вопроса о печатаніи сочиненія Поленова. Явилось всего 12 человѣкъ, изъ которыхъ трое имѣли по 2 голоса (за себя и по довѣренности отъ отсутствующаго члена). Кромѣ того Альбрехтъ Эйлеръ представилъ письменное мнѣніе своего отца, что переводъ можно напечатать и продавать. По баллотированію, изъ 15-ти голосовъ оказалось согласныхъ на напечатаніе, если не считать письменнаго мнѣнія старшаго Эйлера, только два голоса, а несогласныхъ 12. Изъ двухъ либеральныхъ голосовъ одинъ несомнѣнно принадлежалъ гр. А. С. Строганову, какъ видно изъ того, что онъ жертвовалъ деньги на переводъ сочиненія Беарде и желалъ, какъ можно мягче обходиться съ своими крестьянами; другой принадлежалъ, вѣроятно, Тауберту, какъ человѣку, бывшему столько лѣтъ въ Петербургѣ; онъ былъ библіотекаремъ и однимъ изъ основателей общества. Послѣ баллотированія вошелъ въ собраніе Олсуфьевъ и прикинулъ къ числу несогласныхъ свой голосъ. Потомъ получены еще два письменныхъ отзыва графовъ Г. Г. и В. Г. Орловыхъ, что сочиненіе Беарде-де-Лабея можно печатать не только на французскомъ, но и на русскомъ языкахъ. Штелинъ и Чернышевъ передали также свои голоса Вольфу, который еще прежде баллотированія заявилъ письменно, что ни одна изъ пьесъ не заслуживаетъ награды и что посылать ихъ не только къ Генералъ-прокурору

[illegible]

къ Вяземскій въ присланномъ имъ мнѣніи сослался на то, что получившее премію сочиненіе было [illegible] на французскомъ языкѣ, котораго онъ не знаетъ, и потому предоставляетъ рѣшить это дѣло другимъ.

Такимъ образомъ оказалось 5 голосовъ *за* [illegible] и 16 *противъ*; несмотря на то, окончательное рѣшеніе было [illegible] до слѣдующаго собранія, на томъ основаніи, что нѣкоторые члены не только не являлись сами, но и письменно не заявили своего мнѣнія.

Собраніе, состоявшееся черезъ недѣлю, было еще малочисленнѣе: явилось всего 7 человѣкъ. Но за то присланы были письменныя мнѣнія отъ всѣхъ остальныхъ членовъ, кромѣ академика Миллера, который жилъ тогда въ Москвѣ, и на этотъ разъ [illegible] Гр. Р. И. Воронцовъ [illegible], что переведенное сочиненіе [illegible] напечатано, и публика, пользуясь имъ, можетъ получить добрые [illegible]. Согласіе на напечатаніе выразили также графъ Чернышевъ, [illegible], Сиверсъ [1]) и Мельгуновъ. Такимъ образомъ, оказывалось *за* напечатаніе 11, а если считать голосъ императрицы — 12, а *противъ* — 16 голосовъ. Но такъ какъ лица [illegible] напечатанія, то [illegible] что можно какое-нибудь [illegible]. Тогда Тауберъ, Клингштедтъ и Штелинъ въ письменныхъ представленіяхъ указали на то, что этимъ россійскимъ голосамъ, [illegible] государевымъ [illegible], которые [illegible] свое мнѣніе, чтобы напечатать [illegible] пьесу, [illegible] прочихъ, [illegible] противъ, [illegible]

[illegible] „Много [illegible] (zum wahren [illegible]) [illegible] (zum Eigenthum [illegible]) [illegible] Арх. Вольн. Эк. Общ. [illegible]

[1]) [illegible] тана была". Арх. Вольн. Эк. Общ., кн. 8, л. 37.

касается болѣе до политической, нежели до экономической задачи; прочія же члены, которые, можетъ быть, не пріобрѣли довольно въ томъ познанія, не въ состояніи столь важно, какъ оные, разсуждать о могущемъ произойти отъ такого изданія нечувствительномъ или важномъ дѣйствіи". Почему они предложили собранію согласиться съ мнѣніемъ сихъ членовъ; предложеніе это было принято и опредѣлено переводъ сочиненія Беарде напечатать. Нельзя не обратить вниманія на то, что во всей этой исторіи болѣе либеральными оказались русскіе члены собранія, изъ нѣмцевъ же огромное большинство было противъ напечатанія перевода даже такого сочиненія по крестьянскому вопросу, какъ трудъ Беарде-де-Лабея, который, въ сущности, отлагалъ рѣшеніе этого дѣла въ долгій ящикъ.

Въ 1768 году въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ: „Dissertation qui a remporté le prix sur la question proposée en 1766 par la société d'économie et d'agriculture à St.-Petersbourg, à laquelle on a joint les pièces qui ont eues l'accessit". Здѣсь, кромѣ сочиненія Беарде-де-Лабея, были напечатаны отвѣты Вельнера (по-нѣмецки) съ девизомъ *Catharina*, француза Граслена, сочиненіе лифляндца Мека и списокъ всѣхъ присланныхъ на конкурсъ отвѣтовъ (трудъ Полѣнова былъ напечатанъ только въ 1865 г.). Кромѣ 4-хъ названныхъ сочиненій, тогда же увидѣвшихъ свѣтъ, были уже присланы печатными нѣмецкіе труды доктора Меркеля [1] и Геса [2]. Что касается остальныхъ ненапечатанныхъ сочиненій, то изъ всѣхъ 162-хъ, внесенныхъ въ списокъ, отвѣтовъ, сохранилось въ рукописи (въ Арх. Вол. Эк. Общ.) только 31, въ томъ числѣ есть весьма интересная для насъ рукопись труда Полѣнова и неполная рукопись сочиненія Беарде-де-Лабея; кромѣ того, есть еще три сочиненія, непопавшія въ списокъ. Такимъ образомъ, изъ 162-хъ отвѣтовъ въ распоряженіи нашемъ въ настоящее время находится, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, 45 сочиненій, т. е. четверть всего числа: этого совершенно достаточно, чтобы познакомиться съ общимъ характеромъ тогдашнихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Нельзя только не пожалѣть, что изъ семи русскихъ отвѣтовъ до насъ дошло всего три [3].

---

[1]) Preisschrift und Gründliche Auflösung der gegebenen Preis-Frage, welche die Freye Oeconomische Gesellschaft zu St. Petersburg in Russland weislich aufgegeben hat, verfasset und entworfen von D. Christian Valentin Merkel. Leipz. 1768.

[2]) Сочиненіе это было напечатано въ изданіи „Les Ephémérides du citoyen" [illegible] „[illegible] en faveur des paysans du Nord". Oeuvres de Marmontel, t. VII [illegible] 1-re partie, p. 2[illegible]–52[illegible]. Оно было прислано съ девизомъ „Prima omnium pars [illegible]" (№ 160) вмѣстѣ съ [illegible] третьему классу отвѣтовъ, т. е. такихъ, которымъ [illegible] Арх. Вольн. Эк. Общ. № 90, л. 111, о которыхъ [illegible] Dissertation.

[3]) Арх. Вольн. Эк. Общ. [illegible] л. 87, и Ходневъ „Исторія Вольнаго Экономическаго Общества". Спб. 1865 г.

ГЛАВА VI.

Труды Беардэ де-л'Абэ, Вольтера, Мармонтеля, Граслена и другихъ. Отношеніе къ нимъ экономическаго общества и французскихъ ученыхъ.—Сочиненіе Вольнера. Мнѣнія прочихъ нѣмецкихъ ученыхъ.—Трудъ Поленова въ двухъ его редакціяхъ.—Другіе русскіе отвѣты.—Статьи въ „Трудахъ" Вольнаго Экономическаго Общества.

Для нашей цѣли нѣтъ никакой надобности знакомить читателей со всѣми сохранившимися отвѣтами на задачу, объявленную экономическимъ обществомъ. Въ данномъ случаѣ для насъ интересно не то, какъ смотрѣли на крестьянскій вопросъ въ Европѣ, а то, какія идеи по этому предмету казались наиболѣе справедливыми русскимъ людямъ того времени. Поэтому изо всѣхъ сохранившихся въ рукописи или напечатанныхъ отвѣтовъ мы остановимся на тѣхъ, которые въ большей или меньшей степени заслужили одобреніе экономическаго общества. Эти отвѣты иностранцевъ не могутъ казаться для насъ совершенно чуждыми, хотя бы они ограничивались чисто теоретическимъ разсмотрѣніемъ вопроса: если они возбуждали извѣстное сочувствіе въ членахъ общества, то, слѣдовательно, они или служили выраженіемъ взглядовъ, назрѣвшихъ въ извѣстной части нашихъ образованныхъ людей, или, по крайней мѣрѣ, были уже доступны для восприятія многими изъ нашего общества. Мы будемъ говорить отдѣльно о трудахъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ, такъ какъ они отличаются по своему характеру и носятъ печать тѣхъ поземельныхъ отношеній, которыя существовали въ той или другой странѣ.

Во Франціи въ это время значительное большинство народонаселенія было людьми совершенно свободными: сервовъ было никакъ не болѣе полутора милліона, при томъ лишь весьма незначительная часть крестьянъ была прикрѣплена къ землѣ такъ, что не могла ее покинуть (такъ называемое servitude personnelle): напротивъ, цѣлыя области знали только форму зависимости, обусловленную пользованіемъ извѣстнымъ участкомъ: при этой, такъ называемой servitude réelle, крестьянинъ былъ въ зависимости лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлъ землею, съ которою была соединена эта зависимость: онъ не былъ прикрѣпленъ къ ней и дѣлался

свободнымъ, какъ только покидалъ землю [1]. Свободное сельское населеніе по большей части пользовалось землею сеньеровъ на условіяхъ половничества, но было не мало и мелкихъ поземельныхъ собственниковъ. Поэтому, писатели французы, въ своихъ отвѣтахъ на задачу экономическаго общества, требуютъ для крестьянина, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, не только личной свободы, но и предоставленія имъ права собственности на землю, хотя нѣкоторые изъ нихъ совѣтуютъ при этомъ соблюдать постепенность, на основаніи убѣжденія, высказываемаго самыми замѣчательными французскими писателями, что достиженіе крестьянами извѣстной степени образованія должно предшествовать ихъ освобожденію, а иные не прочь удовольствоваться и однимъ личнымъ освобожденіемъ. Въ Германіи, напротивъ того, почти вовсе не было свободныхъ крестьянъ, и мы встрѣчаемъ тамъ прикрѣпленіе къ землѣ (Horigkeit), а не то и закрѣпощеніе самой личности крестьянина (Leibeigenschaft); поэтому, если въ нѣмецкихъ отвѣтахъ мы встрѣчаемъ указаніе на необходимость дать крестьянамъ землю въ собственность, то подъ правомъ собственности авторъ разумѣетъ только наслѣдственное пользованіе землею за опредѣленныя повинности. Изъ нѣмецкихъ отвѣтовъ наибольшій интересъ для насъ представляютъ сочиненія остзейскихъ нѣмцевъ [2]: они обыкновенно выставляютъ образцомъ лифляндское поземельное устройство съ нѣкоторыми ограниченіями помѣщичьей власти. Въ заключеніе мы подробно разберемъ еще болѣе важное для насъ сочиненіе Польнора.

Беарде-де-Лабей раздѣляетъ свое изслѣдованіе на двѣ части: въ первой онъ рѣшаетъ вопросъ: что полезнѣе для государства, — чтобы крестьянинъ имѣлъ право собственности или не обладалъ имъ, а во второй говоритъ о томъ, какъ осуществить на дѣлѣ теоретическіе выводы, полученные въ первой части.

Крестьяне, говоритъ авторъ, — корни, основаніе всего государства, они — барометръ, показывающій его истинныя силы. Самый бѣдный крестьянинъ полезнѣе для государства, чѣмъ праздный, невѣжественный, глупый вельможа. Крестьяне уже тѣмъ приносятъ пользу государству, что, главнымъ образомъ, благодаря имъ, увеличивается народонаселеніе; поэтому крестьянинъ долженъ имѣть неотъемлемую собственность, чтобы онъ не опасался, что его дѣтямъ придется голодать. Но, прежде чѣмъ давать ему землю, необходимо сдѣлать его лично свободнымъ: вся вселенная требуетъ отъ государей, чтобы они освободили крестьянъ. Сила Англіи основывается на совершенствѣ ея земледѣлія, которое, въ свою очередь, зависитъ отъ того, что крестьяне свободны и владѣютъ землею; напротивъ, въ Польшѣ нищета составляетъ слѣдствіе того рабства, въ

1) *Кареевъ*. Крестьяне и [illegible] во Франціи. М. 1879 г., стр. 17 [illegible]
2) Такихъ намъ извѣстно 3: одно печатное и два рукописныхъ.

которомъ томятся крестьяне. Повсюду богатство и могущество государства есть прямое слѣдствіе свободы и благосостоянія крестьянъ. Земледѣлецъ питаетъ другихъ своимъ трудомъ, и имѣетъ право требовать для себя премій, отличій и въ особенности права поземельной собственности. Самое лучшее средство поощрять земледѣльцевъ — сдѣлать ихъ собственниками земли, которую они обрабатываютъ. Имѣть только движимую собственность значитъ не имѣть почти никакой. Въ странѣ, гдѣ мало земли, быть можетъ, надо принять предосторожности, чтобы слишкомъ большое количество ея не перешло въ руки крестьянъ, но въ обширной, малонаселенной имперіи не слѣдуетъ пренебрегать никакимъ средствомъ, которое можетъ увеличить народонаселеніе. Особенно необходимо, чтобъ земли были неприкосновенною собственностію крестьянъ, чтобы ихъ нельзя было отнять иначе, какъ за долги или по какимъ либо другимъ обязательствамъ.

Но не даромъ къ первой либеральной части своего девиза — „въ пользу свободы вопіютъ всѣ права" — авторъ прибавилъ: „но есть мѣра всему". Второй отдѣлъ своего труда онъ начинаетъ съ того, что предостерегаетъ государей отъ вредной поспѣшности: вѣдь опасно спустить съ цѣпи медвѣдя, не приручивъ его. Есть и другая опасность: крестьянинъ предается праздности и будетъ страдать отъ голода, подобно тому, какъ вольноотпущенные негры въ Америкѣ вслѣдствіе лѣности впадаютъ въ нищету. Прежде чѣмъ даровать нѣкоторое право собственности, нужно приготовить рабовъ къ воспринятію свободы; теперь же, вслѣдствіе своей грубости и невѣжества, крестьяне, быть можетъ, и сами предпочтутъ рабство. Прежде всего слѣдуетъ обратиться къ образованію. Заставьте людей познать цѣну свободы; пусть они самымъ горячимъ образомъ будутъ стремиться къ ней. Не дѣлайте ихъ собственниками земли прежде, чѣмъ они будутъ того достойны. Такой ходъ дѣла выгоденъ и для богатыхъ землевладѣльцевъ, потому что крестьяне будутъ взирать на свободу лишь какъ на вознагражденіе за большее трудолюбіе. „Прошлый годъ вы обработали только 100 арпановъ земли, — могъ бы сказать господинъ нѣсколькимъ семьямъ своихъ крѣпостныхъ: — въ прошломъ году я получилъ, съ помощію вашего труда, только 100 мѣръ хлѣба; удвойте ваши усилія и ваши заботы о моихъ выгодахъ, воздѣлывайте съ величайшимъ приложеніемъ землю, которую я вамъ довѣрилъ, и когда вы достигнете того, что увеличите ея производительность на 100 мѣръ хлѣба, я дамъ вамъ землю въ собственность". „Такимъ образомъ", прибавляетъ авторъ: „одно обѣщаніе свободы можетъ значительно увеличить доходы богатыхъ землевладѣльцевъ". „Давайте крестьянину собственность и свободу", говоритъ онъ: „только, такъ сказать, по мелочамъ. Устроите отличія между рабами; пусть усердіе, заслуги будутъ вознаграждены. Дайте сначала право имѣть только движимое имущество, а потомъ уже и недвижимое. Пусть кре-

стьянинъ сдѣлавшись собственникомъ, презираетъ своихъ прежнихъ товарищей, остающихся въ рабствѣ, пусть свободные отличаются отъ несвободныхъ одеждою. Когда умы будутъ достаточно подготовлены, можно будетъ разорвать цѣпи рабства. Землевладѣльцамъ нечего опасаться освобожденія крестьянъ: доходы даже возрастутъ, полученіе ихъ сдѣлается вѣрнѣе, не будетъ столько хлопотъ съ присмотромъ за барщинными работами. Но какъ же это сдѣлать? „Дайте крестьянину собственность, чтобы онъ могъ считать себя господиномъ маленькаго владѣнія: вы можете тогда съ полною безопасностію довѣрить ему ваши фермы; вамъ нечего будетъ опасаться, что вы не получите арендной платы: его маленькій клочекъ земли или, лучше сказать, привязанность, которую онъ будетъ имѣть къ своему новому имѣнію, послужитъ вамъ порукою. Такимъ образомъ, богатые, осчастлививъ крестьянъ, увеличатъ свои собственныя средства и сдѣлаютъ болѣе вѣрнымъ полученіе доходовъ". Вотъ единственное мѣсто въ сочиненіи Беарде, которое даетъ отвѣтъ на самый существенный вопросъ при освобожденіи крестьянъ съ землею: какъ и въ какихъ размѣрахъ предоставить имъ поземельный надѣлъ; но, какъ оно ни кратко, оно достаточно объясняетъ намъ, почему это сочиненіе заслужило одобреніе вольнаго экономическаго общества, въ которомъ всѣ самые либеральные члены были все-таки болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы. Итакъ, Беарде предоставляетъ самимъ помѣщикамъ все рѣшеніе крестьянскаго вопроса, государство вовсе не должно вмѣшиваться въ это дѣло: господинъ самъ надѣлитъ землею крестьянъ въ вознагражденіе за ихъ особенное прилежаніе, при чемъ опредѣленіе степени этого прилежанія и размѣровъ надѣла будетъ вполнѣ отъ него зависѣть. Но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что, по мысли Беарде, участокъ земли, дарованный крестьянину, не долженъ быть великъ, не долженъ вполнѣ обезпечивать существованіе его семьи: это видно изъ того, что авторъ говоритъ о «quelque petite possession», о «petit domaine», и что всѣ расчеты помѣщика, всѣ надежды на увеличеніе дохода основываются на томъ, что крестьяне должны будутъ брать его земли въ аренду, *должны* уже не въ силу юридическаго принужденія, но побуждаемые еще болѣе сильнымъ мотивомъ—необходимостью обезпечить свое пропитаніе. Къ тому же, даже и это благополучіе предоставляется, какъ награда крестьянамъ, въ весьма отдаленномъ будущемъ: ему предшествуютъ наставленія священника съ цѣлью развитія крестьянъ, затѣмъ, послѣ того, какъ хоть одинъ добился освобожденія, переодѣваніе всѣхъ остальныхъ изъ прежняго платья въ рабскую одежду одинаковаго образца, потомъ освобожденіе только личности и дарованіе права на движимое имущество и, наконецъ, какъ вершина всего зданія, Богъ знаетъ, черезъ сколько лѣтъ, дарованіе маленькаго клочка земли. Неизвѣстно только, когда произойдетъ *новое* переодѣваніе изъ рабской одежды въ

форму, присвоенную людямъ свободнымъ: при дарованіи ли личной свободы или при надѣленіи землею, но во всякомъ случаѣ эти смѣшныя мѣры, которыя, навѣрно, не пришли бы въ голову ни одному русскому писателю, до такой степени подобныя внѣшнія отличія чужды духу русскаго народа,—совершенно для насъ непригодны [1].

Переходимъ теперь къ обзору другихъ французскихъ сочиненій, ограничиваясь, согласно нашему плану, только тѣми, которыя заслужили одобреніе экономическаго общества [2].

Обративъ вниманіе на то, что Вольтеръ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императрицѣ Екатеринѣ интересовался судьбою двухъ французскихъ сочиненій, посланныхъ въ наше экономическое общество [3], мы заподозрили, не было ли въ числѣ полученныхъ отвѣтовъ и его собственнаго произведенія. Наша догадка оправдалась, такъ какъ одно изъ французскихъ сочиненій оказалось болѣе подробною редакціею статьи о собственности, помѣщенной Вольтеромъ въ его „Философскомъ Лексиконѣ". Въ первомъ изданіи этого лексикона, появившемся въ 1764 г., этой статьи нѣтъ [4], но послѣ того, какъ она была написана въ 1767 г., ее

---

[1]) Кромѣ упомянутаго изданія сочиненія Беарде вмѣстѣ съ другими одобренными иностранными сочиненіями въ книгѣ „Dissertation", было еще отдѣльное изданіе его въ [illegible] и Амстердамѣ. Переводъ его былъ напечатанъ въ свое время въ „Тр. В. Э. Общ." т. VIII и перепечатанъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Росс." 1862 г. т. II.

По напечатаніи сочиненія Беарде де Лабей, вице-канцлеръ препроводилъ его къ кн. Дм. Ал. Голицыну. Послѣдній отвѣчалъ изъ Ахена (письмо 30 Іюля 1768 г., не издано), что онъ только что познакомился съ авторомъ этого сочиненія, въ которомъ [illegible] нѣтъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что говоритъ онъ, кн. Голицынъ [illegible] „его идеи совершенно сходны съ моими, не исключая даже [illegible] судей. И такъ мы видимъ", продолжаетъ [illegible], „что, съ своей стороны [illegible], все приходятъ къ выводу, что право собственности есть единственное средство для развитія благосостоянія и обогащенія страны и что [illegible]". Въ книгѣ члена бернскаго экономическаго общества [illegible], вышедшей въ 176[illegible] г. „Système de législation ou moyens que la politique peut employer pour former à l'État des sujets utiles et vertueux" [illegible] кн. Д. А. Голицынъ опять находитъ подтвержденіе своей мысли о необходимости [illegible] судей, „что бы ни говорили", пишетъ онъ кн. Алекс. Михайловичу, „любезныхъ моихъ [illegible] судей" (Письмо изъ Брюсселя 15 Ноября 1768 г., не издано).

[2]) О небольшомъ французскомъ сочиненіи, подъ № 4-мъ, общество постановило, что [illegible] хотя и писано весьма [illegible] и притомъ нѣкоторымъ образомъ [illegible], однако, по объему всего собранія мыслей, [illegible] въ число конкурсовыхъ [illegible] не можетъ", потому что [illegible]. Авторъ этого маленькаго сочиненія, [illegible] Армянинъ [illegible], [illegible] достаточнымъ для того, чтобы [illegible] жить со своимъ семействомъ „въ посредственномъ состояніи".

[3]) Сборн. И. Р. Ист. Общ. X, 176 и [illegible]; [illegible] письмо Екатерины [illegible] 1765 г.; [illegible] на стр. 176.

[4]) См. *Voltaire*, Dictionnaire philosophique portatif. Londres. 1764.

включили въ „Философскій Лексиконъ", хотя при этомъ она и подверглась сокращенію болѣе чѣмъ вдвое [1]).

Сочиненіе Вольтера, присланное къ намъ съ девизомъ «si populus dives, rex dives» (если народъ богатъ, богатъ и государь) (№ 9 [2]) было одобрено обществомъ и включено въ число тѣхъ отвѣтовъ, которые удостоились почетнаго отзыва (см. предисловіе къ „Dissertation" и пр.). Упомянувъ о томъ, что для самихъ землевладѣльцевъ гораздо выгоднѣе раздать земли небольшими участками за извѣстный оброкъ, чѣмъ воздѣлывать ихъ рабскимъ трудомъ, Вольтеръ не ограничивается, однако, рекомендаціею хозяйства на арендныхъ началахъ. «Есть другой родъ собственности, не менѣе полезный", говоритъ онъ: „когда земля освобождена отъ всякаго оброка, и владѣющій ею платитъ только общія подати, наложенныя для блага и поддержанія государства. Это та собственность, которая особенно содѣйствовала обогащенію Англіи, Франціи и свободныхъ городовъ Германіи. Государи, освободившіе земли, которыя входили въ составъ ихъ доменовъ, извлекли изъ этого прежде всего большую выгоду, такъ какъ у нихъ дорого покупали эти вольности, и извлекаютъ еще большую теперь, особенно въ Англіи и Франціи, вслѣдствіе увеличенія промышленности и торговли». Но авторъ не только не настаиваетъ, какъ и Беардe, на вмѣшательствѣ государства при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, но прямо высказывается противъ него. „Справедливость требуетъ", говоритъ онъ: „чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ крѣпостныхъ, принадлежащихъ церкви потому, что она не должна ихъ имѣть, своихъ—потому что отъ этого онъ выигрываетъ, составляя себѣ дѣятельныхъ подданныхъ, и обогащаетъ себя, дѣлая добро. Но что касается сеньоровъ, которымъ давнее пользованіе предоставило крѣпостныхъ въ вотчину, то, кажется, нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по собственному усмотрѣнію. Это уже ихъ дѣло, послѣдовать ли примѣру государя... они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны" [3]). Вольтеръ не настаиваетъ даже въ такой степени, какъ Беардe, на предоставленіи крестьянамъ поземельной собственности. «Всѣ крестьяне не будутъ богатыми", говоритъ онъ: „да этого и не нужно. *Нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли*. Но даже и они, хотя и кажутся пасынками фортуны, будутъ участвовать въ благополучіи другихъ", прибавляетъ онъ имъ въ утѣшеніе. „Они будутъ имѣть

1) Oeuvres complètes de Voltaire, édit. 1784, XLII, p. 437—441; idem, édit. 1879 XX, 291—294.

2) Арх. Вольн. Экон. Общ. вяз. № 179.

3) Этого любопытнаго мѣста нѣтъ въ печатной редакціи.

право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность". Уже Бодріе высказываетъ мысль, что, по крайней мѣрѣ, въ государствѣ не слишкомъ обширномъ, *быть можетъ*, слѣдуетъ принять мѣры, чтобы въ руки крестьянъ не перешло слишкомъ большое количество земель; въ Вольтерѣ этотъ вопросъ не возбуждаетъ сомнѣній. „Во многихъ королевствахъ случилось", говоритъ онъ: „что освобожденный крѣпостной, разбогатѣвъ съ помощію промышленности, занялъ мѣсто прежнихъ своихъ господъ, обѣднѣвшихъ отъ роскоши; онъ скупилъ ихъ земли, принялъ ихъ фамиліи, старинное дворянство было унижено". Поэтому онъ желаетъ „противопоставить гордости новыхъ выскочекъ узду закона, опредѣлить, сколько они могутъ пріобрѣтать крестьянскихъ земель, запретить имъ пріобрѣтеніе земель благородныхъ сеньеровъ".

Въ этомъ сочиненіи ясно высказались взгляды Вольтера на крестьянскій вопросъ [1]. Вѣрный своей постоянной ненависти къ духовенству, онъ всего болѣе желаетъ, чтобы было уничтожено крѣпостное право на монастырскихъ земляхъ (извѣстно его энергическое заступничество за сервовъ монастыря св. Клавдія [2]), а затѣмъ въ доменахъ. Освобожденіе крѣпостныхъ частныхъ владѣльцевъ, хотя бы и безъ земли, желательно, но въ этомъ отношеніи господамъ должна быть предоставлена полная свобода.

Екатерина исполнила эту программу, хотя и не вполнѣ: она съ одной стороны превратила въ государственныхъ крестьянъ населеніе монастырскихъ и другихъ духовныхъ вотчинъ, съ другой — не посягнула на права частныхъ землевладѣльцевъ. Но въ своихъ собственныхъ вотчинахъ она не освободила крестьянъ.

Почетнаго отзыва удостоилось также сочиненіе Мармонтеля (№ 100). Онъ желаетъ, чтобы крестьяне были освобождены и чтобы земля была имъ предоставлена въ безсрочное пользованіе за опредѣленный взносъ деньгами или натурою. Авторъ признаетъ, что правительство имѣетъ право само освободить крестьянъ, но полагаетъ, что спѣшить съ этою мѣрою не слѣдуетъ и что нужно дать время владѣльцамъ населенныхъ имѣній сознать необходимость освобожденія. Онъ разбираетъ и тѣ возраженія, какія могутъ быть сдѣланы противъ дарованія крестьянамъ свободы. Такъ напр. относительно опасенія, что дворянство будетъ разорено вслѣдствіе того, что бывшіе крѣпостные покинутъ прежнихъ владѣльцевъ, особенно въ такой странѣ, гдѣ много свободныхъ земель, авторъ говоритъ: „Дозволеніе пріобрѣтать землю можетъ первоначально ограничиться

---

1) О его взглядахъ на крестьянскій вопросъ [illegible] *Hettner*, Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts, 3 Aufl. Bd. II, 17[illegible]—171, 220—221. *Луи Блан*, [illegible] I, 2[illegible]—2[illegible]7. *Кареевъ*, Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка. 1879 г., стр. 271—272, 291—292.

2) См. *Chassin*. L'Eglise et les derniers serfs de la France. 1880.

тѣмъ участкомъ, гдѣ крестьянинъ родился. Эти участки, оцѣненные назначенными для того посредниками (par des arbitres publics), господинъ долженъ будетъ уступать своимъ вассаламъ на условіяхъ, установленныхъ и соразмѣренныхъ съ его цѣнностію, и крестьянинъ будетъ имѣть право поселиться въ другомъ мѣстѣ только въ случаѣ отказа господина устроить его въ своемъ имѣніи. Такимъ образомъ интересы обѣихъ сторонъ будутъ примирены: господинъ, вмѣсто раба, будетъ имѣть свободнаго данника (tributaire), и его право, болѣе справедливое и менѣе тяжелое, будетъ болѣе прочнымъ. Въ подтвержденіе того, что свобода не можетъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ, авторъ ссылается на существующій уже въ Россіи классъ свободныхъ земледѣльцевъ, а именно однодворцевъ. Наконецъ авторъ касается и того возраженія противъ освобожденія, которое часто дѣлали у насъ защитники крѣпостнаго права, а именно, что освобожденные подвергнутся еще болѣе сильнымъ злоупотребленіямъ со стороны чиновниковъ. Этому горю авторъ предлагаетъ помочь тѣмъ же способомъ, къ которому кн. Д. А. Голицынъ совѣтовалъ прибѣгнуть и при существованіи крѣпостнаго права, а именно учредить „подвижные трибуналы и странствующихъ надзирателей“. Къ сожалѣнію авторъ слишкомъ кратко говоритъ о всѣхъ практическихъ мѣрахъ, имъ предлагаемыхъ, и большая часть его сочиненія посвящена общимъ и довольно фразистымъ разсужденіемъ о благодѣтельности свободы и права собственности. Но, какъ мы видѣли, въ отличіе отъ большинства другихъ французскихъ мнѣній, подъ правомъ собственности на землю онъ разумѣетъ безсрочное пользованіе ею за установленныя повинности, хотя повидимому готовъ допустить и пріобрѣтеніе крестьянами земли въ полную собственность [1]).

Неизмѣримо выше отвѣтовъ Беарде, Вольтера и даже Мармонтеля стоитъ сочиненіе француза Граслена, получившаго accessit и напечатанное вмѣстѣ съ работою Беарде. Такъ какъ, въ поставленной на обсужденіе задачѣ, спрашивалось: дарованіе крестьянину права собственности на землю полезно ли для общества или (какъ это было сказано во французскомъ отвѣтѣ) для общаго блага, то авторъ такимъ образомъ начинаетъ свое сочиненіе: „общее благо можетъ быть разсматриваемо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: или какъ наибольшая польза для всѣхъ членовъ общества, или какъ благо государства при извѣстномъ его устройствѣ. Въ первомъ случаѣ предлагаемый вопросъ имѣетъ характеръ общности и долженъ быть рѣшенъ на основаніи началъ, почерпнутыхъ изъ свойствъ человѣка и непреложныхъ законовъ природы; во второмъ случаѣ это задача частная, условная и имѣющая столько же различныхъ рѣшеній, сколько есть формъ правленія“. Авторъ обѣщаетъ разсматривать

---

[1]) Oeuvres de Marmontel, t. VII, 1-er partie, Paris, 1820, p. 26—72.

вопросъ съ первой точки зрѣнія. Уже приведенное различеніе интересовъ государства и его членовъ, другими словами, націи и народа, дѣлаетъ честь автору изслѣдованія, такъ какъ понятія эти сплошь и рядомъ смѣшивались не только въ то время, но нерѣдко смѣшиваются и теперь. Затѣмъ авторъ говоритъ: „если считать крестьянъ членами государства, то общее благо требуетъ, чтобы имъ были предоставлены выгоды, связанныя съ правомъ собственности какъ на землю, такъ и на движимое имущество, допуская при этомъ только тѣ ограниченія, какія существуютъ и для другихъ, такъ какъ... общее благо заключается всегда въ счастіи наибольшаго числа людей". Но современные философы утверждаютъ, продолжаетъ авторъ, что при естественномъ порядкѣ вещей (dans l'ordre de la nature) земля не составляетъ ничьей собственности. Какъ же можетъ въ такомъ случаѣ существовать частная поземельная собственность; какимъ образомъ извѣстное количество людей можетъ посредствомъ своего труда пріобрѣсти право собственности на всю землю, не давая пользоваться ею другимъ людямъ, тогда какъ земля должна принадлежать всѣмъ. Но, по мнѣнію автора, это противорѣчіе только кажущееся, и онъ обѣщаетъ устранить его, доказавъ, что когда владѣніе землею гарантировано тѣмъ, кто ее обработываетъ, то другіе, хотя и не непосредственно, пользуются благами природы, т. е. производительностію земли. Для этого авторъ, отвлекаясь отъ существующаго общественнаго строя, разсматриваетъ тѣ отношенія, которыя устанавливаются между земледѣльцами и ремесленниками, если все населеніе раздѣляется только на два класса: земледѣльцевъ-собственниковъ и работниковъ, занимающихся неземледѣльческимъ трудомъ, разбираетъ законы обмѣна, возникающаго при этомъ, и указываетъ на то, что при предполагаемомъ имъ составѣ народонаселенія ремесленники и другіе работники неземледѣльцы, обмѣнивая свои продукты на хлѣбъ, въ сущности пользуются плодами земли. Изъ этого слѣдуетъ, что и они заинтересованы въ томъ, чтобы обработывающіе землю имѣли на нее ненарушимое право собственности. Другой результатъ разбора отношеній между земледѣльцами и ремесленниками заключается въ томъ, что право отдѣльнаго человѣка или какого-нибудь класса общества на плоды труда другихъ людей основывается единственно на томъ, что другіе нуждаются въ произведеніяхъ его собственнаго труда. Съ этой точки зрѣнія, авторъ признаетъ цѣлесообразность установленія власти, заботящейся объ охраненіи личности и собственности членовъ общества, но онъ считаетъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди незанимающіеся ея обработкою. При естественныхъ отношеніяхъ, земледѣльцы обмѣниваютъ избытокъ своихъ произведеній на плоды труда другихъ работниковъ и, слѣдовательно, всякое уменьшеніе той доли продуктовъ, которую путемъ обмѣна они передаютъ другимъ производи-

тельнымъ классамъ есть потеря для этихъ послѣднихъ, а, слѣдовательно, и для всего общества, такъ какъ, чтобы удовлетворить прежнія потребности, придется увеличить число земледѣльцевъ, и слѣдовательно уменьшить численность остальныхъ классовъ. И все это только потому, что извѣстное число людей, пользующихся властію, поработили себѣ подобныхъ или — что въ сущности тоже самое — не дозволяютъ пользоваться захваченною ими землею иначе, какъ за предоставленіе имъ безплатно извѣстной части урожая. Окончательный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, понятенъ уже изъ всего сказаннаго: „*общее благо требуетъ, чтобы земля была собственностію единственно и исключительно тѣхъ, кто ее обрабатываетъ*, т. е. крестьянъ, но въ то же время они должны владѣть только тѣмъ количествомъ земли, какое могутъ сами обработать, иначе они обратятся въ землевладѣльцевъ вотчинниковъ“. Только при этомъ условіи, слѣдовательно, имѣетъ raison d'être право собственности на землю.

Переходя отъ общихъ выводовъ, построенныхъ на отвлеченныхъ началахъ справедливости, къ современному общественному строю, авторъ говоритъ, что если невозможно въ данное время думать объ его измѣненіи согласно указаннымъ принципамъ, если нельзя отдать землю однимъ земледѣльцамъ, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, лишать ихъ права на поземельную собственность, такъ какъ это было бы большимъ ущербомъ для всего общества. Нечего и говорить о томъ, что авторъ считаетъ необходимымъ предоставить земледѣльцу право собственности на движимое имущество.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго изложенія сочиненія Граслена видно, что это трудъ, написанный весьма логично, въ высшей степени замѣчательный для своего времени. Нельзя не подивиться, что его одобрило вольное экономическое общество, господствующимъ вліяніемъ въ которомъ пользовались наши вельможи — крупные собственники. Напечатаніе такой статьи, совершенно отрицавшей ихъ права на владѣніе не только крестьянами, но даже и землею, повидимому, должно было бы казаться имъ гораздо опаснѣе, чѣмъ переводъ труда Беарде: тутъ дѣло шло уже не о надѣленіи крестьянина клочкомъ земли по усмотрѣнію помѣщика въ награду за отличное прилежаніе, а о томъ, что предоставленіе земледѣльцамъ всей обрабатываемой земли было бы только исполненіемъ элементарныхъ требованій справедливости. Но къ такимъ идеямъ тогдашнее русское общество было совершенно не подготовлено, и эта слишкомъ отвлеченная статья была малодоступна не только всему русскому обществу, но, быть можетъ, и тѣмъ, кто рѣшалъ вопросъ о ея напечатаніи. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что изъ всѣхъ сочиненій, представленныхъ въ отвѣтъ на задачу, объявленную экономическимъ обществомъ, это было произведеніе самое замѣчательное по своимъ идеямъ.

Прежде чѣмъ покончить съ разборомъ французскихъ сочиненій, мы упомянемъ еще объ одномъ неизданномъ отвѣтѣ, означенномъ въ печатномъ спискѣ подъ № 162. Это, собственно говоря, только предисловіе къ сочиненію, которое авторъ не успѣлъ прислать къ опредѣленному сроку: опоздало и это предисловіе, и потому не было разсмотрѣно. Оно любопытно для насъ только потому, что было несомнѣнно написано физіократомъ (хотя вліяніе этой школы сказывается и въ нѣкоторыхъ другихъ отвѣтахъ), слѣдовательно, принадлежало перу человѣка, раздѣлявшаго мнѣнія, которыя были въ то время послѣднимъ словомъ экономической науки. Поэтому не безынтересно указать на то, какое значеніе придавали въ Европѣ постановкѣ самой задачи, объявленной экономическимъ обществомъ. „Если роковое стеченіе обстоятельствъ", говоритъ онъ, „лишаетъ мое отечество преимущества подать первый примѣръ полнаго и совершеннаго счастія, которое должно быть непремѣннымъ результатомъ осуществленія выводовъ этой науки (физіократіи), то я желаю, чтобы вы, русскіе, воспользовались этимъ неоцѣненнымъ правомъ и подали всѣмъ возвышенный примѣръ... Вы научились отъ насъ научно истреблять людей съ помощію свинца, желѣза и пороха: вы научились искусно предавать свою жизнь ярости бурныхъ морей въ судахъ, столь же ломкихъ, сколько и достойныхъ удивленія. Прекрасно и благородно будетъ съ вашей стороны научить насъ... какъ гарантировать счастіе людей, производящихъ необходимые жизненные припасы... свободою и правомъ собственности, не тѣми неполными собственностію и свободою, которыми мы въ настоящее время пользуемся въ нашихъ полуцивилизованныхъ государствахъ, но тѣми, которымъ только высшая справедливость полагаетъ границы". Если даже извѣстную долю этихъ фразъ и счесть за комплименты, которыми многіе авторы, особенно французы, приправляли свои отвѣты, то все-таки нельзя не согласиться, что, дѣйствительно, постановка этой задачи привлекла значительную долю вниманія не только Россіи, но и западной Европы: она вызвала не одни письменные, но и печатные отвѣты. Не говоря уже про иностранныя сочиненія, напечатанныя нашимъ экономическимъ обществомъ и, такимъ образомъ, сдѣлавшіяся доступными всему образованному міру, мы напомнимъ, что нѣкоторые авторы (Меркель и Гессъ) сами, даже ранѣе присужденія преміи, напечатали свои труды; другіе же рѣшали эту задачу въ журнальныхъ статьяхъ или особыхъ сочиненіяхъ, вовсе не претендуя на премію [1]).

[1]) Для примѣра, [illegible] аббатъ Баско изъ Пьемонта написалъ по-итальянски [illegible]

Мы не разобрали еще одного изъ сохранившихся французскихъ сочиненій, которое было включено въ число конкурсныхъ (впрочемъ, отъ послѣдняго комитета оно не заслужило почетнаго отзыва), не разобрали потому, что хотя оно и написано по-французски, но, присланное изъ Берлина, оно заключаетъ въ себѣ не мало и чисто нѣмецкихъ идей (въ спискѣ означено подъ № 72[1]).

Люди никогда не были равны, говоритъ авторъ: всегда существовала родительская власть, всегда сильный и ловкій бралъ верхъ надъ слабымъ и глупымъ. Избытокъ просвѣщенія, такъ же, какъ и излишняя зажиточность, вредятъ людямъ, особенно тѣмъ, умъ которыхъ по ихъ образу жизни и по назначенной имъ судьбою роли въ обществѣ, долженъ остаться ограниченнымъ. Понятно, что при такихъ взглядахъ авторъ не одобряетъ сочиненія Руссо, такъ какъ они возбуждаютъ, по его словамъ, ропотъ и возстаніе, между тѣмъ, какъ онъ самъ хочетъ внушить людямъ необходимость послушанія и объяснить имъ выгоды зависимаго положенія. Развѣ не испортили бы мнѣ хорошаго слугу, спрашиваетъ онъ, если бы ежедневно стали твердить ему, что я ничѣмъ не лучше его и что для него унизительно мнѣ служить? Нѣтъ, спасительныя правила евангелія гораздо лучше всей этой ложной философіи. Однако, даже и при такихъ взглядахъ, взявшись писать о собственности крестьянъ, авторъ не рѣшается сказать прямо, что она не нужна. Онъ совѣтуетъ прежде всего внимательно изучить положеніе русскаго мужика: обремененъ ли онъ чрезмѣрно работою и, главное, дѣйствительно ли онъ недоволенъ своею судьбою. Если да — нужно ему помочь; въ противномъ случаѣ пусть не предлагаютъ ему проектовъ объ увеличеніи его правъ. Если же и окажется нужнымъ измѣнить положеніе крѣпостныхъ, то во всякомъ случаѣ сразу даровать имъ всѣмъ право собственности было бы весьма неблагоразумно: это можно дѣлать не иначе, какъ постепенно, въ извѣстныхъ условіяхъ, и пріобрѣтенное ими право собственности должно подлежать ограниченію. Можно начать съ того, что объявить собственниками заслуживающихъ того своимъ прилежаніемъ, честностію и проч., и затѣмъ дѣлать тоже самое въ извѣстные промежутки времени. Авторъ такъ же, какъ и Беардэ, полагаетъ, что крестьяне будутъ придавать значеніе внѣшнимъ отличіямъ и потому предлагаетъ, чтобы пріобрѣвшіе право собственности отличались отъ остальныхъ особою одеждою. За дурное поведеніе крестьянинъ можетъ лишиться своего участка по рѣшенію суда, составленнаго изъ лицъ того же сословія.

Переходимъ къ нѣмецкимъ сочиненіямъ, отличающимся инымъ характеромъ, чѣмъ произведенія французскихъ авторовъ.

Первый трудъ съ девизомъ Catharina (№ 54), принадлежащій гальбер

[illegible] Вико [illegible] [illegible] 17[illegible] [illegible] тельно высказывавшихся въ пользу обдѣленнаго судьбою крестьянина.

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ., вяз. № 179.

штадтскому канонику Вельнеру [1]), прямо начинается съ той мысли, что для общества полезнѣе и выгоднѣе, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю. Это подтверждается соображеніями о важномъ значеніи для земледѣлія права собственности, плохомъ качествѣ барщиннаго труда и невозможности для срочнаго арендатора заботиться о прочныхъ усовершенствованіяхъ. Авторъ совѣтуетъ раздать землю крестьянамъ въ собственность съ тѣмъ, чтобы они вносили за нее точно опредѣленный оброкъ и исполняли извѣстныя работы; по его мнѣнію, это единственное и самое вѣрное средство для развитія земледѣлія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ чрезвычайно содѣйствовать и увеличенію народонаселенія. Правительство должно награждать всячески (титулами, деньгами, землями) тѣхъ землевладѣльцевъ, которые передадутъ землю въ собственность своимъ крестьянамъ, а также поощрять крестьянъ, у которыхъ всего болѣе дѣтей. О правѣ собственности на движимое имущество авторъ не находитъ нужнымъ и говорить, такъ какъ гораздо важнѣе поземельное устройство.

Затѣмъ Вельнеръ переходитъ ко второй части задачи: какъ далеко должно простираться право собственности на землю? Онъ предлагаетъ, чтобы землевладѣльцы дали вольному экономическому обществу полномочіе составить, съ соизволенія государыни, законъ, которымъ крѣпостное право было бы измѣнено и согласовано съ требованіями общаго блага [2]). Этимъ закономъ, установленнымъ съ согласія всѣхъ землевладѣльцевъ, земля должна быть передана крестьянину въ собственность и гарантировано ему спокойное пользованіе ею. Но онъ долженъ остаться въ подданствѣ и послушаніи своему господину, нести платежи и повинности даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ прежде. Слѣдуетъ постановить: 1) что крестьянинъ можетъ быть лишенъ земли только въ такомъ случаѣ, если онъ будетъ дурно вести себя и пренебрегать земледѣліемъ; тогда у него можно отнять землю, согнать его со двора и сдѣлать рабомъ (Sclave). 2) Крестьянинъ долженъ имѣть право производить на своей землѣ какія угодно улучшенія, сѣять по своему усмотрѣнію хлѣбъ или кормовыя травы, огораживать землю. Для этого участокъ долженъ быть отведенъ въ одномъ мѣстѣ, *общинныя угодья* (die Gemeinheiten) *уничтожены*, также, какъ и обыкновеніе пасти скотъ на землѣ сосѣда. Разверстаніемъ общинныхъ угодій и огораживаніемъ полей Англія положила первое основаніе успѣхамъ земледѣлія, а въ послѣдніе года (seit paar Jahren) почти всѣ

[1]) Съ 1788 г. онъ былъ министромъ юстиціи, начальникомъ духовнаго департамента и евангелическихъ лютеранскихъ церквей. Сочиненіе его напечатано въ „Dissertation" и въ томъ же году отдѣльнымъ изданіемъ въ Берлинѣ съ посвященіемъ имп. Екатеринѣ.

[2]) Сравни выше предложеніе Поленова, чтобы землевладѣльцы сами, подъ контролемъ правительства, составили правила о крестьянскихъ повинностяхъ.

нѣмецкія государства начинаютъ слѣдовать ея примѣру[1]. 3) Крестьяне, получившіе землю въ собственность, должны платить вдвое болѣе, чѣмъ прежде, но разъ установленные взносы не должны быть возвышаемы. 4) Крестьянинъ долженъ имѣть право продать свое поле, но однакоже лишь съ согласія землевладѣльца; это дозволяется только въ томъ случаѣ, если, по старости или болѣзни, онъ не можетъ работать или захочетъ купить другой участокъ (само собой разумѣется, что пріобрѣвшій его землю долженъ будетъ принять на себя исполненіе лежащихъ на ней повинностей). 5) Крестьянинъ можетъ завѣщать свою землю дѣтямъ и родственникамъ, но если наслѣдникъ не хочетъ самъ заниматься ея обработкою, то долженъ не отдавать земли въ наемъ, а непремѣнно продать ее земледѣльцу.

Таковъ проектъ, представленный Велльнеромъ; онъ сходенъ съ предложеніемъ Беарде въ томъ отношеніи, что въ сущности также предоставляетъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса усмотрѣнію помѣщиковъ, такъ какъ только съ ихъ согласія предлагаетъ экономическому обществу установить правила объ улучшеніи быта крестьянъ. Что касается предложенныхъ имъ мѣръ, то очевидно, что онъ предоставляетъ землю крестьянину не въ собственность, а только въ наслѣдственное пользованіе за опредѣленныя повинности, которыя къ тому же онъ предлагаетъ увеличить. При этихъ условіяхъ едва ли улучшилось бы положеніе крестьянъ. Наконецъ, онъ вовсе не касается вопроса о вотчинномъ судѣ, а отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ очень многое. Въ проектѣ Велльнера есть одно предложеніе, въ которомъ онъ сходится съ проектомъ Елагина и принятіе котораго было бы крайне вредно для русскихъ крестьянъ: мы разумѣемъ совѣтъ уничтожить общинное землевладѣніе. Авторъ ссылается на примѣръ въ этомъ отношеніи западной Европы. Прошло послѣ того столѣтіе до тѣхъ поръ, пока на западѣ пришли къ убѣжденію, что хотя мѣра эта содѣйствовала развитію *земледѣлія*, но зато вредно отразилась на интересахъ *земледѣльцевъ*.

Изъ сочиненій лифляндскихъ дворянъ, которыхъ до насъ дошло 5, [illegible], напечатанное вмѣстѣ съ отвѣтами Беарде, Велльнера и Граслена, было написано фонъ-Мекомъ, котораго общество наградило за этотъ трудъ медалью въ 12 червонцевъ. Крѣпостные должны имѣть собственность, говоритъ онъ, но не слѣдуетъ спѣшить (эпиграфъ автора — festina lente); если сразу уничтожить крѣпостное право, то свобода обратится въ необузданность, крестьяне покинутъ земли, которыя прежде обрабатывали, и будутъ бродить, ища мѣста, гдѣ бы могли получить землю безъ по-

---

[1]) [illegible] „[illegible] Abschaffung der Leibeigenschaft [illegible] grossen Vortheilen ökonomisch betrachtet“. Berl. 1766.

винностей и денежныхъ оброковъ. Нужно, чтобы крестьяне познали цѣну собственности; нужно позаботиться о лучшемъ воспитаніи крѣпостныхъ дѣтей; нужно научить крестьянина любить земледѣліе. Въ этихъ мысляхъ нѣтъ ничего новаго: мы уже встрѣчали ихъ и встрѣтимъ еще и въ другихъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ; но авторъ рекомендуетъ оригинальную мѣру для пріученія крестьянъ къ земледѣлію, честь изобрѣтенія которой принадлежитъ исключительно ему. Нужно препятствовать крестьянину заниматься побочными промыслами; съ этою цѣлію можно установить, что все, что онъ заработываетъ съ ихъ помощію, должно идти въ пользу господина. Каждый обязанъ оставаться членомъ своего сословія, а не „быть счастливымъ, какъ ему вздумается“. Такъ же, какъ и предыдущіе авторы, онъ полагаетъ, что нужно навсегда опредѣлить, какія земледѣльческія работы и сборы долженъ нести крестьянинъ въ пользу господина. По его мнѣнію, нужно начать дарованіе права собственности съ движимаго имѣнія и обставить это дѣло слѣдующими формальностями. Господинъ заявляетъ въ судѣ, что онъ дозволяетъ лучшимъ крестьянамъ, хорошо ведущимъ свое хозяйство, неограниченно распоряжаться движимымъ имуществомъ: заявленіе это записывается въ книгахъ, и потомъ чиновники наблюдаютъ за его исполненіемъ. Если крестьянинъ будетъ дурно хозяйничать, то его не слѣдуетъ прогонять съ земли, а нужно назначить опекуновъ надъ нимъ изъ лучшихъ хозяевъ. При такомъ смягченномъ крѣпостномъ правѣ, крестьянинъ будетъ находиться въ наилучшемъ положеніи: онъ пользуется землею, а между тѣмъ, въ случаѣ неурожая, помѣщикъ помогаетъ ему. Когда всѣ или большая часть крестьянъ пріобрѣтутъ движимую собственность, то помѣщикъ въ награду лучшимъ и зажиточнѣйшимъ можетъ продать за опредѣленную цѣну участокъ земли, который они обработываютъ. Хорошо было бы подать примѣръ реформы въ казенныхъ имѣніяхъ: тогда каждый убѣдился бы, что такимъ образомъ увеличивается благосостояніе крестьянъ. Крестьянинъ, пріобрѣвшій землю, будетъ имѣть на нее полное право собственности, но подъ слѣдующими условіями: 1) его участокъ не долженъ быть никоимъ образомъ отдѣленъ отъ всего имѣнія; 2) крестьянинъ, обработывающій его, не можетъ его покинуть и 3) за каждый такой участокъ господинъ имѣетъ право на извѣстную и разъ навсегда опредѣленную ренту. Такимъ образомъ и здѣсь дѣло идетъ не о правѣ собственности, а о наслѣдственномъ владѣніи землею за извѣстныя повинности, причемъ нѣтъ и мысли о назначеніи какого-нибудь срока этимъ платежамъ, о выкупѣ земли въ теченіе извѣстнаго времени посредствомъ срочныхъ взносовъ.

Отвѣтъ фонъ-Мека имѣетъ нѣкоторое сходство съ сочиненіемъ Бельнера, и авторъ его не лишенъ вовсе либеральныхъ намѣреній; за то неизданное сочиненіе неизвѣстнаго лифляндца (№ 97) обнаруживаетъ весьма

консервативный образъ мыслей автора [1]. Нужно замѣтить, что въ третьей коммиссіи, читавшей это сочиненіе, было высказано о немъ два противуположныхъ мнѣнія. Въ перечнѣ ея отзывовъ въ одной отмѣткѣ сказано: „дѣлаетъ дурныя и смѣшныя предложенія“, но тутъ же другою рукою приписано: „заслуживаетъ вступить въ конкурсъ“. Сочиненіе это дѣйствительно включено было въ число конкурсныхъ, но комитетъ, произносившій окончательное сужденіе надъ всѣми одобренными отвѣтами, не нашелъ, чтобы оно заслуживало не только accessit, но и почетнаго отзыва; да это и понятно, такъ какъ онъ одобрялъ преимущественно пьесы, гдѣ предлагались какія нибудь мѣры для надѣленія крестьянъ собственностью или, по крайней мѣрѣ, предоставленія имъ наслѣдственнаго пользованія землею.

Въ теоріи и этотъ неизвѣстный лифляндецъ признаетъ, что для общества полезнѣе, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственную землю; но примѣнительно къ существующимъ отношеніямъ, онъ держится другихъ взглядовъ; правда, онъ настолько либераленъ, что считаетъ несправедливостію, если бы какой-нибудь государь вздумалъ обратить въ крѣпостныхъ свободныхъ людей (если только они не сдѣлались недостойными свободы какими-нибудь возмущеніями и предательскими поступками) [2]; онъ согласенъ даже, чтобы казна дала свободу крестьянамъ коронныхъ имѣній, но крѣпостные частныхъ вотчинъ—дѣло другое. „Государь, который освобождаетъ крѣпостныхъ аллодіальнаго имѣнія (хотя бы это и казалось полезнымъ для общества), — великодушенъ и милостивъ относительно крестьянъ, но онъ обижаетъ такимъ образомъ самыхъ знатныхъ своихъ подданныхъ, которые смотрятъ на крѣпостное населеніе, какъ на свою безспорную собственность, такъ какъ это право даровано имъ или подтверждено привилегіями прежнихъ государей“. Все это, очевидно, прямой отвѣтъ на вмѣшательство русскаго правительства улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Но, оставляя вопросъ о томъ, что дѣльно и справедливо, авторъ заявляетъ что, по его мнѣнію, „для общества полезнѣе и выгоднѣе, если крестьяне владѣютъ землею и движимымъ имуществомъ какъ рабы, или, лучше сказать, какъ крѣпостные“. Онъ не отрицаетъ, что есть благоустроенныя, богатыя, цвѣтущія государства, въ которыхъ всѣ крестьяне — люди свободные; онъ признаетъ даже, что есть случаи, когда странѣ мало повредитъ или даже принесетъ пользу дарованіе свободы крѣпостнымъ крестьянамъ. Къ числу такихъ онъ причисляетъ тѣ страны, въ которыхъ находится болѣе крестьянъ, чѣмъ сколько нужно для обработки полей, такъ какъ тамъ слѣдуетъ за-

---

[1] Арх. Вольн. Экон. Общ. вяз. № 179.

[2] [illegible] по крайней мѣрѣ, остзейскіе дворяне.

водить фабрики, а для нихъ свободные работники болѣе удобны, чѣмъ рабы. Но въ государствахъ менѣе населенныхъ нужно руководиться иными правилами, особенно если крестьяне грубы, непослушны и лѣнивы. „Свободные и притомъ невоспитанные крестьяне — это дикія лошади, которыя, чувствуя свою силу, мало слушаются всадниковъ: такіе крестьяне не годятся для полевыхъ работъ. Тутъ не нужно большаго ума, но за то необходимы тѣлесная сила, трудолюбіе и послушаніе, а все это можно имѣть и безъ свободы“. Авторъ оговаривается, что, желая, чтобы крѣпостные оставались рабами (Sclaven), онъ разумѣетъ „такое рабство, которое согласуется со справедливостію и христіанствомъ“ и затѣмъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику желаннаго для него крѣпостнаго права: „Рабъ, какъ я понимаю — это крѣпостной, который принадлежитъ своему господину, не можетъ покинуть этого послѣдняго безъ его согласія; господинъ же можетъ продать его другому какъ съ землею, такъ и безъ нея, и наказывать его за провинности — воровство, неисполненіе работы и т. п.; это право господинъ или унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ, или купилъ самъ, и оно должно основываться на твердыхъ и несомнѣнныхъ привилегіяхъ. Если же владѣлецъ злоупотребляетъ этимъ правомъ, то крестьянинъ можетъ жаловаться, и тотъ будетъ наказанъ правительственными властями“. Умный господинъ, если онъ притомъ истинный христіанинъ, не будетъ обижать своихъ крѣпостныхъ, но такъ какъ не всѣ хорошо обходятся съ крестьянами, а нѣкоторые „относятся къ нимъ какъ къ безсловеснымъ животнымъ, чрезмѣрно обременяютъ ихъ работою безъ причины бьютъ и тиранятъ“, то „нужно, чтобы государь ограничилъ произволъ помѣщиковъ и велѣлъ въ каждой провинціи, съ помощію умныхъ и хорошо знающихъ хозяйство людей, точно опредѣлить, сколько крестьянинъ — владѣлецъ двора, долженъ работать или платить оброка, смотря по количеству земли и числу батраковъ“. Такой „экономическій регламентъ“ долженъ служить общимъ уставомъ для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, и если господинъ нарушитъ его, то долженъ подвергнуться денежному штрафу и вознаградить убытки, причиненные имъ крестьянину; если же послѣдній принесетъ несправедливую жалобу, то, въ примѣръ прочимъ, его слѣдуетъ наказать розгами и, кромѣ того, господинъ можетъ лишить его земли и сдѣлать батракомъ другаго хозяина точно также какъ и въ томъ случаѣ, если уличитъ его въ воровствѣ въ помѣщичьей ригѣ, амбарѣ или въ полѣ.

Таковы взгляды лифляндца, отнюдь неповиннаго въ либерализмѣ; его сочиненіе можетъ показать намъ, насколько бар. Шульцъ фонъ-Ашераденъ былъ выше своихъ сотоварищей-помѣщиковъ. Тогда какъ онъ установилъ въ своемъ имѣніи, что крестьянина нельзя продавать безъ земли, авторъ разбираемаго сочиненія дозволяетъ это; крестьянину дано право жаловаться, но подъ угрозою такихъ страшныхъ для него наказаній, если жалоба будетъ

признала неосновательною (не только тѣлесное наказаніе, но и лишеніе земли и отдачу въ батраки), что, можно смѣло сказать, при такихъ условіяхъ никто въ Лифляндіи не рѣшился бы жаловаться на господина, тяжелымъ опытомъ убѣдившись, какъ трудно ему доказать справедливость своего заявленія. Помѣщикъ же, даже изобличенный въ различныхъ истязаніяхъ, долженъ былъ, по проэкту автора, подвергнуться только денежному штрафу. Единственное, дѣйствительно полезное для крестьянина требованіе (опредѣленіе размѣра повинностей въ Лифляндіи, поземельныя отношенія которой весьма нравятся автору) могло быть выполнено безъ помощи его „умныхъ и знающихъ людей“, стоило только потребовать примѣненія шведскихъ вакенбуховъ, составленныхъ на основаніи внимательно произведеннаго кадастра; но авторъ очевидно надѣялся, что его „умные и знающіе люди“, т. е. помѣщики, постановятъ болѣе выгодныя для дворянъ правила.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ опроверженію возраженій противъ рабства (Sclaverey). Говорятъ, что рабство противорѣчитъ естественной свободѣ и равенству людей, но вѣдь и то, и другое уничтожается при первомъ установленіи общественной жизни. Важнѣе, по его мнѣнію, другое возраженіе, что рабство противорѣчитъ основнымъ началамъ христіанства. Авторъ признаетъ, что, дѣйствительно, нельзя свободнаго человѣка сдѣлать рабомъ, но крѣпостной — дѣло другое: онъ уже родился въ рабствѣ. „Его не лишаютъ свободы, а только оставляютъ въ томъ состояніи, въ какомъ онъ родился; по правиламъ же христіанства каждый долженъ быть доволенъ положеніемъ, назначеннымъ ему божественнымъ промысломъ“. Слѣдовательно, рабъ долженъ охотно повиноваться своему господину и можетъ желать только того, чтобы положеніе его было сдѣлано настолько сноснымъ, сколько позволяютъ обстоятельства. На основаніи священнаго писанія, нельзя доказать, что всякое рабство противно религіи, скорѣе можно убѣдиться въ противоположномъ. Если бы всякое безъ исключенія рабство было грѣхомъ, то какимъ образомъ Богъ позволилъ бы еврейскому народу держать рабовъ; а тѣмъ паче апостолы не предписали бы господамъ и рабамъ правилъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а между тѣмъ мы видимъ это, напримѣръ, въ посланіяхъ Павла къ жителямъ Ефеса.

Говорятъ еще, что рабство вредно потому, что власть помѣщика составляетъ государство въ государствѣ. На это авторъ отвѣчаетъ, что на помѣщиковъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на низшее правительственное учрежденіе, установленное государемъ для наблюденія за трудолюбіемъ и порядкомъ среди крестьянъ и прекращенія всякихъ волненій. Такое устройство не только не вредно для государства, но скорѣе представляетъ самое дешевое и весьма дѣйствительное средство обуздывать толпу непо-

ленивыхъ и грубыхъ крестьянъ [1]). Въ какой странѣ съ крѣпостнымъ сельскимъ населеніемъ, говоритъ авторъ, можно услышать о столькихъ возстаніяхъ и возмущеніяхъ, какъ въ Англіи, гдѣ крестьяне и другіе простые люди, злоупотребляя своею свободою, производятъ страшныя волненія, часто вслѣдствіе какой-нибудь ничтожной причины, напримѣръ, нѣкотораго повышенія налога на сидръ или небольшаго вздорожанія хлѣба (какъ это произошло еще въ настоящемъ 1767 г.). Развѣ не ясно видно изъ этого, что единственная причина такихъ безпорядковъ въ Англіи—большая свобода крестьянъ"?

Авторъ признаетъ, что рабство не есть необходимое слѣдствіе счастія и благополучія общества, но оно вовсе не составляетъ и признака его упадка и разложенія. Онъ указываетъ на примѣръ могущественной римской имперіи, въ которой, однако, рабство было суровѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Крестьяне въ Англіи и Голландіи живутъ въ изобиліи и богатствѣ, но это объясняется благопріятными условіями климата, почвы и т. п. Напротивъ того, въ Швеціи, не смотря на свободу, большинство изъ нихъ бѣдно, и въ Ботніи часто должно питаться древесною корою. Да, наконецъ, и среди англичанъ много бѣдныхъ крестьянъ и людей изъ простаго народа, такъ какъ свобода мало помогаетъ при отсутствіи средствъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ еще къ одному и, по его мнѣнію, послѣднему возраженію, которое представляетъ одна попытка измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Какъ мы уже упоминали, задача вольнаго экономическаго общества возбудила большое вниманіе въ Европѣ, и отвѣты на нее не ограничивались тѣми рукописями или книгами, которыя были присланы въ Петербургъ. Такъ, въ „Альтонскомъ Меркуріи" появилось слѣдующее письмо изъ Гольштиніи отъ 13-го января 1767 года: „Извѣстно, что въ дворянскихъ имѣніяхъ Гольштиніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, все еще существуетъ крѣпостное право, и крестьяне, не имѣющіе никакой собственности, должны работать на землевладѣльцевъ; поэтому задача русскаго экономическаго общества близко касается Гольштиніи, и основательный отвѣтъ на нее былъ бы столько же важенъ здѣсь, какъ и тамъ". Такъ какъ, по мнѣнію автора письма, при обсужденіи подобнаго вопроса, ничего не можетъ быть убѣдительнѣе примѣра, то онъ и разсказываетъ, какъ одинъ „патріотъ, другъ человѣчества" (очевидно гр. Ранцау-фонъ-Ашбергъ), начиная съ 1739 года постепенно вводитъ въ своемъ имѣніи наслѣдственную аренду и уничтожаетъ личное рабство, и это сопровождается весьма благодѣтельными результатами.

[1]) [illegible] ист. древ. рос." 1861 г., т. III, „Практич. защ. противъ иностранцевъ", стр. 111).

Авторъ разбираемаго нами отвѣта замѣчаетъ по этому поводу, что онъ ничего не имѣетъ противъ предоставленія земли крестьянамъ въ наслѣдственную аренду, но, даруя имъ навсегда личную свободу, гольштинскій дворянинъ, на котораго было указано, поступаетъ „скорѣе какъ другъ человѣчества, чѣмъ какъ хозяинъ, заботящійся о будущемъ", и что онъ встрѣтитъ болѣе поклонниковъ, чѣмъ послѣдователей. Если же онъ имѣлъ при этомъ въ виду увеличить свои доходы, то, безъ сомнѣнія, избралъ не самыя вѣрныя и удобныя средства: большая разница вести хозяйство съ крѣпостными крестьянами, которыхъ можно принудить работать и противъ ихъ желанія, или со свободными людьми, которыхъ господинъ долженъ просить выполнить то, что они обязаны сдѣлать. Къ тому же, ядовито замѣчаетъ авторъ, если бы превращать своихъ крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ было такъ выгодно, то гольштинскіе дворяне давно уже послѣдовали бы примѣру, поданному 28 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, будь такая система и вполнѣ пригодна для Германіи, это еще не значитъ, чтобы она годилась для менѣе населенныхъ странъ, какъ напримѣръ, Прибалтійскаго края, гдѣ крестьяне, лѣнивые и наклонные къ воровству и непослушанію, навѣрное взглянули бы на свободу, какъ на право безнаказанно совершать всевозможныя злодѣйства, и, въ концѣ-концовъ, господа должны были бы терпѣть нужду или даже ежечасно опасаться за свою жизнь и имущество".

Такимъ образомъ, поземельныя отношенія Остзейскаго края, интересы тамошнихъ землевладѣльцевъ стоятъ для автора на первомъ планѣ; по его мнѣнію, все прекрасно въ этой наилучшей изъ странъ, и если что можно допустить, то развѣ одно регулированіе повинностей. Въ заключеніе онъ прямо совѣтуетъ раздѣлить землю, данную въ пользованіе крестьянамъ, на гаки, половины, четверти и восьмую часть гака, какъ это дѣлается въ Эстляндіи и Лифляндіи, опредѣлить самымъ точнымъ образомъ по количеству земли и работниковъ, сколько они должны работать на господина и давать ему сборовъ натурою, и не позволять жить крестьянамъ деревнями, а поселять каждаго на его участкѣ (слѣдовательно, авторъ враждебно относится къ общинному землевладѣнію).

Нѣсколько шире взгляды другаго лифляндца, автора отвѣта также неизданнаго (№ 80), къ которому вольное экономическое общество отнеслось чрезвычайно странно. Въ журналѣ засѣданія 12-го марта сказано: „представленная отъ перваго нѣмецкаго комитета къ слушанію въ общемъ собраніи пьеса № 80, хотя нѣсколько разъ была и читана, но по усмотрѣнію, что оная въ конкурсъ вступить не могла, дальнее ея чтеніе оставлено"; между тѣмъ, начало этого сочиненія, съ которымъ успѣло познакомиться собраніе, написано очень хорошо, живо затрогиваетъ крестьянскій вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ и, казалось, должно было бы побудить членовъ общества къ дальнѣйшему ознакомленію съ нею. Такимъ постанов-

леніемъ былъ очень удивленъ и нѣмецкій комитетъ, который нашелъ, что это сочиненіе заслуживаетъ общаго вниманія, и въ слѣдующемъ засѣданіи настоялъ, чтобы оно было признано достойнымъ вступить въ конкурсъ. Несмотря на то, когда черезъ нѣсколько дней всѣ конкурсныя пьесы были переданы для новаго разсмотрѣнія особому комитету, отвѣта № 80 въ ихъ числѣ почему-то не оказалось. Быть можетъ, это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что авторъ преимущественно имѣетъ въ виду Остзейскія провинціи, а не рѣшеніе вопроса для всей Россіи.

Въ началѣ своего сочиненія [1]) онъ доказываетъ, что крѣпостное право противоестественно, и что только завоеванію оно обязано своимъ происхожденіемъ. Для подтвержденія этой мысли, онъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи рабства, не забывая упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ въ пользу крестьянъ и въ заключеніе его переходитъ къ установленію крѣпостнаго права въ Прибалтійскомъ краѣ и положенію тамошнихъ крестьянъ [2]).

Затѣмъ авторъ разсказываетъ уже извѣстные намъ факты: какъ Екатерина, во время путешествія по Прибалтійскому краю, обратила вниманіе на нищету и тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, упоминаетъ объ извѣстныхъ предложеніяхъ гр. Броуна, приводитъ и первоначальный уклончивый отвѣтъ ландтага, относясь къ нему совершенно неодобрительно. Если обдумать то, на чемъ основываютъ свои права лифляндскіе дворяне, говоритъ авторъ, то „нельзя не почувствовать вдвойнѣ бѣдствія крестьянъ и не принять ихъ сторону“. Желая доказать, что крѣпостное право производитъ самое вредное дѣйствіе на умственныя способности и нравственное состояніе крѣпостныхъ, онъ опять-таки ссылается на примѣръ прибалтійскихъ крестьянъ. „Крѣпостной приноситъ пользу только своему помѣщику: для государства это мертвый членъ; такъ какъ онъ не имѣетъ собственной земли, то господинъ переселяетъ его, когда найдетъ это для себя выгоднымъ; его барщинныя работы и другія повинности слишкомъ велики и совершенно неопредѣленны; онъ подвергается наказаніямъ, которыя не соразмѣряются ни съ правилами человѣколюбія и религіи, ни съ его проступками. Императорское правительство въ Лиф-

---

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ. вяз. № 179.

[2]) [illegible] и Эстляндіи“.

лянди само признало это". По его предложенію „дворянство сдѣлало все что для облегченія положенія крестьянъ, однако, не смягчило крѣпостнаго права; впрочемъ, все-таки, если помѣщики будутъ поступать согласно со вновь обнародованными постановленіями, то лифляндскій крестьянинъ почувствуетъ нѣкоторое облегченіе".

Отъ этой экскурсіи въ область отношеній, существующихъ въ Прибалтійскомъ краѣ, авторъ переходитъ къ рѣшенію поставленной задачи. Онъ начинаетъ прямо съ того, что „для общества выгоднѣе и полезнѣе, чтобы крестьянинъ получилъ въ *собственность* и землю, и движимое имущество, чѣмъ только одну движимость". Право собственности крестьянина должно быть не ограничено: онъ долженъ имѣть возможность распоряжаться ею по своему усмотрѣнію, даже продавать, лишь бы помѣщикъ получалъ по прежнему свои, опредѣленные правительствомъ, доходы, и чтобы продажа совершалась не чаще, какъ черезъ 30 лѣтъ, такъ какъ въ этотъ срокъ земля можетъ быть улучшена и даже приведена въ цвѣтущее состояніе. Но, подобно всѣмъ другимъ, авторъ и этого отвѣта, требуетъ, чтобы освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ собственностью совершалось постепенно; нужно устроить такъ, чтобы дворянство не пострадало: „это важнѣйшее сословіе въ государствѣ должно сохранить извѣстное величіе, блескъ и благосостояніе". Заурядъ съ другими, авторъ тянетъ знакомую уже намъ пѣсню, что крестьянинъ долженъ прежде познать цѣну свободы, такъ какъ быстрое измѣненіе его состоянія развращаетъ раба; нужно, чтобы священники объяснили имъ въ проповѣдяхъ всю цѣну этого благодѣянія и, прежде чѣмъ имъ воспользоваться, крестьяне должны предъявить слѣдующія добродѣтели: прилежаніе, трезвость, умѣнье хорошо вести хозяйство, обрабатывать землю и воспитывать дѣтей, а также пріобрѣсти извѣстныя знанія въ огородничествѣ, садоводствѣ и скотоводствѣ. Для этого онъ предлагаетъ подвергнуть ихъ трехгодичному испытанію, уменьшивъ въ это время поборы и барщину на помѣщиковъ. Предварительно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, хорошую ли землю имѣютъ крестьяне и достаточно ли у нихъ рабочихъ; было бы очень хорошо увеличить число работниковъ въ тѣхъ дворахъ, гдѣ ихъ мало, взявъ оттуда, гдѣ оказывается излишекъ; если же сдѣлать это будетъ неудобно, то нужно произвести надѣлъ землями пропорціонально рабочей силѣ каждаго двора. Двое лучшихъ земледѣльцевъ или староста должны наблюдать за крестьянами и представлять свѣдѣнія о состояніи хозяйства уѣздному коммисару, который, кромѣ того, самъ объѣзжаетъ свой уѣздъ и о результатахъ своихъ наблюденій доноситъ правительству. По истеченіи трехъ лѣтъ, правительство предпринимаетъ общую ревизію съ участіемъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ опытныхъ хозяевъ и самымъ лучшимъ крестьянамъ даруетъ свободу и право собственности, причемъ они приносятъ присягу не только императрицѣ, но также и по-

мѣщика въ томъ, что будутъ слушаться его и исполнять свои обязанности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ раздаютъ печатныя или письменныя правила о сборахъ и повинностяхъ въ пользу помѣщика, которые должны быть точно опредѣлены правительствомъ. Для составленія устава о повинностяхъ учреждается особая коммиссія изъ людей честныхъ и опытныхъ въ хозяйствѣ, которой, прибавляетъ авторъ, будетъ содѣйствовать и ландратская коллегія. Забывая, что вопросъ идетъ не объ одной Лифляндіи, составленный ею уставъ печатается на нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ языкахъ.

Тѣмъ крестьянамъ, которые не оказали особенныхъ успѣховъ въ хозяйствѣ, можно дать еще одинъ или два года срока, тѣмъ же, которые подаютъ мало надежды на усовершенствованіе, нужно дать въ помощники умнаго или опытнаго въ хозяйствѣ батрака, за котораго можно выдать въ замужество и дочь хозяина, если таковая окажется.—Итакъ авторъ, наканунѣ дарованія крестьянину свободы, предлагаетъ самымъ безцеремоннымъ образомъ распоряжаться судьбою его дѣтей.

Впрочемъ, онъ желаетъ постановить, чтобы и послѣ освобожденія сыновья хозяевъ только тогда получили право покидать свой округъ, когда въ немъ будетъ достаточно работниковъ. Извѣстно, что въ XIX вѣкѣ, при освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, это правило было примѣнено въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, т. е. всѣмъ крестьянамъ запрещено было покидать свой приходъ, а затѣмъ уѣздъ въ теченіе извѣстнаго времени.—Таково должно быть ограниченіе свободы личности. Что касается имущественныхъ правъ, то, какъ мы уже упоминали, продать землю крестьянинъ могъ не ранѣе 30-ти лѣтъ; затѣмъ авторъ совѣтуетъ избѣгать раздѣловъ земли на слишкомъ мелкія части. Всего лучше, если бы дворъ съ землею переходилъ въ наслѣдство старшему сыну, а другія дѣти удовлетворялись бы деньгами въ извѣстные сроки; если же этого нельзя сдѣлать, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, держаться того, чтобы дворъ дѣлился не болѣе, какъ на три части ¹).

Весьма выгодное отличіе разсматриваемаго мнѣнія отъ предшествующаго заключается въ томъ, что авторъ не оказывается такимъ врагомъ общинныхъ порядковъ: онъ не только совѣтуетъ, чтобы крестьяне имѣли общинныхъ пастуховъ для скота и птицъ, но даже предлагаетъ этимъ земледѣльцамъ выгоны и лѣса въ общинное пользованіе, причемъ, однако

—

¹) На [illegible] XVIII в. [illegible] и Hennemeister. Ueber die ehemalige Bedeutung [illegible] Hübens Neue Jahrbücher der Landwirthsch. Bd. III, S. 20. О [illegible] Самарина. Окраины Россіи, вып. VI, 3—6.

же. Дровяной лѣсъ они должны брать не иначе, какъ съ согласія помѣщика, а строевой даже покупать у него [1]).

Въ пользу господина, авторъ предоставляетъ, кромѣ доходовъ съ суда, содержаніе шинковъ, вареніе пива, куреніе вина и сборы за мѣста, на которыхъ поселятся ремесленники. Авторъ не безъ основанія надѣется, что при такомъ устройствѣ доходы помѣщика будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться, но онъ полагаетъ, что и благосостояніе крестьянъ сильно возрастетъ. Весьма вѣроятно, что хозяева дворовъ дѣйствительно могли бы разбогатѣть, если бы правительство установило умѣренные сборы и повинности, но это благосостояніе было бы основано на трудѣ батраковъ, объ устройствѣ участи которыхъ авторъ и не подумалъ. Право каждаго на поземельный надѣлъ — понятіе, недоступное для остзейскаго автора. Для него все таки усовершенствованіе земледѣлія важнѣе улучшенія быта земледѣльцевъ, и потому-то онъ заботится, чтобы крестьянскія хозяйства переходили по возможности нераздѣльно къ старшему сыну.

Оканчивая разборъ нѣмецкихъ отвѣтовъ, мы должны замѣтить, что нѣтъ еще большого несчастія въ томъ, что ихъ авторы совѣтуютъ дать крестьянамъ неполную собственность на землю, а только непрерывное пользованіе ею за извѣстныя повинности: крестьянинъ нашъ до послѣдняго времени не зналъ полной собственности на землю, да и теперь это

[1] [illegible] зависимость отъ помѣщика.

понятіе для него довольно чуждо. Но бѣда въ томъ, что осуществленіе ихъ проэктовъ влекло за собою ломку общиннаго землевладѣнія, насильственное устройство дворовъ, въ родѣ того, какъ это предлагалъ Елагинъ, и установленіе вотчинной юрисдикціи; къ тому же всѣ эти проэкты проникнуты духомъ крайней регламентаціи. Любопытно, что изъ 3-хъ лифляндскихъ отвѣтовъ получило accessit именно то сочиненіе (фонъ Мека), которое менѣе всего пропитано остзейскими тенденціями, а трудъ подъ № 80 вовсе не попалъ въ число конкурентныхъ, несмотря на то, что онъ не лишенъ нѣкоторыхъ достоинствъ.

Самое интересное для насъ сочиненіе изъ всѣхъ отвѣтовъ на задачу вольнаго экономическаго общества принадлежитъ А. Я. Полѣнову, который 4 года (1762—66) провелъ за границей, посѣщая лекціи по юридическому факультету въ Страсбургѣ и подъ конецъ, весьма непродолжительное время, въ Геттингенѣ. Прослушавъ всевозможныя юридическія науки, а также лекціи по исторіи Германіи, Полѣновъ долго стремился къ тому, чтобы изучить феодальное право; это доказываетъ, что уже въ то время онъ интересовался крестьянскимъ вопросомъ. Но въ Страсбургѣ это ему не удалось, и только въ Геттингенѣ, немедленно по пріѣздѣ, онъ сталъ слушать лекціи по этому предмету. Полѣновъ погружался не въ одни тонкости римскаго права и германской казуистики, а интересовался также русскою исторіею и русскимъ законодательствомъ. Онъ писалъ между прочимъ Тауберту: „слѣдуя вашему совѣту, разбираю я (русскіе) указы и уложенія и, кромѣ безпорядка, замѣшательства, недостатка и несправедливости, ничего почти не нахожу. Я примѣтилъ столь знатныя въ нашихъ правахъ погрѣшности, что оныя могутъ иногда нанести великій вредъ и государю, и народу“. Это не значитъ, однако, чтобы Полѣновъ желалъ цѣликомъ перенести къ намъ западно-европейскія учрежденія и законы. Онъ вовсе не увлекался стройностію и законченностію римскаго права и совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ мнѣніи о крестьянскомъ вопросѣ: „Всякое государство имѣетъ свое особенное составленіе, погрѣшности и превосходства; и для того почти никогда не случается, чтобы законы и учрежденія такого государства можно было съ пользою приложить къ другому. Введеніе римскихъ правъ во многихъ европейскихъ государствахъ походитъ на чудовище, и мы слышимъ ежедневныя жалобы“.

Вотъ этотъ-то прекрасно образованный молодой человѣкъ, возвратившись въ Петербургъ въ маѣ 1767 г., къ началу февраля слѣдующаго года представляетъ въ экономическое общество свой отвѣтъ на поставленную задачу. Намъ уже извѣстенъ отзывъ объ его трудѣ въ коммиссіи, избранной обществомъ: ему повредили „надъ мѣру сильныя выраженія“, употребленныя имъ въ защиту дѣла, въ правотѣ котораго онъ былъ глубоко убѣжденъ; они показались „по здѣшнему состоянію неприличными“. Когда Полѣнову передали требованіе, чтобы онъ смягчилъ свое сочине-

ніе, онъ рѣшился этому подчиниться, и, къ счастію, въ архивѣ общества сохранилась эта новая редакція его труда. Она интересна для насъ не столько сама по себѣ (прежняя редакція, напечатанная въ 1865 г. внукомъ автора, покойнымъ Д. В. Полѣновымъ, гораздо полнѣе), сколько по сравненію съ этою послѣднею: сопоставивъ ихъ между собою, мы можемъ съ точностію опредѣлить, что казалось тогда слишкомъ смѣлымъ даже для нашего *вольнаго* общества. Однако, и смягченіе не помогло: трудъ Полѣнова все-таки не былъ тогда напечатанъ. Автору назначена была только, наравнѣ съ фонъ-Мекомъ, медаль въ 12 червонцевъ, которую онъ и принялъ въ засѣданіи 22-го октября 1768 г., „съ засвидѣтельствованіемъ всему собранію искренней своей благодарности за оказанное ему одобреніе“, какъ сказано въ журналѣ общества.

Познакомившись съ сочиненіемъ Полѣнова, мы не удивимся, что оно не было напечатано обществомъ, большинство котораго считало опасными даже фразы Беарде. Но намъ кажется крайне страннымъ другое. Императрица предложила экономическому обществу задачу по крестьянскому вопросу несомнѣнно для того, чтобы научнымъ путемъ уяснить для себя и для всего высшаго сословія наиболѣе подходящее рѣшеніе этого вопроса: поэтому она не могла не ознакомиться съ сочиненіемъ Полѣнова, о которомъ она, конечно, узнала, такъ какъ авторъ его получилъ медаль и потому, что въ разбиравшей его коммисіи участвовалъ Таубертъ, библіотекарь императрицы, который весьма благосклонно относился къ Полѣнову. Если же она познакомилась съ его трудомъ (а не прочесть его было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ), то удивительно, что она не только не повліяла на избраніе его въ академію (не болѣе „вольную“, конечно, чѣмъ экономическое общество) [1], но и не съумѣла употребить его способности съ большею пользою. Даже Таубертъ понималъ, что знанія Полѣнова должны были пригодиться, и писалъ ему за-границу, что онъ можетъ современемъ участвовать въ великомъ дѣлѣ, предпринятомъ государынею,—составленіи новыхъ законовъ. Но для Полѣнова не нашлось дѣла ни въ академіи, ни въ коммисіи для сочиненія новаго уложенія [2], и даже впослѣдствіи при Екатеринѣ онъ долженъ былъ тянуть чиновничью лямку секретаря, а потомъ оберъ-секретаря при сенатѣ и только въ 17[illegible] г. призванъ на службу въ коммисію о составленіи законовъ россійской имперіи [3]).

[1]) [illegible]

[2]) [illegible] XVII.

[3]) [illegible] Д. В. Полѣновымъ, напечатаны въ „Русс. Арх.“ 1865 г., стр. 445—470, 703—736.

Указавъ въ самомъ началѣ своего труда на то, что наши крестьяне „въ своемъ имѣніи не вольны“ или, какъ онъ выразился въ смягченной редакціи: „владѣніе ихъ надъ имѣніемъ не имѣетъ твердыхъ основаній“, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію важныхъ преимуществъ собственности. Онъ полагаетъ, что „собственность въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи“ составляетъ единственный способъ „къ ободренію и поправленію крестьянства, *которое, впрочемъ, лишено всѣхъ съ правами общества соединенныхъ выгодъ и преимуществъ*“ [1]. Крестьянинъ-собственникъ лучше обработываетъ землю, поэтому онъ зажиточнѣе и охотнѣе вступаетъ въ бракъ, подати будутъ поступать исправнѣе и вообще будутъ возрастать государственные доходы. Напротивъ того, лишеніе правъ собственности производитъ самыя печальныя послѣдствія: такіе люди дѣлаются совершенно нерадивыми, дурно ѣдятъ и одѣваются, ихъ жизнь непродолжительна, а слѣдовательно народонаселеніе мало увеличивается. Наконецъ, «*по сей причинѣ*», говоритъ авторъ, «*многіе славные люди утверждаютъ, что конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно*», и затѣмъ указываетъ на возстаніе илотовъ, на рабскую войну въ Италіи, которая принесла большой вредъ римскому государству и, наконецъ, Польша во время казацкихъ возстаній „великій уронъ отъ крестьянъ притѣсненныхъ претерпѣла“ (всѣхъ этихъ примѣровъ нѣтъ въ смягченной редакціи). Происхожденіе рабства, по мнѣнію автора, можно объяснить только „насильственнымъ дѣйствіемъ войны“, такъ какъ совершенно противно естественному стремленію къ свободѣ, чтобы люди добровольно *подвергали бы себя столь жестокому жребію*. Результаты „жестокаго права войны“ сохранились еще до сихъ поръ, говоритъ авторъ, и затѣмъ переходитъ къ описанію положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Ихъ „бѣдственное состояніе на такой степень взошло, что они, лишившись всѣхъ почти, такъ сказать, приличныхъ человѣку качествъ, не могутъ уже видѣть величину своего несчастія и кажутся быть отягчены вѣчнымъ сномъ... Я не нахожу бѣднѣйшихъ людей“, продолжаетъ авторъ, „какъ нашихъ крестьянъ, которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства, отъ чего неотмѣнно должны они опуститься и придти въ сіе преисполненное бѣдствій, какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего общества, состояніе, въ которомъ мы ихъ теперь дѣйствительно видимъ“. Но большинство современниковъ было глухо къ такимъ доводамъ, и Полѣнову пришлось въ смягченной редакціи исключить всю эту тираду въ защиту крестьянъ, приведенную нами въ извлеченіи. Исключено и слѣ-

---

[1] Мѣстъ, напечатанныхъ курсивомъ, нѣтъ въ смягченной редакціи.

дующее мѣсто: „наши крестьяне печальнымъ своимъ примѣромъ могутъ доказать, сколь пагубно конечное угнетеніе людей. И такъ, прежде всего должно помышлять, чтобы для славы народа и пользы общества вывесть производимый человѣческою кровью безчестный торгъ" [1].

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію предлагаемыхъ имъ средствъ для улучшенія быта крестьянъ и прежде всего говоритъ „о учрежденіи крестьянскаго воспитанія". Напрасно нѣкоторые думаютъ, что лучшее средство удержать крестьянина отъ пороковъ состоитъ въ „строгости *принужденія и казняхъ*"; гораздо дѣйствительнѣе путь воспитание, которое можетъ „преобразить всякаго человѣка, *какого бы состоянія онъ ни былъ*". Для этого авторъ совѣтуетъ вездѣ учредить школы, обязать крестьянъ зимою посылать туда дѣтей, начиная съ десятилѣтняго возраста, издать книги для обученія и чтенія и поручить преподаваніе священникамъ и дьячкамъ. Онъ желаетъ также, чтобы въ деревняхъ завели лекарей и обученныхъ повивальныхъ бабокъ.

Переходя къ разсмотрѣнію того, какимъ имѣніемъ должны владѣть крестьяне и начиная съ недвижимой собственности, авторъ въ высшей степени разумно предостерегаетъ отъ слѣпого подражанія западу въ этомъ отношеніи, несмотря на то, что ему, какъ человѣку, получившему тамъ высшее образованіе, было бы весьма легко сдѣлаться безусловнымъ западникомъ. „Примѣры съ другихъ брать здѣсь не нужно", говоритъ онъ, „но единственно должно утверждаться на здравомъ разсужденіи и на правилахъ человѣколюбія, не упуская притомъ никогда изъ глазъ общенародную пользу", и указываетъ на вредъ отъ введенія въ западной Европѣ римскаго права. (Все это исключено въ неизданной редакціи). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, Полѣновъ не вполнѣ избѣжалъ того недостатка, отъ котораго считалъ необходимымъ предостерегать.

Онъ требуетъ, чтобы крестьянину было предоставлено довольно земли для хлѣбопашества и скотоводства [2], и чтобы она находилась въ его наслѣдственномъ владѣніи: помѣщикъ не можетъ отнять ея до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ будетъ исправно отбывать повинности, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ передать ее другому, но не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла въ сутѣ. Далѣе Полѣновъ предлагаетъ чтобы крестьянину

---

[1] [illegible] „Мы [illegible] человѣкомъ и [illegible] *[illegible]* [illegible] исключеннаго мѣста.

[2] [illegible] Полѣновъ [illegible] крестьянина въ большую зависимость отъ господина.

не только не дозволялось продавать, дарить и закладывать свой участокъ, но даже и раздѣлять его между нѣсколькими дѣтьми; по смерти отца имъ непремѣнно долженъ владѣть одинъ изъ сыновей. Послѣднее совершенно противорѣчитъ русскимъ народнымъ обычаямъ, и Полѣновъ сдѣлалъ это предложеніе, очевидно, подъ вліяніемъ западныхъ идей, хотя отъ этого его могла бы предостеречь неудачная попытка Петра Великаго ввести у насъ майораты. Точно также вліяніе западныхъ ученій сказывается въ предложеніи наивныхъ средствъ для поощренія браковъ въ родѣ того, „чтобы женатымъ имѣть предсѣданіе предъ холостыми". Гораздо важнѣе и полезнѣе то, что онъ требуетъ ограниченія продажи крѣпостныхъ. Онъ предлагаетъ: „торгъ людьми по одиночкѣ вовсе запретить, и ни мало не смотрѣть, какія бы кто ни представлялъ причины; довольно, что благосостояніе общества того требуетъ, и собственная малаго числа людей польза, ежели можно то назвать пользою, что къ собственному ихъ вреду клонится, не должна быть принимаема въ разсужденіе". Онъ не соглашается и на продажу цѣлыми семьями, а желаетъ, чтобы крестьянъ вовсе не продавали безъ земли: „я не разумѣю здѣсь", продолжаетъ онъ, „конечное запрещеніе, но кто намѣренъ продавать, тотъ долженъ продавать все вмѣстѣ, и землю, и людей, а не разлучать родителей съ дѣтьми, братьевъ съ сестрами, сродниковъ со сродниками; ибо, умалчивая о прочихъ несходствахъ, отъ продажи порознь переводится сильно народъ и земледѣліе приходитъ въ великій упадокъ" [1].

Предлагая дать крестьянамъ землю въ наслѣдственное владѣніе, авторъ считаетъ точно также необходимымъ оградить право собственности ихъ и на движимое имѣніе, состоящее преимущественно въ хлѣбѣ и скотѣ. Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что первоначальная ссуда этими предметами отъ помѣщика не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы все движимое имущество крестьянина вѣчно считалось собственностію помѣщика. „Положимъ", говоритъ Полѣновъ, „что на первый разъ получаютъ они всѣ сіи вещи отъ щедрости другихъ... однакожъ, изъ сего не слѣдуетъ, что благодѣтели ихъ, по причинѣ сей щедрости... могли себѣ присвоить полное право надъ нажитымъ ихъ трудами имѣніемъ, довольно, ежели крестьянинъ въ знакъ своей благодарности платитъ ежегодно своему господину уложенную долю, что̀ исчисливъ, безконечно больше стоитъ, нежели что ему дано; и такъ, напослѣдокъ, не крестьянинъ но господинъ остается должникомъ и вслѣдствіе сего при несчастіи обязанъ онъ помогать крестьянину" [2]. Правосудіе должно защищать право собственности крестьянъ на движимое имущество. „Напротивъ ежели господину оставлена будетъ надъ какимъ-нибудь родомъ

[1]) Привожу это мѣсто изъ неизданной редакціи.
[2]) Всего этого мѣста нѣтъ въ неизданной, смягченной редакціи.

крестьянскаго имѣнія полная власть, то крестьянство никогда не можетъ подняться; опасность конечнаго разоренія воспретитъ ему искать въ судѣ помощи. и служа жертвою безпрестаннымъ гоненіямъ и истязаніямъ, всегда будетъ находиться въ упадкѣ".

Передача земли крестьянамъ въ наслѣдственное пользованіе связывалась, по проэкту Полѣнова, съ точнымъ опредѣленіемъ размѣра сборовъ и повинностей. къ сожалѣнію, онъ говоритъ нераздѣльно о сборахъ въ пользу землевладѣльца и о государственныхъ податяхъ, и потому это мѣсто не совершенно ясно. Въ неизданной редакціи онъ предлагаетъ, для того. чтобы принудить крестьянъ усерднѣе заниматься земледѣліемъ, собирать подати и сборы въ пользу помѣщика хлѣбомъ или по оцѣнкѣ деньгами, смотря потому, насколько положеніе каждой провинціи удобно для сбыта ея произведеній. „Количество собираемыхъ натурою податей не должно быть такъ увеличено. чтобы крестьянамъ приходить отъ того въ бѣдность. но уставить десятую или другую какую часть со всѣхъ отъ земледѣлія происходящихъ плодовъ". Другими словами, авторъ требуетъ, чтобы, какъ въ пользу государства, такъ и на помѣщика собирался опредѣленный процентъ съ валового сбора земледѣльческихъ продуктовъ. не ясно только, должна ли взиматься съ крестьянина всего на все одна десятая часть сбора, или по стольку онъ долженъ давать отдѣльно и помѣщику, и казнѣ. Относительно землевладѣльца этимъ не ограничиваются обязанности крестьянина: Полѣновъ предлагаетъ возложить на него еще небольшую барщину напримѣръ, по одному дню въ недѣлю. Отпускать крестьянъ на оброкъ онъ считаетъ вообще вреднымъ и потому совѣтуетъ отъ этого удерживаться. Точное опредѣленіе повинностей въ пользу помѣщиковъ необходимо „для прекращенія грабительствъ и разореній": это „не мало защитить крестьянъ отъ наглостей ихъ помѣщиковъ, которые ихъ безъ всякой пощады и милосердія мучаютъ, отнимая все то. что имъ на глаза попадется и чрезъ то приводятъ въ несказанную бѣдность. отъ которой они никогда не въ состояніи избавиться". Нечего и прибавлять, что это мѣсто исключено въ смягченной редакціи.

Полѣновъ не оставилъ безъ разсмотрѣнія и вопроса о сельскомъ судѣ. Въ подробной редакціи онъ предлагаетъ. чтобъ этотъ судъ состоялъ изъ старосты и еще трехъ или четырехъ человѣкъ. которые всѣ должны быть избраны крестьянами и утверждены помѣщиками: они должны разбирать словесныя обиды, драки. небольшія тяжбы и проч. Болѣе важныя ссоры между ними, а также несогласія ихъ съ господиномъ подлежатъ вѣдѣнію высшихъ крестьянскихъ судовъ, во главѣ которыхъ должны стоять люди, хорошо знающіе законы, а для апелляціи на нихъ слѣдуетъ учредить земскіе суды изъ окружныхъ дворянъ. гдѣ, въ качествѣ юрисконсультовъ, засѣдаютъ и опытные законовѣды. Дѣла уголовныя должны быть изъяты изъ вѣдѣнія всѣхъ этихъ судовъ. Въ неизданной редакціи весь отдѣлъ

о судѣ изложенъ нѣсколько иначе. Выборные изъ крестьянъ судьи рѣшаютъ дѣло и опредѣляютъ наказаніе уже послѣ того, какъ оно разобрано самимъ помѣщикомъ или управителемъ. „Въ случаѣ несносныхъ обидъ, разоренія и мучительствъ отъ безчеловѣчныхъ помѣщиковъ или ихъ управителей, быть выбранному отъ дворянства каждой провинціи земскому судьѣ, которому, объѣзжая дважды въ году, въ назначенное время, свою провинцію, разбирать и рѣшить такія дѣла, приглася ближнихъ изъ сосѣдства дворянъ не по формѣ суда, но по натуральной справедливости. О чемъ для такихъ судей сочинить краткіе наказы". Такимъ образомъ дѣла между крестьянами, и то по неизданной редакціи не вполнѣ, предоставляюсь вѣдѣнію крестьянскихъ судей; что же касается притѣсненія отъ помѣщиковъ то хотя Полѣновъ и давалъ крѣпостнымъ крестьянамъ право жаловаться на господина, но рѣшеніе по жалобамъ предоставлялъ въ концѣ концовъ мѣстнымъ дворянамъ, у которыхъ крестьянинъ, конечно, не могъ бы найти удовлетворенія.

Намъ часто приходилось жалѣть о томъ, что Полѣновъ долженъ былъ выпустить въ сокращенной редакціи самыя сильныя мѣста своего мнѣнія, но оно несомнѣнно только выиграло отъ исключенія вступительныхъ словъ къ послѣднему отдѣлу его труда, въ которомъ онъ говоритъ о предосторожностяхъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, при измѣненіи быта крестьянъ. Тутъ онъ указываетъ на опасность слишкомъ быстрой перемѣны, такъ какъ „многими примѣрами уже подтверждено, сколь далеко въ подобныхъ случаяхъ простирается неистовство подлаго народа". Все это выпущено въ сокращенной редакціи, но сущность дѣла осталась таже: Полѣновъ думаетъ, что не слѣдуетъ принуждать дворянство къ улучшенію быта крѣпостныхъ, а нужно дѣйствовать на нихъ примѣромъ, начавши реформы съ дворцовыхъ имѣній. Въ краткой же редакціи онъ, кромѣ того, предлагаетъ награждать тѣхъ дворянъ, которые введутъ у себя рекомендуемыя имъ мѣры, другими словами—откладываетъ дѣло въ долгій ящикъ. Ссылка Полѣнова на дворцовыхъ крестьянъ довольно неудачна, такъ какъ въ это время почти всѣ они были уже освобождены отъ барщины, платили умѣренный оброкъ и вообще жили гораздо лучше крѣпостныхъ, но между тѣмъ это вовсе не отзывалось благотворнымъ образомъ на положеніи помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ заключеніе упомянемъ, что Полѣновъ еще предлагалъ дозволить богатымъ крестьянамъ, подъ извѣстными условіями, записываться въ мѣщанство, заплативъ государю или господину, что будетъ назначено по закону за каждую душу, которую онъ выведетъ съ собою изъ деревни [1]).

[1]) Подробная редакція мнѣнія Полѣнова помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ", 1865 года, № 3-й. Сокращенная хранится въ Архивѣ вольн. эконом. общ., кн.: № 179 и № 148. Въ той же книгѣ находятся и другія сохранившіяся неизданныя мнѣнія, представленныя въ вольное эконом. общество.

Изъ подробнаго обзора мнѣнія Полѣнова видно, что всего болѣе оно интересно для насъ тѣми мѣрами, которыя онъ предлагаетъ для ограниченія крѣпостнаго права и тѣми „надъ мѣру сильными выраженіями", которыми онъ бичевалъ тогдашнихъ рабовладѣльцевъ. Что касается положительныхъ требованій, то ему далеко было до идей, подобныхъ тѣмъ, какія были высказаны Граслиномъ: онъ настаивалъ только на предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе. Въ его сочиненіи много весьма здравыхъ и полезныхъ мыслей, напримѣръ, о необходимости школъ, о прекращеніи продажи людей въ розницу, объ огражденіи отъ произвола помѣщика движимаго имущества крестьянина, о точномъ опредѣленіи размѣровъ его повинностей, о предоставленіи права выкупаться за опредѣленную сумму. Но въ немъ есть два важные недостатка, которые происходятъ отчасти отъ малаго знакомства автора съ русскою жизнію, отчасти вслѣдствіе подражанія западнымъ образцамъ. Первый недостатокъ заключается въ томъ, что авторъ совершенно игнорируетъ наше общинное землевладѣніе; въ то время какъ даже одинъ изъ лифляндцевъ (см. мнѣніе № 80) совѣтуетъ дать выгоны и лѣса въ общинное пользованіе крестьянъ, Полѣновъ совѣтуетъ надѣлить землю каждому двору отдѣльно и стоитъ за переходъ этого участка въ нераздѣльномъ видѣ къ одному изъ наслѣдниковъ. Другой важный недостатокъ его мнѣнія, что онъ ставилъ измѣненіе быта крестьянъ въ зависимость отъ самихъ помѣщиковъ. Если на Западѣ, при существованіи обломковъ феодальнаго права, правительству было труднѣе рѣшить крестьянскій вопросъ, то у насъ, гдѣ дворянство имѣло чисто служилое значеніе, можно было бы, послѣ того какъ обязательная служба высшаго сословія была уничтожена, требовать возведенія въ законъ мѣръ ограниченія крѣпостнаго права, предложенныхъ Полѣновымъ, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло шло не объ освобожденіи крестьянъ, а только о предоставленіи имъ земли въ наслѣдственное пользованіе. Но за этотъ недостатокъ смѣлости трудно обвинять Полѣнова: его мнѣніе показалось опаснымъ и не было напечатано даже и въ совершенно искалѣченномъ видѣ.

Въ архивѣ вольнаго экономическаго общества мы нашли еще два неизданныхъ русскихъ мнѣнія: они не только не могутъ сравниться съ сочиненіемъ Полѣнова, но и вообще принадлежатъ числу самыхъ слабыхъ отвѣтовъ на задачу вольнаго экономическаго общества.

Одинъ изъ нихъ (№ 88), составленный конюшеннымъ коммиссаромъ Саветіемъ Александровымъ, написанъ до такой степени безграмотно, что мѣстами даже трудно понять, что хочетъ сказать авторъ; на поляхъ онъ приводитъ, какъ бы въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, цитаты изъ священнаго писанія, но по большей части совершенно нейдущія къ дѣлу. Приведемъ самыя существенныя мѣста изъ этого отвѣта, но безъ соблюденія совершенно невозможной орфографіи подлинника.

На вопросъ вольнаго экономическаго общества авторъ, очевидно человѣкъ совершенно необразованный, отвѣчаетъ такимъ образомъ: „Полезно есть обществу, чтобъ крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю и съ движимымъ имѣніемъ. Ежели чего онъ исправить не въ силахъ, то нанять можетъ имѣніемъ, отчего будетъ работающимъ у него пропитаніе, самому ему впредь и съ лихвою, а обществу полезно хлѣбородіемъ. Крестьянинъ, имѣющій въ собственности землю, не имѣя движимаго имѣнія, подобенъ тому человѣку, который имѣетъ токмо одну руку, а нужда ему есть поднять изъ земли два арбуза. Каково тому человѣку, таково и крестьянину, не имѣющему движимое, ибо крестьянинъ долженъ трудиться съ весны до осени землею, а съ осени до весны скотомъ... Наипаче и безпримѣрно полезнѣе обществу имѣть крестьянину въ собственности землю съ надлежащимъ ихъ правамъ (sic), а ихъ права въ томъ состоятъ: какимъ образомъ содержать своихъ скотовъ, изготовить на нихъ до будущаго лѣта корму и справляться землею... и по собраніи плодовъ своихъ отдѣлить до будущаго лѣта сѣмена и на домашнихъ пропитаніе, а достальные продавать, гдѣ имъ способнѣе, цѣною, отъ тѣхъ заплатить подати, какъ государственныхъ, *такъ и господскія*, а что останется купить себѣ на потребу". Изъ послѣднихъ словъ видно, что, по мнѣнію автора, и послѣ дарованія крестьянину права собственности на землю онъ долженъ былъ платить „господскія подати", т. е. оброкъ землевладѣльцу, слѣдовательно подъ правомъ собственности на землю конюшенный коммиссаръ Александровъ вѣроятно разумѣлъ наслѣдственное владѣніе ею за опредѣленныя повинности. Далѣе авторъ указываетъ на вредъ для общества отъ такихъ отхожихъ промысловъ, гдѣ крестьянинъ покидаетъ свою землю безъ обработки; а затѣмъ, упомянувъ о томъ, какъ важно производство достаточнаго количества хлѣба, продолжаетъ: „Егда же пища столь нужна, (и оная происходитъ изъ земли чрезъ труды крестьянъ), полезно обществу имѣть крестьянину въ собственности землю, а движимое ихъ имѣніе только лошади, коровы, овцы и прочіе подобнымъ симъ да будутъ, яко храбрые воины, добре вооружены. Крестьянинъ безъ оныхъ ни себѣ, ни обществу полезнымъ быть не можетъ"... Очевидно, что авторъ былъ вовсе не подготовленъ для рѣшенія того вопроса, о которомъ взялся разсуждать [1].

Другое мнѣніе (№ 23) написано немногимъ грамотнѣе предыдущаго, но разница между ними та, что авторъ его относится весьма несочувственно къ нашему сельскому населенію. „Крестьяне наши", говоритъ онъ, „сколько отягощены и утороплены, столь больше лѣнивы, упорны, нерадѣтельны, злобны, наклонны къ обману и воровству, а единственно по присловицѣ исполняютъ: питье съ ношу, а хлѣба съ душу, затѣмъ что излишнее пропьютъ, а о размноженіи хлѣбопашества попеченія не имѣютъ"...

[1]) Арх. Вольн. Экон. Общ. кн. № 23, л. 88—90.

Сравнивъ эти слова съ мнѣніемъ депутата въ коммиссіи уложенія отъ верейскаго дворянства, Степанова ¹), мы убѣждаемся, что разсматриваемое мнѣніе написано этимъ послѣднимъ. Вопросъ, заданный вольнымъ экономическимъ обществомъ, онъ рѣшаетъ такимъ образомъ: „По разнымъ примѣчаніямъ въ разсужденіи нашихъ крестьянъ, почитаю для нихъ какъ движимое и недвижимое *подъ присмотромъ* необходимо потребно, а *въ вольности* обѣ вещи дѣлаютъ вредъ... Ежели дать имъ землю, оставить на ихъ произволъ, то на повѣрку вышло по точнымъ свѣдѣніямъ о правахъ крестьянъ, о ихъ лѣности, незнаніи своей должности и лучшаго хлѣбопашества, дѣйствительно въ ономъ будетъ упадокъ и самая скудость въ хлѣбѣ. Ежели оставить крестьянъ при движимомъ и дать вольность, то самая столица останется пуста, и уйдутъ всѣ, гдѣ хлѣбъ легче промышлять, а заведенные отъ владѣльцевъ сады, пруды и всякіе заводы чрезъ многіе годы въ честь и пользу отечества останутся въ пустѣ, а болѣе умножится воровства и разбоевъ, которыхъ и прекратить будетъ не можно“.. Свое мнѣніе авторъ основываетъ на томъ будто бы положеніе монастырскихъ крестьянъ послѣ секуляризаціи значительно ухудшилось: они стали гораздо менѣе заниматься хлѣбопашествомъ ²), много времени проводить въ праздности, бѣдные попали въ кабалу къ зажиточнымъ. Это въ большемъ размѣрѣ должно было быть до секуляризаціи, такъ какъ тогда повинности были тяжелѣе. Тоже было бы и съ освобожденіемъ владѣльческихъ крестьянъ. „Довольно обществу доказано“, говоритъ далѣе авторъ, „какого духа наши крестьяне, и что они ни того, ни другаго“ (т. е. ни движимой, ни недвижимой собственности) „имѣть не должны, но по крайней мѣрѣ ежели тому необходимо быть должно, то крестьянамъ принадлежитъ недвижимое, для того, что они хотя останутся безъ пользы, но при своихъ домахъ.... состоять будутъ подъ присмотромъ правителей и меньше явныхъ разбоевъ, а другимъ не столько вреда сдѣлаютъ“. Такимъ образомъ авторъ рѣшительный противникъ освобожденія, но въ случаѣ освобожденія считаетъ невозможнымъ оставить крестьянина безъ земли ³).

Былъ изданъ (въ 1859 г.), хотя и не совсѣмъ исправно, еще одинъ русскій отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества съ девизомъ „халъ бѣхъ въ братіи моей“ ⁴). Въ спискѣ отвѣтовъ, полученныхъ обществомъ, нѣтъ ни одного русскаго сочиненія съ такимъ девизомъ, хотя, какъ оказывается, оно дѣйствительно было получено обществомъ ⁵). Мы пола-

¹) См. „Сбор. Историч. Общ.“ IV, 76.

²) Мы имѣли случай доказать, что это неправильно, въ статьѣ „Крестьяне [illegible]“ („Русск. Мысль“ 1881 № 10 стр. 128—131, 147—152).

³) Арх. Вольн. Экон. Общ. впз. № 23 л. 63—65.

⁴) „Журналъ [illegible]“ 1859 г. № 20, Смѣсь, стр. 58 [illegible] напечатанъ въ „Русск. Арх.“ 1870 г. стр. 289—291.

⁵) Оно хранится въ Арх. Вольн. Экон. Общ. кн. 22, л. 29—30.

гаемъ, что это сочиненіе нельзя считать серьезнымъ мнѣніемъ, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ нашихъ изслѣдователей [1], и думаемъ, что это ничто иное какъ шутка, которая могла исходить, напримѣръ, изъ тѣхъ литературныхъ кружковъ, которые въ это время начинали издавать различные сатирическіе журналы, имѣвшіе цѣлью осмѣять мнѣнія крѣпостниковъ; это, быть можетъ, нѣчто подобное письмамъ разныхъ дикихъ помѣщиковъ и современныхъ недорослей, какія мы находимъ въ „Трутнѣ“, „Живописцѣ“ и т. п. По причинѣ очевидно шуточнаго значенія этой статейки она и не могла быть занесена въ списокъ отвѣтовъ.

По нашему мнѣнію, шуточный характеръ этого сочиненія вполнѣ подтверждается его слогомъ [2]. „Штиль мой, т. е. композиція“, пишетъ авторъ, „не очень исправенъ, *ортографіи въ оному композическомъ штилѣ не имѣется*; того для прошу смотрѣть на мое мнѣніе, а не на композицію, *понеже я человѣкъ неграмотикальный* и *никакихъ исторій и сего рода не читываю*“. Развѣ не очевидно, что это шутка? Развѣ могъ такъ писать необразованный помѣщикъ изъ какой нибудь глуши?—Такимъ же шуточнымъ характеромъ отличается и дальнѣйшее изложеніе: упоминаніе о томъ, что „за моремъ, у неправославныхъ христіянъ, *за грѣхи* ихъ“ слишкомъ мало земли; что помѣщики обучаютъ своихъ холоповъ „*камординерству*“ (камердинерству), что наши попы не только не увѣщеваютъ крестьянъ, но „нерѣдко сами съ ними пьянствуютъ, воруютъ и ходятъ на разбой“, что нашимъ крестьянамъ можно быть на заморскомъ основаніи, когда наши дворяне будутъ „такіе *остарономы* (sic) всѣ, какъ англійскіе и французскіе“ и т. п.

Если взглянуть на это сочиненіе, какъ на сатирическое изображеніе мнѣній крѣпостниковъ, то нельзя не сказать, что оно написано весьма искусно. Упоминаніе въ самомъ началѣ о томъ, что всѣ земли принадлежать помѣщикамъ, такъ какъ куплены ими или получены въ пожалованіе, представляетъ прямое воспроизведеніе главнаго мотива протеста Сумарокова, присланнаго въ вольное экономическое общество. Указаніе на то, что движимаго имущества помѣщики у крестьянъ не отнимаютъ, а въ случаѣ скудости даже и прокармливаютъ ихъ, чего съ освобожденіемъ крестьянъ дѣлать не стали бы („ибо на что давать кормъ чужому коню?“), что съ измѣненіемъ быта крестьянъ они начнутъ бродить по всему государству, что помѣщикамъ придется вести съ ними вѣчныя тяжбы, постоянно будутъ встрѣчаться намъ въ мнѣніяхъ депутатовъ-крѣпостниковъ въ коммиссіи для составленія новаго уложенія. Опасеніе, что „ежели бы поселяне по-заморскому отъ господъ не зависѣли, такъ бы у иного по-

---

[1] *Романовичъ-Славатинскій*. „Мат. для ист. [illegible]“, 371—[illegible].

[2] Приводимъ цитаты по подлинной рукописи вольнаго экономическаго общества, но безъ соблюденія орѳографіи.

мѣщика не кому было и студень искрошить, а не только сдѣлать какой фракасей, т. е. подливки, или супа, т. е. похлебки, или паштета т. е. пирога", было лишь нѣсколько каррикатурнымъ выраженіемъ мнѣнія, раздѣляемаго всѣми крѣпостниками, съ тѣмъ только различіемъ, что изъ нихъ люди дѣйствительно „неграмотикальные" едва ли вкушали разные паштеты; упоминаніе о которыхъ выдаетъ въ авторѣ если не человѣка высшаго круга, то во всякомъ случаѣ цивилизованнаго жителя столицъ. Крѣпостническія тенденціи такъ вѣрно изображены авторомъ его статейка на столько напоминаетъ мнѣнія защитниковъ крѣпостнаго права въ коммиссіи уложенія, что быть можетъ оно было написано по поводу преній въ законодательной коммиссіи, возбужденныхъ мнѣніемъ Коробьина 5 мая 1768 г. Съ этимъ согласно и заявленіе автора, что онъ опоздалъ отвѣтомъ, такъ какъ былъ боленъ весь годъ лихорадкой; слѣдовательно статейка эта была написана въ 1768 г. послѣ срока, который почти совпадаетъ съ началомъ этихъ преній. Быть можетъ это сочиненіе—именно сатира на крѣпостническія мнѣнія большинства ораторовъ изъ дворянъ по крестьянскому вопросу.

Возможно впрочемъ и другое предположеніе: такая шуточная статейка могла быть написана и противникомъ освобожденія крестьянъ, который лишь въ шутливой формѣ хотѣлъ провести симпатичныя ему мысли; такъ напр. такая статейка могла быть написана Сумароковымъ; она даже приписана ему въ одномъ рукописномъ сборникѣ [1]. Но какъ бы то ни было, мы убѣждены въ томъ, что это не мнѣніе человѣка необразованнаго, а лишь поддѣлка подъ него [2].

Въ 1768 г., какъ только что было упомянуто, вольное экономическое общество объявило премію за составленіе наказа управителя. Первымъ отозвавшимся на это приглашеніе, былъ извѣстный намъ пасторъ Эйзенъ, который воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы развить свои взгляды на крестьянскій вопросъ. Къ сожалѣнію, его трудъ не сохранился и со-

[1]) Рус. Арх. 1870 г., стр. 291.

[2]) Что вольное экономическое общество получало иногда другіе отвѣты, доказываетъ слѣдующій фактъ. Когда въ 1768 г. оно задало задачу составить „краткое [illegible] наказъ для деревенскаго управителя о порядочномъ содержаніи и хозяйствѣ [illegible]", то на слѣдующій годъ былъ полученъ отвѣтъ, о которомъ [illegible] членъ общества Тауберъ, далъ слѣдующій отзывъ: „Сочинитель [illegible] [illegible] (Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. № [illegible]). [illegible] нѣмецъ Кнохе изъ Риги. (Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. № 87).

держаніе его намъ извѣстно лишь въ изложеніи Тауберта, который долженъ былъ дать о немъ отзывъ по порученію общества. „Сочинитель сей піэсы“, говоритъ Таубертъ, „бывшій въ Россіи управителемъ пасторъ Эйзенъ“, самъ признаетъ, „что сочиненіе его, яко несоотвѣтствующее задачѣ, въ конкурсъ войти не можетъ; а какъ главный его предметъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать пользу отъ даваемой крестьянамъ вольности, то онъ при самомъ вступленіи выхваляетъ преимущества тѣхъ деревень, гдѣ крестьяне не крѣпостные, но вольные приводя между прочимъ въ доказательство и то, что въ последнемъ случаѣ и отъ управителя не столько требуется труда, знанія и искуства“. Въ первой части своего труда авторъ совѣтуетъ устроить имѣніе такимъ образомъ: „1) чтобъ помѣщикъ, сократя собственную свою экономію, прибавилъ крестьянамъ земли и отдалъ бы оную имъ въ собственность; 2) чтобъ надъ ними опредѣлилъ особливыхъ судей изъ ихъ собратьевъ для расправы во всякихъ дѣлахъ; 3) чтобъ собираемые съ нихъ всякія подати единожды навсегда учреждены были на твердомъ и непоколебимомъ впредь основаніи“. Въ заключеніе своего труда авторъ старался „нынѣшнюю сельскую экономію“ привести „въ согласіе съ даваемою крестьянамъ вольностію“ [1]).

Въ трудахъ вольнаго экономическаго общества были напечатаны одобренныя наставленія приказчикамъ. Подробный разборъ ихъ не входитъ въ нашу задачу, и мы отмѣтимъ въ нихъ лишь нѣкоторыя черты. Такъ нѣкто Удоловъ въ своемъ „Наставленіи“ совѣтуетъ устроить искуственнымъ образомъ тягла по 6 муж. и 6 женщ. въ каждомъ, ввести вмѣсто общиннаго землевладѣнія подворное и назначить опредѣленное число земли на каждое тягло и извѣстный размѣръ барщины [2]). Авторъ другой статьи („Практическія примѣчанія... для учрежденія тѣхъ вотчинъ, въ которыхъ помѣщики не имѣютъ времени за службою сами экономіею управлять...“) также совѣтуетъ установить опредѣленное число душъ въ тяглѣ, размѣръ надѣла на каждое тягло и отбываемыхъ имъ повинностей, раздѣлить населеніе вотчины на крестьянъ и бобылей, уничтожить передѣлы земли [3]). Наконецъ въ статьѣ „О поправленіи деревень“, написанной, какъ видно изъ протоколовъ общества, барономъ Зальца, мы находимъ принципы, сходные съ тѣми, которые проводились въ только что указанныхъ статьяхъ. Вообще вольное экономическое общество въ это время при посредствѣ своихъ „Трудовъ“ усердно пропагандировало въ русскомъ обществѣ остзейскія поземельныя отношенія, но къ счастію эта проповѣдь не имѣла замѣтныхъ результатовъ. Изъ статьи бар. Зальца мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить слѣдующее мѣсто „Крестьянинъ долженъ быть безопаснымъ въ собственности своего имѣнія, дабы будучи

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. № 90, л. 146.
[2]) Труды Вольн. Эконом. Общ. 1769 г. ч. XI, 35—36, 39, 53—55.
[3]) Ibid. ч. XV, 1770 г., стр, 167—171.

исправенъ въ господской работѣ и въ платежѣ своихъ податей не могъ опасаться новыхъ налоговъ.... Ничего человѣчеству столь несносно, какъ всегдашняя неволя, зависящая отъ произволенія единаго только человѣка и неограниченная предписаніемъ какого-нибудь права. Происходящій отъ того ущербъ почти столь же великъ, каковъ бы воспослѣдовать могъ отъ совершеннаго неимѣнія законовъ“... [1]). Бѣда только въ томъ, что введеніе порядковъ, предлагаемыхъ авторами въ родѣ баронѣ Зальца, не только не улучшило бы, а напротивъ, сдѣлало бы болѣе тяжелымъ положеніе огромнаго большинства нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1772 г. членъ общества, гр. Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ предложилъ объявить задачу о назначеніи необходимаго количества земли на одного тяглового мужика и о *томъ, сколько онъ долженъ работать дней въ недѣлю на помѣщика*, но общество по баллотировкѣ рѣшило этой задачи не задавать, очевидно не желая затрогивать помѣщичьей власти [2]).

Въ „Трудахъ вольнаго экономическаго общества“ появлялись иногда и рѣзко крѣпостническія заявленія по крестьянскому вопросу. Такъ, авторъ статьи объ управленіи помѣщичьими вотчинами въ отсутствіе господина, между прочимъ, говоритъ: „Прежде всего надлежитъ стараться, чтобъ земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для одной только собственной своей пользы упражняются въ земледѣліи...., но тѣмъ обязаны служить, во первыхъ, государю, потомъ помѣщику и всему обществу и быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ“ [3]). Членъ общества фонъ-Клингштетъ въ статьѣ „Изъясненіе вопроса: невозможно-ли изобрѣсть средства, способныя къ поощренію земледѣльцевъ, къ вящему трудолюбію и къ уменьшенію лѣности, въ большей части оныхъ вкоренившейся“, между прочимъ говоритъ: „Вольность и собственное владѣніе имѣніемъ своимъ должно, безъ сомнѣнія, почитать наисильнѣйшимъ поощреніемъ человѣческаго трудолюбія. Но когда въ самое то жъ время взирать на бѣдственное состояніе столь многихъ чухонскихъ и украинскихъ жителей, хотя они и всѣ люди вольные, то признаться должно, что вольность тѣмъ людямъ, которые ею по надлежащему не умѣютъ пользоваться, больше бываетъ вредною, нежели полезною, и что одна только вольность не въ силахъ препятствовать лѣности и предупреждать происходящую отъ ней бѣдность“ [4]). Но консервативныя мнѣнія въ печати по крестьянскому вопросу были, въ первую половину царствованія императрицы Екатерины, рѣдкимъ исключеніемъ.

---

[1]) „Труды Вольн. [illegible] Общ.“ 1771 г. ч. XVII, [illegible] 155; журналы общества (въ Архивѣ) 1771 г. № 8, л. 17

[2]) Арх. Вольн. Эк. Общ., журналы 1772 г. № 9, л. 50.

[3]) „Тр. Вольн. Экон. Общ.“ ч. XV, 1770 г. стр. 178—179.

[4]) „Тр. Вол. Эк. Общ.“ ч. XVI, 247.

ГЛАВА VII.

Крестьянскій [illegible] въ коммиссіи для [illegible] новаго уложенія. — Депутаты всѣхъ сословій, кромѣ черносошныхъ крестьянъ, требуютъ разрѣшенія владѣть крѣпостными. — Предложенія объ ограниченіи [illegible] помѣщичьей власти. — Мнѣніе Коробьина и вызванныя имъ пренія. [illegible] — [illegible] мѣры къ пользѣ крѣпостныхъ считали [illegible] [illegible] партіи. Пренія по поводу проекта правъ благородныхъ.

Теоретическая разработка крестьянскаго вопроса въ отвѣтахъ на задачу вольнаго экономическаго общества должна была, по всей вѣроятности, служить подготовкою къ его рѣшенію въ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія; но эта цѣль не была достигнута уже потому, что, когда начались самыя оживленныя пренія въ коммиссіи относительно крѣпостного права, экономическое общество еще не рѣшило, печатать или нѣтъ русскій переводъ сочиненія, заслужившаго премію, не были отпечатаны даже въ подлинникѣ какъ это сочиненіе, такъ и тѣ, которыя получили accessit. Но если бы эти труды и появились уже въ печати, то они были бы доступны только незначительному меньшинству депутатовъ, вслѣдствіе крайне недостаточнаго распространенія знанія иностранныхъ языковъ; даже переведенные и прочитанные депутатами, они все-таки едва ли оказали бы значительное вліяніе вслѣдствіе своей совершенной непримѣнимости къ русской жизни; мы видѣли, что, къ несчастію, самое лучшее изъ иностранныхъ сочиненій, именно трудъ Граслена, было наиболѣе отвлеченное. Вполнѣ понятно, что для русскаго общества самымъ вліятельнымъ изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій могла быть только работа Полѣнова, но изъ опасенія этого вліянія экономическое общество и положило ее подъ сукно. Нельзя не подивиться, что ни императрица, ни либеральные члены общества не настояли на ея напечатаніи; правда, большинство изъ нихъ отсутствовало въ томъ засѣданіи, гдѣ разсматривался этотъ вопросъ, но принятое рѣшеніе могло быть измѣнено, какъ и относительно напечатанія труда Беарде. Очень можетъ быть, что императрица не желала полнаго раскрытія нашей внутренней язвы не столько изъ опасенія раздражить русскихъ крѣпостниковъ, сколько ради того, чтобы эти разоблаченія не дошли до свѣдѣнія Европы, тѣмъ болѣе, что въ изданномъ около этого времени по-французски опровер-

женіи на книгу аббата Шаппа (1770 г.), она весьма розовыми красками рисовала бытъ нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ и доказывала, что ихъ положеніе несравненно лучше, чѣмъ бытъ народа въ западной Европѣ. А между тѣмъ своевременное публикованіе такого сочиненія въ неизуродованномъ видѣ, какъ разсужденіе Полѣнова, было бы весьма небезполезно для членовъ той коммиссіи, въ которой почти изъ всѣхъ сословій прежде всего раздалось требованіе не объ освобожденіи крѣпостныхъ, а распространеніи и на другія сословія права владѣть ими. Дѣйствительно, депутаты почти всѣхъ сословій требовали, чтобъ это право не составляло привилегіи одного дворянства.

Начнемъ обзоръ этихъ требованій съ купечества, причемъ ограничимся только тѣми заявленіями депутатовъ этого сословія, въ которыхъ были выражены желанія владѣть людьми на крѣпостномъ правѣ (преній о правѣ посессіонномъ мы касались въ другомъ мѣстѣ)[1]. Тутъ всего интереснѣе для насъ мнѣніе депутата отъ города Яранска (казанской губерніи), Антонова, такъ какъ оно представляетъ выраженіе не его единичнаго только желанія: къ нему присоединились въ этомъ случаѣ депутаты еще другихъ 16-ти городовъ, разбросанныхъ по всѣмъ концамъ Россіи. По его словамъ, купцамъ необходимо владѣть крѣпостными; теперь они принуждены нанимать крестьянъ различныхъ вѣдомствъ, но желающихъ оказывается немного, а если кто вслѣдствіе крайней нужды и наймется къ купцу, то сплошь и рядомъ, забравъ нѣсколько денегъ впередъ, убѣгаетъ отъ хозяевъ ранѣе срока; точно также въ то время, когда эти люди живутъ на мѣстѣ, они дѣлаютъ всякія своевольства и причиняютъ хозяевамъ много хлопотъ. Однимъ словомъ, на такихъ наймитовъ купцы ни въ чемъ не могутъ положиться, не могутъ отправить съ ними товаръ или деньги. Антоновъ придумалъ, между прочимъ, такой способъ имѣть даровыхъ работниковъ: онъ просилъ, чтобы, вмѣстѣ съ запрещеніемъ малолѣтнимъ сиротамъ изъ купечества просить милостыню, было позволено тѣмъ, кто возьметъ ихъ на прокормленіе, удерживать ихъ у себя до совершеннолѣтія съ тѣмъ, чтобы они были обязаны работать на своихъ воспитателей, начиная съ 15-ти лѣтняго возраста. Депутатъ города Серпейска, Глинковъ, съ мнѣніемъ котораго также согласились представители нѣсколькихъ городовъ, заявилъ, что „для распространенія коммерціи и исправности торговъ", полезно было бы дозволить купечеству первой гильдіи покупать крѣпостныхъ работниковъ въ количествѣ отъ трехъ до пяти душъ.

Депутатъ отъ однодворцевъ елецкой провинціи, Давыдовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими однодворческими депутатами, соглашался съ тѣмъ, что купечеству необходимо владѣть дворовыми, такъ какъ „изъ того

---

[1]) „Крестьяне при Екатеринѣ II", Спб. 1881, т. I, стр. 412—413.

вреда никому не предусматривается“, и предлагалъ, чтобы коммиссія опредѣлила, по скольку людей они могутъ имѣть, но за то въ депутатахъ другихъ сословій, и особенно дворянства, притязанія купечества встрѣтили весьма энергическій отпоръ. Всѣхъ подробнѣе говорилъ противъ этого кн. М. М. Щербатовъ: пріобрѣтеніе купцами крѣпостныхъ работниковъ лишитъ заработка бѣдныхъ людей изъ ихъ собственнаго сословія, крестьянамъ будетъ тяжелѣе служить тѣмъ, „которыхъ они недавно видѣли себѣ равными“ (въ глазахъ Щербатова всѣ недворяне были людьми *подлаго* происхожденія), наконецъ, на вольнаго человѣка можно положиться столько же, если не болѣе, чѣмъ на крѣпостнаго. Депутатъ отъ дворянъ кромскаго уѣзда, Похвисневъ, сходясь во многихъ доводахъ по этому вопросу съ кн. Щербатовымъ, между прочимъ, сказалъ, что отъ покупки купцами крѣпостныхъ можетъ ослабѣть торговля, такъ какъ разбогатѣвшій купецъ, вмѣсто того, чтобы расширять свое прежнее дѣло, пріобрѣтетъ деревни, начнетъ жить получаемыми съ нихъ доходами и сдѣлается „безполезнымъ и даже тягостнымъ членомъ общества“; говоря это, онъ не замѣтилъ, что приноситъ неособенно пріятный комплиментъ дворянамъ [1]).

Духовенство не имѣло своихъ представителей въ коммиссіи уложенія, и единственнымъ въ ней духовнымъ лицомъ былъ депутатъ отъ синода, слѣдовательно, представитель учрежденія, а не сословія; не смотря на то, въ данномъ ему наказѣ, мы встрѣчаемся съ требованіемъ дать бѣлому духовенству (священно- и церковнослужителямъ) право покупать людей для услуженія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что подобное требованіе мы находимъ и въ наказахъ двухъ городовъ [2]).

Приказные служители, по неимѣнію отъ нихъ депутатовъ, не могли сами заявить желаніе владѣть крѣпостными, но за нихъ замолвилъ слово уже извѣстный намъ представитель города Яранска, Антоновъ (и съ нимъ еще 16 депутатовъ купцовъ), сказавъ, что они терпятъ большія затрудненія вслѣдствіе запрещенія (въ 1758 г.) приказнымъ служителямъ, неимѣющимъ права владѣть недвижимыми имѣніями, писать крѣпости на дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли. Антоновъ ходатайствовалъ, чтобы имъ разрѣшено было для домашнихъ услугъ покупать дворовыхъ людей [3]).

Сибирскіе служилые люди, извѣстные подъ названіемъ сибирскихъ дворянъ, просили о томъ, чтобы ихъ сдѣлали потомственными дворя-

---

[1]) Сб. Истор. Общ. VIII, 76—79, 86—87, 94, 105, 106—111. Въ большинствѣ городскихъ наказовъ есть просьбы о дозволеніи купцамъ владѣть крѣпостными. *Латкинъ*. „Законод. Коммиссіи“, I, 478.

[2]) Сборн. Ист. Общ. т. XLIII, стр. 49; Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла о разныхъ госуд. учрежд. Коммис. о проектѣ новаго улож., зап. 7, экстракты изъ наказовъ. Соловьевъ XXVII, 330, 332.

[3]) Сб. Ист. Общ. VIII, 78—79, ср. 170 и Сб. Ист. Общ. IV, 167.

нами, надѣлили землею и дали право покупать людей; на это кн. Щербатовъ замѣтилъ, что сибирскіе дворяне и дѣти боярскія только по имени сходны съ русскими дворянами, что это „не есть состояніе, но чинъ“, и что ихъ служба, ограничивающаяся только сборомъ ясака, храненіемъ соли, препровожденіемъ казенныхъ денегъ и т. п., не стоитъ награжденія потомственнымъ дворянствомъ [1]. Сибирскіе казаки, которые повышались за служебныя заслуги въ чинъ дѣтей боярскихъ и дворянъ, въ лицѣ своего депутата Анциферова, также какъ и представители Донскаго, Чугуевскаго и Уфимскаго казацкихъ войскъ, ходатайствовали, чтобы казацкому старшинѣ дозволено было покупать дворовыхъ людей и крестьянъ [2].

Однодворцы, хотя часть ихъ владѣла крестьянами, которыхъ они могли продавать членамъ своего сословія, желали имѣть возможность увеличить число своихъ крестьянъ покупкою у помѣщиковъ, а потому просили о причисленіи ихъ къ дворянамъ съ правомъ покупать крѣпостныхъ [3]. Сходные съ однодворцами пахотные солдаты также добивались этого права [4].

Только одни черносошные крестьяне были неповинны въ крѣпостническихъ похотѣніяхъ и, если мы встрѣчаемъ среди нихъ желаніе покупать людей, то не съ цѣлью обращать ихъ въ своихъ крѣпостныхъ работниковъ, а только для того, чтобы сдать вмѣсто себя въ рекруты. Подобное желаніе встрѣчается въ наказахъ черносошныхъ крестьянъ г. Саратова и орловскаго уѣзда вятской губ.; но и на этотъ разъ крестьяне не настаивали непремѣнно на дозволеніи покупать рекрутъ, а готовы были просто вносить въ казну за рекрута извѣстную сумму денегъ. Словомъ, тутъ дѣло шло не о пріобрѣтеніи себѣ крѣпостныхъ, а о превращеніи рекрутчины изъ натуральной повинности въ денежную [5].

Такимъ образомъ, всѣ сословія, за исключеніемъ черносошныхъ крестьянъ, требовали дарованія имъ права на крѣпостной трудъ, но тутъ они встрѣтили отпоръ со стороны дворянства, желавшаго во что бы то ни стало сохранить эту главную изъ своихъ привилегій [6] и требовавшаго, чтобы всѣ, кому прежде было запрещено владѣть населенными

[1]) Сб. Ист. Общ. IV, 155—157, 158—160.

[2]) Сб. Ист. Общ. VIII, 228—229, 318—344.

[3]) [illegible] при Екатеринѣ II [illegible] „Рус. Стар.“ 1879 г. № 5, стр. 51—[illegible].

[4]) Сб. Ист. Общ. IV, 133.

[5]) Сб. Ист. Общ. IV, 114. „Рус. Стар.“ 1879 г. № 2, стр. 254.

[6]) [illegible] XIV, стр. [illegible] Россіи [illegible] 1887 [illegible]

имѣніями и дворовыми, по прежнему не имѣли бы этого права. Дворяне михайловскаго уѣзда мотивировали это требованіе тѣмъ, что „многія деревни нынѣ состоя подъ властію у тѣхъ запретительныхъ владѣльцевъ, отъ нихъ разоряются, потому что сіи временные владѣльцы, зная о тѣхъ своихъ крестьянахъ къ себѣ непрочность, не стараются ихъ сберегать“ [1]. Дворяне, конечно, дѣйствовали въ этомъ случаѣ по своекорыстному побужденію, хотя, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и изъ ихъ среды нашлось нѣсколько благородныхъ личностей, требовавшихъ ограниченія крѣпостнаго права. Гораздо важнѣе для насъ то, что и изъ среды сословій, многіе депутаты которыхъ хлопотали о распространеніи на своихъ товарищей права владѣть крѣпостными, раздавались энергическіе голоса **противъ этихъ притязаній.**

Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить депутатъ хоперской крѣпости, Алейниковъ: онъ считалъ вреднымъ для государства, чтобы купечество, приказные и казаки имѣли крѣпостныхъ, потому что тогда богатые купцы, пріобрѣтая деревни, оставятъ торговлю, а прочіе изъ нихъ особы будутъ своихъ дворовыхъ употреблять „безъ пощады“ во всякія домашнія работы, и доведутъ ихъ до такого отчаянія, что тѣ будутъ обращаться въ бѣгство, собираться шайками и затѣмъ грабить и мучить кого ни попало. Когда это мнѣніе вызвало возраженія со стороны депутатовъ другихъ казачьихъ войскъ, то Алейниковъ еще подробнѣе развилъ свою мысль. Онъ указалъ на тѣ преимущества, какими пользуются казаки и заявилъ, что не можетъ согласиться съ предложеніями тѣхъ депутатовъ этого сословія, которые требовали, чтобъ ихъ начальникамъ за „отличныя ихъ службы“ дозволено было покупать крестьянъ. „Никакого отличія ихъ въ службѣ я не признаю. Во время сраженія съ непріятелемъ рядовые казаки такою же кровію вѣнчаются, какою и предводители, но рядовые производятъ и больше дѣйствія... Хотя упомянутые господа депутаты и представляютъ, что казачьимъ войсковымъ атаманамъ и полковымъ командирамъ безъ крестьянъ быть предосудительно, но это они показываютъ напрасно; ибо мы видимъ цѣлую Европу, которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ. И не больше ли будетъ предосужденія всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству предъ другими европейскими странами, когда по окончаніи сей высокославной коммиссіи узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ какъ скотину, да еще такихъ же христіанъ, какъ и мы сами“ [2].

Въ наказѣ дворянъ костромскаго уѣзда встрѣчаемъ предложеніе о назначеніи опекуновъ надъ помѣщиками, мучающими своихъ крестьянъ, а въ наказѣ дворянъ пусторжевскаго уѣзда — также и надъ тѣми,

[1]) Сб. Ист. Общ. IV, 276, срав. 462, VIII, 495, XIV, 462.
[2]) Сб. Ист. Общ. VIII, 170—171, 369—375.

кто обременяетъ своихъ крестьянъ непосильными поборами [1]), объ обуздaніи послѣднихъ назначеніемъ опекуновъ предлагалъ въ засѣданіи коммиссіи (5-го мая 1768 г.) и депутатъ отъ дворянъ верейскаго уѣзда, Степановъ, хотя онъ притомъ и дѣлалъ оговорку, что учреждать опеку слѣдуетъ не по жалобамъ „рабовъ на помѣщиковъ", такъ какъ это должно „произвести дѣйствіе, покорности противное", а по рѣшенію земскаго суда совмѣстно съ сосѣдними дворянами. Но насколько дворяне не желали какого бы то ни было ограниченія ихъ власти закономъ, видно изъ того, что ни въ одномъ изъ дворянскихъ наказовъ не предложено установить точныхъ правилъ о наказаніяхъ, какимъ должны подлежать помѣщики за мученіе своихъ крестьянъ, а между тѣмъ въ такомъ законѣ чувствовалась крайняя необходимость, и, при произнесеніи приговора надъ жестокими помѣщиками, судебнымъ учрежденіямъ приходилось прибѣгать къ довольно неподходящимъ статьямъ воинскаго устава и Уложенія [2]). Только въ наказахъ двухъ правительственныхъ учрежденій было обращено вниманіе на этотъ недостатокъ нашихъ законовъ: юстицъ-коллегія поставила на видъ необходимость изданія закона о томъ, какому наказанію долженъ подвергнуться помѣщикъ, до смерти замучившій своихъ крѣпостныхъ, да въ наказѣ депутату отъ главной полиціи высказывалось желаніе, чтобы дворовымъ позволили жаловаться на господъ, и также задавался вопросъ, что дѣлать съ господами, мучающими своихъ людей [3]).

На одно только ограниченіе помѣщичьей власти соглашались многіе депутаты отъ дворянъ, именно, — запрещеніе продажи людей по одиночкѣ. Дворяне михайловскаго уѣзда предлагали въ своемъ наказѣ, чтобы для поощренія крестьянъ къ лучшей обработкѣ земли помѣщики не продавали бы ихъ на вывозъ; если же число крестьянъ очень увеличится, то это можно разрѣшить, но только въ предѣлахъ одного уѣзда, чтобы проданный находился недалеко отъ своихъ родственниковъ. Депутатъ отъ любимскаго дворянства, Толмачевъ, требовалъ совершеннаго запрещенія

[1]) С. б. Ист. Общ. IV, 248, VIII, 111—115. Сынъ А. И. Бибикова [illegible] Бибиковъ. М. 1865 г., стр. 11.

[2]) [illegible] Екатерины II", т. I, 191—92.

[3]) С. б. И. Общ. XLIII, 171, [illegible] т. I, стр. 190—91. [illegible] побѣгъ. Латкинъ. „Законодательн. коммиссіи", I, 325.

продажи безъ земли, если же его не будетъ, то желалъ, по крайней мѣрѣ, чтобы продавали цѣлыми семьями со всѣми ихъ пожитками, а не по одиночкѣ. Депутатъ отъ бахмутскаго и самарскаго гусарскихъ полковъ, Рашковичъ, сказалъ, что вслѣдствіе укрѣпленія крестьянъ за помѣщиками „дѣти отлучались отъ своихъ родителей, лишались родственниковъ и продавались по всему государству, гдѣ только могъ отыскаться покупщикъ. Какъ горько это родителямъ. Какъ много проливается отъ этого горячихъ слезъ!" Онъ предложилъ отмѣнить „означенную продажу, которая не только въ Европѣ, но и въ азіатскихъ странахъ нигдѣ не ведется". Продавать крестьянъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ землею. Въ этомъ вопросѣ не отстаивалъ дворянскихъ правъ даже кн. М. М. Щербатовъ. „Обратимъ взоры наши на человѣчество", сказалъ онъ: „и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ... Мы люди и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ. Разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними; однако, мы не должны забывать, что и они суть равное намъ созданіе... Я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ безъ земли".

Однако же, среди депутатовъ нашлись такіе, которые не постыдились защищать продажу людей въ розницу: это былъ во первыхъ депутатъ отъ дворянъ курмышскаго уѣзда Алфимовъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ указывалъ на то, что „между крестьянами есть въ нѣкоторыхъ семействахъ нерадивые и склонные къ преступленіямъ. Такимъ людямъ удаленіе отъ ихъ семей служитъ наказаніемъ": кромѣ того, страхъ быть проданнымъ удерживаетъ ихъ отъ дурныхъ поступковъ [1]. На другихъ защитниковъ въ коммиссіи продажи людей въ розницу мы укажемъ ниже. Дворяне данковскаго уѣзда просятъ въ своемъ наказѣ, чтобы сохранено было право продавать крестьянъ безъ земли [2].

Несомнѣнно, къ мнѣнію Алфимова присоединились бы многіе дикіе помѣщики, жившіе по разнымъ отдаленнымъ закоулкамъ нашей родины; но изъ приведенныхъ заявленій несомнѣнно, что всѣ мало-мальски образованные люди желали, если не совершеннаго запрещенія продажи людей безъ земли, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ не разлучали при этомъ членовъ семьи. Но Екатерина II не приняла даже и этой ничтожной мѣры для улучшенія положенія крѣпостныхъ [3]).

---

[1]) „Сборн. ист. общ." IV, 270, VIII, 108, 222, XIV, 123, 124, 130—134 срав. 216.

[2]) Латкинъ, „Законодательныя коммиссіи", I, 325.

[3]) Въ наказѣ отъ кинешемскаго дворянства былъ затронутъ вопросъ о сдачѣ негодныхъ въ рекруты. Здѣсь говорится о такихъ помѣщикахъ, „кои глядутъ о своихъ прибыткахъ" и продаютъ своихъ крѣпостныхъ въ рекруты, „выбирая худшихъ людей, и

Характеризуя отношеніе членовъ коммиссіи къ крестьянскому вопросу, мы пока почти совершенно оставляли въ сторонѣ пренія, происходившія съ конца апрѣля 1768 г., для того, чтобы разсмотрѣть ихъ въ связи другъ съ другомъ. Теперь мы познакомимся съ тѣми бурными спорами, которые были вызваны предложеніями объ ограниченіи крѣпостнаго права.

Вопросъ этотъ былъ затронутъ, когда рѣчь шла о крестьянскихъ побѣгахъ, впервые въ засѣданіи 29 апрѣля 1768 г., депутатомъ отъ города Углича, канцеляристомъ тамошняго духовнаго правленія Сухопрудскимъ, впрочемъ, затронутъ чрезвычайно осторожно. Онъ предложилъ разсмотрѣть, что побуждаетъ крестьянъ къ побѣгамъ: ихъ собственное своевольство, или не бываетъ ли и въ содержаніи ихъ несносной, по недостатку на пропитаніе потребнаго, нужды или каковыхъ имъ трудностей, вымогательствъ излишнихъ и большихъ податей, взысканія всегдашнихъ безпремѣнно работъ, чиненія почасту напрасныхъ побоевъ, необыкновенной строгости и другихъ жестокостей", — и сообразно съ этимъ принять подробныя ограничительныя мѣры. Противъ ограниченія правъ дворянства относительно крѣпостныхъ заявилъ протестъ депутатъ обоянскаго дворянства Глазовъ, ссылавшійся въ доказательство заботливости дворянства о своихъ крестьянахъ на то, что податное населеніе Россіи съ 1722 г. возросло на два милліона, не смотря на тяжелыя и кровопролитныя войны. Въ пользу крѣпостныхъ высказался депутатъ отъ иноземцевъ и однодворцевъ Казанской провинціи Кишенскій: онъ предложилъ, для того, чтобы помѣщики не отягощали своихъ крестьянъ работами и оброками, раздѣлить крестьянскія работы на три части: для уплаты государственныхъ податей, для исполненія обязанностей въ пользу помѣщика и для собственнаго существованія; тогда, по его мнѣнію, побѣги прекратились бы, а хлѣбопашество усилилось. Глазовъ въ засѣданіи 5 мая высказался и противъ этого мнѣнія, находя, что исполненіе его привело бы къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ: убійствамъ помѣщиковъ, разбоямъ, даже усиленію побѣговъ[1]. Однако и среди дворянъ нашлись голоса въ пользу крѣпостныхъ. Въ томъ же засѣданіи депутатъ верейскаго дворянства Степановъ сказалъ, что хотя главнѣйшая причина побѣговъ помѣщичьихъ людей и [illegible] ихъ пьянство и лѣность, но они побуждаются къ тому и [illegible] поступками нѣкоторыхъ владѣльцевъ, которые... слѣдуя развращеннымъ страстямъ своимъ, отягощаютъ несносными поборами крестьянъ[2]. Но Степановъ не предлагалъ ввести какихъ-либо ограниченія

[illegible] Ист. Соч. IV, 420, XIV, 463.

помѣщичьей власти положительнымъ закономъ, и совѣтовалъ только, какъ мы уже упоминали, дозволить уѣздному дворянству обличать помѣщика, виновнаго въ такихъ притѣсненіяхъ, и отдавать его имѣніе въ опеку. Гораздо далѣе Степанова шелъ депутатъ отъ козловскаго дворянства **Григорій Коробьинъ.**

Коробьинъ и началъ свою рѣчь въ засѣданіи 5 Мая съ того, что онъ желаетъ разсмотрѣть причины, побуждающія къ бѣгству помѣщичьихъ людей и крестьянъ, и предложить нѣкоторые способы, которые могутъ хотя отчасти предупредить это зло. „Думаю", сказалъ Коробьинъ, „изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновеннаго подати, есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долгу, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, заработывать одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семействъ, употребляютъ единственно для своей корысти". Но всего горестнѣе, что нѣкоторые владѣльцы, какъ только крестьянинъ пріобрѣтетъ небольшой достатокъ, лишаютъ своего крѣпостнаго всѣхъ плодовъ его труда. Такое положеніе дѣлъ весьма опасно для государства, „ибо тогда токмо процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны". Земледѣльцы — душа общества, слѣдовательно, когда они изнурены, то и все общество слабѣетъ. Затѣмъ, сославшись на статьи Наказа, въ которыхъ императрица указываетъ на обремененіе крестьянъ чрезмѣрными оброками, Коробьинъ сказалъ, что слѣдовательно въ бѣгствѣ крестьянъ виноваты сами помѣщики и потому необходимо предупредить злоупотребленія благоразумными и человѣколюбивыми законами. Теперь всякій молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, можетъ, для удовлетворенія своихъ прихотей, собирать чрезмѣрные поборы; но ежели бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписаннаго законами, тогда злоупотребленія прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. По словамъ самой императрицы (295 и 261 статьи Наказа) для приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе нужны такіе законы, на основаніи которыхъ крестьянинъ считалъ бы только часть своего имѣнія не своимъ, а помѣщичьимъ, а прочее должно быть его собственное, т. е. „такое, которое онъ можетъ безъ опасенія пустить въ обращеніе, какъ-то: заложить, продать, подарить и оставить по себѣ, кому хочетъ, не думая, что оное когда-нибудь отнято будетъ его помѣщикомъ". Нужно постановить, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику опредѣленную, но не чрезмѣрную дань; въ однихъ мѣстахъ она должна

состоять въ произведеніяхъ земли, въ другихъ же взиматься деньгами. Но какъ великъ долженъ быть размѣръ поборовъ, а также гдѣ брать ихъ деньгами и гдѣ натурою—это требуетъ большаго разсмотрѣнія и не малаго свѣдѣнія о положеніи всего государства.—И такъ требованія Коробьина сводятся къ тому, что слѣдуетъ: 1) опредѣлить закономъ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на имѣніе; но требованія эти были выражены настолько неопредѣленно, что могли возбудить недоразумѣніе; къ тому же Коробьинъ чрезвычайно повредилъ цѣнности своего мнѣнія тѣмъ, что нашелъ нужнымъ смягчить его въ концѣ такою оговоркою. „Нѣкоторымъ можетъ придти на мысль“, сказалъ онъ, „что, такимъ образомъ, земледѣльцы могутъ „вдаться въ своевольничество“ и что съ ними нельзя будетъ справиться; но онъ говоритъ только о власти помѣщика надъ имѣніемъ крестьянъ и вовсе не требуетъ ея ограниченія „въ разсужденіи правленія“. Эта власть сохраняется въ прежнемъ видѣ, крестьянинъ по прежнему остается крѣпостнымъ. Это мѣсто въ мнѣніи Коробьина, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, дало возможность противникамъ измѣненія быта крѣпостныхъ уличить его въ крайней непослѣдовательности.

Такъ какъ Коробьинъ не ясно формулировалъ то, что онъ разумѣетъ подъ предоставленіемъ крестьянамъ права собственности на имущество, то нѣкоторые оппоненты поняли его предложеніе такимъ образомъ, что онъ желаетъ отдать имъ въ собственность землю. Въ отвѣтѣ на возраженіе нѣсколькихъ депутатовъ Коробьинъ касается этого щекотливаго вопроса кратко и довольно уклончиво. Онъ утверждалъ только, что въ его словахъ нѣтъ прямого требованія надѣлить крестьянъ землею; желалъ ли онъ этого дѣйствительно мы не знаемъ. Онъ сказалъ, что развилъ бы свое мнѣніе подробнѣе, если-бы ему не помѣшали въ этомъ возраженія на его предложеніе, или, лучше сказать, личныя на него нападки; другими словами, въ виду посыпавшихся на него рѣзкихъ замѣчаній, Коробьинъ не имѣлъ смѣлости вполнѣ высказать своего мнѣнія.

Дѣйствительно, оно вызвало сильную борьбу въ коммиссіи между сторонниками и противниками улучшенія быта крестьянъ. Пренія по крестьянскому вопросу (начиная съ рѣчи Сухопрудскаго) продолжались болѣе мѣсяца, причемъ изъ всѣхъ говорившихся о немъ 20-ти депутатовъ, 8 было за улучшеніе быта крѣпостныхъ и 12—противъ [1].

Коробьинъ, раздраживши своимъ предложеніемъ дворянскихъ депутатовъ, подвергся самымъ безцеремоннымъ личнымъ нападкамъ; онѣ посыпались также и на тѣхъ, кто рѣшился защищать его мнѣніе [2]. Стали

[1] [illegible] депутаты отъ дворянъ.

[2] [illegible]

говорить, что онъ не знаетъ хорошенько положенія ни крестьянъ, ни помѣщиковъ, что онъ, по словамъ депутата Глазова „человѣкъ молодой, въ деревняхъ бывалъ мало, экономію деревенскую править привычки еще не сдѣлалъ", а между тѣмъ „практика деревенская", хотя „немудрена", но все-таки „весьма трудна". Тотъ же Глазовъ дознался, что Коробьинъ не прямо былъ выбранъ дворянами своего уѣзда, а что ему передало депутатство другое лицо, избранное мѣстнымъ дворянствомъ, и неизвѣстно, есть ли у него даже имѣніе въ томъ уѣздѣ, что, наконецъ, въ полученномъ имъ наказѣ онъ вовсе не уполномоченъ высказать въ коммиссіи то, что онъ заявилъ. Углицкій депутатъ Опочининъ сказалъ, что, назвавъ молодыхъ помѣщиковъ разорителями, онъ оскорбилъ все благородное дворянство.

Коробьинъ отвѣчалъ, что его предложения совершенно согласны съ Наказомъ императрицы и сослался на статьи 261, 277 и 270; онъ указалъ также, что мнѣніе Глазова, будто депутатъ не можетъ представлять о томъ, чего нѣтъ въ данной ему довѣренности, совершенно несправедливо; нападать на его мнѣніе потому, что оно противорѣчитъ хотагайству нѣкоторыхъ дворянъ о сохраненіи ихъ прежнихъ привилегій значитъ придавать болѣе значенія частнымъ наказамъ, чѣмъ Наказу императрицы, такъ какъ въ послѣднемъ прямо сказано, „что законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества". Коробьинъ упомянулъ и о личныхъ на него нападкахъ: изъ того, что онъ требуетъ точнаго опредѣленія крестьянскихъ повинностей, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ „молодъ", „въ деревняхъ мало бывалъ" и т. п. Впрочемъ, такіе споры онъ считаетъ совершенно безплодными: „изъ таковыхъ препинательныхъ рѣчей ничего болѣе не произойдетъ", какъ только то, что намѣреніе государыни и желаніе всѣхъ ея вѣрноподданныхъ, удостоившихъ насъ своею довѣренностію, едва ли когда-либо исполнятся; должно стараться быть не столько скорымъ къ учиненію возраженій, сколько внимательнымъ къ разсмотрѣнію сдѣланнаго предложенія, если оно того достойно, къ исправленію его и приведенію на возможно высшую степень совершенства.

Несмотря на такой полный достоинства отвѣтъ, чисто личныя нападки на Коробьина не прекратились. Правда, до нихъ не унизился самый выдающійся ораторъ консервативной партіи, кн. М. М. Щербатовъ: онъ вступилъ въ споръ съ Коробьинымъ только потому, что опасался, какъ бы

ихъ сначала [illegible] шаніе крестьянъ ихъ господамъ.

плѣнясь оказуемымъ имъ человѣколюбіемъ и краснорѣчіемъ, сіе какого вреда не произвело" (sic), но другіе депутаты продолжали шпиговать Коробьина. Чаадаевъ намекнулъ, что онъ имѣетъ только популярность [1]). „Намѣреніе Коробьина осчастливить государство", продолжалъ онъ, „очень похвально, но предложенное имъ, „по справедливости не способами, а единою мечтою способовъ назвать должно". Въ такомъ важномъ дѣлѣ нужно проникнуть въ самую его сущность, узнать всѣ его причины и слѣдствія, вредъ и пользу, имъ приносимые; но Коробьинъ, „какъ видно, будучи встревоженъ чрезмѣрнымъ попеченіемъ о пользѣ общей, не имѣлъ уже способа сильнаго своего къ тому стремленія покорить вышеизъясненнымъ правиламъ". Депутатъ Похвисневъ хвасталъ даже, что онъ „повредилъ нѣсколько *высокомѣрнымъ мнѣніямъ*" Коробьина. Если такимъ нападкамъ подвергался отъ своихъ собратьевъ-дворянъ Коробьинъ, то не трудно представить себѣ, какъ должно было достаться пахотному солдату Жеребцову и однодворцу Маслову, которые дерзнули вмѣшаться въ это дѣло. Похвисневъ, депутатъ отъ дворянъ кромскаго уѣзда, по этому поводу сказалъ: „я отдаю справедливость благоразумію и тонкости сего г. депутата Жеребцова. Подлинно, сіе дѣло есть чрезмѣрнаго разума — не имѣя ни ученія, ниже упражненія въ дѣлѣ, быть извѣстну о всѣхъ подробностяхъ онаго". Хотя бы еще онъ жилъ въ такомъ уѣздѣ, гдѣ много дворянскихъ имѣній; но когда въ сосѣдствѣ его ихъ нѣтъ [2]), то знаніе его надо приписать особливой остротѣ ума. Постоянные труды и заботы о домашнемъ хозяйствѣ едва ли могли дать ему возможность познакомиться съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ и разсуждать, польза или вредъ можетъ отъ нихъ произойти государству. Вотъ почти и все возраженіе на мнѣніе Жеребцова; до спора съ нимъ по существу Похвисневъ не снизошелъ, прибавивъ только, что теперь въ Россіи все обстоитъ благополучно, не бываетъ „ни мятежей, ни бунтовъ, ни голода", а что будетъ, когда произойдетъ перемѣна въ положеніи крестьянъ, никто предвидѣть не можетъ. Депутатъ отъ зарайскаго дворянства, Кондыревъ, также напалъ на Жеребцова, хотя не совсѣмъ грамотно, но не менѣе энергично, считая вмѣшательство пахотнаго солдата въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ „за одинъ смѣхъ и обиду цѣлаго [illegible] дворянъ при другихъ иностранцахъ, чего ни въ какое время [illegible] не бывало". Онъ приводитъ только одно возраженіе, что дворяне, не щадя жизни, повсюду защищали государство. Однодворцу Маслову [illegible] отъ своего же брата однодворца, депутата [illegible], за то, что онъ [illegible] пороки другихъ жителей въ государствѣ, хотя

[illegible]

[illegible]

чего ему не поручала его довѣрители. если же отъ нѣкоторыхъ господъ и были притѣсненія и изнуренія крестьянамъ, то не Маслову объ этомъ судить, а во время втораго пришествія Христова, каждый по своимъ дѣламъ, или прославится, или устыдится.

Но если дворяне съ такимъ презрѣніемъ относились къ мнѣніямъ депутатовъ низшаго сословія, то случалось и этимъ послѣднимъ прочесть хорошую нотацію дворянскимъ депутатамъ. Такъ, въ отвѣтъ на возраженіе Коробьину кн. Щербатова, который и на этотъ разъ, какъ во множествѣ своихъ мнѣній, кичился прежними заслугами дворянъ, депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ архангельской провинціи Чупровъ весьма разумно сказалъ: Щербатовъ „между прочимъ, объявляетъ дворянскую заслугу издревле россійскому государству; на то отвѣтствую: правда, что заслуга ихъ всегда признавается за справедливо..., да однакоже и всякаго званія люди во всемъ государствѣ не безъ порученныхъ дѣлъ остаются, а въ чемъ какая должность состоитъ, чаю, что по возможности своей и всѣ отправляютъ; токмо дѣло не о томъ идетъ, и господа депутаты не на то собраны, *чтобы честь себѣ приписывать*, но о узаконеніи всѣхъ вообще, и каждаго особенно... потому, кажется, не должно оставить безъ опредѣленнаго закона помѣщиковыхъ крестьянъ", чтобы послѣ сочиненія проекта новаго уложенія они не остались „въ бѣдности и безпокойствѣ, какъ и нынѣ съ нѣкоторыми безъ призрѣнія и защищенія находятся". Нужно заботиться о бѣдныхъ, а „которые въ милости и счастіи... таковыхъ и представлять, кажется, не слѣдуетъ, какъ господа депутаты о томъ многословили". Что же касается замѣчанія депутата отъ трубчевскаго дворянства Бровцына, что государственные крестьяне нерачительно занимаются хлѣбопашествомъ и чинятъ разные непорядки и побѣги вслѣдствіе того, что живутъ въ вольности, то на это Чупровъ отрѣзалъ, что „и во всей подсолнечной, во всякомъ родѣ между добрыми есть средніе, а между иными *и не безъ дураковъ*".

Дѣло, однако, не ограничилось одною перебранкою; дворянскіе депутаты, не желавшіе измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ, выставили въ защиту своего мнѣнія и въ опроверженіе предложеній противниковъ или, лучше сказать, почти исключительно одного Коробьина, цѣлый рядъ доводовъ.

Коробьинъ былъ побужденъ представить свое мнѣніе спорами о побѣгахъ крѣпостныхъ крестьянъ; онъ указалъ, что причина ихъ коренится въ чрезмѣрномъ обремененіи народа работами и поборами въ пользу помѣщика. На это ему отвѣчали, что бѣгутъ не одни крѣпостные, а также государственные, дворцовые и экономическіе крестьяне, церковники отъ своихъ церквей и даже купцы; бѣгство крестьянъ происходитъ, слѣдовательно, не отъ безчеловѣчія помѣщиковъ, а отъ развращенія нравовъ, лѣности и нераченія о работѣ. По мнѣнію Щербатова

кромѣ суровости владѣльцевъ, есть и другія причины побѣговъ крестьянъ, а именно: 1) обширность Россіи, вмѣщающей 8 климатовъ, что побуждаетъ многихъ искать болѣе удобнаго жилища, 2) разница въ плодородіи почвы въ различныхъ мѣстахъ Россіи, 3) рекрутскіе наборы, отъ которыхъ иные бѣгутъ даже и за-границу и, наконецъ, 4) непостоянство, облѣнчивость и худые нравы самихъ крестьянъ[1]. Опочининъ указалъ на то, что оброчныя деревни, хотя онѣ и принадлежатъ помѣщикамъ, находятся въ хорошемъ состояніи, а Лопухинъ, депутатъ тамбовскаго дворянства, замѣтилъ, что въ западно-европейскихъ государствахъ подданные платятъ въ четверо и даже болѣе сравнительно съ нашими крестьянами. Помѣщики, говорили дворянскіе депутаты, не только не разоряютъ своихъ крестьянъ, но, напротивъ, по случаю нынѣшнихъ неурожаевъ, кормятъ ихъ, снабжаютъ домашнимъ скотомъ и платятъ за нихъ подати, однимъ словомъ, пекутся объ нихъ, какъ отцы о дѣтяхъ.

Движимымъ имуществомъ, по словамъ депутатовъ отъ дворянства, крестьяне распоряжались совершенно свободно. Они, сказалъ Щербатовъ, имѣютъ полное право собственности, правда, не утвержденное закономъ, но, можно сказать, еще сильнѣйшее, такъ какъ оно основано на общемъ „умствованіи“ и взаимной пользѣ. Они могутъ отдать, кому захотятъ, и продать свои пожитки, однако, по свидѣтельству самого Щербатова, лишь съ извѣстными ограниченіями, а именно: помѣщики наблюдаютъ, чтобы они не сбывали вещей, нужныхъ для земледѣлія, и не становились бобылями; но это дѣлается для ихъ же собственной пользы[1]. Такимъ образомъ, до полнаго права собственности на движимое имущество было далеко. Похвисневъ прибавилъ, что полная свобода крѣпостныхъ въ этомъ отношеніи подтверждается и жалобами купцовъ на то, что крестьяне подрываютъ ихъ торговлю продажею своихъ домашнихъ продуктовъ. Если же, замѣтилъ Глазовъ, Коробьинъ хотѣлъ дать крестьянамъ и землю во владѣніе, то вѣдь они пользовались ею и прежде, не имѣя только права продать ее и заложить.

Доказывая, что наши крѣпостные находились въ прекрасномъ положеніи, дворянскіе депутаты не ограничились собственными доводами: ихъ главный витія, кн. Щербатовъ, открылъ въ книгѣ Монтескье, что онъ

---

[1]) [illegible] 1765 г. [illegible] движимымъ имуществомъ.

[2]) Петръ I [illegible] примѣру Германіи, собралъ подати [illegible] [illegible] Россіи [illegible] (Монтескье [illegible]) (Esprit des lois, Lv. XIII, ch. 6).

„россійское учрежденіе доходовъ о сборѣ и связь помѣщиковъ и между ихъ подданными похваляетъ“ [1]). Монтескье былъ для насъ тогда авторитетомъ даже и въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ онъ, разумѣется, не могъ имѣть такого яснаго понятія, какъ мы сами.

Депутатъ Лопухинъ не отрицалъ, что есть дурные помѣщики, но „непорядочный владѣлецъ“ гораздо болѣе приноситъ вреда себѣ, чѣмъ государству и, „разоряя своихъ крестьянъ, столько самъ себя наказываетъ, что.. его и наказать больше нельзя“; слѣдовательно, онъ скорѣе самъ достоинъ жалости. Однако же, Лопухинъ согласенъ былъ бы признать справедливость предложенія Коробьина, если бы оказалось, что половина (!) помѣщиковъ таковы, что крестьяне принуждены бѣжать изъ своихъ домовъ; а не то было бы весьма прискорбно, если-бы знатный, заслуженный и достойный любви отечества корпусъ дворянъ былъ стѣсненъ законами изъ-за того, что среди него нашлось нѣсколько непорядочныхъ, развратныхъ людей.— Для обузданія такихъ помѣщиковъ, по мнѣнію дворянскихъ депутатовъ совершенно достаточно отдавать ихъ подъ опеку.

Ораторы консервативной партіи не ограничились защитою существующихъ отношеній: они постарались съ своей точки зрѣнія опровергнуть всѣ предложенія Коробьина и его единомышленниковъ. Что касается опредѣленія закономъ размѣра крестьянскихъ повинностей, то почти всѣ они указываютъ на невозможность исполнить это, въ виду чрезвычайнаго разнообразія условій въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Нѣкоторые депутаты, сочувствовавшіе Коробьину, признавали, что тутъ придется встрѣтиться съ значительными трудностями, но все таки до извѣстной степени ихъ можно преодолѣть и довольно уравнительно опредѣлить повинности. За то депутаты консерваторы были вполнѣ правы, возражая Коробьину, что никакъ нельзя обезпечить крестьянину право собственности на движимое имѣніе, оставляя въ то же время его личность въ полной зависимости отъ помѣщика. Въ этомъ отношеніи они весьма ловко подмѣтили крайнюю непослѣдовательность, въ которую впалъ Коробьинъ. Коробьинъ оставляетъ крестьянина крѣпостнымъ, сказалъ Опочининъ, такъ что помѣщикъ за всякій проступокъ можетъ подвергать его наказанію по своему усмотрѣнію, можетъ даже отправить на поселеніе или каторгу.—За то, что Коробьинъ оставляетъ крестьянъ въ полной власти помѣщиковъ, сказалъ Глазовъ, дворянское общество можетъ быть ему благодарно, но крестьяне не почтутъ его своимъ защитникомъ. Кн. Щербатовъ также не оставилъ безъ возраженія этого пункта мнѣнія Коробьина. „Не могу безъ удивленія видѣть“, замѣтилъ онъ, „что насколько онъ заботится объ имуществѣ крестьянъ, настолько же мало прилагаетъ старанія объ избавленіи ихъ отъ утѣсненія, которое можетъ произойти отъ наказаній.., ибо тщетно имя собственности растверживать, когда

тѣло чье подвластно другому, имѣніе его всегда тому же подвластно будетъ».

Защитники улучшенія быта крестьянъ могли бы на это возразить, что крестьянину слѣдуетъ предоставить право жаловаться на помѣщика (Коробьинъ этого не предлагаетъ), но у консерваторовъ заранѣе были готовы на это возраженія. По ихъ мнѣнію, это разрушило бы прежнія патріархальныя отношенія между господиномъ и крестьяниномъ. Теперь, говоритъ Похвисневъ, помѣщикъ и земледѣльцы составляютъ, такъ сказать, одно семейство; господинъ отвѣчаетъ за крестьянъ передъ правительствомъ въ исправномъ сборѣ податей, охраняетъ ихъ отъ обидъ и т. п. По словамъ другихъ, право жаловаться страшно увеличитъ количество судебныхъ дѣлъ, которыя будутъ отвлекать народъ отъ земледѣльческихъ занятій. Приводившіе это возраженіе не замѣчали, что оно всего лучше опровергаетъ существованіе патріархальныхъ отношеній, доказывая, что у крестьянъ много причинъ для неудовольства. По мнѣнію Похвиснева, стоитъ только дать крестьянамъ право жаловаться, и среди нихъ будетъ легко возникать непослушаніе, могутъ произойти важныя замѣшательства: конечно, говоритъ онъ, помѣщикъ развратныхъ наклонностей весьма вреденъ для общества, но онъ будетъ обремененіемъ, и то временнымъ, только для малой части народа, а другая язва — духъ непослушанія можетъ распространиться по всему государству. Кн. Щербатовъ также находилъ, что дарованіе крестьянамъ права жаловаться поведетъ къ бунтамъ и посягательствамъ на жизнь помѣщиковъ.

Коробьинъ, какъ мы видѣли, не высказалъ вполнѣ ясно, требуетъ ли онъ предоставленія земли въ собственность крестьянамъ; но многіе изъ его оппонентовъ поняли, что онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Откуда же надѣлить крестьянъ недвижимою собственностью? спрашиваетъ кн. Щербатовъ. Большая часть земли съ самыхъ древнихъ временъ дана государями дворянамъ сначала въ помѣстья, а потомъ въ вотчину, сверхъ того, уплатою положенныхъ пошлинъ за справки и за продажи они едва ли не внесли въ казну всю цѣну этихъ имѣній. Справедливо ли будетъ отнять у дворянъ недвижимое имущество, пріобрѣтенное ими не только своею кровію, но и деньгами.

Доводы, вродѣ только что приведеннаго, подсказывались исключительно корыстными побужденіями; но въ мнѣніяхъ противниковъ Коробьина были и весьма справедливыя указанія на тотъ вредъ, который можетъ произойти для крестьянъ отъ предоставленія имъ полной собственности на землю съ правомъ ея отчужденія. Депутатъ Лопухинъ указалъ, во первыхъ, что помѣщики заботятся, чтобы крестьяне не страдали отъ дурнаго качества и недостаточнаго количества земли, и для этого переселяютъ ихъ на лучшія и болѣе многоземельныя мѣста, а съ нарѣзкою каждому опредѣленнаго участка это должно прекратиться. Еще вреднѣе позволить

крестьянамъ продавать и закладывать землю: если земледѣлецъ изъ нужды продастъ свой участокъ, то лишится послѣдняго средства пропитанія. Похвисневъ по этому поводу замѣтилъ, что и безъ того уже правительственныя учрежденія завалены поземельными исками вслѣдствіе чрезполосности помѣщичьихъ владѣній. Что же будетъ тогда, когда каждый крестьянинъ получитъ право продавать свою землю? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, стоитъ только взглянуть на тѣ послѣдствія, къ какимъ привело однодворцевъ дозволеніе отчуждать свои земельные участки. Сколько отъ этого произошло замѣшательствъ, ссоръ, дѣлъ въ судахъ по той причинѣ, что одна дача была продана двумъ и тремъ помѣщикамъ; но всего прискорбнѣе, что многія размножившіяся семейства однодворцевъ остаются теперь почти безъ всякаго пропитанія, а иныя вынуждены были переселиться въ другіе города на свободныя казенныя земли. Куда же перейдетъ помѣщичій крестьянинъ, продавъ свой участокъ? Если ему будутъ давать въ этомъ случаѣ для поселенія казенныя земли, то дворянство должно неминуемо разориться; если же они не получатъ другихъ участковъ, то безчисленное множество людей останется безъ пропитанія; тогда одинъ невоздержный крестьянинъ будетъ причиною непоправимаго несчастія цѣлаго семейства. Помѣщики, конечно, не станутъ давать такимъ безземельнымъ новыхъ надѣловъ, такъ какъ они не будутъ въ состояніи препятствовать ихъ отчужденію. Однимъ словомъ, всего лучше, чтобы земли принадлежали помѣщикамъ. Сходны съ этими доводы и кн. Щербатова. Отдать крестьянамъ въ собственность недвижимыя имѣнія и позволить продавать ихъ — крайне вредно для государства. Можетъ ли быть какое-либо порядочное хозяйство, когда каждый крестьянинъ будетъ продавать свою землю и раздробитъ ее не только на части, но, можно сказать, на лоскутья? Незаботящіеся о земледѣліи или принужденные какими-либо несчастіями продадутъ землю постороннимъ; вслѣдствіе этого въ дачѣ одной деревни войдутъ владѣнія множества деревень; кромѣ того, продавшіе землю, не имѣя ни мѣста для поселенія, ни средствъ къ пропитанію, принуждены будутъ или вовсе покинуть земледѣліе, или идти въ батраки. Такимъ образомъ, чрезъ полученіе мнимой собственности они лишатся дѣйствительной. Въ подтвержденіе своей мысли Похвисневъ ссылался на положеніе однодворцевъ, такъ какъ, будучи депутатомъ кромскаго уѣзда, онъ могъ хорошо знать ихъ бытъ, а Щербатовъ столь же основательно указалъ на поземельныя отношенія черносошныхъ крестьянъ. «Слѣдствіе сей собственности", сказалъ онъ, „уже мы и видимъ у черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ большая часть, продавъ свои земли, у меньшей въ неволѣ находится", вслѣдствіе чего имъ, наконецъ, было запрещено продавать земли; къ тому же „разныхъ владѣній и разнаго употребленія смѣшанныя земли произведутъ отъ однихъ другимъ немалыя вреды, яко драки, убійства, перекосы, потравы" и пр. Изъ этого видно, заключилъ Щерба-

товъ какъ вредны способы, предложенные Коробьинымъ, но онъ охотно проститъ его, почитая, что отъ усердія своего къ нѣкоторымъ удрученнымъ крестьянамъ оные предложилъ“.

Щербатовъ сильно пересолилъ, сказавъ, что у черносошныхъ крестьянъ большинство распродало свои земли и находится въ неволѣ у меньшинства, но, тѣмъ не менѣе, ссылки его и Похвиснева на то, что отчужденіе земли черносошными крестьянами и однодворцами приводило къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ, совершенно справедливы: они вполнѣ подтверждаются заявленіями самихъ крестьянъ въ наказахъ ихъ депутатовъ). Слова кн. Щербатова и Похвиснева могутъ даже и въ настоящее время служить прекраснымъ отвѣтомъ тѣмъ мнимымъ радѣтелямъ крестьянъ, которые желаютъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія.

Нѣкія замѣчанія по вопросу о правѣ собственности крестьянъ на землю, высказанныя кн. Щербатовымъ и Похвисневымъ, были въ высшей степени полезны для своего времени: въ нихъ сказался тотъ истинный консерватизмъ который въ нѣкоторыхъ случаяхъ приноситъ значительную пользу, предохраняя народный бытъ отъ необдуманныхъ и поспѣшныхъ реформъ. Представители либеральнаго направленія много содѣйствовали распространенію мысли о необходимости уничтоженія рабства а консерваторы своими возраженіями указывали на слабыя стороны освободительныхъ проектовъ на вредъ, какой можетъ произойти для народа отъ поверхностнаго либеральничанья въ такомъ важномъ вопросѣ, на пагубность для крестьянъ безземельнаго освобожденія, точно также какъ и на вредныя стороны личнаго землевладѣнія и разрушенія общины, которую совсѣмъ игнорировали наши аболиціонисты. Указывая на заслуги консерваторовъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, не такія дикія мнѣнія, какъ напр. высказанныя извѣстнымъ полтомъ Сумароковымъ, который просто не могъ представить себѣ русскаго барина безъ крѣпостной прислуги, или одного лифляндца, который въ мнѣніи, присланномъ въ вольное экономическое общество, доказывалъ, что рабство не противорѣчитъ ни свободѣ и равенству людей, ни даже основнымъ началамъ христіанства, и говорилъ, что «свободные и притомъ не воспитанные крестьяне — это дикія лошади, которыя, чувствуя свою силу, мало слушаются всадниковъ». Подобныя мнѣнія, конечно, не могли приносить пользы; но строгая критика, которой подвергали консерваторы, хорошо знавшие народный бытъ, мнѣнія людей, увлекавшихся мыслью объ измѣненіи быта крестьянъ, но предлагавшихъ мѣры, мало соотвѣтствовавшія нашей жизни, такая критика могла быть только полезна. Разумѣется, и кн. Щербатовъ, и Похвисневъ не были безкорыстными радѣтелями народнаго блага, какъ это видно изъ всѣхъ ихъ рѣчей въ коммиссіи

) См. мою статью «Казенные крестьяне при Екатеринѣ II» въ „Русск. Старинѣ“ 1879 г. №№ 1—6.

уложенія, но въ данномъ случаѣ они были до нѣкоторой степени правы, протестуя противъ дарованія крестьянамъ земли въ полную собственность съ разрѣшеніемъ отчуждать ее: мы можемъ сказать, что лучше крѣпостное право, ограниченное строгими постановленіями закона, чѣмъ обезземеленіе крестьянъ. Эту истину забыли при Александрѣ I, освобождая безъ земли крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ; объ ней плохо помнили и тѣ, кто допустилъ при нашей крестьянской реформѣ возможность, такъ называемаго, нищенскаго надѣла. Но противъ Щербатова и Похвиснева есть одно возраженіе, въ конецъ ихъ побивающее: сохраненіе при освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ общиннаго землевладѣнія, существовавшаго тогда въ Великороссіи вездѣ, гдѣ были крѣпостные крестьяне; при этомъ условіи противникамъ реформы оставалось бы только одно возраженіе противъ надѣленія крестьянъ изъ помѣщичьихъ земель—жалобы на то, что это значило бы обидѣть землевладѣльцевъ. Но на такія причитанія умѣли отвѣтить и современники Щербатова, даже изъ низшаго сословія, какъ напримѣръ казакъ Алейниковъ. Они указывали ему, что не одно дворянство служило Россіи, не только объ немъ должно заботиться правительство. Къ несчастію, тогдашніе аболиціонисты игнорировали нашу поземельную общину, и на важность ея впервые указалъ при Екатеринѣ человѣкъ, допускавшій въ данное время лишь ограниченіе крѣпостнаго права, а не освобожденіе крестьянъ.

Будемъ, однако, продолжать пересмотръ доводовъ противъ освобожденія крестьянъ, приведенныхъ депутатами консервативной партіи. Всѣ они въ одинъ голосъ указывали, что теперь помѣщикъ во время неурожая, падежа и другихъ несчастій снабжаетъ крестьянъ хлѣбомъ и скотомъ, не всегда требуя за то платы, иногда вноситъ за нихъ подати и т. п., съ освобожденіемъ же они лишатся этихъ пособій. Извѣстно, что помѣщики были обязаны закономъ прокармливать своихъ крестьянъ во время неурожаевъ, и хотя правило это далеко не всегда соблюдалось, но все таки многіе землевладѣльцы дѣйствительно заботились о своихъ крѣпостныхъ, такъ что этотъ аргументъ имѣетъ нѣкоторое значеніе.

Измѣненіе быта крестьянъ было бы вредно для нихъ самихъ, по мнѣнію консерваторовъ, еще въ одномъ отношеніи. Депутатъ Чаадаевъ указалъ на то, что чиновничье управленіе приходится весьма солоно крестьянамъ, такъ какъ они подвергаются всевозможнымъ притѣсненіямъ, а вслѣдствіе несогласій и тяжбъ между ними богатѣютъ только ихъ охранители. Такъ думалъ не одинъ Чаадаевъ: этотъ же доводъ приводила кн. Дашкова во время своей бесѣды съ Дидро о крестьянскомъ вопросѣ [1]), а при Александрѣ I тоже говорилъ Каразинъ.

[1]) См. Memoirs of the princess Daschkow, L. 1840. I. 164—165.

Таковы были доказательства, что освобожденіе будто бы невыгодно для самихъ крестьянъ; но, по мнѣнію крѣпостниковъ, оно вредно и для государства. Указывали на то, что крестьяне, избавившись отъ принудительной власти помѣщиковъ, растратятъ свое имущество и затѣмъ разбредутся врозь, отъ этого пострадаетъ земледѣліе, множество пашенъ останется необработанными, подати будутъ *собираться* менѣе успѣшно, такъ какъ теперь помѣщикъ, отвѣчающій за исправность ихъ взноса, понуждаетъ къ тому крестьянъ.

Приводились наконецъ и такія соображенія, что крѣпостное право необходимо для спокойствія государства. Кн. Щербатовъ настаивалъ, что не должно освобождать вдругъ большаго числа людей, нужно опасаться, чтобы ограниченіемъ помѣщичьей власти „не развратились отъ начальныхъ основаній правленія, *не вкоренилось бы умствованіе равенства, до самой крайности доведеннаго*“. Можетъ произойти, однимъ словомъ, то, что современные публицисты извѣстнаго пошиба привыкли называть „потрясеніемъ основъ“: депутатъ Лопухинъ такъ и говоритъ, что ослабленіе власти помѣщиковъ произведетъ „разрушеніе тѣхъ основаній, на которыхъ утвердясь, отечество наше достигло столь вышней степени славы и благоденствія“. Можетъ дойти до того, что придется усмирять народъ вооруженною силою. Похвисневъ, вопреки здравому смыслу, утверждалъ даже, что съ освобожденіемъ крестьянъ будутъ чаще убійства помѣщиковъ.

Мы исчерпали всѣ доводы противниковъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Изъ мнѣній его защитниковъ мы уже знакомы съ заявленіемъ Коробьина. Сторонники его мнѣнія, такъ же какъ и онъ самъ, утверждали, что крестьяне чрезмѣрно обременены повинностями въ пользу помѣщика. Черносошный крестьянинъ Чупровъ, возражая на мнѣніе депутата Бровцына, говоритъ: „не на тѣхъ помѣщиковъ пономошеніе, которые благоразумными учрежденіями крестьянъ своихъ управляютъ, да и депутатъ Коробьинъ не о таковыхъ, но безмѣрно о мучащихъ крестьянъ своихъ и несносныя дани сбирающихъ представляетъ“, которые „недовольны тѣмъ, что, по желанію своему, по окладу съ души берутъ деньгами, съ тѣхъ же еще изъ домашняго произращенія сверхъ денегъ сбираютъ, да ихъ же и въ работу берутъ“. „Владѣлецъ, говоритъ однодворецъ Масловъ, ежедневно гонитъ крестьянъ на свою работу, „а хотя и отпуститъ, и то развѣ рѣдко бываетъ, на день или на два. Такъ какъ же имъ (крестьянамъ) пропитаніе имѣть или родившихся отъ нихъ дѣтей воспитать, что они всегда всѣми семьями на господина работаютъ, еще-жъ сверхъ того и подушныя деньги платятъ“. Многіе считаютъ побѣги крестьянъ самовольствомъ, а не подумаютъ, отъ радости ли иной крестьянинъ покидаетъ своихъ малыхъ дѣтищъ, чего не сдѣлаетъ и дикій звѣрь. По мнѣнію пахотнаго солдата Жеребцова, земледѣльца не хлѣбопашество удручаетъ, а чрезмѣрные поборы вслѣдствіе роскоши самихъ помѣщиковъ.

или жадности управителей и прикащиковъ. Послѣдніе самовольно удвоиваютъ или утроиваютъ оброкъ, назначенный господиномъ, и тѣхъ, кто не хочетъ его платить, „изуродовавъ разными мученіями“, неволею къ тому понуждаютъ. Крестьянинъ, не желая „видѣть тѣло свое обезображеннымъ“, покидаетъ свое жилище и разными способами достаетъ деньги. Масловъ, однодворецъ бѣлгородской провинціи, добавилъ къ этому, что крѣпостные страдаютъ не только у себя дома, но еще безвинно подвергаются наказаніямъ и въ судебныхъ мѣстахъ. Многіе помѣщики заставляютъ своихъ крестьянъ запахивать чужія поля, выкашивать сѣнные покосы, вырубать лѣсныя дачи и дѣлать разныя насилія въ чужихъ земляхъ, селахъ и слободахъ; отъ этого происходятъ драки и смертоубійства. Крестьянъ за это хватаютъ, бьютъ при допросахъ и морятъ въ тюрьмѣ. Если же они не послушаютъ господина, то терпятъ отъ него наказаніе.

Самое замѣчательное изъ мнѣній сторонниковъ улучшенія быта крестьянъ принадлежитъ депутату отъ шляхетства екатерининской провинціи Якову Козельскому. На обвиненія крестьянъ въ пьянствѣ и мотовствѣ онъ отвѣчалъ, что это происходитъ вслѣдствіе лишенія ихъ всякаго права собственности: крестьянинъ „разумѣетъ и впредь знаетъ, что все, что бы ни было у него, то говорятъ, что не его, да помѣщиково; такъ представьте себѣ, почтенное собраніе, какому человѣку тутъ надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить... И самый трудолюбивый человѣкъ сдѣлается нерадивымъ во всегдашнемъ насиліи... Я не понимаю, лучше, кажется, по человѣколюбію, стараться возбуждать народъ къ работѣ вольной и не томной, то онъ большій урокъ вырабатывать будетъ и не устанетъ, нежели одною неволею и удрученіемъ рабства“. Вмѣсто того, чтобы отдавать въ опеку уже разоренное имѣніе, гораздо лучше предупредить разореніе общимъ закономъ. Никакъ нельзя защищать такихъ помѣщиковъ, которые во вредъ себѣ и обществу разоряютъ своихъ крестьянъ, „*а таковыхъ число людей не умножается*, и статься можетъ оттого, что крестьяне потомкамъ помѣщичьимъ достаются легче, нежели какъ ихъ предкамъ“.—Помѣщикъ, противящійся опредѣленію повинностей, желаетъ имѣть большія права, чѣмъ само правительство, такъ какъ, говоритъ Козельскій, „самая верховная власть по самодержавію своему не требуетъ болѣе опредѣленной всякой службы, кромѣ на содержаніе необходимой войны“. На доводы ораторовъ консервативной партіи, что земледѣлецъ съ освобожденіемъ лишится помощи отъ господина во время неурожая и другихъ несчастій, Козельскій основательно отвѣчалъ, что помѣщики помогаютъ крестьянамъ ихъ же собственнымъ добромъ. „Мнѣ кажется“, писалъ онъ, „что помѣщикъ, сколько бы ни богатъ былъ, то онъ въ разсужденіи помѣстья своего и отъ него-жъ богатъ, и такъ, если онъ не лишаетъ крестьянъ собственнаго ихъ хлѣба, скота и всего пропитанія, такъ гдѣ-жъ онъ... возьметъ всего того, чѣмъ бы ему во время нужды, т. е.

въ самомъ крайнемъ недостаткѣ каждаго изъ крестьянъ своихъ снабдить; невозможное дѣло: отъ сего благодѣянія и владѣющій принцъ скоро откажется".

Таковы указанія на печальное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ и различные доводы въ пользу измѣненія ихъ быта въ мнѣніяхъ депутатовъ либеральной партіи: что же считали они необходимымъ сдѣлать для крестьянъ? Коробьинъ настаивалъ на опредѣленіи повинностей крестьянъ и ограниченіи власти помѣщика надъ ихъ имуществомъ. Съ этимъ соглашался и черносошный крестьянинъ Чупровъ, указывая на то, что и при отдачѣ мучающихъ своихъ крестьянъ подъ опеку, нужно точное указаніе о повинностяхъ, которымъ могъ бы руководствоваться опекунъ. Нахотный солдатъ Жеребцовъ, чтобы уничтожить злоупотребленіе прикащиковъ предлагалъ вовсе не назначать ихъ, а предоставить крестьянамъ съ общаго согласія выбирать старосту на годовой срокъ. Однодворецъ Кипенскій еще ранѣе Коробьина предлагалъ точно опредѣлять повинности помѣщичьихъ крестьянъ. Замѣчательное предложеніе сдѣлалъ однодворецъ Масловъ: онъ считалъ весьма полезнымъ учредить для завѣдыванія крестьянами особую коллегію или контору, которая имѣла бы въ провинціяхъ свои правленія или канцеляріи. Онѣ должны были наблюдать за исполненіемъ рекрутской повинности, собирать подушныя подати а также поборы въ пользу помѣщика, которые они и передавали бы по принадлежности: кромѣ административныхъ, на нихъ слѣдовало возложить и судебныя обязанности: разборъ жалобъ постороннихъ владѣльцевъ на крестьянъ и поземельныхъ споровъ, а также и жалобъ крѣпостныхъ на обиды отъ постороннихъ. При такомъ порядкѣ, говоритъ Масловъ, „отъ помѣщиковъ.... никто обиженъ не будетъ"; дѣйствительно помѣщики получали бы тогда только свои доходы (невольно пришлось бы правительству заняться ихъ уравненіемъ) и не могли бы мучить своихъ крестьянъ. Дѣло не обошлось бы безъ притѣсненій со стороны администраціи, но ихъ легче было бы сносить уже потому, что чиновниковъ менѣе, чѣмъ помѣщиковъ, и слѣдовательно вымогательства каждаго изъ нихъ падаютъ на большій районъ. Во всякомъ случаѣ, какія бы возраженія ни вызывала мысль Маслова, она весьма замѣчательна, такъ какъ до нѣкоторой степени отвѣчаетъ всегдашней мечтѣ крѣпостныхъ объ уравненіи ихъ съ казенными крестьянами.

Козельскій предлагаетъ, установивъ опредѣленное число дней барщины, въ то же время оцѣнить ихъ на деньги и предоставить соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ въ каждомъ имѣніи выборъ барщины или оброка. Такъ какъ мнѣніе его было навѣяно отношеніями, сложившимися въ Малороссіи, гдѣ крѣпостные, по его собственному свидѣтельству, обыкновенно работали 2 дня въ недѣлю, то онъ предлагалъ назначить въ пользу помѣщика два дня, а затѣмъ два дня опредѣлить на заработываніе податей,

два дня на собственную работу, а седьмой день на посѣщеніе церкви и отдыхъ[1]). Для тѣхъ, кто пожелалъ бы вмѣсто барщины платить оброкъ, Козельскій предлагалъ оцѣнить рабочій день, какъ зимній, такъ и лѣтній пѣшаго работника или съ упряжкою, круглымъ числомъ по 10 коп., тогда въ недѣлю помѣщику достанется съ крестьянскаго *двора* по 20 коп., а въ годъ по 10 руб. Такъ какъ въ то время во дворѣ бывало отъ 3 до 4 душъ, то оброкъ, предложенный Козельскимъ, въ среднемъ выводѣ равнялся обычному въ то время и въ Великороссіи сбору (по 2—3 р. *съ души*). Отъ опредѣленія повинностей произойдутъ, по мнѣнію Козельскаго, слѣдующія выгоды: крестьяне, стараясь о собственномъ обогащеніи, будутъ прилежнѣе заниматься земледѣліемъ; сдѣлавшись зажиточнѣе, станутъ болѣе размножать свои семейства; перестанутъ просить милостыню и прекратятъ разныя злодѣйства, наконецъ, вернутся на родину многіе изъ мужиковъ, бѣжавшихъ въ Польшу, Волошину и Венгрію. Это будетъ гораздо дѣйствительнѣе чѣмъ попытки вызова сербовъ и другихъ колонистовъ.

Точно опредѣлить крестьянскія повинности предлагали и другіе депутаты. Козельскій только подробнѣе развилъ эту мысль; но оригинальность его мнѣнія состоитъ въ томъ, что между тѣмъ, какъ Коробьинъ не говоритъ ничего положительнаго о надѣленіи крестьянъ землею въ собственность, Козельскій категорически рѣшаетъ этотъ вопросъ, хотя и говоритъ при этомъ не о правѣ собственности, а о потомственномъ пользованіи. Вотъ его слова: „Что же касается до имѣнія крестьянскихъ движимыхъ и недвижимыхъ, то оставить оными пользоваться крестьянамъ съ тѣмъ только, чтобы они безъ дозволенія помѣщика не властны были никому продать, ни заложить изъ недвижимыхъ имѣнія, а владѣли бы сами потомственно, *безъ участія помѣщикова*". Въ другомъ мѣстѣ онъ яснѣе выражаетъ мысль о необходимости отдѣлить крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ: „я бы разсуждалъ за полезное и во всѣхъ россійскаго государства областяхъ раздѣлить и отмежевать землю всѣмъ подданнымъ, кои въ слободахъ за владѣльцами живутъ и *владѣютъ граничащими къ тѣмъ слободамъ землями вообще* для того, чтобы мужики, почитая тѣ земли за собственный свой удѣлъ, основательнѣе обзаводиться и постояннѣе жить могли". Мы видѣли, что тоже самое предлагалъ и Посошковъ. Замѣчательно также, какъ видно изъ словъ напечатанныхъ курсивомъ, что Козельскій зналъ о существованіи общиннаго землевладѣнія и, повидимому, ничего не имѣлъ противъ его сохраненія при измѣненіи быта крестьянъ. Такимъ образомъ, по мысли Козельскаго, крестьяне должны были получить земли въ неотъемлемое владѣніе за умѣренныя повинности; нельзя не признать, что это было одно изъ самыхъ лучшихъ

[1]) Такое же распредѣленіе времени крѣпостныхъ предлагалъ, какъ мы видѣли, установить однодворецъ казанской пров., Кирѣевскій, въ засѣданіи 2-го мая 1768 г.

временныхъ рѣшеній вопроса, да и вообще оно было лучше такой реформы, какъ освобожденіе крестьянъ безъ земли, допущенное русскимъ правительствомъ полвѣка позднѣе въ Прибалтійскомъ краѣ.

Къ сожалѣнію, при всѣхъ достоинствахъ его мнѣнія, Козельскій раздѣляетъ мысль Коробьина, что личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть сохранена [1], слѣдовательно, къ нему прилагаются замѣчанія, высказанныя весьма многими депутатами о томъ, какъ нелогично давать право на имущество и сохранять личную зависимость, хотя при предложенномъ имъ окончательномъ отдѣленіи крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ труднѣе какія-либо вымогательства.

Размѣръ крестьянскихъ повинностей, особенно барщины, предложенный Козельскимъ, нельзя не признать умѣреннымъ сравнительно съ тѣмъ, какой обыкновенно существовалъ въ то время въ Великороссіи; что же касается Малороссіи, то онъ былъ только сколкомъ съ дѣйствительности. По относительно Южной Россіи Козельскій на этомъ не останавливается: онъ желаетъ ограничить свободу перехода тамошнихъ крестьянъ, а именно взимать штрафъ съ помѣщиковъ, принимающихъ сходцевъ и дозволить переходъ не иначе, какъ съ отпускными письмами [2] (о крестьянскомъ вопросѣ въ Малороссіи см. ниже).

Чрезвычайно странно, что мнѣніе Козельскаго не вызвало никакихъ преній въ коммиссіи уложенія, несмотря на то, что оно было прочитано еще 23-го мая, слѣдовательно, дней за 10 до прекращенія преній по крестьянскому вопросу, а между тѣмъ въ немъ заключались требованія гораздо болѣе рѣзкія, чѣмъ мнѣнія Коробьина, и болѣе непріятныя для великороссійскихъ помѣщиковъ: вмѣсто неопредѣленнаго желанія ограничить повинности, мы находимъ у Козельскаго предложеніе назначить двухдневную барщину; тогда какъ Коробьинъ уклонялся отъ категорическаго рѣшенія вопроса о недвижимой собственности, Козельскій прямо требовалъ предоставленія крестьянамъ земли въ потомственное пользованіе. Странно также, что не нашлось голоса въ защиту Козельскаго, между тѣмъ, когда онъ въ засѣданіи 21-го сентября 1767 года, произнесъ рѣчь за сохраненіе правъ служилаго дворянства, она вызвала такое сочувствіе, что къ его мнѣнію присоединилось 22 депутата отъ однодворцевъ, различныхъ городовъ и т. п. Рѣчь Козельскаго по крестьянскому вопросу не могла, конечно, понравиться великороссійскимъ помѣщикамъ, но, повидимому, она должна была бы вызвать сочувствіе малороссійскаго шляхетства, такъ какъ онъ требовалъ ограниченія права свободнаго перехода крестьянъ; однако

---

[1] „Крестьяне [illegible] своихъ помѣщиковъ всегда бы [illegible] страхѣ и почитаніи ихъ, какъ они имъ и вѣрны“.

[2] Переходъ [illegible] съ отпускными былъ установленъ уже указомъ 10-го декабря 1763 года. „Полное собраніе законовъ“, т. XVI, № 11987.

ко же, не случилось и этого. Депутатъ отъ шляхетства Переяславскаго полка, Забѣлла, замѣтилъ по поводу мнѣнія Козельскаго, что напрасно онъ предлагаетъ измѣнить положеніе крестьянъ въ Великороссіи, не зная тамошнихъ порядковъ (у Козельскаго не было тамъ имѣнія). Я упомянулъ объ этомъ, сказалъ Забѣлла, только для того, чтобъ нѣкоторые депутаты изъ великороссійскихъ дворянъ не подумали, что и другіе, отринувъ всякую благопристойность, молчаніемъ своимъ выражаютъ согласіе съ мнѣніемъ, отнимающимъ у нихъ право распоряжаться тѣмъ имѣніемъ, которымъ они сами и ихъ предки издревле владѣли. Что же касается его предложеній относительно владѣльческихъ людей въ Малороссіи, то не слѣдуетъ обижать и слабѣйшихъ жителей. Императрица именнымъ указомъ подтвердила чтобы малороссійскіе крестьяне остались въ прежнемъ положеніи, поэтому нечего Козельскому и предлагать измѣненіе ихъ быта. Малороссійское шляхетство испрашиваетъ у государыни подтвержденія своихъ правъ и привилегій, но въ то же время онъ считаетъ долгомъ справедливости заботиться о сохраненіи выгодъ и простого народа, находящагося въ его владѣніи, будучи довольно состояніемъ и платежами принадлежащихъ ему людей.

Покончивъ съ мнѣніями и проектами депутатовъ, желавшихъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, мы посмотримъ, соглашались ли на какія-нибудь мѣры въ ихъ пользу представители консервативной партіи. Депутатъ Протасовъ, указавъ на непослѣдовательность въ мнѣніи Коробьина (дать крестьянину право собственности и въ то же время оставить его личность въ зависимости отъ помѣщика), затѣмъ продолжаетъ: „и такъ, по его мнѣнію, иного не остается" (т. е. въ томъ случаѣ, если желаютъ, чтобы крестьянинъ пользовался дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ правомъ собственности), „какъ сдѣлать крестьянъ свободными, если-бы на то монаршее соизволеніе было и ничего, кажется, нѣтъ природнѣе человѣку какъ вольность: да и для чего бы нижнему роду оной какъ прочимъ не пользоваться, но я на то спрошу, не должно ли разобрать положеніе всякой земли, и не справедливо ли, что не все то можетъ въ одной быть полезно, что въ другой. *И такъ, по моему, безполезно Россіи, чтобы всѣ члены ея были вольны, ибо въ обоихъ ограниченныхъ правленіяхъ нижнему роду вольность сколько-нибудь примѣтна, да и въ самыхъ тѣхъ государствахъ вольность по большей части вредна бываетъ*" (срав. выше мнѣніе историка Татищева). Изъ приведеннаго ясно, что Протасовъ вовсе не желаетъ реформы, хотя бы произведенной „исподволь". Онъ согласенъ только, чтобы владѣльцы отпускали на волю своихъ людей и чтобы этихъ вольноотпущенныхъ уже никому не закрѣпощали. Только такимъ путемъ согласенъ онъ предоставить свободу нѣкоторымъ членамъ низшаго сословія, а это вовсе не даетъ еще права причислить его къ аболюціонистамъ.

Большинство депутатовъ консервативной партіи соглашалось лишь на

одну (уже существовавшую) мѣру въ пользу крѣпостныхъ: отдавать подъ опеку имѣнія владѣльцевъ, мучающихъ и разоряющихъ своихъ крестьянъ. Только Кондыревъ замѣтилъ, что такихъ разорителей рода человѣческаго слѣдуетъ, подвергнувъ наказанію, какому укажетъ государь по законамъ, исключать изъ дворянскаго общества, да Чаадаевъ соглашался, чтобы составлены были особыя правила, на основаніи которыхъ помѣщика можно было подвергать наказанію за злоупотребленіе властію. Кромѣ того, депутаты Глазовъ и Лопухинъ предлагали предоставить собираніе свѣдѣній о положеніи крѣпостныхъ и вообще обсужденіе крестьянскаго вопроса одной изъ частныхъ коммиссій. Такимъ крѣпостническимъ настроеніемъ депутатовъ отъ дворянъ императрица, по свидѣтельству Соловьева, была будто бы весьма недовольна [1]).

Итакъ, большинство дворянскихъ депутатовъ было противъ всякой реформы въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли, почти всѣ ораторы изъ дворянъ соглашались на одно ограниченіе помѣщичьей власти: запрещеніе торга людьми въ розницу [2]).

При большомъ собраніи коммиссіи для составленія новаго уложенія было образовано (19) частныхъ коммиссій для разработки различныхъ частей законодательства. Между прочимъ, коммиссія о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, на дѣятельности которой мы остановимся ниже подробнѣе, составляла проекты правъ благородныхъ и проектъ правъ третьяго рода жителей. Къ половинѣ 1768 г., былъ уже приготовленъ проектъ правъ благородныхъ, въ которомъ есть нѣсколько статей о владѣніи населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ. Этотъ проектъ былъ препровожденъ въ большое собраніе коммиссіи съ нѣкоторыми примѣчаніями дирекціонной коммиссіи. Такъ, напримѣръ, противъ статьи: „благородные имѣютъ право владѣть деревнями по узаконеніямъ" было отмѣчено: «какъ далеко власть или права владѣльца надъ его деревнями простирается, о томъ поручено трудиться коммиссіи о имѣніяхъ». Любопытна слѣдующая статья проекта: „благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія

[1]) [illegible] *Всё, что слышите о рабѣ,* [illegible] *скотинкою* [illegible] „Ист. Россіи" XXVII [illegible] изъ депутатскихъ рѣчей.

[2]) [illegible] о крестьянахъ въ коммиссіи уложенія, возбужденныхъ мнѣніемъ Коробьина, [illegible] (Сб. Ист. Общ. IV, стр. XXII—XXIII), [illegible] подробно изложены [illegible] „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II" (Отеч. Зап. 1878 г., № 11, стр. 234—258). Теперь эти матеріалы напечатаны проф. Сергѣевичемъ въ Сборн. Ист. Общ. т. XXXII.

крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ, но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно". Для правильнаго пониманія этой статьи нужно замѣтить, что по проекту правъ третьяго рода людей, составленному коммиссіей, свободные крестьяне (подъ которыми разумѣли жителей Малороссіи, Финляндіи и нѣкоторыхъ острововъ Балтійскаго моря) могли переходить съ мѣста на мѣсто, могли жаловаться на помѣщика, пользовались неограниченнымъ правомъ собственности на движимое имущество, но, не имѣя собственныхъ земель, они получали ихъ отъ дворянъ въ пользованіе, „на сколько тѣ согласятся", а по истеченіи срока господинъ могъ согнать ихъ съ земли. Слѣдовательно, перемѣна права владѣнія крѣпостныхъ деревень на „право деревень свободныхъ" представляла *освобожденіе крестьянъ безъ земли*, которое поставило бы ихъ въ совершенную экономическую зависимость отъ помѣщиковъ. Далѣе въ проектѣ правъ благородныхъ было постановлено: „благородные могутъ дѣлать благороднымъ завѣщанія съ условіемъ, законами опредѣленнымъ, на деревни свободныя, крѣпостныхъ же деревень" завѣщать такимъ образомъ не дозволялось. Въ примѣчаніи на этотъ пунктъ дирекціонной коммиссіи было сказано: „въ чемъ состоитъ условіе, и какіе оному положить предѣлы, о томъ поручено трудиться той же коммиссіи о имѣніяхъ". Для поощренія дворянъ къ обращенію крѣпостныхъ деревень въ свободныя въ проектѣ правъ благородныхъ было постановлено, что покупать и продавать свободныя деревни дозволялось дворянамъ безпошлинно, а также благопріобрѣтенныя свободныя деревни они могли „отказывать всякому благородному, кому они заблагоразсудятъ, крѣпостныхъ же деревень и родовыхъ свободныхъ никто дарить не можетъ". Благороднымъ дозволялось продавать и закладывать всякія, „кромѣ условіемъ запрещенныхъ", деревни по своему усмотрѣнію, лишь бы покупщикъ былъ человѣкъ благородный [1]).

Когда въ Іюлѣ 1768 г. проектъ правъ благородныхъ поступилъ на обсужденіе большой законодательной коммиссіи, вышеприведенныя его статьи, касающіяся владѣнія населенными имѣніями, вызвали многочисленныя замѣчанія со стороны членовъ коммиссіи; весьма многіе изъ нихъ жаловались на неясность этихъ постановленій, въ которыхъ не было даже сказано, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами: „право деревень свободныхъ", но нѣкоторые все-таки высказали свое мнѣніе и по существу. Такъ депутатъ отъ дворянства Похвисневъ находилъ вреднымъ дозволеніе перемѣнять право владѣнія крѣпостныхъ деревень на право деревень свободныхъ: ему казалось во первыхъ, что такое право выходитъ за „предѣлы подданнаго"; затѣмъ онъ считалъ несправедливымъ отдать крестьянамъ земли, пожалованныя предкамъ нынѣшнихъ владѣль-

[1]) Сборн. Ист. Общ. т. XXXII, 580—82, XXXVI, 280—82.

немъ, и даже вреднымъ для самихъ крестьянъ, такъ какъ свободныя деревни, имѣя возможность пользоваться только разъ навсегда отданною имъ землею (Похвисневъ полагалъ, что коммиссія предлагаетъ освобожденіе съ земельнымъ надѣломъ) со временемъ почувствуютъ недостатокъ въ землѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и депутатъ отъ дворянства Степановъ. Депутатъ Нарышкинъ указалъ на то, что неясность статьи о свободныхъ деревняхъ не даетъ даже возможности подвергнуть ее обсужденію, по вопросу же о завѣщаніи и дареніи деревень предложилъ крѣпостныя, благопріобрѣтенныя деревни оставить на волю владѣльца. Однимъ изъ видныхъ ораторовъ по этому вопросу явился, какъ и слѣдовало ожидать, кн. М. М. Щербатовъ. Онъ прежде всего указалъ на то, что коммиссія должна не увлекаться „тщетными мечтаніями" о свободѣ, а согласовать проектъ законовъ съ состояніемъ государства, „умоначертаніемъ" и „уметвованіемъ народа", наконецъ съ климатомъ обширной имперіи. Дозволеніе надѣлить свои деревни правомъ деревень свободныхъ Щербатовъ понимаетъ такимъ образомъ, что этого права, даннаго какимъ нибудь помѣщикомъ своей деревнѣ, „ни самъ онъ, ни его потомки отнять не могутъ". Онъ признаетъ, что помѣщикъ, имѣющій „злонравнаго сына", можетъ освободить своихъ крестьянъ, чтобы оградить ихъ отъ предстоящихъ притѣсненій, или можетъ даровать крестьянамъ свободу за деньги (ораторъ напоминаетъ, что большая часть французскихъ крестьянъ выкупилась на волю отъ своихъ господъ). Но нужна ли помѣщичьимъ крестьянамъ свобода? въ какомъ состояніи они теперь находятся? Щербатовъ утверждалъ, что они становятся все богаче, какъ это подтверждается и жалобами въ наказахъ отъ городовъ на то, что крестьяне своею торговлею сильно вредятъ купеческому сословію. Предлагаемую мѣру онъ считаетъ крайне вредною, такъ какъ она „разрываетъ цѣпь, связующую помѣщиковъ съ ихъ крестьянами": отъ этого пострадаетъ нравственность крѣпостныхъ, начнутся разбои, воровство, недоимки въ государственныхъ сборахъ, ухудшеніе земледѣлія, запустѣніе фабрикъ и заводовъ. „Еще россійскій народъ", продолжалъ Щербатовъ, „требуетъ во многомъ просвѣщенія, котораго ни отъ кого иного, какъ отъ своихъ господъ, крестьяне получить не могутъ и слѣдственно, если бы возможно было безъ утѣсненія, надлежало бы стѣснить сей союзъ, ихъ взаимно связующій, а не клониться его прервать". Если бы даже освобожденіе деревень могло увеличить ихъ благосостояніе, то „единое имя свободы... не произведетъ ли уметвованіе неподданства, до самой крайности доведеннаго?" Освобожденные крестьяне всегда будутъ подозрѣвать своихъ господъ, что они „мѣру власти своей превосходятъ". Въ концѣ концовъ „одна свободная деревня не токмо сама вредъ восчувствуетъ, но и другимъ сосѣдственнымъ не вложитъ ли мысли зависти, непокорства и негодованія". Если же даровать свободу съ условіемъ, что освобожденное селеніе за нарушеніе обязанностей „прилич-

ныхъ его состоянію", будетъ лишено свободы, то исполненіе этой угрозы вызоветъ ропотъ и даже сопротивленіе. Съ этимъ мнѣніемъ согласились 33 депутата и въ томъ числѣ даже 3 депутата отъ черносошныхъ крестьянъ [1]. Депутатъ отъ дворянства Протасовъ и съ нимъ еще 9 дворянскихъ депутатовъ высказались также противъ дозволенія освобождать деревни, населенныя крѣпостными. Такимъ образомъ, при первоначальномъ обсужденіи проекта правъ благородныхъ всѣ ораторы изъ дворянства высказались противъ дозволенія помѣщикамъ освобождать свои населенныя имѣнія, которыми они владѣютъ на крѣпостномъ правѣ; это предложеніе не встрѣтило тогда вовсе защитниковъ; но они нашлись при вторичномъ обсужденіи проекта правъ благородныхъ въ сентябрѣ 1768 г., когда устраивались формальныя пренія между защитниками и противниками той или другой статьи проекта.

Кн. Щербатовъ выступилъ и на этотъ разъ противникомъ статьи проекта, дозволявшей помѣщикамъ обращать свои крѣпостныя деревни въ свободныя, и при этомъ повторилъ уже извѣстные намъ доводы. Защитникомъ проекта въ этомъ отношеніи явился Коробьинъ, который, на сколько мы знаемъ изъ дневныхъ записокъ собранія, говорилъ вопреки мнѣнію Щербатова, что „имя свободы причиняетъ пользу", возбуждаетъ дѣятельность крестьянъ и дѣлаетъ ихъ полезными государству и помѣщику. Онъ настаивалъ на томъ, что можно дозволить освобожденіе деревень, а кн. Щербатовъ протестовалъ противъ этого, находя, что такое дозволеніе будетъ даже противно Наказу (?). Коробьинъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ депутата отъ дворянства, Татищева, который сказалъ, что разсматриваемая статья проекта дастъ случай дворянству показать, на сколько оно готово жертвовать своими интересами ради пользы государства, что освобожденіе имѣнія сдѣлаетъ честь дворянину, что оно не можетъ принести никакого вреда, что государыня „такъ изволитъ, и на то ея есть воля, чтобы крестьяне были свободны". Тутъ маршалъ коммиссіи А. И. Бибиковъ перебилъ оратора и сказалъ, что онъ „удалился отъ матеріи, и что дѣло идетъ не о томъ, чтобъ крестьяне были свободны", а о томъ, „можетъ ли дворянинъ перемѣнить права деревень крѣпостныхъ на право свободныхъ"; кромѣ того, маршалъ замѣтилъ Татищеву, что онъ отнюдь не долженъ упоминать о волѣ императрицы", ибо гдѣ есть монаршее соизволеніе, тутъ господа депутаты уже разсуждать и власти не имѣютъ", а разсматриваемый проектъ „сочиненъ и предлагается отъ частной коммиссіи" и подлежитъ обсужденію депутатовъ. Послѣ этого перерыва Татищевъ продолжалъ, что государыня „разумъ вольности въ

[1] Что касается отпусканія деревень съ условіемъ, то Щербатовъ предложилъ дозволить это лишь относительно благопріобрѣтенныхъ, а не родовыхъ; распоряжаться же благопріобрѣтенными крѣпостными деревнями никоимъ образомъ стѣснять не слѣдуетъ.

насъ во всѣхъ вселить хочетъ, за что мы должны ее превозносить и прославлять", что хлѣбопашеству не повредитъ, если дворянинъ будетъ „имѣть крестьянъ подданными, а не рабами", и привелъ въ примѣръ англичанъ. Тутъ маршалъ опять прервалъ Татищева, сказавъ, чтобы онъ говорилъ „о россійскомъ положеніи", а не объ англійскомъ. Щербатовъ настаивалъ на исключеніи этой статьи и прибавилъ, что если онъ считаетъ ее вредною для дворянства, то не потому, чтобы онъ предпочиталъ свою пользу государственной: онъ убѣжденъ, напротивъ, что дворяне не откажутся всѣмъ пожертвовать для пользы государства. Если бы, продолжалъ онъ, государынѣ „угодно было хлѣбопашцевъ сдѣлать вольными, то бы она въ другой главѣ Наказа написать о томъ изволила". Но это установленіе было бы вредно для хлѣбопашества, такъ какъ при холодномъ климатѣ Россіи земледѣльцевъ необходимо понуждать къ работѣ: „правительство за такою пространною монархіею усмотрѣть не можетъ; нынѣ же дворяне, владѣя своими деревнями, лучшій присмотръ дѣлаютъ". Что касается Англіи, на которую ссылается Татищевъ, то, по мнѣнію Щербатова, „вольность сему королевству такъ дорого стоитъ, что ни за какую цѣну сей вольности желать не надлежитъ", а къ тому же — „что одному государству полезно, то другому вредно". Обѣ стороны остались при своемъ мнѣніи.

Въ проектѣ правъ благородныхъ была еще статья, предоставляющая дворянамъ право давать своимъ людямъ свободу „частно", т. е. по одиночкѣ; къ этой статьѣ дирекціонная коммиссія сдѣлала такое примѣчаніе: „но могутъ ли крѣпостные частно продаваемы быть, о томъ будетъ дѣлать положеніе коммиссія о государственныхъ родахъ, которой и поручено оное". Такимъ образомъ былъ вновь возбужденъ вопросъ о продажѣ крѣпостныхъ въ розницу. Противъ запрещенія такой продажи на этотъ разъ высказался, во первыхъ, депутатъ отъ дворянства, Выродовъ, находя, что оно будетъ вредно дворянству и поведетъ „многихъ къ великому упадку и бѣдности, такъ какъ теперь дворянинъ, сдѣлавъ долгъ, можетъ уплатить его, „продавъ одну или двѣ семьи", а тогда „для малой суммы" долженъ будетъ продать всю деревню, а самъ остаться безъ всякаго пропитанія; кромѣ того, мелкопомѣстные дворяне, не имѣющіе средствъ для покупки цѣлаго селенія, не будутъ тогда имѣть возможности увеличить свое имѣніе. Извѣстный намъ депутатъ отъ дворянства, Глазовъ, также высказался противъ запрещенія продажи людей въ розницу, что же касается права дворянъ отпускать крѣпостныхъ на волю по одиночкѣ, то онъ предлагалъ постановить, чтобы вольноотпущенные чрезъ шесть мѣсяцевъ записались бы за другими помѣщиками, которые стали бы платить за нихъ подати, въ противномъ же случаѣ изъ такихъ вольноотпущенныхъ годныхъ къ военной службѣ слѣдуетъ записать въ солдаты, а негодныхъ ссылать на поселеніе въ Сибирь. Депутатъ отъ эстляндскаго

дворянства Ренненкампфъ замѣтилъ, что дворянинъ имѣетъ право давать свободу не только отдѣльнымъ личностямъ но „и цѣлыми семействами, деревнями и всѣмъ ему принадлежащимъ крестьянамъ“ и требовалъ, чтобы это было прямо сказано въ проектѣ правъ благородныхъ; при этомъ онъ не задавался вопросомъ, полезно-ли будетъ освобожденіе цѣлыми деревнями для самихъ крестьянъ и при какихъ условіяхъ, а стоялъ только за возможно большую полноту правъ помѣщика. Съ этой точки зрѣнія онъ отстаивалъ и сохраненіе права продавать крѣпостныхъ въ розницу. Случающіяся въ этомъ отношеніи злоупотребленія не составляютъ, по мнѣнію Ренненкампфа, достаточной причины, чтобы лишать дворянина его права, а слѣдуетъ лишь принять мѣры противъ злоупотребленій. Продажу людей по одиночкѣ онъ считалъ полезною и для государства, такъ какъ она облегчаетъ поставку рекрутъ для арміи и флота

Во время преній о проектѣ правъ благородныхъ обсуждался также вопросъ объ ограниченіи правъ дворянства на заведеніе фабрикъ и заводовъ. При этомъ крестьянинъ Чупровъ и однодворецъ Кипенскій требовали, чтобы на дворянскихъ фабрикахъ работали только вольнонаемные (къ мнѣнію Кипенскаго присоединились 21 депутатъ отъ крестьянъ и инородцевъ), а депутатъ отъ казаковъ новохоперской крѣпости Алейниковъ предлагалъ, чтобы фабрики и заводы могли содержать только купцы.

Въ проектѣ правъ благородныхъ было между прочимъ сказано: „всѣ произращенія и произведенія земляныя, также звѣри, птицы и рыбы, на мѣстѣ владѣнія чьего находящіеся, принадлежатъ прямо той земли владѣльцу“. Казакъ Алейниковъ предложилъ эту статью исключить, такъ какъ, по его мнѣнію, „произращенія и произведенія земляныя тако жъ звѣри, и птицы, и рыбы все имѣніе крестьянское, за которое каждый крестьянинъ платитъ государственныя подати“. Онъ предложилъ также постановить, что дворяне не имѣютъ право охотиться за звѣрями и птицами, на что маршалъ замѣтилъ, что „сего бы ему и писать не надобно было“ [1]).

[1]) Нѣсколько депутатовъ отъ дворянства высказались въ пользу той статьи проекта, по которой доносъ и свидѣтельство крѣпостного на его господина объявлялись недѣйствительными, но депутатъ отъ однодворцевъ Кипенскій выразилъ мнѣніе, что такое ограниченіе было бы крайне вредно въ случаяхъ объ измѣнѣ, воровствѣ, разбоѣ, убійствѣ и т. п., и съ этимъ мнѣніемъ согласились очень многіе депутаты отъ городовъ и крестьянъ. Казакъ же Алейниковъ предложилъ во всѣхъ дѣлахъ принимать доносы крѣпостныхъ на ихъ господъ. „Сборн. Истор. Общ.“ т. XXXII и XXXVI.

ГЛАВА IX.

[illegible] по крестьянскому вопросу частной коммиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ [illegible]. Проектъ барона Вольфа, мысли о крестьянахъ [illegible] Штернберга и [illegible]. Проектъ правъ третьяго рода людей, составленный частною коммиссіею. [illegible] крѣпостныхъ [illegible]. Проектъ [illegible], составленный деп. Титовымъ.

Въ то время, когда нѣкоторые депутаты предлагали поручить изслѣдованіе крестьянскаго вопроса особой коммиссіи, она уже не только существовала, но и приступила къ занятію этимъ предметомъ: это была частная коммиссія „о разборѣ родовъ государственныхъ жителей“.

Въ каждую изъ такихъ коммиссій выбиралось по 5 членовъ, изъ которыхъ двухъ предлагали генералъ-прокуроръ и маршалъ (или одного оба вмѣстѣ; каждый изъ членовъ могъ выбрать себѣ еще помощника, но безъ права голоса. Всѣ частныя коммиссіи находились въ непосредственной зависимости не отъ большаго собранія, а отъ одной изъ частныхъ коммиссій, такъ называемой дирекціонной; даже выборы въ члены той или другой частной коммиссіи происходили только по предложенію этой послѣдней. Правительство имѣло большое вліяніе на составъ частныхъ коммиссій, во-первыхъ, потому, что два члена назначались маршаломъ и генералъ-прокуроромъ, а, кромѣ того, императрица нерѣдко совѣтовала черезъ маршала взять въ какую-нибудь коммиссію то или другое лицо, члена того или другого сословія [1]. Лица, предлагаемыя маршаломъ или генералъ-

[1] [illegible] Екатерины, изд. Смирдина, III, 492.

прокуроромъ, иногда также указывались имъ самою императрицею. Для этого она разспрашивала у лично извѣстныхъ ей депутатовъ о нѣкоторыхъ изъ ихъ товарищей [1]).

5-го сентября 1767 г. маршалъ заявилъ въ засѣданіи большаго собранія, что, по желанію дирекціонной коммиссіи, нужно избрать членовъ въ коммиссію о разборѣ государственныхъ родовъ. Стали называть кандидатовъ, которыхъ набралось болѣе 50-ти человѣкъ; при баллотировкѣ, продолжавшейся въ трехъ засѣданіяхъ, большинство голосовъ получили гр. Ѳед. Орловъ (оберъ-прокуроръ въ сенатѣ), гр. Я. Брюсъ, кн. Голицынъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа и адмиралъ И. Чернышевъ. Но маршалъ предложилъ депутата отъ города Архангельска, Свѣшникова, а генералъ-прокуроръ бар. Іогана Адольфа Унгерна-Штернберга (послѣдній, впрочемъ, и во время баллотированія въ коммиссіи получилъ довольно значительное количество голосовъ). Эти два депутата заняли мѣста въ частной коммиссіи вмѣсто Вильбоа и адмирала И. Чернышева, а остальными членами, согласно выбору, сдѣлались Ѳ. Орловъ, Я. Брюсъ и князь Голицынъ [2]). Назначеніе Свѣшникова можно объяснить желаніемъ правительства, чтобы въ коммиссіи, составлявшей проекты правъ различныхъ состояній, былъ бы представитель и купечества; но для сочиненія проекта закона о правахъ „средняго рода людей“ была впослѣдствіи избрана особая частная коммиссія, поэтому гораздо полезнѣе было бы участіе въ коммиссіи, которая много потрудилась надъ составленіемъ законовъ о крестьянахъ, кого-либо изъ представителей свободнаго сельскаго населенія Россіи. Что касается Унгерна-Штернберга, одного изъ депутатовъ отъ лифляндскаго дворянства, то въ немъ коммиссія о государственныхъ родахъ пріобрѣла весьма дѣятельнаго члена, но по отношенію къ крестьянскому вопросу слишкомъ проникнутаго мнѣніемъ о превосходствѣ остзейскихъ порядковъ, хотя это не значитъ, чтобы онъ принадлежалъ къ числу консерваторовъ.

Тотчасъ по избраніи, члены коммиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ удалились въ особое засѣданіе, которое открыли чтеніемъ полученнаго ими наставленія изъ дирекціонной коммиссіи. Во время третьяго за-

[1]) [illegible] Унгерна-Штернберга [illegible] Reichsversammlung zu Moskau“, Baltische Monatsschrift, 1862 г., Bd. V, 151. [illegible]

[2]) [illegible] Публичной Библіотеки, л. 33—36.

сѣданія, члены объявили, кого они избрали своими помощниками [1]. Оказалось, что 4 изъ 11, засѣдавшихъ въ этой коммиссіи, были остзейцы.

Г. Сергѣевичъ [2] справедливо обратилъ вниманіе на тотъ существенный недостатокъ въ организаціи частныхъ коммисій, что дѣятельность ихъ не была приведена въ должную зависимость и связь съ работами большой коммиссіи. Другимъ важнымъ недостаткомъ, вредившимъ успѣшности дѣйствій этихъ коммиссій, была весьма частая смѣна ихъ членовъ, вслѣдствіе чего приходилось иной разъ вновь передѣлывать уже сдѣланное въ прежнихъ засѣданіяхъ, но оставшееся неизвѣстнымъ вновь вступившимъ членамъ. Не могло быть также полезно и нерѣдкое отсутствіе членовъ по случаю правительственныхъ командировокъ или по своей надобности.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, по предложенію О. Орлова, планъ работъ коммиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ былъ раздѣленъ на 3 части: 1) о дворянствѣ, которое составляетъ 4 степени: князья, графы, бароны и дворяне, 2) о среднемъ родѣ людей, или мѣщанахъ, въ составъ которыхъ входитъ 8 степеней: бѣлое духовенство, ученые художники, купцы, ремесленники, приказные, разночинцы и вольноотпущенные и 3) о третьемъ родѣ или поселянахъ, которые раздѣляются на двѣ степени свободныхъ и несвободныхъ. Планъ этотъ былъ утвержденъ дирекціонной коммиссіей. Собрать матеріалы о дворянствѣ взялся гр. Брюсъ, о среднемъ родѣ или мѣщанахъ—Свѣшниковъ, о поселянахъ—Унгернъ-Штернбергъ, „и положили между собою“, сказано въ дневныхъ запискахъ, „что изъ другихъ европейскихъ узаконеній и правъ, выбирая приличное къ овымъ матеріямъ, переводить каждому принадлежащее къ своей матеріи, которыя послѣ читать въ коммиссіи для общаго разсужденія“; для этого потребовали изъ дирекціонной коммиссіи книги и разные необходимые матеріалы, законы остзейскіе, шведскіе, малороссійскіе.

Этимъ собраніемъ матеріаловъ о дворянахъ и крестьянахъ и занималась преимущественно коммиссія въ началѣ своей дѣятельности [3]; но трудъ этотъ не палъ на однихъ Брюса и Унгерна-Штернберга. Началось съ того, что, вслѣдствіе временной отлучки, графъ Брюсъ поручилъ собрать

---

[1] [illegible] Александръ Голицынъ избралъ депутата отъ города Нарвы, Штральборна, [illegible] депутата отъ города Ревеля, Фонтина, графъ Брюсъ — представителя [illegible] Гефелина, баронъ Унгернъ-Штернбергъ одного изъ эстляндскихъ депутатовъ [illegible] барона фонъ-Фальца, а затѣмъ еще бар. [illegible]. Унгернъ-Штернбергъ хотѣлъ [illegible] своимъ помощникомъ Гадебуша, но оказалось, что [illegible] не понимаетъ по-русски, какъ и большинство другихъ остзейскихъ депутатовъ. (См. [illegible] „Balt. Monatsschr.“, 1862, V, 115). Помощники гр. О. Орлова были [illegible] изъ [illegible] малороссійскихъ депутатовъ.

[2] [illegible] Екатерининской [illegible] коммиссіи“ („Вѣстн. Евр.“ 1878 г. № 1).

[3] [illegible] особой коммиссіи.

матеріалы изъ австрійскихъ законовъ кн. Тюфякину, что тотъ и исполнилъ, а потомъ, по желанію коммиссіи, бар. Вольфъ, на основаніи ихъ, составилъ записку о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Австріи; затѣмъ, послѣ чтенія нѣкоторыхъ матеріаловъ, члены коммиссіи въ началѣ декабря 1767 г. распредѣлили между собою трудъ „выбрать изъ разныхъ чужестранныхъ узаконеній права крестьянъ свободныхъ и крѣпостныхъ."

Первые мѣсяцы 1768 г. коммиссія преимущественно занималась составленіемъ проекта правъ благородныхъ, но затѣмъ въ апрѣлѣ и маѣ членами были представлены обѣщанные ими труды о положеніи крестьянъ въ западной Европѣ, а одинъ изъ нихъ составилъ даже проектъ законовъ о русскихъ крестьянахъ [1]. Такимъ образомъ, коммиссія весьма внимательно занялась изученіемъ положенія иностранныхъ крестьянъ. Незадолго передъ тѣмъ, какъ было окончено собраніе этихъ матеріаловъ [2], императрица обнародовала (8-го апрѣля 1768 г.) „начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи проекта новаго уложенія". Третій отдѣлъ этого начертанія, гдѣ говорилось „о нижнемъ родѣ", служилъ прямою инструкціею для коммиссіи, которой поручено было составленіе законовъ о крестьянахъ. Нижній родъ, говоритъ императрица, несмотря на пользу, приносимую имъ обществу „иногда обремененъ бываетъ... изъ чего слѣдуетъ, что помышлять надлежитъ о такихъ учрежденіяхъ, отъ коихъ бы сей родъ людей нѣкоторую пользу почувствовалъ къ облегченію бремени". Начать это дѣло нужно съ изученія современнаго быта крестьянъ. Затѣмъ авторъ, которому изъ Монтескье было извѣстно французское дѣленіе рабства на „servitude réelle" и „servitude personelle" объясняетъ: „Извѣстны въ свѣтѣ два рода невольныхъ людей: 1) неволя существенная, 2) неволя личная. Существенная есть та, которая дѣлаетъ человѣка за-

[1] Баронъ Унгернъ-Штернбергъ сообщилъ „Лифляндскія права", а [illegible] бар. Вольфъ „[illegible] о [illegible] крестьянствѣ" и мекленбургскія права. Баронъ [illegible] представилъ [illegible] описаніе [illegible] крестьянъ, которые живутъ на островѣ [illegible], принадлежащемъ къ [illegible] герцогству, [illegible] крестьянъ въ Остъфрисландіи и нѣкоторыхъ провинціяхъ Германіи, и права крестьянъ въ Прусскомъ королевствѣ и [illegible] Пруссіи. [illegible] въ коммиссію [illegible] малороссійскихъ [illegible] въ Малороссіи законовъ, [illegible] особою коммиссіею и напечатанныхъ проф. Кистяковскимъ подъ заглавіемъ: „Права, по которымъ судится малороссійскій народъ" (1879 г.), [illegible] Голицынъ сообщилъ [illegible] крестьянахъ въ Австріи, Шерстобитовъ [illegible] записку о [illegible] Швеціи и Финляндіи, а также свѣдѣнія о датскихъ и норвежскихъ и т. д. [illegible] сами составили записки о положеніи крестьянъ въ той или другой странѣ, [illegible] напримѣръ, кромѣ записки Штернберга о Даніи, была еще другая, [illegible] какимъ-то датскимъ подданнымъ. Но отъ этого только выигрывалъ въ интересѣ и достовѣрности собранный матеріалъ.

[2] Всѣ матеріалы, собранные коммиссіею объ иностранныхъ крестьянахъ, хранятся въ Архивѣ Кодифик. Отд. Госуд. Сов. вяз. 326—312.

движимымъ и принадлежащимъ къ тому мѣсту или землѣ, на которой онъ находится. Личная касается до услуженія въ домѣ. Иногда бываютъ обѣ совокупно — существенная и личная [1]). Въ разсужденіи развести состоянія въ обширныхъ россійскихъ областяхъ сего нижняго рода, когда государственная какая причина или польза частная не дозволяетъ сдѣлать вездѣ земледѣльцевъ свободными или несвободными, въ томъ опасеніи, чтобъ земли не остались необработанными черезъ ихъ побѣгъ, то не можно ли сыскать средства, чтобы... привязать къ землѣ и утвердить на ней сихъ самыхъ земледѣльцевъ. — Къ сему разныя есть средства, особливо же и преимущественно такія средства избирать надлежитъ, въ коихъ и хозяину и земледѣльцу равная прибыль окажется... Здѣсь еще и то примѣтить нужно, чтобы всѣ сія положенія клонилися и поощряли вольнаго къ обработыванію земли... Слѣдуя тѣмъ же правиламъ", говоритъ авторъ въ заключеніе: „нѣтъ ли способа найти основаніе, могущее произвести нечувствительно нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода исправленіе, и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества?" [2]). Такимъ образомъ, наставленіе задавало довольно трудную задачу: надо было обращать столько же вниманія на пользу помѣщика, какъ и крестьянина, и произвести „нечувствительно" измѣненіе быта крѣпостнаго населенія. Словомъ, въ начертаніи императрица еще боязливѣе говоритъ о крестьянскомъ вопросѣ, чѣмъ въ печатной редакціи Наказа, но все таки предписывалось ограничить злоупотребленія и рекомендовалось изученіе положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Посмотримъ, исполнила ли частная коммисія даже эти скромныя требованія.

Черезъ три дня послѣ изданія „Начертанія" въ коммисіи о разборѣ государственныхъ родовъ читано было наставленіе всѣмъ коммисіямъ, присланное изъ дирекціонной. 20-го мая въ ней разсуждали, какъ приступить къ „плану о крестьянствѣ", и вскорѣ затѣмъ стали читать собранные матеріалы о положеніи крестьянъ въ Малороссіи, Польшѣ и Западной Европѣ, причемъ происходили пренія и нѣкоторыя мѣста были отмѣчены членами. Послѣ того естественно было приступить къ изслѣдованію положенія крѣпостныхъ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что на это обращало вниманіе и „Начертаніе". Тутъ кстати подоспѣли пренія о крестьянскомъ вопросѣ, вызванныя рѣчью Коробьина; всѣ эти мнѣнія были въ это время переданы въ коммисію, о которой мы говоримъ; принялись за ихъ чтеніе, несмотря на то, что содержаніе ихъ было уже извѣстно, такъ какъ члены коммисіи присутствовали на засѣданіи большаго со-

[1]) Взято изъ Монтескье и предполагалось внести въ Наказъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, только тамъ сказано было рѣзче: *„Великое злоупотребленіе есть*, когда оно (рабство) въ одно время и личное, и существенное". Сб. Ист. Общ. X, 153.

[2]) Полн. Соб. Зак. XVIII, № 13095.

бранія хотя въ нихъ было весьма мало фактическихъ указаній о положеніи крестьянъ, коммиссія ими удовольствовалась и не прибѣгла ни къ какимъ способамъ собранія нужныхъ для нея свѣдѣній, предполагая, вѣроятно, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ достаточно извѣстно [1]. Затѣмъ читали выписки, расположенныя въ систематическомъ порядкѣ изъ наказовъ отъ дворянъ и присутственныхъ мѣстъ.

Въ концѣ августа 1768 г., приступая къ составленію крестьянскихъ правъ, члены коммиссіи рѣшили впредь собираться по 5 разъ въ недѣлю, между тѣмъ какъ до того они съѣзжались 4 раза. Однако, и послѣ того продолжались еще подготовительныя занятія: читали различные указы, выписки изъ литовскаго статута, извлеченія изъ крестьянскихъ наказовъ. Кромѣ того, во многихъ засѣданіяхъ разсматривали проектъ о среднемъ родѣ людей, составленный особою коммиссіею. Въ концѣ октября, коммиссія въ виду того, что всѣ свѣдѣнія, какія она могла, по ея мнѣнію, собрать, были прочитаны, поручила своимъ членамъ, Ренненкампфу и бар. Унгернъ-Штернбергу, собрать изъ всего читаннаго о третьемъ родѣ людей замѣчанія и нужныя о своей части принадлежности, привесть оныя въ порядокъ и представить коммиссіи на разсмотрѣніе", а пока эта работа не будетъ окончена, не собираться и ѣздить только въ большое собраніе. Однако, собранія частной коммиссіи, хотя и сдѣлались рѣже, но все-таки не прекращались совершенно [2]. Между тѣмъ Унгернъ-Штернбергъ работалъ на дому (и притомъ работалъ одинъ, такъ какъ Ренненкампфъ въ декабрѣ выбылъ изъ коммиссіи) и пріѣзжалъ только на тѣ засѣданія, въ которыхъ всего менѣе нужно было его присутствіе, а именно когда читали большой Наказъ.

Наконецъ, въ концѣ апрѣля 1769 г., т. е. черезъ полгода послѣ того, когда Унгерну-Штернбергу была поручена эта работа и когда большая коммиссія уже была распущена, онъ представилъ составленный имъ на нѣмецкомъ языкѣ проектъ крестьянскихъ правъ. Послѣ того, какъ, по приказанію генералъ-прокурора, онъ былъ переведенъ на русскій языкъ, члены коммиссіи втеченіе 2 мѣсяцевъ занимались его обсужденіемъ. Они представили на него письменныя замѣчанія, которыя, къ сожалѣнію, не всѣ сохранились; депутатъ Радванскій, кромѣ того, предложилъ вниманію коммиссіи свой собственный проектъ. Выслушавъ всѣ эти документы, она въ

---

[1] Любопытно, что въ это время отъ гр. Александра Строганова былъ [illegible] коммиссіею диссертація, отвѣчавшая на вопросъ, предложенный въ 1766 г. [illegible] экономическимъ [illegible]. Такъ какъ русскій переводъ сочиненія [illegible] 17-го іюня 1768 г. [illegible] не былъ напечатанъ, то вѣроятно это былъ французскій [illegible] этого сочиненія, а быть можетъ и одинъ изъ неизданныхъ русскихъ [illegible].

[2] Въ это время были [illegible], когда перечитали [illegible] о положеніи крестьянъ въ иностранныхъ государствахъ, [illegible] составъ коммиссіи совершенно измѣнился.

концѣ августа 1769 г. приступила, наконецъ, къ составленію своего проекта о правахъ крестьянъ [1]).

Однако, прежде чѣмъ обратиться къ изученію проекта, составленнаго коммиссіею, мы должны познакомиться съ проектами ея членовъ—Вольфа, Унгерна-Штернберга, Радванскаго и съ замѣчаніями Радванскаго и Титова (одного изъ новыхъ членовъ) на проектъ Унгерна-Штернберга.

Съ бар. Вольфомъ мы встрѣтились уже, когда говорили о крестьянскомъ вопросѣ въ вольномъ экономическомъ обществѣ; онъ находилъ тогда, что ни одно изъ сочиненій, которымъ было выражено одобреніе, его не заслуживаетъ. Такая строгость объясняется, вѣроятно тѣмъ, что въ то время, когда въ вольномъ экономическомъ обществѣ происходили пренія о напечатаніи русскаго перевода сочиненія Беарде, Вольфъ уже представилъ въ коммиссію о разборѣ государственныхъ родовъ свой собственный проектъ, сравнительно съ которымъ всѣ остальныя произведенія казались ему слишкомъ слабыми и ничтожными.

Вольфъ дѣлитъ всѣхъ крестьянъ на три разряда: 1) однодворцы и пахотные солдаты, 2) государственные крестьяне и 3) дворцовые, экономическіе и помѣщичьи. На первыхъ двухъ классахъ онъ останавливается довольно мало, за то подробно говоритъ о третьемъ, или, лучше сказать, о крѣпостныхъ крестьянахъ, къ которымъ онъ хотѣлъ приравнять населеніе дворцовыхъ и экономическихъ вотчинъ.

Онъ находитъ нужнымъ, чтобы само дворянство точно опредѣлило, „сообразно съ мѣстными обычаями и мѣстною практикою“, сколько дней въ недѣлю долженъ работать крестьянинъ въ пользу помѣщика съ каждой сохи и какіе вносить ему поборы, не желая, чтобы правительство вмѣшивалось въ это дѣло. Онъ признаетъ право помѣщика продавать крестьянъ безъ земли, считая только справедливымъ и гуманнымъ не разлучать родителей съ маленькими дѣтьми и мужа съ женой. Жениться крестьяне одного помѣщика должны, не внося никакой платы, если же кто беретъ дѣвушку изъ чужой деревни, то долженъ заплатить за нее выводъ, если только владѣльцы этихъ имѣній не мѣняются невѣстами. Авторъ проекта предоставляетъ крестьянамъ нѣкоторую долю самоуправленія: „господинъ дозволяетъ крестьянскому обществу выбирать своихъ сельскихъ властей—старосту, сотскаго, судью, которые должны судить крестьянъ за малые преступки: непослушаніе, пьянство мелкое воровство и лѣность, разбирать всѣ споры и наказывать виновныхъ... Ни одинъ управляющій не долженъ помимо этихъ выборныхъ властей, утвержденныхъ господиномъ, мучить крестьянъ, какъ ему вздумается, и невинно наказывать ихъ“. Выборные должны каждое воскресенье по утрамъ чинить

---

[1]) Дѣла бывшей коммиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ въ Арх. Кодифик. Отдѣл. Госуд. Сов., вяз. 141—136.

свой судъ и расправу на помѣщичьемъ дворѣ въ присутствіи крестьянъ. Тѣхъ, кто не слушается господина управляющаго или прикащика, не во-время является на работу или совершенно выходитъ изъ повиновенія, можно при всемъ мірѣ наказать розгами причемъ выборныя власти, вмѣстѣ со всѣми крестьянами, опредѣляютъ размѣръ наказанія, а господину предоставляется право его уменьшить. Пойманнаго бѣглаго крестьянина господинъ можетъ наказать розгами передъ церковью въ присутствіи всего міра. Виновные въ подстрекательствѣ къ волненіямъ и безпорядкамъ предаются земскому суду, который и наказываетъ ихъ по закону.

Обязанность крестьянскихъ выборныхъ властей не ограничивается, по проекту Вольфа, отправленіемъ правосудія: они должны собирать будущія подати, разложенныя по тягламъ, наблюдать, чтобы мужья не тиранили своихъ женъ, чтобы крестьяне хорошо обработывали землю и не лѣнились; имъ предоставлена даже власть неженатыхъ парней распредѣлять между ослабѣвшими хозяйствами и вдовами (Вольфъ не дозволяетъ имъ уходить въ отхожіе промыслы, чтобы они не забыли земледѣлія). Старосты должны смотрѣть также, чтобы, въ случаѣ пожара, крестьяне всей вотчины привезли бревенъ для погорѣвшаго и помогли ему строиться; на ихъ обязанности лежитъ еще наблюденіе за тѣмъ, чтобы не происходило семейныхъ раздѣловъ безъ согласія господина.

Вольфъ дозволяетъ крестьянину распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ, по лишь по уплатѣ всѣхъ податей и сборовъ на помѣщика и то съ условіемъ, чтобы о каждой продажѣ они доводили до свѣдѣнія господина и сохраняли бы все необходимое для полевыхъ работъ. — Права собственности на землю Вольфъ не предоставляетъ крестьянамъ: за лѣность, нерадѣніе и пьянство, если не помогаютъ другія наказанія, помѣщикъ можетъ лишить его земли и сдѣлать хозяина батракомъ, точно также, какъ и обратно. Любопытно, что, несмотря на вліяніе на него во многихъ отношеніяхъ остзейскихъ порядковъ, Вольфъ не рѣшается требовать уничтоженія общиннаго землевладѣнія, какъ помѣщикъ петербургской губерніи, гдѣ существовали передѣлы земли, онъ видѣлъ силу и живучесть обычая пользоваться землею на общинномъ правѣ и признавалъ нѣкоторыя полезныя стороны такого порядка. Поэтому, онъ прямо говоритъ что „землю, отданную господиномъ въ пользованіе деревни, крестьяне должны дѣлить между собою по числу взрослыхъ работниковъ“: онъ хотѣлъ бы только устранить слишкомъ частые передѣлы и потому прибавляетъ: „но, *если земли довольно*, они должны оставлять извѣстныя полосы для подростающаго поколѣнія, такъ чтобъ не производить, какъ это было по старому обычаю, ежегодныхъ передѣловъ земли; за этимъ должны присматривать старосты“. Такимъ образомъ, общинное землевладѣніе остается неприкосновеннымъ, и участка земли не лишается вдова съ малолѣтними дѣтьми, если она можетъ обработать его съ помощію батраковъ; въ противномъ случаѣ,

весь миръ долженъ взять на себя уплату за эту семью всѣхъ податей и сборовъ и пользоваться ея землями, но только до тѣхъ поръ, пока подростутъ дѣти. Что касается размѣра крестьянскихъ надѣловъ, то, по мнѣнію Вольфа, на соху необходимо дать по три десятины земли въ каждомъ полѣ, т. е. по девяти десятинъ одной пашни. Такое требованіе высказываетъ человѣкъ, хорошо знающій крестьянскій бытъ и пользовавшійся въ свое время извѣстностью опытнаго хозяина, членъ вольнаго экономическаго общества; нельзя не обратить на это вниманія тѣхъ нашихъ публицистовъ, которые полагаютъ, что въ настоящее время у крестьянъ совершенно достаточно земли.

Если помѣщикъ мучаетъ крестьянъ или отнимаетъ у нихъ движимое имущество, то они могутъ жаловаться на него чрезъ своихъ старшинъ, а не цѣлою толпой; въ случаѣ справедливости жалобы имѣніе виновнаго помѣщика отдаютъ подъ опеку.

Не признавая за правительствомъ права своею властью рѣшить крестьянскій вопросъ, авторъ проекта говоритъ, что „только одинъ господинъ имѣетъ право отпустить своего крѣпостнаго на волю“.

Хотя Вольфъ требовалъ опредѣленія крестьянскихъ повинностей сообразно старымъ обычаямъ, но онъ самъ ихъ нарушаетъ. По разсчету, приложенному имъ въ концѣ мнѣнія, оказывается, что доходъ съ 1,000 душъ можетъ простираться до 6 000 р., слѣдовательно, можно требовать оброка по 6 руб. съ души, а между тѣмъ, экономическіе и дворцовые крестьяне платили въ это время двухрублевый оброкъ, помѣщичьи всего чаще отъ двухъ до трехъ рублей, такъ что пятирублевый оброкъ императрица Екатерина считала большимъ притѣсненіемъ. Быть можетъ, такіе большіе сборы и существовали въ петербургской губерніи, гдѣ находилось помѣстье Вольфа, такъ какъ тамъ крестьяне могли имѣть большіе заработки вслѣдствіе близости столицы; но очевидно что такой размѣръ оброка вовсе не могъ быть принятъ общею нормою. (Мы увидимъ ниже, что онъ ошибочно оцѣнилъ доходность имѣнія). Проектъ Вольфа вообще не заключаетъ почти никакихъ предложеній, осуществленіе которыхъ могло бы принести пользу крестьянамъ; можно упомянуть только о предоставленіи крестьянамъ права жаловаться на помѣщика, да еще сказать автору спасибо за то, что онъ не требовалъ, какъ нѣкоторые остзейскіе нѣмцы, уничтоженія общиннаго землевладѣнія. Тамъ же, гдѣ онъ становится въ разрѣзъ съ порядками и обычаями, выработанными народною жизнью (какъ напримѣръ, дозволеніе распредѣлять неженатыхъ парней по разнымъ дворамъ или запрещеніе отхожихъ промысловъ), его предложенія весьма неудачны [1]).

---

[1]) Проектъ Вольфа на нѣмецкомъ языкѣ см. въ Архивѣ Кодификац. Отд. Госуд. Сов. вяз. 357—352.

Барону Унгерну-Штернбергу было поручено собирать матеріалы о „третьемъ родѣ людей" еще ранѣе, чѣмъ Вольфъ представилъ свои проектъ. Вечеромъ того же дня, когда состоялось это постановленіе, помощникъ Унгерна баронъ Зальца отправился къ депутату отъ города Дерпта, Гадебушу, и просилъ его составить записку о правахъ крестьянскаго сословія. Гадебушъ ссылался на то, что, по недостатку матеріаловъ, онъ не можетъ составить ничего обстоятельнаго и вполнѣ достовѣрнаго, но такъ какъ Зальца настаивалъ, то онъ обѣщалъ написать ему, что можетъ, по памяти [1]).

Записка Гадебуша, написанная подъ заглавіемъ: „Мысли о крестьянскомъ сословіи", сохранилась въ приложеніи къ его неизданному дневнику. Она весьма не велика: въ ней можно найти нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о положеніи крестьянъ въ западной Европѣ, но, вслѣдствіе недостатка подъ руками источниковъ, его показанія весьма неопредѣленны, а своихъ желаній объ измѣненіи быта крестьянъ онъ высказываетъ мало. Однако, несмотря на краткость его записки, онъ включилъ въ нее требованіе, чтобы крѣпостнымъ дано было право собственности на движимое имущество, чтобы имъ предоставлено было жениться, на комъ они хотятъ, безъ уплаты выводныхъ денегъ, такъ какъ это препятствуетъ увеличенію народонаселенія, и наконецъ, чтобы опредѣлена была сумма, за которую крѣпостной могъ бы выкупаться на свободу [2]). Такимъ образомъ, Гадебушъ идетъ все-таки нѣсколько далѣе Вольфа въ требованіяхъ относительно улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Проектъ Вольфа и записка Гадебуша послужили до нѣкоторой степени матеріалами для Унгерна-Штернберга при составленіи его собственнаго проэкта; кромѣ того, у него были подъ руками свѣдѣнія о правахъ крестьянъ въ западной Европѣ, мнѣнія депутатовъ по вопросу, поднятому Коробьинымъ, выписки изъ наказовъ депутатамъ въ коммиссіи уложенія и различныя прежнія постановленія, изданныя по этому предмету въ Россіи. Посмотримъ, какъ онъ воспользовался всѣми матеріалами, и сопоставимъ его проектъ какъ съ замѣчаніями на него Радванскаго и Титова, такъ и съ проектомъ Радванскаго, который самъ по себѣ представляетъ мало интереса [3]).

---

[1]) Balt. Monatschr. 1862, Bd. V, S. 148—149.

[2]) Эта записка составляетъ приложеніе къ неизданному дневнику Гадебуша, который хранится въ отдѣленіи рукописей Публичной Библіотеки.

[3]) Проектъ Унгерна-Штернберга съ замѣчаніями на него, а также проектъ Радванскаго и коммиссіи о разборѣ государственныхъ [illegible] крѣпостныхъ крестьянъ, были [illegible] изложены [illegible] (Отеч. Зап. 1879 г. № 11) [illegible] проектъ Унгерна-Штернберга съ замѣчаніями и проектъ коммиссіи [illegible] проф. Сергѣевичемъ въ Сб. Ист. Общ. т. XXXVI, стр. 247—286.

Унгернъ-Штернбергъ раздѣляетъ всѣхъ крестьянъ въ Россіи на три разряда: 1) государственные крестьяне, а именно: черносошные, однодворцы, старыхъ службъ служилые люди и проч.; 2) вольные крестьяне въ Украйнѣ, въ Финляндіи и на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря и 3) „крестьяне невольные или крѣпостные“, которые „крѣпки либо казнѣ, либо помѣщикамъ“. Мы будемъ говорить здѣсь только объ его предложеніяхъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ. Унгернъ-Штернбергъ не предлагаетъ также, какъ и Вольфъ, опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей. Какъ барщину, такъ и оброкъ назначаетъ помѣщикъ, который „по платежѣ оброка и исправленіи господской работы не властенъ никакихъ поборовъ больше требовать и ничѣмъ не отягощать“. Само собою разумѣется, что послѣднее правило вовсе не спасало крестьянина отъ притѣсненій со стороны помѣщика, такъ какъ въ слѣдующій годъ онъ могъ возвысить поборы, на сколько ему угодно. Весьма вѣроятно, что Унгернъ желалъ ограниченія въ этомъ отношеніи власти помѣщика, но, на основаніи преній по поводу мнѣнія Коробьина, полагалъ, что такое предложеніе не было бы принято. Мы думаемъ такъ потому, что къ вышеприведенному мѣсту онъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „въ завоеванныхъ провинціяхъ, яко то въ Лифляндіи, на островѣ Эзелѣ, Эстляндіи и Финляндіи и проч., назначены и установлены какъ поборы казенные, такъ и помѣщичьи и исправляемая крестьянами работа ревизіею на вѣчныя времена“, и притомъ умолчалъ, что относительно помѣщичьихъ крестьянъ установленные размѣры повинностей весьма часто нарушаются.

По проекту Унгерна, помѣщикъ можетъ изъ своихъ крестьянъ брать къ себѣ въ услуженіе, сколько захочетъ, людей обоего пола, но за то долженъ кормить ихъ и давать имъ жалованье. Радванскій и Титовъ предлагали не упоминать о жалованьи, желая предоставить это усмотрѣнію помѣщика. Далѣе въ проектѣ Унгерна сказано, что помѣщикъ можетъ отдавать своихъ людей въ обученіе мастерству, но съ тѣмъ, что окончившему ученье онъ долженъ давать содержаніе и плату за работу. Радванскій и на этотъ разъ протестовалъ противъ назначенія жалованья, а Титовъ, кромѣ того, требовалъ, чтобы лѣниваго мастероваго можно было посадить на пашню или опредѣлить въ другую работу.

При продажѣ людей, Унгернъ желалъ запретить разлучать мужа съ женой, родителей съ дѣтьми, нуждающимися въ ихъ присмотрѣ. Титовъ предлагалъ пояснить, что тутъ слѣдуетъ разумѣть дѣтей моложе семи лѣтъ. Унгернъ находилъ нужнымъ установить еще другое ограниченіе торговли людьми: господинъ можетъ продавать своихъ крестьянъ только такому помѣщику, который самъ имѣетъ деревни, чтобы, такимъ образомъ, они только переселялись съ одной земли на другую. Радванскій нашелъ это предложеніе полезнымъ, однако, въ своемъ проектѣ измѣнилъ его къ худшему, формулировавъ его такимъ образомъ, чтобы помѣщику

было дозволено продавать крестьянъ, въ случаѣ недостатка у него земли, такимъ лицамъ, которымъ по закону дозволено покупать крѣпостныхъ, слѣдовательно, по его проекту могъ купить крѣпостныхъ и беземельный дворянинъ.

Мы видѣли, что Гадебушъ настаивалъ на дозволеніи крестьянамъ жениться, на комъ они захотятъ, безъ платы выводныхъ денегъ. Это требованіе вошло и въ проектъ Унгерна, который прибавилъ только, что для избѣжанія безпорядка, какъ женихъ, такъ и невѣста должны имѣть отъ своего господина вѣнечныя памяти, въ выдачѣ которыхъ помѣщикъ не можетъ отказать имъ безъ законной причины. При этомъ авторъ проекта напоминаетъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянинъ имѣетъ право жаловаться на помѣщика консисторіи, если тотъ безъ уважительной причины препятствуетъ браку. Радванскій, напротивъ, стоитъ за сохраненіе власти помѣщика и въ этомъ отношеніи, утверждая, что мѣра, предлагаемая Унгерномъ, будетъ вредна для самихъ крестьянъ, такъ какъ, въ случаѣ ея принятія, „бѣдный крестьянинъ никогда женатъ не будетъ, а особливо вдовый, оставшись со многими малолѣтними дѣтьми: никто за него отдать не похочетъ, а помѣщики нынѣ покупаютъ или изъ своихъ сиротъ за таковыхъ выдаютъ, и льготу даютъ въ работѣ, и тѣмъ небогатый возстановляетъ свой домъ, а особливо когда выдадутъ изъ достаточнаго дома вдову или дѣвку". Кромѣ того, въ подтвержденіе своего мнѣнія Радванскій указывалъ, что обычай требовать выводныхъ денегъ не только привился къ нашимъ правамъ, но что ихъ берутъ крестьяне и сами между собою [1]). Поэтому онъ находилъ, что уничтожить плату за выводъ и устранить необходимость согласія помѣщика на женитьбу крѣпостныхъ значитъ только лишить его дохода; крестьяне же одного помѣщика, по его словамъ, всегда будто бы вступаютъ въ бракъ безпрепятственно и по своему желанію. По поводу ссылки Унгерна на право крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ жаловаться на помѣщика консисторіи, если онъ препятствуетъ женитьбѣ, Радванскій просилъ отвѣтить: получалъ ли тамъ кто-либо изъ нихъ удовлетвореніе въ своей просьбѣ, хотя бы черезъ 50 лѣтъ. Однимъ словомъ, Радванскій и Титовъ предлагали постановить, чтобы крестьяне одного помѣщика вступали въ бракъ съ его согласія, но безъ всякой платы; при женитьбѣ же на посторонней дѣвушкѣ нужно увольнительное письмо отъ ея господина.

Въ случаѣ женитьбы крѣпостнаго на свободной, Унгернъ находилъ необходимымъ, чтобы жена и дѣти дѣлались также крѣпостными. Рад-

[1]) Дѣйствительно мы имѣли случай указать на такой обычай въ одной волости коломенскихъ крестьянъ, гдѣ отецъ невѣсты бралъ съ жениха за свою дочь не менѣе 15, а иногда даже до 150 руб. (См. статью „Крестьяне дворцоваго вѣдомства" въ „Вѣстникѣ Европы" 1878 г. № 6, стр. 433—434).

ванскій соглашался съ этимъ, такъ какъ „по рабѣ холопъ и по холопѣ раба“, но въ этомъ отношеніи онъ оказался нѣсколько либеральнѣе Унгерна и въ своемъ проектѣ предлагалъ постановить, что дѣвушки изъ государственныхъ, экономическихъ, дворцовыхъ и т. п. деревень, выданныя замужъ за крѣпостнаго, могутъ возвратиться въ свое прежнее состояніе, если у нихъ не будетъ дѣтей [1]).

Относительно права владѣльца наказывать крестьянъ находимъ въ проектѣ Унгерна такое правило: хотя помѣщики за упрямство, непослушаніе и другія вины могутъ подвергать крестьянъ всякимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, „однако, не имѣютъ права такъ жестоко наказывать, чтобы отъ того вредъ сдѣлаться могъ ихъ тѣлу, здоровью или жизни“, а только чтобъ это было „умѣренное и христіанское домашнее исправленіе“. Радванскій замѣтилъ, что такое „увѣщаніе“ неумѣстно въ законахъ, а нужно категорически постановить, можетъ ли помѣщикъ наказывать крестьянъ или нѣтъ, „а въ наказаніи границъ положить не можно, потому что и судья штрафуетъ, смотря по винѣ, больно или легко“... Помѣщикъ „отвѣчаетъ въ излишнемъ наказаніи самому Богу“.

Относительно суда въ крестьянскихъ дѣлахъ Унгернъ предлагалъ установить три инстанціи: въ дѣлахъ гражданскихъ между крѣпостными, а также между ними и посторонними, первые подлежатъ прежде всего суду изъ деревенскихъ старшинъ подъ наблюденіемъ господина, помѣщикъ составляетъ вторую инстанцію, а третью—земскій судъ, учрежденный въ каждой провинціи или уѣздѣ; далѣе крѣпостнымъ апелляціи не давать; въ уголовныхъ же дѣлахъ они подлежатъ исключительно правительственнымъ судамъ. Радванскій категорически высказывается противъ крестьянскаго суда изъ выборныхъ, такъ какъ это поведетъ къ бунтамъ противъ помѣщиковъ. Отдѣлять земскій судъ отъ помѣщичьяго, по его мнѣнію, также не надо, такъ какъ „дворяне правятъ деревнями по власти государевой, по той же власти и земскіе суды производятся“. Земскій судъ онъ считаетъ нужнымъ только для разбора спорныхъ дѣлъ между крестьянами разныхъ владѣльцевъ. Семейные раздѣлы, по мнѣнію Унгерна и Радванскаго, должны производиться не иначе, какъ съ согласія помѣщика.

Движимое имущество, говоритъ Унгернъ, за уплатою податей и повинностей помѣщику, принадлежитъ крестьянину неограниченно; напротивъ, Радванскій находитъ вреднымъ предоставленіе ему права собственности такъ какъ онъ можетъ растратить свои пожитки, и въ своемъ проектѣ

[1]) Кн. М. Щер[illegible] [illegible] комиссіи о правахъ средняго рода [illegible] замужъ за крѣпостныхъ, по смерти мужа [illegible] См. *Певерв[illegible]* [illegible] Спб. 1869 г. стр. 18.

требуетъ, чтобы крестьянинъ могъ продавать хлѣбъ, нужный для посѣва и прокормленія семьи, а также необходимыя для земледѣлія орудія, лошадей и скотъ не иначе, какъ съ позволенія господина или приказчика.

Земля, разумѣется, оставалась собственностію помѣщика, и, по проекту Унгерна, помѣщикъ могъ крестьянина, плохо ведущаго хозяйство, лишить его участка и отдать въ работники.

Унгернъ даетъ крестьянамъ право жаловаться на помѣщика, который мучаетъ ихъ и налагаетъ „несносныя тягости и поборы"; Радванскій находитъ это опаснымъ и въ своемъ проектѣ предоставляетъ иниціативу преслѣдованія жестокихъ помѣщиковъ правительству, до котораго, при лишеніи крестьянъ права жаловаться, могла бы, разумѣется, доходить вѣсть лишь о самыхъ громкихъ, вопіющихъ злоупотребленіяхъ [1]). Титовъ хотя и не лишаетъ крѣпостныхъ этого права, но, если бы были приняты предложенныя имъ правила, помѣщикъ едва ли когда подвергся бы отвѣтственности. Если, говоритъ онъ, „отъ господина несносныя будутъ мученія или разорительные поборы, каковыхъ въ томъ уѣздѣ ни у котораго господина на крестьянъ не налагается", въ такомъ случаѣ выборный изъ крестьянъ можетъ принести жалобу земскому судьѣ. Буде по изслѣдованію она окажется справедливою, то земскій судья объявляетъ господину, чтобы онъ „отъ того воздержался", а о необратившемъ вниманія на это увѣщаніе при первомъ дворянскомъ съѣздѣ доводитъ до свѣдѣнія предводителя и дворянъ. Тамъ всѣ уговариваютъ его, чтобы онъ „поступалъ впредь великодушно"; если онъ все-таки не смирится и на него опять поступятъ жалобы, то на слѣдующемъ съѣздѣ онъ получаетъ выговоръ отъ всего дворянства; когда и это не подѣйствуетъ, то на третьемъ собраніи, съ согласія всѣхъ дворянъ, слѣдуетъ подвергнуть его денежному штрафу и записать о томъ въ журналъ. Только въ такомъ случаѣ, если помѣщикъ будетъ неистовствовать и послѣ всей этой длинной процедуры, дворянство, уже на четвертомъ съѣздѣ, предписываетъ произвести формальное слѣдствіе и проситъ правительство о назначеніи опеки. Крестьяне же во все это время обязаны находиться въ полномъ послушаніи и, слѣдовательно, переносить отъ помѣщика всевозможныя притѣсненія и истязанія.

Разсматривая въ цѣломъ проектъ Унгерна-Штернберга нельзя не признать, что онъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы нѣсколько улучшить положеніе крестьянина, какъ, напримѣръ, ограниченіе торговли крѣпостными людьми въ розницу, предоставленіе имъ полной свободы жениться, на комъ они захотятъ, и дозволеніе жаловаться на притѣсненія и мучительство отъ помѣщика. Важный недостатокъ этого проекта,—что авторъ его не рѣшился потребовать опредѣленія крестьян-

[1]) Проектъ Радванскаго см. въ Архив. Комиф. Отд. Госуд. [illegible]

скихъ повинностей. Нельзя не пожалѣть, что ни одна изъ предложенныхъ имъ мѣръ не была приведена въ исполненіе.

Выслушавъ проектъ Унгерна-Штернберга и замѣчанія на него, члены коммиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, 20-го августа 1769 г. рѣшили сообща трудиться надъ составленіемъ „проекта правамъ третьяго рода людей", чему и посвятили немало засѣданій [1]). Черезъ два мѣсяца проектъ былъ совершенно оконченъ и представленъ дирекціонной коммиссіи, послѣ чего, такъ какъ всѣ порученныя имъ дѣла были окончены, члены коммиссіи рѣшили болѣе не собираться. Въ слѣдующемъ 1770 г., коммиссія имѣла еще два засѣданія, на которыхъ не было уже Радванскаго и Унгерна-Штернберга (первый былъ отпущенъ домой, а послѣдній сдѣланъ президентомъ лифляндскаго гофгерихта); въ этихъ засѣданіяхъ разсуждали, вмѣстѣ съ „коммиссіею о разныхъ установленіяхъ, касающихся до лицъ", о правахъ незаконорожденныхъ, а въ 1771 г. было одно, послѣднее, засѣданіе [2]).

При представленіи проекта правъ третьяго рода людей дирекціонной коммиссіи, ея члены, присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи, Д. В. Волковъ, кн. Вяземскій и гр. И. Орловъ (отсутствовали гр. З. Чернышевъ и епископъ Гавріилъ), благодарили коммиссію за прилежаніе и труды. Приступивъ къ чтенію проекта, дирекціонная коммиссія посвятила этому пять засѣданій въ ноябрѣ и декабрѣ, да еще въ одномъ засѣданіи въ мартѣ 1770 г. были прочтены присланныя консультантомъ Девильеромъ примѣчанія на этотъ проектъ [3]). Любопытно, что члены дирекціонной коммиссіи вовсе не считали еще въ то время дѣятельности большой коммиссіи поконченною навсегда: вѣдь она была не окончательно распущена, а только отсрочена; поэтому противъ нѣкоторыхъ пунктовъ проекта ими было отмѣчено: „разсуждать въ полномъ собраніи". Частныя коммиссіи еще долго существовали, въ томъ числѣ и коммиссія о разборѣ государственныхъ жителей, хотя, вѣроятно, и не было ея засѣданій, такъ какъ дневныя записки не идутъ далѣе 1771 г.; еще въ октябрѣ 1774 г. членъ ея, депутатъ г. Епифани, Свѣтушкинъ, смѣнившій архангельскаго депутата Сѣнникова составилъ объяснительную записку къ проекту крестьянскихъ правъ, изъ которой мы приведемъ ниже нѣкоторыя мѣста.

Нужно замѣтить, что къ третьему или нижнему роду людей коммиссія отнесла и всѣ кочующіе народы; поэтому она раздѣлила его на двѣ части: на земледѣльцевъ и кочующихъ, а земледѣльцевъ, согласно проекту Унгерна-Штернберга, на три разряда: государственныхъ поселянъ, свободныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ

[1]) Во время одного изъ нихъ приходилъ маршалъ большой коммиссіи Бибиковъ и принималъ участіе въ обсужденіи проекта.

[2]) Дневныя записки коммиссіи въ Арх. Кодифик. Отд. [illegible] 131—136.

[3]) Дневныя записки дирекц. коммиссіи. Ibid., вяз 126—121.

Отдѣлъ проекта, посвященный крѣпостнымъ крестьянамъ, такъ же, какъ и другіе раздѣленъ на двѣ части: о правѣ личномъ и о правѣ надъ имѣніемъ. Среди личныхъ правъ фигурируетъ, между прочимъ, и право подвергаться наказанію отъ помѣщика. Объ этомъ въ проектѣ сказано: „хотя помѣщики и властины за упрямство и непослушаніе и за другія вины налагать и исполнять всякія наказанія, однако не имѣютъ права жестоко ихъ наказывать, но наблюдать умѣренность, чтобы тѣмъ наказаніемъ не повредить членамъ и не лишить жизни". Въ своемъ объясненіи на этотъ пунктъ Свѣтушкинъ говоритъ, что въ *особомъ* постановленіи должно быть объяснено, какъ велика должна быть „умѣренность" въ наказаніи. Составители проекта *не согласились* на предложеніе Унгерна дать крѣпостнымъ право апелляціи на рѣшеніе помѣщика по гражданскимъ дѣламъ въ земскій судъ. Было постановлено, что дѣла между крестьянами одного помѣщика, а также и съ посторонними разбираются въ учрежденномъ помѣщикомъ судѣ изъ крестьянъ, въ случаѣ недовольства его рѣшеніемъ, разбираются помѣщикомъ, а далѣе имъ суда не давать; но если *посторонніе* будутъ недовольны деревенскимъ и помѣщичьимъ судомъ, то они могутъ просить на крѣпостныхъ крестьянъ въ земскомъ судѣ. Въ уголовныхъ дѣлахъ крестьяне подлежатъ исключительно вѣдѣнію правительственныхъ учрежденій. Относительно ограниченія продажи крѣпостныхъ въ розницу было принято одно изъ предложеній Унгерна съ толкованіемъ на него Титова, а именно постановлено, что помѣщики при продажѣ своихъ крестьянъ не могутъ разлучать мужа съ женой и родителей съ малолѣтними дѣтьми менѣе семи лѣтъ. Слѣдовательно восьмилѣтній ребенокъ могъ уже быть проданъ отдѣльно отъ семьи. Жаловаться самимъ крестьянамъ не дозволялось: относительно этого была принята редакція проекта Радванскаго[1]). Переходимъ теперь къ правамъ крестьянъ на имущество.

Неограниченнаго права на движимое имѣніе крѣпостные крестьяне не получили: тутъ коммиссія воспользовалась проектами и Унгерна, и Радванскаго. Хотя въ проектѣ заявлялось, что все движимое имущество составляетъ ихъ собственность, однако же сдѣлана оговорка, что, безъ позволенія помѣщика или управляющаго, крестьянинъ не можетъ продать хлѣба, нужнаго для посѣва и прокормленія семейства, а также необходимыхъ для хлѣбопашества орудій, лошадей и скота. Продавать самихъ крестьянъ владѣлецъ долженъ былъ вмѣстѣ съ ихъ пожитками. Въ случаѣ недоимокъ въ податяхъ или оброкѣ, помѣщикъ, согласно съ предложеніемъ Унгерна, могъ продать часть движимаго имущества крестьянина по оцѣнкѣ.

[1]) „Крѣпостные крестьяне" сказано въ проектѣ коммиссіи, „когда отъ своихъ помѣщиковъ будутъ претерпѣвать тиранство или помѣщики будутъ у крестьянъ отнимать безвинно собственное ихъ имѣніе, *отъ чего они совершенно разорены быть могутъ*, въ *такомъ случаѣ имѣютъ право защищены быть въ учрежденныхъ мѣстахъ*".

выборныхъ. Дирекціонная коммиссія, замѣтивъ, что продажу имущества за недоимки едва ли можно отнести къ правамъ крестьянъ, постановила „разсуждать, куда сей пунктъ принадлежитъ“[1]. Крестьянинъ, не имѣющій наслѣдниковъ, можетъ завѣщать свое имущество, кому захочетъ, но только изъ крѣпостныхъ того же господина: если же онъ умретъ безъ завѣщанія, то оно принадлежитъ помѣщику.

Вся земля составляетъ собственность помѣщика, за данную же въ пользованіе крестьянамъ они обязаны были работать или платить оброкъ. Размѣръ повинностей опредѣленъ не былъ: предполагалось, что это сдѣлаетъ другая коммиссія, а именно, какъ мы увидимъ ниже, коммиссія о земледѣліи. Дрова крестьяне могутъ получать изъ лѣсовъ, назначенныхъ господиномъ, а на другія надобности могутъ брать бревна не иначе какъ съ его позволенія. Ловить рыбу въ рѣкахъ для своего прокормленія дозволяется, но только на ловлю неводами они должны получить разрѣшеніе. Въ случаѣ недостатка земли, помѣщикъ можетъ опредѣлить крестьянъ на денежный оброкъ „безъ тягости, по разсмотрѣнію“, и сверхъ положеннаго въ тотъ годъ брать не долженъ. Крестьяне, которые по бѣдности не въ состояніи заниматься земледѣліемъ, могутъ съ позволенія помѣщика наняться въ услуженіе и работу: деньги, выработанныя такимъ образомъ, за уплатою государственныхъ поборовъ и помѣщичьяго оброка, составляютъ ихъ собственность, „однако должны оныя употреблять въ свою пользу впредь для земледѣлія по учрежденію“. Жениться въ предѣлахъ одного имѣнія крестьянамъ дозволено было безъ всякой платы, но не иначе какъ съ согласія помѣщика; для женитьбы на посторонней дѣвушкѣ нужно также позволеніе ея владѣльца и письменный отъ него отпускъ.

Вотъ и всѣ постановленія проекта, касающіяся крѣпостныхъ[2]. Сравнивая его съ трудомъ Унгерна-Штернберга, мы видимъ, что онъ еще менѣе послѣдняго могъ улучшить бытъ крѣпостныхъ: отброшено требованіе Унгерна дозволить жениться, на комъ бы то ни было, не дано права жаловаться, позволено продавать крестьянъ и безземельному дворянину. Такимъ образомъ, только одно постановленіе ограничиваетъ власть помѣщика: запрещеніе разлучать мужа съ женою и родителей съ дѣтьми моложе 7-ми лѣтъ. оно очевидно допущено потому, что на него согласились, за исключеніемъ одного, всѣ ораторы изъ дворянъ въ большой коммиссіи. Требованіе императрицы, высказанное въ „Начертаніи“, что нужно ограничить злоупотребленія помѣщиковъ, осталось невыполнен-

---

¹) Арх. Кодифик. Отд. Госуд. Сов. кн. 39—336 копія съ проектовъ, № 1 (здѣсь замѣчанія дирекціонной коммиссіи).

²) Проектъ былъ [illegible] депутатами съ передѣлки Унгерна-Штернберга [illegible] Тютчевымъ, [illegible] и [illegible] Пушкинымъ.

нымъ" не были предложены и тѣ мѣры, полезность которыхъ Екатерина признавала въ печатной редакціи Наказа. Нечего жалѣть, разумѣется, что такой проектъ не получилъ силы закона: ни въ чемъ не полагая предѣловъ злоупотребленіямъ помѣщичьей власти, онъ только санкціонировалъ бы ихъ своимъ молчаніемъ или даже прямымъ одобреніемъ.

Въ той же коммиссіи о государственныхъ родахъ былъ еще ранѣе составленъ проектъ правъ благородныхъ, о которомъ мы говорили уже выше.

Въ проектѣ законовъ о правахъ средняго рода жителей, составленномъ особою коммиссіею, было между прочимъ постановлено, что мѣщане „своей свободы никогда не теряютъ, такъ что хотя бы и сами того захотѣли, однако укрѣплены быть никѣмъ не могутъ“ [1]. Мѣщанамъ владѣніе крѣпостными въ этомъ проектѣ запрещалось. Мѣщанка, вышедшая замужъ за крѣпостнаго, не только не должна была сообщать свободы мужу и прижитымъ съ нею дѣтямъ, но и сама лишалась ея, однако лишь до смерти мужа. Вольноотпущеннымъ въ проектѣ правъ средняго рода людей предписывалось немедленно записываться въ мѣщане; они могли съ дозволенія магистрата заключать обязательства служить и до смерти того лица, къ которому они поступали [2].

Въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи о среднемъ родѣ людей кн. М. Щербатовъ предлагалъ установить, что помѣщики не должны отпускать на волю старыхъ и увѣчныхъ людей, такъ какъ тѣ не могутъ себя прокармливать [3]; и дѣйствительно извѣстны случаи, что освобождали и пускали на всѣ четыре стороны 65, 68-лѣтнихъ стариковъ, такъ что сенату приходилось дѣлать распоряженія о возвращеніи такихъ людей помѣщикамъ съ тѣмъ, чтобы они кормили и содержали ихъ до самой смерти. Однако, несмотря на важность такого предложенія, съ которымъ были согласны остальные члены коммиссіи, оно не было включено ни въ одинъ изъ проектовъ.

Много постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ должно было войти въ проектъ, который составляла коммиссія объ имѣніяхъ. На это указываетъ и приведенное выше замѣчаніе дирекціонной коммиссіи, и свидѣтельство Гадебуша, что въ коммиссіи объ имѣніяхъ „много толковали о свободѣ крестьянъ и о крѣпостномъ правѣ“ [4]. Наконецъ изъ дневныхъ записокъ видно, что въ ней были прочитаны свѣдѣнія о правахъ иностранныхъ крестьянъ, собранныя коммиссіею о разборѣ государственныхъ жителей, а затѣмъ и составленный ею проектъ о третьемъ родѣ людей. Но ком-

---

[1]) Тоже было постановлено и въ проектѣ о правахъ казачьихъ [illegible], составленномъ въ коммиссіи о государственныхъ родахъ (Сб. Ист. Общ. XXXVI, 2[illegible]).

[2]) Сб. Ист. Общ. XXXVI, 182, 184, 231—232.

[3]) *Пекарскій*, „Дополненія къ исторіи масонства“ (Спб. 18[illegible]), стр. 1[illegible].

[4]) Неиздан. дневникъ Гадебуша въ рук. отд. Пуб. Библ., л. 106.

миссія объ имѣніяхъ была одна изъ тѣхъ, которыя очень затянули свои работы, несмотря на напоминанія маршала и даже именной указъ, данный императрицею въ іюнѣ 1771 года, чтобы господа члены всѣхъ частныхъ коммиссіи съ возможнымъ прилежаніемъ и постоянностію тщились начатое ими дѣло приводить къ окончанію, *а усмотрѣвшая въ медленности, вспоминали бы евангельскую притчу о рабѣ, скрывшемъ таланты и того бы участи остерегались* [1]). Кончилось тѣмъ, что для рѣшенія крестьянскаго вопроса она не сдѣлала ничего, и намъ извѣстно только одно включенное, по ея настоянію, прибавленіе относительно опеки надъ жестокими помѣщиками въ проектѣ коммиссіи о разныхъ постановленіяхъ, касающихся до лицъ.

Эта послѣдняя коммиссія также не окончила возложеннаго на нее дѣла, и отъ нея остались лишь немногіе проекты „по предметамъ гражданскаго права". Между прочимъ, въ отдѣлѣ объ опекѣ, она включила постановленіе, чтобы надъ имѣніемъ „жестокосердыхъ владѣльцевъ" опредѣлять опекуновъ, которые, надзирая за ихъ поступками, управляютъ имѣніемъ, но доходы съ него отдаютъ имъ сполна. Отданный подъ опеку владѣлецъ не можетъ уже никакъ наказывать своихъ крестьянъ. Опека установляется слѣдующимъ образомъ: когда судебному учрежденію сдѣлается извѣстно, что какой-либо владѣлецъ безчеловѣчно мучаетъ или отягощаетъ поборами своихъ крестьянъ, то оно должно чрезъ коммиссара собрать о немъ свѣдѣнія и потомъ потребовать его къ суду. Если онъ „принесетъ извиненіе", то судъ не назначаетъ надъ нимъ опеки, а, сдѣлавъ ему увѣщаніе, дозволяетъ самому управлять имѣніемъ, наблюдая въ теченіе годоваго срока, какъ онъ относится къ крестьянамъ, и только неисправившагося отдаетъ подъ опеку. Если же помѣщикъ въ судѣ во всемъ запрется, а по слѣдствію будетъ изобличенъ, то его имѣніе слѣдуетъ тотчасъ отдать подъ опеку. Нужно замѣтить, что доносы отъ крѣпостныхъ крестьянъ не принимались [2]). Казалось бы, помѣщики не могли пожаловаться на суровость такого закона, но когда проектъ этотъ былъ внесенъ въ коммиссію объ имѣніяхъ, то ея члены, опасаясь, „чтобы различіе судей умствованіе иногда не могло послужить ко утѣсненію невинности", и чтобы нужная строгость не принята была за жестокость, по согласію съ членами коммиссіи, внесшей проектъ, постановили точнѣе обозначить признаки, „по которымъ жестокосердаго обличить можно". Признаки эти были указаны слѣдующіе: если отъ жестокихъ побоевъ будутъ увѣчные или кто изъ подвластныхъ явится въ судебное мѣсто, нося знаки суровыхъ наказаній, простое и обыкновенное наказаніе далеко

[1]) Дневная записка коммиссіи объ имѣніяхъ въ Арх. Кодиф. Отд. Госуд. Совѣта, кн. 131—126.

[2]) Арх. Кодиф. Отд. вяз. 354—351, т. III, глава 4, проектъ составл. коммиссіею о разныхъ установл., касающихся до лицъ.

превосходящіе, и наконецъ, если крестьяне приведены будутъ въ такую скудость, что земли засѣвать не будутъ въ состояніи, а притомъ поборы и оброки помѣщичьи будутъ знатнымъ числомъ превышать поборы и оброки другихъ сосѣднихъ помѣщиковъ". Кромѣ того, было постановлено, чтобы отдавало подъ опеку такого помѣщика „собраніе всего наличнаго дворянства[1]).

Такимъ образомъ, и труды этихъ коммиссій не прибавили ничего существеннаго къ проекту коммиссіи о разборѣ государственныхъ родовъ. Единственное постановленіе, впрочемъ, не представляющее новости,—объ отдачѣ жестокихъ помѣщиковъ подъ опеку, обставлено было такими условіями, что слишкомъ поздно давало возможность крестьянамъ защититься отъ мученій и преслѣдованій, и то если они принимали вопіющій характеръ и доходили до нанесенія увѣчій.

Изъ объясненія Свѣтушкина видно, что коммиссія о разборѣ государственныхъ жителей предоставляла другому учрежденію опредѣлить размѣръ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ. Вопросъ этотъ подлежалъ разсмотрѣнію коммиссіи о земледѣліи, и членъ ея, Голенищевъ-Кутузовъ, въ своемъ проектѣ по этому предмету говоритъ: „надлежало бы, конечно, сдѣлать твердое положеніе о сборѣ податей съ крестьянъ помѣщикамъ, дабы каждый вѣдалъ свое право: что извѣстное одни давать, а другіе получать должны"; въ различныхъ мѣстахъ повинности и сборы должны быть неодинаковой величины. Но самъ Голенищевъ не разсмотрѣлъ подробнѣе этого вопроса[2]).

За эту работу взялся депутатъ Титовъ, уже извѣстный намъ членъ коммиссіи о разборѣ государственныхъ жителей.

Въ своемъ проектѣ, представленномъ имъ вѣроятно въ коммиссію о земледѣліи, онъ предлагаетъ прежде всего надѣлить крестьянъ такимъ количествомъ земли, сколько они могутъ обработать; авторъ назначаетъ даже довольно значительный minimum того, сколько долженъ воздѣлать крестьянинъ, а именно, каждый работникъ отъ 16 до 60 лѣтъ можетъ обработать по 3 десятины въ каждомъ полѣ и накосить 500 пуд. сѣна, но желающіе могутъ обработать и больше. Такая заботливость о большомъ надѣлѣ объясняется тѣмъ, что, кромѣ барщины и другихъ поборовъ натурою, Титовъ требуетъ съ крестьянъ одной трети чистаго сбора съ отданныхъ въ ихъ пользованіе земель. Необходимость точно знать общую сумму сбора, что было бы довольно трудно, если бы каждый крестьянинъ работалъ на себя, побуждаетъ Титова предложить, чтобы крестьяне сообща обработывали свои поля и косили сѣно, а затѣмъ дѣлили продукты по числу участвовавшихъ въ трудѣ работниковъ. Для сравненія упомянемъ, что въ *новгородской* и *псковской* губерніяхъ, а также въ ямбургскомъ и ораніенбаумскомъ уѣздахъ петербургской губерніи, сверхъ трехдневной барщины, помѣщики взыскивали такъ называемую *пятину*, т. е. крестьяне отдавали помѣщику пятый снопъ хлѣба и пятую часть хмѣля, конопли и капусты. Титовъ, предлагая собирать съ крестьянъ не пятую а третью часть хлѣба, не ограничивается этимъ и также требуетъ въ пользу по-

[1]) Дневныя записки коммиссіи объ имѣніяхъ, засѣд. 223.

[2]) Арх. Кодиф. Отд. вяз. 57—352 б. проекты представл. частными лицами дѣло № 5.

мѣщика пятую часть отъ приплода скота, хмѣля и сотканнаго холста. Словомъ, [illegible] пятую часть господину, а затѣмъ что у крестьянина остается, [illegible] его собственности — и больше положеннаго прибавлять онъ, а крестьянъ господину не брать". Нѣкоторые помѣщики раздавали еще крестьянамъ свой скотъ съ тѣмъ, чтобы собирать съ нихъ потомъ опредѣленное количество масла. Титовъ не брезгаетъ и этимъ, требуя только, чтобы на каждый дворъ, въ которомъ, по его проекту, должно быть не менѣе 3 взрослыхъ работниковъ, давали не болѣе 2-хъ коровъ; если же крестьянинъ не имѣетъ своего собственнаго скота, то помѣщикъ можетъ дать ему и третью. Господинъ долженъ получать съ каждой коровы по 20 ф. масла, а приплодъ отъ нея остается въ пользу крестьянъ; если же случится падежъ скота, и во дворѣ будетъ всего одна корова, то господинъ не долженъ взыскивать масла, если не раздастъ новаго рогатаго скота. Ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне, сверхъ пятины, требовали еще трехдневной барщины. Титовъ устанавливаетъ, что помѣщикъ можетъ требовать на барщину изъ трехъ работниковъ одного [illegible] и отъ трехъ женщинъ по одной [illegible] въ продолженіе [illegible] мѣсяцевъ, когда происходятъ полевыя работы; господинъ можетъ призывать на барщину только одну шестую часть работниковъ, другими словами крестьяне должны быть на барщинѣ въ лѣтніе мѣсяцы по одному дню въ недѣлю, а въ зимніе по два, слѣдовательно, менѣе, чѣмъ было, напримѣръ, въ ямбургскомъ и ораніенбаумскомъ уѣздахъ петербургской губерніи. Однако тамъ помѣщики взыскивали не треть хлѣба [illegible] съ крестьянскихъ [illegible], а только пятую часть, а эту разницу можно почти приравнять одному рабочему дню. Сверхъ пятины [illegible], идущей въ пользу помѣщика, крестьяне должны были, по проекту Титова, [illegible] господинъ [illegible] 300 в., притомъ каждый взрослый работникъ обязанъ поставить въ годъ не болѣе 2 подводъ, которыхъ господинъ можетъ потребовать, если бы потребовалось отвозить хлѣба за предѣлы вотчины.

Въ случаѣ [illegible] помѣщикъ [illegible] опредѣлять [illegible] крестьянъ [illegible] [illegible]

[illegible] помѣщикъ можетъ отдавать [illegible] крестьянамъ [illegible] На тѣхъ же условіяхъ помѣщикъ можетъ отдавать [illegible] крестьянъ на поселеніе тѣхъ дворовъ, въ которыхъ не оказывается трехъ работниковъ.

[illegible] тины, сдавая вмѣсто нихъ лѣнивыхъ и дурнаго поведенія.

[illegible]

[illegible] Титова, [illegible]

его системѣ, доходъ помѣщика, оцѣненный на деньги, равнялся бы при барщинномъ хозяйствѣ 4 руб., а при оброчномъ 3 руб. съ души [1].

Если сравнить проекты Титова и Вольфа, то въ нихъ сразу замѣтны нѣкоторыя черты сходства. Такъ, напримѣръ, и тотъ и другой предлагаетъ дать по 3 десятины въ полѣ пахотной земли на работника; что касается барщины, то Титовъ требуетъ зимою трети работниковъ, лѣтомъ шестой части, слѣдовательно, среднимъ числомъ, четверти всего взрослаго населенія; Вольфъ также требуетъ одного работника изъ четырехъ. Между тѣмъ результаты у послѣдняго выходятъ менѣе благопріятныя для крестьянъ: именно, по его оцѣнкѣ, доходъ съ крестьянъ равняется 6 руб., съ души, а по разсчету Титова только 4 руб.; разница происходитъ отъ того, что Титовъ перелагаетъ на деньги только продукты труда, т. е. чистый доходъ, достающійся помѣщику, а Вольфъ оцѣниваетъ все время барщины и считаетъ все это доходомъ, что, очевидно, совершенно ошибочно. Но разногласіе между авторами обоихъ проектовъ оказывается только при оцѣнкѣ дохода на деньги; что же касается работъ и повинностей требуемыхъ ими съ крестьянъ, то онѣ почти совершенно одинаковы.

Проектъ Титова представляетъ ничто иное, какъ узаконеніе средней нормы работъ и разныхъ сборовъ, существовавшихъ въ то время въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; постановленіе подобной нормы работъ и другихъ повинностей, но нѣсколько болѣе снисходительной для крестьянъ (оброкъ, впрочемъ, Титовъ назначаетъ умѣренный), было бы полезно, такъ какъ оно сразу ограничило бы чрезмѣрныя требованія нѣкоторыхъ помѣщиковъ и затѣмъ остановило бы быстрое возрастаніе оброковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которое весьма замѣтно въ теченіе всего Екатерининскаго царствованія. Но, разумѣется, введеніе такихъ навѣянныхъ остзейскимъ вліяніемъ мѣръ, какъ пополненіе въ каждомъ дворѣ числа взрослыхъ работниковъ до одинаковаго уровня, было нежелательно [2].

[1]) Арх. Кодифик. Отд. вяз. 357—352 *б*, дѣло № 31.

[2]) Мы [illegible] Вольфа. [illegible] Николаевъ. [illegible] Мариинской колоніи [illegible] Хозяйка [illegible] «Питомцы московскаго воспитательнаго дома, поселенцы саратовской губерніи». «Русская Старина» 1879 г. № 7, стр. 179—181, 190, ср. 187. [illegible] очевидцемъ.

ГЛАВА X.

Вопросъ о прикрѣпленіи къ землѣ малороссійскихъ посполитыхъ крестьянъ.

До сихъ поръ намъ приходилось говорить исключительно о крестьянскомъ вопросѣ въ Великороссіи. Между тѣмъ какъ здѣсь рѣчь шла о томъ, чтобы если не уничтожить, то по крайней мѣрѣ ограничить крѣпостное право, въ Малороссіи напротивъ совершался обратный процессъ: юридически свободные крестьяне, имѣвшіе право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому, постепенно все болѣе и болѣе подвергались закрѣпощенію. Еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія малороссійская старшина начинаетъ подавать гетману просьбы о воспрещеніи переходовъ; великороссійскіе чины укрѣпляютъ малороссіянъ въ вѣчное холопство: берутъ на нихъ крѣпости, женятъ на своихъ крѣпостныхъ. По просьбѣ старшины, генеральная войсковая канцелярія въ 1739 г. также воспрещаетъ переходы. Но при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны самымъ близкимъ къ ней человѣкомъ былъ малороссъ, бывшій простой казакъ, и вѣроятно его вліянію слѣдуетъ приписать то, что она возстановила свободу перехода въ Малороссіи, а въ 1742 г. запретила великороссійскимъ чиновникамъ укрѣплять за собою малороссіянъ. Правда, указъ этотъ не всегда соблюдался, такъ что его приходилось подтверждать, но все таки нельзя не отмѣтить этого распоряженія, какъ идущаго въ разрѣзъ съ постояннымъ стремленіемъ правительства въ первой половинѣ XVIII в. закрѣпощать всѣхъ вольныхъ гулящихъ людей [1]. Казацкая старшина очень рано обнаружила стремленіе закрѣпощать не только посполитыхъ крестьянъ, но также и казаковъ; такъ какъ она силою и [illegible] отнимала у казаковъ земли или понуждала ихъ къ продажѣ своихъ участковъ, то въ 17[illegible] г. пришлось даже издать указъ съ запрещеніемъ казакамъ отчуждать свои земли. Въ исторіи старыхъ родовъ Малороссіи, для которой, какъ и для исторіи малороссійскихъ

---

[1]) П. С. З. т. XI №№ 8555, 8578, т. XIII № 9925. Въ проектѣ уложенія, составленномъ [illegible] „Малороссіяне [illegible] Латкинъ, „Законодат. коммиссіи въ Россіи", т. I, 151

крестьянъ, много сдѣлалъ своими изслѣдованіями А. М. Лазаревскій, мы ясно видимъ, какую важную роль играли насиліе и грубый произволъ въ образованіи крупной поземельной собственности въ этомъ краѣ. Правленіе послѣдняго малороссійскаго гетмана, К. Г. Разумовскаго (1750—64 гг.) тяжело отозвалось на народѣ, не смотря на то, что онъ вовсе не былъ дурнымъ человѣкомъ. Онъ ввѣрилъ управленіе страною той самой старшинѣ, которая стремилась къ окончательному порабощенію народа и спѣшила захватывать села, еще оставшіяся свободными; онъ сталъ раздавать въ Малороссіи имѣнія „въ вѣчное потомственное владѣніе",—формула, явившаяся въ гетманскихъ универсалахъ лишь въ его гетманство. Онъ сталъ раздавать своимъ родственникамъ огромныя помѣстья, не только деревни, но и города, такъ что въ 1765 г. въ свободныхъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ оставалось всего только 1,717 дворовъ [1]). При этой раздачѣ населенныхъ имѣній, Разумовскій нарушалъ даже законъ, требовавшій для пожалованія населеннаго имѣнія въ Малороссіи утвержденія со стороны верховной власти.

Въ началѣ царствованія имп. Екатерины II однимъ изъ самыхъ главныхъ желаній малороссійскаго шляхетства было прекращеніе вольнаго перехода крестьянъ. Когда въ исходѣ 1763 г. гетманъ собралъ въ Глуховъ всѣ чины на генеральное собраніе, то въ одной изъ рѣчей, при этомъ произнесенныхъ, неизвѣстный ораторъ, жалуясь на увеличеніе „самоволія" мужиковъ, говоритъ: „Они свободно изъ мѣста на мѣсто бродятъ, они безвозбранно вписываются въ казаки, они бѣжатъ въ Польшу, выходятъ на великороссійскія земли, а отъ сего у насъ умаляется земледѣліе, неисправно платятся общенародныя подати и прочіе безчисленные происходятъ непорядки, а помѣщики между тѣмъ... въ большую приходятъ бѣдность и разореніе. Я думаю", продолжалъ онъ, обращаясь къ собранію, „что и безъ моего увѣщанія согласитесь, чтобы просить о запрещеніи имъ свободнаго перехода" [2]). Въ прошеніи малороссійскаго шляхетства и старшинъ, составленномъ на этомъ собраніи, мы видимъ попытку доказать, будто бы „малороссійскіе мужики" прежде, до указа 1742 г., не имѣли даже права переходить съ мѣста на мѣсто безъ согласія „помѣщика", такъ какъ „въ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ такого вольнаго съ мѣста на мѣсто перехода нигдѣ малороссійскимъ мужикамъ не дозволено". Теперь „гетманъ со всѣмъ малоросійскимъ шляхетствомъ" просили: 1) „самовольныя малороссійскихъ мужиковъ переходы въ силу правъ малороссійскихъ навсегда пресѣчь. 2) О перешедшихъ въ слободскіе полки и въ великороссійскія слободы приказать учинить публикацію, чтобъ они на прежнія свои жи-

[1]) Сб. Ист. Общ. X, 16—17.
[2]) „Кіевская Старина" 1882 г. № 10, стр. 124.

лина въ положенный срокъ возвращались, а ежели не возвратятся, то чтобъ вольно было всякому помѣщику своего мужика отыскавъ взять, а пожилыя деньги за оного доправить, по силѣ правъ малороссійскихъ, ибо о таковомъ несвободномъ малороссійскихъ мужиковъ на великороссійскія земли переходѣ и о высылкѣ оныхъ и отъ прежде меня бывшихъ гетмановъ къ предкамъ Е-го Им-го Вел-ва челобитье происходило. 3) Перешедшимъ отъ малороссійскихъ помѣщиковъ къ другимъ малороссійскимъ же помѣщикамъ мужикамъ, понеже тотъ вольный переходъ дѣлали они съ дозволенія, указать остаться навсегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ находятся". 4) Запретить впредь мужикамъ записываться въ казаки. Претензіи старшины этимъ еще не ограничивались: въ томъ же прошеніи мы находимъ еще такое ходатайство: „раскольниковъ, поселившихся на земляхъ малороссійскаго шляхетства, отдать въ подданство тѣхъ земель помѣщикамъ, чтобъ они, по примѣру другихъ малороссійскихъ мужиковъ, помѣщичьи работы исправляли", если же это признано будетъ невозможнымъ, „то вывести ихъ всѣхъ въ Великую Россію на прежнія ихъ жилища по силѣ прежнихъ указовъ". Право владѣнія населенными имѣніями малороссійская шляхта желала сосредоточить лишь въ своихъ рукахъ и просила не дозволять мѣстному духовенству покупать и иными способами „присовокуплять" земли и деревни, какъ это было подтверждено еще по просьбѣ гетмана Апостола [1].

Правительство не спѣшило немедленнымъ прекращеніемъ переходовъ крестьянъ, но однако стремилось ихъ ограничить и потому стало требовать письменныхъ отпусковъ; указомъ 10 Декабря 1763 г. было предписано: „Никому малороссійскаго посполитаго народа людей безъ письменнаго отпуска одинъ отъ другаго владѣльца отнюдь не принимать, равно же по ихъ желаніямъ въ дачѣ повелѣнныхъ... письменныхъ отпусковъ не удерживать" [2]. Землевладѣльцы стали пользоваться этимъ указомъ, чтобы преграждать посполитымъ свободный переходъ, но ихъ притязанія, по словамъ г. Лазаревскаго, только усилили переходы крестьянъ [3].

Притязанія К. Г. Разумовскаго на установленіе наслѣдственности гетманскаго достоинства въ своемъ родѣ, выразившіяся на томъ же собраніи въ концѣ 1763 г., о которомъ мы упоминали выше, повели къ уничтоженію въ 1764 г. званія гетмана и къ назначенію генералъ-губернаторомъ этого края Румянцова, который долженъ былъ управлять имъ съ помощью малороссійской коллегіи. При этой важной реформѣ имп. Екатерина поль-

[1]) „Кіевская Старина" 1883, № 6, стр. 324, 329, 342—43.
[2]) П. С. З. т. XVI, № 11987.
[3]) „Малороссійскіе посполитые крестьяне" въ „Запискахъ Черниговскаго статистическаго комитета" 1866 г. вып. I, 115.

овалась совѣтами Теплова, который былъ прежде правою рукою Разумовскаго. Къ этому времени относится составленіе Тепловымъ „Записки о Малой Россіи", гдѣ онъ между прочимъ рѣшительно высказывается и противъ вольнаго перехода крестьянъ.

„Къ внутреннему и собственному ея разоренію", говоритъ Тепловъ, „есть вредъ наибольшій вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, который причиною, что бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ, богатые паче усиливаются, а мужики, не чувствуя своей погибели, дѣлаются пьяницами, лѣнивцами и нищими, умирая съ голоду въ благословенной плодородіемъ землѣ. Мужикъ, имѣя власть перемѣнять свое селеніе, всеконечно ищетъ первѣе всего, какъ бы ему найти удобное мѣсто хлѣбъ жевать безъ труда. Сего ради не допускаетъ онъ обременять себя помѣщику никакою излишнею работою. Между тѣмъ изобилующіе помѣщики землями или грабленными, или государевыми, или за долгъ выниковыми себѣ приговоренными, или по сходѣ дешевизны вмѣстѣ пожалованными, обыкновеніе имѣютъ поселять слѣдующимъ образомъ. Сперва опредѣляютъ слугу надежнаго у бѣдныхъ помѣщиковъ подговаривать, прельщая многими льготами, что весьма легко имъ и удается, потому что бѣдный помѣщикъ больше заставляетъ мужика своего работать, нежели богатый. Потомъ выставитъ на пустой своей землѣ большой деревянный крестъ, на которомъ для грамотныхъ подпишетъ, а для неграмотныхъ скважинами провертенными означитъ, на сколько онъ лѣтъ вновь поселившимся обѣщаетъ льготы отъ всѣхъ чиншовъ, то есть податей и господскихъ работъ. Между тѣмъ мужики праздношатающіеся и лѣнивые о томъ не отстаиваютъ навѣдываться, гдѣ и съ колико-временными свободами крестъ поставленъ на слободу, и провѣдавъ выбираютъ мѣсто, которое имъ выгоднѣе показывается. Такимъ образомъ выдерживаетъ онъ урочные годы въ крайнемъ лѣнивствѣ, а къ концу срока провѣдываетъ о потомъ кличѣ на слободу и новаго креста ищетъ. И симъ образомъ весь свой вѣкъ нигдѣ не заводитъ никакой оседлости, то есть хозяйства, а таскается отъ одного къ другому кресту, переводя свою семью. Для сихъ причинъ они по большей части и никакого у себя не заводятъ домоводства, дабы удобнѣе было съ мѣста на мѣсто ходиться, тѣмъ больше, что онъ тотъ переходъ тайкомъ отъ помѣщика учинить долженъ. Ибо помѣщикъ, подъ претекстомъ тѣмъ, якобы мужикъ все, что ни имѣетъ, нажилъ на его помѣщичьихъ грунтахъ, какъ скоро провѣдаетъ о его предпріятіи, грабитъ все его имѣніе, на которое онъ по силѣ статута право имѣетъ. Такъ поступаютъ помѣщики безкредитные въ націи, а сильные кредитомъ, заманивши однажды на свою землю мужика, много иныхъ способовъ имѣютъ не выпустить отъ себя переселиться къ другому. Такимъ образомъ въ изобиліи и плодородіи земли малороссійскій земледѣлецъ претерпѣваетъ гладъ, убогій помѣщикъ въ большую бѣдность впадаетъ, а богатый усиливается числомъ подданныхъ. Между тѣмъ государственная польза изъ малороссійскаго народа не только изобиліемъ земли не возрастаетъ, но еще часъ отъ часу въ упадокъ приходитъ".

Въ другихъ мѣстахъ своей записки Тепловъ столь же сильными штрихами обрисовываетъ „расхищеніе посполитыхъ дворовъ" казацкою старшиною, обращеніе многихъ казаковъ въ крестьянъ и проч.[1] Тепловъ не

[1] „Архивъ кн. Воронцова". М. 1882 г. кн. XXV, 361—64, 375—381. О времени составленія записки ср. *Соловьева*, XXVI, 39. Впервые этотъ трудъ Теплова былъ напечатанъ въ „Запискахъ о Южной Руси" Кулиша, т. II, 175—196.

желаетъ однако вполнѣ пояснить истинную причину частыхъ переходовъ крестьянъ, поставить ихъ въ связь съ тѣми ужасными насиліями которые посполитымъ приходилось выносить со стороны державцевъ малороссійской шляхты.

При вступленіи гр. П. Румянцова въ должность малороссійскаго генералъ-губернатора ему дано было императрицею секретное наставленіе, въ которомъ, въ числѣ предметовъ, требующихъ его „рачительнаго наблюденія и старанія", между прочимъ были названы: „весьма вредные, какъ владѣльцамъ, такъ и самимъ посполитымъ людямъ, съ мѣста на мѣсто переходы". Далѣе упоминалось о необходимости произвести перепись и возвысить подати въ Малороссіи, такъ какъ она не приноситъ государственной казнѣ ни малѣйшаго дохода, и наконецъ было сказано: „и какъ не можно располагаемымъ поборамъ ни прочнаго въ установленіи своемъ основанія имѣть, ниже въ извѣстной всегда суммѣ обращаться, покуда продолжаться будутъ помянутые земледѣльцевъ съ мѣста на мѣсто переходы, то надлежитъ вамъ прилагать крайнее стараніе ваше тамошній народъ всѣми удобовозможными способами привесть къ тому, чтобъ оные переходы вовсе пресѣчены были. Отъ искуства вашего и благоразумія", внушалось Румянцову, „зависѣть будетъ выборъ и употребленіе пристойныхъ средствъ въ произведеніи сего дѣла, которое, сколько само собою ни полезно, однако жъ, по безразсудству народной закоснѣлости, подвергается трудностямъ..... Впрочемъ, думаемъ мы, что, при безпристрастномъ о сихъ переходахъ разсужденіи, какъ помѣщики, такъ и земледѣльцы сами ясно понять должны существительную оныхъ на обѣ стороны безполезность. Непостоянство и непрочность перемѣнныхъ въ земледѣліи и въ сельской экономіи распорядковъ, конечно, помѣщикамъ въ пользу служить не могутъ; земледѣльцы же, питаясь въ семъ случаѣ одною только вольности мечтою, не понимаютъ, что полагаемые въ земледѣліи труды ихъ не токмо для нихъ и ихъ потомковъ на непремѣнныхъ селеніяхъ несравненно полезнѣе но, и укоренясь на оныхъ, вольности своей чрезъ то не лишатся, по примѣру крестьянъ многихъ европейскихъ государствъ, гдѣ они, хотя некрѣпостные и некабальные, живутъ однакожъ и остаются для собственной своей выгоды всегда на однихъ мѣстахъ, и тѣмъ, охотнѣе размножая въ разныхъ земледѣлія частяхъ труды свои, умножаютъ и настоящую пропитанія и прибытковъ своихъ прочность" [1]).

Такимъ образомъ имп. Екатерина какъ будто сулила малороссійскому народу не крѣпостное право, а лишь прикрѣпленіе къ землѣ, но, какъ увидимъ ниже, дѣло окончилось иначе.

Румянцовъ вполнѣ проникся принципами, положенными въ основаніе

[1]) Сборн. Историч. Общ. VII, 376, 381.

даннаго ему наставленія, и уже въ 1766 г. въ своемъ мнѣніи „О скупкѣ въ Малой Россіи казачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитахъ и о живущихъ въ подданствѣ казакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться“, предлагалъ: „чтобы отъ сего времени никого болѣе въ казаки не писать, а кто по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно“[1]. Что касается этой знаменитой переписи, то тутъ нужно отмѣтить одинъ любопытный фактъ: при описаніи монастырскихъ имѣній подробно перечислялись повинности посполитыхъ относительно монастырей; напротивъ того о населенныхъ имѣніяхъ свѣтскихъ частныхъ владѣльцевъ мы не находимъ такихъ свѣдѣній: очевидно Румянцовъ не хотѣлъ возбудить въ малороссійской шляхтѣ опасеніе, что онъ желаетъ регулировать повинности посполитыхъ, живущихъ на частныхъ земляхъ[2].

При созваніи коммиссіи для составленія новаго уложенія малороссійская коллегія, во главѣ которой стоялъ генералъ-губернаторъ Румянцовъ, въ наказѣ, данномъ своему депутату въ этой коммиссіи, затронула и крестьянскій вопросъ. Въ духѣ уже извѣстныхъ намъ мнѣній правительства здѣсь было сказано: „простой народъ мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, лѣности и распутства, ибо многіе, оставляя свои пахотные и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое и, чтобы удобнѣе проводить жизнь праздную и распутную, остаются навсегда безъ грунтовъ подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ“. Коммиссія предлагала обложить налогомъ дома и принадлежащія къ нимъ земли, за кѣмъ бы они ни числились, и если бы даже владѣльцы какіе либо грунты своихъ подданныхъ „въ свое собственное обратили,“ то они должны „службу, дань и повинность отдавать ту, въ какомъ окладѣ тѣ“ земли „положены будутъ“: тогда „будетъ извѣстно, что въ какой домъ или на какой бы грунтъ кто ни перешелъ бы, трудъ токмо въ переходѣ и въ обстройкѣ излишній найдетъ, а дани и службы нигдѣ не избѣжитъ, и безъ платежа нигдѣ ничего не получитъ... и всякій пашенный не можетъ получить свободы, доколѣ на свое мѣсто не доставитъ такого же данника или работника“. Неимѣющіе же собственныхъ пашенныхъ земель и служащіе по

[1] Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1861 г. т. II, стр. 63.

[2] Стремленіе нашего правительства привести посполитыхъ малороссіянъ въ тоже положеніе, какъ и великорусскіе крестьяне, замѣчено было и иностранными резидентами. Англійскій посланникъ Ширлей, говоря въ одной изъ своихъ депешъ 1768 г. объ уничтоженіи гетманскаго достоинства въ Малороссіи, продолжаетъ: „Съ тѣхъ поръ старались уравнять положеніе украинцевъ съ положеніемъ русскихъ крестьянъ, что, какъ слышно, вызвало сильное недовольство, такъ что весьма многіе изъ самыхъ знатныхъ жителей принимали дѣятельное участіе въ возстаніи польскихъ крестьянъ“. Сборн. Истор. Общ. XII, 340.

договорамъ должны всегда пользоваться своею свободою, но только при переходѣ они должны требовать отпуска подъ страхомъ лишенія свободы и ссылки на поселеніе или даже на каторгу. До генеральнаго обмежеванія земель коллегія предлагала также установить налогъ „съ души или иначе,“ какъ будетъ угодно императрицѣ. По мнѣнію коллегіи, разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ во владѣніяхъ частныхъ лицъ должно производиться земскими коммиссарами, а если бы дѣло касалось самого владѣльца, то провинціальными судами; они должны разсматривать жалобы объ отпускѣ людей и крестьянъ; „хотя же впрочемъ судъ и расправа и всякое благоучрежденіе въ деревняхъ принадлежатъ по всѣмъ правамъ владѣльцу, то однако же за нужно признавается сдѣлать государственное право, подъ именемъ поселянскаго, заключающее въ себѣ образъ суда и порядокъ въ хозяйствѣ и хлѣбопашествѣ“ [1]).

Наказъ малороссійской коллегіи вызвалъ подробное возраженіе со стороны одного изъ депутатовъ малороссійскаго шляхетства (отъ лубенскаго полка), Григорія Полетики. Онъ находилъ, что предложенія коллегіи будутъ стѣснительны и для шляхетства, и для крестьянъ, и что въ этомъ отношеніи достаточно дѣйствующихъ въ Малороссіи законовъ. Особенно не понравилось ему предложеніе, чтобы поземельный налогъ оставался на землѣ и въ томъ случаѣ, если грунтъ будетъ отобранъ у крестьянина господиномъ.

„Во всей Россіи“, пишетъ Полетика, „до сихъ поръ не слышно было, чтобъ мужичья земля отличалась когда-либо отъ владѣльческой или чтобъ за собственную мужичью почиталась: ибо въ такомъ случаѣ мужики уже не подданными своему господину, но равные ему владѣльцы были бы. Знаю я, что въ нѣкоторыхъ многолюдныхъ государствахъ мужичьи земли почитаются за ихъ собственность, но не для того, что тамъ мужики, будучи вольные, нанимаютъ или откупаютъ тѣ земли у помѣщиковъ и платятъ имъ за то извѣстную цѣну, тако жъ и надлежащія съ оной государству подати, а потомъ, когда захотятъ сойти съ той земли, то продаютъ оную другимъ съ тѣми же, что сами взяли, договорами, при чемъ тамъ земля не ихъ, но владѣльческою остается, и я не слыхалъ, чтобы гдѣ-либо владѣльцы платили мужичьи подати, когда захотятъ преобратить такія земли въ свою пользу, и платятъ только обыкновенныя, на земли положенныя подати, а другихъ, которыми мужики обложены бываютъ, платить не обязаны. Въ Россіи же, а особливо въ Малой, кажется, до тѣхъ поръ сего учинить не можно, пока не умножится народъ такъ, какъ въ другихъ государствахъ, и пока то существо не доведено будетъ до того состоянія, что земли, а не труды работающихъ оную, нужнѣе и дороже будутъ, а до сего времени какъ россійскіе, такъ еще болѣе малороссійскіе помѣщики большую нужду имѣютъ въ мужикахъ и ихъ работахъ, нежели въ земляхъ. Легко можно на земли и на домы наложить новые подати, легко можно разставить нумеры“ (какъ предлагала коммиссія), „но опасно только то, чтобъ одни нумеры не остались, а людей не будетъ“.

[1]) Сбор. Ист. Общ. XLIII, 22, 233—235 и въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1858 г. т. III. Смѣсь, стр. 56, 66—68.

Не понравилось также Полетикѣ и предлагаемое коллегіею вмѣшательство въ отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ и составленіе „государственнаго права подъ именемъ посполитскаго“. Онъ заявилъ, что „государственное посполитское право“ считаетъ не нужнымъ. „И пока мужики будутъ почитаться неравными владѣльцамъ, то весь судъ и расправа мужиковъ должны быть при владѣльцахъ или ихъ повѣренныхъ, а если для нихъ сдѣлать особое право, то должны быть суды и судьи, и на нихъ къ верхнимъ судамъ апелляціи, а сіе сколь для мужика вредно, столь предосудительно для помѣщика, всякъ благоразумный видитъ“. Но если многое въ мнѣніи Полетики было подсказано эгоистическими шляхетскими соображеніями, то мѣстами онъ высказывался и въ пользу народа. Такъ онъ протестовалъ противъ предложенныхъ коллегіею грозныхъ мѣръ въ случаѣ переходовъ съ мѣста на мѣсто безъ отпуска: „Сіе народа, близь границъ живущаго“, говоритъ онъ, „не удержитъ. Поймаютъ одного, а десять уйдетъ. Лучше... оградить государство благоденствіемъ. Если не строжею, то народъ и безъ того въ предѣлахъ своихъ останется“. Полетика протестовалъ также противъ введенія подушной подати, хотя бы и временно, до генеральнаго размежеванія земель; онъ находилъ, что это „не только правамъ, привилегіямъ и многими вѣками утвержденнымъ обыкновеніямъ Малыя Россіи противно“, но и приведетъ къ „крайнему разоренію и опустошенію, а вообще государству къ невозвратному вреду“ [1].

Въ малороссійскихъ шляхетскихъ наказахъ можно было встрѣтить ходатайство о прекращеніи переходовъ посполитыхъ съ мѣста на мѣсто [2]. Напротивъ въ одномъ городскомъ наказѣ, города Погара, находимъ просьбу о невоспрещеніи вольнаго перехода. По свидѣтельству этого наказа, многіе свободные люди, живущіе на владѣльческихъ земляхъ, оставляли владѣльцамъ свои усадьбы, а сами переходили въ Погаръ,

---

[1] Отзывъ этотъ представляетъ онъ, доказывая уже и чувствительными [illegible], ибо когда въ 1764 г. бывшій гетманъ гр. К. Г. Разумовскій хотѣлъ учинить перепись по душамъ, не столько для окладу сбору, то неизреченно въ какой страхъ и уныніе привело отъ того малороссійскій народъ и чрезвычайно началъ бѣжать въ Польшу и въ Татарскую землю, и селиться на самовольныхъ степяхъ, что можно доказать обширными и многолюдными слободами, поселенными на Крымскихъ степяхъ, а въ Польшу сколько ихъ бѣжало, то о [illegible] кажутъ пограничныя коммиссіи, не упоминая о бѣглыхъ прибылыхъ. Когда же въ 1765 году для переписи" и гр. Румянцовымъ [illegible] объявлена, съ прибавленіемъ того, чтобъ не только переписать души, дворы и хаты, но обмѣрять земли, и всякія угодья описать [illegible] стогъ, въ прудахъ рыбу и прочее, то народъ въ большій еще пришелъ страхъ и уныніе [illegible] ибо всѣ того простой малороссійскій народъ заключилъ, что имъ больше нечего отъ того не слѣдуетъ, какъ только [illegible] быть въ крѣпости по примѣру великороссійскихъ крестьянъ, а для малороссійскаго народа [illegible] сіе вообразить ужасно и несносно". Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1858 г., т. III, 81, 97—99.

[2] *Соловьевъ* XXVII. 331.

строили себѣ тамъ жилища и записывались въ вѣдѣніе погарскаго магистрата; но прежніе владѣльцы разыскивали ихъ и принуждали возвращаться на свои земли. Составители наказа просятъ, чтобы переходъ посполитыхъ въ мѣщанство былъ свободенъ и чтобы владѣльцы довольствовались усадьбами, которые при переходѣ поступали въ ихъ пользу[1]). При составленіи наказа отъ черниговскаго шляхетства, Безбородко, выбравши предводителемъ, никакъ не могъ провести одного пункта: просить объ ограниченіи власти шляхетства надъ крестьянами[2]).

Во время преній въ коммиссіи для составленія новаго уложенія былъ между прочимъ затронутъ крестьянскій вопросъ какъ въ Малороссіи, такъ и въ находящейся въ сходныхъ съ нею условіяхъ Слободской Украинѣ. По поводу требованій нѣкоторыхъ депутатовъ о дозволеніи покупать дворовыхъ людей купцамъ и приказнымъ, извѣстный депутатъ отъ казаковъ Хоперской крѣпости Алейниковъ сказалъ (въ засѣданіи 26 Окт. 1767 г.) что если этимъ лицамъ будетъ дозволено покупать крестьянъ, то слѣдуетъ дать такое дозволеніе всѣмъ казакамъ и малороссійскому народу, но какъ то, такъ и другое будетъ весьма вредно для государства. Онъ объяснилъ, какъ тяжело будетъ рядовымъ казакамъ, когда чиновные на ихъ земляхъ будутъ селить покупныхъ крестьянъ; по его мнѣнію, было бы полезно всѣхъ людей, которыхъ главные командиры бывшихъ слободскихъ полковъ поселили на казачьихъ земляхъ отписать въ казну, и въ заключеніе предложилъ всѣмъ казакамъ и малороссійскому народу покупку деревень и дворовыхъ людей запретить. Это предложеніе вызвало протестъ со стороны депутата отъ шляхетства нѣжинскаго и батуринскаго повѣтовъ Божича, депутата отъ дворянъ сумской провинціи Кондратьева, а также депутатовъ отъ казачьихъ войскъ; но Алейниковъ не оставилъ ихъ протестовъ безъ возраженія. Онъ отвѣчалъ, что въ слободскихъ полкахъ полковники и прочіе полковые командиры дѣйствительно завладѣли жалованными войсковымъ обывателямъ землями съ селами и всякими угодьями, и на этихъ земляхъ поселили себѣ въ подданство большія слободы ихъ же малороссіянъ. Сверхъ того они допустили великороссійскихъ помѣщиковъ владѣть этими землями и привели бѣдный малороссійскій народъ въ крайнее разореніе и убожество. Многіе малороссіяне отъ нестерпимыхъ налоговъ и озлобленія оставили родителей, женъ и дѣтей и разошлись по разнымъ великороссійскимъ городамъ, гдѣ и понынѣ остаются, претерпѣвая несносныя нужды, такъ напр. въ крѣпости св. Димитрія Ростовскаго 4000 малороссіянъ положены въ 1763 г. въ подушный окладъ; въ Донскомъ войскѣ находится по разнымъ станицамъ тысячъ до пяти малороссіянъ, которые тогда же положены въ подушный окладъ, но земли

[1]) *Авсѣенко*. „Малороссія въ 1767 году". Кіев, 1864 г. стр. 85.
[2]) *Соловьевъ*, XXVII, 51.

имъ на пропитаніе не отведено, и они кормятся разными ремеслами или нанимаются въ работники къ донскимъ казакамъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, продолжалъ Алейниковъ, Малую Россію можно безъ сомнѣнія назвать разсыпанною храминою. Въ заключеніе онъ предложилъ: возобновить законъ 1727 г., запрещавшій великороссіянамъ пріобрѣтеніе земель въ Великороссіи, а затѣмъ, по его мнѣнію, не только у малороссійскаго народа, донскихъ казаковъ и другихъ казачьихъ войскъ и полковъ, но и у великороссійскихъ помѣщиковъ, которые своихъ крестьянъ и вольныхъ малороссійскихъ людей поселили на малороссійскихъ слободскихъ жалованныхъ земляхъ, слѣдуетъ непремѣнно отписать въ казну и причислить ихъ со всѣми землями и угодьями къ Малой Россіи, къ государственнымъ малороссіянамъ, а въ слободскихъ полкахъ къ войсковымъ обывателямъ, съ которыми и быть имъ наряду въ мірскихъ тягостяхъ и государственныхъ службахъ. Великороссійскихъ же крестьянъ и крѣпостныхъ дворовыхъ людей, а также однодворцевъ вывести изъ Малой Россіи и слободскихъ полковъ въ крѣпость св. Димитрія Ростовскаго и приписать ихъ къ тамошнимъ однодворцамъ. Наконецъ вольныхъ малороссіянъ, которые состоятъ за казачьими старшинами въ казачьихъ войскахъ и полкахъ и въ Донскомъ войскѣ, вывести въ Малую Россію и причислить по прежнему къ малороссійскому народу, а великороссійскихъ крестьянъ въ великороссійскіе города съ причисленіемъ къ однодворцамъ [1].

Во время преній, возбужденныхъ мнѣніемъ Коробьина, въ либеральномъ смыслѣ высказался, какъ мы уже знаемъ, депутатъ отъ шляхетства екатерининской провинціи Яковъ Козельскій; но что касается свободнаго перехода крестьянъ въ Малороссіи, то и онъ желалъ его ограниченія, именно онъ предложилъ съ тѣхъ помѣщиковъ, которые „перехожихъ или, лучше сказать, бѣглыхъ народъ принимаютъ безъ письменнаго вида", взыскивать такой же большой штрафъ, какъ за бѣглаго великороссійскаго крестьянина, но депутатъ отъ переяславскаго шляхетства Забѣла протестовалъ противъ этого предложенія [2].

Въ коммиссіи о разборѣ родовъ государственныхъ жителей Унтернъ-Штернбергъ представилъ проектъ закона о крестьянахъ, гдѣ, между прочимъ, есть отдѣлъ о правахъ вольныхъ крестьянъ, подъ которыми разумѣлись крестьяне въ Малороссіи, Финляндіи и на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря. По этому проекту вольные крестьяне имѣютъ неограниченное право собственности на движимое имущество, а землями они владѣютъ на подобіе арендаторовъ или отъ казны, или отъ дворян-

—

[1]) Сборн. Ист. Общ., т. VIII, 170—171, 214—216, 228—229, 2[illegible]—290, 3[illegible]—37?, ср. XXXII, 370—373.

[2]) Сборн. Ист. Общ. т. XXXII, 500—502, 520

сіи" на основаніи договоровъ съ платою аренды, смотря по количеству земли. Они могутъ переходить съ мѣста на мѣсто, но заблаговременно заявивъ о томъ помѣщику въ положенный закономъ срокъ. Всѣ споры между помѣщикомъ и вольнымъ крестьяниномъ должны рѣшаться въ судѣ, но пока онъ живетъ на помѣщичьей землѣ, то за ослушаніе или упущеніе въ работѣ подлежитъ умѣренному домашнему наказанію. Унгернъ-Штернбергъ предложилъ, чтобы въ Украинѣ крестьяне лишались права перехода отъ одного помѣщика къ другому, когда прожили 10 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и послѣ того должны тамъ оставаться навсегда; въ остальныхъ же случаяхъ они должны были пользоваться правомъ свободнаго перехода въ предѣлахъ Украины, взявъ только письменный видъ отъ прежняго помѣщика.

Депутатъ Радванскій, въ замѣчаніяхъ на проектъ Унгерна-Штернберга относительно вольнаго перехода, высказалъ мнѣніе, что „сія вольность ни мало не полезна, а разрушаетъ благоденствіе народное, ибо для приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе стараться должно непосредственно прилѣпить ихъ къ земли". „Въ столь обширной области, какова Россія", говоритъ тутъ же Радванскій, „вольность крестьянамъ, сопряженная съ правомъ перехода изъ одного мѣста въ другое, не только безполезна, но и весьма вредна земледѣлію, то, по мнѣнію моему, всѣ государственные, какъ внутри Россіи, такъ и въ завоеванныхъ и самопроизвольно въ россійское подданство пришедшихъ провинціяхъ живущіе крестьяне, какъ казенные, такъ и помѣщичьи, должны навсегда остаться на земляхъ тѣхъ, на коихъ они положены уже или положатся въ окладъ, который должны они равно платить и по расчисленію давать рекрутъ". Относительно предложеннаго Унгерномъ-Штернбергомъ прикрѣпленія къ землѣ тѣхъ крестьянъ, которые прожили на одномъ мѣстѣ 10 лѣтъ, Радванскій замѣтилъ: „сіе совсѣмъ не полезно, что у честнаго человѣка и радѣтельнаго отнимать вольность, а часто переходящимъ людямъ, которые на одномъ мѣстѣ не уживутся, предъ тѣми давать преимущество".

Въ проектѣ правъ средняго рода людей, принятомъ коммиссіею о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, свободнымъ крестьянамъ было дано право переходить съ одного мѣста на другое „по учрежденію". Въ объясненіи на этотъ пунктъ, сдѣланномъ членомъ коммиссіи Свѣтушкинымъ, было сказано, что „учрежденіе должно преподать способы, дабы частые переходы могли пресѣчься" и опредѣлить, „на какомъ основаніи тѣмъ переходамъ быть должно". Однако по этому проекту, не получившему впрочемъ силы закона, за свободными крестьянами сохранялось право жаловаться на помѣщика въ установленныя правительствомъ учрежденія, вступить въ городское состояніе и имѣть собственное движи-

мое имущество, но съ другой стороны помѣщикъ могъ подвергать ихъ умѣренному наказанію. Земли такіе вольные крестьяне берутъ отъ правительства или отъ дворянства по договорамъ, на сколько лѣтъ согласятся" ¹).

Правительство до поры до времени оставило малороссійскихъ крестьянъ въ прежнемъ положеніи, но въ 1783 г. свободный переходъ посполитыхъ въ Малороссіи былъ прекращенъ.

---

¹) Сборн. Ист. Общ. т. XXXVI, 254—259, 280—281.

ГЛАВА XI.

Отрицательное [illegible] взгляды кн. Д. А. Голицына на крестьянскій вопросъ. — Онъ желаетъ [illegible] освобожденія крестьянъ. — Условія, которыя онъ ставитъ для производства реформы въ своихъ имѣніяхъ. Предложеніе кн. Гагарина о разрѣшеніи крѣпостнымъ выкупаться на свободу. — Отзывъ объ этой мѣрѣ со стороны кн. Д. А. Голицына. Мнѣнія кн. Е. Р. Дашковой и друг. — Значеніе вліянія Запада въ исторіи крестьянскаго вопроса.

Въ третьей главѣ мы разсмотрѣли переписку по крестьянскому вопросу кн. Голицыныхъ въ 1765 и 1766 гг. Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1767 г. кн. Д. А. Голицынъ съ большимъ прискорбіемъ узналъ, что ему придется покинуть Францію. Обжившись въ Парижѣ, общество котораго ему такъ нравилось, и считая дальнѣйшее пребываніе тамъ полезнымъ для своего образованія, онъ съ величайшею неохотою покинулъ Парижъ лишь во второй половинѣ 1768 г.

Возвратившись въ Петербургъ, кн. Д. А. Голицынъ провелъ тамъ около года, послѣ чего былъ назначенъ посланникомъ въ Нидерландскихъ штатахъ [1]. Въ этомъ новомъ періодѣ своей жизни ему снова пришлось вернуться въ перепискѣ съ вице-канцлеромъ къ обсужденію вопроса объ измѣненіи быта крѣпостныхъ.

Во всей предшествующей и разсмотрѣнной нами выше перепискѣ кн. Д. А. Голицынъ высказалъ очень много либеральныхъ мыслей по крестьянскому вопросу, но все таки оставалось неяснымъ, какого освобожденія желаетъ онъ для крестьянъ: личнаго ли только или съ земельнымъ надѣломъ. Онъ предлагалъ начать съ дарованія крестьянамъ въ дворцовыхъ селеніяхъ права собственности на движимое имущество, но этого не достаточно: это только первый шагъ, — и онъ противопоставляетъ ему недвижимое право собственности. Какимъ же образомъ должно оно образоваться; долженъ ли крестьянинъ получить земельный надѣлъ? Это тотчасъ же выясняется, какъ только были задѣты личные интересы кн. Дм. Алексѣев., и онъ оказался самымъ заурядньмъ, шаблоннымъ либераломъ, понимае-

---

[1] Сборн. Имп. Ист. Общ. т. XVII; Русск. Арх. 1872 г., т. I, стр. 775—776; Соловьевъ, т. XXVII, стр. 316.

осуществленіе идеи котораго могло бы принести огромный вредъ нашимъ крестьянамъ.

На окончательное выясненіе своихъ взглядовъ по этому предмету кн. Дм. А. Голицынъ, бывшій уже тогда посланникомъ при Нидерландскихъ штатахъ, былъ вызванъ письмомъ кн. А. М. Голицына (отъ 1-го сентября 1770 г.), который, высказывая сомнѣніе, чтобы въ Россіи могла значительно развиться торговля до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожено крѣпостное право, предложилъ кн. Дм. Алексѣевичу сдѣлать опытъ на своихъ собственныхъ земляхъ: это дозволено каждому русскому дворянину, а между тѣмъ до сихъ поръ никто не желаетъ попробовать. Письмо это задѣло за живое кн. Дм. Алексѣевича; вопросъ былъ поставленъ ребромъ; теперь нельзя уже было ограничиваться одними фразами: шестилѣтнее либеральничанье по крестьянскому вопросу къ чему нибудь да обязывало же. Посмотримъ, какой выходъ нашелъ онъ изъ подобнаго положенія.

„Увѣряю васъ, князь", отвѣчалъ онъ [1]), „что я съ величайшимъ усердіемъ ищу для этого благопріятнаго случая и невыразимо буду вамъ обязанъ, если вы будете такъ добры, исходатайствовать мнѣ соизволеніе на то е. и. в—ва". „Но освобожденіе крестьянъ вовсе не должно быть дѣломъ одного частнаго человѣка": для того, чтобы каждый дворянинъ, рѣшившійся даровать свободу своимъ крестьянамъ, могъ сдѣлать это безъ собственнаго разоренія, нужно согласіе государыни на три условія, и если императрица на нихъ соизволитъ, то онъ согласенъ освободить своихъ крестьянъ. Вотъ эти три условія: 1) освобожденіе отъ взысканія за бѣглыхъ, 2) освобожденіе отъ поставки рекрутъ и 3) неограниченная свобода въ торговлѣ произведеніями своей земли. Необходимость перваго условія кн. Д. А. Голицынъ объясняетъ такимъ образомъ: „Даруя свободу моимъ крѣпостнымъ, я сразу значительно улучшаю ихъ положеніе сравнительно съ другими крестьянами, которые поэтому устремятся ко мнѣ. Вслѣдствіе того ихъ владѣльцы начнутъ противъ меня иски и тѣмъ разорять меня. Но напрасно эти господа будутъ подозрѣвать меня въ желаніи переманивать ихъ крѣпостныхъ. Мнѣ они не нужны. Я переношу всю цѣнность моего состоянія на доходъ отъ моихъ земель; слѣдовательно лишь бы только всѣ мои земли были взяты въ аренду, всѣ обработаны, больше мнѣ ничего не нужно; излишекъ крестьянъ меня не обогатитъ, ибо самое существенное въ моемъ хозяйствѣ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ участокъ земли, достаточный не только для прокормленія, но и для обогащенія; ибо чѣмъ богаче онъ будетъ, тѣмъ болѣе высокую аренду будетъ платить за мою землю. Значитъ, населеніе въ моихъ

---

[1]) Письмо 30 сент. 1770 г., изъ Гаги, первоначально напечатано въ Сб. Ист. Об., т. XV, 634—639, перепечатано въ Сб. арх. мин. ин. дѣлъ, II, 92—98.

деревняхъ только быть точно сообразовано съ пространствомъ моихъ земель, и разъ установится эта пропорціональность, я не могу принять болѣе крестьянъ, такъ какъ у меня не будетъ земли для раздачи имъ". Кн. Голицынъ умалчиваетъ здѣсь только объ одномъ, что въ большинствѣ мѣстностей Россіи помѣщичьи имѣнія могли вмѣстить значительно болѣе крестьянъ, чѣмъ онѣ тогда вмѣщали, слѣдовательно, до достиженія указываемой имъ пропорціональности количества земли съ численностью населенія, притокъ крестьянъ изъ чужихъ вотчинъ былъ бы очень для него желателенъ, и будь ему дозволено принимать бѣглыхъ, онъ могъ бы привлечь ихъ назначеніемъ первоначально очень льготныхъ повинностей, которыя потомъ могъ бы произвольно возвысить; вѣдь онъ прямо и разсчитываетъ на уплату современемъ крестьянами болѣе высокой аренды, назначеніе размѣровъ которой онъ всецѣло предоставляетъ помѣщику.

„Быть можетъ", продолжаетъ кн. Д. А. Голицынъ, „вамъ будетъ труднѣе получить согласіе на второе изъ моихъ условій, но вы согласитесь, что оно представляетъ естественное и необходимое послѣдствіе вводимаго мною порядка. Освобождая крестьянъ, я уже не въ правѣ сдавать того или другаго изъ нихъ въ рекруты, такъ какъ иначе дарованная имъ свобода была бы только призракомъ". (Кн. Голицыну не приходитъ въ голову очень простая мысль, что раскладка рекрутской повинности могла бы быть предоставлена самимъ крестьянамъ). Впрочемъ онъ находитъ выходъ изъ этого затрудненія въ переложеніи этой натуральной повинности на деньги, принявъ количество крестьянъ при введеніи реформы за величину постоянную [1]).

Хотя объясненія по поводу перваго условія уже достаточно показываютъ, что князь отнюдь не желаетъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, но послѣ того, какъ дѣло было поставлено на практическую почву, кн. Д. А. Голицынъ сталъ очень бояться всякаго недоразумѣнія въ этомъ, столь существенномъ вопросѣ. „Быть можетъ, меня невѣрно поняли," говоритъ онъ, „когда я такъ настаивалъ на дарованіи права собственности крестьянамъ. Изъ моихъ словъ, быть можетъ, заключили, что я желалъ уступки имъ тѣхъ земель, которыя они теперь обрабатываютъ; мнѣ никогда не приходила въ голову подобная нелѣпость (!).

---

[1]) [illegible] по его мнѣнію, необходимости неограниченной свободы торговли [illegible] внутри Россіи [illegible] помѣщики терпятъ большіе убытки.

земли принадлежать намъ: было бы вопіющею несправедливостью отнять ихъ у насъ. Подъ дарованіемъ крестьянамъ собственности я разумѣю: 1) освобожденіе, т. е. право собственности на свою личность, безъ которой не мыслимы всѣ другіе виды собственности, 2) право собственности на движимое имущество, т. е. пожитки и проч., 3) дозволеніе тѣмъ, кто имѣетъ средства, покупать земли на свое собственное имя и владѣть ими такъ же, какъ владѣютъ господа, что современемъ и составило бы ихъ поземельную собственность". Чтобы доказать искренность своего желанія, кн. Д. А. Голицынъ изъявляетъ готовность пріостановить продажу одного небольшаго подмосковнаго имѣнія, принадлежащаго ему вмѣстѣ съ братомъ, въ надеждѣ, что государыня согласится на его просьбу.

Такимъ образомъ кн. Дм. Алексѣев. побѣдоносно вышелъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое поставило его либеральничанье по крестьянскому вопросу. Онъ очень хорошо понималъ, что предъявилъ совершенно невозможныя условія (какъ напр. изъятіе отъ взысканія за бѣглыхъ, поселяющихся на его земляхъ); если же, паче чаянія, условія его были бы приняты, то онъ нашелъ бы очень выгоднымъ для себя безземельное освобожденіе крестьянъ: не даромъ же онъ долго жилъ за границей и хорошо усвоилъ себѣ западныя экономическія идеи. Въ случаѣ согласія государыни, писалъ онъ, „земля, находящаяся въ столь близкомъ разстояніи отъ большаго города, дѣлается для меня драгоцѣннымъ достояніемъ. Вмѣсто того, чтобы ее продать, я напротивъ постараюсь скупить всѣ части моихъ братьевъ, если только они не согласятся освободить крестьянъ вмѣстѣ со мною, въ чемъ я буду ихъ склонять всѣми зависящими отъ меня мѣрами".

Вицеканцлеръ отвѣчалъ кн. Дм. Алексѣевичу [1], что онъ не рѣшается даже представить императрицѣ его послѣднее письмо „слѣдствіе трехъ условій, которыя никакъ не могутъ быть приняты". Допущеніе перваго и третьяго условія произвело бы величайшій безпорядокъ въ самыхъ важныхъ частяхъ государственнаго управленія; второе условіе невыгодно для государства, такъ какъ рекрутскіе наборы доставляютъ гораздо лучшихъ солдатъ, чѣмъ вербовка. Да и вообще вицеканцлеръ не считалъ доказаннымъ, что крѣпостное право дѣлаетъ нашихъ крестьянъ несчастными.

Само собою разумѣется, князь Дм. Алексѣев. выразилъ глубочайшее сожалѣніе [2], что его предложеніе не принято. „Предѣлы письма не дозволяютъ мнѣ сдѣлать всѣ возраженія, какія я могъ бы представить, тѣмъ болѣе, что, какъ я вижу, онѣ были бы безполезны: мнѣ кажется, что окончательно принято рѣшеніе оставить нашихъ крестьянъ въ крѣ-

[1]) Письмо неизвѣстнаго числа октября мѣсяца 1770 г., не издано.

[2]) 13-го ноября 1770 г., письмо не издано.

постномъ состояніи. Но если е. и. в—во пожелаетъ имѣть записку по этому предмету, то я надѣюсь доказать, что и она, и каждый изъ насъ въ частности очень выиграетъ отъ этого измѣненія, и что напротивъ, пока существуетъ крѣпостное право, русская имперія и наше дворянство, предназначенныя къ тому, чтобы быть богатѣйшими въ Европѣ, останутся бѣдными. Къ тому же, какъ мы иначе образуемъ третье сословіе, безъ котораго нельзя льстить себя надеждою создать искуства, науку, торговлю и проч.“

Послѣ того обсужденіе кн. Голицыными крестьянскаго вопроса опять прекратилось болѣе, чѣмъ на полгода. Оно возобновилось письмомъ кн. Александра Михайловича [1], въ которомъ тотъ сообщаетъ, какую мѣру на пользу крѣпостныхъ крестьянъ предлагаетъ кн. Гагаринъ [2], дядя кн. Дмитрія Алексѣевича, мѣру, по мнѣнію вицеканцлера, довольно близкую къ проекту нашего нидерландскаго посланника. Онъ желаетъ, чтобы императрица позволила помѣщичьимъ крестьянамъ выкупаться на свободу за плату въ 200 р. ихъ господамъ и 50 р. казнѣ, съ тѣмъ, чтобы послѣ того они были навсегда избавлены отъ подушной подати, рекрутской повинности и всякихъ другихъ сборовъ въ пользу казны и помѣщиковъ, съ дозволеніемъ поселиться въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, если они не захотятъ остаться на землѣ помѣщика на извѣстныхъ условіяхъ... Онъ полагаетъ, что не только такое освобожденіе крестьянъ будетъ безконечно полезнѣе для государя и помѣщиковъ, но что при такомъ постепенномъ введеніи свободы не будетъ слишкомъ быстраго и замѣтнаго измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Признаюсь однако, продолжаетъ вицеканцлеръ, „*что этотъ проектъ встрѣтилъ бы очень большія затрудненія и что исполненіе его естественно должно было бы современемъ измѣнить государственное устройство. Удобный способъ получать рекрутъ былъ бы измѣненъ или эта повинность была бы несоразмѣрно распредѣлена на остальныхъ подданныхъ. Слѣдовало бы еще узнать* [3], дѣйствительно ли несчастно положеніе нашихъ крестьянъ, улучшится ли при этой перемѣнѣ земледѣліе въ виду склонности нашего народа къ торговлѣ и не сдѣлаютъ ли крестьяне, выкупившіеся на свободу и взявшіе земли въ аренду, болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде, положеніе ихъ прежнихъ собратьевъ. Я уже не говорю о замѣшательствѣ и о множествѣ процессовъ.

---

[1]) Письмо 14-го іюня 1771 г., не издано.

[2]) Какъ видно изъ замѣтки на поляхъ одного письма кн. Дм. Алексѣев., то былъ кн. Сергѣй Васильевичъ, которому былъ порученъ надзоръ за собственными имѣніями императрицы (см. записки Болотова т. III). Замѣтка эта, вѣроятно, была сдѣлана для императрицы и заставляетъ думать что ей представлялись его послѣдующія письма.

[3]) Все набранное курсивомъ написано вмѣсто слѣдующей зачеркнутой фразы: „я не могу одобрить его мнѣнія, такъ и всего того, что до сихъ поръ предлагалось по этому предмету, до тѣхъ поръ, пока мнѣ докажутъ“...

которые безъ сомнѣнія за тѣмъ послѣдуютъ, такъ какъ въ нашихъ законахъ нѣтъ ничего объ установленіи и правахъ такого рода третьяго сословія".

Кн. Гагаринъ въ своемъ проектѣ гораздо откровеннѣе высказывалъ мысль о необходимости освобожденія крестьянъ безъ всякаго земельнаго надѣла: тутъ уже не приходилось опасаться недоразумѣнія и разъясненія, что земли должны остаться собственностію помѣщиковъ. Понятно, что этотъ проектъ очень понравился кн. Д. А. Голицыну. „Мысль моего дяди превосходна", писалъ онъ [1]. „Дозволеніе выкупаться на свободу, данное нашимъ крестьянамъ, могло бы произвести только хорошіе результаты но нужно, чтобы это дозволеніе не было лишь молчаливымъ признаніемъ обычая. Напротивъ, я посовѣтовалъ бы обнародовать его торжественно, въ формѣ закона и вмѣстѣ позволить пріобрѣтать земли и владѣть ими. Для подобнаго закона необходима какъ можно большая гласность: нужно, чтобы крестьянинъ хорошо зналъ благо, которое ему даетъ императрица.... Проектъ моего дяди тѣмъ и хорошъ, что онъ нечувствительно произведетъ измѣненіе въ государственномъ устройствѣ... Онъ превосходенъ еще и въ томъ отношеніи, что исполненіе его не принесетъ никакого ущерба помѣщикамъ, такъ упорно отстаивающимъ крѣпостное право. Теперь крестьяне платятъ помѣщикамъ среднимъ числомъ по 2 р. съ души; между тѣмъ, получивъ 200 р. выкупа, господинъ будетъ имѣть, считая по 5%, 10 р. дохода съ души, а кромѣ того у него останется еще земля!.. „Посмотрите, какія огромныя выгоды съ самаго начала принесетъ такое устройство", прибавляетъ либеральный баринъ совершенно забывая объ интересахъ крестьянъ. „Оно выгодно и для казны, которая будетъ получать 2½ р. вмѣсто 75 к." Кн. Д. А. Голицынъ предлагаетъ устроить особый департаментъ по дѣлу освобожденія крестьянъ. „Всякій мужикъ, явившійся туда съ 250 р. въ рукахъ, будетъ немедленно освобожденъ". Перспектива получать со своихъ крестьянъ по 200 р. съ души (плата, слишкомъ высокая для того времени) показалась нашему либералу столь заманчивою, что онъ обѣщаетъ подарить 10% съ полученнаго капитала тому, кто убѣдитъ его крѣпостныхъ пріобрѣсти свободу такимъ способомъ. Между тѣмъ какъ прежде онъ требовалъ для своихъ крестьянъ, въ случаѣ дарованія имъ свободы, освобожденія отъ рекрутской повинности, теперь онъ не соглашается на подобное предложеніе Гагарина и думаетъ, что увольненіе ихъ отъ этой повинности увеличило бы бремя остальныхъ, число которыхъ день ото дня все уменьшалось бы; можно было бы только дозволить имъ, вмѣсто поставки рекрутъ натурою, вносить деньги. Затѣмъ кн. Дм. Алек. опровергаетъ возраженія вицеканцлера.

[1]) 19-го іюля 1771 г., письмо не издано.

1) „Вообще положеніе нашихъ крестьянъ не очень печально, но есть особенные случаи, гдѣ дѣйствительно нужно оплакивать ихъ судьбу". Кромѣ помѣщика, крестьянину приходится еще бояться приказчика, воеводы, наборщика рекрутъ. „Для чего крестьянину работать, если плоды труда достанутся другому? Если онъ разбогатѣетъ, его будутъ только болѣе мучить". 2) Если крестьянинъ болѣе склоненъ къ торговлѣ, то это обусловливается печальнымъ состояніемъ земледѣлія, которое въ свою очередь объясняется, кромѣ существованія крѣпостнаго права, затруднительностію сбыта хлѣба вслѣдствіе отсутствія каналовъ, большихъ дорогъ, запрещенія вывоза за границу, стѣсненія винокуренія. 3) Крестьяне, освободившіеся и арендующіе земли, не могутъ сдѣлать тяжелѣе положеніе своихъ прежнихъ собратьевъ, такъ какъ тѣ вольны работать или не работать у нихъ; если они дурно обращаются со своими работниками, тѣ могутъ пойдти къ другимъ. Наконецъ, въ этомъ отношеніи можетъ быть полезно учрежденіе трибунала на подобіе quindecim viri или, еще лучше, странствующихъ судей. „Я тѣмъ болѣе настаиваю на этой мысли и возвращаюсь къ ней теперь, что нахожу почти ту же мысль у Петра Великаго. Взгляните только на его журналъ, недавно напечатанный (ч. I, стр. 329 [1]). 4) Если бы возникли какіе-либо процессы вслѣдствіе новаго порядка вещей, то опять этому горю помогутъ трибуналъ и странствующіе судьи.

Послѣ этого письма прошло около полутора мѣсяца, а кн. Д. Голицынъ все еще не могъ придти въ себя отъ восторга, возбужденнаго въ немъ столь пріятнымъ для помѣщичьяго, хотя бы и либеральнаго, сердца проектомъ кн. Гагарина и надеждою получить со своихъ крестьянъ по 200 р. Въ слѣдующемъ письмѣ [2], нетерпѣливо ожидая отвѣта, онъ проситъ поскорѣе сообщить ему замѣчанія, какія могъ сдѣлать кн. Гагаринъ по поводу его письма. „Что касается меня", продолжаетъ онъ, „то чѣмъ болѣе я размышляю о его проектѣ, тѣмъ болѣе нахожу его прекраснымъ. Ничто не возбудитъ въ такой степени соревнованія нашихъ крестьянъ, какъ надежда увидѣть себя однажды свободными и счастливыми". На основаніи того, что кн. Дм. Алексѣевичу пришлось слышать во время своего послѣдняго пріѣзда въ Петербургъ (гдѣ, слѣдовательно, шли оживленные споры по этому предмету) онъ предвидитъ возраженія. „Мнѣ скажутъ, что нашъ крестьянинъ не размышляетъ, онъ дѣлаетъ все машинально, онъ никогда не пойметъ, что должно составить его счастье". Кн. Д. Голицынъ побѣдоносно объясняетъ, что это зависитъ

[1]) „Учинить во всемъ государствѣ фискаловъ въ всѣхъ дѣлахъ, а надъ ними оберъ-фискала, которымъ надлежитъ тайно и явно проѣзжать и надсматривать о неправомъ судѣ и о вредныхъ противныхъ государству дѣлахъ, и о томъ доносить сенату".

[2]) 3 сентября 1771 г. изъ Гаги, не издано.

отъ условій его жизни. На это письмо вице-канцлеръ отвѣтилъ [1]), что онъ сообщитъ копію, вмѣстѣ съ переводомъ, кн. Гагарину и точно передастъ его замѣчанія, если онъ ихъ сдѣлаетъ. Что касается вреднаго вліянія крѣпостнаго права на состояніе духа нашего народа, то кн. Александръ Михайловичъ холодно замѣтилъ, что „съ тѣхъ поръ какъ императрица заботится о развитіи искусствъ, свобода мудро введена въ учрежденія, основанныя ея величествомъ“ [2]).

Затѣмъ переписка по крестьянскому вопросу между кн. Голицыными совершенно обрывается. Видя, что императрица оставила мысль объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, кн. Александръ Михайловичъ не находилъ нужнымъ безпокоить себя размышленіями объ этомъ предметѣ, очевидно не легкими для него и прежде. Въ это время, послѣ перваго раздѣла Польши, преимущественно думали не объ уничтоженіи крѣпостнаго права, а о томъ, какъ бы получить отъ правительства населенное имѣніе во вновь присоединенныхъ земляхъ. Умолкаетъ и кн. Дмитрій Алексѣевичъ, съ прискорбіемъ убѣдившійся, что ему не получить со своихъ крестьянъ по 200 р. съ души [3]).

Познакомившись съ содержаніемъ остальной переписки кн. Голицыныхъ по крестьянскому вопросу, мы видимъ слѣдовательно, что мечты кн. Дм. Алексѣевича ограничиваются тѣмъ, чтобы крестьянамъ была дана только личная свобода. Вся земля должна остаться въ рукахъ помѣщика: крестьянинъ дѣлается безземельнымъ арендаторомъ. Мысль о надѣленіи крестьянина землею изъ владѣній помѣщика кажется нашему

---

[1]) 13 сентября 1771 г., письмо не издано.

[2]) Тутъ, очевидно, разумѣются постановленія, по которымъ всѣ питомцы воспитательныхъ домовъ получали свободу и если бы имъ случилось вступить въ бракъ съ крѣпостною, то лицо, прежде несвободное, дѣлалось вольнымъ. Послѣднее право было распространено и на воспитанниковъ академіи художествъ. Воспитанницы мѣщанскихъ училищъ сообщали свободу своимъ крѣпостнымъ мужьямъ.

[3]) Только однажды, по поводу возвращенія кн. Александра Михайловича изъ имѣнія, пожалованнаго въ Бѣлоруссіи, онъ пишетъ (письмо 20 октября 1775 г., не издано): „Я знаю, что земли въ Польшѣ не доходны, но если бы тамъ установить свободу совѣсти и особенно право собственности“ (крестьянъ), „то онѣ приносили бы большой доходъ, особенно лежащія по близости къ Вислѣ или какой-либо другой судоходной рѣкѣ“. Кн. Александръ Михайловичъ, по видимому, думалъ, что лучше оставить все по старому; теперь же тѣмъ болѣе его взгляды по этому предмету не шли далѣе идеала помѣщика, заботящагося о благѣ своихъ крестьянъ. Упрекая своего двоюроднаго брата, фельдмаршала, также носившаго имя Александра Михайловича, за то, что тотъ никогда не бываетъ въ своихъ деревняхъ, онъ писалъ ему (письмо изъ Москвы, 1 марта 1778 г., не издано): „Если я не ошибаюсь, то должны мы помѣщики за своихъ людей Богу отвѣтъ дать, что мы объ нихъ не стараемся, а единственно имѣемъ въ виду, какъ больше съ нихъ оброку взять“. Даже и эта элементарная мысль являлась у бывшаго вице-канцлера не безъ оговорокъ, какъ и все, что онъ высказывалъ по вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ.

знатному барину просто нелѣпостью. Государство должно только уничтожить законъ, запрещавшій крестьянамъ покупать землю. Прежде кн. Д. А. Голицынъ увѣрялъ, что стоитъ только императрицѣ подать примѣръ, и очень многіе ему послѣдуютъ; но когда ему самому было предложено произвести подобный же опытъ, то оказалось, что одного примѣра государыни было бы недостаточно и что онъ поставилъ правительству совершенно невозможныя условія. За то съ большою радостью ухватился онъ за предложеніе кн. Гагарина дозволить крестьянамъ выкупаться за опредѣленную сумму и не только не возражалъ противъ слишкомъ большаго размѣра выкупной суммы (250 р. съ души), но даже захлебывался отъ удовольствія при мысли, какъ выгоденъ будетъ такой способъ освобожденія для него самого и для другихъ помѣщиковъ [1]. Кн. Д. Голицынъ прекрасно понималъ, какъ выгодно было бы для помѣщиковъ безземельное освобожденіе крестьянъ; онъ прямо даже строилъ на немъ разсчеты увеличенія доходности своего имѣнія, а потому мы не можемъ считать его человѣкомъ, искренно желавшимъ блага народу. Либераламъ подобнаго типа мы предпочитаемъ консерваторовъ, хорошо понимавшихъ, что крѣпостное право, при которомъ крестьянинъ пользуется значительнымъ земельнымъ надѣломъ, гораздо выгоднѣе для него, чѣмъ такое освобожденіе, какое предлагали кн. Голицынъ и ему подобные [2].

---

[1]) Срав. мнѣнія [illegible] Мельгунова о дозволеніи крѣпостнымъ выкупаться за опредѣленную сумму.

[2]) Взгляды кн. Д. А. Голицына на крестьянскій вопросъ сложились подъ вліяніемъ идей физіократовъ; ихъ ученію онъ остался вѣренъ и до конца своей жизни. Въ 1796 г. онъ издалъ на французскомъ языкѣ въ Брауншвейгѣ сочиненіе, въ которомъ оправдывалъ физіократовъ отъ обвиненія, будто распространеніе ихъ идей повело къ французской революціи; здѣсь онъ хвалитъ ихъ ученіе, называя при этомъ имена Кенэ, Мирабо-отца и Ла-Ривьера (извѣстно, что кн. Голицынъ былъ однимъ изъ виновниковъ неудачнаго приглашенія Мерсье де-ла-Ривьера въ Россію) и между прочимъ въ главѣ „о рабствѣ“, повторяя свою мысль объ его экономической невыгодности сравнительно съ свободнымъ трудомъ, онъ стоитъ однако по прежнему за безземельное освобожденіе. При рѣшеніи крестьянскаго вопроса, по его мнѣнію, „слѣдуетъ дѣйствовать съ благоразуміемъ и умѣренностью и не терять изъ виду, что ошибочное мнѣніе о выгодности рабочихъ-собственниковъ можетъ повести къ поспѣшнымъ и вреднымъ мѣрамъ въ государствѣ, гдѣ начинаютъ освобождать крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, а именно къ тому, что имъ слишкомъ легко предоставятъ въ собственность, за небольшой оброкъ (redevance), поля, которыя они прежде обработывали въ пользу другихъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, имѣютъ ли крестьяне средства, чтобы сдѣлать затраты, необходимыя для правильнаго веденія хозяйства. Гораздо выгоднѣе для общества и для самихъ крестьянъ, чтобъ сеньеры сохранили землю въ собственность, но чтобы посредствомъ своихъ движимыхъ богатствъ они дали своимъ сервамъ возможность сдѣлаться фермерами. Не принять этой предосторожности значитъ сдѣлать такую же ошибку, какъ посадить бѣдныхъ, не имѣющихъ никакихъ средствъ

Въ то же время, когда окончательно выяснились взгляды на крестьянскій вопросъ кн. Д. А. Голицына въ его перепискѣ съ вице-канцлеромъ, имѣла случай высказать свое мнѣніе по этому предмету и кн. Ек. Ром. Дашкова, не менѣе нашего бывшаго парижскаго посланника преклонявшаяся предъ французскою образованностью и литературою. Въ 1770 г., будучи въ Парижѣ, она разговорилась съ Дидро о крѣпостномъ правѣ. Дидро полагалъ, разсказываетъ Дашкова въ своихъ мемуарахъ, „что наши крестьяне находятся въ рабствѣ“. Я ему отвѣчала: „Такъ какъ я не обладаю душою тирана, то заслуживаю вашего довѣрія въ этомъ вопросѣ. Я устроила въ моемъ орловскомъ имѣніи управленіе, которое, по моему мнѣнію, можетъ сдѣлать крестьянъ болѣе свободными и болѣе счастливыми и которое не даетъ возможности мелкимъ чиновникамъ грабить ихъ и вымогать съ нихъ взятки. Отъ благосостоянія и богатства нашихъ крестьянъ зависитъ наше собственное благополучіе и увеличеніе нашихъ доходовъ; слѣдовательно только сумасшедшій помѣщикъ станетъ истощать источникъ своихъ собственныхъ богатствъ. Дворяне являются посредниками между крестьянами и казною, и въ ихъ собственномъ интересѣ защищать крестьянъ отъ хищности губернаторовъ и чиновниковъ“.

Дидро возразилъ на это, что съ дарованіемъ крестьянамъ свободы возрастетъ ихъ просвѣщеніе, что въ свою очередь увеличитъ изобиліе и богатство. Дашкова дала на это отвѣтъ, весьма любопытный для характеристики мнѣній извѣстной фракціи нашихъ западниковъ. „*Если бы*“, сказала она, „верховная власть, *сломавъ нѣсколько колецъ той цѣпи, которая связываетъ крестьянъ съ помѣщиками, одновременно сломала бы то же и съ цѣпью, держащею дворянъ въ зависимости отъ воли неограниченныхъ монарховъ, я съ восторгомъ подписалась бы подъ такимъ постано-*

…ровнымъ для населенія пустыни. Крестьянинъ, получившій свободу, но лишенный средствъ, чтобъ сдѣлать необходимыя затраты, очутится въ печальномъ положеніи, поэтому онъ пренебрежетъ своею новою собственностью и сдѣлается еще несчастнѣе, чѣмъ былъ въ рабскомъ состояніи“. Но протестуя противъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, кн. Д. А. Голицынъ, какъ и въ его перепискѣ, требовалъ дарованія имъ личной свободы, а также дозволенія покупать землю въ собственность. „Если государства“, говоритъ онъ, и „Россія въ томъ числѣ, въ которыхъ если не могли позволить крестьянамъ на свой счетъ покупать землю въ собственность, то освобожденіе совершится мало по малу, такъ какъ нужно еще много времени, чтобы всѣ крестьяне могли сами ее купить“. „De l'esprit des économistes ou des économistes justifiés d'avoir posé par leurs principes les bases de la révolution françoise par le prince D... de G..., membre honoraire des académies des sciences et des arts de Petersbourg, de l'académie des curieux de la nature et de celle de Bruxelles, de Stockholm, de Berlin etc. A Brunsvick. 1796, p. 217—219. Такимъ образомъ кн. Дмитрій Алексѣевичъ, которому въ то время было уже 62 года, ничего не забылъ изъ своихъ прежнихъ идей, но ничему и не научился.

невольникамъ не чернилами, а кровью. Къ тому же....", продолжала Дашкова, „вы смѣшали слѣдствіе съ причиной. Просвѣщеніе приводитъ къ свободѣ; свобода же безъ просвѣщенія вызываетъ только смуту и анархію. Когда низшій классъ моихъ согражданъ будетъ просвѣщенъ, онъ будетъ заслуживать свободы, потому что сумѣетъ ею пользоваться безъ вреда для своихъ собратьевъ и безъ нарушенія порядка и подчиненности, необходимыхъ при всякомъ образѣ правленія..... Въ нашихъ основныхъ законахъ есть средства противъ жестокихъ помѣщиковъ".— и Дашкова указала на возможность отдачи ихъ подъ опеку. Далѣе она сравнила нашего крѣпостнаго съ слѣпымъ отъ рожденія, который находится на краю скалы, окруженной ужасными пропастями: вслѣдствіе отсутствія зрѣнія онъ не знаетъ всей опасности своего положенія, и потому веселъ, ѣстъ и пьетъ спокойно. Операторъ, возвратившій ему зрѣніе и не имѣющій возможности извлечь его изъ этого положенія, заставилъ бы его умереть отъ ужаса и отчаянія[1]. Употребляя такое сравненіе, Дашкова и не замѣтила, что она сама себѣ противорѣчитъ: просвѣщеніе крѣпостнаго ранѣе дарованія ему свободы было бы именно такою вредною операціею, а слѣдовательно не просвѣщеніе должно было предшествовать свободѣ, а наоборотъ.

Всего любопытнѣе въ мнѣніи Дашковой то, что она прикрывала свое крѣпостничество въ крестьянскомъ дѣлѣ либерализмомъ въ вопросахъ политическихъ: она обусловливала даже не освобожденіе крестьянъ, а лишь ограниченіе крѣпостнаго права — ограниченіемъ самодержавной власти и такимъ образомъ явилась предшественницею тѣхъ крѣпостниковъ-англомановъ, представителемъ которыхъ въ слѣдующую эпоху былъ извѣстный адмиралъ Мордвиновъ.

Не одна кн. Дашкова желала въ то время въ Россіи ограниченія самодержавной власти: объ этомъ, какъ извѣстно, мечталъ и ея дядя, Н. И. Панинъ, имѣвшій возможность, благодаря пребыванію въ Швеціи, близко ознакомиться съ тамошнимъ государственнымъ устройствомъ. Вотъ что разсказываетъ, со словъ современниковъ, декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ: „Гр. Н. И. Панинъ... провелъ молодость свою въ Швеціи. Долго оставаясь тамъ посланникомъ и съ любовью изучая конституцію этого государства, онъ желалъ ввести нѣчто подобное въ Россіи: ему хотѣлось ограничить самовластіе твердыми аристократическими институціями. Съ этою цѣлью Панинъ предлагалъ установить политическую свободу сначала для одного дворянства въ учрежденіи верховнаго сената, котораго часть несмѣняемыхъ членовъ назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія лицъ. Синодъ также входилъ бы въ составъ общаго со-

[1] „Архивъ кн. Воронцова", XXI, 137—139.

бранія сената. Подъ нимъ въ іерархической постепенности были бы дворянскія собранія, губернскія или областныя и уѣздныя, которымъ предоставлялось бы право совѣщаться объ общественныхъ интересахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ чиновниковъ мѣстныхъ администрацій производился бы въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ облеченъ полною законодательною властью, а императору оставалась бы власть исполнительная съ правомъ утверждать принятые сенатомъ законы и обнародовать ихъ. Въ конституціи упоминалось и о необходимости постояннаго (постепеннаго?) освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Проектъ былъ написанъ Д. И. фонъ-Визинымъ подъ руководствомъ гр. Панина [1]). До сихъ поръ найдено лишь предисловіе или введеніе къ этому акту, въ которомъ находились между прочимъ слѣдующія строки: „Представимъ себѣ... государство, которое силою и славою своею обращаетъ на себя вниманіе цѣлаго свѣта и котораго (т. е. которое) мужикъ, однимъ человѣческимъ видомъ отъ скота отличающійся и никѣмъ не предводимый, можетъ привести, такъ сказать, въ нѣсколько часовъ на самый край конечнаго разрушенія и гибели" (очевидно намекъ на Пугачевщину); государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьею надъ человѣкомъ другаго состоянія, гдѣ каждый слѣдственно можетъ быть или тиранъ, или жертва.... гдѣ народъ, пресмыкаясь во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства [2]). Несмотря однако на эти либеральныя фразы, осуществленіе проекта гр. Н. И. Панина самымъ вреднымъ образомъ отозвалось бы на положеніи крестьянъ. Мы видѣли, что этотъ проектъ отдавалъ законодательную власть въ руки дворянства, такъ какъ оно выбирало бы большинство членовъ сената, а каково было отношеніе дворянства къ крестьянскому вопросу мы ясно видѣли изъ преній въ коммиссіи для составленія новаго уложенія и изъ дворянскихъ наказовъ. Извѣстно, что Д. И. Фонъ-Визинъ перевелъ книгу „О вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина"; тутъ же, по словамъ его біографа, было приложено и разсужденіе о третьемъ чинѣ, которое, по мнѣнію біографа, должно храниться въ Москов. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [3]). При изданіи послѣдняго собранія сочиненій фонъ-Визина въ 1866 г. этотъ трудъ его еще не былъ разысканъ [4]); но въ 1882 г. была напечатана

[1]) „Записки Фонъ-Визина", Лейпц. 1859 г., стр. 47—48.

[2]) „Историческій Сборникъ". Лонд. 1861 г. кн. II, стр. 185—187.

[3]) „Фонъ-Визинъ", соч. кн. П. Вяземскаго, въ „Полномъ Собраніи Сочиненій кн. Вяземскаго", т. V, Спб. 1880 г., стр. 184.

[4]) „Сочиненія Фонъ-Визина", изд. подъ редакціею Ефремова, стр. 673.

рукопись неизвѣстнаго автора „Краткое изъясненіе о вольности французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина“ [1]: не есть ли это „Разсужденіе о третьемъ чинѣ“, о которомъ упоминаетъ біографъ Фонъ-Визина? Какъ бы то ни было, для насъ любопытны взгляды автора этой записки, раздѣляющаго довольно часто повторяемое при Екатеринѣ II мнѣніе (подъ вліяніемъ примѣра Франціи) о необходимости созданія и у насъ „третьяго чина“ (tiers état). Указавъ на великое значеніе для государства „третьяго чина“, авторъ говоритъ, что его „не трудно учредить и въ Россіи. Со временемъ можно будетъ оплатить долги государственные или партикулярные, смотря на состояніе всякаго отъ неволи освобожденнаго раба: надлежитъ только продавать освобожденіе всѣмъ знатнымъ купцамъ и славнымъ художникамъ; надлежитъ раздѣлить всѣ различныя художества по цехамъ...; каждый цехъ долженъ купить освобожденіе всѣмъ своимъ членамъ, что всегда тѣмъ полезнѣе будетъ государству и знатнымъ господамъ, чѣмъ болѣе добрые художники въ состояніи будутъ въ цехъ записываться“. Однако нѣсколько ниже сказано, что всѣ, „кои... успѣютъ“ въ художествахъ „должны имѣть освобожденіе“, точно также какъ „имѣть освобожденіе по аттестатамъ“ слѣдуетъ и окончившимъ съ успѣхомъ университетскій курсъ. Нужно думать, слѣдовательно, что авторъ предлагалъ продавать освобожденіе лишь ремесленникамъ, художники же и ученые должны были получать его даромъ. „Въ разсужденіи мнимаго ущерба во всякой деревнѣ обыкновеннаго оброка освобожденнаго крестьянина“ продолжаетъ авторъ, „думать надобно, что награжденъ оный будетъ другимъ какимъ либо образомъ, когда всѣ знатные господа чувствовать будутъ пользу отъ третьяго чина, который въ короткое время учинитъ государство столь цвѣтущимъ, сколь легко оное быть можетъ“. Общій выводъ автора состоитъ въ слѣдующемъ: „Въ Россіи надлежитъ быть: 1) дворянству совсѣмъ вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному и 3) народу упражняющемуся въ земледѣльствѣ, хотя не совсѣмъ свободному, но по крайней мѣрѣ имѣющему надежду быть вольнымъ, когда будутъ они такими земледѣльцами или такими художниками, чтобъ со временемъ могли привести въ совершенство деревни или мануфактуры господъ своихъ“. Если эта записка составлена Д. И. Фонъ-Визинымъ, то быть можетъ и постепенное освобожденіе крестьянъ, предполагавшееся по проекту гр. Н. И. Панина ограничивалось лишь указанными мѣрами, т. е. предоставленіемъ свободы за деньги или даромъ купцамъ, цеховымъ, художникамъ и окончившимъ университетскій курсъ. Но, какъ бы то ни было, эта записка лишній разъ показываетъ намъ какъ легковѣсны были мнѣнія

[1] „Арх. кн. Воронцова“, XXVI 315—324.

по крестьянскому вопросу нѣкоторыхъ членовъ нашего общества, руководившихся западно-европейскими образцами.

Но если мы строго осуждаемъ отношеніе нѣкоторыхъ нашихъ западниковъ къ крестьянскому вопросу, то слѣдуетъ ли изъ этого, что нужно признать вообще вредными западныя вліянія въ дѣлѣ выработки мнѣній объ ограниченіи и уничтоженіи крѣпостнаго права. На этотъ вопросъ нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ отвѣчаютъ утвердительно и при этомъ обыкновенно ссылаются на приведенный нами отвѣтъ Вольтера на задачу вольнаго экономическаго общества и на слова Ж. Ж. Руссо въ его трудѣ „Considerations sur le gouvernement de la Pologne". Руссо между прочимъ говоритъ здѣсь: „Слабость, до которой доведена столь великая нація (Польша), есть результатъ того феодальнаго варварства, которое отрѣзаетъ отъ государственнаго тѣла самую большую, и иногда самую здоровую его часть... Благородные поляки, будьте людьми: только тогда вы будете счастливы и свободны, но не льстите себя надеждою достигнуть этого, пока вы держите вашихъ братьевъ въ оковахъ. Я чувствую трудность осуществленія проекта объ освобожденіи вашего народа. Я боюсь при этомъ не только дурно понятыхъ интересовъ самолюбія и предразсудковъ господъ. Если это препятствіе и будетъ побѣждено, я буду бояться пороковъ и низости крѣпостныхъ. *Свобода пища доброкачественная* (de bon suc), *но тяжелая для пищеваренія: нужны здоровые желудки, чтобы ее вынести*.... Освобожденіе народа въ Польшѣ—великое и прекрасное дѣло, но смѣлое, опасное, и за него не слѣдуетъ браться опрометчиво. При этомъ есть одна необходимая и требующая времени предосторожность: необходимо сдѣлать достойными свободы и способными ее вынести рабовъ, которыхъ хотятъ освободить.... Не освобождайте ихъ тѣла ранѣе, чѣмъ вы освободите ихъ души". Въ другомъ мѣстѣ того же труда Руссо предлагаетъ, чтобы провинціальные сеймики ежегодно освобождали опредѣленное закономъ число крестьянъ, отличившихся хорошимъ поведеніемъ, исполненіемъ своихъ обязанностей и старательною обработкою земли, и заботились бы о вознагражденіи помѣщиковъ льготами, прерогативами и выгодами, пропорціонально числу ихъ крестьянъ, признанныхъ достойными свободы, ибо необходимо устроить такимъ образомъ, чтобы освобожденіе крѣпостнаго, вмѣсто того, чтобы быть обременительнымъ господину, было бы для него выгодно и почетно.... Когда освободили бы извѣстное число семействъ въ уѣздѣ, можно было бы освободить цѣлыя деревни, образовать тамъ постепенно общины, надѣлить ихъ недвижимымъ имуществомъ, общинными землями, какъ въ Швейцаріи, назначить общинную власть, и когда постепенно дѣло дойдетъ до того, что можно будетъ, безъ чувствительнаго переворота, окончить эту операцію въ большихъ размѣрахъ,—предоставить имъ наконецъ право, данное имъ природою, участвовать въ управленіи страною, посылая депутатовъ на сеймики".

гл. VI и XIII). Изъ этихъ мѣстъ сочиненія Руссо извлекали обыкновенно только его слова о томъ, что свобода — пища трудно варимая и что нужно сначала освободить души, а потомъ уже тѣла, и на этомъ основаніи объявляли Руссо чуть не крѣпостникомъ; но если взять его проектъ во всемъ его объемѣ, то можно находить его не подходящимъ къ такой странѣ какъ Россія, но нельзя не обратить вниманіе на то, что онъ совѣтовалъ немедленно принять мѣры для постепеннаго освобожденія крестьянъ, не оставляя этого дѣла на произволъ частныхъ лицъ, а поручая его сеймикамъ, и что по истеченіи извѣстнаго времени онъ допускалъ освобожденіе цѣлыми деревнями и притомъ съ надѣленіемъ землею. Если онъ такъ настаиваетъ на необходимость прежде освободить души, а потомъ уже тѣла, то потому, что имѣетъ въ виду не освобожденіе только крестьянъ отъ крѣпостнаго права, но и предоставленіе освобожденнымъ политическихъ правъ, право посылать депутатовъ на сеймики, а это право могло бы быть, по его мнѣнію, опаснымъ въ рукахъ людей, не избавившихся отъ пороковъ, привитыхъ рабствомъ.

Но если и признать планъ Руссо совершенно неудачнымъ, то нельзя же вслѣдствіе этого объявить вреднымъ въ крестьянскомъ дѣлѣ какъ вліяніе его сочиненій, такъ и вообще западноевропейскія вліянія.

Руссо ставятъ еще въ вину одно мѣсто его сочиненія „Du contrat social“, гдѣ онъ говоритъ: „Есть такія несчастныя положенія, гдѣ нельзя сохранить свободу иначе, какъ въ ущербъ другому, гдѣ *гражданинъ не можетъ быть совершенно свободнымъ, если рабъ не будетъ совершенно рабомъ*. Таково было положеніе Спарты. Вы, современные народы, не имѣете рабовъ, но вы сами рабы; за ихъ свободу вы платитесь вашею. Вы можете хвалить это преимущество, я же нахожу въ немъ болѣе низости, чѣмъ человѣчности“. Но, цитируя это мѣсто, обыкновенно не обращаютъ вниманія на то, что Руссо говоритъ далѣе: „*я не хочу сказать всѣмъ этимъ, что нужно имѣть рабовъ, или что рабство законно, такъ какъ я доказалъ противное*; я привожу только причины, почему современные народы, считающіе себя свободными, имѣютъ своихъ представителей и почему древніе народы ихъ не имѣли. Какъ бы то ни было, разъ народъ выдѣлитъ изъ себя представителей, онъ уже болѣе не свободенъ“. Слѣдовательно и въ этомъ инкриминированномъ[1] мѣстѣ нѣтъ ни малѣйшаго сочувствія рабству. (Кн. III, гл. 15, ср. кн. I, гл. 4). Можно признать, что Вольтеръ, столь рьяный въ своей борьбѣ съ католицизмомъ, не пошелъ далеко въ вопросахъ соціальныхъ; мы видѣли, что въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ совѣтуетъ освобожденіе лишь монастырскихъ крестьянъ, освобожденіе же крѣпостныхъ частныхъ лицъ обусловливаетъ согласіемъ ихъ владѣльцевъ. Но что касается Руссо, то общій духъ его сочиненій на столько демо-

[1]) Срав. „Русскій Архивъ“ 1875 г., т. III, стр. 85.

кращенъ, что его вліяніе могло быть только полезнымъ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые умѣли постигнуть сущность его взглядовъ, не выдергивать изъ его трудовъ лишь отдѣльныя мѣста безъ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ. Мы увидимъ, что слова изъ его разсужденія о Польшѣ, напечатанныя у насъ Куреннымъ, слишкомъ охотно интерпретировались въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ доказательство того, что не слѣдуетъ спѣшить съ освобожденіемъ, но уничтоженіе крѣпостнаго права при Екатеринѣ II было и не желательно, такъ какъ для этого почва еще не была подготовлена, ограниченію же крѣпостнаго права вовсе не противорѣчило даже узкое толкованіе мнѣнія Руссо.

Возвращаясь къ вопросу о западныхъ вліяніяхъ вообще, слѣдуетъ напомнить, что отвѣтъ на задачу Вольнаго экономическаго общества, авторъ котораго пошелъ далѣе всѣхъ другихъ въ требованіяхъ на пользу крестьянъ, принадлежитъ иностранцу (французу Граслену), что авторъ лучшаго русскаго мнѣнія, Полѣновъ, воспитался подъ вліяніемъ западноевропейской науки и литературы; тоже слѣдуетъ сказать и о Радищевѣ. Если такіе западники, какъ кн. Д. А. Голицынъ и кн. Дашкова, приходили, при своемъ французскомъ воспитаніи, къ весьма различнымъ мнѣніямъ по крестьянскому вопросу, то нельзя винить въ этомъ Францію и на основаніи подобныхъ мнѣній осуждать огуломъ западноевропейскія вліянія: вѣдь умѣла же ими Екатерина, въ пору своего либеральнаго настроенія, найти не мало полезныхъ указаній по крестьянскому вопросу даже у Монтескье, мало интересующагося крестьянствомъ [1].

Заговоривъ о западныхъ вліяніяхъ, мы считаемъ необходимымъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ кружкѣ людей нашего общества второй половины XVIII вѣка, существованіе котораго также объясняется западными вліяніями — мы разумѣемъ масоновъ. Мы увидимъ ниже, что въ журналахъ,

---

[1]) Можно привести немало либеральныхъ мнѣній, относительно положенія нашихъ крѣпостныхъ, изъ авторовъ интересныхъ мемуаровъ, Добрынина и Винскаго; они составили свои записки уже въ началѣ XIX вѣка, но взгляды ихъ сложились еще въ предшествующую эпоху подъ вліяніемъ французской литературы. Добрынинъ говоритъ, что иностранныя вина и разные другіе предметы роскоши у нашихъ вельможъ „нерѣдко бываютъ очень дорогими, цѣною пота, слезъ и крови измученныхъ крестьянъ" („Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина". Спб. 1872 г., стр. 104—105). Винскій говоритъ: „Богомъ, запрещающимъ христіанамъ людямъ ни въ какомъ случаѣ не имѣть голоса противъ своихъ господъ, дѣлаетъ ихъ не иными, безсловесными скотами [illegible]" и проч.; онъ разсказываетъ о жестокомъ обращеніи съ прислугою въ помѣщичьихъ домахъ („Русск. Арх." 1877 г. I, 181). Человѣчные взгляды на крѣпостныхъ у такихъ людей, какъ Винскій и Добрынинъ, могутъ объясняться именно ихъ либерализмомъ, навѣяннымъ французскою литературою. По мнѣнію Н. И. Костомарова, идея освобожденія крѣпостныхъ пришла къ намъ съ запада, а именно изъ Франціи („По поводу книги Исторія русскаго самосознанія, Кояловича; Вѣстн. Евр. 1885 г. V, стр. 871—876).

издаваемыхъ Новиковымъ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, крѣпостное право гораздо менѣе задѣвалось, чѣмъ въ его „Трутнѣ“ и „Живописцѣ“. Это можетъ объясняться менѣе благопріятными условіями для печати во вторую половину царствованія имп. Екатерины, но быть можетъ и тѣмъ, что масоны болѣе интересовались вопросами нравственными, чѣмъ политическими и соціальными. Въ „Нравоучительномъ Катехизисѣ истинныхъ Ф—къ М—въ“ (франкъ-масоновъ), составленномъ Лопухинымъ и тогда же напечатанномъ, мы не встрѣчаемъ отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву, а только проповѣдь гуманнаго обращенія съ крѣпостными [1]). Но тотъ нравственный подъемъ, который вызывало масонство въ лучшихъ изъ его послѣдователей, приводилъ иногда къ нежеланію пользоваться крѣпостнымъ трудомъ. Такъ извѣстно, что масонъ Гамалѣя, во время службы своей въ Бѣлоруссіи, былъ признанъ достойнымъ пожалованія 300 душъ крестьянъ; онъ отказался отъ нихъ, сказавъ, что и съ одною собственною душею не знаетъ, какъ управиться, такъ какъ же принять на свое попеченіе еще триста чужихъ [2]). Подробнѣе о мнѣніяхъ масоновъ по крестьянскому вопросу намъ придется говорить, когда мы дойдемъ до эпохи Александра I.

---

[1]) „Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему? — Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ блюсти между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія“. Записки И. В. Лопухина въ „Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1860 г., т. II, 23, 26.

[2]) *Лонгиновъ*, „Новиковъ и московскіе мартинисты“. М. 1867 г., стр. 163.

ГЛАВА XII.

Значеніе Пугачевщины въ исторіи крестьянскаго вопроса.—Преемники Пугачева.—[illegible] 1778—80 г.г.—[illegible]—«Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ» (1785 г.).

Пока въ большой коммиссіи для составленія новаго уложенія и въ ея частныхъ отдѣлахъ шли споры о томъ, дозволить ли крестьянину жаловаться на помѣщика, предоставить ли ему право собственности на движимое имущество и т. п., крѣпостные продолжали по прежнему стонать подъ игомъ тяжкаго рабства. Ихъ челобитчиковъ, надѣявшихся найти правду у престола императрицы, послѣ того, какъ они тщетно искали ея въ разныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, наказывали плетьми, ихъ отдѣльныя волненія, неимѣвшія между собою связи, быстро подавлялись вооруженною рукою. Созваніе законодательной коммиссіи возбудило нѣкоторыя надежды въ крѣпостномъ населеніи Россіи, хотя въ немъ и не было ея депутатовъ [1]). По возвращеніи депутатовъ домой, слухи о предполагаемыхъ реформахъ должны были еще болѣе распространиться въ крестьянскомъ населеніи. „Въ бывшей... коммиссіи о сочиненіи уложенія", говоритъ авторъ одного изъ разсужденій по крестьянскому вопросу, „неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ а паче отъ Коробьина, всѣяли паче сію заразу въ сердца низкихъ людей, гдѣ находящихся

[1]) Въ указѣ о [illegible] по поводу [illegible] въ 1767 г. челобитной на своихъ господъ крестьянами нѣсколькихъ помѣщиковъ сказано: „[illegible] обстоятельствъ сего дѣла усматривается, что таковыя преступленія болѣе всего происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, [illegible] вымышленные ими слухи о *перемѣнѣ законовъ*". П. С. З. XVIII, № 12966. Что выборъ депутатовъ и созваніе коммиссіи возбуждали нѣкоторыя надежды въ обремененномъ непомѣрными тягостями крестьянскомъ населеніи, это, кромѣ указаннаго офиціальнаго свидѣтельства, видно и изъ того, что крестьяне [illegible] уѣзда, [illegible] работы, [illegible] депутатовъ, [illegible] работу [illegible] рѣшеніе, работать не слѣдуетъ".

депутатами, и... тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ ниспровержено было мнѣніе г. Коробьина: уязвившіеся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые по разъѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли“ [1]. Сѣмена однако-же не принесли плодовъ немедленно; напротивъ, какъ бы въ ожиданіи близкаго закона объ облегченіи ихъ участи, крѣпостные на время прекращаютъ волненія и безпорядки, весьма частыя въ 1767—68 гг. [2].

Но вотъ проходитъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ депутаты вернулись по домамъ, а желанный указъ съ вѣстью если не о волѣ, то по крайней мѣрѣ, объ облегченіи рабства все не появляется. Крестьяне терпѣливо ждутъ: въ теченіе 1770—73 гг. намъ неизвѣстно ни одного волненія крѣпостныхъ. Но помѣщики продолжаютъ попрежнему расправляться со своими людьми, попрежнему продаютъ ихъ по одиночкѣ, еще болѣе увеличиваютъ оброки, — и вотъ, мѣра терпѣнія, наконецъ, переполняется. Сигналъ къ волненію подаютъ уральскіе казаки, давно уже раздраженные систематическими стѣсненіями ихъ прежнихъ вольностей. Первая искра находитъ слишкомъ много горючаго матеріала въ Заволжскомъ и Приуральскомъ краѣ. Изъ усмирителей Пугачевщины способнѣе другихъ Бибиковъ, тотъ самый, который предсѣдательствовалъ въ коммиссіи, обсуждавшей мнѣнія Коробьина, Козельскаго, Чупрова и др., который съ Унгерномъ-Штернбергомъ и Рагзавскимъ обсуждалъ проектъ правъ третьяго рода людей въ коммиссіи о разборѣ государственныхъ жителей. Онъ все-таки гораздо умнѣе своихъ предшественниковъ; онъ видѣлъ уже увертюру Пугачевщины — волненіе на Уралѣ въ 1760—64 гг.; онъ понималъ, что „не Пугачевъ важенъ, важно общее негодованіе“; но и этого защитника потрясенной монархіи, защитника правъ дворянъ, скоро похитила смерть: судьба видимо благопріятствуетъ дѣлу возставшихъ. Волненіе не ограничивается Приуральскимъ краемъ: вотъ полчища Пугачева переправляются уже черезъ Волгу. Прибытіе ихъ было желаннымъ дѣломъ для громаднаго числа крѣпостныхъ, населявшихъ эту мѣстность. Давно уже ждали они избавителя, съ жадностью читали манифесты, обѣщавшіе не только осьмиконечный крестъ (онъ одинъ приманилъ бы далеко не всѣхъ), но также жалованіе землями, рѣками и другими

---

[1]) „Размышленія о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ“. Чт. Общ. Ист. Древ. Росс. 1861 г., т. III, стр. 98.

[2]) См. нашу книгу „Крестьяне въ царствованіе импер. Екатерины II“, т. I, стр. 364—375.

вольностями. 31 іюля 1774 г., на другой день послѣ выступленія изъ Саранска пензенской провинціи, Пугачевъ обнародовалъ слѣдующій замѣчательный манифестъ, заставившій радостно биться всѣ крѣпостныя сердца. „Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ, находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, *вольностью и свободою* вѣчно казаками, *не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами безъ покупки и безъ оброку*, и свобождаемъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и градскихъ мздоимцевъ судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ и желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и немалыя бѣдствія“ [1]. Въ этомъ манифестѣ крѣпостные нашли то, чего они страстно желали, — свободы отъ помѣщичьей власти съ щедрымъ надѣленіемъ землею. Въ Саратовѣ Пугачевъ держалъ такую рѣчь: „Я — вашъ законный императоръ. *Жена моя увлеклась на сторону дворянъ*, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. *Они склонили ее, чтобъ всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство*, но я этому воспротивился, и они вознегодовали на меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ“ [2]. И вотъ тутъ-то началась особенно кровавая расправа съ тѣми, кто до тѣхъ поръ тѣшился страданіями своихъ несчастныхъ подданныхъ.

Но разумѣется, рано или поздно, безпорядочныя народныя полчища должны были уступить лучше вооруженнымъ войскамъ и какъ усмирена была французская жакерія, какъ кроваво подавлено волненіе германскаго народа въ эпоху крестьянскихъ войнъ, такъ залито было кровью и пламя пожара, охватившаго нашъ востокъ.

Во время Пугачевщины угнетенный крѣпостнымъ правомъ народъ сказалъ свое вѣское слово въ безсвязномъ хорѣ другихъ голосовъ, обсуждавшихъ крестьянскій вопросъ. Въ то время, когда какой нибудь французъ, не знавшій условій нашей жизни и заполучившій однако за свое сочиненіе русскіе червонцы, предлагалъ смѣхотворныя мѣры въ родѣ переодѣванія народа поголовно въ особое платье, присвоенное людямъ лично свободнымъ, въ то время когда нѣкоторые русскіе либералы требовали дарованія крѣпостнымъ одной личной свободы, народъ крикнулъ на всю Россію, что ему нужна *свобода* не иначе какъ *съ землей*, того зем-

[1] *Гротъ*. Матер. для истор. Пугачев. бунта. Бумаги, относящ. къ послѣднему періоду мятежа. 1875 г., стр. 53.

[2] *Мордовцевъ*. Политическія движенія русскаго народа. I, 118.

лею, обѣщаніемъ которой Пугачевъ заставилъ трепетать всѣ мужичьи сердца, тою землею, для пріобрѣтенія которой русскій крестьянинъ и по сіе время бредетъ въ Сибирь и Закавказье. И такъ русскій мужикъ, котораго такъ опасались члены вольнаго экономическаго общества, что запирали на ключъ присылаемыя объ немъ мнѣнія, далъ самый лучшій отвѣтъ на задачу, поставленную имъ Екатериною [1]). Какъ же воспользовался правящій классъ печальнымъ урокомъ, даннымъ ему народомъ; надоумила ли Пугачевщина наше правительство и дворянство, что необходимо принять дѣйствительныя мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Помѣщики, напротивъ того, желали всевозможныхъ казней народу и еще большаго его обремененія. „Таковое почти, можно сказать, всеобщее преступленіе“, говоритъ по поводу Пугачевщины авторъ упомянутаго нами выше разсужденія по крестьянскому вопросу, „кажется, должествовало бы, если бы они и право имѣли къ вольности и собственности, на немалое время ихъ онаго лишить, и если бы не были рабами предать ихъ въ рабство, дондеже искоренятся злыя сѣмена изъ сердца ихъ“ [2]). Такое окончательное порабощеніе крестьянъ въ видѣ наказанія за кровопролитное волненіе не было бы безпримѣрнымъ въ исторіи: извѣстно, что такой случай представляетъ Венгрія въ XVI в. Но у насъ сдѣлать это было довольно трудно, во-первыхъ, потому, что крестьяне и безъ того были лишены всякихъ правъ и безъ того не пользовались защитою закона отъ произвола помѣщиковъ; оставалось развѣ только предоставить послѣднимъ право смертной казни надъ своими подданными, а во-вторыхъ и опасно потому что подобныя мѣры могли бы вызвать новое возстаніе.

Были, однако, люди, которые правильно поняли, что *слѣдуетъ* дѣлать по окончаніи народнаго бунта; къ числу ихъ принадлежалъ новгородскій генералъ-губернаторъ Сиверсъ. Въ 1775 году онъ напоминалъ императрицѣ, что весьма значительная часть ея подданныхъ, именно крѣпостные крестьяне, „*[illegible]*“. „Я позволю себѣ сказать“, писалъ онъ ей по усмиреніи пугачевскаго бунта, „что неограниченное рабство погубитъ государство, и, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, считая невыносимое рабство главною причиною волненій отъ Оренбурга до Казани и на нижнемъ теченіи Волги. Я знаю“, продолжаетъ онъ, „что это щекотливый вопросъ: мы печально видѣли это въ Богеміи“ (намекъ

[1]) Отрицательное [illegible] народа къ крѣпостному праву [illegible] раскольничьихъ [illegible] ученію [illegible] „крестьяне должны работать [illegible]“. [illegible] „Русское [illegible]“ [illegible] 1876 г., стр. 451.

[2]) Чтенія Общ. Ист. и Древ. Росс. 1861 г., т. III, стр. 98.

нововведенія, вызванныя манифестомъ Маріи-Терезіи объ ограниченіи барщины: „но пусть в. в. ограничитъ чрезмѣрную власть помѣщика, пусть, по крайней мѣрѣ, господинъ не будетъ имѣть права безъ судебнаго разбирательства наказывать людей своихъ кнутомъ (что почти равняется смертной казни)... установите, чтобы крѣпостной, семья котораго состоитъ изъ двухъ или трехъ душъ мужескаго пола, могъ выкупиться хоть за 500 р.“ [1]. Вообще, Сиверсъ и ранѣе неоднократно требовалъ улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ; такъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы имъ предоставлена была полная свобода въ дѣлѣ женитьбы, а также энергически протестовалъ противъ дозволенія помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе въ Сибирь. „Вслѣдствіе позволенія, даннаго дворянству произвольно, по своему усмотрѣнію отправлять въ ссылку ему подвластныхъ“, писалъ онъ императрицѣ въ 1768 г., „причемъ судъ даже не можетъ спросить о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло, ежедневно совершаются дѣла самыя возмутительныя. Всѣ, кто не годится въ рекруты вслѣдствіе малаго роста или другаго какого-нибудь недостатка, тотчасъ отправляются въ ссылку въ зачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, а зачетныя квитанціи многіе помѣщики продаютъ. Признаюсь, не проходитъ дня, чтобы мое сердце не возмущалось подобною привилегіею. Какая потеря для войска и для земледѣлія! Къ тому же Сибири достигаютъ сравнительно немногіе, если принять во вниманіе огромное разстояніе и убыль ссылаемыхъ на пути. Мнѣ кажется, что дворянство могло бы удовольствоваться правомъ отправлять въ ссылку въ зачетъ рекрутъ виновнаго, изобличеннаго въ довольно тяжеломъ преступленіи. Если же помѣщикъ захочетъ сослать кого-нибудь по собственному усмотрѣнію, то могъ бы сдѣлать это безъ зачета въ рекруты“. Въ 1773 г. Сиверсъ вновь возвращается къ тому же предмету: „при предшествующемъ рекрутскомъ наборѣ войско потеряло отъ 7 до 8 тысячъ хорошихъ солдатъ, и я могу сильно сомнѣваться, дошло ли въ Сибирь хоть четверть этого огромнаго числа“. „Подвергать этихъ несчастныхъ наказанію“, продолжаетъ онъ, „потому, что они не имѣютъ роста, необходимаго для рекрутчины, или старѣе возраста, опредѣленнаго для пріема въ военную службу, — это, мнѣ кажется, значитъ попирать всѣ законы. Я могъ бы набросать поразительныя картины того, что видѣлъ, и къ какимъ уловкамъ заставляло меня прибѣгать человѣколюбіе, чтобы помѣшать пріему присланныхъ для отправленія въ ссылку“ [2]. Вслѣдъ за

---

[1]) Сиверсъ предлагалъ императрицѣ дозволить купцамъ 1 и 2 гильдіи покупать людей въ ограниченномъ количествѣ къ фабрикамъ и ремесламъ, съ тѣмъ, чтобы дѣти такихъ людей были свободны. Онъ указывалъ также на то, что прежде крѣпостные могли записываться въ купечество безъ согласія господина.

[2]) Срав. мою книгу „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II“, т. I, 160—162.

Сиверсомъ предлагалъ улучшить бытъ крѣпостныхъ еще одинъ изъ высшихъ администраторовъ. Ярославскій генералъ-губернаторъ Мельгуновъ подалъ императрицѣ докладную записку, въ которой, на основаніи законовъ прежняго холопьяго приказа, старался доказать, что крѣпостные имѣли право на выкупъ, но другіе оспаривали это мнѣніе [1]. Правительство само имѣло случаи убѣдиться, какихъ громадныхъ денегъ требовалъ помѣщикъ за выкупъ своего крѣпостнаго, если онъ былъ убѣжденъ, что самая неумѣренная его просьба будетъ удовлетворена. Когда однажды Мельгуновъ получилъ приказаніе выкупить на свободу художника, платившаго своему господину 50 р. оброку, ему пришлось внести 1,000 р. По этому случаю вновь былъ поднятъ вопросъ, чтобы крѣпостнымъ было дано право выкупаться на волю. Много спорили притомъ о цѣнѣ, предлагали назначить отъ 300 до 500 рублей за взрослаго мужчину и половину за женщину, но, по словамъ Сиверса, „императрица не осмѣлилась на это рѣшиться, какъ ни была она убѣждена въ справедливости и пользѣ такого постановленія“ [2]) (послѣднее видно и изъ неизданной редакціи Наказа). Въ 1777 г., въ одномъ частномъ разговорѣ императрица сказала, что крестьянскій вопросъ — дѣло весьма трудное: „гдѣ только начнутъ его трогать, онъ нигдѣ не поддается“ [3]).

Императрица, однако, не оставляла вовсе намѣренія объ ограниченіи крѣпостного права и говорила объ этомъ приближеннымъ; доказательствомъ служитъ мнѣніе, составленное, по всей вѣроятности, въ 1780 г., которое начинается такимъ образомъ: „высочайшее е. и. в. соизволеніе состоитъ въ томъ: найти средства къ уравненію владѣльцевъ и крестьянъ, къ пресѣченію налагаемыхъ одними излишнихъ податей и работъ и происходящихъ черезъ то отъ другихъ непослушаній“.

Мнѣніе это состоитъ изъ двухъ частей: первая — меньшая содержитъ въ себѣ мало любопытнаго. Авторъ указываетъ на то, что „матерія сія сама по себѣ есть обширная и важная, требуетъ проницательнаго и довольнаго разсмотрѣнія“ и говоритъ, что въ коммиссіи для составленія новаго уложенія „уповательно о томъ и разсужденіе уже было“, почему „надобно оставить генеральное по сей матеріи заключеніе до совершен-

[1]) Очевидно, по этому поводу императрица написала кн. Вяземскому: „Прикажите списать въ Москвѣ, въ большемъ Архивѣ, справки о холопьемъ приказѣ, какъ былъ учрежденъ и какимъ оному были правила“. „Собр. соч. императрицы Екатерины“, изд. Смирдина, III, 494.

[2]) *Blum*, Ein russischer Staatsmann, I, 237—238, 290—291, 293—301, II, 94—95, 99—100, 333—334.

[3]) „Бесѣды имп. Екатерины II съ Далемъ“. „Русская Старина“ 1876 г., т. XVII, стр. 14.

наго и основательнаго по той коммиссіи разсмотрѣнія и положенія" [1]). Однако же, въ виду волненія крѣпостныхъ крестьянъ, происшедшаго въ одной изъ губерній [2]), авторъ говоритъ, что гдѣ дѣйствительно нѣкоторые крестьяне обременены непосильными работами и сборами, тамъ слѣдуетъ отдавать владѣльцевъ подъ опеку, крѣпостныхъ же, принесшихъ ложную жалобу на господина, строго наказывать. Авторъ наивно представлялъ себѣ, что, съ помощію одного этого средства, „обѣ части придутъ въ свой порядокъ: владѣльцы, отягощающіе выше силъ крестьянъ своихъ, увидя себя порученныхъ въ опеку, престанутъ удручать крестьянъ излишними налогами", а крестьяне — несправедливо жаловаться на помѣщика. Самое средство было не ново, такъ какъ авторъ указываетъ на статью учрежденій о губерніяхъ, предоставляющую намѣстнику право „обуздывать тиранство и жестокости".

Гораздо дѣльнѣе составлена вторая часть. Въ началѣ ея авторъ указываетъ на взаимную связь, существующую между господами и ихъ крѣпостными, въ подтвержденіе чего напоминаетъ, что священное писаніе (апостольскія посланія) предписываетъ рабамъ повиноваться своимъ господамъ, а наше Уложеніе велитъ владѣльцамъ не только быть защитниками своихъ крестьянъ, но давать имъ въ случаѣ нужды пропитаніе. Основываясь на авторитетѣ Бильфельда [3]), авторъ говоритъ, что несправедливо и опасно „умалять привилегіи владѣльцевъ, но не меньше опасно давать имъ неограниченную власть". Нельзя сравнивать крестьянъ „съ безсловесными животными и бездушными вещами". Для самого господина выгоднѣе хорошо содержать рабовъ, такъ какъ тогда земли его будутъ лучше обработаны и „въ ихъ силѣ и достаткѣ состоитъ собственное его богатство". Далѣе авторъ говоритъ, что вовсе не намѣренъ касаться тѣхъ помѣщиковъ, которые благоразумно управляютъ своими крестьянами": они „навсегда должны быть полновластными владѣтелями". Но

---

[1]) Это не значитъ, чтобы разбираемое мнѣніе было написано въ эпоху засѣданій большой коммиссіи: намъ уже извѣстно, что и послѣ ея распущенія продолжалась дѣятельность частныхъ коммиссій. Въ мнѣніи упоминаются учрежденія о губерніяхъ, слѣдовательно, оно написано послѣ 1775 г.

[2]) Авторъ упоминаетъ о волненіи въ губерніи, въ которой живетъ самъ; далѣе онъ говоритъ о сборѣ платы въ новгородской и псковской губерніяхъ, поэтому нужно думать, что онъ жилъ въ одной изъ нихъ. Это совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что въ порховскомъ уѣздѣ были въ 1778 г. волненія крестьянъ гр. Апраксина, возобновившіяся и въ 1780 г. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что мнѣніе составлено въ одинъ изъ этихъ годовъ.

[3]) Его сочиненіе „Institutions politiques" пользовалось большимъ авторитетомъ при дворахъ разныхъ европейскихъ государей. Екатерина II наградила автора орденомъ за присылку ей этого сочиненія и приказала перевести его трудъ, который былъ изданъ московскимъ университетомъ подъ заглавіемъ „Политическія наставленія бар. Бильфельда" ч. I, 1768 г., ч. II, 1775 г.

тѣхъ помѣщиковъ, которые „отягощали своихъ крестьянъ работами выше силы человѣческой и разными податьми и налогами привели ихъ до самаго совершеннѣйшаго изнуренія и разоренія“, такихъ слѣдуетъ отдавать подъ опеку „или, по крайней мѣрѣ, избрать средство, чтобы они... не разоряли крестьянъ“. Средствомъ этимъ и являются тѣ мѣры, которыя предлагаетъ авторъ и которыя, слѣдовательно, по его мнѣнію, должно примѣнять только къ помѣщикамъ, изобличеннымъ въ крайнемъ притѣсненіи крестьянъ.

Нужно, чтобы крестьянинъ съ женой три дня работалъ на господина и три дня на себя, какъ это дѣлается въ Россіи во многихъ мѣстахъ. Работа лѣтомъ должна продолжаться отъ восхожденія до захожденія солнца, но съ тѣмъ, чтобы въ три пріема давалось отдыха не менѣе четырехъ часовъ. Назначить урокъ, сколько крестьянинъ долженъ вспахать земли, сжать хлѣба и т. п., неудобно, вслѣдствіе разнаго качества земли и другихъ условій. По воскресеньямъ и большимъ праздникамъ крестьянинъ долженъ быть свободенъ отъ тяжелой работы (пахания, сѣнокоса, жатвы и т. п.), но нѣкоторыхъ службъ и работъ помѣщикъ можетъ требовать и въ эти дни; сюда относятся: обязанность сторожить сады и огороды, уходъ за скотомъ и птицами, доставленіе имъ корму и питья, починка плотинъ, поврежденныхъ наводненіемъ, тушеніе пожара. Плохо гарантируетъ крестьянъ оговорка, сдѣланная авторомъ, послѣ перечня всѣхъ этихъ работъ, что лѣтомъ на нихъ можно посылать крестьянъ не долѣе двухъ или трехъ недѣль, съ тѣмъ, чтобы на столько же недѣль они были отпущены домой, между тѣмъ, ранѣе авторъ самъ объясняетъ, что не слѣдуетъ сосредоточивать въ одно время барскую работу. Настоящими работниками должны считаться люди отъ 15 до 60 лѣтъ, но стариковъ можно заставить сторожить сады и огороды, пасти птицъ, а дѣтей — собирать ягоды, грибы и т. п. Авторъ полагаетъ, что на тягло (мужа и жену) довольно по двѣ десятины въ полѣ пахотной земли и нѣкоторое количество на сѣнокосъ; если же гдѣ земли мало и по двѣ десятины не достанетъ, въ такомъ случаѣ раздѣлить всю землю пополамъ между помѣщиками и крестьянами или, по крайней мѣрѣ, давать на тягло не менѣе одной десятины. Нужно также ограничить число подводъ, на которыхъ отвозятъ въ другое мѣсто хлѣбъ, нужный на расходъ помѣщика, если онъ живетъ не въ своемъ имѣніи, или на продажу. Авторъ назначаетъ, чтобы, при разстояніи въ 100 верстъ, съ каждаго тягла такихъ подводъ въ теченіе зимы брали не болѣе двухъ, а при болѣе близкомъ разстояніи можно требовать и болѣе, по разсчету. Лѣтомъ можно посылать подводы не далѣе 100 вер. и не болѣе, какъ по одной подводѣ въ мѣсяцъ съ пяти тяголъ. Мы видѣли, что авторъ этого проекта назначаетъ для крестьянъ менѣе земли, чѣмъ нѣкоторые другіе; это тѣмъ несправедливѣе, что, кромѣ исполненія барщинныхъ работъ, онъ предписываетъ крестьянамъ давать помѣщику пятую часть хлѣба и другихъ продуктовъ, „по введенному издавна въ новгородской и псковской губерніяхъ обыкновенію“ [1].

Относительно этого мнѣнія слѣдуетъ замѣтить тоже, что мы сказали о проектѣ Титова: это есть ни что иное, какъ констатированіе наиболѣе обычныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками (въ данномъ случаѣ, какъ они сложились въ сѣверо-западной Россіи, въ губерніяхъ но-

[1] Рукописный сборникъ Публичной библіотеки I. II. № 145, л. 126—137.

тербургской, псковской, новгородской. Можно подумать, что на введеніе подобныхъ обязательныхъ правилъ добровольно согласились бы помѣщики; но это не совсѣмъ такъ. Мы познакомимся теперь съ любопытною попыткою дворянъ двухъ уѣздовъ петербургской губерніи регулировать свои отношенія къ крестьянамъ и увидимъ, что соглашеніе удалось не безъ труда.

Въ 1780 г. ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне пришли къ мысли опредѣлить размѣръ работы своихъ крѣпостныхъ и составленныя ими правила изложили въ документѣ подъ названіемъ: „Мнѣніе ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ о единообразномъ употребленіи рабочихъ дней, въ которые должны крестьяне исправлять работу на господина своего въ каждое время года“. Это соглашеніе, въ которомъ участвовало 1[illegible] человѣкъ, представляетъ первую попытку путемъ частной иниціативы точно опредѣлить повинности крестьянъ. Что придти къ соглашенію было не легко, видно изъ того, что даже въ окончательномъ рѣшеніи, составленномъ, безъ сомнѣнія, послѣ продолжительныхъ пререканій, двое изъ 1[illegible] человѣкъ заявили, что они остаются при своемъ мнѣніи, а между тѣмъ дворяне хлопотали тутъ о своихъ собственныхъ интересахъ: различіе въ требованіяхъ вызывало ропотъ крестьянъ и, установляя одинаковыя правила, помѣщики выражали надежду, что такимъ образомъ „пресѣкутся подобныя нынѣшнимъ неустройства“.

Во вступленіи къ своимъ правиламъ составители выражаютъ слѣдующія мысли: „До сего времени не видно нигдѣ никакого акта или установленія государственнаго, какимъ образомъ дворяне могутъ управлять своими крестьянами, т. е. сколько времени крестьянинъ повиненъ работать на своего господина и сколько на себя; слѣдовательно, былъ и есть въ томъ одинъ токмо общій естественный законъ, называемый человѣческимъ“. Онъ долженъ бы быть самымъ лучшимъ въ свѣтѣ, разсуждали дворяне, но такъ какъ люди самые просвѣщенные и сострадательные имѣютъ въ жизни различныя правила, то это разнообразіе вызываетъ неудовольствіе крѣпостныхъ. „Крестьяне, какъ люди въ грубости и невѣжествѣ родившіеся, не имѣютъ столько умозрительныхъ силъ, чтобы вникнуть во всѣ подробности таковыхъ разностей, то и думаютъ, будто помѣщики нимало не пекутся о ихъ благѣ..., будучи исполнены къ господамъ своимъ ненавистью и недовѣренностію даже до того, что хотя бы кто изъ владѣльцевъ и золотомъ хотѣлъ ихъ осыпать, то и тѣмъ не приведетъ ихъ ни къ должному понятію, ни къ здравому разсужденію; ибо всякаго почти помѣщика крестьяне думаютъ, что житье ихъ хуже и тяжелѣе всѣхъ прочихъ, а сосѣдніе тоже объ нихъ и о другихъ помышляютъ, и оттого дѣлается общее роптаніе и зависть, словомъ, упрямыя и мрачныя ихъ предразсужденія столь сильны и велики, что никакимъ мѣрительнымъ предписаніемъ, какое бы перо его ни начертало, вдругъ

истребить невозможно... Вотъ самыя главныя причины, отъ которыхъ *повиновеніе рабовъ господамъ своимъ дѣлается часто принужденно*: и оттого происходитъ, что первые принуждены бываютъ, иногда противу воли своей, употреблять по праву власти своея *необходимо нужныя средства* (наказанія), а другіе, т. е. крестьяне, пребывая упрямо въ своемъ заблужденіи, питаютъ въ сердцахъ своихъ болѣе неосновательную къ помѣщикамъ своимъ злобу". Слова эти не въ особенно розовомъ свѣтѣ рисуютъ намъ отношенія между господами и крестьянами, которыя дворяне-депутаты старались представить какъ патріархальныя, семейныя: съ одной стороны, глухой ропотъ, переходящій иногда въ явное ослушаніе, съ другой — полная готовность прибѣгать къ суровымъ карамъ для его прекращенія.

Дворяне полагаютъ, что отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ совершенно измѣнится, если всѣ землевладѣльцы извѣстной мѣстности будутъ руководствоваться одними правилами.

Подробно обсудивъ это дѣло, которое, по ихъ словамъ, „привлекаетъ на себя довольное вниманіе" и „требуетъ достаточнаго разсужденія и немалой осторожности", они постановили, что крестьянинъ будетъ въ такомъ размѣрѣ исполнять барщину. Съ 1-го апрѣля по 1-е октября съ каждаго тягла на господина работаетъ по три дня въ недѣлю конный или пѣшій работникъ, смотря по тому, что будетъ нужно. Баба ходитъ на барщину въ апрѣлѣ и маѣ по два дня, а съ іюня по октябрь — по три дня въ недѣлю. Осенью и зимою какъ крестьяне такъ и ихъ жены работаютъ по два дня. У кого есть дочери, то съ тѣхъ поръ, какъ имъ минетъ 18 лѣтъ, начинаютъ ходить на барщину по два дня въ недѣлю. Лѣтомъ работа начинается съ солнечнымъ восходомъ, отдыхаютъ до августа по дважды въ день, а затѣмъ по одному разу; работа кончается съ заходомъ солнца. Зимою приходятъ на барщину за полчаса до разсвѣта, отдыхаютъ одинъ разъ и уходятъ съ работы вечеромъ, а когда начнется молотьба, то съ вечера приходятъ на ригу. Такъ какъ продолжительность работъ опредѣляется восходомъ и заходомъ солнца, то, вычтя время отдыха: до августа по два раза въ день три часа, а въ августѣ и сентябрѣ два часа (такъ было въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ петербургской губерніи передъ уничтоженіемъ крѣпостного права), мы найдемъ, что въ началѣ апрѣля работа должна была продолжаться 11½ часовъ, мая — 13 ч., іюня — 16, въ началѣ августа — 14 и сентября — 11.

Мы видѣли, что работы опредѣляются по тягламъ. Дворяне рѣшили накладывать тягла на холостыхъ съ 17 лѣтъ, а на женатыхъ со времени женитьбы, снимать тягла въ 60 лѣтъ, а также съ неизлѣчимо-больныхъ и изувѣчившихъ себя. Право помѣщиковъ требовать подводъ для отвоза припасовъ въ отдаленныя мѣста весьма мало ограничивается въ предшествовавшемъ проектѣ, напротивъ ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне постановили, что если помѣщикъ отправитъ куда-либо крестьянина съ подводами, то долженъ зачесть потерянное имъ время въ число барщинныхъ дней. Гораздо менѣе благопріятно для крестьянъ рѣшенъ вопросъ *о пятинѣ* (т. е. пятой части хлѣба, хмѣля, конопли и капусты), которую сбирали въ этой мѣстности помѣщики. Они сами, повидимому, чувствовали, что подобный сборъ явленіе ненормальное, однако не захотѣли отмѣнить его, оправдывая себя слѣдующими разсужденіями: „Сія пятина собирается издревле и каждый владѣлецъ получаетъ ее по состоянію своей экономіи

и по силамъ крестьянскимъ, *которые сами считаютъ закономъ платить ее согласно своимъ* (¹). Всѣмъ извѣстно, что земледѣліе въ здѣшней губерніи начало свое имѣетъ съ недавняго времени, чему едва-ли и 20 лѣтъ есть" (это нѣсколько противорѣчитъ заявленію, что пятина вносилась „издревле"). „то многіе дворяне, зачавши прибавлять свою экономію, начали въ тоже самое время уменьшать сборъ пятины, а нѣкоторые доведя хозяйство свое до желаемаго предмета, и совсѣмъ не берутъ". Такимъ образомъ, хотя дворяне и не согласились немедленно прекратить сборъ пятины, но признавали, что, съ улучшеніемъ хозяйства, она должна быть уничтожена ¹); у нѣкоторыхъ же существованіе ея оправдывается тѣмъ, что, по недостатку земли, они требовали съ крестьянъ менѣе рабочихъ дней чѣмъ другіе помѣщики и чѣмъ это было опредѣлено разбираемыми правилами. Очевидно эти-то крестьяне и возбуждали зависть своихъ сосѣдей.

Слѣдовательно, вновь вводимыя правила для нѣкоторыхъ крестьянъ не только не принесли никакого облегченія, но даже ухудшили ихъ положеніе. Если принять это въ соображеніе, то самое ихъ составленіе явится какою-то стачкою помѣщиковъ, при которой они преслѣдовали только свои собственные интересы, думали только о томъ, чтобы введеніемъ однообразнаго порядка прекратить ропотъ крестьянъ, работавшихъ болѣе, чѣмъ ихъ земляки. Тѣ дворяне, у которыхъ крестьяне работали менѣе до составленія этихъ правилъ, повидимому, обязаны были увеличить число рабочихъ дней, по крайней мѣрѣ, по правиламъ было сказано: „Изъ помѣщиковъ тѣ, кои донынѣ въ распоряженіяхъ иначе поступали, будутъ вести дѣла свои равнообразно съ другими". Правда, трудно понять, на что имъ было нужно лишнее рабочее время при недостаткѣ земли, но они должны были соблюдать правила изъ опасенія возбудить ропотъ другихъ крестьянъ. Прежде они вознаграждали себя пятиною, которую другіе не собирали или взимали въ меньшемъ размѣрѣ; поэтому слѣдовало бы теперь обусловить этотъ сборъ извѣстнымъ количествомъ рабочихъ дней, меньшимъ обычнаго уровня; но этого сдѣлано не было. Не смотря на то, что составители изложенныхъ правилъ заботились не столько о крестьянахъ, сколько о собственныхъ интересахъ, эти правила были все-таки шагомъ впередъ, какъ первая попытка обузданія помѣщичьяго произвола. Если они ухудшали положеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, то должны были улучшить въ другихъ, судя по тому, что два дворянина были недовольны ихъ окончательною редакціею. Нужно замѣтить, впрочемъ, что эти правила были далеко не полны; они не разрѣшали многихъ важныхъ вопросовъ, такъ, напримѣръ, въ нихъ не былъ опредѣленъ размѣръ выводныхъ денегъ; крестьянину не было также дано права выкупить себя, внеся опредѣленную сумму ²).

---

¹) Бар. Вольфъ въ хозяйственномъ расчетѣ, приложенномъ къ его проекту, предлагаетъ вмѣсто пятой собирать десятую часть хлѣба. Арх. Кодиф. Отд. Госуд. Сов. вяз. 357—352.

²) Рукописный сборникъ Публичной Библіотеки, I. II № 145, л. 138 и сл.

Время шло, никакихъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ правительство не принимало, но императрица все-таки продолжала задумываться надъ крестьянскимъ вопросомъ. Извѣстно, напр., что въ концѣ 1781 г. нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, кн. Голицынъ, прислалъ при своихъ донесеніяхъ манифестъ Іосифа II о личномъ освобожденіи крестьянъ и дозволеніи выкупать имъ свои земли; этихъ манифестовъ теперь нѣтъ при донесеніяхъ: они не были возвращены изъ дворца [1]. Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ послѣдній разъ промелькнули либеральные планы императрицы: тогда былъ составленъ найденный гр. Блудовымъ проектъ закона, по которому всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденныя послѣ 1785 г., должны были сдѣлаться свободными. Проектъ этотъ остался неисполненнымъ, да объ этомъ нечего и жалѣть, такъ какъ тутъ, вѣроятно, предполагалось дарованіе только личной свободы, безъ земли.

Еще при разборѣ преній по вопросу, возбужденному Коробьинымъ въ коммиссіи уложенія, мы указывали, что мнѣнія депутатовъ-консерваторовъ приносили значительную пользу нѣкоторыми мѣткими указаніями на недосмотры и противорѣчія въ проектахъ ихъ противниковъ; консерваторы заставляли такимъ образомъ зрѣлѣе обдумывать планы преобразованія, предохраняли народъ отъ такой реформы, которая была бы только „освобожденіемъ отъ земли“, словомъ, сами того не сознавая, болѣе многихъ либеральныхъ депутатовъ содѣйствовали зарожденію мысли о надѣленіи крестьянъ землею. Теперь мы встрѣчаемся съ новымъ консервативнымъ мнѣніемъ, имѣющимъ тоже направленіе, и это, несомнѣнно, самое обстоятельное, самое продуманное (хотя и не лишенное противорѣчій) изъ всѣхъ мнѣній по крестьянскому вопросу, вышедшихъ изъ лагеря консерваторовъ. Составленное неизвѣстнымъ авторомъ въ 1785 г. „Размышленіе о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ, или сдѣлать собственность имѣнія“ не было напечатано въ свое время и могло ходить по рукамъ только въ спискахъ. Оно заслуживаетъ внимательнаго изученія, и надъ многими высказанными въ немъ мыслями не мѣшаетъ задуматься тѣмъ публицистамъ, которые посредствомъ уничтоженія поземельной общины желаютъ освободить крестьянина отъ земли. Авторъ, несомнѣнно заклятый крѣпостникъ, въ своемъ мнѣніи преслѣдуетъ прежде всего одну цѣль: по возможности отдалить неизбѣжный для дворянства часъ лишенія дароваго труда, но, какъ умный человѣкъ, онъ не только съумѣлъ указать, какъ гибельно будетъ для народа освобожденіе безъ земли, но также предвидѣлъ тѣ вредныя послѣдствія, какія могутъ произойти отъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія и надѣленія крестьянъ участками въ полную собственность съ правомъ ихъ отчужденія.

[1] *Трачевскій*. „Союзъ князей“. Спб. 1877 г., стр. 19.

Объявленіе въ 1766 году вольнымъ экономическимъ обществомъ извѣстной задачи авторъ считаетъ началомъ „расторженія связи" между крестьянами и помѣщиками: это подало поводъ къ „разглагольствію, кормышленію мыслей мятежныхъ и къ неподвластію" (хотя отвѣтомъ Беарде-де-Лабея авторъ вполнѣ доволенъ); онъ намекаетъ даже, что частыя убійства помѣщиковъ въ 1767 г. находятся въ связи съ обнародованіемъ этой задачи. Крайне негодуетъ онъ также на то, что были возбуждены пренія по крестьянскому вопросу въ коммиссіи уложенія. Чуть-ли не вслѣдствіе распространенія въ народѣ высказанныхъ при этомъ идей, крестьяне, по его мнѣнію, приняли участіе въ Пугачевщинѣ.

Первую часть своего разсужденія авторъ посвящаетъ вопросу о личномъ освобожденіи крестьянъ, при которомъ имъ было бы только позволено переходить съ мѣста на мѣсто и пришлось бы пользоваться чужою землею за извѣстную плату. По его словамъ, это значило бы превратить нашихъ крестьянъ въ кочующихъ цыганъ, причемъ временное, краткосрочное пользованіе землею не дастъ крестьянину возможности заняться, какъ слѣдуетъ, ея обработкою. Свобода перехода, по мнѣнію автора, будетъ также вредна для крестьянъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія въ климатѣ Россіи: исторія и опытъ доказываютъ, что южный климатъ вреденъ для переселенцевъ съ сѣвера, въ подтвержденіе чего авторъ указываетъ на производившіяся въ то время поселенія вокругъ Астрахани и Саратова, въ которыхъ едва треть переселившихся туда могла спастись отъ смерти [1]. Освобожденіе вредно и потому, что помѣщичья власть крайне нужна по многимъ причинамъ: она необходима, во-первыхъ, вслѣдствіе особенностей народнаго характера. Авторъ, старающійся, по примѣру Монтескье, объяснить многія явленія вліяніемъ климата, дѣлаетъ неожиданное открытіе, что подъ вліяніемъ нашихъ холодовъ создался сангвиническій характеръ народа, „наглый и стремительный въ предпріятіяхъ своихъ", „а если по роду жизни.... примѣшается къ оному и флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ тожайшее настояніе суровости и злопамятства". Флегматическій же характеръ происходитъ у насъ отъ застоя крови зимою, вслѣдствіе недостатка движенія и жарко натопленныхъ жилищъ. Такимъ образомъ народъ нашъ оказывается въ одно и то же время и сангвиническимъ, и флегматическимъ. Первое подтверждается драками цѣлыхъ селеній между собою, изъ втораго выводится слѣдствіе, что, по ослабленіи помѣщичьей власти, крестьяне впадутъ въ совершенную лѣность: авторъ думаетъ, несмотря на опроверженіе этой мысли еще въ Наказѣ, что уменьшеніе оброка сдѣлаетъ ихъ менѣе

[1] Мысль о вредѣ свободнаго перехода крестьянъ авторъ подкрѣпляетъ также ссылкою на примѣръ Малороссіи.

дѣятельными, болѣе лѣнивыми. Помѣщичья власть нужна и для общественнаго спокойствія и безопасности: съ тѣхъ поръ, какъ съ облегченіемъ выхода въ отставку, дворяне поселились въ своихъ имѣніяхъ, разбои значительно уменьшились; вольныхъ же крестьянъ помѣщикъ не будетъ въ состояніи сдерживать. Увеличеніе народонаселенія также зависитъ отъ сохраненія помѣщичьей власти. Отцы неохотно выдаютъ замужъ своихъ дочерей, нуждаясь въ нихъ, какъ въ работницахъ,—поэтому, во всякой деревнѣ много дѣвицъ и холостыхъ; это ведетъ къ развратной жизни къ убійству незаконнорожденныхъ дѣтей, только помѣщики принуждаютъ крестьянъ своевременно выдавать замужъ дочерей. Поэтому, и народонаселеніе въ Россіи увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ западной Европѣ. Вліяніе помѣщиковъ на своевременное заключеніе браковъ было указываемо и другими защитниками крѣпостнаго права; точно также мы встрѣчали и тотъ доводъ, что освобожденіе увеличитъ количество дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, а это будетъ отвлекать работниковъ отъ земледѣлія, труднѣе будетъ собирать подушную подать и производить рекрутскіе наборы. Затѣмъ авторъ весьма патетически описываетъ плохое состояніе у насъ земледѣлія и заключаетъ, что съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти не кому будетъ крестьянъ научить и заставить производить необходимыя улучшенія.

Вся первая часть труда неизвѣстнаго автора имѣетъ, разумѣется, только историческій интересъ, какъ матеріалъ для характеристики мнѣній противниковъ освобожденія крестьянъ: реформа 19 Февраля 1861 г. уже опровергла всѣ ихъ неосновательныя опасенія. Гораздо интереснѣе для насъ второй отдѣлъ этого мнѣнія, въ которомъ авторъ разсматриваетъ вопросъ, можно ли дать крестьянамъ землю въ собственность съ правомъ для каждаго отчуждать свой участокъ. Тутъ весьма много здравыхъ мыслей; въ этомъ отдѣлѣ авторъ даетъ хорошій урокъ и нынѣшнимъ защитникамъ подворнаго землевладѣнія.

Прежде всего онъ доказываетъ, какъ трудно, почти невозможно разграниченіе всѣхъ участковъ. Отмежевать всѣ дачи каждаго участка въ отдѣльную межу, по мнѣнію автора, невозможно, „ибо почти не можно сыскать, чтобы пашня, лѣса и луга вмѣстѣ такъ могли сойтиться, чтобы каждому особливо участокъ составить, а сверхъ того, каждый изъ сихъ участковъ, раздѣленный на три поля, учинитъ, что нигдѣ выгону скотинѣ не будетъ, и отъ потравъ также ссоры и драки произойдутъ. И такъ остается одинъ способъ", продолжаетъ онъ: „сдѣлать въ каждомъ полѣ, въ лугахъ и въ лѣсахъ особливое на каждый участокъ размежеваніе, а посему и придетъ, что каждый участокъ, по крайней мѣрѣ, въ пяти разныхъ мѣстахъ долженъ обмежеванъ быть: ибо могутъ случиться различныя дачи, а именно: пашня въ поляхъ и на пустошахъ, луга при рѣкахъ, поемные, на суходолахъ, на пустошахъ, въ болотахъ, лѣса про-

ванные и стѣсненные, слѣдственно, иной участокъ и въ десяти мѣстахъ межеванъ долженъ быть. То представимъ мы себѣ, какое великое затрудненіе нанесетъ сіе правительству, чтобы всѣ участки таковымъ образомъ размежевать? коликое на сіе время и число денегъ потребно? каковой убытокъ ни корона, ни народъ поднять не могутъ безъ крайняго отягощенія: и посему считаю я такое положеніе совершенно невозможнымъ". Но, положимъ, говоритъ авторъ, что какъ-нибудь это будетъ сдѣлано: принесетъ ли это пользу крестьянамъ? вѣдь населеніе увеличивается; при томъ однѣ семьи размножаются, другія исчезаютъ, и произойдетъ сильное имущественное неравенство. Раздѣлы участковъ между наслѣдниками произведутъ ссоры, драки и смертоубійства, которыя тѣмъ преступнѣе, что будутъ происходить между близкими родственниками. И такъ послѣдствіемъ полнаго права собственности на землю будетъ съ одной стороны совершенное разореніе многихъ, съ другой — явятся крестьяне, которые скупятъ много участковъ и, не имѣя возможности обработать ихъ съ помощью своей земли, будутъ держать батраковъ. Теперь помѣщики снабжаютъ семьянистыхъ крестьянъ землями, а у тѣхъ, кто не въ силахъ обработать всего прежняго участка, часть его отрѣзываютъ; тогда же у однихъ будетъ много земли, а другіе сдѣлаются бобылями и принуждены будутъ идти въ батраки къ богатымъ. На рѣкѣ Эльбѣ, говоритъ авторъ, есть крестьяне, называемые „голендарями". „Тамъ одинъ крестьянинъ имѣетъ немалыя пашни, многочисленное скотоводство, онъ богатъ; но нѣсколько десятковъ человѣкъ, служащихъ у него въ работникахъ, ничего не имѣютъ, въ браки за бѣдностью не вступаютъ". Захотимъ ли „подобное зло у себя вкоренить"? Результатомъ такого крайняго развитія имущественнаго неравенства будетъ то, что бѣдняки, принужденные занимать деньги у разбогатѣвшихъ крестьянъ, попадутъ къ нимъ въ совершенную кабалу. Авторъ справедливо указываетъ, какъ на примѣръ такихъ отношеній, на тѣ мѣстности Россіи, гдѣ государственные крестьяне владѣли землею безъ передѣловъ, а именно на устюжскую область и часть олонецкой губерніи, гдѣ богатые крестьяне доводятъ задолжавшихъ бѣдняковъ до состоянія половниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы работать на себя, обрабатываютъ землю разжившагося кулака и отдаютъ ему половину сбора. Изъ всего этого ясно, „что такое положеніе не умножитъ сумму благополучія народнаго, но обратится на пользу малаго числа частныхъ людей, ко вреду же величайшаго числа и самого государства. *Ибо польза государственная не въ томъ состоитъ, чтобы нѣкоторое число богачей въ немъ было, а прочіе бъ въ бѣдности стенали, но въ томъ, чтобъ сокровища его поколику возможно равнѣе были раздѣлены*".

Другой неизбѣжный результатъ участковаго землевладѣнія — чрезвычайное размноженіе тяжебъ изъ-за земли: число подсудимыхъ удесяти-

рится, всѣ присутственныя мѣста будутъ обременены. „Крестьяне за малую мнимую учиненную имъ обиду пойдутъ тягаться въ городъ, проживутъ свой достатокъ и земледѣліе оставятъ; поля необработанныя, дороговизна хлѣба, нищета крестьянская, недоимка въ податяхъ и обогащеніе вредныхъ стряпчихъ и подьячихъ будутъ единые плоды такого учрежденія и долговременный памятникъ суемудрія того вѣка, въ который такое узаконеніе учинится". Эту мысль авторъ опять подтверждаетъ въ высшей степени убѣдительнымъ примѣромъ: онъ указываетъ на однодворцевъ, у которыхъ каждый владѣетъ особеннымъ участкомъ; большая часть ихъ „отъ ябеды приведены въ разореніе или добронравленіе отъ ябедниковъ и наглецовъ совершенно угнетаемы суть". Есть, наконецъ, и еще одинъ весьма печальный результатъ участковаго землевладѣнія. Всѣмъ извѣстно, какъ крестьяне привязаны къ своей землѣ, и потому малѣйшіе „перекосы, перепашки, потравы" и захваты одними у другаго участка произведутъ ссоры, драки и смертоубійства, а затѣмъ начавшееся слѣдствіе и арестъ виноватыхъ можетъ довести все селеніе до совершеннаго разоренія.

Итакъ, развитіе имущественнаго неравенства, кабала бѣдныхъ, тяжба изъ-за земли и драки изъ-за перекосовъ, перепашекъ и т. п., вотъ каковы слѣдствія введенія участковаго землевладѣнія. Все это дѣйствительно подтверждается наказами однодворцевъ, у которыхъ существовало подворное владѣніе, а также и черносошныхъ крестьянъ Сѣверной Россіи и Сибири, гдѣ не было передѣловъ [1]. Этотъ отдѣлъ труда неизвѣстнаго автора дѣлаетъ честь его проницательности, и подъ всѣми приведенными у насъ мѣстами могли бы подписаться и всѣ современные защитники общины, прибавивъ только, что въ настоящее время крестьянскій міръ еще лучше можетъ распоряжаться землею, послѣ того какъ устранено вмѣшательство помѣщика въ распоряженіе землею, данною крестьянамъ. Впрочемъ, авторъ намекаетъ, что и тогда не всѣ землевладѣльцы вмѣшивались въ общинные распорядки своихъ крѣпостныхъ, а оброчные крестьяне были, разумѣется, еще независимѣе въ этомъ отношеніи. Итакъ, всѣ доводы автора прекрасно поражаютъ защитниковъ участковаго землевладѣнія, но нисколько не разятъ противниковъ крѣпостнаго труда: въ этомъ отношеніи вся его аргументація могла быть разрушена однимъ возраженіемъ: кто же мѣшаетъ освободить крестьянъ не только съ землею, но и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія; къ сожалѣнію, о такой мысли еще не додумались въ то время [2]. Однако, у нашего автора есть относительно этого любопытный намекъ. Правда, въ

[1] См. „Казенные крестьяне при Екатеринѣ II", „Рус. Стар.", 1879 года, №№ 1 и [illegible]

[2] [illegible] проектѣ Кожельскаго.

одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что если межевать поля не каждому отдѣльно, а цѣлому обществу, то „сіе не будетъ уже отдѣленіе каждому его собственности, но собственность цѣлаго общества", и такимъ образомъ не только не будетъ достигнута цѣль „чтобы каждый, зная свой участокъ, зная, что онъ владѣетъ и что потомству его отъ него приложится, болѣе старался его удобрять", но что будто бы тогда, очевидно, за отсутствіемъ помѣщичьей опеки, произойдутъ ссоры, драки и убійства. Но за то въ другой части своего мнѣнія онъ говоритъ: „если дать въ собственность земли" (т. е. на участковомъ правѣ) „благо ли сіе? и не одно ли сіе имя, а не самое дѣйствіе есть? *И нынѣ крестьяне общественными таковой собственности не имѣютъ ли*"? [1])

Третья часть мнѣнія, посвященная вопросу о томъ, можно ли дать свободу дворовымъ, такъ же какъ и первая, имѣетъ только историческое значеніе. Авторъ доказываетъ, что запрещеніе въ 1775 г. вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя, вредно для нихъ самихъ, такъ какъ лишаетъ ихъ удобнаго способа прокормить себя и дѣтей. Онъ доказываетъ, что они не могутъ съ пользою вступить ни въ одно сословіе: быть купцами въ истинномъ смыслѣ этого слова они не могутъ не только потому, что не имѣютъ для этого средствъ, но и вслѣдствіе недостатка необходимыхъ знаній (причемъ авторъ забылъ, что ихъ вообще не было у нашего купечества), быть хорошими приказными не могутъ, потому что не знаютъ законовъ; остается только сдѣлаться ремесленниками въ городахъ, но увеличеніе числа рабочихъ чрезвычайно понизитъ плату за трудъ, такъ что пріискавшіе работу „едва себѣ дневное пропитаніе будутъ пріобрѣтать, а множество другихъ и безъ пропитанія будутъ странствовать". Автору не пришло въ голову, что дворовыхъ можно бы надѣлить землею, но этого не было сдѣлано и при нынѣшней крестьянской реформѣ.

Затѣмъ онъ переходитъ къ доказательству, что освобожденіе будетъ вредно для самихъ крестьянъ: вышедъ изъ подъ помѣщичьей власти они подпадутъ вѣдѣнію чиновниковъ, а это „судъ закупной, гдѣ любовь къ собственности, каковая дѣйствуетъ въ помѣщикахъ, имѣть силы не можетъ, гдѣ развратность и корыстолюбіе судей къ излишней строгости и къ разоренію ихъ подвергнетъ, гдѣ продолженіе приказному обряду, отдаленіе самихъ судебныхъ мѣстъ отниметъ у нихъ много драгоцѣннаго времени" [2].

[1]) Вотъ эту-то послѣднюю мысль — о полезности общиннаго владѣнія — и приходится защищать современнымъ изслѣдователямъ отъ нынѣшнихъ *освободителей* крестьянъ, но только не отъ крѣпостнаго права (объ уничтоженіи котораго они не скорбятъ лишь потому, что экономическая зависимость можетъ быть еще сильнѣе юридической), а отъ желающихъ любезно *освободить* земледѣльца отъ земли.

[2]) „Земскіе исправники суть тѣ же помѣщики", писалъ въ 1826 году Сперанскій о положеніи казенныхъ крестьянъ, „съ тою только разностью, что они перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ".

Тѣ, кто не оставятъ своего прежняго мѣстожительства, ничего не выиграютъ съ полученіемъ свободы: измѣнится только имя, а въ дѣйствительности „рабство останется"; тѣ же, кто будутъ переходить съ мѣста на мѣсто „всю тягость нищеты и несчастія рода человѣческаго будутъ претерпѣвать". Наконецъ, помѣщики и при личной свободѣ съумѣютъ поставить крестьянъ въ зависимость отъ себя: они „желая сохранить себѣ подданныхъ, будутъ стараться ихъ разными образами одолжать, *самыми долгами ихъ навѣчно закабалять и обратятъ сію свободу въ ничто*, тѣмъ съ вящею тягостію, что приложатъ свои старанія не дать имъ способовъ и выплатиться". Пророческія слова! Извѣстно, что теперь весьма многимъ землевладѣльцамъ удается обработывать свои поля за ничтожную плату вслѣдствіе того, что они во время нужды ссужаютъ крестьянъ хлѣбомъ съ непремѣннымъ условіемъ не возвращать его натурою, а отработать въ самое страдное время по весьма низкой оцѣнкѣ труда.

Положеніе дворовыхъ подъ властію помѣщика, по мнѣнію автора, спокойнѣе и обезпеченнѣе: лучше „претерпѣвать нужное исправленіе пороковъ своихъ", но за то „получать пропитаніе и награду за услуги свои и быть безпечнымъ въ помощи и убѣжищѣ", чѣмъ остаться безъ вѣрнаго куска хлѣба.

Въ заключеніе своего труда, авторъ высказываетъ мысль, которую мы встрѣтили уже въ мнѣніи кн. Щербатова, что, при каждомъ переходѣ имѣнія изъ рукъ въ руки, дворяне уплачивали пошлины, а такъ какъ это происходило часто, то недвижимыя имущества куплены не только кровью, но и деньгами помѣщиковъ, и потому крайне несправедливо было бы отнять у нихъ крестьянъ. Наконецъ, онъ доказываетъ, что наши крѣпостные не коснѣютъ въ такомъ рабствѣ, какъ многіе думаютъ. У помѣщиковъ отнята власть надъ ихъ жизнію и возможность увѣчить крестьянъ: они обязаны отвѣчать за аккуратный сборъ податей и не допускать крестьянъ ходить по міру, такъ что имъ самимъ не выгодно ихъ разорять. Но въ дѣйствительности послѣднее соображеніе весьма многихъ не удерживало отъ притѣсненія своихъ крѣпостныхъ.

Авторъ желаетъ, чтобы, не выдумывая новыхъ узаконеній, старались только соблюдать прежнія: онъ надѣется на постепенное смягченіе нравовъ посредствомъ распространенія просвѣщенія.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно имя автора этого труда, [illegible] замѣчательнаго, несмотря на защиту въ немъ крѣпостного права. [illegible] такимъ образомъ опровержение непродуманныхъ мнѣній [illegible] было бы полезнѣе, чѣмъ скороспѣлые планы объ освобожденіи [illegible]. Нужно полагать, что это мнѣніе принадлежитъ [illegible] образованныхъ людей своего времени, что доказывается [illegible] на трудъ [illegible] крестьянъ на западѣ Европы, основательныя

знанія въ русской исторіи, несмотря на несовсѣмъ правильное пониманіе исторіи нашихъ крестьянъ, что обусловливалось младенческимъ состояніемъ этой науки въ то время. Историческія познанія автора заставляютъ насъ предположить, что это мнѣніе принадлежитъ кн. Щербатову. Не считая этой догадки безошибочною мы укажемъ однако, въ подтвержденіе ея, на нѣкоторое сходство этого мнѣнія съ воззрѣніями кн. Щербатова. Мы упоминали уже о повтореніи въ этомъ мнѣніи одного возраженія кн. Щербатова: такое же сходство представляютъ ссылки на поземельныя отношенія черносошныхъ крестьянъ и указаніе на зависимость переселеній отъ разнообразія климата Россіи; сходство съ нѣкоторыми возраженіями другихъ депутатовъ объяснится тогда тѣмъ, что кн. Щербатовъ, какъ присутствовавшій въ коммиссіи, могъ воспользоваться ими для своего труда. Весьма сочувственные отзывы о Петрѣ Великомъ, встрѣчающіеся въ этомъ разсужденіи, мы находимъ и въ сочиненіяхъ кн. Щербатова. Наконецъ, иныя мѣста изложеннаго мнѣнія чрезвычайно напоминаютъ по слогу произведенія кн. Щербатова [1].

— —

[1] Приводимъ для примѣра [illegible] *въ комъ слабость ума, лесть, подлости и пристрастія* [illegible] мнѣ права, [illegible] Ист. Древн. Рос." 1861 г., т. III, стр. 98—134.

ГЛАВА XIII.

Крестьянскій вопросъ въ литературѣ. — Мнѣнія о немъ Болтина и академика Миллера. — Радищевъ.

Въ первую треть екатерининскаго царствованія у насъ много занимались крестьянскимъ вопросомъ: обнародованіе задачи вольнаго экономическаго общества, либеральныя идеи „Наказа", пренія въ законодательной коммиссіи,—все это заставляло задумываться надъ необходимостію улучшенія быта крѣпостныхъ. Современная литература также сослужила службу въ этомъ дѣлѣ: въ то время, когда, по заказу вольнаго экономическаго общества, а также и въ одной изъ частныхъ коммиссій законодательнаго собранія вырабатывались подробныя предположенія по этому предмету, наши писатели отрицательнымъ путемъ служили распространенію въ обществѣ освободительныхъ тенденцій, преслѣдуя обличеніями и насмѣшкою жестокость помѣщиковъ, жадность, съ которою они налагали на своихъ крѣпостныхъ непосильные поборы и работы, противозаконную торговлю рекрутами, стѣсненіе крестьянъ даже въ такомъ дѣлѣ, какъ заключеніе брака. Несмотря на то, что писать на эту тему было не такъ легко, какъ обличать щеголихъ и модныхъ петиметровъ, потому что всякое рѣзкое слово возбуждало крики негодованія крѣпостниковъ (стоитъ только вспомнить бурныя пренія въ коммиссіи, возбужденныя Коробьинымъ), наши писатели, и особенно сотрудники сатирическихъ журналовъ, не разъ затрогивали тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

„Живописецъ" Новикова (1772 г.) указываетъ, что одни помѣщики заставляютъ крестьянъ убрать сначала весь господскій хлѣбъ и только тогда позволяютъ крестьянамъ приняться за свою работу, другіе требуютъ отъ нихъ по пяти дней барщины въ недѣлю[1]. „Трутень" Новикова"

[1] Изд. Ефремова, 1864 г., стр. 87, 93. Такіе факты вполнѣ подтверждались и научными журналами. Рычковъ въ „Наказѣ для приказчика" говоритъ: „При употребленіи въ господскія работы тягловыхъ крестьянъ поступается у насъ по произволенію помѣщиковъ. Есть такіе строгіе, что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не дозволяютъ, а давая имъ съ семействомъ мѣсячину пропитать, употребляютъ ихъ безъ изъятія на господскія работы повсечасно". „Труды Вольн. Экон. Общ." т. XVI, 1770 г., стр. 27. Слѣдовательно сатирическіе журналы брали далеко не крайніе случаи злоупотребленій.

(1769 г.) для излеченія „Злорада", который звѣрски наказываетъ своихъ слугъ за малѣйшую ихъ оплошность, прописываетъ лекарство, посредствомъ котораго онъ самъ въ теченіи нѣкотораго времени превратится въ рабское состояніе, послѣ чего навѣрное выздоровѣетъ. „Живописецъ" указываетъ, что помѣщики жалѣютъ собакъ и лошадей больше, чѣмъ людей, и влагаетъ въ уста одного дикаго помѣщика такія разсужденія по поводу обличеній сатирическихъ журналовъ. Живописецъ говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, а того проклятой и не знаетъ, што въ старину тираны были не крещеные и мучили святыхъ... а наши мужики вить не святые: какъ же намъ быть тиранами?.. Неушто хочетъ онъ, чтобы мужики богатѣли, а мы бы, дворяне скудѣли, да етова и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину: вить не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И въ святомъ писаніи сказано: другъ другу тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ: они на насъ работаютъ, а мы ихъ сѣчомъ, ежели станутъ лѣниться: такъ мы и равны: да на што они крестьяне: его такое и дѣло, што работай безъ отдыху. Дай-ка имъ волю, такъ они и не вѣсть что затѣютъ". Какимъ бы преувеличеніемъ ни казались иногда насмѣшки сатирическихъ журналовъ, но дѣйствительность не отставала отъ изображаемыхъ ими типовъ. Такъ, напримѣръ, ссылка на священное писаніе въ подтвержденіе того, что крестьяне должны работать въ пользу господъ, встрѣтилась намъ въ мнѣніи одного изъ лифляндцевъ, писавшихъ на тему экономическаго общества. „Трутень" помѣщаетъ также донесеніе старосты помѣщику, представляющее въ цѣломъ фотографически вѣрное воспроизведеніе дѣйствительныхъ отписокъ господамъ: „Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходѣ сѣкъ нещадно, только они оброку не заплатили: говорятъ, что негдѣ взять".. „Съ Антошки за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято 5 рублевъ. И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: „я-де это сказалъ съ глупости", и напредки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ". Помѣщикъ же въ своемъ указѣ приказываетъ нещадно высѣчь старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ за то, что онъ запустилъ большую недоимку, смѣнить и взыскать съ него 100 р. штрафа. Вѣрно съ дѣйствительностію представлена также и челобитная крестьянина просящаго, ввиду его печальнаго положенія, о сложеніи недоимки [1]). Въ это время и сама императрица не отставала отъ другихъ писателей въ насмѣшкахъ надъ крѣпостнымъ правомъ. Ея Ханжихина въ комедіи „О время"! такъ проводитъ день: послѣ утреннихъ молитвъ она чешетъ свою кошку, причемъ поетъ стихъ: „блаженъ, кто и скоты милуетъ", а между

[1]) „Трутень", изд. Ефремова, Спб. 1865 г., стр. 164, 167, 159, 183, 162, 181, „Живописецъ", стр. 26, 94—96.

тѣмъ, разсказываетъ ея горничная, „и насъ также миловать изволитъ: иную пощечиною, иную тростью, а иную бранью и проклятіями. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей пороть батожьемъ" [1]).

Особенно часто литература обращала вниманіе на противозаконную торговлю рекрутами: „При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ", говоритъ „Трутень", „по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты... до окончанія набора, показалося новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть..., выдумали слѣдующее: продавецъ, согласясь съ покупщикомъ, велитъ ему на себя бить челомъ въ завладѣніи дачъ; а сей, имѣвъ нѣсколько хожденія по тому дѣлу, наконецъ, подаетъ обще съ истцомъ мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты" (стр. 155—156). «Адская почта» также указываетъ на разныя уловки, чтобы обойти запрещеніе торговли людьми во время рекрутскаго набора. Одинъ изъ героевъ въ комедіи Княжнина «Несчастіе отъ кареты» (1779 г.) даетъ такой совѣтъ своему прикащику: «Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ нѣтъ ли у васъ на продажу годныхъ людей въ рекруты?.. Нахватай ихъ и продай». — „Боже мой, какъ мы несчастливы"! жалуется въ той же комедіи молодой парень, «намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли» [2]). На то, что крестьяне и дворовые лишены возможности даже жену выбрать себѣ по сердцу, обращаетъ вниманіе и Екатерина въ комедіи: „О время"! Ея героиня Ханжихина, въ негодованіи на то, что одинъ изъ дворовыхъ просьбою о женитьбѣ помѣшалъ ей молиться, приказываетъ строго наказать его [3]).

Результатомъ помѣщичьяго управленія являлась народная нищета. „*Бѣдность* и *рабство* повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ", говоритъ авторъ статьи „Отрывокъ путешествія" въ „Живописцѣ". — „Непаханныя поля, худой урожай хлѣба—возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшія одоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не про-

[1]) „Собр. соч. имп. Екатерины II", изд. Смирдина, II, 12.

[2]) Сочиненія Княжнина, изд. 3-е, 1818 г., т. IV, 108, 111. Къ тому же мотиву Княжнинъ возвращается и позже, въ комедіи „Хвастунъ" (1786 г.), гдѣ Простодумъ говоритъ, что своихъ [illegible] „[illegible] въ рекруты хорошими людьми". Соч. Княжнина, т. III, стр. 21.

[3]) „Сочиненія имп. Екатерины II", изд. Смирдина, II, 14—15.

пускалъ я ни одного селенія, чтобы, не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами были тому виною" [1]).

Любопытно, что обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ мы находимъ даже у такого ярато противника освобожденія крестьянъ, какимъ былъ извѣстный писатель А. П. Сумароковъ. Въ возраженіяхъ на Наказъ императрицы Екатерины онъ старался представить положеніе крѣпостныхъ въ радужномъ свѣтѣ; въ письмѣ въ вольное экономическое общество по поводу обнародованной этимъ послѣднимъ задачи о правѣ собственности крестьянъ, Сумароковъ явился также энергическимъ защитникомъ крѣпостнаго права; несмотря на все это, онъ нерѣдко обличаетъ въ своихъ сочиненіяхъ злоупотребленія помѣщичьею властью. Такъ, въ одномъ изъ хоровъ, написанныхъ имъ къ большому маскараду, бывшему въ Москвѣ въ 1763 г., прилетѣвшая изъ-за моря синица разсказываетъ, что за моремъ воеводы правдивы, дьяки не ѣздятъ цугами, въ подрядахъ не крадутъ:

„Со крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ.
За моремъ людьми не торгуютъ,
. . . .
Всѣ люди за моремъ трудятся.
. . . .
Лучше работящій тамъ крестьянинъ,
Нежели господинъ тунеядецъ" [2]).

Въ сатирѣ „О благородствѣ", посвященной дворянамъ, Сумароковъ говоритъ:

„На то-ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ
И если не яснѣй умъ барскій мужикова,
Такъ я различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ, и ѣстъ, родился и умретъ:
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ
И благородіе свое нерѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ! должно-ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко-ль,—можетъ быкъ людей быку продать"!

---

[1]) „Живописецъ", стр. 25—26.
[2]) „Полное собраніе сочиненій Сумарокова", изд. 2-е, М. 1787 г., т. VIII, стр. 342.

Въ другой сатирѣ „О честности" тотъ же авторъ говоритъ:

„Пречестный господинъ слугъ кормитъ и поитъ.
Хотя его слуга и не довольно сытъ;
Безъ нужды не отдастъ онъ лишняго въ солдаты,
Какъ развѣ что купить иль долга на заплаты:
Однако и за то снабдитъ его жену,
И дастъ ей куль муки за ту свою вину.
Да чѣмъ дѣтей кормить? за что-жь терпѣть имъ голодъ?
Такъ ихъ въ аукціонъ бояринъ шлетъ подъ молотъ" [1].

Еще подробнѣе рисуетъ Сумароковъ печальное положеніе крѣпостныхъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ: мы остановимся на нихъ въ виду крѣпостнической репутаціи Сумарокова. Такъ, въ статьѣ „О домостроительствѣ" онъ говоритъ: „Почему-жъ называютъ тѣхъ жадныхъ помѣщиковъ экономами, которые или на свое великолѣпіе, или на заточеніе злата и серебра въ сундуки сдираютъ со крестьянъ своихъ кожи, и коихъ манифактуры и прочіе вымыслы крестьянъ отягощаютъ и все время у нихъ на себя отъемлютъ, учиняя ихъ невинными каторжниками, кормя и поя какъ водовозныхъ лошадей, противу права моральнаго и политическаго, единственно ради своего излишняго изобилія, раздражая и божество, и человѣчество... Каждый человѣкъ есть человѣкъ, и всѣ преимущества только въ различіи нашихъ качествъ состоятъ... Но какъ то ни есть, уступимъ политическому расположенію, когда моральное мало свойственно роду человѣческому, и утвердимъ помѣстничество или паче власть нашу, свойственную единому человѣколюбію. Власть быти должна; не деревня будетъ, но гнѣздо разбойническое, гдѣ нѣтъ у поселянъ ни прикащика, ни старосты. Тѣло безъ головы быти не можетъ, однако и мизинецъ ноги есть членъ тѣла. Помѣщикъ, обогащающійся непомѣрными трудами своихъ подданныхъ, суетно возносится почтеннымъ именемъ домостроителя и долженъ онъ названъ быть доморазорителемъ. Такой извергъ природы — невѣжа и во естественной исторіи, и во всѣхъ наукахъ. Тварь безграмотная, не почитающія ни Божества, ни человѣчества.... разрушающій блаженство ввѣренныхъ ему людей, стократно вреднѣе разбойника отечества. Увеселяюся ли я тогда...., когда мнѣ такой извергъ показываетъ сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птицъ, рыбныя ловли, рукодѣлія и прочее? Но я съ такими домостроителями не схожуся, и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю... Въ такомъ обѣдѣ пища—мясо человѣческое, а питіе слезы и кровь... Ежели помѣщикъ почитаетъ себя головою своихъ под-

---

[1] П. с. с., т. VII, 369, 371. Въ „притчѣ" (басни) „[illegible]" [illegible] предпочитаетъ свою свободу, [illegible] жить соболи [illegible]. Ibid., VII 107—108.

давныхъ, такъ, сохраняя голову, сохранитъ и мизинецъ; ибо голова тѣла и мизинцу состраждетъ. Но таковые гнусные домостроители не почитаютъ себя головою своей деревни и не отличаютъ крестьянъ отъ лошадей... Домостроительство помѣщичье есть ядъ имперіи, когда оно только единаго помѣщика обогощаетъ... Но что дѣлаю я въ разсужденіи моихъ крестьянъ по домостроительству? Что я противъ беззаконнаго домостроительства пишу, то я и дѣлаю" [1]). Въ статьѣ „О почтеніи автора къ приказному роду" Сумароковъ говоритъ о томъ, какъ помѣщикъ проигрываетъ въ карты цѣлое село [2]). Итакъ, признавая необходимость крѣпостнаго права и помѣщичьей власти, Сумароковъ энергически возстаетъ противъ обремененія крестьянъ тяжелыми работами и поборами, противъ торговли людьми и проигрыванія ихъ въ карты.

Такимъ образомъ литература, насколько возможно, касалась язвы, разъѣдавшей тогдашнее общество, и ничто намъ не кажется несправедливѣе укоровъ журналамъ того времени отъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ изслѣдователей, что они осмѣивали только подражаніе иностранцамъ, франтовъ и щеголихъ, и не говорили о болѣе важныхъ предметахъ; особенно странны кажутся намъ такіе упреки въ статьяхъ, принадлежащихъ перу журнальныхъ дѣятелей, которые по собственному опыту знаютъ, насколько свободно даже и въ настоящее время можно говорить о „злобѣ дня". Сотрудники журналовъ екатерининскаго времени были, по крайней мѣрѣ, не въ лучшемъ положеніи: стоитъ только взглянуть на тѣ оговорки, какими издателямъ сатирическихъ журналовъ приходилось снабжать статьи, затрогивающія крѣпостное право. Такъ Новиковъ, печатая въ своемъ журналѣ „Отрывокъ путешествія", дѣлаетъ къ нему слѣдующее примѣчаніе: „Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою націею (т. е. при Елизаветѣ), то *не осмѣлился бы я читателя моего потчивать съ этого блюда*, потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сидящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ" и т. д. Однако это примѣчаніе не помогло, и издателю пришлось въ другомъ мѣстѣ защищаться отъ нападокъ и объяснять значеніе статьи, возбудившей не мало толковъ. Онъ влагаетъ въ уста одного просвѣщеннаго читателя такія разсужденія: „Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе недостойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ,

[1]) Ibid., X т., 158—162.

[2]) Ibid., X, 139—140, срав. VI, 329—332. (Разговоры господина и слуги на томъ свѣтѣ.)

тогда увидятъ, отчего останавливаются и приходятъ въ недоимку государственные поборы? Отчего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны? Отчего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ часто бываютъ неурожаи хлѣба?.. Пусть скажутъ... кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ..., кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или наша на нихъ сатира?" Но и въ этой защитительной тирадѣ, такъ же, какъ и въ продолженіи статьи „Отрывокъ путешествія", издатель долженъ былъ исключить нѣкоторыя мѣста, опасаясь навлечь на себя сугубое негодованіе" [1]). Однако, всѣ эти оправданія и оговорки не помогли: кончилось тѣмъ, что сатирическіе журналы не пережили 1774 г. Нельзя не вспомнить, что это годъ Пугачевщины, годъ поворота въ направленіи внутренней политики Екатерины. Правда, крѣпостные и въ первую треть ея царствованія не видѣли облегченія своего положенія, но въ это время можно было еще мечтать объ осуществленіи крестьянской реформы, теперь же надо было проститься съ этими ожиданіями.

Реакція замѣтно отразилась въ литературѣ. Еще въ „Недорослѣ" Фонъ-Визина (напеч. въ 1783 г.) предаются осмѣянію и позору жестокіе, безжалостные помѣщики [2]), хотя мрачность красокъ уже смягчается тутъ выставленіемъ добродѣтельныхъ чиновниковъ и восхваленіемъ намѣстника, который „съ ревностію помогаетъ страждущему человѣчеству". Порокъ, какъ извѣстно, подвергается у Фонъ-Визина наказанію [3]). Въ журналахъ же, издававшихся Новиковымъ, во вторую половину царствованія Екатерины, почти нѣтъ и помину о прежней сатирѣ. Въ стихотвореніи

---

[1]) „Живописецъ", изд. Ефремова, стр. 30, 79—81.

[2]) „Все сама управляюсь, батюшка" (говоритъ Простакова Правдину), „съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ домъ и держится"... Еремѣевна говоритъ, что она получаетъ жалованья „по пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день". Скотининъ мастеръ собирать оброкъ съ крестьянъ, и Простакова проситъ брата научить ее этому искусству, а то, говоритъ она, „съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!" Простакова основываетъ свое право расправляться съ крестьянами, какъ ей угодно, на указѣ о вольности дворянства. Стародумъ заявляетъ, что „угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно". „Сочиненія Фонъ-Визина", изд. 1866 г. стр. 50, 53, 64, 68, 101, 105.

[3]) Въ неизданномъ въ свое время „Разговорѣ у княгини Халдиной" (письмо отъ Стародума" 1788 г.) Сорванцовъ проигрываетъ въ карты тысячу душъ и продаетъ людей въ рекруты. „Соч. Фонъ-Визина", стр. 250—251. Тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ въ письмѣ къ гр. П. И. Панину изъ Франціи (1778) высказываетъ такую мысль: „Сравнивая нашихъ крестьянъ въ лучшихъ мѣстахъ съ тамошними, нахожу, безпристрастно судя, состояніе нашихъ несравненно счастливѣйшимъ"; главная причина тому — тяжесть налоговъ во Франціи. Ibid., стр. 330—331. О волненіи крестьянъ въ витебскомъ имѣніи самого Фонъ-Визина, отданномъ имъ въ аренду, см. „Русскій Архивъ" 1881 г., т. III, 294—297.

„Быль“ въ журналѣ „Вечерняя Заря“ (1782 г.) [1]) представленъ баринъ, который бранитъ и бьетъ слугу и въ то же время думаетъ, что тотъ долженъ быть доволенъ своею судьбою, такъ какъ его кормятъ и одѣваютъ; протестъ слуги ведетъ къ наказанію его на конюшнѣ. Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ (1785 г.) было напечатано стихотвореніе „Письмо къ другу“, принадлежащее перу женщины, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи крестьянъ:

„Они, работою и зноемъ утомленны,
. . . .
Трудяся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва-ль имѣютъ часъ:
Кровавый потъ они трудяся проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ, не стыдясь, подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ.
. . . .
Неужто будетъ вѣкъ одна для нихъ череда
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда...“ [2]).

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя изъ тѣхъ немногихъ журнальныхъ статей второй половины Екатерининскаго царствованія, въ которыхъ такъ или иначе задѣвалось крѣпостное право. Въ нихъ, по большей части, можно встрѣтить или довольно невинныя обличенія дурнаго обхожденія господъ со слугами [3]), или увѣщанія первыхъ быть милостивыми, а вторыхъ послушными. Такъ, въ одномъ журналѣ съ этою цѣлью помѣщены нравоученія господамъ и „рабамъ“ „славнаго господина Лафатера“, гдѣ рабамъ даются, между прочимъ, слѣдующія наставленія: „Управляющій всѣмъ Промыслъ Божій, то есть самъ Богъ, премудрый и преблагій Отецъ восхотѣлъ, чтобъ ты былъ слугою... Такъ радуйся сему управленію, сей волѣ Божіей. Ибо все, что Богъ хочетъ, есть благо... посему лучше быть тебѣ слугою, служанкою или нянькою и прочая, нежели какимъ нибудь другимъ человѣкомъ“ [4]).

Относительно крестьянъ обыкновенно также ограничивались рекомендаціею гуманнаго съ ними обращенія. Такъ, въ одномъ журналѣ было помѣщено „Завѣщаніе уѣзднаго дворянина своимъ дѣтямъ“, въ которомъ отецъ даетъ такія наставленія относительно крѣпостныхъ: „Сихъ душъ

---

1) Ч. II, 307—310.

2) „Покоющійся Трудолюбецъ“, 1785 г., ч. IV, 229.

3) Въ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“, 1789 г., ч. III, стр. [illegible]—94, стихотвореніе „Участь нашихъ слугъ“.

4) „Санктпетербургское Еженедѣльное Сочиненіе“, 1778 г., стр. 331—334, 341, 362.

не почитайте вы подлыми: онѣ кормятъ благородныхъ. Все учреждайте къ ихъ благосостоянію. Крестьяне всѣ равны намъ... Многіе нынѣ изъ дворянъ, грабя своихъ крестьянъ, пресыщаютъ собакъ". Напротивъ того, составитель завѣщанія проситъ своихъ дѣтей брать съ крестьянъ „весьма неотяготительный оброкъ" и не мучить сихъ „несчастныхъ людей". Далѣе разсказано, какъ одинъ изъ сосѣдей „почти до смерти засѣкъ было своего бѣднаго повара" за то, что тотъ „ненарочно обварилъ немного любимую его гончую собаку". Составитель завѣщанія оставляетъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство деревни лишь подъ условіемъ, что они „не будутъ тираны", будутъ брать весьма умѣренный оброкъ, во время набора ставить рекрута не иначе, какъ по жребію, и не присвоятъ себѣ небольшаго капитала, назначеннаго для поддержки крестьянъ въ ихъ промыслахъ [1]. Въ журналѣ, издававшемся въ Ярославлѣ, было указано на необходимость измѣненія положенія крестьянъ ради улучшенія земледѣлія: „Гдѣ народъ", говоритъ авторъ, „держимъ въ своемъ отечествѣ собственностью и безопаснымъ имѣніемъ своихъ владѣніи и доходовъ, тамъ земли суть въ наилучшемъ состояніи. Когда не будутъ давать преимуществъ однимъ городамъ, селамъ-же рабство, тогда увидятъ каждаго владѣльца, восхищающагося наслѣдіемъ предковъ своихъ" [2]) Весьма энергическое нападеніе на злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ было сдѣлано въ журналѣ, издававшемся въ Тобольскѣ на средства приказа общественнаго призрѣнія, подъ заглавіемъ „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену". Здѣсь была помѣщена „Сатира на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданнымъ" Ив. Бахт. (Бахтина), гдѣ впрочемъ, стихъ не блещетъ особенными достоинствами. Прежде всего авторъ изображаетъ, какъ жестоко обращается со своими слугами скупецъ Крисипъ, какъ плохо кормитъ и одѣваетъ ихъ. Не лучше и Меандръ относится къ своимъ крестьянамъ: обращаясь къ нему, авторъ говоритъ:

„Ты взоры на себя тѣмъ тщишься всѣхъ привлечь,
Что душъ съ пятисотъ въ годъ пять тысячъ получаешь.
. . . .
Безщадно ихъ сѣчешь, притомъ сѣчешь съ охотой
Меандръ, ты пьешь всегда Шампанское, Понтакъ,
Крестьяне-же твои забыли въ квасѣ смакъ;
А часто бѣдняки и безъ соли хлебаютъ,
Мякину иногда за хлѣбъ употребляютъ..."

---

[1]) „Бесѣдующій Гражданинъ" 1789 г., ч. II, стр. 233—235, 242—245. Наставленія о гуманномъ отношеніи къ крестьянамъ мы находимъ также въ „Духовной", сочиненной и изданной отдѣльною книгою Друковцовымъ. С.-Петерб. 1780 г., стр. 7—8. Не мало увѣщаній хорошо обходиться съ „рабами" встрѣчается и въ сочиненіяхъ преосв. Тихона епископа Воронежскаго. См. изд. 2-е, 1825 г., т. I, 227—229, IX, 82—83, XI, 103—104.

[2]) „Уединенный Пошехонецъ" 1786 г., ч. II „О земледѣліи и земледѣльцѣ", стр. 742.

Въ томъ же родѣ и еще два, выведенные авторомъ, владѣльца крѣпостныхъ душъ. Для смягченія слишкомъ рѣзкой картины, сочинитель въ заключеніе заявляетъ, что „сила просвѣщенія“ значительно уменьшила число такихъ „уродовъ“ [1]).

Наиболѣе сильные вылазки противъ крѣпостнаго права въ современныхъ изданіяхъ конца царствованія имп. Екатерины мы находимъ въ статьяхъ И. А. Крылова въ двухъ издаваемыхъ имъ тогда журналахъ. Въ „Почтѣ Духовъ“ 1789 г. онъ, между прочимъ, пишетъ: «Его сіятельство г. Припрыжкинъ вздумалъ жениться; ему неотмѣнно надобно къ свадьбѣ множество... мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ брать съ своихъ 4,000 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80,000 рублей. Мужички, получа такое строгое повелѣніе и не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить господину такую сумму, отправляются въ отхожіе промыслы, а отъ наплыва ихъ въ городахъ дорожаютъ съѣстные припасы“. Другой господинъ, „одного покроя съ Припрыжкинымъ“, показывая своей возлюбленной правую руку, усѣянную перстнями, говоритъ ей: „Познай, что на этихъ пальцахъ сидитъ мое село *Останково*; на ногахъ ношу я двѣ деревни, *Безжитову* и *Граблену*; въ этихъ дорогихъ часахъ ты видишь любимое село *Частодаево*; карета моя и четверня лошадей напоминаютъ мнѣ прекрасную мою мызу *Пустынку*; словомъ, я не могу теперь взглянуть ни на одинъ мой кафтанъ и ни на одну мою ливрею, которые не приводили мнѣ на память заложеннаго села, или деревни, или нѣсколькихъ душъ, проданныхъ въ рекруты, дворовыхъ“. Француженка, владѣтельница магазина, говоритъ: „Одна наша лавка можетъ разорить въ годъ до ста тысячъ крестьянъ“. Крыловъ указывалъ въ своихъ статьяхъ не только на разореніе крестьянъ тяжелыми поборами, но и на жестокое обращеніе съ ними. Такъ одна помѣщица говоритъ своему мужу: „Развѣ позабылъ ты, что мы еще сегодня не были въ прядильной и не бранили бабъ; развѣ ты не вспомнишь, что уже скоро будетъ время идти ко всенощной, а тебѣ прежде этого надобно мужиковъ пересѣчь за то, что они сегодня не успѣли до ненастья въ огородъ съѣздить и убраться съ поля“ [2]).

Еще сильнѣе бичуетъ Крыловъ крѣпостное право и сложившіеся при существованіе его нравы въ другомъ своемъ журналѣ, „Зритель“ (1792 г.), въ статьѣ „Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ“. Авторъ иронически называетъ его „разумнѣйшимъ помѣщикомъ“:

„Онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ

---

[1]) „Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену“, январь, 1790 г., стр. 17—25.

[2]) „Почта Духовъ“ 1789 г. ч. I, 200—201, 283, ч. II, 122—124 (перепечатано въ „Полн. Собр. Соч. Крылова“, изд. 2-е, Спб. 1859 г. т. I, 80, 81, 105, 139, 165.

годъ; онъ знаменитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три, съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! Часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью; глядя на всякаго изъ нихъ, заключали мы, что на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы, но какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ". Описывая дѣтство своего героя, авторъ говоритъ: „Онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ..., восхищаясь, его отецъ... можно отгадать, что онъ благородной крови. И старикъ сей часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что онъ окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно". Поселившись, уже взрослымъ, въ деревнѣ, онъ всецѣло посвятилъ себя охотѣ за зайцами. „Многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они бы лучше хотѣли кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунеядную шайку охотниковъ, что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели по сотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ, но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь сихъ раскольниковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ..., а чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать полей" [1].

Читая эти талантливыя страницы, нельзя не подивиться, что онѣ принадлежатъ тому самому Крылову, который въ болѣе позднюю эпоху литературной дѣятельности, въ своихъ басняхъ совершенно игнорировалъ крѣпостное право.

Если въ журналахъ второй половины Екатерининскаго царствованія все-таки рѣдко бичевалось крѣпостное право, то виноваты были въ этомъ сплошь и рядомъ не писатели, а тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ находилась тогда печать. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра. По поводу прикрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи (въ 1783 г.) Капнистъ сочинилъ оду „На рабство", въ которой, между прочимъ, говоритъ:

„Куда не обращу зѣницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:

[1] „Зритель" 1792 г. II, 63—65, 68—70, 77—79; перепечатано въ „Полн. Собр. Соч. Крылова", I, 294—295, 297—298, 304—305.

Исчезли сельскія утѣхи
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхъ;
Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ;
Златыя нивы сиротѣютъ;
Поля, лѣса, луга пустѣютъ.
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.
Вездѣ, гдѣ кущи, села, грады
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть ограды
И вольность узами тѣснитъ.
Гдѣ благо, счастіе народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.
Увы! судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.

. . . .

А вы, цари! на толь зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ
Изъ счастливыхъ людей—несчастныхъ
И зло изъ общихъ благъ творить?
На то ль даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобы были вы бичами міра
И вашихъ чадъ могли губить?
Воззрите вы на тѣ народы,
Гдѣ рабство тяготитъ людей,
Гдѣ нѣтъ любезныя свободы
И раздается звукъ цѣпей:
Тамъ къ бѣдству смертные рожденны
Къ уничиженью осужденны,
Несчастій полну чашу пьютъ;
Подъ игомъ тяжкія державы
Потоками льютъ потъ кровавый
И злѣе смерти жизнь влекутъ.
Насилія властей страшатся,
Потупя взоръ должны стенать;
Поднявъ главу, воззрѣть боятся
На жезлъ, готовый ихъ карать.
Въ веригахъ рабства унываютъ,
Низвергнуть ига не дерзаютъ,
Обременяющаго ихъ;
Отъ страха казни цѣпенѣютъ
И мыслію насилу смѣютъ
Роптать противъ оковъ своихъ".

Обращаясь затѣмъ къ царицѣ, авторъ спрашиваетъ ее, неужели она „умножитъ муки" народа:

„Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ"?

Поэтъ выражаетъ, напротивъ, надежду видѣть

. . . . . „то златое время,
Когда спасительной рукой
Веригъ постыдно сложишь бремя
Съ отчизны моея драгой.

Тогда „прервется въ тѣхъ краяхъ стенанье" и „съ счастьемъ вольность процвѣтетъ".

Княгиня Дашкова, повидимому, хотѣла помѣстить оду Капниста въ „Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", которыя начали издаваться въ 1786 г., но Державинъ, другъ Капниста, объяснилъ ей, что и для нея, и для автора выгоднѣе не печатать и не показывать этой оды императрицѣ [1]). Впервые она появилась въ печати въ „Лирическихъ сочиненіяхъ Капниста", изданныхъ въ 1806 г. [2]).

Общественная реакція сказалась и въ томъ, что нѣкоторые писатели, вмѣсто отрицательнаго отношенія къ крѣпостному праву, начали доказывать, что положеніе нашихъ крестьянъ очень хорошо сравнительно съ жизнію народа на западѣ [3]); наиболѣе разумнымъ представителемъ этого новаго направленія является Болтинъ. Правда, еще ранѣе въ „Антидотѣ", возраженіи на книгу аббата Шаппа, изданномъ по французски въ 1768 г., въ составленіи котораго участвовала сама имп. Екатерина [4]), мы читаемъ: „Мнимая нищета не существуетъ въ Россіи; русскій крестьянинъ во сто разъ счастливѣе и достаточнѣе, чѣмъ ваши французскіе крестьяне: онъ знаетъ, что слѣдуетъ ему платить, между тѣмъ, какъ у васъ есть провинціи, въ которыхъ принуждены питаться каштанами и даже не знаютъ названія всѣхъ своихъ повинностей, столько ихъ возложено на нихъ. Въ Россіи налагаютъ повинности лишь въ той мѣрѣ, „въ какой крестьянинъ ихъ можетъ нести". Тутъ мы встрѣчаемъ даже увѣреніе, что „хорошее или дурное обращеніе съ домашнею прислугою гораздо болѣе зависитъ отъ хорошей или дурной нравственности господъ, чѣмъ отъ законовъ страны ко благу человѣчества, наши нравы не ухудшаются" [5]). Но такія

---

[1]) Сочиненія Державина, т. V, стр. 848—849.

[2]) Стр. 337—41. Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Капниста (1849 г.) „Ода на рабство" не была помѣщена.

[3]) Такъ же защиту крѣпостнаго права мы находимъ въ пастушеской драмѣ Майкова „Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель" (1777) и комической оперѣ неизвѣстнаго автора „Матросскія шутки" (1788 г.), см. мѣста, приведенныя въ статьѣ *Незеленова*, „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху" („Историч. Вѣстникъ" 1884 г., т. XVI, 508—510, 516—517; срвн. „Историч. Вѣстн." 1887 г., № 6, стр. 514—517).

[4]) *Пекарскій*, „Ист. акад. наукъ", II, 690. *Кобеко*, „Ученикъ Вольтера, гр. А. П. Шуваловъ", „Рус. Арх." 1881 г., т. III, 254—255; срвн. „Сб. Ист. Общ.", X, 317—320.

[5]) „Осмнадцатый вѣкъ", Бартенева, IV, 215, 330.

идеи въ сочиненіяхъ, въ родѣ „Антидота", предназначенныхъ для европейской публики, объясняются политическою цѣлью; та же Екатерина, которая въ „Антидотѣ" въ розовомъ цвѣтѣ представляла бытъ нашихъ крестьянъ, говорила другое въ своихъ комедіяхъ [1]. Въ 1773 г. на вопросъ Дидро: „какія права и преимущества землевладѣльцевъ" въ Россіи Екатерина отвѣчала: „на бумагѣ никакихъ, кромѣ права винокуренія, но въ дѣйствительности они дѣлаютъ въ своихъ помѣстьяхъ все, что имъ заблагоразсудится, кромѣ смертной казни, которая имъ запрещена. Однако, на вопросъ: „какія существуютъ отношенія и условія между владѣтелемъ и рабомъ относительно воздѣлыванія земли?" она отвѣчала: „не существуетъ никакихъ условій между владѣтелями и крестьянами; но каждый хозяинъ, имѣющій здравый смыслъ, конечно не будетъ чрезъ мѣру обременять свою корову, а побережетъ ее не доводя до изнуренія, чтобы лучше ее доить. Когда что либо закономъ не предусмотрѣно, естественное право становится въ ту же минуту на его мѣсто и часто отъ этого порядка вещей дѣла не идутъ хуже, потому что по крайней мѣрѣ они устраиваются сообразно ихъ существу и совершенно естественно" [2]).

Во многихъ мѣстахъ своего сочиненія „Примѣчания на Леклерка" Болтинъ доказываетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ французскихъ и нѣмецкихъ [3]). Правда и онъ принужденъ признаться, „что состояніе крестьянъ помѣщичьихъ не всѣхъ есть равное; нѣкоторые изъ нихъ, по жестокосердію и нечувствительности господъ ихъ, обременены обр[о]ками и работами тяжкими и едва сносными", однако же онъ оговаривается, что большая часть изъ нихъ „живутъ въ довол.

[1]) Еще любопытнѣе [illegible] то, что писалось для Европы, [illegible] Екатерина [illegible] „Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ [illegible] „Генерально освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо, не имѣя обороны ни въ [illegible] задолго до или во время собранія коммиссіи уложенія.

[2]) „Рус. Арх." 1880 г., т. III, вып. I, стр. 6—7.

[3]) „Примѣчанія на Леклерка", 1788 г., т. II, 17[illegible]

ствѣ и покоѣ, слѣдовательно и не признаютъ состоянія своего несносными". Между тѣмъ, въ другомъ мѣстѣ труда онъ самъ говоритъ, что помѣщиковъ, поступающихъ съ крестьянами „хуже, нежели со скотами", меньше, однакожъ, должно къ стыду признаться, *нарочитое число есть*" [1]. Онъ старается доказать, что крестьяне въ дѣйствительности ненарушимо владѣютъ своимъ движимымъ имуществомъ на основаніи обычая, „который имѣетъ силу, не меньшую закона". Но въ другомъ мѣстѣ опять-таки сознается, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ „изъ сего всеобщаго состоянія исключаются, кои, по безчеловѣчію господъ своихъ, не будучи удостовѣрены о собственности, не радѣютъ о пріобрѣтеніи своемъ и не иначе работаютъ, какъ изъ подъ палки. Лишены будучи имѣнія и желанія оное пріобрѣтать, живутъ въ отчаянной непривязанности къ жизни и едва помышляютъ о насущномъ хлѣбѣ". Онъ даже влагаетъ въ уста рабовъ жалобы, что на нихъ наваливаютъ „работы, должности не по ихъ силамъ, что не имѣютъ они ни день, ни ночь себѣ отдохновенія; что усердіе и служба ихъ не награждаются; что за малые проступки бьютъ ихъ больно, а случается и безъ вины, а кормятъ худо [2]).

Болтинъ совершенно правъ, когда доказываетъ нелѣпость предложеній Леклерка, чтобы помѣщики, отпуская на волю крѣпостныхъ не иначе какъ по частямъ, соблюдали при этомъ извѣстные обряды „ударяли легонько по щекѣ", заставляли сбривать бороду и переодѣваться въ особое платье для вольныхъ людей [3]). Но въ чемъ же состоятъ его собственныя мнѣнія? Опровергая взгляды одного иностранца, онъ, однако же, вторитъ другому: „*Прежде должно освободить души рабовъ*", приводитъ онъ слова Руссо, „*а потомъ уже тѣла*". Не всякому народу вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться; потребно къ сему расположеніе умовъ и нравовъ особливое, которое пріобрѣтается вѣками и пособіемъ многихъ обстоятельствъ" [4]). Однако же, Болтинъ все-таки не является такимъ безусловнымъ консерваторомъ, какъ

[1]) Ibid. II, 174, 314.

[2]) Ibid. II, 340, 450, 223—224, 241.

[3]) Ibid. II, 327—330, 346—354.

[4]) [illegible] Болтина о Руссо повторяетъ и Голиковъ („Дѣянія Петра В." [illegible] XIII, [illegible] 311) [illegible] Руссо [illegible] [illegible] Академіи [illegible] 1779 [illegible] Руссо говоритъ [illegible] вѣнія единое воспитаніе". „Соч. Княжнина", изд. 3-е, 1818, т. V, 120.

авторъ „Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ". Тогда какъ послѣдній вооружается противъ какихъ бы то ни было законодательныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ, Болтинъ говоритъ: „Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобы наши землепашцы въ такомъ состояніи были, чтобы не нужно было дать имъ облегченіе, пособіе къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичьей надъ ними власти и въ нѣкоторыхъ другихъ средствахъ". Вслѣдъ затѣмъ онъ рисуетъ въ розовомъ свѣтѣ тѣ отношенія между господами и крестьянами, какія установились бы послѣ ограниченія крѣпостного права [1]). Такимъ образомъ, хотя Болтинъ напрасно думалъ, что освобожденію крестьянъ должно предшествовать достиженіе ими извѣстной степени просвѣщенія, но для даннаго времени онъ предлагалъ мѣры наиболѣе практическія и осуществимыя, именно ограниченіе повинностей крестьянъ. Были не безполезны и его указанія на дурныя стороны въ жизни западноевропейскихъ крестьянъ, такъ какъ такимъ образомъ онъ предостерегалъ русское общество и правительство отъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ. „Между вольности и вольности", говоритъ онъ, „между рабства и рабства есть разность, да и разность великая и многообразная... Бываетъ вольность хуже, несноснѣе рабства... Ежели всѣ степени вольностей, коими пользуются разныя народы, разсмотрѣть и различить, обрящется ихъ великое количество, одна другой больше или меньше съ названіемъ своимъ несходствующія. Изъ сихъ многообразныхъ вольностей надобно намъ избрать такую, которая бы сообразна была нашему настоящему физическому и нравственному состоянію, а за всякую безъ выбора хвататься отнюдь не должно; понеже та жъ самая вольность, которая одинъ народъ дѣлаетъ счастливымъ, для другаго будетъ руководствомъ къ несчастію, къ погибели. Землецѣльцы наши прусской вольности не снесутъ, германская не сдѣлаетъ состоянія ихъ лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голоду, а англинская низвергнетъ ихъ въ бездну погибели". (II, 235—236). Вообще большою заслугою Болтина является близкое знакомство съ русскою народною жизнію; онъ также хорошо знаетъ и умѣетъ цѣнить общинное землевладѣніе, какъ и авторъ „Размышленія о неудобствахъ дать свободу крестьянамъ". Хотя и ранѣе книги Болтина въ нашей печати попадались отрывочныя указанія на передѣлы земель у крестьянъ, но все-таки за нимъ остается заслуга, что онъ первый весьма ясно описалъ наши общинные порядки пользованія землей.

Имя Болтина напоминаетъ намъ другаго глубокаго знатока русской исторіи — академика Герарда Фридриха Миллера: онъ тоже два раза

[1]) Ibid. II, 236—237

возвысилъ свой голосъ при обсужденіи крестьянскаго вопроса. Въ первый разъ это было въ изданіи, хотя и печатавшемся не въ Россіи, но удѣлявшемъ много мѣста нашей исторіи, географіи и описанію современныхъ русскихъ событій, — въ Бюшинговомъ магазинѣ. Статья его, написанная въ 1780 г., называется: „О г. Ленгэ, о рабствѣ вообще и русскомъ въ особенности". Статейка вызвана извѣстными сочиненіями Ленгэ, въ которыхъ онъ справедливо вооружается противъ взглядовъ физіократовъ, отдававшихъ предпочтеніе крупной собственности передъ мелкою, въ которыхъ доказываетъ, что положеніе современнаго поденщика хуже положенія раба, а также разрушаетъ ложныя представленія о благоденствіи народа въ Англіи. Но Ленгэ не останавливается на этомъ: онъ предлагаетъ, какъ средство для улучшенія участи работниковъ, введеніе рабства[1]). Эта-то послѣдняя парадоксальная часть сочиненій Ленгэ и вызвала замѣтку Миллера, который опасался, чтобы эти взгляды даровитаго писателя не оказали у насъ вреднаго вліянія и не послужили бы подкрѣпленіемъ для мнѣнія завзятыхъ крѣпостниковъ. Миллеръ, напротивъ того, утверждаетъ, что уничтоженіе крѣпостнаго права полезно не только для государства, но и для землевладѣльцевъ, въ подтвержденіе чего указываетъ на примѣры Замойскаго и Чарторыскаго въ Польшѣ, которые предоставили крестьянамъ землю „въ собственность", т. е. постоянное пользованіе за извѣстный оброкъ, и такимъ образомъ, не только улучшили ихъ положеніе, но увеличили и свои собственные доходы. Тутъ же Миллеръ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній изъ исторіи крестьянъ въ Россіи, а затѣмъ о современномъ бытѣ нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ говоритъ слѣдующее: „Россія справедливо пользуется славою, что крѣпостное право въ ней гораздо сноснѣе и легче, чѣмъ въ Польшѣ, Богеміи и другихъ государствахъ, гдѣ оно еще существуетъ, и особенно не такъ обременительно, какъ въ Лифляндіи... Безчисленное число крестьянъ (въ Россіи) ежегодно берутъ паспорты и могутъ до тѣхъ поръ жить для заработковъ въ городахъ, пока аккуратно платятъ оброкъ, наложенный на нихъ смотря по силамъ каждаго. Въ томъ числѣ есть и богатые люди, которые подъ именемъ горожанъ ведутъ торговлю. Ни одинъ помѣщикъ не изъявитъ притязанія на имущество, пріобрѣтенное крѣпостнымъ, даже и послѣ его смерти, къ ущербу наслѣдниковъ. Справедливые и предусмотрительные владѣльцы помогаютъ крѣпостнымъ въ несчастныхъ случаяхъ и во время всеобщихъ бѣдствій[2]).

Но, защищая Россію предъ Европою, Миллеръ все-таки желалъ улучшенія быта нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ одной своей русской статьѣ онъ говоритъ, что „каждый честный помѣщикъ не отниметъ отъ крѣпост-

[1]) Oeuvres de Linguet, Lond. 1774, t. II ch. 10, 11 et t. V „Théorie des loix civiles" livre 5-me, t. VI, „Du pain et du bled„. ch. 8—10, 21.

[2]) Büsching's Magazin für neue Historie und Geographie, B. XVIII, s. 71—82.

мать своего крестьянина пахотной его земли, развѣ только когда владѣтель оный небреженіемъ своимъ или другими непорядками навлечетъ на себя немилость своего господина", не запретитъ ему улучшать свою пашню, такъ какъ „его благополучіе тѣснымъ соединено союзомъ съ благополучіемъ крестьянина". Но все-таки, чтобы поощрить крестьянина къ производству полезныхъ улучшеній необходимо издать повелѣніе отъ имени государыни, „которымъ бы обнадежить и обезпечить можно было крестьянъ въ собственномъ и безпрепятственномъ владѣніи поправленныхъ ими земель, по крайней мѣрѣ, на извѣстное время. Для сего опредѣлить можно 20 или 30 лѣтъ; ибо въ теченіе такого времени, какъ уже опытомъ доказано, цѣна земныхъ произведеній, безъ сомнѣнія, примѣтнымъ образомъ возвысится; въ такомъ случаѣ справедливость требуетъ въ равномъ содержаніи возвысить и оброкъ. Вотъ, по мнѣнію моему, рѣшеніе задачи, предложенной отъ с.-петербургскаго экономическаго общества 1766 г., основанное на познаніи государства". Такимъ образомъ, Миллеръ думаетъ, что помѣщикъ долженъ быть лишенъ права по своему произволу повышать крестьянскія повинности и отнимать землю у исправнаго плательщика [1].

Изъ русскихъ записокъ по крестьянскому вопросу одна изъ самыхъ замѣчательныхъ принадлежитъ Полѣнову; среди печатныхъ литературныхъ произведеній пальма первенства несомнѣнно должна быть признана за книгою Радищева, которая далеко оставляетъ за собою и мнѣніе Полѣнова. Любопытно во всякомъ случаѣ, что эти два наиболѣе важныя произведенія по крестьянскому вопросу принадлежатъ людямъ, окончившимъ свое образованіе за границей. Полѣновъ слушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ Страсбургѣ и потомъ въ Геттингенѣ, Радищевъ, вмѣстѣ съ десятью товарищами, былъ отправленъ въ Лейпцигъ, но Полѣновъ въ 1766 г. вернулся уже въ Россію, а Радищевъ съ товарищами только въ слѣдующемъ году отправился за-границу [2]. Въ судьбѣ Полѣнова и Радищева есть и другія черты сходства: Полѣновъ за-границею нерѣдко нуждался, вслѣдствіе неаккуратной присылки ему денегъ, и затѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе академіи рѣзкимъ письмомъ по дѣлу, въ которомъ онъ былъ совершенно правъ. Радищевъ и его товарищи получали весьма плохое содержаніе отъ господина, надзору котораго они были ввѣрены, и подвергались самому грубому обхожденію и аресту, когда они выражали свое неудовольствіе; и тотъ, и другой, по возвращеніи въ Россію, не нашли дѣятельности, достойной ихъ способностей. Полѣ-

[1] „Новыя Ежемѣсячн. Сочиненія", ч. XLI, 1789 г. ноябрь. „Путешествіе къ Сергіеву монастырю", стр. 14—15.

[2] Черезъ 2 года къ этимъ молодымъ людямъ присоединилось еще четверо, въ числѣ которыхъ были сыновья Олсуфьева, Козодавлева и Теплова.

новъ принужденъ сдѣлаться сенатскимъ чиновникомъ, Радищевъ, вернувшись изъ за-границы въ 1771 г., также опредѣляется протоколистомъ въ сенатъ, а черезъ шесть лѣтъ поступаетъ на службу въ коммерцъ-коллегію. Но громадная разница между ними состоитъ въ томъ, что Полѣновъ, повидимому, вполнѣ удовлетворяется своею чиновничьею карьерою. Радищевъ же продолжаетъ читать и работать, готовясь къ литературнымъ трудамъ.

Нельзя не обратить вниманія на то, что первая книга была издана имъ въ 1789 г.: очевидно, начало революціоннаго движенія во Франціи было тѣмъ стимуломъ, который побудилъ Радищева выступить на литературную арену, а затѣмъ пріобрѣтеніе собственной типографіи [1]) явилось удобнымъ средствомъ опубликованія своихъ трудовъ. Любопытно, что уже въ первой книгѣ, имъ напечатанной: „Житіе Ѳ. В. Ушакова", его товарища по лейпцигскому университету, гдѣ есть интересныя подробности объ этомъ періодѣ жизни Радищева, мы встрѣчаемъ довольно смѣлыя мысли и намеки на современное положеніе Россіи. Не останавливаясь на нихъ, мы укажемъ только на заявленіе о томъ, что нетерпѣніе, съ какимъ молодые люди спѣшили въ Россію по окончаніи курса, тотъ восторгъ, съ какимъ они увидѣли русскую границу, были скоро охлаждены дѣйствительностію, далеко не соотвѣтствовавшею ихъ идеаламъ [2]).

Главный трудъ Радищева, доставившій ему безсмертное имя въ ра-

---

[1]) Вслѣдствіе указа о вольныхъ типографіяхъ.

[2]) [illegible] Первымъ трудомъ Радищева, напечатаннымъ въ его собственной типографіи, было „Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ", написанное по случаю открытія памятника Петру Великому въ 1782 г. [illegible] „Рус. Старина" 1871 г. т. IV, стр. 298—299. [illegible] Императрица въ 1790 г., по поводу этой брошюры [illegible] Рус. Старина" 1871 г. т. III, стр. 336.

шей литературѣ,—„Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (отпечатанный въ 1790 году), создавался постепенно. По свидѣтельству автора, подъ вліяніемъ чтенія „Исторіи Индій“ аббата Рейналя, продолжавшагося съ большими перерывами съ 1780 по 1785 г., онъ написалъ главу о продажѣ людей съ публичнаго торга; чтеніе Гердера побудило написать главу о цензурѣ, но только знакомство съ путешествіемъ Іорика (т. е. „Сентиментальнымъ путешествіемъ“ Стерна) вызвало составленіе цѣлаго труда. Мы остановимся, разумѣется только на тѣхъ мѣстахъ книги Радищева, которыя касаются крестьянскаго вопроса.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на отрицательную сторону его сочиненія. Ни въ одномъ изъ мнѣній по крестьянскому вопросу, не исключая и Полѣнова, мы не найдемъ такихъ полныхъ и обстоятельныхъ указаній на дурныя стороны крѣпостнаго права. Естественно, что, при обрисовкѣ положенія крѣпостныхъ, Радищевъ ограничивается одною мрачною стороною ихъ быта, но тѣмъ не менѣе трудъ его не превращается въ злостный памфлетъ со всевозможными преувеличеніями; напротивъ, все, что онъ говоритъ, подтверждается и другими источниками.

Радищевъ приводитъ слова одного крестьянина, что они ходятъ на барщину всѣ шесть дней, а ихъ бабъ и дѣвокъ посылаютъ за грибами и ягодами даже по праздникамъ; и дѣйствительно оказывается, что крестьяне одного села орловской губерніи должны были ежедневно работать на помѣщика; крестьяне генеральши Толстой также жаловались императрицѣ, что ихъ постоянно заставляютъ ходить на барщину, не освобождая даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ. Про одного помѣщика Радищевъ говоритъ, что онъ „отнялъ у крестьянъ всю землю, скотину всю у нихъ купилъ по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину“. „Другой помѣщикъ также отнялъ у крестьянъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне“, и затѣмъ „всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставлялъ во всѣ дни работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а, по обыкновенію лакедемонянъ, пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя... въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и постные дни—хлѣбъ съ квасомъ... Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отнималъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда

бираль себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ". Такъ какъ при такомъ порядкѣ хозяйство у помѣщика было въ цвѣтущемъ состояніи, то скоро онъ прикупилъ себѣ новое имѣніе, гдѣ точно также поступалъ съ крестьянами; разбогатѣвъ такимъ образомъ, онъ имѣлъ нѣсколько тысячъ крестьянъ и славился какъ знаменитый хозяинъ. Приведенное нами выше свидѣтельство извѣстнаго агронома Рычкова, доказываетъ, что и въ этой картинѣ опять-таки нѣтъ никакого преувеличенія.

Что касается истязаній, которымъ помѣщики подвергали своихъ крѣпостныхъ, то можно скорѣе замѣтить, что Радищевъ говоритъ объ этомъ чрезвычайно умѣренно. Про одного изъ помѣщиковъ, превратившаго своихъ крестьянъ въ батраковъ, онъ разсказываетъ: „если который (крестьянинъ) казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плетьми, батожьемъ или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности... Если кто изъ крестьянъ что-нибудь укралъ у него, то онъ сѣкъ..., но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Сожительница его полную власть имѣла надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея велѣній были ея сыновья и дочери, какъ-то и у ея мужа, ибо сдѣлали они себѣ правиломъ, чтобы ни для какой нужды крестьянъ отъ работы не отвлекать. Плетьми или кошками сѣкли крестьянъ сами сыновья, по щекамъ били или за волосы таскали бабъ и дѣвокъ — дочери... Дочери, не имѣя жениховъ, вымещали свою скуку надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изувѣчили". Вотъ и все, что говоритъ авторъ о жестокихъ наказаніяхъ; онъ не упоминаетъ даже о томъ, что нерѣдко они не ограничивались изувѣченіями, а кончались смертью истязуемаго [1]. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги Радищевъ упоминаетъ объ изнасилованіи помѣщиками крестьянскихъ дѣвушекъ. Между прочимъ онъ говоритъ: „Въ бывшее пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружилися на своихъ господъ, нѣкіе крестьяне (повѣсть сія не ложна), связавъ своего господина, везли его на неизбѣжную казнь. Какая тому была причина? Онъ во всемъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый, но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери. Каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ. Извѣстно въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ на него злобствующихъ". Какъ видно, разсказъ этотъ былъ вѣрно списанъ съ дѣйствительности, такъ какъ императрица Екатерина относительно этого мѣста книги Радищева замѣтила: „едва-ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова". Къ тому же изъ другихъ источниковъ намъ извѣстенъ одинъ фактъ наказанія помѣщика за подобныя же преступленія: нѣкто Скосы-ревъ подвергся во время пугачевщины позорной казни за то, что пользо-

---

¹) См. нашу книгу „Крестьяне при Екатеринѣ II" т. I. Спб. 1881 г.

жался въ своихъ имѣніяхъ извѣстнымъ правомъ средневѣковыхъ бароновъ (jus primae noctis). Если изнасилованіе дѣвушекъ было въ помѣщичьихъ имѣніяхъ явленіемъ не особенно частымъ, то браки по принужденію являются общимъ правиломъ: дворяне въ коммиссіи уложенія доказывали, что сохраненіе помѣщичьей власти въ этомъ отношеніи будто бы необходимо даже для блага самихъ крестьянъ. Радищевъ касается этого вопроса въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, описывая свадебный поѣздъ, гдѣ женихъ и невѣста вступали въ бракъ по принужденію: „И сіе называется союзомъ божественнымъ!" восклицаетъ онъ: „И неустройство сіе въ законѣ останется не наказаннымъ!.. Но что удивляться сему! Благословляетъ бракъ наемникъ: градодержатель, для охраненія закона опредѣленный, — дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу. Первый ради полученія мзды, другой — дабы.. не лишиться самому лестнаго преимущества управлять себѣ подобнымъ самовластно".

Радищевъ набрасываетъ также картину продажи крѣпостныхъ съ публичнаго торга: тутъ продаются 75-ти-лѣтній ветеранъ, участвовавшій въ походахъ Миниха, во время прусской войны спасшій жизнь отцу своего господина и его самаго вытащившій изъ рѣки; его жена, 80-тилѣтняя старуха, бывшая кормилицею матери барина и вынянчившая барченка; затѣмъ мамка барина и ея дочь, внучка стариковъ, изнасилованная господиномъ и держащая на рукахъ ребенка отъ него, и, наконецъ, ея мужъ. Иностранцу, не вѣрющему, чтобы такой постыдный торгъ могъ происходить въ странѣ, „гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому кто какъ хочетъ" авторъ отвѣчаетъ, что „установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо; но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, *но отъ самой тяжести порабощенія*". Дѣйствительно, продажа людей безъ земли продолжалась до самаго уничтоженія крѣпостнаго права.

Между прочимъ, Радищевъ разсказываетъ исторію одного молодаго двороваго, которому дали образованіе вмѣстѣ съ его сверстникомъ-бариномъ: онъ ѣздилъ со своимъ господиномъ за-границу и ему уже была обѣщана отпускная на волю, когда умеръ старый баринъ и жена молодаго стала относиться къ нему не какъ къ товарищу своего мужа, а какъ къ своему холопу: истязала его и даже хотѣла заставить его жениться противъ воли. Отдача въ солдаты за неповиновеніе кажется ему не наказаніемъ, а освобожденіемъ отъ рабства. Даже и такая исключительная исторія совершенно походитъ на истину, такъ какъ намъ извѣстны случаи, когда крѣпостными были люди вполнѣ образованные. Мы упоминали уже, что, по приказанію Екатерины, былъ выкупленъ изъ рабства одинъ

художникъ. Извѣстно также, что писатель Матинскій, путешествовавшій по Италіи, авторъ комическихъ оперъ, былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Ягужинскаго.

Сравнивая положеніе казенныхъ крестьянъ съ бытомъ крѣпостныхъ, Радищевъ говоритъ: „тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ, но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ хочетъ; одни судятся съ своими равными, а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится только тогда извѣстенъ правительству, его охраняющему, когда нарушаетъ союзъ общественный, когда становится злодѣй“. Радищевъ указываетъ также, что, если крестьяне, вызванные страшными насиліями, убьютъ своего помѣщика, то самый доброжелательный судья ничего не можетъ сдѣлать для ихъ оправданія: до этого не допустятъ высшія власти, считая въ этомъ случаѣ оправданіе оскорбительнымъ не только для дворянскаго общества, но и для верховной власти. Онъ полагаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ крѣпостные, не защищаемые закономъ, должны пользоваться правомъ самообороны. Хорошо понимая различіе между національнымъ и народнымъ процвѣтаніемъ, Радищевъ отвергаетъ мысль, что крѣпостное право можетъ быть полезно обществу, если бы даже оно содѣйствовало развитію земледѣлія. Разсказывая о помѣщикѣ, разбогатѣвшемъ посредствомъ превращенія своихъ крестьянъ въ батраковъ, онъ говоритъ: „какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ, считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую взирати бороздý?“ Онъ требуетъ, напротивъ, суроваго наказанія для людей, подобныхъ этому помѣщику.

Радищевъ не ограничивается тѣмъ, что приводитъ отдѣльные факты, характеризующіе печальное положеніе крѣпостныхъ въ Россіи: онъ самъ обобщаетъ ихъ и указываетъ на тотъ вредъ, какой приноситъ крѣпостное право. „Можетъ ли государство“, говоритъ онъ, „гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частью въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи?“ Очень можетъ быть, что Радищевъ противополагаетъ эти вопросы самонадѣянному желанію автора „Наказа“, чтобы, по окончаніи составленія законовъ, ни одинъ народъ не былъ „больше процвѣтающимъ на землѣ, несчастіе... до котораго я дожить не желаю“ (ст. 520). „И такъ, да не ослѣпимся“, продолжаетъ Радищевъ, „внѣшнимъ спокойствіемъ государства... и для сихъ только причинъ да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца согражданъ. Если въ нихъ найдешь спокойствіе и миръ, тогда сказать можешь во истину: се блаженны“. Далѣе авторъ указываетъ на истребленіе краснокожихъ въ Америкѣ, произведенное европейцами, и замѣну ихъ неграми. „Сіи то несчастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенегала, отринутыя своихъ домовъ и се-

мействъ, переселенныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства вздираютъ обильныя нивы Америки... И мы страну опустошенія назовемъ блаженною для того, что поля ея не поросли терніемъ и нивы ихъ обилуютъ произращеніями разновидными. Назовемъ блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ граждахъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова... Восгрепещите, о возлюбленныя мои, да не скажутъ о насъ: ***премени имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ***".

Отъ существованія рабства страдаютъ не только рабы; оно вредно и для всего государства. Рабскій трудъ менѣе производителенъ, чѣмъ свободный, и ужъ одно это уменьшаетъ размноженіе народа; къ тому же крѣпостные должны работать до изнеможенія. Рабство приноситъ болѣе вреда, чѣмъ нашествіе врага; послѣднее „опустошаетъ случайно и мгновенно", тогда какъ первое „губитъ долговременно и всегда"; кромѣ того, рабство приноситъ еще большой нравственный вредъ какъ рабамъ, такъ и господамъ. „Съ одной стороны родится надменность, а съ другой — робость"; рабы „оковы свои возлюбляютъ", а для другихъ сословій „примѣры властвованія суть заразительны". Наконецъ, оно не только вредно, но и опасно. „Не вѣдаете ли, любезные наши сограждане", говорить Радищевъ, „коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности... Потокъ, загражденный въ стремленіи, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противустояніе. Прорвавъ оплотъ единожды, ничто уже въ разлитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ, и се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечь и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ медлительнѣе и упорнѣе мы были въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе они будутъ въ мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія. Даже обольщеніе колико яростныхъ сотворило рабовъ на погубленіе господъ своихъ! Прельщенные грубымъ самозванцемъ" (намекъ на Пугачева), „текутъ ему вослѣдъ и ничего толико не желаютъ, какъ освободиться отъ ига своихъ властителей; въ невѣжествѣ своемъ другаго средства къ тому не умыслили, какъ ихъ умерщвленіе. Не щадили они ни пола, ни возраста... Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего намъ ожидать должно". Послѣ всѣхъ этихъ доводовъ противъ рабства, авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ, чтобы они освободили крестьянъ; но онъ желаетъ дарованія не одной личной свободы: онъ справедливо полагаетъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обработываетъ. „Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?".. А между тѣмъ, насколько „удалилися мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто естественное имѣетъ къ

скому право, не только оттого исключенъ совершенно, но, работая ниву чужую, зрить пропитаніе свое, зависящее отъ власти другаго!"

Полагая, однако, что правительство не настолько сильно, чтобы побудить помѣщиковъ сразу освободить крестьянъ, Радищевъ предлагаетъ совершить это постепенно въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего нужно уничтожить рабство, оставивъ только крѣпостное право, т. е. не дозволять помѣщикамъ превращать крестьянъ въ дворовыхъ, въ случаѣ же нарушенія этого правила, такой дворовый дѣлается свободнымъ; дозволить крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и запретить брать выводныя деньги. Вслѣдъ за тѣмъ, крестьяне должны получить земельный надѣлъ. „Удѣлъ въ землѣ, ими обработываемой, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно". Онъ получаетъ право быть судимымъ ему равными, т. е. въ расправахъ, въ которыя слѣдуетъ выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Слѣдуетъ дозволить ему покупать землю, выкупаться на волю за опредѣленную сумму; нужно запретить произвольно наказывать его безъ суда. Затѣмъ настаетъ совершенное уничтоженіе рабства [1]).

Таковъ проектъ Радищева, который по ширѣ и опредѣленности превосходитъ всѣ ему предшествовавшіе. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами мнѣній и проектовъ, только Граслёнъ категорически высказалъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обработываетъ; но его сочиненіе слишкомъ отвлеченно и не имѣло въ виду условій, въ которыхъ находилась Россія. Радищевъ, выставляя требованіе объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, соглашается на нѣкоторую постепенность въ реформѣ и предлагаетъ рядъ практичныхъ мѣръ, не отказываясь, однако же, отъ главной своей мысли, что освобожденіе должно совершиться съ дарованіемъ крестьянину земли, и основываетъ это требованіе на томъ, что крестьяне, а не помѣщики платятъ подати.

По видимому, впрочемъ, Радищевъ мало надѣялся, что правительство возьметъ въ свои руки дѣло реформы. Осуждая крайности Пугачевщины, онъ въ то же время предвидѣлъ, что только повтореніе крестьянскихъ волненій заставитъ правительство выйти изъ бездѣйствія. Такъ онъ го-

---

[1]) [illegible] 1820. VI, 136—138.

ворить: „Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы. . Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, *если того восхочетъ*!“ [1]).

Извѣстно, какъ отнеслась Екатерина къ сочиненію Радищева: даже тѣ мѣста его книги, которыя посвящены крестьянскому вопросу, не вызвали сочувствія государыни, нѣкогда мечтавшей объ освобожденіи крестьянъ. Такъ, напримѣръ, по поводу продажи людей съ аукціона, она замѣчаетъ: „начинается прежалкое повѣсть о семьи, проданной съ молотка за долги господина“. По поводу другого мѣста она говоритъ: „Едетъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшее судьбы нашихъ крестьянъ у хорошова помѣщика нѣтъ во всей вселенной“. Большая часть прекрасной главы, спеціально посвященной крестьянскому вопросу, возбуждаетъ замѣчаніе императрицы, что будто бы это мѣсто „клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ“, а горячее увѣщаніе добровольно освободить рабовъ вызываетъ только восклицаніе: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ“.

Между тѣмъ эта часть сочиненія была несомнѣнно самою дорогою для Радищева. Предъ грознымъ Шешковскимъ, продолжавшимъ, по выраженію Потемкина, „кнутобойничать“ въ царствованіе автора Наказа, Радищевъ долженъ былъ просить пощады, принужденъ былъ отречься отъ многихъ своихъ взглядовъ, признать ихъ печальными заблужденіями. Кто рѣшится бросить въ него за это камнемъ, кто скажетъ, что самъ онъ устоялъ бы предъ тѣми неоффиціальными средствами предварительнаго слѣдствія, которыя, какъ извѣстно, Шешковскій унаслѣдовалъ отъ тайной канцеляріи [2]). Радищевъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но въ XVIII в. это было еще не наибольшее изъ золъ: тогда каждый могъ опасаться истязаній и другихъ оскорбленій человѣческаго достоинства, предъ которыми не останавливался Шешковскій. Какъ бы то ни было, слово за крестьянъ Радищевъ умѣлъ выговорить даже языкомъ, коснѣющимъ отъ страха. „Описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ“, замѣчаетъ онъ въ своихъ показаніяхъ, „думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердно“... „Въ проектѣ объ освобожденіи крестьянъ помѣщичьихъ я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно, ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившей покупку деревень къ заводамъ, фабрикамъ законоположительницѣ, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ,

[1]) Срав. во II томѣ нашего сочиненія главу о борьбѣ крестьянъ [illegible] властью въ царствованіе импер. Николая.

[2]) См. о немъ замѣтку сына Радищева въ „Рус. Стар.“ 1870 г. изд. 2-е, т. II, стр. 510—511, ср. „Рус. Стар.“ 1874 г. т. X, 782—783, XVI, 25

что давшей крестьянину судію изъ среды его. мысль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ если не исполнена, то потому. что вящія тому препятствуютъ соображенія" [1]).

Въ этомъ отношеніи Радищева, какъ увидимъ ниже, не угомонила вполнѣ даже 6-ти лѣтняя ссылка въ восточную Сибирь, хотя она и сдѣлала его сдержаннѣе.

---

[1]) [illegible] вопросные пункты и отвѣты на нихъ Радищева напечатаны впервые въ Чт. Общ. Ист. Древ. Росс. 1865 г. кн. III.

ГЛАВА XIV.

Что сдѣлала [illegible] императрица Екатерина для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ.

Мы окончили обзоръ всѣхъ мнѣній и проектовъ по крестьянскому вопросу, составленныхъ въ царствованіе Екатерины II. Благодаря многимъ матеріаламъ, которыми мы могли впервые воспользоваться, намъ удалось сообщить много новыхъ фактовъ, доказывающихъ, что объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ думали въ это время гораздо болѣе, чѣмъ можно было предполагать до напечатанія въ 1879 г. нашей статьи „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“ [1]). Объ отвѣтахъ на задачу вольнаго экономическаго общества и преніяхъ въ законодательной коммиссіи мы имѣли до тѣхъ поръ весьма мало свѣдѣній; о дѣятельности же частной коммиссіи о разборѣ государственныхъ жителей и о всѣхъ составленныхъ въ ней проектахъ по крестьянскому вопросу не было сказано ни слова въ нашей научной литературѣ, а между тѣмъ мы видимъ, что тутъ дѣло было сначала поставлено довольно умно, и, не смѣнись прежніе члены, можно думать, что, по крайней мѣрѣ, проектъ Унгерна-Штернберга приняли бы въ неискалѣченномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность этой частной коммиссіи представляетъ весьма интересное явленіе: она была предшественницей тѣхъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, которые учреждались одинъ за другимъ въ царствованіе императора Николая и до нѣкоторой степени подготовили реформу 19-го февраля; но въ то же время она выше ихъ въ томъ отношеніи, что дѣйствія ея не должны были сохраняться въ тайнѣ, а были связаны съ

[1]) Весьма многія изъ разобранныхъ нами мнѣній и проектовъ не были [illegible] въ свое время, но они несомнѣнно ходили [illegible] по рукамъ. Въ то время рукописная литература [illegible] какъ въ настоящее время [illegible] Наконецъ, нужно замѣтить, что [illegible] крестьянскаго вопроса [illegible] Смотр. ст. *[illegible]* въ „Вѣст. [illegible]“, 187[illegible] стр. 512.

дѣятельностію большой законодательной коммиссіи. Любопытна также попытка ораніенбаумскихъ и ямбургскихъ дворянъ, какъ первый шагъ къ ограниченію помѣщичьихъ правъ. Мы отмѣтили проблески освободительныхъ идей въ литературѣ, въ рѣчахъ депутатовъ, въ трудахъ частныхъ коммиссіи, въ пожеланіяхъ просвѣщенныхъ администраторовъ и самой императрицы, — и въ суммѣ получили множество либеральныхъ требованій. Уже въ эту эпоху исторіи крестьянскаго вопроса обозначилось два направленія въ высказанныхъ по этому предмету мнѣніяхъ. Мы видимъ, во-первыхъ, пропитанныхъ западными идеалами людей, вродѣ нашего парижскаго посланника, князя Д. А. Голицына, мечтавшихъ о перенесеніи въ Россію цѣликомъ чуждыхъ нашему быту поземельныхъ отношеній и потому соглашавшихся на личное, безземельное освобожденіе крестьянъ. Имъ можно противопоставить крайнихъ консерваторовъ, вовсе не желавшихъ уничтоженія крѣпостнаго права, которые считали одинаково вреднымъ какъ обезземеленіе крѣпостныхъ, такъ и предоставленіе имъ земли въ полную собственность съ правомъ ея отчужденія, такъ какъ подобная система также привела бы къ обезземеленію значительной части населенія (это подтверждалось примѣромъ государственныхъ крестьянъ сѣверной Россіи и однодворцевъ). Изъ этихъ двухъ мнѣній второе, при всемъ отвращеніи его сторонниковъ къ освободительнымъ мѣрамъ, несомнѣнно, заключало въ себѣ много правды и могло утратить свою убѣдительность только въ случаѣ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ сохраненіемъ общиннаго пользованія землею; однако же, и партизаны перваго направленія приносили свою долю пользы, такъ какъ, если предлагаемыя ими положительныя мѣры были не всегда удачны, то, по крайней мѣрѣ, онѣ указывали на мрачныя стороны въ современномъ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Но между этими двумя противуположными мнѣніями мы встрѣчаемъ среднее, представители котораго, какъ, напр., Полѣновъ, графъ Н. Панинъ, Сиверсъ, сама императрица Екатерина и др., желали ограниченія крѣпостнаго права. Если вліяніе Запада приводило нѣкоторыхъ лицъ къ несимпатичнымъ намъ выводамъ, то, все-таки, мы должны помнить, что питомцами западной науки были не только Полѣновъ, но, что еще важнѣе, и Радищевъ, представившій въ своей книгѣ полную программу мѣръ для освобожденія крестьянъ, въ составъ которой входитъ и надѣленіе ихъ землею. Теперь намъ остается только сопоставить всѣ эти пожеланія съ тѣмъ, что было сдѣлано въ дѣйствительности.

Мы не сѣтуемъ на то, что не было произведено общей реформы; скажемъ болѣе, — мы можемъ только радоваться этому. Въ то время правительство, вѣроятно, не пошло бы далѣе освобожденія дѣтей, родившихся послѣ извѣстнаго года; оно не рискнуло бы и на немедленное дарованіе всѣмъ одной личной свободы; да и крайне странно было бы считая пре-

нымъ переходъ крестьянъ въ Малороссіи и закрѣпощая тамошній народъ, вводить въ Великороссіи то, противъ чего боролись на югѣ. И такъ не въ недостаткѣ рѣшимости освободить крестьянъ можно обвинять Екатерину, а въ томъ, что не было принято многихъ настоятельно необходимыхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права. Что нужно было сдѣлать — на это слышалось не мало указаній и въ мнѣніяхъ, присланныхъ въ экономическое общество, напримѣръ, въ трудѣ Полѣнова, и въ рѣчахъ нѣкоторыхъ депутатовъ въ коммиссіи уложенія, и въ проектѣ Унгерна-Штернберга и даже въ правилахъ ямбургскихъ и ораніенбаумскихъ дворянъ, не говоря уже о превосходной книгѣ Радищева. Всего чаще указывали на то, что необходимо запретить разлученіе семей крѣпостныхъ при продажѣ и точно опредѣлить повинности крестьянъ; затѣмъ многіе требовали предоставленія имъ собственности на движимое имущество, дозволенія крѣпостнымъ жаловаться на помѣщика, предоставленія земли въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей, опредѣленія размѣра выкупа на свободу; нѣкоторые желали предоставленія крестьянамъ земли въ собственность и дозволенія крѣпостнымъ жениться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, встрѣчаемъ отдѣльныя пожеланія: разрѣшить вольноотпущеннымъ не закрѣпощать себя, запретить продажу крестьянъ безъ земли, лишить помѣщика права наказывать крестьянъ безъ суда и запретить превращать крестьянъ въ дворовыхъ. Радищевъ предложилъ рядъ мѣръ для постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права. Могутъ сказать, что такія частныя мѣры, какъ будто санкціонировали бы крѣпостное право, что онѣ могли бы даже задержать введеніе общей реформы. Это возраженіе, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо: и при полной безправности народа, крѣпостное право чуть не возводилось во главу угла нашего государственнаго устройства; а послѣ того, какъ наши западные сосѣди, въ первой половинѣ XIX в., сумѣли окончательно раздѣлаться съ крѣпостнымъ правомъ, его существованіе сдѣлалось немыслимымъ и у насъ. Правда, мы умѣемъ отставать отъ запада, но все-таки духъ времени беретъ свое.

Возвращаемся, однако, къ прошлому. Мы привели не наши собственныя, а современныя Екатеринѣ пожеланія, большинство которыхъ она раздѣляла сама въ эпоху составленія „Наказа“, теперь посмотримъ, что было сдѣлано въ дѣйствительности въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ.

Для ограниченія торговли людьми во время рекрутчины запрещено было (въ 1766 г.) совершать купчія на крѣпостныхъ за три мѣсяца до рекрутскаго набора, но скоро было дозволено и въ это время продавать малолѣтнихъ и стариковъ, по окончаніи же набора, снова можно было продавать кого угодно. Продажа безъ земли запрещена была въ 1771 г. только при продажѣ имѣній съ аукціона, помѣщики же безпрепятственно продолжали это дѣлать, и торговля крѣпостными производилась въ концѣ XVIII в. съ особенною

значительно, такъ что о продажѣ людей въ газетахъ объявляли наравнѣ съ животными и всякими вещами. По учрежденіямъ о губерніяхъ намѣстнику дозволено было защищать крѣпостныхъ (и нѣкоторые изъ звѣрообразныхъ помѣщиковъ были отправлены на вѣчную каторгу въ Сибирь, другіе подвергались пожизненному заключенію, ссылкѣ на поселеніе и проч., но это дѣлалось и раньше). Этимъ же закономъ была нѣсколько ограничена власть опекуновъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Запрещено вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя; запрещено считать незаконнорожденныхъ крѣпостными ихъ воспитателей, если эти воспитатели не имѣли права владѣть крѣпостными; питомцы воспитательныхъ домовъ получали свободу и если бы имъ случилось вступить въ бракъ съ крѣпостнымъ или крѣпостною (что, впрочемъ, не дозволялось), то лицо, прежде несвободное, дѣлалось вольнымъ [1]. Едва ли не важнѣе всего этого была пріостановка въ 1773 г. ссылки помѣщиками своихъ людей на поселеніе, но эта мѣра была скоро отмѣнена.

Вотъ всѣ, чрезвычайно жалкія, попытки ограниченія крѣпостнаго права, ничтожныя уже и сами по себѣ; онѣ утрачиваютъ въ нашихъ глазахъ всякое значеніе, лишаютъ Екатерину права на большую признательность въ этомъ отношеніи, когда мы вспомнимъ, что рядомъ съ этими мѣрами въ пользу крѣпостныхъ шли указы, еще болѣе ухудшавшіе ихъ положеніе; таковы были окончательное запрещеніе крѣпостнымъ жаловаться на помѣщиковъ (1767 г.), такъ что съ этихъ поръ всякая ихъ жалоба на господина заранѣе считалась противозаконною, и еще болѣе дозволеніе помѣщикамъ (въ 1765 г.) передавать своихъ людей адмиралтейской коллегіи для употребленія на каторжныя работы съ правомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію, такъ что эта мѣра не оправдывалась даже тѣми государственными соображеніями (колонизація Сибири), на которыя ссылалось правительство императрицы Елисаветы, дозволяя помѣщикамъ ссылать своихъ крестьянъ въ зачетъ рекрутъ. Съ изданіемъ учрежденія о губерніяхъ помѣщики получили право заключать въ смирительный домъ „непотребныхъ крѣпостныхъ" [2]. Было повелѣно также принимать отъ помѣщиковъ ихъ крѣпостныхъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ по

[1] [illegible] при покореніи Анапы; см. ниже, гл. XVII).

[2] [illegible] XXI, [illegible].

ное время [1]). Слѣдуетъ также не забывать о прикрѣпленіи крестьянъ въ Малороссіи. Такъ какъ послѣ указа 1763 г. (см. выше, стр. 150) переселеніе крестьянъ не только не прекратилось, а еще усилилось, то правительство 3 Мая 1783 г. издало указъ, совершенно запрещавшій ихъ переходы съ мѣста на мѣсто въ губерніяхъ кіевской, черниговской и новгородъ-сѣверской, вслѣдствіе чего малороссійскіе крестьяне сдѣлались такими же крѣпостными, какъ ихъ собратья въ Великороссіи. Почти одновременно съ этимъ, на казацкую старшину Малороссіи были распространены права великороссійскаго дворянства. Въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II крѣпостное право распространилось и на Слободскую Украину, составившуюся изъ слободскихъ казачьихъ полковъ: острогожскаго, сумскаго, харьковскаго, ахтырскаго и изюмскаго. Подготовительный процессъ закрѣпощенія народа завершился указомъ правительства въ 1765 г., которымъ крестьяне на частныхъ земляхъ были названы владѣльческими подданными и вообще всякіе переходы и переселенія съ мѣста на мѣсто были строго запрещены [2]).

Вслѣдствіе введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи, тѣ, кто не желалъ остаться навсегда подъ властью помѣщика, искали болѣе привольныхъ мѣстъ: этимъ несомнѣнно объясняется большой наплывъ „черкасъ" въ землю войска Донскаго въ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Подобно тому, какъ въ Малороссіи владѣльцы, „закликавшіе слободу", т. е. призывавшіе поселенцевъ на свою землю, ставили крестъ съ просверленными отверстіями по числу льготныхъ лѣтъ или съ соотвѣтственною надписью, такъ донскіе старшины выставляли близъ своихъ хуторовъ рогульки, въ родѣ граблей съ зубцами, по числу льготныхъ для черкасъ дней въ недѣлю. Владѣльцы донскихъ окраинъ, гдѣ подъ руками было больше рабочихъ, выставляли только два зубца, а по мѣрѣ увеличенія потребностей въ рабочей силѣ съ удаленіемъ внутрь земли Войска Донскаго, число зубцовъ увеличивалось отъ 3-хъ до 5-ти. Если условія были подходящими, черкасы поселялись на землѣ владѣльца хутора [3]). Станичные крестьяне были постепенно зачислены въ казаки, крестьяне же на частныхъ земляхъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Павла, были прикрѣплены къ землѣ указомъ 12 декабря 1796 г., прекратившимъ ихъ переходъ въ губерніяхъ екатеринослав-

¹) См. мою книгу: „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II", т. I. Спб. 1881 г.

²) П. С. З. т. XVII № 12430. *Головинскій*. Слободскіе казачьи полки. Спб. 1864 стр. 212.

³) Во время третьей ревизіи (въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія), когда черкасы на Дону были положены въ подушный окладъ, ихъ оказалось болѣе 20,000 д., а по пятой ревизіи (въ концѣ того же вѣка), ихъ было 54,000 д. за частными владѣльцами и 3,800 д. за казачьими станицами.

ской, вознесенской, кавказской, таврической, а также на Дону и на островѣ Тамани [1]).

Слѣдуетъ также поставить въ счетъ Екатеринѣ раздачу въ пожалованіе казенныхъ крестьянъ: правда, въ Великороссіи, за единичными исключеніями, этого не дѣлалось, но за то въ Малороссіи и Остзейскомъ краѣ случалось нерѣдко, въ областяхъ же, присоединенныхъ отъ Польши, раздача казенныхъ имѣній приняла громадные размѣры [2]).

Подводя итогъ всему предыдущему, слѣдуетъ сказать, что въ царствованіе Екатерины было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостнаго права, чѣмъ для его ограниченія. Но въ одномъ отношеніи слѣдуетъ признать ея большую заслугу: она первая съ высоты престола бросила въ общество идею, что крѣпостной — такой же человѣкъ, какъ и его господинъ, что онъ также имѣетъ право на разумное существованіе, и тѣмъ навсегда вписала свое имя въ исторію крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Говорятъ, Екатерина, обязанная престоломъ дворянству, не смѣла идти наперекоръ ему въ дѣлѣ измѣненія быта крестьянъ. Можно было бы признать это возраженіе основательнымъ, если бы она одна носилась въ это время съ мыслію о необходимости ограниченія крѣпостнаго права, но послѣ всего того, что было сообщено выше, его можно признать никуда негоднымъ, если требовать отъ Екатерины не окончательной реформы, а только улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Вѣдь были мѣры, необходимость которыхъ признавали даже почти всѣ консерваторы; таково, напримѣръ, запрещеніе продажи людей въ розницу. А затѣмъ въ ряду болѣе вліятельныхъ людей, прямо или косвенно выражавшихъ сочувствіе къ дѣлу ограниченія крѣпостнаго права, слѣдуетъ назвать: Н. И. Панина, Г. Г. Орлова, Я. Сиверса, Мельгунова, Унгерна-Штернберга, кн. Д. Голицына [3]); къ нимъ можно еще причислить Р. И. Воронцова, гр. Чернышевыхъ, Мелиссино, потому что эти лица требовали напечатанія книги Беарде; мы не говоримъ уже о либеральныхъ требованіяхъ Полѣнова, Коробьина и нѣкоторыхъ другихъ депутатовъ въ коммиссіи уложенія, о заявленіяхъ въ журналахъ и другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Почва, повторяемъ, не для освобожденія крестьянъ, а для ограниченія крѣпостнаго права была подготовлена. Вѣдь и при нынѣшней реформѣ [illegible] дворянства было за освобожденіе крестьянъ [illegible]

[1]) [illegible] комитета", 1867 г., вып. 1-й.

[2]) См. мою статью „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II" въ „Отеч. Зап." 1877 г. № 8.

[3]) [illegible] Н. Трубецкой, [illegible] Минихъ, Александра [illegible] Ив. Чернышевъ, [illegible]

мельнымъ надѣломъ, и долго еще пришлось бы ждать, пока эта идея сдѣлается всеобщимъ достояніемъ.

Какъ неосновательно было бы снять всякое обвиненіе съ Екатерины, сославшись на то, что она была обязана престоломъ дворянству, всего яснѣе видно, если сравнить ее съ другою государынею XVIII в.,—мы говоримъ о Маріи-Терезіи. Она вступила на престолъ при гораздо болѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ Екатерина. Она была обязана венгерцамъ не только сохраненіемъ своего престола, но даже, быть можетъ, благодаря имъ, Австрія была спасена отъ распаденія. И что же: удерживаетъ ли ее это въ стремленіи ограничить права венгерскихъ магнатовъ, которые нѣкогда, правда, поторговавшись за сохраненіе своихъ привилегій, кричали: „moriamur pro rege nostro Maria Theresia!“ Ничуть не бывало: какъ для нынѣшней Цислейтаніи, такъ и относительно Венгріи она не только въ высшей степени умно задумываетъ, но и приводитъ въ исполненіе цѣлый рядъ реформъ въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ. Въ первой она нѣсколько ограничиваетъ уголовную юрисдикцію дворянъ, производитъ кадастръ и подъ предлогомъ неодинаковаго обложенія совершенно отдѣляетъ помѣщичьи земли отъ крестьянскихъ, такъ что прекращаетъ возможность обезземеленія крестьянъ, дозволяетъ имъ покупать свои участки, устанавливаетъ maximum барщины въ три дня. Протесты богемскаго дворянства и даже сильныя волненія крестьянъ, думавшихъ, что дворяне скрываютъ отъ нихъ полную волю, не останавливаютъ Марію Терезію на преобразовательномъ пути. (Совершенно иначе повліяла наша Пугачевщина на Екатерину!) Она за небольшое вознагражденіе совершенно уничтожаетъ барщину въ доменахъ и отмѣняетъ массу, повидимому, мелочныхъ, но въ сущности въ высшей степени стѣснительныхъ повинностей крестьянъ. Венгерскій крестьянинъ также не оставленъ на полный произволъ господина. Почти въ то самое время, когда Екатерина требуетъ улучшенія быта крѣпостныхъ отъ лифляндскаго ландтага, Марія Терезія старается побудить венгерскій сеймъ къ облегченію участи крестьянъ, но когда ей это не удается, она не отказывается отъ своего намѣренія, а собственною властію издаетъ въ 1766 г. урбаріумъ уставъ, имѣвшій цѣлью ограничить барщину, превратить крестьянина въ наслѣдственнаго арендатора и даже предоставить ему право свободнаго перехода. (Правда, ея дѣйствія въ Венгріи не увѣнчались такимъ успѣхомъ, какъ въ остальныхъ частяхъ Австріи, благодаря упорному противодѣйствію венгерскихъ магнатовъ, не брезгавшихъ такими средствами, какъ подкупъ правительственныхъ чиновниковъ). Еще любопытнѣе сравнить дѣйствія Екатерины и Маріи Терезіи въ областяхъ, присоединенныхъ къ Польшѣ: въ то время когда Екатерина закрѣпостила своимъ приближеннымъ почти все населеніе казенныхъ имѣній и ничего не сдѣлала для улучшенія быта крѣпостныхъ, такъ что польскіе паны, благодаря бездѣйствію правительства,

продѣлывали съ холопами самыя возмутительныя вещи даже во вторую четверть XIX вѣка. Марія Терезія, въ нравственное чувство которой возмущалось противъ насильственнаго раздѣла Польши, немедленно послѣ присоединенія части ея къ Австріи издаетъ и для Галиціи урбаріумъ, ограничивающій повинности крѣпостныхъ крестьянъ [1].

„Марія Терезія, конечно, имѣетъ болѣе права, чѣмъ Екатерина на прозваніе Великой" говоритъ новѣйшій историкъ Австріи [2]. Принявъ во вниманіе всѣ стороны государственной дѣятельности той и другой мы не можемъ съ этимъ согласиться, но это вполнѣ справедливо, если ограничиться только дѣятельностью обѣихъ государынь относительно крѣпостнаго населенія въ ихъ владѣніяхъ.

Beidtel. Zur Geschichte der Feudalverfassung in den deutschen Provinzen der oesterreichischen Monarchie unter der Regierung der Kaiserinn Maria Theresia. Sitzungsberichte der Kaiserl. Akad. der Wissensch. Philosophischhistor. Klasse 1852. Bd. IX. S. 471—484. *Sugenheim*. Gesch. der Aufheb. der Leibeigensch. 385—390. 404.

[2] *Leger*. Histoire de l'Autriche-Hongrie, P. 1879, p. 370.

ГЛАВА XV.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе имп. Павла.

Съ восшествіемъ на престолъ преемника Екатерины II, начался цѣлый рядъ волненій въ весьма многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, преимущественно въ помѣщичьихъ вотчинахъ, которыя ясно показываютъ, какого измѣненія своего быта желали крестьяне. Волненія эти, простиравшіяся на 17 губерній Великороссіи, были отчасти вызваны тѣмъ, что къ присягѣ новому государю стали приводить и крѣпостныхъ крестьянъ, чего прежде не дѣлалось. Одними изъ первыхъ начали волноваться крестьяне въ вологодскомъ имѣніи извѣстнаго масона Поздѣева, которые имѣли полное основаніе жаловаться на обременительность работъ, суровыя наказанія и продажу многихъ изъ нихъ въ рекруты. По словамъ Поздѣева, всѣ крестьяне, проникнутые духомъ Пугачевщины, желаютъ, чтобы вовсе не было дворянъ, и вѣрятъ, что всѣ крѣпостные перейдутъ въ казну. Въ псковской губерніи почти всѣ помѣщичьи крестьяне въ порховскомъ, печерскомъ и холмскомъ уѣздахъ отказались повиноваться. Въ медынскомъ уѣздѣ, калужской губерніи, они также поголовно возстали противъ своихъ господъ. Въ большинствѣ мѣстностей крестьяне были усмирены безъ кровопролитія, но въ сѣвскомъ уѣздѣ орловской губерніи, въ имѣніи гр. Апраксина, гдѣ для сопротивленія военному отряду кн. Репнина, собралось болѣе 2000 человѣкъ, ранено было 70 и убито 20 крестьянъ. Трупы убитыхъ были лишены христіанскаго погребенія и зарыты съ надписью „Тутъ лежатъ преступники противъ Бога, государя и помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечемъ по закону Божію и государеву"; ихъ дома были истреблены до основанія [1]. Но ограничиться одними репрессивными мѣрами было невозможно: слишкомъ ужъ настоятельно сказы-

[1] *Де Пуле.* Крестьянское движеніе при имп. Павлѣ. „Русск. Арх." [illegible] г., стр. 525—527. *Пупарев.* Крестьянскія волненія въ орловской губ. при вступленіи на престолъ имп. Павла. „Орловск. Епарх. Листокъ" 1867 г. № 7. *Дубасов.* Крест. волненія въ тамбовск. губ. въ царствованіе имп. Павла. „Древ. и Нов. Россія" 1877 г. № [illegible], стр. 307—309. „Рус. Стар." 1882 г., т. XXXVI, 351—354. „Рус. Арх." 1872 г. т. I, 154—157.

залась необходимость сдѣлать что-либо для ограниченія крѣпостнаго права.

Намъ извѣстны взгляды на крестьянскій вопросъ одного изъ наиболѣе приближенныхъ лицъ къ императору Павлу, а именно кн. Безбородко. Въ особой запискѣ, составленной имъ въ 1799 г., онъ указываетъ на необходимость улучшить бытъ крестьянъ, хотя и спѣшитъ при этомъ оговориться, что не разумѣетъ тутъ „какой-либо излишней вольности“, которая обращалась бы въ „своеволіе и подавала поводъ къ притязанію на какое-либо равенство, всеобщее и сущее химерическое“. Безбородко находитъ нужнымъ повторить и нѣсколько объяснить манифестъ императора Павла о трехдневной барщинѣ, установленіе же оброка онъ предоставляетъ соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами. Для улучшенія быта крѣпостныхъ онъ считаетъ необходимымъ слѣдующія мѣры: 1) переселять крестьянъ должно не только съ вѣдома правительства, но и съ согласія ихъ самихъ; 2) продавать ихъ слѣдуетъ не иначе, какъ съ землями „а личную продажу, яко сущее невольничество, запретить даже и въ рекруты“; 3) движимое имущество должно составлять неотъемлемую собственность крестьянъ, а денежные ихъ капиталы не должны быть обременены поборами въ пользу помѣщика болѣе того, что казна получаетъ съ купеческихъ капиталовъ; наконецъ, 4) необходимы какія-либо мѣры для измѣненія быта дворовыхъ: ихъ нужно, по истеченіи извѣстнаго времени, опредѣлять на пашни, замѣняя другими, или отпускать ихъ на волю съ тѣмъ, чтобы, при новой ревизіи, они могли избирать себѣ службу или состояніе по манифесту 1775 года императрицы Екатерины [1].

Мы видѣли, что Безбородко находилъ нужнымъ разъяснить манифестъ императора Павла о трехдневной барщинѣ уже черезъ два года послѣ его обнародованія: дѣйствительно, онъ былъ написанъ весьма неопредѣленно. Въ день своего коронованія, 5 апрѣля 1797 г., Павелъ повелѣлъ „всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣлій остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, *по равному числу оныхъ вообще раздѣляемы*, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ“ [2]. По поводу этого манифеста, Радищевъ въ своей статьѣ „Описаніе моего владѣнія“ имѣлъ основаніе замѣтить: „Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и *стороною сказано*, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не велико будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе земледѣльца

[1] Сборн. Историч. Общест. т. XXIX, стр. 643—644.
[2] Полн. Соб. Зак. XXIV, № 17909.

ни дворового не опредѣлено". Правда, этотъ указъ считался преемниками императора Павла прямымъ запрещеніемъ требовать отъ крестьянъ барщины болѣе трехъ дней въ недѣлю, но оправдалось и предсказаніе Радищева, что эта правительственная мѣра останется мертвою буквою [1]. Мало того, имп. Павелъ, очевидно и не подозрѣвая того, повысилъ этимъ распоряженіемъ размѣръ повинностей во всей Малороссіи, такъ какъ тамъ, въ теченіе XVIII вѣка, была въ обычаѣ двухдневная барщина. Изъ одного неизданнаго отвѣта на задачу вольнаго экономическаго общества о причинахъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ (1801 г.) мы видимъ, что въ екатеринославской губерніи и Малороссіи, гдѣ прежде крестьяне работали лишь два дня въ недѣлю, иногда и менѣе, послѣ указа 1797 г. помѣщики возвысили размѣръ издѣльной повинности [2]. Тѣмъ не менѣе манифестъ 1797 г. имѣетъ большое значеніе: это была первая попытка ограниченія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, и наше правительство смотрѣло на него какъ на положительный законъ, несмотря на то, что онъ не исполнялся. За то относительно Малороссіи имп. Павелъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Безбородко, принялъ весьма важную мѣру—запретилъ продавать тамъ крестьянъ безъ земли, не смотря на то, что сенатъ предлагалъ дозволить такую продажу [3].

Въ февралѣ 1797 г., по поводу встрѣтившихся сомнѣній относительно продажи съ публичнаго торга безъ земли крѣпостныхъ за казенныя и частныя взысканія, былъ объявленъ сенату именной указъ: „дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка, или съ подобнаго на сію продажу торга, а для взысканія съ помѣщиковъ долговыхъ суммъ казенныхъ и партикулярныхъ людей, сената общему собранію... изобрѣсти надежныя средства и представить его величеству свое мнѣніе" [4]. Но и въ этомъ случаѣ имп. Павелъ не согласился съ докладомъ сената, найдя „неприличною" предложенную имъ оцѣнку людей [5], и по-

[1]) [illegible] 1802 г. В. Малиновскаго „О освобожденіи рабовъ" между прочимъ сказано: „Въ самое [illegible] царствованіе имп. Павла I [illegible] крестьяне работали на господина не по три дня, какъ онъ указалъ [illegible] мужики съ барщиною [illegible]". Арх. Мин. [illegible] дѣло III Департ. № 82, л. 60—66.

[2]) Арх. Вольн. Экон. Общ. [illegible] № 118, л. 119 об. Срав. *Blum.* Ein russischer Staatsmann. 1857. Bd. II, 97.

[3]) П. С. З. т. XXV, 18706.

[4]) П. С. З. т. XXIV, 17809.

[5]) Въ докладѣ сената было сказано: [illegible]

сенатъ, при взысканіи казенныхъ и частныхъ долговъ съ помѣщиковъ, имѣющихъ однихъ дворовыхъ людей и безземельныхъ крестьянъ, „оцѣнять ихъ по работѣ и по тому доходу", какой „каждымъ изъ нихъ чрезъ искусство, рукодѣліе и труды доставляется владѣльцу, брать ихъ въ казну, принимая оныхъ процентомъ съ капитала, который и зачитать въ казенный долгъ. При взысканіи же по долгамъ партикулярнымъ продажу чинить обыкновеннымъ при купчихъ образомъ" [1]. Относительно крѣпостныхъ людей, „ищущихъ вольности", имп. Павелъ повелѣлъ, чтобъ ходатайство и переносъ дѣлъ отъ ихъ имени возложенъ былъ на прокуроровъ, оставляя этихъ людей „до окончательнаго рѣшенія дѣла въ полномъ повиновеніи помѣщиковъ", но однако съ „тою предосторожностію, чтобъ помѣщики были обязаны подпискою никакихъ наказаній сего рода людямъ безъ вѣдома земской полиціи не дѣлать" [2].

Въ 1799 г. императ. Павелъ подтвердилъ право помѣщиковъ (предоставленное имъ въ 1760 г.) ссылать своихъ людей на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты мужчинъ не старѣе 45 лѣтъ (хотя бы они были и негодны въ рекруты) и безъ разлученія мужей съ женами [3]. Въ слѣдующемъ году было пояснено, чтобы выдаваемыя при этомъ квитанціи зачитались лишь за деревни того же помѣщика, а не другихъ владѣльцевъ, во избѣжаніе „злоупотребленія продажею квитанцій"; при пріемѣ сенатъ предписывалъ наблюдать, чтобы сдаваемые люди были здоровые, способные къ работѣ и не старѣе 45 лѣтъ, не дѣлая однако такого освидѣтельствованія, какъ при отдачѣ въ рекруты. Вскорѣ затѣмъ было пояснено, согласно съ указомъ 1760 г., чтобы начиная съ 15 лѣтъ (и до 45) за отдаваемыхъ на поселеніе зачитались рекрутскія квитанціи [4]. Въ томъ же году имп. Павелъ повелѣлъ: „бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ людей и крестьянъ съ подложными отпусками и неповинующихся помѣщикамъ... зачитать въ рекруты тѣхъ только, кои окажутся въ указные

...состоявшихъ въ казенномъ вѣдомствѣ съ мужьями, особливо [illegible] ... сенатъ предписалъ [illegible] ... для удовлетворенія долговъ частнымъ [illegible] ... людей и безземельныхъ крестьянъ [illegible] ... суммы, какъ было указано выше, [illegible] ... [illegible] ... могутъ получить большую сумму [illegible] ... [illegible] ... Арх. Сената ([illegible] № 159 и 205, 207, 210).

[1] П. С. З. XXV, 18353.

[2] П. С. З. XXIV, 18261.

[3] П. С. З. XXV, 19157.

[4] П. С. З. XXVI, 19598, 19668.

тыя и къ службѣ годными, хотя бы ростомъ и ниже были положенной мѣры, а престарѣлымъ и увѣчнымъ зачета не чинить" [1]).

Повелѣнія имп. Павла относительно опредѣленія размѣра барщины, воспрещенія продажи крестьянъ безъ земли въ Малороссіи и указъ относительно ищущихъ вольности показываютъ добрыя намѣренія государя относительно улучшенія быта крѣпостныхъ; но съ другой стороны, заставляетъ, къ несчастію, мыслію, что положеніе крѣпостныхъ крестьянъ лучше, чѣмъ казенныхъ. Павелъ, въ свое четырехлѣтнее царствованіе, роздалъ въ частную собственность 600,000 д. обоего пола, половину которыхъ составляли дворцовыя вотчины въ Великороссіи [2]).

Если при императрицѣ Екатеринѣ въ нашей литературѣ приходилось съ большою оглядкой затрогивать язвы крѣпостнаго права, то при Павлѣ это сдѣлалось совершенно невозможнымъ, точно также запрещались и тѣ иностранныя книги, заключавшія въ себѣ обличеніе этого зла русскаго общественнаго быта [3]). Но хвалить принятыя императоромъ мѣры относительно крѣпостныхъ не воспрещалось, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ одописца:

„Крестьянъ на тяжку призрилъ долю,
На потъ ихъ съ кровію воззрѣлъ,
Воззрѣлъ и далъ имъ полну волю
Свободнымъ въ праздникъ быть отъ дѣлъ;
Разсѣкъ на части ихъ недѣли
Чтобъ три дня барину потѣли,
А три дня жали свой загонъ;
Дѣтей и сирыхъ бы кормили,
А въ праздникъ слушать бы ходили
Святой божественный законъ" [4]).

---

[1]) П. С. З. XXVI, 19421, ср. 19740.

[2]) См. нашу статью „Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ" („Русск. Мысль" 1882 г. № 6?). О [illegible] крестьянъ [illegible] губерніяхъ [illegible] слободско-украинской, [illegible] таврической, [illegible] на Донъ и [illegible] мы упоминали выше, на стр. 227—228.

[3]) „Русская Старина" 1875 г. т. XIV, 455, 463, 467.

[4]) „Ода государю имп. Павлу Петровичу" 1797 г. 6-го ноября [illegible] на престолъ, „всеподданнѣйше приносимая Степаномъ Руссовымъ". „Осьмнадцатый вѣкъ" г. Бартенева, т. IV, 483.

ГЛАВА XVI.

Императоръ Александръ I. — Воспитаніе. Лагарпъ. — Вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли въ государственномъ совѣтѣ въ 1801 и 1802 гг. — Крестьянскій вопросъ въ негласномъ комитетѣ.

Главный надзоръ за воспитаніемъ великаго кн. Александра Павловича съ шестилѣтняго возраста былъ порученъ императрицей Екатериной II Салтыкову, человѣку довольно ничтожному, но первое мѣсто въ числѣ его воспитателей, по дѣйствительнымъ заслугамъ, принадлежитъ швейцарцу Лагарпу, имѣвшему весьма благотворное вліяніе на развитіе великаго князя. Къ сожалѣнію, обученіе Александра было слишкомъ рано прервано бракомъ въ 1793 г., когда ему еще не было 16-ти лѣтъ. Хотя занятія великаго князя должны были продолжаться и послѣ брака, но ему было уже не до того. Затѣмъ, въ 1795 г., Лагарпъ, ревностный республиканецъ, по интригамъ французскихъ эмигрантовъ-роялистовъ, долженъ былъ оставить Россію, но результаты его вліянія на великаго князя сказывались очень сильно. Въ послѣдніе годы царствованія своей бабки, Александръ чрезвычайно мрачно смотрѣлъ на положеніе дѣлъ въ Россіи и выражалъ отвращеніе къ обязанностямъ государя и желаніе жить уединенно со своей женой. „Въ нашихъ дѣлахъ“, писалъ онъ Кочубею въ 1796 г., „господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей, возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнить его дурно“ [1]. Въ томъ же году, въ разговорѣ со своимъ адъютантомъ Адамомъ Чарторыйскимъ, Александръ выражалъ ненависть къ деспотизму

---

[1] *Бар. Корфъ.* Восшествіе на престолъ имп. Николая, стр. 3—6.

. . . . . . [1]) „Александръ любилъ поселянъ“, говоритъ Чарторыскій, „и ему нравилась грубая красота крестьянокъ; занятія, сельскіе труды, простая, спокойная и уединенная жизнь въ сельскомъ домикѣ, въ уединенной красивой мѣстности, — таковъ былъ романъ, который ему хотѣлось бы осуществить“. И такъ личные вкусы тянули Александра къ спокойной частной жизни. Затруднительное положеніе между большимъ и малымъ дворомъ въ царствованіе Екатерины, необходимость примѣняться къ порядкамъ того и другаго — не могли благотворно дѣйствовать на его характеръ и должны были развивать въ немъ нѣкоторую двуличность. Съ другой стороны, трудная жизнь великаго князя въ царствованіе его отца не могла содѣйствовать созданію энергическаго характера. При императорѣ Павлѣ, Александръ былъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Каждый день, въ 7 часовъ утра и въ 8 ч. вечера, подавалъ онъ государю рапортъ съ величайшими подробностями о гарнизонѣ, караулахъ, патрулѣ и получалъ строгіе выговоры за малѣйшую ошибку, блѣднѣя и дрожа, какъ осиновый листъ, передъ грознымъ взглядомъ отца [2]). Понятна его жалоба въ письмѣ къ Лагарпу, что въ Петербургѣ „капралъ предпочитается человѣку образованному и полезному“. Въ послѣдніе годы царствованія Павелъ подозрительно относился и къ своей собственной семьѣ [3]). По свидѣтельству аббата Жоржеля, императрица не имѣла права приглашать къ себѣ безъ дозволенія государя ни своихъ сыновей, ни невѣстокъ. Александръ жилъ съ женой очень уединенно; ему служили только преданные императору лица. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ никого и съ иностранными министрами и вельможами не разговаривалъ иначе, какъ въ присутствіи отца [4]). Извѣстно, что, наканунѣ смерти Павла, оба великіе князья были арестованы по приказанію императора и ихъ водили въ церковь присягать въ вѣрности [5]). Понятно, что всѣ эти обстоятельства не могли содѣйствовать развитію силы воли въ великомъ князѣ, недостатокъ которой въ немъ замѣчали современники. Одинъ иностранецъ (Массонъ), хорошо знавшій великаго князя, отзываясь вообще съ похвалою о его характерѣ, жалуется однако на то, что онъ слишкомъ поддается чужому вліянію, и потому выражаетъ опасеніе, что какой-нибудь наглый, невѣжественный и злой человѣкъ овладѣетъ имъ, что

---

[1]) Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I-er. Préface de M. Ch. de Mazade. P. 1887, t. I, p. 96, 103. Срав. «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 657 и слѣд. *Пыпинъ.* «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I». Спб. 1885 г., стр. 30, 33.

[2]) «Русскій Архивъ» 1869 г. стр. 1596.

[3]) «Русская Старина» 1871 г. т. III, стр. 789.

[4]) «Древняя и Новая Россія» 1878 г. № 12, стр. 327.

[5]) «Русскій Архивъ» 1869 г. стр. 1935.

*

онъ можетъ очутиться подъ вліяніемъ своихъ придворныхъ и даже слугъ. Это составляетъ прямое предсказаніе печальной эпохи Аракчеевщины. Нерѣшительность Александра — одна изъ причинъ того, что въ его царствованіе правительство мало сдѣлало для рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Вступленіе на престолъ молодаго императора было встрѣчено, какъ извѣстно, съ большимъ восторгомъ: всѣ съ величайшею любовью относились къ нему и предавались самымъ радужнымъ надеждамъ. Личный характеръ императора и первыя мѣры, имъ принятыя, поддерживали общій энтузіазмъ [1]. Въ характерѣ Александра слѣдуетъ отмѣтить большую гуманность, которая благотворно отражалась на дѣятельности выдающихся лицъ государственной іерархіи, скромность и отвращеніе къ публичнымъ похваламъ и торжественнымъ встрѣчамъ, бережливость, простоту жизни и уваженіе къ законамъ. Недовѣрчивость и подозрительность, развитыя въ немъ неблагопріятными обстоятельствами его предшествующей жизни, стали чувствительно сказываться лишь позднѣе, но недостатокъ рѣшительности и силы воли сдѣлались замѣтными довольно скоро.

Въ разговорѣ съ Чарторыскимъ великій князь Александръ съ величайшимъ уваженіемъ говорилъ о Лагарпѣ какъ о человѣкѣ высоко добродѣтельномъ, которому онъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ что онъ знаетъ. Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, на молодаго великаго князя, конечно, вліяли идеи Лагарпа и по крестьянскому вопросу. Вотъ какія мысли высказывалъ послѣдній по этому предмету въ своемъ историческомъ курсѣ. Крестьянское сословіе самое неиспорченное и приносящее наиболѣе пользы; изъ него вышло много великихъ людей; къ сожалѣнію, никто не даетъ себѣ труда позаботиться о его просвѣщеніи. Лагарпъ вездѣ съ большимъ сочувствіемъ говоритъ о возстаніяхъ рабовъ и очень подробно описываетъ возстаніе гладіаторовъ. Точно такъ же съ большимъ сочувствіемъ относится онъ къ возмущенію крестьянъ при Діоклетіанѣ и всю отвѣтственность за него возлагаетъ на раздражившее народъ правительство.... По поводу возстанія гладіаторовъ онъ говоритъ: „Инстинктъ, общій всѣмъ животнымъ, заставляетъ защищаться отъ нападенія. Пчела впускаетъ свое жало въ угрожающую ей руку и муравей язвитъ попирающую его пяту. По какому же праву человѣкъ можетъ безнаказанно угнетать себѣ подобныхъ и требовать отъ нихъ безропотнаго перенесенія жесточайшихъ страданій? Жестоко было бы зажимать ротъ страдальцамъ, чтобы не слышать ихъ криковъ и рыданій, и въ высшей степени неблагоразумно доводить людей до отчаянія съ его гибельными послѣдствіями“. Конечно, все это слишкомъ общія мысли, но нельзя и требовать прямыхъ практическихъ указаній относительно

[1]) См. прекрасный трудъ А. Н. Пыпина „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Изд. 2-е. Спб. 1885 г.

ничтожила крѣпостнаго права въ Россіи въ лекціяхъ, читанныхъ имъ 15-лѣтнему юношѣ. Впослѣдствіи, стоя во главѣ правительства гельветической республики въ послѣдніе годы XVIII вѣка, Лагарпъ имѣлъ возможность примѣнить на дѣлѣ свои либеральные взгляды: въ это время тамъ было окончательно отмѣнено крѣпостное право и сдѣланъ серьезный шагъ къ освобожденію земли отъ тяготѣющихъ надъ нею феодальныхъ повинностей [1]).

Подобныя идеи, внушаемыя Лагарпомъ своему молодому питомцу, не шли въ разрѣзъ съ желаніями лучшихъ русскихъ людей того времени. Черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Александра, онъ получилъ безъименную восторженную записку, въ которой, между прочимъ, выражались слѣдующія ожиданія отъ новаго императора: „Онъ дастъ намъ непреложные законы..., онъ поселитъ въ пространствѣ Россіи изобиліе, спокойствіе... изъ избранныхъ безпристрастнѣйшею довѣренностію своихъ сограждан..., и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ законодательной власти, да охраняютъ святая святыхъ отечества.... Онъ первый узаконитъ самовластіе на обузданіе самовластія. Онъ первый изъ монарховъ послѣдуетъ движенію сердца, пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами... Онъ обезпечитъ права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости..., но сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи", прибавляетъ авторъ, „но постепенностью обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе". По произведеннымъ розыскамъ авторомъ записки оказался Вас. Наз. Каразинъ, который въ царствованіе Павла въ 1798 году хотѣлъ бѣжать за границу, а когда былъ пойманъ, откровенно написалъ императору, что желалъ укрыться отъ „жестокости" его правленія, и хотя не знаетъ за собой вины, но уже его „свободный образъ мыслей могъ быть преступленіемъ". Павелъ, не чуждый порывовъ великодушія, простилъ Каразина и дозволилъ ему поступить на службу [2]).

Молодой императоръ пожелалъ прежде всего уничтожить наиболѣе возмутительное право помѣщиковъ торговать людьми въ розницу безъ земли. Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца по восшествіи его на престолъ, 6 мая 1801 года, генералъ-прокуроръ, по повелѣнію государя, внёсъ въ собраніе государственнаго совѣта записку о непродажѣ людей безъ земли и проекты указовъ по этому предмету. Въ ней прежде всего упоминалось, что правительство уже и прежде считало нужнымъ охранить „помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей" отъ „злоупотребленія надъ ними власти господской".

[1]) *Сухомлиновъ*. Фридрихъ Цезарь Лагарпъ. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1871, т. 153, стр. 161, 165—166, 171, 197. *Sugenheim*. Die Aufhebung der Leibeigenschaft, 535—537.

[2]) „Рус. Стар." т. IV, 76, VII, 567—568.

не только противнаго человѣчеству, но и общей пользѣ", которыя приносились въ жертву „безразсудному корыстолюбію, прихоти и даже порокамъ частныхъ людей"; однако, еще не поставлена „точная преграда симъ злоупотребленіямъ „и до нынѣ съ людьми какъ съ вещественною собственностью поступается и имъ торгъ и продажа, даже публично, производится, а къ тому самые земледѣльцы отъ семьи и домовъ ихъ отлучаются и обращаются, со всѣмъ послѣдующимъ родомъ ихъ, въ состояніе дворовыхъ людей, большею частью безполезныхъ, а отъ праздности и развратныхъ". Поэтому, необходимо „изыскать и опредѣлить точно положеніе, въ какомъ должны и могутъ быть крестьяне и дворовые люди при помѣщичьей и господской надъ ними власти, безъ нарушенія порядка и общей пользы". Далѣе приводятся постановленія Уложенія и послѣдующіе указы въ подтвержденіе того, что продажа крестьянъ безъ земли не имѣетъ никакого законнаго основанія. При запискѣ было приложено и четыре проекта указа правительствующему сенату о непродажѣ людей безъ земли [1]. Однако, государственный совѣтъ, выслушавъ записку Беклешова и приложенные къ ней проекты новаго закона, нашелъ ихъ несвоевременными. Онъ опасался, что эта мѣра вызоветъ сильное волненіе въ простомъ народѣ, всегда жаждущемъ свободы, который не разъ выходилъ изъ повиновенія и по менѣе важнымъ поводамъ, особенно въ началѣ новыхъ царствованій, когда „слухъ о новыхъ учрежденіяхъ располагаетъ его къ надеждамъ" и заставляетъ во всемъ видѣть исполненіе его желаній. Совѣтъ напоминалъ, что волненія 1762 и 1796 года произошли по менѣе основательнымъ предлогамъ и выражалъ опасеніе, чтобы крестьяне, а особенно „толпы праздныхъ и по большей части буйныхъ и развратныхъ дворовыхъ людей, принявъ установленіе сіе за уменьшеніе или совершенное уничтоженіе правъ помѣщичьихъ, не возмечтали, что симъ содѣлались они вольными". Совѣтъ считалъ необходимымъ отло-

[1] [illegible] лова еще не было въ это время въ Петербургѣ.

жить на нѣкоторое время исполненіе этого предположенія, или включить новое постановленіе въ общіе законы объ имѣніяхъ, когда они будутъ составляться; на случай, если бы эта мѣра, все-таки, была принята государемъ, совѣтъ предлагалъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, исключеніе для людей, пріобрѣтаемыхъ съ цѣлью переселенія на другія земли. Однако, генералъ-прокуроръ остался при особомъ мнѣніи, что изданіе краткаго указа, запрещающаго продавать людей безъ земли, не можетъ имѣть никакихъ опасныхъ послѣдствій.

Въ засѣданіи совѣта 16 мая, когда былъ читанъ журналъ предшествующаго засѣданія, присутствовалъ самъ государь; нельзя не обратить на это вниманіе, такъ какъ это одинъ изъ крайне рѣдкихъ случаевъ посѣщенія императоромъ Александромъ собранія государственнаго совѣта [1]), доказательство, какое значеніе онъ придавалъ обсуждаемой въ этотъ разъ мѣрѣ. Безъ сомнѣнія, къ этому засѣданію, въ виду возможности возникновенія новыхъ преній, была приготовлена неизвѣстнымъ авторомъ записка, сохранившаяся въ дѣлѣ совѣта о непродажѣ людей безъ земли. Кромѣ общихъ указаній на опасность этой мѣры, въ ней приводились доводы, которые мы встрѣчаемъ впослѣдствіи у Карамзина въ его „Запискѣ о древней и новой Россіи“. По мнѣнію автора, зажиточные помѣщичьи крестьяне лишатся, такимъ образомъ, возможности покупать рекрутъ для поставки за своихъ дѣтей; дворяне же, имѣющіе не деревни, а только людей, приписанныхъ къ домамъ, не будутъ имѣть возможности продать ихъ отдѣльно отъ дома и, такимъ образомъ, избавиться отъ развратнаго и негоднаго слуги. Вопросъ о продажѣ крестьянъ безъ земли вновь обсуждался въ этомъ засѣданіи въ присутствіи государя, но совѣтъ подтвердилъ прежнее свое постановленіе, хотя и генералъ-прокуроръ остался при своемъ мнѣніи [2]).

Въ этомъ дѣлѣ впервые обнаружился недостатокъ рѣшительности въ молодомъ императорѣ по отношенію къ крестьянскому вопросу. Вмѣсто того, чтобы настоять на исполненіи своего желанія, Александръ уступилъ мнѣнію совѣта и ограничился тѣмъ, что, черезъ 12 дней послѣ засѣданія, въ которомъ онъ присутствовалъ, далъ именной указъ президенту академіи наукъ, барону Николаи, о неприниманіи ни отъ кого объявленій для напечатанія въ вѣдомостяхъ относительно продажи людей безъ земли. Къ сожалѣнію, указъ этотъ не достигъ цѣли. Дѣйствительно, приказаніе было соблюдено, и постыдныя объявленія о продажѣ людей вмѣстѣ съ вещами и животными, испещрявшія газетные столбцы въ два предшествовавшія царствованія, исчезли, но они замѣнились объявленіями.

[1]) *Даневскій*. Истор. образов. Госуд. Сов. Спб. 1859, стр. [illegible]

[2]) Арх. Госуд. Сов. т. III, ч. 1, стр. 761—772.

что такой-то крѣпостной человѣкъ или такая-то крѣпостная дѣвка отпускаются въ услуженіе, а это значило, что они попрежнему продавались [1]).

Послѣ того, какъ предложеніе о прекращеніи продажи крѣпостныхъ безъ земли не встрѣтило сочувствія въ государственномъ совѣтѣ, крестьянскій вопросъ часто обсуждался въ неоффиціальномъ комитетѣ, существовавшемъ съ іюня 1801 до конца 1803 года и состоявшемъ, кромѣ самого государя, изъ Новосильцова, Чарторыскаго, Кочубея и графа Строганова. Мы видѣли уже ранѣе, что двумъ изъ нихъ, Чарторыскому и Кочубею, Александръ, еще въ послѣдніи годъ царствованія своей бабки, ввѣрялъ самыя задушевныя мысли. Все это были люди прекрасно образованные. Кочубей окончилъ свое воспитаніе за границей, сначала въ Женевѣ, потомъ въ Лондонѣ, гдѣ занимался политическими науками. Новосильцовъ, старшій изъ всѣхъ, хорошо познакомился съ англійскою жизнью и учрежденіями во время четырехлѣтняго пребыванія въ Англіи при Павлѣ. Воспитателемъ графа Павла Строганова, двоюроднаго брата Новосильцова, былъ Роммъ, впослѣдствіи членъ конвента, ревностный республиканецъ; въ 1789—90 гг. Строгановъ жилъ со своимъ воспитателемъ въ Парижѣ, постоянно посѣщалъ національное собраніе и сдѣлался членомъ Якобинскаго клуба [2]). Относительно крестьянскаго вопроса самымъ консервативнымъ изъ всѣхъ оказался Новосильцовъ. Такъ, онъ отсовѣтовалъ выкупать въ казну дворовыхъ, полагая, что это можетъ поселить въ помѣщичьемъ сословіи опасеніе немедленнаго освобожденія крѣпостныхъ и возбудить въ крестьянахъ преувеличенныя надежды [3]). Замѣтимъ также, что въ проектѣ конституціи, составленномъ Новосильцовымъ значительно позднѣе, во второй половинѣ десятыхъ годовъ, вопросъ о крѣпостномъ правѣ остался вовсе не затронутымъ [4]). Но все-таки, въ неоффиціальномъ комитетѣ Новосильцовъ предложилъ запретить присутствіе въ дворянскихъ собраніяхъ тѣмъ помѣщикамъ, которые жестокимъ обращеніемъ со своими крѣпостными сдѣлаются недостойными такой чести. Князь Чарторыскій однажды замѣтилъ, что „право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно“, что не слѣдовало бы „ничѣмъ утверж-

[1]) [illegible] XXVI, № 19,892, указъ 28 мая 1801 г., „Русск. Стар.“ XX, [illegible] [illegible] Le Russie et les Russes II, 127 [illegible]

[2]) [illegible] 1790 г., [illegible] русскимъ [illegible] Парижа на родину, [illegible] Екатерина [illegible] Строганова, что онъ [illegible] клуба Якобинцевъ и [illegible] libertate [illegible] Архива [illegible] 245. О Роммѣ и его [illegible] Строганову [illegible] въ „Русск. Арх.“ 1887 г. № 1.

[3]) [illegible] помѣщиками. Новосильцовъ [illegible]

[4]) „Историческій Сборникъ“, Л. 1861, т. II, 191—238.

ваться при нарушеніи его, да и всѣ опасенія по этому предмету неосновательны." Въ государственномъ совѣтѣ Чарторыскій также высказывалъ либеральныя мнѣнія по крестьянскому вопросу. Кочубей въ неоффиціальномъ комитетѣ предлагалъ распространить запрещеніе продажи людей безъ земли на всю Россію и поддерживалъ мысль о выкупѣ въ казну дворовыхъ, а въ частномъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову (въ ноябрѣ 1801 г.) считалъ необходимыми слѣдующія мѣры, съ большинствомъ которыхъ, по его словамъ, былъ согласенъ и его покойный дядя кн. Безбородко: 1) запретить продажу людей безъ земли; 2) запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ; 3) дозволить купцамъ, мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе ненаселенныхъ земель, а помѣщичьимъ — дозволить покупать земли цѣлыми обществами съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ не могъ эти земли отчуждать; 4) дворовыхъ оставить пока въ прежнемъ положеніи, чтобы не вызвать жалобъ со стороны дворянъ [1]). Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Кочубей, слѣдовательно, уступилъ мнѣнію Новосильцова. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Сперанскому, въ 1819 г., Кочубей высказывалъ мысль, что, вмѣсто того, чтобы возбуждать постоянное безпокойство слухами о различныхъ мѣрахъ въ пользу крѣпостныхъ, „несравненно бы лучше произвести съ надлежащими осторожностями общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ" [2]).

Изъ всѣхъ членовъ неоффиціальнаго комитета наиболѣе радикальные взгляды на крестьянскій вопросъ высказывалъ гр. П. А. Строгановъ. Опровергая опасенія Новосильцова, въ которыхъ послѣдній сходился съ Мордвиновымъ и находившимся въ это время въ Россіи Лагарпомъ, относительно того, что выкупъ дворовыхъ въ казну можетъ возбудить среди помѣщиковъ опасеніе немедленнаго освобожденія крѣпостныхъ, гр. Строгановъ, въ засѣданіи 18 ноября 1801 года, убѣдительно доказывалъ несостоятельность этого возраженія. Прежде всего, онъ указалъ на то, что наше дворянство вовсе не составляетъ такой силы, съ которою правительству слѣдуетъ считаться. По его словамъ, оно „составилось изъ множества людей, пріобрѣвшихъ дворянство только службою и не получившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора: ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомъ малѣйшемъ сопротивленіи... Чего не было сдѣлано въ прошедшее царствованіе (т. е. при императорѣ Павлѣ) противъ этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности? Если когда-нибудь представлялся поводъ бояться чего-либо, то именно

1) „Арх. кн. Воронцова", XVIII, 251—53. Гр. С. Р. Воронцовъ съ своей стороны въ письмахъ къ Новосильцову выражалъ горячее желаніе, чтобы была прекращена продажа людей, которую онъ называлъ „гнусною, безчеловѣчною и противною христіанскому закону". „Арх. кн. Воронцова", XI, 405—406, 417.

2) „Въ память гр. М. М. Сперанскаго", Спб. 1872 г., стр. 410

въ эту эпоху. Пришло ли имъ это на мысль? Напротивъ, всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительной точностію, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодѣ и чести сословія". Гораздо болѣе серьезную силу представляютъ крѣпостные крестьяне — девять милліоновъ людей, размѣщенныхъ въ разныхъ частяхъ имперіи. Они вездѣ одинаково чувствуютъ тяжесть своего рабства: всегда мысль о неимѣніи собственности подавляетъ ихъ способности и производитъ то", что ихъ промышленная дѣятельность для народнаго благосостоянія ничтожна ... ихъ способности не получаютъ полнаго развитія .. но даютъ имъ чувствовать вполнѣ тягость бремени, ихъ гнетущаго... Съ самаго дѣтства они преисполняются ненавистью къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ. Народъ всегда преданъ правительству; онъ вѣритъ, что императоръ постоянно готовъ защищать его, и если является какая-либо стѣснительная мѣра, то ее приписываютъ не государю, а министрамъ". Изъ фактовъ нашей исторіи гр. Строгановъ выводилъ заключеніе, что если нужно бояться чего-нибудь неудовольствія и даже возстанія, то, конечно, со стороны крестьянъ, а не дворянъ: опасность заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія. Но, къ несчастію, ему не удалось убѣдить слушателей, и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, перешли къ другому предмету; Строгановъ замѣтилъ, что императоръ уже рѣшилъ отложить предположенныя мѣры въ пользу крѣпостныхъ [1]).

Членовъ неоффиціальнаго комитета обвиняютъ обыкновенно въ томъ, что, получивъ нерусское воспитаніе, какъ, впрочемъ, и большинство тогдашняго образованнаго общества, они не знали русской дѣйствительности, не понимали ея требованій. Правда, мы встрѣчаемъ въ комитетѣ такихъ лицъ, какъ Новосильцовъ, который, подобно Мордвинову, увлекаясь мыслью о политическихъ реформахъ, также, какъ и онъ, тормозилъ дѣло крестьянской реформы. Если тутъ мы видимъ западниковъ весьма несимпатичнаго типа, то за то вполнѣ западное воспитаніе не помѣшало Строганову [2]) составить себѣ прекрасное понятіе о настроеніи какъ высшаго сословія и простаго народа, не помѣшало ему понять, въ чемъ заключается самая настоятельная потребность государства, и указать молодому императору истинно-народную политику. Къ сожалѣнію, такихъ членовъ, какъ Строгановъ, было немного. Кочубей въ упомяну

---

[1]) [illegible] Строгановъ [illegible]
[illegible] Петербургъ.

[2]) [illegible] 12 [illegible] 11 [illegible] Рус. Арх. 1887 г. № 1, стр. 16—18, 28.

томъ же письмѣ къ С. Р. Воронцову справедливо обвиняетъ государя въ нерѣшительности, но тутъ же самъ указываетъ на то, что было очень мало людей, способныхъ серьезно заняться внутренними реформами, и жалуется, что нѣкоторые, изъ годныхъ для этого, тянутъ слишкомъ къ „старинѣ". Это отсутствіе пригодныхъ для дѣла освобожденія людей въ значительной степени объясняется годами реакціи, пережитыми русскимъ обществомъ въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. Радищевы были тогда не нужны. Радищевыхъ ссылали, и естественно, что, когда на нихъ явился запросъ, ихъ не оказалось на вліятельныхъ постахъ служебной іерархіи въ непосредственной близости къ престолу.

Великимъ несчастіемъ было то, что человѣкъ, къ которому императоръ Александръ чувствовалъ глубочайшее уваженіе, которому онъ считалъ себя обязаннымъ всѣмъ, что было въ немъ хорошаго, который пробудилъ въ немъ освободительныя стремленія, — мы разумѣемъ Лагарпа, — пріѣхалъ въ это время въ Россію сильно измѣнившимся подъ вліяніемъ опыта практической дѣятельности на своей родинѣ и производилъ на своего питомца самое консервативное давленіе. Онъ пробылъ въ Россіи девять мѣсяцевъ, съ августа 1801 по май 1802 г., т. е. во время наиболѣе частыхъ засѣданій неофиціальнаго комитета, въ которомъ онъ, хотя и не принималъ непосредственнаго участія, но отдѣльные члены котораго, по желанію государя, иногда должны были съ нимъ совѣщаться. Въ это время Лагарпъ съ неудержимымъ негодованіемъ возставалъ противъ призрачной свободы народныхъ собраній и видѣлъ величайшее благо въ разумномъ самодержавіи, охраняющемъ, по его словамъ, страну отъ гибельной игры раздраженныхъ самолюбій и сумасбродныхъ идей, рядящихся въ мантію либерализма. Предостерегая молодаго государя отъ либеральныхъ увлеченій, Лагарпъ убѣждалъ его дорожить своею властью, видоизмѣняя ее мало-по-малу, безъ шума и крика народныхъ собраній, мудрыми и прочными учрежденіями. Измѣненіе во взглядахъ было бы для насъ понятнѣе, если бы эту сильную монархическую власть Лагарпъ совѣтовалъ употребить на проведеніе энергическихъ мѣръ на пользу народа, но онъ отговаривалъ государя дѣйствовать рѣшительно въ крестьянскомъ вопросѣ, совѣтовалъ избѣгать самаго слова „освобожденіе", замѣняя его выраженіемъ „улучшеніе въ экономическомъ бытѣ", требовалъ, чтобы вопросъ о крѣпостномъ правѣ былъ рѣшенъ безъ малѣйшаго посягательства на право собственности дворянства и защищалъ мѣры остзейскихъ землевладѣльцевъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Онъ былъ, однако же, не прочь отъ того, чтобы всѣмъ сословіямъ было предоставлено право пріобрѣтать землю и чтобы крѣпостнымъ крестьянамъ было дозволено выкупаться на волю [1].

---

[1]) *Сухомлиновъ*, „Ф. Ц. Лагарпъ", „Журн. Мин. Нар. Просв." 1871 г., т. 153, стр. 203, 211—215. „Собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго" IX, 216. Слухи о либеральныхъ совѣтахъ Лагарпа въ крестьянскомъ вопросѣ, см. въ Арх. кн. Воронцова, XXVII, 491—496.

Среди такихъ разнородныхъ вліяній, нужно было прежде всего не мало рѣшимости въ молодомъ государѣ, а въ этомъ-то и чувствовался недостатокъ; понятно, что обсужденіе крестьянскаго вопроса въ неоффиціальномъ комитетѣ не имѣло почти никакихъ практическихъ результатовъ. Тутъ, между прочимъ, обсуждался проектъ кн. Пл. Зубова, представленный имъ государю въ іюлѣ 1801 г., того самаго Зубова, которому черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось сдѣлать отъ имени императора Александра строгое замѣчаніе за полную беззаботность о пропитаніи его литовскихъ крестьянъ во время неурожая [1]. Вліяніе времени и личнаго настроенія государя было такъ сильно, что даже кн. Зубовъ, носившійся при Екатеринѣ съ планами о передѣлѣ Европы, теперь снизошелъ до разсмотрѣнія мужицкаго вопроса. Зубовъ предлагалъ запретить продажу крестьянъ безъ земли и считалъ полезнымъ записать дворовыхъ въ цехи съ тѣмъ, что если собственники пожелаютъ продавать ихъ, то выкупать насчетъ казны, опредѣливъ цѣну выкупа, а при раздѣлѣ наслѣдства не разлучать членовъ одной и той же семьи. Члены комитета нашли, что авторъ не указалъ достаточныхъ средствъ для выкупа дворовыхъ, который потребовалъ бы огромныхъ расходовъ; запись дворовыхъ въ цехи, — мысль, обсуждавшаяся и при императорѣ Николаѣ, — также показалась неудобною по ея несообразности съ духомъ народа и потому, что могла бы возбудить въ дворовыхъ неправильныя понятія о ихъ зависимости отъ господъ. Въ этомъ же засѣданіи обсуждалась мысль Мордвинова — дозволить казеннымъ крестьянамъ покупать земли. Императоръ былъ согласенъ на это, но желалъ дозволить имъ пріобрѣтеніе и населенныхъ земель, съ условіемъ, чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, находились въ болѣе льготномъ положеніи, чѣмъ помѣщичьи, и не были „рабами“ своихъ владѣльцевъ. Но члены комитета возразили, что будетъ слишкомъ много — позволить разночинцамъ вдругъ пріобрѣтать и земли, и крестьянъ; съ другой стороны, крестьяне, купленные мѣщанами съ ограниченною властью, представятъ имъ менѣе выгодъ, и потому такія продажи будутъ рѣдки, тѣмъ болѣе, что помѣщики никогда не захотятъ продавать своихъ крестьянъ по пониженной цѣнѣ, имѣя возможность уступить ихъ выгоднѣе полноправнымъ лицамъ (дворянамъ), — слѣдовательно эта мѣра не осуществится. Въ заключеніе преній во время этого засѣданія, государь рѣшилъ запретить продажу людей безъ земли и дозволить городскому сословію и казеннымъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность; Кочубею было даже повелѣно составить два указа по этимъ предметамъ на основаніи проекта кн. Зубова. Въ слѣдующемъ засѣданіи Новосильцовъ прочелъ свои замѣчанія на этотъ послѣдній проектъ. Допуская выкупъ дворовыхъ, онъ предложилъ, чтобы департаментъ финансовъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, производилъ уплату рекрутскими

[1]) „Русская Старина“ 1870 г. II, изд. 3, стр. 553

квитанціями или наличными деньгами. Но если бы даже нашлись достаточныя средства, — являлся вопросъ что дѣлать съ выкупленными? Оставить праздными, не будутъ ли они бродяжничать? Переселеніе же ихъ потребуетъ слишкомъ большихъ средствъ, и, къ тому же, при полной негодности чиновниковъ, это значило бы обречь ихъ на гибель. Тогда государь пожелалъ раздѣлить вопросы о мѣрахъ въ пользу крѣпостныхъ и о разрѣшеніи казеннымъ крестьянамъ пріобрѣтать земли съ тѣмъ, чтобы исполнить сначала лишь вторую, и приказалъ Новосильцову посовѣтоваться объ этомъ съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ. Оба одобрили принятое рѣшеніе. Новосильцовъ также примкнулъ къ нимъ и, несмотря на энергическіе протесты Кочубея, Чарторыскаго и Строганова, мнѣнія которыхъ мы отчасти сообщили выше, государь отложилъ мѣры въ пользу крѣпостныхъ.

Любимою идеею императора Александра въ это время было опредѣленіе повинностей крестьянъ относительно ихъ владѣльцевъ, но члены неоффиціальнаго комитета представили въ 1803 г. по этому поводу многія возраженія. Впрочемъ, когда, въ томъ же году, Державинъ предложилъ государю пригласить по частямъ изъ нѣсколькихъ губерній губернскихъ предводителей дворянства для заявленія мнѣній о томъ, какихъ поборовъ и повинностей помѣщики могутъ требовать отъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также, какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ могутъ господа сами подвергать своихъ крѣпостныхъ, не посылая ихъ „въ градскія и сельскія полиціи", то государь отвѣчалъ, что подумаетъ объ этомъ, но что сдѣлать изъ всѣхъ губерній вдругъ „многолюдный вызовъ" онъ находитъ неудобнымъ и небезопаснымъ [1]).

Въ засѣданіи неоффиціальнаго комитета, 9 ноября 1803 г., государь согласился: 1) разрѣшить купцамъ покупать населенныя земли, но съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтаемые ими крестьяне не оставались крѣпостными, а служили по договору новымъ владѣльцамъ; 2) положено было приступить къ образованію капитала для ссудъ помѣщичьимъ крестьянамъ. Объ исполненіи этихъ мѣръ мы упомянемъ впослѣдствіи, во время же существованія неоффиціальнаго комитета, прекратившаго свою дѣятельность въ концѣ 1803 г., былъ изданъ только указъ 12 декабря 1801 г., которымъ было дозволено купцамъ, мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать землю въ собственность [2]), причемъ не была исполнена мысль Кочубея предоставить это право и крѣпостнымъ, гарантировавъ ихъ земли отъ присвоенія ихъ помѣщиками [3]).

---

[1]) Записки Державина въ „Собраніи его сочиненій", т. VI, изд. 1871 г., стр. 811.

[2]) П. С. З., т. XXVI, № 20075.

[3]) Свѣдѣнія о дѣятельности неоффиціальнаго комитета относительно крестьянскаго вопроса заимствованы изъ записокъ гр. П. Строганова, см. Прилож. къ I т. „Исторіи царств. имп. Александра I" Богдановича.

Самая важная мѣра по крестьянскому вопросу, принятая императоромъ Александромъ въ это время, было рѣшеніе, заявленное имъ въ неоффиціальномъ комитетѣ еще въ іюлѣ 1801 г.,—прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній въ полную собственность. До этого времени имъ было сдѣлано, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ со вступленія на престолъ, всего пять пожалованій, изъ которыхъ самое крупное—въ тысячу душъ—малолѣтней Мусиной-Пушкиной-Юрьевой было лишь исполненіемъ завѣщанія императора Павла. Нужно, однако, помнить, что съ прекращеніемъ пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность, императоръ Александръ продолжалъ давать ихъ въ видѣ наслѣдственныхъ арендъ, и что положеніе арендныхъ крестьянъ, которыхъ въ 1810 г. было около 350,000 д. мужскаго пола, было самое ужасное [1].

Обсуждая общія мѣры по крестьянскому вопросу, государь не только преслѣдовалъ помѣщиковъ, изобличенныхъ въ особенной жестокости, но и предавалъ гласности ихъ поступки. Въ 1802 г. сразу обнаружилось нѣсколько вопіющихъ злоупотребленій помѣщиковъ своею властью; это побудило составить секретный именной указъ губернаторамъ, которымъ упоминалась ихъ обязанность „обуздывать тиранства и жестокости“ и предписывалось „имѣть непримѣтныя и безгласныя, но точныя и достовѣрныя свѣдѣнія“ объ обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, и, въ случаѣ открытія злоупотребленій, немедленно подробно доносить государю подъ страхомъ взысканія. Впрочемъ, указъ этотъ, повидимому, не былъ разосланъ [2].

Мы видѣли, что вопросъ о непродажѣ людей безъ земли обсуждался въ 1801 г. въ государственномъ совѣтѣ, а затѣмъ и въ неоффиціальномъ комитетѣ; въ мартѣ 1802 г. онъ былъ вновь возбужденъ въ государственномъ совѣтѣ вслѣдствіе жалобы нѣсколькихъ крестьянъ одного помѣщика, которые были переданы по вѣрющимъ письмамъ, какъ будто въ услуженіе, одному петербургскому купцу. По этому поводу генералъ-прокуроръ, разсмотрѣвъ, по повелѣнію государя, обстоятельства дѣла, подалъ ему докладную записку, гдѣ привелъ законы, запрещающіе купцамъ имѣть въ кабалѣ у себя какихъ бы ни было крестьянъ, и замѣтилъ, что изобрѣтенныя по соглашенію съ дворянами вѣрющія письма—тѣ же запрещенныя Уложеніемъ кабалы. Генералъ-прокуроръ предлагалъ для прекращенія этихъ злоупотребленій предписать: 1) купцамъ и вообще неимѣющимъ права покупать людей въ вѣчное услуженіе, на основаніи Уложенія

¹) Срав. статью Семевскаго „Пожалованіе населенныхъ имѣній при имп. Павлѣ“ въ „Рус. Мысли“ 1882 г., № 12, стр. 187—189.

²) „Рус. Старина“, т. VI, 281—... Срав. распоряженія относительно отдѣльныхъ помѣщиковъ П. С. З. т. XXVII, 20217; „Рус. Старина“, т. I, изд. 2-е, стр. 449—450, 452—453; Арх. кн. Воронцова, XII, 405.

гл. XI, п. 32), дозволить нанимать ихъ себѣ только на одинъ годъ или на извѣстное время, а въ постоянное владѣніе ни подъ какимъ предлогомъ и никакими кабалами себѣ не укрѣплять; 2) съ этихъ поръ продавать людей безъ земли дозволить только тѣмъ, кто имѣетъ однихъ крѣпостныхъ безъ недвижимыхъ имѣній и деревень, покупать же дозволить только имѣющимъ помѣстья. Владѣльцамъ населенныхъ имѣній слѣдуетъ вообще запретить продажу людей безъ земли, сдѣлавъ исключеніе только для того случая, когда малоземельный помѣщикъ продаетъ своихъ людей другому для переселенія въ обильную землею вотчину. По приказанію государя, дѣло это было внесено въ государственный совѣтъ, гдѣ гр. А. Р. Воронцовъ, извѣстный, между прочимъ, своею дружбою къ Радищеву, прочелъ обширное мнѣніе по этому предмету. Какъ мы уже замѣтили выше, это мнѣніе чрезвычайно сходно съ самымъ подробнымъ проектомъ закона о прекращеніи продажи людей безъ земли, внесеннымъ въ засѣданіе совѣта 6 мая 1801 г., который поэтому мы и не разсматривали въ своемъ мѣстѣ.

Во вступленіи къ своему мнѣнію гр. Воронцовъ замѣчаетъ, какъ несообразно съ развитіемъ просвѣщенія, что одинъ человѣкъ можетъ продавать другаго, „по натурѣ ему равнаго“, „какъ лошадь или барана“. Возобновленіе вопроса о непродажѣ людей безъ земли, рѣшеніе котораго было отложено въ предъидущемъ году, доказываетъ, что теперь уже настало время приступить къ этой мѣрѣ. Соглашаюсь на это тѣмъ охотнѣе, — продолжаетъ Воронцовъ, — „что въ сердцѣ своемъ всегда имѣлъ я сіи правила, но не давалъ имъ полнаго движенія, единственно изъ опасенія неудобностей, кои легко отъ того произойти могли“. Затѣмъ Воронцовъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) дозволить покупать крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ не иначе, какъ съ землею, т.-е. деревнями; 2) запретить купцамъ покупать деревни на чужое имя подъ угрозою извѣстнаго штрафа или наказанія, да и вообще прекратить купцамъ возможность получать дворянство посредствомъ чиновъ, которыхъ они желаютъ для пріобрѣтенія права покупать деревни [1]), тѣмъ болѣе, что положеніе крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ обыкновенно хуже, чѣмъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ. „Дворянство, — продолжаетъ Воронцовъ, — по моему мнѣнію, должно пріобрѣтаться не богатствомъ, а прямыми заслугами, оказанными отечеству“; 3) пресѣчь „новое средство“ продажи людей въ рекрутство, употребляемое уже нѣсколько лѣтъ въ видѣ отпуска людей на волю, которые, будто бы, по собственному желанію, приписываются къ казен-

[1]) Авторъ проекта 1801 г. предлагалъ то же, но не такъ рѣшительно: „купцы, хотя бы они и въ чинахъ состояли, не могутъ однакожъ покупать деревень, доколѣ не получатъ жалованныя грамоты на дворянское достоинство; безъ предъявленія оной присутственное мѣсто совершить крѣпости да не дерзнетъ“.

нымъ деревнямъ, откуда ихъ тотчасъ же сдаютъ въ рекруты. Подробно описавъ, какъ это дѣлается, авторъ проекта, для прекращенія этого злоупотребленія, предлагаетъ постановить, чтобы всякій отпущенный на волю самъ представлялъ отпускную въ присутственное мѣсто, самъ подавалъ письменное прошеніе и чтобы послѣ принятія его въ число жителей селенія онъ могъ быть отданъ въ рекруты не ранѣе, какъ черезъ годъ. Этотъ пунктъ разсужденія гр. Воронцова въ основаніяхъ своихъ сходенъ съ подобнымъ проектомъ 1801 г., но всего болѣе онъ напоминаетъ разсужденія о торговлѣ рекрутами въ извѣстной книгѣ Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". Мы полагаемъ, что въ составленіи мнѣнія Воронцова принималъ непосредственное участіе Радищевъ, находившійся въ это время въ Петербургѣ на службѣ въ коммиссіи для составленія законовъ и бывшій, какъ извѣстно, въ очень близкихъ отношеніяхъ съ гр. Воронцовымъ [1]. Напомнимъ, что, по свидѣтельству его сына Павла Александровича, Радищевъ въ это время находилъ, между прочимъ, необходимымъ „освободить крѣпостныхъ господскихъ крестьянъ, а *съ тѣмъ и прекратить продажу людей въ рекруты*" [2]. Это выдѣленіе торговли рекрутами, какъ особенно ненавистнаго явленія, невольно напоминаетъ слова только-что приведеннаго пункта проекта А. Р. Воронцова: „постыдный промыселъ рекрутской продажи — болѣе неугодный и болѣе содрогающій человѣчество, нежели самая продажа людей безъ земли". Вообще, мнѣніе Воронцова написано не совсѣмъ такъ, какъ составляли оффиціальныя бумаги: тутъ мѣстами видно перо литератора и [illegible]. Что Радищевъ именно такимъ образомъ писалъ свои мнѣнія и въ коммиссіи законовъ, это доказываетъ его записка, найденная г. Сухомлиновымъ, „о пѣнахъ за людей убіенныхъ", гдѣ нѣкоторыя мѣста также напоминаютъ его книгу не только по мыслямъ, но и по выраженіямъ [3]. Возвратимся, однако, къ проекту Воронцова.

Въ остальныхъ трехъ пунктахъ его онъ предлагаетъ: 1) чтобы для облегченія отпуска людей на волю освобожденный немедленно самъ начиналъ платить за себя подати; 2) дворянамъ и чиновникамъ, имѣющимъ только однихъ дворовыхъ безъ земли, дозволить продавать ихъ въ казну (для зачисленія въ мѣщане или цеховые) за извѣстную сумму, смотря по полу и возрасту [4]; 3) дозволить продажу людей на сводъ съ тѣмъ, чтобы

[1]) Радищевъ умеръ 11 сентября 1802 г.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1858 г., т. XVIII, 424.

[3]) *Сухомлиновъ, А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву".* Спб. 1883 г., стр. 96—100, ср. 89—96.

[4]) Отъ 20 до 50 лѣтъ [illegible] руб., отъ 10 до 20 и отъ 50 до 60 [illegible] суммы, а менѣе 10 и болѣе 60 [illegible] четверть [illegible] половину [illegible] мужскаго.

они были переселены дѣйствительно для хлѣбопашества, а не обращены въ дворовыхъ.

Всѣ члены государственнаго совѣта согласились съ основными положеніями мнѣнія Воронцова, но по поводу послѣдняго пункта гр. Завадовскій замѣтилъ, что правило о непродажѣ людей безъ земли должно быть постановлено безъ всякихъ изъятій. Любопытно, что гр. Завадовскій въ своей частной перепискѣ, какъ мы увидимъ ниже, иронически относившійся къ либеральнымъ мнѣніямъ по крестьянскому вопросу, иначе высказывался по этому предмету въ государственномъ совѣтѣ, — доказательство, какое вліяніе имѣло въ это время либеральное настроеніе государя. Съ мнѣніемъ гр. Завадовскаго согласились гр. Румянцовъ, государственный казначей и даже генералъ-прокуроръ, который, въ своей докладной запискѣ государю, самъ допускалъ такое же исключеніе изъ правила о непродажѣ людей безъ земли. Но гр. Зубовъ и адмиралъ Мордвиновъ, находя, съ одной стороны, мнѣніе гр. Воронцова *совершенно и во всѣхъ частяхъ основательнымъ* и разсуждая, съ другой, что воспрещеніе продавать людей въ случаѣ недостатка земли, безъ представленія средствъ къ ихъ переселенію, стѣснило бы хлѣбопашество и умножило бы число бѣдныхъ", предлагали распространить и на этотъ случай мѣру, требуемую гр. Воронцовымъ относительно дворовыхъ, т. е. продажу въ казну части селеній для перевода и водворенія крестьянъ на казенныхъ земляхъ. Мы видимъ, что и Мордвиновъ въ это время предпочиталъ не плыть противъ теченія и не оспаривалъ продажи людей безъ земли, какъ это онъ дѣлалъ впослѣдствіи [1]. Трудно понять, почему, въ виду согласія на этотъ разъ государственнаго совѣта относительно необходимости прекратить продажу людей безъ земли, такая мѣра не была принята. Какъ видно, и въ данномъ случаѣ дурную службу сослужила нерѣшительность государя, поддерживаемая быть можетъ и Лагарпомъ, который въ это время еще былъ въ Россіи.

---

[1]) „Арх. Госуд. Сов." т. III, ч. I, стр. 772—782, ср. 770—72.

ГЛАВА XVII.

Учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ неофиціальномъ комитетѣ не привело почти ни къ какимъ практическимъ результатамъ: продажа крестьянъ безъ земли не была запрещена. Между тѣмъ, государь желалъ сдѣлать что-либо для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. На помощь ему въ этомъ затруднительномъ положеніи явилась частная иниціатива въ лицѣ гр. С. П. Румянцова, сына знаменитаго фельдмаршала. Нужно замѣтить, что гр. Сергѣй Петровичъ, какъ и его извѣстный братъ Николай, оказавшій такое существенное содѣйствіе русской исторической наукѣ, получили высшее образованіе на Западѣ, въ Лейденскомъ университетѣ, гдѣ слушали право и исторію; ихъ руководителемъ во время заграничныхъ путешествій былъ извѣстный корреспондентъ императр. Екатерины II, баронъ Гриммъ. Не смотря на то, что графъ С. П. Румянцовъ долженъ былъ проникнуться, такимъ образомъ, западными вліяніями, онъ сумѣлъ остаться самостоятельнымъ въ своихъ взглядахъ по крестьянскому вопросу и не явился защитникомъ безземельнаго освобожденія, подобно нѣкоторымъ своимъ современникамъ.

Въ ноябрѣ 1802 г., онъ подалъ государю записку съ очень важнымъ предложеніемъ, осуществленіе котораго, по его мнѣнію, должно было вести „къ постепенному уничтоженію рабства". „Многіе помѣщики", говоритъ Румянцовъ, „находятъ выгоднымъ для себя давать свободу нѣкоторымъ крестьянамъ за извѣстную плату; они охотно уволили бы и цѣлое селеніе, если бы это оказалось выгоднѣе продажи крѣпостныхъ. Поэтому можно было бы дозволить помѣщикамъ освобождать цѣлыя селенія, „утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, *или же всю дачу за обществомъ*" на условіяхъ, согласныхъ съ государственными узаконеніями и обоюдною пользою[1]. Правительство

[1]) Обращаемъ вниманіе на то, что въ этомъ проектѣ гр. С. П. Румянцовъ допускалъ [illegible] отдѣльными участками [illegible] цѣлому обществу, что давало возможность сохранять общинное землевладѣніе.

должно строго и безпристрастно наблюдать за исполненіемъ условій, несостоятельныхъ же крестьянъ *брать въ рекруты*, давая помѣщикамъ квитанціи и возвращая имъ землю. Съ другой стороны, нужно утвердить существованіе этого новаго разряда крестьянъ особою грамотою, чтобы они не опасались пожалованія ихъ государемъ въ частную собственность. Въ проектѣ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ, поданномъ вскорѣ послѣ того Румянцовымъ, онъ предлагалъ слѣдующія постановленія: 1) однимъ благороднымъ навсегда принадлежитъ исключительное право владѣть крестьянами, пріобрѣтать ихъ и распоряжаться ими; 2) людямъ благороднымъ дозволяется отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями, заключая съ ними крѣпостныя условія; 3) такъ какъ въ 1801 г. было дозволено свободнымъ людямъ пріобрѣтать земли, то дворянинъ, увольняющій крестьянъ цѣлымъ семействомъ, можетъ „утверждать *за каждымъ увольняемымъ*“ участокъ земли по своему желанію (о надѣлѣ на цѣлое общество тутъ уже не упоминалось); 4) селенія могутъ и сразу выкупаться на свободу, внеся требуемую господиномъ сумму; 5) слѣдуетъ допускать и такія условія, гдѣ дѣло идетъ о пріобрѣтеніи не полной свободы, а только о „законномъ утвержденіи земли“, съ уплатою „превосходнаго оброка“, или въ которыхъ будетъ назначенъ срокъ уплаты всей суммы. Относительно неисправныхъ плательщиковъ Румянцовъ предлагалъ тѣ же мѣры, какъ и въ своей первой запискѣ, прибавивъ, что негодныхъ для рекрутчины можно отдавать „въ какую-нибудь государственную работу“. Такимъ образомъ, за несоблюденіе гражданскаго договора, онъ готовъ былъ допустить самыя тяжелыя кары.

Прошеніе Румянцова и составленный имъ проектъ указа разсматривались въ государственномъ совѣтѣ въ засѣданіи 12 января 1803 г. [1]. Признавая его мысль согласною съ существующими законами и во многихъ случаяхъ полезною для обѣихъ сторонъ, совѣтъ, однако же, нашелъ неудобнымъ предложенный способъ ея осуществленія, такъ какъ „изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ по условіямъ можетъ произвести превратные толки и... многіе помѣщики усмотрятъ въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ“. Генералъ-прокуроръ Державинъ прибавилъ къ этому, что, хотя по древнимъ законамъ нѣтъ права владѣльцевъ на рабство крестьянъ, но „политическіе виды“, прикрѣпивъ ихъ къ землѣ, ввели рабство въ обычай, который, „утвердясь временемъ, содѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность“. Если это первое возраженіе было внушено главнымъ образомъ отвращеніемъ многихъ членовъ совѣта ко всякимъ освободительнымъ мѣрамъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, то въ слѣдующемъ замѣчаніи было много спра-

[1]) Перечень членовъ совѣта въ это время см. у *Даневскаго*, стр. 51—52.

водливаго. Изданіе предложеннаго закона, говорили члены совѣта, можетъ принести вредъ крестьянамъ вслѣдствіе „жадности къ прибыткамъ" многихъ помѣщиковъ. Воспользовавшись стремленіемъ своихъ крѣпостныхъ къ освобожденію, они назначатъ имъ весьма обременительныя условія, исполненіе которыхъ разоритъ крестьянъ: несостоятельные изъ нихъ будутъ отданы въ рекруты или въ работу, а исполнившіе условіе изъ зажиточныхъ крѣпостныхъ превратятся въ свободныхъ бобылей. Затѣмъ совѣтъ предложилъ различныя измѣненія и дополненія къ проекту Румянцова. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ продолжалось обсужденіе того же предмета и, наконецъ, были выработаны проекты указа сенату и инструкціи министру внутреннихъ дѣлъ, которые и были одобрены совѣтомъ въ засѣданіи 9 февраля.

Повидимому, всѣ препятствія со стороны противниковъ новаго закона были преодолѣны, но одинъ изъ нихъ, министръ юстиціи и, въ то же время, генералъ-прокуроръ, Г. Р. Державинъ, сдѣлалъ еще послѣднюю попытку. Когда *именной* указъ сенату по этому дѣлу былъ ему присланъ, онъ, не отправляя его по назначенію, поѣхалъ во дворецъ и сталъ доказывать государю неудобство и безполезность новаго закона не только изъ „политическихъ видовъ", такъ какъ „вообще непросвѣщенной черни опасно много твердить о вольности", но и по самому своему содержанію. Державинъ приводилъ уже извѣстное намъ возраженіе, что „рабъ съ охотою будетъ обѣщать все, что отъ него ни потребуютъ", а затѣмъ окажется несостоятельнымъ. Судьи-творцы не могутъ безпристрастно рѣшать возникающіе при этомъ споры, и крестьяне будутъ обращаться въ прежнее крѣпостное состояніе или „тягчайшее рабство", такъ какъ помѣщикъ будетъ мстить за причиненные ему хлопоты и убытки. Интересы государства также пострадаютъ, ибо свободные крестьяне, имѣющіе возможность переселиться на другія мѣста, будутъ неисправно ставить рекрутъ и платить подати, тогда какъ теперь помѣщики — „наилучшіе смотрители или полиціймейстеры за благочиніемъ и устройствомъ поселянъ". Тутъ же Державинъ сталъ развивать передъ государемъ свою мысль о приглашеніи губернскихъ предводителей дворянства для опредѣленія повинностей крѣпостныхъ крестьянъ и отеческой расправы надъ ними помѣщиковъ, о чемъ мы упоминали уже выше. Всѣ эти возраженія поколебали государя, и онъ приказалъ возвратить указъ въ государственный совѣтъ для новаго его пересмотра. Однако, приближенные государя не дремали. Не успѣлъ Державинъ возвратиться домой, какъ къ нему явился Новосильцевъ съ приказаніемъ императора не отдавать указа въ совѣтъ, а отослать въ сенатъ для непремѣннаго исполненія. Тогда недовольный Державинъ задумалъ воспользоваться правомъ сената входить къ государю съ докладомъ, если какой-нибудь новый законъ покажется неудобнымъ, неудобоисполнимымъ или вреднымъ для государства. Онъ под-

говорилъ одного стараго сенатора, Колокольцова, при запискѣ указа въ общемъ собраніи сдѣлать государю представленіе о „неполезности" указа. Тотъ обѣщалъ, но затѣмъ не рискнулъ сдержать слово и предпочелъ, сказавшись больнымъ, совсѣмъ не пріѣхать въ засѣданіе. Явившись на другой день въ сенатъ, Державинъ очень удивился, что указъ уже отосланъ въ первый департаментъ для исполненія; однако, доказывая его безполезность и неудобность и что государь „приведенъ на такое дѣло, которое не принесетъ ему ни пользы, ни славы", онъ настоялъ, чтобы „у него по разговорѣчью въ исполненіи", возвратить указъ въ общее собраніе. Это сдѣлалось извѣстнымъ императору, и въ тотъ же день онъ ему сказалъ: „Какъ вы, Гаврила Романовичъ, противъ моихъ указовъ идете въ сенатѣ и критикуете ихъ? Вмѣсто того—ваша должность подкрѣплять **ихъ и настоять о непремѣнномъ исполненіи"**.

Несмотря на повтореніе Державинымъ его возраженій, государь, проникнувшійся, по словамъ пѣвца Фелицы, подъ вліяніемъ Лагарпа и другихъ окружавшихъ его „мечтателей" мыслью объ освобожденіи отъ рабства народа, по ихъ мнѣнію, „великодушною и благородною", не колебался уже болѣе и, самъ рѣшивши или, какъ думалъ Державинъ, „въ своемъ предразсудкѣ", и приказалъ не возвращать указа въ общее собраніе сената, а исполнить его непремѣнно, чему Державинъ и долженъ былъ безпрекословно повиноваться. Вся эта исторія еще разъ наглядно показываетъ, съ какимъ трудомъ осуществлялись въ то время даже такія мѣры въ пользу крѣпостныхъ, которымъ въ высшей степени сочувствовалъ самъ императоръ. Каково же было содержаніе указа, надѣлавшаго столько хло**потъ и испортившаго много крови Державину?**

Послѣ упоминанія о прошеніи Румянцова и прежнихъ законахъ—манифестѣ 1775 года, дозволившемъ *вольноотпущеннымъ ни за кѣмъ не записываться* и указѣ 1801 г., разрѣшившемъ свободнымъ людямъ пріобрѣтать землю, дозволялось какъ самому Румянцову, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ послѣдовать его примѣру, освобождать своихъ крестьянъ, благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ, на слѣдующихъ условіяхъ: отпускать ихъ на волю можно было какъ поодиночкѣ, такъ и цѣлымъ селеніемъ, и утверждать за ними участокъ земли или цѣлую дачу. Условія, заключенныя по обоюдному согласію между помѣщикомъ и крестьянами, представляются чрезъ губернскаго предводителя дворянства и министра внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе государя, затѣмъ они сохраняются, какъ крѣпостныя обязательства, свято и ненарушимо, оставаясь во всей силѣ и относительно наслѣдниковъ помѣщика. Крестьянинъ или цѣлое селеніе, не исполнивши своихъ обязательствъ, возвращаются по прежнему во владѣніе помѣщика съ землею и семействами (слѣдовательно, отдача въ рекруты или работу, первоначально предложенная Румянцовымъ, принята не была). Уволенные такимъ образомъ, если не пожелаютъ войти въ другія сословія

могутъ оставаться земледѣльцами на собственныхъ земляхъ и составляютъ „особенное состояніе *свободныхъ хлѣбопашцевъ*“. Дворовые люди и крестьяне, отпущенные лично на свободу, могутъ въ узаконенный срокъ войти въ этотъ разрядъ сельскаго населенія, если пріобрѣтутъ землю. Подушный окладъ свободные хлѣбопашцы платятъ въ казну наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами (не внося, слѣдовательно, оброчныхъ денегъ), рекрутскую же и земскія повинности исполняютъ наравнѣ съ казенными крестьянами. Получивъ землю въ собственность, они имѣютъ право продавать ее, закладывать и оставлять въ наслѣдство, однако же, не раздробляя участковъ менѣе 8-ми десятинъ; они имѣютъ также право вновь покупать землю а потому и переселяться, съ вѣдома казенной палаты, изъ одной губерніи въ другую.

По утвержденнымъ государемъ правиламъ, даннымъ въ руководство министру внутреннихъ дѣлъ, при разсмотрѣніи условій, заключенныхъ на основаніи указа 20 февраля 1803 г., условія могутъ быть трехъ родовъ: 1) когда помѣщикъ даетъ крестьянамъ *личную свободу* съ утвержденіемъ за ними въ собственность земли за опредѣленную въ условіи сумму, которая вносится при самомъ совершеніи отпускной, 2) когда *при выкупѣ* плата разсрочивается въ года или назначается число лѣтъ, въ продолженіе которыхъ они обязаны исполнять въ пользу помѣщика опредѣленныя повинности, и 3) когда крестьяне, *оставаясь крѣпкими землѣ*, заключаютъ съ помѣщиками условія, на основаніи которыхъ, владѣя его землею, они обязываются на извѣстное число лѣтъ, по жизнь его или навсегда, исполнять извѣстныя повинности или платить оброкъ деньгами или продуктами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ наблюдать: 1) чтобы крестьяне, остающіеся въ той же деревнѣ крѣпостными помѣщика, не были совершенно лишены земли въ пользу увольняемыхъ, и 2) чтобы помѣщикъ, при заключеніи условія, *раздѣлялъ всю землю на участки*, такъ, чтобы каждый изъ крестьянъ, заключающій условіе, имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли“, на который долженъ быть выданъ и соотвѣтственный планъ [1]. Это послѣднее требованіе могло очень вредно отразиться на крестьянскихъ интересахъ: оно, во-первыхъ, разрушало общинное землевладѣніе, а, во-вторыхъ, вносило положительно трудно-исполнимое условіе для перехода крестьянъ въ новое положеніе — размежеваніе участковъ, но мы увидимъ, что это правило сплошь и рядомъ не исполнялось и впослѣдствіи было измѣнено. Хотя число освобожденныхъ на основаніи закона 1803 г. было не велико, что и понятно,

[1]) Архивъ [illegible] стр. [illegible] Обр. [illegible] 1871 г., [illegible] II, стр. 111—116. Арх. [illegible] т. III [illegible] VI [illegible] 1871 г., стр. 812—817. П. С. З. т. XXVII. №№ 20620, 20625.

такъ какъ назначеніе тѣхъ или другихъ условій зависѣло отъ воли помѣщика, но онъ имѣлъ чрезвычайно важное и благотворное значеніе, преграждая помѣщикамъ возможность безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами [1]).

Новый законъ былъ встрѣченъ всѣми сочувствующими уничтоженію или ограниченію крѣпостнаго права съ большою радостью; напротивъ, крѣпостники, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражали свою досаду. Къ числу первыхъ принадлежалъ М. В. Храповицкій, братъ извѣстнаго статсъ-секретаря императрицы Екатерины II. Онъ набросалъ по поводу новаго указа нѣсколько мыслей, впрочемъ не для печати. „Россія", говоритъ онъ, „славится монархіею. Самодержавный государь постановляетъ законы основаніемъ и мѣрою власти своей. А внутри что? Тысячи господъ, большихъ и малыхъ, владѣютъ неограниченно третьею, можетъ быть, частью народа... Взглянуть на нравственность господствующихъ — ощутится состояніе повинующихся. Другъ человѣчества обольется слезами". Новый законъ подаетъ Храповицкому поводъ желать, чтобы крѣпостное право было ограничено: нужно предоставить дворянству сдѣлать постановленіе, какъ далеко должно простираться право владѣть людьми, „братьями по человѣчеству". Въ виду разнообразія экономическихъ условій въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, необходимо допустить особыя постановленія въ каждомъ уѣздѣ [2]); мы видѣли, что мысль о необходимости ограниченія повинностей, съ соблюденіемъ при этомъ мѣстныхъ особенностей, высказывалъ императору Александру и Г. Р. Державинъ.

Свое сочувствіе закону 20 февраля 1803 г. М. В. Храповицкій еще яснѣе выразилъ въ особой одѣ, гдѣ, воспѣвая заботливость государя о крестьянахъ, онъ, между прочимъ, представляетъ положеніе земледѣльца до и послѣ освобожденія. Крѣпостной крестьянинъ:

.. „удрученъ работой,
Обремененъ семьей, заботой,
Забыться радъ глубокимъ сномъ
Едва вздохнуть на небо знаетъ,
Питать надежды не дерзаетъ,
Чтобъ могъ престать онъ быть рабомъ.
Престалъ — и, собственность имѣя,
Сказать осмѣлился: „*мое*";
Трудовъ, ни пота не жалѣя,
Своимъ, наслѣдіе свое

[1]) Черезъ нѣсколько дней послѣ изданія указа 20 февраля 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ государь выразилъ свою признательность гр. Румянцеву, по иниціативѣ котораго изданъ былъ, въ особомъ рескриптѣ и пожаловалъ ему табакерку съ своимъ портретомъ.

[2]) Ч. О. И. Д. Р. 1858 г., т. II, стр. 183—84.

Улучшивъ, передать желаетъ;
Теперь лишь жить онъ начинаетъ,
Исчезъ бича всегдашній страхъ!

. . . .

Свободный хлѣбопашецъ онъ,
Свободенъ въ ремеслѣ полезномъ
И сынъ въ отечествѣ любезномъ!
Его подъ кровъ пріялъ законъ"... [1]).

При всѣхъ недостаткахъ формы этого произведенія, нельзя не отдать справедливости его автору, что, въ отличіе отъ многихъ одописцевъ того времени, онъ воспѣвалъ дѣйствительно заслуживающее сочувствія и восхваленія. А что чувства, одушевлявшія Храповицкаго, были совершенно искренни, доказываетъ увольненіе имъ въ 1819 г. въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ 260-ти душъ крестьянъ въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, съ обязанностью исполнять до его смерти попрежнему всѣ господскія работы [2]).

Между тѣмъ какъ люди, проникнутые либеральнымъ образомъ мыслей, сочувствовали указу о свободныхъ хлѣбопашцахъ, крѣпостники сильно негодовали на него. Извѣстный любимецъ Павла, Ѳ. В. Ростопчинъ, находившійся пока не у дѣлъ, посылая къ своему другу Цицiанову списокъ съ благодарственнаго письма государя къ С. П. Румянцову, замѣчаетъ, что богатый крестьянинъ, имѣющій возможность заплатить за себя деньги и купить участокъ земли, не станетъ заниматься хлѣбопашествомъ, а запишется въ купцы. Казенные крестьяне, по его мнѣнію, бѣднѣе помѣщичьихъ, такъ что большая часть ихъ, будто бы нанимается батраками въ господскихъ помѣстьяхъ. Ростопчинъ полагаетъ, что у крѣпостныхъ крестьянъ не найдется и средствъ для выкупа, такъ какъ, по его вычисленію, крестьянскій дворъ, гдѣ пять душъ мужескаго пола и въ томъ числѣ два работника, долженъ за свой выкупъ съ достаточнымъ количествомъ земли заплатить господину, по крайней мѣрѣ, 2,000 руб. Онъ полагаетъ, что отъ новаго закона будетъ польза только капитанъ-исправникамъ, „да если гдѣ-нибудь отъ глупыхъ толковъ взволнуются крестьяне, то хорошо будетъ солдатамъ стоять у оставшихся отъ побоища" на постоѣ. „Вотъ доказательство", продолжаетъ онъ, какъ сильно надъ умами тѣлами и душами дѣйствуетъ дворцовый гальванизмъ. Румянцову вѣрно захотѣлось или въ четвертый разъ въ службу, или двухъ аршинъ голубой ленты. Но, увы, отправленъ табакеркою! Ты представить себѣ легко можешь, что за волненіе все сіе произвело въ Москвѣ: и ефимоны перестали читать, чтобы бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т.-е.

[1]) „Библіографич. Записки" 1858 г., № 12.

[2]) *В. И. Вешняковъ*. Крестьяне-собственники въ Россіи. Спб. 1858 г. Приложеніе стр. 90. Срав. „Изъ записокъ Сушкова", „Вѣстн. Евр." 1867 г., т. II, стр. 183—184.

Сергѣя Петровича". Въ другомъ письмѣ Ростопчинъ замѣчаетъ: „графъ Румянцовъ хотѣлъ примириться съ дворомъ и поссорился со всѣми русскими дворянами" [1]). Графъ П. В. Завадовскій писалъ графу С. Р. Воронцову объ С. Румянцовѣ вскорѣ послѣ изданія закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ: „Онъ не можетъ быть безъ затѣевъ, и всегда странныхъ: вообразилъ подбиться любимою матеріею, что и удалось на первый взглядъ. Предлагаемое не самъ выполнитъ, а для другихъ дѣло не сбыточное; на первое время возмутятъ толки, и весь плодъ въ томъ... не все чужое приложимо къ нашему состоянію" [2]). Негодованіе консерваторовъ рѣзко выражается и въ запискахъ Державина. Какъ и Ростопчинъ, онъ безъ всякаго основанія предполагаетъ самыя дурныя побужденія въ благородномъ поступкѣ Румянцова: „Румянцовъ выдумалъ (смѣю сказать, *изъ подлой трусости государю угодить*) средство, какимъ образомъ сдѣлать свободными господскихъ крестьянъ. Онъ представилъ свой проектъ, стакнувшись напередъ, смѣю сказать, съ якобинскою шайкою — Чарторыскимъ, Новосильцовымъ и пр.". Мы видѣли, что именно Новосильцовъ имѣлъ болѣе чѣмъ умѣренныя мнѣнія въ крестьянскомъ вопросѣ, да и вообще слѣдуетъ замѣтить, что члены неофиціальнаго комитета иной разъ даже удерживали освободительныя стремленія государя. Такъ, наприм., когда въ одномъ изъ засѣданій, въ ноябрѣ 1803 г., государь высказалъ, что „слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и сознавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною", т.-е. то же самое, что говорилъ нѣсколько ранѣе и графъ Строгановъ, то члены комитета нашли нужнымъ замѣтить: „*не слѣдовало бы слишкомъ обижать дворянъ*, составляющихъ также значительную массу", хотя первая мѣра по крестьянскому вопросу — указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, показалъ, что объ обидѣ дворянъ не было и рѣчи. Обругавъ „якобинскую шайку", Державинъ не даетъ спуска и другимъ сановникамъ: „Всѣ господа члены совѣта, — говоритъ онъ, — хотя находили сей проектъ не полезнымъ, перешептывали между собою о томъ, но согласно всѣ одобрили, какъ и указъ, заготовленный о томъ, апробовали" (кромѣ самого Державина) [3]).

---

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ", изд. Бартенева, т. II, стр. 6 и 9.

[2]) „Архивъ кн. Воронцова" XII, 273. Гр. С. Р. Воронцовъ также не сочувствовалъ указу о свободныхъ хлѣбопашцахъ, полагая, что онъ можетъ „принести пагубныя послѣдствія для всей имперіи". „Арх. кн. Воронцова, X, 200".

[3]) Любопытно, что впослѣдствіи Державинъ имѣлъ намѣреніе включить въ свое духовное завѣщаніе нѣкоторыя правила, ограничивающія власть его наслѣдниковъ надъ крестьянами. Онъ такъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: „когда Державинъ вышелъ въ отставку и увидѣлъ, что указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ не исполнялся и исполниться не можетъ, и будучи тогда очень нездоровъ, написалъ завѣщаніе о своемъ имѣніи, въ которомъ сдѣлалъ распоряженіе относительно свободы его крестьянъ, въ которомъ ограничилъ съ одной стороны самовластіе владѣльцевъ, его наслѣдниковъ, надъ людьми и крестьянами, а съ другой — не далъ имъ никакого поводу

Для предотвращенія безпорядковъ въ народѣ, которыми грозили противники указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, черезъ нѣсколько дней послѣ его обнародованія, нашелъ нужнымъ разослать особый циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ разъясняетъ, что этою мѣрою отнюдь не предполагается „ослабить порядокъ, нынѣ существующій между помѣщиками и крестьянами", которые „должны остаться въ той же точно зависимости и безмолвномъ повиновеніи къ господамъ своимъ, въ каковомъ доселѣ были". Губернаторамъ рекомендовалось, при малѣйшемъ непослушаніи „дѣйствовать силою ввѣренной имъ власти по всей строгости закона" [1]) Предсказанія крѣпостниковъ о вредномъ вліяніи новой мѣры на спокойствіе народа, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно не оправдались, и Кочубей могъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовать это въ своемъ министерскомъ отчетѣ за 1803 г. [2]).

Въ злобѣ на Румянцова, за ненавистный ему законъ, Державинъ взводитъ на него совершенную небылицу, говоря, что крестьяне отпущенные имъ на волю, были не крѣпостные его, а вольные, поселенные его отцомъ, покойнымъ фельдмаршаломъ, „на его земляхъ, *вновь отъ Порты пріобрѣтенныхъ*". Это совершенный вздоръ, такъ такъ, крѣпостные, освобожденные Румянцовымъ, жили въ губерніяхъ вологодской, ярославской и рязанской. Впрочемъ, первый, воспользовавшійся указомъ 1803 г., былъ не самъ Румянцовъ, а воронежскій помѣщикъ Петрово-Соловово, который въ апрѣлѣ 1804 г. освободилъ 5,001 душу своихъ крѣпостныхъ крестьянъ валуйскаго уѣзда, со всею принадлежащею къ имѣнію землею, съ обязательствомъ уплатить въ теченіе 10-ти лѣтъ полтора милліона рублей [3]).
Затѣмъ, въ ноябрѣ того же года, обратился съ письмомъ къ государю С. П. Румянцовъ, въ которомъ выражалъ желаніе освободить своихъ крестьянъ—въ ярославской губерніи 59 душъ, въ вологодской губерніи 126

въ своеволіе и переходленіе на мѣста. Въ 1808 или 1809 году просилъ чрезъ господина Молчанова о подтвержденіи государемъ того его завѣщательнаго распоряженія, но не удостоился его благоволенія, и сказано было, чтобъ просилъ о томъ въ судебныхъ мѣстахъ по законамъ, чего безъ воли монаршей никому не можно было сдѣлать. Съ тѣхъ поръ Державинъ „не безпокоилъ" царя „никакими на пользу отечества усердными представленіями". Государь пожелалъ, очевидно, чтобы правила, установленныя Державинымъ, были согласованы съ закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Въ окончательной же редакціи Державинъ исключилъ тотъ пунктъ, который первоначально уста[illegible] въ имѣніе [illegible] его крестьянъ. Сочиненія Державина, изд. Акад. Наукъ, т. VI, Спб. 1871 г., 828—829; срав. VIII, Спб. 1880 г., стр. 1,007.

¹) *Вешняковъ*, стр. 30—31.

²) Отчетъ министерства внутреннихъ дѣлъ за 1803 г., Спб. 1804 г., стр. 106, 107. Въ 1808 г. противъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ высказался въ государственномъ совѣтѣ генералъ Философовъ. Арх. Госуд. Сов., т. III, ч. 1, стр. 825—826.

³) С.-Петербургскій Журналъ, 1805 г., № 1, кн. 1, стр. 11—25; срав. П. С. З. XXVIII, № 21,531.

и въ рязанской 34 души, всего 194 души, со всею землею, безъ всякой платы и требованія какого бы то ни было оброка, съ обязательствомъ только не продавать земли въ теченіе пяти лѣтъ. Состояніе его дѣлъ, по словамъ Румянцова, не дозволяло ему „идти далѣе пожертвованія около 2,000 руб. самаго вѣрнаго дохода". Графъ Сергѣй Петровичъ просилъ государя оставить за нимъ право быть ходатаемъ за своихъ крестьянъ, на что и получилъ согласіе. Въ этомъ же году, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ выразилъ желаніе освободить 2,986 душъ своихъ крестьянъ, съ обязательствомъ уплатить 1,100,000 руб. въ теченіе 25-ти лѣтъ, о чемъ и было заявлено въ „*С.-Петербургскомъ Журналѣ*". Несмотря на то, что относительно крестьянъ Куракина уже посланъ былъ именной указъ воронежскому губернатору, заявленіе это оказалось преждевременнымъ. Князь Куракинъ предположилъ уволить своихъ крестьянъ на условіяхъ, утвержденныхъ правительствомъ, но лишь послѣ своей смерти. Совершеніе акта объ этихъ условіяхъ было пріостановлено за отъѣздомъ князя по дѣламъ службы за границу, гдѣ онъ пробылъ до 1811 г., а по возвращеніи онъ объявилъ, что его крестьяне не желаютъ вступить въ свободные хлѣбопашцы, и дѣло о нихъ было признано въ министерствѣ поконченнымъ. Хотя крестьяне, по смерти князя, и просили объ исполненіи прежнихъ условій, но имъ было отказано вслѣдствіе измѣненія намѣренія владѣльца. Не упоминая еще о двухъ случаяхъ увольненія небольшаго числа крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы въ 1804 г., скажемъ только, что въ этотъ годъ было всего дѣйствительно освобождено отъ крѣпостной зависимости 5,232 души крестьянъ[1]). Прежде, чѣмъ сообщить свѣдѣнія о всемъ числѣ освобожденныхъ въ царствованіе императора Александра I на основаніи указа 1803 г. и наиболѣе замѣчательныхъ случаяхъ такого освобожденія, мы разсмотримъ дальнѣйшее развитіе законодательства по этому вопросу въ занимающую насъ эпоху.

Прежде всего возникъ вопросъ относительно освобожденія крестьянъ посредствомъ завѣщанія въ родовыхъ имѣніяхъ. По закону 1803 г., помѣщики могли обращать своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, какъ въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, такъ и въ родовыхъ. Въ слѣдующемъ году было получено прошеніе двухъ помѣщиковъ, желавшихъ отпустить своихъ крестьянъ изъ родоваго имѣнія въ вольные хлѣбопашцы, но только послѣ своей смерти, при жизни же помѣщиковъ они должны быть попрежнему крѣпостными. Совѣтъ нашелъ, что такое освобожденіе было бы отпускомъ на волю по завѣщанію, а родовымъ имѣніемъ никто иначе располагать не можетъ, какъ по закону; поэтому, по его мнѣнію, не слѣдуетъ

---

[1]) Рус. Арх. 1869 г. стр. 1961—64, *Вешняковъ*, Прилож. 3, стр. 81, *Варадиновъ*. „Исторія Мин. Внутр. Дѣлъ" ч. II, кн. 1, стр. 106, П. С. З. XXVIII, № 21431, 21525, 21531.

утверждать такихъ сдѣлокъ, тѣмъ болѣе, что помѣщики могутъ исполнить свое намѣреніе и не отступая отъ общаго закона, а именно заключить съ крестьянами условіе, чтобы они, вступивъ теперь же въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, отбывали до смерти своихъ господъ извѣстныя повинности. Государь утвердилъ это мнѣніе совѣта [1]), хотя оно, несомнѣнно, должно было тормозить дѣло освобожденія крестьянъ, такъ какъ уволить крѣпостныхъ по завѣщанію менѣе хлопотливо, чѣмъ исполнить самому всю процедуру, необходимую для оформленія условій съ ними [2]).

Что запрещеніе отпускать крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы изъ родовыхъ имѣній должно было уменьшить число освобождаемыхъ, видно изъ слѣдующаго дѣла. Симбирская помѣщица Куроѣдова, не задолго до смерти, выдала своему племяннику, для представленія симбирскому гражданскому губернатору, письмо ея и домашнее духовное завѣщаніе, которымъ безденежно уволила въ свободные хлѣбопашцы 264 души своихъ родовыхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они, сверхъ податей, платили съ каждой души въ годъ по два рубля въ приказъ общественнаго призрѣнія, на содержаніе Александровской больницы въ Симбирскѣ. Губернаторъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, а вскорѣ затѣмъ крестьяне подали государю просьбу объ утвержденіи завѣщанія ихъ помѣщицы. Обсужденіе дѣла было поручено, по желанію императора, государственному совѣту. Министръ юстиціи, князь Лопухинъ, въ своемъ мнѣніи высказался противъ освобожденія этихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, такъ какъ имѣніе родовое и, слѣдовательно, завѣщаніе незаконное. Совѣтъ, вопреки мнѣніямъ Чарторыскаго и Завадовскаго, согласился съ мнѣніемъ министра юстиціи [3]). Впрочемъ, какъ ни печально, что въ данномъ случаѣ болѣе 200 душъ осталось крѣпостными, но едва-ли было бы желательно, для правильнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, принять и мнѣніе Чарторыскаго, предлагавшаго на этотъ разъ даровать крестьянамъ одну личную свободу, такъ какъ допущеніе возможности освобожденія крестьянъ безъ земли было бы очень плохимъ прецедентомъ. Правда, мы встрѣчаемъ два-три случая такихъ безземельныхъ освобожденій среди дѣлъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, но это, къ счастію, только исключеніе.

Однимъ изъ такихъ исключеній было увольненіе графомъ Каховскимъ ногайцевъ въ свободные земледѣльцы. Ногайцы эти находились въ числѣ

---

[1]) П. С. З., XXVIII, № 21562, 19 дек. 1804 г.

[2]) Какъ одинъ изъ примѣровъ вреднаго вліянія недопущенія освобожденія крестьянъ по завѣщанію см. П. С. З. XXXV, № 27470.

[3]) Арх. Госуд. Сов. т. III, ч. 1, стр. 800—806. Были однако случаи и позднѣе, когда государственный совѣтъ признавалъ освобожденіе въ вольные хлѣбопашцы по духовному завѣщанію крестьянъ родового имѣнія, какъ было напр. въ 1808 г., при [illegible] освобожденія безъ земли. Арх. Госуд. Сов. т. III, ч. 1, стр. 821—825.

плѣнниковъ, взятыхъ при покореніи Анапы. По рескрипту императрицы Екатерины II князю Потемкину, они были утверждены за отцомъ графа Каховскаго и записаны за нимъ по пятой ревизіи въ числѣ 328 душъ въ одной деревнѣ ѳеодосіискаго уѣзда, таврической губерніи. Графъ Каховскій (сынъ) заключилъ съ ними условіе, по которому отпускалъ ихъ на волю со всѣмъ имуществомъ но безъ земли, за 90,000 руб., изъ которыхъ 25,000 они уже внесли въ концѣ 1805 года, а 65,000 руб. обязывались внести въ теченіе трехъ лѣтъ. До окончательной расплаты съ помѣщикомъ они должны были остаться въ своихъ нынѣшнихъ жилищахъ, а затѣмъ обязаны были переселиться или на казенную землю, или на собственную, если пожелаютъ ее пріобрѣсти. Въ эти три года они освобождались отъ господскихъ повинностей. Если въ назначенный срокъ они не заплатятъ условленной суммы, то всѣ ногайцы „той части, которой принадлежатъ неплательщики", остаются попрежнему крѣпостными помѣщика, и прежде уплаченныя ими деньги не возвращаются. Министръ внутреннихъ дѣлъ, замѣтивъ въ условіи несоотвѣтствіе съ установленными правилами, обратилъ на это вниманіе таврическаго губернатора, также какъ и на то, что выкупъ за одно личное освобожденіе (по 275 р. съ души) слишкомъ великъ. Губернаторъ отвѣчалъ, что графъ Каховскій, какъ военный, находится въ походѣ и потому возвратить ему условія нельзя, что ногайцы гораздо трудолюбивѣе прочихъ тамошнихъ жителей, что они очень разбогатѣли и могутъ внести за себя требуемую сумму, что если уничтожить условіе, то 25,000 руб., данные ими помѣщику, могутъ быть потеряны безвозвратно (?) и что, когда они освободятся, то ихъ можно будетъ размѣстить, по ихъ желанію, въ многоземельныхъ татарскихъ деревняхъ или поселить съ прочими ногайцами при Молочныхъ Водахъ. Несмотря на то, что въ условіи этомъ не было выполнено основнаго требованія указа 20 февраля 1803 года — надѣленія землею (и вольноотпущенные принимались въ свободные *хлѣбопашцы* лишь по пріобрѣтеніи ими земли), государственный совѣтъ къ удивленію, высказался за его утвержденіе. Выставленные при этомъ мотивы крайне слабы и, руководствуясь ими, слѣдовало бы освободить и крестьянъ Куроѣдовой. Если тамъ было противорѣчіе закону о родовыхъ имѣніяхъ, за то гораздо болѣе соотвѣтствія съ духомъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Государственный совѣтъ ограничилъ свою заботливость о ногайцахъ только тѣмъ, что порекомендовалъ таврическому губернатору принять ихъ подъ особенное покровительство мѣстнаго начальства и оградить „отъ всякаго со стороны помѣщика притѣсненія"; когда же они выполнятъ свои обязательства, то поселить ихъ на казенныхъ земляхъ или на собственныхъ, если они ихъ пріобрѣтутъ [1]).

---

[1]) Арх. Госуд. Сов. т. III, ч. 1, стр. 807—810.

Къ счастію, освобожденіе крестьянъ безъ земли не вошло въ обычай, и въ томъ же 1807 г., когда были освобождены такимъ образомъ поганцы Каховскаго, соблюденіе правилъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ повелѣно было считать неизбѣжнымъ условіемъ при увольненіи крестьянъ цѣлыми селеніями во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее дѣло. Виленскій помѣщикъ Нагурскій, при жизни своей, въ 1800 году, сдѣлалъ постановленіе объ увольненіи крестьянъ и дворовыхъ съ домами и движимостью отъ крѣпостной зависимости, съ тѣмъ, чтобы при жизни его, оставаясь въ своихъ селеніяхъ, они состояли у него въ совершенномъ послушаніи, „а по смерти его были бы обязаны наслѣдникамъ тѣмъ единственно, чего, въ предупрежденіе безпорядка и непристойности, требовать будутъ высочайшіе указы". По смерти Нагурскаго, имѣніе его досталось по наслѣдству помѣщику Жуковскому, и вотъ начались жалобы: со стороны крестьянъ, что съ ними поступаютъ какъ съ крѣпостными, дѣлая имъ разныя притѣсненія, а со стороны Жуковскаго, что крестьяне его не слушаются. Государственный совѣтъ нашелъ, что личное увольненіе крестьянъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ литовскій статутъ предоставляетъ каждому помѣщику располагать какъ родовымъ, такъ и благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. Что касается устройства быта крестьянъ, то они, по мнѣнію совѣта, получивъ личную свободу безъ земли, не могутъ быть устроены въ своемъ состояніи ни по правиламъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, такъ какъ ихъ увольненіе состоялось прежде изданія этихъ правилъ и совершенно не въ томъ порядкѣ, какой ими предписанъ, ни по общему положенію о людяхъ, отпускаемыхъ на волю по одиночкѣ, „ибо, по положенію сему, за людей, отпущенныхъ на волю, въ исправленіи рекрутской повинности и въ платежѣ податей отвѣчаетъ помѣщикъ, чего къ цѣлымъ селеніямъ приложить, конечно, не можно", особенно когда помѣщикъ умеръ и въ своемъ завѣщаніи не указалъ никакихъ достаточныхъ способовъ для обезпеченія этихъ повинностей. „*А какъ въ законахъ нашихъ нѣтъ яснаго постановленія, какимъ образомъ крестьяне безъ земли цѣлыми селеніями могутъ быть увольняемы безъ нарушенія общей рекрутской обязанности и съ платежемъ казенныхъ податей*", то этотъ случай требуетъ новаго особеннаго постановленія. Согласно съ предложеніемъ государственнаго совѣта, сенату былъ данъ слѣдующій именной указъ: 1) признавъ за крестьянами Нагурскаго личную свободу, предоставить имъ или перейти съ помѣщичьей земли, или, оставаясь на ней, платить помѣщику оброкъ и отбывать повинности по обоюдному добровольному согласію, исполняя въ томъ и другомъ случаѣ рекрутскую повинность и платя подати по тому селенію, гдѣ они записаны въ ревизію; 2) эти крестьяне, какъ лично свободные, могутъ покупать земли въ собственность и переселяться на нихъ; 3) „на будущее же время, въ предупрежденіе

замѣшательствъ и споровъ, подобныхъ тѣмъ, кои въ настоящемъ случаѣ возникли, постановляется общимъ правиломъ, *чтобы отнынѣ въ увольненіи крестьянъ цѣлыми селеніями на волю поступаемо было не иначе, какъ на основаніи изданнаго о свободныхъ хлѣбопашцахъ положенія*, въ коемъ подробно изображены способы какъ къ исправному отправленію повинностей, такъ и къ предохраненію самыхъ селеній ихъ въ цѣлости". Постановленіе это должно имѣть силу и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ литовскій статутъ, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ ничего ему противорѣчащаго [1]. Законъ этотъ въ высшей степени важенъ, такъ какъ онъ окончательно преградилъ возможность освобожденія крестьянъ безъ земли цѣлыми селеніями. Правда, и послѣ того было нѣсколько исключеній изъ этого правила, но, какъ увидимъ ниже, ихъ было весьма немного. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ принесъ мало положительныхъ результатовъ, такъ какъ число освобожденныхъ на основаніи его было не велико, но нельзя не признать его огромной отрицательной заслуги въ ту эпоху, когда мысль о безземельномъ освобожденіи носилась въ воздухѣ, когда она была даже осуществлена въ прибалтійскихъ провинціяхъ Россіи [2].

Въ теченіе царствованія императора Александра I было всего 160 случаевъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости на основаніи закона 20 февраля 1803 г. [3]. Всего освободилось, такимъ образомъ,

[1] П. С. З. т. XXIX, № 22714, 14 декаб. 1807 г.

[2] Правилами о свободныхъ хлѣбопашцахъ было между прочимъ позволено дворовымъ людямъ и крестьянамъ, до того получившимъ свободу, вступать въ положенный закономъ срокъ въ состояніе свободныхъ хлѣбопашцевъ, если они пріобрѣтутъ въ собственность землю. Въ 1809 г. это правило было распространено на тѣхъ крестьянъ и дворовыхъ, которые и впредь, получивъ отъ помѣщика личную свободу и пріобрѣтя землю, захотятъ сдѣлаться свободными хлѣбопашцами. П. С. З. т. XXX, 23994; XXXIII 25893. При записи у крѣпостныхъ дѣлъ условій, заключаемыхъ съ крестьянами, сначала брались пошлины; затѣмъ, для облегченія этого платежа, велѣно было брать ихъ по мѣрѣ взноса условленныхъ суммъ и, наконецъ, въ 1808 г. пошлины были совсѣмъ отмѣнены. П. С. З. т. XXVII, 20620, п. 1, XXVIII, 21306, XXX, 23317. Въ 1823 г. было разъяснено, что свободные хлѣбопашцы, исполнившіе свои обязанности относительно ихъ бывшихъ помѣщиковъ, могутъ переходить въ градское званіе и другое податное состояніе. П. С. З. XXXVIII, 29715. Упомянемъ еще, что въ декабрѣ 1813 г. государь приказалъ учредить комитетъ для разсмотрѣнія особенныхъ случаевъ по увольненію помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. П. С. З. т. XXXV, стр. 410. Предсѣдателемъ его былъ назначенъ престарѣлый гр. Н. П. Румянцовъ, но наиболѣе вліятельнымъ членомъ комитета былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ, проникнутый либеральными воззрѣніями въ крестьянскомъ вопросѣ. *Сухомлиновъ*, Истор. рос. акад. VI, стр. 208.

[3] Кромѣ того, въ 1811 г., въ разныхъ уѣздахъ костромской губерніи было причислено къ вольнымъ хлѣбопашцамъ 161 д. м. п. вольноотпущенныхъ, которые пріобрѣли себѣ землю покупкою. Свѣдѣнія о числѣ освобожденныхъ и условіяхъ освобож-

по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 33.782 д. м. п., т. е. среднимъ числомъ по 211 д. въ каждый разъ. Но нужно замѣтить еще, что въ 1807 г. выкупились на свободу, въ числѣ 13,371 души, крестьяне камергера кн. Александра Голицына, воронежской губерніи, за 5.424,168 руб. [1]), получивъ эту сумму въ ссуду отъ казны. По свидѣтельству Тургенева, они аккуратно выплатили весь этотъ долгъ. Крестьяне эти, какъ видно изъ записокъ Якушкина, причислены были къ свободнымъ хлѣбопашцамъ [2]). Слѣдовательно, общее число перешедшихъ въ этотъ разрядъ сельскаго населенія при императорѣ Александрѣ I доходитъ до 47,153 д. м. п. [3]). Со включеніемъ крестьянъ Голицына средняя цифра на 161 случай освобожденія будетъ 293 души м. п. Если распредѣлить число освобожденныхъ по пятилѣтіямъ, то мы увидимъ, что съ 1804 по 1808 г. включительно было освобождено 20.747 д. (со включеніемъ крестьянъ Голицына), съ 1809 по 1813 г.— 10,508 д., съ 1814 по 1818 г.—4,696 д., съ 1819 по 1823 г.—10,057 д., наконецъ, въ два послѣдніе года царствованія императора Александра I (1824 и 25 г.) было освобождено 1,145 д. м. п.

При разсмотрѣніи числа освобожденныхъ при императорѣ Александрѣ I по губерніямъ, первое мѣсто, какъ оказывается, занимаетъ воронежская губ. (18,379 д. со включеніемъ крестьянъ кн. Голицына). Второе мѣсто занимаетъ виленская губернія, но это, можно сказать, совершенная случайность: всѣ 7,000 д., освобожденныхъ здѣсь, составляли одну вотчину помѣщика Карпія, были освобождены имъ по духовному завѣщанію безъ земли и затѣмъ причислены къ сословію свободныхъ хлѣбопашцевъ, о чемъ мы будемъ еще говорить. Не считая виленской, всѣ губерніи, въ которыхъ число освобожденныхъ превышаетъ тысячу душъ принадлежатъ къ *великороссійскимъ*: изъ черноземныхъ, кромѣ упомянутой уже воронежской

женія заимствованы и вычислены и сгруппированы почти исключительно на основаніи вѣдомости, приложенной къ книгѣ *В. И. Вешнякова* „Крестьяне собственники въ Россіи“, Спб. 1858 г., стр. 81—95.

[1]) Т. е. по 400 руб. съ души. *Богдановичъ*. „Истор. цар. Александра I“, т. I, 147.

[2]) Варадиновъ говоритъ, что они были куплены у казны („Истор. Мин. Внутр. Дѣлъ“, т. I, ч. 1, стр. 191). Н. И. Тургеневъ („La Russie et les Russes“ II, 50) и Богдановичъ свидѣтельствуютъ о выкупѣ ими самими съ ссудою отъ казны. По словамъ Тургенева, ссуда была выплачена ими вполнѣ.

[3]) Въ данныхъ, приведенныхъ въ „Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ Варадинова, есть въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступленіе отъ данныхъ той вѣдомости, которая напечатана въ приложеніи къ труду В. И. Вешнякова, но общіе итоги ихъ почти совершенно совпадаютъ. Сводъ данныхъ Варадинова по годамъ, итогъ которыхъ до восшествія на престолъ императора Николая равняется 17,208 д. м. п., см. въ книгѣ А. *Романовича-Славатинскаго* „Дворянство въ Россіи“, Спб. 1870 г., стр. 540. Нѣкоторые варіанты въ вѣдомости, напечатанной В. И. Вешняковымъ, можно найти также въ рукописи Арх. Мин. Гос. Имущ., дѣло V Отд. Соб. Е. В. Канц. № 891, л. 139—16).

саратовская и рязанская; изъ нечерноземныхъ — ярославская, нижегородская, тверская, вологодская и московская. Исключеніе составляетъ только таврическая губернія, въ которой, впрочемъ, всѣ освобожденные тремя владѣльцами—1,452 д.—были ногайцы, получившіе свободу безъ земли, слѣдовательно, съ весьма существеннымъ нарушеніемъ правилъ 1803 г. Замѣчательно также, что ни одного случая перехода крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы мы не встрѣчаемъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ, малороссійскихъ (харьковская и курская составляютъ переходъ отъ Великороссіи къ Малороссіи), въ новороссійскихъ (не считая таврической); что же касается сѣверо-западнаго края, то, если исключить виленскую, мы находимъ ничтожное число освобожденныхъ (61 душа) только въ витебской губерніи. Можно сказать, слѣдовательно, что только великороссійскіе помѣщики воспользовались закономъ 1803 г. для освобожденія своихъ крѣпостныхъ.

Переходя къ условіямъ увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, нужно замѣтить прежде всего, что изъ 161-го случая освобожденія только 17 помѣщиковъ отпустили на волю крестьянъ своихъ вотчинъ *безъ всякой платы*. Всего такихъ освобожденныхъ было 7,415 д. м. п., но такъ какъ въ этомъ числѣ находится и 7,000 д., уволенныхъ виленскимъ помѣщикомъ Карпіемъ безъ земли по духовному завѣщанію, то, слѣдовательно, въ остальныхъ 16-ти случаяхъ было освобождено всего 415 д. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ гр. С. П. Румянцову, освободившему, какъ мы уже знаемъ, безъ платы 199 д. своихъ крестьянъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ число освобожденныхъ простирается отъ 1-й до 71-й души. Второе мѣсто послѣ Румянцова занимаетъ помѣщикъ олонецкой губерніи Рагозинъ, который освободилъ своихъ крестьянъ (71 д.) безъ всякой платы, но потребовалъ взноса накопившейся на нихъ оброчной недоимки (1,280 руб.). Въ 1806 году, былъ еще такой случай: помѣщикъ нижегородской губерніи Трофимовъ отдалъ по духовному завѣщанію въ казну со всею землею 44 д. м. п., которые, по высочайшему повелѣнію, и были причислены къ свободнымъ хлѣбопашцамъ [1]).

Изъ числа увольненій за извѣстное вознагражденіе, приблизительно половину по числу освобожденій, составляетъ переходъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы съ обязательствомъ выплатить помѣщику опредѣленную сумму сразу или съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ. На

[1]) Кромѣ указанныхъ 17 случаевъ, бывало и такъ, что помѣщики, освобождая крестьянъ, не требовали съ нихъ ничего въ свою пользу, а только назначали ежегодный взносъ навсегда или въ теченіе извѣстнаго срока въ какое либо благотворительное учрежденіе или на церковь. Такъ, напримѣръ, помѣщикъ Наумовъ, ярославской губ., потребовалъ отъ своихъ крестьянъ при освобожденіи (6 душъ) ежегоднаго вѣчнаго взноса въ 165 руб. (слѣдовательно, по 27 руб. съ души) въ пользу отдѣленія библейскаго общества въ Ярославлѣ и Костромѣ и проч.

этомъ условіи было 73 случая освобожденія; а число освобожденныхъ такимъ образомъ крестьянъ равняется 28,941 д. м. п. (61% всѣхъ перешедшихъ въ свободные хлѣбопашцы). При разсчетѣ условленной платы на душу, minimum вознагражденія помѣщику равняется 139 руб съ души, maximum въ двухъ случаяхъ поднимается до 4,000 и даже 5,000 руб. съ души. Въ среднемъ выводѣ крестьяне платили помѣщику съ души по 396 р.[1]; если по среднему курсу 1804—24 г.[2]) эту цифру перевести на серебро, то получимъ 127 руб. сер.

Если распредѣлить по губерніямъ плату, которую вносили крестьяне помѣщикамъ за свое освобожденіе, то, въ виду большаго различія въ размѣрѣ взноса въ одной и той же мѣстности, трудно сдѣлать опредѣленные выводы относительно вліянія географическаго положенія имѣнія на его цѣнность. Можно замѣтить, однако, что въ обоихъ случаяхъ освобожденія крестьянъ въ петербургской губерніи, цѣны были очень высоки (1,045—1,396 руб.): очевидно, близость столицы поднимала цѣнность имѣній и ихъ живаго инвентаря. Самый громадный размѣръ выкупа (въ 4 и 5 тысячъ руб. съ души) мы встрѣчаемъ въ извѣстной своими отхожими промыслами костромской губерніи, но нужно замѣтить, что первую плату внесли только 8 душъ, а вторую только 2 души; въ остальныхъ же случаяхъ выкупъ въ костромской губерніи простирался отъ 200 до 625 р. съ души. Въ ярославской губ., также съ развитыми отхожими промыслами, мы встрѣчаемъ выкупъ отъ 219 до 666 руб., чаще, однако, онъ приближался къ высшей, чѣмъ къ низшей нормѣ. Затѣмъ въ вологодской губ. размѣръ выкупа простирался отъ 142 до 500 р.; въ тверской отъ 270 до 575 руб., въ нижегородской отъ 250 до 400 руб.; въ московской, гдѣ было только три случая чисто денежнаго выкупа, размѣръ его отъ 415 р. поднимался до 727 р. съ души, въ калужской отъ 182 до 757 руб., а въ черноземной рязанской губерніи онъ доходилъ даже до 1,864 руб. Во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ было только по одному, два и три случая

---

[1]) Такъ какъ эта средняя цифра не можетъ дать яснаго понятія о различныхъ размѣрахъ выкупа, то, распредѣливъ плату съ души по нѣсколькимъ разрядамъ, мы получимъ, что изъ 28,941 д. м. п. выкупившихся крестьянъ 900 человѣкъ заплатили 139—194 р.; 7,172 д. отъ 200 до 300 р.; 1,667 д. менѣе 400 р.; 11068, т. е. половина выкупившихся на волю, менѣе 500 р.; 907 д.—менѣе 600 р.; 3,187 д.—менѣе 700 р.; 415—727—757 р. 11 д. по 900 р.; 20 д. по 1,045 руб.; 15 д. по 1,061 р.; 1? д. по 1,396 р.; 2 души по 1,864 руб.; 8 душъ по 4,000 руб. и 2 души по 5,000 руб. Болѣе 1000 руб. съ души [illegible] помѣщики: 1,045 р.—Шереметевъ въ 1807 г. [illegible] петербургской губерніи, по 1061 р.—[illegible] въ 1822 г. въ [illegible] губ., по 1396 руб.—графъ Н. П. Румянцевъ въ 1821 г. въ [illegible] петербургской губ.; по 4000 р.—[illegible] въ 1822 г. въ костромской губ. [illegible] 5000 р.—кн. Шаховской въ 1818 г. въ костромской губ.

[2]) Въ среднемъ [illegible] за 100 р. серебромъ давали 315 руб. ассигн. *Шторхъ*, Матеріалы для исторіи государственныхъ денежныхъ знаковъ, Спб. 1868 г., 52.

выкупа; высшій размѣръ его мы встрѣчаемъ въ саратовской губ. (614 р. съ души) и псковской (692 руб., во второй случай по 200 руб.). При нѣкоторыхъ увольненіяхъ въ свободные хлѣбопашцы, взносъ платы разсрочивался на извѣстное время, даже до 20-ти и 30-ти лѣтъ. Въ одномъ изъ условій было прибавлено, что если помѣщикъ умретъ до окончательной расплаты, то невыплаченныя деньги крестьянамъ прощаются [1]. Наиболѣе значительное число крестьянъ, кромѣ воронежскаго помѣщика Петрово-Солово, о которомъ уже было упомянуто [2], отпустилъ на волю саратовскій помѣщикъ, оберъ-камергеръ Нарышкинъ, а именно 2,973 д. м. п., съ выкупомъ по 614 руб. за каждаго. Почти во всѣхъ остальныхъ случаяхъ численность населенія выкупившихся вотчинъ не превышала 700 душъ. Изъ всѣхъ помѣщиковъ, уволившихъ своихъ крестьянъ за денежный выкупъ, самый извѣстный былъ гр. Н. П. Румянцовъ, который, нужно замѣтить, не вездѣ бралъ съ нихъ такой большой выкупъ, какъ въ петербургской губерніи (43 души по 1,396 руб.); въ вологодской губ. у него выкупилось 178, въ ярославской 245 д. м. п., въ томъ и другомъ случаѣ внеся по 500 руб.

Переходимъ къ другимъ условіямъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы. Прежде всего укажемъ на нѣкоторые случаи, когда крестьяне освобождались съ обязанностью платить помѣщику или помѣщицѣ опредѣленный денежный оброкъ до смерти владѣльцевъ. Въ извѣстныхъ намъ случахъ требуемый размѣръ ежегоднаго оброка былъ слѣдующій: въ новгородской губ. по 6 и 25 р. съ души; въ нижегородской по 15 и 26 р., въ петербургской по 20 р., во владимірской по 35 р. Огромный пожизненный оброкъ потребовала помѣщица Зиновьева съ 8-ми своихъ освобожденныхъ крестьянъ въ нижегородской губ., а именно по 60 р., съ души (въ четыре раза болѣе, чѣмъ съ 11-ти душъ крестьянъ той же губерніи и даже уѣзда, освобожденныхъ нѣсколькими годами позднѣе). Иногда ежегодный оброкъ по смерть владѣльца осложнялся еще другими условіями. Такъ, помѣщица Тютчева освободила 106 душъ своихъ крестьянъ рязанской губ. съ тѣмъ, чтобы они платили ей пожизненно по 19 руб. съ души и, кромѣ того, снабжали дворовыхъ припасами. Крестьяне помѣщицы Разладиной симбирской губ., 108 душъ, кромѣ пожизненнаго оброка по 19 руб., должны были доставлять прежней госпожѣ разныя издѣлія, а по смерти ея выплатить 7,000 руб., кому будетъ назначено. Помѣщикъ Шишковъ, вологодской губ., освободивъ 75 душъ крестьянъ, обязалъ ихъ вносить въ заемный банкъ, въ теченіе 8-ми лѣтъ, по 8,500 руб., да въ это же время ему самому по 250 руб.; слѣдовательно,

[1] *Сухомлиновъ.* „Истор. россійск. академіи“, VI, 209.
[2] Не считая [illegible] 13,371 крестьянъ [illegible] Петрово-Солово (воронежской губ.).

въ теченіе 8-ми лѣтъ они уплатили по 933 руб. съ души—выкупъ огромный для вологодской губерніи; по окончаніи же этого срока они обязаны были вѣчно вносить въ петербургское человѣколюбивое общество по 200 руб., въ библейское общество по 100 руб., въ приходскую церковь по 50 и еще въ другія мѣста,— всего 584 руб., т.-е. почти по 8 руб. ежегодно.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ крестьяне были освобождены съ обязанностью исполнять барщину по смерть помѣщика; иногда барщина соединялась съ оброкомъ, взносомъ припасовъ или какими-либо другими условіями, а не то часть крестьянъ обязывалась работать на господина, а другіе платить оброкъ. Такъ, напримѣръ, крестьяне помѣщицы Живоглотовой, оренбургской губ., 58 душъ, должны были уплачивать по смерть ея 150 руб., обработывать землю и давать съ тягла по барану, по пуду свинины, по гусю, по 20 аршинъ льнянаго холста и 4 арш. сѣраго крестьянскаго. Помѣщица Ковтева присоединила къ болѣе обычнымъ условіямъ еще одно довольно оригинальное: она освободила 52 д. въ саратовской губ. и 5 душъ во владимірской, съ тѣмъ, чтобы они платили ей по смерть 400 руб. оброка, выстроили домъ въ 400 руб. и вносили по 100 руб. за каждую крестьянскую дѣвушку, достигшую 14-ти лѣтъ. Въ условіяхъ, поставленныхъ крестьянамъ помѣщицею Глуховою, оренбургской губ., сохранились даже нѣкоторые признаки личнаго рабства: она освободила 124 д., съ тѣмъ, чтобы крестьяне исполняли разныя работы до смерти госпожи, ткали ей оброчный холстъ, давали съ тягла по 1 пуду свинины, полпуда масла, по 1 гусю и 1 барану въ годъ и *не препятствовали ей брать людей во дворъ*. Въ другомъ условіи обязанность поставлять дворовыхъ выразилась въ болѣе опредѣленной формѣ: помѣщикъ московской губ. Левашовъ освободилъ 156 д. своихъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они уплатили ему выкупъ по 292 руб. съ души и, кромѣ того, чтобы до его смерти одно селеніе давало ему дворника, а другое форейтора. Былъ, наконецъ, одинъ случай, когда освобожденные крестьяне обязались помѣщику доставлять только разные припасы для прислуги, а также сѣно и топливо.

Въ четырехъ случаяхъ казна помогла крестьянамъ выкупиться на свободу. Въ 1806 г. крестьяне дѣвицъ гр. Дю-Монте, нижегородской губ., 481 д., получили свободу за выкупъ въ 160,230 руб., т. е. по 333 руб. съ души. Въ пособіе крестьянамъ, для выполненія ихъ обязательствъ, сдѣлана была изъ государственнаго казначейства ссуда въ 70,000 руб. Въ слѣдующемъ году крестьяне помѣщика рязанской губ., зарайскаго уѣзда, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Измайлова, въ числѣ 698-ми душъ, выкупились въ свободные хлѣбопашцы съ обязанностью уплатить 140,000 руб., т.-е. по 200 руб. съ души, изъ государственнаго казначейства имъ была сдѣлана ссуда въ 40,000 руб. Это, безъ сомнѣнія, есть

самый Измайловъ, который прославился своимъ звѣрскимъ обращеніемъ съ крѣпостными и чудовищнымъ развратомъ: такъ какъ его вопіющія злоупотребленія своею властью обратили на него вниманіе правительства еще въ самомъ началѣ царствованія императора Александра I, то ссуда со стороны правительства, вѣроятно, и была сдѣлана съ цѣлью избавить крестьянъ отъ ихъ тяжелаго положенія. Въ томъ же году выкупились 13,371 д. м. п. кн. Голицына, воронежской губ. (ссуда 5.424,168 р.). Въ 1819 г. крестьяне витебской губ. помѣщика Жебровскаго (57 душъ) поступили въ свободные хлѣбопашцы прямо по волѣ правительства. „Во уваженіе отличныхъ заслугъ", оказанныхъ ими въ войнѣ 1812 года, государь приказалъ заплатить помѣщику 20 000 руб., какъ за нихъ лично, такъ и за уступку имъ всей земли, находившейся въ имѣніи, съ тѣмъ чтобы съ крестьянъ эта сумма была взыскана въ казну съ нѣкоторою сбавкою, а именно 17,000 руб., безъ процентовъ (т.-е по 298 руб съ души). Такимъ образомъ, единственный случай перехода крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы витебской губ. (остальныя 4 души сдѣлались ими изъ вольноотпущенныхъ) совершился не по иниціативѣ помѣщика, а прямо по желанію правительства. Это еще болѣе подтверждаетъ наше замѣчаніе, что указъ 1803 года имѣлъ нѣкоторые результаты исключительно въ Великороссіи.

Мы упоминали выше, что, по закону 1803 г., крестьяне, не исполнившие своихъ обязательствъ, снова обращались въ крѣпостныхъ. Въ царствованіе императора Александра I было два такихъ случая [1].

Почти всегда крестьяне получали свободу на основаніи закона 1803 года вмѣстѣ съ землею, и притомъ по большей части они пріобрѣтали всю землю, находившуюся въ ихъ вотчинѣ: изъ 161-го случая перехода крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы при императорѣ Александрѣ I въ 116-ти случаяхъ имъ передавалась въ собственность вся земля. По нѣкоторымъ другимъ условіямъ, они получали только землю, прежде отведенную имъ въ надѣлъ, а не то въ договорѣ просто обозначалось количество переходившей къ нимъ земли. Если не считать тѣхъ случаевъ, когда свободными хлѣбопашцами дѣлались вольноотпущенные по пріобрѣтеніи земли покупкою, крестьяне получили свободу безъ земельнаго надѣла только въ 4-хъ имѣніяхъ. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ, безземельномъ освобожденіи поганцевъ, закрѣпощенныхъ за графомъ

[1] Въ 1821 г. крестьяне помѣщика Зубатова, Нижегородской губ. (277 душъ) были освобождены съ обязательствомъ уплатить долги московскому опекунскому совѣту и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ и окончить сооруженіе каменной церкви. За неисполненіе этихъ условій крестьяне, по положенію комитета министровъ въ 1826 г., были обращены въ крѣпостное состояніе. Крестьяне помѣщика Блохина, Ярославской губ. (250 душъ), освобожденные въ 1823 году, снова сдѣлались крѣпостными черезъ пять лѣтъ.

Каховскимъ, мы говорили уже выше. Было еще два такихъ освобожденія въ таврической губ. Въ 1814 г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ освободилъ безъ земли 811 д. муж. пола своихъ крѣпостныхъ ногайцевъ, симферопольскаго и евпаторійскаго уѣздовъ. Они были отпущены съ платою 150 руб. съ души *не только мужескаго, но и женскаго пола* (ихъ было тогда всего 1,503 души). Причемъ 50 душъ обоего пола помѣщикъ уволилъ безъ всякой платы. По взносѣ всѣхъ денегъ сполна, ногайцы обязались переселиться на казенныя или собственныя земли, если пріобрѣтутъ ихъ покупкою; въ такомъ случаѣ, все ихъ недвижимое имущество должно достаться помѣщику. Если же, по выплатѣ всей условленной суммы, они пожелаютъ остаться на помѣщичьихъ земляхъ, то обязаны отбывать за нихъ такія же повинности, какія несутъ въ Крыму вольные татары, живущіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ [1]. Нельзя не удивляться, что такія условія утверждались правительствомъ вопреки основному правилу положенія 1803 г., по которому земельное обезпеченіе считалось необходимымъ условіемъ существованія свободныхъ хлѣбопашцевъ. Еще одинъ и послѣдній случай безземельнаго освобожденія крестьянъ цѣлою вотчиною, на этотъ разъ уже безъ всякой платы. Въ 1808 г., помѣщикъ Игнатій Карпій, виленской губ., отпустилъ по духовному завѣщанію безъ земли 7,000 душъ. Государственный совѣтъ призналъ завѣщаніе законнымъ и, принимая въ соображеніе, что помѣщику могли быть неизвѣстны правила о свободныхъ хлѣбопашцахъ и что увольненіе крестьянъ безъ земли, даже цѣлыми селеніями, было въ западныхъ губерніяхъ явленіемъ обыкновеннымъ (вѣроятно, до 1803 г.) [2], предоставилъ крестьянамъ, уволеннымъ Карпіемъ, или перейти на другія земли, или остаться на землѣ своего бывшаго помѣщика подъ общимъ покровительствомъ закона и особеннымъ наблюденіемъ губернскаго начальства, по обоюдному условію съ помѣщиками [3]). Такимъ образомъ, получили свободу безъ земли 1,452 души ногайцевъ и 7,000 душъ помѣщика Карпія, всего 8,452 души да еще 186 душъ вольноотпущенныхъ, которые сами пріобрѣли землю покупкою.

Однимъ изъ условій, поставленныхъ закономъ 1803 г. для пере-

[1]) [illegible] былъ въ 1821 г., когда [illegible] 313 д., [illegible] уѣзда, [illegible] 155,000 руб. [illegible] съ переселеніемъ на [illegible] земли, [illegible] правительствомъ [illegible] 3,000 дес. у одного помѣщика.

[2]) [illegible] Пазурскаго.

[3]) [illegible] что изъ 7,000 [illegible] у помѣщика, 182 перешли на [illegible] и 27 [illegible]

хода крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, было раздѣленіе поступающихъ въ ихъ собственность земель на отдѣльные участки, слѣдовательно, разрушеніе общиннаго землевладѣнія. Къ счастью, это условіе не соблюдалось буквально, т. е. крестьянамъ обыкновенно предоставлялось произвести раздѣлъ, когда имъ угодно. Такъ, еще въ именномъ указѣ владимірскому гражданскому губернатору по поводу увольненія помѣщицею Балакиревою своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, мы читаемъ: „Когда же съ посторонними владѣльцами они размежуются и *пожелаютъ раздѣлить собственную ихъ землю на участки*, вы доставите имъ къ сему нужные способы, отрядивъ къ нимъ землемѣра и приказавъ ему наблюдать, чтобы въ раздѣлѣ семъ отъ одного другому обиды и неуравнительности допущено не было“ [1]. Министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ, въ докладѣ, представленномъ государю въ 1811 г. по дѣлу объ освобожденіи въ вольные хлѣбопашцы крестьянъ кн. Козловскаго, упомянувъ о томъ, что правила, возлагающія на помѣщика обязанность раздѣлить между крестьянами уступленныя имъ земли, въ данномъ случаѣ не исполнены, прибавляетъ: „*но обыкновенно при таковыхъ случаяхъ предоставлялось самимъ крестьянамъ раздѣленіе земель на участки*“ [2]. Наконецъ, въ высочайше утвержденномъ докладѣ того же Козодавлева въ 1818 г., о переходѣ въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ помѣщика Можарова, мы читаемъ: „формальное раздѣленіе земли участками можно предоставить, *по времени и примѣрамъ*, собственному ихъ соглашенію“ [3]. При осмотрѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ, произведенномъ въ концѣ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія чиновниками министерства государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ московской, владимірской, ярославской, рязанской, тульской и орловской, оказалось, что, въ большинствѣ случаевъ, земля не была подѣлена окончательно на участки между крестьянами, слѣдовательно, законъ 1803 г. не произвелъ такого разрушительнаго вліянія на общинное землевладѣніе, какое могъ бы произвести, если бы правило о раздѣлѣ участковъ между крестьянами строго соблюдалось. Бывало, однако, что крестьяне, при своемъ освобожденіи постановляли: владѣть каждому тѣмъ самымъ участкомъ земли, какимъ онъ пользовался въ крѣпостномъ состояніи, т. е. превращали общинное землевладѣніе въ подворное. Вслѣдствіе этого, при умноженіи числа душъ въ нѣкоторыхъ семействахъ, возникали съ ихъ стороны жалобы на недостатокъ земли и являлись требованія уравнительнаго раздѣла. Поэтому, въ 1838 г. было постановлено, чтобы помѣщики, предоставляя самимъ крестьянамъ производить раздѣлъ на участки уступаемой имъ въ собственность земли, объявляли [illegible]

[1]) П. С. З. т. XXVIII, № 21525.

[2]) *Сухомлиновъ*. „Исторія россійской академіи“, VI, 211

[3]) П. С. З. т. XXXV, № 27419. прав. 5

именно срокъ и на какомъ основаніи должны они произвести этотъ раздѣлъ, т. е. по количеству ли внесеннаго за себя каждымъ крестьяниномъ при заключеніи условія выкупа, *или по числу наличныхъ душъ* [1]. Какъ оказалось, общинный принципъ одержалъ верхъ надъ стремленіями нѣкоторыхъ къ подворному раздѣленію земли.

Крестьянъ, не исполнявшихъ принятыхъ на себя обязательствъ, вновь обращали въ крѣпостное состояніе, но случалось, что и помѣщики нарушали заключенное ими условіе. Рязанскій помѣщикъ Рославлевъ, заключивъ въ мартѣ 1804 г. условіе съ крестьянами (1.014 души) о переходѣ ихъ въ свободные хлѣбопашцы и получивъ отъ нихъ часть денегъ, не хотѣлъ представить договора для утвержденія. По этому случаю Козодавлевъ вошелъ къ государю съ докладомъ о необходимости оградить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, чтобы „установленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, для общей пользы крестьянъ и помѣщиковъ изданное, *не обратилось въ средство къ угнетенію крестьянъ*“ [2]. Однако, споръ крестьянъ съ Рославлевымъ тянулся еще довольно долго: только въ январѣ 1814 г. они получили свободу, обязавшись заплатить помѣщику 275.000 руб. и долгъ опекунскому совѣту. Другой случай былъ нѣсколькими годами позже. Въ 1820 году крестьяне саратовской губ. жаловались на свою помѣщицу Кирѣеву, которая, заключивъ съ ними (262 д.) домашнее условіе объ увольненіи ихъ въ вольные хлѣбопашцы съ платою по 700 руб. съ каждаго, удержала внесенныя ими деньги (14.800 р.) и, сверхъ того, продала 26 человѣкъ обоего пола разнымъ лицамъ по одиночкѣ. Саратовское губернское правленіе предписало всѣхъ проданныхъ Кирѣевой людей отобрать отъ покупщиковъ и возвратить ихъ на прежнее мѣстожительство. Департаментъ законовъ государственнаго совѣта, узнавъ объ этомъ дѣлѣ изъ записки управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. П. Кочубея, предложилъ, чтобы правительствующій сенатъ немедленно разсмотрѣлъ и рѣшилъ это дѣло [3]. Рѣшеніе сената намъ неизвѣстно, но только крестьянъ Кирѣевой мы не находимъ въ спискѣ перешедшихъ въ вольные хлѣбопашцы.

Были и такіе случаи, когда помѣщики, пообѣщавъ крестьянамъ освободить ихъ, предавали это обѣщаніе гласности, доводили о немъ до свѣдѣнія государя, получали даже отъ него благодарность и потомъ, все-таки, ничего не дѣлали. Такъ поступилъ кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ со своими саратовскими крестьянами. Мы уже видѣли, что и изъ предположенія объ его воронежскомъ имѣніи ничего не вышло; еще

---

[1]) *Вешняковъ*, „Крестьяне-собственники въ Россіи“, стр. 73—74. 2-е П. С. З. XIII, № 11. 257.

[2]) *Сухомлиновъ*, VI, 215, 492.

[3]) *Арх. Госуд. Сов.*, IV, ч. 2, стр. 327, 328, 338—339.

торжественнѣе были провозглашены его благія намѣренія относительно той саратовской вотчины (село Надеждино) въ которой Куракинъ жилъ во время ссылки при Екатеринѣ II, удалившей его отъ двора великаго князя Павла Петровича. Въ началѣ декабря 1806 г. Куракинъ обратился къ государю съ прошеніемъ, въ которомъ заявлялъ желаніе, „изъ признательности къ крестьянамъ“ села Надеждина, „мѣста долговременнаго его пребыванія“, за ихъ „усердіе“ къ нему, „устроить ихъ жребій“, чтобы они, говоритъ Куракинъ, „вѣчно пребывали въ томъ благосостояніи, какое я всегда тщился имъ доставить“, и для этого выражаетъ готовность освободить ихъ на основаніи указа 1803 г., не требуя отъ нихъ „никакой платы за освобожденіе“, но возлагая однако, на нихъ обязанность доходъ съ вотчины, получаемый имъ до сихъ поръ около 20,000 р., вносить въ теченіе 40 лѣтъ, въ пользу богоугодныхъ заведеній, которыя предполагалось устроить въ селѣ Надеждинѣ, а затѣмъ платить вѣчно по 5 р. съ души на вспоможеніе бѣднымъ той же вотчины и на другія благотворительныя цѣли. Далѣе оказывается, однако, что не весь доходъ, вносимый крестьянами, пойдетъ на богоугодныя заведенія, а часть его будетъ отдѣлена для двухъ воспитанниковъ и одной воспитанницы кн. Куракина, по фамиліи Вревскихъ. Слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, чтобы предполагаемое освобожденіе дѣлалось безъ всякой платы помѣщику. Относительно всего этого Куракинъ желалъ составить актъ, дѣйствіе котораго должно было начаться лишь послѣ его смерти, а до того онъ предоставлялъ себѣ пользоваться доходами съ имѣнія, и, буде окажется нужнымъ, жить въ немъ, „налагая, впрочемъ, на себя обязанность никакого уже властнаго распоряженія судьбою крестьянъ не дѣлать, какъ-то: впредь ихъ не закладывать, не продавать изъ вотчины не переселять и вообще учиненнаго акта объ освобожденіи ихъ не нарушать“. Собираясь уѣхать за границу по дѣламъ службы, Куракинъ просилъ государя разрѣшить ему выдачу своему уполномоченному довѣренности на совершеніе этого акта. Государь согласился и заявилъ въ рескриптѣ Куракину, что находитъ его предложеніе весьма похвальнымъ „и видамъ благотворительности вашей сообразнымъ“, а послѣдній, при семъ удобномъ случаѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе добыть для своихъ воспитанниковъ Вревскихъ дипломъ на дворянское достоинство австрійской имперіи. Куракинъ придалъ большую огласку всему этому дѣлу, напечатавъ въ Петербургѣ, въ томъ же 1807 г., книгу подъ заглавіемъ: „Утвержденное положеніе кн. Александра Борисовича Куракина для учрежденія послѣ его кончины на вѣчныя времена его саратовской вотчины въ Надеждинѣ богадѣльни, больницы и училища и для дарованія послѣ же его смерти вѣчной свободы оной вотчинѣ его“. Здѣсь онъ пропечаталъ и прошеніе къ государю, съ объяснительной запиской, и рескриптъ императора, и довѣренность своему управляющему, и потребныя правила бу-

щихъ благородныхъ заведеній, подъ которыми, въ качествѣ блюстителей, подписались важнѣйшіе государственные сановники. Но, увы! весь этотъ шумъ остался, какъ видно, безъ всякихъ послѣдствій, потому что въ спискахъ свободныхъ хлѣбопашцевъ мы вовсе не находимъ саратовскаго имѣнія Куракина. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ, какъ относительно воронежской вотчины, кн. Куракинъ не исполнилъ своихъ намѣреній, несмотря на широкую гласность, которую онъ имъ придалъ. Очевидно, въ первые годы царствованія императора Александра I было выгодно заявлять либеральныя наклонности относительно своихъ крестьянъ и, подъ шумокъ разныхъ обѣщаній на пользу ихъ, выхлопатывать льготы для близкихъ себѣ людей, совершенно не стѣсняясь потомъ даннымъ словомъ.

Мы видѣли, что, при самомъ изданіи указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, консерваторы отнеслись къ этой мѣрѣ съ большимъ озлобленіемъ; тѣ же, которые сочувствовали освобожденію крестьянъ, привѣтствовали ее, какъ важный шагъ на пользу крѣпостнаго населенія Россіи. Каковы же были отзывы современниковъ по прошествіи нѣкотораго времени, когда результаты новаго указа до извѣстной степени уже обозначились? Карамзинъ въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“ говоритъ, что онъ не осуждаетъ этой мѣры, однако замѣчаетъ: „Многіе-ли столь богаты, многіе-ли захотятъ отдать послѣднее за вольность? Крестьяне человѣколюбивыхъ помѣщиковъ довольны своею участью; крестьяне худыхъ — бѣдны; то и другое мѣшаетъ успѣху сего закона“ [1]. Нельзя не признать, что въ этихъ словахъ много справедливаго. Извѣстный экономистъ Генрихъ Шторхъ, членъ нашей академіи наукъ, весьма сочувственно отнесся къ учрежденію свободныхъ хлѣбопашцевъ [2]. Докторъ правъ Грибовскій въ своемъ изданномъ въ 1816 г., въ Харьковѣ, сочиненіи „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи“, представляющемъ весьма недурной для своего времени историко-юридическій очеркъ, выражая полное сочувствіе указу о вольныхъ хлѣбопашцахъ [3], авторъ относится къ этой мѣрѣ безъ вся-

---

[1]) Рус. Арх. 1870 г., стр. 2304.

[2]) Cours d'économie politique. Spb. 1815, I, 337.

[3]) [illegible]

кой критики: онъ одобряетъ даже возвращеніе крестьянъ, неисполнившихъ условій, опять въ крѣпостное состояніе, не предлагая при этомъ оказывать имъ какое-либо содѣйствіе со стороны правительства, напримѣръ, ссудами и пр. Грибовскій вѣрно подмѣчаетъ самую важную сторону новой мѣры — освобожденіе съ землею, но при этомъ преувеличиваетъ важное вліяніе правъ собственности на состояніе земледѣлья, забывая, что и наши помѣщики, за весьма немногими исключеніями, вели хозяйство самымъ первобытнымъ способомъ.

Грибовскій не отнесся критически къ указу о свободныхъ хлѣбопашцахъ не только вслѣдствіе своихъ общихъ экономическихъ и юридическихъ воззрѣній, но, вѣроятно, и потому, что не былъ знакомъ подробно съ примѣненіемъ новаго закона. Въ иномъ положеніи находился извѣстный дѣятель по крестьянскому вопросу при императорѣ Александрѣ I — Н. И. Тургеневъ, котораго горячая преданность къ дѣлу эмансипаціи крестьянъ заставляла съ большимъ вниманіемъ относиться ко всякой правительственной мѣрѣ въ этомъ направленіи, и самая служба котораго позволяла ему основательно познакомиться съ ходомъ дѣлъ, касающихся крестьянъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Намъ придется еще подробно характеризовать мнѣнія Н. И. Тургенева по крестьянскому вопросу, теперь же познакомимся съ его отзывомъ объ учрежденіи свободныхъ хлѣбопашцевъ. „Одну изъ благодѣтельныхъ мѣръ, принятыхъ въ первые годы царствованія императора Александра", говоритъ онъ, „составляетъ созданіе несуществовавшаго до тѣхъ поръ класса свободныхъ хлѣбопашцевъ. Слѣдуетъ, однако, тотчасъ же оговориться, что мѣра эта осталась неполною: всевозможныя формальности, съ нею связанныя, сдѣлали ее почти призрачною. Власти всегда могли найти, и, къ сожалѣнію, слишкомъ часто находили, что какая-нибудь формальность не соблюдена, какое-нибудь правило забыто или дурно исполнено, и этого было достаточно, чтобы остановить предполагаемое освобожденіе". Далѣе авторъ упоминаетъ о необходимости подать прошеніе предводителю дворянства объ опросѣ имъ крестьянъ, о дальнѣйшемъ направленіи дѣла къ губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и къ самому государю и замѣчаетъ, что такимъ образомъ дѣло освобожденія чрезвычайно затягивалось. Ко

и [illegible] удобрена [illegible] ... Трудъ его, при хорошемъ обработываніи поля [illegible] достаточнымъ продовольствіемъ его самого и семейства [illegible] принесетъ ему [illegible] пользу [illegible] умножается. Когда же [illegible] съ землею и [illegible] получили свободу, но оставались прикрѣплены къ землѣ, то и тогда [illegible] и потому [illegible] нуждается въ особенное одобреніе" (стр. 104—106).

нечно, можно было бы желать большей быстроты дѣлопроизводства въ подобныхъ случаяхъ, но въ другомъ мѣстѣ Тургеневъ самъ замѣчаетъ, что формальности эти были установлены для огражденія интересовъ крестьянъ: безъ внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія условій, безъ опроса крестьянъ на мѣстѣ о ихъ согласіи могли бы вкрасться большія злоупотребленія со стороны помѣщиковъ. Также несправедливо и слѣдующее его замѣчаніе: „Цѣль правительства, или, лучше сказать, самого императора, при принятіи этой мѣры, была очевидна: онъ хотѣлъ сдѣлать освобожденіе возможнымъ, охраняя законные интересы какъ землевладѣльца, такъ и крестьянина. Чтобы достигнуть этого, не было необходимости требовать, чтобы земледѣлецъ сдѣлался собственникомъ земли, на которой онъ жилъ и которую онъ обработывалъ. Конечно, въ высшей степени желательно, чтобы дѣло шло такимъ образомъ, но это можетъ быть лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ". Сопоставляя эти слова Тургенева съ другими его мнѣніями по крестьянскому вопросу, мы убѣждаемся, что тутъ дѣло не въ желаніи замѣнить пріобрѣтеніе земли въ собственность наслѣдственнымъ пользованіемъ ею, тѣмъ болѣе, что правила 1803 г. допускаютъ заключеніе договоровъ съ сохраненіемъ прикрѣпленія къ землѣ: Тургеневъ прямо допускаетъ и безземельное освобожденіе крестьянъ [1]; этого нельзя не считать большою ошибкою съ его стороны. Въ требованіи земельнаго надѣла и заключалось самое важное значеніе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ: для соблюденія его, между прочимъ, и нужны были тѣ формальности, на которыя жалуется Тургеневъ. Мы увидимъ, что даже такие доброжелательные къ своимъ крестьянамъ люди, какъ декабристъ Якушкинъ, предполагали освободить ихъ съ одними усадебными землями и претендовали на затрудненія, встрѣченныя при этомъ со стороны высшей администраціи, а потомъ сами признавали необходимость поземельнаго надѣла. „Правительство, продолжаетъ Тургеневъ, приняло за основаніе правило, что свободные хлѣбопашцы должны быть собственниками извѣстнаго и даже значительнаго количества земли (8 дес. на душу). Это требованіе закона сдѣлало возможнымъ полное освобожденіе только для тѣхъ крѣпостныхъ, которые сразу могли и сами выкупиться на свободу, и пріобрѣсти землю". Послѣднія слова еще яснѣе показываютъ, что Тургеневъ былъ не прочь отъ одного личнаго выкупа крестьянъ безъ земли. Что касается упоминаемаго имъ условія освобожденія—восьмидесятиннаго надѣла, то это несправедливо. Правда, въ законѣ 1803 г. есть правило, что крестьяне могутъ продавать, закладывать и оставлять въ наслѣдство свою землю, однако не должны не раздроблять участковъ менѣе 8 десятинъ;

---

[1] Впрочемъ Тургеневъ въ такомъ случаѣ желалъ регулированія со стороны правительства арендиаго пользованія помѣщичьими землями.

ко тутъ правительство, безъ сомнѣнія, имѣло въ виду, чтобы, продавая свою землю, крестьяне не оставались безземельными или со слишкомъ ничтожными надѣлами, однако же оно допускало освобожденіе и съ меньшимъ количествомъ земли [1]: требованіе восьмидесятиннаго надѣла по всей Россіи сдѣлало бы, въ большинствѣ случаевъ, невозможнымъ освобожденіе въ такихъ малоземельныхъ губерніяхъ, какъ тульская, калужская, ярославская, гдѣ уже въ послѣдней четверти XVIII в. въ помѣщичьихъ вотчинахъ приходилось въ среднемъ менѣе 8 десят. на душу. Не мало случаевъ освобожденія крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы съ надѣломъ менѣе, имъ указаннаго, доказываютъ несправедливость слѣдующихъ словъ Н. Тургенева: „Часто случалось, что господинъ не имѣлъ достаточнаго количества земли, чтобы надѣлить 8 десят. каждаго изъ своихъ крестьянъ: въ этихъ случаяхъ освобожденіе было невозможно“. Несправедливо и замѣчаніе Тургенева, что „земли, пріобрѣтенныя свободными хлѣбопашцами, дѣлаются собственностью общины, а не отдѣльныхъ лицъ“: намъ уже извѣстно, что, по закону 1803 г., было совершенно обратное, если общинный принципъ одержалъ верхъ вопреки буквѣ закона надъ подворнымъ землевладѣніемъ, то очевидно, что это соотвѣтствовало интересамъ крестьянъ, и, слѣдовательно, это обстоятельство никакъ нельзя причислить къ неудобствамъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

Но если мы не могли согласиться съ предшествующими замѣчаніями Тургенева по поводу закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, то онъ совершенно правъ, протестуя противъ запрещенія освобождать крестьянъ по духовному завѣщанію. „Очень простаго соображенія достаточно“, говоритъ онъ, „чтобы оцѣнить такое толкованіе закона, или, лучше сказать, такую каверзу, которая сдѣлала эту мѣру почти совершенно безполезною, причинила множество жестокихъ разочарованій и вызвала многія жертвы. Для всякаго, кто захочетъ честно толковать формальности, предписанныя указомъ объ освобожденіи крестьянъ, ясно, что онѣ приняты лишь въ интересѣ этихъ послѣднихъ, чтобы не допустить ихъ обремененія слишкомъ тяжелыми условіями. Итакъ, если одна изъ договаривающихся сторонъ уже не существуетъ, а та, въ пользу которой приняты предосторожности, проситъ исполненія договора и соглашается принять распоряженія завѣщанія, то ничто не должно было бы препятствовать признанію этого акта дѣйствительнымъ... Мы сказали“, продолжаетъ Тургеневъ, „что такое толкованіе закона вызвало многія жертвы: это совершенная правда. Богатые землевладѣльцы, не имѣющіе прямыхъ наслѣдниковъ, завѣщали своимъ крестьянамъ личную свободу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, количество земли, предписываемое закономъ, обязывая ихъ, вмѣсто всякихъ другихъ условій, платить извѣстныя суммы въ пользу какой-

[1]) Много примѣровъ такого освобожденія см. у *Вешнякова*, стр. 81—85

нибудь школы или благотворительнаго учрежденія; нѣкоторые даже по своей смерти исполняли необходимыя формальности [1]. Однако же, эти великодушные люди не доставили счастья, какъ они думали, своимъ крестьянамъ, а разорили ихъ и довели до отчаянія своимъ завѣщаніемъ. Дѣйствительно, крестьяне съ жаромъ принимали благодѣянія и дѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы ими воспользоваться. Они всегда начинали тяжбу и повсюду разсылали повѣренныхъ и ходоковъ, чтобы вести ихъ дѣло, но скоро разорялись на всевозможнаго рода издержки". Вотъ какой поразительный случай разсказываетъ Тургеневъ: „Во время процесса этого рода между крестьянами и боковыми наслѣдниками гр. Салтыкова, человѣка добраго и великодушнаго, нѣкоторые изъ крестьянъ, найдя покровителя въ любимомъ кучерѣ императора Александра, который самъ былъ вольноотпущеннымъ, сдѣлались кучерами въ императорскихъ конюшняхъ и сопровождали императора на войну въ Германію и Францію все въ надеждѣ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ для достиженія желанной цѣли. Процессъ былъ разсмотрѣнъ въ низшихъ инстанціяхъ, въ сенатѣ, въ государственномъ совѣтѣ, и вездѣ бѣдные крестьяне потерпѣли неудачу. Дѣло было представлено на окончательное рѣшеніе императора. Тогда случился невиданный фактъ: докладъ оставался въ продолженіе четырехъ лѣтъ у императора, который все колебался подписать его. Наконецъ, однажды утромъ принесли въ совѣтъ рѣшеніе государя, подтверждавшее постановленіе совѣта... Я начиналъ въ это время свою службу при государственномъ совѣтѣ", продолжаетъ Тургеневъ, „и былъ страшно опечаленъ этимъ событіемъ. Вслѣдъ затѣмъ, служа въ продолженіе двухъ лѣтъ въ департаментѣ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, въ число обязанностей котораго входитъ разсмотрѣніе такихъ процессовъ, я имѣлъ счастье видѣть, что всѣ безъ исключенія споры между господами и крѣпостными рѣшались въ пользу этихъ послѣднихъ", что, безъ сомнѣнія, было результатомъ дѣятельности въ этомъ учрежденіи самого Тургенева. Въ концѣ-концовъ, онъ, все-таки, признаетъ, что „законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, при всѣхъ его недостаткахъ, не остался, однако, безплоднымъ и если сдѣлался такимъ позднѣе, то, все-таки, въ началѣ принесъ не мало пользы" [2]).

---

[1]) [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
комъ" П. С. З. т. XXVIII № 21933; ср. Арх. Госуд. Сов. т. III, ч. 1, стр. 789—797.

[2]) *Tourgueneff.* La Russie et les Russes II, 48—50.

Такимъ образомъ, въ замѣчаніяхъ Тургенева на правила закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ много неосновательнаго, и мы могли согласиться лишь съ тѣмъ, что запрещеніе освобождать крестьянъ по духовному завѣщанію въ родовыхъ имѣніяхъ имѣло для нихъ весьма вредныя послѣдствія. Можно было бы сдѣлать и другія замѣчанія по поводу этого закона такъ, напримѣръ, почему правительство ограничило свое содѣйствіе крестьянамъ только тремя-четырьмя случаями и не организовало кредита имъ въ нѣсколько большемъ размѣрѣ? Можно было бы также опредѣлить maximum платы съ души, быть можетъ, съ нѣкоторыми различіями по мѣстностямъ, и воспрепятствовать, такимъ образомъ, требованію громадныхъ платежей, доходившихъ до 5,000 руб., но только съ тѣмъ, чтобы этотъ maximum былъ дѣйствительно недалекъ отъ обычной стоимости населенныхъ имѣній въ это время: иначе назначеніе его могло бы имѣть слѣдствіемъ не уменьшеніе требовательности помѣщиковъ, а увеличеніе ея, по крайней мѣрѣ, въ очень многихъ случаяхъ. Но, какъ бы то ни было, учрежденіе свободныхъ хлѣбопашцевъ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ мѣръ по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Александра I.

ГЛАВА XVIII.

Пнинъ и его книга «Опытъ о просвѣщеніи». — Брошюра [illegible]. — Диссертація Кайсарова. — Книга Унгерна-Штернберга. — Мѣры правительства въ Лифляндіи. — Сочиненіе Стройновскаго и вызванныя имъ рукописныя возраженія. — Посмертное сочиненіе А. Н. [illegible]

Въ царствованіе императрицы Екатерины II вышло въ свѣтъ немного сочиненій, такъ или иначе задѣвающихъ крестьянскій вопросъ. Тутъ слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ назвать Наказъ самой императрицы, но онъ не былъ доступенъ для всѣхъ, желавшихъ съ нимъ познакомиться, не имѣлъ вполнѣ свободнаго обращенія. Задача вольнаго экономическаго общества о правѣ собственности крестьянъ на землю вызвала въ Россіи четыре печатныхъ отвѣта, изъ которыхъ одинъ, увѣнчанный преміею, появился и въ оригиналѣ, на французскомъ языкѣ, и въ русскомъ переводѣ въ „Трудахъ“ общества, а остальные три были напечатаны только по-французски или по-нѣмецки (всѣ четыре въ одной книгѣ). Однако, лучшій отвѣтъ на задачу общества, принадлежавшій, къ тому же, русскому автору (Полѣнову), не получилъ гласности по цензурнымъ соображеніямъ. Серьезно обсуждался вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ въ большой законодательной коммиссіи и ея частныхъ комитетахъ, но пренія въ нихъ не дѣлались извѣстными всему обществу посредствомъ печати. Затѣмъ крѣпостное право подвергалось болѣе или менѣе энергическому обличенію въ сатирическихъ и другихъ журналахъ, а также и въ нѣкоторыхъ комедіяхъ, но дѣятельность тогдашнихъ литераторовъ въ этомъ направленіи чрезвычайно стѣснялась правительствомъ. Изъ отдѣльныхъ сочиненій крестьянскій вопросъ былъ затронутъ только въ извѣстномъ трудѣ Болтина, что же касается лучшаго произведенія по этому предмету, знаменитой книги Радищева,—то она не только, какъ извѣстно была отобрана изъ книжныхъ лавокъ немедленно по выходѣ ея въ свѣтъ, но и сдѣлала на всю жизнь несчастнымъ ея автора. Такимъ образомъ, въ царствованіе императрицы Екатерины количество *доступныхъ публикѣ* произведеній посвященныхъ вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ, весьма незначительно. Мы увидимъ, что въ царствованіе императора Александра I представителямъ литературы и науки, желавшимъ затронуть въ печати эту мрачную сторону русской жизни, приходилось также бороться съ серь-

сильными цензурными препятствіями, но, тѣмъ не менѣе общее количество печатныхъ произведеній этой эпохи, всецѣло или отчасти посвященныхъ крестьянскому вопросу, все-таки, нѣсколько болѣе, чѣмъ при Екатеринѣ II. Остановимся, прежде всего, на книгѣ Пнина „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи", изданной въ 1804 г.

Авторъ ея, незаконнорожденный сынъ Н. В. Репнина, родился въ 1773 г. и послѣ непродолжительной военной и гражданской службы, литературной и издательской дѣятельности, скончался отъ чахотки, всего 32 лѣтъ отъ роду, въ 1805 году. По общимъ отзывамъ, это былъ человѣкъ безукоризненно честный и замѣчательно гуманный, но въ высшей степени несчастный. Онъ не пользовался расположеніемъ своего отца, и семейныя непріятности не мало отравили его жизнь; запрещеніе его книги было послѣднимъ ударомъ судьбы-мачихи, и, черезъ годъ послѣ того, онъ скончался. Пнинъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Батюшковымъ, Радищевымъ и другими литераторами. Даже въ такое неблагопріятное для русской литературы время, какъ царствованіе императора Павла, онъ старался въ издаваемомъ имъ „С.-Петербургскомъ Журналѣ", насколько возможно, защищать свободу мысли и слова. Нѣсколько свободнѣе могъ онъ высказываться со вступленіемъ на престолъ Александра I, и однимъ изъ наиболѣе частыхъ мотивовъ его стихотвореній, напечатанныхъ въ тогдашнихъ журналахъ, являются мысли о рабствѣ и свободѣ. Такъ, въ одѣ „Человѣкъ", онъ изображаетъ противуположность между свободнымъ и рабомъ; въ одѣ „На Правосудіе", также говоритъ о рабствѣ народа; наконецъ, затрогиваетъ его и въ стихотвореніи „Надежда" [1]. Одно изъ лучшихъ произведеній Пнина (на смерть Радищева) посвящено памяти самаго энергичнаго борца за народное освобожденіе.

Въ своей небольшой книжечкѣ „Опытъ о просвѣщеніи" (147 стр., малаго формата) авторъ говоритъ, что главная цѣль существованія государства—охраненіе собственности и личной безопасности гражданъ. „Собственность! священное право! душа общежитія! источникъ законовъ!—восклицаетъ онъ. Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, та только благословенна страна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей! ты чуждаешься невольниковъ". Тамъ, гдѣ „права собственности попраны", — общественное зданіе крайне непрочно. Не довольствуясь этими общими мыслями, авторъ дѣлаетъ болѣе открытую вылазку противъ крѣпостнаго права. Въ Россіи, говоритъ онъ, одно только земледѣльческое сословіе „является въ страдательномъ лицѣ", такъ какъ оно несетъ не одни только государственныя повинности. „Какъ можно,—восклицаетъ онъ,—чтобы участь толико полезнѣйшаго сословія гражданъ, отъ которыхъ зависитъ могущество и богатство государства,

[1] См. о Пнинѣ ст. г. *Прыткова* въ „Древней и Новой Россіи" 1878 г. № 9.

состояла въ неограниченной власти нѣкотораго числа людей, которые, позабывъ въ нихъ подобныхъ себѣ человѣковъ, человѣковъ ихъ питающихъ и даже прихотямъ ихъ удовлетворяющихъ, поступаютъ съ ними иногда хуже, нежели съ скотами, имъ принадлежащими!“

Общественное спокойствіе непрочно тамъ, гдѣ нѣтъ собственности; поэтому, важнѣйшій предметъ законодательства долженъ состоять въ томъ, чтобы „предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія, могущіе защитить оную отъ насилія, словомъ сдѣлать оную неприкосновенною“. Только тогда земледѣльцы поймутъ свои права и обязанности, только тогда можно будетъ приступить къ ихъ образованію, „открыть имъ путь къ истинному просвѣщенію“. Привѣтствуя манифестъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ, авторъ выражаетъ надежду, что государь „найдетъ способы и къ искорененію злоупотребленій власти помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами, и къ утвержденію и охраненію собственности сихъ послѣднихъ“. Такимъ образомъ Пнинъ настаиваетъ на совершенно правильной мысли, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать ихъ образованію, что просвѣщеніе несовмѣстимо съ рабствомъ. Этого не хотѣли, какъ мы увидимъ, понять всѣ крайніе консерваторы въ крестьянскомъ вопросѣ, хотя, если бы они пожелали честно отнестись къ нему, имъ не трудно было бы замѣтить, что нѣтъ болѣе несчастныхъ людей, какъ крѣпостные, получившіе хорошее образованіе и оставшіеся въ рабствѣ. Не говоря уже про то, что такіе случаи можно было наблюдать въ дѣйствительной жизни, ихъ затронулъ уже въ своей книгѣ и незабвенный Радищевъ, несомнѣнно имѣвшій громадное вліяніе на Пнина и своими произведеніями, и своею безукоризненно-честною личностью. Только сдѣлавъ предположеніе, что собственность крестьянъ уже охранена, что злоупотребленія помѣщиковъ искоренены, Пнинъ находитъ возможнымъ продолжать свои разсужденія и рѣшать вопросъ о томъ, въ чемъ должно состоять просвѣщеніе земледѣльцевъ. Не будемъ излагать плана автора объ учрежденіи для народа земледѣльческихъ или приходскихъ училищъ и его мыслей объ образованіи другихъ сословій, упомянемъ только, что и въ дальнѣйшемъ изложеніи есть вылазки противъ рабства, какъ напр.: „никакая власть на землѣ не имѣетъ права лишить человѣка свободы и собственности“.

Книга Пнина, напечатанная съ дозволенія петербургскаго гражданскаго губернатора, какъ видно, возбудила сочувствіе общества, такъ какъ въ томъ же году понадобилось ея новое изданіе; но когда она была представлена въ цензурный комитетъ съ рукописными дополненіями, — и книга, и дополненія къ ней были запрещены, и оставшіеся экземпляры перваго изданія были отобраны изъ книжныхъ лавокъ. Цензоръ Яценковъ, который впослѣдствіи самъ подвергся преслѣдованію, какъ участникъ въ редактированіи „Духа Журналовъ“, нашелъ произведеніе Пнина

противнымъ правиламъ цензурнаго устава, вслѣдствіе многихъ неосторожныхъ выраженій автора относительно правъ помѣщиковъ надъ крестьянами и относительно другихъ состояній государства. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и цензурный комитетъ, главный доводъ котораго состоялъ въ слѣдующемъ: „Авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого-нибудь капризнаго паши... Хотя оно то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія" (слѣдовательно, въ это время, даже цензурный комитетъ допускалъ желательность уничтоженія крѣпостнаго права). „Мудрые наши монархи усмотрѣли его давно, но зная, что сильный переломъ всегда разрушаетъ машину правленія, не хотѣли вдругъ искоренить сіе зло, дабы не навлечь чрезъ то еще большаго бѣдствія... Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство, дабы достигнуть скорѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ безопаснѣе къ предполагаемой имъ цѣли, т. е. къ истребленію рабства въ Россіи, то приличнѣе бы было предложить свое проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіею черную, губительную тучу". Пнинъ, въ своемъ объясненіи, представленномъ въ главное правленіе училищъ, ссылался на то, что онъ почерпнулъ всѣ мысли о необходимости крестьянской собственности изъ Наказа императрицы Екатерины II; всего же любопытнѣе тутъ его свидѣтельство, что рукописное дополненіе къ его сочиненію, заключающее въ себѣ опредѣленіе правъ собственности крестьянъ, было сдѣлано по желанію самого государя[1]). Такимъ образомъ, извѣстность Пнина государю, притомъ посредниками могли служить сотрудничавшіе при императорѣ Павлѣ въ его „С.-Петербургскомъ Журналѣ" Чарторыйскій и Строгановъ[2]), не спасла его отъ преслѣдованія цензуры. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ ударъ не только ускорилъ его смерть, но имѣлъ огромное значеніе и не для одного Пнина. Это печальное событіе составило крайне плохой прецедентъ для дальнѣйшаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ литературѣ, если оно было возможно въ эпоху расцвѣта либерализма, въ то время, когда въ правительственныхъ сферахъ такъ много говорилось объ измѣненіи быта крѣпостныхъ.

---

[1]) *Сухомлиновъ* „Матеріалы для исторіи просвѣщ. въ Россіи въ царствов. имп. Александра I" („Журн. Мин. Нар. Просв." 1866, т. 132, стр. [illegible]

[2]) [illegible] писки Греча" въ „Рус. Арх." 1873, г. I, стр. 731.

крестьянъ, то что же должно было быть впослѣдствіи? Быть можетъ, правительство руководилось тутъ мыслью, что оно не только достаточно сильно, но и довольно свѣдуще, чтобы обойтись безъ содѣйствія литераторовъ. Въ такомъ случаѣ разсужденія въ неоффиціальномъ комитетѣ должны бы были убѣдить его въ противномъ и доказать, что въ этомъ важномъ дѣлѣ крайне много невыясненнаго, что тутъ нужны дружныя усилія правительства и всей нашей интеллигенціи. Если необходимость въ быстрыхъ и серьезныхъ мѣрахъ для ограниченія крѣпостнаго права не была очевидна нѣкоторымъ ближайшимъ, весьма образованнымъ сотрудникамъ государя, то тѣмъ менѣе она могла быть сознана массою общества, гдѣ, слѣдовательно, необходимо было ее пропагандировать, чтобы подготовить успѣшное осуществленіе того, что предстояло сдѣлать въ этомъ направленіи правительству. Между тѣмъ, цензурныя строгости по вопросу о крѣпостномъ правѣ были таковы, что въ 1809 г. московскій цензурный комитетъ въ сдѣланномъ Д. Языковымъ переводѣ книги Монтескье „О существѣ законовъ“ (изъ которой такъ много заимствовала имп. Екатерина II для своего Наказа) исключилъ нѣкоторыя мѣста, касающіяся рабства [1].

Еще за годъ до появленія книги Пнина, была издана, но только не въ Россіи, а за границей, въ Геттингенѣ, на французскомъ языкѣ, маленькая брошюра объ освобожденіи крестьянъ, написанная Фрейгангомъ, переводчикомъ въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ [2]. Она почти не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ вся состоитъ изъ общихъ фразъ, впрочемъ, либеральнаго направленія: бѣглыхъ указаній на пользу освобожденія крестьянъ для развитія торговли и промышленности, выраженія надеждъ на плодотворную дѣятельность въ этомъ направленіи императора Александра и т. п. Но какъ ни ничтожны сами по себѣ подобныя брошюры, онѣ все-таки представляютъ любопытное знаменіе времени: лишнее доказательство, что въ воздухѣ повѣяло освободительными стремленіями.

---

[1] [illegible] XV [illegible] VII [illegible] М. И. Сухомлинова „Матеріалы [illegible]“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1866 г., т. 132, стр. 48.

[2] Sur [illegible] des serfs, par Guillaume de Freygang, [illegible] Göttingen [illegible] софія („Рус. Стар.“ 1880 т. XXVIII, 593).

Нѣсколько позднѣе брошюрки Фрейганга, а именно въ 1806 г. въ Геттингенѣ было напечатано, на латинскомъ языкѣ, гораздо болѣе обстоятельное сочиненіе одного изъ учившихся тамъ русскихъ, Андр. С. Кайсарова, „Объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи", составляющее диссертацію на степень доктора. Авторъ учился въ Геттингенѣ вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, потомъ они вдвоемъ путешествовали объѣхали славянскія земли, собирали тамъ рукописи и книги; Кайсаровъ, между прочимъ, занимался и въ Англіи собираніемъ документовъ по русской исторіи. Впослѣдствіи, оставивъ военную службу, Кайсаровъ былъ опредѣленъ профессоромъ русской словесности въ Дерптѣ, но въ 1812 г. не устоялъ противъ искушенія бороться съ Наполеономъ и погибъ отъ взрыва пороховаго ящика [1]).

Диссертація Кайсарова по крестьянскому вопросу была посвящена императору Александру, которому А. И. Тургеневъ и поднесъ ее черезъ Новосильцова [2]). Нельзя не обратить вниманія на то, что, несмотря на награжденіе автора за этотъ трудъ бриллiантовымъ перстнемъ, его книга не была переведена на русскій языкъ: какъ видно, судьба сочиненія Пнина отпугивала отъ подобныхъ попытокъ. По словамъ Тургенева, Кайсаровъ былъ „одинъ изъ первыхъ славянофиловъ"; быть можетъ, онъ хотѣлъ этимъ указать только на его любовь къ славянской исторіи и древностямъ, по крайней мѣрѣ въ крестьянскомъ вопросѣ онъ былъ представителемъ чисто западныхъ идей, который проводилъ нѣсколько отвлеченно.

Въ началѣ своего труда, авторъ, прежде всего, оговаривается, что сказанное имъ не ново, но недостаточно извѣстно въ Россіи. Какъ на разительное доказательство этого, онъ ссылается на одного лифляндскаго землевладѣльца, старающагося убѣдить въ томъ, что рабство коренится въ человѣческой природѣ, и рекомендующаго сохраненіе его и даже поддержаніе силою оружія. Авторъ не называетъ имени этого „въ высшей степени безстыднаго человѣка", относительно котораго онъ выражаетъ даже сомнѣніе, достоинъ ли онъ человѣческаго имени, но очевидно, что Кайсаровъ разумѣетъ тутъ барона Унгерна-Штернберга, напечатавшаго въ 1803 г. въ Петербургѣ брошюру подъ заглавіемъ: „Сообразно ли проектированное нѣкоторыми дворянами дарованіе свободы лифляндскимъ крестьянамъ съ государственнымъ правомъ Россіи. Разсужденія по поводу ландтага въ Ригѣ въ 1803 г." [3]). Книжка Унгерна-Штернберга представ

---

[1]) „Русск. Стар." 1882 г. т. XXXIV, стр. 449—450.

[2]) [illegible] изъ бумагъ, находящихся въ вѣдѣніи имп. Александра I.

[3]) Ist die von einigen des Adels projektirte Einräumung des Eigenthums an den Bauernstand in Livland dem Staatsrechte Russlands conform? Eine Abhandlung für den Landtag in Riga von 1803. Petersburg [illegible]

дяетъ дѣйствительно весьма безцеремонное заявленіе крѣпостническихъ взглядовъ автора. Столь же безцеремонныя, какъ здѣсь, выраженія по этому предмету мы встрѣтимъ только въ одной запискѣ, составленной масономъ Поздѣевымъ, но нужно замѣтить, что послѣдній не только не пытался печатать свое произведеніе, но даже, очевидно, понимая, насколько оно противорѣчитъ господствовавшимъ въ то время взглядамъ, скрывалъ свое авторство. Скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательномъ „разсужденіи“ барона, котораго опасеніе лишиться крѣпостныхъ работниковъ заставило взяться за перо.

Сочиненіе Унгерна-Штернберга, посвященное „всѣмъ сумасброднымъ головамъ, когда-либо мечтавшимъ о совершенствѣ, отъ котораго онѣ сами всего болѣе удалены“, начинается указаніемъ именно на то, къ какимъ опаснымъ послѣдствіямъ приводятъ иногда нововведенія такъ, Неккеръ, конечно, не [illegible] за собраніемъ нотаблей въ Парижѣ. „Введеніе свободы въ Лифляндіи, — продолжаетъ авторъ, — было бы вредно и [illegible] государству и [illegible] Россіи такъ какъ могущество и сила этого государства [illegible] на безусловномъ повиновеніи. Къ этой свободѣ станутъ стремиться и [illegible] ей подражать и въ самой Россіи, а это можетъ имѣть дурное вліяніе на [illegible] армии и повести къ опаснымъ государственнымъ переворотамъ. Русскій народъ, руководимый своимъ природнымъ разумомъ, — заявляетъ вполнѣ откровенно авторъ, — предпочитаетъ вообще зависимость свободѣ, такъ какъ [illegible] отъ природы имѣетъ болѣе дельныя понятія о свойствахъ человѣка, чѣмъ многіе ученые сумасбродныя головы“. Баронъ [illegible] словъ для [illegible] [illegible] распутства, непослушанія, безбожности, наклонности къ [illegible] и [illegible] свободѣ“ [illegible] крестьянъ [illegible] [illegible] другихъ своего [illegible] [illegible] которые, [illegible] императора, [illegible] оружія и наказали зачинщиковъ, но, очевидно, слишкомъ [illegible] Не ограничиваясь единичными частными случаями, авторъ [illegible] заявляетъ: „Если благочестіе допускало въ религіозныхъ войнахъ XVI [illegible] доказывать съ помощью артиллеріи богословскіе догматы, то [illegible] мы имѣемъ право считать картечь болѣе вѣрнымъ средствомъ противъ [illegible] чѣмъ [illegible] представленія, просьбы, увѣщанія [illegible] слова и проповѣди, которыя [illegible] простой народъ [illegible] и [illegible], и которыя при подобныхъ катастрофахъ [illegible] какъ молотбы безъ [illegible] пожарныхъ инструментовъ [illegible] 16—17. Программа автора очень проста. „Въ Лифляндіи [illegible] между господиномъ и крестьяниномъ [illegible] Пусть эти законы имѣютъ [illegible]

[illegible]

коммиссіи; того звали Іоганнъ-Адольфъ.

мѣра". Считая невозможнымъ даровать крестьянину наслѣдственное пользованіе землею авторъ, однако, готовъ признать за нимъ неограниченное право собственности на движимое имущество, мало того, онъ готовъ допустить, чтобы „мѣра его повинностей и напряженіе его силъ были бы точно опредѣлены и произвольные налоги запрещены", т.-е. признать то, что до извѣстной степени было предписано закономъ въ Лифляндіи еще въ 1765 г. (хотя и не соблюдалось на практикѣ), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ категорически заявляетъ, что „наслѣдственную собственность господина составляютъ крестьяне съ землею батраки крестьянъ, барщина, разные сборы, выборъ прислуги по своему произволу лично для себя и для всего двора и пользованіе талантами въ искусствахъ и ремеслахъ, которые господинъ развиваетъ въ своихъ крѣпостныхъ." Помѣщикъ долженъ также имѣть право наказывать крестьянъ при посредствѣ сельскаго суда.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, несмотря на откровеннокрѣпостническое отношеніе къ крестьянамъ, несмотря на недопущеніе и мысли о возможности ихъ свободы, авторъ соглашается на ограниченіе повинностей крестьянъ по закону. Это объясняется тѣмъ, что въ Лифляндіи еще шведское правительство точно соразмѣрило повинности крѣпостныхъ въ пользу господина съ количествомъ находящейся въ ихъ пользованіи земли, и хотя во время русскаго господства положеніе крестьянъ въ дѣйствительности значительно ухудшилось, тѣмъ не менѣе, даже такіе крѣпостники, какъ Унгернъ-Штернбергъ, не рѣшались отрицать, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, нѣкоторыхъ принциповъ. Но каковъ долженъ быть размѣръ повинностей, — это другой вопросъ; въ этомъ отношеніи остзейскіе бароны отлично помнили свои выгоды и мастерски умѣли соблюсти ихъ, при всемъ желаніи русскаго правительства улучшить бытъ крестьянъ, какъ это прекрасно доказываетъ исторія лифляндскаго комитета, учрежденнаго въ Петербургѣ для выработки уложенія 1804 г. и существовавшаго много лѣтъ и послѣ того, а еще болѣе освобожденіе крестьянъ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ во вторую половину царствованія императора Александра I.

Всего любопытнѣе то, что книга Унгерна-Штернберга, напечатанная въ Петербургѣ, не могла выйти въ свѣтъ: убѣжденія ея автора до такой степени противорѣчили либеральнымъ намѣреніямъ правительства по крестьянскому вопросу вообще и въ частности желанію улучшить бытъ крестьянъ въ Лифляндіи, что сочиненіе это было арестовано, экземпляры его сожжены, и автору было объявлено „негодованіе Его Величества за столь дерзновенный поступокъ" [1]. Возвратимся, однако, къ книгѣ Каисарова, который былъ такъ сильно и вполнѣ справедливо возмущенъ твореніемъ Унгерна-Штернберга, и сжато изложимъ мысли, высказанныя въ его диссертаціи.

Успѣхи земледѣлія, — объясняетъ авторъ, — зависятъ отъ свободы и права собственности земледѣльцевъ; какъ можетъ крестьянинъ старательно обработать свое поле, если господинъ въ хорошую погоду посы-

[1] „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи", стр. 13.

даетъ его на барщину и только въ другую позволяетъ трудиться на себя? Крѣпостное право препятствуетъ и увеличенію народонаселенія потому что помѣщики не всегда даютъ разрѣшеніе на браки своихъ крѣпостныхъ. авторъ самъ видѣлъ у насъ дѣвушекъ 30 и 40 лѣтъ, оставшихся по этой причинѣ не замужемъ. крестьянскія дѣти умираютъ въ огромномъ количествѣ, вслѣдствіе того, что родители, проводя время на тяжелой работѣ, принуждены оставлять ихъ одних. Вмѣсто того, чтобы для размноженія населенія призывать колонистовъ изъ за границы, справедливо замѣчаетъ авторъ, лучше дозволить переселеніе самимъ крестьянамъ, а это возможно лишь при дарованіи имъ свободы. Увеличеніе народонаселенія нужно и для развитія фабрикъ, гдѣ избытокъ его могъ бы найти приложеніе своему труду. съ другой стороны, развитіе фабричной промышленности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и торговли, обусловливается увеличеніемъ потребностей народа, что, конечно невозможно при существованіи крѣпостнаго права. Рабство народа препятствуетъ и правильному денежному обращенію: человѣкъ несвободный скрываетъ пріобрѣтенныя имъ деньги, отъ этого уменьшается ихъ количество, и проценты чрезвычайно возрастаютъ. Наконецъ, крѣпостное право подавляетъ развитіе и умственныхъ способностей народа, который можетъ производить лучшихъ. Затѣмъ авторъ перечисляетъ разныя неосновательныя возраженія крѣпостниковъ, напримѣръ, что будто бы помѣщичьи крестьяне потомки военноплѣнныхъ, или что предки всѣхъ крестьянъ продали себя владѣльцамъ и что будто бы сами крѣпостные не желаютъ свободы. Упомянувъ, наконецъ, съ похвалою о крестьянской реформѣ въ Лифляндіи въ 1804 году, авторъ замѣчаетъ, что конечно, было бы большимъ безуміемъ сразу освободить 20 мил. рабовъ, но, въ то же время, выражаетъ надежду, что если Богъ даруетъ императору Александру долгую и благополучную жизнь, то ему удастся уничтожить крѣпостное право [1].

Если мы примемъ во вниманіе существованіе въ обществѣ взглядовъ подобныхъ тѣмъ, которые были высказаны въ книгѣ Унгерна-Штернберга, то мы не станемъ отрицать заслугъ русскихъ авторовъ либеральныхъ сочиненій по крестьянскому вопросу, старавшихся сгруппировать общія возраженія противъ крѣпостнаго права, уже высказанныя въ западной наукѣ; къ числу такихъ сочиненій принадлежитъ и книга Кайсарова. Весьма многія мысли автора, который, впрочемъ, самъ не претендуетъ на новизну, кажутся намъ теперь весьма избитыми; даже и для того времени было бы желательно не столь отвлеченное разсмотрѣніе во-

---

[1] Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumittendis per Russiam servis. Quam consensu amplissimo philosophorum ordine pro summis in philosophia honoribus rite capiendis eruditorum examini subjecit Andreas de Kaisarov mosquensis 1806 Gottingae.

прила, но, тѣмъ не менѣе, подобные труды были настоятельно необходимы въ свое время, и нельзя не пожалѣть, что это сочиненіе не появилось въ русскомъ переводѣ.

Кайсаровъ, какъ только-что было упомянуто, съ большою похвалою отозвался о мѣрахъ правительства въ Лифляндіи въ 1804 г.; такъ какъ онѣ должны были имѣть извѣстное вліяніе на мнѣнія общества по крестьянскому вопросу въ Россіи, то мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о крестьянскомъ дѣлѣ въ Лифляндіи въ разсматриваемую эпоху.

На ландтагѣ 1795 г. Фридрихъ Сиверсъ, котораго не должно смѣшивать съ бывшимъ новгородскимъ губернаторомъ, по предварительному соглашенію съ импер. Екатериною, предложилъ лифляндскому дворянству составить правила въ руководство коммиссіямъ, разбиравшимъ жалобы со стороны крестьянъ на помѣщиковъ. На ландтагѣ 1797 г. былъ составленъ проектъ улучшенія быта крестьянъ, отчасти передѣланный по замѣчаніямъ сената въ слѣдующемъ году. Когда до императора Павла дошли слухи о жестокомъ обращеніи нѣкоторыхъ помѣщиковъ со своими крестьянами, онъ запретилъ въ 1800 г. требовать съ крестьянъ что-либо сверхъ повинностей занесенныхъ въ вакенбухи, подъ страхомъ взятія имѣнія въ казенное вѣдомство. За это же время нужно отмѣтить въ высшей степени важное и вліятельное литературное явленіе. Гарлибъ Меркель, сынъ сельскаго пастора въ Лифляндіи, еще въ дѣтствѣ много слышавшій о дурномъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами, а затѣмъ и собиравшій свѣдѣнія о подобныхъ фактахъ, отправился въ 1796 г. въ Лейпцигъ, гдѣ поступилъ на медицинскій факультетъ, а въ слѣдующемъ году издалъ замѣчательную книгу подъ заглавіемъ: „Латыши, преимущественно въ Ливоніи въ исходѣ XVIII ст." [1]), которая немедленно доставила ему большую извѣстность и крайне раздражила противъ него лифляндское дворянство. Онъ требовалъ въ ней рѣшительныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права, а именно, чтобъ помѣщикъ не могъ лишать крестьянина владѣнія землею безъ рѣшенія деревенскаго суда, чтобы онъ не могъ продавать людей въ розницу, не возвышалъ бы повинностей безъ согласія крестьянъ, не обращалъ бы крестьянъ въ дворовыхъ, не могъ бы препятствовать имъ въ женитьбѣ и т. д. По восшествіи на престолъ Александра I дворянство поручило упомянутому ландрату Сиверсу поднести на утвержденіе государю свой прежній проектъ, въ которомъ оно, между прочимъ, выговаривало себѣ право продавать крестьянъ безъ земли, хотя и цѣльными семьями. По совѣту Сиверса, государь согласился на созваніе экстреннаго ландтага для обсужденія этого дѣла, при чемъ Сиверсъ представилъ государю чрезъ Кочубея, его лично знавшаго, подробную записку

[1]) Переводъ ея см. въ „Чтен. Общ. Ист. и Древ. Рос." 1870 г., т. I.

съ требованіями весьма серьезныхъ улучшеній въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ, къ которымъ императоръ отнесся очень сочувственно. На ландтагѣ 1803 г., несмотря на сильное раздраженіе дворянства противъ Сиверса за его предложеніе, былъ принятъ проектъ, хотя не заключавшій въ себѣ всѣхъ мѣръ, предложенныхъ Сиверсомъ, но все-таки болѣе благопріятный для крестьянъ сравнительно съ прежнимъ дворянскимъ проектомъ. Но, воспользовавшись разногласіями и распрями на ландтагѣ, правительство предписало учредить въ Петербургѣ особый комитетъ для изготовленія общаго положенія о лифляндскихъ крестьянахъ, русскіе члены котораго были проникнуты либеральными взглядами на крестьянскій вопросъ. Предсѣдателемъ его былъ уже извѣстный намъ графъ Кочубей, а членами его товарищъ по министерству графъ Строгановъ и сенаторъ Козодавлевъ. Къ нимъ оказалось нужнымъ еще присоединить двухъ лифляндскихъ ландратовъ Анрепа и Буденброка, такъ какъ русскіе члены комитета не были знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Лифляндіи. Большою ошибкою со стороны правительства было то, что оно обошло при этомъ Сиверса, быть можетъ, опасаясь слишкомъ раздражить лифляндское дворянство. Впрочемъ Кочубей по многимъ дѣламъ обращался къ нему за совѣтомъ.

Одинъ изъ представителей этого дворянства, Унгернъ-Штернбергъ, по поводу ландтага 1803 г., и напечаталъ тогда же въ Петербургѣ свою книгу, о которой было сказано выше по поводу труда Кайсарова.

Члены лифляндскаго комитета, весьма сочувственно относившіеся къ положенію крѣпостныхъ крестьянъ, совершенно не были знакомы съ хозяйственными отношеніями въ Лифляндіи и вмѣсто того, чтобы внимательно изучить шведское законодательство о лифляндскихъ крестьянахъ, они слишкомъ довѣряли двумъ лифляндскимъ ландратамъ, засѣдавшимъ вмѣстѣ съ ними въ комитетѣ. Вслѣдствіе этого составленное въ комитетѣ положеніе, хотя оно было неизмѣримо благотворнѣе для крестьянъ, чѣмъ позднѣйшіе законы по этому предмету, изданные въ 1816—1819 гг., все таки имѣетъ много серьезныхъ недостатковъ. На основаніи составленнаго комитетомъ уложенія, обнародованнаго въ 1804 г., крестьянинъ безъ собственнаго согласія не могъ быть отдѣленъ отъ земли помѣстья; однако онъ могъ быть переселенъ въ другое имѣніе того же владѣльца въ томъ же уѣздѣ. Продажа, закладъ и уступка крестьянъ безъ земли запрещены: дворовыхъ людей можно было продать только одинъ разъ и то людямъ, имѣющимъ помѣстье; брать крестьянъ во дворъ было запрещено. Отмѣнено было требованіе письменнаго согласія помѣщика на бракъ крѣпостныхъ, послѣдніе должны были извѣщать владѣльцевъ о своемъ желаніи. Эта оговорка повела къ тому, что пасторы продолжали требовать для совершенія брака свидѣтельства отъ вотчинной конторы. Назначеніе рекрутъ было предоставлено крестьянскому суду, но къ сожалѣнію, крестьяне-

хозяева были безусловно освобождены отъ рекрутской повинности къ невыгодѣ батраковъ и бобылей. Крестьянинъ могъ быть удаленъ отъ управленія хозяйствомъ лишь по приговору суда за долги и дурное поведеніе, причемъ его мѣсто заступалъ способный изъ сыновей или ближайшій родственникъ. Право крестьянъ-хозяевъ на землю было признано неотъемлемымъ и наслѣдственнымъ, кромѣ того случая, когда нужно было довести господскій посѣвъ до высшаго размѣра, разсчитаннаго пропорціонально ординарной барщинѣ и когда не было пустопорожнихъ земель. Величайшій недостатокъ этого положенія заключается въ томъ, что составители его обратили вниманіе исключительно на интересы крестьянъ хозяевъ и не позаботились о безземельныхъ батракахъ, которые составляли громадное большинство въ сельскомъ населеніи Лифляндіи. Желая выяснить себѣ лифляндскія отношенія, русскіе члены комитета задали вопросъ, по скольку дней барщины приходится нести крестьянамъ на помѣщика? По вычисленію, произведенному ландратами, приходилось среднимъ числомъ около двухъ дней въ недѣлю о чемъ было упомянуто и въ самомъ уложеніи. Но двухдневная барщина была совершенною фикціей. Дѣло въ томъ, что крестьяне-хозяева обыкновенно вовсе не ходили на барщину, а несчастные батраки работали сплошь всю недѣлю или на помѣщика за своего хозяина, или прямо въ пользу хозяина. Уложеніемъ 1804 г. крестьянскимъ судамъ было предоставлено право распредѣлять батраковъ по дворамъ хозяевъ. Основнымъ правиломъ новаго закона было то, что повинности обусловливались пользованіемъ землею, а между тѣмъ на безземельныхъ бобылей была положена барщина по одному дню въ недѣлю. Право домашней расправы было предоставлено помѣщику только надъ дворовыми и батраками. Въ случаѣ пьянства, грубости или ослушанія и лѣности, помѣщикъ могъ подвергать ихъ наказанію до 15 ударовъ палками или розгами и аресту на хлѣбѣ и водѣ до 2-хъ дней. Имѣнія жестокихъ помѣщиковъ, а также четырежды уличенныхъ во взысканіи повинностей свыше мѣры, велѣно было брать въ опеку. Крестьянскій судъ, вѣдавшій дѣла между крестьянами, состоялъ изъ 3-хъ судей: одного назначалъ помѣщикъ, другаго избирали хозяева, третьяго батраки. Этотъ же судъ вѣдалъ и споры о повинностяхъ между вотчиннымъ правленіемъ и крестьянами. Приговоръ суда утверждался помѣщикомъ. Приходскій судъ составлялъ вторую инстанцію по вышеуказаннымъ дѣламъ, что же касается жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ, то онъ только пробовалъ склонить обѣ стороны къ примиренію. Въ немъ предсѣдательствовалъ дворянинъ, а засѣдателями были три крестьянина по выбору. Слѣдующими инстанціями были ландгерихтъ съ придачею двухъ засѣдателей отъ крестьянъ и гофгерихтъ [1]). На осно-

[1]) Пол. Соб. Зак. т. XXVIII. 21162.

ками Положенія 1804 г. учреждены были 4 ревизіонныя коммиссіи, предсѣдатели которыхъ назначались изъ чиновниковъ, не имѣющихъ помѣстій въ Лифляндіи.

Очень важно, что лифляндскій комитетъ въ Петербургѣ продолжалъ существовать и послѣ изданія уложенія, такъ какъ онъ иногда исправлялъ ошибки, вкравшіяся въ составленные имъ законы, и разъяснялъ различныя недоумѣнія.

Наиболѣе замѣчательнымъ изъ предсѣдателей ревизіонныхъ коммиссій былъ А. И. Арсеньевъ. Внимательно изучивъ мѣстное законодательство и подробно познакомившись съ положеніемъ крестьянъ въ Лифляндіи, онъ высказывалъ упреки новымъ петербургскому комитету и гр. Кочубею, говоря, что законы, изданные комитетомъ, мало благопріятны для крестьянъ. Онъ обратилъ также особенное вниманіе на ужасное положеніе батраковъ. По его выраженію, это „существа невольниковъ и рабовъ рабовъ". Населеніе Лифляндіи съ каждымъ годомъ увеличивается именно въ отношеніи ихъ бѣдственнаго состоянія. Они получаютъ недостаточное пропитаніе, живутъ въ страшной тѣснотѣ, въ черной избѣ своего хозяина, а во время барщины проводя цѣлую недѣлю на помѣщичьемъ дворѣ, совершенно не имѣютъ даже угла пристанища. Жизнь ихъ такъ печальна, что весьма многіе изъ нихъ избѣгаютъ супружества, а нѣкоторые впадаютъ даже въ преступленія скотоложства и мужеложства. Арсеньевъ предлагалъ предоставить какъ крестьянамъ, такъ и батракамъ, право на полученіе одинаковаго надѣла со введеніемъ русской тягловой системы, причемъ каждое тягло должно было получить 8—10 десят. земли и каждое тягло обязано было бы работать на помѣщика по два дня въ недѣлю. Подобныя мѣры совершенно измѣнили бы поземельныя отношенія въ Лифляндіи. Послалъ онъ комитету свои соображенія и, хотя не приняли ихъ, но все таки, съ его разрѣшенія, Арсеньевъ составилъ уставъ о содержаніи батраковъ, которымъ улучшался ихъ бытъ. Батракъ долженъ былъ получить отъ хозяина земельный участокъ для обработки его въ свою пользу, а за это хозяину обязанъ былъ работать лѣтомъ двѣ, а зимою три недѣли въ мѣсяцъ. Но только позднѣе было составлено положеніе о батракахъ во всей Лифляндіи, менѣе для нихъ выгодное.

Русскимъ дѣятелямъ въ Лифляндіи приходилось вести неустанную борьбу съ остзейскими землевладѣльцами, преслѣдовавшими только свои корыстные расчеты и не отступавшими даже отъ прямого подлога въ дѣлахъ и постановленіяхъ Лифляндскаго комитета. Послѣдній со временемъ также какъ будто утомился отстаивать крестьянъ. Въ 1808 г. измѣнился и его личный составъ: предсѣдателемъ сдѣлался преемникъ Кочубея по министерству Алексѣй Бор. Куракинъ, холодно относившійся къ дѣламъ комитета, Сперанскій и другіе. Въ дополнительныя правила къ Лифляндскому Уложенію, изданныя въ 1809 г., вкрались нѣкоторыя весьма невыгодныя для крестьянъ постановленія, какъ напр. разрѣшеніе отдавать въ рекруты предпочтительно бобылей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволеніе переселять ихъ изъ малоземельныхъ въ многоземельныя имѣнія. Этимъ дана была возможность устроить торговлю людьми безъ земли, которая, впрочемъ, какъ это скоро открылось, существовала и прежде подъ различными прикрытіями. Такимъ образомъ, не смотря на благія намѣренія правитель-

ни, если не удалось серьезно улучшить быть крестьянъ въ Лифляндіи вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія лифляндскихъ землевладѣльцевъ, предпочитавшихъ своею независимостью личныхъ частныхъ торгашей, какъ фр. Сиверсъ, и готовыхъ на все, вплоть до измѣны, ради защиты своихъ интересовъ ¹). Но въ Уложеніи 1804 г. было не мало отдѣльныхъ мѣръ, которыя могли бы имѣть важное значеніе для ограниченія крѣпостнаго труда, если бы онѣ были распространены на крестьянъ въ собственной Россіи: онѣ обратили бы крѣпостное право въ прикрѣпленіе къ землѣ.

Возвращаемся къ крестьянскому вопросу въ русской литературѣ.

Такіе писатели, какъ Пнинъ и Кайсаровъ, не говоря уже о Фонвизинѣ, трактовали исключительно въ области отвлеченныхъ соображеній и идей; сочиненіе Кайсарова, къ тому же, было недоступно русскому обществу и по языку, на которомъ оно было написано. Чувствовалась поэтому настоятельная потребность въ трудахъ, гдѣ было бы подробнѣе объяснено, какого рода измѣненія желательны въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и какъ ихъ можно осуществить. Такою цѣлью задался гр. Стройновскій, сочиненіе котораго „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“ вышло въ свѣтъ въ Вильнѣ въ 1808 г.; въ слѣдующемъ году самъ же авторъ напечаталъ и русскій переводъ этой книги, но доступнымъ публикѣ онъ сдѣлался позднѣе, лишь въ 1811 году. Переводчикъ, извѣстный библіографъ Анастасевичъ, въ своемъ предисловіи говоритъ, что „многимъ покажется предметъ какъ и названіе сей книги новымъ, а инымъ смѣлымъ“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выражаетъ надежду, что „хорошій хозяинъ со вниманіемъ вникнетъ въ мысль сочинителя“. Авторъ также надѣется, что помѣщики рано или поздно сознаютъ необходимость освобожденія крестьянъ „отъ крѣпостнаго и рабскаго состоянія“ и заключенія съ ними добровольныхъ договоровъ о землѣ; но такая перемѣна должна быть выполнена на пространствѣ всей Россіи или въ извѣстной области, съ соблюденіемъ „надлежащаго порядка“, чтобы не пострадали интересы государства, землевладѣльцевъ и крестьянъ. Въ выясненіи правилъ этой перемѣны и состоитъ цѣль книги. Авторъ давно уже намѣревался освободить своихъ крестьянъ, но его удерживало то, что на это не было дозволенія правительства; указъ 1803 года содѣйствовалъ исполненію его намѣренія и даже появленію въ свѣтъ его труда ²).

Высказавъ мысль, что императору Александру предстоитъ убѣдить помѣщиковъ обратить вниманіе на улучшеніе быта крестьянъ, на обезпеченіе ихъ личной свободы и собственности, авторъ затѣмъ въ очеркѣ исто-

¹) *Самаринъ*, „Окраины Россіи“ т. VI.

²) [illegible]

ріи рабовъ и крестьянъ въ западной Европѣ указываетъ на такіе признаки ихъ тяжелаго положенія, которые существовали еще въ то время въ Россіи. Крестьяне въ средніе вѣка „не имѣли никакой собственности не могли безъ позволенія жениться или принуждены были вступать въ бракъ по приказанію“. Ихъ продавали не только съ землею, но и порознь, „какъ домашнюю животину, или какую-нибудь рухлядь“. Съ постепеннымъ улучшеніемъ быта крестьянъ, стали стыдиться продавать ихъ, по крайней мѣрѣ, порознь. Мало по-малу въ Европѣ установились между помѣщиками и крестьянами арендныя отношенія, чрезвычайно выгодныя какъ для обѣихъ сторонъ, такъ и для государства; существованіе рабства, напротивъ того, крайне опасно въ виду нерѣдкихъ возстаній людей несвободныхъ. „Извѣстно, — говоритъ авторъ, — сколь таковыя внутреннія возмущенія насильственны и по своей жестокости ужасны: они должны бы научить, что для собственнаго нашего блага и спокойствія надлежитъ помыслить о семъ единожды навсегда и освободиться отъ возмущеній крестьянъ“. Замѣтимъ отъ себя, что Россія еще хорошо помнила пугачевщину, но, къ сожалѣнію, большинство помѣщиковъ не поняло этого предостереженія и боялось волненія не въ случаѣ сохраненія крѣпостнаго права, а при ослабленіи существующей зависимости крестьянъ. Авторъ весьма основательно указываетъ на тяжелое положеніе крѣпостныхъ: „не будемъ таить сами предъ собою, — говоритъ онъ, — что земледѣльцы угнетены излишнею барщиною, податью, наказаніями, словомъ, совершеннымъ своеволіемъ каждаго помѣщика“, и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ какія отношенія къ землевладѣльцу могутъ стать освобожденные крестьяне.

Прежде всего земля должна остаться собственностью помѣщиковъ, которые имѣютъ такое же право требовать вознагражденія отъ тѣхъ, кому они отдадутъ ее въ пользованіе, какъ капиталистъ получать проценты. Но, увы! „по непросвѣщенію народа“, почти всѣ крестьяне думаютъ, что свобода состоитъ въ безвозмездномъ пользованіи землею; поэтому придется „растолковать“ имъ черезъ приходскихъ священниковъ, что личная свобода и собственность не на томъ основаны, чтобы пользоваться чужою землею безъ всякаго награжденія ея хозяину“. Помѣщикъ долженъ заключать договоръ съ освобожденными крестьянами, причемъ нужно обратить вниманіе на то, чтобы и землевладѣльцы не подвергались притѣсненію, „и владѣлецъ удержалъ бы въ цѣлости свой доходъ“. Такъ какъ въ обширномъ государствѣ не можетъ существовать повсемѣстно однообразныхъ договоровъ, то авторъ разсматриваетъ три рода ихъ: землевладѣлецъ получаетъ вознагражденіе или натурою (частью урожая), или деньгами (оброкъ, чиншъ), или посредствомъ барщиннаго труда.

Вознагражденіе за землю произведеніями земли всего удобнѣе, по мнѣнію Стройновскаго, для крестьянина, но невыгодно для помѣщика въ

странахъ малонаселенныхъ и съ неразвитою торговлею, каковы: Россія, Пруссія, Галиція, Венгрія, Богемія и проч. Авторъ не совѣтуетъ заключать договоры такого рода надолго или навсегда тамъ, гдѣ земледѣліе находится въ далеко несовершенномъ состояніи, такъ какъ, съ улучшеніемъ его, земля будетъ давать гораздо большіе урожаи и, слѣдовательно, полученіе прежняго количества зерна будетъ убыточно для землевладѣльца. Охраняя интересы владѣльцевъ авторъ не совѣтуетъ имъ заключать навсегда и договоръ денежной аренды, такъ какъ, съ увеличеніемъ народонаселенія, улучшеніемъ земледѣлія и развитіемъ торговли, цѣнность земли увеличивается. Онъ протестуетъ, однако и противъ краткосрочныхъ, —напримѣръ, годичныхъ арендъ, такъ вредно отражающихся на состояніи сельскаго хозяйства, и совѣтуетъ заключать условія на 15, 18 и 24 года, выгодныя для обѣихъ сторонъ, какъ это доказываетъ примѣръ Англіи и Голландіи; въ первой странѣ срокъ арендъ повышается даже до 50 лѣтъ.

Самый надежный способъ отдачи земли „въ содержаніе", т. е. въ аренду, составляетъ, по мнѣнію автора, договоръ за извѣстное количество работы (барщины), обезпечивающій землевладѣльцу постоянный доходъ, хотя въ то же время, Стройновскій признаетъ, что земледѣльцы имѣютъ „наиболѣе отвращенія" отъ этого вида аренды. Переходя затѣмъ къ опредѣленію справедливаго, по его мнѣнію, размѣра повинностей крестьянъ, авторъ вычисляетъ, что въ пользу земледѣльца должно идти ½ урожая, въ томъ числѣ ¼, какъ вознагражденіе за издержки на первоначальное хозяйственное обзаведеніе, а ¼ на его ежегодные расходы. Принимая во вниманіе существовавшую въ то время въ Польшѣ цѣну на рабочій трудъ, Стройновскій утверждаетъ, что за 15 морговъ (7½ десят.) пустаго поля, средняго качества, т. е. рождающаго самъ-пять, съ огородомъ и сѣнокосомъ нельзя требовать отъ крестьянина болѣе 126 тяглыхъ, т. е. конныхъ дней работы въ годъ. Если же помѣщикъ самъ сдѣлаетъ первыя хозяйственныя затраты (т. е. дастъ рабочій скотъ, орудія и пр.), отведетъ крестьянамъ пастбище на своихъ лугахъ, или будетъ давать лѣсу для починки строеній и на дрова, то онъ можетъ справедливо, по мнѣнію автора, требовать и болѣе работы. Не слѣдуетъ ссылаться на то, что теперь крестьяне работаютъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ болѣе, такъ какъ на нихъ налагались повинности произвольно, а не по договору. Авторъ не можетъ отрицать, что „договоръ на деньги или на зерно... приличнѣе свободѣ человѣка", между тѣмъ какъ „договоръ на работу оставляетъ земледѣльца въ нѣкоторой зависимости или подчиненности владѣльцу земли"; но въ Польшѣ аренду на деньги или хлѣбъ онъ считаетъ неудобною, полагая, что эти отношенія возможны лишь въ странахъ съ большимъ населеніемъ, болѣе развитою промышленностію и торговлею. Авторъ полагаетъ, что крестьяне не нашли бы сбыта для своего хлѣба, особенно при запрещеніи

его рынка, и потому не могли бы уплатить должнаго оброка. Но упускаетъ изъ виду, что въ Россіи, стоявшей относительно промышленности и торговли не выше Польши, оброчная система была распространена въ Великороссіи почти на половину помѣщичьихъ крестьянъ. Авторъ совѣтуетъ землевладѣльцамъ заключать вѣчные договоры съ крестьянами на работу, думая что это будетъ полезно для обѣихъ сторонъ. Личное освобожденіе крестьянъ должно состоять въ правѣ перехода съ одного мѣста на другое, но тамъ гдѣ существуетъ подушная подать и рекрутскій наборъ такую свободу можетъ даровать только правительство. Договоры надо заключать по взаимному согласію, такъ какъ, получивъ личную свободу, крестьянинъ можетъ перейти въ другое мѣсто. Предоставленіе имъ земли въ вѣчное пользованіе привлечетъ ихъ къ прежнему мѣсту жительства, къ тому же теперь они не найдутъ уже въ Украйнѣ ни свободы, ни пустыхъ земель и потому нечего опасаться бродяжничества. Впрочемъ, несостоятельный крестьянинъ долженъ быть лишаемъ данной ему земли. Крестьянину нужно предоставить право продать участокъ, находящійся въ его пользованіи, но не иначе, какъ съ согласія помѣщика, который долженъ имѣть гарантію въ томъ, что земля не перейдетъ къ дурному хозяину. Выморочные послѣ крестьянъ участки переходятъ въ пользованіе міра. Для рѣшенія споровъ между земледѣльцами и помѣщиками нужно учредить посредническіе, третейскіе и высшіе суды; въ тѣхъ и другихъ судьями должны быть дворяне, воспитаніе которыхъ, будто бы, служитъ порукою въ ихъ справедливости. Авторъ готовъ даже допустить сохраненіе патримоніальной юрисдикціи въ зависимости отъ уѣздной управы, съ тѣмъ только, чтобы изъ ея вѣдѣнія были изъяты спорныя дѣла о собственности между крестьянами и помѣщиками.

Такимъ образомъ, Строиновскій рекомендуетъ личное, безземельное освобожденіе крестьянъ и затѣмъ предоставляетъ заключеніе договоровъ взаимному согласію обѣихъ сторонъ. Онъ думаетъ, будто собственный расчетъ заставитъ помѣщиковъ предложить крестьянамъ справедливыя условія. Такимъ образомъ, уже въ самомъ своемъ основаніи проектъ Строиновскаго не былъ бы правильнымъ и полезнымъ для нашихъ крѣпостныхъ рѣшеніемъ вопроса, если бы его попробовали осуществить въ Россіи. Затѣмъ предпочтеніе, оказываемое имъ арендѣ на условіяхъ барщины, дѣйствительно выгоднѣе другихъ формъ договоровъ для помѣщика, но, какъ онъ самъ сознаетъ, крайне непріятно для крестьянъ. Въ Польшѣ при преобладаніи барщинной системы, предлагаемые имъ договоры могли бы встрѣтить меньше противодѣйствія, но у насъ, гдѣ половина крѣпостныхъ привыкла платить оброкъ и пользоваться при этомъ значительною долею свободы, примѣненіе ихъ было бы для всѣхъ оброчныхъ вотчинъ шагомъ не впередъ, а назадъ, не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ ихъ быта.

Что касается самаго размѣра предложенныхъ имъ повинностей, то онѣ умѣреннѣе нашей трехдневной барщины, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ количество пахотной земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, менѣе 7 десятинъ. Наконецъ буквальное примѣненіе совѣтовъ гр. Стройновскаго къ Россіи было бы вредно и потому, что, вслѣдствіе отсутствія общиннаго землевладѣнія въ Польшѣ, авторъ игнорируетъ эту столь важную для обезпеченія благосостоянія крестьянъ форму поземельныхъ отношеній. Можно было бы пожалѣть, что переводчикъ книги Стройновскаго не попробовалъ обсудить его совѣтовъ въ примѣненіи къ Россіи, но дѣло въ томъ, что, по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, это было бы, вѣроятно, невозможно. Мы сейчасъ увидимъ что и простой переводъ возбудилъ негодованіе въ крѣпостникахъ.

Каковы бы ни были недостатки книги Стройновскаго, изданіе ея на русскомъ языкѣ было, все-таки, небезполезно. Изъ нея читатель могъ почерпнуть нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о рабствѣ и его постепенномъ уничтоженіи на Западѣ, о бытѣ крестьянъ въ другихъ мѣстностяхъ Европы, онъ могъ встрѣтить тамъ нѣсколько довольно сильныхъ нападеній на крѣпостное право, указаніе на экономическій вредъ рабства (въ томъ впрочемъ, можно было убѣдиться и изъ переведеннаго въ то время сочиненія Адама Смита), наконецъ, требованіе улучшенія быта крестьянъ. Хотя авторъ и рекомендуетъ личное освобожденіе безъ пріобрѣтенія земли въ собственность, но, все-таки, должно замѣтить что самъ онъ не жалуетъ батрацкой системы, а всего болѣе восхваляетъ вѣчную аренду, хотя бы и не на деньги, а на работу. Если мы сравнимъ книгу Стройновскаго съ трудомъ Якоба, получившаго въ 1814 г. большую медаль отъ вольнаго экономическаго общества (см. ниже), то найдемъ, что критика существующихъ отношеній сильнѣе и основательнѣе у Якоба: онъ ясно показываетъ весь экономическій вредъ барщинной системы, онъ сознаетъ хорошія стороны оброчнаго хозяйства, но что касается положительной стороны его труда, то тутъ предложеніе Стройновскаго все таки менѣе вредно для крестьянъ. Якобъ въ небольшихъ вотчинахъ прямо предлагаетъ превращеніе крѣпостныхъ въ свободныхъ батраковъ, въ имѣніяхъ же большаго размѣра только часть крестьянъ рекомендуетъ обратить въ наслѣдственныхъ арендаторовъ, а остальные дѣлаются также батраками, работающими или у господина, или у хозяевъ-крестьянъ. Къ идеаламъ Якоба всего ближе остзейская система. Стройновскій, напротивъ, совсѣмъ не упоминаетъ о батракахъ, а желаетъ превращенія всѣхъ крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ.

Несмотря на то, что, какъ мы видѣли, авторъ этой книги нигдѣ не упускаетъ изъ виду интересовъ помѣщиковъ, думаетъ, что крестьянскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ добровольными сдѣлками дворянъ съ земледѣльцами и лишь вскользь упоминаетъ о томъ, что, при существова-

нія подушной подати и рекрутскаго набора, это дѣло требуетъ вмѣшательства правительства. Переводъ ея вызвалъ сильное негодованіе въ лагерѣ консерваторовъ. Министръ народнаго просвѣщенія, гр. Алексѣй Кирил. Разумовскій, друживішій съ такими дикими консерваторами, какъ Поздѣевъ, приказалъ запретить ее. Однако же, людямъ болѣе либеральнымъ удалось ее отстоять, и попечитель московскаго учебнаго округа, Пав. И. Голенищевъ-Кутузовъ, считавшій даже Карамзина человѣкомъ опаснымъ и подававшій на него доносъ, получилъ выговоръ за то что книгу стали отбирать.

По этому поводу Голенищевъ-Кутузовъ писалъ въ сентябрѣ 1811 года Алексѣю Кирилловичу Разумовскому: „О книгѣ негоднымъ полякомъ писанной, я скажу, что всѣ благомыслящіе люди говорятъ: эта книга вздоръ, дерзость, и терпима быть не могущая". Выговора я не заслужилъ, ибо не я ее остановилъ, а гр. Гудовичъ, коему я не могъ не сообщить вашего предписанія о запрещеніи сей книги, но я не велѣлъ ему ее отбирать, то за что же мнѣ выговоръ? Ежели бы вы имѣли твердость сказать, что я не виноватъ, то бы мнѣ не было сей неприятности. Впрочемъ, я всегда такъ буду дѣйствовать. Только разрѣшите меня по цензурѣ: пропускать ли книги сего рода, или нѣтъ. Здѣсь (т.-е. въ Москвѣ) добрые люди говорятъ, что и автора, и переводчика надобы повѣсить, ибо это изжинатели и враги отечества. Я волю мою исполнилъ и очень спокоенъ. Намъ, русскимъ, надобно государя ограждать отъ поляковъ, кои всегда наши враги. Я въ душѣ моемъ русскій дворянинъ и увѣренъ въ томъ, что поляки книгу сію издали съ самымъ злымъ намѣреніемъ возмутить цѣлое государство. Зачинщики [illegible] того, что всѣхъ дворянъ передавятъ, а тамъ и болѣе сдѣлаютъ. Вотъ плоды [illegible] ихъ заслугъ Стройновскіе и Анастасевичи. Стыдно сказать, что таковаго шельму, т.-е. гр. Стройновскаго, сдѣлали сенаторомъ; стыдно мундиръ одинаковый съ нимъ носить. Будьте увѣрены, что во мнѣ, при всей моей бѣдности, достанетъ столько духа, чтобы все это государю сказать, хоть бы [illegible] за сіе [illegible]. Можно математически доказать, что, таковыя книги позволяя, онъ ведетъ къ погибели себя и все государство. Что мнѣ можетъ сіе повредить у двора, я объ томъ весьма мало забочусь. Лучше пострадать за доброе дѣло и за правду, нежели за подлыя [illegible], криводушество и связи съ поляками [illegible] получать чины и ленты [1]).

Негодованіе консерваторовъ на книгу Стройновскаго выразилось не въ одной только перепискѣ: изъ ихъ среды вышло нѣсколько опроверженій [2]) и замѣчаній, хотя и не изданныхъ въ свое время, но адресованныхъ сто крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, или кому-нибудь изъ сильныхъ міра сего или самому государю. Мы познакомимся съ ними и постараемся наряду съ дикими обскурантными мнѣніями, отыскать, гдѣ можно, и серьезныя возраженія, съ которыми слѣдовало считаться защитникамъ проэктовъ, вродѣ составленныхъ Стройновскимъ, Якобомъ и др.

Мы имѣемъ, во-первыхъ, возраженіе на книгу Стройновскаго, составленное въ 1811 году, слѣдовательно, тотчасъ послѣ того какъ она осво-

[1]) Цит. [illegible] Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, II, [illegible].
[2]) Срав. „Арх. кн. Воронцова" XXIII, 87.

бодилась, наконецъ, изъ цензурныхъ тисковъ), и принадлежащее перу кн. Влад. Мих. Волконскаго [1]. Авторъ этого возраженія, которое пышетъ горячею ненавистью ко всякой реформѣ въ бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ, видимо, не принадлежалъ къ числу тѣхъ умныхъ консерваторовъ, съ которыми можно совершенно не соглашаться, но въ замѣчаніяхъ которыхъ иногда находишь много основательнаго. Прежде всего, этотъ критикъ Стройновскаго задается вопросомъ, не ошибся ли послѣдній въ своихъ разсчетахъ, предположеніяхъ и заключеніяхъ въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ „цѣлость государства“, „бытіе или небытіе Россіи“, существованіе которой оказывается, такимъ образомъ, немыслимымъ безъ крѣпостнаго права. За освобожденіемъ крестьянъ кн. Волконскому грезятся ужасы французской революціи. „Довольно, — скажутъ мнѣ... здраваго смысла и разума, чтобы понять ясно всѣ пользы, долженствующія проистечь изъ свободнаго состоянія крестьянъ“. „Но развѣ не видали мы, — продолжаетъ онъ, — царствія разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспроверженъ престолъ.. развѣ не во имя разума милліоны французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ, а сіи отъ всякой обязанности противъ ихъ, расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей? Они вошли въ изступленіе и пришли въ состояніе звѣрообразныхъ животныхъ, скитающихся по развалинамъ, курящимся собственною ихъ кровью. Все сіе было и происходило на глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: нѣтъ! — Что проиграемъ мы въ томъ случаѣ, если совѣты графа Стройновскаго окажутся неосновательными? — Все“. Мы можемъ „впасть въ подобное состояніе, въ какомъ была въ глазахъ нашихъ Франція, и теперь еще находится, г.-е подъ желѣзною державою чужеземца, ліющаго кровь ея ручьями для насыщенія ненасытнаго своего властолюбія, или въ подобное состояніе, въ какомъ была уже Россія по нашествіи Батыя: раздѣлена, раздроблена, угнетена, у всѣхъ ярмо на шеѣ“. Критикъ указываетъ на то, что Стройновскій самъ сознаетъ опасность отъ преувеличенныхъ требованій народа, желающаго безплатно пользоваться землею, и смѣется надъ тѣмъ, что авторъ книги „Объ условіяхъ съ крестьянами“ надѣется подѣйствовать на нихъ посредствомъ увѣщанія священниковъ. „Можетъ быть, что мнѣнія ваши, — ядовито замѣчаетъ Волконскій, обращаясь къ своему литературному противнику, — и могли быть полезны для Польши, бывшаго вашего отечества, которое уже не существуетъ и которое пылкими головами изобиловало; но не они ли и заронили въ немъ искру пожара, который его истребилъ“? Въ своемъ крѣпостничес-

[1] Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г., III, смѣсь, стр. 37—50, 1860 г., II, стр. 195—202 и 1872, г., IV, 180—85. Цитируемъ по изданію 1860 г., принимая во вниманіе варіанты въ изданіи 1872 г.

комъ ослѣпленіи критикъ доходитъ до того, что сравниваетъ людей, согласныхъ съ Стройновскимъ, съ фанатиками, сожигающими себя на кострѣ, или оскопляющими себя. Онъ полагаетъ, что такая книга могла быть допущена къ печати не по оплошности, а лишь потому, что и среди цензоровъ есть такіе же вольнодумцы, какъ ея авторъ. Кн. Волконскій говоритъ, что во время своего четырехлѣтняго путешествія по западной Европѣ онъ видѣлъ тамъ „многія тысячи“ людей въ такомъ бѣдственномъ состояніи, о которомъ у насъ не имѣетъ понятія и послѣдній нищій, такъ какъ онъ, все-таки, принадлежитъ къ какому-нибудь селенію, имѣетъ въ немъ домъ или землю. По его мнѣнію, у насъ нужно думать не объ освобожденіи крестьянъ, а о прекращеніи бродяжничества, которое должно чрезвычайно усилиться при уничтоженіи крѣпостнаго права. Мало того: „сколько вдругъ возникнетъ бунтовъ, безпорядковъ, неустройства!“ Какимъ образомъ правительство будетъ взыскать подати, собирать рекрутъ? Критикъ договаривается, наконецъ, до того, что объявляетъ совѣты Стройновскаго тайною завистью при видѣ славы и величія Россіи, которая „непреодолима и неприступна, доколѣ въ ней не возникнутъ мятежи и неустройства“. Понятно, что изъ подобнаго возраженія нечему было научиться людямъ, желавшимъ добра крѣпостному населенію Россіи: имѣетъ значеніе тутъ развѣ только оброненное мимоходомъ замѣчаніе о множествѣ батраковъ среди однодворцевъ, которое, при изслѣдованіи причинъ этого явленія, могло бы привести къ мысли о необходимости сохраненія общиннаго землевладѣнія при освобожденіи крестьянъ, но самъ авторъ слишкомъ занятъ разоблаченіемъ коварной польской интриги гр. Стройновскаго, чтобы останавливаться на этой важной сторонѣ крестьянскаго быта. А между тѣмъ, возраженія Волконскаго, циркулируя въ обществѣ, производили свое впечатлѣніе, какъ видно изъ переписки нѣкоторыхъ современниковъ: своими энергичными нападками на Стройновскаго они нравились инымъ болѣе замѣчаній другаго его противника, гр. Ростопчина.

Свое сильное недовольство книгою Стройновскаго высказываетъ и масонъ Поздѣевъ въ письмахъ къ графу А. К. Разумовскому (см. ниже); извѣстный любимецъ Павла Петровича, гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, удалившійся на время отъ дѣлъ, а затѣмъ выдвинувшійся вновь въ качествѣ правителя Москвы, но не пріобрѣвшій при этомъ общей любви, направилъ свой протестъ гораздо выше: онъ послалъ свои замѣчанія на книгу Стройновскаго черезъ министра полиціи Балашова къ государю, который, какъ видно, долго не могъ собраться прочесть ихъ [1]. Мы знаемъ уже, съ какимъ неудовольствіемъ встрѣтилъ гр. Ростопчинъ изданіе указа о свобод-

[1] *Н. Ѳ. Дубровинъ.* „Отечественная война въ письмахъ современниковъ (1812—1815)“. Спб. 1882, стр. 1—2.

ныхъ хлѣбопашцахъ [1]; теперь онъ счелъ необходимымъ предупредить своими возраженіями возможность вліянія идей гр. Стройновскаго на самого государя.

Упрекая Стройновскаго въ предисловіи къ своей запискѣ въ томъ, что онъ недостаточно знаетъ положеніе нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и обращая вниманіе только на дурную сторону быта крѣпостныхъ, не видитъ счастія, которымъ они пользуются, Ростопчинъ говоритъ, что считаетъ необходимымъ опровергнуть книгу, напечатанную по-русски, и которая, слѣдовательно, можетъ сдѣлаться извѣстною въ народѣ. Опроверженіе его начинается разсужденіями о томъ, что „сколько вольность или свобода изображать лестнее, но неестественное для человѣка состояніе, ибо жизнь наша есть безпрестанная зависимость отъ всего... отношенія и связи общества содѣлываютъ каждаго человѣка зависящимъ отъ другихъ". Стремленія къ свободѣ приводятъ къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ: „первое дѣйствіе вольности есть самовольство, второе — непослушаніе, третье — возстаніе противъ власти"; потому „въ умахъ съ слабымъ разсудкомъ свобода значитъ богатство". Заботиться объ устроеніи общаго благосостоянія — дѣло правительства, а не частныхъ лицъ. Вредныя послѣдствія отъ перехода крестьянъ и заставили московскихъ царей прикрѣпить ихъ къ землѣ. Характеризируя далѣе бытъ нашихъ крѣпостныхъ, Ростопчинъ старается показать, что они находятся въ весьма благопріятномъ положеніи не только сравнительно съ невольниками въ европейскихъ колоніяхъ, но и сравнительно съ свободными земледѣльческими работниками въ Англіи. Нельзя не признать, что въ этой части его возраженія есть справедливыя замѣчанія. По словамъ Ростопчина, крѣпостные обрабатываютъ для себя вдвое болѣе земли, чѣмъ для господина; сверхъ того, не могущіе работать по старости и болѣзнямъ увольняются съ тягла, сохраняя половину данной имъ земли; наконецъ господинъ снабжаетъ крестьянина лошадью, рогатымъ скотомъ и хлѣбомъ, въ случаѣ какого-либо несчастія [2]. Критикъ, однако, сознаетъ, что въ его аргументаціи есть весьма слабое мѣсто, именно — онъ плохо отражаетъ возможность указанія на беззащитность крестьянскаго имущества отъ произвола господина, замѣчая только, что насиліямъ въ этомъ отношеніи „препятствуетъ человѣколюбіе, разсудокъ и законъ, ибо разорять крестьянъ есть самый вѣрный способъ разорять себя". Ростопчинъ, конечно, прекрасно зналъ, что

---

[1] Въ 1807 г., когда было сообщено государю, что французы, живущіе въ Россіи, будто бы внушаютъ слугамъ мысли объ освобожденіи въ случаѣ прихода въ Россію Наполеона, Государь потребовалъ отъ Ростопчина болѣе точныхъ указаній съ открытіемъ виновныхъ. *Дубровинъ*. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I". Спб. 1883 г., стр. 2 (прим.). *А. Поповъ*. „Москва въ 1812 г." М. 1875, стр. 68, 90, 102.

[2] Ту же мысль проводитъ Ростопчинъ и въ своей книгѣ „Плугъ и Соха", изданной безъ имени автора въ 1806 г., стр. 21—24.

эти соображенія не останавливали злоупотребленій помѣщиковъ, да онъ и самъ этого не отрицаетъ, но, причисляя „безразсудную жестокость въ число неизбѣжныхъ бѣдствій рода человѣческаго", онъ высказываетъ увѣренность, что крестьянъ въ Россіи, „страждущихъ временно отъ помѣщиковъ, гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ погибающихъ отъ язвы, отъ холода, отъ падающихъ съ горъ снѣговъ, потопленія и слѣдствіи войны". Ростопчинъ, какъ будто, не могъ и представить себѣ возможности такого положенія крестьянъ, при которомъ они пользовались бы тѣмъ же экономическимъ благосостояніемъ, какъ при крѣпостномъ правѣ, и, въ то же время, не принуждены были бы считать ограбленіе ихъ другимъ, болѣе сильнымъ, человѣкомъ естественнымъ, ничѣмъ неотвратимымъ бѣдствіемъ. Возможное указаніе на жестокость нѣкоторыхъ помѣщиковъ критикъ Стройновскаго старается отразить ссылкою на дурное обращеніе съ невольниками въ европейскихъ колоніяхъ, хотя это вовсе не доказывало несправедливости мнѣнія тѣхъ, которые желали оградить личность нашихъ крестьянъ отъ произвола ихъ господъ, а Ростопчинъ считалъ достаточнымъ для достиженія этой цѣли право администраціи отдавать имѣнія помѣщиковъ въ опеку, что бывало и въ царствованіе императора Александра I.

Заключеніе условій съ крестьянами, предлагаемое Стройновскимъ, Ростопчинъ считаетъ крайне затруднительнымъ, потому что крестьяне захотятъ даромъ пользоваться землею, потому что цѣнность земли быстро мѣняется и, наконецъ, потому, что крестьяне не будутъ честно исполнять договоровъ. Что же касается передачи земли въ вѣчную аренду на извѣстныхъ условіяхъ, то это Ростопчинъ считаетъ совершенно невозможнымъ для помѣщика, если онъ не желаетъ потерять весь свой доходъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ, они бросятъ земледѣліе, котораго не любятъ, и запишутся въ купцы и мѣщане или отправятся въ отхожіе промыслы. Правомъ перехода на другія мѣста они мало воспользуются, какъ это доказываетъ, по мнѣнію Ростопчина, примѣръ казенныхъ крестьянъ; но если бы вздумала переселиться хотя десятая часть нынѣшнихъ крѣпостныхъ, то правительство „едва-ли найдетъ для нихъ достаточно земель и способовъ къ безвредному переселенію". Возрастаніе народонаселенія не только не увеличится, какъ думаетъ Стройновскій, а даже уменьшится, во-первыхъ, отъ усиленія отхожихъ промысловъ, а во-вторыхъ, потому, что браковъ, за отсутствіемъ помѣщичьей власти, станетъ менѣе. Фабрики и заводы первое время не найдутъ работниковъ за доступную цѣну и должны будутъ остановить производство; въ сборѣ податей, за которыя теперь отвѣчаетъ господинъ, явятся недоимки; наконецъ, съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти, между крестьянами начнутся вѣчные раздоры. Однако, среди многихъ неосновательныхъ возраженій Ростопчина можно отмѣтить и нѣкоторыя разумныя замѣчанія, подсказанныя ему близкимъ знакомствомъ съ положеніемъ

...о понимаетъ неудобства, при нашихъ обще-
...ческихъ условіяхъ, хуторной системы хозяйства. „...ыщеніе крестьянъ изъ большихъ селеній особыми дворами, на подобіе иностранныхъ фермъ", говоритъ онъ, „при большомъ количествѣ земли—безполезно, а при маломъ — невозможно, и тѣ, кои испытали, навѣрно въ первый годъ возвратились бы обратно на прежнія жилища или соединились многіе въ одномъ мѣстѣ отъ страха воровъ, дикихъ звѣрей и невозможности сообщеній зимнимъ путемъ, который въ большей части Россіи продолжается пять мѣсяцевъ въ году". Такимъ образомъ, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія опытные сельскіе хозяева понимали невозможность такого раздѣленія крестьянъ, о которомъ хлопочутъ нѣкоторые агрономы въ настоящее время. Весьма основательно и другое замѣчаніе Ростопчина относительно того, къ чему могли бы привести арендныя отношенія, предлагаемыя Строиновскимъ (который, какъ мы уже знаемъ, игнорировалъ наше общинное землевладѣніе). Ростопчинъ предсказываетъ, что крестьяне, почувствовавъ вскорѣ нужду, впадутъ отъ нея иные въ рабство другаго рода. У нихъ найдутся, такъ какъ теперь во многихъ селеніяхъ, богатые мужики, которые непримѣтнымъ образомъ сдѣлаются новыми помѣщиками и станутъ заставлять работать бѣдныхъ, давая имъ въ займы денегъ и выговаривая вмѣсто процентовъ работу, чѣмъ совершенно ихъ закабалятъ". Вопреки оптимизму Строиновскаго, увѣряющаго, что и дурные помѣщики будутъ увлечены общимъ примѣромъ, Ростопчинъ говоритъ: „Тотъ помѣщикъ, который нынѣ безсовѣстно обходится съ своими крестьянами изъ пустой корысти, станетъ ли беречь ихъ тогда, когда сдѣлаются они для него совсѣмъ чуждыми?" Наконецъ, онъ справедливо замѣчаетъ и то, что судьи изъ дворянъ для разбора тяжбъ между помѣщиками и крестьянами, предлагаемые Строиновскимъ, будутъ рѣшать дѣло пристрастно въ пользу помѣщиковъ. Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что при освобожденіи должно произойти множество дворовыхъ, которыхъ помѣщики отпустятъ на всѣ четыре стороны [1].

Мы видимъ, такимъ образомъ, что возраженія Ростопчина гораздо основательнѣе замѣчаній князя Волконскаго; если большинство изъ нихъ не выдерживаетъ критики и доказываетъ только непріязнь къ освободительнымъ идеямъ, то были, однако, среди нихъ и такія, которыя слѣдовало принять во вниманіе при новомъ устройствѣ быта крестьянъ и которыя, быть можетъ, привели [illegible], удерживая правительство отъ введенія арендныхъ отношеній и безземельнаго освобожденія крестьянъ по [illegible] мѣрѣ въ собственной Россіи. Такъ изъ [illegible] и либеральныхъ мнѣній по крестьянскому вопросу [illegible] постепенно вырабатывалось убѣжденіе правительства въ лучшихъ средства-

[1] „Чт. Общ. Ист. Др. Росс.", 1860 г., т. II, стр. 203—217.

вителей общества, что прочное устройство быта освобожденныхъ земледѣльцевъ должно опираться на два основныхъ устоя: земельный надѣлъ и общинное пользованіе землею; но на укрѣпленіе и распространеніе этого убѣжденія понадобилось еще 50 лѣтъ. Намъ не извѣстно, какъ отнесся государь къ возраженіямъ Ростопчина, но подобныя мнѣнія, также какъ и нападки на освободительные планы въ извѣстной запискѣ Карамзина: „О Древней и Новой Россіи“ (см. ниже), несомнѣнно, производили на него извѣстное впечатлѣніе и, въ концѣ-концовъ, заставляли откладывать дѣло. Тѣмъ не менѣе, императоръ Александръ не хотѣлъ оставить безъ отвѣта дикіе вопли тѣхъ, которые видѣли въ книгѣ Стройновскаго чуть не потрясеніе всѣхъ основъ, какъ это доказываетъ слѣдующій случай.

Извѣстный правитель канцеляріи князя Потемкина В. С. Поповъ, не мало нажившійся при своемъ свѣтлѣйшемъ начальникѣ, по выходѣ въ свѣтъ сочиненія Стройновскаго обратился къ государю съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Чтеніе появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ произвело во мнѣ ужасныя воображенія;.. подобныя внушенія были всегда въ устахъ извѣстныхъ въ Россіи мятежниковъ. Въ Россіи не созрѣли еще умы къ воспріятію лестнаго, но и опаснаго дара вольности: умствованія о ней воспалительны, а слѣдствія злоупотребленія ею могутъ быть ужасны“. Затѣмъ, какъ во всѣхъ крѣпостническихъ мнѣніяхъ, слѣдуетъ ссылка на примѣръ Франціи, на то, что слѣдствіемъ вольности русскихъ крестьянъ были бы волненія и смуты. Государь отвѣчалъ Попову: „Писаніе ваше нахожу я совершенно излишнимъ; позволите мнѣ думать, что я столько же умѣю понимать вещи, какъ и вы. Въ упоминаемой книгѣ ничего похожаго всѣмъ вашимъ опасеніямъ я не нашелъ... Вообще не вижу я иного въ подвигѣ вашемъ, какъ охоту прослыть совѣтодателемъ.. Я, конечно, столько же искренно привязанъ къ своему отечеству, какъ и вы“. Въ заключеніе, государь совѣтовалъ Попову прочесть напечатанный въ 1768 году по русски отвѣтъ Беарде-де-Лабея на задачу вольнаго экономическаго общества о правѣ собственности крестьянъ на землю, изъ котораго можно убѣдиться, что мысль о свободѣ крестьянъ не считалась была при императрицѣ Екатеринѣ II опасною, и авторъ этого труда получилъ за него премію [1]).

Въ виду огромныхъ трудностей, съ которыми было сопряжено обсужденіе крестьянскаго вопроса въ печати, приходится особенно дорожить тѣми немногими сочиненіями, гдѣ задѣвалось крѣпостное право. Упомянемъ о посмертныхъ собраніяхъ сочиненій двухъ авторовъ, хотя они весьма несходны между собою. Мы разумѣемъ Мих. Никит. Муравьева и А. Н. Радищева.

Въ 1810 г. были изданы сочиненія М. Н. Муравьева, въ которыхъ, въ

[1]) „Рус. Арх.“ 1864 г., изд. 2-е, стр. 782—83.

статьѣ „Обитатель предмѣстья“, авторъ описываетъ, между прочимъ, помѣщика, самымъ идеальнымъ образомъ обходящагося со слугами, а затѣмъ другаго, который довелъ своихъ крестьянъ до разоренія, посвящая все свое вниманіе не людямъ, а собакамъ [1]). Но съ точки зрѣнія автора это были только печальныя исключенія изъ общаго правила, и онъ считалъ вообще завиднымъ положеніе нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ изданномъ въ 1819—20-хъ годахъ полномъ собраніи сочиненій того-же автора мы находимъ статью „О благосостояніи земледѣльца“, гдѣ, между прочимъ, сказано: „общимъ опытомъ доказано, сколько россійскій дворянинъ внимателенъ къ пользѣ подвластнаго ему селянина.... Между тѣмъ какъ въ земляхъ, гордящихся наиболѣе соблюденіемъ правъ человѣчества и собственности, въ трудолюбивой Германіи, въ самой Англіи, земледѣлецъ, незаслуженнымъ несчастіемъ лишенный способовъ пропитать семейство свое и быть болѣе полезнымъ обществу, долженъ искать сострадательныхъ сердецъ для облегченія его участи, русскій крестьянинъ, пострадавшій отъ пожара, болѣзни, падежа, неурожая, находитъ въ помѣщикѣ своемъ перваго избавителя“ [2]).

Совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуетъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ А. Н. Радищевъ въ статьѣ „Описаніе моего владѣнія“. Упомянувъ о томъ, какъ трудятся земледѣльцы во время жатвы, Радищевъ говоритъ: „Блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую, и самъ, самъ чуждъ есть. увы!“ Въ другомъ мѣстѣ той же статьи онъ говоритъ: „Если мы разсмотримъ состояніе земледѣльца въ подробности, то величайшія его отношенія и обязанности состоятъ противъ его господина: 1) сей можетъ его продать оптомъ или подробно; не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ разницу продавать запрещено, а оптомъ (sic). Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы. 2) господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и *сольнымъ сказано*, что довольно трехъ дней на господскую работу [3]); но на нынѣшнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни

---

[1]) „Опыты исторіи, словесности и нравоученія. Сочинены М. Н. Муравьевымъ. Москва 1810 г., II. 40—41. Его же „Полное собраніе сочиненій“, С.-Петербургъ, 1819 г., ч. I, 92—94, 97—98.

[2]) „Полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева“. Ч. III, Спб., 1820 г., стр. 209.

[3]) Впослѣдствіи въ указѣ императора Павла правительство настоятельно предписало, чтобы крестьянъ не заставляли работать по воскресеньямъ, а о трехъ дняхъ барщины было упомянуто, какъ о весьма распространенномъ обычаѣ. П. С. З., т. XXIV, № 17909, ман. 5 апр. 1797 г.

дворовaго не опредѣлено: 3) господинъ можетъ его наказывать по своему разсмотрѣнію, онъ судья его и исполнитель своихъ приговоровъ; 4) господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ: 5) распоряжаетъ браками и снарядитъ какъ хочетъ: *слѣдовательно, земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно...* Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то, доколѣ господинъ его хочетъ: отдавать рекрутъ всякаго рода... платить подати, судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ, селянинъ, если имѣетъ употребленіе чего либо, то дѣлается только изъ благоволенія господина. Но, кажется, поелику селянинъ платитъ подать, то онъ, для удовлетворенія тому, *долженъ имѣть собственность* и проч."[1]. Это едва-ли не самая сильная вылазка въ печати противъ крѣпостнаго права во все царствованіе императора Александра I.

[1]) [illegible] стр. 99, 145—147.

ГЛАВА XIX.

Крестьянскій вопросъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ въ 1803—1814 гг.—Статья Ждановскаго.—Задача на 1804 г. о причинахъ дороговизны.—Вопросъ объ оброчной и барщинной системѣ.—Профессоръ Якобъ и его указанія на необходимость смягченія крѣпостнаго права.—Задача 1812 г. о сравнительной выгодности крѣпостнаго и свободнаго труда.—Сочиненія Мердера, Якоба и Комарова.—Неизданныя мнѣнія за и противъ крѣпостнаго труда.—Неизданныя мнѣнія на тему объ отдѣленіи фабричныхъ работниковъ отъ земледѣльцевъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II вольное экономическое общество принимало весьма важное участіе въ обсужденіи крестьянскаго вопроса: задача о собственности крестьянъ возбудила вниманіе всей Европы, и заняться ея разрѣшеніемъ не побрезгалъ даже Вольтеръ, корифей европейской литературы того времени. Правда, общество не обнаружило особенной смѣлости въ этомъ дѣлѣ, и единственное русское сочиненіе (Полѣнова), увѣнчанное наградой второй степени, осталось неизданнымъ въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ; но, какъ бы то ни было, объявленіе задачи о собственности крестьянъ и присужденіе премій за присланныя сочиненія представляетъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи крестьянскаго вопроса.

Въ царствованіе императора Александра I вольное экономическое общество принимало не только не меньшее, но даже болѣе постоянное участіе въ посильномъ рѣшеніи вопроса, занимавшаго тогда всѣхъ интеллигентныхъ людей, начиная съ самого государя. Мы увидимъ ниже, что нѣсколько задачъ общества болѣе или менѣе близко касались этого вопроса но, несомнѣнно, самою важною изъ нихъ, и по своему содержанію, и по полученнымъ отвѣтамъ, была задача на 1812 г.—о сравнительной выгодности для хозяина крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда.

Приступая къ изученію исторіи крестьянскаго вопроса въ вольномъ экономическомъ обществѣ въ эпоху императора Александра I, мы должны отмѣтить одну важную особенность сравнительно съ попыткою рѣшить крестьянскій вопросъ въ самые первые годы существованія общества. Тогда задача была поставлена императрицею Екатериною II шире и пра-

шеніе [1]); но, вслѣдствіе того, что задача была обнародована по всей Европѣ, а также и вслѣдствіе малой подготовленности русскихъ людей къ письменному рѣшенію такихъ вопросовъ, огромное большинство присланныхъ отвѣтовъ принадлежало иностранцамъ (изъ всѣхъ 162 сочиненій было доставлено на русскомъ языкѣ только семь). Напротивъ, въ царствованіе императора Александра I задачи вольнаго экономическаго общества, затрогивавшія крестьянскій вопросъ, вызывали по большей части русскіе отвѣты и лишь незначительное число ихъ было написано по-нѣмецки. Нѣкоторыя изъ этихъ русскихъ сочиненій оказываются ниже всякой критики, но все-таки большимъ шагомъ впередъ было уже и то, что вопросъ объ измѣненіи быта крестьянъ обсуждался не въ однѣхъ столицахъ, но и въ какой-нибудь великорусской и украинской глуши. Мы увидимъ, какъ медленно шелъ процессъ развитія и распространенія въ обществѣ освободительныхъ идей и какъ трудно было научиться понимать ихъ съ точки зрѣнія не одной помѣщичьей выгоды.

На 1803 годъ общество объявило слѣдующую задачу: „Какія надлежитъ принять мѣры, чтобы духъ дѣятельности, ревности и прилежанія къ трудамъ для вящшей пользы въ нижнихъ состояніяхъ людей, а особливо женъ и дѣтей крестьянскихъ, такъ возбудить можно было, чтобы оный сдѣлался напослѣдокъ необходимою для нихъ привычкою?" Медаль въ 50 червонцевъ, на средства, данныя Д. П. Трощинскимъ, была раздѣлена пополамъ между Джунковскимъ и профессоромъ Гарломъ изъ Берлина [2]). Джунковскій въ своемъ трудѣ, напечатанномъ въ слѣдующемъ году въ „Трудахъ" общества, касается, между прочимъ, отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ.

Указавъ на то, что однимъ изъ главныхъ побужденій къ трудолюбію служитъ увѣренность въ спокойномъ пользованіи результатами своего труда, авторъ замѣчаетъ, что помѣщики нерѣдко повышаютъ размѣръ оброка съ крестьянъ, сообразуясь не съ увеличеніемъ ихъ богатства, а съ своими собственными потребностями и нуждами: это принуждаетъ крѣпостныхъ „скрывать свои прибытки" и не пріобрѣтать ничего, кромѣ предметовъ, крайне необходимыхъ для жизни. Что касается размѣра повинностей крестьянъ, то, по словамъ автора, они работаютъ на господина обыкновенно отъ двухъ до четырехъ дней въ недѣлю; многіе и ходятъ на барщину, и платятъ оброкъ; наконецъ, „бываютъ изрѣдка и такіе, которые *все время* на господина работаютъ и отъ него получаютъ пропитаніе". Къ этому еще нужно прибавить дворовыхъ, которые „ниже

[1]) Спрашивалось: „полезно ли для *общества*, чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или токмо движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простираться должны?"

[2]) Ходневъ, „Исторія Имп. Вольн. Экон. Общ." СПб. 1865 г., стр. 296—297.

вида собственности не имѣютъ, а притомъ часто либо продажею или другимъ способомъ переходятъ отъ одного владѣльца къ другому". Авторъ справедливо утверждаетъ, что положеніе оброчныхъ крестьянъ гораздо лучше, чѣмъ барщинныхъ: первые имѣютъ болѣе побужденій ревностно трудиться, а чтобы до нѣкоторой степени гарантировать крестьянъ отъ неожиданнаго повышенія оброка, Джунковскій предлагаетъ опредѣлять его размѣры впередъ на извѣстное число лѣтъ, не менѣе десяти. Въ отличіе отъ многихъ агрономовъ того времени, авторъ рѣшительно высказывается противъ издѣльной системы: барщина, по его мнѣнію, вредна и крестьянамъ, и помѣщику. Трудъ по принужденію малопроизводителенъ, и потому Джунковскій совѣтуетъ сельскимъ хозяевамъ разсчитать „по-купечески: 1) чего стоитъ въ день работникъ и лошадь, 2) сколько работникъ для своего барыша дѣлая, выработать можетъ, 3) сколько изъ выработаннаго заплатить можетъ за землю и за покровительство, 4) сколько работникъ принужденно для другаго выработаетъ или *и испортитъ* и, наконецъ, 5) сколько стоитъ содержаніе и поправленіе разореннаго работника". Въ этихъ вопросахъ мы видимъ уже зародышъ задачи, объявленной обществомъ въ 1812 г., о томъ, какой трудъ выгоднѣе — крѣпостной или вольнонаемный. Что же касается развитія трудолюбія — спеціальной задачи автора, то онъ полагаетъ, что привычка къ нему развивается только тогда, когда человѣкъ видитъ пользу труда для себя, а не для другаго, что бы ни говорили люди, проповѣдующіе о прелестяхъ патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Возставая противъ барщины, Джунковскій требуетъ также уничтоженія поборовъ натурою или, по крайней мѣрѣ, перевода ихъ на деньги. Въ заключеніе онъ указываетъ на огромный ущербъ отъ содержанія многочисленной дворни, поглощающей иногда треть и даже половину дохода съ имѣнія [1]).

Въ числѣ задачъ, объявленныхъ вольнымъ экономическимъ обществомъ на 1804 г., была, между прочимъ, одна — о причинахъ возрастанія дороговизны на съѣстные припасы, которая вызвала 14 отвѣтовъ. Мы не будемъ останавливаться на увѣнчанномъ медалью трудѣ корректора типографіи военной коллегіи, Шиткова [2]), такъ какъ авторъ совершенно не затрогиваетъ крестьянскаго вопроса, и коснемся двухъ отвѣтовъ, хотя и не заслужившихъ одобренія и потому не изданныхъ, но болѣе для насъ интересныхъ. Авторъ одного изъ нихъ, между прочимъ, говоритъ: „Дороговизна возросла и возрастаетъ отъ отягощенія помѣщичьихъ крестьянъ работами". Несмотря на то, что по указу 1797 года крестьяне должны

---

1) „Труды Вольнаго Экономическаго Общества", 1805 г., ч. 56, стр. 11, 17, 25—31, 55—66.

2) Онъ напечатанъ въ „Трудахъ Вольн. Эк. Общ." т. 57, стр. 111.

господина три дня въ недѣлю, нѣкоторые изъ нихъ, а особенно во время жатвы, не работаютъ на себя и одного дня. Имѣя менѣе времени для работы въ свою пользу, крестьяне не только не могутъ продавать хлѣбъ, но иногда собираютъ его недостаточно для своего пропитанія. Принужденные для уплаты податей продавать иной разъ и послѣдній хлѣбъ, они потомъ вновь покупаютъ его, а это увеличиваетъ дороговизну. Для отвращенія ея, авторъ предлагаетъ: если нельзя уменьшить податей, то по крайней мѣрѣ предоставить крестьянамъ работать въ свою пользу болѣе трехъ дней въ недѣлю [1]).

Авторъ другаго неизданнаго отвѣта на задачу 1804 года считаетъ главною причиною дороговизны хлѣба дороговизну людей, а послѣднее, по его мнѣнію, вызывается торговлею рекрутами. Во время второй войны съ Турціею, при императрицѣ Екатеринѣ II, когда требовали въ наборъ съ 500 душъ по 5 человѣкъ, цѣна на людей возвысилась до того, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ брали по 800 и 900 рублей за каждаго. Такія громадныя цѣны вызываютъ покупку деревень съ цѣлью спекуляціи: купивъ деревню, новый владѣлецъ продаетъ почти всѣхъ людей, годныхъ въ рекруты, и такимъ образомъ выручаетъ затраченную имъ сумму. Вслѣдствіе этого разоряются цѣлыя селенія, земли плохо обработываются и, слѣдовательно, не можетъ быть хорошаго урожая. Торговля рекрутами запрещена, но существуетъ очень много средствъ для обхода этого закона, поэтому авторъ предлагаетъ принять новыя ограничительныя мѣры [2]).

Въ отвѣтахъ на вышеупомянутыя темы только отчасти затрогивалось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ; напротивъ того, задача на 1809 годъ была посвящена ему всецѣло, но она не затрогивала вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Она формулирована была слѣдующимъ образомъ: „Для пользы государственной, равно какъ и частной всякаго владѣльца и крестьянина, желательно было бы опредѣлить точными расчетами и неоспоримыми доказательствами, на собственномъ опытѣ и на извѣстныхъ примѣрахъ основанными: барщинное или оброчное хозяйство, для помѣщиковъ и для крестьянъ совокупно, полезнѣе и выгоднѣе, или не будетъ-ли равной или большей еще пользы отъ соединенія обоихъ сихъ способовъ“. Изъ полученныхъ на эту задачу четырехъ отвѣтовъ за два были присуждены золотыя медали по 25 червонцевъ, на сумму, пожертвованную извѣстнымъ любимцемъ императора Павла, Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, за третье сочиненіе была присуждена серебряная медаль, а четвертое признано неудовлетворительнымъ. Золотыя медали получили орловскій помѣщикъ Погодинъ и извѣстный уже намъ корректоръ Шитовъ, а большая серебряная медаль была назна-

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ., кн. № 148, л. 149 об. (отвѣтъ № 100).

[2]) Арх. Вольн. Эк. Общ., кн. № 148, л. 161—162 (отвѣтъ № 99).

чена украинскому помѣщику Ив. Ос. Богдановичу. Первые двое высказались въ пользу барщинной системы, а Богдановичъ ставитъ рѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ количества земли, обилія лѣса и проч. [1]).

Въ то время, когда ученые члены вольнаго экономическаго общества присуждали преміи за весьма плохія измышленія разныхъ лицъ по вопросу о сравнительной пользѣ барщинной и оброчной системы хозяйства, въ одномъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ, именно Харьковѣ, только-что обзаведшемся университетомъ, появился вполнѣ научный трудъ по полицейскому праву, въ которомъ былъ рѣшительно поставленъ вопросъ о полезности самаго существованія крѣпостного права и о необходимости его ограниченія, пока оно существуетъ. Сочиненіе это, написанное мѣстнымъ ученымъ, профессоромъ Якобомъ, вызваннымъ въ университетъ изъ Германіи въ 1807 году на каѳедру дипломатики и политической экономіи въ этико-политическомъ факультетѣ, мы тѣмъ болѣе считаемъ необходимымъ разсмотрѣть здѣсь, что Якобъ былъ авторомъ лучшаго отвѣта на задачу экономическаго общества о крѣпостномъ и вольнонаемномъ трудѣ, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Якобъ окончилъ курсъ въ Галльскомъ университетѣ, тамъ же получилъ степень доктора, былъ профессоромъ и ректоромъ, и только по закрытіи университета Наполеономъ рѣшился перебраться въ Харьковъ. Въ своихъ сочиненіяхъ по философіи Якобъ, строгій кантіанецъ, высказалъ очень мало оригинальности; гораздо важнѣе его экономическія и финансовыя сочиненія. Въ 1805 году онъ издалъ „Основы политической экономіи“, въ 1807 году — переводъ сочиненія Ж. Б. Сея, а въ 1809 году въ Харьковѣ появился его собственный двухтомный трудъ: „Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten“.

Въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію вопроса объ обезпеченіи свободы членовъ государства, авторъ прежде всего указываетъ на неблагопріятныя послѣдствія несвободнаго состоянія. Люди несвободные никогда не будутъ спокойными, вѣрными слугами государства: „пока существуютъ и поддерживаются закономъ такія противоестественныя отношенія, въ государствѣ будутъ постоянно готовые элементы для волненія и возстанія“; между рабочими и господами будетъ всегда озлобленная вражда. Рабство вредно еще и тѣмъ, что рабы плохо работаютъ и мало размножаются. Считая необходимымъ уничтоженіе рабства и другихъ видовъ несвободнаго состоянія, Якобъ однако же требуетъ, чтобы это было сдѣлано не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ.

[1]) Объ этихъ трудахъ см. въ нашей статьѣ „Крестьянскій вопросъ въ вольно-экономическомъ обществѣ въ 1803—1822 г.“ („Русская Мысль“ 1883 г., № 1, стр. 90—95).

Тамъ, гдѣ еще существуетъ, къ несчастію, рабство или крѣпостное право, оно должно быть ослабляемо и ограничиваемо постепенно, такъ какъ внезапное уничтоженіе его было бы вредно и для рабовладѣльцевъ и для освобождаемыхъ. При существованіи *рабства* правительство должно обезопасить рабовъ отъ произвола владѣльцевъ и поставить ихъ подъ защиту государственныхъ законовъ, запретить покупку ихъ по истеченіи извѣстнаго, заранѣе объявленнаго срока, опредѣлить закономъ размѣръ работы и содержаніе рабовъ, опредѣлить размѣръ выкупа, который долженъ для каждаго изъ нихъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія числа лѣтъ ихъ службы. При существованіи крѣпостнаго права, которое, по словамъ Якоба, во многихъ странахъ „не много мягче рабства“, государство должно принять слѣдующія мѣры: точно и съ умѣренностью опредѣлить размѣръ работъ крѣпостныхъ въ пользу владѣльца, запретить переселеніе, продажу безъ земли и отдачу въ наемъ крѣпостнаго противъ его желанія, запретить насильственное разлученіе семей, ввести въ опредѣленныя рамки право владѣльцевъ наказывать крестьянъ, строго оградить крѣпостныхъ отъ всякихъ нравственныхъ злоупотребленій со стороны владѣльца, предоставить крѣпостнымъ полное право собственности на то, что они заработаютъ во время, данное имъ для своихъ работъ, и на то, что они сберегутъ или пріобрѣтутъ какимъ-либо инымъ законнымъ путемъ. Наконецъ крѣпостнымъ должно быть предоставлено право приносить жалобы на своихъ господъ безпристрастнымъ судамъ; въ случаѣ виновности помѣщиковъ крестьяне должны получать свободу. Слѣдуетъ также опредѣлить закономъ, какою суммою денегъ крѣпостной можетъ выкупиться на свободу. Любопытно, что всѣ эти требованія были уже высказаны въ царствованіе императрицы Екатерины II въ мнѣніяхъ различныхъ русскихъ людей по крестьянскому вопросу. Подобно авторамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній, Якобъ полагаетъ также, что государство должно примѣромъ на казенныхъ земляхъ доказать помѣщикамъ, что при существованіи свободныхъ наслѣдственныхъ или срочныхъ арендаторовъ доходъ землевладѣльца будетъ больше, чѣмъ при крѣпостномъ трудѣ. Самый лучшій способъ освобожденія крестьянъ, по мнѣнію Якоба, состоитъ въ томъ, чтобы наиболѣе прилежнымъ семьямъ были переданы въ наслѣдственную аренду или проданы участки земли съ необходимыми постройками. Такъ какъ съ развитіемъ культуры рабочая плата повысится, то будто бы и простые поденщики и крѣпостные во время, предоставленное для ихъ собственныхъ работъ, будутъ имѣть возможность заработать столько, чтобы выкупиться на свободу. Такъ постепенно образуется классъ хорошихъ ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, а пока существуетъ крѣпостное право, промышленность не можетъ развиваться. Вообще Якобъ питаетъ твердую увѣренность, что правительство можетъ найти средство

постепенно дать *личную* свободу всѣмъ крѣпостнымъ безъ ущерба владѣльцамъ, тѣмъ паче, что все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ невыгодности принудительнаго труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть запрещено продавать самого себя и членовъ своего семейства въ рабство, крѣпостное состояніе или даже дѣлаться пожизненнымъ слугою. Но и до тѣхъ поръ, пока существуетъ крѣпостное право, полиція должна внимательно наблюдать, чтобы владѣльцы въ домашнемъ судѣ и расправѣ надъ своими крѣпостными не впадали въ тиранство и жестокости.

Уничтоженіе крѣпостнаго права, по мнѣнію автора, будетъ имѣть весьма благодѣтельныя послѣдствія: рабочіе станутъ дороже, но за то трудъ будетъ производительнѣе; лишнія руки, не нужныя въ земледѣліи, перейдутъ на фабрики; въ средѣ свободныхъ рабочихъ разовьется потребленіе мануфактурныхъ товаровъ, а слѣдовательно будетъ данъ сильный толчекъ для развитія промышленности; только при лучшемъ состояніи крестьянскаго сословія будутъ процвѣтать и города.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что мечты Якоба не идутъ далѣе дарованія крестьянамъ личной свободы, причемъ онъ полагаетъ, что землевладѣльцы найдутъ тогда для себя выгоднымъ предоставить освобожденнымъ свои земли въ наслѣдственную аренду. Его идеалы чисто-западные; онъ преувеличиваетъ значеніе безземельнаго освобожденія, говоря, что «нищій въ свободной странѣ — король сравнительно съ крѣпостнымъ». Онъ считаетъ вреднымъ общинное землевладѣніе, такъ какъ оно задерживаетъ, по его мнѣнію, развитіе земледѣльческой культуры; онъ требуетъ полной свободы въ отчужденіи земель и т. п. Но если нельзя согласиться съ его планами окончательнаго устройства крестьянскаго сословія, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать большою заслугою ясную формулировку въ странѣ, гдѣ существовало въ полномъ развитіи крѣпостное право, подробной программы мѣръ для ограниченія этого зла [1]).

Въ началѣ 1809 года появился въ Харьковѣ названный трудъ Якоба, а въ августѣ уже было получено въ университетѣ предписаніе — уволить его на время въ Петербургъ; въ іюнѣ слѣдующаго года совѣтъ университета получилъ извѣстіе, что государь назначилъ его на службу по департаменту финансовъ. Тотчасъ, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, Сперанскій образовалъ особый комитетъ для составленія финансоваго плана, въ составъ котораго вошелъ, кромѣ Якоба, профессоръ Балугьянскій и чиновникъ Вирстъ, но ихъ общій трудъ не удовлетворилъ Сперанскаго. Въ 1810 году появилось въ свѣтъ небольшое сочиненіе Якоба о русскихъ бумажныхъ деньгахъ, а затѣмъ мы встрѣчаемъ его въ числѣ конкурен-

---

[1]) *L. H. Jakob.* Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten. I, 167—191; II, 478—479, 498—500, 694.

товъ на премію за рѣшеніе задачи вольнаго экономическаго общества [1]. На 1812 годъ экономическое общество объявило задачу о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда [2]. Она была предложена по желанію графа Н. П. Румянцова, на средства котораго за успѣшное ея разрѣшеніе была обѣщана медаль въ 50 червонцевъ. Въ январѣ 1812 года объ этомъ появилось объявленіе въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" вмѣстѣ съ другою задачею: объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того общество получило по этому предмету сообщеніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева (державшагося либеральныхъ мнѣній въ крестьянскомъ вопросѣ), въ которомъ было сказано, что такъ какъ обѣ эти задачи „могутъ содѣйствовать успѣхамъ не только частнаго, но и государственнаго хозяйства", то онъ доложилъ государю объ увеличеніи за нихъ награды, чтобы привлечь большее количество опытныхъ и знающихъ людей къ внимательному изслѣдованію поставленныхъ задачъ, и государь приказалъ опредѣлить особо, на счетъ кабинета, двѣ медали, по сту червонцевъ каждая, оставляя назначенныя обществомъ награды для другихъ хорошихъ сочиненій по тому же предмету. Общество поспѣшило оповѣстить объ этомъ въ газетахъ.

Задача о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда, которою въ наше дворянское общество была заброшена новая идея, не будетъ ли выгодно для самихъ помѣщиковъ уничтоженіе крѣпостнаго права, была очевидно навѣяна классическимъ сочиненіемъ Адама Смита, которое впервые появилось на русскомъ языкѣ въ 1802—1806 гг. въ переводѣ Политковскаго, сдѣланномъ по приказанію министра финансовъ гр. Васильева. Въ этомъ трудѣ были два мѣста, которыя прямо касались вопроса, поставленнаго задачею 1812 года. „Средства, необходимыя для замѣщенія и, такъ сказать, для возстановленія ущерба, производимаго времѣнемъ и работою въ рабѣ", говоритъ авторъ, „лежатъ обыкновенно

[1]) *Н. Лавровскій*, „В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета", „Журн. Мин. Нар. Просв." 1872 г., т. 59, стр. 251. *Корфъ*, „Жизнь гр. Сперанскаго", I, 192. *Roscher*, Gesch. der Nationalökonomik in Deutschland, 686—696.

[2]) „Н[illegible] во-первыхъ, что [illegible] работы [illegible], во-вторыхъ, что всякая работа, судя по употребленному времени и силамъ, имѣетъ свою цѣну, и хозяинъ [illegible] работа крѣпостныхъ людей, если бы они въ то [illegible] по добровольнымъ условіямъ, и [illegible] дороже [illegible] опредѣлить, по точнымъ вычисленіямъ, добротою [illegible] частными [illegible] или собственными крестьянами?"

на небрежности безпечнаго хозяина и нерадиваго управляющаго; средства же, предназначающіяся для той же цѣли относительно вольнаго человѣка, находятся въ рукахъ самого бережливаго работника. Хозяйство перваго естественно ведется въ безпорядкѣ, столь обычномъ въ дѣлахъ [illegible] богатаго человѣка; строгая же воздержность и мелочная бережливость, свойственная бѣдному человѣку, естественно управляютъ хозяйствомъ второго. На одинъ и тотъ же предметъ потребуются весьма неравные расходы, смотря по различному способу веденія хозяйства. *Поэтому я полагаю, что опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ доказываетъ очевидно, что [illegible] трудъ обходится дороже наемнаго труда*". Въ другомъ мѣстѣ авторъ опять настойчиво возвращается къ этой мысли [1]).

Прямое отраженіе этихъ идей мы находимъ какъ въ самой постановкѣ задачи 1812 года, какъ и въ увѣнчанномъ главною преміею опытѣ Якоба, а отчасти и въ нѣкоторыхъ другихъ опытахъ. Вопросъ именно и поставленъ былъ такимъ образомъ: дороже ли трудъ крѣпостной или вольнонаемный — что выгоднѣе *для хозяина*. Понятно, что, предлагая различныя мѣры для реформы помѣщичьяго хозяйства, очень многіе авторы мало думали о томъ, чтобъ онѣ были полезны и для крестьянъ.

Къ осеннему собранію общества 1812 г. на задачу о крѣпостномъ и вольнонаемномъ трудѣ было получено 9 отвѣтовъ; но такъ какъ смутныя обстоятельства того времени могли помѣшать многимъ окончить свои сочиненія, то общество предложенной задачи продлило срокъ на годъ и положило уже отвѣты рѣшило разсмотрѣть вмѣстѣ съ тѣми, которые будутъ доставлены къ октябрю мѣсяцу 1813 года. Къ этому времени на вышеупомянутую задачу было получено всего 14 отвѣтовъ. Въ торжественномъ собраніи общества 17 января 1814 года было объявлено, что большая золотая медаль въ 100 червонцевъ присуждена коллежскому совѣтнику Людвигу Якобу, [illegible] по 15 червонцевъ [2]), доктору философіи Меркелю, извѣстному борцу за освобожденіе латышей изъ крѣпостнаго состоянія, и генералъ-маіору Комарову. Всѣ три сочиненія помѣщены въ „Трудахъ" общества за 1814 годъ, а работы Якоба и Меркеля кромѣ того были изданы на нѣмецкомъ языкѣ [4]).

[1]) [illegible] Кн. I [illegible] VIII [illegible] II [illegible] 1814 [illegible] I, стр. 2[illegible] [illegible] 221 [illegible] 177—178 [illegible] 1802 [illegible] I, стр. 17[illegible] II, стр. 276.

[2]) [illegible] exercet suis" (блаженъ, кто обрабатываетъ отцовскую землю своими быками).

[3]) На средства гр. Н. П. Румянцова.

[4]) [illegible]

Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію авторъ говоритъ, что задача общества, если понимать ее буквально, требуетъ только изслѣдованія, какимъ образомъ выгоднѣе для землевладѣльца обработывать свою землю: свободными наемными поденщиками (гдѣ ихъ можно найти) или съ помощію крѣпостныхъ крестьянъ, поселенныхъ на землѣ господина. „При такой постановкѣ вопроса, говоритъ авторъ,—кажется нельзя придти ни къ какому опредѣленному результату... такъ какъ, при извѣстныхъ отношеніяхъ, можетъ быть выгоднѣе то одно, то другое“. Поэтому онъ нашелъ необходимымъ поставить задачу нѣсколько шире и изслѣдовать, какой земледѣльческій трудъ вообще производительнѣе и выгоднѣе для землевладѣльца—свободный или принудительный. Одобреніе общества доказало, что онъ вѣрно понялъ задачу. Чтобы сдѣлать свое сочиненіе болѣе убѣдительнымъ для сельскихъ хозяевъ, авторъ нашелъ нужнымъ не ограничиваться теоретическимъ изслѣдованіемъ, но иллюстрировать его примѣрами изъ дѣйствительной жизни. Для этого ему доставили матеріалъ какъ личныя наблюденія въ Германіи и Россіи, такъ и свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, собранныя устно и письменно. Подробныя данныя о русскихъ имѣніяхъ, получившихъ извѣстность и относящіяся къ 180[illegible]—1808 годамъ, кромѣ личныхъ изслѣдованій на мѣстѣ, основываются на многихъ оффиціальныхъ документахъ. Что касается свѣдѣній объ имѣніяхъ Московской губерніи, то они заимствованы по большей части изъ англійской рукописи Юнга, сына знаменитаго англійскаго агронома, который, по приглашенію русскаго правительства и на казенный счетъ, совершилъ поѣздку по этой мѣстности [1].

[illegible] скомъ текстѣ, очевидно, по цензурнымъ соображеніямъ.

[illegible]

„Главная цѣль моего сочиненія, — говоритъ авторъ, — состоитъ въ томъ, чтобы показать практически возможность для русскаго землевладѣльца поставить крестьянъ въ такое положеніе, что они будутъ охотно и добровольно заниматься земледѣліемъ, а владѣльцы будутъ получать при этомъ еще большіе доходы, чѣмъ при принудительномъ трудѣ". Въ такомъ случаѣ продолженіе существованія крѣпостнаго права было бы только лишнимъ бременемъ для помѣщика, „такъ какъ онъ долженъ былъ бы прокармливать дурныхъ, лѣнивыхъ, слабыхъ и больныхъ людей".

Сочиненіе Якоба дѣлится на три главныхъ части: 1) объ обработываніи земли крѣпостными, 2) объ обработываніи ея вольнонаемными и 3) о примѣненіи изложенныхъ правилъ къ Россіи. Первая часть, въ свою очередь, подраздѣляется на два главныхъ отдѣла: а) о барщинной и б) объ оброчной системѣ хозяйства. Причины непроизводительности барщиннаго труда заключаются въ слѣдующемъ: въ увѣренности людей, работающихъ по принужденію, въ дурномъ экономическомъ положеніи крѣпостныхъ, вслѣдствіе чего ихъ скотъ и земледѣльческія орудія крайне плохи, въ отдаленіи полей отъ жилищъ работниковъ и, наконецъ, въ томъ, что сами помѣщики непроизводительно растрачиваютъ трудъ своихъ крѣпостныхъ, чрезмѣрно увеличивая норму или употребляя крестьянъ на малополезныя работы. При барщинной системѣ въ Россіи обыкновенно предоставляютъ крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, половину рабочаго времени, но нѣкоторые помѣщики требуютъ и четырехдневной барщины. Есть и такіе господа, которые заставляютъ крестьянъ рабо-

[illegible] ... т. II, 106 [illegible] Якоба.

тать „изъ одного только пропитанія“ (т.-[illegible]
ваемыхъ мѣсячниковъ); но такая систе[illegible]
исполнима только въ очень малыхъ имѣні[illegible]
ваетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что
такъ дурно требуютъ столь внимательнаго [illegible] имаютъ
такой вредъ, что они обходятся гораздо доро[illegible] наемныхъ работ-
никовъ. При своемъ изслѣдованіи авторъ имѣетъ въ виду наиболѣе обычную
у насъ форму барщиннаго хозяйства, когда крестьянамъ отведено из-
вѣстное количество земли, и въ ихъ распоряженіе оставляется, по крайней
мѣрѣ, половина рабочаго времени. Авторъ вычисляетъ, во что обходится
господину обработка поля при этомъ размѣрѣ барщины и что стоило бы
то же самое при вольнонаемномъ трудѣ; задача рѣшается въ пользу по-
слѣдняго, но при этомъ онъ смотритъ на дѣло съ отвлеченно-экономической
точки зрѣнія, не принимая во вниманіе историческихъ условій владѣнія
въ Россіи населенными имѣніями. Въ своихъ вычисленіяхъ онъ указы-
ваетъ на то, что помѣщикъ теряетъ доходъ съ земли, которая отводится
крестьянамъ для ихъ собственнаго прокормленія, его лѣсъ тратится на
постройку и отопленіе крестьянскихъ усадебъ, онъ оказываетъ крестья-
намъ помощь во время неурожая и другихъ бѣдствій, терпитъ убытки
отъ рекрутчины. Но дѣло въ томъ, что все это онъ долженъ былъ дѣлать
по закону. Помѣщики никогда не владѣли въ Россіи крестьянами на
[illegible] ихъ владѣніе было обусловлено извѣстными
обязанностями предъ государствомъ и между прочимъ [illegible]
и [illegible] пропитанія ихъ крѣпостными, въ случаѣ несоблюденія
[illegible] имѣніе отдавалось въ опеку. Поэтому-то, при обсужденіи
вопроса о выгодности или убыточности крѣпостнаго труда въ Россіи
нельзя было зачислять въ число потерь помѣщиковъ надѣленіе извѣст-
наго количества земли крестьянамъ, снабженіе ихъ лѣсомъ, заботу объ
ихъ пропитаніи, безъ этихъ потерь не было бы и права помѣщиковъ на
свои имѣнія.

Итакъ, по расчету Якоба, барщинная система менѣе выгодна, чѣмъ
[illegible] земли вольнонаемнымъ трудомъ[1]. Въ подтвержденіе своего
[illegible]
[illegible]

[illegible]

дѣлія и постояннаго умноженія доходовъ его“.

его имѣнія доходы увеличились только тогда, когда ему удалось довести прежде бѣдствовавшихъ крестьянъ до извѣстной степени зажиточности. „Но сколько стоили ему пожертвованія и труды,—восклицаетъ Якобъ,—и сколько на сіе долженъ онъ былъ употребить времени! Напротивъ, обработываніе земли... вольными никогда бы не стоило столь много". Такая идея быть-можетъ и не оказала вреднаго вліянія собственно въ Россіи благодаря тому, что правительство еще не приступало въ ней къ реформѣ быта крѣпостныхъ крестьянъ, но мысль эту должны были хорошо понять и усвоить остзейскіе бароны; и если тамошнія узаконенія о крестьянахъ, изданныя въ 1816—1819 гг., поставили крестьянъ въ неизмѣримо худшее положеніе, чѣмъ то, какое сложилось бы по лифляндскому уложенію 1804 года, то быть можетъ нѣкоторая доля вины въ этомъ падаетъ и на вольное экономическое общество, пропагандировавшее безъ оговорокъ идеи, подобныя вышеприведеннымъ. Безземельное освобожденіе крестьянъ могло быть, конечно, выгоднѣе помѣщикамъ, чѣмъ большія затраты денегъ и труда на прочное улучшеніе быта крѣпостныхъ.

Переходя къ разсмотрѣнію оброчной системы, авторъ, вопреки мнѣнію большинства нашихъ агрономовъ, полагаетъ, что помѣщикъ, отпустившій своихъ крестьянъ на оброкъ, получаетъ не меньше, а иногда даже и болѣе дохода, чѣмъ тотъ, который поддерживаетъ барщинную запашку; крестьянинъ также становится въ болѣе независимое положеніе и трудится гораздо усерднѣе, такъ какъ плоды его труда принадлежатъ исключительно ему самому. Якобъ не отрицаетъ, что земледѣліе у оброчныхъ крестьянъ очень часто, даже обыкновенно, находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ у барщинныхъ [1]; однако онъ думаетъ, что вредныя дѣйствія оброка въ Россіи болѣе заключаются „въ худомъ способѣ отдавать земли на оброкъ, нежели въ происходящей отъ того независимости крестьянъ". Сравнивая величины совершенно несоизмѣримыя, именно нашу оброчную систему съ англійскою арендою, забывая опять-таки, что нашъ помѣщикъ не такой безусловный землевладѣлецъ, какъ англійскій лордъ, авторъ указываетъ на то, что въ Англіи арендная плата гораздо выше, чѣмъ оброкъ, платимый крестьянами за свои надѣлы. Недостатки оброч-

[1] При нынѣшнемъ состояніи земледѣлія въ Россіи, по мнѣнію Якоба, оно всегда приноситъ крестьянамъ менѣе дохода, чѣмъ другіе промыслы, и потому они идутъ въ отхожія работы. Онъ справедливо говоритъ: „Великое неблагоразуміе (въ нѣмецкомъ подлинникѣ: „Eine grosse Thorheit") тѣхъ сочинителей, кои, [illegible] причиною [illegible] склонности къ городской жизни, распространенной [illegible] между русскимъ народомъ, [illegible] въ разряду [illegible] Они полагаютъ противъ оброка [illegible], кромѣ [illegible] другихъ средствъ для привязанія крестьянъ къ землѣ. [illegible] должно."

ной системы, по мнѣнію автора, заключаются во-первыхъ въ томъ, что помѣщикъ не имѣетъ средствъ устроить крестьянскія усадьбы съ сильнымъ скотомъ, хорошими земледѣльческими орудіями. Средствъ не имѣетъ и крестьянинъ; а если бъ у него и были нужныя для этого деньги, то онъ не захотѣлъ бы ихъ затрачивать, не пользуясь правомъ собственности на землю и усадьбу: оброчный крестьянинъ можетъ быть переселенъ, лишенъ земли, его оброкъ можетъ быть повышенъ и проч. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Якоба, положеніе англійскаго арендатора гораздо выгоднѣе, такъ какъ тамъ срокъ аренды — 7 – 20 лѣтъ и за это время онъ обезпеченъ контрактомъ. Между тѣмъ въ оброчныхъ вотчинахъ болѣе зажиточнымъ крестьянамъ приходится платиться за бѣдныхъ при взносѣ государственныхъ повинностей, а часто даже и при взысканіи оброка господину. Затѣмъ оброчные крестьяне, по мнѣнію Якоба, — впрочемъ ошибочному, — обыкновенно имѣютъ мало земли, будто бы не болѣе 5—6 десятинъ со включеніемъ лѣса и пустошей. Наконецъ, разбросанность пахотныхъ участковъ каждаго крестьянина и обязательная трехпольная система также очень вредятъ успѣхамъ земледѣлія.

Для обработыванія земли вольными людьми есть два способа: первый посредствомъ поденщиковъ. Тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ недостатка, ихъ трудъ обойдется дешевле крѣпостнаго. Общія соображенія по этому поводу авторъ подтверждаетъ сравнительными вычисленіями стоимости обработки земли въ Англіи и Россіи, но при этомъ онъ опять вводитъ въ расчетъ потерю помѣщикомъ дохода съ земли, отданной крестьянину. Однако вести обширное хозяйство съ помощью поденщиковъ неудобно, какъ вслѣдствіе необходимости для этого большаго капитала, такъ и по причинѣ трудности надзора за большимъ числомъ работниковъ. Удобнѣе выдѣлить земледѣльцамъ нѣкоторую часть земли съ тѣмъ, чтобъ они за то работали извѣстное количество времени на землевладѣльца. Такія отношенія выгодны для крестьянина, такъ какъ при этомъ размѣръ его повинности точно опредѣленъ контрактомъ, а по истеченіи срока онъ можетъ потребовать перемѣны извѣстныхъ условій; они удобны и для землевладѣльца, который избавляется отъ обязанности заботиться о своихъ работникахъ и по истеченіи условленнаго срока можетъ удалить лѣнивыхъ и бѣдныхъ хозяевъ. При такой арендной системѣ гр. Строгановскій, въ своемъ сочиненіи объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, переведенномъ на русскій языкъ въ 1809 году, предлагалъ назначить опредѣленное количество земли на каждый дворъ и точно установить размѣръ повинностей, но Якобъ думаетъ, что тутъ не слѣдуетъ узаконивать общихъ правилъ, — другими словами, выдаетъ свободнаго безземельнаго крестьянина въ жертву конкуренціи, такъ какъ онъ считаетъ вредными всякія бы то ни было ограниченія землевладѣльцевъ въ распоряженіи ихъ землею. Каждый крестьянскій дворъ, по его мнѣнію, долженъ

имѣли такую величину, чтобъ одна упряжка постоянно работала на господскомъ, а другая на крестьянскомъ полѣ. Если крестьяне сдѣлаются зажиточнѣе, имъ можно дать болѣе обширныя усадьбы съ тѣмъ, чтобы за лишнюю сравнительно съ прежнею землю они платили уже не работою, а деньгами или хлѣбомъ. Помѣщикъ, имѣющій обширныя земли, можетъ составить изъ нихъ большіе, средніе и малые участки для раздачи ихъ во временную или вѣчную аренду. Это самая лучшая система пользованія обширнымъ имѣніемъ, и она предполагаетъ два необходимыхъ условія: во-первыхъ, чтобы самъ владѣлецъ былъ достаточно богатъ для устройства многихъ такихъ крестьянскихъ хозяйствъ и снабженія ихъ нужнымъ рабочимъ инвентаремъ и, во-вторыхъ, чтобы въ государствѣ было достаточное количество зажиточныхъ земледѣльцевъ, которыхъ можно было-бы принять въ качествѣ арендаторовъ. При возрастаніи благосостоянія земледѣльцевъ, весьма удобно отдавать земли въ вѣчную наслѣдственную аренду съ уплатою не деньгами, а опредѣленнымъ количествомъ хлѣба.

По мнѣнію автора, вольнонаемный трудъ еще невозможенъ въ Россіи въ широкихъ размѣрахъ, такъ какъ въ ней очень мало свободныхъ земледѣльцевъ. Этимъ именемъ можно назвать однодворцевъ и колонистовъ, но они такъ заняты обработкой собственной земли, что едва-ли могутъ наниматься на господскія работы; то же приходится сказать о близкихъ къ нимъ по положенію казенныхъ крестьянахъ. Остается, слѣдовательно, одно средство — поставить крѣпостныхъ крестьянъ въ такое положеніе, въ которомъ они имѣли бы причины прилежно заниматься земледѣліемъ. Нѣкоторые русскіе помѣщики сдѣлали попытку измѣнить обычное положеніе крестьянъ, но этимъ новымъ учрежденіямъ недостаетъ „законной твердости“, и потому они не имѣютъ тѣхъ благихъ послѣдствій, какія можно было бы отъ нихъ ожидать.

Въ заключеніе авторъ предлагаетъ свой планъ измѣненія быта крестьянъ сообразно съ величиною помѣстья. Онъ дѣлитъ помѣщиковъ на три разряда: мелкихъ, имѣющихъ не болѣе 100 десятинъ пахотной земли, среднихъ — отъ 100 до 1.000 и крупныхъ — болѣе 1.000 десятинъ. Мелкіе землевладѣльцы должны сами вести свое хозяйство, основавъ его на вольнонаемномъ трудѣ. Якобъ совѣтуетъ имъ сдѣлать это такимъ образомъ: *взять себѣ всю крестьянскую землю* и завести на ней усовершенствованное хозяйство, крестьянъ сдѣлать оброчными и выдать паспорты всѣмъ желающимъ искать работы на сторонѣ, а при себѣ оставить только годныхъ для своего хозяйства, или, еще лучше, хорошимъ вознагражденіемъ побудить ихъ предпочесть работу у него всѣмъ другимъ занятіямъ. Крестьянскія семьи, оставшіяся у господина, обращаются въ батраковъ, которымъ даются дома съ усадебною землею и денежное жалованье. О судьбѣ отпущенныхъ на всѣ четыре стороны авторъ умал-

чиваетъ, но онъ упускаетъ изъ виду, что по нашимъ законамъ помѣщикъ отвѣтственъ за аккуратную уплату податей его крестьянами и что онъ обязанъ прокармливать ихъ въ случаѣ недостатка у нихъ собственнаго хлѣба, такъ что еслибъ отпущенныя имъ на оброкъ семьи, не найдя заработка, пошли по міру, то онѣ были бы отправлены къ своему прежнему помѣщику, и тогда стоимость ихъ содержанія сильно измѣнила бы разсчеты автора, такъ убѣдительно, повидимому, доказывающіе выгодность подобной операціи для помѣщиковъ.

Среднимъ землевладѣльцамъ, т. е. имѣющимъ отъ 100 до 1.000 десятинъ пашни, Якобъ совѣтуетъ оставить для обработки въ свою пользу 200—300 десятинъ, а изъ остальныхъ земель устроить участки различной величины для раздачи въ наслѣдственную аренду какъ своимъ крестьянамъ, такъ и всѣмъ желающимъ. Въ подобномъ имѣніи должно жить извѣстное число поденщиковъ, часть которыхъ слѣдуетъ поселить на господскомъ дворѣ, а остальныхъ—среди крестьянъ, чтобы послѣдніе могли ихъ нанимать. Подобнымъ же образомъ авторъ предлагаетъ устроить и болѣе крупныя имѣнія. При этомъ измѣненіи быта крестьянъ онъ находитъ необходимымъ соблюдать слѣдующія правила: 1) ни владѣлецъ, ни мѣстное начальство, кромѣ повинностей, опредѣленныхъ договоромъ или закономъ, не должны обременять крестьянъ произвольными налогами, какъ-то: подводами, поставками и проч. Ихъ время и имущество должны всецѣло принадлежать имъ самимъ. 2) Никогда не должно произвольно сгонять ихъ съ отведенныхъ имъ участковъ, перемѣнять ихъ земли или какимъ бы то ни было образомъ мѣшать въ ихъ хозяйствѣ. 3) Подати и арендныя деньги должны быть опредѣлены не по числу душъ, а по количеству десятинъ. 4) Всякій хозяинъ долженъ имѣть право продать свой участокъ по своему усмотрѣнію, и люди свободные могутъ пріобрѣтать ихъ, *не дѣлаясь крѣпостными* [1]). 5) Поденщики и дѣти крестьянъ должны имѣть право наниматься, у кого хотятъ [2]). 6) Крѣпостная зависимость ограничивалась бы только уплатою господину ежегоднаго оброка, составляющаго проценты на капиталъ, затраченный при пріобрѣтеніи крѣпостныхъ. Очевидно, что осуществленіе плана, предложеннаго Якобомъ, самымъ губительнымъ образомъ отозвалось бы на благосостояніи крестьянъ: они лишались при этомъ всѣхъ своихъ земель, которыя потомъ могли брать на арендныхъ условіяхъ, но имъ не предоставлялось также полной личной свободы, такъ какъ они были обязаны, кромѣ арендной платы за землю, платить еще оброкъ. Между тѣмъ Якобъ сулитъ отъ такого устройства всевозможныя блага для общества: развитіе про-

[1]) Это послѣднее условіе опущено въ русскомъ переводѣ.

[2]) Въ нѣмецкомъ [illegible] къ чему прибавлено: „по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ извѣстнаго округа“.

мышленности, увеличеніе доходовъ государства, улучшеніе нравственности и т. д. [1]).

Конечно, распространеніе многихъ идей, высказанныхъ авторомъ въ своемъ трудѣ, было полезно, такъ какъ онъ доказывалъ невыгодность крѣпостнаго права для самихъ владѣльцевъ и такимъ образомъ подрывалъ сознаніе его необходимости. Но его освободительные планы, къ сожалѣнію, связаны съ обезземеленіемъ крестьянъ, и эта пропаганда обезземеленія могла дѣйствовать тѣмъ вреднѣе, что сочиненіе Якоба было увѣнчано наградой, учрежденной по желанію государя; такимъ образомъ взгляды автора, заслужившаго одобреніе со стороны ученаго общества, могли казаться взглядами самого правительства. Это обстоятельство быть можетъ имѣло вредное вліяніе на крестьянскую реформу въ остзейскомъ краѣ; что же касается Россіи, то хотя мы и не видимъ непосредственныхъ дурныхъ плодовъ подобной пропаганды, но идеи эти могли заронитьея въ душу многихъ помѣщиковъ, и вольное экономическое общество можетъ нести не малую долю отвѣтственности за тѣ попытки „улучшенія", соединенныхъ съ ломкою всего исконнаго быта русскаго крестьянина, образцы которыхъ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая. Для развитія и распространенія освободительныхъ идей въ Россіи было бы гораздо полезнѣе, если бъ Якобъ, не задаваясь созданіемъ полнаго плана крестьянской реформы,—трудъ для него непосильный, при весьма недостаточномъ знаніи русской жизни и незнакомствѣ съ ея исторіей,—вновь перечислилъ бы въ своемъ отвѣтѣ на задачу вольнаго экономическаго общества тѣ мѣры, необходимыя для смягченія крѣпостнаго права, которыя онъ назвалъ въ своемъ трудѣ, изданномъ въ Харьковѣ.

Трудъ Якоба, каковы бы ни были его недостатки, во всякомъ случаѣ, по научной обработкѣ, выше всѣхъ другихъ отвѣтовъ, доставленныхъ въ экономическое общество, и потому присужденіе ему главной награды вполнѣ естественно. Что касается труда извѣстнаго автора книги „Латыши въ Лифляндіи въ исходѣ философскаго столѣтія", доктора Гарлиба Меркеля, то его сочиненіе, заслужившее вторую награду, далеко уступаетъ произведенію Якоба какъ по объему, такъ и по основательности. Мы не будемъ на немъ останавливаться, а упомянемъ только, что разсчеты, дѣлаемые авторомъ, приводятъ его къ выводу о большей дешевизнѣ вольнонаемнаго труда сравнительно съ крѣпостнымъ [2]). Сочи-

---

[1]) „Труды Вольн. Эконом. Общ." 1814 г., ч. 66, стр. 1—105 и отдѣльное изданіе: *L. Jakob*. Ueber die Arbeit leibeigner und freyer Bauern in Beziehung auf den Nutzen der Landeigenthümer vorzüglich in Russland. Spb. 1814.

[2]) „Труды Вольн. Экон. Общ." 1814 г., т. 66, стр. 106—127. Въ томъ же году оно

ненiе Меркеля вызвало рѣзкiя и не лишенныя правды замѣчанiя въ брошюрѣ, изданной въ томъ же году въ Дерптѣ фонъ-Бокомъ. Авторъ указываетъ на то, что имѣнiе, положенное Меркелемъ въ основанiе своихъ разсчетовъ, находится въ слишкомъ благопрiятномъ положенiи, вслѣдствiе близости къ городу, относительно найма работниковъ и другихъ хозяйственныхъ удобствъ. Отмѣчая невѣрности въ его разсчетахъ, фонъ-Бокъ указываетъ также Меркелю, трактующему исключительно о трудѣ поденщиковъ, какъ печально бываетъ ихъ положенiе, и ссылается при этомъ на фабричныхъ работниковъ вообще и жизнь поденщиковъ въ Англiи. По мнѣнiю фонъ-Бока, всѣхъ счастливѣе свободный крестьянинъ, который за землю, данную ему въ пользованiе, вноситъ аренду деньгами или самъ отработываетъ ее господину [1]).

Третью награду экономическаго общества получилъ за свое сочиненiе генералъ Комаровъ; но такъ какъ, вопреки Якобу и Меркелю, онъ высказывается въ пользу крѣпостнаго труда, то мы познакомимся прежде съ нѣкоторыми изъ неодобренныхъ и потому неизданныхъ трудовъ, авторы которыхъ стоятъ также за вольнонаемный трудъ. Всѣхъ отвѣтовъ на задачу общества было прислано 14 (въ томъ числѣ 3 нѣмецкихъ); изъ нихъ авторы семи мнѣнiй высказались въ пользу вольнонаемнаго труда (со включенiемъ Якоба и Меркеля) и семи — въ пользу крѣпостнаго (въ томъ числѣ Комаровъ).

Въ числѣ авторовъ, считавшихъ болѣе выгоднымъ вольнонаемный трудъ, былъ корректоръ Швитковъ, авторъ одобреннаго обществомъ отвѣта на задачу 1809 г.; новое сочиненiе Швиткова было найдено экономическимъ обществомъ „хорошимъ, но не удовлетворяющимъ задачѣ" и потому не напечатано. Свободный трудъ, по мнѣнiю автора, лучше крѣпостнаго потому, что за вольными работниками требуется меньше надзора, въ случаѣ нужды ихъ можно найти гораздо большее количество, съ вольныхъ можно взыскать вознагражденiе за причиненный ими убытокъ, съ ними можно заключить какiя угодно условiя [2]. Впрочемъ Швитковъ

было издано въ Ригѣ и по-нѣмецки подъ заглавiемъ „Beweis dass es halb so viel koste, seine Ländereien von Tagelöhnern bestellen zu lassen, als von leibeigenen Bauern. Von *Fr. G. Merkel*". Любопытно, что въ нѣмецкомъ изданiи книги Меркеля, появившемся въ Ригѣ въ томъ же году, одно мѣсто русскаго текста, гдѣ авторъ говоритъ объ [illegible] крестьянъ [illegible] „[illegible]", [illegible] (ср. 114 русскаго текста и [illegible] стр. нѣмецк.). Однако это смягченiе не спасло сочиненiе Меркеля въ Лифляндiи, и оно, по словамъ Самарина, было тамъ тотчасъ отобрано. („Сельск. благоустр." 1858 г., № 12, стр. 402).

[1]) *H. A. von Bock.* Einige Bemerkungen veranlasst durch zwei aufgestellte Preisfragen der kaiserlichen freien ökonomischen Gesellschaft in St.-Petersburg". Dorpat, 1814, S. 4—9. Сочувственное отношенiе къ труду Меркеля находимъ въ статьѣ [illegible] журнала, перепечатанной въ 1818 г. въ „Вѣстникѣ Европы" (см. ниже, гл. XXIII).

[2]) При семъ авторъ ссылается, между прочимъ, на авторитетъ Адама Смита.

не дѣлаетъ особыхъ практическихъ выводовъ изъ этихъ общихъ воззрѣній, кромѣ совѣта помѣщикамъ пользоваться въ своемъ хозяйствѣ и вольнонаемнымъ трудомъ. Что касается крѣпостныхъ, то онъ не совѣтуетъ, во-первыхъ, давать имъ за работу денежныя награды или какія-нибудь чрезвычайныя льготы, такъ какъ это можетъ ихъ избаловать; во-вторыхъ, находитъ возможнымъ совсѣмъ освободить крестьянъ отъ барщины, обложивъ ихъ за то „двойною податью“ [1]; въ-третьихъ, рекомендуетъ дозволять способнымъ къ земледѣлію наниматься на работы къ другимъ господамъ, а остальныхъ отпускать по паспортамъ на разные промыслы. Мы часто не рѣшаемся на самыя полезныя предпріятія только потому, что они не сдѣлались обычными. „*Долго казалося страннымъ*, говоритъ Шветковъ, — *отпускать своихъ рабовъ въ услуги къ чужимъ господамъ, но нынѣ почти уже то въ обыкновеніи*. И какія же отъ того послѣдствія? Рабы, испытавши... что не всегда-то хорошо на сторонѣ служить, многіе толикую къ господамъ своимъ возымѣли приверженность, что... и вѣчно на волю не хотятъ быть отпущены“. Такимъ образомъ авторъ не находитъ ничего предосудительнаго въ отдачѣ помѣщиками своихъ крѣпостныхъ въ наемъ другимъ лицамъ, хотя нерѣдко это давало поводъ къ ужаснымъ злоупотребленіямъ. Изъ этого примѣра видно, какъ признаніе большей производительности вольнонаемнаго труда иной разъ уживалось рядомъ съ самыми крѣпостническими взглядами, и потому не удивимся, если, наоборотъ, въ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ его противниковъ найдемъ симпатичныя стороны [2].

Авторъ другаго неизданнаго сочиненія, которое при первоначальномъ чтеніи въ обществѣ было признано „весьма хорошимъ впредь до соображенія съ другими отвѣтными сочиненіями на сію задачу“, но потомъ должно было уступить первенство инымъ трудамъ, между прочимъ, говоритъ: „Собственные люди, если живутъ они на содержаніи господскомъ, не имѣютъ надобности прилежать къ работѣ: родится ли у господина хлѣбъ, они все-таки будутъ сыты и одѣты, хотя бы господинъ ихъ и въ конецъ отъ того разорился. Не имѣя собственности, ни надежды пріобрѣсть оную безпрестанными своими работами, могутъ ли они быть трудолюбивы? Работа, которую трудящійся съ вѣрною надеждою на пріобрѣтеніе считаетъ источникомъ изобилія, есть для нихъ одно только мученіе, которое кончится не прежде, какъ съ совершенною дряхлостью ихъ или смертію. По сей причинѣ должны они ее ненавидѣть, и можно ли безъ крайней несправедливости обвинять ихъ въ семъ отвращеніи? Они паче жалости достойны, нежели порицанія, и имя работника менѣе для нихъ прилично, нежели названіе „невольника“. Поэтому авторъ находитъ, что наемные работники гораздо выгоднѣе крѣпостныхъ, но только съ платою „поурочною“. Если помѣщикъ хочетъ, чтобы крѣпостные усердно на него работали, онъ долженъ расположить ихъ къ себѣ внимательнымъ отношеніемъ къ ихъ нуждамъ, требовать ихъ на свою работу только въ опредѣленное время и т. д. [3]).

Отвѣтъ съ девизомъ: „Свобода — первое право и первое благополучіе человѣческое“ (неизданный) былъ признанъ Вольнымъ экономическимъ обществомъ неудовлетворительнымъ. Послѣ комплиментовъ обществу за обнародованіе такой важной задачи авторъ изобильно разсыпаетъ громкія фразы о свободѣ [4]. Утверж-

[1]) Такъ какъ „на сторонѣ всегда могутъ они упромыслить вдвое, втрое и болѣе, нежели сколько бы могли дать подати своему господину“.

[2]) Арх. вольн. экон. общ. кн. 150, л. 289—307.

[3]) Ibid. л. 308—317.

[4]) Вотъ слѣдующее: „Всѣ сокровища, всѣ щедроты [illegible] всѣ пособія богатыхъ не могутъ [illegible] того, что они похитили у подобныхъ себѣ [illegible] благополучіе и

дая далѣе, что вольнонаемный трудъ лучше крѣпостнаго, онъ основываетъ свое мнѣніе на совершенно произвольныхъ предположеніяхъ [1]. Къ подобнымъ же „математическимъ“ доказательствамъ авторъ прибѣгаетъ и далѣе. Понятно что такимъ образомъ можно доказать все, что угодно. Въ заключеніе онъ говоритъ: „итакъ, обработывать землю людьми наемными гораздо лучше нежели своими. Россійское дворянство блистательное украшеніе, надежнѣйшая опора или, лучше сказать великолѣпная колоннада величайшаго царства. Оно вездѣ и всегда содѣйствовало ко всеобщему благоденствію оно расторгнетъ цѣпи рабства въ безмолвной тишинѣ, подъ кроткимъ скипетромъ, и въ исторіи россійской, въ исторіи даже вселенныя, будетъ образцомъ и предметомъ удивленія и труднаго подражанія въ блистательнѣйшемъ великодушіи и мудрой прозорливости“. Какъ ни наивны эти фразы онѣ все-таки интересны, какъ признакъ нѣкотораго пробужденія въ обществѣ освободительныхъ идей [2].

Во главѣ мнѣній, авторы которыхъ высказываются въ пользу крѣпостнаго труда, стоитъ отвѣтъ генерала Комарова (съ девизомъ: „Спѣши не торопясь и усматривай конецъ“), удостоенный экономическимъ обществомъ награжденія малою медалью. Онъ не поставилъ, подобно Якобу, вопроса во всемъ его объемѣ, о превосходствѣ свободнаго или крѣпостнаго труда, а обработывать владѣльческія земли вольнонаемными людьми и въ то же время отпускать своихъ на работу къ другимъ—онъ находитъ совершенно неудобнымъ. Такъ какъ земледѣльцевъ въ Россіи, относительно ея пространства, весьма недостаточно, то, при обработкѣ земли вольнонаемными работниками, цѣны на трудъ возросли бы непомѣрно и будетъ происходить только безплодное передвиженіе народа. Работу на мѣстѣ авторъ считаетъ гораздо полезнѣе отхожихъ промысловъ по пословицѣ: „домашняя гривна лучше заѣзжаго рубля“, хотя онъ и допускаетъ, что эти промыслы необходимы въ московской, ярославской, костромской и тверской губерніяхъ, отличающихся или малоземельемъ, или плохимъ качествомъ почвы. Его не соблазняетъ примѣръ Италіи и Франціи, гдѣ народъ, „будучи большею частью отвлекаемъ отъ сельскаго домоводства, бродитъ по городамъ и резиденціямъ за другими, ему чуждыми и несвойственными, добычами, лишается своего благоденствія, а государство коренной опоры“. Тамъ народу поневолѣ приходится бродяжничать, такъ какъ онъ не имѣетъ земли, между тѣмъ какъ у насъ крестьяне надѣлены ею въ достаточномъ количествѣ. Крѣпостной

первѣй[illegible] пра[illegible] [illegible]ской свободы и своихъ братьевъ сдѣлали осмѣлились своими рабами“.

[1] „[illegible] примѣры [illegible] людьми свободными, — говоритъ онъ, — получающими за свой трудъ награду, съ [illegible] совершить такое движеніе, коего нерадивый и невольный крестьянинъ [illegible] минуту совершить можетъ; но прибавимъ еще для перваго [illegible], [illegible] употреблять тѣмъ, кои свободу, по своей лѣни къ роскоши, почитаютъ праздною [illegible] уже наемный [illegible] вырабатываетъ болѣе, нежели свой крестьянинъ“.

[2] Арх. вольн. эк. общ. кн. 150, л. 370—375.

въ Россіи не лишенъ вознагражденія за свой трудъ у помѣщика: взамѣнъ денежной платы, онъ получаетъ земельный надѣлъ, имѣетъ время для его обработки, пользуется и другими выгодами. Вольнонаемный трудъ у насъ неудобенъ и тѣмъ, что онъ не избавляетъ отъ необходимости надзора за работниками, и тѣмъ, что помѣщику не откуда достать денегъ для платы нанятымъ рабочимъ. Если сельское хозяйство въ Россіи отстало отъ западно-европейскаго, то это въ значительной степени объясняется суровостью нашего климата. Авторъ не отрицаетъ, что у насъ есть дурные помѣщики, которые „небрегутъ о порядкѣ употребленія въ работы крестьянъ и объ ихъ благосостояніи", но, по его мнѣнію, такихъ немного. Перемѣны не желательны, потому что самый лучшій порядокъ для народа тотъ, къ которому онъ привыкъ. Статья Комарова заканчивается вычисленіемъ, доказывающимъ, что крѣпостной трудъ для помѣщика выгоднѣе вольнонаемнаго [1]). Каковы бы ни были недостатки этого сочиненія, авторъ правъ въ томъ, что считаетъ экономическое положеніе нашихъ крѣпостныхъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ безземельныхъ работниковъ въ западной Европѣ, и вольное экономическое общество, наградивъ медалью и напечатавъ статью Комарова, какъ бы внесло нѣкоторую поправку къ одностороннему мнѣнію профессора Якоба.

Авторъ другаго отвѣта, неизданнаго, также предпочитаетъ крѣпостной трудъ вольнонаемному, потому что онъ дешевле и удобнѣе; онъ признаетъ однако, что „угнетенный человѣкъ не такъ охотно принимается за работу" и что самый строгій присмотръ не заставитъ его усердно работать. Для улучшенія существующихъ отношеній, авторъ находитъ нужнымъ тѣснѣе связать интересы крестьянъ и помѣщиковъ (хотя прежде онъ утверждалъ, что они вполнѣ солидарны) и предлагаетъ слѣдующій планъ. Такъ какъ по закону крестьянинъ обязанъ работать на помѣщика три дня въ недѣлю, т. е. половину времени въ году, то помѣщикъ могъ бы засѣвать общее поле общими сѣменами, т. е. давать на посѣвъ столько же сѣмянъ, сколько всѣ крестьяне, которые при этомъ новомъ устройствѣ должны быть на работѣ каждый день. Послѣ молотьбы хлѣбъ раздѣляется пополамъ: одну часть беретъ помѣщикъ, другая дѣлится поровну между крестьянами по тягламъ; до дѣлежа можно отложить сѣмена на будущій годъ, а также извѣстное количество ихъ въ запасные магазины. На общій счетъ могутъ быть устроены и нѣкоторыя необходимыя машины: молотилка и другія. Такія отношенія имѣютъ очень много выгодъ: никто не будетъ жаловаться, что ему досталась земля худшаго качества; всѣ работы будутъ исполняться своевременно и дружнѣе; всѣ будутъ присматривать другъ за другомъ. Кто по болѣзни

[1]) „Труды Вольн. Экон. Общ.", ч. 66, стр. 128—161.

не могъ работать, тотъ получитъ сполна свою часть; а кто нарочно изувѣчитъ себя, того слѣдуетъ предать „всей строгости законовъ“. Никто не будетъ уклоняться отъ тягла, чтобъ имѣть право участвовать въ дѣлежѣ продуктовъ, а безроднымъ старикамъ міръ можетъ давать пропитаніе изъ общей кассы. Запасные магазины будутъ всегда въ исправности. Никто изъ крестьянъ не можетъ обѣднѣть, а на случай пожаровъ и падежа скота слѣдуетъ учредить мірскую кассу, изъ которой погорѣлые будутъ получать вспомоществованіе по мѣрѣ своихъ убытковъ.

Извѣстно, что въ настоящее время крестьяне устраиваютъ такимъ образомъ нѣкоторыя работы, но нельзя не видѣть большой разницы между тѣмъ, что принято добровольно, съ общаго согласія, и тѣмъ, что навязано помѣщикомъ, хотя бы и съ добрымъ намѣреніемъ. Для того, чтобъ этотъ помѣщичій социализмъ принесъ хорошіе плоды, необходимо, чтобы землевладѣлецъ не сталъ злоупотреблять своею властью, что, при предлагаемомъ устройствѣ, гораздо легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждый крестьянинъ работаетъ въ свою собственную пользу; это понимаетъ и авторъ проекта: „Разумѣется, — говоритъ онъ, — что все вышесказанное можетъ имѣть настоящую цѣну или пользу, когда помѣщикъ есть благомыслящій и справедливый человѣкъ, а для безчеловѣчнаго или беззаконнаго... какіе хочешь выдумывай благонамѣренные вымыслы, онъ всегда ихъ обратитъ во зло“. Возможность рѣшительнаго средства прекращенія этого зла, т. е. освобожденіе крестьянъ, автору не приходитъ даже въ голову [1].

Неизданное сочиненіе, названное авторомъ [2] „метаполитическимъ и экономическимъ разсужденіемъ“ (съ девизомъ: „Авраамъ и Исаакъ имѣли рабовъ купленныхъ и употребляли ихъ въ земледѣліи“) при первоначальномъ чтеніи было признано экономическимъ обществомъ „заслуживающимъ уваженія и соображенія съ другими на сію задачу отвѣтами“, но затѣмъ никакою наградой увѣнчано не было. Всѣми признано, говоритъ авторъ (по разнымъ признакамъ уроженецъ полтавской губерніи), — что работа исполняется тѣмъ лучше и успѣшнѣе, чѣмъ вѣрнѣе за нее вознагражденіе; однако же бываетъ и такъ, что люди, безъ всякаго вознагражденія, берутъ на себя тяжелые труды [3]. Такъ и въ низшихъ

---

1) „Арх. вольн. эк. общ.“ кн. 150, л. 396—401.

2) Оно принадлежитъ перу малороссійскаго писателя Бѣленкаго-Посенко. *Петровъ*. „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“. Кіевъ 1884 г., стр. 10.

3) Такими были многіе воины, вступившіе на поле брани во время народнаго ополченія, нѣкоторые изъ штатныхъ смотрителей училищъ (?), коимъ положено жалованье, но они отъ онаго отказались, чиновники малороссійскихъ губерній, избираемые дворянствомъ. Я не упоминаю здѣсь о героахъ безкорыстія, которыхъ сохранила намъ исторія въ Аристидахъ, Цинциннатахъ, Мининѣ. Курьезное превознесеніе штатныхъ смотрителей училищъ объясняется тѣмъ, что авторъ самъ занималъ такое мѣсто. *Петровъ*. „Очерки истор. укр. литер.“, 37.

сословіяхъ мы находимъ благочестивыя сердца, безропотно исполняющія на нихъ возложенное, ожидая воздаянія въ будущей жизни. Бываетъ однако и наоборотъ, что получающіе опредѣленное вознагражденіе дурно работаютъ: стоитъ только припомнить наши вольныя артели плотниковъ и каменщиковъ. Итакъ, самое важное во всякой работѣ — хорошій присмотръ: „не купи села — купи приказчика", говоритъ пословица. Крестьяне, работающіе на господина, не лишены за это вознагражденія: „добрый помѣщикъ платитъ за нихъ всѣ подати изъ своего дохода, заботится объ исполненіи казенныхъ повинностей, печется о ихъ безопасности, защищаетъ отъ злоупотребленій людей сильныхъ. „Какъ дѣятельнѣйшій цензоръ и полицеймейстеръ блюдетъ ихъ нравы; какъ чадолюбивый отецъ строитъ имъ домы, помогаетъ въ нуждахъ, хранитъ здоровыхъ и лѣчитъ больныхъ". Все это чувствуютъ крестьяне и работаютъ на господина усерднѣе и лучше наемныхъ. Въ Малороссіи поденщиковъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ нанимаютъ всегда охотнѣе и платятъ имъ дороже, такъ какъ они болѣе, чѣмъ жители казенныхъ селеній, привыкли къ работѣ и повиновенію. „И сколь жалокъ хозяинъ, обработывающій свои поля наемщиками! Онъ подобенъ главѣ нѣкоей демократической республики или луккскому гонфалоньеру: работники избираютъ его на одинъ или нѣсколько дней и сіи подчиненные его не страшатся, ибо они, когда захотятъ, могутъ его оставить. Напротивъ того, помѣщикъ, имѣющій своихъ собственныхъ крестьянъ, подобенъ монарху въ благоустроенномъ государствѣ". Выгодность крѣпостнаго труда видна и изъ того, что всѣ владѣльцы, пріобрѣтшіе достаточное количество земель, стараются поскорѣе купить своихъ собственныхъ людей; тоже дѣлаютъ у насъ заводчики и мануфактуристы. Это подтверждается и исторіей: европейцы стремились пріобрѣтать невольниковъ на гвинейскихъ берегахъ для обработки своихъ плантацій; Моисей повѣствуетъ, что наши праотцы, Авраамъ и Исаакъ, имѣли своихъ рабовъ купленныхъ; древніе русскіе законы также упоминаютъ о рабахъ. „Видно, опытность всѣхъ вѣковъ увѣрила, что наемникъ есть всегда наемникъ, и что свой собственный работникъ благонадежнѣе и работаетъ въ сравненіи съ наемнымъ при одинаковомъ присмотрѣ не хуже и не медленнѣе". Если возразятъ, что въ Англіи и въ другихъ иностранныхъ государствахъ, гдѣ работаютъ люди вольные, работа доведена до высшей степени совершенства, то, по мнѣнію автора, это объясняется бдительностью полиціи, большимъ образованіемъ рабочихъ и большею густотою населенія, и кто знаетъ, можетъ-быть при помощи крѣпостныхъ они скорѣе достигли бы цѣли! Отпустить своихъ крестьянъ на оброкъ, для найма у другихъ, а самому нанимать вольныхъ — крайне затруднительно, такъ какъ у насъ никогда не было бродячихъ артелей земледѣльцевъ, какія есть въ Италіи. Правда, у насъ приходятъ для найма поденщики изъ другихъ уѣздовъ и губерній, но

въ Малороссіи иной разъ нельзя найти работниковъ ни за какія деньги, и это бываетъ въ самую страдную пору. Крестьяне „съ своею сельскою простотою“ также будутъ въ затрудненіи, куда обратиться съ предложеніемъ своего труда, и они могутъ оказаться неисправными плательщиками казнѣ и помѣщикамъ. Крестьянину также выгоднѣе работать три дня у добраго господина, чѣмъ, состоя на оброкѣ, быть поденщикомъ (авторъ предполагаетъ, что, при отпускѣ крестьянъ на оброкъ для работы у другихъ, хозяинъ отберетъ у нихъ землю). Наконецъ, крѣпостной трудъ выгоднѣе и удобнѣе для государства: выгоднѣе потому, что при обработкѣ вольнонаемными людьми хлѣбъ будетъ дороже; удобнѣе потому, что государство, въ которомъ помѣщики обработываютъ землю собственными крестьянами, дѣятельнѣе, богаче и, слѣдовательно, могущественнѣе: *въ обширной, самодержавной имперіи всѣ малыя владѣнія, составляющія части оной, должны имѣть монархическое правленіе* [1]. Не на сей ли власти сихъ малыхъ монарховъ непоколебимо покоится дѣятельное могущество и слава Россіи? Мы удивляемся иностранцамъ и согласно утверждаемъ, что они достигнули въ земледѣліи совершенства, но со временъ Годунова питали ли они насъ своимъ хлѣбомъ? А мы, при всей простотѣ нашей, при величайшемъ расходѣ онаго на винокуреніе и домашнемъ употребленіи, не только никогда въ ономъ не нуждаемся, но еще, подобно древней Сициліи, снабжаемъ онымъ цѣлый міръ“. Это происходитъ отъ того, что „мы имѣемъ пространнѣйшія поля, которыя мы воздѣлываемъ самыми простыми, почти ничего не стоющими орудіями“, и что еще важнѣе — „собственными своими трудолюбивыми крестьянами, безъ излишнихъ хлопотъ и издержекъ [2]).

Какъ ни наивны нѣкоторыя изъ мнѣній автора, но онъ, подобно Комарову, правъ въ томъ отношеніи, что не признаетъ полезности для народа безземельнаго освобожденія. Подобные голоса давали отпоръ сторонникамъ либеральныхъ идей, понимаемыхъ съ точки зрѣнія исключительно помѣщичьихъ интересовъ, и, указывая на трудности крестьянской реформы, заставляли общество зрѣлѣе обдумать необходимыя мѣры. Благодаря отчасти такимъ голосамъ, нашихъ крестьянъ не постигла участь освобожденія на остзейскій манеръ, а въ разсматриваемое время имъ довольно серьезно грозила подобная опасность.

---

[1]) Это напоминаетъ мысль современника автора, В. Н. Каразина: „Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія; одни начала должны быть главными точками всѣхъ вѣтвей сего великаго тѣла, дабы онѣ имѣли между собою предлежащую связь. И, слѣдовательно, помѣщики, для благосостоянія селеній земледѣльческихъ, столько же нужны, сколько монархи для подданныхъ вообще“. „Русская Старина“ 1871 г., т. III, стр. 338.

[2]) „Арх. вольн. экон. общ.“ кн. 130, л. 193—219.

Мы уже упоминали выше, что вмѣстѣ съ задачей о крѣпостномъ и вольнонаемномъ трудѣ экономическое общество обнародовало на 1812 годъ другую—объ отдѣленіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ; было упомянуто также о томъ, что, по желанію государя, за удачное рѣшеніе и этой задачи была обѣщана медаль въ 100 червонцевъ [1]. Эта задача была также отложена на годъ. Къ торжественному засѣданію общества, 17-го января 1814 года, было получено 10 отвѣтовъ, но всѣ они были признаны неудовлетворительными, и тема была продолжена еще на годъ. Къ слѣдующему годовому засѣданію было прислано 15 отвѣтовъ, но ихъ постигла та же судьба,—задача была еще разъ продолжена. Наконецъ, къ засѣданію 8-го марта 1816 года было получено еще 5 отвѣтовъ, но также неудовлетворительныхъ. Послѣ того общество рѣшило не предлагать болѣе этой темы, о чемъ извѣстило и министра внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлева, прося его довести объ этомъ до свѣдѣнія государя [2]).

Полный неуспѣхъ задачи, несмотря на ея настойчивое повтореніе, лучше всего доказываетъ, что предложенный обществомъ вопросъ недостаточно назрѣлъ въ самой жизни, и мы можемъ только радоваться этому, такъ какъ развитіе фабричной промышленности въ помѣщичьихъ имѣніяхъ могло бы лишь ухудшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ: и по смыслу задачи предлагалось образованіе особаго класса людей, исключительно занимающихся фабричнымъ трудомъ, а съ этимъ было бы, разумѣется, связано ихъ обезземеленіе. Возможность вреднаго вліянія этой темы была понята и современниками, какъ это видно изъ извѣстной уже намъ брошюры фонъ-Бока, изданной въ Дерптѣ въ 1814 году. Приведемъ изъ нея нѣкоторыя мѣста. „Я долженъ признаться, говоритъ авторъ, что при чтеніи этой задачи меня охватило чувство опасенія и печали, такъ какъ она могла бы подать поводъ къ такимъ мѣрамъ, которыя причинили бы неизгладимый вредъ дорогому отечеству, особенно при настоящемъ его положеніи... На этотъ вопросъ, если только онъ въ самомъ себѣ не заключаетъ противорѣчія, можетъ быть данъ удовлетвори-

---

[1]) Вотъ какъ она была формулирована въ объявленіи отъ общества: „Обширность и успѣшность въ фабрикахъ зависятъ отъ знанія и долговременнаго дѣлопроизводителей, крестьяне, занимаясь хлѣбопашествомъ и вмѣстѣ мануфактурами, никогда не могутъ имѣть таковаго успѣха въ добротѣ издѣлія, какъ тѣ мастеровые, кои съ малолѣтства къ одной работѣ приучены. Найти и опредѣлить правила, по коимъ бы помѣщикъ въ своихъ вотчинахъ могъ отдѣлить совершенно одно званіе людей отъ другаго съ равными для того и другаго выгодами, дабы чрезъ то можно имѣть всегда такой родъ людей, который не занимался бы вовсе земледѣліемъ, могъ бы составлять изъ нихъ только мастеровыхъ и чрезъ то навсегда обезпечить распространеніе и улучшеніе мануфактуръ, не препятствуя ни мало земледѣлію“.

[2]) „Арх. вольн. экон. общ.“, журналъ засѣданій 1816 г. въ № 91 л. 49—7[illegible].

тельный отвѣтъ лишь подъ однимъ условіемъ – если въ данной странѣ есть избытокъ народонаселенія; но въ этомъ случаѣ не пришлось бы и ставить вопроса, ибо тамъ оказались бы лишнія руки, а слѣдовательно устроились бы и фабрики, въ противномъ случаѣ началась бы эмиграція". Далѣе авторъ замѣчаетъ, что совершенно ошибочно считать обрабатывающую промышленность выгоднѣе добывающей,—тутъ все зависитъ отъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ избытка рабочихъ рукъ, искусственное отвлеченіе ихъ на фабрики непремѣнно вызоветъ, ко вреду для общества, повышеніе цѣнъ на предметы добывающей промышленности. „Раздѣленіе труда невозможно при рѣдкомъ народонаселеніи.... Не потому государства бываютъ населенны и націи многочисленны, что у нихъ существуютъ фабрики, — напротивъ, существованіе фабрикъ обусловливается густотою населенія". Россія слишкомъ мало населена, особенно послѣ только что оконченной опустошительной войны, и ей по плечу лишь тѣ виды промышленности, которые тѣсно связаны съ сельскимъ хозяйствомъ, какъ-то: винокуренные, поташные и стеклянные заводы, пильныя мельницы и изготовленіе грубаго сукна и полотна. „Пусть, говоритъ авторъ, въ другихъ странахъ, которыя дѣйствительно или мнимо страдаютъ отъ избытка народонаселенія, запираютъ хилыя поколѣнія на фабрикахъ или отсылаютъ ихъ въ колоніи.... пусть тамъ прядутъ изъ волны, хлопка, шелка и даже льна такія тонкія нити, что онѣ получаютъ извѣстную цѣнность лишь пройдя черезъ сотни рабочихъ рукъ; въ Россіи ея здоровый народъ еще можетъ безпрепятственно оплодить мать сырую землю, чтобы добывать изъ нея нужные для всего свѣта продукты, оставаясь здоровымъ душевно и тѣлесно!" (стр. 9—16). Очень можетъ быть, что и эта брошюра повліяла на рѣшеніе общества—прекратить дальнѣйшее обнародованіе столь неудачно заданной задачи.

Не находя нужнымъ передавать содержаніе всѣхъ 25-ти неодобренныхъ и потому неизданныхъ отвѣтовъ по вопросу объ отдѣленіи фабричныхъ людей отъ земледѣльцевъ, мы остановимся подробно только на одномъ сочиненіи, представленномъ на нѣмецкомъ языкѣ въ 1812 г., а затѣмъ, во второй разъ, по-русски, въ дополненномъ видѣ въ 1814 г., и лишь слегка коснемся нѣсколькихъ другихъ отвѣтовъ [1]). Еще при первомъ представленіи только-что упомянутаго сочиненія о немъ далъ весьма одобрительный отзывъ членъ Вольнаго Экономическаго общества, академикъ Фуссъ. Весьма сочувственно изложивъ содержаніе отвѣта, авторъ въ заключеніе говоритъ: „Этотъ мемуаръ доказываетъ, что авторъ его хорошо знакомъ съ политическою экономіею, знаетъ Россію и глу-

[1]) Отзывъ о сочиненіяхъ, представленныхъ въ 1814 г., см. въ „Труд. Вольн. Эконом. Общ.", 1815 г., т. 67, стр 236—241

боко обдумалъ предметъ, которому посвящена данная задача. По моему мнѣнію, это лучшій изъ всѣхъ отвѣтовъ, полученныхъ обществомъ на эту тему»[1]). Можно удивляться, что, послѣ такого отзыва, это сочиненіе не было одобрено. Какъ бы мы ни смотрѣли на него, нельзя не признать вмѣстѣ съ академикомъ Фусомъ, что дѣйствительно этотъ отвѣтъ неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ. Имя автора неизвѣстно, но, сравнивъ его съ знакомымъ уже намъ отвѣтомъ профессора Якоба о крѣпостномъ и вольнонаемномъ трудѣ, мы замѣчаемъ нѣкоторое сходство между ними какъ по характеру изложенія, такъ отчасти и по содержанію. Не выдавая нашего предположенія за несомнѣнный фактъ, мы полагаемъ, что сочиненіе, съ которымъ мы сейчасъ познакомимся, написано **профессоромъ Якобомъ.**

Въ началѣ первой редакціи своего отвѣта (съ девизомъ, выбраннымъ очень кстати: „Festina lente“ — спѣши медленно) авторъ говоритъ, что Россія — страна вовсе не промышленная: она не только поставляетъ за границу очень мало мануфактурныхъ товаровъ, но ихъ недостаточно даже для удовлетворенія внутренней потребности. Разсчитывать на иностранный сбытъ наши фабрики не могутъ, такъ какъ при гораздо меньшемъ процентѣ на капиталъ въ западной Европѣ предприниматель можетъ довольствоваться тамъ болѣе умѣреннымъ барышомъ. Кромѣ того, даже въ тѣхъ русскихъ городахъ, гдѣ находится наиболѣе фабрикъ, раздѣленіе труда далеко не доведено до такой степени, какъ въ иностранныхъ государствахъ, да оно и желательно лишь тамъ, гдѣ много фабрикъ: нѣтъ ничего вреднѣе, какъ искусственно ускорять крайнее дифференцированіе труда. Что можетъ быть печальнѣе положенія человѣка, пріученнаго къ какой-нибудь простѣйшей операціи, почти превращеннаго въ машину, если онъ вдругъ лишится работы и не будетъ имѣть возможности поступить на одну изъ подобныхъ же фабрикъ. А между тѣмъ въ такомъ положеніи очутятся крестьяне, которыхъ помѣщикъ пріучитъ на фабрикѣ къ самой спеціальной работѣ. Стоитъ ей закрыться, и помѣщику придется или самому кормить крестьянъ, или пустить ихъ по-міру. Авторъ допускаетъ полезность устройства въ Россіи заводовъ, имѣющихъ связь съ земледѣліемъ и скотоводствомъ или вообще связанныхъ съ обладаніемъ землею (винокуренные, пивоваренные, желѣзоплавильные, кожевенные, кирпичные заводы, полотняныя, парусныя, суконныя фабрики и проч.), а также считаетъ желательнымъ увеличеніе числа ремесленниковъ — башмачниковъ, портныхъ, плотниковъ и проч. Во всѣхъ этихъ производствахъ и занятіяхъ совсѣмъ не требуется, или лишь въ незначительной степени, раздѣленія труда. Далѣе авторъ дѣ-

[1]) Арх. Вольн. Эк. Общ. кн. 150, л. 367—368.

лить рабочихъ на два класса: 1) самостоятельно трудящихся на продажу и 2) работающихъ на фабрикѣ господина или какого нибудь другаго фабриканта, и подробно говорить объ отдѣленіи того или другаго разряда рабочихъ отъ земледѣльцевъ [1]).

Такъ какъ мало такихъ деревень, въ которыхъ ремесленники могли бы безпрерывно находить работу, то нельзя совершенно лишать ихъ возможности заниматься и земледѣліемъ. Авторъ совѣтуетъ принять слѣдующія мѣры: сообразивъ, какіе и сколько ремесленниковъ нужны въ данномъ мѣстѣ, должно построить такое же количество домовъ и прирѣзать къ каждому изъ нихъ $^1/_2$—1 десятины [2]). Эту землю вмѣстѣ съ домомъ слѣдуетъ отдавать работникамъ за умѣренный оброкъ и притомъ освободить ихъ отъ всякой барщины „съ удостовѣреніемъ, что никогда они не будутъ удаляемы отъ производимыхъ ими ремеслъ“. Помѣщикъ долженъ обязать этихъ людей обучать одного или нѣсколькихъ мальчиковъ изъ его деревень, а послѣднихъ обнадежить, что если, по окончаніи ученія, они окажутся ненужными въ своей деревнѣ, то „получатъ [3]) паспорты на требуемое ими время, для прокормленія себя работою по другимъ мѣстамъ“. Наконецъ, не должно стѣснять ремесленниковъ въ назначеніи цѣны ихъ издѣліямъ. Впрочемъ, авторъ совѣтуетъ и всѣмъ крестьянамъ пожелавшимъ заниматься какимъ нибудь ремесломъ, предоставить полную свободу посвятить себя ему, обративъ земледѣліе во вспомогательный промыселъ. Воздѣлывать извѣстное количество земли имъ необходимо, во-первыхъ, потому что въ деревнѣ трудно купить всѣ жизненные припасы, и во-вторыхъ, въ семействѣ всегда найдется нѣсколько лишнихъ людей, которые скорѣе могутъ быть употреблены на полевыя, чѣмъ на мануфактурныя работы. Если накопится достаточное количество людей, занимающихся однимъ ремесломъ, то можно дать имъ цеховое устройство.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу объ отдѣленіи фабричныхъ помѣщичьихъ работниковъ отъ земледѣльцевъ. Нужно, чтобъ эти люди занялись исключительно фабричнымъ дѣломъ, такъ какъ только въ такомъ

[1]) [illegible] части отвѣта находится въ русской редакціи, представленной [illegible] 1811 г., изложенное нами начало въ ней отсутствуетъ и замѣнено раз[illegible] одного помѣщика о томъ, какъ онъ [illegible] въ своемъ имѣніи. Разсказъ этотъ представляетъ только практическое [illegible] принциповъ, изложенныхъ во второй части обѣихъ редакцій отвѣта, поэтому мы и ограничимся этою послѣднею.

Авторъ [illegible] ремесленникамъ [illegible] или они сами въ свободное время будутъ [illegible] Впрочемъ [illegible] по 1—2 десятины.

[3]) Въ нѣмецкой редакціи прибавлено: „безплатно“.

случаѣ они могутъ въ немъ усовершенствоваться. Для достиженія этой цѣли нужно поставить ихъ совершенно наравнѣ съ вольнонаемными людьми, „обезпечивъ состояніе ихъ такъ, чтобы они почитали за счастіе принадлежать къ сему классу людей“. При этомъ нужно руководствоваться слѣдующими правилами: 1) Никого изъ крестьянъ не заставлять работать на фабрикахъ, кромѣ тѣхъ, кто самъ этого пожелаетъ. 2) Обѣщать имъ, что они никогда не будутъ принуждены обратиться опять къ земледѣлію, а въ случаѣ закрытія господской фабрики или минованія въ нихъ надобности, получать дозволеніе искать себѣ занятія въ другихъ фабрикахъ, „не взыскивая съ нихъ за то больше оброка противу того, сколько положено платить за жилище ихъ или землю; если же состояніе ихъ требуетъ, чтобъ они оставили деревню и искали для себя работы въ отдаленныхъ мѣстахъ, то господинъ долженъ имъ выдать для сего паспорты, *не требуя отъ нихъ никакого оброка*“. 3) Если хозяинъ удерживаетъ ихъ на своихъ фабрикахъ, то долженъ платить имъ то же, что получаютъ вольнонаемные на другихъ подобныхъ заведеніяхъ. 4) Помѣщикъ долженъ образовать кассу частію изъ своихъ средствъ, частію изъ взносовъ фабричныхъ работниковъ для помощи больнымъ, увѣчнымъ и старикамъ. 5) Если въ губерніи много одинаковыхъ фабрикъ, то было бы полезно помѣщикамъ согласиться между собою, чтобъ ихъ фабричные работники имѣли право перехода съ одной фабрики на другую въ предѣлахъ той же губерніи. 6) Каждому изъ фабричныхъ слѣдуетъ дать домъ съ огородною землею (около ¼ десятины). 7) Чтобы возбудить между ними соревнованіе, нужно соединить ихъ въ одинъ цехъ или гильдію, куда принимать обучившихся фабричной работѣ не прежде, какъ послѣ испытанія ихъ главными мастерами. 8) Лѣнивые работники подвергаются наказанію по приговору цехового суда, который можетъ даже исключить ихъ изъ цеха, послѣ чего исключенный не получаетъ уже земельнаго участка, а долженъ снискивать себѣ пропитаніе, какъ поденщикъ. Предлагая подобныя установленія, совершенно чуждыя русской жизни, авторъ считаетъ впрочемъ вреднымъ преграждать свободный переходъ изъ фабричныхъ работниковъ въ земледѣльцы и обратно. Полагая, что на суконныхъ, полотняныхъ, желѣзныхъ, стальныхъ и другихъ фабрикахъ исполненіе предлагаемыхъ мѣръ не встрѣтитъ препятствій, авторъ прибавляетъ: „кажется, что въ разсужденіи сихъ главныхъ фабрикъ не было бы затрудненія сдѣлать еще одинъ шагъ къ совершенствованію состоянія мануфактуристовъ, а именно: *отпустить ихъ совсѣмъ на волю* за извѣстный въ вознагражденіе платежъ, вносимый ими мало-по-малу помѣщику, и сверхъ того поставить имъ условіемъ, чтобы они оставались при фабрикахъ нѣкоторое опредѣленное время. Такимъ образомъ составится совершенно вольный классъ фабрикантовъ“ (такъ называли тогда фабричныхъ рабочихъ), „коихъ и дѣти останутся въ семъ званіи“, никогда не будетъ недостатка въ

фабричныхъ работникахъ, и капиталисты, не имѣющіе крѣпостныхъ людей, не встрѣтятъ затрудненій въ устройствѣ фабрикъ. Авторъ думаетъ, что этотъ свободный классъ фабричныхъ могъ бы доставить и для земледѣлія значительное число вольныхъ работниковъ, въ которыхъ чувствуется сильный недостатокъ. Если бы помѣщики устроили небольшіе участки для отдачи ихъ по контрактамъ въ аренду вольнымъ людямъ, то въ фабричномъ классѣ нашлись бы скоро работники для арендованія сихъ земель, и такимъ образомъ появились бы искусные и зажиточные хозяева, способные къ управленію большими имѣніями.

Заключеніе мнѣнія, также какъ и нѣкоторыя отдѣльныя его черты, сильно напоминаетъ увѣнчанное вольнымъ экономическимъ обществомъ сочиненіе Якоба, и какъ поэтому, такъ и по логичности и научности его изложенія мы полагаемъ, что оно составлено этимъ ученымъ. Образцовое хозяйство, описываемое въ началѣ второй редакціи мнѣнія, принадлежитъ южной Россіи, которая могла быть знакома Якобу, по его службѣ въ Харьковѣ; и тутъ нѣкоторыя мѣста живо напоминаютъ его мнѣнія [1].

Когда разсматриваемое сочиненіе было представлено въ 1814 году во второй, русской, редакціи, то общество опять не одобрило его, потому что авторъ, описывая, какъ практическую попытку рѣшенія задачи, обширное хозяйство, „беретъ сей примѣръ изъ такихъ губерній, коихъ законы и обычаи никакъ не могутъ быть примѣнены къ прочимъ; со всѣмъ тѣмъ нѣтъ удостовѣренія во взаимныхъ выгодахъ (то-есть фабричныхъ и земледѣльческихъ работниковъ, какъ это требовалось обществомъ): „*а притомъ смѣшеніе вольныхъ мастеровыхъ и промышленниковъ съ своими людьми ни мало не соотвѣтствуетъ задачѣ*" [2]). Нужно думать, что въ этомъ и заключается главная причина двукратнаго неодобренія изложеннаго мнѣнія: предложеніе автора о дарованіи фабричнымъ рабочимъ личной свободы, хотя и обставленное извѣстными условіями, быть можетъ показалось слишкомъ либеральнымъ.

Авторы другихъ отвѣтовъ—объ отдѣленіи фабричныхъ работниковъ отъ земледѣльцевъ—не давали *такого обстоятельнаго плана* необходимыхъ для этого мѣръ: они указывали лишь нѣкоторые элементы, пригодные для составленія класса людей, занимающихся исключительно фабричнымъ трудомъ. Прежде всего многіе считали чрезвычайно удобнымъ для этого матеріаломъ дворовыхъ, которыхъ одинъ изъ нихъ называетъ „настоящею саранчею въ человѣческомъ видѣ". По словамъ другого, при владѣльческихъ домахъ и вотчинахъ „толкаются безплодно... толпы тунеядцевъ дворни — лакеевъ, поваренныхъ, конюшенныхъ, театральныхъ и собачьихъ прислужниковъ или псарей и нерѣдко *при случаяхъ слугъ*... Число таковыхъ праздныхъ тунеядцевъ не ошибочно познать можно въ Москвѣ, также на подъѣздахъ [illegible] и по большимъ ярмаркамъ въ южныхъ

---

[1]) Такъ, [illegible] помѣщикамъ крестьянскихъ [illegible] *одинаковой величины*.

[2]) „Труды Вольн. Эк. Общ." 1815 г., т. 67, стр. 339.

провинціяхъ, гдѣ ихъ собирается при своихъ владѣльцахъ не эскадроны только, но цѣлыя полчища". „Сіи люди,—говоритъ одинъ изъ авторовъ,—не имѣя никакого дѣла и привыкши къ праздности, занимаются почти сплошь карточною игрою, пьянствомъ, распутствомъ и проч., что ихъ часто доводитъ до воровства, смертоубійства и прочихъ пороковъ". Упомянемъ кстати, что когда, при императорѣ Николаѣ I, чрезмѣрное обиліе дворни особенно озабочивало правительство, и по вопросу объ измѣненіи ихъ быта собиралось два секретныхъ комитета, подъ предсѣдательствомъ государя, въ журналѣ „Библіотека для Чтенія" за 1842 годъ появилась статья Шелехова (автора сельско-хозяйственныхъ очерковъ во многихъ журналахъ того времени), гдѣ высказывалась та же мысль, которую мы только-что встрѣтили въ неизданныхъ мнѣніяхъ 1812—1814 гг.—о полезности обращенія дворовыхъ людей въ фабричныхъ работниковъ.

Кромѣ дворовыхъ, авторы отвѣтовъ на задачу экономическаго общества совѣтовали набирать мальчиковъ и дѣвочекъ изъ большихъ крестьянскихъ семей, и особенно сиротъ, для постепеннаго пріученія къ фабричной работѣ. Наконецъ, въ малоземельныхъ вотчинахъ рекомендовалось часть крестьянъ съ ихъ семьями обращать въ постоянныхъ фабричныхъ работниковъ и поселять ихъ при фабрикахъ, а отобранную у нихъ землю раздавать остальнымъ крестьянамъ. Упомянемъ еще, что одинъ авторъ совѣтовалъ назначить наградою за особенно успѣшный трудъ фабричнаго работника—дарованіе свободы [1].

Къ счастію, какъ мы уже говорили, ни одинъ изъ отвѣтовъ на задачу объ отдѣленіи фабричныхъ работниковъ отъ земледѣльцевъ одобренъ не былъ, и такимъ образомъ они не могли произвести вреднаго для крестьянъ вліянія на нашихъ помѣщиковъ. Впрочемъ, нельзя не признать, что и безъ того фабричная промышленность въ первой половинѣ XIX вѣка все болѣе и болѣе развивалась въ дворянскихъ имѣніяхъ къ великому прискорбію для ихъ крѣпостнаго населенія.

---

[1]) Арх. вольн. эк. общ. кн. 150, л. 240—243, 343—348, 380—385, 401—402, кн. 208, отвѣтъ 1814 г. № 13.

ГЛАВА XX.

Взгляды Сперанскаго на крестьянскій вопросъ.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы познакомились съ тѣми вышедшими въ свѣтъ въ первую половину царствованія императора Александра сочиненіями, въ которыхъ затрогивался крестьянскій вопросъ. По поводу труда Стройновскаго намъ пришлось изучить вызванныя имъ возраженія, циркулировавшія въ рукописи и, несомнѣнно, имѣвшія значительное вліяніе на общество. Теперь мы считаемъ необходимымъ познакомиться съ цѣлымъ рядомъ мнѣній по крестьянскому вопросу, не появившихся въ свое время въ печати, но, тѣмъ не менѣе, имѣвшихъ огромное значеніе для своего времени, такъ какъ они высказывались выдающимися и вліятельными людьми этой эпохи. Многія изъ нихъ, подобно возраженію Ростопчина на книгу Стройновскаго, сдѣлались извѣстными государю и, быть можетъ, имѣли свою долю вліянія на его отношеніе къ этому вопросу; другія, распространяясь въ спискахъ среди интеллигентнаго общества, поддерживали въ немъ интересъ къ этому важному дѣлу и возбуждали горячіе споры между защитниками и противниками освобожденія крестьянъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по прекращеніи засѣданій неофиціальнаго комитета, преобладающее значеніе при императорѣ Александрѣ получилъ Сперанскій. Мы не можемъ входить здѣсь въ оцѣнку его общихъ политическихъ взглядовъ [1], но извѣстно, что, въ своихъ планахъ государственныхъ преобразованій, онъ съ справедливою строгостью относился къ порокамъ и недостаткамъ существующаго общественнаго строя, согласно съ желаніями самого государя стремился замѣнить произволъ учрежденіями, основанными на строгой законности и выборномъ началѣ, желалъ ввести въ Россіи конституцію, но, къ сожалѣнію, подобно Морд-

[1] См. подробное изложеніе ихъ въ сочиненіи А. Н. Пыпина „Общественное движеніе при Александрѣ I“, изд. 2-е. Спб. 1885 г.

вающую, увлекался при этомъ нѣкоторыми весьма незначительными сторонами англійской жизни: такъ, онъ желалъ ввести чуждый русской жизни маіоратъ и искусственно развить у насъ аристократію на подобіе англійской. На первомъ планѣ у него стояли реформы политическія, и въ этомъ отношеніи онъ не выдерживаетъ сравненія со своимъ образованнымъ современникомъ Н. И. Тургеневымъ, ясно сознававшимъ, какую важную услугу народу могла оказать самодержавная власть при уничтоженіи крѣпостнаго права; но тѣмъ не менѣе Сперанскій хорошо понималъ, что ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ рабство существовать не можетъ и признавалъ необходимость постепеннаго уничтоженія крѣпостнаго права. Предпочтеніе, отдаваемое имъ политическимъ реформамъ, было, однако, вредно въ томъ отношеніи, что, при большомъ вліяніи, которое въ теченіе извѣстнаго времени Сперанскій имѣлъ на императора Александра, онъ до извѣстной степени отвлекалъ вниманіе государя отъ самаго насущнаго вопроса русской жизни.

Со взглядами Сперанскаго на крестьянскій вопросъ въ то время, когда онъ стоялъ у кормила правленія, знакомитъ насъ его обширный планъ государственнаго устройства, составленный въ 1809 г. и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не напечатанный цѣликомъ. Въ печати мы имѣемъ только нѣкоторыя извлеченія изъ него и изложеніе его содержанія, сдѣланныя въ переводѣ на французскій языкъ въ книгѣ Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes" (т. III, стр. 292—328). Мы имѣли возможность познакомиться съ хранящеюся въ императорской публичной библіотекѣ подлинною черновою рукописью Сперанскаго, озаглавленною *Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ* [1]. Остановимся на тѣхъ мѣстахъ „Введенія", которыя касаются крестьянскаго вопроса.

---

[1] Сравнивая ее съ тѣмъ, что напечатано у Н. Тургенева, мы находимъ, что въ его трудѣ на стр. 292—295, подъ заглавіемъ „Extraits de l'introduction au projet d'une organisation constitutionnelle de l'État", приведены по-французски отрывки изъ этой рукописи, кромѣ § III „Sur l'insuffisance et l'incertitude des lois existantes", котораго въ рукописи нѣтъ. Затѣмъ, начиная со стр. 296 идутъ извлеченія изъ другаго труда Сперанскаго, который Тургеневъ называетъ „Projet d'une organisation constitutionnelle de l'État". Всей первой части этого произведенія („Considérations générales", стр. 296—300) мы не находимъ въ рукописи Публичной Библіотеки; вторая же часть, составляющая обширный очеркъ государственныхъ реформъ, изложенный Тургеневымъ на стр. 300—328, вполнѣ находится въ рукописи Публичной Библіотеки. Такимъ образомъ, отсутствуетъ часть труда, которая, вѣроятно, [illegible]

Указавъ, прежде всего, на то, что рабство бываетъ двухъ родовъ: политическое и гражданское, Сперанскій замѣчаетъ, что крѣпостные находятся во второмъ положеніи, такъ какъ они „не только не имѣютъ никакого участія въ силахъ государственныхъ", но не могутъ также „располагать лицомъ ихъ и собственностію". Далѣе авторъ упоминаетъ о „весьма примѣчательномъ" законѣ императора Павла относительно трехдневной барщины, первомъ въ этомъ родѣ „со времени укрѣпленія крестьянъ помѣщикамъ", а затѣмъ перечисляетъ мѣры, принятыя въ царствованіе императора Александра I, причемъ называетъ лифляндское уложеніе 1804 года „примѣромъ и опытомъ ограниченія повинностей крестьянскихъ". Тутъ же Сперанскій, подобно Пнину, высказываетъ мысль, что образованіе народа должно не предшествовать освобожденію, а слѣдовать за нимъ. „Къ чему послужитъ рабу просвѣщеніе?" говоритъ онъ: „къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія". Упомянувъ о томъ, что было время, когда теперешніе крѣпостные могли имѣть собственность и пользовались правомъ перехода съ мѣста на мѣсто, Сперанскій замѣчаетъ, что хотя „рабы всегда и вездѣ существовали: въ самыхъ республикахъ число ихъ почти равнялось числу гражданъ, а участь ихъ тамъ была еще горше, нежели въ монархіяхъ", но что „не должно, однако же, изъ сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Мы видимъ, напротивъ, продолжаетъ авторъ, государства обширныя и многонаселенныя, въ коихъ рабство сего рода мало-по-малу уничтожалось. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы и въ Россіи не могло оно уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры. Но чтобы мѣры сіи были дѣйствительны, онѣ должны быть постепенны. Гражданская свобода, говоритъ далѣе Сперанскій, имѣетъ два главные вида: свобода личная и свобода вещественная. Существо первой состоитъ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) безъ суда никто не можетъ быть наказанъ; 2) никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другаго". Въ примѣчаніи къ этому мѣсту своего труда авторъ поясняетъ: „Первое изъ сихъ положеній даетъ крѣпостнымъ людямъ право суда и, отъемля его отъ помѣщиковъ, ставитъ ихъ наравнѣ со всѣми передъ закономъ. Второе предложеніе отъемлетъ право отдавать въ службу безъ очереди. На сихъ двухъ основаніяхъ утверждается личная свобода". Затѣмъ авторъ продолжаетъ: „Существо свободы втораго рода, т.-е. ве-

и т. е. что Тургеневъ называетъ „Проектомъ конституціонной организаціи государства". Такъ какъ замѣчательная рукопись Сперанскаго, хранящаяся въ Публичной Библіотекѣ, до сихъ поръ не напечатана, то мы приведемъ изъ нея значительныя выписки. Кромѣ подлинной рукописи Сперанскаго, въ Публичной Библіотекѣ хранится еще сокращенная редакція его труда на французскомъ языкѣ, написанная рукой Ф. И. Цейера; она озаглавлена „Projet d'organisation générale de l'Empire.

щественной, основано на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Всякій можетъ располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; безъ суда никто собственности лишенъ быть не можетъ. 2) Никто не обязанъ отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, какъ по закону или по условію, а не по произволу другаго".

То, что затѣмъ слѣдуетъ, мы находимъ въ рукописи Сперанскаго въ двухъ редакціяхъ: первая, болѣе рѣшительная, зачеркнута авторомъ и, вмѣсто нея, написано совершенно другое. Въ первой мы читаемъ: „Сравнивая сіи два рода гражданской свободы" (то-есть личной и вещественной), „легко можно примѣтить, что первую изъ нихъ, то-есть *личную*, можно ввести въ Россіи нынѣ же и безъ всякой постепенности. Къ сему должно только: 1) установить крестьянскіе суды и сельскую полицію; 2) подчинить рекрутскіе наборы въ селеніяхъ помѣщичьихъ тѣмъ же правиламъ, какія существуютъ въ селеніяхъ казенныхъ. Но *вещественную* свободу дотолѣ нельзя ввести во всей полнотѣ ея, доколѣ крестьяне помѣщичьи не будутъ имѣть собственности: ибо дать право располагать собственностью тогда, когда ея еще нѣтъ, есть дать право ничтожное. Изъ сего слѣдуетъ, что въ настоящемъ положеніи можно только признать сіе право вообще и приуготовить его дѣйствіе, разрѣшивъ помѣщичьимъ крестьянамъ пріобрѣтеніе недвижимой собственности; до того же времени какъ собственность сія будетъ пріобрѣтена, должно по необходимости ограничиться тѣмъ, чтобы учредить повинности крестьянскія къ помѣщикамъ на законѣ, что и составляетъ главный предметъ сельскаго уложенія. Изъ сего слѣдуетъ, что въ коренномъ законѣ нужно нынѣ же постановить общимъ правиломъ равенство гражданскихъ правъ, какъ личныхъ, такъ и вещественныхъ, для всѣхъ подданныхъ, и, слѣдовательно, не допускать никакого въ семъ отношеніи раздѣленія состояній". Такимъ образомъ, въ этой первой редакціи Сперанскій требуетъ, чтобы помѣщики были немедленно лишены права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и сдавать ихъ въ рекруты безъ очереди, чтобы установлены были крестьянскіе суды и, наконецъ, чтобы повинности крестьянъ были опредѣлены особымъ закономъ.

Во второй редакціи Сперанскій задается совершенно другими вопросами, а именно, что гражданская свобода не можетъ быть предоставлена всѣмъ подданнымъ безъ всякаго различія, такъ, „служба высшихъ чиновъ въ порядкѣ судномъ, въ управленіи и въ войскѣ" требуетъ особой подготовки „наукою и воспитаніемъ"; что касается „свободы вещественной", то владѣніе „собственностью населенною" также „предполагаетъ такія отношенія, къ коимъ не всѣ могутъ быть способны": нельзя было бы допустить, чтобы разбогатѣвшій помѣщичій крестьянинъ купилъ деревню, населенную другими подобными крестьянами, и управлялъ бы ею по за-

кону, тогда какъ власть его, воспитаніемъ не приуготовленная, ни познанія закона, ни моральнаго къ себѣ уваженія пріобрѣсти не можетъ[1]. Далѣе, перечисляя общія гражданскія права, Сперанскій опять повторяетъ, что никто не можетъ быть наказанъ безъ суда и никто не обязанъ нести личную службу по произволу другаго; но, все-таки, требованіе учрежденія сельскихъ судовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не было здѣсь выражено такъ ясно, какъ въ первой редакціи. Затѣмъ въ перечнѣ „особенныхъ гражданскихъ правъ", не всѣмъ доступныхъ, упомянувъ о пріобрѣтеніи населенной недвижимой собственности, авторъ ставитъ условіемъ, чтобы ею управляли „не иначе, какъ по закону"; въ первой же редакціи мы находимъ гораздо болѣе категорическое требованіе, чтобы въ „сельскомъ уложеніи" были точно опредѣлены повинности крестьянъ относительно помѣщиковъ.

Далѣе въ разсматриваемомъ трудѣ Сперанскаго мы встрѣчаемъ энергическій протестъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Россіи, котораго трудно было даже ожидать отъ такого рьянаго западника, какимъ былъ его авторъ. Упомянувъ о томъ, что въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ „земли обработываются большею частью наймомъ и крестьяне не имѣютъ твердой осѣдлости", Сперанскій продолжаетъ: „Въ Россіи распорядокъ сей былъ бы невозможенъ: 1) потому, что воинская наша система и пространство земель ненаселенныхъ непремѣнно требуютъ осѣдлости, 2) что наймомъ обработывать у насъ земель по пространству ихъ и по малости населенія также невозможно; 3) наконецъ, если бы система сія и была возможна, то въ нравственныхъ уваженіяхъ участь крестьянина симъ безмѣрно бы отяготилась, а земледѣліе потерпѣло бы великую разстройку. Участь крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, не-

[1] Во французской, сокращенной редакціи труда Сперанскаго, написанной рукою [illegible] ... тѣмъ образомъ ... [illegible] ... было бы трудно ... [illegible] ... въ Россіи ... [illegible]
тупи: затѣмъ они дадутъ ростки и современемъ разовьются".

сравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы уже всѣ рабочіе люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ".

Въ отдѣлѣ о правахъ состоянія Сперанскій говоритъ, что принадлежащіе къ классу „рабочаго народа", въ составъ котораго входятъ и помѣщичьи крестьяне, могутъ переходить въ средній классъ, пользующійся и политическими правами, подъ условіемъ пріобрѣтенія недвижимой собственности въ извѣстномъ количествѣ и исполненія повинностей по прежнему состоянію.

Не останавливаясь на другихъ сторонахъ плана Сперанскаго, не касающихся крестьянскаго вопроса, какъ, напримѣръ, порядка выбора въ „государственную думу", депутатами въ которой могутъ быть только дворяне и лица средняго состоянія (въ томъ числѣ и крестьяне, владѣющіе недвижимою собственностью), замѣтимъ только, что въ отдѣлѣ, посвященномъ правамъ высшаго сословія, мы находимъ требованіе, чтобы дворяне непремѣнно несли гражданскую или военную службу, по своему выбору, не менѣе 10 лѣтъ, такъ что дѣти потомственнаго дворянина, по проекту Сперанскаго, только отслуживъ указанный срокъ, должны дѣлаться потомственными дворянами, а до тѣхъ поръ они принадлежатъ къ дворянству личному. Но, въ то же время, однако, Сперанскій не соглашается на сохраненіе закона Петра Великаго, предоставлявшаго возможность пріобрѣтать службою потомственное дворянство, которое по его проекту даруется императорскою властью за особыя заслуги. Замѣтимъ, что того же требовали въ екатерининской законодательной коммиссіи и такіе аристократы, какъ князь Щербатовъ, для которыхъ петровская табель о рангахъ, давшая возможность проникать въ среду дворянства людямъ низшихъ сословій, была самымъ ненавистнымъ закономъ.

Переходимъ теперь къ другому труду Сперанскаго (или другой части его труда) — къ „проекту конституціонной организаціи государства" и остановимся на тѣхъ мѣстахъ его, которыя посвящены крестьянскому вопросу.

Сперанскій указываетъ на то, какъ вредно отражается существованіе крѣпостнаго права на нашемъ общественномъ строѣ и, подобно одному современнику иностранцу, французу Пассенану, издавшему въ концѣ царствованія Александра I любопытное сочиненіе о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, замѣчаетъ связь между произволомъ внизу и вверху общественной іерархіи. „Я хотѣлъ бы, — говоритъ онъ, — чтобы кто-нибудь указалъ мнѣ, какая разница въ отношеніяхъ крѣпостныхъ къ ихъ господамъ и дворянъ къ неограниченному монарху. Развѣ послѣдній не имѣетъ надъ дворянами той же власти, какъ они надъ своими рабами? Такимъ образомъ, вмѣсто пышнаго дѣленія русскаго народа на различныя сословія — дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и т. д., — я нахожу, — продолжаетъ Сперанскій, — только два сла-

са рабовъ самодержца и рабовъ землевладѣльца. Первые свободны только сравнительно съ послѣдними; въ дѣйствительности же, въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, исключая нищихъ и философовъ. Отношенія, въ которыя поставлены между собою оба эти класса рабовъ, окончательно уничтожаютъ всякую энергію въ русскомъ народѣ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы дворяне были также подчинены коронѣ... Престолъ всегда представляется крѣпостнымъ, какъ единственный противовѣсъ могуществу ихъ господъ". Послѣдствіемъ такого порядка вещей является невозможность для народа какого-либо дѣйствительнаго успѣха въ просвѣщеніи. Развивая подробнѣе уже ранѣе высказанную имъ мысль, что не слѣдуетъ давать образованія рабамъ, и самымъ рѣзкимъ образомъ расходясь въ этомъ отношеніи съ нашими ярыми защитниками крѣпостнаго права, вродѣ Карамзина, Сперанскій говоритъ: „Въ самомъ дѣлѣ, что такое образованіе, просвѣщеніе для народа-раба, какъ не средство живѣе почувствовать свое несчастное положеніе, какъ не источникъ волненій, которыя могутъ только способствовать еще большему его закрѣпощенію или подвергнуть страну всѣмъ ужасамъ анархіи? Изъ человѣколюбія, столько же, какъ изъ политики, нужно оставить рабовъ въ невѣжествѣ, если не хотятъ дать имъ свободы". Если не предпринять коренныхъ реформъ въ государственномъ устройствѣ, то нужно отказаться отъ всякихъ усилій на пользу народнаго образованія, отъ усовершенствованія промышленности, отъ всякаго возвышенія національнаго характера, наконецъ, „отъ улучшенія положенія низшаго класса народа", „плоды трудовъ" котораго „будутъ всегда поглощаемы роскошью высшаго класса". Какія же мѣры считаетъ необходимыми Сперанскій для измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ по окончаніи политическихъ реформъ? Изложивъ далѣе планъ преобразованія относительно дворянства (изъ среды котораго онъ желаетъ выдѣлить высшіе классы и создать изъ нихъ аристократію, основанную на правѣ первородства, чего мы вовсе не находимъ въ его „Введеніи"), онъ продолжаетъ: „Правда, что, несмотря на эти измѣненія, дворянство сохранитъ прерогативу, которая все еще будетъ отличать его отъ другихъ классовъ: оно будетъ, попрежнему, владѣть крестьянами. Но, какія бы трудности ни представляло ихъ освобожденіе, крѣпостное право до такой степени противорѣчитъ здравому смыслу, что на него можно смотрѣть лишь какъ на временное зло, которое неминуемо должно имѣть свой конецъ". Далѣе онъ предлагаетъ раздѣлить дѣло освобожденія на двѣ эпохи: въ первой ограничиться опредѣленіемъ повинностей, которыя владѣлецъ можетъ законно требовать отъ крестьянина [1]). Въ то же время, въ интересѣ самихъ владѣльцевъ, устано-

[1]) Мы видѣли, что этого требовалъ Сперанскій и въ своемъ „Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ".

вить какую-нибудь судебную власть, которая будетъ рѣшать споры между ними и земледѣльцами... Такимъ образомъ, и безъ особаго формальнаго закона крестьяне изъ крѣпостныхъ или рабовъ, каковы они теперь, сдѣлаются только прикрѣпленными къ землѣ, *glebae adscripti*. Это будетъ первая степень ихъ освобожденія. Къ этой мѣрѣ можно было бы прибавить двѣ другія, которыя состояли бы: первая — въ обращеніи подушной подати въ поземельный налогъ; вторая — въ предписаніи означать при совершеніи актовъ не число душъ, но пространство земли, составляющей предметъ сдѣлки. Во вторую эпоху, которой, впрочемъ, должны предшествовать различныя второстепенныя постановленія, крѣпостнымъ крестьянамъ будетъ возвращено ихъ древнее право свободнаго перехода отъ одного землевладѣльца къ другому [1]).

Слѣдовательно, планъ крестьянской реформы, предложенный Сперанскимъ, завершался, въ концѣ-концовъ, предоставленіемъ имъ земли въ пользованіе за опредѣленныя повинности и дозволеніемъ имъ свободнаго перехода. Очень важно то, что Сперанскій совѣтовалъ начать не съ дарованія крестьянамъ личной свободы безъ земли (онъ даже энергически протестовалъ противъ этого въ своемъ „Введеніи“), а рекомендовалъ предварительно ограниченіе крѣпостнаго права посредствомъ установленія закономъ размѣра повинностей и предоставленія крестьянамъ права жаловаться на господина: то и другое было дѣйствительно прежде всего и настоятельно необходимо.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что Сперанскій не заслуживаетъ упрека, который ему дѣлаютъ нѣкоторые ученые [2]) въ совершенномъ будто бы игнорированіи крестьянскаго вопроса въ его планѣ государственнаго преобразованія. Однако, ограниченіе крѣпостнаго права онъ, дѣйствительно, ставилъ далеко не на первомъ планѣ, и если изъ предложенныхъ имъ реформъ управленія не было осуществлено самое важное, то тѣмъ болѣе дѣло не дошло до исполненія предположеній въ пользу крестьянъ [3]).

[1]) См. приложеніе къ сочиненію Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes“ т. III, 291—312.

[2]) Напримѣръ, Васильчиковъ въ своемъ сочиненіи „Семейство Разумовскихъ“ т. II, стр. 61.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить также, что были случаи, когда въ вопросахъ, касающихся крестьянскаго быта, Сперанскій держалъ себя не такъ, какъ слѣдовало бы человѣку, желающему ограниченія помѣщичьей власти. Вотъ примѣръ. На основаніи закона 1804 г. о лифляндскихъ крестьянахъ назначеніе рекрутъ и вообще всѣ распоряженія по отбыванію воинской повинности возложены были на крестьянъ, безъ участія помѣщиковъ. Между тѣмъ въ 1811 г. ландратъ Сиверсъ, извѣстный уже намъ горячій дѣятель на пользу крестьянъ въ Лифляндіи, довелъ до свѣдѣнія правительства, что нѣкоторые лифляндскіе помѣщики получали квитанціи за ратниковъ, поставленныхъ въ милицію изъ ихъ крестьянъ, и торговали ими на основаніи именнаго указа, изданнаго для

Въ 1816 году Сперанскій былъ назначенъ губернаторомъ въ Пензу. Въ этой губерніи съ самой его ссылки ходила молва, что государевъ любимецъ былъ оклеветанъ, и многіе помѣщичьи крестьяне даже заказывали молебны за его здоровье и ставили свѣчи. Дослужась, говорили они, изъ грязи до большихъ чиновъ и должностей и будучи умнѣе всѣхъ царскихъ совѣтниковъ, онъ *сталъ за крестьянъ*, подалъ государю проектъ объ ихъ освобожденіи и тѣмъ возмутилъ противъ себя всѣхъ господъ, которые за это собственно, а не за предательство какое-нибудь, рѣшились его погубить. Поэтому пензенскіе крестьяне очень обрадовались при вѣсти о назначеніи къ нимъ Сперанскаго губернаторомъ, а помѣщики сильно приуныли. Новый правитель губерніи скоро имѣлъ случай показать, что не намѣренъ смотрѣть сквозь пальцы на тиранства помѣщиковъ, но, въ то же время, онъ заставилъ разочароваться въ немъ крестьянъ, принявъ энергическія мѣры для усмиренія одного ихъ волненія [1]. Переписка Сперанскаго знакомитъ насъ со взглядами его на крестьянскій вопросъ въ эту эпоху его жизни. Императоръ Александръ въ своей извѣстной рѣчи въ Варшавѣ, при открытіи польскаго сейма въ мартѣ 1818 года, сказалъ, между прочимъ, что онъ надѣется „распространить спасительное дѣйствіе либеральныхъ учрежденій на всѣ страны, которыя ввѣрены Провидѣніемъ его попеченію" [2]. Очень многіе въ Россіи поняли это такимъ образомъ, что государь желаетъ дать свободу крѣпостнымъ, и опасались, что слухъ этотъ проникнетъ въ народъ. Вотъ что писалъ по этому поводу Сперанскій въ началѣ мая мѣсяца того же года своему пріятелю Столыпину, разрѣшая показать это письмо министру финансовъ Гурьеву, вслѣдствіе чего оно имѣетъ для насъ еще болѣе интереса: „Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣ припадки страха

всей имперіи, которыми [illegible] рѣшается. Сперанскій признавалъ [illegible] результатами, а потому [illegible] положеніе 1824 г. и [illegible] отобраны у помѣщиковъ [illegible] Самаринъ „Окраины Россіи" VI, [illegible]—92. [illegible] Сперанскаго. [illegible] т. I, 509.

[2]) Богдановичъ. „Исторія царст. Александра I", т. V, прилож., стр. 75.

и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью. Призраки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда. И хотя теперь все еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго ручаться невозможно. Опасность не въ существѣ дѣла; ибо нельзя себѣ представить (хотя и представляютъ многіе), чтобы правительство пустило на отвагу дѣло столь важное и не пріуготовило бы всѣ пути его установленіями постепенными и твердыми, безъ колебанія и торопливости. Но опасность состоитъ именно въ семъ страхѣ, который теперь вездѣ разливается". Какъ только онъ будетъ замѣченъ крестьянами среди нихъ окончательно утвердится уже существующее мнѣніе, что правительство даровало свободу и что „только помѣщики не допускаютъ или таятъ ея провозглашеніе. Что за симъ слѣдуетъ —вообразить ужасно, но всякому понятно... Говорю не изъ трусости, хотя, правду сказать, *отваживаю не менѣе другихъ, отваживая Хоченьки* (имѣніе Сперанскаго), *т.-е. 30,000 руб. дохода*, все что имѣю и имѣть могу". Припомнивъ желаніе Сперанскаго, чтобы это письмо было показано министру Гурьеву, мы видимъ, что онъ хотѣлъ подобными совѣтами лицамъ вліятельнымъ задержать немедленное рѣшеніе крестьянскаго вопроса, причемъ въ остальной части письма онъ, попрежнему, выдвигаетъ на первый планъ реформы политическія и предлагаетъ учрежденіе комитета изъ министра финансовъ Гурьева, двухъ, трехъ губернаторовъ (въ томъ числѣ и себя) и двухъ, трехъ губернскихъ предводителей дворянства для подготовки сихъ реформъ. Въ письмѣ, приложенномъ Сперанскимъ къ предъидущему и назначенномъ имъ уже для одного Столыпина, онъ вновь указываетъ на то, какую опасность представляютъ слухи объ освобожденіи крестьянъ. „Въ собственной моей деревнѣ нонѣ чуть не пустились въ вольность за то, что староста нарядилъ крестьянъ на какую-то маловажную и времени не терпящую работу въ субботу свѣтлой недѣли". (Принужденіе крестьянъ работать наканунѣ Пасхи ужъ никакъ не похвалили бы „близорукіе либералисты", которыхъ Сперанскій свысока третируетъ въ предъидущемъ полуофиціальномъ письмѣ). Вновь рекомендуя здѣсь о необходимости учрежденія комитета, Сперанскій совѣтуетъ начинать „вещи не съ того конца, съ коего нынѣ, по общимъ слухамъ, онѣ начинаются", и, подобно Мордвинову, задаетъ вопросъ: „кто мететъ лѣстницу снизу". — „Очистите административную часть, — продолжаетъ онъ по-французски, — перейдите затѣмъ къ установленію основныхъ законовъ (des lois constitutionnelles), т.-е. *свободѣ политической*, и затѣмъ вы постепенно придете къ *свободѣ гражданской*, т.-е. къ свободѣ крестьянъ. Вотъ истинный порядокъ вещей. Въ семъ порядкѣ послѣдній вопросъ (т.-е. объ освобожденіи крестьянъ), —прямо заявляетъ Сперанскій, — *едва ли въ десять или двадцать лѣтъ приведенъ къ разрѣшенію*, и приуготовительныя работы столь огромны, а средства наши въ людяхъ и въ день-

тахъ такъ ограничены, что невозможно и думать о поспѣшности". Такъ, легко примиряясь съ замедленіемъ рѣшенія крестьянскаго вопроса Сперанскій гораздо энергичнѣе настаиваетъ на необходимости полной реформы управленія [1]).

Въ замѣткахъ, которыя сталъ набрасывать Сперанскій тутъ же въ Пензѣ въ 1819 году и которыя онъ продолжалъ въ Сибири, онъ вѣрно характеризуетъ „нужды и желанія" крестьянъ. „Чего желаетъ крестьянинъ помѣщичій? Желаетъ быть казеннымъ". Это совершенно справедливо и доказываетъ, что Сперанскій гораздо лучше понималъ нашихъ крестьянъ, чѣмъ впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, который въ запискѣ по крестьянскому вопросу, составленной имъ въ 1846 году, утверждалъ, что одно уравненіе съ казенными не удовлетворитъ нашихъ крѣпостныхъ, что крестьяне, будто бы, желаютъ полной свободы отъ податей и проч. Хорошо понимая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ народныя нужды и потребности, Сперанскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, записывалъ иногда для памяти предложенія, совершенно чуждыя русской жизни; такъ, въ одной замѣткѣ, найденной въ его бумагахъ, „О мѣрахъ къ устройству городскихъ и казенныхъ сельскихъ обывателей", онъ находитъ, между прочимъ, полезнымъ „раздѣлить состояніе крестьянъ на хозяевъ и работниковъ". Тутъ его воображенію, очевидно, представлялись остзейскія поземельныя отношенія, неизмѣримо болѣе неблагопріятныя для крестьянъ, чѣмъ нашъ аграрный строй. Относительно устройства быта крѣпостныхъ въ этихъ рукописныхъ замѣткахъ Сперанскій, опираясь на законъ о трехдневной барщинѣ, допускаетъ замѣну ея деньгами по добровольному условію, между тѣмъ какъ въ своемъ планѣ 1809 года онъ желалъ опредѣленія по закону всѣхъ повинностей, что, конечно, болѣе гарантировало интересы крестьянъ. Относительно земельнаго надѣла онъ выражаетъ желаніе, чтобы размѣръ его обезпечивалъ платежъ повинностей, воспитаніе дѣтей и проч., но и тутъ не ставилъ обезпеченіе крестьянъ землею необходимымъ условіемъ („всякая замѣна земли должна быть основана на добровольномъ согласіи") [2]).

Подробнѣе развить свои мысли о крестьянскомъ вопросѣ Сперанскому пришлось уже по смерти императора Александра въ комитетѣ 1826 года. Не останавливаясь на этотъ разъ на замѣчательной запискѣ, имъ тогда составленной, упомянемъ только, что, послѣ разныхъ мѣръ ограниченія крѣпостнаго права, Сперанскій предлагалъ, въ концѣ-концовъ, обратить крѣпостныхъ въ то положеніе, которое будетъ создано

[1]) „Рус. Архивъ", 1869 г., стр. 1697—1704.

[2]) Въ [illegible] М. М. Сперанскаго [illegible] 1872 г., стр. 811—817, 846—847.

для крестьянъ казенныхъ, но, къ сожалѣнію, въ качествѣ переходной мѣры, считалъ необходимымъ разрѣшить увольненіе ихъ цѣлыми деревнями безъ земли, съ тѣмъ, чтобы крестьяне нанимали ее по договорамъ, другими словами, совѣтовалъ уничтожить ту важную преграду ихъ обезземеленію, которую составлялъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ 1803 года. Если, такимъ образомъ, нѣкоторыя существенныя черты проекта, какъ, напримѣръ, предложеніе уравнять, въ концѣ-концовъ, бытъ крѣпостныхъ крестьянъ съ казенными, доказываетъ, что долгое пребываніе въ провинціи дало Сперанскому ясное понятіе о желаніяхъ крестьянъ, то, съ другой стороны, готовность допустить ихъ обезземеленіе составляетъ очевидный признакъ того, что онъ не совсѣмъ отрѣшился отъ англомански-остзейскихъ воззрѣній на крестьянскій вопросъ. Если оставить пока въ сторонѣ его дѣятельность въ царствованіе императора Николая, то нельзя не признать, что хотя Сперанскій ясно сознавалъ необходимость ограничить, а затѣмъ и уничтожить крѣпостное право, но онъ ничего не сдѣлалъ для этого въ пору своего наибольшаго вліянія и даже, напротивъ, проектами политическихъ реформъ отвлекалъ въ другую сторону вниманіе императора Александра отъ самой настоятельной потребности русскаго народа [1].

---

1) Либеральное мнѣніе по крестьянскому вопросу неизвѣстнаго автора, которое предлагаетъ дарованіе крестьянамъ одной личной свободы, оставляя въ собственности помѣщиковъ усадебныя земли, занятыя крестьянскими постройками, см. въ „Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс." 1862 г., т. II, Смѣсь, стр. 132—139. Общія либеральныя соображенія о вредѣ крѣпостного права для экономическаго развитія Россіи, см. въ любопытной запискѣ „Взглядъ на упадокъ торговли и финансовъ въ Россіи", составленной въ самые послѣдніе годы царствованія имп. Александра I. „Рукописный Сборн. Публичн. Библ." F. XVII, № 43, л. 193—218.

ГЛАВА XXI.

Взгляды на крестьянскій вопросъ Карамзина, Шишкова, масоновъ Лопухина и Поздѣева, Каразина и неизвѣстнаго украинскаго помѣщика.

Мы уже видѣли, что консерваторы (въ лицѣ Ростопчина) старались прямымъ вліяніемъ на императора Александра задержать рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Другимъ убѣжденнымъ и энергическимъ противникомъ либеральнаго направленія правительственной дѣятельности явился Карамзинъ, подавшій государю, въ 1811 г. въ Твери свою знаменитую записку „О древней и новой Россіи". Но прежде, чѣмъ остановиться на томъ мѣстѣ ея, которое было посвящено крестьянскому вопросу, посмотримъ, какъ еще ранѣе Карамзинъ высказался по этому предмету.

Въ своемъ „Вѣстникѣ Европы" онъ напечаталъ посвященное крестьянскому вопросу „Письмо сельскаго жителя". Если обратить вниманіе на то, что оно появилось въ сентябрѣ 1803 г. (№ 17), то будетъ очевидно, что напечатаніе его находится въ связи съ изданіемъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Консерваторы, недовольные этимъ закономъ, указывали на то, что имъ воспользуются лишь помѣщики, стремящіеся къ удовлетворенію собственной корысти, что господа, желающіе блага своимъ крестьянамъ, напротивъ, никогда не сложатъ съ себя бремени управленія вотчиной. „Ни одинъ честный и добродѣтельный человѣкъ,—писалъ Ростопчинъ въ своемъ возраженіи на книгу Стройновскаго,—не захочетъ отказаться добровольно отъ драгоцѣннаго права быть благодѣтелемъ части людей, подъ защитою его живущихъ". Эта же мысль положена въ основаніе статьи Карамзина, который былъ хорошо знакомъ въ Москвѣ съ Ростопчинымъ и, быть можетъ, даже находился въ извѣстной степени подъ его вліяніемъ. Словомъ, эта статья Карамзина была какъ бы отвѣтомъ московскихъ консерваторовъ на освободительныя начинанія петербургскихъ либераловъ. Сельскій житель, отъ имени котораго написано письмо, разсказываетъ, какъ онъ разочаровался въ своей мысли, что стоитъ только предоставить крестьянамъ возможность самимъ распоряжаться собой, и они будутъ

счастливы: передача имъ всей земли, назначеніе умѣреннаго оброка и устраненіе помѣщичьяго надзора привели, будто бы, къ объдненію крестьянъ и сильнѣйшему развитію пьянства. Такимъ образомъ, Карамзинъ высказывается вмѣстѣ съ нѣкоторыми нашими сельскими хозяевами противъ оброчной системы; дѣйствительно, она была менѣе выгодна для помѣщика, но, вопреки печальной картинѣ, набросанной авторомъ, множество фактовъ свидѣтельствуетъ, что крестьяне оброчные были зажиточнѣе барщинныхъ. Напротивъ, Карамзинъ старается здѣсь показать, что непосредственное управленіе заботливаго помѣщика приноситъ превосходные результаты. Крестьяне, разумѣется, преисполнены благодарности къ добродѣтельному господину за его попеченія, а онъ устраиваетъ еще три раза въ годъ патріархальные пиры для своихъ земледѣльцевъ, оканчивающіеся веселыми плясками. Крестьяне, подпивши, безпрестанно бросаются цѣловать руки помѣщика и называть его „самыми ласковыми именами"; само собою разумѣется, что во весь остальной годъ у нихъ не бываетъ во рту ни маковой росинки, тѣмъ болѣе что помѣщикъ не хочетъ заводить у себя питейнаго завода, какъ бы это ни было для него прибыльно. Понятно, какой выводъ имѣлъ въ виду авторъ этой идиллической картинки: Россія нуждается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ добродѣтельныхъ помѣщикахъ, заботящихся о своихъ крѣпостныхъ. Много ли было такихъ помѣщиковъ въ дѣйствительности, благопріятствовали ли ихъ появленію тѣ условія, въ которыхъ воспитывался и жилъ неограниченный повелитель ихъ душъ,—эти вопросы, естественно, приходятъ въ голову, но Карамзинъ, если и не рѣшается утверждать, что всѣ помѣщики такъ же трогательно добродѣтельны, то старается увѣрить читателя, что они, по крайней мѣрѣ, никогда не посягнутъ на собственность своего крѣпостнаго, между тѣмъ, какъ крестьяне лѣнивы и трудятся только изъ-подъ палки. „Иностранные путешественники — говоритъ онъ,— видя въ Россіи безпечную лѣность крестьянина, обыкновенно приписываютъ ее такъ называемому рабству. „Какъ ему охотно трудиться (говорятъ сіи господа), когда помѣщикъ можетъ всегда отнять у него имущество?" Я смѣю увѣрить ихъ, что такая философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ; они лѣнивы отъ природы, отъ навыка, отъ незнанія выгодъ трудолюбія. Какой господинъ, въ самомъ дѣлѣ, отниметъ у крестьянъ хлѣбъ, лошадей и другую собственность? и развѣ нѣтъ между ними богатыхъ и промышленныхъ?... У насъ много вольныхъ крестьянъ: но лучше ли господскихъ они обрабатываютъ землю? по большей части, напротивъ." Авторъ не рѣшается прямо отвергать, что продолжительное дѣйствіе свободы могло имѣть весьма полезное вліяніе [1], но онъ утверждаетъ, что

[1]) „Не смѣю утверждать, что [illegible] конечно, имѣетъ благотворныя дѣйствія".

немедленнымъ слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ было бы уменьшеніе среди нихъ хлѣбопашества и потому въ настоящее время желаетъ для нихъ только хорошихъ господъ и просвѣщенія. Заключительныя слова всей статьи выражаютъ ту же мысль, которую мы находимъ и въ приведенныхъ выше строкахъ изъ возраженія Ростопчина на книгу Строиновскаго: „Главное право русскаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должность его быть добрымъ помѣщикомъ: кто исполняетъ ее, тотъ служитъ отечеству, какъ вѣрный сынъ, тотъ служитъ монарху, какъ вѣрный подданный" [1]).

Въ другой статьѣ [2]) Карамзинъ опять рисуетъ въ розовомъ свѣтѣ положеніе нашихъ крѣпостныхъ. „Чужестранные писатели, — говоритъ онъ, — которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ несчастливы, удивились бы, если бы они могли видѣть ихъ возрастающую промышленность и богатство многихъ, видѣть, такъ называемыхъ, *рабовъ* входящихъ въ самыя торговыя предпріятія, имѣющихъ довѣренность купечества и свято исполняющихъ свои коммерческія обязательства! Просвѣщеніе истребляетъ *злоупотребленія господской власти*, которая и по самымъ нашимъ законамъ не есть тиранская и неограниченная. Россійскій дворянинъ даетъ нужную землю крестьянамъ своимъ, бываетъ ихъ защитникомъ въ гражданскихъ отношеніяхъ, помощникомъ въ бѣдственныхъ случаяхъ натуры: вотъ его обязанности! За то онъ требуетъ отъ нихъ половины рабочихъ дней въ недѣлѣ, — вотъ его право!" Все, повидимому, обстоитъ благополучно; но „просвѣщенію" приходится, однако, по заявленію автора, истреблять „злоупотребленіе господской власти", а „сельскій житель" въ своемъ письмѣ совершенно умалчивалъ объ этомъ; слѣдовательно, не всегда оброчная система невыгоднѣе для крѣпостныхъ. И далѣе, обличая безразсудную роскошь, авторъ упоминаетъ, что разорившійся человѣкъ скорѣе другого можетъ притѣснять своихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, идиллія, нарисованная „сельскимъ жителемъ", совершенно разрушается самимъ ея творцомъ.

Еще яснѣе и рѣшительнѣе высказалъ Карамзинъ свои мнѣнія по крестьянскому вопросу въ извѣстной запискѣ „О древней и новой Россіи", поданной имъ императору Александру въ 1811 г. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1804 г.) въ виду того, что торговля рекрутами принимала огромные размѣры, правительство издало указъ, въ которомъ еще разъ [illegible] рѣшительно пробовало положить этому предѣлъ [3]). Тор-

[1]) Сочиненія Карамзина, изд. Смирдина, т. III, стр. 569—580.

[2]) „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени" [illegible] стр. 585 и слѣд. (первоначально напечатано въ „Вѣстн. Евр." 1802 г., № 12).

[3]) Извѣстно, что [illegible] общества [illegible] покупали крестьянъ у [illegible] крѣпостныхъ [illegible]

говля рекрутами была запрещена при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ коммиссіи для составленія новаго уложенія большинство ораторовъ находило нужнымъ совершенное запрещеніе продажи людей въ розницу. Карамзинъ въ этомъ отношеніи отсталъ болѣе чѣмъ на 40 лѣтъ. Переходя въ запискѣ „О древней и новой Россіи" къ крестьянскому вопросу, онъ, прежде всего, находитъ нужнымъ протестовать даже противъ запрещенія торговли рекрутами [1]). Вредъ отъ этой мѣры Карамзинъ видитъ прежде всего въ томъ, что лучшіе крестьяне, прежде копившіе деньги чтобы имѣть возможность купить рекрута за свою семью, утратятъ главное побужденіе къ трудолюбію и трезвой жизни. Крѣпостные „тирана-помѣщика", который, изъ жадности къ деньгамъ, могъ бы продать ихъ въ рекруты, также не сдѣлаются счастливѣе. (Казалось бы, не трудно, кромѣ продажи въ рекруты, найти иное средство для улучшенія ихъ быта, а именно ограниченіе закономъ крѣпостнаго права, но Карамзинъ желалъ, чтобы все осталось по старому). Наконецъ, помѣщики потеряли бы, такимъ образомъ, возможность сбывать въ рекруты своихъ лѣнивыхъ и вообще нравственно испорченныхъ крѣпостныхъ и утратили бы важное средство устрашенія относительно своихъ людей. Рисуя еще въ статьяхъ „Вѣстника Европы" идеальныя картины положенія крѣпостныхъ Карамзинъ, конечно, и въ запискѣ „О древней и новой Россіи" не могъ отнестись сочувственно къ освободительнымъ стремленіямъ правительства, противъ которыхъ онъ выдвигаетъ аргументы, основанные на исторіи. „Нынѣшніе господскіе крестьяне,—говоритъ онъ,—никогда не были собственниками земли, и она неотъемлемо принадлежитъ дворянамъ; крестьяне—потомки холоповъ—также „законная собственность" дворянъ, и потому не могутъ получить даже личной свободы безъ вознагражденія помѣщиковъ. Такимъ образомъ, только вольные, укрѣпленные Годуновымъ за господами, могутъ справедливо требовать прежней свободы; но такъ какъ мы не знаемъ теперь, кто изъ нихъ происходитъ отъ холоповъ и кто отъ вольныхъ, то законодателю очень трудно распутать этотъ гордіевъ

[illegible] П. С. З. XXVIII. № 21 [illegible]

[2]) [illegible] ніемъ,—вмѣсто сего запрещаютъ продажу и куплю рекрутъ"

узелъ, „если онъ не имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объявивъ, что всѣ люди свободны“. Карамзинъ признаетъ, что самодержавный государь можетъ отмѣнять законы своихъ предшественниковъ, но спѣшитъ оговориться „что благоразумный самодержецъ отмѣняетъ единственно тѣ уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими“. Онъ не допускаетъ и мысли о возможности другаго освобожденія крестьянъ, какъ безъ земли; но, ставъ на такую точку зрѣнія, онъ справедливо указываетъ на вредъ для самихъ крѣпостныхъ отъ безземельнаго освобожденія: въ этомъ заключается единственная полезная сторона разбираемой записки по отношенію къ крестьянскому вопросу. Господа могутъ предписать крестьянамъ самыя тяжелыя условія за пользованіе землею, говоритъ авторъ: „дотолѣ щадили они въ крестьянахъ свою собственность, — тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ“ [1]) — мысль, составляющая повтореніе того, что говорилъ и Ростопчинъ въ своемъ возраженіи на сочиненіе Строиновскаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Карамзинъ повторяетъ и всѣ затасканные доводы крѣпостниковъ, знакомые намъ еще со времени императрицы Екатерины II. Если крестьяне начнутъ переходить съ мѣста на мѣсто, то не потерпитъ ли казна убытка въ сборѣ податей, не пострадаетъ ли земледѣліе? Крестьяне, лишенные помѣщичьяго надзора, начнутъ пьянствовать, сорить, заводить тяжбы. Однако, если даже не говорить объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, такъ какъ эта идея была мало распространена въ эпоху Александра I, то, все таки между сохраненіемъ status quo и безземельнымъ освобожденіемъ есть еще средній исходъ — серьезныя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права; но Карамзинъ, утѣшая себя тѣмъ, что „крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ налогомъ или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго попечителя и заступника“, и, забывая о „тиранахъ-помѣщикахъ“, которыхъ онъ вызывалъ, какъ аргументъ за сохраненіе торговли рекрутами, не требуетъ ограниченія помѣщичьей власти точнымъ закономъ, а довольствуется предложеніемъ „подъ рукою“ взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ“, что легко можно достигнуть посредствомъ одного губернаторскаго надзора. Противъ совершеннаго же освобожденія крестьянъ онъ находитъ нужнымъ еще разъ, и весьма энергично, протестовать: „Не знаю, — говоритъ онъ, — хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ сво-

[1]) [illegible] II, 179.

боду (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны), и знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ. Мнѣ кажется, осмѣливается онъ также сказать, — что *для твердости бытія государственнаго безопаснѣе поработить людей, нежели дать имъ не во время свободу*, къ которой надобно готовить ихъ исправленіемъ нравственнымъ“. Не даромъ Карамзинъ былъ историкомъ „государства россійскаго“: интересы народа были для него на второмъ планѣ; но, какъ историку, ему стыдно было забыть разиновщину и пугачевщину и, такимъ образомъ, упустить изъ виду, что порабощеніе людей — плохой фундаментъ для прочнаго государственнаго зданія. Также плохо продумано было и требованіе предварительнаго нравственнаго улучшенія крѣпостныхъ крестьянъ, для которыхъ помѣщики не заводили даже и простыхъ школъ грамотности. Въ заключеніе, онъ обращается къ императору Александру съ слѣдующими словами: „Государь! исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (*„положимъ“*, какъ бы противъ воли соглашается онъ, „что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло“), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ“[1]).

Современники осуждали отношеніе Карамзина къ крѣпостному праву и въ его исторіи. „Онъ легко скользитъ по этому предмету, — говоритъ Н. Тургеневъ — всякій разъ, какъ онъ ему встрѣчается, и если находятся вещи, которыя онъ совершенно не можетъ опустить, онъ отсылаетъ ихъ въ примѣчанія“[2]).

Мы сейчасъ встрѣтимся съ однимъ изъ дѣятелей эпохи Александра I, который, будучи ярымъ защитникомъ крѣпостнаго права, былъ, въ то же время, идеальнымъ помѣщикомъ: это извѣстный Александръ Семеновичъ Шишковъ. Карамзинъ былъ, напротивъ, самымъ зауряднымъ душевладѣльцемъ, который такъ же мало возвышался надъ среднимъ уровнемъ дворянства на практикѣ, какъ относительно крестьянскаго вопроса въ теоріи, и тѣ симпатичные факты, которые намъ встрѣчаются въ его отношеніяхъ къ крѣпостнымъ, не составляютъ чего-либо выдающагося, какъ то было у Шишкова[3]).

[1]) „Рус. Архивъ“ 1870 г., стр. 2248—2291. Отзывъ Карамзина въ „Запискѣ“ о законѣ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ мы привели выше.

[2]) La Russie et les Russes I, 327, ср. II, 122—123. Въ исторіи царствованія Ѳеодора Иоанновича мы читаемъ: „Годуновъ, безъ сомнѣнія, *желая добра не только владѣльцамъ, но и работникамъ сельскимъ*, желалъ утвердить между ними союзъ *неизмѣнный, какъ бы семейственный, основанный на единствѣ пользы*, на благосостояніи общемъ, и раздѣльномъ... въ 1592 или 1593 году, закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ изъ волости въ волость, изъ села въ село, и навсегда укрѣпилъ ихъ за господами“. „Истор. государства Россійскаго“, изд. 6-е 1851, т. X, стр. 145, см. еще т. XI, стр. 83.

[3]) Въ началѣ 1813 г., послѣ французскаго погрома, онъ не рѣшился требовать съ крестьянъ полнаго оброка, но это требованіе тогда едва-ли и было бы возможно; по-

Карамзинъ вооружался противъ скораго уничтоженія крѣпостнаго права и требовалъ сначала нравственнаго улучшенія крестьянъ; поэтому онъ стоялъ за распространеніе грамотности въ народѣ. Шишковъ шелъ гораздо далѣе: онъ не могъ и представить себѣ Россіи безъ крѣпостнаго права, а грамотность для народа считалъ величайшимъ зломъ. И съ этимъ-то человѣкомъ императору Александру, еще не отказавшемуся отъ своихъ освободительныхъ стремленій, пришлось стать въ ближайшее отношеніе послѣ паденія Сперанскаго, замѣщеннаго Шишковымъ въ званіи государственнаго секретаря. Такимъ образомъ, вмѣсто либерала Сперанскаго, отъ котораго, впрочемъ, народъ не скоро могъ дождаться освобожденія, императору приходилось бесѣдовать съ завзятымъ защитникомъ крѣпостнаго права. Но Шишковъ былъ ужъ слишкомъ проникнутъ устарѣлыми взглядами, чтобы имѣть возможность вполнѣ склонить государя на свою сторону, тѣмъ болѣе, что онъ хлопоталъ не о сохраненіи крѣпостнаго права лишь до поры до времени, а о признаніи его совершенно необходимымъ для Россіи вообще. Очень характерная въ этомъ отношеніи сцена произошла между государемъ и Шишковымъ по окончаніи отечественной войны.

Какъ извѣстно, въ 1812 году крестьяне ожидали, что за ихъ сопротивленіе непріятелю и всѣ перенесенныя лишенія они получатъ свободу; во многихъ мѣстностяхъ они перестали признавать власть господъ[1]. Въ концѣ того же года произошелъ бунтъ ополченія въ пензенской губерніи. Планъ возстанія былъ заранѣе обдуманъ ратниками, такъ что его

[illegible] 484—85.

[1]) *Tourgueneff.* La Russie et les Russes t. I, 24—25.

началось одновременно въ трехъ мѣстахъ. Ратники хотѣли, истребивъ офицеровъ-дворянъ, отправиться цѣлымъ ополченіемъ къ дѣйствующей арміи, явиться прямо на поле сраженія, напасть на непріятеля и разбить его; потомъ привести повинную государю и, въ награду за службу, выпросить себѣ прощеніе и вѣчную свободу отъ помѣщиковъ. Крестьяне были убѣждены, что государь требовалъ ополченія не съ нихъ, а только съ дворянъ. Всего сильнѣе было возстаніе въ гор. Инсарѣ, гдѣ офицеры были жестоко избиты; меньшія волненія произошли въ Саранскѣ и Чембарѣ. Возстаніе было быстро усмирено и больше 300 ратниковъ были жестоко наказаны; экзекуція длилась три дня[1]).

И вотъ, при такомъ-то настроеніи народа, Шишковъ хотѣлъ, чтобы, по окончаніи войны, въ милостивомъ манифестѣ ко всѣмъ сословіямъ, составленіе котораго было ему поручено, государь выразилъ свое одобреніе крѣпостному праву. Въ проектѣ манифеста дворянство призывалось увеличить заботу „о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами [illegible], подобно отцу, домочадцевъ"; крестьянамъ, которые восхвалялись за „духъ православія, вѣрности и мужества, едва ли когда имѣвшіе примѣръ въ бытописаніи", возвѣщалось, что они получатъ мзду свою отъ Бога. Со стороны же государя высказывалась только увѣренность, что помѣщики о нихъ позаботятся. „Существующая издавна между ними, сказано было въ проектѣ манифеста, — *на обоюдной пользѣ основанная*, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь... не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою, а съ другой и они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаетъ добронравное и благополучное семейство". Государь нѣсколько разъ приказывалъ автору переписать манифестъ и остался имъ очень недоволенъ. Въ другой разъ онъ рѣшался было подписать его, взялъ уже перо, но вдругъ оттолкнулъ бумагу со словами: „Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти и съ чѣмъ я нимало не согласенъ". Наконецъ, онъ вычеркнулъ „издавна существующая на обоюдной пользѣ основанная". Шишковъ такъ объясняетъ въ своихъ запискахъ причины неудовольствія императора: „Сіе несчастное въ государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостнаго въ Россіи права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства вкоренено въ немъ бывшимъ при немъ французомъ Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанными французами, отвратившими глаза и сердце его отъ одежды и отъ языка, отъ нравовъ, словомъ, отъ всего русскаго". Таковы сво-

[1]) [illegible] изд. редакц. „Русской Старины".

омъ, крѣпостное право въ глазахъ Шишкова казалось неотъемлемою принадлежностью русскаго народа [1].

Однако, будучи заклятымъ крѣпостникомъ въ теоріи, Шишковъ былъ самымъ идеальнымъ помѣщикомъ на практикѣ, или, лучше сказать, онъ потому и защищалъ крѣпостное право, что отношенія всѣхъ господъ къ крѣпостнымъ рисовались ему по образцу его собственныхъ отношеній къ крестьянамъ [2]. Мы будемъ еще имѣть случай встрѣтиться со взглядами Шишкова на крестьянскій вопросъ, высказанными имъ въ государственномъ совѣтѣ: и тутъ онъ остался такимъ же ярымъ защитникомъ крѣпостнаго права; но, въ виду его отношеній къ крестьянамъ, нельзя не признать, что его дѣйствія въ этомъ вопросѣ были основаны на глубокомъ убѣжденіи и что въ нравственномъ отношеніи до него было далеко какъ царедворцу Сперанскому, „отважывавшему" свою Хаменевку, такъ и противнику послѣдняго по убѣжденіямъ, Карамзину, бывшему самымъ заурядным помѣщикомъ.

Въ числѣ людей консервативнаго образа мыслей въ крестьянскомъ вопросѣ мы встрѣчаемъ и нѣсколькихъ масоновъ. Это естественно: выдвигая на первый планъ вопросы нравственнаго усовершенствованія, они могли, подобно Карамзину, думать, что народъ въ состояніи достигнуть высокой степени нравственности и при существованіи крѣпостнаго права, и вмѣстѣ съ нимъ утверждать, что свободу нужно „завоевать въ своемъ сердцѣ" [1]. Защитниками крѣпостнаго права среди масоновъ были какъ люди безукоризненно честные, которыхъ, по ихъ нравственнымъ достоинствамъ, можно сравнить съ Шишковымъ (таковъ былъ И. В. Лопухинъ), такъ и рѣшавшіе этотъ вопросъ съ исключительно эгоистической точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, Поздѣевъ.

[1]) „Записки Шишкова", I, 305—309.

[2]) Какъ только его семейныя обстоятельства позволили, онъ пересталъ брать оброкъ съ своей деревни, пожалованной ему императоромъ Павломъ, хотя мизерной, и даже [illegible] Многіе крестьяне Шишкова, какъ разсказываетъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ записках, живя въ Петербургѣ [illegible], что ихъ баринъ получаетъ [illegible] жалованье [illegible]. Годъ случился неурожайный, и въ Петербургѣ жилось дорого [illegible]. Однажды Шишкову [illegible] Отъ такихъ рѣчей Шишковъ [illegible] что они были [illegible] на [illegible] старинныхъ грамотъ [illegible] что надобности [illegible] на ихъ былъ [illegible] употреблялся на ихъ собственныя нужды.

[1]) *Погодинъ*. „Карамзинъ", II, 207.

П. В. Лопухинъ, человѣкъ идеально честный, не выпрашивавшій себѣ подачекъ въ царствованіе императора Павла, несмотря на расположеніе къ нему государя въ первое время царствованія, всегда прямо высказывавшій свое мнѣніе, постоянно помогавшій бѣднымъ и нищимъ, рѣшительно стоялъ за крѣпостное право, былъ противъ всякаго ограниченія помѣщичьей власти, такъ что находилъ вреднымъ и опаснымъ даже указъ императора Павла о трехдневной барщинѣ. Назначенный въ концѣ 1806 года для наблюденія за внутреннимъ спокойствіемъ и тишиною въ губерніяхъ тульской, калужской, владимірской и рязанской, при собраніи земскаго войска или милиціи, онъ въ донесеніи государю энергично протестовалъ противъ того, что въ данной по этому случаю инструкціи было прямо сказано, чтобы для сбора и ученія милиціи было назначено два дня въ недѣлю именно изъ числа опредѣленныхъ для помѣщичьей работы. Лопухинъ самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ государя, чтобы при этомъ не возобновлялся „указъ раздѣляющій время работы крестьянскихъ на себя и на помѣщиковъ, ограничивающій власть послѣднихъ *несогласно съ общею пользою*, указъ, котораго памятны слѣдствія при изданіи его" (намекъ на волненія крестьянъ при Павлѣ, вызванныя именно чрезмѣрностью помѣщичьей власти), „и который, смѣю сказать, *хорошо что остается какъ бы безъ исполненія*". „Въ Россіи,—продолжаетъ Лопухинъ,—ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго и не въ настоящемъ положеніи вещей. Я могу о семъ говорить безпристрастно, никогда истинно не дорожилъ правами господства, стыдясь даже выговаривать слово холопъ, до слабости, можетъ быть, снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ. Первый, можетъ быть, желаю чтобы не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, если бы только то безъ вреда для нея возможно было... Я увѣренъ, что ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойствія, какъ разслабленіе оной связи". Засѣдая въ московскомъ сенатѣ, Лопухинъ также являлся строгимъ консерваторомъ въ дѣлахъ относительно людей, ищущихъ вольности отъ помѣщиковъ. Такъ какъ освободительныя стремленія императора были извѣстны, то многіе высшіе представители служебной іерархіи, даже не раздѣлявшіе взглядовъ государя на крестьянскій вопросъ, старались, все-таки къ нимъ прилаживаться; поэтому и московскіе сенаторы рѣшали дѣла въ пользу ищущихъ вольности, если даже такое рѣшеніе не соотвѣтствовало буквѣ закона; напротивъ, Лопухинъ всегда стоялъ за строгое его соблюденіе. Когда министръ юстиціи предложилъ, чтобы при рѣшеніи подобнаго рода дѣлъ не обращали вниманія на законъ о десятилѣтней давности, то Лопухинъ протестовалъ противъ этого предложенія на томъ основаніи, что министръ безъ указа государя не можетъ перемѣнять законовъ. Если не признавать десятилѣт-

ней давности, замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ, то нужно не признавать никакихъ сроковъ. Кто же останется тогда крѣпостнымъ? И такъ, взволнуешь только людей самымъ малымъ числомъ такихъ рѣшеній, а многихъ сдѣлать общая польза, конечно, не допуститъ. Цѣлыя селенія, многія тысячи душъ станутъ производить иски о вольности. Начнется дѣло перьями стряпчихъ, питающихся ябедою и подущеніемъ на нее, а кончится пушками, или, по крайней мѣрѣ, кнутьями, ссылками, если не висѣлицами, что также бывало". Замѣчанія эти въ извѣстной степени основательны: дѣйствительно, нужно было не столько мягкое толкованіе существующихъ законовъ, которое могло совершенно исчезнуть при иномъ настроеніи правительства, а изданіе новыхъ, болѣе благопріятныхъ для крестьянъ. Но было бы ошибочно думать, что самъ Лопухинъ смотрѣлъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, что онъ не желалъ различными палліативами отдалять окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Нѣтъ, онъ считалъ крѣпостное право необходимымъ для Россіи при данномъ нравственномъ состояніи народа, упуская изъ виду, какой тормазъ относительно улучшенія его нравственности составляетъ неограниченная помѣщичья власть. Онъ думалъ, что господа имѣютъ благотворное вліяніе на своихъ крѣпостныхъ, забывая, что для прочнаго дѣйствія того усовершенствованія необходимо и извѣстное умственное развитіе, которое было невозможно безъ развитія народнаго образованія, а давать образованіе крѣпостнымъ, по справедливому замѣчанію Сперанскаго, было бы просто жестокостью. Вновь повторяя, что онъ первый желаетъ, „чтобы не было въ русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка", онъ, однако, прибавляетъ: „*но народъ требуетъ [illegible]*: для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ. [illegible] должны быть обузданы. [illegible] должно [illegible] положено, чтобы начальникъ губерніи при обузданіяхъ [illegible] наименьшее при томъ [illegible] и столько же бы увѣрены были не видѣть [illegible] тиранство". Такимъ образомъ, если бы правительство стало дѣйствовать согласно съ желаніями Лопухина, то оно [illegible] только отмѣнить законъ императора Павла о трехдневной барщинѣ, но и обставить преслѣдованіе, [illegible] обвиненія въ тиранствѣ и жестокости [illegible] сдѣлала бы это совершенно [illegible] Лопухинъ, какъ мы уже упоминали, [illegible]

сть настаивать на укрѣпленіи за помѣщикомъ, на основаніи закона, дѣтей, прижитыхъ солдатками безъ мужей и воспитанныхъ въ ихъ вотчинахъ; протестовалъ также противъ разсмотрѣнія жалобы крѣпостнаго крестьянина, такъ какъ крѣпостнымъ запрещено подавать жалобы и доносы, кромѣ первыхъ двухъ пунктовъ [1]).

Другой [illegible] масонъ того времени, Поздѣевъ, былъ [illegible] крѣпостникомъ изъ совершенно [illegible] расчетовъ; [illegible] Лопухину [illegible] вооружался противъ какого бы то ни было ограниченія крѣпостнаго права, но и прямо былъ дурнымъ помѣщикомъ.

[illegible]

на головѣ и хотѣлъ всѣхъ пересѣчь, но они не дались.

[illegible]

[1]) [illegible] 137—138, 149, 157—162.

инсинуировалъ онъ, что хотя крестьяне имѣютъ оставшiйся отъ времени Пугачева духъ — *чѣмъ не было опорно*, да и теперь же у нихъ слышится, что и впредь не будетъ, *что есть только излишнѣ-мистическiй духъ (sic)* безначальства и независимости, распространившiйся, какъ извѣстно, по всей Европѣ; если не будетъ скоро утишаемъ, можетъ здѣшнему глухому краю крайне быть истребителенъ. Поздѣевъ просилъ Лопухина ходатайствовать у государя, чтобы скорѣе послали къ нимъ хотя одинъ баталiонъ, а то трехъ солдатъ, присланныхъ къ нему губернаторомъ, недостаточно для его охраненiя. „Спокойствiе здѣшняго края, — говоритъ онъ, — требуетъ такого *экзекуцiоннаго духа*, каковъ есть государевъ для присылки помянутой команды". Поздѣеву все грезилась Пугачевщина, по его словамъ, крестьяне, плѣненные желанiемъ безначальства, уже готовы; однако, предсказанное его не сбылось, и князю Рѣпнину, посланному для усмиренiя возстанiя, не пришлось въ этой мѣстности прибѣгать къ оружiю: кадниковскiе возмутители, при первомъ увѣщанiи оставивъ свои заблужденiя, пали на колѣни и просили прощенiя, которое и было имъ даровано [1]).

Господинъ, такимъ образомъ относившiйся къ крестьянамъ, несмотря на нравственныя доблести, требуемыя масонскимъ орденомъ, къ которому онъ принадлежалъ, не могъ, конечно, быть сторонникомъ уничтоженія крѣпостнаго права. Даже въ тяжелое время 1812 г., среди всѣхъ страданiй, принесенныхъ войною, Поздѣева всего болѣе тревожатъ слухи объ освобожденiи крестьянъ, какъ это видно изъ его длинныхъ посланiй, которыя, по справедливому замѣчанiю одного ученаго, „представляютъ пеструю смѣсь натянутаго и туманнаго мистицизма, лести, заискиванiя и самаго положительнаго обскурантизма" [2]). Но эти вопли завзятаго крѣпостника, хотя бы и въ частной переписке, могли приносить извѣстную долю вреда, такъ какъ Поздѣевъ считался въ это время главою старыхъ масоновъ и къ нему относились съ большимъ уваженiемъ многiя лица изъ высшаго круга. Вотъ что писалъ напр., Поздѣевъ въ сентябрѣ 1812 года изъ Вологды къ С. С. Ланскому. Упомянувъ о томъ, что будто бы только дворянами и держится повиновенiе народа государю, онъ продолжаетъ: „а дворяне къ мужикамъ остужены разсѣянiемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности и все это поддерживалось головами французскими и изъ русскихъ, а нынѣ и паче французами, знающими ясно, что одна связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россiю, и именно связь государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами". На эту же тему и почти тѣми же словами писалъ Поздѣевъ и гр. Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, тогда министру народнаго просвѣщенiя, который, сдѣлавшись масономъ, смиренно выслушивалъ длинныя наставленiя и разглагольствованiя своего духовнаго главы [3]).

Въ 1814 г., по поводу слуховъ о либеральныхъ намѣренiяхъ правительства, Поздѣевъ составилъ записку, подъ названiемъ: „Мысли противу

[1]) „Рус. Архивъ", 1869 г., стр. 532—539, 564—65.
[2]) *Васильчиковъ.* „Семейство Разумовскихъ" II, 46.
[3]) „Русск. Архивъ" 1872 г., стр. 1856—57, 1860.

дарованія простому народу, такъ называемой, гражданской свободы"[1].
Такъ какъ записка эта была вызвана слухами „о конституціяхъ", то авторъ говоритъ не только о крестьянскомъ вопросѣ, но также и о вредѣ свободныхъ учрежденій. Въ началѣ, онъ указываетъ, подобно другимъ консерваторамъ, на то, что людямъ слѣдовало бы позаботиться, прежде всего, о пріобрѣтеніи внутренней свободы, т. е. избавиться отъ своихъ пристрастій, пороковъ и пр. „Мнимая гражданская свобода, — продолжаетъ онъ, — вредна, пагубна, бунтовщна и, особливо въ государствахъ большихъ пространствъ, никакъ неудобна и неспособна"; она только разрушитъ связь и зависимость между тремя состояніями, составляющими такъ бы одно дерево: корнемъ, или крестьянами, стволомъ, или купцами, и вѣтвями и плодами, т.-е. дворянами. Крестьяне, если ихъ освободить, станутъ гораздо менѣе заниматься тяжелою земледѣльческою работою, будутъ бросать ее при первой возможности; и теперь, разбогатѣвъ, они переходятъ въ купеческое сословіе. „Кто же будетъ охранять государя и стоять за отечество, — спрашиваетъ Поздѣевъ, — не имѣя собственности въ земляхъ и домахъ?" Владѣніе капиталами не привязываетъ такъ къ государству, какъ владѣніе населенными землями; ибо первые легко перевезти въ другое мѣсто. Поздѣевъ увѣряетъ, будто дворяне научили крестьянъ обрабатывать и удобрять землю, а безъ этого имъ, какъ при прежнихъ царяхъ, было бы нечѣмъ „малаго числа податей заплатить"; дворяне курятъ и вино, отъ котораго государство получаетъ большій доходъ. По словамъ автора, крестьяне, получившіе свободу, работаютъ весьма лѣниво, а обѣднѣвъ, дѣлаются рабами богатыхъ крестьянъ и не могутъ освободиться изъ этого тяжелаго ярма; между тѣмъ дворяне оказываютъ помощь своимъ крѣпостнымъ во время неурожая, пожара и другихъ бѣдствій. Освобожденіе крестьянъ было бы крайне вредно и потому, что помѣщики составляютъ полицмейстеровъ, разсѣянныхъ по всему пространству государства, и если бы ихъ не было, то невозможно было бы поддерживать въ немъ спокойствіе и повиновеніе правительству. Поздѣевъ указываетъ, что и въ Западной Европѣ существуетъ лишь кажущаяся свобода крестьянъ и беретъ для примѣра Англію. „Тамъ ошибочно называемые вольными въ такомъ состояніи, что онъ имѣетъ [illegible] кафтанъ, рубашку, чулки и деревянные башмаки и если онъ который день урока не выработаетъ, то ему ѣсть нечего. Даже множество есть холостыхъ, потому только, что жену кормить нечѣмъ. Какіе же это вольные? А если и въ другихъ государствахъ поселянъ имѣющихъ землю: они [illegible]

[1]) [illegible] V, 115—127 [illegible] Ак. Кар. Разумовскій [illegible] Разумовскихъ" II, 511—512.

ныхъ маленькихъ помѣщиковъ, ибо обработываютъ свою землю бѣдными крестьянами, у коихъ этой земли нѣтъ; то они у нихъ работаютъ или по нуждѣ... или закабалены на время, а потому какіе же это вольные?" Подобныя замѣчанія были, дѣйствительно, вѣскимъ возраженіемъ противъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ, но авторъ старается увѣрить, что и наши экономическіе, дворцовые и удѣльные крестьяне и вольные хлѣбопашцы находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ крѣпостные, и въ доказательство указываетъ на то, что помѣщикъ справедливѣе распредѣляетъ рекрутскую повинность, а у крестьянъ некрѣпостныхъ міроѣды притѣсняютъ людей бѣдныхъ и одинокихъ. Не даромъ и императрица Екатерина прикрѣпила къ землѣ и малороссіянъ. Проповѣдь уничтоженія крѣпостнаго права Поздѣевъ, подобно другимъ консерваторамъ, объясняетъ подстрекательствомъ со стороны враговъ Россіи, которые чувствуютъ, что ее „ничѣмъ другимъ раздробить нельзя, какъ этою свободою", и стараются, распространяя слухи объ освобожденіи, произвести въ народѣ волненія. Необходимо оставить крестьянъ въ прежнемъ положеніи,—таковъ выводъ Поздѣева изъ всѣхъ его разсужденій. „Да останемся въ тихости, не желая вѣрителей народныхъ или депутатовъ, какъ то было при покойной Екатеринѣ II. Тогда, во время бунта, увидѣла сама, что всѣ крестьяне возстали противъ нея и пошли за раскольника на престолъ", а дворяне были только ей вѣрны: удержавъ съ ихъ помощью власть, она сама стала утверждать за дворянами „собственность въ людяхъ и земляхъ". Не нужно слишкомъ много ученыхъ и художниковъ: „истинныя ученія всегда просты, немногословны и основаны на правилахъ доброй жизни, а безъ того распространяемыя ученія подаютъ способы и средства къ умствованію и къ разнымъ затѣямъ, дабы фальшивыми правилами людей морочить, къ чему можно весьма отнести тѣхъ людей, кои съ мечами проповѣдуютъ о мнимой гражданской свободѣ", между тѣмъ какъ изо всѣхъ этихъ „конституцій" не выходитъ никакого толка. Особенно вредно распространеніе „учености" среди крестьянъ, которые должны только знать, что нужно „не лгать, не воровать и не обманывать, не пьянствовать, а повиноваться властямъ". Нельзя допускать всякаго стремиться къ перемѣнѣ своего состоянія: „позволить, чтобы ноги поднимались выше рукъ, или паче выше головы, есть сущій безпорядокъ".

Тѣ же идеи повторяетъ Поздѣевъ и въ своихъ письмахъ къ графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому 1818 г. и къ С. С. Ланскому 1817 г., вызванныя сообщенными ему ходившими въ то время слухами о близкомъ освобожденіи крестьянъ. Не передавая уже извѣстнаго намъ, отмѣтимъ только ту черту, которая видна, хотя и не такъ откровенно, и въ только что изложенной запискѣ: мы разумѣемъ самое высокомѣрное презрѣніе къ русскому простому народу, на который Поздѣевъ смотрѣлъ, какъ на какого-то дикаго звѣря. Повторяя свою прежнюю мысль о важномъ значеніи для

государственнаго спокойствія власти помѣщиковъ, этихъ прирожденныхъ „полицеймейстеровъ", авторъ говоритъ: „Россія такова, что эту татарщину исправниками да палками не усмирить"... „Россія не то, что Польша еще. Россія все еще татарщина, въ которой долженъ быть государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ" [1]). Въ этомъ циническомъ презрѣніи къ народу крѣпостникъ Поздѣевъ, старающійся во всемъ быть человѣкомъ ультра-русскимъ, совершенно сходится съ бар. Унгерномъ-Штернбергомъ, который такъ любовно рекомендовалъ картечь вмѣсто всякихъ уговариваній народа во время волненій.

Какъ и многіе другіе консерваторы, Поздѣевъ считалъ нашъ народъ неподготовленнымъ къ дарованію ему свободы: онъ требовалъ отъ него предварительно освобожденія внутренняго, освобожденія отъ его слабостей и пороковъ, какъ будто это когда-нибудь возможно. Карамзинъ также считалъ необходимымъ, чтобы просвѣщеніе народа предшествовало его освобожденію. Какъ напоминаютъ эти взгляды тѣхъ нашихъ современниковъ, которые также усердно кричатъ, что дѣло не въ общественныхъ реформахъ, а въ необходимости нравственнаго возрожденія людей, забывая, что недѣлимыя среди общества можетъ самымъ развращающимъ образомъ дѣйствовать на его членовъ, и что при этихъ условіяхъ проповѣдывать одно самоусовершенствованіе значитъ умышленно отвлекать вниманіе отъ настоятельно необходимой и плодотворной работы. Однимъ изъ проповѣдниковъ такихъ идей былъ Достоевскій; ихъ рабски повторяютъ и его восторженные поклонники. „Пока темная основа нашей природы, говоритъ одинъ изъ нихъ, злая въ своемъ исключительномъ эгоизмѣ и безумная въ своемъ стремленіи осуществить этотъ эгоизмъ, все отнести къ себѣ и все опредѣлить собою, пока эта темная основа у насъ на лицо, не обращена, и этотъ первородный грѣхъ не сокрушенъ, до тѣхъ поръ невозможно для насъ никакое настоящее *дѣло* и вопросъ *что дѣлать*, не имѣетъ разумнаго смысла. Представьте себѣ толпу людей, слѣпыхъ, глухихъ, увѣчныхъ, бѣсноватыхъ и вдругъ изъ этой толпы раздается вопросъ: что дѣлать? Единственный разумный здѣсь отвѣтъ: ищите исцѣленія"... „Человѣкъ считаетъ себя свободнымъ, но онъ во власти чужихъ силъ, онъ гордится своею свободою, но онъ рабъ внѣшности и случайности" [2]). Развѣ не тоже говоритъ Поздѣевъ, обличая тѣхъ людей, которые съ жаромъ проповѣдуютъ о мнимой гражданской свободѣ, не зная того, что они *сами въ себѣ свободы не имѣютъ и съ собою съ своими страстями и умоначертаніями не сладятъ*?" И этотъ самый проповѣдникъ нравственнаго улучшенія, какъ мы видѣли, жестоко обращался съ крестьянами, при-

[1]) „Рус. Архивъ" 1872 г., стр. 1878—86.

[2]) *Владиміръ Соловьевъ*. „Объ истинномъ дѣлѣ (въ память Достоевскаго)". „Русь" 1883 г., № 6, стр. 25.

мѣрно обременялъ ихъ повинностями и распродавалъ въ рекруты. Не то же ли думалъ и Карамзинъ? Въ одной замѣткѣ, въ его записной книгѣ, сказано: „Либералисты! чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье тамъ, гдѣ есть смерть, болѣзни, пороки, страсти? Основание гражданскихъ обществъ неизмѣнно: можете низъ поставить на верху, но будетъ всегда низъ и верхъ, воля и неволя, богатство и бѣдность, удовольствие и страданіе. Для существа нравственнаго нѣтъ блага безъ свободы, но эту свободу даетъ не государь, не парламентъ, а каждый изъ насъ самому себѣ съ помощію Божіею. Свободу мы должны завоевать въ своемъ сердцѣ миромъ совѣсти и довѣренностью къ Провидѣнію“ [1]. И проповѣдникъ этихъ истинъ съ „миромъ совѣсти“ и „величайшимъ довѣріемъ къ Провидѣнію“ приказывалъ сѣчь своихъ крѣпостныхъ кавалеровъ. Этими указаніями мы хотимъ только побудить современныхъ защитниковъ общественнаго застоя поискать какихъ-нибудь новыхъ аргументовъ для подкрѣпленія своихъ взглядовъ, а не повторять затасканныхъ мнѣній Поздѣева, Карамзина и т. п. Если же они примыкаютъ къ нимъ въ одной части ихъ ученія, то для послѣдовательности слѣдовало бы принять и другую, т.-е. объявить, что крѣпостное право было уничтожено преждевременно, и что если многіе освобожденные находятся въ положеніи печальномъ, то это объясняется не недостатками самой реформы, не причинами экономическими, а нравственнымъ безобразіемъ народа, его наклонностью къ пьянству и другими пороками, получившими полный просторъ съ уничтоженіемъ помѣщичьей власти. Только недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ провести далѣе эту поучительную параллель между крѣпостниками первой четверти нынѣшняго столѣтія и современными намъ защитниками общественнаго квіетизма.

Мы привели мнѣніе двухъ старыхъ масоновъ — Лопухина и Поздѣева по крестьянскому вопросу и убѣдились, что и тотъ, и другой были горячими противниками ограниченія помѣщичьей власти. Мы полагаемъ, что такого же мнѣнія держалось и большинство масоновъ, по крайней мѣрѣ, старой школы, среди которыхъ и Лопухинъ, и Поздѣевъ имѣли большое вліяніе. Но, если вѣрить свидѣтельству Н. И. Тургенева, были и между масонами люди, иначе смотрѣвшіе на этотъ предметъ. „Я убѣжденъ, говоритъ онъ, что, поработавъ надъ распространеніемъ народнаго образованія, члены общества непремѣнно обратили бы свое вниманіе и свои усилія на облегченіе участи крѣпостныхъ... Въ этомъ можно тѣмъ менѣе сомнѣваться, что и въ ихъ журналахъ, какъ и въ произведеніяхъ сочиненій многихъ изъ ихъ членовъ, встрѣчаются столь же справедливыя, какъ и строгія сужденія о рабствѣ, этомъ ужасномъ учрежденіи“. „У меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что большинство членовъ этого общества... крѣпостность

[1] Погодинъ. „Н. М. Карамзинъ“, II, 207.

Тургеневъ, я могъ изъ бесѣдъ съ ними убѣдиться, что если они не занялись освобожденіемъ крестьянъ во время своей филантропической горячки, то лишь потому, что тогда эта идея не волновала умы" (Тургеневъ, вѣроятно, разумѣетъ здѣсь дѣятельность Новикова и его кружка въ царствованіе Екатерины II), „но они не выражали отвращенія къ эманципаціи, какъ большинство русскихъ помѣщиковъ. Съ ними можно было, по крайней мѣрѣ, разсуждать объ этомъ остромъ вопросѣ... для ихъ убѣжденія приходилось выдвигать христіанство, и тогда они сдавались какъ честные люди и добрые христіане" ¹). Какъ мы видѣли изъ мнѣнія Лопухина и Поздѣева, во-первыхъ, далеко не всѣ масоны были таковы, какъ говоритъ Тургеневъ, а во-вторыхъ, въ разсматриваемую эпоху крестьянскій вопросъ сильно занималъ масоновъ, но наиболѣе вліятельные представители старой школы высказывались относительно его съ ультра консервативной точки зрѣнія. Если Тургеневу масоны казались болѣе склонными къ освобожденію крестьянъ, то не объясняется-ли это тѣмъ, что ему пришлось ближе узнать членовъ новой школы, послѣдователей Шредера и Феслера, къ которымъ старые масоны относились съ злобою и проклятіемъ и не прочь были и поинсинуировать противъ нихъ лицамъ, власть имѣющимъ? Извѣстно, что и Сперанскій, находившій необходимымъ улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, а затѣмъ и совершенно уничтожить крѣпостное право, былъ поклонникомъ Феслера, и потому, когда до Поздѣева дошла вѣсть о ссылкѣ этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, онъ поспѣшилъ указать Разумовскому, что Сперанскій „не изъ братьевъ (т. е. старыхъ масоновъ), а съ Феслеромъ **хотѣли свое завести**" ²).

Мы познакомились теперь съ представителями двухъ направленій русской мысли въ эпоху Александра I: Сперанскій ставилъ на первый планъ реформы политическія и, ясно сознавая необходимость уничтоженія крѣпостнаго права, не думалъ, однако, особенно спѣшить съ рѣшительными мѣрами въ этомъ направленіи; другіе, какъ Карамзинъ, Шишковъ, Лопухинъ, Поздѣевъ, считали крѣпостное право необходимымъ при данномъ состояніи народа; къ нимъ примыкалъ гр. Ростопчинъ и нѣкоторые другіе. Многіе представители того и другаго направленія имѣли возможность защищать свои взгляды письменно или устно предъ самимъ государемъ, который опасался сильнаго противодѣйствія консерваторовъ, быть можетъ, и преувеличивая значеніе нѣкоторыхъ изъ ихъ доводовъ, и все откладывалъ исполненіе своихъ освободительныхъ плановъ.

Но, кромѣ двухъ указанныхъ направленій, въ крестьянскомъ вопросѣ было еще и среднее теченіе, представители котораго желали не уничто-

¹) La Russie et les Russes" II, 257—58.

²) Ср. *Васильчиковъ*. „Семейство Разумовскихъ" II, 47, 50!

женія крѣпостнаго права, а только смягченія, обращенія его въ прикрѣпленіе къ землѣ. Однимъ изъ общественныхъ дѣятелей разсматриваемой эпохи, такимъ образомъ смотрѣвшимъ на вещи, былъ уже извѣстный намъ В. Н. Каразинъ, черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ Александра I подбросившій во дворцѣ анонимную записку съ различными либеральными совѣтами и увѣщаніями молодому государю и затѣмъ, въ теченіи трехъ съ половиной лѣтъ, пользовавшійся его большимъ расположеніемъ [1]. Утративъ расположеніе государя, Каразинъ поселился въ своемъ харьковскомъ имѣніи [2] и занялся устройствомъ быта крестьянъ на новыхъ началахъ, такъ какъ еще въ первой своей запискѣ императору Александру онъ требовалъ ограниченія крѣпостнаго права.

Реформы Каразина въ его имѣніи возбудили вниманіе слободско-украинскаго губернатора Бахтина, который обратился къ нему съ просьбой сообщить о нихъ подробныя свѣдѣнія. Каразинъ отвѣчалъ на это въ началѣ 1810 г. весьма обширнымъ посланіемъ, обстоятельно знакомящимъ насъ со взглядами его на крестьянскій вопросъ [3].

Въ началѣ письма Каразинъ говоритъ, что еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 1792 г. вступилъ въ управленіе наслѣдственнымъ имѣніемъ, т.-е. съ 19-тилѣтняго возраста, его занимала извѣстная задача, объявленная въ 1766 г. вольнымъ экономическимъ обществомъ о правѣ собственности. „Но мысли мои въ то время,—продолжаетъ онъ,—были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерній нашихъ, но и до глубины самой Сибири простеръ свое вліяніе на молодые умы“. Теперь авторъ отказался отъ прежнихъ мечтаній „о вольности неограниченной“ и считаетъ „власть“ не „выраженіемъ общей воли (которая прямо *общею*

---

[1]) Въ это время онъ [illegible] принималъ дѣятельное участіе въ подготовленіи и обработкѣ [illegible] народнаго образованія. Кромѣ того, [illegible] былъ учрежденъ харьковскій университетъ, такъ какъ онъ [illegible] помѣщиковъ и купцовъ сдѣлать весьма крупныя пожертвованія съ этою цѣлью.

[2]) [illegible] Кручикъ, [illegible] Богодухов[illegible] 60 [illegible] 2000 [illegible] „Харьковскомъ Календарѣ“ 1887 г. кн. I, стр. 53.

[3]) [illegible] „Рус. Стар.“ 1871 [illegible] III [illegible] стр. 175—176. [illegible]

никогда быть не можетъ), но изліяніемъ самого божества, которое на *единоначаліи* и нисходящей подчиненности основало всю природу". Далѣе въ черновой, болѣе полной редакціи, авторъ указываетъ на преимущества наслѣдственной монархіи, но, въ то же время, желаетъ для подданныхъ *свободы заявлять свое мнѣніе*. „Для узнанія общественныхъ нуждъ,— говоритъ онъ, — достаточно въ помощь единовластію дать *общественное* мнѣніе, т.-е. свободу всякому выражать свое воззрѣніе на вещи не въ парламентахъ и площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ скромныхъ бесѣдахъ въ печати" (это исключено во второй редакціи). Но единоначаліе нужно не только при управленіи всѣмъ государствомъ. „Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ его великаго тѣла, дабы онѣ имѣли между *собою* прочную связь; и, слѣдовательно, помѣщики для благосостоянія селеній земледѣльческихъ столько же нужны [1]), сколько монархъ для подданныхъ вообще, и *также точно власть помѣщиковъ должна быть и признаваема законами, и охраняема для нихъ властью верховною*" [2]). Придавая такое огромное значеніе помѣщичьей власти, Каразинъ сходится съ крѣпостниками въ мнѣніи, будто бы казенные крестьяне менѣе полезны для государства, чѣмъ крѣпостные: среди нихъ чаще недоимки, они менѣе занимаются земледѣліемъ, болѣе предаются тяжбамъ и пьянству. Переходя къ задачѣ вольнаго экономическаго общества, авторъ указываетъ на то, какъ трудно обратить крестьянина въ собственника земли: нельзя же сдѣлать „истинную несправедливость", отнявъ землю у помѣщиковъ, а для покупки ея государство не имѣетъ средствъ [3]). Или оставить помѣщикамъ землю, а крестьянъ отпустить въ степи и пустыни? Но возможно ли это и что будутъ дѣлать помѣщики со своими землями? Право собственности важно,—оно возбуждаетъ трудолюбіе, но, съ другой стороны, крайне важенъ и полезенъ „просвѣщенный надзоръ за работою". Изъ этого, однако же, не слѣдуетъ, по мнѣнію Каразина, чтобы нужно было поставить работниковъ въ неограниченную зависимость отъ хозяевъ. Много было писано съ половины XVIII вѣка о злоупотребленіяхъ власти, но указано ли на пользу ея, и неужели нѣтъ средствъ сдѣлать ее безвредною? „Помѣщика разумѣю я, — говоритъ Каразинъ, — наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ (поселянахъ), на оной живущихъ, и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ

[1]) Во второй редакціи сказано: „*почти* столько же нужны"

[2]) Словъ, набранныхъ курсивомъ, нѣтъ во второй редакціи

[3]) Послѣдняя мысль опущена во второй редакціи.

между ими и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, *онъ есть [illegible] генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ*". Несмотря на преувеличеніе значенія и власти помѣщика, въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое сознаніе того, что населенныя имѣнія въ Россіи не составляютъ безусловной собственности помѣщиковъ, что владѣніе ими сопряжено съ извѣстными обязательствами относительно государства, обязательствами, которыя не прекратились и съ освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы государству. Каразинъ желаетъ даже уничтожить наиболѣе ненавистную форму крѣпостнаго права, т.-е. личное рабство. Онъ заявляетъ Бахтину, что не разсматриваетъ своихъ „людей, какъ собственность", и не находитъ нужнымъ считать зависимость, въ которой находятся его поселяне, рабствомъ въ томъ прямомъ значеніи слова, какой ему придаютъ англичане въ своихъ колоніяхъ. „Поселяне,—говоритъ онъ,—мнѣ принадлежатъ, но не въ иномъ смыслѣ, какъ дѣти принадлежатъ своимъ отцамъ и подданные во всякомъ монархическомъ правленіи своимъ государямъ. Самая продажа помѣстьевъ въ отношеніи къ людямъ, на нихъ поселеннымъ, есть ли что другое, какъ уступка права управленія, отреченіе отъ онаго въ пользу другаго лица?" Это много разъ, говоритъ Каразинъ, дѣлалось въ Западной Европѣ относительно цѣлыхъ областей, не возбуждая и мысли о продажѣ при этомъ людей, подобно вещамъ или безсловеснымъ животнымъ. Онъ спѣшитъ, однако, оговориться, что весьма далекъ „отъ понятія законопреступной свободы" и что онъ „не только не колеблетъ нынѣ существующихъ отношеній помѣщика къ поселянамъ, но утверждаетъ ихъ еще на очевиднѣйшихъ началахъ", а чтобы отдѣленіе владѣнія своимъ имѣніемъ отъ власти начальника было не мнимое, а дѣйствительное, необходимо точно опредѣлить повинности крестьянъ. Для того, чтобы денежный оброкъ не былъ произвольнымъ, нужно было найти неизмѣнный масштабъ для оцѣнки земли, поступающей въ „собственность" поселянъ и вносимыхъ за нее повинностей. Каразинъ взялъ такимъ масштабомъ день земледѣльческой работы, опредѣляемый по средней стоимости его за послѣднія пять лѣтъ.

[illegible] своихъ и сосѣднихъ крестьянъ и [illegible], онъ опредѣлялъ среднюю цѣну дня земледѣльческой работы [illegible] работника, а затѣмъ высчитывалъ цѣну [illegible] хлѣба, употребленнаго на усадьбу [illegible] „поселянинъ", а также и сѣна, хотя [illegible] полезно [illegible] усадьбу, 7½ дес. пахотной и 1 дес. сѣнокоса, [illegible] и мелк[illegible] [illegible] въ сад[illegible] и усадьб[illegible] [illegible] проектъ Кара-

зина, долженъ былъ работать на него 150 дней въ году или платить по оцѣнкѣ 1808 г. 15 р.[1]). Каразинъ, сообщая этотъ расчетъ, обращаетъ вниманіе на то, что онъ совершенно согласуется съ указомъ императора Павла о трехдневной барщинѣ, причемъ еще отъ крестьянина не требуется, чтобы онъ непремѣнно отработалъ эти дни, а предоставляется ему уплатить за нихъ деньгами. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, при девятидесятинномъ размѣрѣ надѣла, 15-ти рублевый оброкъ съ тягла былъ несоразмѣрно великъ для того времени. Такой результатъ вычисленія былъ полученъ вслѣдствіе того, что принята была средняя поденная плата довольно значительная, и, повидимому, не было сдѣлано различія между конными и пѣшими днями, тогда какъ множество сельскихъ работъ, около половины ихъ, **производится безъ лошади.**

Самъ Каразинъ, очевидно, сознавалъ, что опредѣленный имъ оброкъ довольно обременителенъ, такъ какъ онъ ставитъ вопросъ, можетъ ли крестьянинъ отказаться отъ своего надѣла, и рѣшаетъ его отрицательно: „государственный порядокъ требуетъ", чтобы поселяне были земледѣльцами; свою землю онъ считалъ „государственнымъ капиталомъ", ему или его предку пожалованнымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ „приносилъ свои законные проценты", и считалъ избытокъ, получаемый имъ надъ вольною арендною платою, жалованьемъ, обязательно вносимымъ ему сельскимъ обществомъ, надъ которымъ онъ поставленъ высшимъ правительствомъ. По прошествіи десяти лѣтъ со времени полученія участка, поселянину позволяется закладывать или даже продавать его, но только или прежнимъ жителямъ той же вотчины, или поступающему при самомъ пріобрѣтеніи участка въ число поселянъ. Каразинъ предвидѣлъ, что не найдется желающаго пріобрѣсти землю, обложенную ежегодною повинностью по 5 руб. съ десятины; но онъ увѣряетъ, во-первыхъ, что такая десятина даетъ 15 и болѣе рублей чистаго дохода, забывая, что участокъ въ сосѣднемъ казенномъ селеніи, при меньшей арендной платѣ, принесетъ еще болѣе, а, во-вторыхъ, указываетъ на то, что при его системѣ повинность остается неизмѣнною и потому, когда, быть можетъ, черезъ полвѣка пользованіе землею, вмѣсто 150, должно было бы оплачиваться 200—300 дней работы, будетъ выгодно передать ее за прежнюю повинность въ 150 дней. Слѣдовало бы, однако, оговориться, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣна на трудъ весьма повысится, а это отразится и на переложеніи натуральной повинности въ денежную, производимомъ каждыя 5 лѣтъ. Слѣдовательно, нельзя не признать, что это возраженіе было плохо опровергнуто Каразинымъ, и онъ напрасно съ гордостью заявляетъ: „все, что я себѣ при учрежденіяхъ моихъ позволяю", есть только утвержденіе нынѣшнихъ выгодъ помѣщика, а не умноженіе ихъ соразмѣрно населенію; напротивъ, давая крестьянской семьѣ небольшой надѣлъ, онъ требовалъ за нее тяжелой повинности и имѣлъ въ виду постоянно повышать размѣръ оброка по мѣрѣ возвышенія

[1]) За соотвѣтственныя повинности крестьянинъ могъ требовать и втораго участка пахотной и сѣнокосной земли.

цѣнности труда. Такая, будто бы на законномъ и научномъ основаніи опирающаяся система, должна была тяжелѣе отозваться на крестьянинѣ, чѣмъ прежняя патріархальная (по крайней мѣрѣ, у порядочнаго помѣщика), а, между тѣмъ, онъ наставительно восклицаетъ: „Боже, сохрани насъ, русскихъ дворянъ, имѣть въ виду довести когда-нибудь земледѣльцевъ своихъ до того состоянія, въ которомъ они находятся въ другихъ (слишкомъ превозносимыхъ) краяхъ Европы, состоянія жалостнѣйшаго, гдѣ они, имѣя полную свободу, обязаны скотоподобно работать у того или другаго фермера отъ пѣтуховъ до темной ночи, не зная ни сладкаго отдыха въ семействѣ, ниже другихъ жизненныхъ наслажденій". Система, предлагаемая Каразинымъ, имѣетъ свои достоинства сравнительно съ другими, современными ему мнѣніями по крестьянскому вопросу, но она, при установленной имъ нормѣ повинностей, должна была тяжело отозваться на интересахъ крестьянъ. Впрочемъ, и на основаніи словъ самого Каразина можно заключить, что оброкъ, имъ назначенный, былъ не легокъ; онъ свидѣтельствуетъ, что еще не всѣ изъ нихъ изъявили желаніе вполнѣ замѣнить барщинную повинность денежнымъ взносомъ [1].

Землю, оставшуюся отъ раздачи, Каразинъ обработывалъ вольнонаемными людьми въ ожиданіи того, когда, съ размноженіемъ населенія, ее придется отвести въ надѣлъ; если же весь запасъ будетъ совершенно истощенъ, то онъ хотѣлъ обратиться къ правительству съ просьбою пожаловать пустопорожнія земли для него и для его поселянъ. Обыкновенно въ оброчныхъ вотчинахъ вся земля передавалась въ пользованіе крестьянъ, между тѣмъ Каразинъ, стремясь уничтожить у себя барщину, оставлялъ часть земли въ своемъ личномъ пользованіи.

Въ заключеніе описанія экономическаго быта своихъ крестьянъ, авторъ говоритъ: получаемый доходъ „не заставляетъ меня раскаяваться въ томъ, что я промѣнялъ мнимыя выгоды барщины (въ черновой редакціи: „порабощенія барщинскаго") и утѣсненіе поселянъ множествомъ мелкихъ сборовъ на сіе сходное съ законами всѣхъ земель и съ пользою

[1] [illegible] всѣхъ своихъ поселянъ земледѣльцами, Каразинъ однако [illegible] и мастеровыхъ. Родители могли отдавать своихъ дѣтей [illegible] поселянъ отъ помѣщика. По окончаніи ученія [illegible], получалъ усадьбу, но безъ земельнаго участка [illegible] на „выслугу" помѣщику.

человѣчества учрежденіе, которому основаніемъ служитъ одно чистое право собственности". Онъ упоминаетъ затѣмъ, что намѣренъ, по истеченіи нѣкотораго времени, когда его учрежденія докажутъ на дѣлѣ свою полезность, просить верховную власть объ ихъ утвержденіи съ тѣмъ, чтобы они были обязательны и для его наслѣдниковъ (въ случаѣ же преждевременной его смерти, просилъ слободско-украинскаго губернатора сдѣлать это вмѣсто него). Освободившись отъ мелочныхъ хозяйственныхъ заботъ, которыя только обращали бы его въ „надзирателя рабовъ", онъ сдѣлался, по его словамъ, „нравственно свободнымъ, и теперь относительно крестьянъ на немъ лежатъ только обязанности, налагаемыя религіею и правительствомъ, которое, прибавляетъ онъ, хотя и не требуетъ отчету отъ насъ, помѣщиковъ, но строгій взоръ, который оно на насъ съ нѣкотораго времени обращаетъ, даетъ намъ замѣтить, что права какъ пріобрѣтаются такъ и утверждаются должностями" (т.-е. обязанностями).

Еще въ 1793 г. Каразинъ устроилъ въ своей вотчинѣ сельскую думу, состоявшую изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ поселянами, и самого помѣщика. Съ 1805 г., въ преобразованномъ видѣ, она состояла изъ помѣщика какъ предсѣдателя, старшаго выборнаго, младшаго выборнаго, который назывался благочиннымъ (помѣщикъ утверждалъ этихъ людей въ должности и смѣнялъ ихъ, но не ранѣе какъ черезъ годъ); еще въ думѣ присутствовалъ „надзиратель должностей" старый офицеръ, жившій у Каразина на покоѣ и занимающій мѣсто помѣщика во время его отсутствія, а также при обсужденіи касающихся до него дѣлъ; нерѣдко бываетъ и священникъ. Всѣ постоянные члены этого учрежденія получаютъ жалованье изъ общественной суммы. „Поселяне" Каразина не освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, такъ какъ, по его мнѣнію, они по разуму похожи на дѣтей. Благочинный можетъ, „безъ дальняго изслѣдованія вслѣдъ за преступкомъ", дать виновному отъ одного до трехъ ударовъ лозою, это же предоставлено всякому хозяину надъ его домашними; но для наказанія десятью ударами и болѣе нуженъ уже приговоръ думы. Поселянамъ было конечно, не легче отъ того, что оставленіе въ силѣ тѣлесныхъ наказаній основывалось на глубокихъ философскихъ соображеніяхъ Каразина, который считалъ корнемъ всякаго зла упрямство, особенно опасное тамъ, гдѣ „разливаются понятія о свободѣ"; оно ставитъ своеволіе на мѣсто свободы, а „послѣдствіемъ своеволія должно быть рабство", почему „за упрямство, т.-е. малѣйшее умышленное пренебреженіе порядка", и назначено рабское тѣлесное наказаніе. Должникъ, оказавшійся несостоятельнымъ не по своей винѣ, получаетъ пособіе изъ общественной суммы; несостоятельный же „по нерадѣнію *отдается въ работу* (къ) тому, кому онъ долженъ, и до окончательной выплаты никакой собственности имѣть не можетъ".

Каразинъ возмущается торговлею людьми, какъ вещью, но есть одинъ случай, гдѣ онъ допускаетъ продажу ихъ безъ земли: эта мѣра примѣняется къ поселянину, относительно котораго „общество опытами удостовѣрится, что никакія мѣры не исправляютъ его отъ пороковъ; такой закоренѣлый преступникъ поручается помѣщику съ тѣмъ, чтобы онъ „устранилъ его изъ села продажею", иначе сказать, чтобы онъ „передалъ его тому *изъ [illegible] отдаленныхъ [illegible] государства*, кто еще надѣется обратить" его въ полезнаго подданнаго. Каразинъ оправдывается соображеніемъ, что растлѣнный и другихъ заразить могущій членъ—*отсѣкается*: это послѣдняя мѣра, къ которой мы должны приступить ради нашей безопасности!" Но и то деньги за проданнаго крестьянина идутъ не помѣщику, а въ пользу общества, такъ какъ на общество падаютъ подати и другіе казенные сборы за удаленнаго изъ него члена. Если покупателя не найдется, то такого поселянина передаютъ губернскому начальству для отправки на поселеніе.

Каразинъ считаетъ, однако, нужнымъ сдѣлать оговорку, чтобы его не заподозрили въ слишкомъ либеральныхъ мнѣніяхъ, и при этомъ сжато опредѣляетъ свои взгляды на крестьянскій вопросъ. Приведемъ это мѣсто по черновой редакціи, гдѣ оно гораздо полнѣе: можно подумать „изъ непризнанія моего и барщины.... и продажи людей, что я отвергаю вообще такъ называемое крѣпостное право (т.-е., по моему, право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ). Напротивъ! Я считаю его очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества моего обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить беззаконныя средства къ пріобрѣтенію. Но я хотѣлъ бы только, чтобы *злоупотребленія этого права были искоренены, а сильнѣйшія изъ оныхъ злоупотребленій суть барщина, т.-е. произволъ въ пользованіи трудомъ поселянъ, безсудныя наказанія и продажа ихъ, какъ вещи*. Я допускаю даже выходъ изъ подчиненности ихъ помѣщикамъ, но только тогда, когда выходцы приготовлены къ самостоятельной жизни". Выходъ этотъ изъ крѣпостнаго права состоитъ въ томъ, что всякій, внесшій цѣну 25-ти лѣтней работы, т.-е. по первоначальной оцѣнкѣ 600 руб., получаетъ свободу. Въ имѣніи Каразина была первоначальная школа. Дѣтей, кончившихъ въ ней курсъ, родители могли отдавать въ уѣздное училище, и тѣ, которые обнаружатъ тамъ „таланты необыкновенные", должны были получать отпускную, но съ обязательствомъ внести при первой возможности 600 руб. въ общественную сумму.

Окончивъ описаніе всѣхъ введенныхъ имъ въ своемъ имѣніи учрежденій, Каразинъ не безъ гордости спрашиваетъ, согласятся ли его поселяне сдѣлаться работниками англійскихъ фермеровъ, не только лишен

ныхъ всякой недвижимой собственности, но большею частію и надежды имѣть ее когда-либо? Авторъ оговаривается, впрочемъ, что не считаетъ себя „изобрѣтателемъ отдѣленія начальнической власти помѣщика отъ права собственности“ и заявляетъ, что ему извѣстно „множество сельскихъ учрежденій“, подобныхъ тѣмъ, которыя онъ ввелъ въ своемъ имѣніи. Вообще онъ старается рисовать въ розовомъ свѣтѣ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ. Онъ не отрицаетъ, что у насъ можно встрѣтить дурныхъ дворянъ, но, тѣмъ не менѣе, авторъ въ восторгѣ отъ нашего государственнаго строя: „Политическія истины наши основываются не на парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи, которая несравненно старѣе, — на Библіи. Цари наши не суть репрезентанты народовъ, — нелѣпое и вмѣстѣ безчеловѣчное мечтаніе!... но репрезентанты Того, Который владѣетъ царствами, и ему же хощетъ даетъ“. Въ заключеніе письма Каразинъ предостерегаетъ правительство отъ освобожденія крестьянъ, утверждая, что вліяніемъ, какое правительство можетъ имѣть на помѣщиковъ, „направленіемъ, каковое въ силахъ дать всѣмъ поступкамъ ихъ, едва ли не болѣе можетъ сдѣлать для пользы народа россійскаго, нежели освобожденіемъ его тѣмъ или другимъ образомъ изъ мнимой неволи“. Онъ даже противъ того, чтобы помѣщики освобождали своихъ крестьянъ. „Тѣ изъ насъ мелкомѣстныхъ, — говоритъ онъ, — которые разрѣшаютъ сей государственный узелъ, соединяющій состоянія, обманываютъ самихъ себя, воображая, что они дѣлаютъ добро. Они слагаютъ съ себя почтенное бремя, Провидѣніемъ и коренными законами ихъ отечества на нихъ возложенное, для того, чтобы съ капиталами своими погрязнуть въ праздности и развращеніи городовъ, чтобы быть праздными зрителями, а не орудіями хода государственнаго... При отрѣшеніи наслѣдственной зависимости, — продолжаетъ авторъ, — прекратится, правда, возможность къ *нѣкоторымъ* злоупотребленіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключится изобильнѣйшій источникъ благотворенія человѣчества. Что возвратитъ земледѣльцамъ природныхъ о нихъ попечителей?“

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хотя Каразинъ старается нарисовать картину идиллическихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, но, однако, онъ хорошо сознаетъ, что крѣпостное право даетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, поэтому онъ желаетъ уничтоженія барщины, точнаго опредѣленія повинностей крестьянъ и неотъемлемаго владѣнія землею подъ условіемъ ихъ исправнаго отбыванія, опредѣленія размѣра выкупа, уничтоженія наказаній безъ суда и продажи людей безъ земли. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти мѣры онъ предоставляетъ усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ и вооружается противъ ограниченія крѣпостнаго права закономъ. Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ своимъ первоначальнымъ взглядамъ, такъ какъ даже въ эпоху своихъ либеральныхъ увлеченій, какъ видно изъ записки 1801 г., онъ желалъ предоставленія

крестьянамъ права собственности и ограниченія ихъ зависимости „не закономъ, но постепенностью обычая“. До какой степени онъ не желаетъ вмѣшательства правительства въ отношенія помѣщика къ крестьянамъ, видно изъ того, что онъ готовъ еще допустить жалобу крѣпостныхъ на господина предводителю дворянства, который, конечно, будетъ держать сторону своего собрата, но энергически вооружается противъ дозволенія жаловаться въ общія судебныя учрежденія. Къ числу недостатковъ плана Каразина, кромѣ обременительности установленныхъ имъ денежныхъ повинностей, слѣдуетъ отнести и то, что созданныя имъ учрежденія оставляли слишкомъ много власти помѣщику и отличались значительною искуственностью. Но каковы бы ни были недостатки описаннаго Каразинымъ устройства быта крестьянъ оно имѣетъ одно громадное достоинство сравнительно съ весьма многими проектами, ему современными: Каразинъ прекрасно сознаетъ невозможность безземельнаго освобожденія крестьянъ и предоставляетъ каждому изъ нихъ опредѣленный надѣлъ. Нельзя не пожалѣть поэтому, что его письмо къ Бахтину не было напечатано въ свое время, но это оказалось бы, вѣроятно, невозможнымъ по цензурнымъ причинамъ: даже при перепискѣ своего посланія Каразинъ опустилъ вовсе или смягчилъ болѣе сильныя мѣста. Тѣмъ не менѣе, оно не осталось вовсе безъ вліянія, такъ какъ самъ авторъ старался распространить копіи съ своего произведенія въ высшихъ сферахъ, какъ это можно заключить изъ поднесенія одной изъ нихъ кн. Чарторыскому [1].

Въ своемъ письмѣ къ Бахтину Каразинъ упоминаетъ, что ему извѣстны многія, подобныя его собственному, учрежденія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Что дѣйствительно подобные взгляды не были исключительнымъ достояніемъ Каразина, видно изъ любопытнаго мнѣнія одного украинскаго помѣщика по поводу указа 1816 г. объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ безъ земли [2], которое мѣстами, и по содержанію, и по языку, до такой степени напоминаетъ произведенія Каразина, что даже первоначально было неосновательно ему приписано.

Обращаясь къ исторіи Россіи, авторъ находитъ, что „*репрезентація народа* — слово столь же безсмысленное, какъ и самая вещь, было неизвѣстно нашимъ предкамъ“, хотя тогда и „собирали лучшихъ людей для совѣщанія о нуждахъ царства“; они полагали, что власть должна быть необходимо наслѣдственною во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ. Наслѣдствен-

[1]) Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ за 1819 г., ч. XIV, 22—27 [illegible] [illegible] прибываетъ годъ отъ году“.

[2]) „Чт. Общ. Ист. Древ. Росс.“ 1860 г., т. II, Смѣсь, стр. 218—227.

все подчинение превращается въ рабство только посредствомъ злоупотребленія. Помѣщикъ „точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего монарха. Вотъ репрезентація... приличнѣе, естественнѣе репрезентаціи толпы бурной черни въ закупаемомъ короною парламентѣ. Самодержавіе, наслѣдственное самодержавіе отъ монарха и до отца, въ хижинѣ своей повелѣвающаго дѣтьми, да будетъ залогомъ нашего блаженства; но да имѣетъ оно законы!" Да будутъ помѣщики „*особенными государственными чиновниками*, какъ и прочіе репрезентанты великаго монарха для сотней и тысячъ народа"; но „да учредится надъ ними надзоръ!" Существующіе по этому предмету законы нужно исполнять безъ всякаго послабленія.

Важное значеніе разсматриваемаго мнѣнія заключается въ энергическомъ протестѣ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ по поводу подобной мѣры въ Эстляндіи въ 1816 г. „Чудное распредѣленіе: дворянству оставить земли!—восклицаетъ авторъ,—дворянству, которое не можетъ ихъ обработывать, которое и воспитывается къ иному назначенію! отнять ихъ у народа, которому онѣ принадлежать, поелику въ потѣ лица изъ вѣка опыя воздѣлывалъ! *По моему понятію, чуть ли не кроется вопіющая неправда подъ личиною милосердія*" (замѣчательно мѣткое опредѣленіе остзейской реформы): „бѣдный народъ пускаютъ на волю, какъ птицу, какой-нибудь нѣмецкій юристъ устами эстляндскаго дворянина говоритъ ему: „Иди во всѣ страны свѣта, но иди нагъ, безъ подпоры и безъ промысла о тебѣ!.. Иди... и проси нищенски позволенія дворянства воздѣлывать уголокъ земли, которая тебя щедро питала прежде! Но нѣтъ, ты рѣдко и такимъ образомъ для себя можешь ее получить. Ты будешь только наемникомъ у той части собственной твоей братьи, которая найдетъ способы и будетъ имѣть всѣ выгоды обращать тебя въ рабочій скотъ". Благодѣтельныя узы между помѣщикомъ и крестьянами теперь совершенно разорваны, и первый превратился въ „торгаша" своею землею. Негодованіе на обезземеленіе крестьянъ заставляетъ автора высказать слѣдующія замѣчательныя слова, доказывающія, что онъ правильнѣе, чѣмъ все его современники, смотрѣлъ на вопросъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ: „*Земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками*[1]; сіи два состоянія всегда жили у насъ одно для другаго, и общаго права ихъ на владѣніе землею никогда не оспаривалъ законъ. Верховное неправосудіе было бы отнять то, что кому искони принадлежало. У насъ помѣщики были всегда только распорядителями земли и другихъ угодій, подобно какъ одинъ есть хозяинъ и распорядитель силъ и богатствъ монархіи, хотя назвать по сей причинѣ монархію его лично исключительною собственностью было бы странно". Такимъ образомъ

[1] Курсивъ въ подлинникѣ.

авторъ ясно понималъ, что помѣщики владѣютъ крестьянами не на гражданскомъ, а на государственномъ правѣ, и даже утверждалъ, что они только „распорядители“ населенныхъ земель, исполняющіе извѣстныя обязанности относительно государства. Дальнѣйшіе его взгляды на крестьянскій вопросъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) нужно назначить извѣстную сумму, которую крестьянинъ долженъ внести хотя бы и не помѣщику, а въ государственную казну въ томъ случаѣ, если желаетъ навсегда оставить мѣсто своего рожденія, т.-е. сдѣлаться свободнымъ: это будетъ „обузданіемъ безпутныхъ переходовъ“, вредность которыхъ для частнаго и государственнаго хозяйства извѣстна жителямъ Украины; 2) „продажа людей, о которой легко доказать, что она есть отступленіе отъ коренныхъ законовъ россійскаго царства, естественно должна прекратиться на вѣчныя времена“; 3) „жалоба поселянъ на помѣщиковъ ихъ должна быть позволена, но, въ отвращеніе своевольствъ, одному только лицу, изъ помѣщиковъ же, назначенныхъ государемъ (или *съ* [illegible] *время*, подобно, какъ жалоба солдатъ допускается при смотрахъ)“; 4) „и во всемъ прочемъ права земледѣльцевъ наряду съ другими состояніями, должны быть строго опредѣлены“; между прочимъ, помѣщикъ будетъ имѣть право взять крестьянина къ себѣ въ услуженіе не иначе, какъ предварительно выдавъ ему отпускную. Поэтому нынѣшніе дворовые люди, получивъ свободу по истеченіи опредѣленныхъ лѣтъ услуги ихъ „воспитателямъ“, т.-е. помѣщикамъ, должны составить особые цехи, подобные цехамъ ремесленниковъ, и приписываться къ городамъ.

Во всѣхъ этихъ требованіяхъ авторъ уже тѣмъ идетъ гораздо далѣе Каразина, что настаиваетъ на общихъ правительственныхъ мѣрахъ въ пользу крѣпостныхъ, желаетъ изданія для этого особаго „устава“, а не предоставляетъ рѣшенія крестьянскаго вопроса личному усмотрѣнію самихъ дворянъ [1]; точно также Каразинъ не высказалъ бы мысли, что земля есть собственность столько же крестьянъ, сколько и помѣщиковъ. Но между взглядами обоихъ авторовъ есть и черты сходства какъ, напримѣръ, отрицательное отношеніе къ „репрезентаціи народа“, т.-е. къ конституціоннымъ стремленіямъ, взглядъ на помѣщика, какъ на государственнаго чиновника; наконецъ, авторъ разсматриваемаго мнѣнія стоитъ за предоставленіе помѣщику половины времени крестьянина, причемъ не упоминаетъ о возможности замѣны этой барщины опредѣленнымъ оброкомъ и даже, какъ видно, не желаетъ считать „земледѣльческое [illegible] помѣщикамъ“ полезнымъ и для интересовъ государства.

---

[1] [illegible] См. „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1859 г., т. III, 43—50.

какъ средство для поддержанія трудолюбія и уничтоженія вредной праздности. Въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, Каразинъ правильнѣе смотрѣлъ на дѣло, стремясь къ совершенному уничтоженію барщины, хотя въ дѣйствительности онъ установилъ через-чуръ высокій размѣръ оброка.

Дѣятельность Каразина по крестьянскому вопросу не ограничивается попытками улучшить бытъ своихъ крестьянъ, описаніемъ принятыхъ имъ мѣръ въ обширномъ посланіи къ Бахтину, наконецъ, распространеніемъ копій съ него. Въ 1818 году онъ печатаетъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ за подписью В. К. „Временный уставъ сельца Анашкина съ деревнями“ [1], находящагося въ звенигородскомъ уѣздѣ, московской губерніи, а затѣмъ издаетъ его за полною своею подписью отдѣльною брошюрою съ болѣе общимъ заглавіемъ: „Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ“ [2]. Въ предисловіи къ нему Каразинъ упоминаетъ, что въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, появляются „опыты сельскихъ уставовъ“. Авторъ рѣшается и самъ издать подобный трудъ, въ увѣренности, что „публичное сообщеніе другъ другу“ такихъ идей можетъ „наилучшимъ образомъ способствовать къ усугубленію благосостоянія поселянъ“, а, слѣдовательно, и самихъ помѣщиковъ. Уставъ этотъ исполняется временно, пока крестьянамъ можно будетъ дать другой, уже 14 лѣтъ „съ пользою“ примѣняемый въ слободско-украинскомъ имѣніи автора. Авторъ заявляетъ, что испрашиваетъ разрѣшенія на изданіе этого послѣдняго устава.

Сравнивая временный уставъ сельца Анашкина съ правилами, изложенными въ письмѣ Каразина къ Бахтину, мы находимъ выгодную сторону перваго въ томъ, что земля не разбивается на отдѣльные участки, а передается въ полномъ составѣ, кромѣ заповѣднаго лѣса и помѣщичьей усадьбы, во владѣніе крестьянъ, слѣдовательно, при этомъ сохраняется общинное пользованіе ею. Передѣлы земли, безъ сомнѣнія, остались въ вѣдѣніи мірской сходки, и тѣмъ болѣе неправильнымъ кажется предоставленіе раскладки денежныхъ сборовъ сельской думѣ, которая по этому уставу состоитъ уже изъ членовъ, не выбираемыхъ крестьянами, а назначаемыхъ помѣщикомъ. Что касается правъ крестьянъ, то и здѣсь имъ предоставлено выкупаться на свободу, и они избавлены отъ продажи, сдачи въ рекруты и поступленія въ дворовые, по усмотрѣнію помѣщика, но все это однако допущено по приговору мірской сходки, постановляемому простымъ большинствомъ голосовъ, чего, конечно, не трудно было добиться при той большой власти, которою пользовалась дума, не выбираемая, а назначаемая помѣщикомъ. Между тѣмъ, въ уставѣ слободско-

---

[1]) Стр. 234—241.
[2]) Спб. 1819 г., 16 стр.

украинскаго имѣнія отдача въ дворовые допускалась лишь по желанію родителей.

Подробный уставъ Каразина не появился, какъ онъ желалъ, въ печати [1]), безъ сомнѣнія, по причинамъ, отъ автора не зависящимъ. Въ февралѣ 1821 г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа сообщилъ цензурному комитету повелѣніе государя, чтобы „печатаніе отдѣльныхъ помѣщичьихъ уставовъ, непосредственно до управленія крестьянъ относящихся", было запрещено [2]). Весьма вѣроятно, что поводомъ къ этому распоряженію послужило ходатайство Каразина объ изданіи его полнаго устава; а незадолго передъ тѣмъ съ нимъ случилась и другая, гораздо болѣе серьезная непріятность, о которой мы разскажемъ ниже.

[1]) [illegible] Каразинымъ [illegible] 1821 [illegible] изданія въ Харьковѣ этихъ рѣчей.

[2]) [illegible] 1871 г., стр. [illegible]

ГЛАВА XXII.

Кр[illegible] въ научныхъ сочиненіяхъ: курсъ политической экономіи Шторха, [illegible] Шлецера, [illegible] проф. Арсеньева, книга Н. И. Тургенева „Теорія налоговъ“.

Къ моральнымъ аргументамъ противъ крѣпостнаго права, высказаннымъ еще въ царствованіе императрицы Екатерины II и основывавшимся, главнымъ образомъ, на требованіяхъ нравственныхъ, въ литературѣ эпохи Александра I присоединился еще важный экономическій доводъ: крѣпостной трудъ гораздо менѣе производителенъ, чѣмъ свободный, и потому уничтоженіе крѣпостнаго права будетъ выгодно для самихъ помѣщиковъ. Впервые наша читающая публика узнала эту мысль изъ классическаго труда Адама Смита, который появился въ русскомъ переводѣ въ самые первые годы царствованія императора Александра I и который имѣлъ большое вліяніе на наше общество: знакомство съ этимъ произведеніемъ считалось обязательнымъ для всякаго образованнаго человѣка. Прямое вліяніе Адама Смита еще болѣе увеличилось тѣмъ, что принципы, положенные имъ въ основаніе своего труда, сдѣлались достояніемъ и нашей экономической литературы вообще, и трактатовъ по крестьянскому вопросу въ частности. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ новой экономической науки была объявлена и задача вольнаго экономическаго общества на 1812 годъ о томъ, что выгоднѣе для хозяина: обработывать ли землю вольнонаемными людьми, или собственными крестьянами? Профес. Якобъ доказалъ, что свободный трудъ выгоднѣе принудительнаго.

Вслѣдъ за трактатомъ Якоба, стоявшимъ на уровнѣ тогдашней экономической науки, появился въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ обширный курсъ политической экономіи нашего академика и извѣстнаго ученаго Шторха, гдѣ былъ, между прочимъ, затронутъ и вопросъ о крѣпостномъ трудѣ. Шторхъ былъ хорошо извѣстенъ при дворѣ еще въ царствованіе императора Павла: онъ былъ учителемъ молодыхъ великихъ князей и чтецомъ императрицы Маріи Θеодоровны, поэтому при им-

ператорѣ Александрѣ ему было поручено преподаваніе политической экономіи великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, плодомъ этихъ-то лекцій и былъ вышеупомянутый курсъ политической экономіи ¹).

Несмотря на то, что Шторхъ обильно пользуется трудами своихъ предшественниковъ, прежде всего Адама Смита, а затѣмъ Гарнье Сэ, Сисмонди, Тюрго, Стюарта, Юма и др., и дѣлаетъ изъ нихъ обширныя выписки, несмотря на то, что самъ авторъ съ величайшею скромностью приписываетъ все лучшее въ своемъ произведеніи этимъ ученымъ, оно не лишено, по отзыву такого спеціалиста по исторіи политической экономіи, какъ Рошеръ, серьезнаго научнаго значенія ²). Еще важнѣе для для насъ, что академикъ Шторхъ не приносъ научной истины въ жертву своему положенію царедворца: онъ не прикрашивалъ печальной русской дѣйствительности, онъ настойчиво указывалъ на крѣпостное право, какъ на главное препятствіе къ развитію экономическаго благосостоянія Россіи, и его уроки были, быть можетъ, одною изъ причинъ того желанія ограничить крѣпостное право, которое въ теченіе всего своего царствованія обнаруживалъ его ученикъ, императоръ Николай Павловичъ. „Политическая экономія, — говоритъ авторъ въ предисловіи, безъ сомнѣнія, имѣя при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, крѣпостное право, — затрогиваетъ иногда деликатные вопросы. Я не оправдалъ бы довѣрія, которымъ меня почтили, если бы представилъ ихъ своимъ августѣйшимъ ученикамъ не съ точки зрѣнія истины и разума... Если долгъ всякаго писателя — защищать дѣло справедливости и человѣчности, то это вдвойнѣ обязанность наставника великихъ князей, мнѣнія которыхъ такъ сильно вліяютъ на судьбу народовъ". Авторъ говоритъ, что, вполнѣ понимая необходимость осторожности въ нѣкоторыхъ вопросахъ, при условіяхъ, въ которыхъ находится Россія, онъ все-таки скорѣе не напечаталъ бы книги, чѣмъ отказался бы отъ независимости своихъ убѣжденій и выражаетъ надежду, что его трудъ, изданный съ одобренія цензуры и на средства самого государя, послужитъ доказательствомъ либеральныхъ принциповъ, которыми руководится правительство императора Александра. Къ сожалѣнію, эти надежды оправдались лишь отчасти: французское изданіе труда Шторха, дѣйствительно, вышло въ свѣтъ, но русскій переводъ его не былъ дозволенъ цензурою.

Говоря о накопленіи богатствъ, авторъ указываетъ на то, что для развитія экономическаго благосостоянія страны необходимы свобода личности и обезпеченіе собственности, какъ это подтверждаетъ примѣръ

¹) H. Storch. Cours d'économie politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Ouvrage qui a servi à l'instruction de Leurs Altesses Imp. les Grands Ducs Nicolas et Michel. Spb. 1815, 6 vols.

²) W. Roscher. Geschichte der National-Oeconomik in Deutschland. S. 709—813.

Англіи. Между тѣмъ, „наши крѣпостные (esclaves) рѣдко копятъ: съ одной стороны, ихъ удерживаетъ отъ этого боязнь, что у нихъ отнимутъ сбереженія“, съ другой — они не заботятся о будущемъ, надѣясь, что въ старости ихъ прокормитъ помѣщикъ, сбереженныя же деньги они прячутъ и, такимъ образомъ, извлекаютъ ихъ изъ обращенія [1]. Въ четвертомъ томѣ своего сочиненія авторъ посвящаетъ нѣсколько главъ несвободному труду. Положеніе нашего крѣпостнаго, — справедливо замѣчаетъ онъ, — очень различно отъ положенія раба въ европейскихъ колоніяхъ, но, все-таки, „рабство существуетъ вездѣ, гдѣ есть право собственности человѣка надъ человѣкомъ“. Неизбѣжнымъ его слѣдствіемъ является чрезмѣрное размноженіе класса, составляющаго прислугу, и, слѣдовательно, увеличеніе непроизводительнаго потребленія: такъ было и въ древнемъ Римѣ, и у насъ, въ Россіи. Указавъ на три способа пользованія рабскимъ трудомъ — барщину на своего господина, отдачу рабовъ въ наемъ другому и обложеніе ихъ денежнымъ сборомъ — авторъ, вопреки многимъ агрономамъ, рѣшительно высказывается за „очень обычную“ въ Россіи оброчную систему, которая „всего менѣе тяжела для раба и менѣе неблагопріятна для развитія національнаго богатства“, а самымъ вреднымъ считаетъ отдачу рабовъ въ наемъ другому. Рабскій трудъ — плохаго качества: рабъ хуже работаетъ и дороже стоитъ, чѣмъ свободный работникъ [2]. Напротивъ, оброчная система имѣетъ многія выгоды: столь распространенная въ Россіи, она значительно „ослабляетъ у насъ пагубныя слѣдствія рабства, и если когда-нибудь его серьезно задумаютъ уничтожить, то она представляетъ самое простое и удобное средство“. Но, однако же, рабъ и находящійся на оброкѣ, все-таки, не вполнѣ обезпеченъ въ пользованіи плодами своего труда и можетъ быть через-чуръ обремененъ денежными повинностями. Отъ такихъ *крѣпостныхъ*, которыхъ авторъ называетъ рабами (esclaves), онъ совершенно справедливо отличаетъ *прикрѣпленныхъ къ землѣ* (serfs), размѣръ повинностей которыхъ опредѣленъ закономъ и собственность которыхъ обезпечена (къ ихъ числу принадлежатъ наши казенные крестьяне). Если иногда эти послѣдніе живутъ у насъ бѣднѣе помѣщичьихъ, то это объясняется притѣсненіями со стороны чиновниковъ. Отсюда, — говоритъ Шторхъ, — нельзя, однако, сдѣлать заключенія (какъ это, замѣтимъ отъ себя, дѣлали многіе крѣпостники), что рабство лучше свободы, какъ нельзя считать счастливымъ положеніе средневѣковыхъ вилланов на томъ основаніи, что многіе свободные люди, въ виду отсутствія общественной безопасности, добровольно отказывались отъ своей свободы. Но что вообще наши казенные крестьяне зажиточнѣе крѣпостныхъ, это видно, по

[1]) *Storch*. „Cours d'économie politique“. I, 317, 320, 321

[2]) Ibid. IV, 262–65, 269–70, 274–79.

мнѣнію автора, указываетъ то, что большинство селъ, превращенныхъ при императрицѣ Екатеринѣ II въ уѣздные города, было казеннаго вѣдомства [1]). Далѣе онъ подробно указываетъ на то, какое вредное вліяніе имѣетъ рабство на земледѣліе, промышленность и торговлю, и замѣчаетъ, что при арендной системѣ землевладѣлецъ получаетъ съ земли гораздо болѣе дохода, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, такъ какъ производительность ея чрезвычайно увеличивается, благодаря свободному труду. Авторъ, впрочемъ, оговаривается, что арендная система можетъ быть приложима лишь въ странѣ съ развитымъ благосостояніемъ [2]).

Шторхъ не развиваетъ здѣсь подробно своихъ взглядовъ о томъ, какъ слѣдуетъ произвести освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи: онъ только выражаетъ сочувствіе арендной системѣ и нѣкоторымъ попыткамъ на Западѣ перевести крѣпостныхъ крестьянъ въ положеніе свободныхъ фермеровъ. Уже изъ этого видно, что онъ ничего не имѣетъ противъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ. Однако, въ то же время, онъ выражаетъ сочувствіе какъ закону 1804 года, которымъ императоръ Александръ уничтожилъ рабство въ Лифляндіи и сдѣлалъ тамошняго крестьянина прикрѣпленнымъ къ землѣ на „справедливыхъ условіяхъ“, такъ и учрежденію свободныхъ хлѣбопашцевъ. Подробнѣе относительно этихъ послѣднихъ онъ высказался въ своемъ изданіи „Russland unter Alexander dem Ersten“ [3]), гдѣ, вполнѣ допуская освобожденіе со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ, онъ, въ то же время, считаетъ возможнымъ безземельное освобожденіе съ тѣмъ, чтобы крестьяне сдѣлались свободными арендаторами или чтобы была установлена вѣчная денежная или натуральная повинность [4]).

Мы видѣли, что Шторху не дозволили издать его книгу на русскомъ языкѣ. Гораздо печальнѣе была исторія другаго ученаго, харьковскаго профессора Шада. По рекомендаціи Гете и Шиллера, онъ былъ приглашенъ въ 1804 году на каѳедру философіи въ Харьковъ; со временемъ на него былъ поданъ доносъ, и министерство народнаго просвѣщенія, а затѣмъ и комитетъ министровъ усмотрѣли вредное направленіе въ изданныхъ имъ книгахъ „De viris illustribus urbis Romae“ и „Institutiones iuris naturae“. Такъ, во второй изъ нихъ нашли много разсужденій, „несогласныхъ съ нашими учрежденіями“, какъ наприм. о власти государя

1) Ibid. IV, 293—300.
2) Ibid. IV, 301—21, ср. 230, 233.
3) Ibid. V, 90—92.
4) Въ [illegible] Шторхъ въ 1804 г. съ сочувствіемъ [illegible] [illegible] (IV, 260—62) [illegible] Шторха [illegible] см. Погодинъ „Карамзинъ“ II, 14[illegible]

о недозволеніи никакихъ особыхъ толкованій и ересей между православными, несогласныя съ нашими правами сужденія о бракѣ и проч. По рѣшенію совѣта министровъ, утвержденному государемъ, Шадъ въ 1816 году былъ удаленъ отъ должности и высланъ за границу, а обѣ изданныя имъ книги велѣно было уничтожить. Не останавливаясь подробнѣе на всей этой исторіи и не касаясь содержанія запрещенныхъ сочиненій Шада вообще, мы приведемъ только изъ его книги „Institutiones juris naturae" (1814 года) мѣсто, трактующее о рабствѣ: „Рабство, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается, какъ вещь,—говоритъ авторъ,—противорѣчитъ естественному праву. Хотя съ древнихъ временъ были и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь, и не только у нихъ, но и у ихъ дѣтей и всего потомства, и не признающіе за рабами никакого человѣческаго права, однако, такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основывающееся на общемъ благѣ. По законамъ разума, нѣтъ права безъ взаимнаго права, т.-е. безъ обязательства, а при такомъ образѣ мыслей господинъ имѣлъ бы право безъ обязательства, подчиненные же ему имѣли бы только одно обязательство безъ всякаго права. Такое состояніе противорѣчило бы природѣ всякаго общества, притомъ оно не основано и на договорѣ, такъ какъ согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть ничто иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни"[1]. Эти идеи сочиненія, напечатаннаго на латинскомъ языкѣ, разумѣется, не могли получить большаго распространенія, но очень важно то, что онѣ высказывались профессоромъ, который, слѣдовательно, и на каѳедрѣ былъ проводникомъ освободительныхъ взглядовъ въ среду русской молодежи.

Мы имѣли уже случай указать, что и другой харьковскій ученый изъ иностранцевъ, а именно профессоръ политической экономіи Якобъ, въ изданномъ имъ тамъ въ 1809 году на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіи по полицейскому праву, а позднѣе и въ своемъ отвѣтѣ на задачу вольнаго экономическаго общества, явился горячимъ противникомъ крѣпостнаго права. Понятно, что эти освободительныя идеи должны были отразиться въ извѣстной степени и на мѣстныхъ молодыхъ ученыхъ изъ русскихъ. Въ 1816 году, т.-е. въ то же время, когда правительственная кара постигла профессора Шада, въ Харьковѣ появилась книга „доктора обоихъ правъ" М. Грибовскаго „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи", лю-

---

[1] *Н. Лавровскій*, „Эпизодъ изъ исторіи харьковскаго университета". „Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс." 1873 г., т. II, 38—58. Срав. *Лавровскій*, „В. Н. Каразинъ". „Журн. Мин. Нар. Просв., 1872 г., т. 159, стр. 226—227.

бопытная уже по самому выбору темы, но имѣющая и серьезныя внутреннія достоинства, такъ какъ она ясно представляла положеніе нашихъ крестьянъ по существовавшимъ тогда законамъ съ нѣкоторыми историческими свѣдѣніями [1]). Мы привели уже выше то мѣсто изъ этого сочиненія, гдѣ авторъ выражаетъ полное сочувствіе учрежденію свободныхъ хлѣбопашцевъ, но Грибовскій не осмѣливается такъ рѣшительно отрицать рабство, какъ, напр., Шадъ. Въ самомъ началѣ своего сочиненія, посвященнаго Аракчееву, онъ оговаривается, что считаетъ „слишкомъ пристрастнымъ" мнѣніе тѣхъ, которые признаютъ рабство совершенно противнымъ уму и унижающимъ человѣческую природу. Сопоставивъ это мѣсто съ приведеннымъ отрывкомъ изъ книги Шада, нельзя не видѣть въ словахъ Грибовскаго намека на мнѣніе этого профессора. Оправданіе для рабства, по крайней мѣрѣ при извѣстномъ состояніи общества, авторъ находитъ въ аналогіи съ семействомъ, гдѣ дѣти также находятся въ зависимости отъ родителей. „Пока государство,—говоритъ Грибовскій,—не достигнетъ той степени совершенства, что дѣйствія всѣхъ членовъ его не могутъ уже поколебать общественнаго порядка, до тѣхъ поръ рабство и власть господъ необходимы. Власть сія замѣняетъ часть власти полицейской въ государствѣ: она управляетъ поступками рабовъ, направляетъ ихъ къ общей цѣли и обуздываетъ неумѣстные порывы. Кажется, что это есть вмѣстѣ и причина, почему находимъ почти у всѣхъ народовъ при первоначальномъ ихъ образованіи рабство, и оправданіе, почему оно иногда бываетъ необходимо государству". Въ другомъ мѣстѣ авторъ высказываетъ мысль, что, при извѣстномъ состояніи государства, несвободный трудъ можетъ быть выгоднымъ и на фабрикахъ. Но, въ то же время, онъ не прочь отъ освободительныхъ мѣръ, принятыхъ съ осторожностью. „Постепенное и нечувствительное (?!) освобожденіе крестьянъ,—говоритъ авторъ,—не дѣлая сильнаго переворота, можетъ принести пользу"; для освобожденія онъ требуетъ извѣстной подготовки крестьянъ и повторяетъ знаменитое выраженіе Руссо, съ которымъ выражалъ свое согласіе и Болтинъ. Крестьяне—продолжаетъ онъ,—привыкнувъ къ власти господъ, не могутъ не придти въ безпорядокъ, когда, неприготовленные къ тому, будутъ вдругъ освобождены"; но крестьяне, постепенно пріучаемые къ свободѣ и освобождаемые въ небольшомъ количествѣ, приносятъ большую пользу. „Они легко снискиваютъ себѣ занятія, и ни правительство, ни прочія состоянія не принуждаются перемѣнять введеннаго и привычкою давно утвержденнаго образа жизни" [2]). Такимъ образомъ, сочувствуя учрежденію свободныхъ

---

[1]) [illegible] Грибовскаго [illegible] Сборн. [illegible] 1 255. [illegible] Грибовскаго [illegible] Россія до [illegible] „Вѣстн. Евр." 1816 г., ч. 88, № 16, стр. 275—284.

[2]) Стр. 1—3, 54—55, 92—93

хлѣбопашцевъ, авторъ тутъ, повидимому, не прочь и отъ безземельнаго освобожденія.

Грибовскій довольно уклончиво отнесся къ крестьянскому вопросу, но были русскіе ученые, и именно ученые-профессора, которые высказывались, насколько позволяли тогдашнія условія печати, противъ крѣпостнаго права. Такимъ ученымъ былъ профессоръ главнаго педагогическаго института, а затѣмъ петербургскаго университета Кон. Арсеньевъ, авторъ «Начертанія статистики россійскаго государства» (С.-Пб. 2 ч., 1818—1819 гг.). Въ этомъ сочиненіи одникъ изъ главныхъ препятствій къ усовершенствованію земледѣлія онъ называетъ крѣпостное право (или,—по выраженію автора,—„крѣпостность земледѣльцевъ“). Относительно непроизводительности крѣпостнаго труда въ земледѣліи авторъ ссылается на сочиненіе Якоба, о промышленности же онъ замѣчаетъ, что для поощренія къ большей дѣятельности и къ большему производству „нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная, неограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода“. Приведя суровые отзывы иностранцевъ Перри и Кокса о тяжеломъ положеніи крестьянъ въ Россіи, Арсеньевъ замѣчаетъ, что хотя они преувеличиваютъ „невыгоды крѣпостности, но во многихъ отношеніяхъ имѣютъ свои основанія“, и затѣмъ указываетъ на безправное положеніе крѣпостныхъ по нашимъ законамъ: на то, что помѣщикъ можетъ продавать ихъ съ землею и безъ земли, можетъ переселять по своему усмотрѣнію, что „всякая жалоба или доносъ со стороны крестьянина на своего господина считается неповиновеніемъ, ибо первый на послѣдняго истцомъ быть не можетъ“, что помѣщичьи крестьяне не могутъ пріобрѣтать никакого движимаго имѣнія и пр. Авторъ, впрочемъ, признаетъ, что многіе господа заботятся о благосостояніи своихъ крѣпостныхъ и что есть очень богатые помѣщичьи крестьяне. Арсеньевъ соглашается съ мнѣніемъ Якоба и Шторха, что оброчные крѣпостные находятся въ лучшемъ положеніи, нежели барщинные: послѣдніе „большею частью бѣдны“. „Есть помѣщики въ Россіи,—продолжаетъ авторъ,—которые пользуются и оброкомъ и личными работами крестьянъ, и собираніемъ съ нихъ различныхъ пошлинъ натурою. Крестьяне, таковымъ владѣльцамъ принадлежащіе, имѣютъ еще менѣе средствъ къ своему благосостоянію и суть истинные рабы не по названію, а по существу своему“. Вообще же существующія отношенія „невыгодны“ и для господъ, и для крѣпостныхъ [1]).

Наставникъ Арсеньева, извѣстный ученый статистикъ Германъ, задѣвалъ крѣпостное право въ университетскихъ лекціяхъ. Это, конечно, не могло пройти ему даромъ въ эпоху реакціи, и понятно, что Германъ и Арсеньевъ находились въ числѣ тѣхъ профессоровъ, противъ которыхъ было воздвигнуто гоненіе въ 1821 году (кромѣ нихъ, подверглись преслѣ-

[1]) Т. I, 106—107; т. II, 89—100.

дованіе профессора исторіи философіи Галичъ и общей исторіи Раупахъ. Не касаясь подробностей этого печальнаго событія, упомянемъ только что главное правленіе училищъ признало ученіе Германа, усвоенное и Арсеньевымъ, опаснымъ для государства и постановило статистическія сочиненія ихъ обоихъ совершенно не допускать къ употребленію по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Магницкій предлагалъ даже выслать Германа и Раупаха за границу. Всѣ эти профессора лишились своихъ мѣстъ, но, вслѣдствіе разногласія въ комитетѣ министровъ, дѣло о нихъ, къ счастью, затянулось и, наконецъ, въ 1827 году по именному повелѣнію было прекращено ¹).

Благодѣтельное вліяніе университетской науки въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ обнаруживалось всего болѣе въ тѣхъ молодыхъ людяхъ, которые черпали знаніе изъ перваго источника — въ заграничныхъ университетахъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ такихъ молодыхъ людей при Екатеринѣ II былъ Радищевъ; затѣмъ мы видѣли, что въ первые годы царствованія императора Александра и Каисаровъ внесъ свою лепту въ литературу крестьянскаго вопроса; но самымъ виднымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи изъ питомцевъ западной науки въ разсматриваемую теперь эпоху былъ, несомнѣнно, Н. И. Тургеневъ. Николай Ивановичъ (родившійся въ 1789 году), сынъ директора московскаго университета И. П. Тургенева, началъ образованіе въ тамошнемъ университетскомъ пансіонѣ подъ руководствомъ профессора Антонскаго, а затѣмъ довершилъ его занятіями въ геттингенскомъ университетѣ и путешествіями по всей Западной Европѣ. Въ 1813 году онъ былъ сдѣланъ русскимъ коммиссаромъ при барonѣ Штейнѣ, въ центральной правительственной коммиссіи, учрежденной со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Германію. По собственному его сознанію, Тургеневъ еще въ дѣтствѣ былъ пораженъ тяжелымъ положеніемъ крѣпостныхъ въ Россіи; теперь и университетское образованіе, и личное знакомство съ такимъ замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, какъ Штейнъ, должно было не мало способствовать развитію его взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Тургеневу были извѣстны мѣры Штейна относительно прекращенія крѣпостнаго права въ Пруссіи. Онъ зналъ, конечно, также, что по указу 1811 г., изданному въ Пруссіи, тамошнимъ крѣпостнымъ было дозволено пріобрѣтать въ собственность поземельные участки, находившіеся въ ихъ пользованіи, и совершенно развязывать отношенія къ помѣщикамъ, уступивъ имъ только одну треть своихъ земель. Личныя отношенія съ Штейномъ также должны были обратить вниманіе Тургенева на главное зло совре-

¹) Дѣло о С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1821 г. «Чт. О. И. и Д. Р.» 1866, кн. III; ср. *Богдановичъ*. Ист. царств. имп. Александра I-го, т. VI, стр. 208—222.

мѣнной ему Россіи, такъ какъ Штейнъ еще въ 1809—1810 годахъ высказывалъ, что главнымъ и необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и богатства русскаго народа должно быть освобожденіе крестьянъ съ надѣленіемъ землею за извѣстную возрастающую ренту продуктами (до трети или половины ихъ), но съ сохраненіемъ полицейскаго и судебнаго надзора дворянства [1]).

Еще будучи въ университетѣ, Тургеневъ набросалъ вчернѣ свой трудъ „Теорія налоговъ", который издалъ въ 1818 году, черезъ два года по возвращеніи въ Россію. Здѣсь онъ задѣвалъ, какъ мы увидимъ ниже, крѣпостное право, и потому его сочиненіе могло бы встрѣтить препятствіе со стороны цензуры, но Тургеневу попался честный цензоръ, который рѣшился пропустить его трудъ цѣликомъ и не пострадалъ за это, хотя Аракчеевъ и высказывалъ удивленіе, что можно писать и печатать подобныя вещи.

По собственному выраженію Тургенева въ его мемуарахъ, онъ старался въ этомъ сочиненіи доказать, что „какъ для экономическихъ и финансовыхъ теорій, такъ и для теоріи управленія, есть лишь одно истинное основаніе — свобода". Онъ пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы говорить объ Англіи, ея могуществѣ и богатствахъ и приписываетъ всѣ эти выгоды ея свободнымъ учрежденіямъ. Въ главѣ, посвященной налогамъ „съ дохода отъ работной платы", Тургеневъ касается крестьянскаго вопроса въ Россіи. Онъ указываетъ на то, что противъ крѣпостнаго права писали по большей части иностранцы, неимѣющіе необходимыхъ свѣдѣній о нашей странѣ и потому сравнивавшіе русскихъ крестьянъ съ неграми; защитники же его воображаютъ, что крестьянинъ можетъ не иначе приносить помѣщику доходъ, какъ составляя его собственность. „И то и другое мнѣніе одностороннее, но, все-таки, первое ближе къ истинѣ". Имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду взгляды крѣпостниковъ, вродѣ кн. Волконскаго, Ростопчина и Поздѣева, Тургеневъ говоритъ, что если защитникамъ сохраненія status quo въ крестьянскомъ вопросѣ „говорено было о необходимости постепеннаго дарованія крестьянамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, если говорено было о необходимости постепеннаго ограниченія власти помѣщиковъ, которая въ дѣйствіяхъ своихъ часто бываетъ противна религіи и человѣчеству, то они начинали кричать противъ царства разума во Франціи, какъ будто права собственности и личной свободы, на коихъ созидается благосостояніе государствъ, должны влечь за собою уничтоженіе религіи и законовъ! Пусть сіи люди взглянутъ на исторію. Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ

[1]) *Pertz*. Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. Bd. II. Berl. 1850, S. 469—470.

виновниковъ своего благополучія? Всегда и вездѣ народъ платилъ любовью, признательностью и повиновеніемъ за дѣлаемыя ему благодѣянія. Возмущенія народныя всегда происходили отъ противуположныхъ причинъ". Въ этой мысли Тургеневъ сходится съ гр. Строгановымъ, который въ неоффиціальномъ комитетѣ также доказывалъ, что бездѣйствіе правительства относительно крѣпостнаго права можетъ вызвать народныя волненія. „Благоустроенное государство,—продолжаетъ авторъ,—не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго народа". Не упуская случая и въ другихъ отдѣлахъ книги сдѣлать вылазку противъ крѣпостнаго права, Тургеневъ замѣчаетъ, что успѣхамъ Россіи препятствуетъ „существованіе рабства", напротивъ того, благоденствіе Великобританіи основано на „свободѣ народной" [1]).

Книга Тургенева очень быстро получила извѣстность; въ печати она принята была очень сочувственно: такъ, напримѣръ, профессоръ Куницынъ въ рецензіи на эту книгу говоритъ, что „авторъ Опыта, подчиняя правила теоріи налоговъ правиламъ справедливости и человѣколюбія, исполнилъ долгъ свой по совѣсти"; онъ не похожъ на тѣхъ сочинителей „политическихъ трактатовъ, которые, при торжественныхъ увѣреніяхъ въ ихъ любви къ отечеству, проповѣдуютъ правила, угнетательныя для ихъ согражданъ" [2]). Многіе уважаемые люди либеральнаго направленія пожелали познакомиться съ Тургеневымъ; среди консерваторовъ онъ пріобрѣлъ не мало враговъ, но даже нѣкоторые люди съ отсталыми взглядами отдавали справедливость его труду: такъ, напримѣръ, Тутолминъ, членъ государственнаго совѣта (Тургеневъ служилъ тогда въ канцеляріи этого учрежденія) сказалъ, что его сочиненіе можетъ служить руководствомъ при изученіи финансовыхъ вопросовъ и сильно поможетъ ихъ рѣшенію. Такіе просвѣщенные сановники, какъ адм. Мордвиновъ и графъ Потоцкій, сблизились съ Тургеневымъ; канцлеръ Румянцевъ захотѣлъ съ нимъ познакомиться. Скоро потребовалось новое изданіе книги, которое и появилось въ 1819 году. Послѣ 1825 года, по свидѣтельству автора, книга его подверглась гоненію: ее разыскивали и отбирали всѣ найденные экземпляры [3]).

Съ замѣчательною личностью Н. И. Тургенева мы встрѣтимся еще не разъ въ исторіи крестьянскаго вопроса.

[1]) „Опытъ теоріи налоговъ", изд. 2-е, 118—121, 239—240.

[2]) Рецензія Куницына перепечатана при 2-мъ изд. книги Тургенева стр. XLI.

[3]) La Russie et les Russes I, 74—77.

ГЛАВА XXIII.

Крестьянскій вопросъ въ журналистикѣ въ царствованіе императора Александра I.

Въ предыдущихъ главахъ были разсмотрѣны тѣ отдѣльныя сочиненія, которыя такъ или иначе затрогивали крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Александра; разобраны были также и статьи по этому предмету въ журналѣ, издаваемомъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ 1804—1814 гг. Теперь посмотримъ, на сколько оказалось возможнымъ обсудить этотъ вопросъ вообще въ журналистикѣ того времени и отмѣтимъ и здѣсь проявленіе либеральныхъ и консервативныхъ взглядовъ въ примѣненіи къ самому важному дѣлу того времени. Уже изъ предыдущаго изложенія, изъ разсказа объ отношеніи цензуры и нашихъ высокопоставленныхъ консерваторовъ къ такимъ трудамъ, какъ книги Пнина, Стройновскаго, Шада, Арсеньева и Н. Тургенева видно, что писатели, горячо желавшіе уничтоженія крѣпостнаго права, лишь съ трудомъ могли проводить въ печать свои взгляды; этимъ, безъ сомнѣнія, и объясняется то, что въ журналистикѣ александровской эпохи мы находимъ гораздо менѣе статей по этому предмету, чѣмъ сколько можно было бы ожидать въ виду того вниманія, которое участь крѣпостныхъ возбуждала въ то время въ правительствѣ и обществѣ. Особенно скудны въ этомъ отношеніи журналы перваго десятилѣтія XIX вѣка, и тутъ мы можемъ отмѣтить лишь нѣсколько довольно слабыхъ замѣтокъ по крестьянскому вопросу. Между тѣмъ какъ правительство носилось въ это время съ освободительными идеями и до извѣстной степени проявляло свое либеральное настроеніе не только въ законодательствѣ (указъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и нѣкоторыя другія мѣры), но допускало затрогивать злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ даже въ оффиціальномъ изданіи, цензура въ то-же время преслѣдовала такія сочиненія, какъ весьма умѣренная книга Пнина „Опытъ о просвѣщеніи“, извѣстная къ тому же съ хорошей стороны самому государю.

Когда въ 1804 г. правительство издало распоряженіе, имѣвшее цѣлью прекратить торговлю рекрутами, въ „С.-Петербургскомъ журналѣ“, оффи-

ціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, появилось „Письмо къ издателямъ изъ Москвы“ о продажѣ людей въ рекруты [1]). Авторъ письма выражаетъ сомнѣніе, чтобы въ столицѣ извѣстны были „всѣ гнусности сего постыднаго торга“ и разсказываетъ далѣе то, что собственно уже было описано въ сочиненіи Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, но что вслѣдствіе уничтоженія этого сочиненія могло быть ново для многихъ читателей: какъ помѣщикъ, желая продать крѣпостнаго въ рекруты, отпускаетъ его на волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ сажаетъ его подъ стражу или даже надѣваетъ ему оковы, какъ затѣмъ приписываетъ его къ казенному селенію, которое и сдаетъ его въ военную службу. „Видали примѣры, что лучшіе люди были забраны изъ вотчины, приводимы были толпою на мѣсто рекрутскаго пріема. Вслѣдъ затѣмъ открывался торгъ. Люди, желающіе поставить вмѣсто себя рекрута, приходили въ домъ, гдѣ торжище сіе было открыто, смотрѣли, выбирали, торговались и заключали, наконецъ, продажу. Помѣщикъ получалъ деньги, а казенный крестьянинъ получалъ рекрута. Такимъ образомъ въ двѣ минуты все было кончено. Бумаги и весь обрядъ лживости и подлога совершались вслѣдъ затѣмъ и совершались именемъ того же самаго закона, который столь безстыдно былъ попираемъ“. Въ другихъ мѣстахъ при наступленіи рекрутскаго набора открываютъ родъ маклерской конторы, куда являются и помѣщики, желающіе продать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты, и люди, ихъ ищущіе [2]).

Въ виду цензурныхъ строгостей приходилось иногда говорить лишь намеками о желательномъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Такъ, авторъ статьи „Опытъ о Великобританіи“ въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ [3]), разсуждая о томъ, что необходимо для процвѣтанія Россіи, говоритъ, что если бы „какіе-либо торги, заводы, животныя: рогатый скотъ, овцы, лошади *и прочія* (курсивъ въ подлинникѣ), находясь въ чьемъ-либо исключительномъ владѣніи“ препятствовали „свободному употребленію и развитію

[1]) [illegible] другихъ лицъ къ присылкѣ подобныхъ статей.

[2]) [illegible] журналъ“ 1804 г. Т. IV, стр. 119—121. [illegible] оной заплатить, и никакой правъ ею располагать не долженъ“.

[3]) 1805 г. № 3, стр. 259—260.

произведеній и способностей сихъ предметовъ" то и тогда, чтобы уничтожить эти препятствія „злоупотребленіемъ постановленныя, временемъ утвержденныя", не пришлось бы нарушать права собственности: авторъ предлагаетъ вознаградить за потерю всего вышеназваннаго казенными землями, которыя остаются необработанными. „Пусть правленіе по справедливости соблюдая сокровища государственныя, щедро раздаетъ тѣ, ему безполезныя земли, въ промѣнъ за вышеупомянутые предметы" (торги работы и прочія, т. е. крѣпостныхъ крестьянъ), „которые оно пріобрѣло, по свойству каждаго изъ нихъ, или присвоитъ въ особенности себѣ" (здѣсь разумѣются крѣпостные) „или снабдитъ оными прилежныхъ, но скудныхъ земледѣльцевъ". Этотъ примѣръ всего нагляднѣе показываетъ, какимъ эзоповскимъ языкомъ приходилось писать тогда о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ „Журналѣ россійской словесности" Брусилова была помѣщена ода Пнина „Человѣкъ", въ которой находимъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
Раба отъ Человѣка я:
Одинъ какъ солнце въ небѣ ясномъ,
Другой такъ мраченъ, какъ земля.
Одинъ есть все, другой—ничтожность
Когда-бъ позналъ свою рабъ должность,
Спросилъ природу, разсмотрѣлъ:
Кто бѣдствій всѣхъ его виною?
Тогда бы тою-же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что надѣлъ".

Въ „Одѣ на правосудіе" Пнинъ говоритъ, что гдѣ господствуетъ правосудіе, тамъ:

„Не раболѣпствуетъ народъ:
Тамъ земледѣлецъ не страшится.
Чтобы насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ" [1]).

Въ „Вѣстникѣ Европы" 1807 г., издававшемся тогда Каченовскимъ [2]), напечатана либеральная статья „Добрый помѣщикъ", авторъ которой, между прочимъ, выражаетъ сочувствіе закону о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Изображая идеальнаго помѣщика, онъ влагаетъ ему въ уста слѣдующую рѣчь. „Всякій помѣщикъ прежде долженъ позаботиться о людяхъ, потомъ уже о землѣ и скотинѣ, прежде о выгодахъ крестьянъ, потомъ о своихъ доходахъ... Я никакъ не могу повѣрить, чтобы тотъ почиталъ своего крестьянина человѣкомъ, кто обходится съ нимъ, какъ съ безсловеснымъ животнымъ.... Не мое дѣло входить въ изслѣдованіе, откуда же и

[1]) 1805 г. Кн. 1-я, стр. 38—48; кн. 10, стр. 69.
[2]) Ч. 35, стр. 281—289.

можно-ли, и какими средствами можно обезпечить состояніе поселянъ и оградить ихъ безопасностью отъ своевольныхъ притѣсненій. Помѣщикъ отъ того не потерпитъ ни малѣйшаго урону въ своихъ выгодахъ. Простаковы и подобные имъ пускай себѣ вопіютъ, что у нихъ отнимаютъ право побить крестьянина, когда захочется: слава и благоденствіе отечества не зависитъ отъ Простаковыхъ... Злые помѣщики заставляютъ быть крестьянъ злыми. Угнетаемый крестьянинъ ненавидитъ господина своего, ибо почитаетъ его орудіемъ своего несчастія. При такомъ взаимномъ расположеніи, какого можно ожидать усердія, какого доброхотства? Помѣщикъ, презирающій крестьянина, не печется о его благоденствіи; крестьянинъ ненавидящій помѣщика, работаетъ ему принужденно. Вотъ источникъ многихъ безпорядковъ, опасныхъ для цѣлаго государства... И одно человѣколюбіе, но и собственная польза должна бы заставить насъ хорошо обходиться съ крестьянами". Сочувствуя вообще освобожденію крестьянъ, авторъ не даетъ, однако, по этому предмету никакихъ практическихъ указаній и лишь протестуетъ противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ.

Въ 1808 г. изданіе „Вѣстника Европы" перешло въ руки В. А. Жуковскаго, и въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ (въ № 9) свою статью: „Печальное происшествіе, случившееся въ началѣ 1809 г.", въ которой затрогиваетъ вопросъ о тяжеломъ положеніи образованныхъ крѣпостныхъ. Онъ описываетъ несчастную судьбу одной дворовой дѣвушки, воспитанной вмѣстѣ съ дочерью помѣщика и полюбившей его сына; ее разлучаютъ съ любимымъ человѣкомъ, который сходитъ съ ума. Авторъ заканчиваетъ этотъ разсказъ слѣдующими словами: „Многіе изъ русскихъ дворянъ имѣютъ при себѣ такъ называемыхъ фаворитовъ. Что это значитъ? Они выбираютъ или мальчика, или дѣвочку изъ состоянія служителей, приближаютъ ихъ къ своей особѣ, даютъ имъ воспитаніе, имъ неприличное, позволяютъ имъ пользоваться преимуществами, имъ непринадлежащими и оставляютъ ихъ въ прежней *зависимости*. То-ли называется благотвореніемъ? Человѣкъ *зависимый*, знакомый съ чувствами и понятіями людей *независимыхъ*, несчастливъ на вѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее —свобода! Для чего развиваете въ бѣдномъ слугѣ познанія и таланты? Для того-ли, чтобъ онъ могъ яснѣе почувствовать со временемъ, что Провидѣніе наградило его такимъ удѣломъ, въ которомъ и таланты его, и познанія должны угаснуть безплодно? Если вы образуете его единственно для себя, то ваше благотвореніе есть самый жестокій эгоизмъ или, лучше сказать, злодѣйство, украшенное блестящею личиною благодѣтельности. Просвѣщеніе должно *возвышать* человѣка въ собственныхъ его глазахъ, а что унизительнѣе рабства! Вы замѣчаете въ своемъ человѣкѣ дарованія и умъ необыкновенный — итакъ, прежде, нежели рѣшитесь открыть ему тайну его сокровища, возвратите ему свободу, или убійственное чувство раб-

ства уничтожитъ всѣ ваши о немъ попеченія. Вы или укажете ему дорогу къ испорченности и разврату, или душа его, если она неспособна привязаться къ пороку, увянетъ отъ тайной скорби, всегда неразлучной съ униженіемъ [1]). Такимъ образомъ, Жуковскій затрогиваетъ здѣсь лишь одну, но довольно важную, сторону быта крѣпостныхъ [2]).

Рядомъ съ либеральными статьями по крестьянскому вопросу мы встрѣчаемъ въ тогдашнихъ журналахъ и такія, авторы которыхъ враждебно относятся къ освобожденію крестьянъ [3]) или даже какому бы то ни было ограниченію помѣщичьей власти. Въ „Другѣ Просвѣщенія“ 1805 г. [4]) княгиня Дашкова, которая еще въ разговорѣ съ Дидро высказала консервативные взгляды по крестьянскому вопросу, напечатала, за подписью „Россіянка“, статью „Размышленія благороднаго земледѣльца, присланныя изъ Тамбова“ [5]). Авторъ разсказываетъ здѣсь, между прочимъ, что въ имѣніи П. Д. Еропкина, калужской губерніи, крестьяне платятъ помѣщику только по два рубля оброка и затѣмъ избавлены отъ всякихъ работъ и подводъ; статья эта, однако, написана вовсе не для того, чтобы рекомендовать всѣмъ помѣщикамъ такой легкій оброкъ; напротивъ, она, безъ сомнѣнія, вызвана тревожными для автора слухами о либеральныхъ намѣреніяхъ правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ. „Въ кроткое нынѣ царствованіе“, говоритъ княгиня Дашкова, „правительство не будетъ и, коли смѣю сказать, *не позволитъ себѣ* предписывать, чтобъ всѣ помѣщики, по примѣру добродѣтельнаго мужа, Петра Димитріевича (Еропкина), только по два рубли съ души брали...“ Княгиня вполнѣ соглашается со взглядами тѣхъ, которые говорятъ, что ихъ мужики, не смотря на шестирублевый оброкъ, „въ хорошемъ состояніи и

[1]) Авторъ разсказываетъ далѣе объ одномъ живописцѣ, который былъ крѣпостнымъ добраго помѣщика, получилъ хорошее образованіе и жилъ на волѣ, хотя еще не имѣлъ свободы; но вотъ прежній господинъ его умеръ, и онъ достался другому, сдѣлавшему его своимъ слугою. Несчастный художникъ, прежде принимаемый въ лучшемъ обществѣ, теперь не только долженъ былъ стоять въ ливреѣ за каретою, но даже былъ разлученъ съ женою, отданною въ приданое за дочерью его господина. Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ пить. „Сочиненія В. А. Жуковскаго“, изд. 7-е. Спб. 1878 г. Т. V, 326—332, 564, VI, 687.

[2]) Въ 1822 г. В. А. Жуковскій отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя благопріятелемъ Поповымъ, что стоило ему 2,400 р. Послѣ этого онъ далъ свободу принадлежавшему лично ему семейству крѣпостныхъ. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія Жуковскаго“. Спб. 1883 г., стр. 123—124. Срав. „Соч. Жуковскаго“ VI, 886—87, 654.

[3]) Таковы статьи Карамзина „Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени“ и „Письмо сельскаго жителя“ („Вѣстникъ Европы“ 1802 г. № 12 и 1803 г. № 17).

[4]) № 2, стр. 100—109.

[5]) О томъ, что эта статья написана княгинею Дашковою, см. въ „Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности въ Академіи наукъ“, т. V, вып. I, стр. 114—115.

не ропщутъ." „Въ самомъ дѣлѣ", говоритъ она, „хозяйство дворянъ, сопряженное съ правами и пожертвованіями, сему почтенному сословію свойственными, заслуживаетъ *нѣкоторую нѣжную разсмотрительность и признательность*", и указываетъ на великія заслуги дворянъ для отечества [1].

Редакція журнала „Русскій Вѣстникъ", который началъ издавать съ 1808 г. Сергѣй Глинка, задалась цѣлью содѣйствовать смягченію крѣпостнаго права выставленіемъ добродѣтельныхъ помѣщиковъ, хорошо обращающихся со своими крестьянами [2]. Въ статьѣ „Русская Правда или мысли нижегородскаго помѣщика" авторъ утверждаетъ, что положеніе нашихъ крѣпостныхъ весьма завидное [3], однако, и редакція „Русскаго Вѣстника" не находила возможнымъ скрывать, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ не всегда хорошо жилось крѣпостнымъ. Правда, о „постыдномъ для человѣчества торгѣ людьми", т. е. торговлѣ рекрутами, говорится какъ о явленіи прошломъ [4], но въ путевыхъ запискахъ Ѳ. Н. Глинки, по смоленской губерніи, описано весьма тяжелое положеніе крестьянъ у одного помѣщика, и излюбленныя идеи редакціи сказываются лишь въ томъ, что весьма обременительныя работы въ барскомъ саду приписываются распоряженіямъ садовника француза, а дурное отношеніе помѣщика къ крестьянамъ объясняется его воспитаніемъ въ иностранномъ пансіонѣ. О садовыхъ работахъ такъ разсказываетъ автору одна крестьянка: „У насъ, батюшка, не какъ у людей: отдыху нѣтъ ни на минуту и въ вос-

[1]) [illegible] Англіи [illegible] тивъ обращенія крестьянъ въ батраковъ.

[2]) [illegible] „Истинные русскіе помѣщики [illegible] *такіе-же люди, какъ и они*" [illegible] 1809 г., т. V, стр. 207 [illegible] 229 [illegible] „Истинные русскіе [illegible] (1810 г., томъ IX, стр. 121, срв. 1811 г., т. VI, стр. 111; 1815 г., кн. 2, стр. 83, кн. 3, стр. 10, кн. 4, стр. 12).

[3]) [illegible] („Русск. Вѣстн." 1811 г., ч. 15, стр. [illegible]).

[4]) „Русск. Вѣстн." 1808 г., т. II, стр. 315–316.

красный день кряхтимъ да потѣемъ на работѣ... баринъ нашъ съ мѣста на мѣсто переноситъ цѣлыя деревни, людей какъ скотъ перегоняетъ, а все это для того чтобъ на селидбенныхъ мѣстахъ и на старинныхъ мужицкихъ огородахъ засѣвать свою пшеницу! Было бы ему хорошо, а мужикъ хоть гнилую колоду гложи!" „Сверхъ этихъ отяготительныхъ работъ", продолжаетъ авторъ, „крестьяне господина NN обременены еще странными поборами. У нихъ берутъ все, что только можно вздумать: масло, лыка, крупы, ветчину, барановъ и пр., и пр.". Огромныя каменныя строенія были воздвигнуты и обширные сады разведены руками всего двухсотъ крестьянъ въ 3 года, а сверхъ того и „полевыя работы удвоены". „Послѣ этого посудите", продолжаетъ авторъ, „каково житье крестьянъ помѣщика NN". Когда на требованіе помѣщикомъ денежнаго оброка крестьяне отвѣчали, что у нихъ нѣтъ денегъ, то онъ, „угрожая имъ плетьми, розгами и всѣмъ, чѣмъ буйное самовластіе грозитъ уничиженному рабству, говорилъ: „Продайте своихъ коровъ, овецъ и все, что имѣете, для заплаты мнѣ оброку: мнѣ нужда въ деньгахъ; я ѣду въ Москву!" Онъ правъ! въ Москву нельзя показаться безъ денегъ... Тамъ многіе сельскіе доходы, орошенные потомъ и слезами земныхъ тружениковъ-поселянъ, возлагаются на алтарь богини большаго свѣта—Роскоши!" [1]).

Въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ", издававшемся обществомъ любителей словесности, наукъ и художествъ [2]), было помѣщено доставленное почетнымъ членомъ общества, А. Н. Оленинымъ, извлеченіе изъ вышедшей за два года передъ тѣмъ книги англичанина Вильсона о русской арміи. Авторъ между прочимъ говоритъ о нашемъ правительствѣ, что оно „далеко отъ того, чтобы налагать новыя цѣпи рабства", и напротивъ того, „всѣми мѣрами старается распространить благоразумную свободу", но въ то же время онъ высказываетъ мысль, что уничтожить крѣпостное право можно было бы только съ извѣстною постепенностью. „Съ чувствами и правилами, совсѣмъ противными *продавцамъ невольниковъ*", говоритъ онъ, „я утверждаю, что самое большое несчастіе, могущее постигнуть Россію, было бы внезапное и общее истребленіе крѣпостнаго права. Никакое предпріятіе не могло бы возродить равныхъ бѣдствій и столь великаго негодованія. Что бы сдѣлалось съ больными, хворыми и престарѣлыми, если бы они вдругъ лишились прокормленія (*примѣч. переводчика:* прокормленія), которое имъ нынѣ обязаны давать помѣщики. Что бы сдѣлалось даже съ здоровымъ, который, не имѣя никакой собственности нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего промысла?

[1]) „Русск. Вѣстн." 1812 г., кн. 2, стр. 83—2

[2]) 1812 г. № 7, стр. 95

Защитники революціи не устрашатся всѣхъ сихъ затрудненій; но человѣкъ государственный, добрый гражданинъ, разсматривая оныя, уважитъ послѣдствія, прежде нежели приметъ всѣ сіи умствованія. Отъ многихъ знатныхъ людей въ Россіи можно удостовѣриться, сколько людей, отпущенныхъ *на волю и пришедшихъ* въ старость, просятъ убѣжища у ихъ прежнихъ помѣщиковъ“. Очевидно, *возраженія автора* имѣютъ силу только относительно безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Съ 1815 года начало выходить въ Петербургѣ серіозное повременное изданіе „Духъ Журналовъ“, въ числѣ издателей котораго мы находимъ цензора Яценкова и Вельяминова-Зернова. Здѣсь стало появляться немало статей о положеніи крестьянъ въ Россіи и заграницей, по большей части консервативнаго направленія. Слѣдуетъ замѣтить, что нельзя считать вредными всѣ статьи консерваторовъ по крестьянскому вопросу, въ нихъ очень часто мы встрѣчаемъ совершенно справедливую мысль о вредѣ безземельнаго освобожденія, а частое повтореніе этой мысли было весьма необходимо во второй половинѣ десятыхъ годовъ, въ эпоху безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ. Такія статьи должны были предостерегать русское общество отъ сочувствія Остзейскимъ реформамъ и до нѣкоторой степени препятствовать произведенію такихъ опасныхъ опытовъ и въ самой Россіи. Съ этой точки зрѣнія консервативныя статьи „Духа Журналовъ“ по крестьянскому *вопросу* имѣютъ для насъ значительный интересъ.

Въ статьѣ „О переселеніяхъ“ (выписка изъ частнаго письма изъ Рейнскихъ областей) мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія разсужденія: „О несчастное слово *вольность*... Здѣшніе мужики всѣ *вольны*—вольны, какъ птицы небесныя, но также, какъ сіи, безпріютны и беззащитны, погибаютъ отъ голода и холода. Какъ бы они были счастливы, если бы законъ поставилъ ихъ въ неразрывной связи съ землею и помѣщиками! По крайней мѣрѣ, они были бы увѣрены, что не пропадутъ съ голоду и не пойдутъ скитаться по міру съ нищенскою сумою, были бы увѣрены, что господа ихъ или помѣщики стали бы беречь ихъ и защищать отъ обидъ какъ свою собственность, хотя ради собственной своей выгоды. Но теперь они свободны! И только пользуются сею свободою на то, чтобъ, оставя свое отечество, бѣжать за моря искать себѣ пропитанія... Было время, когда состояніе крѣпостныхъ людей въ Россіи почиталось отъ иностранцевъ рабскимъ и самымъ жалостнымъ. Теперь они узнали свое заблужденіе“. Авторъ статьи увѣряетъ, что когда онъ объяснилъ нѣмецкимъ крестьянамъ положеніе русскихъ крѣпостныхъ (причемъ онъ увѣрялъ, что хотя помѣщикъ и „исправляетъ“ дурныхъ людей какъ знаетъ, но за то у нашего крестьянина „никто земли не отниметъ“), то нѣмцы пришли въ восхищеніе и воскликнули: „это дѣти, а помѣщикъ ихъ отецъ!“ — „и таковы суть дѣйствительно соотношенія русскихъ кре-

стьянъ къ ихъ помѣщикамъ!" заключаетъ авторъ свою статью. Издатели, впрочемъ, нашли нужнымъ прибавить къ этому слѣдующее примѣчаніе: „По крайней мѣрѣ, таковы они *должны* быть, и таковы, безъ сомнѣнія, *есть* у большей части помѣщиковъ; и нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать ихъ таковыми у всѣхъ вообще". Но какъ этого добиться, сохраняя крѣпостное право, издатели не объясняютъ [1]).

Тѣмъ же направленіемъ проникнута статья „Сравненіе русскихъ крестьянъ съ иноземными", помѣщенная въ „Духѣ Журналовъ" въ томъ же году съ подписью „Русскій дворянинъ Правдинъ". И тутъ идетъ рѣчь о томъ, что „вольность" только „пустое слово", что отъ этой вольности крестьяне мрутъ съ голоду или переселяются въ иныя страны, что наши крѣпостные гораздо счастливѣе, и авторъ затѣмъ старается подтвердить это, представляя жизнь русскихъ крестьянъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Онъ увѣряетъ читателей, что всего лучше живется помѣщичьимъ крестьянамъ, состоящимъ на барщинѣ; положеніе оброчныхъ селеній, по мнѣнію автора, хуже, чѣмъ барщинныхъ, а казенныхъ и удѣльныхъ хуже, чѣмъ помѣщичьихъ вообще. Но важно то, что „всѣ вообще крестьяне въ русскомъ царствѣ имѣютъ свою недвижимую собственность, которую у нихъ никто не можетъ отнять (?), но которой, къ ихъ счастію, и они сами не въ силахъ себя лишить, и это есть ощутительное преимущество въ ихъ положеніи предъ иностранными". Въ заключеніе Правдинъ старается показать, какъ вредно было бы для нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ, если бы они очутились въ такомъ же положеніи, какъ иностранные, т. е. объясняетъ всю гибельность для нихъ *безземельнаго* освобожденія, что, какъ мы уже замѣтили, въ то время было весьма и весьма небезполезно. „Во-первыхъ", говоритъ авторъ, „существующая нынѣ, можно сказать, *семейная связь* между помѣщиками и крестьянами совершенно пресѣчется: эгоизмъ помѣщиковъ возрастетъ до такой же высокой степени, какъ въ чужихъ краяхъ... Первое и величайшее притѣсненіе, которое помѣщикъ можетъ сдѣлать мужикамъ, будетъ то, чтобы потребовать съ нихъ несоразмѣрную цѣну за наемъ земель его; и въ этомъ ему препятствовать нельзя: ибо въ своемъ добрѣ всякъ воленъ. Ежели мужикъ не согласится на требуемую цѣну, то стоитъ только погрозить ему, что выгонятъ его изъ села". Если же состоится соглашеніе между помѣщиками относительно арендной платы, „то совершенно мужику некуда дѣваться: тогда онъ принужденъ согласиться на все, хотя бы и увѣренъ былъ, что не въ силахъ будетъ, безъ крайняго разоренія, выполнить свое обязательство". Затѣмъ помѣщикъ уже не дозволитъ крестьянамъ безплатно пользоваться своими рыбными ловлями, лѣсами и проч., не станетъ помогать имъ

---

[1]) Ч. XXIV, 1817 г., стр. 929—932.

въ нуждѣ и болѣзняхъ, не будетъ защищать ихъ отъ обидъ людей посторонних. Въ заключеніе авторъ говоритъ, что, въ случаѣ эмансипаціи, „можетъ быть, помѣщики въ томъ своихъ выгодъ не потеряютъ, хотя это еще весьма подлежитъ сомнѣнію, но мужики навѣрно будутъ разорены, какой бы оборотъ ни былъ въ этомъ дѣлѣ“ [1]).

Статья Правдина вызвала возраженіе, помѣщенное въ слѣдующемъ году въ „Сынѣ Отечества“ (изданіе Н. И. Греча), подъ заглавіемъ „О состояніи иностранныхъ крестьянъ“, гдѣ мы находимъ остроумныя доказательства, что свободная жизнь выгоднѣе крестьянамъ. Авторъ прежде всего указываетъ на то, что „*вольность*“ вовсе не пустое слово: на основаніи ея „первое важнѣйшее право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что онъ самъ себѣ принадлежитъ и не переходитъ изъ рукъ въ руки посредствомъ мѣны, продажи, дара, наслѣдства и другихъ сдѣлокъ, но всегда остается своимъ господиномъ, и сіе право такъ драгоцѣнно, что еслибы захотѣли присвоить и продать частно или съ аукціона самого сочинителя Правдина, то бы онъ вѣрно на сію перемѣну своего состоянія не согласился, хотя бы покупщикъ самому ему равенъ былъ въ человѣколюбіи“, и предпочелъ бы навсегда остаться „при худой свободѣ. Второе важное право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что сына его никто не возьметъ невольно въ личное услуженіе, какъ то: въ конюхи, лакеи, псари и т. п. Дочь его также не будетъ взята въ кухарки, поломойки, горничныя и проч., но останется при родителяхъ своихъ до замужества, и потомъ вступитъ въ бракъ только по собственной склонности и по родительскому благословенію..., а не такъ, какъ сіи происходитъ часто между крѣпостными: парню приказываютъ жениться на такой-то дѣвкѣ, а сей непремѣнно за него выйти“, подъ угрозою наказанія въ случаѣ ослушанія. Третье важное право иностраннаго крестьянина состоитъ въ томъ, что онъ ведетъ свои дѣла по собственному усмотрѣнію: нанимаетъ землю у кого и какую хочетъ, платитъ за нее оброкъ по добровольному соглашенію. За то всѣ плоды его трудолюбія принадлежатъ ему неотъемлемо. Работу исполняетъ онъ „по собственному побужденію, а не по наказу, и трудится прилежно, имѣя несомнѣнную надежду улучшить свое состояніе. Никто не накажетъ его произвольно и пристрастно, ибо никто не имѣетъ къ тому ни права, ни побужденія. Итакъ, *свобода* для иностраннаго крестьянина есть слово не пустое, но имѣющее вещественное значеніе“. Далѣе авторъ старается доказать, что иностранные крестьяне находятся не въ такомъ печальномъ экономическомъ положеніи, какъ это представляетъ Правдинъ. Если они переселяются въ Россію, то дѣлаютъ это „не для того, чтобы поступить въ крѣпостное состояніе, но чтобы свободно заниматься земледѣліемъ и пріобрѣтать посильный достатокъ для себя, а не

[1]) „Духъ Журналовъ“, 1817 г. Ч. XXIV, стр. 981—1008.

для другихъ". Если бы они „бѣжали отъ свободы", какъ увѣряетъ Правдинъ, то почему же они „до сихъ поръ еще не подали просьбы объ укрѣпленіи ихъ за какимъ либо благотворителемъ-помѣщикомъ? Нѣкоторыя колоніи существуютъ уже тридцать и сорокъ лѣтъ въ Россіи и до сихъ поръ еще не убѣдились въ преимуществѣ закрѣпощенія предъ свободою" [1]). Какъ ни остроумно, однако, доказываетъ авторъ статьи въ „Сынѣ Отечества" (подписавшійся буквами NN) преимущества личной свободы предъ крѣпостною зависимостью, онъ не могъ, однако, опровергнуть той мысли, что въ бытѣ нашихъ крестьянъ, сравнительно съ положеніемъ срочныхъ арендаторовъ и безземельныхъ батраковъ на западѣ, есть выгодныя стороны, заключающіяся въ постоянной земельной обезпеченности, если не юридической, то фактической.

Въ „Духѣ Журналовъ" продолжали появляться статьи и замѣтки по крестьянскому вопросу. Въ 1818 г. Правдинъ въ письмѣ къ издателю [2]) старается доказать, что положеніе барщинныхъ крестьянъ лучше оброчныхъ, если помѣщикъ содержитъ ихъ „по доброй совѣсти и по закону". Онъ не отрицаетъ существованія значительныхъ злоупотребленій помѣщичьею властью въ Великороссіи и Бѣлоруссіи: ему извѣстно во многихъ губерніяхъ не мало вотчинъ, гдѣ крестьянамъ дозволяютъ работать на себя только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, или еще сверхъ того по одному дню въ недѣлю; но, по мнѣнію автора, „все сіе есть злоупотребленіе и великая несправедливость. Сіи помѣщики равнымъ образомъ разорили бы своихъ крестьянъ и на оброкѣ". Губернское начальство должно считать своею обязанностью „унимать безсовѣстныхъ помѣщиковъ, дабы они не отягощали своихъ крестьянъ сверхъ законнаго положенія" и не подвергали ихъ суровымъ истязаніямъ. Но если во всѣхъ губерніяхъ „будутъ губернаторы безкорыстные, умные, человѣколюбивые, вѣжливые, свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ", тогда было бы полезно перевести всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ на барщину; вслѣдствіе этого усовершенствуются земледѣліе и всѣ вообще вѣтви сельской промышленности и, слѣдовательно (?), умножится народное богатство и благоденствіе". Такимъ образомъ, авторъ не прочь отъ нѣкотораго ограниченія помѣщичьяго произвола, но лишь при невозможномъ совершенствѣ мѣстной администраціи (которой „не трудно" было бы дать тогда „наставленіе"), но, къ сожалѣнію, онъ рекомендуетъ при этомъ мѣру весьма вредную для помѣщичьихъ крестьянъ – обращеніе всѣхъ ихъ изъ оброчныхъ въ барщинные.

Впрочемъ, въ „Духѣ Журналовъ" появлялись статьи по крестьянскому вопросу и совершенно крѣпостническаго направленія, какъ, напр., „О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ", авторъ которой, между про-

[1]) „Сынъ Отечества" 1818 г. Ч. 45, стр. 162—186.
[2]) Ч. XXV, стр. 181—192

чимъ, говоритъ: „Нѣмцы болѣе всѣхъ кричатъ противъ нашего рабства,... но я бы совѣтовалъ имъ оглянуться на себя и узнать получше состояніе собственныхъ ихъ мужиковъ.... Давно-ли и вездѣ ли рабство у нихъ уничтожено? Въ Богеміи со временъ императора Іосифа II, т. е. съ небольшимъ лѣтъ за сорокъ; въ Вестфаліи въ правленіе Іеронима: въ княжествѣ Нассау съ 1814 года; во Франкфуртѣ—вольномъ городѣ!—въ семъ году. Въ нѣкоторыхъ же нѣмецкихъ владѣніяхъ и донынѣ существуетъ, напримѣръ, въ Мекленбургѣ и Помераніи. Въ польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Австріи, а также и въ Венгріи, крѣпостное право на крестьянъ остается и донынѣ въ полной силѣ... Въ Мекленбургѣ правительство не только не помышляетъ объ уничтоженіи рабства, но и запрещаетъ о томъ говорить". Въ подтвержденіе этого авторъ разсказываетъ, какъ одинъ изъ земскихъ чиновъ въ Мекленбургѣ „имѣлъ дерзость" подать своему государю записку, въ которой доказывалъ необходимость уничтоженія крѣпостного права, и съ сочувствіемъ приводитъ исполненный негодованія отвѣтъ на нее герцога Мекленбургскаго. „Желали бы мы", продолжаетъ авторъ статьи, „чтобы всѣ наши самозванные политики замѣтили себѣ этотъ урокъ, а особливо тѣ незрѣлые школьные умы, которые, недавно вышедши изъ школьныхъ пеленъ, тотчасъ берутся строить и поправлять огромное и многосложное зданіе государства". Въ доказательство, что положеніе нѣмецкихъ крестьянъ гораздо хуже, чѣмъ нашихъ крѣпостныхъ, авторъ приводитъ выдержки изъ статьи одного нѣмецкаго журнала о печальной жизни нѣмецкихъ земледѣльцевъ, а далѣе съ торжествующимъ видомъ указываетъ на ужасное положеніе невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ[1].

Какъ затруднительно было появленіе статей, гдѣ проводилась мысль о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1818 г. въ „Духѣ Журналовъ" была напечатана рѣчь малороссійскаго военнаго губернатора Н. Г. Репнина, произнесенная имъ въ началѣ того-же года предъ дворянскими выборами въ Полтавѣ и Черниговѣ, въ которой тотъ убѣждалъ дворянъ принять мѣры для улучшенія благосостоянія ихъ крестьянъ[2]). Репнинъ совѣтовалъ даже дворянамъ позаботиться о томъ, чтобы это улучшеніе быта ихъ крестьянъ не было лишь

—

[1]) „Духъ Журналовъ" 1818 г. Ч. XXVI, стр. 359, 371, 386, 387. [illegible] Что лучше, свобода или рабство? Н. І. стр. [illegible]

[2]) [illegible] Репнинъ [illegible] „[illegible] что можетъ [illegible] [illegible] плугами для воздѣлыванія земли".

временнымъ и зависящимъ отъ каприза владѣльца: „Сіи отеческія попеченія ваши, продолжалъ Репнинъ, да не будутъ подвержены кратковременности жизни человѣческой: оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ изыщите способы, коими, не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы было обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, *опредѣливъ обязанности ихъ*. Чрезъ сію единственно мѣру предохраните вы ихъ навсегда отъ тѣхъ притѣсненій, которыя, по несчастью, еще доселѣ случаются; избавите правительство отъ горестной обязанности преслѣдовать оныя... Иные изъ васъ совершенно уже сіе исполнили, другіе своими попеченіями о подвластныхъ имъ крестьянахъ весьма къ нему сблизились. Но да будетъ сіе подвигомъ общимъ[1]". Такимъ образомъ, Репнинъ убѣждалъ малороссійское дворянство, чтобы оно собственною властью ограничило крѣпостное право, точно опредѣливъ повинности помѣщичьихъ крестьянъ.

Несмотря на всю умѣренность рѣчи Репнина (которая если и имѣетъ значеніе, то лишь потому, что была произнесена не частнымъ лицомъ, а однимъ изъ видныхъ сановниковъ), напечатаніе ея вызвало неудовольствіе администраціи. Министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ немедленно обратилъ вниманіе попечителя петербургскаго учебнаго округа на то, что издатель „Духа Журналовъ" помѣщаетъ „статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ, и многія другія неприличности". Кромѣ того, писалъ министръ, въ этомъ журналѣ помѣщена статья, недозволенная къ печатанію (рѣчь Репнина), предлагалъ потребовать у издателя объясненія и вообще „обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ *не помѣщалось такихъ статей* [illegible]*, ни о опроверженіи вольности или рабства крестьянъ, не только дѣльныхъ, но и умозрительныхъ*, ни вообще матерій, касающихся до распоряженій правительства". Издатель Яценковъ, относительно статей „о рабствѣ и вольности", сослался въ своемъ объясненіи на то, что въ прошломъ (1817) году было дозволено къ печатанію нѣсколько статей, заключавшихъ „сужденія о семъ предметѣ несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ", а въ нынѣшнемъ году напечатана статья „О рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ". Когда-же, въ опроверженіе мнѣній „Духа Журналовъ" по крестьянскому вопросу, была напечатана въ „Сынѣ Отечества" статья объ иностранныхъ крестьянахъ, то начальство, по словамъ Яценкова, „не только не нашло ничего предосудительнаго въ ученыхъ состязаніяхъ о семъ предметѣ, но еще гласно изъявило за то издателю „Сына Отечества" свое отличное одобреніе". Объясняя далѣе, почему въ его изданіи была напечатана рѣчь

[1] „Духъ Журналовъ", Ч. XXVII, 591—602.

князя Репнина, онъ сослался на то, что она была прислана главному издателю журнала уже отпечатанною, и говорена была такимъ лицомъ, которое „есть органъ воли монаршей, слѣдовательно принята за оффиціальную“, а потому издатель, основываясь на одномъ изъ пунктовъ цензурнаго устава, и не нашелъ нужнымъ испрашивать разрѣшенія для ея перепечатки. Яценковъ былъ обязанъ впредь не печатать ничего безъ позволенія цензуры [1]). Понятно, что, хотя послѣ того его журналъ существовалъ еще два съ половиною года, въ немъ не появлялось уже болѣе статей по крестьянскому вопросу. Посмотримъ, что можно найти по этому предмету въ другихъ журналахъ александровской эпохи съ половины **1810-хъ годовъ.**

Въ „Вѣстникѣ Европы“ [2]) была напечатана статья Косинскаго „Замѣчанія на мысли объ устроеніи счастливѣйшаго быту крестьянъ польскихъ“, переведенная изъ одного польскаго журнала. Останавливаясь въ ней лишь на томъ, что могло имѣть значеніе для рѣшенія крестьянскаго вопроса въ Россіи, мы отмѣтимъ неодобрительное отношеніе автора къ дарованію Наполеономъ въ 1807 г. польскимъ крестьянамъ личной свободы безъ земли, такъ какъ, по его мнѣнію, вслѣдствіе этого ихъ положеніе отнюдь не улучшилось. Это „установленіе всеобщей свободы... нимало не облегчило долю крестьянъ:... не соотвѣтствуя мѣстнымъ обстоятельствамъ, оно не доставляетъ прочнаго благосостоянія, какъ то уже и самые опыты показали. Упомянутое право на самомъ дѣлѣ является болѣе вреднымъ для крестьянъ, нежели полезнымъ“, такъ какъ лишило ихъ помощи со стороны землевладѣльцевъ, и, по мнѣнію автора, усилило въ нихъ склонность къ бродяжничеству и праздности. Договоры крестьянъ съ землевладѣльцами не могутъ улучшить ихъ быть.

Черезъ три года въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась статья, переведенная изъ другаго польскаго журнала, подъ заглавіемъ: „Какъ выгоднѣе воздѣлывать землю: своими собственными или наемными работниками“. Авторъ прежде всего излагаетъ въ ней содержаніе труда Меркеля, написаннаго въ отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда (Меркель высказывается въ пользу послѣдняго) и затѣмъ сообщаетъ тѣ выводы, къ которымъ привела его самого провѣрка теоріи Меркеля на практикѣ. По его словамъ, онъ убѣдился: „1) что теорія Меркеля основательна и справедлива; 2) что освобожденіе земледѣльцевъ отъ барщины очевиднѣйшимъ образомъ соотвѣтствуетъ выгодамъ господина; 3) чтобы крѣпостнымъ людямъ доставить способъ сдѣлаться вольными работниками, было бы всего

---

[1]) „Бесѣды въ обществѣ любителей рос. словесности при Московскомъ университетѣ“. Вып. III, М. 1871 г., стр. 21—23.

[2]) Часть 82, стр. 264—281.

лучше оцѣнить ихъ землю, назначить приличный за нее оброкъ и употреблять на господскую работу самихъ-же крестьянъ“, съ тѣмъ, чтобы они отработывали оброкъ, какъ вольнонаемные. Переводчикъ статьи указалъ, съ своей стороны, нѣкоторую непрактичность этого предложенія: онъ обратилъ вниманіе на то, что участки земли, отведенные крестьянамъ, могутъ быть оцѣнены слишкомъ дорого, а за ихъ трудъ назначено весьма недостаточное вознагражденіе, такъ что теорія автора приложима лишь въ имѣніи „помѣщика *благомыслящаго*“ [1]. Во всякомъ случаѣ эта статья была проникнута либеральною тенденціею, и потому она вызвала протестъ какого-то крѣпостника. Нѣсколько времени спустя послѣ ея напечатанія, въ „Вѣстникѣ Европы“ появилась замѣтка „Два слова въ отвѣтъ на многія страницы“, въ которой было заявлено, что въ полученномъ редакторомъ письмѣ изъ калужской губерніи отъ г. Глѣбова по поводу статьи „Какъ выгоднѣе воздѣлывать землю, собственными или наемными работниками“ было между прочимъ сказано: „Кажется, всякій долженъ и безъ означенія узнать, что запросъ сей не русскій, ибо намъ невозможно сего мыслить“. На это былъ данъ такой отвѣтъ: „Редакторъ смѣетъ увѣрить, что запросъ сей *русскій*, потому что, во 1-хъ, онъ предложенъ ученымъ русскимъ сословіемъ, именно-же, императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ С.-Петербургѣ; во 2-хъ, онъ предложенъ на русскомъ языкѣ, въ 3-хъ, онъ предложенъ для русскихъ. Касательно же приводимаго г. Г. довода, можемъ ему замѣтить, что невозможное въ сельцѣ Гремячевѣ“ (откуда было прислано письмо), „почитается возможнымъ въ другихъ мѣстахъ, и что когда предлагаютъ намъ подобные запросы, то это вѣрно для того, чтобъ мы не лѣнились мыслить, а обдумывали бы на нихъ удовлетворительные отвѣты. Сего требуетъ польза и слава нашего отечества“ [2].

Негодованіе крѣпостниковъ изъ публики, если оно обнаруживалось лишь въ формѣ литературныхъ протестовъ, отражать было не трудно, но сплошь и рядомъ они на этомъ не останавливались и начинали инсинуировать передъ администраціею. Такъ, въ 1820 году, одной статьѣ по крестьянскому вопросу было совершенно неожиданно приписано возбуждающее вліяніе даже на самихъ крестьянъ. Дѣло идетъ о весьма невинной, переведенной изъ нѣмецкаго журнала, статьѣ „Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ россійскомъ государствѣ“, помѣщенной

[1] „Вѣстникъ Европы“, 1818 г., ч. 100, стр. 196—205, 260—269.

[2] „Вѣстникъ Европы“, 1818 г., ч. 102, стр. 159—160. Въ томъ-же журналѣ (1817 г., ч. 95, стр. 126—140) помѣщена переводная съ нѣмецкаго либеральная статейка о торгѣ невольниками, а позднѣе переведенный съ французскаго отрывокъ изъ курса политической экономіи Шторха „Взглядъ на постепенное уничтоженіе рабства и крѣпостнаго состоянія въ Европѣ и ея колоніяхъ“ (1819 г., ч. 106, стр. 138—147).

въ издававшемся въ Москвѣ серьезномъ повременномъ изданіи, подъ заглавіемъ „Историческій, статистическій и географическій журналъ, или современная исторія свѣта" [1]. Здѣсь, между прочимъ, было сказано объ императорѣ Александрѣ I: „Важнѣе всего суть учрежденія къ лучшему положенію крестьянъ и гражданской ихъ свободѣ, причемъ поступилъ онъ съ такимъ же человѣколюбіемъ, какъ и мудростью: первое явилъ онъ постепеннымъ уничтоженіемъ узъ рабства, послѣднюю,—предпринявъ прежде перемѣны сіи на границахъ провинціи, гдѣ спасительное дѣйствіе оныхъ исподволь будетъ распространять благопріятное расположеніе мыслей для дальнѣйшаго расширенія сей системы человѣчества и благоразумія во внутреннихъ предѣлахъ государства". Въ другомъ мѣстѣ авторъ утверждаетъ, что главное средство къ возведенію россійскаго государства на высочайшую степень просвѣщенія и благосостоянія, къ коему оно способно, состоитъ въ томъ, чтобы исподволь и съ благоразуміемъ доставить нижнему классу людей, а наипаче крестьянамъ, большую гражданскую свободу, и даровать имъ въ полной мѣрѣ права, приличныя имъ, какъ человѣкамъ и разумнымъ существамъ". Впрочемъ, авторъ признаетъ, что осуществленіе этой важной перемѣны „подлежитъ многоразличнымъ затрудненіямъ". Тѣмъ не менѣе, онъ съ сочувствіемъ указываетъ на мѣры, принимаемыя для освобожденія крестьянъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и на дозволеніе крестьянамъ въ собственной Россіи выкупаться на свободу съ согласія своихъ господъ. „Сіи новыя извѣстія изъ великой имперіи долженствуютъ быть радостными для каждаго друга человѣчества". Вотъ и все, что сказано было въ этой статьѣ о крестьянскомъ вопросѣ, авторъ которой, слѣдовательно, ограничился лишь выраженіемъ сочувствія правительственнымъ мѣрамъ относительно крестьянъ и общими либеральными пожеланіями въ этомъ отношеніи, не сдѣлавъ никакихъ указаній о желательномъ рѣшеніи участи крѣпостныхъ.

Тѣмъ удивительнѣе, что статьѣ этой было придано совершенно неподобающее ей значеніе по слѣдующему поводу. Помѣщикъ Кочубей продалъ крестьянъ другому владѣльцу для переселенія изъ полтавской губерніи въ херсонскую. Крестьяне не хотѣли повиноваться и не покорились даже и тогда, когда покупщикъ отъ нихъ отказался, и они остались за прежнимъ господиномъ. Предписано было наказать виновныхъ въ присутствіи всей вотчины и сосѣднихъ помѣщичьихъ крестьянъ и подтвердить, что дальнѣйшее неповиновеніе повлечетъ за собою строгое наказаніе, которое, не ограничиваясь одними зачинщиками, можетъ распространиться и на ихъ семейства. Однако, всѣ крестьяне остались непреклонными и напрасны были увѣщанія чиновниковъ, указывавшихъ имъ

---

[1] 1820 г., ч. II, кн. I, апрѣль, стр. 18—32.

на то ужасное положеніе, въ какое они поставили себя своимъ упорствомъ: дома ихъ стояли безъ крышъ, безъ окошекъ и дверей, хлѣба они вовсе не имѣли, во дворахъ не было скота и домашнихъ птицъ. При самомъ наказаніи, когда палачъ грозилъ всему обществу тою-же участью, никто не обнаружилъ ни смущенія, ни робости. Крестьяне сохранили совершенное спокойствіе и не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Когда-же уполномоченный отъ помѣщика предложилъ имъ хлѣбъ и другую помощь, то они отъ всего отказались, заявивъ, что полагаются на волю Божію и на свою судьбу. Оказали неповиновеніе крестьяне Кочубея, проданные имъ другимъ лицамъ. Военный губернаторъ Малороссіи высказалъ мысль, что поводъ къ этому былъ поданъ статьею въ „Историческомъ, статистическомъ и географическомъ журналѣ" (содержаніе которой мы только что указали), статьею, „наполненною неумѣстными выраженіями и сужденіями, какъ то: что государь императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свободу и что главное средство къ возведенію россійскаго государства на высочайшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ большую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ, какъ существамъ разумнымъ". По этому поводу комитетъ министровъ поручилъ министру народнаго просвѣщенія потребовать объясненія отъ цензора, пропустившаго эту статью. Съ своей стороны, князь Голицынъ предложилъ попечителямъ учебныхъ округовъ воспретить цензорамъ пропускать къ печати „всѣ таковыя сочиненія, кои касаться будутъ какъ до настоящаго политическаго состоянія крестьянъ въ Россіи, такъ и будущихъ въ отношеніи къ нимъ видовъ... каковые, по неизвѣстности намѣреній правительства, всегда будучи ложными, могутъ вводить и другихъ въ заблужденіе".

Цензоръ, профессоръ Черепановъ, объяснилъ, что, пропуская эту статью, не опасался никакихъ послѣдствій и считалъ себя даже не въ правѣ задержать ее, такъ какъ она написана съ полнымъ сочувствіемъ и глубочайшимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ русскаго правительства. Однако, это объясненіе не удовлетворило правительство, и петербургскому цензурному комитету было сообщено, что, согласно положенію комитета министровъ, государь повелѣлъ о „неосмотрительномъ поступкѣ профессора Черепанова опубликовать предъ прочими университетами, чтобы сіе послужило въ осторожность другимъ въ подобныхъ случаяхъ, а его не избирать впредь ни въ деканы, ни въ цензоры[1]), ибо одобреніе къ напечатанію такой статьи, которая содержитъ въ себѣ столь неприличное разсужденіе о побудительныхъ причинахъ и видахъ правительства по толико важному предмету, есть всегда погрѣшность со стороны

[1]) Званіе цензора соединялось тогда съ званіемъ декана.

цензора, и не можетъ быть приписана неумышленной неосторожности, неосмотрительности или необдуманію послѣдствій, потому что частному человѣку нельзя никогда позволить публиковать догадокъ своихъ въ дѣлѣ государственномъ, если причины и виды высшей власти ему неизвѣстны, а еще менѣе, если бы оные ему были открыты по какому либо случаю" [1]).

Общій цензурный терроръ относительно книгъ и статей по крестьянскому вопросу имѣлъ самое вредное вліяніе и на такія учрежденія, которые имѣли возможность печатать свои изданія подъ собственною цензурою. Это всего лучше видно изъ той исторіи, которую вызвалъ одинъ отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества объ уничтоженіи черезполоснаго землевладѣнія у крестьянъ, заданную на 1821 г.

Въ 1819 году была объявлена обществомъ на два года задача—объ уничтоженіи черезполоснаго владѣнія у крестьянъ [2]), за лучшее теоретическое рѣшеніе которой назначена медаль въ двадцать червонцевъ; если же кто изъ помѣщиковъ „съ видимымъ успѣхомъ и общею пользою" дѣйствительно произведетъ такое раздѣленіе въ селеніи, гдѣ не менѣе 15-ти хозяевъ, и представитъ несомнѣнныя доказательства, тотъ долженъ былъ получить медаль въ пятьдесятъ червонцевъ, или 500 рублей. За отвѣтъ на нее корреспонденту общества Лебедеву была присуждена медаль меньшаго размѣра, такъ какъ онъ не доказалъ практическаго осуществленія описываемыхъ имъ мѣръ. Мы не будемъ останавливаться на этомъ неизданномъ сочиненіи, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакихъ данныхъ для исторіи занимающаго насъ вопроса; но эта задача вызвала присылку въ общество другаго произведенія, подавшаго поводъ къ весьма бурнымъ и интереснымъ преніямъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ.

Въ кашинскомъ уѣздѣ, тверской губерніи, жилъ въ это время помѣщикъ Н. Е. Зубовъ, человѣкъ очень пожилой, болѣе 70 лѣтъ, и въ то же время весьма богатый (онъ выдѣлилъ женѣ и двумъ дѣтямъ, рожденнымъ до брака и носившимъ фамилію Невѣдомскихъ, болѣе 300.000 р.). Что это была личность весьма гуманная, видно изъ слѣдующаго факта. Когда ему было еще 25 лѣтъ, онъ далъ обѣтъ отдѣлить въ пользу нуждающихся двадцатую часть своихъ доходовъ; долго онъ откладывалъ

---

[1]) М. Сухомлиновъ, „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе [illegible] Александра I" въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1866 г., т. 132, стр. [illegible] „Матеріалы [illegible] русск. цензуры" въ „Бесѣдахъ [illegible] русск. [illegible] III, 62. [illegible] О статьяхъ по крестьянскому вопросу, помѣщенныхъ въ „Трудахъ [illegible] общества" до 1844 г., см. ниже, гл. XIX.

[2]) [illegible] или въ помѣщичьихъ крестьянъ [illegible] крестьянинъ [illegible] землю [illegible] причиною [illegible] крестьянами [illegible] въ [illegible] въ сѣнокосахъ владѣнія не было".

исполненіе этого намѣренія и, наконецъ, въ 1819 году рѣшилъ вмѣсто двадцатой отдѣлить съ этою цѣлью восьмую часть дохода, а по смерти завѣщалъ свое благопріобрѣтенное имѣніе „въ пользу частную и государственную“ [1]. Занимаясь въ теченіе 50 лѣтъ завѣдываніемъ своими и другими крестьянами, онъ пришелъ къ мысли о вредномъ вліяніи на земледѣліе частыхъ передѣловъ земли, но не рѣшался, однако, ихъ уничтожить, пока не прочелъ въ 1820 году приведенной выше задачи экономическаго общества. Тогда онъ послалъ въ общество небольшую замѣтку по этому вопросу, которая, какъ мы увидимъ, была напечатана, но этимъ не ограничился, а согласно указанію, данному въ задачѣ, пожелалъ и на дѣлѣ осуществить свои проекты.

Въ томъ же году онъ передѣлилъ яровое поле трехъ своихъ деревень на отдѣльные участки, для каждаго изъ 60 тяголъ, не черезполосными [illegible] по ширинѣ полосами, и утвердить ихъ въ незыблемую собственность крестьянъ, а затѣмъ составить письменные договоры о таковомъ же раздѣленіи ржаного, а затѣмъ и парового поля. По договорамъ, установленнымъ Зубовымъ, если въ какомъ семействѣ уменьшится число тяглыхъ работниковъ, то оно имѣетъ право отказаться отъ участка, [illegible] убылому тяглу, [illegible] или продать его. Вымороченныя крестьянскія земли, которыхъ никто изъ односельцевъ взять не пожелаетъ, переходятъ къ помѣщику. Вновь прибылыя тягла могутъ получать участки изъ оставшейся помѣщичьей земли. Осенью Зубовъ предполагалъ произвести раздѣлъ и покосной земли. Онъ вошелъ съ прошеніемъ въ тверское губернское правленіе о томъ, чтобъ оно предписало уѣздному землемѣру произвести формальную нарѣзку земли крестьянамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отослалъ свои правила и въ вольное экономическое общество, прося его, если оно признаетъ полезными принятыя имъ мѣры, исходатайствовать Высочайшее на нихъ утвержденіе. Не дождавшись еще отвѣта изъ общества, онъ составилъ 3 іюня 1820 года прошеніе въ государственный совѣтъ, въ которомъ говоритъ, что отдѣлилъ пахотную землю навсегда *въ вѣчное владѣніе крестьянамъ*, „*отстраняясь отъ собственности, пользы и власти*“ и предпочитая тому „частную и государственную пользу“. За каждую десятину, говоритъ онъ далѣе, „полагаю къ доходу моему и наслѣдниковъ моихъ по серебряному рублю настоящей текущаго времени доброты“, причемъ, однако, предоставилъ усмотрѣнію государственнаго совѣта уменьшить или увеличить этотъ сборъ. Но прошеніе Зубова

[1]) Другой дворянинъ, имя котораго намъ неизвѣстно, предполагалъ около 1815 г. отпустить значительную часть своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы. Въ то же время желалъ назначить премію [illegible] тому изъ помѣщиковъ россійскихъ, кто найдетъ или изобрѣтетъ средство [illegible] помѣщиковъ [illegible] собственности, [illegible] земляхъ, [illegible] государственнымъ [illegible] мѣрѣ, [illegible] только условіе, чтобы сочиненіе по этому предмету могло быть [illegible] безъ [illegible] Но [illegible] въ дѣйство, осуществлено не было. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1861 г., т. III, смѣсь, стр. 173—176.

въ государственный совѣтъ не было принято на почтѣ, и онъ переслалъ его экономическому обществу, съ просьбою передать по назначенію. Между тѣмъ общество въ засѣданіи 5 іюня разсмотрѣвъ прежнее ходатайство Зубова, опредѣлило извѣстить его, что оно не можетъ взять на себя ходатайство предъ государемъ и что по этому дѣлу слѣдуетъ обратиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ извѣстныхъ намъ архивныхъ матеріалахъ нѣтъ свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ практическихъ мѣропріятій Зубова.

Статья Зубова надѣлала экономическому обществу много хлопотъ. Когда она была получена, общество предложило своимъ членамъ сообщить мнѣніе о ней, на что и изъявили согласіе Дурасовъ и Безобразовъ. Черезъ мѣсяцъ Дурасовъ представилъ свои замѣчанія, вмѣстѣ съ которыми общество и рѣшило ее напечатать, причемъ, кромѣ президента, митрополита католическихъ церквей въ Россіи, Сестренцевича Богуша, и нѣкоторыхъ членовъ, присутствовало 5 членовъ комитета: оба непремѣнные секретаря (директоръ департамента государственнаго хозяйства въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Джунковскій и академикъ Фусъ), сенаторъ графъ Хвостовъ, вице-адмиралъ Сарычовъ и генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, прославившійся впослѣдствіи своими крѣпостническими мнѣніями, но въ это время, какъ мы увидимъ ниже, желавшій ускорить рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Статья Зубова, вмѣстѣ съ замѣчаніями Дурасова, появилась въ свѣтъ въ „Трудахъ вольнаго экономическаго общества" на 1821 годъ (Ч. 72).

Замѣтка Зубова, возбудившая сильное волненіе въ экономическомъ обществѣ, занимаетъ всего четыре странички. Указавъ на передѣлы земли по тягламъ у помѣщичьихъ крестьянъ и по числу ревизскихъ душъ у государственныхъ, авторъ замѣчаетъ, что крестьяне, „не имѣя въ землѣ незыблемой собственности, недостаточно обработываютъ оную, чтобы производили хорошій урожай хлѣба и покоса". Отдѣлить участки семействамъ въ каждомъ полѣ авторъ находитъ неудобнымъ и предлагаетъ: государственныя повинности и оброкъ въ пользу помѣщика „получать съ земли, пашенную землю и покосы раздѣлить во всю длину полей отъ гуменниковъ крестьянскихъ и тѣмъ прекратить необходимость передѣловъ земли; *утвердить землю въ незыблемую собственность крестьянамъ* ¹), дать право имъ, съ платежомъ государственной повинности и оброка, продавать въ своихъ земляхъ участки". Вслѣдствіе такого „утвержденія собственности", каждый землевладѣлецъ, „бывъ полновластнымъ хозяиномъ, употребитъ попеченіе свое, чтобы удобрять землю къ хлѣбородію и покосамъ, имѣвъ предъ собою увѣреніе, что труды его и издержки на то навсегда принадлежать ему или его наслѣдникамъ". Авторъ полагаетъ, что предлагаемое имъ „прочное раздѣленіе полевыхъ и сѣнокосныхъ земель" можетъ быть исполнено безъ помощи землемѣра,

---

¹) [illegible]

самими крестьянами, такъ какъ они умѣютъ дѣлать это весьма уравнительно, съ помощью саженей, аршинъ и даже ступней ногъ. Въ заключеніе своей статьи авторъ замѣчаетъ, что „при отдѣленіи помѣщичьихъ земель въ вѣчное обращеніе крестьянамъ довольно, кажется, положить на каждую мужескую душу полевой и сѣнокосной земли отъ 4—5 десятинъ", остальная же земля сохраняется въ полной волѣ помѣщика.

Дурасовъ въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Зубова говоритъ сначала объ участковомъ и общинномъ пользованіи землею вообще, затѣмъ, переходя къ предложеніямъ Зубова, онъ находитъ поземельный сборъ неудобнымъ: установить его въ одинаковомъ размѣрѣ для губерній съ различнымъ количествомъ земли на душу было бы несправедливо, а если бы даже ввести и не одинаковый сборъ, то осуществить его будетъ возможно лишь послѣ производства во всей Россіи спеціальнаго межеванія. Еще болѣе мудрено произвести раздѣлъ крестьянской земли во всю длину поля, такъ какъ при этомъ однимъ досталась бы удобная, а другимъ плохая земля. Что же касается предоставленія крестьянамъ права продажи своихъ участковъ, то это не только противно существующимъ въ Россіи законамъ, но, по совершенно справедливому мнѣнію автора, было бы крайне вредно для крестьянъ, какъ это доказалъ примѣръ однодворцевъ въ Великороссіи, войсковыхъ обывателей въ Слободской Украинѣ и казаковъ въ Малороссіи, у которыхъ, вслѣдствіе продажи пожалованныхъ имъ земель, бо́льшая часть ихъ, менѣе чѣмъ во сто лѣтъ, перешла въ руки богатыхъ владѣльцевъ. Но выдѣлить крестьянамъ „вѣчные участки" безъ предоставленія, однако же, права ихъ продажи, другими словами—уничтожить общинное пользованіе землей—авторъ считаетъ очень полезнымъ и въ концѣ статьи представляетъ подробный проектъ необходимыхъ для этого мѣръ.

Познакомившись съ содержаніемъ замѣтки Зубова, трудно понять, какъ могла она нѣкоторымъ изъ членовъ общества показаться опасною: хотя мы и встрѣчаемъ въ ней предложеніе объ утвержденіи земли въ „незыблемую собственность" крестьянамъ, но тутъ же говорится о раскладкѣ на нее оброка,—слѣдовательно, дѣло идетъ не о полной собственности на землю, а о передачѣ ея въ наслѣдственное пользованіе, съ правомъ только передавать за деньги свой участокъ другому. Тѣмъ не менѣе въ засѣданіяхъ общества, 7 и 14 января 1822 года, членъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гелынскій, словесно заявилъ, что онъ и нѣкоторые другіе члены нашли въ „Трудахъ" общества на прошлый годъ, въ статьѣ двѣнадцатой, состоящей изъ сочиненія Зубова и замѣчаній на нее Дурасова, „постановленія, клонящіяся къ нарушенію законовъ и къ лишенію дворянства собственности", и что будто бы эта статья напечатана безъ разрѣшенія общества. Въ засѣданіи 14 января прочитали статью Зубова, причемъ было объяснено, что ее разсматривало

а назначило къ печатанію собраніе общества и что въ ней нѣтъ никакихъ постановленій, а только мысли и разсужденія частныхъ людей по поводу задачи, обнародованной обществомъ, о прекращеніи у крестьянъ чрезполосности. 21 января въ собраніе былъ принесенъ пакетъ на имя членовъ общества, съ письмомъ отъ статскаго совѣтника Пошмана, которое, однако вслѣдствіе происшедшаго при этомъ „замѣшательства", —вѣроятно, слишкомъ бурныхъ преній,—читано не было, а черезъ недѣлю Голынскій доставилъ и свое посланіе: оба они были лишь повтореніемъ того, что было говорено Голынскимъ въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ общества.

„Въ кругѣ обязанностей истиннаго члена вольнаго экономическаго общества, писалъ Пошманъ, важнѣйшая есть: *не выходить изъ предѣловъ своего назначенія*. Руководствуясь симъ общимъ для насъ правиломъ, не могу умолчать о томъ, что прямо сему противно. Прочитавъ 72-ю часть „Трудовъ" вольнаго экономическаго общества, нашелъ я, что г. надворный совѣтникъ Зубовъ, въ представленіи своемъ о лучшемъ раздѣленіи крестьянскихъ полей, увлеченъ (?) будучи усердіемъ къ доставленію пользы крестьянамъ, потерялъ изъ виду предѣлы, которыми таковое усердіе, по назначенію вольнаго экономическаго общества, ограничивается. Благоприятствовать земледѣльцу истинными и свойственными отечеству нашему средствами къ удобренію земли и къ усовершенствованію хлѣбопашества есть дѣло вольнаго экономическаго общества вообще и всякаго члена онаго въ особенности. Но распоряжать собственностію помѣщиковъ, значитъ коснуться священнаго права, одному токмо всемилостивѣйшему государю нашему отъ Бога предоставленнаго. Г. Зубовъ вѣроятно не знаетъ, что въ 1820 года 15 іюля въ циркулярномъ предписаніи господина управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ гражданскимъ начальникамъ губерній, именно сказано: „Въ государствѣ всѣ должны повиноваться порядку, законами установленному. Верховная власть не уничтожаетъ ничьихъ правъ и преимуществъ законныхъ; Его Величество дозволяетъ каждому, но никогда не дозволитъ Онъ допустить, чтобы какое-либо сословіе или лицо могло само собою покушаться на предпріятіе чего бы то ни было вопреки законовъ". Въ полномъ удостовѣреніи, что единственное частное благо наше состоять можетъ только въ строжайшемъ послушаніи и исполненіи Высочайшей воли всемилостивѣйшаго Государя Императора нашего, заключаю, что никто изъ насъ сей святой истинѣ противорѣчить не пожелаетъ, и по сей единственной причинѣ представленія г. Зубова, противу Высочайшей воли клонящагося, одобрить не въ силѣ. Увѣренъ будучи въ справедливости моего мнѣнія, надѣюсь, что почтенное общество благоволитъ принять всѣ тѣ мѣры, которыя соотвѣтствуютъ къ изглажденію погрѣшностей г. Зубова, ибо мнѣніе г. Зубова можетъ послужить злонамѣреннымъ людямъ къ разсѣеванію неосновательныхъ слуховъ. Для отвращенія чего честь имѣю предложить слѣдующее: созвать господъ членовъ и общимъ согласіемъ опредѣлить, дабы сіе представленіе г. Зубова изъ „Трудовъ" вольнаго экономическаго общества было исключено"...

Голынскій въ своемъ письмѣ писалъ: „г. Зубовъ упустилъ изъ виду, что во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ земля есть собственность помѣщика, законами охраняемая, и что она наиболѣе обезпечена въ отечествѣ нашемъ всемилостивѣйшими Государями нашими за вѣрность и преданность дворянства къ престолу и отечеству, а въ особенности ограждена дарованною дворянству грамо-

тою". Онъ также предлагаетъ уничтожить статью Зубова, а вмѣстѣ съ нею и возраженіе Дурасова, которое въ такомъ случаѣ окажется излишнимъ.

Въ засѣданіи общества 25 февраля 1822 года членъ его, тайный совѣтникъ П. П. Сумароковъ, объявилъ президенту, что статьи Зубова и Дурасова „противны общимъ государственнымъ установленіямъ", а потому онъ возвращаетъ обратно книгу, въ которой онѣ напечатаны [1]. Президентъ отвѣчалъ, что статьи эти напечатаны съ одобренія его и общества, но такъ какъ о нихъ подано два письменныхъ заявленія, то онъ предлагаетъ прочесть какъ ихъ, такъ и самыя статьи. Когда это было исполнено, непремѣнный секретарь Джунковскій сталъ читать составленную имъ по порученію президента объяснительную записку.

Кратко изложивъ ходъ этого дѣла до засѣданія 25-го февраля, Джунковскій переходитъ къ разбору статей Зубова и Дурасова, причемъ первой изъ нихъ старался придать болѣе узкое значеніе, чѣмъ она имѣла въ дѣйствительности. Слова Зубова о дарованіи крестьянамъ „неотъемлемой собственности" онъ объяснялъ такимъ образомъ, что они относятся только къ казеннымъ крестьянамъ, точно также какъ и предложеніе дозволить крестьянамъ продажу „отъ одного другому" своихъ земельныхъ участковъ и взимать государственныя повинности и оброкъ по количеству земли, между тѣмъ какъ изъ самой статьи Зубова, такъ и изъ документовъ, доставленныхъ имъ въ общество, видно было, что авторъ желаетъ примѣнить всѣ эти мѣры и къ помѣщичьимъ крестьянамъ. Далѣе Джунковскій объяснялъ, что общество не можетъ отвѣчать за совершенную вѣрность печатаемыхся въ его „Трудахъ" сообщеній, что многія статьи вызываютъ опроверженіе со стороны другихъ членовъ общества, какъ было и въ данномъ случаѣ, и что, наконецъ, въ „Трудахъ" общества „есть разныя теоретическія мнѣнія не только о земляхъ, но и о состояніяхъ земледѣльцевъ, которые даже высочайше удостоены особаго награжденія и никогда не были предметомъ какихъ-либо замѣчаній или толковъ". Впрочемъ, если прочитать статьи Зубова и Дурасова „хотя съ нѣкоторымъ вниманіемъ, — продолжаетъ Джунковскій, — то ни въ смыслѣ, ни на словахъ не найдется ни малѣйшаго отношенія къ тому, чтобы отнимать чью-либо собственность или нарушать какіе-либо законы. Но если бы кто захотѣлъ вырывать изъ нихъ порознь неполные періоды или изъ разныхъ мѣстъ собирать слова для составленія новыхъ періодовъ, то въ такомъ случаѣ нѣтъ такой книги въ свѣтѣ, изъ которой бы не можно было произвесть разнообразныхъ толковъ". Словамъ Зубова о дарованіи земли крестьянамъ въ „неотъемлемую собственность" предшествуютъ разсужденія о передѣлахъ ими земель по душамъ или тягламъ. Очевидно, что неотъемлемая собственность значитъ просто *неотъемлемое употребленіе или свободное владѣніе*. Авторъ даетъ сей совѣтъ не крестьянамъ, но начальникамъ или владѣльцамъ земли, отъ которыхъ зависѣть можетъ такое устройство. Что касается собственно до помѣщичьихъ крестьянъ, то если бы кто усомнился въ значеніи словъ Зубова, то таковой тутъ же найдетъ въ объясненіяхъ г. Дурасова полное на то истолкованіе. Въ статьѣ послѣдняго весьма положительно говоро-

[1] Черезъ три года послѣ того Сумароковъ отличился также своимъ обскурантизмомъ въ сенатѣ во время суда надъ Поповымъ, переводчикомъ книги Госснера: онъ обвинялъ Попова въ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, клонившихся къ низверженію вѣры и правительства.

ріяс. «Земли помѣщиковъ суть ихъ неограниченная собственность и владѣніе ими крестьянъ зависитъ единственно отъ произвола помѣщиковъ». Изъ сего явствуетъ, что ежели помѣщикъ собственному крестьянину дозволитъ владѣть неотъемлемо, т. е. *безъ перемѣны*, какимъ-*либо* участкомъ своей земли, то неужели онъ чрезъ то лишается своей собственности? Онъ получаетъ за то оброкъ или работу крестьянина въ натурѣ, по собственному своему назначенію, точно такъ, какъ и при ежегодной перемѣнѣ земли. Пока крестьянинъ принадлежитъ господину, до тѣхъ поръ вся крестьянская собственность есть господская. Такъ бываетъ часто въ Россіи, что помѣщичьи крестьяне сами покупаютъ земли и даже деревни, но не иначе, какъ на имя помѣщиковъ, и сіи земли и помѣстья всегда считаются помѣщичьими. Г. Зубовъ не сказалъ также и того, чтобы крестьянамъ дозволять продавать данную имъ землю постороннимъ, но именно сказалъ, чтобы они могли продавать оную *одинъ одному въ другому*, т. е. *между собою*. Слѣдовательно, собственность помѣщика какъ въ самихъ крестьянахъ, такъ и въ ихъ землѣ остается въ мнѣніи Зубова совершенно неприкосновенною». Ни Зубовъ, ни Дурасовъ не сказали чего-нибудь особенно новаго: у многихъ помѣщиковъ земли дѣйствительно раздѣлены навсегда между крестьянами, причемъ послѣдніе или платятъ оброкъ, или отбываютъ барщину. Затѣмъ, въ законѣ объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы именно предписано, чтобы каждому крестьянину отдѣленъ былъ особый участокъ земли. Что касается продажи крестьянами своихъ участковъ, то предложеніе объ этомъ Зубова Дурасовъ очень подробно опровергаетъ. Голынскій и Поппманъ опасаются, чтобы статья Зубова не подала повода къ противозаконнымъ толкованіямъ, но, во-первыхъ, отъ этого никакія и даже святыя книги не свободны, а во-вторыхъ, противъ людей, разсѣвающихъ ложные слухи и неправильно толкующихъ какія-либо учрежденія, и направленъ тотъ циркуляръ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 1 іюля 1820 года, о которомъ они совершенно некстати упоминаютъ. Если общество согласится съ ихъ мнѣніями и рѣшитъ уничтожить статьи Зубова и Дурасова, «то дѣйствительно, продолжаетъ Джунковскій, опасаться должно заключенія, что сіе общество само толкуетъ оныя въ какую-то худую сторону и, вмѣсто предупрежденія вредныхъ толковъ, подаетъ поводъ къ разсѣванію оныхъ. Ибо исключать столь гласнымъ образомъ и перепечатывать сочиненіе было бы не что иное, какъ подавать подозрѣнія публикѣ и заставлять отыскивать въ ономъ такой смыслъ, какого въ немъ никогда не было».

По выслушаніи всѣхъ этихъ документовъ, общество приступило къ баллотировкѣ вопроса—оставить или уничтожить заподозрѣнныя статьи. Изъ числа присутствовавшихъ членовъ (ихъ было всего въ засѣданіи 21) 11 и въ томъ числѣ предсѣдатель высказались за оставленіе статей [1], а 10—за ихъ уничтоженіе [2]. Замѣчательно, что сторонникомъ уничтоженія статей былъ, между прочимъ, и извѣстный англоманъ Н. С. Мордвиновъ.

Казалось бы, вопросъ былъ совершенно покончень, но обскуранты никакъ не могли успокоиться. При открытіи засѣданія 4-го марта былъ

¹) Северинъ, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], Кириловъ, Китаевъ, Эттеръ, Колядинъ.

²) Князь [illegible], [illegible], [illegible], С. [illegible], Н. Мордвиновъ, [illegible], [illegible].

прочитанъ протестъ Павла Сумарокова. „Экономическое общество, — писалъ онъ, — наречено *вольнымъ* по исключительному праву не зависѣть отъ цензуры, разсуждать, предавать тисненію свои открытія, совѣты только о домостроительствѣ, а не о перемѣнѣ уставовъ, политическихъ дѣлъ. Сія отличная довѣренность налагала на сословіе и отличную осторожность, гораздо превосходнѣйшую предъ прочими подчиненными писателями". Затѣмъ, упомянувъ, что Зубовъ предлагаетъ уступить крестьянамъ помѣщичьи земли, съ правомъ ихъ отчужденія, и что его статья представляетъ „новизну въ собственности безъ вѣдома правительства", Сумароковъ жалуется на то, что въ послѣднемъ засѣданіи „отвергли присланныя возраженія членовъ и неправильнымъ безъ нихъ перевѣсомъ голосовъ опредѣлили сохранить напечатанное, какъ будто драгоцѣнное твореніе". Поэтому Сумароковъ требовалъ или созвать для рѣшенія этого дѣла полное собраніе общества, или, записавъ его мнѣніе въ журналъ, препроводить его вмѣстѣ съ статьями Зубова и Дурасова на разсмотрѣніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „какъ къ члену и особѣ, назначенной къ надзору за благочиніемъ, спокойствіемъ въ государствѣ". Были однако и противоположныя мнѣнія. Такъ, членъ общества, Сергѣй Хитрово, не пріѣхавъ по болѣзни въ засѣданіе, заявилъ письменно слѣдующее мнѣніе: такъ какъ вольнаго экономическаго общества совѣты не суть законоположенія, слѣдственно ничему противоположны быть не могутъ, да и многое сильнѣе этой матеріи было печатано, „къ тому же оныя книги были поднесены Ихъ Императорскимъ Величествамъ и получено благоволеніе, то мнѣніемъ моимъ полагаю — остаться сему, какъ оное есть". Вице-адмиралъ Сарычевъ предлагалъ сдѣлать въ экземплярахъ общества, которые поступятъ въ продажу, объяснительное примѣчаніе относительно статьи Зубова. Общество постановило — отложить рѣшеніе дѣла до слѣдующаго засѣданія [1]).

Наконецъ, въ засѣданіи 18-го марта 1822 года, по предложенію предсѣдателя, общество рѣшило напечатать на той страницѣ, гдѣ кончается статья Зубова, слѣдующее примѣчаніе: „вышеизложенныя мысли служатъ только къ объясненію предложенной отъ общества на 1820 годъ задачи, чтобы между крестьянскими землями не было черезполосности и каждый имѣлъ бы свой участокъ особо. Почему выраженія: утвердить землю въ незыблемую собственность или отдѣлить въ вѣчное обращеніе казеннымъ

1) Любопытно, что въ томъ же засѣданіи 1-го марта помѣщикъ [illegible] читалъ, по желанію общества, подробное описаніе раздѣленія земли между крестьянами на особые участки въ его [illegible] имѣніи, „сообразно тому, какъ предлагалъ [illegible] и помѣщикъ [illegible] губерніи Зубовъ". Въ протоколѣ было сказано: „собраніе, выслушавъ сіе, опредѣлило записку внесть въ оныя Труды общества", но слова эти зачеркнуты карандашомъ.

или же и помѣщичьимъ крестьянамъ—значатъ только то, чтобы вмѣсто общаго владѣнія имѣлъ каждый особо свой участокъ и отведенными имъ землями не дѣлились бы ежегодно по полосамъ, какъ то подробно изъяснено въ слѣдующей статьѣ г. Дурасовымъ, гдѣ и предложеніе о продажѣ участковъ опровергается“. Не знаемъ, во многихъ ли экземплярахъ удалось вставить такое примѣчаніе: въ книгѣ, бывшей въ нашихъ рукахъ, его нѣтъ. Какъ бы то ни было, перепугавшіеся крѣпостники были успокоены, чѣмъ и завершился весь этотъ печальный эпизодъ [1]).

Нельзя не замѣтить, что подобныя исторіи только и возможны въ эпоху реакціи: въ лучшую пору царствованія императора Александра I-го общество, по желанію государя, увѣличивало большими преміями сочиненія въ пользу свободнаго труда, и въ то время какіе-нибудь Голынскій и Сумароковъ не посмѣли бы возвести въ уголовное преступленіе самую невинную статью. Съ наступленіемъ реакціи разные мастодонты смѣло поднимаютъ голову и торжествуютъ до перваго луча разсвѣта, мало заботясь о томъ, что исторія—презлопамятная наука и что рано или поздно они предстанутъ предъ безпристрастнымъ потомствомъ въ крайне непривлекательномъ видѣ.

—

[1]) Арх. вольн. эк. общ. Журналъ засѣданіи 1820 г., кн. № 102, л. 50, 64, 66, журн. 1821 г. кн. № 104, л. 144, 148, журн. 1822 г. № 106 л. 11—34 и особое дѣло подъ неправымъ заглавіемъ. „Правила, постановленныя по мнѣнію государственнаго совѣта объ условіяхъ между помѣщиками и крестьянами“.

ГЛАВА XXIV.

Крестьянскій вопросъ въ литературѣ: Батюшковъ, Пушкинъ, кн. Вяземскій, Грибоѣдовъ, Нарѣжный, Державинъ.

Въ произведеніяхъ изящной словесности было такъ-же трудно дѣлать въ печати намеки на крѣпостное право, какъ и въ серьезныхъ статьяхъ. Въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ Батюшкова не оказывается отраженій либеральныхъ вѣяній по крестьянскому вопросу въ первую четверть XIX вѣка, но онъ написалъ въ 1814 году, по свидѣтельству князя Вяземскаго, „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу“, государь „призванъ Провидѣніемъ довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа“. Однако, стихотвореніе это, написанное, быть можетъ, подъ вліяніемъ бесѣдъ Батюшкова во Фрейбургѣ съ извѣстнымъ энергическимъ борцомъ за освобожденіе крестьянъ, Н. И. Тургеневымъ, не было въ свое время напечатано и даже не сохранилось [1]. Жуковскій не могъ освободить изъ оковъ цензуры переводъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера „Die drei Worte des Glaubens“ („Три слова вѣры“), а безъ второй строфы:

„Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei
Und wäre er in Ketten geboren“ [2],

онъ не хотѣлъ ихъ печатать [3]).

Пушкинъ въ своихъ юношескихъ произведеніяхъ еще не затрогиваетъ современныхъ общественныхъ вопросовъ; что же касается въ частности крѣпостнаго права, то игра крѣпостныхъ актеровъ гр. Толстаго на

[1]) „Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго“ т. VII, стр. 418. Сочиненія Батюшкова, изд. 1887 г., т. III, стр. 247. La Russie et les Russes par N. Tourgueneff II. 111.

[2]) „Человѣкъ созданъ свободнымъ, и онъ свободенъ, если-бы даже родился въ цѣпяхъ“.

[3]) Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“. Спб. 1883 г., стр. 124—125.

его домашнемъ театрѣ въ Царскомъ Селѣ вызвала со стороны пятнадцатилѣтняго поэта два стихотворныхъ посланія (1814 г.) исключительно эротическаго содержанія. Но быстро шло развитіе геніальнаго поэта, какъ и развитіе лучшей части интеллигентнаго общества въ это время, и въ 1819 г., который, какъ мы имѣли случай изложить въ другомъ мѣстѣ, отличается особеннымъ обиліемъ записокъ и проектовъ по крестьянскому вопросу, Пушкинъ создаетъ свое чудное стихотвореніе „Деревня“. Послѣ идиллической картины сельской жизни и природы, на которыя поэтъ, по его словамъ, промѣнялъ „порочный дворъ царицъ“, онъ энергически рисуетъ оборотную сторону медали

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить
. . . .
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?“

Какъ во всемъ этомъ стихотвореніи, такъ и въ его заключительномъ четверостишіи видно вліяніе на поэта лучшихъ изъ его современниковъ, и, прежде всего, тутъ невольно приходитъ на память имя одного изъ братьевъ Тургеневыхъ, съ которыми Пушкинъ былъ хорошо знакомъ, автора книги „Теорія налоговъ“ и, гораздо позднѣе, еще болѣе замѣчательной книги „La Russie et les Russes“, который въ запискѣ, поданной чрезъ графа Милорадовича государю въ томъ же 1819 г., выражалъ согласную съ мнѣніемъ Пушкина мысль, что „только отъ самодержавной власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго“.

Любопытна судьба этого стихотворенія, написаннаго Пушкинымъ въ его псковскомъ имѣніи, селѣ Михайловскомъ. Когда императоръ Александръ I выразилъ кн. Васильчикову желаніе ознакомиться съ произведеніями Пушкина, тотъ обратился къ своему адъютанту, извѣстному Чаадаеву, пріятелю геніальнаго поэта. Чаадаевъ вручилъ Васильчикову стихотвореніе „Деревня“, и оно такъ понравилось государю, что онъ сказалъ: „Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent“. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ, какъ во многихъ другихъ (какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ о Андрѣ Шенье), одобреніе государя не спасло этого прекраснаго произведенія отъ цензурныхъ урѣзокъ. Въ 1826 г. была напечатана лишь первая половина стихотворенія „Деревня“, остальная же его часть, которая была нами приведена, появилась въ печати лишь въ 1857 г., а вполнѣ все это мѣсто было напечатано только въ изданіи сочиненій Пушкина 1870 г. (Изд. Лит. Ф. 1887 г. I, 203).

Во время жизни въ Кишиневѣ Пушкинъ познакомился съ извѣстнымъ декабристомъ Пестелемъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе [1]. Поэтъ не былъ привлеченъ къ участію въ тайномъ обществѣ, но знакомство съ декабристами могло только поддержать въ немъ отрицательное отношеніе къ современной дѣйствительности и къ подготовившимъ ее явленіямъ нашего прошлаго. Въ слѣдующемъ году, въ томъ же Кишиневѣ, поэтъ набросалъ въ особой тетради нѣсколько любопытныхъ историческихъ замѣчаній, напечатанныхъ лишь недавно; приведемъ изъ нихъ то, что касается крѣпостнаго права и крестьянскаго вопроса. Про Екатерину II авторъ говоритъ, что „возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа... Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала. Ободренные таковою слабостью, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій... Екатерина уничтожила званіе (справедливѣе, названіе) рабства, а раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ... и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи... Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь“. И въ этихъ набросках Пушкинъ высказывается, подобно Н. И. Тургеневу, противъ ограниченія самодержавія ранѣе уничтоженія крѣпостнаго права. „Аристократія послѣ Петра I, — говоритъ онъ, — неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ счастью, хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ

[1] Въ дневникѣ Пушкина 1821 г., между прочимъ, отмѣчено: „Утро провелъ съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю“ (V, 6).

вельможъ, и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ“ (V, 11—13).

Всѣ приведенныя мѣста служатъ любопытнымъ свидѣтельствомъ относительно взглядовъ поэта на крестьянскій вопросъ, но они не могли появиться въ свое время въ печати. Первымъ слабымъ печатнымъ намекомъ въ произведеніяхъ Пушкина на желательность улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ было извѣстное мѣсто во второй главѣ „Евгенія Онѣгина“, написанной въ 1823 г. и вышедшей въ свѣтъ въ 1826, гдѣ авторъ говоритъ о своемъ героѣ:

„Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
И небо рабъ [1]) благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ“ (III, 261, ср. 276)

Въ главѣ пятой, написанной въ 1825—26 гг. и напечатанной въ 1828, въ числѣ гостей семейства Лариныхъ упоминается: „Гвоздинъ, хозяинъ превосходный, владѣлецъ нищихъ мужиковъ“ [2]).

Укажемъ также на отношенія къ крестьянскому вопросу въ эту же эпоху друга Пушкина, кн. Вяземскаго. Въ одну изъ своихъ записныхъ книжекъ онъ занесъ въ царствованіе Александра I слѣдующее: „По первому взгляду на рабство въ Россіи говорю: оно уродливо. Это наростъ на тѣлѣ государства. Теперь дѣло лѣкарей рѣшить, какъ истребить его: свести ли медленными, но безпрестанно дѣйствующими средствами, срѣзать ли его разомъ? Соберите совѣтъ лѣкарей; пусть перетолкуютъ они о спо-

---

[1]) Вмѣсто этихъ словъ, по требованію цензуры было напечатано „мужикъ“.

[2]) III, 273. [illegible] Пушкина къ „Евгенію Онѣгину“ [illegible] „По [illegible], родимый,—отвѣчала она,—приказалъ [illegible] староста [illegible] меня до полусмерти [illegible]“. Въ [illegible] суды, обыкновенно были пристрастны.“

собахъ, взвѣсятъ послѣдствія и тогда рѣшитесь на что-нибудь. Теперь что вы дѣлаете? Вы сознаетесь, что это наростъ, пальцемъ указываете на него и только что дразните больнаго тогда, когда должно и можно его лечить". Во время поѣздки по западной Россіи съ извѣстнымъ Н. Н. Новосильцевымъ въ 1818 г. кн. Вяземскій, отмѣтивъ въ записной книжкѣ ужасное положеніе крестьянъ въ арендныхъ имѣніяхъ, затѣмъ переходитъ къ крѣпостнымъ: „Въ Литвѣ задумываютъ установить состояніе крестьянъ. Грабовскій подавалъ просьбу о томъ государю. Боюсь, чтобы эта свобода крестьянъ не была уловкою рабства пановъ. Увидимъ, какъ приступятъ къ дѣлу. Хотятъ собрать по одному депутату съ уѣзда и рѣшить эту задачу. Дай Богъ! Крестьяне литовскіе ужасно угнетены. Здѣсь не знаютъ ни брата на брата [1]), ни другихъ постановленій нашихъ. *Паньщизна* [2]). Крестьянинъ долженъ съ двумя волами работать три дня въ недѣлю на пана. Рѣдкій имѣетъ и одного вола. Чтобы наверстать, паны заставляютъ однимъ воломъ работать шесть дней". Разсказы кн. Вяземскаго о такомъ ужасномъ положеніи народа въ западной Россіи могли послужить для Пушкина однимъ изъ поводовъ написать въ слѣдующемъ году приведенныя выше замѣчательныя строки въ стихотвореніи „Деревня".

Въ двухъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ эти же годы, но въ свое время также не напечатанныхъ, кн. Вяземскій задѣваетъ крѣпостное право. Въ одномъ изъ нихъ, подъ названіемъ „Негодованіе", поэтъ, обращаясь къ свободѣ, говоритъ:

„Ты снимешь роковую клятву
Съ чела, поникшаго землѣ,
И пахарю освѣтишь жатву,
Темнѣющую въ рабской мглѣ".

Въ другомъ стихотвореніи: „Сибирякову" (1820 г.), поэту изъ крѣпостныхъ (авторъ называетъ его: „въ отечествѣ поэтъ, кондитеръ въ барскомъ домѣ"), кн. Вяземскій, въ утѣшеніе ему, говоритъ, что „свобода въ насъ самихъ", а среди баръ

„Ты сталъ бы, какъ они, въ безчувствіи глубокомъ
На участь братіевъ взирать холоднымъ окомъ
И думать, что Творецъ на то и создалъ знать,
Чтобъ кровью ближняго сей нагло торговать,
Что черни далъ однѣ Онъ спины, барству души".

Сравнительно съ однимъ изъ подобныхъ людей

„Ты рабъ свободный, онъ рабъ жалкій на свободѣ.." [3])

[1]) Хозяйственный терминъ, означающій трехдневную барщину („работать брата на брата").

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) „Полн. Собр. Соч. кн. Вяземскаго", III, 168, 210—212; IX, 11, 63—64. Срав. въ статьѣ кн. Вяземскаго объ И. И. Дмитріевѣ (1823 г.) „Полн. Собран. Сочин." I, 118.

Кстати скажемъ нѣсколько словъ о Сибиряковѣ, который, по самой своей судьбѣ, былъ живымъ протестомъ противъ крѣпостнаго права, такъ какъ онъ былъ крѣпостной. О немъ въ 1818 году въ двухъ журналахъ появилась статья П. Свиньина, авторъ которой, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы показать, какъ ужасно тяжело было положеніе образованнаго человѣка въ неволѣ, сталъ защищать крѣпостное право отъ нападокъ иностранцевъ: „Счастливыя способности Сибирякова", говоритъ Свиньинъ, „обращаютъ на себя еще особенное вниманіе каждаго потому, что онѣ родились и созрѣли въ такомъ состояніи, въ какомъ, какъ иностранцы полагаютъ, если природа и произведетъ что-либо отличное, то одно положеніе достаточно, чтобы все „убить и искоренить". Впрочемъ, выразивъ признательность помѣщику, „умѣвшему питать и поощрять способности молодаго питомца музъ", авторъ выражаетъ надежду, что этотъ помѣщикъ откроетъ Сибирякову больше способы для усовершенствованія своихъ дарованій и большаго круга сообщить себѣ полезнымъ обществу"[1]. Сопровождая своего господина въ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Сибиряковъ уже тогда писалъ стихи; ему не разъ представлялось остаться заграницей и сдѣлаться такимъ образомъ свободнымъ, но онъ возвратился на родину крѣпостнымъ, хотя и очень тяготился своимъ положеніемъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго четверостишія:

„Увы! и я, и я рожденъ
Въ послѣдней смертныхъ долѣ.
Природой чувствомъ надѣленъ,
Столь гибельнымъ въ неволѣ".

В. А. Жуковскій и нѣкоторые другіе литераторы приняли участіе въ положеніи Сибирякова, и вслѣдствіе того, какъ онъ прислалъ государю въ честь его стихотвореніе, петербургскій военный губернаторъ, графъ Милорадовичъ, обратился къ помѣщику крѣпостнаго поэта съ запросомъ, не расположенъ ли онъ его продать, — въ такомъ случаѣ, онъ купленъ будетъ для того только, чтобы получить въ то же самое время свободу, которой онъ столько достоинъ; въ противномъ же случаѣ „возникающее дарованіе будетъ въ состояніи рабства совершенно потеряно для общества". Помѣщикъ, ссылаясь на то, что Сибиряковъ „съ немалыми издержками воспитанъ въ московскихъ училищахъ, а также обученъ кондитерскому искусству", запросилъ за него 10,000 рублей[2]. Не знаемъ, былъ-ли выкупленъ крѣпостной поэтъ, но только въ 1820 году онъ оставался еще въ неволѣ, какъ видно изъ упомянутаго уже нами стихотворенія кн. Вяземскаго „Сибирякову".

Въ произведеніяхъ Грибоѣдова мы находимъ самое энергичное бичеваніе крѣпостнаго права. Еще въ студенческіе годы семнадцатилѣтнимъ юношей (въ 1812 году) авторъ „Горя отъ ума" набрасываетъ оконченную впослѣдствіи вмѣстѣ съ Катенинымъ въ 1817 г. комедію въ трехъ дѣйствіяхъ „Студентъ", которая представляетъ уже попытку общественной сатиры (она не напечатана). Богатое и вліятельное лицо Звѣздовъ говоритъ въ ней между прочимъ:

„Да отправить старосту изъ жениной деревни, наказать ему крѣпко да крѣпко, чтобъ Фомка кузнецъ не отлынивалъ отъ оброку и внесъ бы 25 рублей непре-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1818 г., № 23, стр. 228—224. Ср. его стихотворенія, ibid., № 21, стр. 252—254. Первоначально статья Свиньина была напечатана въ „Трудахъ Общества любит. росс. словесности" ч. XII.

[2]) „Русскій Архивъ" 1873 г., кн. 1, 639—642

мѣнно, слышишь, 25 рублей до копѣйки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ, то рекрутъ для царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были на головѣ. Онъ видно шутитъ 25-ю рублями, вѣрно ему позорно, а гдѣ ихъ взять ему? Кто мнѣ ихъ подаритъ? на улицѣ, что ли, валяются 25 рублей. очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень... говорятъ, что все по деревнямъ..., а между тѣмъ все вздорожало, такъ чтобъ Фомка внесъ 25 рублей, слышите-ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай".

Въ 1816 г. Грибоѣдовъ встрѣчается на почвѣ масонства съ такими людьми, какъ Чаадаевъ и Пестель, вмѣстѣ съ которыми онъ состоитъ членомъ ложи „des amis réunis", затѣмъ знакомится съ Пушкинымъ въ пору наиболѣе отрицательнаго его отношенія къ современному общественному строю и сближается съ Александромъ Одоевскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ декабристомъ. Понятно, что всѣ эти связи могли только содѣйствовать тому отрицательному отношенію къ окружающему Грибоѣдова обществу, зачатки котораго обнаружились еще въ его юношеской комедіи. Возвратившись вновь къ задуманному въ молодости плану сатиры въ драматической формѣ на правящіе классы общества, онъ приступаетъ съ 1816 года къ обработкѣ своей комедіи, будущаго „Горя отъ ума", трудится надъ нею и на службѣ въ Персіи, куда онъ отправился въ 1818 году, и въ Тифлисѣ, куда былъ переведенъ въ 1822 году. Черезъ два года, во время продолжительнаго пребыванія автора на сѣверѣ, „Горе отъ ума" было окончено, и Грибоѣдовъ начинаетъ хлопотать о принятіи его комедіи на сцену, причемъ приходится ослаблять или исключать рѣзкія мѣста, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, встрѣчаются неодолимыя препятствія. Директоръ театровъ Кокошкинъ представляетъ московскому губернатору кн. Д. В. Голицыну, что „Горе отъ ума" прямой пасквиль на Москву, а въ Петербургѣ предсказывали, что эта комедія возбудитъ неудовольствіе всего дворянства. Несмотря на поддержку нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, хлопоты о допущеніи пьесы на сцену остались безуспѣшными: даже устроенное было тайкомъ учениками театральной школы представленіе ея (причемъ репетиціями руководилъ самъ авторъ) не состоялось вслѣдствіе приказанія генералъ-губернатора Милорадовича, имѣвшаго какіе-то счеты съ Грибоѣдовымъ. Лишь три года спустя, автору въ первый и единственный разъ въ жизни удалось увидать на сценѣ свою комедію, когда она въ 1827 году была сыграна на офицерскомъ театрѣ въ Эривани. Только въ 1831 году „Горе отъ ума" было вполнѣ представлено на петербургской и московской сценахъ (до того давались нѣкоторые акты порознь). Точно также Грибоѣдову не суждено было дождаться полнаго изданія своей пьесы, изъ которой лишь въ 1825 году появилось нѣсколько отрывковъ въ альманахахъ „Русская Талія" Булгарина; всѣ же четыре акта были напечатаны, хотя и съ пропусками, только въ 1833 году, когда вся Россія уже знала „Горе отъ ума" наизусть по тысячамъ ходившихъ по рукамъ списковъ. Въ „Библіо-

текѣ для Чтенія" (1834 года, т. I) произведеніе Грибоѣдова было прямо названо комедіей политической и сравнено съ знаменитой „Свадьбой Фигаро" Бомарше. Остановимся на тѣхъ мѣстахъ „Горя отъ ума", гдѣ затрогивалось крѣпостное право.

Въ первомъ дѣйствіи, въ бесѣдѣ съ Софьей, Чацкій, перебирая разныхъ знакомыхъ, вспоминаетъ одного любителя театра, который „самъ толстъ, его артисты тощи", и который, давая балы, заставляетъ своего человѣка щелкать за ширмами соловьемъ. По объясненію Алексѣя Ник. Веселовскаго, оригиналомъ для автора въ этомъ случаѣ послужилъ помѣщикъ Поздняковъ, большой театралъ, устроившій у себя въ домѣ на Никитской театръ, гдѣ играли его крѣпостные [1].

Въ первоначальной редакціи извѣстнаго монолога Чацкаго „А судьи кто?" онъ, между прочимъ, говоритъ про московскихъ дворянъ, что „въ заслуги ставили имъ души родовыя". Въ томъ же монологѣ находится знаменитое мѣсто „о Несторѣ негодяевъ знатныхъ", промѣнявшемъ на три борзыя собаки своихъ слугъ, не разъ спасавшихъ его жизнь и честь, и о другомъ баринѣ, который

„На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
От матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей".

А затѣмъ всѣ эти „амуры и зефиры" были „распроданы поодиночкѣ". Эти мѣста настолько памятны всѣмъ, что нѣтъ надобности приводить ихъ вполнѣ. Дѣйствительность подобныхъ фактовъ несомнѣнна: они были возможны и случались до самаго уничтоженія крѣпостнаго права.

Въ третьемъ дѣйствіи комедіи Хлестова говоритъ, что Загорѣцкій ей „двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ". Напомнимъ, что на ярмаркахъ, какъ, напримѣръ, Урюпинской, производился въ это время наглый торгъ крѣпостными, не остановленный и запретительнымъ указомъ императора Александра I. Наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи Фамусовъ отправляетъ, въ видѣ наказанія, горничную Лизу въ деревню ходить за птицами и, раздраженный небрежностью швейцара, кричитъ: „Въ работу васъ, на поселенье васъ!" Нужно не забывать для правильнаго пониманія этого мѣста, что, утративъ при Александрѣ I право отправлять своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу, помѣщики сохранили право ссылать ихъ на поселенье въ Сибирь [2]).

Несмотря однако на всѣ цензурныя строгости, въ печатныхъ произведеніяхъ изящной словесности удавалось выводить въ свѣтъ нѣкоторыя

1) „Очеркъ [illegible] исторіи Горя отъ ума" въ „Русск. Архивѣ" 1874 г. I, 1557.—„Русская Библіотека", изд. Стасюлевича, т. V.

2) [illegible] въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „Комедія „Горе отъ ума" ходила по рукамъ въ [illegible] слова Чацкаго, что „всѣ распроданы поодиночкѣ" приводили въ ярость". „Русск. Старина", 1881 г., т. XXX, 488.

безобразія крѣпостнаго права. Тутъ, прежде всего, слѣдуетъ остановиться на сочиненіяхъ извѣстнаго писателя В. Нарѣжнаго.

Въ повѣсти „Аристіонъ или перевоспитаніе“ 1822 г. Нарѣжный во многихъ мѣстахъ обличаетъ крѣпостное право. Такъ, его молодой герой прокутившись въ столицѣ, желаетъ отдать своихъ дворовыхъ въ залогъ ростовщику, и тѣ спасаются лишь бѣгствомъ. Изображая далѣе деревенскую жизнь, авторъ выставляетъ не мало помѣщиковъ, разоряющихъ или мучающихъ своихъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, страстный любитель охоты ради этого удовольствія отвлекаетъ крѣпостныхъ отъ производительныхъ работъ, а также заставляетъ дѣвушекъ и парней плясать для его увеселенія до упаду. Крестьяне пристрастились такимъ образомъ къ лѣности, пьянству и всякому безчинству, а помѣщикъ, самъ въ этомъ повинный, началъ строго съ нихъ взыскивать, и „за всякій проступокъ неупустительно наказывалъ“ длинною веревчатою плетью, хотя это ни къ чему не приводило [1]. Другой помѣщикъ, „бережливый“ Тарахъ, страшный скупецъ, первообразъ Плюшкина, а жена его еще лучше. „Не говоря о всѣхъ угнетеніяхъ, натяжкахъ, обидахъ всякаго рода, коими они придавили насъ къ землѣ“ (разсказываетъ про своихъ господъ крестьянинъ), „такъ что и людьми назваться не смѣемъ, они подъ конецъ изобрѣли хитрости, противъ коихъ и самъ сатана не остережется. Челядинцы ихъ, ходящіе въ лохмотьяхъ, приманиваютъ нашихъ быковъ, коровъ, овецъ, куръ, гусей и проч. какъ нибудь отвѣдать корму господскаго, а тутъ-то они и пиши-пропали“. Сверхъ того, „установлено чтобы всякій крестьянинъ, крестьянка, мальчикъ, дѣвочка, буде въ праздничный день захотятъ помолиться Богу въ церкви въ ближнемъ селѣ,... то должны прежде придти на господскій дворъ и принести въ даръ: кто курицу, кто утку, кто десятокъ яицъ, мѣрку меду, масла, сыру, словомъ, что на кого возложено панами. По собраніи этой подати, которую называютъ они христіанскими поборами, дозволяютъ уже имъ молиться Богу“. Затѣмъ, „очередной крестьянинъ... долженъ эту добычу везти въ ближайшій городъ... на продажу. Если ему не удастся продать по той цѣнѣ, какая назначена“ господами, „то долженъ пополнить собственными деньгами, а буде заупрямится, то челядинцы придутъ на его дворъ и возьмутъ на господина то, что по мнѣнію ихъ, вознаградитъ недоимку“. Это черта вполнѣ возможная въ жизни малороссійскихъ крестьянъ: извѣстно, что господа заставляли тамъ крѣпостныхъ поневолѣ покупать у нихъ извѣстные припасы по произвольной цѣнѣ, назначенной землевладѣльцемъ

[1]) „Это дикій звѣрь“ говоритъ о немъ авторъ устами одного изъ своихъ героевъ, „который готовъ терзать себѣ подобныхъ, если ихъ сильнѣе; помочь же имъ въ чемъ-нибудь онъ и не умѣетъ, и не хочетъ, и есть невинное бремя на земномъ шарѣ, есть гнусный червь, заражающій все общественное тѣло, есть ядовитое животное, оскверняющее все, къ чему ни прикоснется“.

Однако, рядомъ съ этими отрицательными типами, авторъ выводитъ и добродѣтельную помѣщицу, заботящуюся о благосостояніи своихъ крестьянъ.

Въ повѣсти „Марія“ Нарѣжный затрогиваетъ тотъ-же вопросъ, что и Жуковскій въ извѣстной намъ его статьѣ: какія пагубныя послѣдствія имѣетъ для крѣпостныхъ воспитаніе ихъ вмѣстѣ съ господами. Тутъ сынъ одного графа влюбляется въ крѣпостную дѣвушку своихъ родителей, получавшую воспитаніе вмѣстѣ съ его сестрой, ихъ разлучаютъ, и она сходитъ съ ума, а молодой человѣкъ, узнавъ о ея смерти, проводитъ жизнь въ полномъ уединеніи, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему быть благодѣтелемъ своихъ крестьянъ [1]).

Въ комедіи князя Шаховскаго „Пустодомы“ (1820 г.) авторъ, между прочимъ, изображаетъ, какъ вредно могутъ отражаться на крестьянахъ агрономическія затѣи помѣщика. Князь Радугинъ, богатый землевладѣлецъ, совершенно незнакомый съ условіями сельскаго хозяйства въ Россіи, производитъ въ имѣніяхъ реформы, руководствуясь единственно книгами и совѣтами своего педанта библіотекаря, а также разныхъ иностранцевъ, отправленныхъ въ его помѣстья; это тяжело отражается на положеніи крестьянъ. По словамъ бывшаго прикащика:

. . . . . . „село Княжое
Заморской сволочью, что князь прислалъ въ него
Для экономіи, для фабрикъ, для заводовъ,
Разорено въ конецъ“. . . . .

Для свеклосахарнаго завода крестьяне работали „круглый годъ денно и нощно“ и „подъ свеклу десятинъ до сотни распахали“. Разореніе крѣпостныхъ довершаетъ жена князя Радугина, ради нарядовъ которой пришлось въ одинъ годъ „мадамамъ заплатить съ двухъ тысячъ душъ оброки“. Въ противоположность этимъ лицамъ въ комедіи есть и хорошій помѣщикъ, заботящійся о своихъ крестьянахъ, который въ концѣ-концовъ помогаетъ своему племяннику-князю выпутаться изъ долговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ ему:

„Педантовъ не велю пускать къ тебѣ на дворъ
И мучить мужиковъ напрасно не дозволю“ [2]).

Хотя рѣдко, но все таки бывали случаи, что и въ произведеніяхъ изящной словесности проводились консервативные взгляды на крестьян

---

[1]) „Романы и повѣсти сочиненія Василія Нарѣжнаго“. Изд. 2-е. СПБ. 18[illegible] г., [illegible] V и X.

[2]) „Пустодомы“. Спб. 1820 г., стр. 2, 10, 15 [illegible] 115; [illegible] журналѣ „Невскій зритель“ 1820 г., № 2, стр. 271—27[illegible]; срав. Ibid., 29—32 и „В[illegible]: Очерки исторіи русской журналистики 20-хъ и 30-хъ годовъ. Спб. 1881 г., стр. 15[illegible]—4, 160.

скій вопросъ. Такъ, Г. Р. Державинъ, который, по мѣрѣ силъ и возможности, боролся съ либеральными предположеніями правительства по этому предмету, хотя и не прочь былъ отъ обсужденія крестьянскаго вопроса дилетантствомъ, помѣстилъ въ изданныхъ имъ въ 1804 г. „Анакреонтическихъ пѣсняхъ“ (стр. 116) стихотвореніе, гдѣ голубка говоритъ, что не желаетъ вольности, которую ей хочетъ дать Хлоръ, сынъ Фелицы, по ея словамъ:

„Какая это воля,
Летала чтобъ одна:
Была-бъ безвѣстна доля,
Была-бы голодна?“

По объясненію самого Державина, стихотвореніе это написано въ Петербургѣ въ 1801 г. „по случаю тогдашняго мнѣнія императора Александра, чтобы вольность дать крестьянамъ“ [1]).

Въ 1805 году Державинъ написалъ еще слѣдующее стихотвореніе по поводу преній въ англійскомъ парламентѣ о торгѣ невольниками, которое въ свое время осталось ненапечатаннымъ:

„Прекрасно, хорошо, и можно подтвердить,
Чтобъ дать невольникамъ отъ ихъ работъ свободу;
Но прежде надобно двѣ вещи разрѣшить:
Льзя-ль просвѣщенный умъ привить всему народу
И въ равенствѣ его во всей вселенной зрѣть?
Коль можно, то съ звѣрьми должно въ норахъ сидѣть
И лѣсъ звать городомъ, а пить за кофе воду“ [2]).

———

[1]) „Сочиненія Державина“, 2-е академическое изданіе, т. II, 2?0, III, 601. Необходимо замѣтить, что судя по воспоминаніямъ крестьянъ изъ его имѣнія Званки, Державинъ былъ добрымъ помѣщикомъ. Ibid. II, 412—413.

[2]) Ibid., III, 299.

ГЛАВА XXV.

Проекты В. Малиновскаго, гр. Стенбока, Берга, Киселева.—Попытка дворянъ петербургской губерніи.—Проекты Аракчеева, А. Малиновскаго, Мордвинова Канкрина, Н. Тургенева.—Попытка устроить общество съ цѣлью освобожденія крестьянъ; отношеніе къ этому дѣлу Карамзина.—Проекты Якушкина и динабургскаго дворянства

Мы разсмотрѣли развитіе идей по крестьянскому вопросу въ неоффиціальномъ комитетѣ, окружавшемъ императора Александра въ первые годы его царствованія, познакомились съ нѣкоторыми правительственными мѣрами по этому предмету, какъ, напр., съ учрежденіемъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, разобрали научныя и литературныя произведенія, касающіяся крестьянскаго вопроса, а также изучили борьбу мнѣній либераловъ и консерваторовъ въ особыхъ, неизданныхъ въ свое время, запискахъ и частной перепискѣ. Теперь посмотримъ, какъ назрѣвающія освободительныя идеи формулировались въ проектахъ измѣненія быта крѣпостныхъ, составленныхъ или по собственному побужденію ихъ авторовъ, или вслѣдствіе прямаго желанія императора Александра.

Въ концѣ 1802 г. генеральный консулъ въ Яссахъ, Василій Малиновскій, прислалъ гр. Кочубею „Записку о освобожденіи рабовъ“ при слѣдующемъ письмѣ: во время службы въ Яссахъ, пишетъ авторъ, „препроводивъ въ отечество болѣе трехъ тысячъ человѣкъ бѣглыхъ, большею частію помѣщичьихъ крестьянъ, я испытывалъ каждаго о причинахъ бѣгства и нашелъ оныя общими и съ состояніемъ рабства въ Россіи неразлучными, какъ-то: тягостныя работы сверхъ опредѣленнаго числа дней, большіе оброки, недостатки угодьевъ, побои и другіе самовольные поступки помѣщиковъ или прикащиковъ“. Это и побудило его составить записку объ уничтоженіи „рабства“. „Земляки и братья по христіанству, рабы“, говоритъ авторъ, „живутъ какъ плѣнники въ своемъ отечествѣ, отчуждены всѣхъ правъ и преимуществъ и даже покровительства и сбереженія законовъ въ разсужденіи собственности и самой безопасности жизни, ибо лишь бы не умеръ рабъ отъ побоевъ прежде трехъ дней, господинъ не

отвѣчаеть, а если разоритъ до нитки, —можетъ ли онъ жаловаться?" Принятыя до тѣхъ поръ правительствомъ мѣры относительно „присмотра за помѣщиками и облегченія рабскаго состоянія" совершенно недостаточны.

Указывая далѣе на опасность существованія крѣпостнаго права, какъ это доказано примѣромъ Пугачевщины, авторъ предлагаетъ такой планъ освобожденія крестьянъ. Въ извѣстный день по всей Россіи объявляется уничтоженіе крѣпостнаго права. Послѣ того дворовые люди должны пробыть „съ мѣсяцъ" у своихъ господъ „подъ покровительствомъ правительства въ прежнемъ своемъ повиновеніи". Переходъ крестьянъ слѣдуетъ дозволить также не вдругъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. „Учрежденная для сего великаго предпріятія коммиссія..... будетъ имѣть стараніе о предупрежденіи всякихъ злоупотребленій при заключеніи новыхъ условій и обязательствъ между помѣщикомъ и поселяниномъ о наймѣ земли и работѣ, и объ отведеніи новыхъ казенныхъ земель желающимъ переселиться въ отдаленныя пространныя губерніи". Сказанное далѣе въ запискѣ объ этомъ отводѣ казенныхъ земель возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія [1]). Такимъ образомъ, сначала авторъ предлагаетъ жаловать казенныя земли въ собственность тѣхъ помѣщиковъ, крестьяне которыхъ изъявятъ желаніе переселиться, а ниже говоритъ о правѣ собственности на землю переселившихся крестьянъ; повидимому, послѣдними словами онъ обозначаетъ лишь право безпрепятственнаго пользованія землею подъ условіемъ исправнаго исполненія условій, заключенныхъ съ землевладѣльцемъ. Во всякомъ случаѣ, по проекту автора, крестьяне освобождались безъ земельнаго надѣла, и пользоваться прежнею землею они могли лишь на условіяхъ, заключенныхъ съ помѣщикомъ подъ контролемъ правительственной коммиссіи [2]).

Затѣмъ мы имѣемъ два проекта, составленные на французскомъ языкѣ въ 1809 году гр. Стенбокомъ и Бергомъ, къ сожалѣнію, извѣстные намъ не вполнѣ, а лишь въ краткомъ изложеніи.

Гр. Стенбокъ предлагаетъ раздѣлить пахотныя земли на фермы и раздать ихъ крестьянамъ по контрактамъ, съ тѣмъ чтобы аренда уплачи-

[1]) „Поставляя правиломъ", говоритъ авторъ, „чтобъ казенныя земли, вновь для поселенія отводимыя, принадлежали тому помѣщику, коего крестьяне тамъ поселятся, не будетъ никакой потери, ни убытку, ни разоренія дворянамъ, но вмѣсто того наобогащеніе (sic) и прибыль великая, особливо для помѣства". Между тѣмъ ниже Малиновскій противополагая прежнія, по его мнѣнію, „рѣдко удачныя" переселенія крестьянъ по волѣ помѣщика новому порядку вещей, говоритъ: „не такъ свободный человѣкъ, увѣренъ во владѣніи и *собственности земли*, онъ спѣшитъ съ любопытствомъ въ новую сторону, ожидая тамъ болѣе пользы отъ своихъ трудовъ. Подтверждается все сіе опытами напримѣръ обработаніе и населеніе екатеринославской губерніи доставшими тамъ свою свободу".

[2]) Арх. Мин. Гос. Им., Дѣло III Департамента № 82, л. 60—66.

валась помѣщику не деньгами и не барщиною, а только произведеніями земли. Это было бы выгодно, по мнѣнію автора, и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для государства: крестьяне не должны будутъ отправляться въ отхожіе промыслы для зарабатыванія денежнаго оброка и современемъ получатъ возможность пріобрѣсти арендуемые ими участки „въ свое владѣніе“, т.-е., вѣроятно, въ полную собственность; помѣщики будутъ болѣе обезпечены въ вѣрномъ полученіи дохода; выиграетъ и государство, такъ какъ съ уничтоженіемъ денежнаго оброка значительно разовьется хлѣбопашество и потому увеличится вывозъ земледѣльческихъ произведеній за границу [1]. Не имѣя въ рукахъ всего проекта, мы не знаемъ, какую аренду имѣлъ въ виду авторъ: на извѣстный ли срокъ, или безсрочную, подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей; быть можетъ, онъ предлагалъ введеніе послѣдней, такъ какъ въ изложеніи его проекта не упомянуто о правѣ помѣщика повышать арендную плату и ожидаемое увеличеніе цѣнности имѣнія обусловливается только возвышеніемъ цѣнъ на сельскія произведенія. Не совсѣмъ ясно также, предоставлялась ли крестьянамъ при введеніи арендной системы сразу полная личная свобода или сохранялись какія-либо ограниченія права перехода; но во всякомъ случаѣ, оно видно, что дѣло идетъ здѣсь объ освобожденіи безъ обязательнаго выкупа земельнаго надѣла: пріобрѣтеніе участка крестьяниномъ въ собственность предоставляется „свободному“ соглашенію землевладѣльца и крестьянина. Что касается внесенія оброка натурою, то едва ли это нашли бы выгоднымъ для себя тѣ помѣщики, которые не имѣли удобныхъ средствъ для сбыта хлѣба, тѣмъ болѣе, что предполагаемое увеличеніе количества земледѣльческихъ произведеній могло бы повести къ уменьшенію ихъ цѣны. На невыгодность для землевладѣльцевъ этого способа вознагражденія въ странахъ малолюдныхъ указывалъ и гр. Строиновскій въ своемъ, уже извѣстномъ намъ, произведеніи [2].

Проектъ Берга, доступный намъ также не въ полномъ видѣ, [3] при первомъ ознакомленіи съ нимъ производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Авторъ предполагаетъ осуществить постепенное освобожденіе крестьянъ посредствомъ выкупа, вносимаго, впрочемъ, не цѣлыми вотчинами, а каждымъ крестьяниномъ отдѣльно, причемъ цѣна выкупа не должна быть постоянная, опредѣленная разъ навсегда, а ее должны назначать особые комитеты по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ. Сумму, слѣдующую за выкупъ, предполагалось не выдавать владѣльцу, а вносить въ казну, правительство же выплачивало бы ему лишь законные проценты. Чтобы и бѣднымъ крестьянамъ дать возможность

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ“, изд. Бартенева, т. II, 145—146.

[2]) „Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, стр. 41 и сл.

[3]) „Девятнадцатый Вѣкъ“ т. II, 146.

пріобрѣсти свободу, Бергъ предлагалъ составить для вспомоществованія имъ съ этою цѣлью особый капиталъ, изъ котораго и выдавать необходимую для выкупа сумму за 3%. На суммы, вносимыя въ казну за освобожденіе изъ крѣпостнаго состоянія, правительство выплачивало бы 7%; изъ нихъ 6% помѣщику а 1% назначался бы именно на составленіе вспомогательнаго для крестьянъ капитала. Крестьянинъ, получающій такое вспомоществованіе подъ отвѣтственностью цѣлаго общества, долженъ былъ вносить 3% съ выданной ему суммы и 1% на погашеніе долга. Проектъ этотъ можетъ показаться замѣчательнымъ для своего времени, даже приближающимся по своимъ принципамъ къ реформѣ 1861 г.: тутъ есть и опредѣленіе размѣра выкупа, и содѣйствіе этому со стороны правительства. Въ чемъ же разница? Не говоря уже о томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о выкупѣ не цѣлыхъ имѣній, а отдѣльныхъ крестьянъ, не достаетъ самаго существеннаго: не даромъ въ проектѣ, насколько онъ намъ извѣстенъ, ни разу не упоминается слово *земля*: очевидно, авторъ предлагаетъ *выкупъ одной личной свободы крестьянина*, т.-е. того, что 50 лѣтъ спустя онъ получилъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, совершенно безплатно. Можно было бы признать замѣчательною для своего времени и мысль о точномъ опредѣленіи размѣра выкупа, если бы авторъ проекта, повидимому, остзейскій помѣщикъ, не предполагалъ довѣрить это дѣло мѣстнымъ комитетамъ, не упоминая даже, будутъ ли въ ихъ составѣ коронные чиновники, или только землевладѣльцы, а насколько въ послѣднемъ случаѣ гарантировали бы подобные комитеты интересы крестьянъ, хорошо извѣстно изъ исторіи крестьянскаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ. Имѣетъ значеніе для своего времени мысль объ участіи правительства въ выкупной операціи и можно пожалѣть, что авторъ не соединилъ ее съ основными правилами указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ: предложеніе ссудъ изъ казны для выкупа крестьянъ цѣлыми вотчинами съ землею по опредѣленной правительствомъ цѣнѣ имѣло бы немалое значеніе для своего времени, такъ какъ хотя и были случаи, когда правительство давало ссуды выкупающимся на основаніи правилъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, но *безъ соблюденія* **указанныхъ условій.**

Нѣсколько лѣтъ спустя былъ составленъ проектъ „о постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи" флигель-адъютантомъ Киселевымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ министромъ государственныхъ имуществъ и самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе императора Николая. Достовѣрно извѣстно также, что этотъ проектъ былъ представленъ государю въ Москвѣ въ 1816 г. Записка начинается словами: „Гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія". „Истина сія столь мало подвержена сомнѣнію, — продолжаетъ Киселевъ, — что излишнимъ считаю объяснять здѣсь, сколько желательно было бы

распространеніе въ государствѣ нашемъ законной независимости на крѣпостныхъ земледѣльцевъ, *несправедливо лишенныхъ оной*". Киселевъ хорошо понималъ, подобно гр. Строганову, что освобожденія крестьянъ требуетъ просто благоразуміе, такъ какъ неминуемымъ слѣдствіемъ бездѣйствія въ этомъ вопросѣ будутъ серьезныя волненія. Онъ ссылался на то, что успѣхи просвѣщенія и сближеніе съ Европой, усиливая броженіе умовъ, указываютъ правительству необходимость предупредить требованія, „*которымъ отказать будетъ уже трудно или невозможно*", какъ это доказываетъ „кровью обагренная революція французская". Дѣйствительно, непосредственное знакомство съ западно-европейскою жизнью во время походовъ заграницу послѣ 1812 г. содѣйствовало распространенію въ обществѣ освободительныхъ идей, да и крѣпостные ждали свободы, какъ награды за вынесенныя ими страданія во время нашествія непріятеля. Авторъ оговаривается, что сразу уничтожить крѣпостное право было бы не безопасно; необходимо „постепенное распространеніе гражданскихъ правъ на крѣпостныхъ земледѣльцевъ" и „ограниченіе власти, *помѣщиками незаконно присвоенной*". Киселевъ предлагаетъ: во-первыхъ, дозволить капиталистамъ всякаго званія покупать отъ дворянъ помѣстья, съ тѣмъ, чтобы въ такихъ имѣніяхъ права и обязанности какъ крестьянъ, такъ и ихъ новыхъ помѣщиковъ были опредѣлены закономъ[1]). Въ виду непомѣрнаго количества дворовыхъ, нужно, по мнѣнію Киселева, запретить дворянамъ брать во дворъ земледѣльцевъ, а изъ нынѣшнихъ дворовыхъ составить „особенное сословіе", которое приписать къ домамъ или помѣстьямъ, обязавъ владѣльцевъ платить за нихъ всѣ подати: это поведетъ постепенно къ уменьшенію, а затѣмъ и къ совершенному уничтоженію дворовыхъ. Извѣстно, что впослѣдствіи, уже будучи министромъ государственныхъ имуществъ, Киселевъ много задумывался надъ вопросомъ объ ограниченіи количества дворни и составилъ даже обширный проектъ по этому предмету, гдѣ предлагалъ учрежденіе цеха слугъ; но это предположеніе не было выполнено вслѣдствіе нежеланія императора Николая запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ. Такъ какъ особенно тяжелы для крестьянъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ, по словамъ автора, „крѣпостная зависимость еще болѣе угнетательна", то онъ выражалъ желаніе, чтобы дворяне, при устройствѣ фабрикъ въ своихъ помѣстьяхъ, были обязаны „признать независимость крестьянъ" на тѣхъ же основаніяхъ, какія будутъ установлены для владѣльцевъ населенныхъ имѣній изъ разночинцевъ.

¹) Въ 1810 г. было дозволено почетнымъ гражданамъ и купцамъ первой гильдіи покупать населенныя имѣнія, но только продаваемыя казною изъ арендныхъ и другихъ, и въ прежнемъ частномъ владѣніи состоящихъ", для уменьшенія количества ассигнацій и уплаты государственныхъ долговъ. П. С. З. т. XXXI. № 24.244. § 7.

Онъ предлагаетъ также дозволить и основаніе майоратовъ, подъ условіемъ перехода въ нихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы; это полезно и потому, что такимъ образомъ уменьшится число мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые „отъ скудости и невѣжества отягощаютъ непомѣрнымъ образомъ бѣдственное состояніе рабовъ, имъ принадлежащихъ“[1]. Киселевъ стоитъ также за опредѣленіе размѣра выкупа крѣпостныхъ крестьянъ, причемъ предлагаетъ назначить „откупную цѣну, сколько можно для дворянъ выгодную“; дворовымъ же людямъ, по его мнѣнію, дозволять этого не слѣдуетъ, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы прибавить лишнее побужденіе для дворянъ обращать дворовыхъ въ земледѣльцевъ. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну оригинальную мысль проекта Киселева: онъ предлагаетъ опредѣлить, какое количество крестьянъ необходимо для обработки земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (которая для этого должна быть вновь измѣрена), излишнее же населеніе правительство должно по мѣрѣ возможности выкупать и переселять въ малонаселенныя губерніи на казенныя земли съ обращеніемъ ихъ въ свободные хлѣбопашцы, а деньги, издержанныя на эту операцію, взыскать въ извѣстные сроки съ переселенцевъ. Въ заключеніе проекта Киселевъ заявляетъ, что дарованіе „нѣкоторой независимости“ крѣпостнымъ крестьянамъ, работающимъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, и воспрещеніе увеличивать число дворовыхъ переводомъ въ ихъ составъ земледѣльцевъ „признается многими благомыслящими дворянами полезною и желательною мѣрою“[1]. Это заявленіе чрезвычайно любопытно, такъ какъ оно показываетъ, во-первыхъ, что среди дворянства шли уже довольно оживленные толки о крестьянскомъ вопросѣ[2] и, во-вторыхъ, что лучшіе представители этого сословія соглашались на принятіе двухъ мѣръ, на которыя правительство не рѣшалось до самаго паденія крѣпостнаго права.

Что дѣйствительно многіе дворяне въ это время не только живо интересовались крестьянскимъ вопросомъ, но и допускали ограниченіе крѣпостного права, видно еще изъ слѣдующаго факта. Въ томъ же 1816 г., когда была составлена записка Киселева, многіе изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ петербургской губерніи, зная желаніе государя улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ, согласились обратить ихъ въ „обязанныхъ поселянъ“ на основаніи существовавшихъ тогда по этому предмету постановленій. Неизвѣстно какого рода законы имѣлись при этомъ въ виду: если бы рѣчь шла просто объ обращеніи крестьянъ въ

---

[1] *Заблоцкій-Десятовскій*, „Гр. Киселевъ и его время“. Спб. 1882 г., т. IV, 197—199; II, 203.

[2] См., напр., либеральныя мнѣнія по крестьянскому вопросу адмирала П. В. Чичагова см. „Архивъ П. В. Чичагова“ вып. I. Спб. 1885 г., стр. 16, 30, 38, 40, 42, 41, 45, 46, 118, 124—125.

свободные хлѣбопашцы, то для этого не нужно было бы никакого соглашенія между дворянами, а только согласіе крестьянъ каждаго изъ помѣщиковъ на предложенныя имъ условія; можно думать поэтому, не желали ли помѣщики петербургской губерніи распространить на своихъ крѣпостныхъ тѣ права, которыя предоставилъ лифляндскимъ крестьянамъ законъ 1804 г., т.-е. сдѣлать ихъ прикрѣпленными къ землѣ или именно „обязанными крестьянами". Какъ бы то ни было, составленный объ этомъ приговоръ былъ подписанъ 65-ю помѣщиками, поднести же его на утвержденіе государя было поручено одному изъ замѣчательныхъ дѣятелей 1812 г., пользовавшемуся расположеніемъ императора, Ил. Вас. Васильчикову. Принимавшіе участіе въ этомъ дѣлѣ полагали, что государь ничего не знаетъ о происходившихъ по этому поводу собраніяхъ, но были увѣрены, что онъ благосклонно приметъ ихъ предложеніе. Однако, императоръ Александръ зналъ о рѣшеніи дворянъ, и какъ только Васильчиковъ сталъ говорить ему о немъ, государь, прервавъ его рѣчь, спросилъ: „Кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?" — Безъ сомнѣнія, вашему императорскому величеству, какъ самодержцу имперіи, — отвѣчалъ Васильчиковъ — „Такъ предоставьте же мнѣ издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ",—сказалъ государь [1]).

Нельзя не припомнить, что еще въ 1780 г. ораніенбаумскіе и ямбургскіе дворяне составили точныя правила относительно повинностей своихъ крѣпостныхъ, изложенныя нами въ своемъ мѣстѣ: въ этомъ соглашеніи участвовало всего только 16 человѣкъ, да и то двое изъ нихъ не одобрили рѣшенія большинства, несмотря на то, что установленныя правила были очень выгодны для помѣщиковъ. Намъ неизвѣстно, однако, осуществилось ли на дѣлѣ соглашеніе 1780 г. или оно окончилось ничѣмъ, также какъ и попытка 1816 г., сдѣланная уже вчетверо большимъ числомъ землевладѣльцевъ.

Неблагопріятное отношеніе императора Александра къ проекту петербургскихъ дворянъ, содержанія котораго мы къ тому же не знаемъ, не означаетъ, что государь совершенно охладѣлъ въ это время къ дѣлу реформы; напротивъ, даже такимъ личностямъ, какъ Аракчеевъ, приходилось по его желанію составлять проекты измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Извѣстна ужасная дѣятельность Аракчеева въ качествѣ устроителя военныхъ поселеній; менѣе знаютъ его, какъ помѣщика села Грузина новгородскаго уѣзда, пожалованнаго ему императоромъ Павломъ, и мы упомянемъ объ этой сторонѣ его жизни, такъ какъ она еще

[1]) Богдановичъ, Истор. царств. Александра I, т. I, стр. 129—130 (на основаніи разсказа самого Васильчикова).

болѣе оттѣнить намъ личность его въ качествѣ составителя проектовъ по крестьянскому вопросу. Не считая, при своемъ желѣзномъ упрямствѣ, ничего невозможнымъ, онъ заставлялъ крестьянъ села Грузина исполнять самыя тяжелыя работы. Лѣсъ, росшій около имѣнія на берегу Волхова, былъ уничтоженъ по желанію помѣщика и земля выровнена; канавы рылись даже во время морозовъ; крестьянскіе дома были перестроены по извѣстному образцу. Строго предписывалось какъ крыть и провѣтривать избы, какъ выгонять скотъ, какъ мести улицы передъ домомъ, и за нарушеніе малѣйшаго правила виновные подвергались суровому наказанію. Непосильныя работы при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и строжайшія кары такъ вредно отзывались на здоровьѣ жителей, что чахотка сдѣлалась наслѣдственною болѣзнью въ Грузинѣ[1].

Въ 1818 г. императоръ Александръ приказалъ Аракчееву составить проектъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія, съ оговоркою, чтобы этотъ проектъ „не заключалъ въ себѣ *никакихъ мѣръ стѣснительныхъ для помѣщиковъ*, и особенно, чтобы мѣры сіи *не представляли ничего насильственнаго со стороны правительства*, напротивъ, чтобы онѣ сопряжены были съ выгодами помѣщиковъ и возбудили бы въ нихъ самихъ желаніе содѣйствовать правительству въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія,.. сообразномъ духу времени и успѣхамъ образованности и необходимомъ для будущаго спокойствія самихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей“. Впрочемъ, владѣльца Грузина нечего было предостерегать отъ мѣръ „стѣснительныхъ для помѣщиковъ“: мы знаемъ, что даже скромныя вылазки Н. И. Тургенева (въ его книгѣ *Теорія налоговъ*) противъ крѣпостнаго права казались Аракчееву чѣмъ-то ужаснымъ. Владѣлецъ Грузина придумалъ только покупать помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей въ казну или по добровольнымъ условіямъ, если бы помѣщики пожелали продать свои имѣнія въ полномъ составѣ, или на основаніи особыхъ для этого правилъ, если бы вмѣстѣ съ крестьянами продавалась лишь часть земли. По проекту Аракчеева всякій помѣщикъ могъ требовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ всего по 2 десятины на ревизскую душу, причемъ оцѣнку имѣнія должны были производить уѣздный предводитель дворянства, три мѣстныхъ помѣщика и два уполномоченныхъ отъ правительства, слѣдовательно, при большинствѣ голосовъ дворянъ отъ нихъ въ сущности и зависѣла оцѣнка; цѣнность же оброчнаго имѣнія предполагалось опредѣлить, капитализируя оброкъ изъ 5%. Для пріобрѣтенія имѣній въ казну Аракчеевъ находилъ нужнымъ отпускать ежегодно 5 милл. рублей; если же у правительства не оказалось бы наличныхъ денегъ, выпускать ежегодно особые билеты го-

[1] *Богословскій*. „Аракчеевщина“, стр. 9 и слѣд.; срав. *Отто*. Черты изъ жизни гр. Аракчеева. „Древ. и Нов. Росс.“ 1875 г. №№ 4 и 6.

сударственнаго казначейства. которые приносили бы помѣщикамъ, получившимъ ихъ въ уплату за имѣніе, по 5%; такъ зарождалась уже мысль о возможности выкупа крестьянъ посредствомъ кредитной операціи. Аракчеевъ прекрасно понималъ, что крестьянамъ будетъ недостаточно 2-хъ десятинъ для веденія собственнаго хозяйства, но онъ на это и разсчитывалъ, прямо заявляя, что предложенныя имъ мѣры будутъ полезны для дворянъ, такъ какъ, уплативъ полученными деньгами свои долги, они не перестанутъ быть помѣщиками: въ ихъ владѣніи останется болѣе половины земель и угодій, которыя крестьянамъ придется арендовать по недостаточности собственнаго надѣла, или просто наниматься у дворянъ для обработки оставшейся у послѣднихъ земли. Есть извѣстіе, что эти предположенія Аракчеева были бы осуществлены, если бы этому не помѣшали „политическія обстоятельства" и возникшія тогда смуты въ нѣкоторыхъ государствахъ южной Европы, а особенно, если бы исторія семеновскаго полка не произвела рѣзкаго измѣненія въ мысляхъ и намѣреніяхъ государя [1]).

Говоря о Сперанскомъ, мы видѣли, что именно въ это время распространились слухи о близкомъ освобожденіи крестьянъ: Сперанскій приписывалъ это вліянію рѣчи государя въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма въ 1818 г., хотя въ послѣдней шла рѣчь о свободѣ политической; но, быть можетъ, подобные слухи объясняются тѣмъ, что императоръ Александръ приказалъ Аракчееву и, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторымъ другимъ лицамъ подготовить проектъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. По донесеніямъ высшей полиціи о толкахъ и настроеніи умовъ въ Россіи, въ 1818 г. много толковали и толкуютъ „объ уничтоженіи рабства и о вольности крестьянъ": „до отъѣзда еще ихъ величествъ говорили, что освобожденіе крестьянъ объявлено будетъ въ исходѣ августа мѣсяца, и что ихъ величества для того только отъѣзжаютъ, чтобы не находиться здѣсь при обнародованіи сей важной новости. Кажется, что помѣщики внутреннихъ губерній нѣсколько были встревожены сими слухами, ибо въ письмахъ выражали свое опасеніе. Страхъ сей миновалъ, и начали взирать на сію мѣру, какъ на отложенную до неизвѣстнаго времени. Хотя иные полагаютъ, что не все еще созрѣло къ исполненію, но, однакоже, вообще увѣрены, что оно рано или поздно будетъ исполнено. Если средній классъ вообще „благословляетъ государя", не останавливаемаго „въ благихъ своихъ намѣреніяхъ ни силою предразсужденія, ни застарѣлыми преимуществами, не соглашающимися съ образованностію вѣка, то не всѣ классы одинаковаго съ онымъ мнѣнія" [2]). Увеличенію тревоги не мало содѣйствовало и совершавшееся въ это время

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ" изд. Бартенева, т. II, стр. 146—149.

[2]) „Русская Старина" 1881, т. XXXII, стр. 669.

освобожденіе крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ. По свидѣтельству Канкрина, московская публика была очень недовольна либеральнымъ направленіемъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ [1]. Консервативное настроеніе Москвы въ этомъ отношеніи выражается, между прочимъ, и въ перепискѣ Кристина съ княжной Туркестановой. Появившееся въ 1817 г. воззваніе генералъ-губернатора Паулуччи къ курляндскому дворянству подняло на ноги все московское общество. „Разговоры по этому предмету заставляютъ содрогаться,—писалъ Кристинъ. Надѣюсь, что въ Петербургѣ извѣстно общее настроеніе умовъ и что тамъ не отважатся ни на какую окончательную мѣру безъ зрѣлаго обсужденія и не принявъ въ разсчетъ возможныхъ послѣдствій такого шага. Здѣсь увѣряютъ, будто курляндское дворянство отвѣчало, что если цивилизація достаточно подвинулась, чтобы допустить освобожденіе крестьянъ, то успѣхи ея даютъ право и высшему сословію ходатайствовать о писанной конституціи, сообразной съ либеральными идеями вѣка. Справедливо или нѣтъ, будто сдѣлано было заявленіе такого рода, *но оно соотвѣтствуетъ здѣсь общему мнѣнію людей умѣренныхъ*; что касается мнѣнія другихъ, то оно еще болѣе опасно". Воображенію москвичей представлялись всякіе ужасы: Кристинъ передавалъ слухи, будто въ различныхъ губерніяхъ уже начались безпорядки, будто крестьяне, прочитавъ „прокламацію Паулуччи", „съ газетой въ рукахъ" отказывали въ повиновеніи помѣщикамъ, будто мѣстныя власти принуждены были прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ для подавленія безпорядка [2].

Но такъ какъ желаніе государя серьезно заняться крестьянскимъ вопросомъ сдѣлалось извѣстнымъ, то нѣкоторыя лица спѣшили представить свои записки по этому предмету; такъ, въ бумагахъ Аракчеева найденъ проектъ А. Ѳ. Малиновскаго, составленный также въ 1818 г., по всей вѣроятности, по порученію Аракчеева. Авторъ его прежде всего излагалъ исторію крѣпостнаго права въ Россіи, затѣмъ указывалъ на тѣ опасенія, какія можетъ возбудить внезапное дарованіе свободы и, наконецъ, возвращаясь къ мысли, промелькнувшей у императрицы Екатерины въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, предлагалъ, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ сельскимъ населеніемъ Россіи въ 1812 г., объявить свободными всѣхъ дѣтей обоего пола, рожденныхъ послѣ этого года и не вошедшихъ въ 7-ю ревизію (1816 г.), а также впредь рождаемыхъ дѣтей помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей [3]. Нечего и говорить, какъ вредно

[1]) „Русск. Арх." 1866 г., стр. 126.

[2]) „Русск. Арх." 1883 г., т. I, стр. 496, 498, 506, 509. Напротивъ, по донесеніямъ высшей полиціи „освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ мало дѣлаетъ впечатлѣнія въ русской публикѣ; немногіе постигаютъ положеніе того края, а еще менѣе умѣютъ судить о семъ предметѣ". „Рус. Стар." 1881 г., т. XXXII, стр. 609.

[3]) „Девятнадцатый Вѣкъ", т. II, 150—151. Срав. *Дубровинъ*, „Письма главн. дѣятелей въ царств. имп. Александра I". Спб. 1883 г., стр. 235.

было бы осуществленіе подобнаго проекта постепеннаго безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Повидимому, къ этому же времени относится составленіе на французскомъ языкѣ проекта неизвѣстнаго автора, который предлагалъ прежде всего объявить закономъ, что помѣщикъ—собственникъ земли, а не поселенныхъ на ней крестьянъ, и постановить, что впредь населенныя имѣнія могутъ быть продаваемы только въ полномъ составѣ, безъ раздробленія какимъ бы то ни было способомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, авторъ предлагалъ объявить въ особомъ манифестѣ, что за заслуги оказанныя дворянствомъ въ отечественную войну, государь установляетъ неотчуждаемыя и переходящія къ одному старшему въ родѣ (съ вознагражденіемъ остальныхъ наслѣдниковъ деньгами) *ленныя помѣстья*, владѣльцы которыхъ сообразно приносимому имѣніемъ доходу, будутъ получать званіе бароновъ, графовъ и маркизовъ (!). По проекту, въ которомъ не трудно узнать какого-нибудь остзейскаго нѣмца, помѣщики такихъ ленныхъ имѣній обязаны отдѣлить своимъ крестьянамъ часть земли, достаточную для ихъ продовольствія, за что тѣ обязываются такое же количество земли обработать въ пользу владѣльца или же платить денежный оброкъ по взаимному соглашенію. Если принять во вниманіе, что въ это время крѣпостные обработывали на помѣщика менѣе земли, чѣмъ на себя, то будетъ ясно что осуществленіе такого проекта немедленно ухудшило бы положеніе крестьянъ[1]. Мы видѣли, что Киселевъ предлагалъ дозволить обращеніе имѣнія, по желанію помѣщиковъ, въ маіоратъ, но онъ предполагалъ обусловить это переходомъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, которымъ, слѣдовательно, предоставлялось договориться съ помѣщикомъ о размѣрѣ и формѣ ихъ повинностей, а не подвергаться весьма обременительной барщинѣ.

Въ 1818 г. адмиралъ Мордвиновъ также составилъ записку объ одной изъ мѣръ для освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Мордвиновъ, человѣкъ честный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, представлялъ собою смѣсь консерватора съ либераломъ на англійскій манеръ: онъ былъ либераломъ въ политическомъ отношеніи и консерваторомъ въ самомъ главномъ социальномъ вопросѣ, который предстояло разрѣшить Россіи, — въ вопросѣ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Мы видѣли, что крайній крѣпостникъ Шишковъ былъ, въ то же время, идеальнѣйшимъ помѣщикомъ; Мордвиновъ, напротивъ того, исходя изъ мысли о преждевременности уничтоженія у насъ крѣпостнаго права, вооружался не только противъ такого ограниченія помѣщичьей власти, какъ продажа людей безъ земли по одиночкѣ, что было совсѣмъ неприлично для англомана, но даже противъ такихъ одиночныхъ послабленій.

---

[1]) „Девятнадцатый Вѣкъ“ т. II, 150.

какъ то, что Шишковъ не бралъ со своихъ крестьянъ оброка, утверждая, что подобныя исключенія могутъ поселять негодованіе и ропотъ въ остальныхъ [1]. (Оброчное имѣніе Мордвинова не пользовалось обычною для оброчныхъ общинъ свободою: помѣщикъ переселялъ крестьянъ въ дальнія губерніи, воспрещалъ семейные раздѣлы, регулировалъ развёрстаніе земли и проч.) [2]. Мало того: для осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ Мордвиновъ желалъ созданія въ Россіи богатой и могущественной аристократіи и для этого готовъ былъ даже на еще большее распространеніе крѣпостнаго права; получивши самъ значительныя населенныя имѣнія при императрицѣ Екатеринѣ II и императорѣ Павлѣ [3], онъ, подобно нѣкоторымъ вельможамъ второй половины XVIII и первой четверти XIX вѣка, желалъ, чтобы императоръ Александръ „раздѣлилъ между знатнѣйшими русскими фамиліями *всѣ казенныя земли*“, слѣдовательно, и населенныя. Тогда палата перовъ, или лордовъ, составленная изъ членовъ этихъ семействъ, была бы, по плану Мордвинова, „могущественнымъ элементомъ для утвержденія конституціи“. Умнаго, горячо убѣжденнаго противника своимъ вреднымъ для русскаго народа мечтаніямъ Мордвиновъ встрѣтилъ въ Н. И. Тургеневѣ, котораго возмущала такая смѣсь крѣпостничества съ искреннимъ либерализмомъ...

Тургеневъ полагаетъ, что онъ не отказался бы содѣйствовать освобожденію крестьянъ, если бы правительство серьезно къ нему приступило но, по мнѣнію Мордвинова, это было еще преждевременнымъ: Россія для этого не созрѣла. Въ своемъ позднѣйшемъ мнѣніи 1833 года онъ прямо утверждаетъ, что крѣпостное право „необходимо для общаго спокойствія, для внутренняго благоустройства“ и что наше государство достигнетъ „освобожденія крестьянъ отъ рабства“, когда народонаселеніе его возрастетъ, когда явятся капиталы достаточные для найма рабочихъ рукъ и проч. „Тогда никакой помѣщикъ не пожелаетъ имѣть на своей землѣ рабовъ“ [4]).

„Въ вашихъ глазахъ, — говаривалъ Мордвиновъ Тургеневу, — всѣ рабы святые, а всѣ помѣщики тираны.—Почти что такъ, — серьезно отвѣчалъ Тургеневъ [5]).

---

[1]) Воспоминанія С. Т. Аксакова.

[2]) „Русск. Архивъ“ 1874 г. т. I, 772—800.

[3]) 5000 душъ м. п. См. мою статью „Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ“. „Русская Мысль“ 1882 г. № 12, стр. 174.

[4]) „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1859 г., III, Смѣсь, стр. 55—58.

[5]) „La Russie et les Russes“, I, 84, 93.

Возвратимся, однако, къ той запискѣ Мордвинова [1]), гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, зная о намѣреніи государя освободить крестьянъ, отозвался на насущный вопросъ того времени, обсужденіемъ котораго принужденъ былъ заниматься даже Аракчеевъ.

Въ началѣ своего мнѣнія Мордвиновъ въ высокопарныхъ фразахъ развиваетъ мысль о необходимости осторожности и постепенности въ такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ дарованіе народу „гражданской свободы", которая должна быть наградою „трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку"; поэтому онъ предлагаетъ назначить опредѣленный выкупъ за освобожденіе. Мордвиновъ великодушно не требуетъ его отъ крѣпостныхъ ниже 2-хъ и стариковъ болѣе 60 лѣтъ; слѣдовательно, съ изданіемъ предлагаемаго имъ закона дряхлые старики взявъ на руки своихъ годовалыхъ внуковъ и правнуковъ, могли отправиться на всѣ четыре стороны, если ненависть къ крѣпостному праву была у нихъ такъ велика, что они предпочитали ему голодную смерть. Не такъ легко было раздѣлаться съ рабствомъ по проекту Мордвинова людямъ отъ двухъ до 60 лѣтъ: дѣти до 5 лѣтъ оцѣнены по 100 руб., отъ 5 до 10 по 200 руб., отъ 10 до 15 по 400 руб., люди старые отъ 50 до 60 лѣтъ — по 500 руб., юноши отъ 15 до 20 лѣтъ по 600 руб., люди пожилые отъ 40 до 50 лѣтъ — по 1.000 руб., наконецъ, взрослые работники въ цвѣтѣ силъ — отъ 20 до 30 лѣтъ по 1.500 руб., и отъ 30 до 40 лѣтъ по 2,000 руб. Мордвиновъ не говоритъ, полагается ли взысканіе означенной суммы только за крѣпостныхъ мужскаго пола или, какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ не захотѣлъ и женщинъ лишить права внести за свою свободу отъ 100 до 2,000 руб. сер. Вѣроятно, онъ не прочь отъ послѣдняго, такъ какъ вообще утверждаетъ, что „цѣна должна быть ближе къ высокой, нежели къ низкой" для возбужденія трудолюбія, результатомъ котораго будетъ богатство и благосостояніе народа. Мордвиновъ ожидаетъ отъ предлагаемой имъ мѣры наилучшихъ результатовъ; пріятно и то, что, если вѣрить ему, „такое мирное прохожденіе изъ зависимаго состоянія въ свободное никакому другому состоянію не навлечетъ непріятности и потерь. . Крестьяне получатъ свободу (правда, безъ земли), помѣщики останутся полными владѣтелями земель своихъ и съ денежнымъ еще капиталомъ". Благосостояніе Россія зависѣло, по мнѣнію автора, отъ патріархальнаго управленія народа помѣщиками. Если наши крестьяне освободятся отъ власти помѣщика, — говоритъ онъ, то они попадутъ въ зависимость отъ деревенскаго кулака, выгоды котораго будутъ тѣмъ больше, чѣмъ бѣднѣе сосѣди, какъ это и бываетъ въ казенныхъ селеніяхъ, между тѣмъ какъ для помѣщика выгодно, чтобы его крестьяне были богаты. Справед-

[1]) Въ статьѣ о Мордвиновѣ, составленной проф. *Иконниковымъ*: „Гр. Н. С. Мордвиновъ". Спб. 1873 г.

ливо указывая на то, какъ вредно отразилось на земледѣльческомъ сословіи въ Англіи преждевременное дарованіе ему свободы, Мордвиновъ забываетъ, что освобожденіе крѣпостныхъ привело тамъ къ дурнымъ результатамъ именно вслѣдствіе того, что они получили свободу безъ земли, а такую-то свободу и предлагаетъ онъ нашимъ крѣпостнымъ покупать за дорогую цѣну по одиночкѣ [1]). Таковы были мнѣнія въ крестьянскомъ вопросѣ этого либерала-крѣпостника. Гораздо послѣдовательнѣе были тѣ, которые, также считая, что Россія не созрѣла еще для освобожденія крестьянъ, указывали на вредъ для самого народа отъ безземельнаго освобожденія и подвергали строгой критикѣ мнѣнія тѣхъ либераловъ, которые легкомысленно готовы были лишить народъ окропленной его потомъ земли, лишь бы поскорѣе раздѣлаться съ ненавистнымъ крѣпостнымъ правомъ. Мордвиновъ же допускалъ безземельное освобожденіе, хотя и за большой выкупъ и, въ тоже время, вооружался противъ попытокъ ограничить наиболѣе отвратительныя проявленія крѣпостнаго права. Вліяніе его въ этомъ отношеніи было тѣмъ вреднѣе, что за свою честность онъ пользовался большимъ уваженіемъ, а какъ человѣкъ умный, владѣлъ перомъ лучше большинства тогдашнихъ членовъ государственнаго совѣта. На вредное вліяніе Мордвинова по крестьянскому вопросу въ этомъ послѣднемъ учрежденіи намъ придется скоро указать.

Въ числѣ лицъ, посвѣтившихъ содѣйствовать правительству въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, былъ еще генералъ-интендантъ Канкринъ, который въ томъ же 1818 г. составилъ и препроводилъ къ императору черезъ гр. Нессельроде записку объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости. Канкринъ, сынъ ученаго техника, выписаннаго изъ Германіи для управленія старо-русскими соляными варницами получилъ образованіе въ марбургскомъ и гессенскомъ университетахъ. Званіе генералъ-интенданта во время войны 1812 г. дало ему возможность быть очевидцемъ тѣхъ ужасныхъ страданій, которыя приходилось выносить въ это время крестьянамъ въ западной Россіи: онъ видѣлъ тамъ несчастныхъ мужиковъ, которые, какъ полоумные, бродили по лѣсамъ [2]). Принужденный вообще много путешествовать по обязанностямъ службы, онъ хорошо познакомился съ незавиднымъ положеніемъ нашихъ крѣпостныхъ и задумывался надъ средствами для улучшенія ихъ быта. Всецѣло воспитавшись подъ нѣмецкими вліяніями, Канкринъ въ своихъ взглядахъ на крестьянскій вопросъ былъ болѣе нѣмцемъ, чѣмъ русскимъ, но хорошо уже то, что онъ явился горячимъ противникомъ безземельнаго освобожденія, которое велѣдъ за проведеніемъ его въ Прибалтійскомъ

---

[1]) „Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс." 1859 г., т. III, Смѣсь, стр. 51—54.

[2]) „Русск. Арх." 1866 г., стр. 113—126.

краѣ серьезно грозило въ это время и всей Россіи, и, въ то же время, онъ не только не былъ крѣпостникомъ, какъ Карамзинъ, Поздѣевъ и др., но настаивалъ на постепенномъ исполненіи строго обдуманнаго плана уничтоженіи крѣпостнаго права. Въ этомъ громадная заслуга Канкрина въ исторіи крестьянскаго вопроса.

Въ началѣ своей замѣчательной записки Канкринъ дѣлаетъ обзоръ освобожденія крестьянъ въ различныхъ государствахъ Европы, замѣчаетъ что обезземеленіе всего низшаго сословія въ Англіи было слѣдствіемъ преждевременнаго или необдуманнаго уничтоженія крѣпостнаго права, и высказываетъ убѣжденіе, что въ такомъ дѣлѣ нужно держаться строгой постепенности. Считая необходимымъ измѣнить положеніе нашихъ крѣпостныхъ, онъ подтверждаетъ эту мысль непривлекательною картиною русской дѣйствительности [1]. Канкринъ справедливо замѣчаетъ, что „выписываемыя нѣкоторыми землевладѣльцами, по большой цѣнѣ, изъ Англіи, пахотныя орудія дѣлу не помогутъ, ибо дѣйствительныя улучшенія въ земледѣліи состоятъ не въ слѣпомъ подражаніи тому, что непримѣнимо ни къ степени развитія нашихъ земледѣльцевъ, ни къ нашимъ учрежденіямъ, ни къ климату, но въ изысканіи средствъ и системы усовершенствованія сообразныхъ съ положеніемъ дѣла въ нашемъ отечествѣ". Канкринъ, подобно Киселеву, хорошо понималъ, что наше непосредственное знакомство

---

[1] „Естественно [illegible] положеніе крѣпостнаго состоянія, по самому свойству своему видимо [illegible], — говоритъ онъ, — рождалось и разныхъ другихъ причинъ, и особенности [illegible] принимаемыя помѣщиками [illegible] операціи, необдуманное устройство разнаго рода фабрикъ, также [illegible] волостной [illegible], привели наконецъ [illegible] крестьянина въ ужасающее положеніе. Губерніи, находящіяся нѣкогда въ цвѣтущемъ состояніи, какъ напр., подольская, разорены отъ того, что крестьяне лишены самыхъ первыхъ потребностей жизни. Никогда Бѣлоруссія не была доведена до той степени бѣдности, въ какой она находится въ настоящее время; чему, впрочемъ, содѣйствовали пагубное вліяніе многочисленнаго еврейскаго населенія и событія послѣдней войны. Богатыя губерніи, орловская, курская, харьковская, рязанская и др., далеко не похожи на то, чѣмъ были онѣ назадъ тому [illegible]. Однѣ только малоземельныя губерніи, [illegible] мануфактурными производствами и ремеслами, какъ напр., ярославская, находятся еще въ лучшемъ положеніи. Огромное количество дворовыхъ людей [illegible] съ одной стороны, слишкомъ много рукъ отъ земледѣлія, съ другой препятствуетъ [illegible] необходимому для нихъ развитію ремесленнаго промысла [illegible], а [illegible] въ свою очередь усовершенствованію земледѣлія, которое, впрочемъ, [illegible] у насъ настоящихъ успѣховъ [illegible] образомъ потому, что до сихъ поръ [illegible] хозяевъ образованы были не столько къ улучшенію [illegible] усиленіе. Увеличивать поборы [illegible] цѣль помѣщика [illegible] времени и [illegible] въ Россіи ни одного [illegible] къ усовершенствованію [illegible]. Нѣкоторыя сѣверныя губерніи, [illegible] фор[illegible], [illegible] обращены въ пашни, истощенныя посѣвами [illegible], и [illegible] считается съ мѣста на мѣсто, ища средствъ къ пропитанію по большей части [illegible] промыслѣ."

съ западно-европейскою жизнью не можетъ пройти безслѣдно, замѣчалъ, что идеи, распространяемыя военными, возвратившимися изъ-за границы, „настоятельно требуютъ другаго порядка вещей", и указывалъ на то, какъ опасно „покоиться на огнедышащей горѣ". Разомъ отпустить крестьянъ на волю было бы „несправедливо, неосторожно и даже невозможно": несправедливо потому, что большая часть имѣній пріобрѣтена подъ условіемъ существованія крѣпостнаго права; неосторожно потому, что крестьяне могутъ „предаться необузданнымъ порывамъ страстей"; невозможно потому, что такой внезапный переходъ разстроилъ бы народную производительность.

Канкринъ приводитъ далѣе мнѣніе самого императора о томъ, что нужно сдѣлать для улучшенія быта крѣпостныхъ: „слѣдовало бы держаться системы, принятой въ этомъ отношеніи въ Лифляндіи и Эстляндіи, т. е. соразмѣрить и облегчить повинности крестьянъ, оградить ихъ отъ произвола помѣщиковъ, дозволить имъ пріобрѣтать собственность, однимъ словомъ, составить новое, точное и умѣренное законоположеніе относительно крѣпостнаго состоянія". Это мнѣніе государя, безъ сомнѣнія приводимое Канкринымъ буквально, показываетъ, что императоръ Александръ мало выяснилъ себѣ свои желанія относительно крестьянскаго вопроса: это видно изъ его ссылки въ видѣ образца и на лифляндскую, и на эстляндскую систему освобожденія крестьянъ. Въ то время крестьяне въ Лифляндіи еще не получили свободы безъ земли (это совершилось въ 1819 г.), слѣдовательно государь имѣлъ въ виду уложеніе 1804 г., обратившее крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, въ Эстляндіи же въ это время крестьяне уже были освобождены, лишившись вмѣстѣ съ тѣмъ права на землю. Одновременная рекомендація совершенно противоположныхъ одна другой системъ можетъ возбудить предположеніе, что государь не отдавалъ себѣ вполнѣ яснаго отчета въ ихъ различіи. Если игнорировать это странное обстоятельство, то сами по себѣ мѣры, указанныя государемъ, т. е. регулированіе и облегченіе повинностей крестьянъ, огражденіе ихъ отъ произвола помѣщиковъ и дозволеніе имъ пріобрѣтать собственность были вполнѣ разумны и желательны, но только крайне странно, что въ этомъ же 1818 году государь поручилъ, какъ мы видѣли, Аракчееву составить такой проектъ по крестьянскому вопросу, который „не заключалъ (бы) въ себѣ никакихъ мѣръ, стѣснительныхъ для помѣщиковъ": трудно было бы облегчить повинности крѣпостныхъ и оградить ихъ отъ произвола помѣщиковъ безъ всякаго стѣсненія этихъ послѣднихъ. Это еще разъ подтверждаетъ намъ невыясненность взглядовъ императора на крестьянскій вопросъ: встрѣчаясь съ самыми противоположными предположеніями, начиная отъ мнѣнія Карамзина о необходимости сохранить полное status quo въ крестьянскомъ вопросѣ и кончая рекомендаціями личнаго освобожденія, осуществленіе котораго онъ допустилъ въ одной части своего

государства и которое скоро принесло печальные плоды, императоръ Александръ видимо терялся и не умѣлъ хорошенько разобраться въ этомъ трудномъ дѣлѣ, что конечно должно было еще болѣе увеличивать его нерѣшительность.

Приведя это мнѣніе государя, Канкринъ тутъ же заявляетъ, что онъ не можетъ съ нимъ согласиться. По его мѣткому замѣчанію, опытъ показываетъ, что слѣдствіемъ „торопливаго опредѣленія закономъ повинностей крѣпостныхъ“ всегда бываетъ не уменьшеніе этихъ повинностей, а увеличеніе: при подобномъ опредѣленіи нѣтъ никакой возможности сообразить всѣ мѣстныя условія, а, между тѣмъ, это совершенно необходимо, такъ какъ помѣщики обращаютъ въ свою пользу всякое упущеніе закона. „Вотъ почему,—прибавляетъ Канкринъ,—въ Остзейскомъ краѣ помѣщики поддались такъ легко на преобразованіе, но часто возобновляющіяся тамъ возмущенія крестьянъ доказываютъ, повидимому, что бытъ ихъ не улучшился“. Если авторъ разумѣетъ тутъ законъ о лифляндскихъ крестьянахъ 1804 г., то слѣдуетъ замѣтить, что помѣщики согласились на его изданіе не легко, а только уступая прямому требованію самодержавной власти, и, притомъ, черезъ двухъ своихъ представителей въ лифляндскомъ комитетѣ сдѣлали все возможное, чтобы обмануть русское правительство и ослабить осуществленіе его добрыхъ намѣреній. Что же касается обезземеленія крестьянъ въ Эстляндіи въ 1816 г., то тамошніе помѣщики хорошо понимали выгодность для себя такой операціи. Какъ бы то ни было, замѣчаніе Канкрина, что слѣдствіемъ „торопливаго“ опредѣленія повинностей крѣпостныхъ постоянно бываетъ ихъ увеличеніе,—въ высшей степени справедливо, и мы имѣли возможность указать подобный случай въ законодательствѣ императора Павла. Вторымъ доводомъ противъ мнѣнія императора Александра Канкринъ выставляетъ то, что изданіе новаго, полнаго закона относительно крѣпостныхъ, хотя бы на время и облегчающаго ихъ положеніе, имѣло бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увѣковѣченіе крѣпостнаго состоянія и потребовало бы поэтому современемъ новыхъ совершенно противоположныхъ узаконеній. Слѣдуетъ подрывать и разрушать мало-по-малу крѣпостное право, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы опредѣлить мѣру зла, но чтобы вырвать его съ корнемъ. Это замѣчаніе скорѣе остроумно, чѣмъ справедливо, и оно примѣняется развѣ только къ такому „торопливому“ законоположенію, о которомъ авторъ упоминалъ выше. Дѣйствительно, правила, составленныя нерѣшительно и неясно, могутъ повести, пожалуй, даже къ ухудшенію положенія крестьянъ; но въ бытѣ нашихъ крѣпостныхъ были возмутительныя вещи, вродѣ продажи людей безъ земли по одиночкѣ, которыя слѣдовало немедленно уничтожить. Еще можно было бы понять подобный доводъ въ устахъ человѣка, который не желаетъ никакого смягченія крѣпостнаго права для того, чтобы оно скорѣе рухнуло цѣли-

комъ, хотя и тутъ еще вопросъ, насколько можно дѣлать такіе эксперименты надъ милліонами людей и справедливо ли не облегчить ихъ страданія, если нельзя сразу уничтожить все зло; но Канкринъ самъ допускалъ постепенное смягченіе крѣпостнаго права, именно требующее изданія различныхъ правилъ и законоположеній, противъ которыхъ онъ вооружается. Въ чемъ же состоялъ его собственный проектъ?

Онъ предлагаетъ „цѣльную и заранѣе обдуманную систему освобожденія", даже съ точнымъ указаніемъ времени, когда должна быть осуществлена та или другая мѣра. Въ 1819 г. необходимо учредить секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу и, въ то же время, назначить „тайныхъ попечителей" надъ крестьянами въ губерніяхъ. Въ слѣдующемъ году сенатъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что у насъ нѣтъ закона, запрещающаго крѣпостному пріобрѣтать собственность, что ему неотъемлемо принадлежатъ домъ и движимость, что онъ можетъ покупать земли и проч. Еще черезъ два года общинное землевладѣніе государственныхъ крестьянъ превращается въ подворное, съ воспрещеніемъ впредь передѣловъ. та же мѣра примѣняется и къ помѣщичьимъ вотчинамъ, съ точнымъ опредѣленіемъ удобной земли, принадлежащей собственно помѣщику, и съ раздѣленіемъ лѣсовъ на господскіе и вотчинные. Послѣ того подушный налогъ можно замѣнить подворнымъ. Въ 1825 г. издается указъ, опредѣляющій и ограничивающій въ формѣ общихъ правилъ повинности крестьянъ и уже открыто ставящій ихъ подъ покровительства лицъ, назначаемыхъ съ этою цѣлью правительствомъ. Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ двадцати пяти лѣтъ Канкринъ предлагаетъ принять одну за другою такія мѣры: издать полицейское исправительное уложеніе для крестьянъ и законъ относительно наслѣдованія дворовъ; подчинить вотчинный судъ надзору отвѣтственныхъ чиновниковъ; для предотвращенія вреднаго дробленія помѣщичьихъ владѣній ввести права первородства при наслѣдованіи имѣній менѣе 250 душъ; устроить бытъ дворовыхъ на законномъ основаніи; опредѣлить размѣръ выкупа крѣпостнаго на свободу съ землею и безъ земли и для этого учредить заемный банкъ. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе подробное и льготное опредѣленіе крестьянскихъ повинностей, съ дозволеніемъ отчасти выкупать ихъ: владѣльцамъ большихъ помѣстій вмѣняется въ обязанность производить вотчинный судъ черезъ отвѣтственыхъ лицъ.

Въ теченіе слѣдующаго затѣмъ тридцатилѣтняго періода (1850—1880 гг.), а если нужно, то и въ большее количество лѣтъ, земельные надѣлы объявляются собственностью каждаго семейства, подъ условіемъ уплаты соразмѣрной повинности; даруется право перехода; судъ и расправа предоставляются исключительно правительственнымъ чиновникамъ. всѣ личныя повинности могутъ быть выкупаемы и пр. Канкринъ увѣренъ, что исполненіе такого плана будетъ выгодно для крестьянъ и доставитъ

имъ „настоящее благосостояніе“, да и помѣщикъ получитъ отъ своей собственности болѣе дохода, чѣмъ пріобрѣтаетъ теперь „способами, противными законамъ божескимъ и человѣческимъ“.

Проектъ Канкрина представляетъ сколокъ съ западно-европейскихъ, точнѣе сказать, нѣмецкихъ отношеній и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя предложенія, исполненіе которыхъ вредно отразилось бы на экономическомъ бытѣ крестьянъ, какъ, напр., уничтоженіе общиннаго землевладѣнія, или которыя устанавливаютъ совершенно чуждыя русской жизни отношенія, вродѣ вотчиннаго суда черезъ отвѣтственныхъ лицъ (нѣмецкіе юстиціары): къ этому послѣднему предложенію можно примѣнить замѣчаніе самого Канкрина, что подобныя мѣры не „подрываютъ“, а усиливаютъ крѣпостное право. Но нельзя отрицать, что въ его проектѣ мы встрѣчаемъ и весьма разумныя предложенія, какъ, напримѣръ, опредѣленіе повинностей, гарантированіе собственности крѣпостныхъ отъ посягательства помѣщиковъ и т. п.

Хотя Канкринъ, какъ и другіе его современники, не пришелъ къ мысли объ обязательномъ выкупѣ, но, все-таки, онъ предлагаетъ свободу не съ обезземеленіемъ крестьянъ, которое допускаетъ, напр., Якобъ въ болѣе мелкихъ имѣніяхъ, а съ установленіемъ для всѣхъ наслѣдственной аренды, съ опредѣленными платежами [1]). Не всѣ мѣры, предложенныя Канкринымъ, удачны, но примѣненіе его проекта было разсчитано на долгій срокъ, въ теченіе котораго многія частности его могли быть измѣнены правительствомъ. И самъ Канкринъ не считаетъ себя непогрѣшимымъ: въ заключеніе своего проекта онъ высказываетъ слѣдующую замѣчательную мысль: «Предначертаніе столь громадное и многосложное можетъ быть обдумано и приведено въ исполненіе не иначе, какъ съ общаго содѣйствія лицъ, самыхъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ изъ разныхъ сословій, какъ тѣхъ, которыя по положенію своему лично заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, такъ и другихъ, чуждыхъ въ онемъ личнаго участія [2]). Къ сожалѣнію, Канкринъ не указываетъ, въ какой формѣ могло бы проявиться участіе „просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ“ людей разныхъ сословій (а не однихъ помѣщиковъ), но мысль его сама по себѣ весьма замѣчательна и, конечно, среди крестьянъ нашлось бы не мало разумныхъ людей, мнѣніе которыхъ могло бы весьма пригодиться при окончательномъ обсужденіи крестьянской реформы: стоитъ только вспомнить, что въ екатерининской законодательной коммиссіи было не мало весьма разумныхъ и полезныхъ членовъ изъ низшаго сословія.

Къ прежнимъ проектамъ крестьянской реформы, представленнымъ самому императору Александру Киселевымъ, Аракчеевымъ, Канкринымъ,

---

[1]) Въ его проектѣ есть черты сходства съ планомъ Сперанскаго 1809 г.

[2]) Русск. Арх. 1865 г., стр. 1360—73.

быть можетъ, и Мордвиновымъ, въ 1819 г. присоединилась еще умно и обстоятельно составленная записка Н. И. Тургенева, едва ли не самое замѣчательное изъ всего, что было представлено по этому предмету императору Александру I. Она была написана по слѣдующему поводу. Однажды Тургеневу сказали, что петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, по отзыву Николая Ивановича, „человѣкъ открытый, честный, но нѣсколько легкомысленный“, желаетъ имѣть записку о крѣпостномъ правѣ для того, чтобы представить ее императору и поговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ. Его адъютантъ и другъ полковникъ Г., поддерживал добрыя намѣренія своего начальника и предложилъ автору *Теоріи налоговъ* составить требуемую записку, что тотъ и исполнилъ въ концѣ декабря 1819 г.

Тургеневъ начинаетъ съ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли расширять политическія права, которыми уже отчасти пользуются дворяне и купцы, и рѣшаетъ его отрицательно въ виду существованія въ Россіи милліоновъ людей, которые лишены даже и гражданскихъ правъ. „Всякое расширеніе политическихъ правъ дворянъ было бы противно интересамъ крѣпостныхъ,—говоритъ Тургеневъ. Въ этомъ отношеніи самодержавная власть—якорь спасенія для нашей страны: только отъ этой власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и безполезнаго. Непозволительно думать о политической свободѣ тамъ, гдѣ несчастные не знаютъ простой человѣческой свободы“. Изъ мемуаровъ Тургенева мы знаемъ, что ему приходилось выдерживать самые жаркіе споры на эту тему съ тѣми либералами, которымъ, какъ наприм. Мордвинову, удавалось соединять либерализмъ въ политическомъ отношеніи съ крайнимъ консерватизмомъ въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ. То, что Тургеневъ коснулся этого спорнаго для многихъ вопроса въ запискѣ, которая должна была быть представлена государю, составляетъ его большую заслугу. Проповѣдывать необходимость самодержавія въ виду той благой цѣли, которой ему предстояло послужить, вовсе не было въ то время такимъ ненужнымъ, лишнимъ дѣломъ, какъ это было бы въ царствованіе императора Николая, когда объ ограниченіи верховной власти не могло быть и рѣчи. Кромѣ безумной растраты національнаго богатства при императорѣ Павлѣ посредствомъ раздачи населенныхъ имѣній соединенной съ закрѣпощеніемъ сотенъ тысячъ людей, быть можетъ самое вредное слѣдствіе его суроваго четырехлѣтняго царствованія состояло въ томъ, что оно заставило не только все общество, но и самого императора Александра поставить себѣ первою задачею созданіе прочныхъ гарантій отъ такого безпримѣрнаго произвола, какимъ отличалось правленіе Павла, и что такимъ образомъ мысль лучшихъ людей въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ направилась на обсужденіе политическихъ реформъ въ то время, когда Россія настоятельно нуждалась въ соціальныхъ преобразованіяхъ.

Для того, чтобы правильно объяснить стремленія императора Александра, Сперанскаго, Мордвинова и многихъ другихъ прежде всего къ политическимъ реформамъ, не слѣдуетъ забывать того, что вынесли какъ самъ государь, такъ и все общество въ предшествующую эпоху. Но правильно понимать извѣстное явленіе — еще не значитъ его оправдывать. Преобладаніе въ обществѣ конституціонныхъ стремленій ранѣе уничтоженія крѣпостнаго права заставляетъ насъ только еще болѣе цѣнить тѣхъ людей которые готовы были сознательно отказаться на время отъ того болѣе свободнаго положенія, которое создаетъ для интеллигенціи политическая свобода ради блага милліоновъ крѣпостныхъ. Убѣждать самодержца въ необходимости въ то время самодержавія было не только не лишнимъ при императорѣ Александрѣ,— это значило даже идти въ разрѣзъ со взглядами, не задолго передъ тѣмъ (въ мартѣ 1818 г.) высказанными государемъ на варшавскомъ сеймѣ, гдѣ онъ выразилъ желаніе распространить свободныя учрежденія на всю Россію, хотя нельзя отрицать двойственности въ этомъ отношеніи въ характерѣ Александра I: онъ какъ-то все не могъ помирить уроковъ Лагарпа при жизни бабушки съ его совершенно противоположными наставленіями въ первое время своего царствованія; при нерѣшительности государя кончилось тѣмъ, что Россія не дождалась въ эту эпоху серьезныхъ преобразованій ни въ своемъ политическомъ, ни въ соціальномъ строѣ [1]). Возвратимся однако къ запискѣ Тургенева.

Упомянувъ о мѣрахъ, уже принятыхъ при императорѣ Александрѣ на пользу крѣпостныхъ, а именно о прекращеніи пожалованія населенныхъ имѣній и освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, причемъ авторъ не высказываетъ никакого порицанія произведенному тамъ обезземеленію народа (новое доказательство, какъ даже для столь выдающагося дѣятеля въ исторіи крестьянскаго вопроса было неясно, что освобожденіе крѣпостныхъ необходимо произвести не иначе, какъ съ земельнымъ надѣломъ), Тургеневъ указываетъ на то, какъ много остается еще сдѣлать.

---

[1]) Не [illegible] Тургеневъ находилъ несвоевременными мечты о политической свободѣ, [illegible] существуетъ крѣпостное право. Вотъ что [illegible] мы въ письмѣ неизвѣстнаго лица, [illegible] въ 1821 г.: „Несколько [illegible] головъ... кружатся [illegible] конституціонныхъ теорій, несвоевременныхъ [illegible] для [illegible]. Почему же мы одни [illegible] не доступны къ идеямъ объ ограниченіи [illegible] правъ надъ дѣйствительными рабами, крѣпостными крестьянами [illegible] Самый [illegible], самые [illegible] въ нашихъ помѣщиковъ не [illegible] семействами, отнимая сына, брата, дочь, часто мужа, жену [illegible] для [illegible] своей дворни, псарни, [illegible]... Мы [illegible] надъ собою, а не [illegible] надъ ними, коихъ [illegible] отъ нашего [illegible] и [illegible] отъ самодержавія“... („Вѣстникъ Евр.“ 1867 г., т. II, стр. 197—198).

Онъ справедливо считаетъ положеніе оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ неизмѣримо благопріятнѣе, чѣмъ барщинныхъ, и, признавая значительное распространеніе оброчной системы великимъ благомъ для народа, что бы ни говорили по этому поводу ея порицатели, указываетъ на то, что при значительной высотѣ у насъ платы рабочимъ, крестьянину не трудно заработать оброкъ, что вотчины, состоящія на оброкѣ, пользуются значительнымъ самоуправленіемъ, ссылается и на то, что нашему правительству не приходилось принимать никакихъ ограничительныхъ мѣръ относительно размѣра денежныхъ повинностей, между тѣмъ какъ при императорѣ Павлѣ пришлось опредѣлить закономъ количество барщинныхъ дней. Тургеневъ также совершенно справедливо возражаетъ противъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что казенные крестьяне находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ помѣщичьи, дѣлая исключеніе лишь для арендныхъ имѣній, населеніе которыхъ можетъ весьма позавидовать крѣпостнымъ; онъ остроумно замѣчаетъ, что самый мелкій изъ правительственныхъ чиновниковъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся казенные крестьяне, имѣетъ дѣло со многими тысячами людей, и потому какъ бы ни были велики его вымогательства, они дѣлаются все-таки менѣе чувствительными, распредѣляясь на относительно большее число жертвъ.

Въ вотчинахъ, состоящихъ на барщинѣ, по словамъ Тургенева, „рабство является намъ со всѣми своими ужасами“. Извѣстно, продолжаетъ онъ, „что г.г. помѣщики не довольствуются тремя днями работы своихъ крѣпостныхъ. Многіе, сверхъ того, требуютъ взносовъ натурою или деньгами и еще различнаго рода мелкихъ работъ. Нѣкоторые принуждаютъ ихъ трудиться не три, а четыре, пять и даже шесть дней въ недѣлю, выдавая имъ въ семъ случаѣ извѣстное количество зерноваго хлѣба для пропитанія. Почему же не соблюдается законъ Павла?“ Жестокость помѣщиковъ относительно крестьянъ проявляется также въ барщинныхъ вотчинахъ и по большей части остается совершенно безнаказанною. „Тѣ, кто живалъ внутри Россіи,—говоритъ Тургеневъ,—согласятся, что въ каждомъ уѣздѣ есть нѣсколько помѣщиковъ, угнетающихъ крестьянъ и виновныхъ въ вымогательствѣ и жестокости, поведеніе которыхъ не обращаетъ, однакоже, на себя вниманія властей. Въ одной изъ центральныхъ губерній есть господа, ежегодно привозящіе на ярмарку извѣстное количество дѣвушекъ для продажи азіатскимъ купцамъ. Что же смотритъ предводитель дворянства этой губерніи? Онъ, съ своей стороны, и, быть можетъ, въ то же самое время, продалъ всѣхъ танцовщицъ своего театра другому помѣщику, который обращеніемъ съ крестьянами постоянно доказываетъ, что благородство души не составляетъ необходимой принадлежности высокаго положенія и извѣстнаго имени“.

Основнымъ принципомъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу Тургеневъ ставитъ требованіе, чтобы они исходили отъ самого правительства, такъ какъ при распространенности у насъ оброчной системы наиболѣе просвѣщенные помѣщики не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и потому не могутъ знать нуждъ и истиннаго положенія своихъ крестьянъ. „Можно безошибочно сказать,—утверждаетъ онъ, стараясь побудить государя къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ,—что многимъ русскимъ помѣщикамъ не противна мысль объ освобожденіи крестьянъ; напротивъ, они были бы въ восторгѣ начать это святое дѣло, если бы имѣли средства и возможность его исполнить“; но „само правительство должно взять на себя иниціативу въ улучшеніи быта крѣпостныхъ“. Для этого необходимо прежде всего устранить самыя вопіющія злоупотребленія крѣпостнаго права, т. е.

обремененіе крестьянъ чрезмѣрною барщиною, продажу людей по одиночкѣ и жестокое съ ними обращеніе.

Тургеневъ сознаетъ трудность защитить крестьянина отъ требованія со стороны помѣщика непосильной барщины, но и онъ, все-таки, находитъ полезнымъ подтвердить строгое исполненіе закона императора Павла, дополнивъ его правиломъ, что трехдневная обязательная работа избавляетъ отъ всякой другой повинности, какъ натуральной, такъ и денежной. Онъ считалъ также необходимымъ обратить вниманіе на судьбу дѣтей обоего пола, которыхъ съ недавняго времени, вслѣдствіе „несчастной маніи заводить фабрики", стали посылать на работу, и предлагалъ не допускать на нее дѣтей, не достигшихъ 12-тилѣтняго возраста. Кромѣ того, Тургеневъ придумалъ слѣдующую мѣру относительно барщины: было бы полезно, говоритъ онъ, обязать помѣщиковъ доставлять въ началѣ года предводителю дворянства списки всѣхъ работъ и сборовъ, требуемыхъ съ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы, по просмотрѣ ихъ предводителемъ и губернаторомъ, они публиковались и доводились до свѣдѣнія народа посредствомъ чтенія въ церквахъ. Затѣмъ губернаторъ изъ этихъ данныхъ составлялъ бы сводъ для министра внутреннихъ дѣлъ, а на основаніи всѣхъ полученныхъ правительствомъ отчетовъ можно было бы представить въ печати общую характеристику быта крѣпостныхъ. Тургеневъ надѣется, что вліяніе общественнаго мнѣнія сдѣлало бы невозможными многія притѣсненія и злоупотребленія, совершающіяся теперь благодаря отсутствію гласности.

Продажа людей по одиночкѣ, по словамъ Тургенева, приняла лѣтъ 40 тому назадъ, слѣдовательно въ царствованіе императрицы Екатерины II, такіе размѣры, что въ Петербургъ приплывали цѣлыя барки съ людьми, назначенными для розничной продажи. Мѣры, принятыя для ограниченія торговли крѣпостными при императорѣ Александрѣ, еще весьма недостаточны. Тургеневъ требуетъ запрещенія всякой продажи людей по одиночкѣ и дозволенія отчуждать ихъ лишь въ видѣ населенныхъ имѣній. Часто крѣпостными владѣютъ лица, не имѣющія на то права и которыя, однако, продаютъ ихъ и покупаютъ: такъ, въ Астрахани купцы-магометане покупаютъ дѣвушекъ себѣ въ наложницы, а затѣмъ и ихъ дѣтей записываютъ своими крѣпостными. Тургеневъ предлагаетъ строго запретить владѣніе крѣпостными всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ помѣстія. Всякій крѣпостной, проданный вопреки закону, долженъ немедленно получать свободу. Подъ угрозою такой же кары, слѣдуетъ запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ.

Но всякія узаконенія въ пользу крѣпостныхъ окажутся, по мнѣнію Тургенева, недѣйствительными до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ будетъ имѣть право подвергать ихъ всевозможнымъ наказаніямъ по своему усмотрѣнію. Въ Прибалтійскомъ краѣ было запрещено господамъ наказывать

крѣпостнаго болѣе, чѣмъ пятнадцатью ударами за одинъ разъ, но это не повело ни къ чему, такъ какъ подобное наказаніе повторяли много разъ сряду. Какъ ни трудно защитить крѣпостныхъ въ этомъ отношеніи, но изъ этого не слѣдуетъ, что нужно оставить ихъ на всей волѣ помѣщиковъ. По мнѣнію Тургенева, нужно прежде всего запретить господамъ, живущимъ въ городахъ, самимъ наказывать слугъ: они должны предоставить это полиціи, съ тѣмъ, чтобы послѣдняя не была простою исполнительницею воли господина, а соразмѣряла наказаніе съ проступкомъ. Что касается дворовыхъ и крестьянъ въ деревнѣ, то нужно опредѣлить закономъ, какія наказанія дозволены, число ударовъ и время, въ теченіе котораго нельзя ихъ возобновлять. Нужно также по возможности опредѣлить, какіе проступки подлежатъ суду господина, предоставивъ остальные въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учрежденій; наблюденіе же за исполненіемъ законовъ относительно крѣпостныхъ нужно ввѣрить особымъ коммиссарамъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которые вмѣстѣ съ губернаторами и предводителями дворянства могутъ составить комитеты для разсмотрѣнія свѣдѣній о повинностяхъ крѣпостныхъ, и, въ случаѣ надобности, ихъ ограниченія подъ угрозою отдачи имѣнія въ опеку. Крестьяне должны получить право жаловаться коммиссару на помѣщика.

Не ограничиваясь мѣрами, необходимыми для прекращенія самыхъ главныхъ злоупотребленій помѣщичьею властью, Тургеневъ говоритъ въ заключеніе въ нѣсколькихъ словахъ, что нужно сдѣлать для прочнаго и основательнаго улучшенія быта крѣпостныхъ. Онъ находитъ недостаточнымъ законъ относительно свободныхъ хлѣбопашцевъ, такъ какъ онъ не опредѣляетъ съ необходимою точностью отношенія между помѣщикомъ и освобожденными крестьянами; не отдавая себѣ отчета въ томъ, что главное его значеніе состоитъ въ недопущеніи освобожденія крестьянъ цѣлыми вотчинами *безъ земли*, Тургеневъ предлагаетъ особенно регулировать тотъ случай, когда помѣщикъ сохраняетъ въ своей власти землю, предоставивъ крестьянамъ только временное пользованіе ею. Онъ желаетъ также, чтобы крестьянамъ было дано право перехода [1]. Наконецъ онъ требуетъ дозволенія свободнаго обсужденія вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ книгахъ и періодическихъ сочиненіяхъ, такъ какъ крестьяне читать ихъ не будутъ.

Записка Н. И. Тургенева такъ понравилась Милорадовичу, что когда, во время чтенія ея, входилъ въ комнату тотъ или другой изъ слугъ, онъ немедленно объявлялъ его свободнымъ [2]. Встрѣтивъ автора въ государ-

---

[1] Въ позднѣйшихъ разсужденіяхъ по этому предмету онъ требуетъ для крестьянъ весьма небольшаго земельнаго надѣла, а въ крайнемъ случаѣ допускаетъ и одно личное освобожденіе. Онъ не понимаетъ также *важнаго значенія общиннаго землевладѣнія*. „La Russie et les Russes“, II, 159—176, III, 105—119.

[2] „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“. Лейпц. 1872 г., стр. 164. Въ

ственномъ совѣтѣ, онъ расхвалилъ его проектъ во всеуслышаніе и сообщилъ, что уже вручилъ его императору. По прочтеніи записки Тургенева, государь выразилъ свое одобреніе, и съ нѣкоторымъ возбужденіемъ (какъ всегда, когда ему приходилось затрогивать крестьянскій вопросъ) сказалъ Милорадовичу, указывая на печать, гдѣ были вырѣзаны пчелы вокругъ улья: „Видите ли: это девизъ мой и моей бабушки; я уже собралъ нѣсколько записокъ о крѣпостномъ правѣ, я выберу изъ этихъ проектовъ все самое лучшее и, наконецъ, сдѣлаю что-нибудь".

Каковы бы ни были недостатки записки Тургенева (онъ самъ признаетъ, что принужденъ былъ ограничиться въ ней мѣрами паллiативными), нельзя не признать, что она заключала въ себѣ не мало весьма важныхъ практическихъ предложеній; приходится поэтому искренно пожалѣть, что она не имѣла никакого существеннаго результата, или, говоря его собственными словами, „что дѣйствіе, произведенное чтеніемъ записки, ограничилось ребяческимъ одушевленіемъ на одну минуту и возобновленіемъ обѣщаній, данныхъ уже столько разъ и вовсе невыполненныхъ". Повторяемъ: мѣры ограниченія крѣпостнаго права, предложенныя Тургеневымъ, были однѣ изъ наиболѣе необходимыхъ и практичныхъ; что-же касается окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, то можно только радоваться его отсрочкѣ, такъ какъ въ эту эпоху оно приняло бы форму исключительно личнаго освобожденія [1]).

Въ слѣдующемъ 1820 г., Тургеневъ принималъ участіе въ новой попыткѣ подвинуть впередъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса. „Два лица, разсказываетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, отличающіяся столько же своимъ высокимъ положеніемъ, какъ и образованіемъ, гр. Воронцовъ (М. С.) и князь Меншиковъ (А. С.), рѣшились начать было освобожденіе, и начать серьезно. Я настаиваю на этомъ послѣднемъ словѣ, — говоритъ Тургеневъ, — ибо въ такихъ домахъ нерѣдко можно видѣть такъ называемыхъ филантроповъ, которые постоянно говорятъ объ улучшеніи участи крѣпостныхъ, о гарантированіи имъ извѣстныхъ выгодъ, объ ограниченіи права господина, наконецъ, объ уничтоженіи злоупотребленія властью человѣка надъ человѣкомъ; всѣ эти фразы доказываютъ только или простоватость, или недобросовѣстность тѣхъ, которые выставляютъ ихъ на видъ. Въ это время въ Петербургѣ находился человѣкъ, сустившійся въ этомъ смыслѣ въ пользу крѣпостныхъ". (Изъ примѣчанія Тургенева

предсмертномъ письмѣ къ государю Милорадовичъ просилъ государя, чтобы онъ отпустилъ его крестьянъ на волю („Тайное Общество и 14 декабря 1825 г.", 2-е изд. Лейпц. стр. 98). Нужно [illegible] Бартеневъ [illegible] въ своихъ записках говоритъ, что Милорадовичъ передъ смертью успѣлъ распорядиться [illegible] сравнительно небольшимъ своимъ имѣніемъ [illegible] „Рус. Арх." 1876 г. т. I, 250.

[1]) *Tourgueneff*. La Russie et les Russes II, 149—152, 323—341.

ясно, что это былъ Каразинъ ¹), который игралъ весьма неблаговидную роль въ дѣлѣ устройства общества, о которомъ идетъ рѣчь ниже). „Было полезно, даже необходимо, — продолжаетъ Тургеневъ, — прежде всего отдѣлаться отъ подобныхъ помощниковъ; поэтому два вышеупомянутыя лица начали съ заявленія, что цѣль ихъ состоитъ въ полномъ освобожденіи крестьянъ. Желая оградить свое предпріятіе и самихъ себя отъ недоброжелательства и всякихъ ложныхъ толковъ, они хотѣли, чтобы само правительство руководило мѣрами, которыя они ему предложатъ и потому рѣшились ничего не предпринимать, не поговоривъ предварительно съ императоромъ. Они желали не только ознакомить его съ сущностью своего предпріятія, но и сообщить, что другіе помѣщики раздѣляютъ ихъ намѣренія относительно своихъ крѣпостныхъ. Для этого одинъ изъ нихъ составилъ нѣчто вродѣ декларацій, въ которой подписавшіе ее обязывались сдѣлать своихъ крестьянъ совершенно свободными ²). Для этого они просили императора разрѣшить учрежденіе общества изъ помѣщиковъ, въ составъ котораго вошли бы всѣ члены, подписавшіе декларацію, и которое тотчасъ по открытіи выбрало бы изъ своей среды комитетъ для выработки положенія о совершенномъ освобожденіи крестьянъ. По обсужденіи и одобреніи его всѣми членами или лицами, подписавшими декларацію, предполагалось представить проектъ положенія министру внутреннихъ дѣлъ, который долженъ былъ получить по этому предмету приказаніе отъ самого императора. Гр. Воронцовъ сообщилъ этотъ документъ нѣсколькимъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, и онъ былъ съ величайшею готовностью подписанъ гр. П. (Потоцкимъ) и М. В., которые, какъ и два вышеупомянутыя лица, были генералъ-адъютантами государя, графомъ В. Д., камергеромъ и дипломатомъ, кн. В. (Вяземскимъ), однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ литераторовъ; все это люди очень богатые, владѣвшіе вмѣстѣ болѣе, чѣмъ ста тысячами душъ. Мой братъ и я, очень скромные помѣщики, также подписали. Гр. Воронцовъ взялся предста-

¹) 14 апрѣля 1820 г. гр. М. С. Воронцовъ писалъ Каразину: „Я очень буду радъ встрѣтиться со кн. Вяземскимъ у васъ, также съ кн. Меншиковымъ, гр. Комаровскимъ etc., и если они на то согласятся, то я готовъ. При семъ нужнымъ считаю еще разъ сказать вамъ, что я думаю войти только въ такое общество, которое будетъ имѣть въ предметѣ постепенное, но дѣйствительное [illegible] освобожденіе крестьянъ отъ рабства. Всякое другое общество, по моему мнѣнію, никакого добра не сдѣлаетъ, а россійскому дворянству нужно остерегаться отъ нареканія [illegible] полезному и нужному почину“ [illegible]. „Письма главн. дѣятелей въ цар. импер. Александра I“, СПб. 1883 г., стр. 253.

²) Въ подлинномъ документѣ сказано, что „дѣлаетъ общество [illegible] способствовать къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ“. „Рус. Стар. 1871 г., т. III, 366.

вить это заявленіе императору. Въ первый разъ, когда государь услышалъ объ этомъ проектѣ, онъ, казалось, былъ очень доволенъ, съ большою добротою слушалъ объясненія графа и сказалъ ему, что нѣтъ никакихъ препятствій къ осуществленію намѣренія лицъ, которыя подписали заявленіе. Авторы проекта вовсе не дѣлали изъ него секрета и, казалось, онъ не долженъ былъ встрѣтить серьезной оппозиціи; однако же, какъ только одинъ изъ нихъ переговорилъ съ императоромъ, нѣсколько лицъ подняли тревогу и начались обычные крики противъ либераловъ и революціонеровъ. Между прочимъ, одна придворная дама, извѣстная своею грубостью, увидѣвъ имя одного изъ своихъ зятьевъ среди подписей на заявленіи объ обществѣ, дала ему такой сильный нагоняй, что этотъ несчастный убѣдительно просилъ какъ можно скорѣе вычеркнуть его имя [1]. Другіе говорили, что заявленіе могло бы еще пройдти подъ защитою именъ графовъ В. (Воронцова), П., князя М. (Меншикова) и т. д., но такія якобинскія имена, какъ Т. (я и мой братъ) не могутъ оставлять никакого сомнѣнія въ томъ, что это предпріятіе имѣетъ революціонную цѣль“. Далѣе Тургеневъ разсказываетъ, что во второе свиданіе графа Воронцова съ государемъ, императоръ въ концѣ разговора сказалъ ему: „Зачѣмъ вамъ соединяться? Подписавшіе заявленіе не изъ одной губерніи: пусть каждый поработаетъ особнякомъ и представитъ свой проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ“. „Этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить графа и другихъ лицъ, подписавшихъ заявленіе, отказаться отъ своего плана. Мнѣ говорили также, что бывшіе въ ихъ числѣ генералъ-адъютанты императора испытывали въ теченіе нѣкотораго времени холодность двора. Одинъ изъ нихъ даже оставилъ службу вслѣдствіе этого событія“ [2]).

Основатели общества принуждены были съ самаго начала отдѣлываться отъ участія въ немъ Карамзина, который, какъ оказывается изъ

---

[1]) Кн. Вяземскій въ своей *Исповѣди* говоритъ: „Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, [illegible] бумагу и на другой день отказавшійся отъ своей подписи, вѣроятно, [illegible] причиною неуспѣха этого предпріятія“. „Собраніе сочиненій кн. Вяземскаго“. II, 88, срав. т. VII, 271.

[2]) La Russie et les Russes, II, 146—148. Кн. П. А. Вяземскій, упоминая объ этомъ [illegible], говоритъ: „Разсказывали тогда, что гр. Потоцкій, послѣ претерпѣнной неудачи [illegible] у государя и каялся предъ нимъ, какъ будто въ преступномъ замыслѣ. Но нельзя полагать, чтобы все это дѣло оставило въ государѣ [illegible] и неудовольствіе противъ подписателей помянутой записки. [illegible] сего случая, государь, [illegible] съ обыкновенной [illegible] съ Карамзинымъ, сказалъ ему: „Вы полагаете, что [illegible] крестьянъ не имѣетъ ни отголоска, ни сочувствія въ Россіи, а [illegible] противорѣчащее вашему мнѣнію. [illegible] между коими и вашъ родственникъ кн. Вяземскій“. „Соб. соч. кн. Вяземскаго“, т. VII, 270—272.

его собственныхъ словъ, хотѣлъ соединить съ этимъ предпріятіемъ совершенно посторонния цѣли. Замѣчая усиленіе общественнаго недовольства, онъ еще въ 1817 г. писалъ государю о „сомнительномъ положеніи" Россіи. Находясь въ 1820 г. въ Петербургѣ, онъ высказалъ въ разговорахъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Кочубеемъ, что находитъ въ обѣихъ столицахъ особое направленіе умовъ, подобное тому, которое замѣчали во Франціи предъ революціею. На требованіе министра подтвердить свои заявленія документально Каразинъ отвѣчалъ отказомъ, но въ одну изъ бесѣдъ съ Кочубеемъ предложилъ ему основать общество подъ предсѣдательствомъ его, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, которое сверхъ гласнаго своего назначенія улучшать участь помѣщичьихъ крестьянъ, имѣло бы „недреманный присмотръ за всѣми другими, такъ называемыми *вольными*, ложами и тайными обществами". По его словамъ, ему удалось впослѣдствіи пригласить съ этою цѣлью „извѣстныхъ государю особъ", слѣдовательно, если вѣрить Каразину, ему и принадлежитъ первая мысль о томъ обществѣ, разсказъ о которомъ Тургенева мы только что привели и члены котораго, быть можетъ, и не подозрѣвая скрытыхъ намѣреній Каразина, поспѣшили отдѣлаться отъ его собственнаго участія въ этомъ дѣлѣ. 31 марта 1820 г. Каразинъ даже и письменно изложилъ Кочубею свои мысли и опасенія, а 21 апрѣля, придравшись къ тому, что по его прошенію государь простилъ долги его тестя, написалъ императору Александру посланіе о „странномъ направленіи умовъ". Получивъ чрезъ Кочубея приказаніе подробнѣе объяснить свое письмо, Каразинъ рѣшительно отказался назвать имена, но предложилъ учредить статистическій департаментъ, сдѣлать его начальникомъ этого учрежденія, обѣщая въ такомъ случаѣ „подъ предлогомъ одних статистическихъ обозрѣній" открыть „въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ", особенно, если, въ то же время, онъ будетъ правителемъ дѣлъ общества, предлагаемаго имъ и другими особами. Основателямъ удалось отстранить его отъ этого дѣла однако, и послѣ того, какъ заявленіе объ обществѣ было подано государю, Каразинъ, разъ вызванный правительствомъ на изложеніе своихъ мыслей, исписывалъ цѣлыя тетради о всевозможныхъ предметахъ: объ іезуитахъ, евреяхъ, о безпорядкахъ въ дѣлахъ разныхъ вѣдомствъ, о преобразованіи духовенства, о библейскомъ обществѣ, о финансахъ и просвѣщеніи, о морскомъ дѣлѣ, о томъ, какъ полезны правительству подобные ему „обсерваторы". Тутъ же онъ указывалъ на неотложную необходимость обратить вниманіе „на отношеніе поселянъ къ ихъ помѣщикамъ и, между прочимъ, говорилъ: „Многія тысячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ, подрядчикамъ, вопіютъ къ небу и, вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ, въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя государя, тогда какъ онъ ни о чемъ

столько не заботился, какъ о доставленіи имъ благосостоянія и свободы)". Волненіе въ семеновскомъ полку (въ октябрѣ 1820 г.) побудило Каразина написать Кочубею новую (уже пятую) тетрадь, гдѣ, по прежнему, выражая неодобреніе конституціонному правленію, онъ совѣтуетъ, однако, правительству въ виду общаго неудовольствія обратиться къ содѣйствію просвѣщеннаго дворянства: „Цари наши,—замѣчаетъ онъ,—всегда были внушаемы государственною думою. Напрасно думаютъ, что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно нѣсколькихъ въ каждой губерніи. Нѣтъ и нуждъ вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить въ столицѣ средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы взаимно оживлялось. Кто теперь, въ настоящемъ положеніи вещей, передаетъ общественное мнѣніе государю? Можетъ ли государь даже въ томъ быть увѣренъ, что они умѣютъ понимать его, различать своевольныя мысли черни, различныя по временамъ и обстоятельствамъ, отъ мыслей людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ? Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена? Эти общія реформы связываются у Каразина и съ улучшеніемъ быта крестьянъ. Онъ увѣренъ, что при осуществленіи его плана „рабство въ частныхъ владѣніяхъ помѣщиковъ, какъ и въ имперіи вообще, уступитъ мѣсто наслѣдственной благотворной подчиненности".

Результатъ этихъ посланій Каразина былъ самый неожиданный: онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ пробылъ шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ былъ высланъ въ свое имѣніе [1]. Такъ печально покончилъ свою дѣятельность въ Петербургѣ добровольный „обсерваторъ" либеральнаго броженія умовъ: вмѣсто того, чтобы получить мѣсто директора „статистическаго" департамента, онъ попалъ въ тюрьму; задуманное имъ общество для улучшенія быта крестьянъ не нашло сочувствія въ государѣ. Любопытно припомнить позднѣйшія отношенія къ крестьянскому вопросу лицъ, выступившихъ гласными основателями этого общества: М. С. Воронцова и А. С. Меншикова. Воронцовъ сохранилъ умѣренно-либеральные взгляды по этому предмету и въ царствованіе императора Николая, тайкомъ переписывался о крестьянскомъ вопросѣ съ Киселевымъ; Меншиковъ же въ новое царствованіе былъ самымъ ярымъ врагомъ всякаго дѣйствительнаго ограниченія крѣпостнаго права и въ крайнемъ случаѣ соглашался на освобожденіе крестьянъ не иначе, какъ по остзейской системѣ, т.-е. совершенно безъ земли. Къ счастію печальные результаты такого освобожденія крѣпост-

---

[1] „Рус. Стар." 1870 г., т. II, изд. 3-е, стр. 570—599. 1871 г., т. III, стр. 16—38. *Погодинъ.* „Н. М. Карамзинъ", II, 409—410.

ныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ не остались безъ вліянія на правительство, и императоръ Николай былъ рѣшительнымъ противникомъ этой системы.

Приблизительно въ то же время, когда была сдѣлана попытка основать въ Петербургѣ общество съ цѣлью постепеннаго освобожденія крестьянъ, одинъ смоленскій помѣщикъ, (какъ мы увидимъ ниже, извѣстный декабристъ Якушкинъ), составилъ записку о способѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса, въ которой совѣтуетъ другимъ и выражаетъ съ своей стороны готовность освободить крестьянъ безплатно, уступивъ имъ усадьбы съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Остальная земля должна остаться собственностью помѣщика и обрабатываться отпускаемыми на волю крестьянами по условіямъ, добровольно заключеннымъ съ ними „*послѣ ихъ увольненія*“. Такимъ образомъ личная свобода и собственность крестьянъ будутъ обезпечены; что же касается остальной земли, кромѣ усадебной, то, по мнѣнію автора, „собственность крестьянъ въ Россіи состоитъ не въ землѣ, ибо она вездѣ общая“ (т.-е. находится въ общинномъ пользованіи и отъ времени до времени передѣляется), „но въ имуществахъ, состоящихъ въ дворахъ ихъ“. Затѣмъ между землевладѣльцами и крестьянами установятся отношенія, по мнѣнію автора, „равно выгодныя для обѣихъ сторонъ: „помѣщикъ будетъ получать тотъ же оброкъ, но только въ другомъ видѣ; вольные, увѣренные въ своей собственности и въ своей личной свободѣ, будутъ работать прилежнѣе, пріобрѣтутъ болѣе и, слѣдственно, могутъ платить болѣе“. На совершенно справедливое возраженіе, что помѣщикъ заставитъ въ такомъ случаѣ платить крестьянъ за землю все, что ему вздумается, авторъ отвѣчаетъ, что помѣщики могутъ и теперь это сдѣлать, а, кромѣ того, располагаютъ ихъ личностью, берутъ во дворъ, заставляютъ работать на фабрикахъ, въ рудникахъ, мѣняются и торгуютъ ими. Но авторъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что помѣщикъ отвѣчаетъ за исправную уплату податей своими крѣпостными и потому опасеніе поплатиться за нихъ въ случаѣ ихъ разоренія было, все-таки, нѣкоторою уздою для помѣщичьей алчности, а эта узда совершенно исчезла бы съ освобожденіемъ крестьянъ. Затѣмъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ указываетъ на то, что, въ случаѣ притѣсненія со стороны бывшаго помѣщика, крестьяне могутъ нанимать землю у другихъ землевладѣльцевъ, и не предвидитъ возможности стачки со стороны послѣднихъ. Что крестьяне не начнутъ съ освобожденіемъ бродяжничать, это подтверждается усидчивостью на одномъ мѣстѣ казенныхъ поселянъ или однодворцевъ, которые, даже при весьма ничтожномъ количествѣ земли, не переходятъ на другія мѣста. Что они не бросятъ земледѣлія, доказываетъ особенно тщательная обработка земли въ такой губерніи, какъ ярославская, гдѣ чрезвычайно развиты отхожіе промыслы. Исправная уплата податей, которыя не должны превышать

денежныхъ повинностей казенныхъ крестьянъ, будетъ обезпечиваться круговою порукою. Въ высшей степени важно, что, въ отличіе почти отъ всѣхъ своихъ современниковъ, стоявшихъ за освобожденіе крестьянъ, авторъ понималъ громадныя выгоды общиннаго пользованія землею. „Общественное владѣніе, — говоритъ онъ, — имѣетъ нѣкоторыя неудобства, конечно, но имѣетъ также большія выгоды. Всѣ частныя дѣйствія направлены духомъ общественности, и при онемъ не можетъ быть нищихъ. Всякій сохраняетъ свое право на участокъ земли, какъ бы ни увеличилось населеніе, а тунеядцевъ общественная власть принуждаетъ къ работѣ". При такихъ взглядахъ понятно, что авторъ совѣтуетъ дозволить крестьянамъ покупать земли цѣлымъ обществомъ [1]). Къ изложенному мнѣнію смоленскаго помѣщика присоединена „бумага, поданная правительству", съ заявленіемъ о желаніи освободить крестьянъ; и здѣсь, повторяя уже извѣстныя намъ условія освобожденія, составитель настаиваетъ на важности общиннаго землевладѣнія. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Впрочемъ, я готовъ принять всякія постановленія, основанныя на *взаимной пользѣ* крестьянъ и помѣщика и не лишающія послѣдняго его собственности, состоящей *въ землѣ*" [2]).

Сопоставивъ этотъ проектъ съ тѣмъ, что сообщаетъ о своихъ планахъ освобожденія крестьянъ декабристъ Якушкинъ, также смоленскій помѣщикъ, мы придемъ къ убѣжденію, что этотъ проектъ принадлежитъ ему: изъ его записокъ намъ извѣстна и дальнѣйшая судьба его попытки освободить крестьянъ. Послѣ того, какъ онъ послалъ заявленіе о томъ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву, вяземскій предводитель дворянства получилъ изъ министерства предписаніе потребовать отъ Якушкина свѣдѣнія, на какихъ условіяхъ хочетъ онъ сдѣлать своихъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами и сколько земли передаетъ онъ имъ; потомъ опросить крестьянъ, согласны ли они вступить въ новое званіе на предложенныхъ помѣщикомъ условіяхъ, словомъ, исполнить предписанія закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Якушкинъ жалуется, что въ министерствѣ не обратили вниманія „на смыслъ его просьбы": этотъ укоръ несправедливъ: такъ какъ законъ допускалъ освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами только на основаніяхъ, установленныхъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ, то министерству не оставалось ничего другаго, какъ примѣнить эти правила и въ данномъ случаѣ, т. е., между прочимъ, спросить согласія у самихъ крестьянъ, изъ бесѣды съ которыми Якушкинъ

---

[1]) Указомъ 17[illegible] г. [illegible] крестьянамъ дозволено было покупать у помѣщиковъ [illegible]; указомъ 1801 г. дозволено крестьянамъ вообще пріобрѣтать [illegible] земли, [illegible] тутъ уже не упоминается о покупкѣ ихъ цѣлыми обществами.

[2]) „Русск. Арх." 1865 г., стр. 1373—79.

могъ убѣдиться въ огромной важности этого требованія. Когда онъ объяснилъ имъ подробно свои планы и когда они узнали, что помѣщикъ предполагаетъ оставить землю въ своей собственности, они сказали: „Ну, такъ, батюшка, оставайся все по старому: мы ваши, а земля наша"—и не поддались никакимъ увѣщаніямъ. Не теряя, однако, надежды, что крестьяне современемъ примирятся съ условіями, имъ предложенными, Якушкинъ въ началѣ 1820 г. отправился въ Петербургъ; тутъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Н. Тургенева онъ явился къ Джунковскому, директору департамента, въ которомъ было его дѣло, и, узнавъ изъ бесѣды съ нимъ, какъ незначительно число крестьянъ, освобожденныхъ по учрежденію о вольныхъ хлѣбопашцахъ, еще болѣе убѣдился, что нельзя разсчитывать на законъ 1803 г., какъ на средство уничтоженія крѣпостнаго права въ Россіи. Джунковскій „бывалъ заграницей, имѣлъ претензіи человѣка европейскаго [1] и потому, — замѣчаетъ Якушкинъ съ своей позднѣйшей точки зрѣнія, — освобожденіе крестьянъ, которымъ не предоставлялось земли въ собственность, нисколько не возмущало его"; признавая, что въ предлагаемомъ способѣ много дѣльнаго, онъ, однако, увѣрялъ, что новый министръ гр. Кочубей (смѣнившій Козодавлева въ ноябрѣ 1819 г.) не согласится ни на волосъ отступить отъ правилъ 1803 г., составленныхъ во время его перваго управленія министерствомъ. Добившись съ трудомъ свиданія съ самимъ министромъ, онъ услышалъ отъ него между прочимъ слѣдующее возраженіе: „Я нисколько не сомнѣваюсь въ добросовѣстности вашихъ намѣреній, — сказалъ ему Кочубей, — но если допустить способъ, вами предлагаемый, то другіе могутъ воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ обязанности относительно крестьянъ", на что Якушкинъ возразилъ, что и теперь это легко сдѣлать, продавши ихъ на свозъ. Тѣмъ не менѣе, Кочубей былъ правъ: допущеніе освобожденія крестьянъ съ одною усадебною землею могло бы весьма вредно отразиться на ихъ интересахъ, а указаніе на возможность продать крестьянъ для переселенія ничего не доказываетъ въ данномъ случаѣ. Въ томъ-то и заключается важное значеніе закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, несмотря на небольшіе видимые его результаты, что онъ охранилъ многихъ крѣпостныхъ отъ обезземеленія въ такую эпоху, когда, благодаря незрѣлости еще идеи объ освобожденіи съ земельнымъ надѣломъ, такое обезземеленіе могло быть совершено даже съ добрыми намѣреніями, какъ у Якушкина. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и въ своемъ весьма несовершенномъ видѣ проектъ Якушкина имѣетъ хорошія стороны, пригодныя для будущаго. Во-первыхъ, признаніе того принципа, что личную свободу крестьянинъ долженъ получить безъ всякой платы, — взглядъ, до котораго не возвысились многіе землевладѣльцы еще

[1]) См. о немъ выше, въ главѣ XXII

и въ первые годы царствованія императора Александра II: затѣмъ безплатное предоставленіе крестьянамъ усадебъ и выгоновъ и, наконецъ, признаніе необходимости сохранить общинное пользованіе землею.

Къ чести Якушкина слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что впослѣдствіи онъ самъ призналъ ошибочность своихъ прежнихъ взглядовъ, весьма умно указавъ въ то же время, въ своихъ запискахъ и на причины распространенности въ то время среди людей, истинно благонамѣренныхъ, мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ. „Вскорѣ потомъ я убѣдился,—говоритъ онъ,—что освобождать крестьянъ, не предоставивъ въ ихъ владѣніе достаточнаго количества земли, было бы только въ половину обезпечить ихъ независимость. Распредѣленіе поземельной собственности между крестьянами и общинное владѣніе ею составляютъ у насъ основныя начала, изъ которыхъ современемъ должно развиться все гражданское устройство нашего государства".

„Благомыслящіе люди или, какъ называли ихъ, „либералы",—продолжаетъ Якушкинъ,—болѣе всего желали уничтоженія крѣпостнаго состоянія и, при европейскомъ своемъ воззрѣніи на этотъ предметъ, были увѣрены, что человѣкъ, никому лично не принадлежащій, уже свободенъ, хотя и не имѣетъ никакой собственности. Ужасное положеніе пролетаріевъ въ Европѣ тогда еще не развилось въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ теперь, и потому возникшіе вопросы по этому предмету уже впослѣдствіи — тогда не тревожили даже самыхъ образованныхъ и благомыслящихъ людей. Крѣпостное же состояніе у насъ обозначалось на каждомъ шагу отвратительными своими послѣдствіями». Въ приведенныхъ словахъ сказываются результаты уже позднѣйшихъ наблюденій и размышленій, но что необходимость земельнаго обезпеченія крестьянъ Якушкинъ созналъ довольно скоро, видно изъ слѣдующихъ словъ его о жизни въ Жуковѣ въ 1824 и 1825 гг.: „Я пристально занялся сельскимъ хозяйствомъ и часть моихъ полей уже обработывалъ наемными людьми. Я могъ надѣяться, что, при улучшеніи состоянія моихъ крестьянъ, они скоро найдутъ возможность платить мнѣ оброкъ, *часть котораго ежегодно употреблялась бы на покупку той земли, какою они пользовались*, и что со временемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю" [1]. Слѣдовательно, въ это время онъ стремился къ замѣнѣ барщины оброкомъ съ цѣлью зачитывать часть оброка въ уплату за землю: тутъ уже были въ зародышѣ идеи крестьянской реформы 1861 г.: стоило только слить мысль Якушкина съ другою, уже высказанною тогда въ нѣкоторыхъ проектахъ о выкупной операціи при пособіи правительства. Впрочемъ, даже и при такой поправкѣ нуженъ былъ еще одинъ важный шагъ: признаніе такой операціи *обязательною*.

[1]) Записки Якушкина, изд. 2-е, 1875 г., стр. 39—50, 95.

Мы знаемъ содержаніе еще одного проекта неизвѣстнаго автора о постепенномъ улучшеніи быта крестьянъ, который, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ мало новаго. Въ немъ предлагают, во-первыхъ, дать нѣкоторыя права крестьянамъ, особенно право собственности на движимое имущество, а также право поступать по своему желанію въ солдаты, съ выдачею помѣщику зачетной рекрутской квитанціи; затѣмъ слѣдуетъ опредѣлить разные способы заключенія добровольныхъ условій между помѣщиками и крестьянами или для совершеннаго ихъ освобожденія, или для точнаго опредѣленія повинностей. Эти условія могутъ быть слѣдующія: 1) выкупъ семействъ безъ земли съ опредѣленіемъ максимума цѣнъ и съ облегченіемъ перехода въ города [1]; 2) исправленіе закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, съ дозволеніемъ отпускать крестьянъ на волю по духовнымъ завѣщаніямъ и пр.; 3) выкупъ цѣлыхъ селеній съ землею въ свободные хлѣбопашцы съ платежемъ помѣщику вѣчнаго непремѣннаго оброка по разсчету на хлѣбъ, вмѣсто уплаты капитала; 4) выкупъ отдѣльныхъ семей съ особо обмежеванною землею или съ платою вѣчнаго оброка и пр.; наконецъ, 5) условія крестьянъ съ помѣщиками о размѣрѣ повинностей на вѣчныя времена съ уплатою единовременно опредѣленной суммы за сдѣланное облегченіе, съ обязательствомъ со стороны господина не брать крестьянъ въ дворовые и со введеніемъ крестьянскихъ судовъ по образцу остзейскихъ провинцій: условія эти должны заключаться съ согласія крестьянъ и утверждаться правительствомъ. Авторъ надѣется, что всѣми этими способами, особенно послѣднимъ, будетъ произведена въ теченіе тридцати лѣтъ рѣшительная перемѣна въ положеніи крестьянъ. Какія мѣры принимать послѣ того — будетъ зависѣть отъ времени, но, по мнѣнію автора, должно имѣть въ виду слѣдующія главныя постановленія: 1) болѣе точное опредѣленіе положенія тѣхъ крестьянъ, съ которыми до тѣхъ поръ не будетъ заключено добровольныхъ сдѣлокъ, а потомъ и дарованіе имъ личной свободы, съ „наймомъ земли“ или „полученіемъ ея въ ограниченную собственность“; 2) опредѣленіе выкупа всѣхъ условленныхъ повинностей по извѣстной сложности, какъ цѣлыми обществами, такъ и семействами, съ полученіемъ земель въ собственность; 3) повсемѣстное учрежденіе крестьянскихъ судовъ безъ личнаго участія помѣщика въ судѣ и расправѣ надъ крестьянами; 4) „распредѣленіе земель въ твердые участки по семействамъ“ (т. е. уничтоженіе общиннаго землевладѣнія) и „ближайшее законодательство о крестьянской собственности“ и пр. [2]

---

[1] Размѣръ выкупа, назначенный авторомъ, еще выше предложеннаго Мордвиновымъ (отъ 18 до 40 лѣтъ 2000 р., отъ 40 до 60 1000 р., отъ 15 до 18 и выше 60 лѣтъ 600 р., ниже 15 лѣтъ 300 р.), съ тою только разницею что тутъ упомянуто объ освобожденіи отъ платы женщинъ.

[2] „Девятнадцатый Вѣкъ“, II, 152—155.

Въ этомъ проектѣ всего любопытнѣе то, что по истеченіи періода, опредѣленнаго авторомъ на добровольныя сдѣлки, онъ допускаетъ довольно энергическое вмѣшательство правительства для измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ и, между прочимъ, предлагаетъ дарованіе свободы съ предоставленіемъ земли въ ограниченную собственность, а также установленіе правилъ для выкупа повинностей и пріобрѣтенія земли въ собственность; но, все таки, видимо, автору болѣе близки остзейскія поземельныя отношенія, и онъ не понимаетъ особенностей нашего поземельнаго строя.

Мы видѣли, что къ 1819 и 1820 годамъ относится составленіе многихъ проектовъ по крестьянскому вопросу: это объясняется тѣмъ, что государь прямо выразилъ нѣсколькимъ лицамъ желаніе принять мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ. Какое волненіе среди дворянства произвели слухи объ этомъ, мы видѣли изъ писемъ Сперанскаго и Кристина и изъ свидѣтельства Канкрина: подобные же слухи сообщалъ Сперанскому и Кочубей въ апрѣлѣ 1819 г., когда онъ еще не сдѣлался вторично министромъ внутреннихъ дѣлъ. „Безпокойство насчетъ вольности крестьянъ,—писалъ Кочубей,—коего вы были въ продолженіи многихъ лѣтъ свидѣтелемъ, не уменьшается. Приписываютъ его величеству намѣреніе произвести оную по одиночкѣ въ губерніяхъ. Остзейскія губерніи получили уже преобразованіе. Витебская губернія, или нѣсколько уѣздовъ оныя, просятъ, чтобы по тому же примѣру было образовано сословіе крестьянъ. Въ виленской образуется также новый порядокъ вещей: сказываютъ, но за сіе я не ручаюсь, что псковская посредствомъ маркиза Паулуччи получитъ сообразное съ Лифляндіею для крестьянъ учрежденіе, между тѣмъ какъ полтавская и черниговская также объ ономъ просить будутъ, ибо все сіе производится посредствомъ добровольнаго желанія дворянства". Все это ничто иное, какъ „гаданіе многихъ, ибо если и существуетъ такое предположеніе, то оно составляетъ тайну государя, о коей никто ничего положительно не знаетъ" [1]. Тутъ любопытно приписываемое государю намѣреніе производить измѣненіе быта крестьянъ по отдѣльнымъ губерніямъ; оно подтверждается замѣчаніемъ имп. Александра Б[illegible] въ 1820 г. по поводу проектируемаго общества, что помѣщики, подписавшіе заявленіе, не принадлежатъ къ одной губерніи. Мы не имѣемъ другихъ свѣдѣній объ обсужденіи крестьянскаго вопроса въ губерніяхъ полтавской и черниговской; относительно виленской мы находимъ подтвержденіе въ замѣткахъ кн. Вяземскаго (1818 г.): „Въ Литвѣ", пишетъ онъ, „задумываютъ установить состояніе крестьянъ. Грабовскій подалъ просьбу о томъ государю. Боятся, чтобы эта свобода крестьянъ не была

[1]) „Въ память гр. М. М. Сперанскаго". Спб. 1872, стр. 160—61.

уловкою рабства пановъ... Хотятъ собрать по одному депутату съ уѣзда и рѣшить эту задачу [1])"; сообщеніе Кочубея, что витебская губернія или нѣсколько ея уѣздовъ просятъ устройства быта крестьянъ по примѣру Прибалтійскаго края, имѣетъ основаніе, хотя въ дѣйствительности дѣло происходило не въ цѣлой губерніи и даже не въ нѣсколькихъ уѣздахъ, а лишь въ одномъ динабургскомъ. Очевидно, примѣръ остзейскихъ бароновъ оказывался для многихъ соблазнительнымъ: послѣдніе годы царствованія императора Александра представляютъ въ высшей степени опасный моментъ для русскаго крѣпостнаго крестьянства: ему сталъ грозить въ это время призракъ обезземеленія.

По донесенію бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Виртембергскаго о намѣреніи дворянства динабургскаго уѣзда даровать право *личной* свободы своимъ крестьянамъ, въ февралѣ 1819 г. послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя герцога объ учрежденіи по выбору дворянъ коммиссіи для составленія положенія, подобнаго изданнымъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, и внесенія его затѣмъ, съ согласія уѣзднаго дворянскаго собранія, на утвержденіе государя. Коммиссія составила положеніе, по которому дворянство, сохраняя за собою право собственности на всю землю, отказывалось отъ владѣльческихъ правъ на крестьянъ, предоставляя впредь опредѣленіе взаимныхъ отношеній добровольнымъ условіямъ. Для постепеннаго перехода крестьянъ въ свободное состояніе было опредѣлено тринадцать лѣтъ, изъ которыхъ первые три года назначались для устройства мірскихъ обществъ и крестьянскихъ судовъ, для составленія инвентарей поземельныхъ повинностей и раздѣленія крестьянъ на классы, по которымъ, въ остальные затѣмъ годы, долженъ былъ совершиться постепенный переходъ всѣхъ крестьянъ въ свободное состояніе. Въ продолженіи этого періода крестьяне не могли оставлять

---

[1]) „Полн. Собр. Соч. кн. Вяземскаго", IX, 14, стр. 64. Авторъ одной статьи по исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи сообщаетъ слѣдующее: „Мая въ 1817 г., во время дворянскихъ выборовъ въ Вильнѣ, многіе уѣздные депутаты [illegible] въ собраніи о желаніи помѣщиковъ дать крестьянамъ свободу, а когда, по поводу сего желанія, послѣдовалъ, въ началѣ слѣдующаго 1818 года, высочайшій рескриптъ на имя литовскаго генералъ-губернатора Римскаго-Корсакова и собранію было предложено, кто изъ помѣщиковъ желаетъ уволить крестьянъ, а кто нѣтъ, то [illegible] едва [illegible] одинъ [illegible]. Сопротивленіе [illegible] что дѣло, которому суждено было [illegible] (Семевскій, „Къ вопросу о началѣ крестьянскаго дѣла", „Рус. Старина" 1885 г., № 12, стр. 546). Графъ Шуазель-Гуфье въ своихъ [illegible] говоритъ, что [illegible] готовность освободить крестьянъ была только видимая. „Но къ своемъ [illegible] императоръ Александръ чрезъ посредство генералъ-губернатора [illegible] дворянству великаго княжества Литовскаго освободить крестьянъ, оно отвѣтило уклончиво, что готово послѣдовать примѣру своихъ старшихъ братьевъ русскихъ" („Воспоминанія объ имп. Александрѣ I", стр. 226.

своего прихода, не имѣли права пріобрѣтать недвижимую собственность и обязаны были по прежнему исполнять господскія повинности. Затѣмъ, по свидѣтельству лицъ, имѣвшихъ возможность познакомиться съ положеніемъ, составленнымъ коммиссіей динабургскихъ дворянъ, содержащіяся въ немъ постановленія о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ, о раздѣленіи ихъ на мірскія общества, объ учрежденіи крестьянскихъ судовъ сходны въ главныхъ основаніяхъ съ остзейскими положеніями.

Выработанный коммиссіею проектъ былъ представленъ на разсмотрѣніе общаго собранія дворянъ динабургскаго уѣзда, въ которомъ лишь небольшая часть подтвердила сдѣланный прежде вызовъ, а остальное дворянство рѣшительно отказалось отъ какихъ-либо ограниченій въ правахъ на владѣніе крестьянами. Съ такими отзывами положеніе это было представлено въ 1824 г. государю генералъ-губернаторомъ кн. Хованскимъ. Въ 1829 г. дѣло это разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ, а въ слѣдующемъ—вновь въ собраніи динабургскихъ дворянъ, гдѣ опять произошло разногласіе, и, повидимому, все это дѣло осталось, къ счастью для крестьянъ, безъ всякихъ послѣдствій [1]).

---

[1]) „Историческій Вѣстникъ", т. II, 155—157. „Сборникъ Археологическаго Института", кн. I. Спб. 1878 г., стр. 12—13.

ГЛАВА XXVI.

Обсужденіе крестьянскаго вопроса въ государственномъ совѣтѣ въ 1820 г.

Борьба между консервативными и либеральными мнѣніями велась не только въ литературѣ или по поводу произведеній, посвященныхъ крестьянскому вопросу; не ограничивалась горячими устными спорами въ обществѣ, которыми особенно отличался въ этомъ отношеніи Петербургъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, сторонники того и другаго направленія переносили борьбу и въ тѣ правительственныя учрежденія, въ которыхъ имъ приходилось служить. Мы познакомились уже со спорами по крестьянскому вопросу въ первое время царствованія императора Александра въ государственномъ совѣтѣ; нѣкоторые дѣятели, какъ Лопухинъ и Козодавлевъ, имѣли случаи высказывать свои взгляды и въ сенатѣ; но наибольшій интересъ для насъ имѣютъ пренія, происходившія въ 1820 г. по тому же вопросу, которымъ государственный совѣтъ былъ занятъ и девятнадцать лѣтъ тому назадъ, именно — по вопросу о продажѣ крестьянъ безъ земли. Поводомъ для этого послужило слѣдующее:

Коллежскій ассессоръ Лупандинъ продалъ по одиночкѣ изъ своей вотчины 20 женщинъ (3 вдовы и 17 дѣвушекъ), и еще одну подарилъ, вслѣдствіе чего Милорадовичъ приказалъ взять его имѣніе въ опеку; штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиночкѣ дѣвушекъ, составилъ изъ нихъ у себя гаремъ; статская совѣтница Полонская продала своего двороваго съ женою и малолѣтнею дочерью, а старшую дочь оставила у себя. На эти случаи пріобрѣтенія и отчужденія людей безъ земли, иногда съ разлученіемъ семей, обратилъ серьезное вниманіе петербургскій военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, раздѣлявшій, какъ мы знаемъ, либеральныя мнѣнія въ крестьянскомъ вопросѣ, и, принявъ мѣры къ пресѣченію указанныхъ злоупотребленій, сдѣлалъ государю представленіе о запрещеніи продажи людей безъ земли и по одиночкѣ. Въ то же время, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ результатъ слѣдствія по двумъ жалобамъ, поданнымъ государю крестьянами саратовской помѣщицы Кирѣевой, которая, заключивъ съ ними домашнее условіе объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы и получивъ часть денегъ (14,800 р.) впередъ, вслѣдствіе невнесенія ими къ сроку остальной суммы, удержала эти деньги и еще сверхъ того, продала 26 человѣкъ раз-

нымъ лицамъ обоего пола по одиночкѣ (которыхъ саратовское губернское правленіе велѣло отобрать отъ покупщиковъ и возвратить ихъ на прежнее мѣсто жительства). Комитетъ министровъ препроводилъ записки Милорадовича и Кочубея въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта, который, въ свою очередь, въ засѣданіи 12 февраля 1820 г. отправилъ ихъ въ коммиссію составленія законовъ для разсмотрѣнія вмѣстѣ со всѣмъ производствомъ по этому дѣлу.

Въ томъ же году еще одинъ фактъ обратилъ вниманіе государя на продажу людей безъ земли. Въ Петербургѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, на чугунный заводъ Берда было привезено 50 мужчинъ и 39 женщинъ, проданныхъ его владѣльцу псковскимъ помѣщикомъ Креницынымъ. Крестьяне эти подали жалобу государю, который, получивъ ее заграницей, приказалъ комитету министровъ сдѣлать „законное положеніе" о помѣщикѣ Креницынѣ. Комитетъ нашелъ, что Креницынъ по нашимъ законамъ имѣлъ право поступить такимъ образомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановилъ испросить высочайшее повелѣніе, чтобы государственный совѣтъ какъ можно скорѣе занялся разсмотрѣніемъ существующихъ по этому предмету законовъ. Въ засѣданіи 28 сентября комитету было объявлено желаніе государя, чтобы ему былъ представленъ экстрактъ изъ всѣхъ относящихся сюда законовъ, «ибо его величество изволитъ полагать, *что продажа людей безъ земли рѣшительно было уже запрещена*» (вѣроятно, государь считалъ запрещеніе торговли людьми на ярмаркахъ, изданное въ 1808 г., за запрещеніе всякой продажи ихъ безъ земли). Комитетъ министровъ постановилъ, чтобы коммиссія составленія законовъ и министръ юстиціи внесли въ комитетъ выписки изъ всѣхъ законовъ по этому предмету. Такимъ образомъ, вопросъ о продажѣ людей безъ земли былъ вновь поставленъ въ правительственныхъ сферахъ: и государственный совѣтъ, и комитетъ министровъ потребовали, чтобы имъ занялась коммиссія составленія законовъ. Александръ Ив. Тургеневъ, исполнявшій обязанности статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта и, въ то же время, служившій въ коммиссіи законовъ, просилъ своего брата, извѣстнаго автора „Теоріи налоговъ", принять участіе въ составленіи проекта новаго закона, который и былъ представленъ отъ имени коммиссіи въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта.

Въ мотивахъ этого проекта, прежде всего, высказывается мнѣніе, что по нашимъ законамъ никогда не дозволялось продавать крестьянъ, приписанныхъ къ населеннымъ [illegible] отдѣльно и безъ земли [1], и что это вошло въ обычай отъ неправильнаго пониманія или превратнаго толкованія закона, которымъ позволялось продавать только „старинныхъ полныхъ или докладныхъ холоповъ". Съ [illegible] начала проистекать великое зло. „Не упоминая уже о томъ, сколь такая продажа людей лично по одиночкѣ, съ разлученіемъ многихъ отъ [illegible], или [illegible] животныхъ, [illegible] духу нынѣ-

1) [illegible] Тургенева, 2 [illegible] 1870 г., стр. [illegible] 195.

наго времени и унизительна для самого человѣчества, она имѣетъ еще и многія другія неудобства, весьма вредныя для пользы государства и для благосостоянія нѣсколькихъ милліоновъ подданныхъ". Не даромъ ее „старался отвращать" еще Петръ I извѣстнымъ указомъ 1721 г. статсъ-секретарю Макарову. На основаніи этихъ соображеній, коммисія предлагаетъ дозволить продажу, закладъ и укрѣпленіе крестьянъ не иначе, какъ цѣлыми селеніями, со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ; сдѣлать общую перепись дворовыхъ и запретить впредь брать крестьянъ во дворъ, наоборотъ, не запрещать дѣлать дворовыхъ крестьянами выдачею дворовой дѣвушки замужъ за крестьянина или надѣленіемъ двороваго участкомъ земли. Впредь дворовыхъ слѣдуетъ приписывать только къ деревнямъ, а не къ городскимъ домамъ, и подати должны платить за нихъ не крестьяне, а сами помѣщики. Предлагая постановить, чтобы дворовые могли переходить въ „постороннія руки" не иначе, какъ вмѣстѣ съ селеніемъ, къ которому они приписаны, коммисія сдѣлала, однако, уступку существовавшимъ въ то время обычаямъ и предлагала дозволить продавцу при совершеніи крѣпости выключать изъ продажи всѣхъ или нѣсколькихъ дворовыхъ, а также отдавать ихъ въ наслѣдство и приданое отдѣльно отъ селенія, къ которому они приписаны, съ условіемъ, чтобы не разлучались жены отъ мужей и дѣти отъ родителей: мальчики до совершеннолѣтія, а дѣвушки до замужества. Дворовыхъ людей, принадлежащихъ дворянамъ, не имѣющимъ собственныхъ деревень, на первый разъ нужно попрежнему приписывать къ городскимъ домамъ, но ихъ нельзя будетъ продавать и они могутъ переходить отъ одного владѣльца къ другому не иначе, какъ по законному наслѣдству или по раздѣлу, или отдачею въ приданое за дочерьми, но отнюдь не по завѣщаніямъ въ пользу постороннихъ лицъ или другимъ сдѣлкамъ. Имѣя въ виду, что положеніе крѣпостныхъ всего тяжелѣе у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, коммисія предложила, чтобы имѣніе въ нѣсколько сотъ душъ крестьянъ не могло быть отчуждаемо частями менѣе ста душъ, гдѣ же, въ которыхъ общее число крестьянъ ниже этого количества, не иначе, какъ въ полномъ составѣ. Переселеніе крестьянъ правительство должно разрѣшать лишь по представленіи удостовѣренія, что въ новомъ помѣстьѣ владѣлецъ устроилъ крестьянскіе дома и другія хозяйственныя заведенія, необходимыя для крестьянъ, и что они будутъ пользоваться тамъ не меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ на прежнемъ мѣстѣ жительства. Крѣпостныхъ, относительно которыхъ будутъ нарушены установленныя правила, коммисія предлагала объявлять свободными. Въ заключеніе было замѣчено, что только изданіемъ такого закона можетъ быть исполнено намѣреніе имп. Петра I; если законодательство XIX в. не можетъ идти далѣе законодательства XVIII столѣтія, то оно, „по крайней мѣрѣ, не должно отставать отъ него".

Департаментъ законовъ государственнаго совѣта состоялъ въ то время изъ предсѣдателя В. С. Ланскаго, черезъ три года послѣ того назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ив. Б. Пестеля и, наконецъ, знакомаго уже намъ своими крѣпостническими взглядами и, въ то же время, гуманнѣйшаго помѣщика, адмирала Шишкова. По прочтеніи проекта, — замѣчаетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, — „[illegible] почувствовалъ, до какой степени простиралась охота и свобода законодательствовать. Каждый мальчикъ выдавалъ себя за Ликурга и Солона". Любопытно, что либеральныя мнѣнія были въ это время настолько распространены въ обществѣ, что даже человѣкъ, столь горячо стоявшій за свои убѣжденія, какъ Шишковъ, считалъ не совсѣмъ безопаснымъ бо-

ротьея съ ними. „Хотя въ семъ проектѣ,—говоритъ онъ,—и явно было соединеніе неосновательности съ дерзкою безразсудностью новомыслія, но вооружаться противъ сего, по причинѣ весьма распространившагося, даже и между женщинами, въ томъ предубѣжденія, требовало не малой осторожности". Онъ, все-таки, вызвался написать мнѣніе о представленномъ проектѣ; но, зная что прекращенія продажи людей безъ земли желаетъ самъ государь, Шишковъ, чтобы оградить себя въ томъ случаѣ, если его записка не будетъ принята товарищами, предполагалъ предоставить на усмотрѣніе государя, подавать ли ему свое мнѣніе, и уже заготовилъ съ этою цѣлію письмо къ императору, но оно оказалось ненужнымъ, такъ какъ департаментъ законовъ одобрилъ замѣчанія Шишкова и подалъ ихъ въ общее собраніе государственнаго совѣта отъ своего имени.

Шишковъ, прежде всего, полемизируетъ съ Петромъ I по поводу выраженія въ его указѣ 1721 г., что въ „Россіи продаютъ людей, какъ скотовъ"; „сего выраженія,—замѣчаетъ онъ,—никакимъ образомъ въ настоящемъ смыслѣ принять не можно: ибо въ Россіи продаются люди, какъ люди, а не какъ скоты"; затѣмъ онъ доказываетъ, что нашими законами только ограничивается въ извѣстныхъ отношеніяхъ но вовсе не запрещается продажа людей безъ земли; особенно же возмутило его замѣчаніе коммиссіи законовъ, что продажа людей по одиночкѣ съ разлученіемъ родителей съ дѣтьми „на подобіе безсловесныхъ животныхъ несоотвѣтственна духу нынѣшняго времени и унизительна для самого человѣчества". Онъ спрашиваетъ: „почему продажа нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ предпочитается продажѣ одного человѣка и по какимъ причинамъ первая свойственна *духу нынѣшняго времени*, а вторая несвойственна и равняется продажѣ *безсловесныхъ животныхъ*?" Шишковъ указываетъ на то, что иногда для самихъ крестьянъ будетъ полезно, если малоземельный помѣщикъ продастъ ихъ такому, которому не хватаетъ рукъ для обработки земли; подобно Карамзину, онъ полагаетъ, что продажа людей безъ земли полезна и для отбыванія рекрутской повинности, такъ какъ даетъ возможность замѣнить отца семейства купленнымъ одинокимъ человѣкомъ. „Выраженіе, что продажа безъ земли и порознь *несоотвѣтственна духу нынѣшняго времени*,—продолжаетъ онъ,—есть неопредѣленное и съ силою законовъ несовмѣстное. Подъ словомъ *духъ времени* часто разумѣется общее стремленіе къ своевольству и неповиновенію. Департаментъ подобныхъ выраженій къ сужденіямъ своимъ принимать не можетъ, ибо мнитъ, что гдѣ правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени ими.... Что такая продажа унизительна для самого человѣчества, есть также не основанное на истинѣ [illegible] заключеніе.... Утверждать, что человѣкъ, приписанный къ землѣ, составляетъ вмѣстѣ съ нею собственность владѣльца и тогда продается, какъ разумное существо, а отдѣльно отъ нея, какъ вещь или безсловесное живот-

ное, есть несроднымъ образомъ человѣка смѣшивать и соединять съ землею или животными. Напротивъ, уничижительно для человѣка, когда благосостояніе и честь его не въ немъ одномъ ограничиваются, а соединенно съ кускомъ земли или чего иного,—когда полагается, что онъ безъ земли уже не человѣкъ и долженъ непремѣнно, какъ бы дерево, посаженъ быть въ оную, дабы пребывать на ней неподвижно". Не ограничиваясь этими курьезными возраженіями, Шишковъ указываетъ и на возможность обхода закона посредствомъ продажи людей съ небольшими клочками земли (забывая, однако, что проектъ допускаетъ продажу только цѣлыми селеніями) или обратной покупки той земли, съ какою проданы были крѣпостные. Въ разлученіи семей при продажѣ, Шишковъ также не видитъ ничего ужаснаго, такъ какъ разлука родственниковъ составляетъ необходимое въ жизни зло: дочь выходитъ замужъ, сынъ женится или по другимъ причинамъ оставляетъ отца. При рекрутскихъ наборахъ также разлучаются семьи. „Человѣчество, конечно, страждетъ, но развѣ бы оно меньше страдало, когда бы по неимѣнію войскъ пришли непріятели и предали всѣхъ огню и мечу?" Шишкова при этомъ не останавливаетъ соображеніе, что защита отечества съ оружіемъ въ рукахъ — печальная необходимость при нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи, а разлученіе семей при продажѣ можно прекратить силою закона.

Это мнѣніе Шишкова было внесено отъ имени департамента въ общее собраніе государственнаго совѣта, гдѣ и прочитано 20 октября. По его собственному свидѣтельству, оно произвело на большинство членовъ неблагопріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые молчали; другіе „съ насмѣшкою улыбались; третьи сидѣли надувшись; иные при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ говорили сосѣдямъ своимъ, кто по русски: это пустое краснорѣчіе! кто по французски: ce sont des phrases! Но многіе, однакожъ (по несчастью меньше значащіе), съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали мнѣ руку или шептали мнѣ на ухо похвалу". Н. И. Тургеневъ также свидѣтельствуетъ, что большинство государственнаго совѣта, казалось, было расположено принять проектъ. Рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія, которое состоялось лишь 29 ноября.

Въ этомъ засѣданіи было прочитано, прежде всего, мнѣніе гр. Литты, высказавшагося противъ проекта закона: онъ замѣтилъ, что нужно ограничиться рѣшеніемъ относительно тѣхъ частныхъ злоупотребленій, которыя указаны въ запискахъ Милорадовича и Кочубея; что же касается желанія нѣкоторыхъ господъ составлять новые законы, то, если послѣдуетъ на это высочайшее соизволеніе, слѣдуетъ предоставить каждому сколько ему угодно времени для составленія ихъ съ объясненіями и доказательствами преимущества новыхъ постановленій. Государственный контролеръ Кампенгаузенъ не согласился съ мнѣніемъ департамента за-

коновъ, что между продажею людей съ землею и безъ земли нѣтъ никакого различія. „Право продажи или уступки людей безъ земли —говорилъ онъ,—есть рабственное состояніе, и если владѣлецъ не можетъ поступать съ... своими людьми по произволу, то это доказываетъ только, что рабственное состояніе ихъ имѣетъ ограниченія. Напротивъ того, право продажи и уступки людей съ землею не иное что есть, какъ право продажи и уступки собственно земли, а относительно людей доказываетъ только крѣпостное ихъ состояніе по землѣ (glebae adscriptio)". По его мнѣнію полезно уничтожить продажу и уступку людей безъ земли, если только это можно сдѣлать безъ большаго потрясенія но, въ то же время, онъ признавалъ, что проектъ, составленный коммисіею, требуетъ измѣненій и пополненій и что, не разсмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, нельзя обнародовать его, такъ какъ крестьяне сочтутъ его полнымъ освобожденіемъ и будутъ обвинять начальство въ томъ, что оно скрываетъ настоящіе законы: въ видѣ же временной мѣры онъ предложилъ, чтобы съ соизволенія государя министръ юстиціи предписалъ всѣмъ гражданскимъ палатамъ пріостановиться совершеніемъ купчихъ на продажу и уступку людей безъ земли. Министръ юстиціи, князь Лобановъ-Ростовскій, замѣтилъ, что дозволеніе продавать и покупать людей безъ земли и поодиночкѣ заключается въ указѣ 1688 г., которымъ было дано право поступаться, вмѣсто бѣглыхъ, помѣстными и вотчинными крестьянами по сдѣлочнымъ записямъ и всякимъ крѣпостямъ. Но хотя дворянство можетъ на основаніи закона продавать людей по одиночкѣ и безъ земли, все-таки было бы желательно запретить при этомъ, по крайней мѣрѣ, разлученіе семей подъ страхомъ отобранія крѣпостныхъ въ казну. Тутъ же упомянемъ, кстати, и о мнѣніи по этому предмету адмирала Мордвинова, написанномъ черезъ нѣсколько дней послѣ засѣданія [1]) и поданномъ при подписаніи журнала въ слѣдующемъ общемъ собраніи государственнаго совѣта (8 декабря), сущность котораго онъ вѣроятно высказывалъ на словахъ и въ засѣданіи 29 ноября, отличавшемся вообще весьма оживленнымъ и даже бурнымъ характеромъ. Здѣсь Мордвиновъ проводилъ мысль, что, при недостаточномъ населеніи Россіи, при ея обширности, разнообразіи почвы и климата, при маломъ развитіи просвѣщенія и недостаткѣ капиталовъ, зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть для общаго благосостоянія въ высшей мѣрѣ, нежели существуетъ она въ Англіи, Швейцаріи и Италіи", но, въ то же время, она не должна быть неограниченною. Вообще, сочувствуя мнѣнію Шишкова по вопросу о продажѣ крестьянъ безъ земли, онъ желалъ, однако, чтобы изданные до тѣхъ поръ законы для огражденія крѣпостныхъ отъ злоупотребленія помѣщичьею властью были собраны и вновь разсмотрѣны; въ случаѣ недо-

[1]) См. „Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс." 1859 г., т. II, смѣсь, стр. 1—4.

статочности и неопредѣленности, ихъ нужно „пополнить и усовершить", въ противномъ же случаѣ подтвердить генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и дворянскимъ предводителямъ, чтобы ихъ строго исполняли; а чтобы мѣстныя власти не притѣсняли помѣщиковъ, слѣдуетъ точно обозначить случаи, когда на основаніи закона ихъ имѣнія отдаются въ опеку или конфискуются. Такимъ образомъ Мордвиновъ допускалъ на этотъ разъ даже дополненіе законовъ, ограничивающихъ крѣпостное право, но трудно представить себѣ, на какія ограниченія его онъ могъ бы согласиться, если, при всемъ своемъ либерализмѣ на англійскій образецъ, онъ не находилъ даже возможнымъ запретить продажу людей по одиночкѣ. Онъ могъ, впрочемъ, утѣшиться тѣмъ, какъ это видно изъ его отзыва по поводу возраженій на его же мнѣніе о продажѣ крестьянъ безъ земли, что, хотя въ Англіи мужъ можетъ продать свою жену въ торговый день на рынкѣ съ веревкою на шеѣ и можетъ наказывать ее, только не ломая реберъ, но она, все-таки, не составляетъ *собственности* мужа, а только *зависима* отъ него, какъ и наши крестьяне зависимы отъ помѣщика, подвластны ему, но онъ не имѣетъ надъ ними права собственности, какъ надъ вещью.

Въ томъ же засѣданіи 20 ноября министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей, подошелъ къ Н. И. Тургеневу и сказалъ: „Представьте себѣ: императоръ увѣренъ, что уже двадцать лѣтъ въ его государствѣ не существуетъ розничной продажи людей". Между тѣмъ, замѣчаетъ Тургеневъ, „напротивъ самаго зимняго дворца въ с.-петербургскомъ губернскомъ правленіи отъ времени до времени продаютъ на основаніи закона человѣческое мясо. Имѣніе несостоятельнаго должника, владѣющаго крѣпостными, продаютъ съ публичнаго торга, какъ и все его имущество. Почти въ то самое время, когда шли вышеизложенныя пренія въ государственномъ совѣтѣ, „одна старуха была продана такимъ образомъ за 2 р. 50 к., и это въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что розничная продажа людей уже давно запрещена... Добрый и честный Каподистрія, услышавъ объ этой продажѣ, задрожалъ отъ ужаса, сказалъ что императоръ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о такихъ чудовищныхъ вещахъ и обѣщалъ сообщить ему объ этомъ".

Возраженія департамента законовъ на проектъ коммиссіи, прочитанныя въ засѣданіи 20 октября, не остались безъ отвѣта въ слѣдующемъ засѣданіи (20 ноября) гдѣ было выслушано отношеніе предсѣдателя государственнаго совѣта, главноуправляющаго коммиссіею законовъ, съ объясненіями совѣта этой коммиссіи. На указанія Шишкова [1], ему, между

[1] При томъ спокойствіи, въ которомъ пребываетъ Россія, говоритъ онъ, „на что перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуда

прочимъ, отвѣчали, что предложенныя измѣненія настоятельно вызываются неясностью и неопредѣленностью существующаго законодательства, что эти измѣненія не имѣли и не могли имѣть никакой связи съ политическими революціями того времени въ Западной Европѣ и что мысль о нихъ не могла быть заимствована изъ тѣхъ странъ, волненія въ которыхъ привлекали тогда общественное вниманіе, т. е. изъ Испаніи и Неаполя, такъ какъ ни та, ни другая страна не отличались развитіемъ своихъ школъ и особеннымъ просвѣщеніемъ. Этотъ небольшой отрывокъ изъ возраженій коммиссіи замѣчаетъ Тургеневъ, „наглядно показываетъ, каково было тогда въ Россіи положеніе тѣхъ, которые требовали, даже съ одобренія самодержавной власти, самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, совершенно лишенныхъ покровительства закона, какимъ подозрѣніямъ и обвиненіямъ подвергались они, желая нѣсколько облегчить ужасное положеніе рабовъ“.

Возраженія коммиссіи департаменту законовъ были очень благопріятно встрѣчены въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Тогда раздраженный Шишковъ потребовалъ объясненія, отъ чьего имени представляется такой неприличный отвѣтъ департаменту законовъ, на что предсѣдатель государственнаго совѣта, кн. Лопухинъ, отвѣчалъ, что онъ написанъ и внесенъ имъ самимъ. Шишковъ отлично понималъ, что Лопухинъ только прикрылъ своимъ именемъ произведеніе авторовъ проекта. „Удивясь, по его словамъ, такому, въ семидесятилѣтнемъ старикѣ, изъ угожденія оказываемому покровительству столь вреднаго и безразсуднаго новомыслія“, Шишковъ отвѣчалъ: „ежели такъ, то желалъ бы я имѣть сію бумагу, дабы, какъ на частное мнѣніе члена, изъявить мое частное же мнѣніе, и готовъ просить о томъ, чтобы возраженія наши другъ противъ друга были напечатаны и отданы на судъ цѣлаго свѣта“. Поднялись горячія пренія, среди которыхъ одни не слушали, что говорятъ другіе. Наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, вторично послѣ предсѣдателя, высказалъ, что нынѣшнее правительство съ самаго начала всегда поддерживало „либеральныя идеи, принятыя по всей Европѣ, что прежній образъ мыслей во многомъ измѣнился, что въ XIX вѣкѣ нельзя держаться правилъ стараго времени“ и пр., а заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что считаетъ необходимымъ разсмотрѣть еще разъ проектъ въ министерствѣ и что тогда представитъ свое мнѣніе по сему предмету. Рѣшено было отложить обсужденіе этого дѣла до полученія отзывовъ отъ членовъ совѣта. По свидѣтельству Шишкова, когда

[illegible] не училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ [illegible] видомъ сво[illegible] умъ [illegible] ученія возбуждающія наглости страстей наиболѣе господствуютъ“.

Кочубея спросили, скоро ли онъ представитъ свое мнѣніе, онъ отвѣчалъ: „Я не могу опредѣлить времени: можетъ быть, черезъ два, три, пять и болѣе мѣсяцевъ, а можетъ быть, и болѣе“. Обстоятельство это тѣмъ прискорбнѣе, что, по словамъ Тургенева, большинство общаго собранія совѣта было за принятіе проекта коммиссіи законовъ, или, если допустить, что онъ нѣсколько увлекается въ столь дорогомъ для него дѣлѣ, было, по крайней мѣрѣ, склонно принять тѣ или другія мѣры для прекращенія торговли людьми безъ земли. Сообщая о поступкѣ Кочубея, Тургеневъ замѣчаетъ: „Между тѣмъ, это былъ человѣкъ просвѣщенный который, повидимому, не былъ способенъ, какимъ бы то ни было образомъ, благопріятствовать рабству“. Дѣйствительно, мы видѣли, что еще въ самомъ началѣ царствованія имп. Александра, въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, гр. Кочубей высказывалъ мнѣніе о необходимости принять мѣры для ограниченія крѣпостнаго права. Въ письмѣ къ Сперанскому, написанному въ апрѣлѣ 1819 г., сообщая о различныхъ слухахъ относительно намѣренія государя осуществлять крестьянскую реформу постепенно въ различныхъ губерніяхъ (см. выше), Кочубей выражается еще рѣшительнѣе: „Но существуетъ ли предположеніе сіе или нѣтъ, я тѣхъ мыслей, что несравненно бы лучше произвести, съ надлежащими осторожностями, общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ, нежели возбуждать ежеминутно новые толки и новыя неудовольствія... Я составилъ давно по сему предмету записку, которую долженъ представить государю, и ожидаю только, чтобы онъ назначилъ мнѣ для сего часъ, который улучить чрезмѣрно трудно[1]“. Эти слова отчасти подтверждаютъ попытку Тургенева объяснить поведеніе Кочубея въ государственномъ совѣтѣ: „Быть можетъ, — говоритъ онъ, — продолжительный опытъ заставилъ его съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относиться ко всѣмъ этимъ пробамъ реформы, ко всѣмъ этимъ усиліямъ, столь же безсильнымъ и безплоднымъ, какъ и недостаточно серьезнымъ для излеченія гигантскаго зла“. Но это, все-таки, не оправдываетъ роли въ данномъ случаѣ гр. Кочубея, который самъ, своею запискою, представленною въ комитетъ министровъ, отчасти содѣйствовалъ возбужденію вопроса о запрещеніи продажи людей порознь и безъ земли: можно было находить недостаточными отдѣльныя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права, но если чувствуешь невозможность провести общую реформу, то нельзя было не поддержать всею силою своего вліянія частную мѣру, цѣлью которой было уничтоженіе одного изъ самыхъ вопіющихъ проявленій крѣпостнаго права[2]. Всего

---

[1]) „Въ память гр. Сперанскаго“. Спб. 1872 г., стр. 161.

[2]) За нѣсколько дней до злополучнаго засѣданія государственнаго совѣта коммиссія законовъ, въ отвѣтъ на предъявленное ему въ концѣ сентября требованіе комитета министровъ о представленіи выписокъ изъ всѣхъ нашихъ законовъ относительно продажи

вѣроятнѣе, что уклончивое поведеніе Кочубея въ данномъ случаѣ объясняется несочувствіемъ, высказаннымъ въ томъ же году государемъ проекту кн. Воронцова и кн. Меншикова объ учрежденіи общества съ цѣлію освобожденія крестьянъ.

крестьянъ безъ земли, составилъ (26 ноября 1820 г.) обширную записку, въ которой еще разъ излагалъ доводы, что продажа крестьянъ порознь и безъ земли никогда не была дозволена нашими законами и что продажа ихъ порознь была даже прямо воспрещена, хотя и существуетъ на практикѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой записки прямо видна рука Н. И. Тургенева. Разсказъ объ эпизодѣ, описанномъ въ настоящей главѣ, основанъ на слѣдующихъ источникахъ: „Архивъ Государственнаго Совѣта“, т. IV, ч. 2, стр. 326—348. „Записки Шишкова“, Берл. 1870 г., т. II, 100—131, „Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1859, т. II. Смѣсь, стр. 1—4. *Tourgueneff*, „La Russie et les Russes“, II, 72—80. „Древняя и Новая Россія“, 1876 г. № 9, стр. 63—73.

ГЛАВА XXVII.

Что сдѣлано было въ царствованіе императора Александра I для ограниченія крѣпостнаго права.

Серьезное обсужденіе крестьянскаго вопроса началось съ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II; въ теченіе тридцати лѣтъ ея царствованія лучшіе представители русскаго общества успѣли высказать много разумныхъ предложеній для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Всего чаще въ различныхъ мнѣніяхъ и проектахъ того времени мы встрѣчаемся съ требованіемъ запретить продажу людей порознь съ разлученіемъ семей; дѣйствительно, эта мѣра была настоятельно необходима въ виду того, что въ это время стали даже выводить толпы людей для продажи на рынкѣ. Затѣмъ, многіе признавали необходимымъ точное опредѣленіе повинностей крѣпостныхъ, желали предоставить крестьянину право жаловаться на помѣщика, право жениться по своему усмотрѣнію, безъ платы выводныхъ денегъ, право собственности на движимое имущество, наслѣдственное владѣніе землею подъ условіемъ исправнаго отбыванія лежащихъ на нихъ повинностей и право выкупаться на свободу за опредѣленную сумму. Были также желающіе опредѣлить, какимъ наказаніямъ могъ господинъ подвергать своихъ крестьянъ, и запретить продажу крестьянъ безъ земли. Замѣчательный планъ цѣлаго ряда мѣропріятій для постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ сочиненіи Радищева. Несмотря на все это, ни одна изъ названныхъ выше мѣръ не была осуществлена. Полное освобожденіе крестьянъ въ то время при совершенной неподготовленности общества къ столь значительной реформѣ было дѣйствительно невозможно, но ограниченіе въ томъ или другомъ отношеніи чрезмѣрно разросшейся власти помѣщиковъ надъ крѣпостными являлось насущною потребностью государства.

При императорѣ Павлѣ, въ виду цензурныхъ строгостей, въ печати невозможно было обсужденіе крестьянскаго вопроса. Тѣмъ не менѣе, тридцатилѣтніе толки о крестьянскомъ вопросѣ въ предшествовавшую эпоху оказались не совсѣмъ безплодными. Недостаточно точно и опредѣ-

ленно, но все-таки правительство при императорѣ Павлѣ отозвалось на два главнѣйшихъ желанія сторонниковъ ограниченія крѣпостнаго права: относительно опредѣленія размѣровъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ и ограниченія продажи людей безъ земли. Что касается повинностей, то въ выраженіяхъ довольно нерѣшительныхъ указана была помѣщикамъ норма трехдневной барщины, запрещеніе же продажи крестьянъ безъ земли ограничилось только Малороссіею, но, какъ бы то ни было, первый шагъ былъ сдѣланъ. Среди самыхъ близкихъ помощниковъ императора Павла были люди, желавшіе и другихъ мѣръ на пользу крѣпостнаго крестьянства: запрещенія переселенія крестьянъ безъ ихъ согласія, предоставленія движимаго имущества въ неотъемлемую собственность крестьянъ, измѣненія быта дворовыхъ и совершеннаго запрещенія безземельной продажи крѣпостныхъ (таковы были мнѣнія въ царствованіе императора Павла кн. Безбородко), но осуществленія этихъ пожеланій, высказанныхъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ дѣятелей конца XVIII вѣка, приходилось *ожидать* уже отъ государственныхъ людей новаго столѣтія.

Между тѣмъ, какъ при Екатеринѣ II всего чаще высказывалось требованіе запретить продажу людей съ разлученіемъ семей, въ первую четверть XIX вѣка наиболѣе распространено было желаніе *совершенно прекратить отчужденіе крестьянъ безъ земли*; да это и понятно: торговля людьми принимала все болѣе постыдные размѣры, а законъ императора Павла касался одной только Малороссіи, да и то едвали строго исполнялся. Уже менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца по вступленіи на престолъ императора Александра, было внесено по его личному желанію въ государственный совѣтъ нѣсколько проектовъ о запрещеніи отчуждать крестьянъ безъ земли и ограниченіи перехода дворовыхъ изъ однихъ рукъ въ другія. Въ 1802 г. этотъ вопросъ вновь возбуждается въ государственномъ совѣтѣ и находитъ энергическаго защитника въ лицѣ графа А. Р. Воронцова, высказывавшаго въ этомъ случаѣ идеи своего друга Радищева. Противъ запрещенія такой продажи не рѣшались на этотъ разъ протестовать даже люди консервативнаго образа мыслей, но мѣра эта не была осуществлена. Наконецъ вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли вновь возникаетъ въ государственномъ совѣтѣ въ 1820 году.

Не мало было заявленій въ сочиненіяхъ и проектахъ, посвященныхъ крестьянскому вопросу, и о необходимости *ограниченія повинностей крестьянъ* [illegible]. Запретить *обращеніе крестьянъ* въ дворовыхъ и даровать крестьянамъ право собственности также считали необходимымъ авторы нѣкоторыхъ проектовъ.

Нерѣдко въ различныхъ мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу мы встрѣчаемъ и желаніе ограничить *право помѣщиковъ наказывать крестьянъ*.

Назначеніе опредѣленнаго размѣра выкупа крѣпостныхъ на свободу въ однихъ проектахъ и мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу являлось лишь одною изъ частностей, далеко не имѣющей первенствующаго значенія, въ другихъ это было единственною мѣрою, допускаемою авторами для измѣненія быта крѣпостнаго населенія Россіи. Къ числу первыхъ относятся записки и мнѣнія Каразина, неизвѣстнаго украинскаго помѣщика, Киселева, Якоба и Канкрина, къ числу вторыхъ — проекты Берга и Н. С. Мордвинова. Что касается лицъ, сводившихъ всю крестьянскую реформу на выкупъ одной личной свободы безъ земли, то изъ нихъ Бергъ совѣтовалъ произвести это при помощи правительства, посредствомъ особой кредитной операціи, а Мордвиновъ желалъ, чтобы крѣпостные своими личными усиліями накопляли огромную предложенную имъ сумму для выкупа, доходившую, смотря по возрасту крестьянина, отъ 100 до 2,000 р. По проекту Аракчеева предполагалось покупать помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ въ казну или по добровольнымъ условіямъ, если бы помѣщики пожелали продать свои имѣнія въ полномъ составѣ, или на основаніи особыхъ правилъ, если бы вмѣстѣ съ крестьянами продавалась и часть земли. По этому проекту всякій помѣщикъ могъ требовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ всего по 2 дес. на ревизскую душу; такъ какъ ежегодно предполагалось отпускать на этотъ предметъ лишь 5 милліоновъ рублей, то, разумѣется, вся операція выкупа должна была принять весьма незначительные размѣры.

Наконецъ, въ проектахъ по крестьянскому вопросу въ эпоху императора Александра I авторы которыхъ имѣли въ виду, хотя и постепенное, но окончательное упраздненіе крѣпостнаго права, мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, возобновленіе въ проектѣ А. Малиновскаго неудачной мысли императрицы Екатерины II объ освобожденіи всѣхъ вновь рожденныхъ, начиная съ извѣстнаго года; академикъ Шторхъ, допуская освобожденіе со всею землею или частью ея, на различныхъ условіяхъ, въ то же время, считалъ возможнымъ и безземельное освобожденіе, съ тѣмъ, чтобы крестьяне сдѣлались свободными арендаторами, или чтобы была установлена вѣчная денежная или натуральная повинность. Безземельное освобожденіе крестьянъ предлагалъ и В. Малиновскій. Неизвѣстный авторъ одного проекта по крестьянскому вопросу, начиная съ добровольныхъ условій для регулированія отношеній между крестьянами и помѣщиками, заканчиваетъ дарованіемъ личной свободы съ наймомъ земли" или полученіемъ ея въ ограниченную собственность" и опредѣленіемъ выкупа всѣхъ установленныхъ повинностей. Проф. Якобъ, въ своемъ сочиненіи по политическому праву, выражаетъ увѣренность, что правительство найдетъ средство предоставить *личную* свободу всѣмъ крѣпостнымъ безъ ущерба владѣльцамъ, а въ отвѣтѣ на задачу Вольнаго экономическаго общества рекомендуетъ въ небольшихъ имѣніяхъ

просто обезземеленіе крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ свободныхъ работниковъ, въ другихъ же помѣстьяхъ совѣтуетъ раздавать земли въ наслѣдственную аренду, предоставляя поденщикамъ и дѣтямъ крестьянъ право наниматься, у кого они захотятъ. Строиновскій возлагаетъ всѣ надежды на заключеніе добровольныхъ условій между помѣщиками и крестьянами, желая, съ своей стороны, превращенія всѣхъ крестьянъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ (преимущественно съ вознагражденіемъ за землю трудомъ). Сперанскій энергически протестуетъ въ одной части своего плана государственнаго преобразованія противъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ, прямо утверждая, что „участь крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, несравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы уже всѣ рабочіе люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ“. Если онъ совѣтовалъ, въ концѣ-концовъ, дать крестьянамъ право перехода, то, все таки, не ранѣе, чѣмъ повинности ихъ будутъ опредѣлены закономъ и они получатъ возможность найти защиту отъ чрезмѣрныхъ требованій землевладѣльцевъ у судебной власти: слѣдовательно, крестьянинъ имѣлъ бы здѣсь возможность выбора между оставленіемъ земли и пользованіемъ ею за узаконенныя повинности. Н. И. Тургеневъ допускалъ возможность и такого освобожденія, при которомъ помѣщикъ, сохраняя въ своей власти землю, предоставляетъ ее крестьянамъ лишь во временное пользованіе. Декабристъ Якушкинъ, смоленскій помѣщикъ, готовъ былъ не только безплатно даровать крестьянамъ личную свободу, но и уступить имъ безвозмездно усадебныя земли и общій выгонъ. Пользованіе другими землями, остающимися во власти помѣщика, было доступно крестьянамъ по первоначальной мысли Якушкина лишь на основаніи условій, добровольно заключенныхъ ими послѣ полученія личной свободы; но скоро, убѣдившись въ нежеланіи народа пріобрѣсти свободу иначе, какъ съ земельнымъ надѣломъ, Якушкинъ началъ стремиться къ тому, чтобы, при улучшеніи положенія крестьянъ, они оказались бы въ состояніи платить такой оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Наиболѣе обстоятельно разработанный планъ крестьянской реформы, но разсчитанный на слишкомъ долгій срокъ, принадлежитъ Канкрину: завершеніемъ его было объявленіе земельныхъ надѣловъ собственностью каждаго семейства, подъ условіемъ уплаты опредѣленнаго взноса, разрѣшеніе выкупать всѣ личныя повинности и дарованіе права перехода. Къ сожалѣнію, проектъ Канкрина былъ построенъ на совершенно чуждыхъ нашей жизни началахъ, по образцу нѣмецкихъ поземельныхъ отношеній, какъ напр., учрежденіе вотчиннаго суда чрезъ отвѣтственныхъ лицъ (нѣмецкіе юстиціаріи) и уничтоженіе общиннаго землевладѣнія. Впрочемъ въ рѣдкихъ представи-

телей либеральнаго направленія въ крестьянскомъ вопросѣ за это время, едва ли не одному Якушкину была видна громадная польза для крестьянъ общиннаго пользованія землею. Заявленія, мнѣнія изъ консервативнаго лагеря о вредѣ для самого народа безземельнаго освобожденія крестьянъ, точно такъ же, какъ и подворнаго владѣнія землею, имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса, какъ протестъ противъ слишкомъ поспѣшнаго и необдуманнаго освобожденія крестьянъ.

Сравнивая мнѣнія по крестьянскому вопросу, высказанныя въ теченіе двухъ эпохъ — царствованія Екатерины II и Александра I, мы видимъ, что перечисленныя выше требованія отдѣльныхъ мѣръ для улучшенія быта крестьянъ, которыя мы нашли въ проектахъ и сочиненіяхъ первой четверти XIX вѣка, высказывались уже и въ екатерининскую эпоху, но нѣкоторыя изъ нихъ стали представляться рѣшительнѣе и большимъ количествомъ лицъ. Такъ, напр., пожеланія запретить продажу людей порознь замѣняются рѣшительными требованіями, не разъ принимавшими уже форму законодательныхъ проектовъ, о воспрещеніи всякаго отчужденія людей безъ земли; предложенія запретить превращеніе крестьянъ въ дворовыхъ и лишить помѣщиковъ права наказывать крѣпостныхъ безъ суда, которыя мы встрѣчаемъ въ екатерининскую эпоху весьма рѣдко, теперь не разъ встрѣчаются въ мнѣніяхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ, извѣстный прогрессъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно есть: въ интеллигенціи видно болѣе интереса къ крестьянскому вопросу; въ Вольное экономическое общество поступаетъ не мало русскихъ мнѣній на заданныя темы, касающіяся барщиннаго труда; сочиненія и статьи, обсуждающія измѣненіе быта крестьянъ, вызываютъ горячую полемику, какъ рукописную, такъ и въ печати; петербургскіе дворяне высказываютъ желаніе измѣнить положеніе своихъ крестьянъ; наконецъ, является мысль учредить общество съ цѣлью освободить крѣпостныхъ. Прогрессъ этотъ тѣмъ важнѣе для насъ, что общество александровской эпохи не имѣло такого удобнаго случая коснуться крестьянскаго вопроса, какой при Екатеринѣ II представила коммиссія для составленія новаго уложенія. Что касается общаго плана крестьянской реформы, то хотя при Екатеринѣ II Радищевъ опередилъ въ этомъ отношеніи свой вѣкъ, но за то въ александровскую эпоху мы находимъ большее количество болѣе или менѣе цѣльныхъ проектовъ, составленіе которыхъ вызывалось нерѣдко самою верховною властью; но, въ то же время, нельзя не обратить вниманія на то, что, сравнительно съ предшествующею эпохою, гораздо рѣзче выступаетъ мысль о правѣ собственности помѣщиковъ на землю и если не считать письма кн. Д. А. Голицына къ Екатеринѣ II, впервые ясно высказывается и во всякомъ случаѣ впервые обстоятельно, со всѣми науч-

ными пріемами, доказывается, что свободный трудъ выгоднѣе крѣпостнаго и что для самихъ помѣщиковъ будетъ полезно освобожденіе крестьянъ. Авторы такихъ изслѣдованій, смотрящіе на помѣщичьи земли какъ на полную, неограниченную собственность землевладѣльцевъ, совершенно упускали изъ виду историческія условія, при которыхъ создалось наше помѣстное землевладѣніе, забывали, что, даже и послѣ уничтоженія обязательной службы дворянства, владѣльцы населенныхъ имѣній несли такія обязанности предъ государствомъ (отвѣтственность за исправное отбываніе крестьянами податей и повинностей, обязанность прокармливать ихъ во время неурожаевъ), которыя не позволяли смотрѣть на эти имѣнія, какъ на неограниченную собственность помѣщиковъ по гражданскому праву. Гораздо ближе къ истинѣ были тѣ, которые, какъ неизвѣстный украинскій помѣщикъ, утверждали, что „*земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками*“ и что „верховное же правосудіе было бы отнять то, что кому искони принадлежало“. Во всякомъ случаѣ эпоха Александра I была довольно опаснымъ временемъ для крѣпостнаго населенія Россіи: обезземеленіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ было очень плохимъ прецедентомъ, и мысль о выгодности для землевладѣльцевъ такого освобожденія могла бы очень быстро распространиться среди нашего дворянства. Тѣмъ болѣе мы должны цѣнить протестъ противъ обезземеленія народа, высказанный столь вліятельнымъ лицомъ, какъ Сперанскій, точно также, какъ и протестъ противъ конституціонныхъ мечтаній раньше уничтоженія крѣпостнаго права и указаніе на необходимость для выполненія этой достойной задачи въ Россіи неограниченной самодержавной власти, что такъ ясно было формулировано Н. И. Тургеневымъ.

Очень благопріятнымъ обстоятельствомъ для рѣшенія крестьянскаго вопроса было то, что императоръ Александръ, какъ извѣстно, самъ желалъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Въ Парижѣ, у г-жи Сталь, онъ далъ обѣщаніе уничтожить крѣпостное право [1]. Онъ приказалъ выдать изъ средствъ кабинета 200 червонцевъ для приготовленія двухъ медалей за лучшіе отвѣты на задачи (о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда и объ отдѣленіи земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ), предложенныя въ 1812 г. Вольнымъ экономическимъ обществомъ. Онъ предписываетъ Аракчееву и Канкрину составить проекты наилучшаго быта крестьянъ; ему подаетъ Милорадовичъ записку по этому предмету Н. И. Тургенева. Всѣ эти проекты онъ тщательно собираетъ, чтобы выбрать потомъ изъ нихъ все самое лучшее. При немъ совершается освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, хотя признанное въ то время освобожденіемъ, но основанное на началахъ.

[1]) *Varnhagen von Ense.* Denkwürdigkeiten, 2te Aufl. III Th., 1843, S. 216.

которыя многимъ казались тогда справедливыми; наконецъ, онъ съ большою рѣшимостью прекращаетъ пожалованіе населенныхъ имѣній въ потомственное владѣніе, несмотря на то, что даже такіе просвѣщенные люди, какъ Мордвиновъ, желали раздачи всѣхъ казенныхъ земель знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ.

Мы видѣли, что образованное общество настоятельнѣе всего требовало прекращенія продажи крестьянъ безъ земли; это было первымъ желаніемъ и самого императора Александра. Проектъ закона по этому предмету вносится по его приказанію въ государственный совѣтъ менѣе чѣмъ черезъ 2 мѣсяца по восшествіи государя на престолъ и обсуждается въ его личномъ присутствіи. Когда совѣтъ несочувственно отнесся къ этому вопросу, въ неоффиціальномъ комитетѣ вновь къ нему возвращаются, и Кочубею даже было повелѣно приготовить проектъ указа; однако, онъ опять откладывается. Въ 1802 году вопросъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли вновь возбуждается въ государственномъ совѣтѣ и, несмотря на отсутствіе прямыхъ протестовъ въ этомъ учрежденіи, мѣра эта все-таки откладывается въ долгій ящикъ, очевидно по нерѣшительности государя. Всего характернѣе въ судьбѣ этого вопроса было то, что впослѣдствіи императоръ Александръ I былъ увѣренъ, что безземельная продажа людей давно имъ запрещена: вѣроятно государь принималъ запрещеніе торговли людьми на ярмаркахъ, изданное въ 1808 г., за запрещеніе безземельной продажи вообще. Другимъ, ясно формулированнымъ, желаніемъ государя было опредѣленіе повинностей крестьянъ относительно ихъ владѣльцевъ, въ чемъ онъ также сходился со многими сторонниками крестьянской реформы. Къ сожалѣнію, члены неоффиціальнаго комитета въ 1803 г. стали возражать противъ этого. Молодой императоръ былъ готовъ тогда дозволить даже и разночинцамъ пріобрѣтеніе населенныхъ земель, лишь бы только поступившіе въ ихъ владѣніе крестьяне были поставлены въ болѣе льготное положеніе, чѣмъ помѣщичьи, и не были „рабами" своихъ владѣльцевъ. Гораздо позднѣе существованія неоффиціальнаго комитета, въ словахъ, сказанныхъ Канкрину, императоръ Александръ также упоминалъ о необходимости „соразмѣрить и облегчить повинности крестьянъ, оградить ихъ отъ произвола помѣщиковъ"; тутъ же онъ выразилъ желаніе „дозволить имъ пріобрѣтать собственность, однимъ словомъ, составить новое, точное и умѣренное законоположеніе относительно крѣпостнаго состоянія". Но императоръ не вполнѣ выяснилъ себѣ основныя положенія преобразованія, какъ это видно изъ того, что онъ недостаточно различалъ принципы лифляндской реформы 1804 года (состоявшей въ обращеніи крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ) и эстляндской 1816 года, имѣвшей цѣлью личное безземельное освобожденіе крестьянъ. Въ указѣ бѣлорусскому военному губернатору, герцогу Виртембергскому, 1819 года, по поводу намѣренія [illegible]

дворянства даровать, по примѣру Остзейскаго края, личную свободу своимъ крѣпостнымъ, государь собственноручно написалъ: „Я нахожу нужнымъ вамъ изъяснить, что я непоколебимымъ правиломъ себѣ поставилъ подобныя побужденія не моимъ вліяніемъ производить, но всегда оставлять собственному стремленію человѣколюбивыхъ чувствъ дворянскихъ сословій, единственно предоставляя себѣ согласоваться съ выводами о томъ самого дворянства, и руководствовать оныя къ благополучному достиженію желаемой имъ цѣли“ ¹). Государь имѣлъ намѣреніе произвести освобожденіе крестьянъ по одиночкѣ въ различныхъ губерніяхъ. Упомянувъ о томъ, что псковская губернія была подчинена власти того же генералъ-губернатора, который управлялъ тремя прибалтійскими губерніями, Н. И. Тургеневъ, въ своей извѣстной книгѣ о Россіи, говоритъ, что „въ этой мѣрѣ видѣли, и не безъ основанія, намѣреніе императора испытать въ русскомъ краѣ то, что уже было исполнено въ провинціяхъ нѣмецкихъ“. Оставленіе этого намѣренія Тургеневъ приписываетъ измѣненію взглядовъ императора въ концѣ его царствованія и недостатку энергіи для совершенія новаго дѣла. Тургеневу сообщали также за вѣрное знающіе люди, что самъ генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулуччи, и содѣйствовалъ всего болѣе оставленію этого намѣренія. „Онъ, кажется, убѣдилъ императора, что псковское дворянство, приведенное въ отчаяніе предстоящимъ освобожденіемъ крестьянъ, составляло заговоръ противъ его жизни и предполагало его отравить“ ²). Если императоръ Александръ увидѣлъ посягательство на свои верховныя права въ желаніи петербургскихъ дворянъ въ 1816 г. измѣнить положеніе ихъ крестьянъ, если онъ могъ рѣзко отвергнуть въ 1820 г. учрежденіе общества съ цѣлію освобожденія крѣпостныхъ, къ которому онъ прежде самъ отнесся сочувственно, то его могли, пожалуй, увѣрить и въ той нелѣпости, о которой упоминаетъ Тургеневъ. Конечно можно только радоваться за псковскихъ крестьянъ, что судьба избавила ихъ отъ того положенія, въ которомъ очутились крестьяне остзейскаго края, но нельзя не пожалѣть о крайней нерѣшительности императора Александра въ принятіи отдѣльныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права. Мы сейчасъ увидимъ, какъ мало было сдѣлано въ его царствованіе въ этомъ отношеніи, теперь же только замѣтимъ, что вину предъ народомъ онъ долженъ раздѣлить съ лицами его окружавшими. Мы видѣли, что въ неофиціальномъ комитетѣ сдерживали иной разъ его освободительныя стремленія. Извѣстно, что Лагарпъ давалъ наиконсервативнѣйшіе совѣты относительно крестьянскаго вопроса, что Сперанскій, при всемъ ясномъ сознаніи необходимости освобожденія крѣпостнаго населенія Россіи, ставилъ на

¹) „Сборн. Археол. Инст.“ Спб. 1878 г., I, 12—13.

²) „La Russie et les Russes“, II, 141—142.

первый планъ реформы политическія. А, между тѣмъ, русская консервативная партія протестовала противъ всякой мѣры на пользу крестьянъ, противъ всякой книги, написанной въ защиту необходимости измѣненія ихъ быта (припомнимъ роль Державина въ исторіи указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, протесты Ростопчина и Попова противъ книги Строиновскаго; Шишкову хотѣлось даже съ высоты самаго трона заявить, что крѣпостное право полезно для самихъ крестьянъ). Александра I, какъ и Екатерину II, не приходится винить за то, что онъ не освободилъ крестьянъ собственно въ Россіи; напротивъ, нельзя не пожалѣть о допущеніи безземельнаго освобожденія остзейскихъ крестьянъ[1]; но онъ еще болѣе, чѣмъ его бабка, повиненъ въ томъ, что принялъ слишкомъ мало мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права и для улучшенія тяжелаго положенія крѣпостныхъ. Посмотримъ же, что было сдѣлано въ его царствованіе для ограниченія крѣпостнаго права.

Въ теченіе XVIII вѣка, какъ извѣстно, постепенно установилось правило, что только потомственные дворяне могутъ владѣть населенными имѣніями и даже пріобрѣтать отдѣльныхъ крѣпостныхъ. По узаконеніямъ екатерининской эпохи, купцы, хотя бы и пожалованные чиномъ VIII класса, не получали права пріобрѣтать населенныя имѣнія, такъ какъ дворянство сообщалось только тѣмъ, которые пріобрѣли этотъ чинъ государственною службою. Но въ 1804 году всѣмъ купцамъ, пожалованнымъ этимъ чиномъ, позволено было покупать деревни и владѣть ими, не иначе, однако, какъ заключивъ съ крестьянами условіе, установленное указомъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, пріобрѣтать же крестьянъ и дворовыхъ безъ земли было имъ вовсе запрещено; а тѣмъ изъ купцовъ, которые, вслѣдствіе пожалованныхъ имъ чиновъ или личнаго права покупать деревни, уже владѣли ими, дозволено было сохранить это владѣніе пожизненно, не распространяя этого права на ихъ потомство и не причисляя ихъ къ дѣйствительному дворянству[2]. Затѣмъ въ 1810 году, по случаю внутренняго займа, «россійскому именитому купечеству раз-

---

[1] Подробности объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи въ 1816 г., въ Курляндіи въ 1817 г. и въ Лифляндіи въ 1819 г. можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Рихтеръ*, „Исторія крестьянскаго сословія въ бывшихъ шведскихъ и польскихъ провинціяхъ Россіи, нынѣ остзейскихъ губерніяхъ". Рига, 1860 г. и *Samson v. Himmelstiern*, „Historischer Versuch über die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Ostseeprovinzen, mit besonderer Beziehung auf das Herzogthum Livland", 1838. Причины, по которымъ [illegible] дворянство нашло для себя выгоднымъ [illegible] крестьянамъ [illegible] указаны въ сочиненіи *Самарина*, „Окраины Россіи", т. VI, гл. 7. [illegible] къ крестьянской реформѣ въ Остзейскомъ краѣ [illegible] русскихъ [illegible] къ крестьянскому вопросу, какъ напр. [illegible] щика, Карамзина, Канкрина,—мы указывали въ своемъ мѣстѣ.

[2] П. С. З. XXXVIII, № 21481.

ныхъ высшихъ разрядовъ, въ томъ числѣ и купцамъ первой гильдіи, разрѣшено было пріобрѣтать населенныя земли, именно арендныя и другія имѣнія, продаваемыя изъ казны, съ тѣмъ, чтобы уплата за эти имѣнія производилась не иначе, какъ облигаціями внутренняго займа, и чтобы пріобрѣтатели-купцы оставались въ купеческомъ сословіи безъ присвоенія ими правъ дворянства; при этомъ было оговорено, что покупать населенныя имѣнія у частныхъ людей этимъ купцамъ не дозволяется [1]). По вопросу о правѣ личныхъ дворянъ владѣть крѣпостными было въ 1814 году постановлено, что тѣ изъ нихъ, которые до тѣхъ поръ пріобрѣли крестьянъ и дворовыхъ, могутъ неприкосновенно владѣть ими до своей смерти не распространяя этого права на ихъ наслѣдниковъ, которые должны будутъ продать этихъ крѣпостныхъ въ узаконенный (полуторогодовой) срокъ, если не пріобрѣли сами права на владѣніе ими; на будущее же время предписано было строжайше наблюдать, чтобы никто изъ личныхъ дворянъ, т. е. не достигшихъ VIII класса по службѣ, не могъ пріобрѣтать крѣпостныхъ [2]).

Въ 1816 году до государя дошли свѣдѣнія, что покупка крестьянъ донскими чиновниками для переселенія ихъ въ предѣлы войсковыхъ земель сопровождается разореніемъ крестьянъ и даже раздробленіемъ ихъ семействъ, почему, до изданія относительно этого предмета особаго закона, онъ повсемѣстно запретилъ продажу донскимъ чиновникамъ для переселенія на войсковыя земли людей и крестьянъ; велѣдъ затѣмъ, это запрещеніе было распространено и на всѣ остальныя казачьи области [3]). Въ 1820 году было воспрещено въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, купцамъ, мѣщанамъ и иностранцамъ, не утвержденнымъ въ русскомъ подданствѣ и дворянствѣ, покупать недвижимыя имѣнія съ крестьянами и владѣть ими; вмѣстѣ съ тѣмъ недворянамъ и иностранцамъ, которые, на основаніи конституціи 1775 года, владѣли деревнями на вотчинномъ правѣ, велѣно было продать ихъ въ трехлѣтній срокъ [4]). Евреямъ еще ранѣе было запрещено владѣть и управлять населенными имѣніями но такъ какъ они умѣли находить лазейки для обхода закона, то приходилось и противъ этого принимать мѣры [5]).

Впрочемъ, не одни евреи, а вообще лица, неимѣющія правъ владѣть крѣпостными, прибѣгали къ различнымъ уверткамъ для того, чтобы

[1]) П. С. З. т. XXXI, 24244.

[2]) П. С. З. XXXII, 25011 срав. XXXV, 27356. Въ 1820 г. подтверждено [illegible] людей, состоящихъ за разночинцами, не имѣющими правъ [illegible] Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ. П. С. З. XXXVII, 28171, отд. XV.

[3]) П. С. З. XXXIII, 26164, 26290, срав. 2-е П. С. З. III, 2047.

[4]) П. С. З. XXXVII, 28083.

[5]) П. С. З. XXXVI, 27740 а), XXXVII, 28501.

обойти стѣснительныя для нихъ законъ: такъ, между прочимъ, помѣщики выдавали подобнымъ лицамъ вѣрющія письма на продажу своихъ имѣній или управленіе ими, по которымъ тѣ и владѣли имѣніями или отдѣльными крѣпостными. Правительству пришлось принять цѣлый рядъ мѣръ для прекращенія этого злоупотребленія. Въ 1812 году была запрещена выдача вѣрющихъ писемъ и совершеніе по нимъ купчихъ крѣпостей на продажу людей по одиночкѣ и безъ земли [1]. Затѣмъ было постановлено, что если помѣщикъ продастъ купцу одну землю безъ крестьянъ, то во избѣжаніе недозволеннаго владѣнія населеннымъ имѣніемъ лицамъ, неимѣющимъ на то права, продавецъ обязуется, не далѣе, какъ въ годовой срокъ, перевести живущихъ на этой землѣ крестьянъ въ иныя свои вотчины, или продать для переселенія другому дворянину, подъ угрозою конфискаціи крестьянъ въ казенное вѣдомство; владѣть и управлять крестьянами должны были сами господа или чрезъ своихъ прикащиковъ и повѣренныхъ, не поручая этого покупателямъ земли, не имѣющимъ правъ дворянства [2]. Нѣсколько позднѣе было разъяснено, что такъ какъ запрещена выдача вѣрющихъ писемъ на продажу людей по одиночкѣ и безъ земли, то крѣпостные, которыхъ предполагалось продать или заложить, не должны жить у разночинцевъ и другихъ лицъ, не имѣющихъ дворянскихъ правъ, но получившихъ довѣренности на продажу населенныхъ имѣній. Въ довѣренностяхъ разночинцамъ на отдачу крѣпостныхъ людей на воспитаніе или въ ученіе запрещено было назначать срокъ ученія болѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ [3]. Однако, разночинцы продолжали подъ разными предлогами владѣть дворовыми людьми и предъявляли, въ случаѣ надобности, заключенные съ помѣщиками контракты на обученіе этихъ людей мастерствамъ, хотя послѣднимъ часто бывало болѣе 20 и 30 лѣтъ и хотя державшіе ихъ разночинцы не состояли ни въ какомъ цехѣ; предъявлялись также довѣренности на снабженіе дворовыхъ людей билетами на жительство и полученіе съ нихъ оброка и тому подобные документы. Для того, чтобы прекратить пребываніе дворовыхъ „въ рабствѣ“ у разночинцевъ, въ 1823 году было постановлено, что лицамъ, неимѣющимъ дворянскаго права, не запрещается держать въ услуженіи, съ извѣстною платою, отпускаемыхъ по узаконеннымъ видамъ людей и крестьянъ, но затѣмъ предписано было уничтожать условія владѣльцевъ на отдачу дворовыхъ людей въ ученіе мастеровымъ, не записаннымъ въ цехъ, давая свободу людямъ, отданнымъ вопреки этого закона, а съ разночинцевъ, которые будутъ держать ихъ у себя по контрактамъ и другимъ сдѣлкамъ, взыскивать въ казну за каждаго мужчину по 500, а за жен-

[1]) П. С. З. XXXII, 25107.
[2]) П. С. З. XXXII, № 25737.
[3]) П. С. З. XXXIII, 26469, ср. XXXVII, 28817.

щину по 200 р.[1]; но помѣщики продолжали нарушать установленныя правила. Такъ, въ 1817 году княгиня Волховская заключила съ одною казанскою мѣщанкою условіе, по которому отдала послѣдней въ услуженіе свою дворовую дѣвушку, срокомъ на пять лѣтъ, съ платою по 40 р., и получила всѣ 200 р. впередъ, причемъ предоставила мѣщанкѣ право наказывать дѣвушку за непослушаніе или дурное поведеніе. Жалоба дѣвушки на жестокое обращеніе съ нею ея хозяйки подала поводъ къ новому разсмотрѣнію вопроса объ отдачѣ помѣщиками крѣпостныхъ людей въ услуженіе лицамъ, не имѣющимъ права на владѣніе ими. Сенатъ нашелъ, что условіе, подобно только что приведенному, „заключаетъ въ себѣ видъ кабалы, законами воспрещенной, и что подъ симъ предлогомъ явно допускается нарушеніе закона“, такъ какъ, по истеченіи назначеннаго въ условіи времени, помѣщикъ можетъ, по новому условію, оставить своихъ людей у того же нанимателя; подъ формою подобнаго условія можетъ скрываться продажа людей лицамъ, не имѣющимъ права на ихъ владѣніе. Въ виду того, что каждый крестьянинъ и дворовый, получивъ съ разрѣшенія помѣщика паспортъ, можетъ самъ наниматься въ услуженіе, къ кому захочетъ, было запрещено помѣщикамъ заключеніе условій на отдачу ихъ въ услуженіе разночинцамъ, причемъ, однако, опредѣленіе ихъ на воспитаніе или въ ученіе было по прежнему дозволено[2].

Переходимъ къ правительственнымъ мѣрамъ относительно *различныхъ способовъ закрѣпощенія людей*. Еще при Екатеринѣ II было отмѣнено старинное правило, по которому свободный человѣкъ, женившійся на крѣпостной, дѣлался самъ крѣпостнымъ („по рабѣ — холопъ“), но, несмотря на нѣкоторыя ограниченія, продолжало и послѣ того существовать другое правило о закрѣпленіи свободной женщины, вышедшей замужъ за крѣпостнаго („по холопу — раба“), отмѣна котораго совершилась лишь въ царствованіе императора Александра I. Въ 1765 г. воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ учрежденнаго въ Петербургѣ при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ мѣщанскаго училища, было предоставлено право не только сохранять свободу при выходѣ замужъ за крѣпостныхъ, но даже сообщать свободу своему мужу (такое же право сообщать свободу женѣ и дѣтямъ было дано и воспитанникамъ академіи художествъ)[3]. Въ 1808 г. именнымъ указомъ было разъяснено, что если въ данномъ крѣпостному дозволеніи на женитьбу не будетъ точно сказано, что ему дозволяется вступленіе въ бракъ именно съ воспитанницею мѣщанскаго училища, то эта женитьба не даетъ мужу никакого права къ свободѣ: онъ долженъ былъ остаться, по прежнему, крѣпостнымъ, вы-

[1]) П. С. З. XXXVIII, 29416.

[2]) П. С. З. XXXIX, 30040; Арх. Гос. Сов. т. IV, ч. 2, стр. 319—324.

[3]) П. С. З. XVII, 12323, п. 9, ср. т. XVI, 12275, стр. 950.

шедшая же за него замужъ воспитанница пользовалась только личною свободою, не сообщая ея ни мужу, ни дѣтямъ [1]). Это постановленіе, слѣдовательно, вовсе не было шагомъ впередъ; но прогрессивное значеніе имѣлъ законъ 1815 г., которымъ на основаніи указа 1783 г. о незакрѣпленіи никѣмъ вольныхъ людей, и только что приведеннаго указа 1808 г. о бракахъ воспитанницъ мѣщанскаго училища, было постановлено, что «всѣ вольнаго происхожденія вдовы и дѣвки, вышедшія замужъ за помѣщичьихъ дворовыхъ людей и крестьянъ, по смерти мужей ихъ въ число крѣпостныхъ обращаемы быть не должны» [2]). Вскорѣ послѣ этого правительство разъяснило, что въ виду этого закона нѣтъ препятствія для отпуска крестьянскихъ вдовъ и дѣвушекъ казенныхъ селеній въ замужство за помѣщичьихъ людей [3]).

Относительно закрѣпленія незаконнорожденныхъ въ царствованіе Александра I были изданы слѣдующія постановленія. Въ 1815 г. былъ подтвержденъ указъ сената 1783 г. о закрѣпленіи за владѣльцами только тѣхъ незаконныхъ дѣтей, которыхъ матери были крѣпостныя, а такихъ же дѣтей отъ свободныхъ женщинъ и дѣвушекъ велѣно было причислять къ государственнымъ селеніямъ, заводамъ и промысламъ по разсмотрѣнію казенной палаты и по собственному ихъ желанію [4]). Въ 1806 г. было разъяснено, чтобы незаконнорожденныя солдатскія дѣти не иначе отдавались помѣщикамъ на воспитаніе, какъ по опредѣленію судебнаго мѣста, послѣ точнаго изслѣдованія, что мать и родственники не могутъ ни сами воспитать такихъ незаконнорожденныхъ, ни доставить ихъ въ воспитательный домъ. Отданныя помѣщикамъ, безъ соблюденія этого правила, считались принадлежащими военному вѣдомству; если же это условіе было соблюдено, то такой незаконнорожденный дѣлался крѣпостнымъ [5]). Указомъ 1812 г. незаконнорожденные отъ солдатскихъ женъ, вдовъ, дѣвокъ и дочерей этихъ послѣднихъ признаны принадлежащими военному вѣдомству, а нѣсколько позднѣе постановлено, чтобы во владѣніи помѣщиковъ оставались только тѣ незаконнорожденныя солдатскія дѣти, которыя были записаны за ними въ первыя шесть ревизій [6]).

До Екатерины II однимъ изъ способовъ пріобрѣтенія крѣпостныхъ было закрѣпощеніе незаконнорожденныхъ подкидышей за ихъ воспитателями. Съ учрежденіемъ воспитательныхъ домовъ, а впослѣдствіи и приказовъ общественнаго призрѣнія, подкидыши стали поступать въ со-

[1]) П. С. З. т. XXX, 22830, ср. т. XXIX, 22004.
[2]) П. С. З. XXXIII, 25947, п. 7.
[3]) П. С. З. XXXIV, 26914.
[4]) П. С. З. XXXIII, 25947, п. 6.
[5]) П. С. З. XXIX, 22363, ср. 22611.
[6]) П. С. З. XXXIII, 25947, п. 6, XXXVI, 27972.

вершеннолѣтія въ вѣдомство этихъ учрежденій, а затѣмъ дѣлались вольными; укрѣпленія же за воспитателями не допускалось законами императрицы Екатерины II, причемъ, однако, не былъ точно разъясненъ тотъ случай, если такимъ воспитателемъ являлся лицо, имѣющее право владѣть крѣпостными. Въ 1815 г. всѣхъ незаконнорожденныхъ подкидышей, воспитываемыхъ личными дворянами, священно- и церковнослужителями, приказными и другими разночинцами, велѣно было приписывать въ число казенныхъ поселянъ, а состоящихъ на воспитаніи у купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ — въ то званіе, къ какому принадлежатъ сами воспитатели [1]).

Необходимо тутъ же отмѣтить рѣшеніе правительства по вопросу о закрѣпощеніи раскольниковъ филиппова согласія, поселившихся въ Польшѣ на помѣщичьихъ земляхъ и извѣстныхъ подъ именемъ *филиппоновъ*. Польскіе паны смотрѣли на русскихъ выходцевъ какъ на своихъ крѣпостныхъ, облагали ихъ податями, требовали непосильныхъ работъ и не позволяли имъ вступать въ купеческое и мѣщанское званія. Крестьяне жаловались правительству, что ихъ разоряютъ „двойными поборами, побоями и денно-нощнымъ угнетеніемъ въ работѣ“, и просили „пожалѣть объ изнуренномъ человѣчествѣ и избавить отъ небывалаго изъ вѣковъ ига“. Добиваясь свободы, филиппоны обращались и въ мѣстные суды, и въ сенатъ, и, наконецъ, къ государю, который повелѣлъ разсмотрѣть это дѣло въ общемъ собраніи сената. Здѣсь большинство (15 сенаторовъ) признало филиппоновъ бѣглецами, заслуживающими скорѣе наказанія, нежели награды, и не имѣющими никакого права на полученіе свободы. Меньшинство (8 сенаторовъ) полагало, что за тѣми изъ филиппоновъ, которые заключили условіе съ помѣщиками, должны быть удержаны права и выгоды, выговоренныя въ условіяхъ; тѣ же изъ выходцевъ, которые поселились на помѣщичьихъ земляхъ безъ всякихъ условій, должны быть удержаны за помѣщиками. Наконецъ, сенаторъ Козодавлевъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ предлагалъ первыхъ причислить къ званію вольныхъ хлѣбопашцевъ, вторыхъ же оставить навсегда приписанными къ поселенной ими землѣ; но такъ какъ эти послѣдніе филиппоны „поселеніемъ добровольнымъ на земляхъ помѣщичьихъ не могли лишиться права вольнаго и не пришли тѣмъ въ состояніе совершеннаго рабства... то и не слѣдуетъ предоставлять владѣльцу надъ таковыми... неограниченнаго права признавать рабами. Владѣлецъ можетъ пользоваться трудами ихъ и употреблять ихъ яко земледѣльцевъ, пришедшихъ на землю его и поселившихся для земледѣлія, но изъ сего однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ владѣлецъ могъ ихъ употребить на другое, земледѣлію несвойственное дѣло, или же и продать ихъ безъ земли“. Почему онъ считалъ необходимымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ составленіе

[1]) П. С. З. XXXIII, 25947, п. 6.

правилъ, на какихъ условіяхъ слѣдуетъ помѣщикамъ владѣть тѣми филипонами или другими крестьянами, поселившимися на ихъ земляхъ безъ письменныхъ условій [1]. Государь согласился съ мнѣніемъ восьми сенаторовъ и предписалъ филипонамъ, поселившимся на помѣщичьихъ и старостинскихъ земляхъ по письменнымъ условіямъ, предоставить право „пользоваться ихъ свободою и тѣми выгодами, какія означены въ ихъ условіяхъ и договорахъ", тѣхъ же, которые поселились на владѣльческихъ земляхъ безъ письменныхъ условій „оставить навсегда приписанными къ землѣ хлѣбопашцами, наравнѣ съ прочими владѣльческими крестьянами"; такимъ образомъ, предложеніе Козодавлева о составленіи особыхъ правилъ на владѣніе филипонами, поселившимися безъ всякихъ условій, принято не было и ихъ сравняли съ крѣпостными [2].

Относительно *ограниченія повинностей помѣщичьихъ крестьянъ* при императорѣ Александрѣ приняты были слѣдующія мѣры. До свѣдѣнія государя дошло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянъ посылаютъ на барщину даже по воскресеньямъ, такъ что они не имѣютъ возможности присутствовать при богослуженіи; въ виду этого императоръ въ 1818 г. повелѣлъ, чтобы о всѣхъ подобныхъ случаяхъ духовныя лица доводили чрезъ начальство до свѣдѣнія комитета министровъ. Но въ томъ же году духовенство было освобождено отъ обязанности представлять эти донесенія, и наблюденіе за исполненіемъ воли государя было поручено губернскому начальству [3]. Въ царствованіе императора Александра началъ распространяться между помѣщиками обычай отдавать въ наемъ большое количество своихъ крестьянъ для различныхъ работъ, иногда въ совершенно другой мѣстности; между прочимъ, запродавали такимъ образомъ трудъ крѣпостныхъ и на различныя фабрики, находившіяся въ другихъ губерніяхъ. На это послѣднее обстоятельство обратилъ вниманіе въ 1825 г. комитетъ министровъ и, не находя въ законахъ прямого дозволенія помѣщикамъ отдавать принадлежащихъ имъ людей въ заводскія работы и заключать условія отъ своего лица, пришелъ къ убѣжденію, что такія условія слѣдуетъ совершенно воспретить, тѣмъ болѣе,

[1] Къ мнѣнію Козодавлева присоединились три сенатора, между прочимъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

[2] *Сухомлиновъ*, „Истор. росс. акад." VI, 132—141. П. С. З. XXIX, 22085; XXX, 23986. Г. Сухомлиновъ выражается не точно, утверждая что мнѣніе Козодавлева „было одобрено императоромъ Александромъ", что противорѣчитъ приводимымъ имъ самимъ документамъ, изъ которыхъ видно, что принято было мнѣніе большинства, т. е. 8 сенаторовъ.

[3] По представленію синода, повелѣніе не употреблять крестьянъ въ работу по воскреснымъ днямъ было распространено, кромѣ того, на двунадесятые праздники, день Петра и Павла и дни Николая Чудотворца, 9 мая и 6 декабря. П. С. З. XXXV, 27270, 27549.

что помѣщики имѣютъ право отпускать крестьянъ на заработки по плакатнымъ паспортамъ и, слѣдовательно, заводчики могутъ нанимать ихъ по договорамъ съ самими крестьянами за условленную плату. Государь утвердилъ представленіе комитета министровъ [1].

Бѣдственное положеніе крестьянъ въ западной Россіи побуждало правительство принимать мѣры хотя бы для нѣкотораго облегченія тяжелыхъ условій ихъ жизни. Въ именномъ указѣ, изданномъ 23 марта 1818 г., было сказано, что, по изслѣдованію, произведенному въ мозырскомъ повѣтѣ минской губерніи открылось, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ отъ неурожаевъ, падежа скота и неимѣнія воловъ для обработки полей терпѣли недостатокъ въ продовольствіи и примѣшивали въ хлѣбъ мякину, солому и липовый листъ, несмотря на такое бѣдственное положеніе крѣпостныхъ, помѣщики и арендаторы не только не обращали на это вниманія, но еще стѣсняли ихъ тяжелыми работами и многими другими распоряженіями, а именно: задерживали на барщинѣ долѣе, чѣмъ положено по инвентарямъ, задавали имъ такіе большіе уроки что они должны были оканчивать ихъ въ дни, назначенные для ихъ собственныхъ работъ, запрещали имъ молоть хлѣбъ на своихъ жерновахъ для того, чтобъ они платили арендаторамъ назначенную за помолъ плату, запрещали имъ также продавать на сторону собственные продукты или за дозволеніе этого требовали особаго платежа въ пользу арендаторовъ и, наконецъ, раздавали нѣкоторые продукты изъ господской экономіи крестьянамъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ они были имъ нужны, и по возвышенной цѣнѣ. Для предупрежденія на будущее время такихъ стѣснительныхъ поступковъ со стороны помѣщиковъ и арендаторовъ и невниманія ихъ къ бѣдственному положенію крестьянъ" даны были начальству мозырскаго повѣта предписанія, которыя вышеупомянутымъ указомъ 1818 г. повелѣно было распространить „на всю минскую *и на прочія отъ Польши пріобрѣтенныя губерніи*". На основаніи этихъ правилъ помѣщики должны были снабжать крестьянъ, въ случаѣ нужды, хлѣбомъ на продовольствіе и посѣвъ, и пока крестьяне не будутъ обезпечены въ прокормленіи, вывозъ хлѣба изъ имѣнія и винокуреніе воспрещается, а если и затѣмъ помѣщикъ не будетъ заботиться о продовольствіи своихъ крѣпостныхъ, то имѣніе отбирается въ казенное управленіе. Если у крестьянъ не достаетъ рабочаго скота, то владѣлецъ обязанъ засѣвать ихъ поля при помощи всей вотчины, считая эту работу въ счетъ барщины и оставивъ до окончанія сей [illegible], а затѣмъ онъ долженъ стараться снабдить всѣхъ нуждающихся крестьянъ рабочимъ скотомъ. Если крестьянинъ заболѣетъ на барщинѣ или полевымъ работамъ будетъ неблагопріятствовать погода, то слѣдуетъ въ первомъ случаѣ не считать дней его болѣзни

[1]) П. С. З. XL, 30385.

незаработанными, а во второмъ не относить работы на другое время. Далѣе идетъ рядъ предписаній о незапрещеніи крестьянамъ молоть хлѣбъ на своихъ жерновахъ, о свободной продажѣ ихъ продуктовъ, объ огражденіи отъ еврейской эксплуатаціи, о запрещеніи экономамъ неумѣренно наказывать крестьянъ и проч.[1]. Въ этомъ указѣ обращаетъ на себя вниманіе предписаніе, что *„господская работа должна отправляться крестьянами не больше, какъ въ положенныхъ оныхъ инвентаряхъ“*; на первый взглядъ можетъ показаться, что это правило заключаетъ въ себѣ точное опредѣленіе крестьянскихъ повинностей, но этого вовсе не было, такъ какъ никакой нормы ихъ, обязательной для помѣщиковъ при составленіи инвентарей, не было установлено, а законъ императора Павла о трехдневной барщинѣ не соотвѣтствовалъ особымъ порядкамъ работъ въ западной Россіи и не былъ приноровленъ къ мѣстнымъ условіямъ. Понятно, что указъ 27 марта 1818 г. долженъ былъ остаться мертвою буквою, и положеніе крестьянъ въ Западной Россіи осталось, по прежнему, крайне плачевнымъ.

Мы уже указывали, какъ много обсуждался въ царствованіе императора Александра вопросъ о воспрещеніи *продажи людей безъ земли*, однако изданы были лишь нѣкоторыя постановленія для ограниченія этой продажи. Въ первый же годъ своего царствованія государь запретилъ печатать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленія о продажѣ людей безъ земли, но этого, разумѣется, было крайне недостаточно. Еще при Екатеринѣ II проѣзжавшихъ по Россіи иностранцевъ поражала открытая продажа людей порознь на площадяхъ; въ самый Петербургъ привозили на баркахъ толпы людей для продажи[2]. Правительство императора Александра обратило вниманіе на открытый торгъ крѣпостными на ярмаркахъ по слѣдующему поводу. Въ палатѣ рязанскаго суда было начато дѣло о проданныхъ на урюпинской ярмаркѣ подпоручикомъ Гололобовымъ по довѣренностямъ Головина и его жены крѣпостныхъ людяхъ безъ земли и съ разлученіемъ нѣкоторыхъ семействъ; палата рѣшила Головинымъ и Гололобову „за такой торгъ людьми, на ярмаркахъ производимый и въ благоустроенномъ государствѣ нетерпимый, сдѣлать въ присутствіи дворянскаго собранія выговоръ“. Государь утвердилъ въ 1808 г. рѣшеніе палаты, велѣлъ опубликовать объ этомъ случаѣ повсемѣстно и строго подтвердить на будущее время, чтобы „люди безъ земли лично и поименно на ярмаркахъ и торгахъ отнынѣ впредь не были привозимы и продаваемы и чтобъ никакихъ крѣпостей, ни сдѣлокъ, ни вѣрющихъ пи-

[1]) П. С. З. XXXV, 27316.

[2]) См. мою книгу: „Крестьяне при Екатеринѣ II“, т. I, 152—153; [illegible] „La Russie et les Russes“ II, 334.

семъ на таковыя продажи на ярмаркахъ не совершать и не записывать, подъ опасеніемъ что люди симъ образомъ лично, поименно и безъ земли на ярмаркахъ и торгахъ купленные" не только не будутъ признаваемы крѣпостными купившихъ ихъ, но по открытіи такой покупки, будутъ причислены въ казенное вѣдомство, а купившіе ихъ подвергнутся взысканію, назначенному законами за насильное владѣніе людьми [1]). Нужно замѣтить впрочемъ, что это распоряженіе не достигло своей цѣли, и урюпинская ярмарка до самаго уничтоженія крѣпостнаго права была мѣстомъ сбыта крѣпостныхъ по одиночкѣ, причемъ пріобрѣтателями являлись даже азіатскіе купцы. Въ 1812 г., какъ мы уже упоминали выше, было запрещено на будущее время выдавать вѣрющія письма и совершать по нимъ купчія крѣпости на *продажу* людей по одиночкѣ и безъ земли. Нѣкоторыя губернскія учрежденія поняли это распоряженіе, какъ совершенное запрещеніе продажи людей безъ земли, но сенатъ разъяснилъ, что продажа людей порознь и безъ земли самими владѣльцами и выдача довѣренности на ихъ *покупки* должны остаться на прежнемъ основаніи [2]). Затѣмъ въ 1820 г. вопросъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли обсуждался въ государственномъ совѣтѣ, но и на этотъ разъ рѣшенъ не былъ. Что, однако же, и послѣ того государь не считалъ этого дѣла поконченнымъ, видно изъ повелѣнія, даннаго имъ въ 1822 г. о пріостановкѣ публикацій въ сенатскихъ объявленіяхъ относительно продажи людей безъ земли „впредь до воспослѣдованія о семъ положенія въ государственномъ совѣтѣ" [3]). Въ 1823 г. вопросъ этотъ вновь обсуждался въ государственномъ совѣтѣ [4]), однако же, въ царствованіе Александра I онъ рѣшенъ не былъ, а при императорѣ Николаѣ, въ 1829 г., дано было высочайшее повелѣніе о составленіи особаго комитета для по-

---

[1]) П. С. З. XXX, 23157, имен. ук. 14 Іюля 1808 г.

[2]) П. С. З. XXXII, 25107, 25250. Въ 1818 г. сенатъ [illegible] 1798 г. [illegible] Малороссіи [illegible] Малороссіи [illegible] 1798 г. [illegible] Арх. Госуд. Сов. Журналы по деламъ департ. законовъ, т. IV, ч. 2, стр. 323—326.

[3]) П. С. З. XXXVIII, 29192. [illegible] 1798 г. [illegible] П. С. З. т. XXXVIII, 29525.

[4]) „Девятнадцатый Вѣкъ" Бартенева, II, 169, 171.

готовленія закона по этому предмету [1], но и тогда продажа людей безъ земли запрещена не была.

Не рѣшаясь совершенно запретить безземельную продажу крѣпостныхъ императоръ Александръ старался, по крайней мѣрѣ, по примѣру Екатерины II, преслѣдовать торговлю рекрутами, еще въ XVIII вѣкѣ, несмотря на запрещеніе ея закономъ, принявшую обширные размѣры (Радищевъ въ своей извѣстной книгѣ и А. Р. Воронцовъ въ государственномъ совѣтѣ въ 1802 г., указывали на различные способы обхода этого запрещенія). Въ 1804 г. „для совершеннаго пресѣченія продажи людей въ рекруты, давно уже запрещенной, но подъ разными предлогами досел̂ѣ еще существующей", именнымъ указомъ было предписано: 1) людей, ни вступающихъ въ мѣщанское званіе или приписывающихся къ казеннымъ селеніямъ, ни ихъ самихъ, ни дѣтей ихъ, прижитыхъ до приписки, не отдавать и не принимать въ рекруты до общей ревизіи; дѣти же, рожденныя послѣ приписки, могутъ быть отдаваемы въ рекруты, но не иначе, какъ по дошедшей до ихъ семействъ очереди; 2) крѣпостныхъ людей, продаваемыхъ безъ земли, отъ одного помѣщика къ другому, принимать въ рекруты не ранѣе, какъ черезъ три года по совершеніи крѣпости на ихъ продажу; 3) прекратить и перепродажу рекрутскихъ квитанцій между помѣщиками, предоставляя имъ право отдавать излишнія въ казну, за плату 360 р. [2]. Ради обхода этого закона, придумали новую уловку: помѣщики стали покупать крѣпостныхъ людей съ нѣкоторымъ количествомъ земли и затѣмъ немедленно сдавали ихъ въ рекруты за свои имѣнія; государь повелѣлъ и на такія фиктивныя покупки съ землею распространить правило о несдачѣ людей въ рекруты ранѣе трехъ лѣтъ послѣ ихъ пріобрѣтенія. Но, несмотря на это, запрещенная торговля рекрутами во время наборовъ, все-таки, продолжалась [3].

Во вторую половину XVIII столѣтія помѣщики получили очень широкія права относительно *наказанія* своихъ *крѣпостныхъ*: въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы имъ было дозволено отправлять крѣпостныхъ на поселеніе, причемъ мужчины зачитались имъ даже за рекрутъ, а Екатерина II въ 1765 г. разрѣшила отдавать крѣпостныхъ и въ каторжную работу. Послѣдняя прерогатива помѣщиковъ была отмѣнена въ царствованіе императора Александра I въ 1809 г. Поводомъ для этого послужило то, что въ 1807 г., на основаніи указа 1765 г., былъ присланъ въ адмиралтействъ-коллегію крестьянинъ помѣщицы Козлиновой, съ просьбою продержать его 20 лѣтъ на каторжной работѣ „для воздержанія отъ продерзостныхъ его поступковъ". На запросъ коллегіи.

[1] Арх. Госуд. Совѣта т. IV, ч. 2, стр. 340.

[2] П. С. З. XXVIII, 21412, 21519. Только [illegible] сохранила [illegible] рекрутскихъ квитанцій. П. С. З. XXXIII, [illegible] 17, XXXV, 27[illegible]6.

[3] П. С. З. XXXI, 24220, XXXIII, 26046, XXXVIII, 29,070.

сохраняетъ ли свою силу законъ 1765 г., первый департаментъ сената отвѣчалъ утвердительно и предписалъ ей исполнить требованіе помѣщицы. Но государь нашелъ, что съ изданіемъ учрежденія о губерніяхъ и другихъ послѣдующихъ законовъ, указъ 1765 г. не долженъ уже имѣть дѣйствія, такъ какъ, для исправленія людей дурнаго поведенія, устроены смирительные и рабочіе дома, а каторжная работа опредѣлена только для важныхъ преступниковъ; за меньшія же преступленія назначена ссылка на поселеніе и другія наказанія по приговору судебныхъ мѣстъ. Поэтому государь въ 1809 г. повелѣлъ отмѣнить постановленіе сената относительно крестьянина помѣщицы Козлаиновой и впредь въ подобныхъ случаяхъ поступать на основаніи послѣднихъ узаконеній [1]. Ссылку крѣпостныхъ на поселеніе, по желанію помѣщиковъ, государь также приказалъ въ 1802 г. остановить „впредь до повелѣнія“ [2]). Такого повелѣнія, однако, не послѣдовало. Въ 1811 г. тверская помѣщица Воробьева за недоказанный побѣгъ своихъ крестьянъ просила сослать ихъ на поселеніе, и тверская уголовная палата готова была исполнить ея желаніе, но этого не допустилъ генералъ-губернаторъ, принцъ Георгій Гольштейнъ-Ольденбургскій, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошелъ къ правительству съ просьбою о разрѣшеніи, „слѣдуетъ ли помѣщичьихъ крестьянъ ссылать на поселеніе, когда они, за преступленія меньшія, нежели смертоубійство и т. п., назначаются туда по желанію ихъ владѣльцевъ и по приговору суда, и однихъ ли ихъ отсылать или съ ихъ семействами и безъ различія ли лѣтъ“. Въ данномъ по этому случаю именномъ повелѣніи было разъяснено, что крѣпостные, на основаніи указовъ 1765 и 1799 гг., принимались, по желанію помѣщиковъ, на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ за рекрутъ, не какъ преступники, а „для населенія полуденнаго Сибирскаго края изъ людей, никакого преступленія не учинившихъ“, причемъ эти люди и назывались „государственными поселянами“; но такая отправка въ 1802 г. была остановлена. Что же касается ссылки крѣпостныхъ на поселеніе, то она производится не по просьбѣ или желанію помѣщика, а по закону, причемъ преступникъ ссылается одинъ и безъ различія лѣтъ, тогда какъ по желанію помѣщика они отправлялись на его счетъ, съ женами, и не старѣе 45 лѣтъ. Но для ссылки на поселеніе по приговору судебныхъ мѣстъ крѣпостной долженъ совершить не какой-нибудь маловажный проступокъ (вродѣ сомнительнаго побѣга крестьянъ Воробьевой), а одно изъ слѣдующихъ преступленій: кражу выше ста рублей, неоднократное воровство, пристанодержательство и т. п.; за маловажныя же преступленія крестьяне подвергаются полицейскому наказанію, опредѣленному закономъ, съ возвратомъ на прежнее мѣстожи-

[1]) П. С. З. т. XXX, 23530.
[2]) П. С. З. XXVII, 20119, п. 3.

тельство или содержаніе въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ [1]). Однако, то, что было постановлено въ первую половину царствованія императора Александра I относительно ссылки крѣпостныхъ на поселеніе по желанію помѣщиковъ, впослѣдствіи подверглось измѣненію. Поводомъ къ этому послужило то, что новгородскіе помѣщики Протасовы не пожелали принять къ себѣ обратно своихъ дворовыхъ, судившихся за намѣреніе отравить госпожу, но, по недоказанности преступленія, оправданныхъ и возвращенныхъ на прежнее жительство. Тогда, по просьбѣ помѣщиковъ, уѣздный судъ приговорилъ сослать этихъ людей на поселеніе въ Сибирь, зачтя ихъ въ рекруты; губернское правленіе нашло это постановленіе несогласнымъ съ приведеннымъ выше указомъ 1811 г., предоставившимъ помѣщикамъ право отдать своихъ людей въ военную службу: одинъ изъ нихъ и былъ отданъ въ рекруты, другой же по лѣтамъ оказался негоднымъ. Тогда помѣщикъ просилъ принять этого человѣка въ казенное вѣдомство безъ зачета. Въ первомъ департаментѣ сената произошло по этому дѣлу разногласіе, общее же собраніе департаментовъ высказалось за допущеніе ссылки людей, „коихъ помѣщики за пьянство и другіе продерзостные проступки, причиняющіе имъ безпокойства, имѣть при себѣ не пожелаютъ“, и которые окажутся неспособными къ военной службѣ. Государственный совѣтъ предложилъ ссылать такихъ крѣпостныхъ по желанію помѣщиковъ на поселеніе безъ зачета въ рекруты, что и было утверждено государемъ въ 1822 г. [2]). Въ слѣдующемъ году сенатъ разъяснилъ, чтобы губернскія правленія исполняли просьбы помѣщиковъ „о ссылкѣ крѣпостныхъ ихъ людей за дурные поступки въ Сибирь на поселеніе“, не производя по этимъ дѣламъ никакихъ изслѣдованій въ судебныхъ мѣстахъ [3]). Въ 1824 г. было еще пояснено, чтобы крѣпостныхъ людей принимали для ссылки въ Сибирь на поселеніе и безъ ограниченія лѣтъ [4]). Нужно замѣтить, что въ указѣ 1822 г. шла рѣчь объ отправкѣ на поселеніе по желанію помѣщика, безъ зачета въ рекруты только людей, негодныхъ къ службѣ, а указы 1823—24 годовъ были даны лишь въ разъясненіе указа 1822 г., тѣмъ не менѣе различныя учрежденія толковали ихъ не одинаково: одни принимали отъ помѣщиковъ для отсылки на поселеніе только негодныхъ къ военной службѣ, другіе же придавали болѣе общій смыслъ этимъ законамъ. По этимъ причинамъ въ коммиссіи составленія законовъ въ 1824 г. былъ изготовленъ новый проектъ правилъ относительно ссылки крѣпостныхъ на поселеніе

[1]) П. С. З. XXXI, 21707.

[2]) П. С. З. XXXVIII, 28954. Арх. Госуд. Сов. т. IV, ч. 2, стр. 347—49.

[3]) П. С. З. XXXVIII, 29507.

[4]) П. С. З. XXXIX, 29821. Представляя крѣпостныхъ для [illegible] помѣщики должны были вносить кормовыя деньги по расчету [illegible] ихъ одеждою и обувью. П. С. З. XXXIX, 29930.

въ Сибирь по усмотрѣнію помѣщика, который разсматривался и въ государственномъ совѣтѣ, но въ царствованіе императора Александра осуществленъ не былъ [1]. Кромѣ права отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу и ссылать ихъ на поселеніе, помѣщики получили во второй половинѣ XVIII вѣка возможность во всякое время отдавать ихъ въ военную службу съ зачетомъ за рекрутъ во время рекрутскихъ наборовъ. Право это они сохранили и во все время царствованія Александра I [2]. Относительно содержанія крѣпостныхъ въ смирительныхъ и рабочихъ домахъ, въ указѣ 1811 г. было сказано, что помѣщичьи крестьяне отсылаются туда безъ суда и по волѣ помѣщиковъ, *но не иначе, какъ по объявленнымъ ими причинамъ* [3]).

Относительно правъ крѣпостныхъ, какъ членовъ государства, въ царствованіе имп. Александра I были изданы слѣдующія постановленія. Въ 1803 г. государь узналъ, что крѣпостные люди, за казенныя и частныя взысканія съ ихъ помѣщиковъ, отдаются судебными мѣстами въ работу, и получаемыя за то деньги обращаются на удовлетвореніе долговъ помѣщиковъ. Найдя такія мѣры „крайне несправедливыми“, государь повелѣлъ сенату сдѣлать распоряженіе, чтобы никто не подвергался наказанію за чужую вину [4]). Заводить фабрики и заводы крестьянамъ было дозволено только съ согласія помѣщиковъ [5]); взять подрядъ на работу можно было также лишь съ дозволенія помѣщика [6]).—Что касается вопроса о пріемѣ крѣпостныхъ въ учебныя заведенія, то въ медико-хирур-

[1]) Арх. Гос. Сов. т. IV, ч. 2, стр. 349—54.

[2]) П. С. З. XXVII, 20212. Относительно крѣпостныхъ, поступавшихъ въ военной службѣ, государь въ 1802 г. повелѣлъ, что бы такихъ людей, кромѣ престарѣлыхъ и [illegible] П. С. З. XXVII, 20265, XXX, 23271 [illegible] 1822 г. [illegible] П. С. З. XXXVIII, 29[illegible], [illegible] XXXIV, 2[illegible], XL [illegible] 1820 г. министерство внутреннихъ дѣлъ [illegible] губерніи объ огражденіи крѣпостныхъ отъ притѣсненій со стороны помѣщиковъ.

[3]) П. С. З. XXXI. 24707.

[4]) П. С. З. XXVII, 20966.

[5]) П. С. З. т. XXXV, 27600, 28 Дек. 1818 г., XXXVI, 27839.

[6]) П. С. З. XL, № 30444. [illegible] исправности. П. С. З. XXXI, 24425.

гическую академію помѣщикамъ было дозволено отдавать своихъ людей со внесеніемъ всей суммы на ихъ содержаніе, съ тѣмъ условіемъ, что такой крѣпостной по окончаніи курса обязуется пробыть 6 лѣтъ на службѣ у своего помѣщика, послѣ чего онъ получаетъ полную свободу. Во время жизни этихъ медиковъ у помѣщиковъ, послѣдніе обязаны давать имъ содержаніе, по крайней мѣрѣ равное тому, которое производилось имъ въ академіи, и не имѣютъ права подвергать ихъ тѣлесному наказанію, въ случаѣ же нарушенія правилъ пострадавшій могъ просить защиты въ ближайшемъ присутственномъ мѣстѣ [1]).

Въ началѣ царствованія Александра I крѣпостные крестьяне получили право *выкупаться на свободу* съ землею съ согласія помѣщика на основаніи правилъ о такъ называемыхъ свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ, въ концѣ царствованія, крѣпостные крестьяне въ Грузіи получили еще право выкупаться на свободу въ случаѣ продажи имѣнія съ публичнаго торга. Дѣло это было возбуждено главноуправляющимъ Грузіею, извѣстнымъ Ермоловымъ, который препроводилъ къ министру юстиціи рапортъ мѣстнаго прокурора о томъ, что верховное грузинское правительство, въ случаѣ несостоятельности должниковъ, хотя и вызываетъ желающихъ на покупку ихъ крестьянъ, но когда послѣ троекратной и болѣе публикаціи никто не является къ торгамъ, принуждено бываетъ отдавать ихъ заимодавцамъ, по предварительной оцѣнкѣ, которая обыкновенно ниже настоящей цѣны. Прокуроръ предлагалъ, чтобы по троекратномъ вызовѣ желающихъ на покупку крестьянъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга, по долговымъ и другимъ претензіямъ частныхъ лицъ, вызывать и самихъ крестьянъ и предлагать имъ внести за себя послѣднюю состоявшуюся по переторжкѣ цѣну или, если торговъ не было, внести полную сумму по оцѣнкѣ и затѣмъ принимать ихъ съ имуществомъ въ казенное вѣдомство. На основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, это разрѣшено было государемъ для одной только Грузіи, съ тѣмъ, чтобы выкупившіеся крестьяне пріобрѣтали личную свободу и право собственности на землю и вступали въ сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ [2]).

При Екатеринѣ II было запрещено закрѣплять вольныхъ людей даже по ихъ собственному желанію. Въ царствованіе императора Александра было установлено правило, что лица, хотя бы непродолжительное время пользовавшіяся свободою, не должны снова дѣлаться крѣпостными. Въ 1810 г. запрещено возвращать въ помѣщичье владѣніе даже тѣхъ, которые зачислятся въ свободное состояніе по какому нибудь поводу, и велѣно, въ удовлетвореніе помѣщика, выдавать сумму, назначенную за

---

[1]) П. С. З. XXX, 23185 и XLV, 23193. Въ [illegible] крѣпостныхъ было запрещено. П. С. З. XXVIII, 21532.

[2]) П. С. З. XXXIX, 29806.

рекрута. Въ 1818 г. подтверждено, что разъ получившій свободу — по отпускной ли помѣщика, или по распоряженію правительства — уже не можетъ быть возвращенъ въ крѣпостное состояніе, что было еще разъ повторено и въ 1821 г., съ разъясненіемъ, что помѣщики, въ тѣхъ случаяхъ, когда свобода ихъ крѣпостнымъ была дана неправильно, вознаграждаются зачетными квитанціями [1]).

Таковы были мѣры, принятыя въ царствованіе имп. Александра I въ собственной Россіи для ограниченія крѣпостнаго права. Въ началѣ настоящей главы было указано, что въ это же самое время наиболѣе интеллигентными представителями общества предъявлялись слѣдующія требованія по этому предмету: запретить отчужденіе крестьянъ безъ земли ограничить ихъ повинности относительно помѣщика, запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ, ограничить право помѣщиковъ наказывать крестьянъ, даровать крѣпостнымъ право собственности на движимое имущество и назначить опредѣленный размѣръ выкупа на свободу. Ни одно изъ этихъ требованій исполнено не было, за исключеніемъ того, что помѣщики потеряли право подвергать крестьянъ наиболѣе тяжкому наказанію — отдачѣ ихъ въ каторжную работу.

Что же касается осуществленія въ Остзейскомъ краѣ совѣтовъ тѣхъ, которые рекомендовали безземельное освобожденіе крестьянъ, то, какъ извѣстно, эти мѣры оказались крайне вредными для благосостоянія большинства земледѣльцевъ этого края.

---

[1]) П. С. З. XXXVII, 28823. Срав. 2-е П. С. З. III, 2441.

ГЛАВА XXVIII.

Отношеніе декабристовъ къ крестьянскому вопросу.

Мы видимъ такимъ образомъ, что, несмотря на всѣ либеральныя мечтанія императора Александра I относительно уничтоженія крѣпостнаго права, въ его царствованіе этотъ трудный вопросъ былъ рѣшенъ, и то весьма неудовлетворительно, лишь въ Остзейскомъ краѣ: что касается собственной Россіи, то даже для ограниченія крѣпостнаго права было принято слишкомъ мало мѣръ. Такая крайняя медлительность правительства въ самомъ главномъ дѣлѣ внутренней политики возбуждала, само собою разумѣется, недовольство въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи и въ особенности въ молодомъ поколѣніи, и это недовольство еще болѣе усиливалось вслѣдствіе того, что о крестьянскомъ вопросѣ было почти совершенно невозможно говорить въ печати. Существованіе крѣпостнаго права со всѣми его злоупотребленіями и бездѣятельность правительства въ крестьянскомъ дѣлѣ были, по признанію нѣкоторыхъ декабристовъ, одною изъ главныхъ причинъ ихъ вступленія въ тайное общество. Одинъ изъ членовъ этого общества, поэтъ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, объясняя во время слѣдствія причины, побудившія его желать измѣненія существующаго порядка, сказалъ, что одною изъ нихъ была распространяющаяся въ простомъ народѣ порча нравовъ, особенно-же лукавство и недостатокъ честности, которыя онъ приписывалъ угнетенію и всегдашней неувѣренности раба относительно права пользованія своимъ имуществомъ. „Признаюсь“, продолжаетъ онъ, „что эта причина была для меня одна изъ самыхъ главныхъ, ибо, взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій . . . я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ, не принеся никакого плода въ нравственномъ мірѣ“. Другой членъ тайнаго общества, Крюковъ, объясняя въ своихъ показаніяхъ причины вступленія въ общество, указывалъ, между прочимъ, на то, что въ подольской губерніи онъ видѣлъ, „до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками и жи-

лами". Пестель, описывая то, какимъ образомъ онъ пришелъ къ своимъ крайнимъ воззрѣніямъ, говоритъ: „обращалъ я также мысли на положеніе народа, причемъ всегда сильно поражало меня рабство помѣщичьихъ крестьянъ, а равно дѣйствовали на меня преимущества аристократіи, которую считалъ я, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ истинное положеніе народа укрывающею" [1]. Якушкинъ въ своихъ Запискахъ разсказываетъ, что въ половинѣ 1810-хъ годовъ въ бесѣдахъ того кружка гвардейскихъ офицеровъ, въ которомъ онъ вращался по своему служебному положенію, обыкновенно шелъ разговоръ о положеніи Россіи. „Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами". Самъ онъ, еще въ 1816 г., пріѣхавъ въ свое небольшое имѣніе смоленской губерніи, объявилъ своему дядѣ, который управлялъ этимъ имѣніемъ, что онъ желаетъ освободить крестьянъ. „Въ это время", продолжаетъ Якушкинъ, „я не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ, но имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе — мерзость, я былъ проникнутъ чувствомъ прямой моей обязанности освободить людей, отъ меня зависящихъ" [2])

Однако, при образованіи Союза Благоденствія, составители его устава недостаточно рѣшительно высказались по крестьянскому вопросу. „Законоположеніе" этого тайнаго общества было составлено Александромъ и Михаиломъ Муравьевыми (послѣдній—столь извѣстный въ послѣдствіи графъ Мих. Ник. Муравьевъ), кн. Сергѣемъ Трубецкимъ и П. Колошинымъ [3]) въ значительной степени по уставу нѣмецкаго „Союза добродѣтели" (Тугендбунда), но любопытно, что параграфы, относящіеся къ крестьянскому дѣлу, были измѣнены и смягчены. Нѣмецкій уставъ требуетъ, чтобы вступающій въ союзъ, если имѣетъ крестьянъ, освободилъ-бы ихъ, не позже конца того-же хозяйственнаго года, отъ патріархическихъ отношеній, и обезпечилъ-бы ихъ пропитаніе достаточнымъ количествомъ земли. Въ русскомъ уставѣ этого совсѣмъ нѣтъ, и членамъ общества рекомендовалось только человѣчное отношеніе къ своимъ крѣпостнымъ, распространеніе гуманныхъ взглядовъ на крестьянъ и, въ случаѣ возможности, борьба съ злоупотребленіями крѣпостнымъ правомъ. Союзъ Благоденствія ставилъ себѣ цѣлью употреблять всѣ усилія къ искорененію пороковъ и въ томъ числѣ „жестокостей съ подвластными". Члены Союза должны были стараться „склонять помѣщиковъ къ хоро-

---

¹) Богдановичъ. Ист. царств. Александра I, т. VI, 111, 112, 116—17, 167.

²) Записки Якушкина, Лейпц. 1874 г., стр. 8, 10; срав. „Воспоминанія Бѣлова". Рус. Стар. 1880 г., т. 29, стр. 831—32, т. 30, стр. 488.

³) „Донесеніе слѣдственной коммиссіи", стр. 11—12.

щему съ крестьянами обхожденію, представляя, что подданные такіе-же люди, и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться". Они должны были также обратить вниманіе помѣщиковъ на то, чтобы они не допускали своихъ крестьянъ „бродить по міру", и тѣхъ, у кого болѣе такихъ нищихъ крѣпостныхъ, подвергать „осужденію соотечественниковъ", чтобы заставить владѣльцевъ подобныхъ имѣній „взять мѣры къ прекращенію праздношатанія". Всякій членъ Союза долженъ и самъ „въ управленіи подвластными быть добросердечнымъ и человѣколюбивымъ" и стараться „доказать всѣмъ, что жестокость съ подвластными есть дѣло безчестное, ибо участь ихъ и безъ притѣсненій заслуживаетъ не только сожалѣніе, но и всевозможное стараніе улучшить оную". Члены Союза, состоящіе на службѣ по выбору дворянства или по назначенію правительства, „выхваляютъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ добрымъ съ подвластными обхожденіемъ", а также „истребляютъ продажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, отклоняютъ вообще отъ продажи ихъ по одиночкѣ, стараясь вразумить, что люди не суть товаръ и что только исключительно однимъ народамъ, непросвѣщеннымъ свѣтомъ христіанства, почитать подобныхъ себѣ собственностью, участью коей каждый, имѣющій оную, располагать можетъ по произволенію" [1].

Одинъ изъ составителей „Законоположенія Союза Благоденствія", кн. Трубецкой, описывая въ своихъ замѣткахъ тогдашнее положеніе Россіи, говоритъ: „Язва крѣпостнаго состоянія располагаетъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ, въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ (какъ былъ примѣръ тому во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той-же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея" [2].

Далѣе Трубецкой указываетъ на весьма неодинаковое положеніе низшаго класса въ Россіи. „Въ Финляндіи свобода, въ народахъ магометанской вѣры и идолопоклонническихъ также, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникла, въ царствѣ Польскомъ существовала въ законѣ, но не въ самомъ дѣлѣ. Одни только христіане, и то большею частью православные, подвержены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные великороссійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки,

[1] А. Н. Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", изд. 2-е, 1885 г., стр. 378—79, 506, 521, 523, 524, 529.

[2] [illegible] С. П. Трубецкого [illegible] 1816 г., представленной гр. Милорадовичемъ государю.

одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ" повинностей крѣпостныхъ крестьянъ. „Помѣщикъ налагаетъ ее по произволенію, изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или, отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичьихъ въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ и Польской Украинѣ живутъ почти круглый годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго; пьянство одна отрада ихъ, и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы основанные на безнравственности народа; правосудіе — продажное; взятки — должный доходъ чиновника! Вотъ зло съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и чрезъ его только истребленіе можно было водворить въ отечествѣ благостояніе. Этотъ подвигъ общество поставило себѣ обязанностью и уставъ долженствовалъ быть составленъ такъ, чтобъ велъ къ выполненію его. Достигло-ли того общество сочиненіемъ его, есть вопросъ, котораго я рѣшить не берусь, но думаю, что если вполнѣ не достигло, то, по крайней мѣрѣ, не удалилось отъ предмета своей цѣли. В. А. Жуковскій, которому онъ былъ впослѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, и что онъ счастливымъ бы себя почелъ, если-бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія, но что, къ несчастію, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы" ¹).

Иначе отнесся къ этому дѣлу Н. И. Тургеневъ, который уже пріобрѣлъ тогда извѣстность своею книгою „Теорія налоговъ", изданною въ 1818 г.

„Въ концѣ 1819 г.", разсказываетъ Н. Тургеневъ въ своихъ мемуарахъ, „однажды ко мнѣ пришелъ кн. Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя въ долгія предварительныя объясненія, онъ сказалъ мнѣ, что, судя потому, что онъ могъ знать обо мнѣ и о моихъ мнѣніяхъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ предложить мнѣ вступить въ общество, уставъ котораго онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ представилъ: это былъ уставъ „Союза Благоденствія"... Общество ставило себѣ цѣлью *общее благо*. Члены общества должны были быть раздѣлены на различные классы или отрасли, изъ которыхъ одна должна была заниматься распространеніемъ просвѣщенія, другая правосудіемъ, третья политическою экономіею и финансами и т. д. Въ подобномъ планѣ не было для меня ничего соблазнительнаго. Я не вѣрилъ, чтобы въ Россіи какое нибудь общество могло доставить средства для достиженія столь важнаго и сложнаго результата, какой имѣли въ виду въ этомъ предпріятіи... Прибавлю, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я былъ удивленъ и огорченъ тѣмъ, что, не-

¹) „Записки кн. Трубецкаго", Лейпц. 1875 г., стр. 100—103.

смотря на выраженіе многихъ добрыхъ намѣреній въ уставѣ общества, въ немъ не было и рѣчи о дѣлѣ, въ моихъ глазахъ самомъ важномъ: *уничтоженіи крѣпостнаго права*... Однако, я не счелъ себя въ правѣ слѣдовать примѣру моего друга поэта" (В. А. Жуковскаго): „я думалъ, что всякій честный человѣкъ долженъ отложить въ сторону неважныя соображенія относительно формы, не обращать вниманія на личныя неудобства и даже опасности, если онъ можетъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать дѣлу нравственному и полезному. Упущеніе, о которомъ я упомянулъ, быть можетъ, содѣйствовало принятому мною рѣшенію, такъ какъ я тотчасъ-же составилъ планъ обратить вниманіе общества на вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Я немедленно объявилъ объ этомъ моему собесѣднику и, убѣдившись изъ его словъ, что какъ онъ, такъ и его друзья воодушевлены наилучшими намѣреніями относительно бѣдныхъ русскихъ крѣпостныхъ, почувствовалъ сладостную надежду, что будетъ подвинуто впередъ дѣло, составляющее предметъ моихъ постоянныхъ заботъ".

Вступивъ въ общество, Н. И. Тургеневъ предложилъ, чтобы каждый членъ его далъ обязательство „сдѣлать немедленно все, что будетъ въ его власти, во первыхъ, чтобъ ослабить крѣпостное право, а затѣмъ содѣйствовать его уничтоженію. Каждый изъ васъ, говорилъ я имъ, владѣетъ или будетъ владѣть крѣпостными: если вы владѣете ими, дайте немедленно свободу тѣмъ, которые состоятъ въ вашемъ личномъ услуженіи, и примите мѣры для освобожденія крестьянъ, обратившись къ правительству, такъ какъ законъ это позволяетъ. Такимъ образомъ, не только нѣсколькими крѣпостными будетъ менѣе, но и правительство, и общество увидятъ, что уважаемые помѣщики желаютъ, чтобы крѣпостные сдѣлались людьми свободными. Тогда мысль объ эмансипаціи укрѣпится, и къ ней начнутъ привыкать. Чтобы насколько возможно подкрѣпить свою проповѣдь примѣромъ, я прибавилъ, что дамъ отпускныя моимъ слугамъ, что и исполнилъ немедленно. Мое предложеніе было принято безъ затрудненій; но результатъ далеко не отвѣчалъ моимъ желаніямъ...

„Что касается споровъ о политической свободѣ и о конституціяхъ", продолжаетъ Тургеневъ, „то я былъ слишкомъ поглощенъ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, чтобы много ими заниматься... Я не относился къ этимъ спорамъ индифферентно. Я, конечно, имѣлъ опредѣленныя мнѣнія о главныхъ вопросахъ политической организаціи, о представительствѣ, свободной печати, равенствѣ передъ закономъ, организаціи власти законодательной, исполнительной и судебной; я не отказался бы дѣйствовать и даже пожертвовать собою, чтобы добиться гарантирующихъ все это учрежденій, тотчасъ же, какъ только будетъ уничтожено крѣпостное право; но пока существуетъ рабство, всѣ мои мысли были сосредоточены исключительно на томъ, что я считалъ самымъ большимъ зломъ, требующимъ самаго быстраго леченія... По моему мнѣнію, всѣ вопросы подчинены во-

просу объ освобожденіи крѣпостныхъ. Когда я замѣчалъ въ своихъ собесѣдникахъ стремленіе къ политической свободѣ безъ желанія освободить крѣпостныхъ, негодованіе овладѣвало мною; видя меня, можно было бы подумать, что я защищаю абсолютизмъ. Это рѣдко случалось съ молодыми людьми, которыхъ мнѣ всегда удавалось убѣждать, но съ лицами пожилыми, поставленными на вершинѣ общественной пирамиды и болѣе или менѣе проникнутыми аристократическими принципами, которые прежде всего мечтали о палатѣ пэровъ и т. п., споръ дѣлался страстнымъ, даже рѣзкимъ, и тогда я особенно часто увлекался до проповѣди о выгодахъ, представляемыхъ неограниченною верховною властью въ странѣ, гдѣ существуетъ крѣпостное право“ [1]).

Либеральные взгляды на крестьянскій вопросъ, распространенные среди молодежи, примкнувшей къ тайному обществу, были странны и чужды громадному большинству нашего высшаго сословія. Когда И. Д. Якушкинъ еще въ 1816 г., какъ мы видѣли, объявилъ своему дядѣ, что хочетъ освободить крестьянъ, тотъ выслушалъ это предположеніе „даже безъ удивленія, но съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ“: онъ былъ увѣренъ, что его племянникъ сошелъ съ ума. Многіе изъ членовъ тайнаго общества „стали при всѣхъ случаяхъ гремѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы: палка, крѣпостное состояніе и проч. Теперь покажется невѣроятнымъ“, писалъ Якушкинъ въ 1855 г., „чтобы вопросы, давно уже порѣшенные между образованными людьми, 38 лѣтъ тому назадъ были вопросами совершенно новыми даже для людей, почитаемыхъ тогда образованными, т. е. для людей, которые говорили по-французски и были нѣсколько знакомы съ французскою словесностью... Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе — какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія уничтожалось и самое дворянство... Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины“. И. Д. Якушкинъ рѣшился сдѣлать, что могъ, для своихъ крѣпостныхъ. Когда въ 1819 г. онъ заѣхалъ въ свое смоленское имѣніе, крестьяне стали просить его, такъ какъ онъ не служилъ, чтобы онъ пріѣхалъ пожить съ ними: по ихъ словамъ, его присутствіе будетъ полезно уже тѣмъ, что при немъ ихъ будутъ менѣе притѣснять. Молодой помѣщикъ охотно исполнилъ эту просьбу. Первымъ распоряженіемъ его было — уменьшить на половину господскую запашку; затѣмъ многіе отяготительные поборы были отмѣнены. Онъ допускалъ всѣхъ крестьянъ къ себѣ и, по возможности, удовлетворялъ ихъ

[1]) La Russie et les Russes I, 77—78, 81—83.

просьбы: вскорѣ отучилъ ихъ кланяться въ ноги и стоять передъ бариномъ безъ шапки, когда онъ самъ былъ въ шляпѣ. За проступки они наказывались не иначе, какъ по приговору всѣхъ домохозяевъ. Затѣмъ онъ сталъ подготовлять тотъ планъ совершеннаго освобожденія своихъ крѣпостныхъ съ предоставленіемъ въ ихъ собственность усадебныхъ земель, о которомъ было разсказано въ гл. XXV и который ему не удалось привести въ исполненіе вслѣдствіе несочувствія этому дѣлу крестьянъ и по несогласію администраціи. Въ 1820 г. Якушкинъ, узнавъ о разныхъ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ въ его имѣніи земскимъ засѣдателемъ во время отсутствія помѣщика, былъ такъ возмущенъ, что написалъ адресъ къ императору, гдѣ излагалъ всѣ бѣдствія Россіи и предлагалъ созвать земскую думу. Адресъ этотъ, по мысли Якушкина, должны были подписать всѣ члены Союза Благоденствія, но, по совѣту одного изъ членовъ общества, адресъ былъ уничтоженъ. Такъ какъ нѣкоторые члены общества были недовольны бездѣйствіемъ Союза Благоденствія, то на съѣздѣ въ Москвѣ, въ январѣ 1821 г., было объявлено, что онъ прекращаетъ свое существованіе. Такимъ образомъ, ненадежные члены были удалены изъ общества, но оно возродилось въ видѣ двухъ главныхъ отдѣловъ — Сѣвернаго и Южнаго обществъ [1].

Относительно одного изъ членовъ тайнаго общества, Лунина, мы имѣемъ извѣстіе недостаточно ясное. По словамъ Д. Завалишина, „Лунинъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, но встрѣтилъ въ томъ препятствіе (со стороны ли правительства, или какое иное — неизвѣстно; вѣроятно, предположенія его, какъ и Якушкина, противорѣчили правиламъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ); онъ хотѣлъ дать свободу хотя по завѣщанію, но родные оспаривали завѣщаніе, что и было причиною неудовольствія Лунина на сестру" [2]. Либеральные взгляды Лунина на крестьянскій

[1] Въ 1821 г. Якушкинъ [illegible] Пассекъ [illegible] стр. [illegible] 72, 77, 81—82.

[2] Д. Завалишинъ, „Декабристъ М. С. Лунинъ". Истор. Вѣстн. 1880, № 1, стр. 149. [illegible]

янскій вопросъ видны изъ его статьи „Взглядъ на тайное общество въ Россіи (1816—1826)“, въ которой онъ говоритъ, что это общество „подняло голосъ противъ рабства и торга русскими, несовмѣстнаго съ божьими и человѣчьими законами“; по его же словамъ, партія, враждебная тайному обществу, „состояла изъ той части дворянъ, которая боялась лишиться крѣпостныхъ и своихъ правъ“ [1]).

Дѣятельнѣе всѣхъ работалъ для крестьянскаго дѣла Н. И. Тургеневъ: въ 1819 г. онъ подалъ государю замѣчательную записку, въ которой предлагалъ цѣлый рядъ дѣльныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права; въ 1820 г. пытался устроить съ этою же цѣлью гласное общество; наконецъ, онъ могъ оказать много услугъ крестьянскому дѣлу по своему служебному положенію: проектъ прекращенія продажи людей безъ земли, въ составленіи котораго онъ принималъ участіе въ 1820 г., былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ, но во многихъ частныхъ случаяхъ дѣла, въ которыхъ были заинтересованы крѣпостные крестьяне, получали благопріятное рѣшеніе, особенно въ искахъ относительно освобожденія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ общинъ. Кромѣ того онъ заключилъ со своими крестьянами частный договоръ, подобный тѣмъ, которые были установлены указомъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ [2]). Упомянемъ еще, что членъ тайнаго общества, баронъ В. И. Штейнгель, написалъ въ 1823 г. записку о необходимости уничтожить продажу людей, которую и представилъ государю.

„Всѣ декабристы, сколько мнѣ извѣстно“, говоритъ Е. Я., авторъ одной изъ статей о Рылѣевѣ, „признавали необходимость освобожденія крестьянъ... относительно же способовъ освобожденія мнѣнія были различны. Одни высказывали самый широкій взглядъ на владѣніе землею (Пестель и нѣкоторые члены Южнаго общества), который казался другимъ утопическимъ. Освобожденіе крестьянъ безъ земли представлялось для нихъ немыслимымъ. Другіе были за личное освобожденіе... и считали освобожденіе съ землею невозможнымъ. Третьи, и въ томъ числѣ Н. М. Муравьевъ, думали, что крестьяне должны получить въ собственность только дома и огороды, остальная же земля должна остаться за помѣщиками или государствомъ (въ экономическихъ и удѣльныхъ имѣніяхъ“) [3]).

[illegible] освобождены. [illegible] самому Лунину, и освобожденіе ихъ совершилось, безъ сомнѣнія, подъ его вліяніемъ.

[1]) [illegible] 14 декабря въ Россіи [illegible]

[2]) La Russie et les Russes, I, 92, II, 343.

[3]) [illegible] „Девятнадцатый Вѣкъ“, изд. г. Бартенева, I, 361

Въ „Донесеніи слѣдственной коммиссіи“ упоминаются слѣдующіе проекты конституціи, выработанные въ тайномъ обществѣ: 1) Никиты Муравьева; 2) „Русская Правда“, Пестеля; 3) неполный проектъ, найденный въ бумагахъ кн. Трубецкаго, который былъ „не что иное, какъ списокъ конституціи Муравьева съ весьма неважными перемѣнами“, и 4) „Государственный Завѣтъ“, найденный у Сергѣя Муравьева-Апостола — сокращеніе проекта Пестеля. Такимъ образомъ, было, собственно говоря, два проекта конституціи: Никиты Муравьева (составленный въ 1822 г.) и Пестеля [1]).

Въ неоконченной конституціи, найденной въ бумагахъ кн. Трубецкаго и, какъ уже сказано, весьма сходной съ составленною Никитою Муравьевымъ, въ исчисленіи того, что предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ объ учрежденіи временнаго правительства, между прочимъ, упомянуто и „уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми“ [2]), но на какихъ основаніяхъ, — неизвѣстно. Что касается соціальныхъ взглядовъ Пестеля, то они казались Н. И. Тургеневу утопическими. „Одинъ изъ основныхъ пунктовъ теоріи Пестеля и его друзей“, говоритъ Тургеневъ, „состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать поземельную собственность нѣкоторымъ образомъ общею всѣмъ, опредѣливъ обработку ея регламентами, изданными верховною властью. По крайней мѣрѣ, они предполагали предоставить пользованіе казенными землями тѣмъ, которые не имѣли поземельной собственности. То, что законъ королевы Елизаветы гарантировалъ всякому англичанину, — право получить прокормленіе, за неимѣніемъ другихъ средствъ существованія, съ помощью налога для бѣдныхъ, они хотѣли гарантировать каждому, предоставивъ владѣніе или, скорѣе, пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли для удовлетворенія его потребностей“ [3]). По словамъ декабриста барона А. Е. Розена, П. И. Пестель предлагалъ въ „Русск. Правдѣ“ „освобожденіе всѣхъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и надѣленіе всѣхъ землею въ собственность“, а также „общинное управленіе крестьянъ“ [4]). По немногимъ выдержкамъ изъ „Русской Правды“, приведеннымъ въ „Исторіи царствованія Александра I“ Богдановича, мы знаемъ только, что, по плану Пестеля, „земли въ волостяхъ раздѣляются на участки, и каждому гражданину дается одинъ изъ участковъ; остающаяся же отъ раздачи земля составляетъ имущество всей волости и отдается въ наемъ, но не болѣе какъ на одинъ годъ... Все сіе заводится сперва въ казенныхъ селеніяхъ; господскіе же кре-

[1]) „Донесеніе слѣдствен. коммиссіи“, стр. 28—29.

[2]) *Богдановичъ*. Истор. царст. Александра I, т. VI, Прилож., стр. 56.

[3]) La Russie et les Russes I, 129—130.

[4]) Записки декабриста. Лейпц. 1870 г., стр. 145.

стьяне выкупають свою свободу деньгами, либо лѣтнею работою, и, сдѣлавшись вольными, поступають въ волости" [1]).

По свидѣтельству кн. С. П. Трубецкаго, въ проектѣ государственнаго уложенія, которое должно было выработать „временное правленіе", состоявшее изъ Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, „главными пунктами" должны были быть: „учрежденіе представительнаго правленія, по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ, и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости" [2]). Если вѣрить свидѣтельству Д. Завалишина, „нѣкоторыя давнія и мысли по крестьянскому вопросу" (вырабатываемыя въ сѣверномъ тайномъ обществѣ), „разумѣется, въ видѣ общихъ разсужденій, были прочитываемы Мордвиновымъ... который часто обращался къ этому вопросу, и на одно чтеніе свода всего, что было выработано въ совѣщаніяхъ тайнаго общества, Мордвиновъ пригласилъ маркиза Паулуччи, бывшаго генералъ-губернатора остзейскихъ провинцій, гдѣ крестьяне были освобождены... Замѣчательно, что въ нашихъ совѣщаніяхъ Г. С. Батенковъ заявлялъ мнѣніе Сперанскаго, что освобожденіе крестьянъ должно предшествовать введенію конституціи, и что тогда освобожденіе совершится легче. Большинство мнѣній склонялось къ выкупу государствомъ, что облегчалось тѣмъ, что большинство имѣній было заложено" [3]).

Рылѣевъ, а также Николай и Александръ Бестужевы въ первыхъ числахъ декабря 1825 г., по свидѣтельству П. А. Бестужева въ его Воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ, „рѣшились всѣ трое идти ночью по городу останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часоваго и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до пятнадцати лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности, съ какою слушали насъ солдаты", продолжаетъ Н. Бестужевъ: „нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ: на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ."

Нѣкоторые декабристы заявленіемъ своихъ мнѣній и послѣ ареста желали содѣйствовать тому, чтобы правительство обратило вниманіе на крестьянскій вопросъ. Такъ Якушкинъ, еще въ ожиданіи ареста, нарочно положилъ на столъ листъ съ вычисленіями относительно выкупа крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, надѣясь, что его возьмутъ вмѣстѣ съ другими бумагами, и что этотъ документъ, можетъ быть, обратитъ вниманіе правительства. Якушкинъ предложилъ арестовавшему его полицеймейстеру взять эти вычисленія, но получилъ отвѣтъ, что эти цифры совершенно

[1]) *Богдановичъ*, VI, 483—84.
[2]) Записки Трубецкаго, стр. 115.
[3]) *Д. Завалишинъ*, Декабристы. Русск. Вѣстникъ, 1884 г., № 2, стр. 844—45.

непуганы. На первомъ допросѣ во дворцѣ Якушкинъ, на вопросъ Левашова, какъ вы были его дѣятельны по обществу, отвѣчалъ: „я всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи". — „Что же вы можете сказать объ этомъ?" — спроситъ Левашовъ. — „То, что это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ или, *въ противномъ случаѣ*, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія". — „Но что же тутъ можетъ сдѣлать правительство?" — возразилъ Левашовъ. — „Оно можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ". — „Это невозможно! Вы сами знаете, какъ русское правительство скудно деньгами"[1]).

Баронъ В. И. Штейнгель, въ январѣ 1826 г. написалъ императору Николаю изъ крѣпости письмо, въ которомъ, между прочимъ, доказывалъ, что русское правительство въ царствованіе императора Александра само распространяло тѣ либеральныя идеи, которыя теперь ставятся въ вину членамъ тайнаго общества, употребляетъ такое сравненіе: „Когда вы изволите быть въ Москвѣ, то увидите въ ней въ миніатюрѣ изображеніе русскаго юношества, воспитаннаго въ XIX вѣкѣ: это училище, обществомъ сельскаго домоводства для помѣщичьихъ крестьянскихъ дѣтей учрежденное. Съ преподаваніемъ наукъ, развивающихъ высшія понятія, возвышающихъ душу, они дѣлаются людьми выше своего состоянія: и зачѣмъ все это? Чтобы по окончаніи курса отдать сихъ помѣщику, который, при первомъ капризѣ, можетъ сего образованнаго юношу послать на конюшню для тѣлеснаго наказанія. Не есть ли это то-же что точить на себя ножъ ожесточенія?" Далѣе, въ перечнѣ мѣръ, которыя, по мнѣнію барона В. И. Штейнгеля, необходимо принять правительству, онъ называетъ улучшеніе состоянія земледѣльцевъ и уничтоженіе „унизительной для націи продажи людей" („къ сему средства", прибавляетъ Штейнгель, намекая на упомянутое выше письмо его, „я имѣлъ счастье представить покойному государю")[2]). Въ показаніяхъ своихъ во время слѣдствія члены тайнаго общества также старались обратить вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ: мы указывали въ началѣ этой главы на показанія Кюхельбекера, Крюкова и Пестеля.

И во время ссылки декабристы не переставали интересоваться крестьянскимъ вопросомъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже серьезно работали надъ рѣшеніемъ этой трудной задачи. Въ Читинскомъ острогѣ декабристы читали лекціи для товарищей. Барону А. Е. Розену пришлось „пояснять личное освобожденіе крестьянъ Прибалтійскихъ губерній изъ крѣпостной зависимости безъ надѣловъ земли, безъ всякихъ выкупныхъ договоровъ, но съ общимъ правомъ *пріобрѣтенія земельной собственности* по обоюд-

[1]) Записки Якушкина, 105, 110—11.

[2]) „Историческій Сборникъ", Л. 1859 г., стр. 121, 124.

ными соглашеніями"[1]. Въ своихъ позднѣйшихъ запискахъ, объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи въ 1816 году, онъ выражается такимъ образомъ: „Дворянство эстляндское доказало свое человѣколюбіе добровольнымъ ограниченіемъ своей власти; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно сдѣлало ошибку важную, давъ личную свободу крестьянамъ, не обезпечивъ въ то же время ихъ существованія прочными постановленіями, относительно пользованія землею"[2]. М. А. Фонъ-Визинъ составилъ въ Сибири, въ 1840-хъ годахъ, нѣсколько замѣчательныхъ записокъ по крестьянскому вопросу, съ которыми мы познакомимся во II томѣ настоящаго труда. Наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, А. Н. Муравьеву, Г. С. Батенькову, М. М. Нарышкину, барону Е. А. Розену и другимъ, удалось поработать для окончательнаго уничтоженія крѣпостнаго права и въ царствованіе императора Александра II [3]).

---

[1]) „[illegible] А. И. Одоевскаго", Спб. [illegible], стр. 11.

[2]) „Записки Декабриста", Лейпц. 1870 г., стр. 437 и слѣд.

[3]) „Русскій Архивъ" 1884 г., т. III, 141, 1885 г., № 8, стр. [illegible]; „Русская Мысль" 1885 г. № 9, Смѣсь, стр. 157—164.

ПРИЛОЖЕНІЕ [1].

[illegible]

[illegible] для русскихъ, интересующихся крестьянскимъ вопросомъ.

[illegible]

1) См. стр. 48.

2) Всѣ эти письма не напечатаны.

3) *Hoeffer.* Nouvelle Biographie, ed. *Didot* 1855, vol. V, 762.

4) Все, набранное курсивомъ, подчеркнуто кн. Д. А. Голицынымъ.

добываніе пропитанія для остальныхъ гражданъ. *Развѣ въ государствахъ, руководящихся подобными принципами, мы не встрѣчаемъ обширныхъ пространствъ пустыхъ и необработанныхъ? Развѣ мы не видимъ, что нашъ крестьянинъ, оскорбляемый всевозможнымъ образомъ и подавленный самымъ позорнымъ обращеніемъ, лишается бодрости духа, дѣлается совершенно неспособнымъ къ промышленности и даже доходитъ до отчаянія, близкаго къ [illegible]"* Подчеркивая все это мѣсто, кн. Голицынъ какъ будто восклицалъ, обращаясь къ Россіи „De te fabula narratur". Тотъ же авторъ объяснялъ, какъ вредно отражается на земледѣліи обязанность крестьянъ отвозить съѣстные припасы въ города, безплатно ставить подводы и проч. Корреевъ указывалъ въ своемъ мемуарѣ на необходимость ограниченія закономъ крестьянскихъ повинностей. Неизвѣстный авторъ одного мемуара полагалъ, что нужно начать съ уничтоженія остатковъ феодальнаго правленія. „*Въ Европѣ мало странъ*", говоритъ онъ, „*которыя не были бы заражены этимъ варварствомъ*". Сеньеры не должны призывать крестьянъ ранѣе окончанія жатвы, ни за какой долгъ не слѣдуетъ дозволять отбирать скотъ или рабочіе инструменты. Авторъ осуждаетъ также сборъ десятины въ пользу монаховъ и сеньеріальныя права. Онъ требуетъ полной свободы для торговли хлѣбомъ. Жанъ Бертранъ настаиваетъ на необходимости дарованія крестьянамъ личной свободы и съ одобреніемъ указываетъ на мудрость правительства бернскаго кантона, которое еще въ XVII вѣкѣ приказало всѣмъ сеньерамъ освободить ихъ вассаловъ „мертвой руки" (mainmortables)[1]. Крѣпостные, какими являются крестьяне въ Польшѣ, Богеміи, Россіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи не будутъ бодро и разумно обрабатывать свои земли подъ тяжестью подавляющихъ ихъ цѣпей. Мнѣ кажется даже непонятнымъ, какъ государство съ рабскимъ населеніемъ можетъ сохранить свою независимость и свободу. Но одной личной свободы для развитія земледѣлія еще не достаточно, нужно еще нѣкоторое обезпеченіе крестьянина участкомъ земли. „Когда земли какого-либо государства", говоритъ Бенжаменъ Карраръ, „раздѣлены на обширныя помѣстья, онѣ обрабатываются по большей части наемными рабочими, которые вовсе не заинтересованы въ улучшеніи участка, не составляющаго ихъ собственности. Эти обширныя пространства земли были бы, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе производительны, если бы сеньеры раздѣлили ихъ и роздали въ долгосрочную аренду своимъ крестьянамъ[2]. Земледѣлецъ никогда не бываетъ такимъ старательнымъ, какъ обрабатывая свой собственный участокъ. *Слѣдовательно нужно, чтобы крестьяне были собственниками и [illegible] земли, которую они обрабатываютъ.* Небольшое пространство ихъ владѣній будетъ служить для нихъ постояннымъ побужденіемъ къ труду. Необходимость добывать пропитаніе на свою семью заставитъ ихъ усиленно возделывать свою землю. *[illegible] самихъ [illegible]. Она [illegible] сохраненія государства [illegible]"* (Какъ мы знаемъ, подобная мысль была высказана и вице-канцлеромъ Голицынымъ.) Встрѣчаемъ еще указанія на то, что для развитія земледѣлія слѣдуетъ брать въ солдаты тѣхъ и притомъ земледѣл[illegible]

1) Въ Бернѣ [illegible] крѣпостныхъ [illegible] XV [illegible] XVI [illegible] XVIII [illegible] Sugenheim, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft, S. 522.

2) [illegible] на сроки короче 15—18 лѣтъ

цевъ и по достаточнымъ источникомъ для милиціи и наборовъ должны служить лакеи и должны преступн. населяющія города; нерѣдко повторяется также мысль о необходимости наградъ и отличій для старательныхъ земледѣльцевъ (мысль, которую мы находимъ и въ извѣстномъ сочиненіи Беарде де Лабея, представленномъ въ отвѣтъ на задачу нашего вольнаго экономическаго общества о собственности крестьянъ), а въ одномъ встрѣчаемъ также указаніе на необходимость порицанія и наказаній для нерадивыхъ крестьянъ.

Хотя названныя мѣры были подсказаны желаніемъ добра для крестьянъ, но большинство изъ нихъ совершенно не подходило къ русскимъ условіямъ, а одно предположеніе, повторяющееся въ очень многихъ изъ мнѣній, излагаемыхъ кн. Голицынымъ, было бы весьма вредно для благосостоянія нашихъ крестьянъ, если бы оно нашло сочувствіе въ нашемъ правительствѣ и если бы начались попытки его осуществленія: мы разумѣемъ совѣтъ произвести раздѣлъ общинныхъ земель, въ подтвержденіе чего указывались и нѣкоторые примѣры изъ швейцарской практики. Авторы отвѣтовъ настаивали также на уничтоженіи пастьбы скота, принадлежащаго крестьянамъ, на поляхъ (послѣ снятія хлѣба), такъ какъ это дѣлаетъ обязательною однообразную систему земледѣлія.

Кн. Д. А. Голицынъ, чрезвычайно подробно передавая содержаніе отвѣтовъ на задачу бернскаго экономическаго общества, за что его благодарилъ вице-канцлеръ[1], не дѣлаетъ отъ себя почти никакихъ замѣчаній. Онъ только возвращается нѣсколько разъ къ своей излюбленной мысли о странствующихъ судьяхъ, да однажды, вопреки своему либерализму, высказывается противъ неограниченнаго распространенія грамотности въ народѣ, сходясь въ этомъ отношеніи съ нашимъ агрономомъ Рычковымъ, не проникнутымъ послѣдними выводами парижской образованности. Ж. Бертранъ оспариваетъ въ своемъ трудѣ мнѣніе, что, чѣмъ невѣжественнѣе крестьяне, тѣмъ они послушнѣе, и говоритъ, что «работникъ тѣмъ легче и точнѣе исполняетъ свое дѣло, чѣмъ болѣе онъ развитъ. Невѣжество ни на что негодно». По этому поводу кн. Д. А. Голицынъ замѣчаетъ[2], что правило требуетъ ограниченія. «Если бы всѣ крестьяне умѣли читать и писать, я убѣжденъ, что было бы очень трудно удержать ихъ въ деревнѣ и привязать къ землѣ, такъ какъ обработка земли дѣло трудное, а каждый человѣкъ любитъ удобства. Что касается религіи и обязанностей христіанина, то я думаю, что крестьянинъ, хорошо знающій Вѣрую и Отче нашъ, при 10 или 12 часахъ труда въ день, скорѣе спасется, чѣмъ монахъ въ своемъ монастырѣ». Излюбленною мыслію многихъ противниковъ рѣшительныхъ мѣръ относительно освобожденія крестьянъ было то, что нужно подготовить ихъ души къ освобожденію распространеніемъ просвѣщенія. Потому нельзя не считать со стороны кн. Д. А. Голицына немалою непослѣдовательностію, что онъ не былъ безусловнымъ поклонникомъ распространенія грамотности въ народѣ.

Извѣстія о мѣрахъ на пользу крестьянъ въ Даніи подали поводъ къ началу переписки между кн. Д. А. Голицынымъ и вице-канцлеромъ о крестьянскомъ вопросѣ; подобныя же извѣстія заставили нашего парижскаго посланника вновь возвратиться къ этому предмету. Онъ прочелъ въ газетахъ, что недавно учрежденная датскимъ королемъ коммиссія имѣетъ главною цѣлью уничтоженіе крѣпостнаго права, существующаго еще въ большинствѣ провинцій королевства, и дарованіе имъ полной личной свободы и права собственности на землю. По этому поводу кн. Д. А. выражаетъ желаніе[3], чтобы императрица приказала со-

[1]) Письмо 4 іюля 1766 г., не издано.

[2]) Въ письмѣ 10 [illegible] 1767 г., напечатано [illegible] т. XV 630—633, перепечатано въ „Сбор. моск. арх." II, 86—89.

составить себѣ точный отчетъ о положеніи датскихъ крестьянъ предъ реформою, о подготовленіи къ ней, о томъ, какъ преодолѣли встрѣтившіяся препятствія, объ ожидаемыхъ результатахъ и проч. „Можетъ быть", продолжаетъ кн. Голицынъ, „что современное положеніе Россіи еще не благопріятно такому нововведенію. Но уже великимъ шагомъ [illegible] государыня и тѣмъ, если рѣшить въ принципѣ, что подобная перемѣна необходима для блага государства и примѣтъ рядъ мѣръ для ея осуществленія въ будущемъ". Канцлеръ отвѣчалъ князю Д. А. Голицыну [1], что императрица прочла его письмо и что мѣры датскаго правительства ей уже извѣстны, такъ какъ эти уставы присланы [illegible].

Свѣдѣнія эти сохранились въ дѣлахъ коммиссіи для составленія новаго уложенія. Изъ письма кн., которое мы уже цитировали, мы узнаемъ слѣдующее о мѣрахъ Христіана VII, тогда только что вступившаго на престолъ въ 1766 г.: „Чтобы произвести общее измѣненіе въ положеніи крестьянъ, онъ началъ съ лучшаго способа, а именно съ примѣра: онъ отдалъ въ собственность земли всѣмъ крестьянамъ копенгагенскаго округа; подробности этой уступки описаны въ отдѣльной [illegible]. Особое учрежденіе заботится о точномъ опредѣленіи ихъ барщины, повинностей и ихъ правъ, которыя должны быть ненарушимыми. [illegible] тоже будетъ сдѣлано въ остальной Зеландіи и на Лааландѣ. Задуманныя королемъ дальнѣйшія предпріятія осуществятся по его возвращеніи изъ путешествія въ Нѣмецкія провинціи государства. Многіе землевладѣльцы уже слѣдуютъ примѣру государя". При семъ приложена грамота, выданная однимъ изъ нихъ своимъ крестьянамъ [2].

Вотъ что говоритъ датскій историкъ о мѣрахъ, принятыхъ въ то время въ Даніи относительно крестьянъ: „Въ началѣ своего царствованія Христіанъ VII обнаруживалъ желаніе заняться улучшеніемъ судьбы угнетенныхъ крестьянъ. Въ первые же годы онъ освободилъ отъ барщины крестьянъ копенгагенскаго округа и уступилъ имъ въ собственность ихъ участки; немного спустя онъ объявилъ, что намѣренъ освободить всѣхъ крестьянъ; этимъ прекраснымъ рѣшеніемъ онъ обязанъ вліянію своего секретаря, благороднаго Ревердиля. Тогда была учреждена коммиссія о крестьянахъ, въ которой засѣдали Ревердиль и Шлимме; ея усилія были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы уничтожить барщину и [illegible] распространить права собственности. Но Ревердиль скоро впалъ въ немилость и былъ высланъ изъ Даніи, а послѣ того какъ коммиссія была преобразована въ коллегію экономіи, дѣло приняло другой оборотъ. [illegible] положеніе крестьянъ [illegible]. [illegible] 1769 г., но эта мѣра встрѣтила много препятствій и не было [illegible]. [illegible] барщину въ опредѣленную, [illegible] ея регулированіе было предоставлено самимъ землевладѣльцамъ. [illegible] было написано сочиненіе [illegible] „Размышленія о [illegible] свободы и права собственности", но оно не было одобрено [illegible]. Когда же [illegible] министромъ сталъ Струензе, [illegible]

---

[1]) Письмо 7 янв. 1768 г. не издано.

[2]) [illegible] домахъ о крестьянскомъ вопросѣ.

[illegible] надъ крестьянами, то были приняты болѣе дѣйствительныя мѣры. Коллегія сельской экономіи снова превратилась въ коммиссію, къ участію въ которой былъ привлеченъ [illegible] и 20 февр. 1771 года [illegible] благопріятный для крестьянъ указъ, которымъ барщина была регулирована такимъ же образомъ, какъ и другія крестьянскія повинности, т. е. по таргкорнамъ [1]), и были сдѣланы многія распоряженія, чтобы обезопасить крестьянъ отъ несправедливости. Обѣщаны были изъ королевской казны ссуды фермерамъ, которые сдѣлаются собственниками. Затѣмъ коммиссія представила проектъ закона [illegible] прикрѣпленія къ землѣ, но между тѣмъ Струэнзе былъ низвергнутъ, [illegible] о сельскомъ хозяйствѣ [2]).

[1]) Въ таргкорнѣ было 24000 квадратныхъ локтей, [illegible] 12000 [illegible] Записка о [illegible] крест[illegible] въ Арх. Кол. Ин. Дѣл. [illegible] связ. 326—312, дѣло № 5.

[2]) Allen, Histoire de Danemark. P. 1879, II 197—198.

ОПЕЧАТКИ ПЕРВАГО ТОМА.

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
18	11 снизу	и что еще	что еще
39	20 „	съ остальными	съ остальнымъ
48	2 снизу	Приложеніе I.	Приложеніе.
50	3 сверху	1867 г.	1767 г.
54	10 снизу	прикнулъ	примкнулъ
55	15 сверху	Мелиссипо	Мелиссино
89	3 снизу	платье съ пошу	платья съ пошу
91	3 „	„Мат. для ист. дворянства“	„Дворянство въ Россіи“
102	20 сверху	не смотря	не смотря на
119	15 „	онъ считаетъ	оно считаетъ
1[illegible]7	5 снизу	Cadebusch	Gadebusch
176	1 „	марпинисты	мартинисты
377	1	продажу людей	продажи людей
386	6	Hud	Band

Градовскій. А. Д. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Томъ I. Спб. 1868 г. ц. 2 р.

Ключевскій. Боярская дума древней Руси. М. 1883 г. ц. 3 р. 50 к.

Латкинъ. Земскіе соборы древней Руси. Спб. 1885 г. ц. 3 р.

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія и статьи. Спб. 1876 г. ц. 2 р.

Горчаковъ. М. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода (988—1738 гг.). Спб. 1871 г. ц. 3 р.

Антоновичъ. В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. Т. I. Кіевъ. 1885 г. ц. 2 р.

Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси. Спб. 1874—77 г. 3 т., по 2 р. каждый.

Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Ц. 2 р. 50 к.

Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей XVI и XVII ст. М. 1872 г.

Забѣлинъ. И. Домашній бытъ русскихъ царицъ. М. 1872 г.

Брикнеръ. Иллюстрированная исторія Петра В. Спб. 1884 г. ц. 15 р.

Семевскій. М. И. Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ. 1692—1724. Спб. 1884 г. ц. 2 р. 50 к.

Семевскій. М. И. Слово и дѣло. 1700—1725. Спб. 1884 г. ц. 2 р.

Костомаровъ. Мазепа и Мазепинцы. Спб. 1885 г. ц. 3 р.

Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в. ч. I. Яросл. 1874 г.

Щаповъ. Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. Спб. 1870 г.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. Спб. 1870 г. ц. 3 р. 50 к.

Горчаковъ. М. Монастырскій приказъ (1649—1725 г.). Спб. 1868 г. ц. 2 р.

Знаменскій. П. Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Каз. 1873 г.

Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Т. I. Спб. 1875 г. ц. 2 р. 50 к. Т. II. Яросл. 1877 г. ц. 2 р. 50 к.

Корсаковъ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. Каз. 1880 г. ц. 3 р.

Мельниковъ. Историческіе очерки поповщины. Ч. I. М. 1864 г. ц. 1 р. 50 к.

Нильскій. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Вып. I и II. Спб. 1869 г. ц. 2 р. 75 к.

Кутеповъ. Секты хлыстовъ и скопцевъ. Каз. 1883 г. ц. 3 р.

Новицкій. Духоборцы, ихъ исторія и вѣроученіе. Изд. 2-е. Кіевъ. 1882 г. ц. 2 р.

Брикнеръ. Иллюстрированная исторія Екатерины II. 3 тома. Спб. 1885 г. ц. 18 р.

Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой 2 т ц. 5 р

Водовозовъ. Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Спб 1882 г ц. 1 р. 50 к.

Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Спб 1884 г 3 т ц. 9 р

Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа. 2 т. Спб 1870 г ц. 4 р

Мордовцевъ. Самозванцы и понизовая вольница. 2 т. Спб 1867 г ц. 2 р. 50 к.

Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II Т. I. Спб. 1881 г. ц. 3 р.

Скальковскій, А. Исторія новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго, на основаніи подлинныхъ документовъ Запорожскаго сѣчеваго архива. 3-е изд. 3 части. Одесса. 1886 г. ц. 5 р

Савельевъ, А. Трехсотлѣтіе войска Донскаго 1570—1870. Спб 1870 г ц. 1 р.

Бржескій. Государственные долги въ Россіи. 1884 г ц. 3 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Изд. 3-е Спб 1887 г. ц. 3 р.

Семевскій, В. И. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I. Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Спб 1888 г ц. 3 р. Т. II. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Николая. Спб 1888 г ц. 3 р

Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. 2-е изд. Спб. 1885 г. ц. 4 р

Корфъ, М. А. Жизнь гр. Сперанскаго. Спб 1861 г. ц. 3 р

Иконниковъ. Гр. Н. С. Мордвиновъ. Спб 1873 г ц. 4 р.

Стоюнинъ, В. Я. А. С. Шишковъ. Спб 1880 г. ц. 1 р. 50 к

Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. 4 тома. Спб 1882 г. ц. 6 р.

Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Т. I и II. Спб 1876 г ц. 4 р.

Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Спб. 1873.

Станкевичъ. Т. Н. Грановскій.

Иванюковъ. Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Спб 1882 г ц. 3 р.

Головачевъ, А. А. Десять лѣтъ реформъ. 1861—1871 г. Спб 1872 ц. 3 р

Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Спб. изд. 2-е, ц. 1 р. 50 к.

Ядринцевъ. Сибирь какъ колонія. Спб. 1882 г ц. 3 р

Энгельгардтъ. Изъ деревни; 11 писемъ 1872—1882 гг. Спб 1885 г ц. 2 р. 50 к

Кавелинъ. Крестьянскій вопросъ. Изслѣдованіе о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла, причинахъ его упадка и мѣрахъ къ поднятію сельскаго хозяйства и быта поселянъ. Спб 1882 г ц. 1 р

Васильчиковъ, А. Кн. Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. 2 т. Спб. 1881 г. изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.

Посниковъ. Общинное землевладѣніе. Вып. I. Одесса. 1878 г. ц. 1 р. 75 к. Вып. II. Од. 1877 г. ц. 2 р. 50 к.

Орловъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія въ московской губерніи. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по московской губ. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Томъ IV. Вып. I. М. 1879 г.

Приклонскій. Народная жизнь на Сѣверѣ. М. 1884 г. ц. 2 р.

Пругавинъ. В. Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей. М. 1888 г. ц. 1 р. 50 к.

Харузинъ. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. Матеріалы для обычнаго права. Вып. I. М. 1885 г. ц. 2 р.

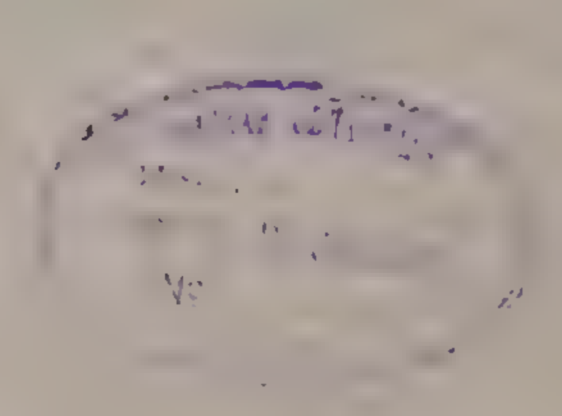
Щербина. Ѳ. А. Очерки южнорусскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ. Од. 1883 г. ц. 2 р.

В. В. Судьбы капитализма въ Россіи. Спб. 1882 г. ц. 1 р. 50 к.

В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886 г. ц. 1 р. 50 к.

Уманьскій. Очерки золотопромышленности въ Енисейской тайгѣ. Спб. 1888 г. ц. 1 р.

Юзовъ. Русскіе диссиденты, старовѣры и духовные христіане. Спб. 1881 г. ц. 1 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 14 Апрѣля 18[illegible]8 г.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Больш. Подъяческая, № 39

